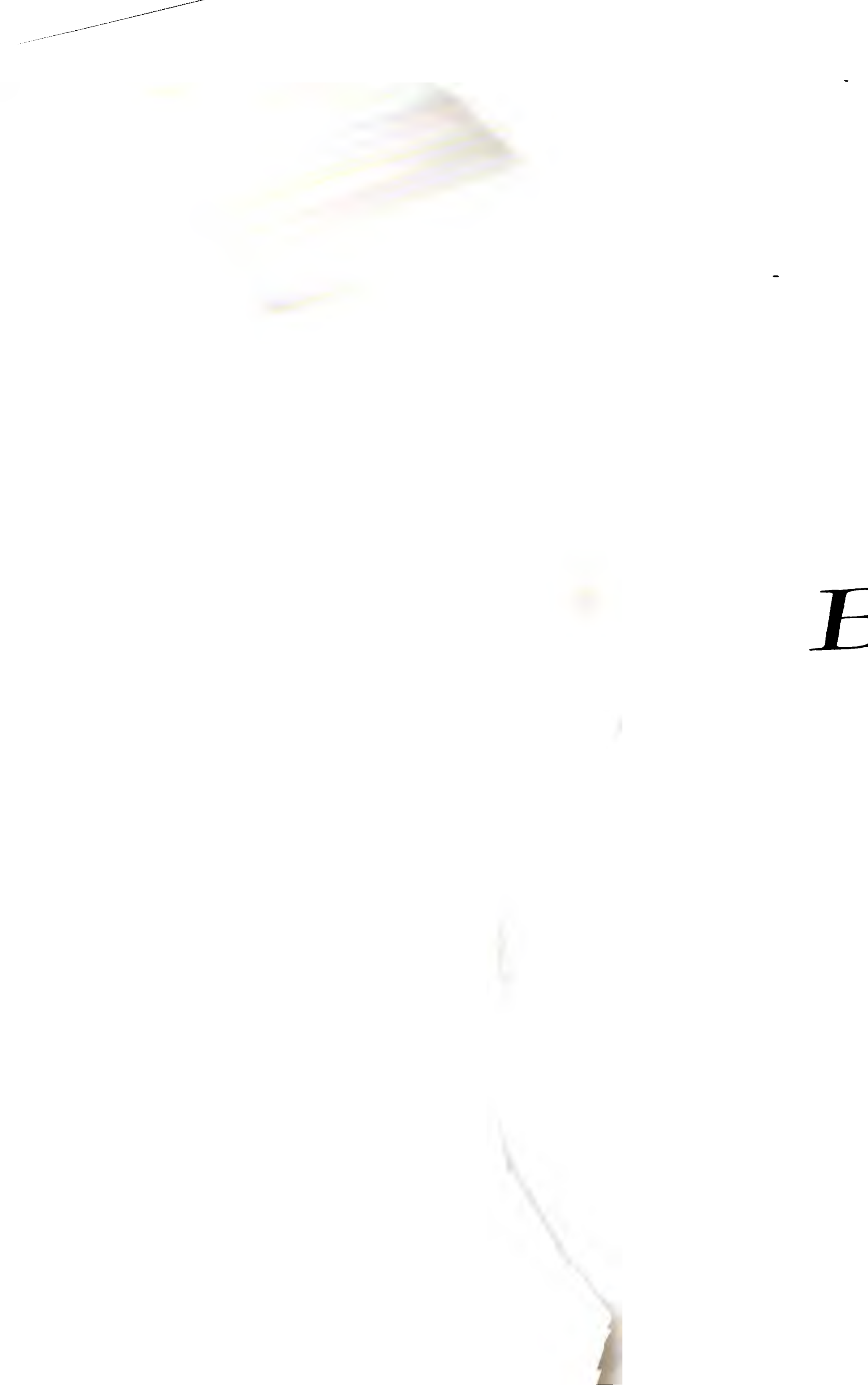

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

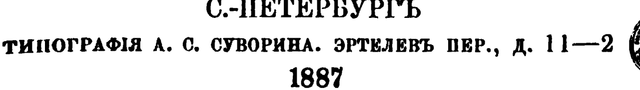
ТОМЪ XXVIII

1887

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

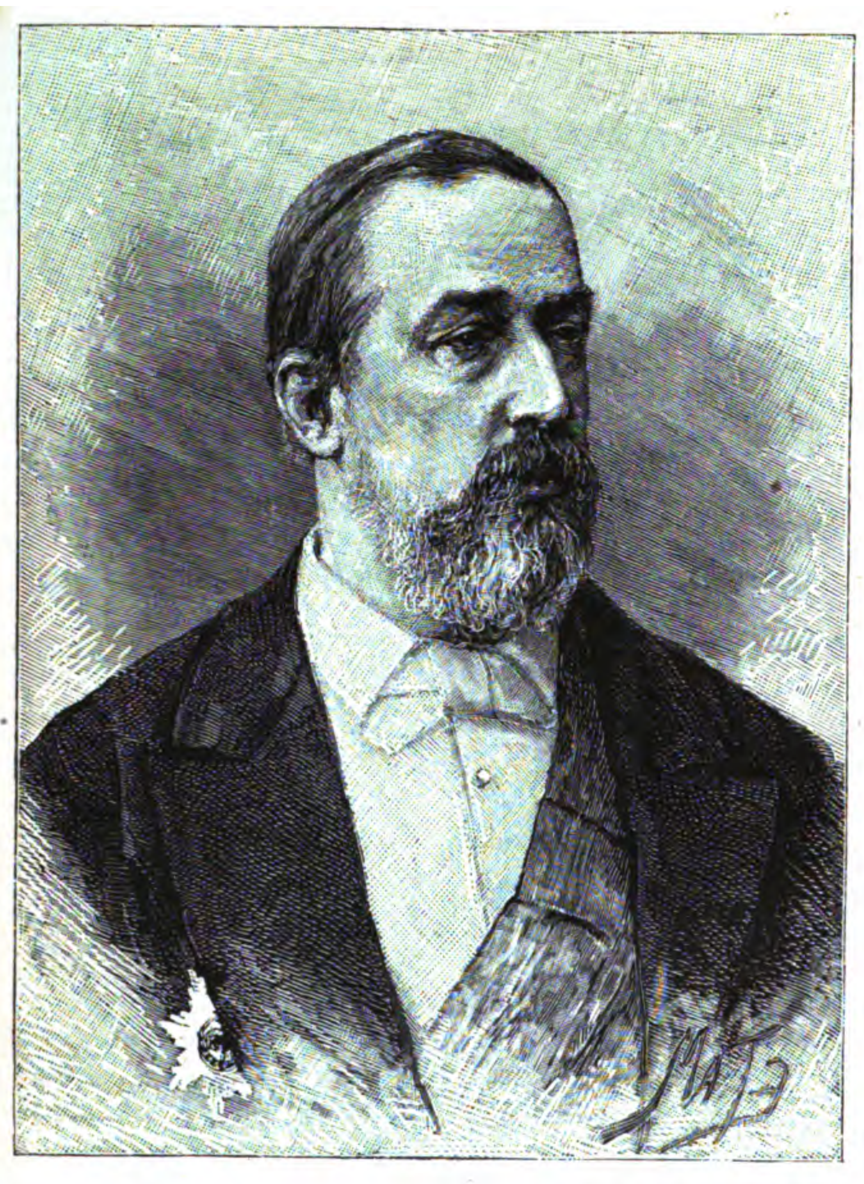
1887

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАГО ТОМА.

(АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

неалогическихъ данныхъ въ смыслѣ пособія для русской археологіи. Дмитрія Кобеко. Спб. 1887. **С. Ш.**—Отношенія ислама къ наукѣ и къ иновѣрцамъ. С.-петербургскаго мухамеданскаго ахуна Имама Мударриса Атаулла Баязидова. Спб. 1887. **П. К.**—А. В. Романовичъ-Славатинскій. Система русскаго государственнаго права въ его историко-догматическомъ развитіи сравнительно съ государственнымъ правомъ Западной Европы. Ч. I. Основные государственные законы. Кіевъ. 1886. **Б. Г—скаго.**—Ѳ. Успенскій. Какъ возникъ и развивался въ Россіи восточный вопросъ. Изданіе с.-петербургскаго славянскаго благотворительнаго Общества. Спб. 1887. **Е. П.**—Пушкинъ какъ европейскій поэтъ. А. Кирпичникова. Одесса. 1887. **П. П.**—В. Поповъ. Симеонъ Полоцкій какъ проповѣдникъ. М. 1886. **И. Ш.**—Русскій таможенный тарифъ и его недостатки по отношенію къ различнымъ хлопчато-бумажнымъ товарамъ. А. Макарова. Москва. 1887. **П. У.**—«Донъ», ежемѣсячный историко-литературный иллюстрированный журналъ. № 1, январь. Новочеркасскъ. 1887. **П. П.**—Павелъ Григорьевичъ Демидовъ и и исторія основаннаго имъ въ Ярославлѣ училища. (1803—1886). Составилъ К. Головщиковъ. Ярославль. 1887. **П. П.**—Георгъ Веберъ. Всеобщая исторія. Переводъ со втораго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи спеціалистовъ. Томъ пятый. Переводъ Андреева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1887. **А. К.**—Минусинскій мѣстный публичный музей. Древности Минусинскаго музея. Памятники металлическихъ эпохъ. (Съ атласомъ). Составилъ Д. Клеменцъ. Изд. Ин. Кузнецова. Томскъ. 1886. **П. П.**—Описаніе рукописей Ростовскаго музея церковныхъ древностей. Составилъ А. А. Титовъ. Ярославль. 1886. **П. У.**—Саратовская ученая архивная коммиссія. Общее собраніе членовъ коммиссіи 12-го декабря 1886 года. Саратовъ. 1887. Тамбовская губернская ученая архивная коммиссія. Журналъ общаго собранія членовъ тамбовской губернской ученой архивной коммиссіи, 2-го октября 1886 года. Тамбовъ. 1887. **П. Л. В.**—Петръ Устимовичъ. Память 29-го января 1837 года. Кончина Александра Сергѣевича Пушкина. Варшава. 1887. **П. П.**—Историческое извѣстіе о Верхне-Курмоярской станицѣ, 1818 года, Евлампія Котельникова. Новочеркасскъ. 1886. **А. Б.**—А. С. Пушкинъ въ его изрѣченіяхъ и характеристикахъ (въ память пятидесятилѣтія). Составилъ А. Н. Сальниковъ. Спб. 1887. **П. П.**—Kwartalnik historyczny. Organ Towarzystwa historycznego pod redakcya Ksawerego Liskego. Rocznik I. Zeszyt 1 i 2. We Lwovie. 1887. **Н. С. К.**—К. Я. Гротъ. Лондонскія замѣтки. Славянскія рукописи Британскаго музея. Славистика въ Англіи. Варшава. 1887. **Е. П.**—Императоръ Александръ I и идея Священнаго союза. Профессора В. К. Надлера. Томы I и II. Рига. 1886. **С. Т.**—Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II. Графа Д. А. Толстаго. Спб. 1887. **А. Б—ина.**—«Нижегородскій лѣтописецъ», работа А. С. Гацискаго. Нижній Новгородъ. 1886. **П. У.**—Св. Григорій Богословъ, какъ хрисіанскій поэтъ. Сочиненіе А. Говорова. Казань. 1886. **С. Т.**—Народная поэзія. Историческіе очерки ординарнаго академика Ѳ. И. Буслаева. Спб. 1887. **П. П.**—Ученые и литературные труды В. Н. Татищева (1686—1750). Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи императорской академіи наукъ, 19-го апрѣля 1886 года, членомъ-кор-

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 27 МАРТА 1887 Г.

ДЕРЕВЕНСКІЙ КОЛДУНЪ.

«Много волхвують жены чародѣйствомъ и отравою, и инѣми бѣсовскими козньми»...

Лѣтопись Нестора.

1.

Богомъ только и живъ русскій мужикъ, — это правда. Но и въ чорта онъ вѣритъ непоколебимой вѣрою. Въ сущности, это не противорѣчитъ ученію его церкви. Но дѣло въ томъ, что мужикъ нашъ создалъ на почвѣ христіанской религіи изъ своихъ старыхъ языческихъ матеріаловъ цѣлый самостоятельный культъ чертовщины. То, что христіанская церковь допускаетъ какъ нѣчто отрицательное и враждебное себѣ, отъ чего она открещивается и защищается огульно, не считая достойнымъ себя входить въ подробныя изслѣдованія, изучать и систематизировать, то нашъ мужикъ давно возвелъ въ своего рода стройную и сложную систему обрядовъ и вѣрованій, опутывающихъ всю его жизнь, съ которыми поэтому ему приходится имѣть дѣло почти также часто, какъ съ своими христіанскими воззрѣніями.

Правду сказать, мужикъ даже и не сознаетъ хорошо, гдѣ кончается одно и начинается другое. Въ его дѣтски-невѣжественномъ представленіи пріемы колдовства самымъ естественнымъ образомъ перепутываются и смѣшиваются съ обрядами церкви, такъ что крестъ и молитва, и восковая свѣча нерѣдко принимаютъ у него

участіе въ такихъ заговорахъ, которые еще насквозь дышутъ воспоминаніемъ древнихъ языческихъ капищъ.

Это и немудрено, если вспомнить, что въ началѣ нашей христіанской исторіи грубыя народныя массы только внѣшнимъ образомъ могли «креститися и облекостися во Христа», и что потомъ втеченіе долгихъ вѣковъ онѣ только замѣняли святыми отцами церкви христіанской свой старый языческій пандемоніумъ, низверженный въ Днѣпръ и Волховъ.

Замѣнивъ Перуна и Дажь-Бога «Ильею Надѣлящимъ», катающимся по облакамъ на колесницѣ, замѣнивъ Власіемъ-угодникомъ Волоса, скотья бога, мужикъ нашъ до сихъ поръ, какъ во дни язычества, оставляетъ некошенную круговинку поля «Ильѣ на бороду»; до сихъ поръ наивно именуетъ Власія—«коровьимъ богомъ», какъ Мамонтія—«овечьимъ богомъ», Савватія—«пчелинымъ богомъ», Фрола и Лавра—«лошадинымъ богомъ».

До сихъ поръ онъ, по завѣту старины, «свиней молитъ» («молить»—постаринному значитъ: «приносить въ жертву»), или «Косорѣцкихъ молитъ» наканунѣ Новаго года, въ честь Василія, епископа Кесарійскаго; «курей молитъ»—1-го іюля и 1-го ноября во дни Косьмы и Демьяна, а «гусей молитъ» — 15-го сентября въ память Никиты-гусятника. Если вдуматься въ смыслъ разныхъ дней календаря народнаго, въ этотъ Сѐменъ-день (1-го сентября, св. Симеона Столпника), когда прекращается посѣвъ сѣмянъ, въ эту Акулину-гречишницу, когда нужно гречиху сѣять, въ какого нибудь Герасима-грачевника, Арину-разсадницу, Леонтія-огуречника, Алёну-лённицу, то, право, невольно приходитъ въ голову, что все это только уцѣлѣвшіе, потерявшіе свой прежній смыслъ обрывки стараго славянскаго многобожія, распредѣлявшаго между большими и мелкими божествами всѣ явленія и предметы человѣческой жизни. Не даромъ до сихъ поръ, по старой тысячелѣтней привычкѣ, когда поднимаютъ святыя иконы изъ церкви для обхода селеній на Святую недѣлю, мужикъ нашъ вспоминаетъ давнія хожденія своихъ боговъ-покровителей и говоритъ простодушно: «Нонче у насъ боговъ поднимаютъ», «у насъ по селу боги ходятъ». Можно удивляться, почему вдругъ у многомилліоннаго русскаго народа съ глубокой старины и по сіе время считается самымъ популярнымъ святымъ изъ всей церкви христіанской, такъ сказать, спеціальнымъ покровителемъ и заступникомъ народа русскаго отъ всѣхъ напастей — Микола-Угодникъ. Святитель греческаго города Миръ Ликійскихъ, Николай, погребенный въ далекомъ латинскомъ городѣ Барѣ, конечно, не выдѣлился бы самъ по себѣ въ народной фантазіи изъ многочисленнаго ряда другихъ святыхъ угодниковъ, изъ которыхъ многіе и дѣйствовали гораздо ближе къ землѣ Русской, и запечатлѣли свою память подвигами, болѣе доступными сочувствію русскаго народа.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Микола-угодникъ, дѣйствующій во множествѣ нашихъ народныхъ сказокъ и повѣрій, не имѣлъ по своему характеру ничего общаго съ историческою личностью святителя, обличавшаго ересь Арія. Микола-угодникъ народныхъ разсказовъ олицетворяетъ въ себѣ идеалъ сметливаго, трудолюбиваго и добраго сердцемъ мужика русскаго, который понимаетъ всю нужду мужицкую, болѣетъ мужицкою болью и радуется мужицкою радостью, и потому-то грудью защищаетъ мужика отъ всякихъ напастей, отмаливаетъ его грѣхи у Бога и не даетъ его чорту въ обиду.

Спросите, напримѣръ, у умнаго старика, отчего это Миколѣ-угоднику два раза въ годъ «престолы празднуютъ?» Онъ сейчасъ разскажетъ вамъ, какъ шелъ Микола по полю съ Касьяномъ угодникомъ; видитъ, мужикъ съ возомъ въ болото свалился.—Давай, поднимемъ!—предлагаетъ Касьяну Микола:—пособимъ мужичку!—Какъ тутъ поднимать!—говорилъ Касьянъ:—одежда у меня хорошая, всю въ грязь выпачкаю, и возъ того не стòитъ.—Микола подошелъ одинъ и поднялъ. Вотъ и говоритъ ему Богъ:—«За то, что ты къ народу милостивъ, будетъ тебѣ во вѣки служба церковная два раза въ годъ, а тебѣ, Касьянъ-немилосливый, за немилость твою, черезъ четыре года разъ служба будетъ».

Перечтите сказки Аѳанасьева—вездѣ вы встрѣтите любимаго народнагó угодника въ этомъ образѣ дѣловитаго и великодушнаго мужичка, человѣкомъ труда и правды. Когда Варвара моститъ, Микола, заботливый мужикъ-хозяинъ, гвоздитъ. Микола, въ присловіяхъ народнаго календаря, всегда или «съ конемъ», или «съ возомъ», или «съ травой», или «съ кормомъ», съ чѣмъ нибудь такимъ, однимъ словомъ, что составляетъ самое сердце мужицкаго хозяйства.

Откуда жъ взялось все это, этотъ заботливый хозяйственный обликъ, пристегнутый вдругъ русскимъ мужичкомъ ни къ селу, ни къ городу, къ греческому епископу?

А окунитесь въ русскую языческую старину, и вамъ станетъ все ясно. Вслушайтесь въ «Микулинскія пѣсни», чтò поются еще доселѣ на нашемъ заволжскомъ сѣверѣ, когда справляются «братчины-микульщины» въ честь того самаго «оратаюшки Микулы Селяниновича» нашихъ былинъ, въ которомъ народъ обоготворялъ идеалъ своей крестьянствующей силы, своихъ подвиговъ «крестьянства», того могучаго оратаюшки, чтò, по словамъ былинъ,

«Проходитъ въ полѣ вѣкъ за сошкою,
Съ края въ край распахиваетъ землю-матушку,
Напасаетъ хлѣба на всю святую Русь,
Всю земную тягу, въ поту лица,
Носитъ онъ, кормилецъ, на плечахъ мужицкихъ».

Въ старинѣ нашей, до сихъ поръ сохраненной лѣснымъ сѣверомъ, эта «земля-матушка» является не простымъ поэтическимъ

эпитетомъ, а настоящимъ миѳическимъ существомъ, самостоятельнымъ божествомъ своего рода, «матерью-сырою-землею»; и «именины земли» до сихъ поръ празднуются на другой день именинъ сына ея любимаго Микулы Селяниновича, Микулы-теплаго, Микулы-вешняго, «Микулы съ кормомъ».

«Микула свѣтъ, съ милостью,
Приходи къ намъ съ радостью,
Съ великою благостью!
Держимся за сошку,
За кривую ножку...
Мать-сыра-земля добра,
Уроди намъ хлѣба,
Лошадушкамъ овсеца,
Коровушкамъ травки!»

Поютъ до сихъ поръ ночью, наканунѣ «именинъ матери-сырой-земли» (10-го мая) великорусскіе крестьяне. Праздникъ св. Николая угодника 9-го мая совпалъ съ этимъ общенароднымъ воспоминаніемъ свято-русскаго богатыря-пахаря, открывавшимъ собой пору рабочей весны; образъ христіанскаго святителя нечувствительно слился въ дѣтскомъ воображеніи народа съ дорогимъ для всѣхъ и для всѣхъ давно знакомымъ образомъ Микулы-оратая, и изъ этого историческаго сочетанія мало-по-малу создался и выросъ теперешній популярный заступникъ и покровитель земли Русской— Никола Милостивый.

Интересно было бы вообще прослѣдить тщательно съ этой точки зрѣнія генеалогію многихъ религіозныхъ вѣрованій нашего крестьянства. Мы бы уяснили себѣ и непонятную, повидимому, склонность народа почитать пятницу, создавать изъ нея никогда несуществовавшую святую дѣву, противъ чего такъ сильно боролось наше духовенство, и чего оно до сихъ поръ не могло вполнѣ побороть, особенно среди бабьяго населенія, болѣе цѣпко сохраняющаго всякіе старинные обычаи. Мы бы убѣдились тогда, что пятница несомнѣнно была у насъ въ языческое время такимъ же праздничнымъ и священнымъ днемъ отдыха и молитвъ, какъ теперь воскресенье, и что, слѣдовательно, не такъ безсмысленны эти ходячіе разсказы о томъ, какъ ночью, среди работающихъ бабъ, вдругъ появляется сама святая Пятница и разражается надъ ними укоризнами и угрозами за то, что перестаютъ почитать ея день.

«Истыкали вы меня всю своими веретенами,
Опутали вы меня кругомъ своими мотками,
Оглушили своими прялками!»

Жалуется обыкновенно перепуганнымъ бабамъ обиженная святая Пятница.

Отзвучія язычества уцѣлѣли въ жизни нашего народа то въ этихъ безсознательныхъ обычаяхъ, то въ потерявшихъ свой смыслъ деревенскихъ пословицахъ, въ которыхъ нашъ православный мужичекъ даже и не чуетъ теперь ничего языческаго. «Это было давно, еще «за перистаго бога, за рогатыхъ людей»,—говоритъ, напримѣръ, малороссіянинъ. «Перунъ тебя разрази!»—слышится еще иногда, хотя очень рѣдко, въ нашей народной рѣчи, точно также какъ и другая, столь же несомнѣнно языческая пословица: «Маленькій божекъ головку скуситъ, большой богъ ее не приставитъ».

Больше же всего примѣшалось остатковъ язычества къ христіанству въ поминальныхъ обрядахъ, какъ наиболѣе дорогихъ сердцу крестьянина и тѣснѣе связывающихъ его настоящее съ далекими языческими предками.

Что нашъ деревенскій житель до сихъ поръ празднуетъ древнюю языческую тризну по родителямъ, въ этомъ не станетъ сомнѣваться никто, знающій нашу деревню. Когда бабы обметаютъ могилки цвѣтами и травкой,—это они «родителямъ душеньки прочищаютъ». Когда они приносятъ на могилки блины и яйца, это они «подкармливаютъ родительскія душеньки». Хорошіе хозяева до сихъ поръ соблюдаютъ древній обычай ставить въ гробъ покойнику стклянку съ водочкой, «чтобы было ему чѣмъ душеньку промочить». Я самъ видалъ, какъ мужички, копавшіе свѣжую могилку въ тѣсномъ старинномъ погостѣ, наткнулись вдругъ на полуштофикъ водки, уцѣлѣвшій среди истлѣвшаго гроба, и съ наслажденьемъ тянули эту нежданную негаданную благодать, безъ всякой брезгливости засовывая въ ротъ грязное горлышко стклянки...

— Ну, да и водка жъ, братцы! какъ огонь палитъ!.. расхваливалъ эту своеобразную «стару-вудку» счастливецъ-копачъ, апетитно облизываясь и утираясь рукавомъ. Во многихъ мѣстахъ Россіи, особенно на заволжскомъ сѣверѣ, вино, выпиваемое въ память покойника на сорокоустахъ, такъ-таки и называется «тризною».

Отзвучіе языческой тризны замѣтно и въ до сихъ поръ соблюдаемомъ обычаѣ во многихъ помѣщичьихъ и купеческихъ семействахъ, когда на похоронномъ обѣдѣ каждому священнику подаютъ на особомъ подносѣ три бокала разноцвѣтнаго вина бѣлаго, краснаго и коричневаго, чтобы выпилъ за упокой души умершаго. Въ нашей мѣстности, во всѣхъ окрестныхъ деревняхъ, но строже всего въ саянскихъ селеньяхъ, соблюдается обычай подъ крещенье «грѣть ножки родителямъ». Рано-ранехонько, далеко до зари, сгребаютъ солому съ своихъ постелей и зажигаютъ кучкою на дворахъ, посыпая ладономъ, читая молитвы, потомъ пекутъ блины и ѣдятъ въ память родителей.

Нѣтъ сомнѣнія, что къ этому языческому культу предковъ относится и обычай крестьянъ «домоваго кормить»; домовой— это, разумѣется, забытый родоначальникъ, старый глава и корень всего дома, продолжающій хлопотать о немъ изъ-за могилы. Оттого-то и величается онъ «хозяиномъ», оттого-то «взлюбливаетъ» и «невзлюбливаетъ» онъ скотинку, терпитъ одну масть, не терпитъ другой, что̀ «не ко двору». Въ нашихъ деревняхъ вы до сихъ поръ можете услышать отъ самыхъ дѣльныхъ хозяевъ серьёзныя разсужденія о томъ, что какихъ нибудь гнѣдыхъ или сѣрыхъ покупать ему нельзя, потому что «масть не ко двору», «хозяинъ ее не держитъ».

И никому въ голову не приходитъ хоть на волосъ усомниться въ этомъ фактѣ, столь же для всѣхъ очевидномъ, какъ и всякое другое практическое наблюденіе сельскаго хозяина.

Домовой сердится и радуется, бываетъ веселъ и скученъ, обижается, если его забываютъ. Оттого-то и необходимо въ свое время въ установленные дни ставить ему подъ застрѣху особое кушанье. Домовые, какъ истые «хозяева», входятъ во всѣ интересы двора, заплетаютъ гривы и хвосты любимымъ лошадкамъ, бьютъ и взмыливаютъ нелюбимыхъ, а нерѣдко обижаютъ въ пользу «своего» двора, въ пользу «своей» скотинки,—скотину сосѣда. Разумѣется, сосѣдній домовой тоже не захочетъ выдать чужому своей скотинки, и тогда начинается между домовыми ожесточенное побоище. Какой изъ нихъ осилилъ, тотъ и таскаетъ каждую ночь кормъ изъ чужихъ яслей, отъ чужой скотинки, къ своимъ роднымъ лошадкамъ или коровкамъ. Эти гладкіе, сытые становятся, а у сосѣда не вѣсть съ чего хирѣютъ да худѣютъ, хотя ясли полнымъ полно̀ съ вечера насыпаются. Опознать это дѣло, пособить ему, можетъ только колдунъ, знахарь. Въ его силу вѣритъ не одинъ мужикъ, а почти всѣ деревенскіе жители, вѣрятъ даже сами священники. На моихъ глазахъ у деревенскаго священника продѣлывалъ свои штуки знахарь, за которымъ вся далекая окрестность признавала несомнѣнную силу отгонять чужаго домоваго. Лошади у священника дѣйствительно съ тѣла совсѣмъ сбились, а ужъ у него на что кормъ, на что покой лошади! Бился, бился священникъ, и то, и это, пробовалъ, ничего не помогало.

Вотъ и шепнули ему мужички:

— Да ты бы, батька, за Ѳедосѣемъ-бабкою въ Смирны послалъ... Тотъ живымъ духомъ тебя развяжетъ... И послалъ священника. Бабка-Ѳедосѣй точно пришелъ, потребовалъ борону, просидѣлъ подъ бороною безъ креста на шеѣ двѣ ночи сряду до самыхъ пѣтуховъ и все дѣло какъ на ладонкѣ раскрылъ... Чужой домовой каждую ночь поповскаго домоваго треплетъ; сцѣпятся какъ коты, грызутся, шмякаютъ другъ друга, ажъ издали смотрѣть страшно. Коли бъ не борона, что̀ вся изъ крестовъ связана, пропала бы и его душенька!

Да онъ нарочно съ собой кобеля молодаго захватилъ, какъ сунулись къ нему, онъ имъ въ зубы щенка изъ-подъ бороны и выкинулъ на разживу, чтобы отстали... А чужой «хозяинъ» одолѣваетъ, потому что священникъ своего обижаетъ, не подкармливаетъ, силами онъ отощалъ, оттого-то чужой весь кормъ и тащитъ на свой дворъ изъ яслей поповскихъ, отъ поповскихъ лошадокъ. Бабка-Ѳедосѣй, конечно, сейчасъ же кашку какую надобно сварилъ, подъ пелену сарая поставилъ, отчиталъ что нужно, а въ притолкахъ сарая 3 щели пробуравилъ: наверху одну, направо, налѣво по одной, насыпалъ туда «разстрѣлъ-травы», и завощилъ воскомъ. А ужъ мимо «разстрѣла-травы» не только домовой, самъ змѣй огненный пройдти не можетъ.

2.

Этотъ бабка-Ѳедосѣй, эти колдуны и знахари—также обыкновенны, также необходимы, почти обязательны, въ нашей черноземной деревнѣ, какъ сельскіе старосты, десятскіе, цѣловальники. Это чуть не оффиціальная должность своего рода, почетное и выгодное ремесло, безъ котораго наша деревня точно также не можетъ обходиться, какъ не обходится безъ попа и дьячка. Зовутъ ихъ разно, рѣдко колдуномъ, больше бабкою, хотя бы у этой «бабки» борода была больше хлѣбной лопаты и плеча въ добрую дубовую ось. «Бабка» всегда въ работѣ, всегда въ спросѣ. Для него, какъ для попа, нѣтъ неурожая. Самая плохенькая изъ бабокъ всегда сыта пирогами и въ будень, и въ праздникъ «малинкой попахиваетъ». А это ли еще не житье, въ глазахъ мужика! Не только мужички и простыя бабы, захудалые дворянчики охотно берутся за это прибыльное дѣло. У рѣдкаго уѣзднаго доктора побываетъ столько посѣтителей то утромъ, то вечеркомъ, какъ у порядочной бабки. И самъ-то бабка изъ повозки почти не выходитъ; то въ одно, то въ другое мѣсто его везутъ, и вездѣ онъ первый гость, вездѣ ему лакомый кусокъ.

Кто не знаетъ близко жизни деревни, представить себѣ не можетъ какую важную роль играетъ «бабка» или колдунъ, не только въ семейныхъ, но и въ хозяйственныхъ дѣлахъ нашего мужика. Въ немъ на каждомъ шагу нужда. У него гадаютъ, кто лошадь свелъ, его тащутъ свиней отъ червя заговаривать, корову отъ чумы вылѣчить, покусанныхъ бѣшеной собакой отчитать, заговорить у больнаго кровь или зубы, снять порчу съ человѣка, ребенка съ глазу умыть, приворожить парня къ дѣвкѣ или дѣвку къ парню...

Бабка все это знаетъ, «все это можетъ», точно также какъ кузнецъ можетъ вамъ сейчасъ и гвоздь, и подкову сковать и ши-

ной колесо обтянуть. Это тоже мастеръ своего рода, спеціалистъ, твердо вѣрующій въ силу свою и свою необходимость.

Хорошій бабка, кромѣ наговоровъ, знаетъ много врачебныхъ средствъ, умѣетъ во время заготовлять ихъ. У него найдутся всякія травки и корни, и разстрѣлъ-трава, и егорьевская водица, и крещенская. «Разстрѣлъ-трава» — всѣмъ травамъ голова. Изъ лица она на макъ похожа, а собираютъ ее по ночамъ, отъ дорогъ подальше. Найдти ее рѣдко кто можетъ, потому что она безъ головки, головка какъ расцвѣтетъ, такъ и завянетъ, только рогулечка сухая остается.

Изъ-за этой травы весь споръ между «нимъ», проклятымъ, и Богомъ пошелъ. Богъ говоритъ: «Сотворю человѣку траву, чтобы отъ тебя борониться», а «тотъ» говоритъ: «А я ей голову сожгу». А Господь сказалъ: «Такъ я ей корень громами прострѣлю, чтобы человѣкъ её вездѣ распозналь». Съ того-то у нея корень словно насквозь прострѣленный, съ того она и «разстрѣломъ» называется. Егорьевская водица тоже важная статья деревенской аптеки. Каждый порядочный бабка непремѣнно припасетъ кувшинчикъ егорьевской воды и немало выручитъ за нее. Съ егорьевской воды волкъ овцы не трогаетъ. На Егорья Великаго (23 апрѣля) необходимо до зари собрать росу или иней съ травы. Оттого-то и выпускаютъ скотъ въ первый разъ на траву на Егорьевъ день непремѣнно до солнца, чтобы можно было росы схватить. Въ это время во всѣ рѣчки и колодцы мужики гонятъ поить овецъ и коровъ хоть разъ глотнуть до солнышка. Напилась овца хоть разъ Егорьевской водицы,—волкъ уже не можетъ тронуть. Бываетъ, иной дворишка совсѣмъ разгороженъ, да волкъ не трогаетъ, а другой отлично заплетенъ и смазанъ, да волкъ разломаетъ плетень, порѣжетъ овецъ,—стало быть, эти не пили егорьевской водицы, а тѣ пили. «Волки ѣдятъ только обрѣченное, что имъ Егорій даётъ,—объяснилъ мнѣ по этому поводу сосѣдній бабка:— стало, ужъ имъ гластится—что̀ ихнее; безъ того не тронутъ. Иное время у богатаго не тронутъ, а у бѣднаго послѣднее съѣдятъ. Почему такъ отъ Бога, кто знаетъ! на спасенье, что ли, али за грѣхъ какой; всякой скотинѣ и птицѣ — пастыри отъ Бога положены, Егорій—тотъ волкамъ пастырь».

Какъ-то надняхъ заѣзжаю я къ одному сосѣду помѣщику. У него земскій ветеринаръ. Оказывается, что чужая бѣшеная корова забѣжала и перенюхала все стадо. Ветеринаръ пространно толкуетъ въ кабинетѣ объ инфекціонныхъ болѣзняхъ, а на томъ же дворѣ, безъ вѣдома хозяина, не обращая ни малѣйшаго вниманія на присутствіе врача, мужики и бабы давно уже толпятся вокругъ знахаря, который съ важнымъ видомъ жреца, совершающаго жертвоприношеніе, разводитъ костеръ съ молитвами скотью Богу и разжигаетъ на немъ до красна привезенный съ собою заговор-

вый серпъ, чтобы выжечь имъ красное пятно на лбу каждой скотины, нашептывая приличныя случàю заклятія. Помѣтилъ серпомъ всю скотину, потомъ стали люди подходить. Всѣмъ сплошь, отъ стараго до малаго, прижогъ колдунъ лбы тѣмъ же волшебнымъ серпомъ, только не нàголо, а сквозь повязку изъ хлѣбнаго тѣста... И всѣ тѣснились къ нему, проникнутые страхомъ и вѣрою, словно боясь упустить свою очередь, съ такою же благоговѣйною торопливостью, съ какою подходятъ въ церкви къ причастію. Не случилось одного работника дома, пріѣхалъ, узналъ, что всѣ, кромѣ него, отчитались у колдуна, даже заплакалъ отъ горя, выпросился у хозяина, поѣхалъ за 10 верстъ къ бабкѣ на домъ, заплатилъ особо, чтобы только и ему какъ людямъ не пропасть занапрасно.

Тоже и при падежахъ скота: чумные комисары, санитарные комитеты и фельдшера, не успѣваютъ выѣхать изъ села, прописавъ населенью всякія научныя мѣры борьбы противъ эпизоотіи, которыхъ населеніе и знать не хочетъ, — а бабы уже тащатъ знахаря, который закапываетъ поперекъ подворотни палую скотину, головой во дворъ, надѣваетъ на ногу издохшему быку большой замокъ и забрасываетъ отъ него ключъ съ подходящими причитаньями подальше въ воду, чтобы павшій быкъ не ходилъ по ночамъ на свой дворъ и не заражалъ чумой своихъ коровушекъ... А къ полуночи ужъ и цѣлая процессія готова — село «опахивать», «коровью смерть выгонять», — 9 дѣвокъ, 3 вдовы, 3 замужнія жены, всѣ бѣлыя, въ однѣхъ бѣлыхъ рубашкахъ, съ распущенными волосами, съ горячими сковородами, съ косами, дегтярницами, съ старой вѣдьмой, запряженной въ соху... Что ни случись, за что ни взяться, — безъ колдуна шагу не ступишь. Строиться ли вздумалъ человѣкъ, мельницу ли хочетъ пустить, хозяйствомъ ли обзаводиться, — необходимо колдуна звать. Колдунъ мѣсто настоящее укажетъ, гдѣ строиться можно, колдунъ скажетъ, на какую скотину зарокъ дать.

Помню, еще давнымъ давно, во дни моего младенчества, одинъ изъ моихъ дядей, переходя на новую усадьбу, пригласилъ знаменитаго у насъ колдуна Степана Андреевича выбрать ему счастливое мѣстечко для дома. Долго ходилъ и выбиралъ Степанъ Андреевичъ, сопровождаемый издали благоговѣйными взорами ожидавшей публики, и наконецъ указалъ мѣсто.

— Только вотъ что, сударь, — объявилъ онъ дядѣ: — одной какой нибудь скотинки ты ужъ не води, зарокъ дай. Безъ этого нельзя. Тогда во всемъ остальномъ у тебя полная чаша будетъ.

Дядя выбралъ въ жертву свиней, и ужъ дѣйствительно съ тѣхъ поръ никогда не держалъ ихъ.

Такимъ образомъ безсознательно приносится жертва какому-то невѣдомому Богу, покровителю хозяйства. Несомнѣнно, что это выродившіеся остатки кровавыхъ жертвъ прежнимъ языческимъ богамъ, которые соглашались помогать человѣку въ его дѣлахъ не

иначе, какъ получая отъ него, въ свою очередь, какую нибудь выгоду для себя. Въ этомъ же, конечно, коренится и глубоко распространенное въ народѣ убѣжденіе, что всякая новая постройка закладывается «на чью нибудь голову».

Стоитъ выстроить церковь, домъ, чтобы сейчасъ же кто нибудь умеръ. Разсказовъ объ этомъ безчисленное множество, и событія дѣйствительно очень часто даютъ случайное оправданіе этому древнему вѣрованію въ неизбѣжность кровавой расплаты съ богами за всякую ихъ помощь.

Мужика вы ни за что не разубѣдите, что каждое новоселье должно обмыться чьею нибудь кровью. Даже когда устанавливается новая снасть на мельницѣ, опытный мельникъ знаетъ твердо, что безъ крови не обойдешься, и никогда не станетъ засыпать первый на новый камень.

— Что же ты только на 2-хъ камняхъ работаешь, а 3-й гуляетъ?—спросилъ какъ-то своего мельника одинъ мой сосѣдъ.—Напрасно только людей задерживаешь...

— Чего спѣшить-то!—съ неудовольствіемъ отвѣтилъ мельникъ.—Снасть-то вѣдь новая. Мнѣ тоже себя жалко...

Сосѣдъ мой не понялъ сразу этого страннаго возраженія, но старые хозяева-однодворцы, бывшіе въ числѣ завозчиковъ, тотчасъ же подошли и заступились за мельника.

— Макаръ Ѳедоровичъ хорошій человѣкъ, нужный! Вы его, баринъ, не невольте, жалко его!.. Безъ него на это выищется, кому суждено... заговорили всѣ въ одинъ голосъ.

Никто изъ нихъ тоже не засыпалъ на новый камень, всѣ обходили его какъ опаснаго врага и всѣ были полны какого-то настойчиваго ожиданія.

Вдругъ видятъ, ѣдетъ по плотинѣ мужиченко съ возомъ, сразу угадать, глупый, необстрѣленный, «дѣловъ настоящихъ не знаетъ». Всѣ будто по сговору, и Макаръ мельникъ, и завозчики, притихли и съ безмолвнымъ любопытствомъ слѣдятъ за подъѣхавшимъ.

— Онъ самый и есть!—думаетъ каждый про себя, словно его-то именно, этого глупаго мужиченка, и ждали всѣ. А его словно подталкиваетъ кто, торопится, лотошитъ, зачерпнулъ мѣркой въ возу, прямо на новую засыпалъ. Народъ все стоитъ молча, ждетъ, что будетъ. Бросился мужиченко внизъ колесо пустить, хвать за шестерню,—а колесо за ночь ужъ налилось водою, какъ двинетъ разомъ, такъ всю мельницу и вспрыснуло кровью, осталась рука въ шестернѣ...

— Ну, теперь можно засыпать,—спокойно сказалъ Макаръ, словно у него гора съ плечъ свалилась. Мужиченка повезли въ городъ, въ больницу, а старые однодворцы съ дѣловымъ видомъ взялись за мѣрки и стали засыпать на новую снасть...

Жертва языческому Богу была принесена.

Бывшіе мои крестьяне нѣсколько лѣтъ тому назадъ переселились на новое жительство. Въ тотъ же годъ у нихъ попадалъ весь скотъ отъ чумы.

— Съ чего это къ вамъ чума зашла?—спрашивалъ я ихъ.—Вѣрно съ ярмарки больную корову пригнали. А отъ вашихъ и мои пропали!

— Какой съ ярмарки!—отвѣтили мнѣ старики.—Ужъ этого не миновать было. На новое мѣсто сѣли, чьей нибудь головѣ отвѣчать, хорошо еще, что смиловался Господь, скотинкой разсчитался, а насъ помиловалъ. Вотъ вѣдь и у васъ, баринъ, нешто думаете, отъ нашей скотина попадала? это оттого, что скотный дворъ у васъ новый!—Возражать на это было нечего: скотный дворъ, гдѣ погибло отъ чумы мое стадо, дѣйствительно былъ только-что отстроенъ.

Кровавая жертва, которая приносилась морю и рѣкамъ нашими удальцами-предками, выступавшими въ далекіе походы, которую съ такимъ трагическимъ эффектомъ совершилъ Стенька Разинъ надъ своей любовницей-персіянкой въ глазахъ цѣлой разбойничьей ватаги своей, бросивъ ее своими руками въ пучины Волги,—все это отрывочные слѣды одного и того же языческаго культа.

Колдуна, «бабку», призываютъ затѣмъ, чтобы онъ перевелъ въ этихъ случаяхъ бѣду съ головы хозяина на чью нибудь другую голову: съ людей на скотъ, съ скота на птицу, даже на прусака, на таракана, точно также какъ переводитъ онъ на нихъ разныя человѣческія болѣзни. Чаще всего «бабка» занимается только хорошими дѣлами, лѣчитъ, заговариваетъ, снимаетъ порчи,—дѣлаетъ все это съ молитвою, на добро людямъ. Но есть знахари другаго рода, которыхъ собственно и называютъ «колдунами», которые знаются съ чертовщиной и дѣлаютъ надъ людьми всякія пакости.

«Онъ всю метелицу знаетъ!»—говорятъ мужики про такого опаснаго колдуна.

Эти-то колдуны и колдуньи «скрадываютъ плодородіе» молодыхъ бабъ, завязывая въ узлы суровой нитки все будущее дѣтское поколѣніе.

«Старуха одна Мелехинская у Мареушки моей покойной дѣтей скрала,—жаловалась мнѣ какъ-то хозяйка постоялаго двора.—Была у нея на свадьбѣ, а зло имѣла. Вынесли утромъ простыню, она только уголкомъ глянула. Домой пришла, взяла суровую нитку и завязала узлы. Съ тѣхъ поръ Мареушка ни одного не рожала. Какъ стала Мареушка помирать, нужно было ей нитку назадъ отдать. Пришла старая къ ней, на колѣнкахъ проситъ, возьми нитку назадъ, все равно помираешь, не оставляй на мнѣ. Ну, та не взяла: нѣтъ, говоритъ, коли ужъ сдѣлала ты надо мною, такъ пусть на твоей душѣ и остается. Она возьми да и брось нитку въ печь. Изъ печи какъ закричали дѣтскими голосами, ажъ ужасть всѣхъ взяла».

Эти же вредные колдуны «заломъ ломаютъ», спорость изъ хлѣба вынимаютъ. На нихъ, впрочемъ, есть управа. Иной самъ зла дѣлать не можетъ, а колдуна злаго можетъ одолѣть. Призываютъ такого «бабку», онъ возьметъ заломъ да въ сараѣ черезъ переметъ начнетъ его съ заговорами разными перекидывать. «Бываетъ такая сила у бабки, что тотъ колдунъ, чтò заломъ заломилъ, самъ къ хозяину въ домъ приходитъ, повалится, въ ноги станетъ кланяться, чтобы простилъ, ослобонилъ душеньку. Тяжко ужъ ему очень, не въ моготу станетъ отъ заклятій бабки». Заломъ заламываютъ не съ одной злобы, а изъ корысти тоже.

— Былъ у насъ старичекъ въ нижней Гуровой,—разсказывалъ мнѣ мужикъ:—«тоже» «зналъ» кое-что. Бывало, заломаетъ заломъ у сосѣда, чтò побогаче, хлѣбъ, самъ и ползетъ къ нему въ амбаръ. Безъ выгребу закромы были полны. Вотъ сталъ онъ помирать, посылаетъ работника, чтò жилъ у него давно, заломъ на полѣ сдѣлать. Не захотѣлъ работникъ грѣшить, взялъ да, вмѣсто ржи, кустъ дубовый и заломалъ. Смотритъ народъ, а къ старику въ амбаръ со всѣхъ сторонъ листъ дубовый лѣзетъ, весь амбаръ завалило». Такъ крѣпка вѣра народа въ силу этого колдовскаго «залома».

3.

Къ знахарямъ и «бабкамъ» прибѣгаетъ народъ больше всего ради защиты отъ злаго колдовства. Въ деревнѣ только и слышишь что о порчахъ да приворотахъ, особенно среди бабья. Задумала баба выдать дочь слишкомъ веселыхъ привычекъ за простоватаго малаго, сейчасъ знахарку къ себѣ въ домъ, недѣли двѣ съ ней шепчется и возится, то одно, то другое тайкомъ готовитъ— обвести недогадливаго будущаго муженька, чтобы души въ женѣ не чаялъ и не вѣрилъ никакимъ наговорамъ. Чего-чего не подсыпятъ, не подсунутъ ради этого бѣднягѣ! Доревенскія полюбовницы особенно хитры и охочи на такія дѣла. Не хочется имъ выпустить изъ рукъ случайнаго дружка, вотъ и начинаютъ его опаивать всякими мерзостями по наукѣ знахарокъ; иногда такіе привороты кончаются вовсе не шуткой. Начинаетъ болѣть и сохнуть милый дружокъ. А всего чаще беретъ сухота молодую жену, которую отваживаетъ отъ мужа тайными зельями бывшая полюбовница. Тутъ сплошь да рядомъ явная уголовщина. Мнѣ лично приходилось часто видѣть разоблаченья этихъ приворотовъ. На моихъ глазахъ ловили знахарокъ, подсыпавшихъ въ хлѣбъ какіе-то таинственные порошки, на моихъ глазахъ распарывали подушки, въ которыхъ были зашиты разныя колдовскія вещицы, кусочки гроба, волоса, нитки въ узелкахъ, зерна и всякая всячина. Одинъ мой знакомый изъ холостяковъ, здоровенный малый, сталъ вдругъ хилѣть

и скучать безъ всякой причины, и, когда ему по секрету сообщили, что надъ нимъ упражняетъ свое колдовство, жившая у него въ прислугѣ, дѣвушка, онъ подстерегъ ее и накрылъ на мѣстѣ преступленія. Оказалось, что ревнивая дѣвица каждое утро угощала своего барина въ кофеѣ такими невообразимыми колдовскими приправами, отъ которыхъ немудрено было заболѣть хоть кому. Месть и злоба играетъ въ этихъ случаяхъ большую роль, и оскорбленное чувство покинутой женщины чаще всего прибѣгаетъ къ помощи колдовства. Доѣзжаютъ другъ друга колдовствомъ и поссорившіяся хозяйки, и завидующій богатому сосѣду сосѣдъ. То такъ сдѣлаетъ, что корова безъ молока, то кобыла безъ жеребятъ.

Вотъ и приходится мужичку обороняться волей не волей отъ колдовства колдовствомъ. Ѣдетъ, кланяется «бабкѣ», везетъ гостинцы.

Иные знахари пріобрѣтаютъ громадную славу, и ихъ возятъ за сто, за двѣсти верстъ. Они, однако, никогда не требуютъ платы сами, а всегда берутъ то, что даетъ человѣкъ, а не дастъ ничего,— слова не скажутъ. Это ихъ коренной законъ, заповѣдь, которую они не смѣютъ переступить. Никогда не остаются безъ хорошаго дохода, а вмѣстѣ съ тѣмъ это безкорыстіе и великодушіе ихъ еще больше укрѣпляетъ среди народа вѣру въ ихъ силу. Исторія знаменитыхъ знахарей почти всегда полна таинственности. Вотъ что, напримѣръ, разсказывала мнѣ про себя одна прославленная у насъ знахарка:

«Съ малолѣтства не любили меня въ семьѣ, сиротой я по матери осталась. Господь вступился за сироту. Три дня, три ночи лежала я больная, какъ пластъ, не пила, не ѣла, горѣла словно въ огнѣ. Ночью сталъ ко мнѣ приходить старикъ сѣденькій, сталъ учить молитвамъ тайнымъ; за лѣченіе не приказалъ брать задумнаго, а что дадутъ, а бы душѣ на прокормленіе, а остальное въ церковь на свѣчи подавать.

«Съ той поры стала я отъ порчи лѣчить людей, и скотъ, и всякую тварь, и скрытое отъ человѣка угадывать. А лѣчу я молитвами, глядя на святой крестъ да на воду Божью. На водѣ все вижу. Возятъ меня добрые люди и въ Орелъ, и въ Ливны, и въ разныя далекія мѣста; а сила моя чистая, «отъ Бога, а не отъ бѣса».

Такія знахарки съ негодованіемъ относятся къ колдовству, вредному для человѣка, и никогда не позволятъ себѣ прибѣгать ни къ свѣчкамъ изъ человѣческаго жира, ни къ раскапыванію могилъ, ни къ другимъ чернымъ чарамъ. А между тѣмъ, свѣча изъ жира мертваго человѣка — самая обыкновенная вещь въ рукахъ колдуновъ инаго пошиба. Я самъ не видалъ этихъ свѣчей, но такъ часто слышалъ отъ людей, ихъ видавшихъ, что не сомнѣваюсь въ ихъ широкомъ распространеніи.

Судебные процессы подтверждаютъ, впрочемъ, что деревенскіе колдуны раскапываютъ могилы для добыванія человѣческаго жира на эти свѣчи. Онѣ черны на видъ, очевидно, отъ примѣси какихъ нибудь наркотическихъ травъ.

Мертвая свѣча наводитъ на людей мертвый сонъ—это общее убѣжденіе народа. Когда зажжешь въ избѣ мертвую свѣчу, сонныхъ хоть за ноги таскай. Оттого конокрады постоянно разживаются у знахарей этими свѣчами. Это средство еще довольно безобидное, но есть и гораздо ужаснѣе по понятію народа. Самый могучій колдунъ можетъ даже оборотить человѣка въ звѣря. Нужно удивляться, въ какой силѣ еще держится у насъ въ деревняхъ это обычное вѣрованіе среднихъ вѣковъ въ оборотней. И въ древней Руси, и въ Германіи, и во Франціи довольно пожгли на кострахъ и самихъ оборотней этихъ, и тѣхъ, кто своимъ колдовствомъ лишилъ ихъ священнаго образа человѣческаго. Особенно живуча у насъ, особенно широко распространена вѣра въ человѣка-волка.

То, что ученые изслѣдователи давно изчезнувшаго средневѣковаго суевѣрія разумѣли подъ классическимъ именемъ ликантропіи, то продолжаетъ себѣ поживать, подобру-поздорову, среди нашихъ щигровскихъ мужиковъ и бабъ, какъ вполнѣ современное и не противорѣчащее никакому здравому смыслу явленіе народной жизни. Вамъ наскажутъ объ этомъ въ каждой деревнѣ полныя уши, какъ о чемъ-то, всѣмъ хорошо извѣстномъ и никого особенно не удивляющемъ.

Чаще всего почему-то обращенье въ волка случается на свадьбахъ.

Въ сосѣднемъ селѣ, увѣряютъ васъ, еще недавно, цѣлый свадебный поѣздъ колдунъ испортилъ. Всѣ поѣзжане волками по полю разбѣжались, одни лошади домой пришли. «Мужъ опять человѣкомъ сталъ, того пожалѣлъ колдунъ. А Авдотья, жена его, такъ и осталась волчицей. Забѣжала было въ свое село, думала, узнаютъ свои, помогутъ ей, а народъ со страстей вилами убилъ ее. Ободрали шкуру, смотрятъ — это Авдотья, и ожерелье голубое на шеѣ. На мужѣ ея тоже клокъ волчьей шерсти остался».

Одинъ старикъ самъ про себя разсказывалъ.

Увидали люди, какъ онъ въ овинѣ передъ огнемъ трудился, скинувъ рубаху; стали смѣяться: что это, старый, у тебя волчья шерсть на груди? Али съ тобой случалось? Помолчалъ старикъ долго, потомъ и говоритъ:

«Видно, сколько не таи, а покаяться надо. Точно, со мною это случилось, только много годовъ тому назадъ. Подсмѣялся надо мною колдунъ проклятый: золъ былъ на меня, что на свадьбу не позвалъ. Вечеринка свадебная у насъ шла. Я вышелъ на улицу за нуждой. А ночь темная, глазъ выколи. Только съ пьяну-то и вздумай я его-то свиснуть... Только что свиснулъ, а въ темнотѣ какъ

захочетъ... Оторопь меня взяла. Ну, думаю, быть бѣдѣ, а тутъ слышу—словно я, да не я становлюсь. Лѣзетъ изъ меня что-то, понять не могу... Изо рта клыки прутъ, пальцы въ лапу съ когтями крючитъ... А сзади, чую, ужъ хвостъ волочится. Что за дьявольщина!.. Слышу, кобели мои цѣпные какъ по волку завыли... А тутъ сейчасъ со всей деревни псы по улицѣ несутся, прямо на меня. Разорвутъ, думаю, каторжные. Что тутъ дѣлать? Въ избу вернуться? народъ убьетъ. На дворѣ собаки живо шубу обдерутъ. Хочешь не хочешь, пришлось въ поле припуститься, сигаю себѣ да сигаю, будто и въ самомъ дѣлѣ звѣрь. И угнали меня къ звѣрю. Счетъ потерялъ, сколько дней, сколько мѣсяцевъ я со звѣремъ прожилъ, всего досталось, всего натерпѣлся, и въ канавахъ, и въ камышахъ лежалъ, и по задворкамъ крался, гусей на поляхъ грызъ, всю срамоту скотскую на себя принялъ. Только прошла весна, забрался я на ночь на стогъ сѣна, просыпаюсь утромъ, слышу къ заутрени заблаговѣстили. Сталъ вспоминать: никакъ Николы-Великаго нонче праздникъ! Вотъ вдругъ и чувствую я, будто лопается что на мнѣ... Гляжу, и себѣ не вѣрю — шкура-то волчья какъ кафтанъ съ меня слѣзаетъ, а самъ я лежу голъ, будто родился сейчасъ... Только вотъ на груди клочекъ шерсти остался для памяти... Куда голому дѣться... Бреду по полю, и не знаю, какъ въ деревню войдти... Деревня чужая, не знакомая. Только вижу, на гумнѣ старикъ лысый стоитъ, древній старикъ. Воззрился онъ на меня, никому слова не сказалъ, вижу, догадался, идетъ прямо ко мнѣ, подаетъ свитку...

— «Одѣнься,—говоритъ,—да ступай въ избу. Вижу, говоритъ, какой грѣхъ съ тобой приключился. Только ты объ этомъ никому не сказывай... Не къ чему...

«А въ деревню-то я за 200 верстъ отъ дома своего попалъ, въ чужую губернію. Вотъ оно дѣло какое!»

Большая распространенность въ народѣ этихъ разсказовъ о человѣкѣ-волкѣ и ихъ удивительное единообразіе заставляютъ думать, что существуютъ въ природѣ какіе нибудь дѣйствительные факты, дающіе поводъ суевѣрному человѣку въ наши дни, точно также какъ втеченіе цѣлаго ряда прежнихъ вѣковъ, такъ твердо вѣрить въ оборотней. Недавніе опыты знаменитыхъ парижскихъ врачей показали ясно, что при извѣстнаго рода падучей болѣзни люди очень часто воображаютъ себя то звѣрями, то какими нибудь особыми существами, и самымъ искреннимъ образомъ продѣлываютъ всѣ пріемы волковъ, кошекъ и т. п. Немудрено, что такихъ эпилептиковъ настраиваетъ на тему ихъ временнаго помѣшательства какой нибудь дѣйствительно существующій на ихъ тѣлѣ своеобразный признакъ, въ родѣ шерсти, сходной съ волчьей, ко-

торая съ одной стороны дѣлаетъ ихъ предметомъ суевѣрныхъ предположеній и насмѣшекъ невѣжественныхъ людей, а съ другой стороны, быть можетъ, и сама-то произошла, какъ это часто бываетъ, отъ испуга родильницы волкомъ или другимъ звѣремъ и, такимъ образомъ, предрасполагаетъ болѣзненную нервную дѣятельность эпилептическаго организма къ впечатлѣніямъ именно этого характера. Въ Щигровскомъ уѣздѣ, еще на моей памяти, одинъ милліонеръ-помѣщикъ, жившій, впрочемъ, больше по-Плюшкински, чѣмъ по-милліонерски,—провелъ нѣсколько послѣднихъ лѣтъ своей жизни, воображая себя свиньею, бѣгалъ на четвереньках, хрюкалъ, локалъ изъ корыта, подобно тому какъ библейскій царь Новуходоносоръ воображалъ себя быкомъ и пасся на травѣ. Если это явленіе возможно какъ окончательное сумасшествіе, то оно, конечно, возможно какъ временная психическая болѣзнь, и, не изслѣдовавъ хорошо всей тайной аптеки нашихъ колдуновъ, невозможно даже опровергать съ научною основательностью участіе въ этой психической порчѣ средствъ колдовства, которымъ ее приписываетъ народъ.

Гораздо труднѣе объяснить себѣ другія явленія колдовства, которыя также часты среди нашего народа, а фактически еще болѣе подтверждаются наблюденіями людей, даже неспособныхъ вѣрить въ колдовство. Мы говоримъ о повсемѣстно случающихся и всѣмъ хотя по слуху извѣстныхъ фактахъ, когда кирпичи, горшки, лавки, топоры сами собою летятъ въ человѣка. Эти любопытныя явленія неоднократно были разсматриваемы въ нашей литературѣ, но не разъяснены нисколько. Ограничиваться по ихъ поводу насмѣшками надъ суевѣріемъ и надменнымъ голословнымъ отрицаніемъ,—пользы мало. Люди образованные и вовсе не суевѣрные не разъ свидѣтельствовали о дѣйствительности такихъ явленій, отказываясь объяснить ихъ. Извѣстное дѣло этапнаго командира Жалдака въ с. Липцахъ подъ Харьковомъ, производившееся въ правительствующемъ сенатѣ и опубликованное недавно въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, происходило, можно сказать, на глазахъ сотенъ людей и подтверждено присяжными показаніями священниковъ, офицеровъ, полицейскихъ и волостныхъ чиновъ. Я былъ въ это время студентомъ Харьковскаго университета, и сынъ Жалдака былъ моимъ товарищемъ, поэтому мы, студенты, знали всѣ подробности этого дѣла изъ первыхъ рукъ. Извѣстны и такъ называемыя рязанскія исторіи въ домѣ Перова, о которыхъ въ 1881 году подробно писали газеты, и которыя недавно еще передалъ въ статьѣ журнала «Нови» профессоръ Кирпичниковъ. Я слышалъ о такихъ исторіяхъ не разъ и притомъ отъ людей скептическаго образа мыслей, изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Россіи.

Явленья эти, хотя бы и искажаемыя въ передачѣ суевѣрныхъ людей, требуютъ во всякомъ случаѣ такого же строгаго научнаго

разслѣдованія, какъ и спиритическія явленія съ ихъ поднятіемъ столовъ на глазахъ публики, таинственными передвиженіями и исчезновеніями разныхъ предметовъ безъ пособія человѣка... Всѣ разсказы о такихъ проказахъ нечистаго духа, очень часто кончавшихся пожаромъ или разрушеніемъ дома, непремѣнно связаны съ местью или злобою какого нибудь невѣдомаго человѣка и поэтому въ понятіи народа прямо приписываются колдовской силѣ, противъ которой можетъ помочь только та же сила.

4.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно одно, что мужикъ нашъ, при всей своей непоколебимой и трогательной вѣрѣ въ основные идеалы христіанства, опутанъ слишкомъ густою сѣтью языческихъ суевѣрій и языческихъ обрядовъ, которые въ обыденной жизни его играютъ часто почти такую важную роль, какъ и обряды церкви, и которые невольно заставляютъ его искажать даже религіозныя вѣрованія свои. Несомнѣнно одно, что рядомъ съ пастыремъ православной церкви въ жизни нашего мужика до сихъ поръ стоятъ авторитетами языческіе волхвы и кудесники своего рода, къ которымъ онъ прибѣгаетъ не менѣе часто, какъ и къ служителямъ креста. Сцены старой русской исторіи, когда кудесники искали скраденное плодородіе хлѣба въ спинѣ женщинъ, когда жгли на льду Москвы рѣки чародѣевъ, въ Кіевѣ судили вѣдьмъ, слетавшихся къ шабашу на Лысую Гору, воочію могутъ повторяться и въ наше время, потому что и кудесникъ, и вѣдьма, и все старое языческое міросозерцаніе русскаго мужика, еще продолжаютъ жить среди русской деревни если не вполнѣ прежнею то, всетаки, достаточно живучею жизнью.

Кто же виноватъ въ этомъ? Можетъ быть, никто въ отдѣльности. Виновата, кажется, вся наша бѣдная темная исторія, виноваты всѣ мы, наше общее невѣжество, наше общее нерадѣнье, наша общая безучастность къ мужику. Вывести мужика изъ этой языческой тьмы, сдѣлать его человѣкомъ, достойнымъ по своему умственному развитію его новаго гражданскаго положенія, его сложныхъ правъ и обязанностей, могло бы вѣрнѣе всего наше деревенское духовенство. Область его вліяній до такой степени тѣсно связана и многообразно перепутана съ сферою языческихъ суевѣрій мужика, что только одно духовенство можетъ имѣть и удобные поводы, и удобные пути для просвѣтленія мужицкой мысли, одно только оно имѣетъ способы замѣнять болѣе возвышеннымъ христіанскимъ настроеніемъ это глубоко укоренившееся въ народѣ чувство языческаго страха и языческой зависимости передъ всякимъ загадочнымъ для него дѣйствіемъ или событіемъ...

Но, положа руку на сердце, нисколько не думая обвинять кого нибудь, нельзя не сказать, что большинство сельскаго духовенства мало заботится о христіанскомъ просвѣтленіи мужика. Въ жизни нашего деревенскаго духовенства, какъ цѣльной общественной силы, не касаясь отдѣльныхъ счастливыхъ исключеній, можно сказать, еще вовсе не была поставлена и сознана эта великая пастырская задача. Народъ нашъ до сихъ поръ не знаетъ ни главнѣйшихъ событій священной исторіи, ни нужнѣйшихъ молитвъ, ни значенія праздниковъ и обрядовъ. Онъ стоитъ въ своемъ храмѣ какимъ-то безсознательнымъ, хотя подчасъ и растроганнымъ, истуканомъ, не вѣдающимъ, что̀ это дѣлается вокругъ него, зачѣмъ и почему. Проникающіе душу псалмы и поучительныя повѣствованія библейскихъ книгъ невнятною тарабарщиною проносятся мимо его уха. Немудрено, что и въ его памяти, и въ его пониманіи всѣ эти священные звуки молитвъ принимаютъ нерѣдко безсмысленный характеръ. Вслушайтесь повнимательнѣе, что̀ такое поютъ и шепчатъ наши деревенскія бабы, молясь въ церкви и дома передъ иконою, ка̀къ называютъ они свои праздники, и ка̀къ объясняютъ себѣ значеніе ихъ.

Въ пѣсняхъ ихъ, Божественная Троица смѣшивается, напримѣръ, съ Божіею Матерью, потому только, что въ обоихъ словахъ женское окончаніе: «Пресвятая Троица—Богородица Богу молится».

Апостолы Петръ и Павелъ наивно слиты въ одно лицо «батюшка Петръ-Павелъ», потому только, что память обоихъ апостоловъ празднуется въ одинъ день, точно также, какъ считается однимъ лицомъ «Кирика-Улита», «Фролъ-Лавёръ» и другіе святые.

Самъ Христосъ въ ихъ понятіи то является Богомъ, то смѣшивается съ угодниками Божьими и поминается въ числѣ «святителей», какъ это видно изъ извѣстной пѣсни:

«На̀ горахъ на Сіонскихъ
Три святителя лежатъ...
А ка̀къ первый-то святитель
Да Есусъ Христосъ»... и т. д.

«Скребящая Божья матерь (Скорбящая)», «Невтолимая купина (Неопалимая)»—слышатся на всякомъ шагу.

— Что это такое за праздникъ Купина Неопалимая? — спросилъ я разъ у своего работника, отправлявшагося на ярмарку въ Щигры, гдѣ на Неопалимую Купину престольный праздникъ.

— А это Богородица—купина-то!—увѣренно отвѣтилъ мнѣ мужикъ: — купля вся въ этотъ день происходитъ, на всю, значитъ, осень, до самыхъ свѣчекъ рождественскихъ, колеса тамъ и лопаты, кадушки, горшки, все, что кому требуется по хозяйству купить, съ того и прозывается купина».

На Святую недѣлю бабы наши берутъ обыкновенно иконы и носятъ ихъ толпою по деревнямъ, распѣвая «Христосъ Воскресе». Пѣнье

это происходитъ какимъ-то совсѣмъ не церковнымъ, очень непріятнымъ напѣвомъ, очевидно, уцѣлѣвшимъ отъ какихъ нибудь старинныхъ языческихъ обрядовъ.

Меня заинтересовалъ странный выговоръ словъ церковной пѣсни, и я какъ-то попросилъ бабъ повторить мнѣ отчетливо эти слова. «Изъ сучья воробей живой, даровой»,—съ изумленіемъ услышалъ вдругъ я вмѣсто: «и сущимъ во гробѣхъ животъ дарова».

Тутъ, очевидно, не случайно поминались слова «воробей» и «живой». Простой народъ твердо вѣритъ, что когда Спасителя распяли на крестѣ, то воробей злорадно кричалъ: «живъ, живъ, живъ!» а голубь тоскливо ворковалъ: «у-у-умеръ! у-у-умеръ!» Поэтому, въ глазахъ народа воробей проклятая, нечистая птица, а голубь птица благословенная, за то и надъ царскими вратами въ церкви пишется.

Мнѣ какъ-то сказали, что одна маленькая дѣвочка, вмѣсто обыкновенныхъ молитвъ, читаетъ по вечерамъ какія-то, совершенно особенныя. Когда она мнѣ прочитала свои молитвы, оказалось, что это заговоры на разные случаи. Между прочимъ, одну молитву она начинала такъ:

«Я катаю воскъ отъ лица огня».

Очевидно, начало этого заговора было искаженьемъ извѣстной молитвы «Да воскреснетъ Богъ», гдѣ есть стихъ: «Яко таетъ воскъ отъ лица огня». Всѣхъ встрѣчаемыхъ искаженій священныхъ словъ и именъ не стоитъ и перечислять; важнѣе всего то, что эти искаженія только слабые, внѣшніе признаки того совершеннаго незнакомства съ догматическою сущностью и историческимъ содержаніемъ своей религіи, какимъ поражаетъ всякаго наблюдателя нашъ деревенскій мужикъ. Въ русскомъ народѣ начетчики и знатоки священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ встрѣчаются почти исключительно среди раскольниковъ, гдѣ вообще внутренняя жизнь религіозныхъ общинъ гораздо оживленнѣе, энергичнѣе, содержательнѣе. Замѣчательно, что расколъ на мѣстахъ своихъ коренныхъ гнѣздъ убилъ почти безслѣдно старыя языческія вѣрованія и старую языческую обрядность, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ самыхъ глубокихъ знатоковъ раскола, покойный Мельниковъ (Печерскій).

Если вожди русскаго народа искренно сознаютъ необходимость просвѣтить его христіанскою нравственностью, освободить его отъ его внутренней тьмы и дикости, какъ онъ освобожденъ теперь отъ своихъ крѣпостныхъ узъ, то они, прежде всего, должны позаботиться о просвѣщеніи нашего деревенскаго священника. Это дѣло вполнѣ въ рукахъ правительства. Воспитать для народа дѣйствительныхъ духовныхъ пастырей его, которые бы стали руководителями его совѣсти и просвѣтителями его нравственныхъ вле-

ченій,—вотъ великая государственная задача ближайшей очереди, важность которой для будущности народа не можетъ быть достаточно оцѣнена и которая должна лечь краеугольнымъ камнемъ многихъ второстепенныхъ реформъ и мѣропріятій во имя народнаго благоденствія, которыми мы теперь заняты, и которыя сами по себѣ, безъ этой основной духовной почвы своей, никогда не достигнутъ желаннаго успѣха, сколько бы мы ни потратили на нихъ труда и таланта. И этотъ безъисходный питейный вопросъ, и волостное неустройство, и обѣднѣніе крестьянскаго хозяйства черезъ постоянные передѣлы, и крестьянская безграмотность, и безсовѣстность на судахъ, столь часто возмущающая наше чувство правды,—всѣ эти важные житейскіе вопросы, наполняющіе теперь такою нравственною нескладицею нашу общественную жизнь, могутъ получить совсѣмъ иное направленіе и совсѣмъ иной исходъ, если нашъ деревенскій мужикъ получитъ, наконецъ, въ своей приходской церкви и въ своей сельской школѣ то христіанское нравственное воспитаніе, о которомъ до сихъ поръ онъ даже издали не слышитъ. Намъ никогда не слѣдуетъ забывать глубоко-знаменательнаго историческаго факта, что тотъ же самый отпѣтый въ глазахъ многихъ, пьяный, безграмотный мужикъ нашъ, срамословъ, трубокуръ и неряха, подъ вліяніемъ религіозной проповѣди стараго раскола, какъ теперь подъ вліяніемъ новой штунды, дѣлался и дѣлается строго-трезвымъ человѣкомъ, сдержаннымъ и благопристойнымъ во всѣхъ рѣчахъ и обычаяхъ своихъ, съ отвращеніемъ глядитъ на табакъ, пристращивается къ душеспасительному чтенію, къ поучительной проповѣди, развиваетъ въ себѣ чувство взаимности, состраданія, трудолюбія. Намъ не слѣдуетъ забывать также, что и въ православныхъ монастыряхъ нашихъ, гдѣ также исторически развились своеобразныя крестьянскія общины на почвѣ нравственныхъ идеаловъ христіанства, путемъ христіанскаго поученія и послушанія, условія общежитія и хозяйства выработались тою же русскою крестьянскою силою въ такомъ удивительно-стройномъ, благоприличномъ и усовершенствованномъ видѣ, какой мы привыкли обыкновенно встрѣчать только въ жизни передовыхъ народовъ Запада...

Евгеній Марковъ.

ЗАПИСКИ КСЕНОФОНТА АЛЕКСѢЕВИЧА ПОЛЕВАГО [1].

VIII.

Буря, поднятая противъ «Московскаго Телеграфа» его противниками. — «Особенное прибавленіе» къ «Московскому Телеграфу».—Противники, перешедшіе на сторону Н. А. Полеваго: Д. Б. Веневитиновъ, В. А. Ушаковъ, Н. П. Демидовъ.— Насмѣшливые куплеты Писарева и энергическая защита Полеваго публикою.

НЕИСЧИСЛИМА была толпа тѣхъ, которые писали противъ «Московскаго Телеграфа» и усиливались уронить его окончательно. Какъ долженъ былъ поступить въ этомъ случаѣ издатель?

Онъ не отвѣчалъ ни на одно нападеніе до половины 1825 года. Это было не случайностью, а слѣдствіемъ плана, который онъ составилъ себѣ и который обсуживали мы, соображая всѣ обстоятельства.

Въ журнальной тактикѣ есть два способа отдѣлываться отъ нападающихъ. Можно не отвѣчать имъ, не отражать никакихъ нападеній и продолжать спокойно свой трудъ, поддерживая и развивая свои мнѣнія. Такъ дѣйствуютъ всѣ солидные, уже утвердившіе свою извѣстность журналы въ Европѣ; такъ дѣйствовалъ и у насъ Карамзинъ, когда былъ журналистомъ. Ему нечего было опасаться мелочныхъ нападеній, когда слава его была уже утверждена прочно. Въ новѣйшее время, Сенковскій, издавая «Библіотеку для Чтенія», также не отвѣчалъ ни на какія замѣчанія и критическіе разборы, писанные противъ его журнала. Но ему также нечего было опасаться: онъ былъ сначала негласнымъ редакто-

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XXVII, стр. 527.

ромъ журнала, вскорѣ заслужилъ извѣстность перваго остроумца между русскими писателями, умѣлъ пріобрѣсти славу первостепеннаго ученаго и не опасался большей части современныхъ литераторовъ, связанныхъ съ его журналомъ сотрудничествомъ, за которое редакція платила имъ щедро. Это было надежнымъ ручательствомъ въ сердечной ихъ дружбѣ. Вообще, Сенковскій поставилъ себя такъ, что могъ съ высоты своихъ оплотовъ глядѣть презрительно на весь міръ. Но не всегда можно побѣдить непріятелей недоступностью своею и равнодушіемъ къ ихъ нападеніямъ.

Есть другая метода въ журнальной тактикѣ: отражать всѣ нападенія, отвѣчать на всѣ критики и замѣчанія, слѣдуя примѣру Д. В. Дашкова, который въ спорѣ съ Шишковымъ, на дерзкое выраженіе его: «Хощеши ли сотворю ти подзатыльника?» отвѣчалъ: «И абіе воздамъ ти сторицею!». Издатель «Московскаго Телеграфа» избралъ эту методу къ защитѣ, не потому, что она была сходнѣе съ воинственнымъ, наступательнымъ его характеромъ, а потому, что нѣсколько мѣсяцевъ безотвѣтности съ его стороны не только не усмирили, не укротили его непріятелей, но придали имъ какую-то увѣренность и, какъ показалъ я, неслыханную до тѣхъ поръ дерзость. Издатель «Московскаго Телеграфа» только начиналъ свое литературное поприще и, уже въ первое время существованія его журнала, былъ, можно сказать, осыпанъ нападеніями и обвиненіями всякаго рода, начиная отъ обыкновенныхъ литературныхъ противорѣчій, до самыхъ дерзкихъ и нелитературныхъ выходокъ. Онъ былъ не Карамзинъ, не прославленный ученый и профессоръ; онъ учился не въ университетахъ, не въ академіяхъ; а въ глазахъ тогдашней публики было важно не только это обстоятельство, но и то, что у него не было дипломовъ ни на какое ученое званіе, что̀ такъ усердно старались пояснить благородные, повитые на щитахъ его противники. Они упрекали, кололи его званіемъ; выводили послѣдствія, по ихъ мнѣнію, очень логическія, что званіе купца, слѣдовательно торговца, промышленника, несовмѣстно съ литературными занятіями, и, почитая его какимъ-то паріею среди благородныхъ кастъ, на этомъ основаніи позволяли себѣ дерзости, какихъ не осмѣлились бы сказать другому. Наконецъ, издатель «Московскаго Телеграфа» могъ опасаться, что съ нимъ сбудется то, что Бомарше вложилъ въ уста Донъ-Базиліо о клеветѣ: «самая пошлая, самая нелѣпая клевета оставляетъ послѣ себя слѣдъ».

«Московскій Телеграфъ» отвѣчалъ на критики, направленныя противъ него. Отвѣчать было необходимо даже для того, чтобы публика не приняла наконецъ безотвѣтности издателя «Московскаго Телеграфа» за невольное сознаніе въ обвиненіяхъ, взводимыхъ на него. Но, рѣшившись отвѣчать, Н. А. хотѣлъ исполнить это со всею свойственною ему энергіею, хотѣлъ не только отразить нападенія, но и перейдти въ наступленіе на своихъ непріятелей, врубиться въ густую

колонну ихъ и, какъ говорятъ военные, произвести атаку до дна, à fond. Онъ собралъ все, что было писано противъ «Московскаго Телеграфа» съ самаго начала его, занялся подробнымъ разборомъ и многорѣчивыхъ критикъ, и злыхъ нападеній, особенно непріязненныхъ ему, посвятилъ на это довольно много времени, и въ половинѣ 1825 года напечаталъ при своемъ журналѣ цѣлую отдѣльную книжку, подъ заглавіемъ:

«Особенное Прибавленіе къ «Московскому Телеграфу». Обозрѣніе критическихъ и антикритическихъ статей и замѣчаній на «Московскій Телеграфъ», помѣщенныхъ въ «Дамскомъ Журналѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Сынѣ Отечества», «Благонамѣренномъ», «Сѣверной Пчелѣ», «Сѣверномъ Архивѣ» и писанныхъ княземъ Шаликовымъ и гг. Н. Мел...., М. Дмитріевымъ, Булгаринымъ, Карніолинымъ-Пинскимъ, Усовымъ, Ертовымъ, А. Ѳ., П. Ж. К., Д. Р. К., —вымъ, и проч.»

Это Особенное Прибавленіе, по объему своему, не могло быть напечатано при одной книжкѣ «Московскаго Телеграфа», и, конечно, произвело впечатлѣніе различное: заняло вниманіе читающей публики, можетъ быть, оправдало издателя въ глазахъ многихъ, но еще больше раздражило противниковъ его. Они вскорѣ начали возражать въ различныхъ видахъ; издатель «Московскаго Телеграфа» уже не медлилъ отвѣтомъ имъ, и такимъ образомъ разгорѣлась та безпримѣрная въ нашей литературѣ полемика, о которой я вспоминаю съ сожалѣніемъ. О чемъ спорили? чего хотѣли и чего достигли спорившіе? Въ основаніи спора не было глубокой литературной идеи, не было какого нибудь богатаго послѣдствіями направленія. Хотѣли оспорить другъ друга, или, лучше сказать, обвинить, унизить непріятеля, и, конечно, достигли этого хоть отчасти, потому что указывали на ошибки, обмолвки, слабыя и смѣшныя стороны, которыя есть въ каждомъ человѣкѣ, а слѣдовательно, и въ каждомъ писателѣ. Кто выдержитъ строгій судъ врага, особливо когда онъ раздраженъ? Вмѣсто того, чтобы слѣдовать вѣчной мудрости, заключающейся въ словахъ: «Пусть тотъ броситъ камень, кто чувствуетъ себя невиноватымъ ни въ чемъ», безпощадно обвиняли и обличали другъ друга, и въ громадѣ пустыхъ, вздорныхъ придирокъ было и столько правды, что самолюбіе спорившихъ не могло не страдать отъ того, а въ публикѣ не могло не остаться впечатлѣнія, неблагопріятнаго для обѣихъ сторонъ. Извѣстна старинная истина, что нѣтъ великаго человѣка для его камердинера. Раскрывая слабыя стороны писателя, унижаютъ его передъ толпою безъ пользы для литературы, когда это ведетъ не къ поясненію какого нибудь литературнаго вопроса или событія, а къ униженію только личности. Въ томъ-то и былъ несчастный характеръ войны противъ издателя «Московскаго Телеграфа», что спорили не о литературѣ собственно, а о немъ самомъ, стараясь унизить его

во всѣхъ отношеніяхъ, какъ писателя, какъ члена общества, какъ человѣка.

И все это было не иное что, какъ игра раздраженнаго самолюбія. Въ доказательство я укажу не на озлобленныхъ противъ Николая Алексѣевича писателей, съ которыми никогда не могъ онъ помириться, не на Каченовскаго, не на А. Писарева (исторія не именуетъ живыхъ!), а на людей, съ которыми былъ онъ потомъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и которые искренно уважали его. Изъ числа ихъ наименую прежде всѣхъ Дмитрія Владиміровича Веневитинова.

Веневитиновъ былъ человѣкъ, какіе встрѣчаются рѣдко. Онъ соединялъ въ себѣ способности поэта-художника съ умомъ философа. Необыкновенная натура его развилась рано при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Счастливый выборъ наставниковъ, избранное общество, довольство въ жизни, все способствовало тому, что въ двадцать лѣтъ онъ былъ уже болѣе нежели образованнымъ человѣкомъ—онъ былъ художникъ и мыслитель. Нельзя сказать, на какую степень возвысился бы онъ какъ писатель, потому что онъ умеръ 22-хъ лѣтъ, но у него было необыкновенное писательское дарованіе. Первымъ печатнымъ опытомъ его была статья противъ «Московскаго Телеграфа», напечатанная въ «Сынѣ Отечества». Дѣло шло о явившейся въ то время первой главѣ Онѣгина. Николай Алексѣевичъ, увлеченный прелестью и новостью этого явленія, расхвалилъ его почти безусловно, въ легкой журнальной статьѣ. Веневитиновъ насмѣшливо отозвался объ этомъ юношескомъ увлеченіи и указалъ на нѣкоторыя противорѣчія статьи «Московскаго Телеграфа». Отвѣчая своимъ противникамъ въ Особенномъ Прибавленіи, Н. А. рѣзко опровергалъ мнѣнія и замѣчанія Веневитинова, который, въ свою очередь, еще рѣзче отвѣчалъ ему. И вотъ два журнальные врага! Но, встрѣчаясь потомъ въ знакомыхъ домахъ, Веневитиновъ и Н. А. вскорѣ познакомились и посѣщали другъ друга. Въ немного мѣсяцевъ, которые Веневитиновъ оставался послѣ этого въ Москвѣ, знакомство ихъ не успѣло возрасти до дружбы; но Веневитиновъ былъ не такой человѣкъ, чтобы онъ сталъ поддерживать знакомство и изъявлять уваженіе человѣку, непріятному ему. Передъ самымъ отъѣздомъ своимъ въ Петербургъ, бывшій противникъ Н. А. Полеваго провелъ у него цѣлый вечеръ въ самомъ пріятельскомъ разговорѣ.

Еще больше разительный примѣръ представляютъ вражда и потомъ искренняя пріязнь Николая Алексѣевича съ достопамятнымъ человѣкомъ и хорошимъ писателемъ—Василіемъ Аполлоновичемъ Ушаковымъ. Онъ достоинъ воспоминанія, какъ писатель, но гораздо больше, какъ человѣкъ, необыкновенно оригинальный. О немъ нѣтъ нигдѣ извѣстій, и потому я перескажу здѣсь, что знаю достовѣрно объ авторѣ Киргизъ-Кайсака. Онъ воспиты-

вался въ Пажескомъ корпусѣ, учился отлично и вышелъ офицеромъ въ гвардію. Знавшіе его въ это время говорили мнѣ, что В. А. Ушаковъ былъ самый щеголеватый офицеръ и при томъ мечтатель, романическая голова. Онъ влюбился въ одну особу высокаго сана, но не могъ и мечтать о ней, тосковалъ и, можетъ быть, отъ этого постепенно сдѣлался чудакомъ, почти медвѣдемъ, какимъ мы знали его. Но прежде, нежели дошелъ онъ до такого состоянія, онъ прослужилъ офицеромъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка 1812, 1813 и 1814-й годы, находился въ одномъ изъ знаменитыхъ каре своего полка въ Бородинской битвѣ, и при этомъ обѣ руки его были прострѣлены картечью; но онъ вскорѣ выздоровѣлъ, и въ рядахъ нашей побѣдоносной гвардіи вступилъ въ Парижъ. Вышедши въ отставку, онъ уединился отъ общества, накупилъ себѣ множество книгъ, читалъ, худо управлялъ своимъ имѣніемъ, и, кажется, къ концу своей жизни, былъ скорѣе бѣденъ, нежели богатъ. Оставшись на вѣкъ холостякомъ, онъ не терпѣлъ общества женщинъ, называлъ ихъ матушки мадамъ, и жилъ въ кругу театральныхъ артистовъ, а все остальное время посвящалъ литературнымъ занятіямъ. Таковъ былъ онъ, когда я узналъ его. До 1825 года онъ не печаталъ ничего, но въ это время принялъ участіе въ войнѣ противъ «Московскаго Телеграфа», и написалъ противъ него нѣсколько рѣзкихъ и довольно замѣчательныхъ статей. Ни я, ни братъ мой не были съ нимъ знакомы. На свадьбѣ одного родственника нашего въ Москвѣ, гдѣ онъ жилъ, мы встрѣтились съ нимъ; но онъ глядѣлъ медвѣдемъ и не протягивалъ руки. Въ началѣ 1828 года, отправляясь изъ Москвы въ Петербургъ въ дилижансѣ, я неожиданно увидѣлъ себя лицомъ къ лицу съ В. А. Ушаковымъ. Въ то время переѣздъ отъ Москвы до Петербурга продолжался четверо сутокъ, а въ дорогѣ люди сближаются скоро. Я узналъ въ бывшемъ своемъ противникѣ человѣка добраго, умнаго и необыкновенно образованнаго. Онъ многое видалъ, много читалъ, и зналъ въ совершенствѣ не только языки французскій и нѣмецкій, но и литературы. Вообще, что зналъ онъ, то зналъ хорошо, и отказывался говорить о томъ, чего не зналъ. На немъ былъ отпечатокъ образованныхъ людей времени Александра I-го, въ которыхъ, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, было нѣчто рыцарское: они доказали это и во время великихъ войнъ съ Наполеономъ, и послѣ, пламенно, искренно любя и отечество, и независимость, и честь народную, и личную. Но, при многихъ прекрасныхъ качествахъ ума и души, В. А. Ушаковъ былъ оригиналъ и даже чудакъ. Правдивость его легко переходила въ грубость, и онъ безпощадно обличалъ невѣжество и шарлатанство, особливо въ людяхъ, имѣвшихъ наружность образованности. Плохимъ писателямъ онъ прямо говорилъ, что они не умѣютъ писать. При первой встрѣчѣ съ кѣмъ либо, онъ обыкновенно глядѣлъ медвѣдемъ, отмалчивался или выражался рѣзко.

Въ общество свѣтское онъ никогда не показывался, хотя могъ бы играть тамъ роль, и посѣщалъ только немногихъ знакомыхъ, а вечера обыкновенно проводилъ въ театрѣ. По возвращеніи изъ Петербурга, онъ началъ навѣщать насъ, то есть меня и Николая Алексѣевича, наконецъ постоянно обѣдывалъ у насъ по воскресеньямъ и иногда проводилъ цѣлые дни. Онъ вызвался писать въ «Московскомъ Телеграфѣ» о театрѣ и, кромѣ того, помѣщалъ въ немъ свои статьи. Пріязнь наша съ нимъ продолжалась до его смерти, хотя иногда случалось, что онъ вдругъ надуется, не приходитъ нѣсколько времени и потомъ вдругъ является, улыбаясь по-своему. Но въ основаніи это былъ человѣкъ съ истинными достоинствами и съ хорошимъ литературнымъ дарованіемъ. Изъ литературнаго врага онъ сдѣлался искреннимъ пріятелемъ Николая Алексѣевича. И не можетъ быть иначе между людьми прямодушными и образованными. Послѣ размолвки, какой бы то ни было, имъ стоитъ только объясниться, и они вѣрно будутъ справедливы другъ къ другу. Раздраженное самолюбіе замѣнится пріязнію и взаимнымъ уваженіемъ.

На сторонѣ литературныхъ противниковъ Николая Алексѣевича явился и остроумный А. Бестужевъ, насмѣшливо отозвавшійся о «Московскомъ Телеграфѣ» въ своемъ «Обозрѣніи литературы», напечатанномъ въ «Полярной Звѣздѣ» 1825 года. Это особенно изумило моего брата, потому что до тѣхъ поръ онъ былъ въ пріязненныхъ сношеніяхъ съ обоими издателями «Полярной Звѣзды», и одинъ изъ нихъ [1]), проѣзжая черезъ Москву зимою 1824 года, нѣсколько разъ былъ у насъ, какъ искренній пріятель. Лѣтомъ 1825 года, А. Бестужевъ прожилъ довольно долго въ Москвѣ, и хотя обмѣнялся съ нами визитами, но былъ холоденъ. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ, съ Кавказа, онъ началъ переписку съ нами, и въ первомъ письмѣ къ Николаю Алексѣевичу признавалъ себя виновнымъ передъ нимъ въ томъ, что повѣрилъ клеветѣ В. С. Филимонова, нѣкогда друга его.

Ужъ эти мнѣ друзья, друзья!

Такъ-то иногда невидимыя причины способствуютъ литературной распрѣ, и все это обрушивается на личность литератора. Публика не видитъ и не знаетъ тайныхъ, закулисныхъ, иногда темныхъ поводовъ къ непріязни между писателями, и судитъ только о томъ, что читаетъ. Могла ли она подозрѣвать, что Каченовскій возненавидѣлъ издателя «Московскаго Телеграфа» за сближеніе его съ княземъ Вяземскимъ; что Ѳ. В. Булгаринъ воспылалъ местію за разборъ «Таліи», въ которомъ издатель «Московскаго Телеграфа» не былъ виноватъ; другіе вступились за своихъ пріятелей; иные, особливо новички, хотѣли попробовать силъ и поострить надъ смѣль-

---

[1]) Рылѣевъ.

чакомъ, и когда примѣшалось къ этому человѣческое самолюбіе, и еще больше—авторское самолюбіе, тогда вражда легко возросла до неслыханнаго прежде въ нашей литературѣ раздраженія. Но громада обвиненій не могла не дѣйствовать на многихъ читателей. Il en reste toujours quelque chose!—говоритъ знатокъ дѣла. И это могли мы видѣть на самыхъ благородныхъ, просвѣщенныхъ людяхъ, не перестававшихъ любить и уважать Николая Алексѣевича... Но въ ихъ улыбкѣ, въ ихъ невольныхъ фразахъ, вырывавшихся у нихъ, когда заходила рѣчь о «Московскомъ Телеграфѣ, видно было, что непріязненныя нападенія на него производили въ нихъ впечатлѣніе.

Нельзя не сказать: велика должна быть сила въ періодическомъ изданіи, котораго не сломитъ подобная буря. «Московскій Телеграфъ» выдержалъ ее, и общее мнѣніе, можетъ быть, колебавшееся иногда, вообще было рѣшительно въ его пользу. Доказательствомъ этого послужитъ достопамятный случай, достойный описанія.

Я уже упоминалъ о непримиримой и неукротимой враждѣ къ моему брату А. Писарева, и пояснилъ причины ея. Можно представить себѣ, какъ радовался онъ разнообразной войнѣ, открывшейся со всѣхъ сторонъ противъ врага-писателя, ненавистнаго ему. Онъ и самъ участвовалъ въ нападеніяхъ за издателя «Московскаго Телеграфа», писалъ противъ него бранчивыя статейки и эпиграммы, печаталъ что дозволялось, пускалъ въ ходъ въ рукописи то, чего нельзя было напечатать. Нельзя и теперь напечатать, по разнымъ отношеніямъ, всѣхъ язвительныхъ его стихотвореній противъ моего брата. Вотъ одна невинная эпиграмма Писарева, направленная собственно противъ «Московскаго Телеграфа».

— Ты видѣлъ «Телеграфъ»?—Во Франціи видалъ.
— Читалъ ли?—Нѣтъ.—А что жъ тому причина?
— Какъ что?—Вѣдь «Телеграфъ»—журналъ!
— Пустое! Телеграфъ—машина!—

Не довольствуясь всѣмъ этимъ и желая, при шумѣ общихъ нападеній, торжественно пристукнуть издателя «Телеграфа», А. Писаревъ написалъ противъ него насмѣшливые куплеты и вставилъ ихъ въ свой водевиль «Три десятки», который былъ назначенъ для представленія на театрѣ. Объ этомъ, за долго до перваго представленія, пріятели Писарева разнесли слухъ, и таково было тогда участіе къ литературнымъ событіямъ, что вся читающая публика раздѣлилась на двѣ стороны: одна хотѣла уничтожить Полеваго, другая хотѣла защитить его. Въ день представленія, большой театръ былъ наполненъ зрителями такъ, что не доставало мѣстъ. Замѣтно было какое-то глухое движеніе, когда начался водевиль Писарева; но когда актеръ Сабуровъ пропѣлъ:

Теперь вездѣ народъ затѣйный,
Пренебрегаютъ простотой:
Всѣмъ милъ цвѣтокъ оранжерейный
И всѣмъ наскучилъ Полевой! (bis)

раздались рукоплесканія и вмѣстѣ страшное шиканье. Одни требовали повторенія куплета, другіе шикали, стучали, кричали: «не надо»! Смущенный актеръ повернулся и ушелъ за кулисы. Окончательный куплетъ пѣла милая, любимая публикою актриса, г-жа Рѣпина. Слышу, кажется, и теперь вкрадчивый голосъ, которымъ она произносила такъ граціозно:

Журналистъ безъ просвѣщенья
Хочетъ публику учить;
Самъ не кончивши ученья,
Всѣхъ сбирается учить;
Мертвыхъ и живыхъ тревожитъ?
Не пора ль ему шепнуть:
«Тотъ другихъ учить не можетъ,
Кто учился какъ нибудь»!

Шиканье, крикъ, шумъ, свистъ до такой степени оглушили актрису, что она, зажавъ уши, бросилась (буквально) бѣжать со сцены. Всѣ расхохотались, и защитники Полеваго уже думали торжествовать побѣду, когда раздались крики: «автора»! Не смотря на шиканье и крики противниковъ, Писаревъ явился въ директорской ложѣ, и едва успѣлъ поклониться публикѣ раза два-три, потому что шиканье, шумъ, усилились въ эти мгновенія еще больше, заглушили немногія «браво» пріятелей Писарева, и сопровождались такими знаками, которые принудили автора поскорѣе скрыться... Нѣкоторые грозили ему кулаками... Генералъ К. (убитый въ Турецкую войну въ 1828 году) всталъ съ креселъ перваго ряда и, оборотившись къ Писареву, плюнулъ!.. И все это происходило съ такою запальчивостью, неожиданностью, что я не помню ничего подобнаго въ театрѣ, и не думаю, чтобы въ русскомъ театрѣ бывало что нибудь подобное!.. Многіе свидѣтели описываемаго мною представленія, еще здравствующіе, подтвердятъ, что я не преувеличилъ ничего и разсказалъ то, что самъ видѣлъ и слышалъ. Можно сказать, что этотъ вечеръ (въ ноябрѣ 1825 года), былъ торжествомъ Н. А. Полеваго, ибо онъ ясно подтвердилъ, какъ любила его публика, и какъ многочисленны были его защитники противъ небольшой партіи противниковъ, которые собрались въ въ театръ съ намѣреніемъ поддержать нападеніе Писарева и, какъ они выражались, похоронить Полеваго, тогда какъ со стороны Николая Алексѣевича не было никакихъ приготовленій. Онъ никого не просилъ защищать себя, и кто были защитники его, — онъ не зналъ! Во время представленія, я сидѣлъ въ креслахъ подлѣ него, и могу увѣрить, что онъ простодушно смѣялся куплетамъ

Писарева, чуть ли не хлопалъ въ ладоши!.. Но чѣмъ неудачнѣе была попытка Писарева, тѣмъ сильнѣе былъ гнѣвъ его. Въ тотъ же вечеръ давали, кажется, переводную піесу П. Н. Арапова (не помню названія ея), какой-то бенефисный водевиль, къ которому нѣсколько нумеровъ музыки написалъ князь В. Ѳ. Одоевскій. Этой піесѣ рукоплескали отчаянно, явно на зло Писареву. Шелъ еще болѣе слабый водевиль графа П., съ музыкою капельмейстера Кубишты. И этому рукоплескали, тогда какъ «Три десятки», піесу, написанную искусною рукою и украшенную прекрасною музыкою А. Н. Верстовскаго, приняли холодно и готовы были ошикать. Раздраженный Писаревъ тутъ же написалъ куплетъ и передалъ его, черезъ своихъ знакомыхъ, въ кресла. Вотъ этотъ куплетъ.

Скропалъ А......въ водевиль,
О........й скропалъ музыку;
Man kann nicht immer was man will,
И пьеса хлопнулась безъ крику!
Но П...нъ авторовъ хвалилъ,
З**** радовался вчужѣ,
И пьянымъ голосомъ твердилъ:
«Да мы съ Кубиштой чѣмъ же хуже?»

Черезъ нѣсколько дней было повтореніе водевиля «Три десятки». Я поѣхалъ въ театръ посмотрѣть, что̀ будетъ еще. Театръ былъ на половину пустъ. Когда Сабурову пришлось пѣть куплетъ о цвѣткѣ полевомъ, онъ, при послѣднемъ стихѣ, повернулъ голову въ сторону, прикрывъ лицо рукою, произнесъ его въ полголоса и съ слѣдующимъ измѣненіемъ:

И всѣмъ наскучилъ (въ сторону) луговой!

Не знаю, по собственному ли побужденію сдѣлалъ онъ эту перемѣну, но она имѣла такой видъ, какъ будто актеръ несогласенъ съ авторомъ. Г-жа Рѣпина, всегда развязная и ловкая, пропѣла послѣдній куплетъ свой робко, лишила его всей выразительности, и отдѣлалась немногими знаками неодобренія публики. Но самъ водевиль палъ! Его представляли потомъ, но очень рѣдко, какъ бы соображаясь съ мнѣніемъ большинства. А между тѣмъ, этотъ водевиль, можетъ быть, одинъ изъ самыхъ удачныхъ, написанныхъ Писаревымъ: по содержанію, по всѣмъ подробностямъ, въ немъ нѣтъ никакого отношенія къ издателю «Московскаго Телеграфа». Но за то, что Писаревъ включилъ въ него куплеты, явно направленные противъ ненавистнаго ему писателя, публика оказала ему на этотъ разъ свое неблаговоленіе.

Говоря о Писаревѣ, этомъ талантливомъ противникѣ Н. А. Полеваго, здѣсь кстати будетъ прибавить, что театральныя піесы его и другія сочиненія, которыя можно напечатать, не даютъ о немъ вѣрнаго понятія, потому что истинное дарованіе его проявлялось въ тѣхъ внезапныхъ эпиграммахъ и насмѣшливыхъ сочиненіяхъ,

которыя теперь еще рано печатать. Онъ сдѣлался писателемъ для театра случайно, попавши въ общество актеровъ, танцовщицъ, актрисъ, предался ему со всею пылкостью юноши, и ласкаемый Кокошкинымъ, Загоскинымъ, управлявшими театромъ, изумлялъ ихъ, какъ прежде изумлялъ А. А. Антонскаго, гибкостью своего дарованія. Но онъ не обогатилъ литературы нашей ни однимъ замѣчательнымъ сочиненіемъ. Первый драматическій опытъ его, Лукавинъ, неудачная передѣлка Шеридановой The School for Scandal, остался, всетаки, лучшимъ его произведеніемъ въ этомъ родѣ. Водевильныя остроты его, относящіяся къ современнымъ дѣламъ и событіямъ, теперь уже непонятны и не могутъ быть занимательны. Почти всѣ театральныя піесы были написаны имъ по заказу, къ случаю, на скорую руку, а лирическія сочиненія безъ всякаго вдохновенія. Писать стихами не стоило ему ничего, и онъ растратилъ свое прекрасное дарованіе на пустяки, особливо съ той поры, какъ былъ привязанъ къ театру всѣми возможными узами. Одинъ изъ школьныхъ друзей его справедливо сказалъ въ то время, что онъ сдѣлался театральнымъ ремесленникомъ. Другой пріятель его, С. Т. Аксаковъ, простодушно разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ», каковъ былъ Писаревъ къ концу своей жизни. Въ немъ сохранилось только озлобленіе на людей, которые нисколько не желали ему зла. Но дарованіе его вспыхивало иногда и выражалось въ злыхъ эпиграммахъ и насмѣшкахъ, которыми поражалъ онъ ловко и безъ пощады, безъ разбора—враговъ и друзей. Разскажу одинъ случай. Также пріятель его, тогда еще молодой студентъ, былъ страстнымъ театраломъ и пописывалъ для театра. Нѣкоторыя пьесы его были играны, и, ободряемый своимъ успѣхомъ, онъ написалъ для бенефиса г-жи Львовой-Синецкой новую пьесу, передѣланную имъ изъ «Ромео и Юліи» Шекспира. Пьеса была преуродливая, незрѣлое произведеніе юноши, скропанное для бенефиса, гдѣ Юлія отравляется, Ромео бѣснуется, гдѣ есть и свадьба, и похороны. Но молодаго автора любили, и между прочимъ нашъ литературный кругъ, бывшій въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ партіи Кокошкина, Загоскина и Писарева, властвовавшихъ въ театрѣ, рѣшился, на зло всему, придать неожидаемый, блистательный успѣхъ новой пьесѣ. Каждый приглашалъ своихъ знакомыхъ на бенефисъ г-жи Синецкой и раздавалъ билеты, съ тѣмъ, чтобы аплодировать передѣлкѣ «Ромео и Юліи». Такихъ хлопальщиковъ собралось въ креслахъ болѣе ста человѣкъ—были они и въ ложахъ, и въ райкѣ. Пьеса шла ужасно; актеръ Мочаловъ, игравшій Ромео, свирѣпствовалъ на сценѣ, но при всякой несообразности раздавались рукоплесканія и особенно усилились они, когда Юлія была въ гробу на сценѣ и ожила. Вѣроятно, прахъ Шекспира содрогался въ могилѣ!.. Но едва успѣлъ опуститься занавѣсъ, какъ непрерывныя рукоплесканія, «браво» и «автора» огласили огромную залу Петровскаго

театра. Нѣсколько голосовъ покушались шикать, но ревъ толпы заглушалъ ихъ и рукоплесканія походили на бѣглый огонь. Помню, что какой-то почтенный старичекъ, украшенный орденами, съ изумленіемъ обратился къ намъ и убѣдительно говорилъ: «Господа! чему вы хлопаете! пьеса нелѣпость, шла дурно!.. Господа, помилуйте, пощадите!» Ему отвѣчали только улыбкою и продолжали рукоплескать. Авторъ долго не выходилъ—явно совѣстился своего успѣха. Но рукоплесканія тѣмъ больше усиливались... Наконецъ, онъ явился въ передней боковой ложѣ, и долженъ былъ раскланиваться съ восторженною публикою.

Эта невинная шалость молодежи привела Писарева въ величайшее раздраженіе, тѣмъ болѣе, что, кажется, шла въ тотъ же вечеръ его пьеса, которую встрѣтили равнодушно. Немедленно разлетѣлись по театру двѣ или три эпиграммы на невиноватаго въ своемъ успѣхѣ автора. Писаревъ экспромтомъ написалъ тотчасъ, какъ вызовъ кончился:

Вотъ піесы приговоръ:
Изъ себя Мочаловъ вышелъ,
Изъ терпѣнья зритель вышелъ,
Сочинитель въ ложу вышелъ,
А изъ пьесы — вышелъ вздоръ!

Но еще прежде опущенія занавѣси, выведенный изъ терпѣнія несвязностью пьесы и рукоплесканіями ей, Писаревъ написалъ и послалъ въ кресла слѣдующіе стихи:

То-то сѣчь бы, то-то драть бы,
Съ приговоркой: «Ахъ, уродъ!
Не вѣнчай печальной свадьбы!»
Не берись за переводъ!

Вотъ въ такихъ-то экспромтахъ являлось настоящее дарованіе Писарева. Можно представить себѣ, какъ бѣсила его неудача въ описанномъ мною нападеніи его на Н. А. Полеваго. Онъ остался до конца жизни своей врагомъ его.

Но въ то же время, какъ «Московскій Телеграфъ» возбуждалъ противъ себя многихъ, задѣтыхъ имъ и по разнымъ отношеніямъ вступившихъ съ нимъ въ войну, люди безпристрастные и непредубѣжденные отдавали справедливость полезной дѣятельности молодаго журналиста. Даже нѣкоторые изъ авторовъ, подвергшихся неблагопріятнымъ замѣчаніямъ его на ихъ труды, желали послѣ этого узнать лично своего антагониста, знакомились съ нимъ и оставались добрыми его пріятелями. Изъ числа ихъ нельзя не вспомнить о Николаѣ Петровичѣ Демидовѣ, достойномъ воспоминанія по многимъ отношеніямъ.

Это тотъ самый Демидовъ, который въ Аустерлицкой битвѣ, бывши молодымъ артиллерійскимъ офицеромъ, не отдавалъ французамъ своей пушки, и былъ бы избитъ ими до смерти, если бы

Наполеонъ, находившійся вблизи, не увидѣлъ геройскаго подвига русскаго офицера. Онъ не только спасъ его отъ свирѣпости раздраженныхъ своихъ солдатъ, но и велѣлъ увѣковѣчить подвигъ Демидова на картинѣ, изображающей Аустерлицкую битву: тамъ онъ представленъ ухватившимся за свою пушку.

Въ 1825 году, Н. П. Демидовъ былъ уже, конечно, не молодой человѣкъ, но имѣлъ видъ и манеры молодаго человѣка, и таковъ остался до смерти. Онъ былъ давно въ отставкѣ, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, но на брошюрахъ своихъ, которыя издавалъ обыкновенно на французскомъ языкѣ, означалъ себя отставнымъ артиллерійскимъ полковникомъ (ancien colonel d'artillerie)). Съ особенною любовію занимаясь политическою экономіею, Н. П. Демидовъ печаталъ разныя изслѣдованія о ней, въ видѣ брошюръ, обыкновенно очень небольшихъ, потому что на большее сочиненіе не достало бы у него терпѣнія. Это былъ одинъ изъ самыхъ пылкихъ людей, какихъ случалось мнѣ видѣть. Живость его выражалась и въ обхожденіи, и въ поступкахъ. Онъ пріѣхалъ къ Николаю Алексѣевичу, говоря, что терпѣть не можетъ печатно спорить, но желалъ бы пояснить оспориваемыя имъ мысли одной его брошюры. Потомъ онъ всегда посѣщалъ его, когда живалъ въ Москвѣ. Иногда цѣлые годы проводилъ онъ за границею и возвращался въ Москву. Нельзя было не уважать въ этомъ человѣкѣ его любознательности. Русскій баринъ, военный человѣкъ, онъ не могъ жить, не занимаясь изслѣдованіемъ какого нибудь важнаго вопроса политической экономіи и гражданскаго устройства; кромѣ того, онъ читалъ много философскихъ книгъ и имѣлъ много свѣтлыхъ идей. Успѣхамъ его и въ жизни, и въ службѣ, и въ наукахъ мѣшалъ нетерпѣливый, раздражительный характеръ, заставлявшій всегда опасаться отъ него непріятной вспышки. Это и было причиной многихъ его несчастій, какъ онъ говорилъ мнѣ самъ, потому что одно время онъ очень полюбилъ меня и откровенно говорилъ о самомъ себѣ. Но этотъ недостатокъ терпѣнія, или, лучше сказать, снисходительности къ людямъ, былъ вреденъ только ему самому. Напротивъ, съ людьми прямодушными, онъ никогда не ссорился, и вспышки его бывали больше забавны, нежели обидны. Какъ человѣкъ свѣтскій, онъ отличался пріятными манерами, говорилъ очень хорошо, но никогда не улыбался, и не умѣлъ не только льстить, но даже и промолчать, когда слышалъ что нибудь противное своимъ убѣжденіямъ. Я разскажу два случая, два анекдота, бывшіе при мнѣ: они лучше всего дадутъ понятіе о Н. П. Демидовѣ.

Какъ-то, разъ, онъ сидѣлъ у Николая Алексѣевича и бесѣдовалъ съ нимъ очень мирно, когда пріѣхалъ еще одинъ гость, любитель агрономіи [1]), дѣятельно участвовавшій въ трудахъ москов-

---

[1]) С. А. Масловъ.

скаго земледѣльческаго Общества, которое процвѣтало подъ покровительствомъ тогдашняго военнаго генералъ-губернатора, князя Д. В. Голицына. Новый гость, котораго Николай Алексѣевичъ познакомилъ съ Демидовымъ, потому что они встрѣтились тутъ въ первый разъ въ жизни, не истощался въ похвалахъ и восторженныхъ разсказахъ, говоря о своемъ земледѣльческомъ Обществѣ и просвѣщенномъ его покровителѣ. Демидовъ слушалъ, молчалъ и грызъ свою трость, что̀ обыкновенно было у него признакомъ нетерпѣнія. При какой-то новой варіаціи выслушиваемаго имъ панегирика, онъ вдругъ обратился съ рѣчью къ новому своему знакомцу, почти въ слѣдующихъ словахъ: «М. Г.! изъ словъ вашихъ ясно, что вы человѣкъ умный и просвѣщенный; какимъ же образомъ можете вы хвалить ваше земледѣльческое Общество?» Тотъ какъ съ неба упалъ, не зналъ, что отвѣчать на это, и только глядѣлъ на своего собесѣдника, расширивъ глаза. «Да, конечно,—продолжалъ Демидовъ.—Не говорю, по какимъ побужденіямъ дѣйствуютъ многіе, засѣдающіе въ вашемъ Обществѣ; явная цѣль его: увеличить количество хлѣба въ Россіи. Но что сказали бы вы о томъ сапожникѣ, который, не имѣя возможности продать въ годъ пять сотъ паръ сапоговъ, стремился бы приготовлять ихъ тысячу паръ? Не сказали ли бы вы, что онъ дѣйствуетъ безразсудно?» Гость нашъ позеленѣлъ отъ ужаса при такихъ словахъ, и началъ бормотать о благородствѣ побужденій, о высокомъ покровительствѣ, о поощреніяхъ. «Мы не малые ребята, м. г.,—возразилъ Демидовъ.— Генералъ-губернаторъ дѣлаетъ свое дѣло; онъ въ своей роли; но неужели сочлены его серьезно сбираются толковать о пустякахъ?»

Я не сужу, справедливо ли, и кстати ли было мнѣніе, выраженное Демидовымъ, а только передаю случай, выражающій его характеръ.

Другой случай съ нимъ, бывшій при мнѣ, еще лучше характеризуетъ этого человѣка.

Больше чѣмъ черезъ десять лѣтъ потомъ, когда Николай Алексѣевичъ жилъ въ Петербургѣ, а я въ Москвѣ, братъ мой пріѣхалъ въ Москву на нѣсколько времени и, по обыкновенію, остановился у меня. Его посѣщали многіе, какъ это бывало всегда во время пріѣздовъ его изъ Петербурга. Однажды утромъ, собралось нѣсколько посѣтителей вдругъ, и въ числѣ ихъ находился Н. П. Демидовъ. Одинъ изъ гостей, по какому-то поводу, заговорилъ объ одномъ изъ первыхъ богачей въ Россіи и удивлялся уму и способностямъ его, а въ заключеніе прибавилъ, какъ бы въ назиданіе: «Онъ служитъ примѣромъ, что можно пріобрѣсти милліоны честнымъ образомъ, то есть, употребляя въ дѣло умъ, проницательность, смѣтливость, и не прибѣгая ни къ какимъ предосудительнымъ средствамъ». При этомъ значительномъ выводѣ, терпѣніе Н. П. Демидова лопнуло, и онъ, едва удерживая свое негодованіе,

сказалъ панегиристу милліонера: «Князь! (Это былъ князь Михаилъ Андреевичъ Оболенскій). Вы хвалите человѣка, какъ видно, вовсе неизвѣстнаго вамъ. Позвольте же мнѣ сказать, что я знаю его лучше, нежели вы. Во-первыхъ, онъ получилъ еще отъ отца своего большое имѣніе и, какъ человѣкъ скупой, могъ, впродолженіе пятидесяти лѣтъ, сдѣлаться очень богатымъ отъ однихъ сбереженій. Но онъ не удовольствовался этимъ, и употреблялъ всякія средства для увеличенія своего богатства. Какъ вамъ покажется, напримѣръ, то, что онъ купилъ имѣніе у моего отца, Петра Евдокимовича Демидова, съ рáзсрочкою платежа на десять лѣтъ, но за такую сумму, которая равнялась десятилѣтней сложности дохода, то есть, просто, взялъ его даромъ, и употребилъ орудіемъ для этого фаворитку моего отца, подлую калмычку, которая имѣла власть надъ слабымъ старикомъ!.. Я былъ тогда на службѣ, далеко отъ моего отца, и, услышавши, что онъ даромъ отдалъ значительную часть нашего имѣнія, прискакалъ въ Москву; но покупщикъ, на всѣ мои убѣжденія, очень вѣжливо показалъ мнѣ условіе, заключенное имъ съ моимъ отцомъ!.. Неудивительно, что, употребляя, между прочимъ, и такія средства для пріобрѣтенія богатства, г. N. N. сдѣлался однимъ изъ первыхъ богачей въ Россіи. Но гдѣ же вы видите его умъ, смѣтливость, проницательность»?

Не стану указывать на всѣхъ замѣчательныхъ и достойныхъ уваженія людей, которые сближались съ Николаемъ Алексѣевичемъ въ то самое время, когда непріятели старались осмѣять, унизить его печатно, а въ изустныхъ разсказахъ о немъ не скупились распространять о немъ все, что способенъ сказать раздраженный человѣкъ. Я говорю это не о тѣхъ благородныхъ людяхъ, которые могли временно сдѣлаться его непріятелями, или, по крайней мѣрѣ, противниками, но не переставали отдавать ему справедливость и уважать его дарованія даже въ самый разгаръ литературной войны съ нимъ. Но не всѣ поступали такъ прямодушно и не всѣ потомъ сближались съ нимъ. Со многими онъ и самъ не хотѣлъ никогда вступать въ пріятельскія сношенія. Я желаю выразить здѣсь особенно ту истину, что, когда въ человѣкѣ есть дѣйствительныя достоинства, всѣ честные люди, раньше или позже, отдадутъ имъ справедливость. И только слѣпая ненависть и злоба преслѣдуютъ Николая Алексѣевича и послѣ смерти его. Приведенные мною примѣры достаточно свидѣтельствуютъ, что буря, возставленная на него противниками, не уронила его въ глазахъ людей безпристрастныхъ и благородныхъ, хотя была причиной множества непріятностей для него какъ въ то время, такъ и послѣ.

IX.

Кружокъ людей, близкихъ къ «Московскому Телеграфу».—Братья Кирѣевскіе.—М. П. Розбергъ и философскіе споры.—Д. П. Шелиховъ.—Философія Шеллинга и московскіе шеллингисты.—Классицизмъ и романтизмъ.—Экономическія теоріи.—Занятія Николая Алексѣевича санскритомъ и восточнымъ міромъ.

Говоря о тогдашнихъ знакомыхъ и временныхъ непріятеляхъ Николая Алексѣевича, не могу не упомянуть, наконецъ, о небольшомъ искреннемъ кружкѣ знакомыхъ, который образовался около этого времени въ нашемъ домѣ. Онъ составился, большею частію, изъ молодыхъ людей, пламенно любившихъ литературу и занимавшихся новымъ тогда направленіемъ философіи.

Изъ числа ихъ долженъ я упомянуть прежде, нежели о другихъ, объ Иванѣ Васильевичѣ Кирѣевскомъ, потому что онъ былъ знакомъ съ нами еще прежде изданія «Московскаго Телеграфа». Можно сказать, что онъ принадлежалъ къ литературному семейству, гдѣ литература была необходимымъ элементомъ жизни. Мать его, близкая родственница знаменитаго поэта Жуковскаго, съ которымъ провела она юность свою, сама любила литературу и занималась ею, участвовала даже въ нѣкоторыхъ литературныхъ трудахъ Жуковскаго, когда онъ жилъ въ Бѣлевѣ, и дѣти ея воспитывались въ кругу литераторовъ. Иванъ Васильевичъ и Петръ Васильевичъ Кирѣевскіе были дѣти ея отъ перваго брака. Я началъ знать ее, когда она уже была въ замужествѣ за А. А. Елагинымъ, достойнымъ ея, благороднымъ, просвѣщеннымъ и очень любезнымъ человѣкомъ. Не трудно была образоваться въ этомъ семействѣ двумъ молодымъ людямъ, одареннымъ такими отличными способностями, какими обладали Иванъ и Петръ Васильевичи Кирѣевскіе. Младшій изъ нихъ, Петръ Васильевичъ, былъ неразговорчивъ и даже застѣнчивъ; но Иванъ Васильевичъ, совершенно напротивъ, любилъ и отличался умѣньемъ говорить. У него не было блестящаго дара слова, какъ у покойнаго Веневитинова, но необыкновенно-логическій, твердый умъ его способствовалъ ему быть непобѣдимымъ діалектикомъ. Это особенно обнаружилось въ то время, когда въ нашемъ домѣ явилось нѣсколько молодыхъ людей, только-что окончившихъ университетскій курсъ, страстныхъ послѣдователей и поклонниковъ Шеллинговой философіи. Я уже говорилъ, какимъ образомъ эта философія была перенесена въ Московскій университетъ, и съ какимъ жаромъ занимались ею всѣ, кто имѣлъ какое нибудь желаніе быть наравнѣ съ просвѣщеніемъ вѣка. Но, разумѣется, съ исключительною пылкостью занимались ею молодые люди, воспитанники университета, гдѣ уже не одинъ Павловъ, но и профессоръ Давыдовъ (нынѣ сенаторъ) объясняли преподаваемые ими предметы согласно вы-

водамъ нѣмецкой философіи. Однимъ изъ отличнѣйшихъ слушателей профессора Давыдова былъ Михаилъ Петровичъ Розбергъ (нынѣ профессоръ Дерптскаго университета). Онъ окончилъ университетскій курсъ въ 1825 году, и тогда же написалъ и напечаталъ свою диссертацію объ эстетическомъ развитіи грековъ и римлянъ. Диссертація его, написанная на латинскомъ языкѣ, была награждена серебряною, а не золотою медалью потому только, что первую награду присудили одному князю, за диссертацію на ту же тему, хотя всѣ знали, что эту диссертацію писалъ не самъ молодой князь, а по заказу его, кандидатъ Рожалинъ, славившійся своими способностями. Такое столкновеніе не совсѣмъ обыкновенныхъ обстоятельствъ, огласившееся въ литературномъ кругу, и неоспоримое достоинство диссертаціи г. Розберга, побудили Николая Алексѣевича познакомиться съ молодымъ авторомъ, и онъ нашелъ въ немъ то, чего ожидалъ, то есть человѣка необыкновеннаго умомъ, образованностью и блестящими способностями, къ числу которыхъ и тогда принадлежалъ рѣдкій даръ слова. М. П. Розбергъ вскорѣ сдѣлался близкимъ нашимъ знакомымъ и ввелъ въ нашъ кругъ нѣсколько достойныхъ своихъ товарищей по университету. Назову изъ числа ихъ Ивана Ивановича Безсомыкина, Ивана Николаевича Камашева и Михаила Николаевича Лихонина. Всѣ мы были тогда молоды, беззавѣтно любили все, что только относится къ просвѣщенію, и съ жаромъ изучали глубокомысленныя, но трудныя для яснаго уразумѣнія книги Шеллинга и его послѣдователей. Такое общее стремленіе чрезвычайно сближаетъ людей, особливо молодыхъ, безкорыстно преданныхъ изысканію истины. Прибавьте къ этому тогдашнее направленіе европейской литературы, восторгъ, съ какимъ читали тогда безсмертныя созданія великихъ современныхъ писателей—Байрона, Вальтера Скотта, Гёте, Томаса Мура, и многихъ достойныхъ ихъ послѣдователей и соревнователей; вспомните, что тогда началась новая жизнь во французской литературѣ, что всѣ благородныя стремленія воскресали и развивались съ необычайною силою, и вы согласитесь, что было о чемъ побесѣдовать и поспорить въ искреннемъ кругу молодымъ людямъ, больше жившимъ идеальною жизнію. Въ самомъ дѣлѣ, никогда не бывало между нами и рѣчи о современныхъ сплетняхъ, о спекуляціяхъ на литературу и жизнь, ни даже о томъ, какъ сдѣлать свою карьеру. Никто и не думалъ, чтò онъ будетъ, и какъ пойдетъ по тернамъ жизни. За то умственная, идеальная жизнь, изслѣдованіе вѣчныхъ задачъ міра, были въ полномъ разгарѣ. Но въ то время, которое описываю я, особенно занимала всѣхъ и была предметомъ жаркихъ сужденій нѣмецкая философія. Хотѣли объяснить себѣ ея положенія и примѣненія, потому что философія даетъ взглядъ на все и отражается во всѣхъ дѣйствіяхъ человѣка. Соглашаясь въ общихъ положеніяхъ и выводахъ Шеллинговой философіи, не всегда согла-

шались въ подробностяхъ, и это было поводомъ къ безконечнымъ спорамъ. Тутъ-то въ первый разъ показалъ вполнѣ и свой сильный умъ, и свою діалектическую способность Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій. C'était un fort jouteur! Съ нимъ особенно состязался М. П. Розбергъ, достойный его соперникъ въ діалектикѣ и въ словѣ. Помню, что разъ, какъ-то вечеромъ, завязался споръ, не кончившійся до глубокой ночи, и, чтобы окончить его, согласились собраться на другой день у Кирѣевскаго. На другой день явились тамъ всѣ спорившіе, но жаркое состязаніе длилось до того, что, наконецъ, Розбергъ, усталый, утомленный, перемѣнившійся въ лицѣ отъ двухъ-дневнаго спора, съ глубокимъ убѣжденіемъ и очень торжественно произнесъ, обращаясь къ Кирѣевскому:

— Я не согласенъ, но спорить больше нѣтъ силъ у меня!

Теперь, конечно, непостижимо было бы подобное явленіе, и нынѣшніе молодые люди, со своею положительною философіею, со своимъ утилитарнымъ умомъ, видѣли бы въ этомъ только сторону комическую. Но сколько было прекраснаго, поэтическаго и полезнаго въ этихъ юношескихъ спорахъ и увлеченіяхъ! Тутъ выработывались идеи, убѣжденія, взгляды, и они-то должны были перейдти потомъ въ дѣйствія. Какое счастіе и благо, что основаніемъ для этого служила возвышенная философія Шеллинга, останавливающаяся передъ непостижимымъ, какъ остановился и самъ Шеллингъ, когда дошелъ до крайнихъ предѣловъ въ своихъ выводахъ.

Чтобы кончить рѣчь о тогдашнихъ нашихъ философскихъ бесѣдахъ, гдѣ была и примѣсь комизма въ подробностяхъ, я долженъ упомянуть еще объ одномъ лицѣ, нѣкоторое время участвовавшемъ въ общихъ спорахъ о философіи. Не помню, какимъ образомъ познакомился съ нами Дмитрій Потаповичъ Шелиховъ, который былъ извѣстенъ какъ стихотворецъ, какъ переводчикъ отрывковъ изъ Энеиды, какъ членъ Общества любителей россійской словесности, гдѣ онъ мастерски читывалъ стихи, потому что былъ одаренъ прекраснымъ органомъ и чистымъ произношеніемъ; притомъ былъ красавецъ. Онъ казался еще молодымъ человѣкомъ, хотя участвовалъ въ войнѣ противъ французовъ и находился въ отставкѣ, кажется, въ чинѣ полковника гвардіи. Никто и не подозрѣвалъ, что онъ былъ пламенный послѣдователь философіи Шеллинга, или, по крайней мѣрѣ, представлялся такимъ. Вообще, я и теперь не могу дать себѣ вѣрнаго отчета, что за человѣкъ былъ онъ? О немъ говорили много худаго; но о комъ же не говорятъ его? Разсказывали какія-то соблазнительныя исторіи; но гдѣ граница человѣческому злословію?

По крайней мѣрѣ, я лично не знаю ничего худаго о Д. П. Шелиховѣ, теперь уже давно умершемъ; но знаю, что онъ былъ необыкновенно оригиналенъ и показывалъ иногда необыкновенную смѣтливость ума. Несомнѣнно, что, въ свое время, онъ искренно

любилъ литературу и не былъ лишенъ разнообразныхъ дарованій. Но видимымъ и иногда скучнымъ недостаткомъ его была говорливость. Это была не та быстрая, лихорадочная говорливость, при которой человѣкъ не успѣваетъ произносить словъ, сливаетъ ихъ въ какой-то однообразный звукъ, и въ заключеніе брызгаетъ слюною или свиститъ. Про одного такого говоруна сказалъ братъ мой, что этотъ господинъ произносилъ «двадцать тысячъ словъ въ часъ», и это было такъ вѣрно, что въ нашемъ кругу называли его потомъ «Двадцать тысячъ словъ въ часъ». Говорливость Шелихова была совсѣмъ инаго рода. Онъ произносилъ слова ясно, велъ рѣчь плавно, возвышая и понижая голосъ; но эта рѣчь не имѣла конца, лилась рѣкою, и если слушавшій хотѣлъ прервать ее какимъ нибудь замѣчаніемъ или возраженіемъ, Шелиховъ усиливалъ голосъ, дѣлалъ движеніе рукою, какъ бы желая остановить собесѣдника, и продолжалъ свою рѣчь. Притомъ онъ любилъ иногда выражаться фигурно, высокопарно, съ школьнымъ краснорѣчіемъ, съ примѣсью латинскихъ стиховъ, которыхъ зналъ множество наизусть. Видно, что онъ дѣйствительно занимался и Шеллинговою философіею, но выражался съ комическимъ жаромъ, говоря о ней. Разсказывая, напримѣръ, что сначала онъ былъ пораженъ глубокомысліемъ выводовъ Шеллинга, но не могъ дать себѣ отчета въ нѣкоторыхъ основаніяхъ его, Шелиховъ говорилъ:

— Я приходилъ въ отчаяніе! Читая «Систему трансцендентальнаго идеализма», я прибѣгалъ къ моему любезному брату, совѣщался съ нимъ, и оба мы бывали въ такомъ настроеніи духа, что, иногда бывало *плачемъ, волосы на себѣ рвемъ!* И что жъ? Все прояснилось для насъ, когда мы прочли Ueber die Möglichkeit einer Form der Philosophie überhaupt!..

Молодежь подсмѣивалась немного надъ его *непритворнымъ восторгомъ*, какъ говорилъ Шелиховъ, надъ *безусловнымъ самозабвеніемъ*, съ какимъ, по увѣренію его, занимался онъ философіею. Но онъ долго оставался собесѣдникомъ нашихъ философскихъ собраній, и это уже показываетъ, что онъ не имѣлъ какихъ нибудь корыстныхъ цѣлей, посвящая свое время спорамъ и разсужденіямъ съ юношами. Я увѣренъ, что тогда онъ самъ дѣлался юношей, а имъ нравился своею оригинальностью, въ которой отличительною чертою было какое-то простодушіе, искусственное или естественное, этого я не берусь рѣшить. Такъ, напримѣръ, встрѣтившись съ однимъ стариннымъ пріятелемъ, товарищемъ своимъ еще по университету, человѣкомъ очень ловкимъ, можетъ быть, даже слишкомъ ловкимъ, и увлеченный разговоромъ съ нимъ, Шелиховъ вдругъ воскликнулъ: «N. N.! вѣдь я знаю, что ты каналья, но я люблю тебя за то, что ты уменъ!»

Впослѣдствіи Шелиховъ предался агрономіи, хозяйничалъ, кажется, очень неудачно, хотя писалъ цѣлые трактаты объ устрой-

ствѣ имѣній, о земледѣліи и особенно объ унавоживаніи земли. Тутъ-то носились о немъ разные слухи. Но я не пишу о томъ, чего не знаю достовѣрно.

Новый взглядъ, бывшій слѣдствіемъ знакомства Николая Алексѣевича съ философіею Шеллинга, выражался въ «Московскомъ Телеграфѣ» съ самаго начала этого журнала. Въ слѣдующій годъ тамъ было довольно статей, можетъ быть, даже излишне проникнутыхъ новою тогда философіею; но журнальная смѣтливость издателя была такова, что онъ никогда не увлекался въ однообразное направленіе, всегда имѣя въ виду общность своихъ читателей. Всѣ части шли ровно въ его журналѣ. Послѣ описаннаго мною, можно было бы подумать, что философія должна была преобладать въ «Московскомъ Телеграфѣ». Но тамъ выражалась она только въ направленіи статей, во взглядѣ, и никогда не вытѣсняла другихъ частей просвѣщенія. Замѣчу, какъ важное достоинство, дѣлающее особенную честь издателю, что, сдѣлавшись ревностнымъ послѣдователемъ трансцендентальной философіи, онъ не искажалъ языка терминами и выраженіями ея, темными для русскихъ читателей. Въ этомъ можно видѣть превосходство его надъ тѣми писателями русскими, которые, начиная говорить философскимъ языкомъ, превращаютъ русскій языкъ въ варварское сцѣпленіе непонятныхъ словъ, и русскія слова передѣлываютъ на нѣмецкій ладъ, такъ что въ нихъ остаются одни только русскіе звуки. Въ «Московскомъ Телеграфѣ» здравыя, вѣрныя идеи излагались языкомъ понятнымъ и незамѣтно усвоивались читающею публикою. Это можно признать великою услугою, оказанною Н. А. Полевымъ. До появленія «Московскаго Телеграфа» было напечатано лишь нѣсколько статей, написанныхъ въ духѣ новой философіи, но и тѣ были не всѣ удачны, именно потому, что изложеніе ихъ казалось непонятно. Въ «Московскомъ Телеграфѣ» не говорили прямо о философіи, но при всякомъ случаѣ передавали понятія и выводы ея. Такимъ образомъ Н. А. Полевой способствовалъ не только распространенію здравой философіи, но и рѣшительной побѣдѣ ея надъ чувственною, матеріальною философіею, которая до тѣхъ поръ господствовала у насъ надъ всѣми умами. Еще за нѣсколько лѣтъ прежде, въ «Вѣстникѣ Европы» писали о философіи Локка и предлагали выводы ея какъ выводы самой мудрости; еще большинство образованныхъ людей почитало философами Гельвеція, Вейсса и даже отвратительнаго барона Гольбаха съ компаніею. Въ немного времени эти кумиры были ниспровергнуты, и ихъ стали называть философами не иначе, какъ въ насмѣшку. Можно гордиться такою заслугою.

Не менѣе важную услугу оказалъ «Московскій Телеграфъ» поясненіемъ и распространеніемъ новой теоріи словесности. До тѣхъ поръ у насъ господствовала такъ называемая классическая теорія,

и оракулами ея были Горацій и Буало, худо понятые (мимоходомъ сказать); полнѣйшимъ изложеніемъ этой теоріи почитался курсъ Баттё, уважавшійся во всей Европѣ. Въ Германіи началось противоборство ложному классицизму, и уже во Франціи книга г-жи Сталь, брошюры и курсъ А. Шлегеля тревожили умы; а у насъ еще мало и слышали о томъ. Профессоръ Мерзляковъ попрежнему читалъ свои лекціи, руководствуясь переведенною имъ книжкою Эшенбурга, и побранивалъ Пушкина какъ нововводителя, какъ отступника отъ классическихъ преданій. Въ это-то время «Московскій Телеграфъ» смѣло и откровенно принялъ сторону нововводителей, началъ восхвалять новыхъ поэтовъ, подсмѣиваться надъ мнимыми классиками и помѣщать на своихъ страницахъ изслѣдованія о новой теоріи словесности. Тутъ борьба была легкая, потому что ее подкрѣпляли изящные образцы; но изложеніе самой теоріи было трудно, потому что она еще не прояснилась въ умахъ самихъ защитниковъ ея. Противоположный классицизму — романтизмъ, и до сихъ поръ изъясняемый различно, давалъ поводы къ спорамъ между самими защитниками его. Въ этой борьбѣ, Николай Алексѣевичъ, не великій теоретикъ, принесъ много пользы своими критическими разборами, въ которыхъ старался показать красоты поэтическихъ сочиненій Пушкина и другихъ современныхъ ему поэтовъ. Въ настоящее время трудно даже понять, какъ безусловно господствовалъ у насъ ложный классицизмъ, и тѣмъ удивительнѣе быстрое его паденіе. До 1820 года, всѣ образованные люди наши, всѣ литераторы, всѣ профессоры и учители словесности, оставались въ глубокомъ убѣжденіи, что теорія, извлеченная изъ древнихъ писателей, непреложна, и остается только слѣдовать ей, чтобы достигнуть возможнаго совершенства. Это казалось логически неопровержимо. Какъ же? Греки и римляне достигли возможнаго совершенства по всѣмъ отраслямъ литературы; французы, рабски подражая имъ, возвели свою литературу почти на такую же степень совершенства; геніальные писатели ихъ слѣдовали безусловно древнимъ образцамъ, не только подражали имъ, но и просто переводили изъ нихъ. Чего же искать, и гдѣ можно найдти что нибудь болѣе совершенное? И не будетъ ли всякое отступленіе отъ великихъ образцовъ упадкомъ, гибельнымъ для успѣховъ, а нарушеніе теоріи—святотатствомъ? Такъ разсуждали всѣ умные и просвѣщенные люди, подкрѣпляя свои убѣжденія примѣромъ цѣлыхъ вѣковъ и всѣми успѣхами литературы со времени возрожденія. Другой теоріи не знали, и были убѣждены, что другой теоріи нѣтъ. Станемъ ли осуждать нашихъ предшественниковъ за ихъ убѣжденія? Станемъ ли насмѣхаться надъ Херасковымъ, который воображалъ, что въ точности слѣдуетъ Гомеру,—отрицать дарованіе у Озерова, который наложилъ на себя оковы классицизма, или—почитать невѣждою профессора Мерзля-

кова, который умеръ съ убѣжденіемъ, что нѣтъ другой теоріи словесности, кромѣ классической? Мы сами были бы смѣшны, если бы поддались ребяческому удовольствію воображать, что мы умнѣе нашихъ предшественниковъ. Напротивъ, въ томъ-то и состояла заслуга людей, возставшихъ противъ классицизма, что они вступили въ борьбу съ людьми умными, просвѣщенными и даровитыми, которыхъ побѣдить было столько же трудно, сколько славно. Теперь всякій школьникъ знаетъ наизусть то, чего въ 1820 году можно было достигнуть только глубокимъ умомъ и разнообразными изученіями. За классиковъ говорило все прошедшее; а противники ихъ могли выставить въ защиту своихъ мнѣній будущее, то есть будущіе успѣхи послѣдователей ихъ теоріи, тогда еще во многомъ не поясненной. Вотъ почему теоретическая борьба была трудна, и быстрое паденіе старинной теоріи должно приписать не столько усиліямъ новыхъ теоретиковъ, сколько появленію романтическихъ писателей, знакомству съ ними публики, и, наконецъ, тому блистательному созвѣздію великихъ поэтовъ, которые вдругъ появились въ началѣ нашего столѣтія. Гёте, Шиллеръ, Байронъ, Вальтеръ Скоттъ и достойные ихъ послѣдователи могущественно подкрѣпили новую теорію, и умы, уже давно утомленные классическимъ однообразіемъ, быстро воспрянули къ новой жизни. Въ самомъ дѣлѣ, исторія литературы не представляетъ другаго столь быстраго переворота. Толпа, всегда жадная къ новому, разумѣется, вдругъ превратилась въ жаркую защитницу новаго искусства, и, какъ всегда, перешла за границы справедливости. Между тѣмъ какъ во Франціи стали сомнѣваться даже въ дарованіи великихъ классическихъ поэтовъ, у насъ прежніе литературные авторитеты разрушались, еще прежде, нежели новая теорія оправдала свои выводы. Когда такое направленіе умовъ дѣлается модою, достояніемъ толпы, тогда люди обыкновенные, не превышающіе грамотной черни своими понятіями, повторяютъ чужія мнѣнія безотчетно и представляютъ иногда комическіе примѣры своей измѣнчивости. Такъ, напримѣръ, Воейковъ, — о которомъ я уже говорилъ довольно подробно,—Воейковъ, всегда провозглашавшій свои хвалы и брани по отношеніямъ, по направленію вѣтра, восклицалъ, прежде 1812 года, въ своемъ посланіи къ Эмилію (то есть къ Сперанскому):

Херасковъ, нашъ Гомеръ, воспѣвшій древни брани,
Россіи торжество, паденіе Казани!

А въ 1818 году, въ посланіи къ Уварову, гдѣ онъ такъ неловко защищалъ гекзаметръ, уже говорилъ про того же Гомера-Хераскова:

И Херасковъ повлекся за нимъ—слѣпой подражатель!

Не такъ дѣйствовалъ Н. А. Полевой. Не повторителемъ безотчетнымъ, но критикомъ явился онъ у насъ въ знаменитой борьбѣ

новой школы со старою, и старался теоретически оправдать то, чему искренно удивлялся, чѣмъ восхищался онъ въ сочиненіяхъ Жуковскаго и Пушкина. Журналъ его, впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, высказалъ въ этомъ отношеніи много мнѣній новыхъ, основательныхъ, утвердившихъ въ умахъ новый взглядъ, новую теорію словесности. Скажутъ, что здѣсь онъ самъ часто ошибался и иногда доказывалъ шаткость и неопытность въ мнѣніяхъ. Не отрицаю этого; но что значили частныя ошибки, когда дѣло шло о цѣломъ переворотѣ въ понятіяхъ? У кого же нѣтъ ошибокъ? Самъ А. В. Шлегель, критикъ образцовый, первый распространившій новую теорію словесности съ тою ясностью, убѣдительностью, которыя дали ей рѣшительную побѣду, самъ Шлегель является иногда одностороннимъ, не вездѣ справедливымъ; а мелкія ошибки отыщутся у всякаго писателя. Но отымаетъ ли все это у его критики великую заслугу?

Такъ должно смотрѣть на критическую, и даже на полемическую часть «Московскаго Телеграфа»; его частныя ошибки не мѣшали быть вѣрною и здравою той теоріи, которая проникала всѣ статьи, гдѣ излагались новыя воззрѣнія на литературу. Люди, привыкшіе къ стариннымъ учебнымъ и ученымъ книгамъ, издѣвались надъ высшими взглядами издателя «Московскаго Телеграфа», а потомъ, постепенно, усвоили ихъ себѣ всѣ. Онъ приносилъ имъ пользу уже тѣмъ, что указывалъ на многія иностранныя сочиненія, о которыхъ они не слыхивали, хотя тамъ излагались совершенно новые взгляды на науку. Сколько было насмѣшекъ надъ высшими взглядами! сколько разъ было повторено названіе верхогляда, которое примѣняли къ Н. А. Полевому! А что жъ такое были эти высшіе взгляды, какъ не расширеніе предѣловъ науки, взглядъ на общность ея, безъ ограниченія себя преданіями старовѣровъ? Этого не хотѣли видѣть, и иногда съ невѣжественнымъ цинизмомъ насмѣхались надъ верхоглядомъ! Имъ казалось это очень остроумнымъ!

Въ примѣръ невѣжественной насмѣшки упомяну объ одномъ случаѣ. Въ сочиненіи нашего извѣстнаго писателя и политико-эконома Шторха, изданномъ въ Парижѣ въ 1824 году, была въ первый разъ изложена богатая послѣдствіями мысль о невещественномъ капиталѣ. Со временъ Адама Смита, экономисты недоумѣвали, какъ разумѣть и куда причислить тѣхъ членовъ общества, которые не занимаются матеріальнымъ трудомъ, какъ занимаются земледѣльцы, ремесленники и прочіе производители, собственно такъ называемые. Готовы были почитать писателя, художника, медика, даже полководца просто дармоѣдами, которые только потребляютъ чужой трудъ, не производя сами ничего, составляющаго капиталъ, который есть не иное что, какъ скопленный трудъ. Шторхъ съ необыкновенною ясностью доказалъ, что писа-

тель, медикъ и подобные имъ члены общества, такіе же производители, какъ другіе, и что трудъ ихъ такъ же полезенъ и необходимъ, какъ трудъ вещественный, и способность такого производителя, и самый трудъ его назвалъ онъ капиталомъ невещественнымъ. Н. А. Полевой, зорко наблюдая всѣ новые шаги въ наукахъ и самъ занимаясь политическою экономіею, сталъ при случаѣ повторять и примѣнять мысль Шторха; впослѣдствіи онъ издалъ даже отдѣльную брошюру о невещественномъ капиталѣ. И что же? наши остроумцы осыпали его насмѣшками за невещественный капиталъ!.. Мысль, теперь обще-принятая и расширившая предѣлы науки, была поводомъ къ самому пошлому гаерству надъ тѣмъ, кто первый высказалъ ее порусски!

Также онъ первый началъ писать о взглядѣ знаменитаго Риттера на Землевѣдѣніе. Это до такой степени было ново, что впослѣдствіи отъявленный врагъ Николая Алексѣевича, бывшій профессоръ М. П. Погодинъ, тогда еще молодой человѣкъ, пришелъ къ нему попросить у него сочиненій Риттера, о которыхъ тотъ упомянулъ въ рецензіи на книжку о древней географіи, изданную Погодинымъ. Между прочимъ, по экземпляру, взятому у Николая Алексѣевича, Погодинъ издалъ потомъ Sechs Karten von Europa, въ русскомъ переводѣ. До тѣхъ поръ, онъ, вѣроятно, и не слыхивалъ о Риттерѣ, какъ многіе другіе [1]).

Насмѣхались также надъ занятіями Н. А. Полеваго санскритскимъ языкомъ и восточнымъ міромъ. Онъ никогда не представлялъ себя санскритологомъ и индологомъ, но не могъ не обратить вниманія и на этотъ міръ, съ которымъ такъ недавно стала знакомиться Европа. Въ наше время, когда сравнительная филологія сдѣлалась основаніемъ философическаго изученія человѣческаго слова, нѣтъ надобности доказывать, что для такого изученія индоевропейскихъ языковъ слѣдуетъ обратиться къ языку санскритскому. Проницательный умъ Н. А. Полеваго тотчасъ постигъ это, и онъ хотѣлъ не сдѣлаться санскритологомъ, а узнать до нѣкоторой степени и составить себѣ понятіе, что такое санскритскій языкъ? Тогда не было для этого никакихъ пособій на русскомъ языкѣ, да и на иностранныхъ было ихъ немного. Онъ выписалъ себѣ руководства, о какихъ могъ найдти свѣдѣнія, и нѣсколько времени изучалъ этотъ предметъ. Можетъ быть, онъ прежде всѣхъ изъ русскихъ занимался санскритскимъ языкомъ, не съ тѣмъ, чтобы изучить его и читать санскритскія книги, но чтобы дать себѣ отчетъ о связи древнѣйшаго языка съ новыми, и съ русскимъ въ особенности, открыть тамъ нѣкоторые законы и воспользованія

---

[1]) О причинахъ вражды М. П. Погодина къ моему брату и о нѣкоторыхъ любопытныхъ подробностяхъ ея упомяну я въ надлежащемъ мѣстѣ. Это потребуетъ поясненій.

зоваться ими для поясненія законовъ русскаго языка. Такого рода занятіе предметомъ, совершенно новымъ у насъ тогда, должно было бы принести ему честь въ глазахъ просвѣщенныхъ соотечественниковъ; но литературные враги его обратили и это въ насмѣшку. Пошлыя шуточки ихъ обличаютъ только собственное ихъ невѣжество, но тогда и это было однимъ изъ обвиненій противъ Н. А. Полеваго. «Каковъ? занимается санскритскимъ языкомъ! Что за шарлатанъ!» Таковъ былъ смыслъ ихъ нападеній. Въ настоящее время, напротивъ, кто не отдастъ справедливости проницательному его уму, его любознательности и неутомимому трудолюбію, съ какимъ занимался онъ всѣмъ? Но именно за то, что онъ шелъ впереди многихъ, люди отсталые или неспособные старались представить дѣятельность его въ искаженномъ видѣ.

Разсматривая такимъ образомъ разныя отрасли литературы, которыми занимался Н. А. Полевой, можно убѣдиться, что почти въ каждой изъ нихъ онъ высказалъ что нибудь новое, внесъ новый взглядъ и указалъ на новые успѣхи и шаги впередъ. Съ особенною любовью занимался онъ русскою исторіею; но въ 1825 году онъ еще не успѣлъ сдѣлать ничего по этой части, и только въ критическихъ разборахъ и замѣчаніяхъ своихъ высказалъ много новыхъ мыслей, возбудившихъ негодованіе старовѣровъ и чтителей авторитетовъ. Описывая жизнь его за слѣдующіе годы, я укажу на услуги, оказанныя имъ русской исторіи, и объясню, отчего многіе труды его по этой части были предметомъ жаркихъ споровъ, нападеній и обвиненій.

X.

Литературная жизнь Н. А. Полеваго.—Его ближайшій кружокъ.—Встрѣча съ Мицкевичемъ.—Сближеніе Мицкевича съ братьями Полевыми.—Характеристика Мицкевича; его отношенія къ Пушкину и русскимъ писателямъ; его импровизація.—Е. А. Баратынскій, какъ поэтъ и человѣкъ.—Его дружескія отношенія къ Николаю Алексѣевичу.

Въ описываемое нами время, Н. А. велъ жизнь почти исключительно литературную. Онъ передалъ второму своему брату [1]) управленіе водочнымъ заводомъ, доставшимся намъ отъ отца нашего (хотя и прежде почти не занимался имъ), а самъ посвятилъ себя вполнѣ журналу и литературѣ. Такимъ образомъ онъ достигъ цѣли, къ которой стремился съ малолѣтства, и достигъ ея единственно силою своихъ дарованій. Одно это уже показываетъ человѣка необыкновеннаго, писателя по призванію. Другой остановился бы при

---

[1]) Евсевію Алексѣевичу Полевому.

первыхъ попыткахъ, устрашился бы препятствій, палъ бы подъ тяжестью окружавшихъ его обстоятельствъ. Но люди съ такою силою призванія къ литературѣ, какъ Н. А., умѣютъ побѣждать всѣ препятствія и занимаютъ мѣсто, имъ назначенное. Не сравниваю его ни съ кѣмъ; но въ исторіи нашей литературы, послѣ Ломоносова, никто изъ извѣстныхъ писателей не боролся съ такими препятствіями на пути своемъ, какъ Н. А. Полевой, и никто не преодолѣлъ ихъ такъ блистательно, какъ онъ.

Былъ ли Николай Алексѣевичъ счастливъ, или, по крайней мѣрѣ, доволенъ своимъ положеніемъ въ это время? Кажется, счастье не бываетъ удѣломъ людей, одаренныхъ способностью сильно чувствовать, и только въ немногія минуты бываютъ они довольны внутреннимъ сознаніемъ, что не даромъ живутъ на свѣтѣ. Конечно, въ матеріальномъ, вещественномъ отношеніи, положеніе его было хорошо. Но безконечный трудъ и безчисленныя непріятности литературныя вознаграждались немногими пріятными ощущеніями. Къ числу такихъ пріятныхъ ощущеній должно причислить, прежде всего, уваженіе многихъ изъ благороднѣйшихъ современниковъ,— уваженіе, тѣмъ болѣе знаменательное, что его не могли возмутить никакія брани, осужденія и клеветы враговъ Николая Алексѣевича.

Князь П. А. Вяземскій не только оставался постояннымъ сотрудникомъ «Московскаго Телеграфа», но и оказывалъ постепенно болѣе дѣятельности въ участіи своемъ по журналу. Онъ писалъ для него много самъ, доставлялъ статьи знакомыхъ ему литераторовъ и оказывалъ издателю искреннюю пріязнь, ободрялъ, поощрялъ его къ труду и былъ лучшимъ совѣтникомъ въ затруднительныхъ случаяхъ. Участія одного этого отличнаго литератора, человѣка, глубоко уважаемаго Николаемъ Алексѣевичемъ, было бы достаточно для приданія мужества и новой дѣятельности журналисту молодому, но чувствовавшему въ себѣ неизмѣримыя силы.

Неизмѣнный въ чувствахъ дружбы, князь Вл. Ѳ. Одоевскій, хотя почти вовсе не участвовалъ въ нашемъ журналѣ, но отношенія его къ Николаю Алексѣевичу оставались прежнія. Онъ былъ пріятнѣйшимъ гостемъ его и часто проводилъ съ нимъ время, не обращая вниманія на внушенія школьныхъ своихъ товарищей, которые сдѣлались врагами или недоброжелателями Н. А. Полеваго.

Не называю еще нѣсколькихъ человѣкъ, которые уже давно сошли со сцены міра, но тогда были близкими людьми къ моему брату. Казалось, что возставшая противъ него литературная буря только увеличила ихъ участіе къ нему, и они, видя правоту на его сторонѣ, дѣлались тѣмъ болѣе жаркими его защитниками. Къ этому же времени относится первоначальное знакомство и вскорѣ искреннее сближеніе Николая Алексѣевича съ двумя достопамятными и славными писателями. Это были: знаменитый польскій

зоваться ими для поясненія законовъ русскаго языка. Такого рода занятіе предметомъ, совершенно новымъ у насъ тогда, должно было бы принести ему честь въ глазахъ просвѣщенныхъ соотечественниковъ; но литературные враги его обратили и это въ насмѣшку. Пошлыя шуточки ихъ обличаютъ только собственное ихъ невѣжество, но тогда и это было однимъ изъ обвиненій противъ Н. А. Полеваго. «Каковъ? занимается санскритскимъ языкомъ! Что за шарлатанъ!» Таковъ былъ смыслъ ихъ нападеній. Въ настоящее время, напротивъ, кто не отдастъ справедливости проницательному его уму, его любознательности и неутомимому трудолюбію, съ какимъ занимался онъ всѣмъ? Но именно за то, что онъ шелъ впереди многихъ, люди отсталые или неспособные старались представить дѣятельность его въ искаженномъ видѣ.

Разсматривая такимъ образомъ разныя отрасли литературы, которыми занимался Н. А. Полевой, можно убѣдиться, что почти въ каждой изъ нихъ онъ высказалъ что нибудь новое, внесъ новый взглядъ и указалъ на новые успѣхи и шаги впередъ. Съ особенною любовью занимался онъ русскою исторіею; но въ 1825 году онъ еще не успѣлъ сдѣлать ничего по этой части, и только въ критическихъ разборахъ и замѣчаніяхъ своихъ высказалъ много новыхъ мыслей, возбудившихъ негодованіе старовѣровъ и чтителей авторитетовъ. Описывая жизнь его за слѣдующіе годы, я укажу на услуги, оказанныя имъ русской исторіи, и объясню, отчего многіе труды его по этой части были предметомъ жаркихъ споровъ, нападеній и обвиненій.

X.

Литературная жизнь Н. А. Полеваго.—Его ближайшій кружокъ.—Встрѣча съ Мицкевичемъ.—Сближеніе Мицкевича съ братьями Полевыми.—Характеристика Мицкевича; его отношенія къ Пушкину и русскимъ писателямъ; его импровизація.—Е. А. Баратынскій, какъ поэтъ и человѣкъ.—Его дружескія отношенія къ Николаю Алексѣевичу.

Въ описываемое нами время, Н. А. велъ жизнь почти исключительно литературную. Онъ передалъ второму своему брату [1]) управленіе водочнымъ заводомъ, доставшимся намъ отъ отца нашего (хотя и прежде почти не занимался имъ), а самъ посвятилъ себя вполнѣ журналу и литературѣ. Такимъ образомъ онъ достигъ цѣли, къ которой стремился съ малолѣтства, и достигъ ея единственно силою своихъ дарованій. Одно это уже показываетъ человѣка необыкновеннаго, писателя по призванію. Другой остановился бы при

[1]) Евсевію Алексѣевичу Полевому.

первыхъ попыткахъ, устрашился бы препятствій, палъ бы подъ тяжестью окружавшихъ его обстоятельствъ. Но люди съ такою силою призванія къ литературѣ, какъ Н. А., умѣютъ побѣждать всѣ препятствія и занимаютъ мѣсто, имъ назначенное. Не сравниваю его ни съ кѣмъ; но въ исторіи нашей литературы, послѣ Ломоносова, никто изъ извѣстныхъ писателей не боролся съ такими препятствіями на пути своемъ, какъ Н. А. Полевой, и никто не преодолѣлъ ихъ такъ блистательно, какъ онъ.

Былъ ли Николай Алексѣевичъ счастливъ, или, по крайней мѣрѣ, доволенъ своимъ положеніемъ въ это время? Кажется, счастье не бываетъ удѣломъ людей, одаренныхъ способностью сильно чувствовать, и только въ немногія минуты бываютъ они довольны внутреннимъ сознаніемъ, что не даромъ живутъ на свѣтѣ. Конечно, въ матеріальномъ, вещественномъ отношеніи, положеніе его было хорошо. Но безконечный трудъ и безчисленныя непріятности литературныя вознаграждались немногими пріятными ощущеніями. Къ числу такихъ пріятныхъ ощущеній должно причислить, прежде всего, уваженіе многихъ изъ благороднѣйшихъ современниковъ,— уваженіе, тѣмъ болѣе знаменательное, что его не могли возмутить никакія брани, осужденія и клеветы враговъ Николая Алексѣевича.

Князь П. А. Вяземскій не только оставался постояннымъ сотрудникомъ «Московскаго Телеграфа», но и оказывалъ постепенно болѣе дѣятельности въ участіи своемъ по журналу. Онъ писалъ для него много самъ, доставлялъ статьи знакомыхъ ему литераторовъ и оказывалъ издателю искреннюю пріязнь, ободрялъ, поощрялъ его къ труду и былъ лучшимъ совѣтникомъ въ затруднительныхъ случаяхъ. Участія одного этого отличнаго литератора, человѣка, глубоко уважаемаго Николаемъ Алексѣевичемъ, было бы достаточно для приданія мужества и новой дѣятельности журналисту молодому, но чувствовавшему въ себѣ неизмѣримыя силы.

Неизмѣнный въ чувствахъ дружбы, князь Вл. Ѳ. Одоевскій, хотя почти вовсе не участвовалъ въ нашемъ журналѣ, но отношенія его къ Николаю Алексѣевичу оставались прежнія. Онъ былъ пріятнѣйшимъ гостемъ его и часто проводилъ съ нимъ время, не обращая вниманія на внушенія школьныхъ своихъ товарищей, которые сдѣлались врагами или недоброжелателями Н. А. Полеваго.

Не называю еще нѣсколькихъ человѣкъ, которые уже давно сошли со сцены міра, но тогда были близкими людьми къ моему брату. Казалось, что возставшая противъ него литературная буря только увеличила ихъ участіе къ нему, и они, видя правоту на его сторонѣ, дѣлались тѣмъ болѣе жаркими его защитниками. Къ этому же времени относится первоначальное знакомство и вскорѣ искреннее сближеніе Николая Алексѣевича съ двумя достопамятными и славными писателями. Это были: знаменитый польскій

зоваться ими для поясненія законовъ русскаго языка. Такого рода занятіе предметомъ, совершенно новымъ у насъ тогда, должно было бы принести ему честь въ глазахъ просвѣщенныхъ соотечественниковъ; но литературные враги его обратили и это въ насмѣшку. Пошлыя шуточки ихъ обличаютъ только собственное ихъ невѣжество, но тогда и это было однимъ изъ обвиненій противъ Н. А. Полеваго. «Каковъ? занимается санскритскимъ языкомъ! Что за шарлатанъ!» Таковъ былъ смыслъ ихъ нападеній. Въ настоящее время, напротивъ, кто не отдастъ справедливости проницательному его уму, его любознательности и неутомимому трудолюбію, съ какимъ занимался онъ всѣмъ? Но именно за то, что онъ шелъ впереди многихъ, люди отсталые или неспособные старались представить дѣятельность его въ искаженномъ видѣ.

Разсматривая такимъ образомъ разныя отрасли литературы, которыми занимался Н. А. Полевой, можно убѣдиться, что почти въ каждой изъ нихъ онъ высказалъ что нибудь новое, внесъ новый взглядъ и указалъ на новые успѣхи и шаги впередъ. Съ особенною любовью занимался онъ русскою исторіею; но въ 1825 году онъ еще не успѣлъ сдѣлать ничего по этой части, и только въ критическихъ разборахъ и замѣчаніяхъ своихъ высказалъ много новыхъ мыслей, возбудившихъ негодованіе старовѣровъ и чтителей авторитетовъ. Описывая жизнь его за слѣдующіе годы, я укажу на услуги, оказанныя имъ русской исторіи, и объясню, отчего многіе труды его по этой части были предметомъ жаркихъ споровъ, нападеній и обвиненій.

X.

Литературная жизнь Н. А. Полеваго.—Его ближайшій кружокъ.—Встрѣча съ Мицкевичемъ.—Сближеніе Мицкевича съ братьями Полевыми.—Характеристика Мицкевича; его отношенія къ Пушкину и русскимъ писателямъ; его импровизація.—Е. А. Баратынскій, какъ поэтъ и человѣкъ.—Его дружескія отношенія къ Николаю Алексѣевичу.

Въ описываемое нами время, Н. А. велъ жизнь почти исключительно литературную. Онъ передалъ второму своему брату [1]) управленіе водочнымъ заводомъ, доставшимся намъ отъ отца нашего (хотя и прежде почти не занимался имъ), а самъ посвятилъ себя вполнѣ журналу и литературѣ. Такимъ образомъ онъ достигъ цѣли, къ которой стремился съ малолѣтства, и достигъ ея единственно силою своихъ дарованій. Одно это уже показываетъ человѣка необыкновеннаго, писателя по призванію. Другой остановился бы при

[1]) Евсевію Алексѣевичу Полевому.

первыхъ попыткахъ, устрашился бы препятствій, палъ бы подъ тяжестью окружавшихъ его обстоятельствъ. Но люди съ такою силою призванія къ литературѣ, какъ Н. А., умѣютъ побѣждать всѣ препятствія и занимаютъ мѣсто, имъ назначенное. Не сравниваю его ни съ кѣмъ; но въ исторіи нашей литературы, послѣ Ломоносова, никто изъ извѣстныхъ писателей не боролся съ такими препятствіями на пути своемъ, какъ Н. А. Полевой, и никто не преодолѣлъ ихъ такъ блистательно, какъ онъ.

Былъ ли Николай Алексѣевичъ счастливъ, или, по крайней мѣрѣ, доволенъ своимъ положеніемъ въ это время? Кажется, счастье не бываетъ удѣломъ людей, одаренныхъ способностью сильно чувствовать, и только въ немногія минуты бываютъ они довольны внутреннимъ сознаніемъ, что не даромъ живутъ на свѣтѣ. Конечно, въ матеріальномъ, вещественномъ отношеніи, положеніе его было хорошо. Но безконечный трудъ и безчисленныя непріятности литературныя вознаграждались немногими пріятными ощущеніями. Къ числу такихъ пріятныхъ ощущеній должно причислить, прежде всего, уваженіе многихъ изъ благороднѣйшихъ современниковъ,— уваженіе, тѣмъ болѣе знаменательное, что его не могли возмутить никакія брани, осужденія и клеветы враговъ Николая Алексѣевича.

Князь П. А. Вяземскій не только оставался постояннымъ сотрудникомъ «Московскаго Телеграфа», но и оказывалъ постепенно болѣе дѣятельности въ участіи своемъ по журналу. Онъ писалъ для него много самъ, доставлялъ статьи знакомыхъ ему литераторовъ и оказывалъ издателю искреннюю пріязнь, ободрялъ, поощрялъ его къ труду и былъ лучшимъ совѣтникомъ въ затруднительныхъ случаяхъ. Участія одного этого отличнаго литератора, человѣка, глубоко уважаемаго Николаемъ Алексѣевичемъ, было бы достаточно для приданія мужества и новой дѣятельности журналисту молодому, но чувствовавшему въ себѣ неизмѣримыя силы.

Неизмѣнный въ чувствахъ дружбы, князь Вл. Ѳ. Одоевскій, хотя почти вовсе не участвовалъ въ нашемъ журналѣ, но отношенія его къ Николаю Алексѣевичу оставались прежнія. Онъ былъ пріятнѣйшимъ гостемъ его и часто проводилъ съ нимъ время, не обращая вниманія на внушенія школьныхъ своихъ товарищей, которые сдѣлались врагами или недоброжелателями Н. А. Полеваго.

Не называю еще нѣсколькихъ человѣкъ, которые уже давно сошли со сцены міра, но тогда были близкими людьми къ моему брату. Казалось, что возставшая противъ него литературная буря только увеличила ихъ участіе къ нему, и они, видя правоту на его сторонѣ, дѣлались тѣмъ болѣе жаркими его защитниками. Къ этому же времени относится первоначальное знакомство и вскорѣ искреннее сближеніе Николая Алексѣевича съ двумя достопамятными и славными писателями. Это были: знаменитый польскій

зоваться ими для поясненія законовъ русскаго языка. Такого рода занятіе предметомъ, совершенно новымъ у насъ тогда, должно было бы принести ему честь въ глазахъ просвѣщенныхъ соотечественниковъ; но литературные враги его обратили и это въ насмѣшку. Пошлыя шуточки ихъ обличаютъ только собственное ихъ невѣжество, но тогда и это было однимъ изъ обвиненій противъ Н. А. Полеваго. «Каковъ? занимается санскритскимъ языкомъ! Что за шарлатанъ!» Таковъ былъ смыслъ ихъ нападеній. Въ настоящее время, напротивъ, кто не отдастъ справедливости проницательному его уму, его любознательности и неутомимому трудолюбію, съ какимъ занимался онъ всѣмъ? Но именно за то, что онъ шелъ впереди многихъ, люди отсталые или неспособные старались представить дѣятельность его въ искаженномъ видѣ.

Разсматривая такимъ образомъ разныя отрасли литературы, которыми занимался Н. А. Полевой, можно убѣдиться, что почти въ каждой изъ нихъ онъ высказалъ что нибудь новое, внесъ новый взглядъ и указалъ на новые успѣхи и шаги впередъ. Съ особенною любовью занимался онъ русскою исторіею; но въ 1825 году онъ еще не успѣлъ сдѣлать ничего по этой части, и только въ критическихъ разборахъ и замѣчаніяхъ своихъ высказалъ много новыхъ мыслей, возбудившихъ негодованіе старовѣровъ и чтителей авторитетовъ. Описывая жизнь его за слѣдующіе годы, я укажу на услуги, оказанныя имъ русской исторіи, и объясню, отчего многіе труды его по этой части были предметомъ жаркихъ споровъ, нападеній и обвиненій.

X.

Литературная жизнь Н. А. Полеваго.—Его ближайшій кружокъ.—Встрѣча съ Мицкевичемъ.—Сближеніе Мицкевича съ братьями Полевыми.—Характеристика Мицкевича; его отношенія къ Пушкину и русскимъ писателямъ; его импровизація.—Е. А. Баратынскій, какъ поэтъ и человѣкъ.—Его дружескія отношенія къ Николаю Алексѣевичу.

Въ описываемое нами время, Н. А. велъ жизнь почти исключительно литературную. Онъ передалъ второму своему брату [1]) управленіе водочнымъ заводомъ, доставшимся намъ отъ отца нашего (хотя и прежде почти не занимался имъ), а самъ посвятилъ себя вполнѣ журналу и литературѣ. Такимъ образомъ онъ достигъ цѣли, къ которой стремился съ малолѣтства, и достигъ ея единственно силою своихъ дарованій. Одно это уже показываетъ человѣка необыкновеннаго, писателя по призванію. Другой остановился бы при

---

[1]) Евсевію Алексѣевичу Полевому.

первыхъ попыткахъ, устрашился бы препятствій, палъ бы подъ тяжестью окружавшихъ его обстоятельствъ. Но люди съ такою силою призванія къ литературѣ, какъ Н. А., умѣютъ побѣждать всѣ препятствія и занимаютъ мѣсто, имъ назначенное. Не сравниваю его ни съ кѣмъ; но въ исторіи нашей литературы, послѣ Ломоносова, никто изъ извѣстныхъ писателей не боролся съ такими препятствіями на пути своемъ, какъ Н. А. Полевой, и никто не преодолѣлъ ихъ такъ блистательно, какъ онъ.

Былъ ли Николай Алексѣевичъ счастливъ, или, по крайней мѣрѣ, доволенъ своимъ положеніемъ въ это время? Кажется, счастье не бываетъ удѣломъ людей, одаренныхъ способностью сильно чувствовать, и только въ немногія минуты бываютъ они довольны внутреннимъ сознаніемъ, что не даромъ живутъ на свѣтѣ. Конечно, въ матеріальномъ, вещественномъ отношеніи, положеніе его было хорошо. Но безконечный трудъ и безчисленныя непріятности литературныя вознаграждались немногими пріятными ощущеніями. Къ числу такихъ пріятныхъ ощущеній должно причислить, прежде всего, уваженіе многихъ изъ благороднѣйшихъ современниковъ,— уваженіе, тѣмъ болѣе знаменательное, что его не могли возмутить никакія брани, осужденія и клеветы враговъ Николая Алексѣевича.

Князь П. А. Вяземскій не только оставался постояннымъ сотрудникомъ «Московскаго Телеграфа», но и оказывалъ постепенно болѣе дѣятельности въ участіи своемъ по журналу. Онъ писалъ для него много самъ, доставлялъ статьи знакомыхъ ему литераторовъ и оказывалъ издателю искреннюю пріязнь, ободрялъ, поощрялъ его къ труду и былъ лучшимъ совѣтникомъ въ затруднительныхъ случаяхъ. Участія одного этого отличнаго литератора, человѣка, глубоко уважаемаго Николаемъ Алексѣевичемъ, было бы достаточно для приданія мужества и новой дѣятельности журналисту молодому, но чувствовавшему въ себѣ неизмѣримыя силы.

Неизмѣнный въ чувствахъ дружбы, князь Вл. Ѳ. Одоевскій, хотя почти вовсе не участвовалъ въ нашемъ журналѣ, но отношенія его къ Николаю Алексѣевичу оставались прежнія. Онъ былъ пріятнѣйшимъ гостемъ его и часто проводилъ съ нимъ время, не обращая вниманія на внушенія школьныхъ своихъ товарищей, которые сдѣлались врагами или недоброжелателями Н. А. Полеваго.

Не называю еще нѣсколькихъ человѣкъ, которые уже давно сошли со сцены міра, но тогда были близкими людьми къ моему брату. Казалось, что возставшая противъ него литературная буря только увеличила ихъ участіе къ нему, и они, видя правоту на его сторонѣ, дѣлались тѣмъ болѣе жаркими его защитниками. Къ этому же времени относится первоначальное знакомство и вскорѣ искреннее сближеніе Николая Алексѣевича съ двумя достопамятными и славными писателями. Это были: знаменитый польскій

поэтъ Мицкевичъ и необыкновенный своею судьбою, одинъ изъ лучшихъ поэтовъ своего времени, Евгеній Аврамовичъ Баратынскій.

Чтобы показать, какъ было не только пріятно, но и важно для Николая Алексѣевича знакомство съ Мицкевичемъ, я долженъ сказать здѣсь все, что знаю о Мицкевичѣ и что могу высказать. Не бѣда, что нѣкоторыя черты его характеристики и знакомства нашего съ нимъ будутъ относиться не къ одному 1825 году; гораздо важнѣе показать значеніе этого писателя и необыкновеннаго человѣка, и его отношенія къ нашему литературному кругу.

Зимою 1825 года, явился къ брату моему, знакомый ему еще по Курску, полковникъ Похвисневъ, долго жившій въ Польшѣ и пріѣхавшій временно въ Москву. Между прочимъ, онъ заговорилъ о Мицкевичѣ какъ о поэтѣ, славнѣйшемъ въ польской литературѣ, и прибавилъ, что Мицкевичъ въ Москвѣ, что онъ другъ его, а въ заключеніе просилъ къ себѣ на вечеръ, гдѣ обѣщалъ быть и польскій поэтъ. Хотя почтенный полковникъ былъ самъ не литераторъ, однако его убѣдительный и торжественный разсказъ возбудилъ въ насъ любопытство и желаніе увидѣть славнаго поэта. Я вмѣстѣ съ братомъ, по приглашенію полковника, также пріѣхалъ къ нему на вечеръ. Хозяинъ уже сидѣлъ за карточнымъ столомъ. Онъ познакомилъ насъ съ Мицкевичемъ и другомъ его г. Малевскимъ [1]) и возвратился къ своему висту. Изъ числа неигравшихъ, кажется, мы были единственные, но разговоры наши тянулись вяло. Мицкевичъ не зналъ русскаго языка, мы не знали языка польскаго, и французскій разговоръ нашъ больше касался общихъ предметовъ, нежели литературы. Къ тому же, Мицкевичъ былъ грустенъ, говорилъ мало, и образованный, любезный его товарищъ сдѣлалъ на насъ болѣе пріятное впечатлѣніе. Надобно замѣтить, что оба они и нѣкоторые другіе ихъ товарищи были въ Москвѣ не по собственному желанію. Послѣ какой-то исторіи въ прежнемъ Виленскомъ университетѣ, многіе бывшіе студенты его были посланы на службу во внутреннія губерніи Россіи. Мицкевичъ, вышедшій уже за нѣсколько лѣтъ изъ Виленскаго университета и занимавшій должность учителя въ какомъ-то уѣздномъ городѣ Виленской губерніи, былъ отправленъ первоначально въ Одессу, имѣлъ случай съѣздить оттуда въ Крымъ, и написалъ тамъ чудесные свои «Крымскіе сонеты». Изъ Одессы онъ былъ переведенъ въ Москву, причисленъ къ канцеляріи московскаго военнаго генералъ-губернатора и оставался покуда безъ занятія, безъ знакомствъ и довольно въ стѣсненномъ положеніи.

Послѣ перваго нашего свиданія съ нимъ прошло нѣсколько мѣ-

---

[1]) Достойный другъ Мицкевича, г. Малевскій, былъ не меньше его съ нами въ дружескихъ сношеніяхъ. Этотъ благородный, ученый и любезный человѣкъ былъ пріятнѣйшимъ собесѣдникомъ нашего искренняго общества.

сяцевъ, и уже весною 1826 года, близкій пріятель моего брата, Ю. И. Познанскій, тогда молодой офицеръ генеральнаго штаба, пріѣхавшій изъ Польши, привезъ съ собою нѣсколько стихотвореній, переведенныхъ имъ изъ Мицкевича, и при свиданіи съ братомъ изумился, что онъ почти не знакомъ съ лучшимъ поэтомъ Польши, который живетъ въ Москвѣ. Онъ просилъ Николая Алексѣевича познакомить его съ Мицкевичемъ, желая прочитать ему свои переводы. Восхищеніе, съ какимъ Ю. И. Познанскій говорилъ о великомъ польскомъ поэтѣ, и переводы его, хотя не образцовые, заставили моего брата поѣхать къ Мицкевичу, пригласить его къ себѣ, и, послѣ нѣсколькихъ свиданій, онъ былъ какъ родной въ нашемъ домѣ. Онъ почти ни съ кѣмъ не былъ знакомъ въ Москвѣ, жилъ уединенно съ немногими своими товарищами, и, кажется, любящая душа его была обрадована искреннимъ привѣтомъ, какой нашелъ онъ въ русскомъ семействѣ, въ кругу образованныхъ людей и литераторовъ. Всѣ, кто встрѣчалъ у насъ Мицкевича, вскорѣ полюбили его, не какъ поэта (ибо очень немногіе могли читать его сочиненія), но какъ человѣка, привлекавшаго къ себѣ возвышеннымъ умомъ, изумительною образованностью и особенною, какою-то простодушною, только ему свойственною любезностью. Ему тогда не могло быть тридцати лѣтъ. Наружность его была истинно прекрасна. Черные, выразительные глаза; роскошные черные волосы; лицо съ яркимъ румянцемъ; довольно длинный носъ, признакъ остроумія; добрая улыбка, часто являвшаяся на его лицѣ, постоянно выражавшемъ задумчивость,—таковъ былъ Мицкевичъ въ обыкновенномъ, спокойномъ расположеніи духа; но когда онъ одушевлялся разговоромъ, глаза его воспламенялись, физіономія принимала новое выраженіе, и онъ бывалъ въ эти минуты увлекателенъ, очаровывая при томъ своею рѣчью, умною, отчетливою, блистательною, не смотря на то, что въ кругу русскихъ онъ обыкновенно говорилъ пофранцузски. Доказательствомъ необыкновенныхъ его способностей можетъ служить легкость, съ какою онъ усвоивалъ себѣ иностранные языки. Всѣ знаютъ, до какой степени обладалъ онъ французскимъ языкомъ, на которомъ впослѣдствіи былъ литераторомъ; но онъ свободно говорилъ также на нѣмецкомъ языкѣ; въ знаніи латинскаго и греческаго отдавалъ ему всю справедливость знатокъ этихъ языковъ г. Ежовскій, извѣстный филологъ, другъ и, кажется, соученикъ его. Я упомянулъ, что вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву Мицкевичъ почти не зналъ русскаго языка; черезъ годъ, онъ говорилъ на немъ совершенно свободно, и, что̀ особенно трудно для поляка, говорилъ почти безъ акцента, не сбиваясь на свой родной выговоръ. Кромѣ того, онъ зналъ языки: англійскій, итальянскій, испанскій, и, кажется, восточные. Начитанность его была истинно изумительна. Казалось, онъ прочиталъ все лучшее во всѣхъ литературахъ. О какомъ бы поэтѣ и слав-

номъ писателѣ ни зашла рѣчь, онъ зналъ его, читалъ съ размышленіемъ, цитовалъ его стихи или цѣлыя страницы. Помню, какъ на одномъ литературномъ обѣдѣ онъ изумилъ всѣхъ, читая погречески разныя мѣста изъ Иліады, и даже такъ, что одинъ изъ собесѣдниковъ, хорошо изучившій Гомера, прочитывалъ какой нибудь стихъ, а Мицкевичъ произносилъ слѣдующіе, какъ будто вся Иліада была въ его памяти. Въ другой разъ, онъ изумилъ одного страстнаго любителя и почитателя Жанъ-Поль-Рихтера. Этотъ любитель изучалъ нѣмецкаго поэта, глотая по капелькѣ всѣ его отвлеченности и трудясь надъ разгадываніемъ нелѣпостей, которыя иногда также встрѣчаются у Жанъ-Поль-Рихтера. Мицкевичъ сталъ доказывать, что это составляетъ недостатокъ, что у великихъ писателей все ясно и свѣтло, и когда противникъ хотѣлъ дать ему знать, что онъ, конечно, не трудился надъ великимъ нѣмецкимъ геніемъ, Мицкевичъ въ быстромъ очеркѣ объяснилъ ему содержаніе лучшихъ романовъ Жанъ-Поля, сталъ цитовать многія мѣста, замѣчательныя несообразностями, и тѣмъ доказалъ, что онъ говорилъ не наобумъ.

Способность выражать мысли и ощущенія свои восходила у Мицкевича до импровизаціи. Я слышалъ отъ друзей его, что онъ превосходно импровизировалъ цѣлыя сочиненія на польскомъ языкѣ, всегда прекрасными стихами. Однажды, его упросили сказать импровизацію на заданную тэму пофранцузски. Это было гораздо труднѣе, потому что французскій языкъ былъ ему не родной, да онъ же, со своими опредѣленными формами, неудобенъ для импровизатора. Но Мицкевичъ пригласилъ одного изъ собесѣдниковъ играть какую нибудь тихую мелодію на фортепіано, сѣлъ, закрылъ глаза рукою, и послѣ нѣскольких тактовъ музыки началъ свою импровизацію, истинно поэтическую, богатую образами и чувствованіями, хотя выраженную не стихами. Вообще, Богъ надѣлилъ его удивительнымъ даромъ во всемъ, что относится къ выраженію себя въ словѣ.

Въ доказательство, что я нисколько не преувеличиваю достоинствъ Мицкевича, могу сослаться на мнѣніе о немъ знаменитѣйшихъ современниковъ. Пушкинъ, пріѣхавшій въ Москву осенью 1826 года, вскорѣ понялъ Мицкевича и оказывалъ ему величайшее уваженіе. Любопытно было видѣть ихъ вмѣстѣ. Проницательный русскій поэтъ, обыкновенно господствовавшій въ кругу литераторовъ, былъ чрезвычайно скроменъ въ присутствіи Мицкевича, больше заставлялъ его говорить, нежели говорилъ самъ, и обращался съ своими мнѣніями къ нему, какъ бы желая его одобренія. Въ самомъ дѣлѣ, по образованности, по многосторонней учености Мицкевича, Пушкинъ не могъ сравнивать себя съ нимъ, и сознаніе въ томъ дѣлаетъ величайшую честь уму нашего поэта. Уваженіе его къ поэтическому генію Мицкевича можно видѣть изъ словъ его, сказанныхъ

мнѣ, въ 1828 году, когда и Мицкевичъ, и Пушкинъ жили оба уже въ Петербургѣ. Я пріѣхалъ туда временно и остановился въ гостинницѣ Демута, гдѣ обыкновенно жилъ Пушкинъ, до самой своей женитьбы. Желая повидаться съ Мицкевичемъ, я спросилъ о немъ у Пушкина. Онъ началъ говорить о немъ и, невольно увлекшись въ похвалы ему, сказалъ, между прочимъ: «Недавно Жуковскій говоритъ мнѣ: знаешь ли, братъ, вѣдь онъ заткнетъ тебя за поясъ.— Ты не такъ говоришь,—отвѣчалъ я:—онъ уже заткнулъ меня». Въ другой разъ, при мнѣ, въ той же квартирѣ, Пушкинъ объяснялъ Мицкевичу планъ своей еще не изданной тогда «Полтавы» (которая первоначально называлась «Мазепою»), и съ какимъ жаромъ, съ какимъ желаніемъ передать ему свои идеи старался показать, что изучилъ главнаго героя своей поэмы. Мицкевичъ дѣлалъ ему нѣкоторыя возраженія о нравственномъ характерѣ этого лица.

Еще покуда Мицкевичъ не переселился въ Петербургъ и оставался постояннымъ жителемъ Москвы, въ 1827 году напечаталъ онъ тамъ свои «Сонеты» (на польскомъ языкѣ), которыхъ одна часть названа «Крымскими», потому что они были внушены ему картинами и впечатлѣніями Крыма. Въ этихъ стихотвореніяхъ Мицкевичъ явился въ полной зрѣлости своего поэтическаго дарованія. Нѣкоторое понятіе о «Сонетахъ» его можно получить изъ переложеній слѣпца-поэта Козлова. Не знаю, кто первоначально объяснялъ Козлову подлинникъ, котораго онъ не могъ понимать, не зная попольски, но я былъ свидѣтелемъ, что Мицкевичъ, сидя у болѣзненнаго одра слѣпаго поэта, самъ указывалъ ему мѣста, невѣрно выражавшія его мысли. Козловъ обыкновенно читалъ наизусть свои стихотворенія; такъ прочитывалъ онъ и Мицкевичу переводы его «Сонетовъ». Я дивился терпѣнію, съ какимъ творецъ «Сонетовъ» слушалъ декламацію своего подражателя, и когда мы вмѣстѣ шли отъ Козлова, я спросилъ, неужели онъ доволенъ тѣмъ, что мы слышали? «Que voulez-vous! c'est un pauvre aveugle»... (Что жъ дѣлать! онъ заслуживаетъ сожалѣнія какъ слѣпецъ!). Эти слова произнесъ Мицкевичъ съ глубокимъ участіемъ къ страдальцу, какъ бы не думая, что дѣло шло о собственныхъ его стихотвореніяхъ. Вообще, мало встрѣчалъ я людей, столь кроткихъ въ обхожденіи, какъ Мицкевичъ. Обыкновенный тонъ его рѣчи всегда отзывался мягкостью, нѣжностью, и самыя возвышенныя мысли выражалъ онъ безъ всякой напыщенности, какая невольно проглядываетъ во многихъ людяхъ, чувствующихъ себя выше другихъ. Снисходительность его къ людямъ была истинно младенческая, и только низость и порокъ приводили въ негодованіе пылкую его душу, только благородныя страсти воспламеняли его, и подъ вліяніемъ ихъ онъ преображался въ другаго человѣка. Въ сужденіяхъ о литературныхъ предметахъ высказывалъ онъ всегда оригинальное, свое мнѣніе, но все возвы-

шенное и прекрасное цѣнилъ высоко, и не останавливался на мелкихъ недостаткахъ. Однажды, кто-то при немъ сталъ указывать на разныя слабыя стороны нашего Пушкина, и обратился къ Мицкевичу, какъ бы ожидая отъ него потвержденія своего мнѣнія. Мицкевичъ отвѣчалъ: «Pouchkine est le premier poête de sa nation: c'est là son titre à la gloire». (Пушкинъ первый поэтъ своего народа: вотъ что даетъ ему право на славу). Съ особеннымъ уваженіемъ отзывался онъ о Жуковскомъ и, кажется, еще больше уважалъ въ немъ человѣка, нежели поэта, находя, что его сочиненія тѣмъ и хороши, что ихъ писалъ человѣкъ превосходный, который вложилъ въ нихъ свою душу. Остроуміе Крылова приводило его въ восторгъ, и онъ любилъ повторять анекдоты и слова, въ которыхъ такъ хорошо выражался умъ нашего баснописца. Онъ не могъ безъ смѣха вспомнить, напримѣръ, что Крыловъ сказалъ ему о Ш—ѣ: «У этого человѣка умъ вотъ какой: можно иногда послушаться его, когда онъ не совѣтуетъ чего нибудь; но Боже сохрани дѣлать то, что онъ совѣтуетъ!» Вообще, ему казалось, что лично Крыловъ былъ выше своей печатной славы.

Во время пребыванія Мицкевича въ Петербургѣ была напечатана поэма его «Конрадъ Валленродъ». Многочисленный кругъ русскихъ почитателей поэта зналъ эту поэму, не зная польскаго языка, то есть зналъ ея содержаніе, изучалъ подробности и красоты ея. Это едва ли не единственный въ своемъ родѣ примѣръ! Но онъ объясняется общимъ вниманіемъ петербургской и московской публики къ славному польскому поэту, и какъ въ Петербургѣ много образованныхъ поляковъ, то знакомые обращались къ нимъ и читали новую поэму Мицкевича въ буквальномъ переводѣ. Такъ прочелъ ее и Пушкинъ. У него былъ даже рукописный подстрочный переводъ ея, потому что нашъ поэтъ, восхищенный красотами подлинника, хотѣлъ, въ изъявленіе своей дружбы къ Мицкевичу, перевести всего «Валленрода» своими чудесными стихами. Онъ сдѣлалъ попытку: перевелъ начало «Валленрода», но увидѣлъ, какъ говорилъ онъ самъ, что не умѣетъ переводить, то есть не умѣетъ подчинить себя тяжелой работѣ переводчика. Свидѣтельствомъ этого любопытнаго случая остаются прекрасные стихи, переведенные изъ «Валленрода» Пушкинымъ, не переводившимъ ничего.

Сближеніе и, наконецъ, искренняя дружба съ Мицкевичемъ были для моего брата истиннымъ подаркомъ судьбы. Въ нашемъ кругу онъ былъ, какъ родной, какъ семьянинъ. Прекрасная душа его не могла не сочувствовать той дружбѣ, какую постоянно выражали ему не только братъ мой и я, но и всѣ люди нашего искренняго круга. Передъ отъѣздомъ своимъ за границу,—кажется, это было въ 1829 году,—Мицкевичъ нарочно пріѣзжалъ изъ Петербурга въ Москву, еще разъ побыть съ друзьями, которые прежде всѣхъ другихъ въ Москвѣ оказали ему привѣтъ и сочувствіе. По-

слѣ былъ онъ принятъ и въ аристократическіе салоны, и всѣ наперерывъ старались пріобрѣсти его знакомство. Мицкевичъ былъ признателенъ ко всѣмъ, но сохранялъ искреннюю привязанность къ московскимъ своимъ друзьямъ. Благосклонности нѣкоторыхъ высокихъ покровителей онъ обязанъ былъ тѣмъ, что ему позволили отправиться за границу.

Можно ручаться, что въ душѣ его не было никакого озлобленія противъ Россіи, и Пушкинъ очень вѣрно изобразилъ отношенія Мицкевича къ русскому обществу, съ грустнымъ чувствомъ вспоминая о немъ въ 1834 году:

«Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужаго; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами,
И пѣснями (онъ вдохновленъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на Западъ — и благословеньемъ
Его мы проводили.

Нѣтъ надобности прибавлять, что разговоры и дружескія бесѣды съ Мицкевичемъ были не только пріятны, но и чрезвычайно полезны Николаю Алексѣевичу. Ничто не совершенствуетъ, не возвышаетъ насъ такъ, въ извѣстные годы, какъ сообщество людей необыкновенныхъ, высокихъ умомъ и духомъ. Мицкевичъ, при многосторонней, удивительной своей образованности, глядѣлъ на все самобытно, и въ каждомъ предметѣ умѣлъ находить новыя стороны. Пошлость, тривіальность, мелкія понятія были для него нестерпимы. Приведу здѣсь одинъ случай, который покажетъ и оригинальный взглядъ, и пылкость Мицкевича. Въ «Вѣстникѣ Европы» Каченовскаго была переведена статья извѣстнаго французскаго остроумца Гоффмана, гдѣ онъ подсмѣивался надъ Петраркой, надъ его платоническою любовью къ Лаурѣ и старался доказать, что достоинство его сонетовъ въ игрѣ словъ, изысканной до такой степени, что, наконецъ, нельзя различить, о комъ онъ говоритъ: о Лаурѣ, или о лавровомъ деревѣ. Кто-то сталъ хвалить остроуміе этой статьи. Мицкевичъ вспыхнулъ и съ негодованіемъ произнесъ: «Этотъ нестерпимый Каченовскій только тѣмъ и замѣчателенъ, что умѣетъ отыскивать такія статьи и затрогивать такіе вопросы, гдѣ въ основаніи злость и безсильное желаніе уронить чью нибудь славу. Во-первыхъ, статья Гоффмана есть только выборка изъ Сисмонди, который холоднымъ умомъ судилъ о

самомъ нѣжномъ и страстномъ изъ поэтовъ. Нигдѣ идеальная страсть къ женщинѣ не выражена съ такой силою и съ такимъ разнообразіемъ, какъ въ сонетахъ Петрарки. Изъ каждаго воспоминанія о любви своей онъ создалъ поэтическую пѣснь! И какъ все это выражено, съ какою истиною, съ какимъ неподдѣльнымъ чувствомъ!» Тутъ Мицкевичъ началъ переводить пофранцузски разные сонеты Петрарки, и въ заключеніе сказалъ: «Нѣтъ поэзіи на свѣтѣ, если это не поэзія!» Онъ говорилъ такъ умно, сильно, возвышенно, что я не могу передать этого, передавая только основную мысль его, которую развилъ онъ какъ самый блистательный профессоръ.

Почти въ это же время поселился въ Москвѣ и сблизился съ нами Евгеній Абрамовичъ Баратынскій. Еще не задолго, жизнь его была очень печальна. Онъ принадлежалъ къ одной изъ значительнѣйшихъ дворянскихъ фамилій и воспитывался въ одномъ изъ военно-учебныхъ заведеній, въ С.-Петербургѣ. До выпуска изъ заведенія, гдѣ онъ воспитывался, и когда онъ былъ уже извѣстенъ какъ поэтъ съ необыкновеннымъ дарованіемъ, шалость, почти ребяческая съ его стороны, но окруженная самыми несчастными обстоятельствами, была причиной, что его разжаловали въ рядовые и послали на службу въ финляндскіе линейные баталіоны. Мы никогда не говаривали съ нимъ объ этомъ несчастномъ случаѣ ёго жизни. Онъ пробылъ въ Финляндіи нѣсколько лѣтъ... вдохновлялся дикою природою страны, куда былъ заброшенъ судьбою, и написалъ тамъ многія прекрасныя стихотворенія, отличающіяся силою впечатлѣній... Наконецъ, онъ былъ произведенъ въ офицеры, и послѣ этого, при первой возможности, вышелъ въ отставку. Здоровье его было разстроено и требовало продолжительнаго отдыха послѣ тяжкихъ душевныхъ страданій. Онъ не говорилъ о нихъ; но его блѣдное, страдальческое лицо ясно показывало, что этотъ человѣкъ выстрадалъ многое. Тѣмъ больше дѣлаетъ ему чести удивительная ясность духа, которую вынесъ онъ изъ своего несчастія. Нисколько не казался онъ разочарованнымъ и не показывалъ себя страдальцемъ. Съ любезностью самаго свѣтскаго человѣка соединялъ онъ живость ощущеній, и все достойное вниманія мыслящаго человѣка возбуждало его вниманіе. Воспитаніе его, какъ видно, было больше блестящее, нежели основательное. Въ совершенствѣ зная только французскій языкъ и французскую литературу, онъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ долженъ былъ знакомиться съ современнымъ просвѣщеніемъ, и успѣлъ въ этомъ, чему способствовалъ умъ его, чрезвычайно ясный, отчетливый, не останавливавшійся на поверхности предметовъ. Потому-то въ нашемъ обществѣ, гдѣ философскія воззрѣнія были тогда въ величайшемъ ходу, онъ любилъ затрогивать самые трудные вопросы, и восхищалъ нашихъ молодыхъ философовъ ясностью своего ума. Притомъ онъ

былъ большой мастеръ говорить, и бесѣда съ нимъ была всегда пріятна. Поселившись въ Москвѣ, онъ вскорѣ женился, и долго былъ постояннымъ, часто ежедневнымъ, нашимъ собесѣдникомъ. Его привлекалъ, прежде всего, конечно, самъ хозяинъ, Николай Алексѣевичъ, по истинѣ, очаровательный въ искреннихъ сношеніяхъ, потому что тутъ можно было видѣть не только возвышенный его умъ, но и чистоту, благородство всѣхъ его стремленій. Кромѣ того, какъ можно видѣть изъ моего разсказа, наше тогдашнее общество составляли люди, вообще необыкновенные, такъ что рѣдко можно встрѣтить подобное избранное соединеніе людей въ свѣтскихъ гостиныхъ, гдѣ гости сбираются, какъ на службу, для исполненія опредѣленныхъ обязанностей, съ извѣстными правами и условіями. Неудивительно, что Мицкевичъ, Баратынскій и нѣсколько другихъ лицъ, не столь громко извѣстныхъ, но вполнѣ достойныхъ быть ихъ собесѣдниками, собирались въ небогатомъ домикѣ, гдѣ жилъ Николай Алексѣевичъ, и проводили у него вечера, а иногда и цѣлые дни. Причисляю эти дни къ пріятнѣйшимъ въ моей жизни, потому именно, что только счастливое стеченіе обстоятельствъ могло соединить столько избранныхъ людей. Чего не было тутъ переговорено! Какіе вопросы не были предметомъ сужденій! Сколько оригинальнаго, умнаго, высокаго было сказано!

Баратынскій пользуется славою поэта, и справедливо. У него были и поэтическія ощущенія, и необыкновенное искусство въ выраженіи. Но, знавши его очень хорошо, могу сказать, что онъ еще больше былъ умный человѣкъ, нежели поэтъ. Отчасти, онъ обязанъ поэтическою славою своею Пушкину, который всегда и постоянно говорилъ и писалъ, что Баратынскій чудесный поэтъ, котораго не умѣютъ цѣнить. Почти то же говорилъ онъ о Дельвигѣ, и готовъ былъ иногда поставить ихъ обоихъ выше себя. Трудно понять, что заставляло Пушкина доходить до такихъ преувеличеній. Правда, что онъ называлъ Баратынскаго однимъ изъ лучшихъ своихъ друзей; но дружба не могла ослѣпить необыкновенной его проницательности. Говорили, что онъ превозносилъ Дельвига и Баратынскаго, чтобы тѣмъ больше возвысить свой геній, потому что если они были необыкновенные поэты, то что̀ же сказать о Пушкинѣ? Можетъ ли быть какое нибудь сравненіе между ними и имъ? Но я не предполагаю такой мелкой хитрости въ нашемъ великомъ поэтѣ. Онъ превозносилъ и Катенина, и даже написалъ о немъ:

. . . . Катенинъ воскресилъ
Корнеля геній величавый!

Но это были странности, какія-то прихоти умнаго человѣка, можетъ быть, первоначально порожденныя уваженіемъ или дружескимъ чувствомъ его къ людямъ, близкимъ къ нему по обстоятельствамъ жизни. Какъ бы то ни было, но авторитетъ Пушкина, конечно, способствовалъ повторявшемуся безотчетно мнѣнію, что

Баратынскій поэтъ, по достоинствамъ своимъ близкій къ самому Пушкину. Теперь, кажется, излишне было бы опровергать такое мнѣніе. Баратынскій поэтъ, иногда очень пріятный, вездѣ показывающій вѣрный вкусъ, но писавшій не по вдохновенію, а вслѣдствіе выводовъ ума. Онъ трудился надъ своими сочиненіями, отдѣлывалъ ихъ изящно, находилъ иногда вѣрныя картины и живыя чувствованія; бывалъ остроуменъ, игривъ, но все это, какъ умный человѣкъ, а не какъ поэтъ. Въ немъ не было ни поэтическаго огня, ни оригинальности, ни національности. Оттого-то лучшія его произведенія тѣ, гдѣ онъ философствуетъ, какъ, напримѣръ, въ стихотвореніи на смерть Гёте. Я увѣренъ, что если бы онъ не почиталъ себя поэтомъ и занялся теоріею и критикою литературы, онъ написалъ бы въ этомъ родѣ много умнаго, прекраснаго, пояснилъ бы много идей для своихъ современниковъ. Его ясный умъ, строгій вкусъ, сильная и глубокая душа давали ему всѣ средства быть отличнымъ критикомъ. Это показывали сужденія его о многихъ тогдашнихъ литературныхъ явленіяхъ, сужденія, которыя развивалъ онъ въ нашемъ кругу. Когда пріѣхалъ въ Москву Пушкинъ и начали появляться одно за другимъ сочиненія его (Цыганы, 2-я глава Онѣгина и много лирическихъ стихотвореній), поговорить было о чемъ, и Баратынскій судилъ объ этихъ явленіяхъ съ удивительною вѣрностью, съ любовью, но строго и основательно. Въ поэмахъ слѣпца Козлова не находилъ онъ никакихъ достоинствъ и почти сердился, когда хвалили ихъ, хотя отдавалъ справедливость нѣкоторымъ его стихотворнымъ переводамъ. Кажется, и потомство подтверждаетъ эти сужденія. Онъ не былъ фанатикомъ ничьимъ, ни даже самого Пушкина, не смотря на дружбу свою съ нимъ и на похвалы, какими тотъ всегда осыпалъ его.

Чтобы дополнить характеристику Баратынскаго, я долженъ сказать, что въ немъ нисколько не было чванства ни своимъ дарованіемъ, ни своимъ положеніемъ въ свѣтѣ, хотя какъ поэтъ, всюду прославляемый, какъ человѣкъ свѣтскій и богатый (послѣ своей женитьбы), онъ имѣлъ бы поводы къ тому, если бы душа его была меньше возвышенна. Онъ всегда оставался одинаковъ съ тѣми, въ комъ видѣлъ достоинства ума и души. Я не приписываю этого испытаннымъ имъ несчастіямъ, которыя могли показать ему суетность общественнаго положенія, когда оно не соединено съ личнымъ достоинствомъ человѣка. Нѣтъ, Баратынскій по убѣжденію ума и духа своего былъ таковъ, какимъ мы видѣли его. И не почитайте этой черты мелочною: люди, самые необыкновенные во многихъ отношеніяхъ, не всегда бываютъ свободны отъ чванства въ какомъ нибудь видѣ. Вскорѣ мы увидимъ здѣсь же достопамятный примѣръ въ этомъ родѣ.

XI.

«Калужскій Корреспондентъ» «Сына Отечества».—С. Д. Полторацкій.—Знакомство съ нимъ Николая Алексѣевича и установленіе дружескихъ отношеній къ братьямъ Полевымъ.—Кончина императора Александра I. — 14-е декабря 1825 года. — Впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ. — Эпизодъ съ анонимнымъ письмомъ.

Говоря о замѣчательныхъ людяхъ, съ которыми сблизился Николай Алексѣевичъ со времени изданія «Московскаго Телеграфа», не могу не упомянуть еще о Сергѣѣ Дмитріевичѣ Полторацкомъ. Слава Богу, онъ здравствуетъ, а о живыхъ современникахъ нельзя говорить, какъ говорилъ я о сошедшихъ съ поприща жизни[1]). Но никакіе законы приличія не мѣшаютъ мнѣ сказать, что дружба этого благороднаго человѣка была истиннымъ услажденіемъ моего брата, и продолжалась до самой смерти Николая Алексѣевича, который лучше всего выразилъ въ посвященіи своего перевода Гамлета С. Д. Полторацкому, какъ высоко уважалъ онъ его. Могу прибавить, что съ того времени началась и моя дружба съ Сергѣемъ Дмитріевичемъ, и остается неизмѣнною до сихъ поръ. Ея не могли поколебать никакія измѣненія въ нашей жизни, и она еще больше укрѣпилась отъ времени, а это бываетъ, конечно, только исключеніемъ изъ общаго правила. Сколько людей, съ которыми находится каждый человѣкъ въ самыхъ искреннихъ отношеніяхъ! А потомъ они остаются ему чужды, и не черезъ десятки лѣтъ! Знакомство Николая Алексѣевича съ С. Д. Полторацкимъ началось довольно оригинальнымъ образомъ, и такъ какъ случай, сдѣлавшійся поводомъ къ нему, относится къ исторіи литературы, то я опишу его здѣсь.

Въ «Сынѣ Отечества» 1824 года была напечатана хорошо написанная и довольно рѣзкая статья о разныхъ предметахъ литературы, съ подписью: «Калужскій Корреспондентъ». Въ ней, между прочимъ, авторъ коснулся Мнемозины, издававшейся въ Москвѣ и наполненной, на ряду съ умными и дѣльными статьями, множествомъ странностей. Это неудивительно: однимъ изъ издателей ея былъ очень свѣдущій и даже даровитый человѣкъ, но, можно сказать, весь составленный изъ нелѣпостей! Нѣсколько времени онъ былъ съ нами въ большой пріязни; но съ этимъ человѣкомъ нельзя было разсчитывать логически ни на что: онъ часто поступалъ и дѣйствовалъ, какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ, совершенно наперекоръ разсудку. Потому-то и пріязнь наша съ нимъ не могла поддержаться. Противъ статьи «Калужскаго Корреспондента» явилось возраженіе издателей Мнемозины, гдѣ

[1]) С. Д. Полторацкій скончался лѣтъ десять тому назадъ. П. П.

они, между прочимъ, намекали, что «Калужскій Корреспондентъ» лицо вымышленное, не существующее, и что статья «Сына Отечества» съ его подписью, вѣроятно, написана самимъ издателемъ этого журнала. Это было не задолго до 1825 года, когда уже Н. А. Полевой объявилъ объ изданіи «Московскаго Телеграфа». Отвѣчая на возраженіе издателей «Мнемозины», г. Гречъ сказалъ, что доставитъ къ издателю «Московскаго Телеграфа», какъ къ третьему, безпристрастному лицу въ спорѣ, доказательства, что дѣйствительно статья «Калужскаго Корреспондента» доставлена была изъ Калуги, а не сочинена кѣмъ нибудь въ Петербургѣ. Черезъ нѣсколько времени онъ прислалъ къ книгопродавцу Ширяеву, для доставленія Николаю Алексѣевичу, подлинную статью «Калужскаго Корреспондента». Когда Н. А. развернулъ эту статью при Ширяевѣ, тотъ, при первомъ взглядѣ на рукопись, сказалъ, что знаетъ, чья это рука, и въ доказательство представилъ письма С. Д. Полторацкаго, который, съ юныхъ дней бывши библіоманомъ, если еще не библіографомъ, выписывалъ отъ него множество книгъ для знаменитой своей Авчуринской библіотеки, и поэтому былъ съ нимъ въ постоянной перепискѣ. Не оставалось сомнѣнія, что «Калужскій Корреспондентъ» былъ С. Д. Полторацкій, и въ «Московскомъ Телеграфѣ» вскорѣ явилось объявленіе издателя, что онъ получилъ отъ Н. И. Греча несомнѣнное доказательство въ дѣйствительной присылкѣ къ нему изъ Калуги статьи, противъ которой возражали издатели «Мнемозины».

Надобно замѣтить, что имя С. Д. Полторацкаго, какъ писателя, было уже извѣстно моему брату, потому что на оберткѣ каждой книжки парижскаго журнала «Revue Encyclopédique» въ числѣ сотрудниковъ означался M-r Serge Poltoratsky de Moscou, и въ самомъ этомъ журналѣ мы читали статьи о русской литературѣ съ тою же подписью, показывавшія близкое знакомство съ предметомъ и часто оригинальный взглядъ. Если бы и теперь кто нибудь изъ образованныхъ русскихъ помѣщалъ въ одномъ изъ лучшихъ французскихъ журналовъ дѣльныя извѣстія о русской литературѣ, это было бы любопытно и важно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; тогда, въ 1824 году, это казалось событіемъ, потому что даже въ русскихъ журналахъ мало встрѣчалось дѣльныхъ статей о русскихъ писателяхъ и книгахъ.

Очень естественно, что братъ мой желалъ узнать личность замѣчательнаго корреспондента «Сына Отечества» и сотрудника французскаго журнала. Но С. Д. Полторацкій жилъ тогда не постоянно въ Москвѣ, и не прежде какъ осенью 1825 года познакомился съ Николаемъ Алексѣевичемъ. Есть люди, съ которыми первая встрѣча есть залогъ неразрывной пріязни. Я убѣжденъ, что это происходитъ отъ одинаковости основныхъ силъ души, хотя бы при томъ характеры, способности, даже направленіе жизни были различны.

Они не мѣшаютъ любить того, съ кѣмъ мы одинаковы въ нравственныхъ силахъ. Ни въ характерѣ, ни въ образѣ жизни, ни во взглядѣ на многіе предметы не было ничего сходнаго между моимъ братомъ и С. Д. Полторацкимъ. Но это не мѣшало имъ оставаться всегда друзьями, потому что братъ мой видѣлъ въ этомъ другѣ человѣка, какъ выразился онъ печатно. Свиданіе съ С. Д. Полторацкимъ было для него праздникомъ; онъ дѣлался съ нимъ веселъ, шутливъ, любезенъ, хотя бы за четверть часа передъ тѣмъ сидѣлъ нахмуривъ брови. Видно было, что сердце его младенчески радовалось.

Между тѣмъ какъ Николай Алексѣевичъ пріобрѣталъ дружбу и уваженіе людей благородныхъ, необыкновенныхъ по разнымъ отношеніямъ, находя отраду и утѣшеніе въ ихъ сообществѣ, журнальныя распри его продолжались, и «Московскій Телеграфъ» принужденъ былъ безпрестанно отражать разныя нападенія на него. Многія выходки, особливо въ «Вѣстникѣ Европы», были таковы, что отвѣтомъ на нихъ могло быть только презрѣніе: но нѣкоторыя, хотя вообще рѣзкія критики, требовали опроверженія, или, по крайней мѣрѣ, объясненія, и къ «Московскому Телеграфу» прилагались для этого особые листы, не входившіе въ составъ журнала. И теперь прискорбно видѣть, что въ этихъ безполезныхъ спорахъ утвердился характеръ вовсе не литературный, и, какъ я уже объяснялъ не одинъ разъ, всего чаще это были личности, то есть выходки противъ нравственныхъ и умственныхъ достоинствъ издателя «Московскаго Телеграфа». Сколько ни была неприлична и несправедлива такая чернильная война, но она, повторяю, чрезвычайно вредила моему брату и оставила глубокій слѣдъ даже въ слѣдующихъ поколѣніяхъ. Отчего и теперь иногда непризванные судьи позволяютъ себѣ отзываться о трудахъ его и о немъ самомъ такъ рѣзко, несправедливо, неприлично, какъ нельзя отзываться ни о комъ? Оттого, что это сдѣлалось какою-то формою выраженія о немъ, какою-то рутиною людей, не вникающихъ въ событія прошедшаго. Это отголосокъ того, что писали противъ «Московскаго Телеграфа» въ пылу раздраженныхъ страстей, и чему хоромъ вторила толпа бездарныхъ, желчныхъ писакъ, оскорбленныхъ правдою, которую высказывалъ имъ безпристрастный журналистъ. И теперь, черезъ тридцать лѣтъ, я принужденъ иногда обличать несправедливыя нападенія на моего брата, появляющіяся въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, гдѣ еще имѣютъ вліяніе старинные его противники. Они будто передали новому поколѣнію въ наслѣдство свою вражду къ одному изъ самыхъ полезныхъ дѣятелей въ нашей литературѣ. Можно представить себѣ, каково было ожесточеніе ихъ въ 1825 году!

Эта пустая, ничтожная, вредная литературѣ война должна была временно стихнуть, и всѣ мелкія, личныя вражды онѣмѣли, когда

получено было извѣстіе о неожиданномъ, великомъ не для одной Россіи событіи, которымъ ознаменовалось окончаніе 1825 года... Читатели понимаютъ, что я говорю о смерти императора Александра Павловича... Нельзя описать впечатлѣнія, какое произвело извѣстіе о кончинѣ этого монарха, еще недавняго тогда побѣдителя Наполеона, освободителя Европы, восшедшаго на такую высоту славы и могущества, какой только можетъ достигнуть земной повелитель. Въ его двадцати-пяти-лѣтнее царствованіе, и силою его воли и мужества въ борьбѣ съ могущественнымъ врагомъ Россіи, совершились величайшія міровыя событія. Не одно поколѣніе русскихъ возросло и возмужало въ славное царствованіе императора Александра I, и мы всѣ оставались въ невозмутимой никакимъ предчувствіемъ увѣренности, что онъ еще долго будетъ царствовать надъ нами. Онъ находился въ полной крѣпости мужества, и временное переселеніе его на югъ Россіи было только умилительнымъ доказательствомъ заботливости его о здоровьѣ августѣйшей его супруги. Посреди такой-то спокойной увѣренности всей Россіи, вдругъ пронеслись сначала темные слухи о болѣзни государя, за ними быстро слѣдовали тревожныя извѣстія, и когда никто еще и не думалъ, чтобы такъ близко было послѣднее, роковое извѣстіе,—оно поразило умы и сердца всѣхъ. Повторяю, что нельзя описать, какое сильное впечатлѣніе произвело это извѣстіе. Въ полномъ смыслѣ слова, вся Россія облеклась въ трауръ. Я самъ видѣлъ, что во многихъ семействахъ плакали неутѣшно, какъ при потерѣ драгоцѣннаго роднаго! Въ другихъ, не имѣвшихъ оффиціальной обязанности одѣваться въ траурный нарядъ,—потому что это были семейства не знатныхъ или придворныхъ особъ, — дамы одѣлись въ глубокій трауръ. Да, печальное платье было не только наружнымъ выраженіемъ общей скорби! Оно показывало, что печаль была искренняя. Императоръ Александръ Павловичъ, справедливо названный Благословеннымъ, такъ долго былъ обожаемымъ монархомъ Россіи, и съ нимъ было соединено такъ много великихъ воспоминаній для русскаго человѣка, что внезапная кончина его и не могла произвести инаго впечатлѣнія.

Еще не успѣли мы опомниться отъ этого, неизмѣримаго по своимъ послѣдствіямъ событія, какъ вскорѣ услышали о другомъ, столько же печальномъ, сколько прискорбномъ для Россіи происшествіи, бывшемъ въ Петербургѣ 14-го декабря 1825 года. Для насъ, людей частныхъ, оно казалось совершенно непонятнымъ, и только заставляло скорбѣть, что въ немъ было замѣшано нѣсколько именъ, принадлежавшихъ людямъ, извѣстнымъ своими дарованіями. Нѣкоторые изъ нихъ были даже близкими знакомыми Николая Алексѣевича, и онъ тѣмъ больше изумлялся ихъ несчастію, что никогда, въ самыхъ искреннихъ разговорахъ, не слыхалъ отъ нихъ ни малѣйшаго намека на то, что, какъ можно было предполагать,

задумали они издавна. Теперь, когда это происшествіе сдѣлалось достояніемъ исторіи, нѣтъ надобности объяснять извѣстнаго всѣмъ; но тогда, послѣ первыхъ извѣстій о немъ, оно больше всего приводило въ недоумѣніе и невольно тревожило душу. Могу увѣрить, однако же, что Николай Алексѣевичъ ни на одну минуту не безпокоился за себя, потому что какъ въ то время, такъ и до конца жизни, онъ всегда могъ открыть свою душу передъ самымъ строгимъ судилищемъ. Никогда не былъ онъ однимъ изъ тѣхъ пошлыхъ и смѣшныхъ либераловъ, которые кричатъ и шумятъ въ своемъ углу, а потомъ прячутся отъ всякаго; никогда не принадлежалъ и къ числу тѣхъ пессимистовъ, которые находятъ дурнымъ все и съ голосу иностранныхъ газетъ хулятъ все свое, не соображая ни историческихъ причинъ съ видимыми въ данное время явленіями, ни своего народа съ тѣми преобразованіями, о какихъ кричатъ, ни закона необходимости, чаще всего управляющаго человѣческими обществами. Николай Алексѣевичъ не былъ ни невѣжда, ни безумецъ; онъ зналъ свое любезное отечество, зналъ его потребности, и потому никогда не думалъ объ общихъ, политическихъ преобразованіяхъ его, въ убѣжденіи, что для нихъ еще не настало время, и еще болѣе въ убѣжденіи, что частный человѣкъ въ Россіи не можетъ имѣть столько свѣдѣній о своемъ отечествѣ, чтобы основательно судить о его потребностяхъ.

Я почитаю необходимымъ объяснить въ этомъ отношеніи умоначертаніе и направленіе покойнаго моего брата, потому что нѣкоторые думали видѣть въ немъ какого-то безпокойнаго человѣка, крикуна, наполненнаго завиральными идеями. Этого не было въ немъ нисколько. Но какъ человѣкъ честный, съ сильною, пылкою душою, онъ ненавидѣлъ злоупотребленія, неизбѣжныя въ каждомъ обществѣ, и обличалъ, преслѣдовалъ ихъ гдѣ только могъ. Много непріятностей испыталъ онъ за это, но не боялся ничего, потому что дѣйствовалъ открыто, выражалъ свои мнѣнія, излагалъ событія печатно, и затаенныхъ мыслей у него не было. Онъ первый въ Россіи началъ писать о такихъ предметахъ, которые прежде него почитались не принадлежащими къ литературѣ, или излагались въ старинныхъ журналахъ въ видѣ какой-то миѳологіи, къ которой надобно было имѣть ключъ. Николай Алексѣевичъ, напротивъ, говорилъ прямо о многомъ, обличалъ злоупотребленія, смѣялся надъ тѣмъ, что было смѣшно, писалъ, какъ говорилъ бы передъ собраніемъ справедливыхъ судей, и потому событія, ознаменовавшія окончаніе 1825 года, не тревожили его лично за себя.

Увѣренность его оправдалась вполнѣ, и хотя пріятели съ нетерпѣніемъ ожидали, что онъ исчезнетъ съ горизонта литературы, однако онъ остался не только неприкосновеннымъ, но и не слыхалъ ни отъ кого ни малѣйшаго намека, который относился бы къ тогдашнимъ событіямъ.

Былъ одинъ случай, къ которому первоначальнымъ поводомъ, конечно, должно почесть тогдашнія событія, но онъ кончился развязкою не печальною, а забавною. Какъ характеристическая черта человѣка, извѣстнаго многими подобными эпизодами въ жизни своей, этотъ случай стòитъ быть разсказаннымъ даже потому, что онъ, вѣрно, разсмѣшитъ читателя.

Въ началѣ 1826 года, въ январѣ мѣсяцѣ, Николай Алексѣевичъ получилъ изъ Петербурга письмо, не подписанное никѣмъ. Въ этомъ письмѣ, неизвѣстный корреспондентъ его говорилъ о 14-мъ декабря, о негодованіи своемъ противъ злодѣевъ Россіи, и жалѣлъ, что не всѣ они открыты, что остаются въ обществѣ извѣстные возмутители и злодѣи, какъ, напримѣръ, Булгаринъ и Н. И. Гречъ, которые умѣли укрыться отъ преслѣдованій правосудія. «Сучья обрублены; дерево остается»,—говорилъ краснорѣчивый корреспондентъ въ заключеніе. Вѣроятно, онъ разсчитывалъ, что Николай Алексѣевичъ, бывшій тогда въ жаркой литературной войнѣ съ издателями «Сѣверной Пчелы», обрадуется случаю повредить имъ, и побѣжитъ куда нибудь съ доносомъ на нихъ. Но онъ поступилъ, разумѣется, иначе: разорвалъ или сжегъ письмо и забылъ о немъ. Черезъ нѣсколько дней потомъ, какъ-то утромъ, является къ моему брату очень вѣжливый, любезный человѣкъ, и объявляетъ, что онъ чиновникъ, служащій для особыхъ порученій при московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ. Поговоривши довольно долго о постороннихъ предметахъ, о литературѣ, о журналахъ, онъ вдругъ спрашиваетъ:

— А что, Николай Алексѣевичъ, получили вы надняхъ изъ Петербурга безъимянное письмо?

Братъ мой, конечно, удивился; но видя, что это уже оффиціальный вопросъ, отвѣчалъ безъ всякаго замѣшательства:

— Получилъ.

— Что же вы съ нимъ сдѣлали?

— Кинулъ въ огонь.

— Не можете ли вы пересказать мнѣ содержанія его?

— Извольте.

Онъ пересказалъ ему содержаніе письма, бывшее у него еще въ свѣжей памяти. Тогда гость его спросилъ, почему не представилъ онъ этого письма начальству, когда въ немъ содержались довольно важныя показанія?

— Потому,—отвѣчалъ братъ мой:—что безъимянное письмо совершенно ничтожно, какъ признаетъ его законъ; къ тому же вы, благородно-мыслящій человѣкъ, понимаете, что я не могъ оглашать такого письма, не могъ, по закону уваженія къ самому себѣ, дѣлать людямъ непріятности безъ всякаго основанія.

— Такъ; но въ нынѣшнихъ исключительныхъ обстоятельствахъ

надобно быть осторожнымъ. Не догадываетесь ли вы, кто писалъ это письмо?

— Я даже и не подумалъ о томъ. Да и какъ угадать это?

— Не получали ли вы прежде писемъ, писанныхъ тою же рукою?

— Право, я не обратилъ вниманія на почеркъ, и теперь не помню его.

— Да, вотъ не тотъ ли это почеркъ?

Тутъ посѣтитель моего брата вынулъ письмо, писанное точно тѣмъ же почеркомъ и даже на такой же бумагѣ, какъ письмо, полученное братомъ по почтѣ; только въ спискѣ его было прибавлено на концѣ: «Точно таковое письмо отправлено къ издателю «Московскаго Телеграфа».

Братъ мой вглядѣлся въ почеркъ, и вспомнилъ, что такою же рукою были писаны разныя рукописи, которыя получалъ онъ изъ Петербурга отъ стихотворца Олина. Валеріанъ Николаевичъ Олинъ былъ плохой писатель, лично незнакомый моему брату; но онъ часто присылалъ къ нему свои сочиненія, для помѣщенія въ «Московскомъ Телеграфѣ», и въ письмахъ при томъ выражалъ большую непріязнь къ г. Гречу и къ г. Булгарину, ужъ не знаю за что. Очень немногія, мелкія его стихотворенія, удачнѣе другихъ написанныя, были напечатаны въ «Московскомъ Телеграфѣ»; но самая большая часть присланныхъ имъ рукописей оставалась не напечатанною и еще хранилась у Николая Алексѣевича. Онъ отыскалъ ихъ; сличили съ ними почеркъ письма, несомнѣнно было, что рукописи Олина и письма писала одна рука. Братъ мой объяснилъ своему посѣтителю, что онъ не знаетъ Олина, но судя по его письмамъ, знаетъ, что онъ очень не любитъ гг. Греча и Булгарина, и потому не невозможно, что онъ вздумалъ прислать и письмо къ нему.

Тогда посѣтитель объявилъ ему, что копія съ этого письма была адресована къ московскому военному генералъ-губернатору, и что, для личнаго объясненія съ его сіятельствомъ, братъ мой долженъ явиться къ нему на слѣдующій день. Одну изъ рукописей Олина посѣтитель взялъ съ собою.

Всѣ знаютъ, что тогдашній московскій военный генералъ-губернаторъ, князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ людей, истинный покровитель всѣхъ жителей Москвы. Когда братъ мой явился къ нему и пересказалъ то же, что говорилъ онъ вчерашнему посѣтителю, князь вполнѣ одобрилъ его дѣйствія и сказалъ, что онъ можетъ быть спокоенъ за себя. Тѣмъ и кончился этотъ случай для моего брата; но въ Петербургѣ онъ имѣлъ забавныя послѣдствія.

Разумѣется, что тамъ прежде всего обратились къ Олину. Несчастный стихотворецъ изумился, и на вопросъ, онъ ли писалъ письмо къ издателю «Московскаго Телеграфа», отвѣчалъ, что и

не думалъ писать ничего подобнаго. Но какимъ же образомъ его рукописи и письмо писаны одною и тою же рукою? Тогда Олинъ объяснилъ, что это рука не его, а писца, который обыкновенно переписываетъ драгоцѣнныя его сочиненія и занимается переписываніемъ у многихъ другихъ. Обратились къ писцу. Онъ ли писалъ письмо? Онъ, но не отъ себя: онъ только скопировалъ нѣсколько экземпляровъ съ черновой рукописи, которую далъ ему Воейковъ! Это была продѣлка А. Ѳ. Воейкова, уже извѣстнаго читателямъ моимъ по характеристикѣ его, которую помѣстилъ я выше. Вѣроятно, онъ, въ злости своей, рѣшился надѣлать непріятностей гг. Гречу и Булгарину, разослалъ нѣсколько экземпляровъ своего письма въ Петербургѣ извѣстнымъ лицамъ, отправилъ его къ Н. А. Полевому въ Москву, и (къ чести моего брата) полагая, что онъ не пуститъ въ ходъ клеветы, придумалъ извѣстить о своей посылкѣ московскаго военнаго генералъ-губернатора. Онъ, конечно, не думалъ, чтобы могли открыть истиннаго сочинителя клеветы, потому что письмо его было списано чужою рукою, безвѣстнымъ писцомъ, который не давалъ себѣ ни малѣйшаго отчета въ томъ, что онъ списывалъ. Но надобно же было такое странное сближеніе случайностей, что по рукѣ писца открыли настоящаго сочинителя клеветы! Не знаю, какъ отдѣлался Воейковъ отъ хлопотъ, которыя надѣлалъ самъ себѣ. Вѣрно, какъ обыкновенно дѣйствовалъ онъ въ подобныхъ случаяхъ, обратился къ Жуковскому, и завопилъ: «Спаси!» И тотъ спасъ его, конечно, не для его личности. Я уже объяснялъ, по какимъ побужденіямъ Жуковскій много разъ спасалъ его отъ разныхъ бѣдъ.

1826-й годъ былъ богатъ историческими событіями, занимавшими все вниманіе публики. Россія готовилась праздновать коронованіе новаго монарха, и Москва постепенно наполнялась множествомъ пріѣзжающихъ. Обыкновенно, при такимъ событіяхъ литература удаляется на задній планъ и не обращаетъ на себя такого вниманія, какъ въ другое время, когда умы спокойно ищутъ себѣ пищи и занятія. Несчастная журнальная полемика также пріутихла, и только изрѣдка раздавалась кой-гдѣ безвредная ея перестрѣлка, ни для кого не занимательная.

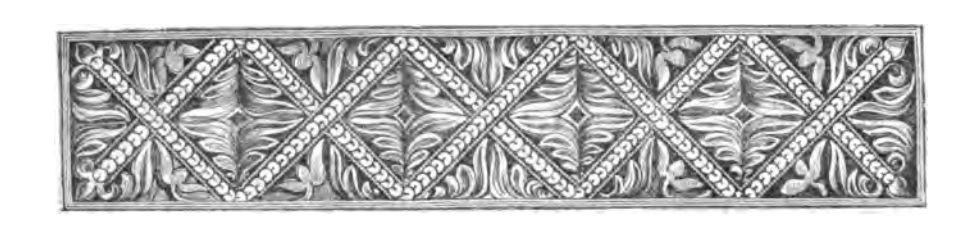
Кажется, никогда и ни одинъ журналистъ въ Россіи не встрѣчалъ такого сильнаго сопротивленія въ своей дѣятельности, какъ Н. А. Полевой. Съ первыхъ шаговъ его на этомъ поприщѣ возстала противъ него буря, дошедшая до крайнихъ предѣловъ возможности. Разсматривая причины этого достопамятнаго явленія, найдемъ ихъ, конечно, въ томъ, что онъ вдругъ сталъ дѣйствовать иначе, нежели до тѣхъ поръ дѣйствовали журналисты. Со времени Карамзина, русскіе журналы были не иное что, какъ сборники статей, статеекъ, стиховъ и стишковъ, больше или меньше хорошихъ, больше или меньше занимательныхъ, но всегда добрыхъ,

уклончивыхъ въ сужденіяхъ. Главное, существенное, что составляетъ жизнь журнала и даетъ ему характеръ, критика, самобытность въ сужденіяхъ, были допускаемы какъ можно меньше. Даже по выходѣ въ свѣтъ такого колоссальнаго произведенія, какъ «Исторія Государства Россійскаго», одинъ Каченовскій посмѣшилъ (на свой счетъ) читающую публику привязками къ нѣсколькимъ фразамъ «Предисловія» Карамзина. И того не кончилъ!... При такомъ состояніи журналистики явился «Московскій Телеграфъ», гдѣ главнымъ отдѣломъ была критика, отличавшаяся самобытностью, смѣлостью и возможнымъ безпристрастіемъ въ сужденіяхъ. Очень естественно, что она возстановила противъ молодаго журналиста многихъ писателей, и казалась укоромъ прежнимъ журналистамъ, которые не могли согласиться съ его новымъ образомъ дѣйствій. Раздраженныя самолюбія довершили разладъ!... Но послѣ 1825 года Николай Алексѣевичъ могъ имѣть сознаніе, что онъ дѣйствовалъ не безполезно, что онъ вѣрно понималъ потребности литературы и публики, и заслужилъ одобреніе большинства. При такомъ сознаніи не могъ онъ уклониться отъ пути, имъ избраннаго, не искалъ сближенія съ своими противниками, простодушно воображая, что, наконецъ, они отдадутъ ему справедливость, какъ отдавали ему справедливость многіе изъ отличнѣйшихъ современниковъ. Мы увидимъ далѣе, до какой степени оправдались его ожиданія, и какъ духъ партій, самолюбіе, вражда могутъ дѣйствовать на людей даже необыкновенныхъ. Любопытныя доказательства этого начали являться вскорѣ.

К. Полевой.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

СЛОВО ЖИВОЕ О НЕЖИВЫХЪ[1].

XI.

Московскій митрополитъ Филаретъ. — Нравственное его вліяніе въ Москвѣ. — Мои отношенія къ Филарету. — Его характеръ. — Отношенія Филарета къ государю Николаю Павловичу и мелкія противодѣйствія. — Внѣшность Филарета и пріемы его запросто. — Филаретъ съ подчиненными. — Взглядъ Филарета на раскольниковъ и на арестантовъ. — Сцена Филарета съ барынями-ханжами. — И. П. Липранди. — Его происхожденіе. — Липранди какъ начальникъ политической полиціи въ Парижѣ. — Вигель какъ клеветникъ. — Посылка Липранди въ Турцію. — Дѣятельность Липранди по службѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. — Мое знакомство съ Липранди. — Дѣло Петрашевскаго. — Журналистъ-агентъ Третьяго Отдѣленія. — Кончина Липранди.

ВЪ МОСКВѢ, одною изъ наиболѣе выдающихся личностей, въ мое время, былъ, безъ сомнѣнія, митрополитъ Филаретъ. Онъ имѣлъ огромное нравственное вліяніе во всѣхъ слояхъ общества и въ особенности въ средѣ купеческой, гдѣ его считали чуть не святымъ. Митрополитъ Филаретъ представлялъ изъ себя, въ этой средѣ, судью непогрѣшимаго и посему рѣшалъ не только семейныя дѣла московскихъ богатыхъ купцовъ, но безапелляціонно оканчивалъ тяжбы по милліоннымъ наслѣдствамъ. Судебные процессы, даже послѣ сенатскихъ опредѣленій, Филаретъ кассировалъ по своему

---

[1]) Въ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» заканчиваются «Воспоминанія» Иліи Александровича Арсеньева. Смерть лишила его возможности дописать ихъ; онъ умеръ 16 февраля, на 67 году отъ рожденія, послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни, въ исходѣ которой не заблуждался. Еще 20 ноября прошлаго года, онъ писалъ намъ: «Спѣшу съ моими записками, такъ

личному усмотрѣнію. Для этого, онъ вызывалъ къ себѣ тяжущихся и объявлялъ имъ, что они обязаны окончить дѣло не иначе, какъ по его, митрополита, мнѣнію. Это приказаніе «владыки» безпрекословно и немедленно исполнялось.

Я видѣлся съ митрополитомъ Филаретомъ довольно часто—или въ тюремномъ комитетѣ, въ которомъ онъ занималъ мѣсто вице-президента [1]), или у него на дому (въ Чудовскомъ подворьѣ), по слѣдствіямъ, возбуждаемымъ эпархіальнымъ вѣдомствомъ противъ раскольниковъ-безпоповцевъ.

Не взирая на то, что я пользовался постоянно благосклонностію и особою внимательностію его высокопреосвященства, сердце мое не лежало къ Филарету, потому что въ немъ я никогда не находилъ именно сердца. На мой взглядъ, составившійся по истеченіи шестилѣтняго періода времени, при еженедѣльныхъ (а иногда и чаще) свиданіяхъ моихъ съ Филаретомъ, онъ былъ эгоистъ, честолюбецъ и властолюбецъ, и при этомъ безсердечный, сухой аскетъ, съ безпредѣльною нетерпимостію.

Я могу ошибаться, но считалъ бы безчестнымъ говорить то, чего не думалъ и не думаю, ради того только, что множество лицъ, въ особенности изъ духовнаго званія, выражали, даже печатно, другое мнѣніе о Филаретѣ.

Пользуясь пріобрѣтенной славой геніальнаго проповѣдника и архипастыря, митрополитъ Филаретъ сопротивлялся иногда волѣ

какъ чувствую, что приближаюсь къ концу», а въ послѣднемъ письмѣ, писанномъ ослабѣвшей рукой, 2 января, шутливо прибавлялъ: «Я теперь напѣваю романсъ Шуберта «Адіо», который гласитъ, что «La mort est une amie» — съ завтрашняго дня у меня поселяется сестра милосердія».

И. А. Арсеньевъ по своему происхожденію, воспитанію и образованію принадлежалъ къ лучшему обществу; это былъ человѣкъ очень умный, способный, и чрезвычайно добрый, не сдѣлавшій блестящей, служебной карьеры лишь вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ. Въ литературѣ онъ извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ редакторъ политическаго отдѣла въ бывшей газетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ «Сѣверная Почта», какъ издатель юмористическаго журнала «Заноза», имѣвшаго нѣкоторый успѣхъ, и основатель «Петербургской Газеты», столь распространенной въ настоящее время. Онъ писалъ передовыя статьи, корреспонденціи и фельетоны во многихъ русскихъ и иностранныхъ газетахъ, почти никогда не подписывая своей фамиліи, и только его «Воспоминанія» начали печататься въ «Историческомъ Вѣстникѣ» съ полнымъ именемъ автора. Читатели, безъ сомнѣнія, пожалѣютъ вмѣстѣ съ нами, что эти воспоминанія прерваны, — дальнѣйшее продолженіе ихъ представляло бы еще большій интересъ, потому что И. А. Арсеньевъ много видѣлъ и испыталъ въ своей жизни, находился въ близкомъ общеніи со многими вліятельными лицами прошлаго царствованія, исполнялъ разнообразныя служебныя порученія и въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ имѣлъ довольно замѣтное положеніе въ литературѣ. Ред.

[1]) Президентомъ всѣхъ тюремныхъ комитетовъ былъ тогда графъ (впослѣдствіи князь) Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, а вице-президентами въ Москвѣ — генералъ-губернаторъ и митрополитъ.

покойнаго государя Николая Павловича. Сопротивленія эти, два раза, онъ выразилъ въ томъ, что отказался освящать большой театръ (со статуей Аполлона) и церковь, устроенную при московскомъ экзерциргаузѣ (манежѣ). Не могу понять, почему въ отказѣ этомъ видѣли, со стороны Филарета, геніальность и твердую волю? Онъ просто пользовался преклонными своими лѣтами и полною увѣренностію въ безнаказанности. При освященіи обошлись естественно безъ митрополита, котораго императоръ Николай Павловичъ не долюбливалъ, имѣя о немъ, какъ о человѣкѣ, самое вѣрное понятіе.

Внѣшность Филарета была невзрачна: небольшаго роста, очень худощавый, съ рѣденькой бородой, съ пронзительными глазами и съ чуть слышнымъ, гнусящимъ голосомъ. Когда онъ принималъ у себя запросто, костюмъ его состоялъ изъ чернаго, шерстянаго подрясника, бархатной черной скуфейки и въ опорышахъ, надѣтыхъ на босыя ноги.

Меня всегда возмущало, когда я случайно попадалъ во время пріема Филаретомъ несчастныхъ пріѣзжихъ, подчиненныхъ ему священниковъ: они доползали до него на четвереньках, не могли отъ страха произнести ни одного слова при «владыкѣ», который грозно смотрѣлъ на этихъ скромныхъ, забитыхъ судьбою людей. Филаретъ, въ ихъ присутствіи, превращался въ Юпитера-громовержца, предъ которымъ всѣ должны были трепетать. Меня коробили эти возмутительныя сцены, и Филаретъ, повидимому, замѣчалъ мою нравственную пытку, но никогда не проронилъ ни единаго слова по этому поводу.

Раскольниковъ, какого бы толка они ни были, Филаретъ не терпѣлъ, и былъ того мнѣнія, что ихъ необходимо преслѣдовать во что бы то ни стало. По моей обязанности, я долженъ былъ объяснять его высокопреосвященству о частыхъ несправедливостяхъ, допускаемыхъ при слѣдствіи противъ раскольниковъ ни въ чемъ неповинныхъ. Бывали случаи, что мнѣ доводилось указывать на явную безсмыслицу обвиненій и помощію власти генералъ-губернатора прекращать слѣдствіе; но я видѣлъ, какъ это не нравилось митрополиту, хотя онъ того и не высказывалъ, продолжая обходиться со мною съ обычною благосклонностію.

Къ арестантамъ Филаретъ относился тоже крайне несимпатично и положительно сердился на доктора Гааза, когда тотъ, съ свойственнымъ ему благодушіемъ, настаивалъ на облегченіи участи арестанта, или на выдачѣ пособія семейству заключеннаго.

Однажды вышла, вслѣдствіе препирательствъ Гааза съ Филаретомъ, довольно знаменательная сцена. Митрополитъ, видимо недовольный настойчивостію Гааза, съ досадою сказалъ ему:

— Да что вы, Ѳедоръ Петровичъ, ходатайствуете объ этихъ негодяяхъ? Если человѣкъ попалъ въ темницу, то проку въ немъ быть не можетъ.

— Ваше высокопреосвященство,—отвѣчалъ Гаазъ:—вы изволили забыть о Христѣ, который тоже былъ въ темницѣ!

Всѣ мы, присутствующіе, были сильно поражены этимъ смѣлымъ отвѣтомъ Өедора Петровича и ожидали чего нибудь недобраго; но Филаретъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, сказалъ:

— Не я забылъ о Христѣ, но Христосъ забылъ меня въ эту минуту. Простите Христа-ради!

Съ этими словами Филаретъ приподнялся и закрылъ засѣданіе комитета.

Московскій митрополитъ Филаретъ, угнетая тѣхъ изъ своихъ подчиненныхъ, которые не пользовались вѣскою протекціею, сильно покровительствовалъ всегда людямъ, имѣвшимъ связи, и своимъ родственникамъ, которыхъ опредѣлялъ на доходныя мѣста.

Я не слышалъ, чтобы Филаретъ помогалъ бѣднымъ изъ своего кошелька, хотя получалъ огромные доходы и имѣлъ уже скопленный значительный капиталъ.

Съ барынями-ханжами, которыя являлись къ нему, кувыркались предъ нимъ и подстилали свои юбки подъ его ноги, когда онъ проходилъ чрезъ пріемный залъ,—Филаретъ не церемонился, часто давалъ имъ нагоняи и требовалъ отъ нихъ денежныхъ пожертвованій на украшеніе той или другой церкви.

Купцы, не взирая на все это, причисляли Филарета еще заживо къ лику святыхъ.

Упомянувъ о ненависти Филарета къ раскольникамъ, перейду къ воспоминаніямъ о человѣкѣ, который, вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ Надеждинымъ, много работалъ въ своей жизни по дѣламъ раскола и считался лучшимъ знатокомъ этихъ дѣлъ. Я говорю объ Иванѣ Петровичѣ Липранди.

Иванъ Петровичъ принадлежалъ къ категоріи тѣхъ личностей, которыя были поносимы извѣстною средою, не взирая на ихъ положительныя достоинства. Липранди умеръ лѣтъ пять-шесть тому назадъ и былъ, въ полномъ смыслѣ слова, живымъ богатымъ архивомъ.

Предки И. П. были испанскіе дворяне, и, слѣдовательно, въ жилахъ его текла кровь, жаждавшая полей брани, войны; поэтому оба брата Липранди—Иванъ Петровичъ и Павелъ Петровичъ (бывшій корпусный командиръ)—поступили въ военную службу.

Въ Отечественную войну 1812 года, Иванъ Петровичъ Липранди былъ уже полковникомъ генеральнаго штаба и въ битвѣ подъ Смоленскомъ получилъ тяжкую контузію въ колѣно, отъ которой страдалъ періодически втеченіе всей своей жизни; страшныя боли доводили его до обморока.

Энциклопедически образованный, замѣчательный лингвистъ, обладавшій рѣдкою способностію быстро понимать и соображать, въ

извѣстный моментъ, силу обстоятельствъ и ихъ послѣдствія, И. П. Липранди не могъ не обратить на себя вниманія тѣхъ сподвижниковъ императора Александра Павловича, которые играли первенствующую роль въ знаменитую эпоху Отечественной войны. По указанію фельдмаршала, министра иностранныхъ дѣлъ и одного коронованнаго лица, когда войска наши вошли въ Парижъ, Иванъ Петровичъ былъ назначенъ начальникомъ русской военной и политической полиціи во Франціи. Блестяще исполнивъ это порученіе, Липранди, по окончаніи войны, вышелъ въ отставку и занялся спеціально, на мѣстѣ, изученіемъ восточнаго вопроса. Онъ собралъ по этому предмету рѣдкую, обширную библіотеку, которая была имъ продана, въ старости лѣтъ, изъ крайней нужды, публичной библіотекѣ. По восточному вопросу, Липранди написалъ и напечаталъ множество монографій, помѣщенныхъ въ разныхъ историческихъ сборникахъ.

Въ запискахъ своихъ, Ф. Ф. Вигель, извѣстный грязный клеветникъ, плутъ, шпіонъ и смѣлый взяточникъ, вздумалъ огрязнять Липранди за дѣятельность его во Франціи, но это ему не удалось, потому что Иванъ Петровичъ, просто и ясно, на основаніи фактовъ документальныхъ, печатно доказалъ, что Вигель вралъ и что бѣлаго, при самой наглой лжи, нельзя превратить въ черное.

Передъ турецкой кампаніей 1828 года, Липранди былъ посланъ, по высочайшему повелѣнію, на мѣсто предстоящихъ военныхъ дѣйствій и подготовилъ всѣ необходимыя свѣдѣнія и матеріалы, какъ въ военномъ, такъ въ политическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ.

При вступленіи своемъ въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, Левъ Алексѣевичъ Перовскій, зная давно Липранди, и цѣня его какъ честнаго, энергическаго и замѣчательно даровитаго человѣка, просилъ Ивана Петровича принять мѣсто чиновника особыхъ порученій при немъ. Долго колебался Липранди, но, наконецъ, согласился на настойчивыя предложенія Перовскаго, который сталъ поручать Ивану Петровичу особенно важныя слѣдствія, въ особенности же дѣла, имѣвшія политическую подкладку.

Я познакомился съ Иваномъ Петровичемъ въ Москвѣ, когда онъ былъ туда посланъ Перовскимъ предсѣдателемъ разныхъ коммиссій и, между прочимъ, коммиссіи по дѣламъ раскольниковъ. Злая молва о Липранди предупредила пріѣздъ его въ Москву, и я, сознаюсь, былъ тоже въ числѣ тѣхъ, которые считали его взяточникомъ, на основаніи словъ Вигеля.

По предписанію генералъ-губернатора, я былъ назначенъ членомъ коммиссіи для изслѣдованія скопческой секты... Мнѣ было извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, что отъ скопцовъ и безпоповцевъ Липранди могъ получить сотни тысячъ, но онъ не принялъ ихъ (хотя и не хвастался, какъ другіе, своимъ безкорыстіемъ),

что̀ мнѣ дало полное право считать его человѣкомъ, заслуживающимъ глубокаго уваженія.

Липранди первый предлагалъ правительству уничтожить преслѣдованіе безвредныхъ раскольническихъ сектъ, и въ докладныхъ запискахъ своихъ Перовскому утверждалъ, что преслѣдованія влекутъ за собою не уничтоженіе ереси, а исключительно развитіе взяточничества и обогащеніе слѣдователей изъ сундука раскольниковъ.

Противъ Липранди особенное негодованіе возбудило, среди тогдашнихъ псевдо-либераловъ, извѣстное дѣло Петрашевскаго и К°. Не взирая на неоднократно выраженное Иваномъ Петровичемъ нежеланіе производить слѣдствіе по этому дѣлу, Перовскій заставилъ его принять на себя это порученіе, которое,- по просьбѣ Липранди (какъ я лично слышалъ отъ друга Перовскаго, Михаила Николаевича Муравьева), окончилось для преступниковъ не смертною казнію, какъ постановилъ законъ, а каторжными работами.

Иванъ Петровичъ, за годъ до своей смерти, разсказывалъ мнѣ, между прочимъ, одинъ изъ эпизодовъ этого слѣдствія. Когда дѣло дошло до арестованія виновныхъ, Липранди, по требованію Перовскаго, представилъ списокъ лицъ, подлежавшихъ аресту. Въ спискѣ оказалась фамилія одного журналиста, который присутствовалъ на сборищахъ участниковъ дѣла и былъ даже предназначенъ ими, въ случаѣ государственнаго переворота, на должность министра народнаго просвѣщенія. Перовскій, пробѣжавъ списокъ, утвердилъ его, поставивъ крестъ на имени журналиста и сказавъ Липранди, чтобы онъ переговорилъ объ этой личности съ начальникомъ штаба шефа-жандармовъ, генераломъ Дуббельтомъ. Это крайне удивило Ивана Петровича, который тотчасъ же отправился за разъясненіемъ загадки къ Дуббельту.

— Вы чудакъ, Иванъ Петровичъ! Какъ же, производя слѣдствіе, будучи человѣкомъ умнымъ, вы не догадались, что онъ мой агентъ?—отчеканилъ Дуббельтъ.

Липранди умеръ нищимъ, не взирая на то, что могъ очень легко быть милліонеромъ, но никогда не сѣтовалъ на судьбу свою.

XII.

Преображенскій богадѣленный домъ.—Казначей богадѣльни Семенъ Кузьмичъ.— Конторщикъ Андрей Ларіоновъ Шутовъ, впослѣдствіи вселенскій митрополитъ.— Обыскъ, сдѣланный въ богадѣльнѣ московскимъ генералъ-губернаторомъ графомъ С. Г. Строгановымъ. — Учрежденіе безпоповцами холерной больницы. — Братья Гучковы. — Вліяніе на безпоповцевъ митрополита Филарета. — Характеристика безпоповцевъ. — Илья Ковылинъ.

Въ 1844 году, я получилъ предписаніе отъ московскаго военнаго генералъ-губернатора, при которомъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій, принять въ завѣдованіе мое Преображенскій богадѣленный домъ.

Въ сущности, богадѣльня эта была не чѣмъ инымъ, какъ монастыремъ безпоповцевъ, съ нѣсколькими моленными, въ размѣрѣ обыкновенныхъ нашихъ приходскихъ православныхъ церквей.

Богадѣльня, или, точнѣе, монастырь, состояла изъ двухъ частей, раздѣленныхъ между собою каменною оградою. Одна часть монастыря призрѣвала мужчинъ, а другая женщинъ. Всѣхъ призрѣваемыхъ въ монастырѣ было до 2,000 человѣкъ.

Кромѣ ограды, отдѣлявшей мужской монастырь отъ женскаго, каждый изъ нихъ былъ обнесенъ особыми оградами, у воротъ которыхъ, денно и ночно, находились сторожа.

Преображенская богадѣльня имѣла свой весьма значительный скотный дворъ, свой огородъ, отлично содержимый, свои больницы, свои пекарни и кухни.

Нѣсколько разъ въ годъ, цѣлые обозы тянулись вереницею къ богадѣльнѣ, съ дровами, мукой, крупой, сѣномъ, соломой и разною одеждою для призрѣваемыхъ; а наканунѣ Успенія Пресвятой Богородицы, 14-го августа, нѣсколько возовъ присылалось благотворителями, съ разнаго рода фруктами, не исключая ананасовъ, изъ оранжерей братьевъ Гучковыхъ (отецъ которыхъ былъ однимъ изъ попечителей богадѣльни).

При богадѣльнѣ состояло нѣсколько попечителей изъ богатыхъ купцовъ-безпоповцевъ, которые завѣдовали хозяйственною частію монастырей.

Главнымъ распорядителемъ и безотчетнымъ казначеемъ богадѣльни былъ нѣкто Семенъ Кузьмичъ, онъ же и старшій отецъ исповѣдникъ, хранившій въ своемъ сундукѣ сотни тысячъ монастырскихъ капиталовъ.

Семенъ Кузьмичъ, 70-ти лѣтній старикъ, принадлежалъ къ числу закаленныхъ старообрядцевъ-безпоповцевъ: человѣкъ съ желѣзнымъ характеромъ, съ замѣчательно твердой волей, съ нравственно-религіознымъ долготерпѣніемъ и мужествомъ, — онъ, если можно такъ выразиться, магнетически дѣйствовалъ на свою многочислен-

ную паству. С. К. ничему не удивлялся, ничего не боялся, безропотно покорялся (естественно наружно) всѣмъ невзгодамъ административныхъ распоряженій, но былъ твердъ и непреклоненъ въ своихъ вѣрованіяхъ и упованіяхъ [1]).

При богадѣльнѣ была контора, которою завѣдовалъ конторщикъ (мѣщанинъ) Андрей Ларіоновъ Шутовъ.

Шутовъ, не взирая на свое скромное положеніе конторщика, являвшагося ко мнѣ чуть не ежедневно съ паспортами поступающихъ въ богадѣльню, выбывающихъ изъ нея (послѣднее случалось очень рѣдко) и умершихъ, имѣлъ огромное вліяніе въ раскольничьей средѣ безпоповцевъ. Нынѣ онъ носитъ званіе «вселенскаго митрополита» (если не ошибаюсь, подъ именемъ Антонія) и пріобрѣлъ себѣ далеко не малую извѣстность, какъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ и энергическихъ поборниковъ раскола.

Когда начались при графѣ Закревскомъ разнаго рода придирки къ безпоповцамъ, Андрей Ларіоновъ бѣжалъ въ Австрію, гдѣ и былъ посвященъ въ архіереи. Случилось, однако же, такъ, что для заграничныхъ старообрядческихъ церквей понадобилась утварь, и Андрей Ларіоновъ самъ пожелалъ купить всѣ требуемыя вещи въ Москвѣ. Съ этою цѣлію онъ явился въ первопрестольную (разумѣется, безъ паспорта), и тутъ его арестовали; но (какъ передавалъ мнѣ Гучковъ, бывшій московскій городской голова) откупился 50-ю тысячами и благополучно возвратился, съ купленною имъ утварью, въ Австрію [2]).

Въ 1881 году, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, А. Л. Шутовъ проживалъ уже безбоязненно въ Москвѣ и свободно завѣдовалъ своею «всероссійскою» паствою, но, какъ мнѣ передавали, измѣнивъ свой образъ религіозныхъ вѣрованій, которыя сходились болѣе съ рогожскимъ толкомъ, допускающимъ у себя священниковъ.

Близъ Преображенской богадѣльни находился довольно большой Хапиловскій прудъ, въ которомъ безпоповцы крестили младенцевъ своей секты, а за прудомъ было довольно обширное кладбище съ отдѣльной часовней.

Въ то время, когда я принялъ въ завѣдованіе мое Преображенскую богадѣльню, не только новыхъ построекъ, но даже малѣйшаго ремонта (хотя бы окраски крышъ) дѣлать было строго воспрещено, но генералъ-губернаторъ разрѣшалъ, въ случаѣ не-

---

[1]) Онъ былъ сосланъ въ Кострому при графѣ Закревскомъ, такъ какъ отказался сдѣлать какое-то требуемое денежное пожертвованіе изъ монастырской казны.

[2]) Фактъ о выкупѣ подтвердилъ мнѣ въ 1873 году, въ Вѣнѣ, нашъ почтенный покойный протоіерей посольской церкви Раевскій, знавшій лично, какъ онъ говорилъ мнѣ, А. Л. Шутова.

обходимости, разныя поправки, находя вообще воспрещенія въ этомъ отношеніи не имѣющими здраваго смысла.

Той же системы придерживался и графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ, который былъ назначенъ, по высочайшему повелѣнію, попечителемъ Преображенскаго богадѣленнаго дома.

При графѣ Строгановѣ случился слѣдующій замѣчательный казусъ, который заставилъ его отказаться отъ попечительства надъ Преображенской богадѣльной. Онъ неожиданно получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, Перовскаго, секретное письмо, въ которомъ тотъ просилъ его лично отыскать въ помѣщеніяхъ богадѣльни украденный изъ какой-то православной церкви образъ, который, будто бы, долженъ непремѣнно находиться въ кельѣ настоятеля безпоповцевъ, Семена Кузьмича.

Графъ Строгановъ тотчасъ вызвалъ меня къ себѣ, прочелъ мнѣ письмо Перовскаго и пригласилъ ѣхать съ нимъ въ богадѣльню.

Во все время нашей поѣздки, довольно продолжительной, графъ Сергій Григорьевичъ не проронилъ ни слова.

По пріѣздѣ въ богадѣльню, графъ приказалъ привести трехъ рабочихъ съ ломами и топорами, дабы, въ случаѣ нужды, поднять полъ въ кельѣ Семена Кузьмича. По тщательномъ осмотрѣ всѣхъ угловъ кельи и по открытіи сундука Семена Кузьмича, въ которомъ хранились капиталы богадѣльни, мы положительно ничего не отыскали и за симъ велѣли подымать половики. Пыль и затхлый запахъ оказались единственнымъ результатомъ нашего обыска, во время котораго нужно было удивляться невозмутимому спокойствію хозяина кельи, къ которому графъ Сергій Григорьевичъ, по окончаніи всей этой процедуры, обратился съ слѣдующими словами: «Извините, почтеннѣйшій, что васъ обезпокоили, но дѣло хотя и очень пыльное, но служебное».

По возвращеніи домой, графъ Строгановъ продиктовалъ мнѣ отвѣтное письмо къ Перовскому, въ которомъ «удивлялся неосновательности распоряженій министра внутреннихъ дѣлъ и съ этимъ вмѣстѣ сообщилъ ему, что исполненіе подобныхъ порученій не соотвѣтствуетъ званію генералъ-адъютанта, а потому онъ и слагаетъ съ себя обязанность попечителя Преображенскаго богадѣленнаго дома».

Послѣ графа Строганова былъ назначенъ попечителемъ Преображенской богадѣльни, начальникъ 2-го округа корпуса жандармовъ, генералъ-лейтенантъ Степанъ Васильевичъ Перфильевъ, человѣкъ чрезвычайно мягкаго характера, неимовѣрно добрый и честный, который придерживался системы своихъ предшественниковъ, не обращая никакого вниманія на пустыя мелочи, которыми впослѣдствіи съ особенною любовью и постоянствомъ занимался графъ Закревскій, ради своихъ личныхъ хозяйственныхъ цѣлей.

При московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ князѣ А. Г. Щербатовѣ и при графѣ С. Г. Строгановѣ, преображенскіе безпоповцы съ особеннымъ усердіемъ и готовностію жертвовали довольно значительныя деньги на вновь учрежденныя и существовавшія благотворительныя общества, но при Закревскомъ они прекратили свои пожертвованія, такъ какъ отъ нихъ вымогались деньги иными путями, негласно и безслѣдно.

Въ 1847 году, по случаю появленія въ Москвѣ холеры, безпоповцы учредили на свой счетъ больницу, спеціально для заболѣвающихъ холерою, не только для принадлежащихъ къ ихъ толку, но и для православныхъ, не исключая нижнихъ воинскихъ чиновъ. Больница эта содержалась не только хорошо, но даже роскошно. Въ нее, отъ правительства, были назначены фельдшера, студенты медицинскаго факультета послѣдняго курса и медики.

Раскольники, естественно, не принимали никакихъ лѣкарствъ, приготовленныхъ въ аптекѣ, и пользовались исключительно молокомъ[1]), которое пили чуть не ведрами, и паровыми ваннами. Нужно при этомъ замѣтить, что смертность между раскольниками, пользовавшимися въ холерной больницѣ, была почти ничтожна въ сравненіи съ больными, пользовавшимися аптекарскою кухнею.

Въ 1848 году, по прежнему примѣру, уже при Закревскомъ, безпоповцы вновь открыли холерную больницу и она была закрыта лишь по совершенномъ прекращеніи эпидеміи.

Я переѣхалъ, въ концѣ 1848 года, изъ Москвы на постоянное жительство въ Петербургъ, по закрытіи яузской и преображенской холерныхъ больницъ, которыми завѣдовалъ въ качествѣ помощника попечителей: яузской—сенатора Чертова и преображенской—генерала Перфильева.

Одни изъ главныхъ сектантовъ преображенскаго толка, братья Гучковы, въ 1851—1852 году перешли въ православіе, и главныя молельни богадѣленнаго дома были превращены въ православныя церкви, а старшій изъ братьевъ, Ефимъ Гучковъ, былъ даже впослѣдствіи московскимъ городскимъ головою.

Для меня всегда казалось страннымъ читать, появлявшіяся иногда въ разныхъ газетахъ, статьи, въ которыхъ утверждалось, что раскольники преображенскаго толка не молятся за царя, когда я, неоднократно присутствуя при ихъ богослуженіи, постоянно слышалъ молитвы за царя и подлежащія власти.

Если главные изъ безпоповцевъ перешли въ православіе, то этимъ всецѣло мы обязаны московскому митрополиту Филарету, который силою своего ума и нравственнымъ вліяніемъ съумѣлъ

---

[1]) Не помню въ которомъ году, я печатно заявлялъ объ этомъ лѣченіи, но не знаю, обратили ли вниманіе на это указаніе лица компетентныя.

уничтожить косность религіозныхъ воззрѣній раскольниковъ, являвшихся къ нему охотно на келейныя бесѣды.

Обращаясь за симъ къ Преображенской богадѣльнѣ (какъ она была въ мое время), я долженъ указать на женскую половину, или женскій монастырь, въ которомъ, кромѣ призрѣваемыхъ старухъ, находились еще приходящія приписныя псаломщицы изъ окрестностей богадѣльни и изъ пригороднаго села Черкизова. Большая часть псаломщицъ отличались молодостью и красотой. Это былъ собственно разсадникъ для удовлетворенія грѣховныхъ увлеченій старыхъ и молодыхъ безпоповцевъ. Въ моленныхъ, во время службы, обозрѣвались псаломщицы, а за симъ поступали въ фаворитки, не оставляя, однако же, своихъ обязанностей псаломщицъ.

Зная хорошо безпоповцевъ, могу сказать утвердительно, что всѣ они, съ рѣдкими исключеніями, отличаются замѣчательною честностью, трезвостью и трудолюбіемъ. Въ какой мѣрѣ похвальныя качества эти сохранились у безпоповцевъ въ настоящее время, — мнѣ неизвѣстно; но втеченіе болѣе пяти лѣтъ, что я завѣдовалъ Преображенскою богадѣльней и имѣлъ съ ними сношенія чуть не ежедневно, мнѣ никогда не случалось наталкиваться на какой либо съ ихъ стороны поступокъ дурнаго свойства.

Что выдѣлывали втеченіе десятковъ лѣтъ разные чиновники, производившіе о нихъ слѣдствіе (по доносамъ, часто анонимнымъ), почти немыслимо. Я знаю, что одинъ изъ такихъ чиновниковъ (притомъ литераторъ), при опечатаніи образовъ, бралъ съ раскольниковъ слѣдующія взятки: чтобы не приложить печати къ лику святаго — 1,000 руб., къ ручкѣ — 500, а чтобы приложить печать къ задней сторонѣ образа — 2,000 руб. Таковы были въ старыя добрыя времена слѣдователи по раскольничьимъ дѣламъ!!...

Въ заключеніе скажу, что основатель московской Преображенской богадѣльни, Илья Ковылинъ, имѣлъ личную бесѣду съ Наполеономъ I, въ 1812 году, въ Москвѣ, и когда Наполеонъ предложилъ ему полную свободу богослуженія для безпоповцевъ съ тѣмъ, чтобы они присягнули ему въ вѣрноподданствѣ, Ковылинъ отвѣчалъ: «Это дѣло не нашего ума — мы молимся только Господу Богу».

XIII.

Московскій военный генералъ-губернаторъ князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ.— Отношенія его къ государю Николаю Павловичу.— Симпатичная внѣшность князя. — Его характеръ. — Доносъ на него имъ облагодѣтельствованнаго подчиненнаго. — Послѣдствія доноса. — Услуги, оказанныя княземъ Москвѣ и ея жителямъ. — Заботы князя Д. В. о замѣнѣ дровъ торфомъ. — Ускореніе производства слѣдствій. — Нелюбовь князя къ трагедіямъ и драмамъ. — Экспромтъ Н. Ф. Павлова.—Кончина и похороны князя. — Князь Сергій Михайловичъ Голицынъ.—Характеристика князя С. М.—Бракъ его съ princesse nocturne.— Оскорбленіе дѣйствіемъ. — Разлука новобрачныхъ. — Дѣятельность князя С. М. на благотворительномъ поприщѣ.— Село Кузьминки. — Домашній бытъ князя. — Подача милостыни и посылка пособій.—Прогулка князя съ персіяниномъ.—Наружность и костюмъ князя С. М.—Покровительство, оказываемое имъ молодымъ художникамъ. — Кончина князя.

Въ 30—40-хъ годахъ, Москва гордилась двумя князьями Голицыными, Дмитріемъ Владиміровичемъ и Сергѣемъ Михайловичемъ; оба они были уважаемы и любимы всѣми слоями московскаго населенія: первый какъ справедливый и гуманный начальникъ города, а второй какъ щедрый благотворитель и знатный вельможа [1]).

Свѣтлѣйшій князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, московскій военный генералъ-губернаторъ, какъ по своей наружности, такъ и по душевнымъ качествамъ, принадлежалъ къ рѣдкимъ, обаятельнымъ личностямъ, отъ которыхъ вѣетъ честностью, добромъ, прямодушіемъ, любовью. Князь Д. В. не понималъ зла, оно было для него недоступно. Въ отношеніяхъ своихъ къ людямъ, онъ руководствовался врожденными ему принципами и всегда старался не прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ, когда можно было ихъ избѣгнуть. Покойный государь, Николай Павловичъ, особенно дорожилъ имъ и, какъ говорилъ князь Алексѣй Өедоровичъ Орловъ, долго грустилъ о его кончинѣ [2]).

Безграничная доброта и снисходительность князя Дмитрія Владиміровича къ поступкамъ другихъ достаточно обрисовывается однимъ слѣдующимъ фактомъ. Облагодѣтельствованный имъ, близко стоящій къ нему подчиненный, во время пріѣзда государя Николая Павловича въ Москву, подалъ ему доносъ на своего благодѣтеля, въ которомъ указывалъ на какія-то мнимыя злоупотребленія, допускаемыя княземъ вслѣдствіе вліянія на него одной женщины.

---

[1]) Князь Сергій Михайловичъ Голицынъ былъ дѣйствительный тайный совѣтникъ I класса, андреевскій кавалеръ, украшенный портретами въ брилліантахъ двухъ государей, Николая I и Александра II, котораго былъ воспріемникомъ отъ купели, вмѣстѣ съ императрицею Маріею Өеодоровною.

[2]) Это я слышалъ отъ князя Николая Алексѣевича Орлова, нашего бывшаго посла въ Парижѣ.

Государь зналъ, что доносчикъ былъ всегда покровительствуемъ княземъ Дмитріемъ Владиміровичемъ и, негодуя на поступокъ неблагодарнаго, передалъ доносъ князю, со словами:

— Неужели, князь, вы и послѣ этого оставите такого грязнаго мерзавца на службѣ при васъ?

Князь убѣждалъ государя, что доносчикъ сдѣлалъ это съ честной цѣлью, хотя и заблуждался, а за симъ упросилъ государя дозволить оставить на службѣ доносчика. Но этого мало, онъ не преслѣдовалъ автора доноса «съ честной цѣлью», а, напротивъ, остался къ нему милостивъ.

Князь Дмитрій Владиміровичъ любилъ искренно Москву и много сдѣлалъ для нея втеченіе своего долговременнаго генералъ-губернаторства; онъ заботился объ украшеніи столицы устройствомъ бульваровъ, которые до сихъ поръ обращаютъ на себя вниманіе всѣхъ иностранцевъ, посѣщающихъ древнюю столицу; при немъ дрянная, зловонная рѣченка, окаймлявшая кремлевскія стѣны, замѣнена была прелестными садами; во время его генералъ-губернаторства выстроенъ былъ въ Москвѣ первый въ Россіи пассажъ— Голицынская галлерея; при немъ же обновленъ великолѣпно, по проекту архитектора Быковскаго, почти находившійся въ развалинахъ, храмъ Алексѣевскаго монастыря (находящійся насупротивъ недавно поставленнаго Пушкинскаго памятника). Ограничиваюсь этими краткими указаніями, такъ какъ перечень всего, что̀ сдѣлалъ князь Д. В. Голицынъ для украшенія Москвы, былъ бы слишкомъ великъ.

Но, кромѣ украшенія столицы, князь Д. В. много поработалъ на пользу московскихъ жителей: онъ первый обратилъ вниманіе на варварское истребленіе лѣсовъ въ Московской губерніи и старался замѣнить дрова на фабрикахъ и заводахъ торфомъ. Съ этою цѣлью, онъ учредилъ даже постоянный, спеціальный комитетъ, который назывался комитетомъ о торфѣ. За симъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы новые заводы и фабрики въ Москвѣ и ея окрестностяхъ были открываемы не иначе, какъ съ условіемъ отапливанія ихъ торфомъ, въ которомъ не было недостатка, такъ какъ около Москвы существуютъ богатыя залежи хорошаго торфа. Торфяной комитетъ выписывалъ, по приказанію князя, спеціалистовъ по торфяному дѣлу изъ Бельгіи и Голландіи, которые обязаны были примѣнять всѣ новые усовершенствованные способы разработки торфяныхъ залежей на Сукинскомъ болотѣ (самомъ богатомъ по пространству и количественному содержанію торфа), принадлежавшемъ удѣльному вѣдомству.

Зная изъ многочисленныхъ жалобъ и всеобщаго ропота, въ какой мѣрѣ небрежно охранялись въ дворянскихъ опекахъ и сиротскихъ судахъ имущества несовершеннолѣтнихъ и малолѣтнихъ сиротъ, князь Голицынъ принималъ самыя энергичныя мѣры для

уничтоженія злоупотребленій по этому предмету, и въ случаяхъ, гдѣ злоупотребленія были обнаружены и доказаны, онъ, не взирая на свою рѣдкую доброту, былъ безпощаденъ относительно виновныхъ.

Въ то время, прокурорскій надзоръ почти вовсе не проявлялъ своей дѣятельности, а слѣдственная часть въ рукахъ слѣдственныхъ стряпчихъ и частныхъ и слѣдственныхъ приставовъ представляла какой-то омутъ, въ которомъ творились безнаказанно невообразимыя безобразія: сажали людей въ острогъ и выпускали ихъ изъ тюремъ безконтрольно; слѣдствія длились годами, завися отъ усмотрѣнія слѣдователя; прокуроры и ихъ помощники очень рѣдко, и то только ради исполненія простой формальности, посѣщали тюрьмы; прошенія арестантовъ прокуроры почти всегда клали подъ сукно. Все это не могло не обратить на себя вниманія сердечнаго князя Дмитрія Владиміровича, который, вопреки мнѣнію бывшаго министра юстиціи, графа Панина, учредилъ ходатайство по дѣламъ арестантовъ, назначивъ для этого своихъ чиновниковъ особыхъ порученій. Не прошло и года послѣ этого учрежденія, какъ всѣ слѣдователи подтянулись сильно и слѣдствія стали производиться ими быстро, изъ боязни строгой отвѣтственности. По выходѣ въ отставку преемника князя Голицына, князя А. Г. Щербатова, все пошло на старый ладъ, хотя ходатаи по дѣламъ арестантовъ номинально еще существовали.

Жена князя Голицына, княгиня Татьяна Васильевна, рожденная княжна Васильчикова (родная сестра бывшаго предсѣдателя государственнаго совѣта, князя Илларіона Васильевича Васильчикова), была въ полномъ смыслѣ слова святою женщиною и боготворила своего достойнаго мужа. Вслѣдствіе ея болѣзненнаго состоянія, балы, рауты и обѣды въ генералъ-губернаторскомъ домѣ давались не часто. Театры князь Д. В. посѣщалъ рѣдко и не любилъ въ особенности трагедій и драмъ. Однажды, по просьбѣ Верстовскаго, онъ поѣхалъ въ театръ, въ бенефисъ знаменитаго въ то время Мочалова. Играли невозможную мелодраму, отъ которой князь чуть не занемогъ; одно лишь случайное обстоятельство привело его нервы въ нормальное состояніе: Н. Ф. Павловъ, по окончаніи послѣдняго дѣйствія драмы, за которымъ слѣдовалъ балетъ, сказалъ экспромтъ, который тотчасъ же былъ тутъ же записанъ и передаваемъ изъ рукъ въ руки. Вотъ этотъ экспромтъ:

«Изъ себя Мочаловъ вышелъ,
Изъ кулисы авторъ вышелъ,
Изъ терпѣнья зритель вышелъ,
А изъ пьесы вышелъ вздоръ».

Это такъ разсмѣшило князя Д. В., что онъ пошелъ на сцену, къ Мочалову, и благодарилъ его, съ обычнымъ добродушіемъ, «за доставленное ему удовольствіе».

Кончина князя Дмитрія Владиміровича сильно огорчила все московское населеніе, которое провожало его отъ Тверской до Донскаго монастыря (гдѣ онъ погребенъ) пѣшкомъ, не взирая на бывшій въ тотъ день ливень.

Если кто нибудь въ Москвѣ достоинъ памятника, то, безъ сомнѣнія, свѣтлѣйшій князь Д. В. Голицынъ, посвятившій всю свою честную, плодотворную, безвозмездную дѣятельность на благо Москвы и ея населенія.

Перейду къ другому Голицыну—князю Сергѣю Михайловичу, который всю свою дѣятельность посвящалъ благотворительности и съ этимъ вмѣстѣ былъ, какъ я выразился выше, истинный вельможа, поддерживавшій достойно свой знатный родъ и свое высокое положеніе въ обществѣ.

Не взирая, однако же, на счастливую обстановку, которою надѣлила его судьба при рожденіи, онъ въ молодыхъ лѣтахъ, женившись по любви (на дѣвицѣ Измайловой), черезъ нѣсколько недѣль послѣ свадьбы, вынужденъ былъ разъѣхаться съ нею: онъ остался въ Москвѣ, а она переселилась въ Петербургъ, гдѣ пріобрѣла названіе «la princesse nocturne», вслѣдствіе того, что превратила для себя день въ ночь, а ночь въ день. Добрый, податливый, мягкій характеръ князя Сергѣя Михайловича—и тотъ не могъ вынести капризовъ и сумасшедшихъ требованій княгини, которая, какъ разсказывали, ѣхавши однажды въ каретѣ съ своимъ мужемъ, «нанесла ему оскорбленіе дѣйствіемъ», какъ выражаются современные юристы.

Тяжело было скромному, тихому князю Сергію Михайловичу перенести этотъ «ударъ», но, наконецъ, онъ примирился съ мыслію одинокаго житія и посвятилъ дѣятельность свою какъ частную, такъ и служебную бѣднымъ сиротамъ и всѣмъ страждущимъ.

Какъ предсѣдатель московскаго опекунскаго совѣта, въ вѣдѣніи котораго находился воспитательный—это святое дѣтище Великой Екатерины — князь С. М. особенно любовно заботился о дѣтяхъ, призрѣваемыхъ въ этомъ заведеніи, и по выходѣ ихъ оттуда зорко слѣдилъ за ихъ дальнѣйшею судьбою. Многіе изъ воспитанниковъ воспитательнаго дома окончили, по милости князя, курсъ въ университетѣ, благодаря, исключительно, нравственной и матеріальной его поддержкѣ. По выходѣ ихъ изъ университета, по его теплому, неотступному ходатайству, они были опредѣляемы на службу, зная, что покровительство и помощь князя никогда не оставитъ ихъ, если они достойны дѣйствительно этой помощи, этого покровительства. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ воспитывавшіеся на средства князя, носили фамилію «Голицынскихъ» и почти всѣ избирали себѣ, по выходѣ изъ университета, педагогическую карьеру, что̀ болѣе или менѣе доказываетъ, что образованіемъ ихъ занимались серьезно.

Состояніе князя С. М. Голицына было громадное: онъ владѣлъ 60,000 душами крестьянъ, которые были счастливы, что принадлежали ему, потому что оброкъ они платили самый незначительный и пользовались даромъ всѣми угодьями. Крестьяне подмосковнаго имѣнія князя, села Кузьминки, вовсе оброку не платили и лѣтомъ, за плату, работали только уборкою княжескаго сада, такъ что содержаніе села Кузьминки обходилось его хозяину по 70—80 тысячъ въ годъ.

Домъ князя С. М., на Пречистенкѣ, отличался свойственною тому времени роскошью, унаслѣдованною отъ предковъ,—роскошью, не бьющею въ глаза, какъ роскошь случайно обогатившихся parvenus, или такъ называемыхъ «мѣщанъ во дворянствѣ». Опытная прислуга никогда не суетилась, сколько бы ни было гостей у князя, и даваемые имъ роскошные балы никогда не требовали придаточнаго найма посторонней прислуги.

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, въ домовую церковь князя собиралось высшее московское общество, но и простому народу входъ въ церковь не былъ воспрещенъ.

Одинъ разъ въ недѣлю, а именно по субботамъ, на дворѣ князя стекалась масса бѣдныхъ, которымъ раздавалась милостыня деньгами и хлѣбомъ, по старому русскому обычаю [1]); по субботамъ же дѣлалось распоряженіе о посылкѣ вспомоществованій тѣмъ нуждающимся, которые обращались къ князю письмами. Кромѣ того, князь Сергѣй Михайловичъ выдавалъ пожизненныя—иногда очень крупныя—пенсіи лицамъ, которыхъ онъ зналъ лично, какъ достойныхъ вниманія и сожалѣнія.

Ежедневно, князь С. М. утромъ, дѣлалъ прогулку по московскимъ улицамъ, пѣшкомъ, въ сопровожденіи призрѣннаго имъ персіанина, который, зимою, въ самый сильный морозъ, выходилъ на воздухъ не иначе, какъ въ бѣлыхъ лѣтнихъ брюкахъ и легкомъ сюртукѣ, такъ какъ постоянно страдалъ отъ жара въ крови, что немало удивляло всѣхъ.

Князь С. М. Голицынъ, передъ графомъ С. Г. Строгановымъ, былъ попечителемъ Московскаго университета, но всегда сознавался, что «это мѣсто было для него не по плечу», прибавляя при этомъ, шутя, что онъ всегда боялся ученыхъ профессоровъ и полуученыхъ студентовъ. Онъ обожалъ своего крестника, покойнаго государя Александра Николаевича, и былъ счастливъ участвовать

[1]) Когда явился генералъ-губернаторствовать, въ Москву, извѣстный графъ Закревскій, то онъ вздумалъ написать князю С. М. письмо, въ которомъ требовалъ, чтобы ради порядка князь присылалъ раздаваемыя имъ по субботамъ деньги нищимъ, въ его, Закревскаго, канцелярію. На этомъ письмѣ, князь написалъ слѣдующую резолюцію, возвративъ письмо обратно Закревскому: «У меня въ домѣ три хозяина—Богъ, государь и я; другихъ не признаю». Закревскій бѣсился, но не посмѣлъ болѣе вмѣшиваться въ распоряженія князя.

при его коронаціи, въ почетномъ званіи коронаціоннаго маршала, предшествующаго, съ жезломъ въ рукахъ, церемоніальное шествіе.

Наружность князя была некрасива: большая голова, съ одутловатыми скулами, на маленькомъ туловищѣ; обычный костюмъ его—синій фракъ съ золоченными пуговицами, бѣлый жилетъ и черныя брюки. Вслѣдствіе постоянной сыпи на рукахъ, онъ всегда носилъ вязаныя, шелковыя, коричневаго цвѣта перчатки.

Князь Голицынъ покровительствовалъ молодымъ художникамъ и многіе изъ нихъ обязаны ему были матеріальной поддержкой; къ числу ихъ принадлежалъ нашъ даровитый скульпторъ Рамазановъ, на котораго князь обратилъ вниманіе государя Николая Павловича.

Князь Сергій Михайловичъ умеръ въ весьма преклонныхъ лѣтахъ и оставилъ послѣ себя огромное состояніе, перешедшее во владѣніе къ сыну его племянника, такъ какъ князь дѣтей никогда не имѣлъ.

XIV.

Оговорка автора воспоминаній. — Степанъ Александровичъ Хрулевъ. — Мое съ нимъ знакомство.— Характеръ Хрулева.— Дѣятельность Хрулева въ Варшавѣ.— Его совѣты и предсказанія. — Хрулевъ и народная о немъ память. — Указанія Хрулева графу Ламберту относительно польскаго духовенства. — Хрулевъ въ частной жизни. — Деньщикъ Степка въ роли польскаго помѣщика. — Мнѣніе Хрулева о нашей роли въ Азіи и о славянахъ. — Мягкость его характера. — Графъ Іосифъ Карловичъ Ламбертъ. — Его понедѣльники. — Общество, къ нему сходившееся.—Гостепріимство графа Ламберта.— Бесѣды застольныя.—Habitués графа Ламберта. — Его жена. — Смерть его сына и его смерть.

Начиная настоящую главу моихъ воспоминаній, вторично прошу читателей—не искать въ моемъ изложеніи какой бы то ни было системы, какой бы то ни было подготовки. Я того мнѣнія, что воспоминанія тогда лишь могутъ заключать въ себѣ дѣйствительный интересъ, когда личность пишущаго вполнѣ стушевывается и когда авторъ воспоминаній превращается въ фотографа, не допускающаго ретуши. Воспоминанія должны быть строго объективны; только такія воспоминанія, по глубокому убѣжденію моему, могутъ представлять интересъ историческій—иначе они вторгнутся въ область беллетристики, чуждую исторіи и требующую такихъ условій, которыя для меня непосильны.

Оговорившись, навожу мой нехитрый фотографическій снарядъ на усопшихъ и продолжаю.

Втеченіе моей довольно долговременной жизни (67 лѣтъ), мнѣ только два раза случилось встрѣтить два чисто-русскихъ (не гнилыхъ славянскихъ—Боже избави!) типа желѣзной воли, безпредѣльной любви къ отчизнѣ и геройскаго закала; это были Степанъ Александровичъ Хрулевъ и Яковъ Петровичъ Баклановъ, внукъ Пугачева.

Съ Хрулевымъ я близко сошелся въ 1849—1850 годахъ, встрѣчаясь съ нимъ часто у графа Алексѣя Сергѣевича Уварова. Въ то время за Хрулевымъ всѣ ухаживали, отъ мала до велика, и слава его не перестала еще гремѣть.

Въ 1861 году, въ Варшавѣ, втеченіе довольно продолжительнаго времени, въ самый разгаръ польскихъ смутъ, я жилъ въ Замкѣ подъ одной крышей съ Хрулевымъ и былъ очевидцемъ той гражданской доблести, того рыцарскаго мужества, съ какими онъ отстаивалъ честь и интересы народа русскаго. Были минуты, когда окружающая его среда падала духомъ, и въ эти именно минуты Хрулевъ являлся тѣмъ, чѣмъ онъ былъ дѣйствительно, т. е. героемъ и человѣкомъ, ставящимъ выше всего долгъ свой. Хрулевъ не разсчитывалъ на эфекты славы съ послѣдствіями—онъ инстинктивно увлекался дѣломъ, а дѣло влекло его къ славѣ.

Хрулевъ былъ героемъ на полѣ брани, на полѣ чести; онъ находился въ кровавыхъ битвахъ съ врагами отчизны, за которую пролилъ немало своей крови, и борьба эта не сокрушила его духа: онъ оставался все тѣмъ же храбрымъ, доблестнымъ, честнымъ воиномъ, какимъ былъ въ юности; но борьба со злобою, съ завистью съ ненавистью, съ подпольною интригою, сокрушила его. Онъ мучился, страдалъ нравственно, и страдалъ тѣмъ болѣе, что не въ его характерѣ было жаловаться. Хрулевъ переносилъ гнётъ обстоятельствъ, гнётъ среды, въ которой жилъ и вращался, съ внѣшнимъ хладнокровіемъ, присущимъ его желѣзному характеру; но сердце его томилось, душа страдала. Отстрадавши столько, на сколько въ силахъ выстрадать человѣкъ, Хрулевъ успокоился наконецъ покоемъ вѣчнымъ,—тѣмъ покоемъ, который не въ силахъ нарушить ни злоба, ни зависть, ни клевета, ни ненависть...

Имя Хрулева вспомнилъ, однако же, народъ русскій, когда узналъ о кончинѣ севастопольскаго героя: многочисленная толпа явилась, безъ всякаго призыва, на послѣднія проводы умершаго героя.

Въ Варшавѣ, когда вся мѣстная администрація наша, не желавшая видѣть очевиднаго, теряла между тѣмъ голову, Хрулевъ оставался невозмутимъ и указывалъ смѣло на необходимость принять мѣры рѣшительныя, а не палліативныя, которыя были внушаемы администраторамъ Вельепольскимъ и его клевретомъ, жидомъ Енохомъ.

При Сухозанетѣ, Хрулевъ, какъ командовавшій войсками, въ Варшавѣ расположенными, неоднократно говорилъ громогласно, что

отдавать строгіе приказы и прокламаціи, не заботясь о ихъ немедленномъ исполненіи, повлечетъ за собою безначаліе, анархію, которой и добиваются всѣми мѣрами ксендзы и вожаки красной партіи Мирославскаго.

Не взирая на то, что Хрулевъ былъ назначенъ корпуснымъ командиромъ, по представленію графа Ламберта, онъ первый осмѣлился сказать намѣстнику-католику, что пристрастіе его къ польскому католическому духовенству не поведетъ къ добру и уронитъ окончательно престижъ нашей власти,—престижъ, почти уже исчезнувшій, по милости растерявшихся администраторовъ. Хрулевъ предсказывалъ еще при Сухозанетѣ, что если такъ будетъ продолжаться, то неминуемо возникнетъ вооруженное возстаніе польскихъ шаекъ, опьяненныхъ безнаказанностію своихъ коноводовъ. Предсказаніе это, къ сожалѣнію, сбылось...

Хрулевъ, въ частной жизни, былъ чрезвычайно сердеченъ и всегда являлся горячимъ ходатаемъ угнетенныхъ, бѣдныхъ, несчастныхъ. Нужно было видѣть, какъ онъ всегда старался пристроить бывшихъ своихъ подчиненныхъ, помогая имъ изъ послѣднихъ грошей своихъ и заботясь о нихъ какъ о близкихъ родныхъ.

При серьёзномъ своемъ характерѣ, онъ былъ иногда не прочь пошутить, пошкольничать. Такъ, между прочимъ, въ Варшавѣ, онъ придумалъ такую штуку.

Въ числѣ начальниковъ военныхъ отдѣловъ города, находился генералъ Веселицкій, большой болтунъ, хвастунъ и чрезвычайно тщеславный человѣкъ. Особенно огорчался онъ невниманіемъ и даже пренебреженіемъ къ нему поляковъ, при встрѣчѣ на улицахъ. Хрулевъ, желая посмѣяться надъ обидчивымъ генераломъ, распорядился слѣдующимъ образомъ: онъ нарядилъ хохла-деньщика своего, по прозванію Степка, въ польскій костюмъ и велѣлъ ему, въ извѣстный часъ, когда Веселицкій шелъ въ клубъ обѣдать, встрѣтить генерала, посторониться почтительно при этомъ и приложить руку къ своей конфедераткѣ.

Степка исполнилъ въ точности приказаніе своего начальства.

Веселицкій пришелъ въ восторгъ отъ вниманія мнимаго поляка и, подавая ему руку, спросилъ, давно ли онъ пріѣхалъ въ Варшаву?

Степка отвѣчалъ, не отнимая руки отъ шапки: «Два года, ваше превосходительство!»

— Вы вѣрно здѣсь по своимъ дѣламъ?—продолжалъ Веселицкій.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство,— служу въ деньщикахъ у генерала Хрулева.

Эта шутка осталась безъ всякихъ послѣдствій, такъ какъ Веселицкій не пожелалъ подымать изъ-за нея исторіи, дабы не послужить предметомъ общихъ насмѣшекъ.

Хрулевъ былъ очень уменъ, несловоохотливъ и обладалъ способностію тонкаго анализа предметовъ, обращавшихъ на себя его

вниманіе; онъ былъ очень любознателенъ и интересовался вопросами дня, особенно политическими и военно-административными. Когда были уничтожены корпуса и корпусные командиры (нынѣ возстановленные), Хрулевъ сильно ратовалъ противъ этой мѣры, утверждая, что она не практична. Онъ много писалъ по этому предмету, а также составилъ нѣсколько записокъ о средне-азіатской торговлѣ, самое широкое развитіе которой онъ считалъ для насъ необходимымъ въ экономическихъ и политическихъ интересахъ Россіи. По мнѣнію Хрулева, Россія, рано или поздно, должна вытѣснить Англію изъ предѣловъ Азіи и что Индія будетъ принадлежать намъ.

Славянъ онъ крайне не жаловалъ, всегда обзывалъ ихъ гнилью и удивлялся, какъ такіе умные люди, какъ Аксаковъ и Юрій Самаринъ, могли заниматься этими мертворожденными, удѣлъ которыхъ всегда былъ и будетъ состоять въ рабствѣ, подъ чьимъ либо игомъ. Я съ своей стороны, каюсь, поддерживалъ Хрулева въ этихъ убѣжденіяхъ, говоря, что славяне, если о нихъ выразиться поделикатнѣе, пофранцузски, не что иное, какъ de la pourriture, avant maturité. Степану Александровичу это очень понравилось, и онъ неоднократно заставлялъ меня повторять ему французское деликатное опредѣленіе славянства. Одни черногорцы были по душѣ Хрулеву, который увѣрялъ, что черногорцы наши бѣглые казачки и что они къ намъ непремѣнно перейдутъ.

Не взирая на свою суровую наружность, не смотря на свою репутацію безпощаднаго рубаки, Хрулевъ былъ чрезвычайно гуманенъ и воистинну сердеченъ.

Хрулева я видѣлъ и зналъ какъ въ апогеѣ его величія и славы, такъ и въ дни невзгоды и нужды—онъ всегда оставался тѣмъ же доблестнымъ, благороднымъ человѣкомъ, какимъ создала его природа, и для пользы другихъ часто забывалъ свои личные интересы. Таковъ былъ его характеръ и таковы были побужденія его плодотворной дѣятельности.

Въ воспоминаніяхъ моихъ о Варшавѣ [1]), я говорилъ о намѣстникѣ царства Польскаго, графѣ Карлѣ Карловичѣ Ламбертѣ, и считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о братѣ его Іосифѣ Карловичѣ Ламбертѣ, личности, по своему характеру, образу дѣйствій, представлявшей замѣчательный контрастъ брата своего.

Родъ графовъ Ламбертовъ принадлежитъ къ древней французской аристократіи. Отецъ графовъ Іосифа Карловича и Карла Карловича Ламбертовъ покинулъ свое отечество во время первой французской революціи и переселился въ Россію, гдѣ поступилъ въ

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», 1886 г., № 12.

военную службу и женился на дочери богатаго малороссійскаго помѣщика Дѣева. Оба сына графа-эмигранта, по окончаніи своего воспитанія, послѣдовали примѣру отца, избравъ военную карьеру.

Графъ Іосифъ Карловичъ получилъ, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, званіе флигель-адъютанта, засимъ свиты генералъ-маіора и, наконецъ, генералъ-адъютанта. Онъ унаслѣдовалъ отъ своей матери необычайную доброту, самое широкое гостепріимство, доступность и любовь къ людямъ, къ обществу.

Понедѣльники графа Іосифа Карловича привлекали, по вечерамъ, подъ его гостепріимный кровъ все лучшее петербургское общество. Съѣзжались около восьми часовъ, составлялись кружки бесѣдующихъ и играющихъ въ карты. Фраки не допускались—непринужденность всеобщая. Кто только не бывалъ у графа Іосифа Карловича? и великіе міра сего, и литераторы, и артисты, и художники, все это являлось къ радушному хозяину, принимавшему всѣхъ гостей своихъ одинаково сердечно и старавшемуся сблизить ихъ въ общей бесѣдѣ. У графа бывали и бывшій министръ двора, А. В. Адлербергъ, и московскій артистъ, вѣчно слезливый, Щепкинъ, и генералъ-адъютантъ А. И. Веригинъ (нынѣ членъ государственнаго совѣта), и безногій полякъ, на костыляхъ, Дениско (извѣстный тѣмъ, что пріѣхалъ по дѣлу въ Петербургъ на недѣлю и пробылъ въ приневской столицѣ безвыѣздно болѣе сорока лѣтъ, до своей кончины), и графъ В. Е. Канкринъ, и артистъ В. В. Самойловъ, и полковникъ Борщовъ, съ красавицей-женой (рожденной графиней Кутайсовой), и испанскій посолъ герцогъ д'Оссуно. Къ поименованнымъ лицамъ нужно прибавить постоянныхъ посѣтителей графа Іосифа Карловича, генерала (остряка и поэта) Ѳ. С. Чернышева, увлекательнаго разсказчика; генерала Л. Н. Эртеля, бывшаго петербургскаго брандтъ-маіора (человѣка съ грубыми манерами и съ физіономіей, напоминающей ватрушку); даровитаго беллетриста нашего Д. В. Григоровича; вѣчно подшучивавшаго надъ Дениской К. О. Штрика, подсылавшаго къ безногому поляку во время его болѣзни повивальныхъ бабокъ; инженера главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ Кеневича (родомъ поляка), взявшагося перевозить во время послѣдняго польскаго возстанія ружья къ повстанцамъ (онъ былъ повѣшенъ въ Казани, въ 1862 году); симпатичнаго поэта Амосова, забавлявшаго всѣхъ игрой на гитарѣ и разными пародіями на знаменитыхъ артистовъ; К. А. Рюля, часто рисовавшаго на papier pelé прелестные пейзажи, или дѣлавшаго чрезвычайно искусно разные фокусы; князя Багратіона (впослѣдствіи генералъ-губернатора Прибалтійскихъ губерній); автора «Тарантаса», графа Сологуба; редактора «Военнаго Сборника», толстаго генерала Менькова, любившаго поѣсть и попить за десятерыхъ; графа К. К. Ламберта и постояннаго его спутника, полковника Ве-

ригина; графа Орлова-Денисова, котораго до старости лѣтъ называли Ѳединькой, и проч., и проч.

Въ два часа по полуночи подавался ужинъ, предшествуемый закусками, занимавшими цѣлыхъ два стола. Во время ужина начинались разсказы, одинъ другаго интереснѣе, въ которыхъ принималъ подчасъ участіе Д. В. Григоровичъ, разсказавшій, между прочимъ, однажды свое путешествіе на востокъ въ такой юмористической формѣ, что всѣ присутствовавшіе положительно страдали отъ неудержимаго, невольнаго истерическаго хохота. Ужинъ, или, правильнѣе, бесѣда кончалась обыкновенно около 4—5 часовъ по полуночи.

Дамъ-habituées почти не бывало на вечерахъ графа Ламберта, женатаго на графинѣ Канкриной, дочери бывшаго министра финансовъ, женщинѣ чрезвычайно тучной, весьма некрасивой, bas-bleu par excellence. Изрѣдка пріѣзжала съ мужемъ прелестная, миловидная, замѣчательно умная и любезная Софья Яковлевна Веригина (рожденная графиня Булгари), всегда одушевлявшая общество своимъ присутствіемъ.

Понедѣльники графа І. К. Ламберта представляли нѣчто выдающееся въ петербургской суетливо-искательной жизни; говорили обо всемъ, за исключеніемъ службы, производствъ, наградъ и городскихъ сплетенъ о частной жизни петербургскихъ обывателей. Хозяинъ дома былъ тоже хорошій разсказчикъ, который немало оживлялъ общее настроеніе.

Рѣдкій, пріятный домъ графа Ламберта былъ закрытъ для обычныхъ пріемовъ со смертію единственнаго его 14-тилѣтняго сына, который, естественно, былъ обожаемъ своими родителями, тѣмъ болѣе, что подавалъ блестящія надежды. Графъ продалъ свой домъ, въ Фурштадтской, покинулъ Петербургъ, принявъ на себя должность директора военной богадѣльни въ Москвѣ, гдѣ онъ оставался до тѣхъ поръ, пока болѣзнь его, которою онъ страдалъ давно, не приняла слишкомъ серьёзнаго характера. Онъ переѣхалъ на жительство обратно въ Петербургъ, гдѣ и скончался. Графиня Ламбертъ, по смерти сына, предалась ханжеству и умерла послѣ тяжкой болѣзни.

Въ настоящее время, если умеръ сынъ Карла Карловича Ламберта, никогда не появлявшійся въ Россіи, нѣтъ болѣе представителей знатнаго рода графовъ Ламбертовъ, одинъ изъ которыхъ, графъ Карлъ, такъ печально окончилъ въ Варшавѣ свою служебную дѣятельность.

И. Арсеньевъ.

ОДНА ИЗЪ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ РУССКИХЪ ЖЕНЩИНЪ.

(По неизданнымъ документамъ и разсказамъ старожиловъ).

I.

Позабытая могила. — Источники для біографіи А. Н. Родіоновой. — Происхожденіе А. Н. — «Непомнящій родства» правнукъ. — Дѣтство и замужество А. Н. — Пугачевщина и разсказъ о «мученической смерти» полковника Родіонова. — Подарокъ Екатерины II-й. — Раздѣлъ наслѣдства. — Казанскій митрополитъ Веніаминъ и его отношенія къ А. Н. — Очеркъ широкой промышленно-экономической дѣятельности Родіоновой. — Главныя черты характера А. Н. — Обезпеченіе дѣтей и родственниковъ. — Филантропическая дѣятельность.

ПОЧТИ въ самомъ центрѣ Казани, гдѣ возвышается теперь красивый, но еще не вполнѣ отстроенный храмъ Воскресенія Христова, находилась встарину небольшая приходская церковь, на оградѣ которой, въ самомъ углу, выходящемъ на Воскресенскую улицу, стояла крохотная, приземистая келейка.

Лѣтъ 50 тому назадъ, подлѣ этой кельи можно было видѣть простой деревянный могильный крестъ. Черезчуръ скромный видъ его невольно наводилъ на мысль, что пригнулся онъ къ землѣ надъ чьей-то никому ненужной и позабытой могилой.

Прошло нѣсколько лѣтъ. На оградѣ производились перестройки, а послѣ нихъ не стало и этого скромнаго знака, не осталось даже и слѣдовъ той могилы, надъ которой онъ одиноко склонялся.

Но чья же это могила? И зачѣмъ поднимается рѣчь объ этомъ заросшемъ сорной травою клочкѣ земли, на которомъ исчезли всякіе слѣды человѣческой памяти?

58 лѣтъ тому назадъ, 3-го января 1828 года, въ эту могилу опущено было тѣло личности, замѣтно выдвигавшейся изъ среды мѣстнаго провинціальнаго общества конца прошлаго и начала настоящаго столѣтія,—личности, съ именемъ которой связаны не лишенныя интереса данныя о мѣстной жизни и дѣятельности многихъ представителей и тогдашней администраціи, и интеллигенціи.

Я говорю объ Аннѣ Николаевнѣ Родіоновой.

Казанскаго читателя не удивитъ это имя. Небезъизвѣстно оно и всему остальному Поволжью и Прикамью. Съ нимъ связано возникновеніе въ Казани женскаго института, который въ честь основательницы получилъ названіе Родіоновскаго. Къ сожалѣнію, этимъ и ограничиваются свѣдѣнія о Родіоновой. Тщетно искать о ней біографическихъ данныхъ въ литературѣ. Ихъ нѣтъ, кромѣ двухъ небольшихъ замѣтокъ, основанныхъ на непровѣренныхъ фамильныхъ преданіяхъ. Немного вы узнаете и отъ мѣстныхъ старожиловъ. А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы личность А. Н. не интересовала ея современниковъ. Одинъ изъ нихъ, человѣкъ, пользовавшійся въ свое время широкой и вполнѣ заслуженной популярностью, даже собралъ для характеристики ея и исторіи возникновенія института обширные документальные матеріалы. Это былъ Гавріилъ Ильичъ Солнцевъ, извѣстный профессоръ и ректоръ Казанскаго университета временъ Магницкаго, а затѣмъ не менѣе извѣстный казанскій губернскій прокуроръ. Близко сойдясь съ Родіоновой, принимая горячее участіе въ осуществленіи ея идеи, а во время процесса съ ея внукомъ во всеоружіи юридическихъ знаній отстаивая интересы казны, которая только его предусмотрительности и обязана была тѣмъ, что получила возможность въ глухомъ и далекомъ краѣ положить начало женскому образованію,—онъ втеченіе десяти лѣтъ имѣлъ полную возможность по достоинству оцѣнить личность А. Н. и сродниться съ поднятымъ ею вопросомъ. Только подобной обстановкой и можно объяснить тотъ фактъ, что Солнцевъ не только собралъ всѣ данныя, касающіяся Родіоновой и исторіи возникновенія института, но привелъ ихъ въ хронологическій порядокъ и даже отчасти обработалъ въ формѣ краткой записки и передалъ затѣмъ для храненія въ первоначальный совѣтъ института.

Къ сожалѣнію, эти документы тамъ не сохранились, а съ ними исчезъ и единственный источникъ для характеристики Родіоновой.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, собирая матеріалы для подготовляемыхъ мною къ печати «Очерковъ казанской старины», я получилъ доступъ къ бумагамъ покойнаго Солнцева и былъ положительно изумленъ его удивительной предусмотрительностью. Ока-

залось, что онъ оставилъ у себя копіи со всѣхъ важнѣйшихъ документовъ, касающихся Родіоновой, а дѣловую переписку прокурорской канцеляріи и письма даже въ подлинникахъ. Этотъ-то цѣнный архивъ я и получилъ въ свое распоряженіе отъ покойной супруги Солнцева. Такимъ образомъ на мою долю выпала только честь вывести эти матеріалы изъ неизвѣстности, придавъ имъ систему и литературную обработку [1]).

Желая пополнить настоящій очеркъ разсказами старожиловъ, я лѣтомъ истекшаго года предпринялъ поѣздку въ село Масловку Лаишевскаго уѣзда, розыскалъ тамъ стариковъ, бывшихъ крѣпостныхъ и современниковъ Родіоновой и изъ бесѣды съ ними извлекъ нѣкоторыя данныя, пополняющія и объясняющія матеріалы, собранные Солнцевымъ.

Хотя личность Анны Николаевны и связана неразрывно съ Казанью и Казанской губерніей, но родилась она далеко за ихъ предѣлами. О происхожденіи ея и первоначальной жизни данныхъ весьма немного. Всего менѣе по этимъ вопросамъ могутъ сказать ея потомки, хранители фамильныхъ преданій.

Н. Л. Родіоновъ сообщаетъ только то, что «въ концѣ 20-хъ годовъ проживала въ Казани вдова полковника Родіонова, бездѣтная старушка, владѣвшая значительнымъ помѣстьемъ въ уѣздѣ и двумя

---

[1]) Привожу опись этимъ неизданнымъ матеріаламъ:

1) «Дѣло по копіи съ постановленія казанской гражданской палаты о имѣніи полковницы Родіоновой и о предоставленіи ею своихъ крестьянъ и каменнаго дома на заведеніе въ Казани института благородныхъ дѣвицъ. Началось 30-го октября 1825 года, окончилось 25-го ноября 1838 года. На 366 листахъ». Эта огромная пронумерованная папка, на заглавномъ листѣ которой напечатано: «По канцеляріи казанскаго губернскаго прокурора», заключаетъ въ себѣ въ подлинникахъ и копіяхъ разнообразные матеріалы: духовныя завѣщанія Родіоновой, рескрипты императрицы Маріи Өеодоровны, письма Родіоновой и другихъ лицъ, переписку различныхъ вѣдомствъ и лицъ по вопросу о выполненіи завѣщанія Родіоновой, объ организаціи института, о процессѣ Луки Родіонова и пр.

2) Копіи съ документовъ, относящихся къ процессу Родіоновой съ Мергасовымъ. Эта папка заключаетъ въ себѣ 150 листовъ.

3) «Записка для архива казанскаго Родіоновскаго института, вѣчно достойною памяти Казанской губерніи помѣщицею, вдовою полковницей А. Н. Родіоновой, основаннаго и высочайше утвержденнаго, съ краткимъ очеркомъ бывшаго по сему дѣловодства и жизнеописаніемъ незабвенной основательницы, изъ актовъ извлеченная казанскимъ губернскимъ прокуроромъ статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ Гавріиломъ Солнцевымъ и въ институтъ навсегда переданная». Эта черновая рукопись заключаетъ 6 листовъ.

4) Бѣловая, но неоконченная рукопись въ 15 листовъ, также представляющая матеріалы для жизнеописанія Родіоновой—«основательницы казанскаго Родіоновскаго благородныхъ дѣвицъ института, съ пріобщеніемъ подробныхъ свѣдѣній о самомъ первоначальномъ учрежденіи онаго и бывшемъ процессѣ о завѣщанныхъ для заведенія его имѣніяхъ».

большими домами въ городѣ», и что у нея былъ «племянникъ, сынъ меньшаго брата Павла, Лука Родіоновъ»[1]).

Очень понятно, что эти свѣдѣнія, не смотря на свою краткость, имѣли бы извѣстную цѣнность, если бы были достовѣрны. Но, къ сожалѣнію, фамильныя преданія оказались въ данномъ случаѣ на столько странными, что поставили правнука А. Н. въ неловкое положеніе «непомнящихъ родства»: онъ называетъ свою пробабку «бездѣтной старушкой» въ то время, какъ у нея было трое дѣтей; своего дѣда Павла — ея «меньшимъ братомъ», а между тѣмъ онъ былъ ея сыномъ; наконецъ, своего роднаго отца Луку Родіонова — ея племянникомъ, не смотря на то, что онъ приходился ей внукомъ, и даже не могъ бы быть Родіоновымъ, если бы былъ племянникомъ А. Н.

Другой фамильный историкъ, Дм. Петр. Родіоновъ, хотя и поправляетъ ошибки своего дальняго родственника, но и самъ, очевидно, знаетъ очень мало, такъ какъ о происхожденіи А. Н. выражается крайне осторожно. Ему только «кажется, что она принадлежала къ роду Крупениковыхъ»[2]). Подобная осмотрительность тѣмъ болѣе умѣстна, что предположеніе оказывается совершенно невѣрнымъ.

По словамъ Алексѣя Иванова[3]), состоявшаго при Родіоновой до самой ея смерти въ качествѣ домашняго секретаря, А. Н. «происходила изъ богатой фамиліи Нестеровыхъ, Калужской губерніи, и родилась въ 1751 году». Дѣтскіе годы ея прошли, повидимому, при довольно неблагопріятныхъ условіяхъ. Отецъ ея Николай Нестеровъ «посредствомъ картъ растратилъ свое имѣніе и сдѣлался несостоятельнымъ», оставивъ дочь безъ всякихъ средствъ для существованія. Такимъ образомъ, въ самой ранней молодости пришлось А. Н. столкнуться съ суровыми сторонами жизни — сиротствомъ и жизнью подъ чужимъ кровомъ. Оставшись по смерти отца круглой сиротой, А. Н. «поступила на воспитаніе къ своему дядѣ», богатому казанскому помѣщику, князю Василію Тенишеву, «у котораго и находилась до своего замужества». Когда А. Н. исполнилось 18 лѣтъ, дядя выдалъ ее замужъ за пожилаго вдовца-полковника Ивана Александровича Родіонова, также принадлежавшаго къ числу зажиточныхъ дворянъ Казанской губерніи.

Не болѣе какъ черезъ четыре года послѣ этого, въ жизни А. Н. произошелъ трагическій случай, отразившійся на всемъ направленіи ея послѣдующей жизни.

---

[1]) «Происхожденіе одного казеннаго заведенія», замѣтка Н. Л. Родіонова, «Историческій Вѣстникъ», январь, 1884 года, стр. 213—214.

[2]) «По поводу статьи: «Происхожденіе одного учебнаго заведенія», замѣтка Дм. Петров. Родіонова, «Историческій Вѣстникъ» 1884 г. Т. XV, стр. 213.

[3]) Письмо къ Солнцеву отъ штатнаго смотрителя лаишевскаго уѣзднаго училища, Алексѣя Иванова, который, въ бытность свою дворовымъ человѣкомъ, велъ дѣловую переписку А. Н.

Въ 1774 году, Казань, какъ извѣстно, подверглась страшному разгрому. Въ первыхъ числахъ іюля, Пугачевъ, руководимый казанскимъ урожденцемъ, подпоручикомъ Минеевымъ, быстрымъ маршемъ направлялся къ Казани. Слухъ объ этомъ распространилъ въ городѣ всеобщую панику. Кто могъ—покидалъ городъ. Захвативъ своихъ трехъ малолѣтнихъ дѣтей, А. Н., по примѣру многихъ другихъ, уѣхала въ Москву. Но мужъ ея остался въ Казани въ своемъ домѣ на Воскресенской улицѣ.

Между тѣмъ гроза надвигалась. «Нашъ домъ,—разсказываетъ казанскій купецъ Сухоруковъ [1]),—былъ высокъ, и я, какъ любопытный мальчикъ, влѣзалъ на кровлю и оттуда глядѣлъ на пространство Арскаго поля, гдѣ по тогдашнимъ рощамъ втеченіе цѣлой недѣли собирались передовые отряды пугачевской «сволочи», въ составъ которыхъ входили многіе «и изъ окольныхъ крестьянъ». 12-го іюля, участь города рѣшилась. «Когда началась пушечная пальба, дѣдъ нашъ Михаилъ Сухоруковъ отвелъ насъ въ Грузинскую церковь, въ которой, укрываясь, заперся близь живущій народъ. Вскорѣ наши воины принуждены были отступить. Тогда мы изъ церкви увидѣли, что мятежники пустились по нашей улицѣ... Я, какъ мальчикъ, бѣгалъ по переулкамъ за этой сволочью и видѣлъ какъ городъ былъ зажженъ вдругъ въ 12-ти мѣстахъ». Начались грабежи и убійства «въ особенности дворянъ и тѣхъ, которые на нихъ похожи были».

Подобная участь постигла, между прочимъ, и мужа Анны Николаевны. Солнцевъ сообщаетъ, что масловскіе крестьяне, «бывшіе преданными шайкѣ злодѣя, способствовали къ невинному убійству своего помѣщика» [2]), а распространенное въ Казани преданіе прибавляетъ къ этому, что мятежники, по указанію масловцевъ, нашли Родіонова подъ престоломъ Воскресенской церкви, вывели его на паперть и здѣсь убили.

Но сами масловскіе крестьяне отрицаютъ свое участіе въ этомъ дѣлѣ и разсказываютъ о смерти Ивана Александровича нѣсколько иначе и притомъ подробнѣе.

«Какъ сталъ Пугачъ,—говорилъ мнѣ 90-ти-лѣтній масловскій крестьянинъ Григорій Пѣтуховъ,—помѣщиковъ розыскивать, Иванъ Александровичъ схоронился въ Воскресенской церкви подъ престоломъ. Одначе его нашли, выволокли на паперть, стали бить, мучить, а потомъ привязали къ конскому хвосту и давай по землѣ волочить. А какъ померъ онъ, стали кличъ кликать: нѣтъ ли Родіоновскихъ крестьянъ? Нашелся одинъ—Никита Макаровъ изъ

---

[1]) «Сказаніе казанскаго купца И. А. Сухорукова», письмо къ К. Ф. Фуксу. Позволяемъ себѣ привести изъ этого письма нѣсколько цитатъ въ виду того, что оно напечатано въ нераспространенномъ изданіи («Казанскія Губернскія Вѣдомости», 1843 года, № 44).

[2]) Неоконченная «Записка» Солнцева.

деревни Дмитревки. Говорятъ ему: «Постегай своего барина». Видитъ Никита Макаровъ — баринъ Богу душу отдалъ, одначе дѣлать нечего: стегнулъ его раза три кнутомъ... Вотъ за это за самое и сердита была Анна Николаевна на своихъ мужиковъ».

15-го іюля, Михельсонъ разбилъ, наконецъ, и разсѣялъ Пугачевскія скопища. Городъ былъ освобожденъ. Печальную картину представлялъ онъ. «Во всемъ городѣ отъ пожару, по словамъ Сухорукова, не осталось ни кола по самую Егорьевскую улицу». 28 церквей, гостиный дворъ и 2,063 дома погибли отъ пламени, такъ что многіе «граждане жили до осени въ погребахъ». Мало-по-малу стали съѣзжаться и тѣ изъ жителей, которые разъѣхались по дальнимъ мѣстамъ. Возвратилась съ дѣтьми и А. Н. Нерадостно было это возвращеніе. Мужъ лежалъ уже въ могилѣ на оградѣ Воскресенской церкви, домъ былъ разграбленъ и сожженъ, имущество въ Масловской усадьбѣ растащено своими же крестьянами. Вообще положеніе было критическое.

Несчастіе, разразившееся надъ А. Н., обратило на себя вниманіе императрицы Екатерины II. Она прислала Родіоновой цѣнный подарокъ, нѣсколько брилліантовъ (впослѣдствіи пожертвованныхъ въ Кизическій монастырь) и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣла казанскому военному губернатору князю Платону Степановичу Мещерскому принять молодую вдову на свое особое попеченіе[1]). Вслѣдствіе этого, при содѣйствіи князя Мещерскаго, въ слѣдующемъ же году, т. е. въ 1775 году, произведенъ былъ раздѣлъ имѣнія покойнаго Родіонова.

Имѣніе это, какъ видно изъ раздѣльной записи, было не изъ крупныхъ. Въ составъ его входило всего 584 души въ селахъ Масловкѣ и Ишеевѣ и въ деревняхъ Мамиткозиной, Семенцовой и Дмитріевкѣ. Что касается дома, то онъ при раздѣлѣ совсѣмъ не былъ принятъ во вниманіе, вѣроятно, потому, что послѣ Пугачевщины представлялъ не болѣе, какъ сожженную руину.

Изъ этого наслѣдства на долю А. Н. съ дѣтьми досталось 303 души въ селѣ Масловкѣ и деревнѣ Семенцевой (А. Н.—80 д., дочерямъ Натальѣ и Татьянѣ—82 д. и сыну Павлу—141 д.); остальные 281 д. въ прочихъ селеніяхъ наслѣдникамъ Родіонова отъ его перваго брака съ дочерью знаменитаго казанскаго фабриканта Дряблова: сыну Дмитрію и находящимся у него подъ опекой дѣтямъ брата Александра, убитаго вмѣстѣ съ отцомъ во время Пугачевскаго погрома.

Съ момента раздѣла начинается для А. Н. совершенно новая полоса жизни.

Ей прежде всего предстояло, какъ опекуншѣ надъ малолѣтними дѣтьми, позаботиться о матеріальномъ обезпеченіи ихъ и съ этой

---

[1]) Изъ письма Алексѣя Иванова къ Солнцеву.

цѣлью привести въ порядокъ разоренное имѣніе. Но для этого недостаточно было одного сознанія обязанности, необходимы были средства и знаніе: за что и какъ взяться. Ни того, ни другаго у А. Н., конечно, не было: денегъ—потому, что вся движимость была расхищена, а знанія —потому, что ей было всего еще 22 года и самостоятельной жизнью она еще не жила.

Случайность помогла А. Н. выйдти изъ затруднительнаго положенія. Нашелся человѣкъ, который указалъ ей путь для выхода. Это былъ казанскій митрополитъ Веніаминъ.

Не имѣя надобности подробно касаться его личности, я, тѣмъ не менѣе, считаю необходимымъ замѣтить, что Веніаминъ былъ, повидимому, человѣкъ не безъ средствъ. По крайней мѣрѣ, изъ письма Сухорукова къ Фуксу видно, что онъ окружалъ себя пышной обстановкой. «Большой экипажъ митрополита, по тогдашнему названію берлинъ, весь блисталъ золотомъ, упряжь въ 6 лошадей была всегда въ шорахъ; кучеръ на козлахъ одѣтъ въ нѣмецкій кафтанъ съ огромными обшлагами и съ долгимъ въ рукахъ бичемъ. Впереди кареты ѣхали всегда два вершника въ зеленыхъ епанчахъ, или, по нынѣшнему названію, капотахъ. Одинъ на рукѣ держалъ архіерейскую мантію, а другой посохъ. По пріѣздѣ къ собору, по выходѣ изъ берлина, преосвященный надѣвалъ на себя мантію, бралъ посохъ и такъ входилъ въ церковь» [1]).

Кромѣ того, въ настоящемъ очеркѣ умѣстно будетъ пояснить, что Веніаминъ на себѣ самомъ испыталъ тяжесть Пугачевскаго погрома. По учрежденіи въ Казани «слѣдственной коммиссіи» для «розыска» объ участникахъ мятежа, нѣкто Аристовъ, принадлежавшій къ числу казанскихъ дворянъ, сдѣлалъ извѣтъ на архіепископа, обвиняя его въ томъ, что «якобы онъ имѣлъ переписку съ Пугачевымъ». За это владыка, по словамъ Сухорукова «взятъ былъ подъ крѣпкую стражу». Впрочемъ, ему пришлось отдѣлаться только однимъ строжайшимъ и трехнедѣльнымъ заключеніемъ. Одинъ изъ чиновниковъ его канцеляріи Петръ Васильевъ ухитрился тайно доставить ему письменныя принадлежности. Веніаминъ написалъ императрицѣ письмо и также тайкомъ отправилъ его въ Москву съ протопопомъ Дѣвичьяго монастыря Алексѣемъ Іонычемъ. Государыня, лично разсмотрѣвъ дѣло «бездѣльника Аристова», не только приказала немедленно освободить архіепископа, но и возвела его въ санъ митрополита и при особомъ рескриптѣ препроводила ему бѣлый клобукъ съ крестомъ изъ крупныхъ брилліантовъ [2]).

Но что же сблизило А. Н. съ митрополитомъ и что онъ сдѣлалъ для нея?

---

[1]) «Сказанія Сухорукова» («Каз. Губ. Вѣд.», 1843 г., № 44).

[2]) Рескриптъ этотъ напечатанъ въ «Казанской исторіи» Рыбушкина.

Вопросъ этотъ совершенно опредѣленно разъясняетъ Солнцевъ. Веніаминъ, — говоритъ онъ, — имѣлъ «съ супругомъ ея тѣсную дружбу». А. Н., зная это, и обратилась къ нему за совѣтомъ. Надо думать, что почтенный старецъ изъ бесѣды своей съ молодой вдовой пришелъ къ заключенію, что въ ея личности есть задатки практическаго дѣльца, потому что далъ совѣтъ крайне оригинальный для 22-хъ-лѣтней женщины того времени и притомъ изъ высшаго круга. Солнцевъ сообщаетъ, что онъ, «бывъ въ довѣренныхъ съ г-жею Родіоновой сношеніяхъ, неоднократно слышалъ отъ нея самой, что послѣ Пугачевскаго нашествія митрополитъ Веніаминъ посовѣтовалъ ей заняться разными промыслами и въ особенности рыбными, снабдивъ ее для начинательнаго къ тому обзаведенія даже денежною суммою до 15 тысячъ руб., каковая сумма, по словамъ ея, Родіоновой, и доставила ей большія выгоды».

Заручившись этимъ совѣтомъ и наличными деньгами, А. Н. смѣло взялась за разныя коммерческія предпріятія. Частію на эти деньги, а частію подъ залогъ доставшихся ей съ дѣтьми крестьянъ, она стала брать изъ бывшей «губернской канцеляріи», а затѣмъ и казенной палаты разнообразныя оброчныя статьи — мельницы, сѣнокосы и рыбныя ловли. Промысловое дѣло шло и развивалось тѣмъ успѣшнѣе, что энергичная натура А. Н. увлекала ее къ активной дѣятельности, къ непосредственному веденію предпріятій и личному надзору за ихъ ходомъ. По словамъ Солнцева, «при рыбныхъ ловахъ, не только въ лѣтнее, но и въ зимнее время, она, большею частію, сама присутствовала и значительной цѣны рыбу, какъ-то: осетровъ, шиповъ и стерлядей, отправляла для продажи въ обѣ столицы, въ Москву же и сама часто для того ѣзжала». То же самое утверждаетъ и Алексѣй Ивановъ. «Чтобы поправить свое состояніе, — говоритъ онъ, — покойница сняла оброчныя статьи почти на всѣ лучшія рыбныя ловли, въ Казанской губерніи находящіяся, которыя вознаградили и даже усугубили всѣ ею въ несчастіи понесенные убытки. Это мною было слышано изъ разговоровъ покойницы» [1]).

Сосредоточивая въ своихъ рукахъ путемъ коммерческихъ предпріятій значительныя суммы, А. Н. употребляла ихъ на покупку населенныхъ имѣній въ Казанской и Симбирской губерніяхъ. Такимъ образомъ она пріобрѣла Тангачи, Аришхазду, Александровку, Шайтанку, Нижніе Девлизери, Кіять, Обуховку, а также скупила въ свою собственность всѣ части, доставшіяся ея дѣтямъ и пасынку Дмитрію въ Масловкѣ, Семеновкѣ и Дмитріевкѣ. Послѣдняя операція, т. е. скупка дѣтскихъ частей, можетъ подать поводъ къ несовсѣмъ благопріятнымъ заключеніямъ объ А. Н., особенно, если принять во вниманіе содержаніе купчихъ крѣпостей. Дѣло проис-

[1]) Письмо Алексѣя Иванова къ Солнцеву.

ходило такъ: дочери А. Н., Наталья и Татьяна, продали свои части Дмитрію, каждая за 500 руб., а Дмитрій на другой же день перепродалъ ихъ А. Н., каждую за 5,000 руб., а свою долю въ Дмитріевкѣ за 7,000 руб. Во всѣхъ этихъ случаяхъ оцѣнка частей сдѣлана гораздо ниже настоящей ихъ стоимости, но было бы крайне ошибочно думать, что А. Н. нарушила этимъ интересы дѣтей и пасынка. Мы впослѣдствіи увидимъ, что она щедро надѣлила ихъ, а низкая оцѣнка въ крѣпостныхъ актахъ была допущена для того, чтобы меньше платить пошлинъ. Что касается части своего сына Павла, то А. Н. купила ее по нормальной оцѣнкѣ за 70,000 руб. Мотивами же этой странной на первый взглядъ скупки были, вѣроятно, чисто хозяйственныя соображенія—желаніе уничтожить дробность владѣнія въ однихъ и тѣхъ же селеніяхъ.

Сверхъ указанныхъ выше имѣній, А. Н. пріобрѣтала по купчимъ крѣпостямъ въ разныхъ мѣстахъ сѣнные покосы, мельницы и людей безъ земли.

Такимъ образомъ, благодаря удачнымъ промышленнымъ операціямъ, А. Н. сдѣлалась одною изъ крупныхъ казанскихъ помѣщицъ и, по словамъ Солнцева, пріобрѣла «извѣстность опытной и строгой хозяйки». Обширность запашки и землевладѣнія дали ей возможность вести обширную торговлю хлѣбомъ, производить поставки въ казну и «партикулярную» продажу, сбывая какъ свои, такъ и перекупные хлѣбные продукты. Это еще болѣе увеличило ея благосостояніе.

При этомъ необходимо имѣть въ виду, что А. Н. принимала активное участіе во всей этой широкой экономической дѣятельности. Ей принадлежали иниціатива, направленіе и надзоръ. Въ доказательство этого Солнцевъ приводитъ тотъ фактъ, что послѣ Родіоновой остались цѣлые десятки купчихъ крѣпостей, контрактовъ, условій, квитанцій, а также «экономическія книги, черезъ многіе годы со всею отчетливостію ею веденныя и по кончинѣ ея губернскимъ прокуроромъ Солнцевымъ сохраненныя и имъ же въ совѣтъ института переданныя». Къ сожалѣнію, этотъ цѣнный для характеристики хозяйственной дѣятельности А. Н. матеріалъ былъ утраченъ, и мы можемъ судить о немъ только по нѣкоторымъ копіямъ и описи Солнцева.

Изъ всего сказаннаго нетрудно видѣть, что жизнь Родіоновой сложилась крайне своеобразно и рѣзко выдвигалась изъ современнаго ей шаблона; жизнь женщины того времени втиснута была въ безцвѣтныя рамки, у А. Н. она кипѣла ключемъ оживленной практической дѣятельности. Все это не могло, конечно, не отразиться извѣстнымъ образомъ на нравственномъ складѣ ея личности. Тяжелыя лишенія и трагическія событія, выпадавшія на ея долю съ дѣтства; разносторонняя коммерческая и вообще хозяйственная дѣятельность, приводившая ее въ столкновеніе съ массою лицъ

современнаго ей дѣловаго люда,—успѣли наложить на ея нравственную сторону тѣ характерныя черты, которыя въ дальнѣйшей жизни получили только большее религіозное настроеніе, серьезность, знаніе людей, пониманіе значенія труда и образованія, твердость, наклонность властвовать и дѣйствовать самостоятельно. Очевидно, что при подобныхъ обстоятельствахъ у А. Н. не было

Анна Николаевна Родіонова.

желанія снова связать съ кѣмъ нибудь свою жизнь, подчинить кому нибудь свою властную личность и непреклонную волю. По словамъ Солнцева, «не смотря на свою молодость и на пріобрѣтенное значительное имущество, она не рѣшилась вступить во второй бракъ, хотя и искали ея руки многіе достойные женихи, но посвятила жизнь свою на молитву Богу и на благотворенія, дѣлаемыя ею тайно, сколько то скрыть только могла».

Говоря о подобномъ направленіи жизни А. Н., Солнцевъ, къ сожалѣнію, сообщаетъ очень мало данныхъ объ отношеніи ея къ дѣтямъ. У него есть прямое указаніе только на ихъ матеріальное обезпеченіе. Такъ, по его словамъ, сыну Павлу она подарила богатое с. Кіять въ 205 душъ, а дочери «были награждены, при выдачѣ въ замужество, приличнымъ ихъ званію, приданымъ» [1]). Старшая изъ нихъ, Наталья, вышла за губернскаго предводителя дворянства Порфирія Львовича Молоствова [2]), принадлежавшаго къ числу «богатыхъ и уважаемыхъ помѣщиковъ» Казанской губерніи [3]); младшая, Татьяна, хотя и вышла за штабсъ-капитана Доронова, человѣка, повидимому, небогатаго, но въ средствахъ также не могла нуждаться, такъ какъ мать еще раньше купила на ея имя с. Тангачи въ 145 душъ.

Что же касается заботъ А. Н. о воспитаніи и образованіи дѣтей, то на это нѣтъ прямыхъ указаній, есть только одинъ намекъ. Изъ допросовъ, отобранныхъ гражданской палатой отъ Родіоновой и ея сына въ 1798 году, видно, что доходы съ наслѣдственнаго имѣнія, бывшаго до этого времени въ нераздѣльномъ владѣніи, «употребляемы были на воспитаніе его, Павла, и сестеръ его, Натальи и Татьяны».

Но въ чемъ заключалось это воспитаніе,—вопросъ темный. Отвѣтить на него можно только однѣми догадками.

Сама А. Н., повидимому, не получила достаточнаго образованія. По крайней мѣрѣ, въ бумагахъ Солнцева нѣтъ ни одной собственноручной ея записки. Всѣ онѣ писаны рукой Алексѣя Иванова, Родіонова же дѣлала подъ ними только не совсѣмъ грамотную подпись: «Полковница анна Родионова».

Тѣмъ не менѣе есть полное основаніе думать, что А. Н. понимала и цѣнила значеніе образованія. Желая наградить своего стараго дворецкаго Ивана за «вѣрную службу», она дала образованіе его дѣтямъ Алексѣю и Александру и притомъ на столько достаточное, что они могли сдѣлаться впослѣдствіи учителями, а Алексѣй, состоя при ней до самой ея смерти въ качествѣ домашняго секретаря, велъ всю дѣловую переписку, и велъ, нужно отдать ему полную справедливость, съ толкомъ и грамотно.

Въ виду этого представляется невозможнымъ думать, чтобы А. Н., позаботившись о дѣтяхъ своего дворецкаго, не обратила вниманія на образованіе своихъ собственныхъ дѣтей.

Что касается общаго склада жизни дѣтей, то, вѣроятно, онъ былъ довольно суровъ и однообразенъ. Обстановка дома была чи-

[1]) Изъ «Заключенія» Солнцева, представленнаго въ гражданскую палату, на рѣшеніе лаишевскаго уѣзднаго суда по иску Луки Родіонова.

[2]) Письмо Алексѣя Иванова къ Солнцеву.

[3]) «Воспоминанія» Вигеля.

сто дѣловая, строго опредѣленная, монастырская. Интимныхъ знакомыхъ было мало. У А. Н. былъ только одинъ другъ—дочь ея пасынка Александра, Анна Баратаева, которая по смерти своего мужа, казанскаго губернатора князя Баратаева, оставалась въ Казани.

Объ этой личности и ея пяти красавицахъ-дочеряхъ упоминаетъ Вигель. «Безъ блестящаго воспитанія, безъ малѣйшаго кокетства,—говоритъ онъ,—всѣ онѣ были привлекательны, и какъ ни хороши были собою, но, поговоривъ съ ними немного, можно было почувствовать, что наружность ихъ только красивый футляръ, вмѣщающій въ себѣ нѣчто болѣе драгоцѣнное—ангельскую душу. Какъ мать, такъ и дочери были привѣтливы и скромны, и все въ домѣ семъ показывало благочестіе и пристойность».

Едва ли можно сомнѣваться, что подобныя свойства семьи Баратаевыхъ и связывали ее съ А. Н.

Обезпечивъ матеріальное положеніе своихъ дѣтей, Родіонова, по словамъ Солнцева, «надѣлила имѣніями и родственниковъ покойнаго мужа, а нѣкоторымъ изъ нихъ, въ особенности Полуярславцевымъ и княгинѣ Баратаевой, по самую кончину въ тѣсной съ нею дружбѣ бывшей, она давала на вспомоществованіе значительныя денежныя суммы». Кромѣ того, «многія бѣдныя семейства разнаго званія также во всю жизнь ея пользовались тайными ея благодѣяніями, получая или денежныя пособія, или жизненные припасы на содержаніе».

Устроивъ такимъ образомъ судьбу дѣтей и раздавъ большую часть имущества какъ имъ, такъ и другимъ ближнимъ и дальнимъ родственникамъ, А. Н. себѣ оставила только два смежныхъ селенія въ Лаишевскомъ уѣздѣ—село Масловку и деревню Дмитріевку, а равно и каменный домъ на Воскресенской улицѣ, который она обстроила послѣ пожара на свои собственныя средства въ 1778 году.

II.

Городская жизнь А. Н. — Ежедневныя поѣздки на могилу мужа. — Знакомства А. Н., ея симпатіи и антипатіи.—Домашняя обстановка.—Внѣшность и характеръ А. Н. въ старости.—Моя поѣздка въ Масловку.—Почему А. Н. сосредоточила въ своихъ рукахъ весь Масловскій раіонъ. — Знакомство съ стариками-современниками Родіоновой. — Ихъ разсказы о наѣздѣ А. Н. въ деревню.— Мѣры отъ разбойниковъ.—Отношеніе А. Н. къ крестьянамъ.—Приказчикъ Ефимъ Пѣтуховъ и суровое время барщины.—Взглядъ крестьянъ на личность А. Н.— Разъясненіе вопроса о доморощенной каторгѣ. — Разсказъ о томъ, какъ «чистили гору».— Обновленіе масловской церкви.

Лѣтъ 30 неустанной и энергичной хозяйственной дѣятельности сдѣлали свое дѣло. Къ началу настоящаго столѣтія, достигнувъ 50-лѣтняго возроста, А. Н. замѣтно поуходилась, хотя и сохранила

крѣпкое здоровье. Раіонъ дѣятельности, ограниченный Масловкой и Дмитріевкой, значительно съузился; мѣсто хлопотливой дѣловой жизни стала занимать жизнь болѣе домашняя; личное участіе въ дѣлахъ приняло менѣе активный характеръ.

Зиму А. Н. имѣла обычай проводить въ городѣ, въ своемъ обширномъ каменномъ домѣ, а лѣто—въ Масловкѣ. Съ городской жизнью Родіоновой кратко, но обстоятельно знакомитъ насъ Солнцевъ, имѣвшій случай близко наблюдать ее въ послѣдніе годы жизни А. Н.

«Она была весьма набожна,—разсказываетъ Гавріилъ Ильичъ про А. Н.,—и почти ежедневно ѣзжала въ приходскую Воскресенскую церковь»[1]).

То же самое сообщалъ намъ и одинъ изъ мѣстныхъ старожиловъ—достопочтенный соборный протоіерей Вишневскій, который былъ въ то время еще ученикомъ духовнаго училища и часто видалъ, какъ А. Н. въ каретѣ переправлялась черезъ улицу въ церковь, отстоявшую отъ ея дома не болѣе, какъ за 10 саженъ.

При этомъ своевременно будетъ замѣтить, что эта церковь, т. е. Воскресенская, тѣсно связана съ памятью объ Аннѣ Николаевнѣ, которая, по словамъ Солнцева, «обстроила оную и украсила значительной ризницей», много денежныхъ суммъ принесла ей въ даръ, а причту годовое содержаніе и разныя другія пособія. Подобное отношеніе къ этой церкви совершенно понятно. Съ ней связано трагическое представленіе о мученической смерти мужа, здѣсь на оградѣ погребено было его истерзанное тѣло. Положивъ надъ могилой мужа надгробную плиту[2]), А. Н. построила близъ нея небольшую келью-часовню, о которой упомянуто было въ самомъ началѣ нашего очерка, и сюда-то ежедневно являлась помолиться объ усопшемъ.

Анна Николаевна, разсказываетъ далѣе Солнцевъ, «знала основательно церковный уставъ, имѣла собственный небольшой хоръ пѣвчихъ изъ крѣпостныхъ людей, коихъ и употребляла для церковнаго пѣнія; строго соблюдала посты, въ пищѣ была весьма умѣренна, но добрыхъ знакомыхъ своихъ любила угощать хотя не роскошнымъ, но обильнымъ столомъ; кромѣ англійскаго портера,

---

[1]) Неоконченная «Записка» Солнцева.

[2]) Эта плита сильно вывѣтрилась; тщательно отмывъ ее, я прочелъ слѣдующую надпись: «Подъ симъ камнемъ погребено тѣло господина полковника Іоанна Александровича Родіонова, который рожденъ 1719 года, мѣсяца сентября, тезоименитство въ 26 день. По рожденіи своемъ жилъ на семъ свѣтѣ 55 лѣтъ, убіенъ во время Пугачевщины. Замученъ на семъ мѣстѣ мятежниками 1774 г.».

Эта надпись, а равно и документальные источники совершенно опровергаютъ «Замѣтку о Родіоновыхъ» Дм. Петр. Родіонова (Русск. Стар., 1878 г., сентябрь, стр. 157—158), гдѣ Иванъ Александровичъ названъ Александромъ Ивановичемъ и такимъ образомъ смѣшанъ съ своимъ сыномъ отъ Дрябловой.

сама никакихъ напитковъ не употребляла; въ домѣ имѣла приличную мебель и экипажи; для выѣздовъ своихъ употребляла всегда карету; кромѣ родственницы своей, престарѣлой княгини Баратаевой, ни къ кому болѣе не ѣзжала; театральныя зрѣлища ненавидѣла, почитая оныя ближайшимъ проводникомъ къ развращенію нравовъ и въ особенности женскаго пола; была бережлива, но не скупа; носила всегда черное или бѣлое платье, а голову повязывала бѣлымъ платкомъ; любила рукодѣлія и для того имѣла собственныхъ своихъ 120 крестьянскихъ дѣвокъ, занимавшихся пряжею, тканьемъ и бѣленьемъ холста; имѣла своего каретнаго мастера, своихъ слесарей и кузнецовъ и даже фортепіаннаго мастера; были также у нея свои сапожники, башмачники и повара; для услугъ своихъ употребляла одного старика Ивана съ двумя его сыновьями Алексѣемъ и Александромъ и одну пожилую женщину; въ свободное время любила заниматься чтеніемъ духовныхъ и историческихъ книгъ, составлявшихъ ея избранную библіотеку; зрѣніе имѣла острое, но употребляла очки; любила также садоводство; не терпѣла роскошныхъ нарядовъ, пирухъ и сплетней, но что̀ дѣлалось въ городѣ, все вѣдала изъ вѣрныхъ источниковъ; не любила картежной и другихъ азартныхъ игръ, за что̀ и не жаловала нѣкоторыхъ своихъ близкихъ родственниковъ; во всемъ имѣла твердую волю; къ крѣпостнымъ своимъ людямъ была строга, но не жестокосердна и отличныхъ въ поведеніи жаловала подарками. Что касается до тѣлеснаго образованія, то росту была средняго, лице имѣла бѣлое, глаза сѣроватые, носъ умѣренный и прямой, волосы русые, походку имѣла твердую, но при старости въ помощь употребляла трость, голосъ имѣла твердый теноръ, а взоръ— строгій».

Къ этой характеристикѣ добавлять нечего. Краткими, но рѣзкими чертами обрисовываетъ она Родіонову. Ея суровая фигура не лишена величавости. Въ ней виденъ человѣкъ серьезный, думающій и живущій самостоятельно, человѣкъ съ твердыми взглядами и направленіемъ. Что же касается слишкомъ отрицательнаго отношенія А. Н. къ такому культурному элементу, какъ театръ, то это объясняется очень просто. Въ то время театръ въ Казани содержалъ мѣстный помѣщикъ Есиповъ, который, по словамъ Вигеля, «чувственнымъ наслажденіямъ не зналъ ни мѣры, ни границъ». Содержа труппу изъ своихъ дворовыхъ людей, онъ устроивалъ съ ними у себя въ домѣ такія «сатурналіи и вакханаліи», что люди строгаго образа жизни старались держаться отъ него подальше и свою антипатію къ нему переносили и на устроенный имъ театръ.

Настоящій очеркъ былъ бы не полонъ, если бы въ немъ опущена была такая существенная сторона, какъ жизнь А. Н. въ деревнѣ.

Съ цѣлью собрать необходимые для этого матеріалы, я истекшимъ лѣтомъ съѣздилъ въ с. Масловку. Помимо желанія познакомиться съ деревенской обстановкой А. Н., мнѣ необходимо было разрѣшить нѣкоторые вопросы, казавшіеся не совсѣмъ ясными, напримѣръ: что побудило А. Н., получившую по раздѣлу только часть Масловки, скупить это имѣніе въ полномъ составѣ; почему она, раздавши всѣ скупленныя ею имѣнія, оставила за собою Масловку и Дмитріевку? Кромѣ того, важно было выяснить, по возможности, отношенія, существовавшія между А. Н. и ея крестьянами.

Поднявшись вверхъ по Камѣ до Рыбно-Слободской пристани, я взялъ здѣсь лошадей и раннимъ утромъ выѣхалъ на Масловку. Дорога шла узкой, извилистой полоской подлѣ берега тихаго Камскаго рукава, отдѣленнаго отъ главнаго русла пространнымъ, низменнымъ островомъ, раскинувшимся привольно между Рыбной слободой и Масловкой. По другую сторону разстилались Масловскіе луга — обширная заливная равнина, покрытая высокой травой, а версты за четыре, внизъ по рѣкѣ, круто поднимался высокій склонъ Сорочьихъ горъ. У подошвы ихъ, серебристой лентой, струится рѣчка Ошнякъ и длинной цѣпью тянутся Дмитріевка и Масловка съ каменной церковью, пріютившейся подъ самой горой, на склонѣ которой темнозеленымъ пятномъ вырѣзывается старинный барскій садъ, съ густо разросшимися кедрами. Картинка вообще недурная, хотя и не бросающаяся въ глаза; да и не въ картинкѣ заключалась та магнетическая сила, которая побудила А. Н. сосредоточить это имѣніе въ своихъ рукахъ и оставить его за собою. Сила эта заключалась, очевидно, въ томъ, что между всѣми окрестными землями праваго побережья Камы нѣтъ раіона, болѣе благопріятнаго въ сельско-хозяйственномъ отношеніи: гармоническое сочетаніе важнѣйшихъ хозяйственныхъ угодій — черноземная почва, заливные луга и лѣсная рамень, густо покрывавшая во времена Родіоновой всѣ береговые угоры; небольшая, но достаточно сильная для приведенія въ движеніе мельницы, рѣчка; наконецъ, близость Камы, представляющей всѣ удобства для сплава хлѣбныхъ грузовъ и славящейся именно въ этихъ мѣстахъ своей рыбой, особенно стерлядью, — все это придавало люднымъ селеніямъ Масловкѣ и Дмитріевкѣ ту завидную округленность, которая необходима для широкой постановки сельско-хозяйственныхъ операцій.

По пріѣздѣ въ Масловку, я съ удовольствіемъ узналъ, что въ селѣ жили еще два старика, которые помнятъ хорошо Родіонову. Одному изъ нихъ, Григорію Петровичу Пѣтухову, уже болѣе 90 лѣтъ, такъ что въ годъ смерти Родіоновой онъ былъ тридцатилѣтнимъ мужикомъ; другому, Аксену Никитичу Курочкину, 75 лѣтъ и онъ семнадцатилѣтнимъ парнемъ, въ день смерти А. Н., былъ въ Казани, на барскомъ дворѣ.

Указывали мнѣ еще на одного старика, въ деревнѣ Дмитріевкѣ, которому много свыше 100 лѣтъ, и который «больно хорошо умѣлъ разсказывать про Родивониху», но онъ уже нѣсколько лѣтъ ничего не слышитъ, потерялъ память и находится при смерти.

Расположившись въ избѣ Пѣтухова, я пригласилъ сюда и Курочкина, охотно изъявившихъ согласіе «покалякать» объ А. Н. Вскорѣ въ избѣ Григорія Петровича собралась цѣлая толпа: мужики вошли въ комнату, а бабы расположились подъ окнами. Это для моей цѣли оказалось очень полезнымъ, такъ какъ слушатели, увлекаясь предметомъ бесѣды, прерывали разсказчиковъ и напоминали имъ разные случаи, слышанные отъ «прежнихъ стариковъ».

Излагаю сущность этой бесѣды, въ натурѣ очень часто отклонявшейся въ сторону отъ главной темы.

Въ деревню А. Н. наѣзжала обыкновенно только лѣтомъ. Наѣздъ былъ барскій: въ каретѣ, шестеркой, въ сопровожденіи отряда вооруженныхъ казаковъ.

— Кто же давалъ ей казаковъ?

— Губернаторъ давалъ, потому какъ она въ родствѣ съ нимъ была.

— Сюда отъ Казани и сотни верстъ нѣтъ, зачѣмъ же она казаковъ брала?

— Боялась; въ тѣ поры здѣсь по всей округѣ сильно «пошаливали»; мѣста были лѣсныя, овражистыя,—было гдѣ затаиться.

По этой же причинѣ и жизнь на барскомъ дворѣ поставлена была на военную ногу. Барскій дворъ обведенъ былъ высокой каменной стѣной. По ночамъ содержался караулъ. Часовые съ заряженными ружьями мѣрно похаживали по двору и чутко прислушивались къ каждому звуку въ окрестностяхъ.

Подобная обстановка не должна удивлять насъ. Такъ жили и дѣйствовали въ то время всѣ. Иначе и быть не могло, потому что «удалые добры молодцы въ легкихъ косныхъ лодочкахъ» еще разгуливали по Волгѣ и Камѣ и громкое «сарынь на гичку» гулко раздавалось межъ лѣсистыхъ береговъ. Въ деревенской глуши, особенно по лѣснымъ трущобамъ, не было ни проходу, ни проѣзду отъ разбойничьихъ шаекъ. Всѣ современныя хроники согласно говорятъ объ этомъ. Еще при императорѣ Павлѣ, по словамъ Панаева, правительству приходилось держать на Волгѣ особую команду, которая, подъ начальствомъ морскихъ офицеровъ, на «горкоутахъ» гонялась за буйною вольницей [1]). Безъ оружія никто не выѣзжалъ въ дорогу. Опасность видѣли даже тамъ, гдѣ ея не было. Описывая поѣздку съ Макарьевской ярмарки, Второвъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что онъ и его спутники встрѣтили на пути «одну лодку

[1]) «Воспоминанія Панаева», «Вѣстникъ Европы», 1867 г., т. III, стр. 214.

съ людьми, на низъ плывущую, и заключили всѣ, что это разбойники; зарядили ружья и пистолеты, и ожидали сраженія; однако, избавились сей опасности» [1]). Весьма естественно, что постоянные грабежи на рѣчныхъ путяхъ и сухопутныхъ трактахъ, разбойничьи нападенія, не только ночью, но и при дневномъ свѣтѣ, побуждали помѣщиковъ жить крѣпко.

Для Родіоновой это имѣло еще болѣе смысла, такъ какъ горное побережье Камы между Масловкой и Шураномъ, изрѣзанное глубокими ущелистыми оврагами и покрытое вѣковыми лѣсами, было всегда любимымъ притономъ самой отчаянной вольницы. Вдоль и поперегъ пройдя по этимъ глухимъ падямъ, я наслушался вдоволь о мѣстныхъ разбойничьихъ подвигахъ. Это цѣлый міръ легендъ. Особенно знаменитъ здѣсь «Войкинъ врагъ». Недаромъ, еще въ 40-хъ годахъ, извѣстный прикамскій разбойникъ Быковъ укрывался здѣсь отъ преслѣдованій. Въ этой дикой трущобѣ было его главное становище, здѣсь, по словамъ крестьянъ, онъ затаилъ и награбленныя сокровища. «Есть тутъ, въ Войкиномъ врагѣ, землянка,—разсказываютъ шуранцы,—въ этой самой землянкѣ всякаго добра тьма тьмущая; схоронилъ его здѣсь Быковъ и заперъ землянку замкòмъ, а ключъ отъ этого замкà камнемъ закрылъ и заговòръ на него положилъ. Кто ключъ добудетъ, тому и землянка откроется. Камень этотъ многимъ являлся, да слова они не знали, какое тутъ нужно. Потому—кинется онъ въ глаза и сгинетъ: глядьпоглядь, а его ужъ и слѣдъ простылъ»...

При Родіоновой эти мѣста были еще глуше.

Не дальше, какъ къ временамъ царствованія Екатерины II, народная легенда относитъ и подвиги извѣстнаго шуранскаго владѣльца, Андрея Нармацкаго, который производилъ грабежи на Камѣ при помощи своей дворни [2]).

Все это дѣлаетъ достаточно понятными тѣ предосторожности, которыя принимала А. Н. въ своихъ поѣздкахъ и деревенской жизни.

Какую жизнь вела А. Н. въ молодости, Курочкинъ и Пѣтуховъ не знаютъ; на ихъ памяти она была уже старухой и вела жизнь «спокойную». По словамъ фамильнаго историка Дм. Петр. Родіонова, А. Н. «въ свой кабинетъ никого не впускала, кромѣ своей любимой старухи-ключницы, и то только разъ въ день» [3]). Но это показаніе совершенно опровергается крестьянами. Все хозяйство, по ихъ разсказу, лежало на двухъ лицахъ, которымъ

---

[1]) «Дневникъ Второва-отца», статья де-Пуле: «Отецъ и сынъ», «Русскій Вѣстникъ», 1875 г.

[2]) Эти легенды изложены мною въ статьѣ «Потомокъ норманскихъ герцоговъ на Камѣ», «Историческій Вѣстникъ», 1881 г., № 3.

[3]) «По поводу статьи: Происхожденіе одного учебнаго заведенія», Дм. Петр. Родіонова, «Историческій Вѣстникъ», 1884 г., т. XV, стр. 213.

А. Н. вполнѣ довѣряла. Это были крѣпостные крестьяне, Алексѣй Ивановъ и Евфимъ Өедоровъ Пѣтуховъ. Алексѣй Ивановъ, извѣстный на селѣ подъ прозвищемъ «Кирзачки», былъ сынъ стараго дворецкаго Ивана, который многіе годы служилъ барынѣ «вѣрой и правдой». Его дѣтямъ, Алексѣю и Александру, А. Н. дала образованіе (они были живописцами), такъ что по смерти ея Алексѣй былъ сначала учителемъ, а потомъ штатнымъ смотрителемъ, а Александръ — учителемъ рисованія въ институтѣ и во 2-й казанской гимназіи. Въ бытность свою крѣпостнымъ, Алексѣй, или Кирзачка, завѣдовалъ при барынѣ конторскимъ дѣломъ, «орудовалъ по письменной части». Евфимъ Пѣтуховъ былъ управляющимъ по полевому дѣлу.

Довѣріе къ нимъ было таково, что барыня поручала имъ, въ случаѣ надобности, даже доставать деньги изъ сундука, хотя иногда и приговаривала при этомъ:

— Евфимъ! (или Алексѣй!) ступай, достань денегъ изъ сундука, только себѣ не бери, а то, смотри, Паша пріѣдетъ, сосчитаетъ, бока надеру...[1]).

Съ постели А. Н. поднималась поздно; если отправлялась въ поле, то выѣзжала обыкновенно не раньше полудня, и не иначе, какъ четверней и въ каретѣ. При осмотрѣ работъ любила «пошумѣть» на мужиковъ.

— Слыхалъ я, умна была очень А. Н. Такъ ли это?

— Чего больно умна? Обыкновенно, какой въ бабѣ умъ... Середняго была ума...

— А какъ же она сама всѣмъ заправляла?

— А такъ. Не своимъ умомъ жила. Что ей Евфимъ Өедоровъ скажетъ, то и ладно.

Вообще, близкаго участія въ полевомъ дѣлѣ А. Н. не принимала, все это лежало на обязанности управляющаго. Евфимъ Өедоровъ былъ «змѣя-человѣкъ». Свой братъ мужикъ, онъ зналъ рабочую силу каждаго тягла и умѣлъ пользоваться ею въ барскихъ интересахъ. Ему приписываютъ старики установленіе тѣхъ суровыхъ требованій барщины, въ которыхъ не забыты были даже бабы и дѣвки, обязанныя поставлять на барскій дворъ ежегодно по 12 аршинъ холста и по 15 аршинъ посконины, а равно и опредѣленное количество грибовъ и ягодъ. Уклоненій не допускалось. За малѣйшее отлыниваніе отъ установленныхъ «урковъ» Евфимъ Өедоровъ «спускалъ съ мужиковъ шкуру». Если же бабы, плачась на недостатки, просили А. Н. о сложеніи поборовъ, то она прогоняла ихъ, говоря:

— Тащи, тащи, шелаболка!

Но, предъявляя значительныя требованія и строго наблюдая за

[1]) Паша—сынъ Павелъ Ивановичъ.

ихъ исполненіемъ, А. Н., при падежахъ и неурожаяхъ, снабжала мужиковъ и скотомъ, и хлѣбомъ. Такимъ образомъ, хотя каждое тягло и поставлено было въ состояніе сильнаго напряженія рабочихъ силъ, но крестьянское хозяйство «въ разоръ» не приходило.

Изъ всего сказаннаго видно, что мнѣніе крестьянъ объ А. Н. расходится съ мнѣніемъ Солнцева. Въ противоположность его показаніямъ, они видятъ въ ней человѣка не болѣе, какъ «середняго ума», а иниціативу во всѣхъ хозяйственныхъ предпріятіяхъ приписываютъ исключительно Ефиму Пѣтухову.

Не имѣя ни малѣйшахъ поводовъ не довѣрять показаніямъ Солнцева, человѣка безусловно честнаго и вполнѣ знавшаго А. Н., мы находимъ возможнымъ примирить это кажущееся разногласіе. Цвѣтущея пора дѣятельности Родіоновой проходила не на памяти теперешнихъ масловскихъ стариковъ, которые лично наблюдали А. Н. уже въ послѣднюю пору ея жизни. Кромѣ того, ея иниціатива и организаторскій талантъ стояли внѣ сферы ихъ наблюденій. Между ними и Родіоновой всегда стояла личность Ефима Пѣтухова, какъ посредствующее звено. Черезъ него исходили всѣ распоряженія, взысканія, барскія милости. Весьма естественно поэтому, что въ лицѣ этого суроваго представителя крѣпостнаго права, человѣка несомнѣнно умнаго, знающаго, ловкаго и притомъ радѣвшаго о барскомъ добрѣ болѣе, чѣмъ о своемъ собственномъ,—имъ видѣлся не простой совѣтникъ и исполнитель, а глава и организаторъ всего хозяйственнаго строя въ Масловкѣ и Дмитріевкѣ, умомъ и сноровкой котораго только и дышала А. Н. Въ бесѣдѣ съ масловцами мнѣ необходимо было разъяснить еще одно показаніе Солнцева, весьма существенное для характеристики Родіоновой, какъ хозяйственнаго дѣльца.

Вмѣсто того, чтобы предать своихъ крестьянъ участниковъ въ мятежѣ—въ руки правосудія, А. Н. установила для нихъ нѣчто въ родѣ каторжныхъ работъ, или, какъ говоритъ Солнцевъ: «крестьянамъ супруга своего, бывшимъ преданными шайкѣ злодѣя, коему и способствовали къ невинному убійству своего помѣщика, впослѣдствіи времени А. Н. учинила памятное наказаніе, приказавъ разработать имъ въ селѣ Масловкѣ, на одной высокой горѣ, дикую, неприступную дотолѣ пустошь». Въ отвѣтъ на вопросъ объ этомъ фактѣ, масловцы, какъ я уже и раньше имѣлъ случай указать, безусловно отрицали свое участіе въ бунтѣ и убійствѣ «барина» и сообщали при этомъ, что только одинъ Платонъ изъ Дмитріевки «постегалъ» немного трупъ своего господина и то не болѣе, какъ по принужденію.

— А что на счетъ пустоши,—разсказывалъ Григорій Петровичъ,—такъ это точно, что было дѣло, да только не такъ оно вышло, какъ ты слышалъ. Стоялъ у насъ на той горѣ, что̀ отъ Масловки до Сорочьихъ горъ идетъ, лѣсъ дремучій. Ефимъ Пету-

Родіоновскій женскій институтъ въ Казани.

ховъ и говоритъ А. Н.: «Сударыня, съ Камы по лѣсу туманъ подымается и на хлѣба падаетъ, надо расчистить гору,—польза отъ того будетъ». Вотъ и пошла работа, да такая работа, что не приведи Богъ лишній разъ вспомнить... Много тутъ мужицкихъ слезъ пролито—истинно говорю, какъ передъ Господомъ Богомъ. Вѣковые лѣса рубили, пни корчевали... пахать, боронить стали—соха, борона не беретъ, еловыми вершинами землю подымали... Работа по урокамъ шла. Хоть умри, а урокъ подавай. Не выполнилъ — шкуру спускать. Тутъ же на чищобѣ Ефимъ Ѳедоровъ и стегалъ мужиковъ. Стонъ стоялъ надъ лѣсомъ... Я самъ Пѣтуховъ, Ефимъ мнѣ съ родни приходится, а скажу тебѣ истинную правду—звѣрь былъ человѣкъ, не было у него жалости на мужика, на смерть забивалъ... Да вотъ я тебѣ что разскажу—разъ на горѣ роднаго брата своего онъ растянулъ... Стегали, стегали и до того достегали, что мужикъ не то—встать,—рукой-ногой шевельнуть не можетъ. Ѣдетъ послѣ того Ефимъ по селу, на братнинъ дворъ зашелъ и говоритъ бабѣ: — Поѣзжай на гору, подбери брата, не можется ему...—Такъ вотъ какъ мы гору чистили!

Тяжелыя воспоминанія пробудилъ этотъ разсказъ. Дѣти припоминали разсказы отцовъ своихъ. Шумно стало въ избѣ. Мужицкія лица и глаза разгорѣлись, руки ходенемъ ходили. По хриплымъ отрывистымъ рѣчамъ, произносимымъ сдавленнымъ горломъ, нетрудно было замѣтить, что времена Ефима Пѣтухова и его личность сильно запечатлѣлись въ мужицкой душѣ...

Помянувъ его крѣпкимъ русскимъ словцомъ, толпа по успокоилась, и я узналъ еще нѣкоторыя подробности объ А. Н. Сообщу о нихъ въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь, въ заключеніе обзора ея деревенской жизни, скажу только то, что, по словамъ крестьянъ, она въ 1823 году «порадѣла» о масловской церкви, заново отдѣлала ее, позолотила иконостасъ и отлила новые колокола, изъ которыхъ главный вѣсомъ въ 50 пудовъ.

Въ этомъ очеркѣ не имѣлось въ виду стушевывать темныя стороны и не скрыто ни одной черты изъ деревенской жизни А. Н. и ея отношеній къ крестьянамъ.

Эти отношенія несомнѣнно суровы. Хотя личность А. Н. въ представленіи крестьянъ и затѣняется грозной фигурой Ефима Пѣтухова, но это не измѣняетъ сущности дѣла, такъ какъ Пѣтуховъ былъ не болѣе какъ исполнителемъ. Но съ другой стороны нельзя забывать и того, что описываемое время было временемъ полнаго развитія крѣпостнаго права, что Пугачевщина обострила отношенія между помѣщиками и крестьянами, и что многіе изъ помѣщиковъ пользовались своей властью съ гораздо бо́льшой суровостью.

III.

Рѣшеніе Родіоновой пожертвовать остатки своего имущества на устройство въ Казани женскаго института. — Значеніе этого пожертвованія для края. — Рескриптъ императрицы Маріи Ѳеодоровны.—Завѣщаніе А. Н. — Предписаніе министра Лобанова-Ростовскаго.—Прокуроръ Солнцевъ и его личность.—Обращеніе къ нему Родіоновой за содѣйствіемъ.—Послѣднее духовное завѣщаніе.—Смерть дочери и характерный процессъ съ Мергасовымъ. — Объясненіе дѣйствій А. Н. въ этомъ процессѣ.—Подосланный убійца.—Испугъ, болѣзнь и смерть А. Н. Родіоновой.—Казанскій безсребренникъ.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ, А. Н. было уже около семидесяти лѣтъ. Весьма естественно, что въ это время, какъ человѣкъ предусмотрительный, она, сознавая, что смерть уже «не за горами, а за плечами», неизбѣжно должна была останавливаться на мысли о необходимости сдѣлать послѣднія распоряженія.

Хотя дѣти ея были еще живы, но А. Н., уже обезпечивъ ихъ значительными помѣстьями, а также имѣя въ виду и другія соображенія, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, не нашла нужнымъ завѣщать имъ остатки своего крупнаго нѣкогда состоянія и рѣшилась на шагъ, навсегда связавшій ея имя съ исторіей развитія просвѣщенія на востокѣ Россіи.

1-го декабря 1823 года, она обратилась къ вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ съ прошеніемъ, въ которомъ выразила желаніе пожертвовать Масловку, Дмитріевку и каменный домъ «на богоугодное дѣло, чтобы содержать въ Казани доходами съ онаго имѣнія институтъ для бѣдныхъ благородныхъ дѣвицъ, по примѣру въ С.-Петербургѣ и Москвѣ учрежденныхъ».

Подобное рѣшеніе А. Н. имѣло немаловажное значеніе не только для Казани, но и вообще для всего края.

Въ двадцатыхъ годахъ, въ мѣстномъ обществѣ уже стали пробуждаться потребности въ образованіи женщины, а между тѣмъ для удовлетворенія этой потребности существовало въ Казани только два частныхъ пансіона—Пото и Юнгвальдъ.

Каковы были эти заведенія и имъ подобныя въ другихъ губернскихъ городахъ Поволжья и Прикамья, можно видѣть уже изъ того, что г. Пото былъ сначала частнымъ приставомъ, затѣмъ содержателемъ манежа и берейторомъ, а въ 1806 году открылъ и «пансіонъ для дѣвицъ». Что касается супруги этого почтеннаго педагога, то это, по словамъ де-Пуле, «была бойкая и наглая француженка, ненавидѣвшая свою соперницу (Юнгвальдъ) и распускавшая о ней по городу самые нелѣпые и оскорбительные слухи» [1]).

---

[1]) Память объ этой четѣ сохранилась въ Казани, благодаря юмористическому четверостишію:

«Madame Пото
Не знаетъ про то,
Что monsieur Пото
Играетъ въ лото».

Но при всей посредственности подобныхъ частныхъ пансіоновъ, они были доступны только для аристократіи и вообще для людей состоятельныхъ. Для дѣтей же бѣдныхъ помѣщиковъ и сиротъ на всемъ востокѣ Россіи не было ни одного женскаго учебнаго заведенія.

Очень понятно, что при подобныхъ обстоятельствахъ мысль Родіоновой объ учрежденіи въ Казани института имѣла для ея современниковъ весьма существенное значеніе. По мнѣнію тогдашней интеллигенціи, «учрежденіе въ Казани сего заведенія столь полезно и столь необходимо, что едва ли кто можетъ оспорить оное. Благодѣтельное попеченіе монарховъ о просвѣщеніи своихъ вѣрноподданныхъ всюду отверзаетъ для юношества способное поприще къ успѣхамъ въ наукахъ и гражданской образованности; но время, коимъ достигаютъ совершенства всѣ благія начинанія, не представило еще способовъ къ достаточному распространенію учебныхъ заведеній для воспитанія благородныхъ дѣвицъ. Многочисленное дворянство Симбирской, Пензенской, Саратовской, Оренбургской и Казанской губерній и другихъ, сей послѣдней сопредѣльныхъ, въ которыхъ нѣтъ никакихъ для воспитанія и образованія благородныхъ дѣвицъ заведеній, — безъ сомнѣнія, ожидаетъ только благопріятнаго случая, чтобы ввѣрить ихъ первому, какое откроется» [1]).

Императрица Марія Θеодоровна, стоявшая во главѣ управленія женскими учебными заведеніями, отнеслась къ предложенію А. Н. съ полнымъ сочувствіемъ и 24-го декабря отвѣтила ей слѣдующимъ рескриптомъ:

«Госпожа полковница Родіонова! Я имѣла удовольствіе получить письмо ваше отъ 1-го декабря сего года и съ чувствительностію усмотрѣла изъ онаго благотворительное употребленіе, для котораго вы назначаете свое благопріобрѣтенное имѣніе, и довѣріе, съ какимъ вы обращаетесь ко мнѣ по сему предмету. Пріятною поставивъ себѣ обязанностію довести достохвальное и общеполезное предположеніе ваше до свѣдѣнія императора, любезнѣйшаго моего сына, отдающаго, какъ и я, совершенную справедливость отличному вашему усердію, я, съ согласія его величества, увѣряю васъ, что когда востребуется мое содѣйствіе, вмѣню себѣ въ особенное удовольствіе обратить на предполагаемое заведеніе мое покровительство и заняться мѣрами для лучшаго, по возможности, споспѣшествованія вашимъ благодѣтельнымъ видамъ. Итакъ, остается вамъ только съ спокойнымъ на сей счетъ духомъ учинить тѣ распоряженія, которыя въ подобныхъ случаяхъ закономъ предписаны для

---

[1]) Отрывокъ изъ протокола совѣта, организованнаго въ Казани въ 1828 году для устройства института (приведенъ Солнцевымъ въ его «Заключеніи» на рѣшеніе лаишевскаго уѣзднаго суда).

совершенія вашего намѣренія, и быть увѣренными въ доброжелательствѣ, съ каковымъ я пребываю вамъ благосклонною.

«Марія».

«Въ С.-Петербургѣ, декабря 24-го дня 1823 года»[1]).

Но еще до полученія этого рескрипта, а именно 31-го декабря, А. Н. приступила къ выполненію формальностей и составила духовное завѣщаніе, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «А къ оному имѣнію (т. е. Масловкѣ, Дмитріевкѣ и каменному дому) хотя и есть наслѣдники ближайшіе, но по силѣ жалованной благородному дворянству грамоты (88-й статьи) имѣю я въ благопріобрѣтенномъ моемъ имѣніи неоспоримое право распоряжаться по собственной своей волѣ, то посему и предоставляю все означенное имѣніе послѣ меня въ полное и неотъемлемое распоряженіе института, когда послѣдуетъ на то высочайшее соизволеніе, согласно съ предположеніемъ моимъ, изъясненнымъ въ подлинной просьбѣ, и на томъ самомъ основаніи съ отверженіемъ всѣхъ могущихъ быть со стороны наслѣдниковъ споровъ» [2]).

23-го апрѣля 1824 года, это завѣщаніе было представлено въ С.-Петербургскій опекунскій совѣтъ, но въ 1825 году А. Н. составила и препроводила къ императрицѣ новое духовное завѣщаніе, въ которомъ значилось, что, кромѣ упомянутаго раньше, она жертвуетъ послѣ только-что умершей ея дочери, Татьяны Дороновой, село Тангачи, о которомъ «производится въ казанскихъ судебныхъ мѣстахъ спорное дѣло съ полковникомъ Мергасовымъ».

Представляя государынѣ это вторичное завѣщаніе, А. Н. просила, между прочимъ, чтобы государь повелѣлъ министру юстиціи обратить вниманіе на указанное выше спорное дѣло.

Въ отвѣтъ на это министръ юстиціи князь Д. И. Лобановъ-Ростовскій адресовался къ казанскому прокурору Солнцеву съ слѣдующимъ предписаніемъ отъ 8-го октября 1826 года: «Какъ завѣщаніе полковницы Родіоновой есть домовое и нигдѣ неявленное, то я счелъ нужнымъ препроводить оное при семъ къ вамъ, рекомендуя возвратить его г-жѣ Родіоновой съ тѣмъ, что, если она желаетъ дать сему завѣщанію гласность при ея жизни, то должна для засвидѣтельствованія и утвержденія представить его въ казанскую гражданскую палату, а вмѣстѣ съ тѣмъ объявить ей, что я, по званію министра юстиціи, обязанъ обратить на дѣло ея съ полковникомъ Мергасовымъ должное вниманіе и наблюсти, чтобы оно въ производствѣ своемъ не подверглось медленности и рѣшено было на основаніи законовъ, что̀ на васъ и возлагаю, поручая вамъ содержать меня о томъ дѣлѣ въ безпрестанной извѣстности» [3]).

---

[1]) По провѣренной копіи Солнцева.

[2]) Копія Солнцева.

[3]) Предписаніе прокурору отъ 28-го октября 1826 года, за № 7,730.

Съ момента полученія этого предписанія въ вопросѣ о завѣщаніи Родіоновой принимаетъ дѣятельное и горячее участіе Солнцевъ.

Поэтому здѣсь умѣстно будетъ остановиться нѣсколько на этой характерной личности, принадлежавшей къ числу самыхъ крупныхъ интеллигентовъ Казани,—личности, которая на ряду съ Москотильниковымъ, Фуксомъ и Лобачевскимъ, была однимъ изъ тѣхъ свѣточей, которые ярко выдѣлялись на темномъ фонѣ мѣстной общественной жизни того времени.

Получивъ образованіе въ Сѣвской семинаріи и явившись въ 1812 году въ Казань въ качествѣ мелкаго чиновника, сопровождавшаго изъ Москвы сенатскія дѣла, Солнцевъ, благодаря своимъ блестящимъ способностямъ, уже въ 1814 году достигъ степени доктора правъ, каѳедры въ университетѣ, а вскорѣ затѣмъ и ректорства. Но, какъ извѣстно, профессорская дѣятельность была въ то время не совсѣмъ удобна для людей, которые не преслѣдовали цѣлей, не имѣвшихъ ничего общаго съ наукой. Въ виду этого, уже въ 1821 году, попечитель Магницкій нарядилъ надъ Солнцевымъ знаменитый «университетскій судъ» за его лекціи по естественному праву, въ которыхъ Магницкій нашелъ возможнымъ усмотрѣть «духъ вольнодумства и лжемудрія», «опровержeніе всѣхъ основаній общества и церкви», «оправданіе самоубійства» и даже «республиканскія и революціонныя начала». Хотя судъ, затянувшійся на три года, и не могъ отыскать въ лекціяхъ ничего подобнаго, но, тѣмъ не менѣе, въ угоду Магницкому, придрался къ мелочамъ, и Солнцевъ былъ уволенъ. Но звѣзда талантливаго ученаго не померкла. Въ 1824 году, т. е. сейчасъ же по увольненіи изъ университета, Солнцевъ назначенъ былъ казанскимъ губернскимъ прокуроромъ и втеченіе двадцатилѣтней дѣятельности на новомъ поприщѣ пріобрѣлъ еще бо̀льшую извѣстность своими знаніями и неподкупной честностью. Онъ всегда стоялъ на стражѣ закона и былъ его талантливымъ и просвѣщеннымъ истолкователемъ. Тонкій умъ и знаніе дѣла давали ему возможность оріентироваться во всякомъ дѣлѣ, запутанномъ невѣжественными, но ловкими сутягами, которыми кишмя кишѣла тогдашняя провинціальная жизнь. «Увольненіе» изъ университета не отвлекло Солнцева и отъ научныхъ работъ. Въ часы отдыха отъ хлопотливой прокурорской дѣятельности онъ находилъ время для занятій языками и учеными изслѣдованіями, которыя хотя и написаны тяжелымъ слогомъ и остались неизданными, но, тѣмъ не менѣе, свидѣтельствуютъ о постоянной работѣ мысли. По выходѣ изъ университета Солнцевъ не прерывалъ съ нимъ связи, любилъ бывать на ученыхъ университетскихъ диспутахъ и въ качествѣ оппонента поражалъ знаніемъ древнихъ и новыхъ европейскихъ языковъ, обширной эрудиціей и ловкой діалектикой, а въ бытность профессоромъ обратилъ на себя вниманіе Сперанскаго, который, осмотрѣвъ

проѣздомъ Казанскій университетъ, отмѣтилъ въ своей записной книжкѣ: «Профессоръ Фуксъ—чудо; проректоръ Солнцевъ говоритъ полатынѣ и изрядно» [1]).

Нѣтъ ничего удивительнаго, что при подобныхъ обстоятельствахъ Солнцевъ былъ извѣстенъ не въ одной только Казани, пользовался полнымъ довѣріемъ со стороны нѣсколькихъ министровъ и былъ, наконецъ, лично извѣстенъ императору Николаю I, который, по словамъ старожиловъ, во время пребыванія своего въ Казани въ 1836 году, сказалъ, обращаясь къ Солнцеву: «У меня въ Россіи два солнца: одно—на небѣ, другое—ты», и даже звалъ его служить въ столицу.

Такова была личность, въ рукахъ которой, со времени предписанія министра, собираются всѣ нити по вопросу о завѣщаніи Родіоновой.

Солнцевъ немедленно оффиціальнымъ письмомъ извѣстилъ ее о распоряженіи министра. При подобныхъ обстоятельствахъ А. Н., очевидно, боясь сдѣлать еще какое нибудь упущеніе и такимъ образомъ снова затянуть дѣло, рѣшилась предварительно посовѣтоваться съ Солнцевымъ.

«Уваживъ,—говоритъ она въ своемъ отвѣтѣ на его письмо,—преклонность моихъ лѣтъ и слабость моего здоровья, покорнѣйше прошу васъ удостоить меня своимъ посѣщеніемъ какъ для совѣта по дѣлу, такъ равно и для того, чтобъ, по свойственному нашему полу незнанію въ дѣлахъ гражданскихъ, не могла сдѣлать въ оффиціальномъ отвѣтѣ моемъ на ваше отношеніе какого либо упущенія. Побудительная причина просить о семъ васъ, милостивый государь, есть та, что я, весьма много наслышавшись о достоинствахъ вашихъ, надѣюсь, что совѣтъ вашъ послужитъ мнѣ въ пользу, и увѣрена также и въ томъ, что возложенное на васъ г. министромъ порученіе исполните съ должною и свойственною вамъ справедливостью» [2]).

А. Н. не ошиблась. Какъ человѣкъ вполнѣ интеллигентный, Солнцевъ ясно сознавалъ важность намѣренія Родіоновой для края и съ горячимъ участіемъ отнесся къ его осуществленію. «Принявъ въ соображеніе,—говоритъ онъ въ своемъ донесеніи министру,—цѣль и пользу института, предположеннаго христіанскими и патріотическими чувствами г-жи Родіоновой, я долгомъ поставилъ сдѣлать съ нею о томъ обстоятельное совѣщаніе» [3]).

---

[1]) «Жизнь графа Сперанскаго», соч. барона Корфа, 1861 года, ч. II, стр. 190.

[2]) Подлинное письмо Родіоновой отъ 6-го ноября 1826 года.

[3]) Есть основанія думать, что Солнцевъ интересовался такъ называемымъ «женскимъ вопросомъ». Онъ перевелъ и напечаталъ двѣ книжки: «Важнѣйшія истины для прекраснаго пола; перевелъ съ нѣмецкаго Гавріилъ Солнцевъ. Казань. 1813 годъ» и «Приданое моей дочери, или уроки для благородныхъ дѣвицъ. Сочиненіе профессора Гейденрейха. Перевелъ съ нѣмецкаго Гавріилъ Солнцевъ. Казань. 1838 года».

Результаты этого совѣщанія были въ высшей степени существенны. Солнцевъ не только разъяснилъ А. Н. всю процедуру предстоящаго ей дѣла, но даже самъ составилъ и проектъ духовнаго завѣщанія «со всею, по его словамъ, опредѣлительностью, дабы на будущее время отклонить всякое недоразумѣніе, неясности и противорѣчія».

Въ этомъ завѣщаніи А. Н., оглашая «послѣднюю завѣщательную волю свою безъ всякаго измѣненія, опредѣлительно, навсегда и безповоротно» назначаетъ для учрежденія института:

1) Селенія Масловку и Дмитріевку съ 414 ревизскихъ душъ съ ихъ женами и дѣтьми, со всѣми принадлежащими къ этимъ селеніямъ «землями, угодьями, господскими домовыми и прочими строеніями, мельницами, заведеніями и рыбными ловлями на рѣкѣ Камѣ»; 2) каменный домъ въ городѣ Казани «со всѣмъ при немъ строеніемъ, службами и садомъ» и 3) д. Тангачи, о которой производилось «судное дѣло» съ Мергасовымъ, «съ 145 ревизскихъ душъ и, сверхъ того, съ женскимъ поломъ, какой на лицо окажется, со всѣми землями, лѣсами и всякими угодьями, не исключая ничего»,—всего на сумму 283,600 рублей.

При содѣйствіи Солнцева, всѣ необходимыя формальности по утвержденію завѣщанія были выполнены быстро; по его же совѣту, «чтобы привести дѣло въ окончательную ясность», А. Н. въ іюлѣ 1827 года избрала душеприказчикомъ родственника своего, Василія Вишнякова и, вмѣнивъ ему въ обязанность немедленно послѣ ея смерти обратиться къ императрицѣ съ просьбой объ открытіи института и во всемъ согласоваться съ совѣтами прокурора Солнцева, вмѣстѣ съ тѣмъ препроводила къ государынѣ и въ опекунскій совѣтъ копіи съ своего засвидѣтельствованнаго завѣщанія, а къ управляющему министерствомъ юстиціи князю Долгорукому—повторительную просьбу о скорѣйшемъ рѣшеніи спорнаго дѣла съ Мергасовымъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о завѣщаніи былъ, наконецъ, законченъ, и мы можемъ перейдти теперь къ спорному дѣлу съ Мергасовымъ, которое для характеристики личности А. Н. даетъ очень существенныя данныя.

20 сентября 1825 года, скончалась дочь А. Н., Татьяна, которая, по смерти своего мужа штабсъ-капитана Доронова, переселилась изъ деревни въ городъ, но жила здѣсь не съ матерью, а отдѣльно, въ своемъ небольшомъ домикѣ на Арской улицѣ [1]), купленномъ ею за 1,000 руб. у дѣвицъ Нечаевыхъ. За нѣсколько времени до смерти, «чувствуя болѣзненные припадки и слабость силъ», она тайно отъ матери завѣщала все имущество (деревню Тангачи, домъ и всю движимость) племяннику своему полковнику Мерга-

[1]) Нынѣ—Грузинская улица.

сову съ тѣмъ, чтобы онъ похоронилъ ее «по христіанскому обряду безъ излишней церемоніи и пышности, въ селѣ Рождественскомъ, въ дубовомъ и ничѣмъ необитомъ гробѣ, въ одной могилѣ съ покойнымъ мужемъ», и чтобы, кромѣ того, произвелъ «изъ собственнаго достоянія» цѣлый рядъ расходовъ, точно указанныхъ въ завѣщаніи.

Такимъ образомъ, Мергасовъ являлся не болѣе какъ душеприказчикомъ. Получая наслѣдство, главная часть котораго—деревня Тангачи—по оцѣнкѣ самой А. Н. Родіоновой стоила 58,000 руб., онъ обязывался «изъ своихъ собственныхъ средствъ» уплатить 19,000 руб. долгу, раздать на построеніе и украшеніе трехъ церквей, на удовлетвореніе родственниковъ мужа, на «поминовеніе души», «на милостыни бѣднымъ», на «искупленіе въ темницѣ за долги содержащимся», на награды дворовымъ людямъ «за вѣрную и усердную службу» и т. д.—въ общей сложности около 65,000 рублей.

Черезъ недѣлю по смерти Дороновой, т. е. 28 сентября, Мергасовъ представилъ ея завѣщаніе для засвидѣтельствованія.

Съ этого момента и загорается «споръ». А. Н. на другой же день, т. е. 29 сентября, входитъ въ гражданскую палату съ прошеніемъ о томъ, чтобы завѣщательный актъ «въ силу и дѣйствіе не допускать», а равно и имѣніе «въ постороннее владѣніе не отдавать», такъ какъ «по закону» оно должно перейдти въ ея руки. Въ доказательство послѣдняго А. Н. заявила, что деревня Тангачи и домъ на Арской улицѣ куплены на ея средства; что дочь ея, «по смерти мужа сдѣлавшись тяжко больною, не только къ выѣзду, но и къ выходу изъ покоевъ не имѣла возможности, а также лишена была движенія членовъ, а иногда и памяти»; что ея же «попеченіями по сей тяжкой болѣзни перемѣщена изъ деревни въ городъ», гдѣ она и купила для нея домъ на собственныя средства; что, наконецъ, она на оставленное дочерью завѣщаніе «никогда не только согласна не была, но даже ни отъ кого не предварена, не увѣдомлена была объ этомъ», и что такимъ образомъ «воля матери оставлена была ничтожною», и притомъ въ вопросѣ о такомъ имѣніи, которое предоставлено было дочери только въ подарокъ и, какъ дарственное, согласно мнѣнію государственнаго совѣта отъ 18-го мая 1823 года, должно по смерти дочери «обратиться въ ея владѣніе».

Когда же, въ виду заявленнаго спора, дѣло перешло на разсмотрѣніе въ уѣздный судъ, Родіонова настаивала на желаніи видѣть завѣщаніе дочери въ оригиналѣ «для того, чтобы сообразить подпись ея руки» и точно опредѣлить, самой ли дочерью, или вмѣсто нея кѣмъ посторонним» оно подписано, причемъ снова утверждала, что дочь ея собственнаго состоянія не имѣла и покупать поэтому ничего не могла; что купчія составлены были на ея имя

только для формы; что завѣщаніе есть «несбыточное и неправильное», такъ какъ «дочь ея была въ тяжкой болѣзни и ни руками, ни ногами не владѣла и часто была въ безпамятствѣ, а потому подписывать завѣщанія не могла»; что завѣщаніе было отъ нея съ намѣреніемъ утаено; что Мергасовъ ни съ нею, ни съ ея дочерью въ прямомъ родствѣ не состоитъ; что, наконецъ, «въ противность законамъ» не означено имя писца, писавшаго завѣщаніе, а свидѣтели, подписавшіеся подъ нимъ, были опрошены безъ ея присутствія. Тѣмъ не менѣе уѣздный судъ, принимая во вниманіе, что купчія крѣпости на Тангачи и домъ составлены были на имя Дороновой, утвердилъ ея завѣщаніе.

Но дѣло этимъ не кончилось. Гражданская палата, очевидно, мирволя Родіоновой, нашла нѣкоторыя отступленія въ дѣлопроизводствѣ и, сдѣлавъ уѣздному суду строжайшій выговоръ, предписала ему «въ рѣшеніи дѣла поступать узаконеннымъ порядкомъ». Уѣздный судъ снова рѣшилъ дѣло въ пользу Мергасова. Тогда А. Н. аппелировала на это рѣшеніе въ гражданскую палату, и дѣло готово было разгорѣться снова.

Но Мергасовъ также не дремалъ. Опираясь на купчія крѣпости, дававшія Дороновой неотъемлемое право свободно располагать имѣніемъ, онъ обратился прямо въ сенатъ съ жалобой на дѣйствія гражданской палаты. Дѣло сразу повернулось. Сенатъ указомъ отъ 21-го февраля 1827 года за № 641, уничтожая всѣ дѣйствія палаты со всѣми ихъ послѣдствіями, предписалъ немедленно утвердить духовное завѣщаніе и выдать его Мергасову для ввода во владѣніе, а Родіоновой предоставить право, если она пожелаетъ, производить споръ, гдѣ слѣдуетъ и на основаніи законовъ.

Такимъ образомъ, Мергасовъ восторжествовалъ. А. Н. дальнѣйшаго «спора» не предъявляла, молчаливо признавъ себя побѣжденной.

Но, въ такомъ случаѣ, что же могло побуждать ее утруждать себя на старости лѣтъ и съ такой энергіей и даже запальчивостью вести этотъ процессъ, въ которомъ съ самаго начала нельзя было не предвидѣть полнаго пораженія?

Мергасовъ, въ своей жалобѣ сенату, объясняетъ это тѣмъ, что А. Н. имѣла противъ него за что-то «неудовольствіе». «Притязаніе ея,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—есть дѣйствіе личнаго ко мнѣ нерасположенія», а далѣе прямо обвиняетъ ее даже въ сутяжничествѣ: «зная, что оспариваніе ея несправедливо, старается она, по крайней мѣрѣ, продолжить дѣло разными запутанностями и такими законами, которые давно уже не существуютъ».

У насъ нѣтъ данныхъ для того, чтобы сомнѣваться въ существованіи «непріязни» между А. Н. и Мергасовымъ, но за то детальное изученіе всѣхъ документовъ, относящихся къ спорному дѣлу, приводитъ къ заключенію, что обвиненіе Родіоновой въ несправедливыхъ притязаніяхъ построено довольно пристрастно.

Вотъ факты.

Татьянѣ отъ отца досталось въ Масловкѣ 40 душъ. Продавъ эту часть Дмитрію Родіонову, она, по тогдашнимъ цѣнамъ, могла получить не болѣе 15,000 рублей, но въ 1799 году мать купила ей Тангачи и заплатила 30,000 рублей, приплативъ изъ своихъ средствъ не менѣе 15,000 рублей. Такимъ образомъ ясно, что имѣніе Дороновой, по крайней мѣрѣ, наполовину дарственное, и А. Н., вполнѣ поглощенной въ это время мыслью о возможно большемъ обезпеченіи института, жаль было вполнѣ отрѣшиться отъ него.

Кромѣ того, властная личность А. Н. не могла примириться съ самовольнымъ поступкомъ дочери; ее оскорбляло то, что все сдѣлалось безъ ея вѣдома, тайно. Гордая натура, не знавшая сопротивленія и натолкнувшаяся на препятствіе, жаждала удовлетворенія. Вотъ мотивы, заставившіе А. Н. отрѣшиться отъ реальной почвы и увлекшіе ее на невозможную борьбу съ Мергасовымъ.

Очень понятно, что этотъ непріятный процессъ не могъ нѐ отозваться на ослабѣвшемъ отъ лѣтъ организмѣ А. Н. самымъ неблагопріятнымъ образомъ. Но ей предстоялъ еще одинъ ударъ. Сообщаемъ о немъ со словъ Солнцева.

Зимою 1827 года А. Н. жила, какъ и всегда, въ своемъ обширномъ городскомъ домѣ. Обычная обстановка дома варьировалась только тѣмъ, что въ немъ жилъ въ это время ея родной внукъ, отставной штабъ-ротмистръ Лука Павловичъ Родіоновъ. Бабка хотя и не долюбливала его за пустоту и страсть къ картишкамъ, но не могла, конечно, отказать въ пріютѣ, зная, что онъ послѣ смерти отца, щедро награжденнаго ею, но совершенно продувшагося въ карты, остался «голъ, какъ соколъ». Что касается самого штабъ-ротмистра, то онъ хотя и зналъ о существованіи завѣщанія, но, все-таки, надѣялся получить хоть что нибудь послѣ смерти бабки, какъ единственный наслѣдникъ, и потому терпѣливо сносилъ ея презрительное обращеніе.

При подобныхъ обстоятельствахъ, въ самомъ началѣ декабря, А. Н. была страшно испугана однимъ дворовымъ человѣкомъ. «Этотъ злодѣй, — разсказываетъ Солнцевъ, — не имѣвъ никакихъ личныхъ на госпожу свою неудовольствій, но подкупленный, по словамъ его, одною извѣстною ему особой, въ одну изъ ночей, бывъ дежурнымъ караульщикомъ дома, хотѣлъ умертвить ее въ ея спальнѣ»[1]).

Платонъ, — такъ, по словамъ масловскихъ старожиловъ, звали этого караульщика, — задумалъ дѣло довольно осмотрительно. Порядочно выпивъ для храбрости, онъ заперъ въ людскихъ помѣщеніяхъ снаружи всѣ двери и съ топоромъ въ рукахъ отправился въ верхніе покои. Прихожая была заперта на крюкъ. Платонъ

[1]) Неоконченная «Записка» Солнцева.

сталъ отдирать дверь. Въ это время въ смежной комнатѣ сидѣлъ уже извѣстный читателямъ Алексѣй Ивановъ и переписывалъ благодарственное письмо А. Н. къ императрицѣ. Услыхавъ возню у дверей, онъ сдѣлалъ опросъ. Караульщикъ откликнулся. Узнавъ по голосу Платона, А. И. подумалъ, что гдѣ нибудь по близости произошелъ пожаръ и спокойно отперъ дверь. Въ этотъ же моментъ Платонъ наноситъ ему топоромъ ударъ прямо въ голову. Но отъ страха ли, отъ опьяненія ли, рука убійцы взяла невѣрно. Ударъ былъ несмертеленъ. Алексѣй, хотя и былъ сильно раненъ, но не потерялъ присутствія духа и крикомъ разбудилъ своего брата Александра, спавшаго тутъ же въ прихожей. Александръ быстро поспѣшилъ на помощь. Двое здоровыхъ молодыхъ парней быстро смяли Платона, обезоружили его и связали.

Сейчасъ же дано было знать полиціи и губернскому прокурору. Началось слѣдствіе. Солнцевъ, по его словамъ, «преслѣдовалъ злодѣя до окончанія дѣла въ судебныхъ инстанціяхъ, но преступникъ, сокрывшій соучастника, былъ только лично наказанъ и сосланъ въ Сибирь».

Такимъ образомъ, таинственная «особа» осталась неизвѣстной. Но во всякомъ случаѣ выяснилось, что кому-то очень желательно было отправить А. Н. ad patres, выяснилось также и то, что и противъ Солнцева строются какія-то козни. По крайней мѣрѣ, сама А. Н. «открыла ему при подругѣ своей, княгинѣ Баратаевой, тайные происки нѣкоторыхъ его недоброжелателей за его содѣйствіе по ея дѣламъ». Но Солнцевъ этимъ не смутился и своевременно «принялъ, по его словамъ, надлежащія мѣры, вслѣдствіе коихъ и пользовался защитою министра юстиціи князя Дмитрія Ивановича Лобанова-Ростовскаго во все управленіе его министерствомъ».

Не такъ благополучно отдѣлалась А. Н. Хотя покушеніе не удалось, но, тѣмъ не менѣе, все «это происшествіе,—говоритъ Солнцевъ, — столь подѣйствовало на нее, что она впала въ горячку и хотя отъ оной и освободилась, но, при преклонности лѣтъ, впала въ большую слабость и черезъ двѣ недѣли скончалась 30-го декабря, въ 5 часовъ и 25 минутъ по полудни, на 76 году жизни».

3-го января 1828 года, А. Н. похоронили на избранномъ ею мѣстѣ—«на погостѣ церкви Воскресенія Христова, почти противъ завѣщаннаго ею институту дома, у того самаго мѣста, гдѣ была устроена ею маленькая уединенная каморка для моленія» надъ могилою мужа.

Хотя А. Н. и была передъ смертью, по словамъ Солнцева, «въ твердой памяти и здравомъ разсудкѣ», но не успѣла сдѣлать послѣднихъ распоряженій объ остающейся послѣ нея движимости и деревнѣ Обуховкѣ. Эта деревня отдана была А. Н. внучкѣ по женской линіи, Надеждѣ Желтухиной, а послѣ ея смерти, ея отцу, генералъ-лейтенанту П. Ѳ. Желтухину. Но онъ въ 1826 году от-

казался отъ этого подарка. Тогда А. Н., по словамъ Солнцева, предложила эту деревню ему и его супругѣ «въ пользу ихъ дѣтей, по особенному къ ихъ семейству расположенію», но онъ и «отъ сего дара отказался по особымъ уважительнымъ причинамъ» и совѣтовалъ «присоединить Обуховку къ пожертвованію на основаніе института», но А. Н., по случаю неожиданной смерти, такъ и не успѣла исполнить этого безкорыстнаго совѣта казанскаго безсребренника, дорожившаго репутаціей честнаго человѣка болѣе, чѣмъ матеріальными выгодами.

Такъ покончила свою жизнь А. Н. Родіонова, принадлежавшая къ числу видныхъ представителей казанскаго общества своего времени,—покончила, если и не отъ топора подосланнаго убійцы, то, всетаки, судя по обстановкѣ, какъ жертва какой-то таинственной руки, нуждавшейся почему-то въ смерти этой 76-тилѣтней старухи, которая личной энергіей нажила крупное состояніе и, не обидѣвъ никого изъ родственниковъ, часть своихъ трудовыхъ средствъ завѣщала на открытіе въ Казани женскаго учебнаго заведенія.

IV.

Солнцевъ и его «усильныя мѣры» къ охраненію имущества Родіоновой. — Случайное наслѣдство.—«Око государево» и неудавшаяся махинація.—Проектъ императрицы Маріи Ѳеодоровны.— Организація совѣта института.— С. А. Москотильниковъ.—Первыя дѣйствія совѣта.—«Постыдный для дворянина процессъ».— Предусмотрительность Солнцева.—Открытіе института.— Сюрпризъ Солнцева.— Недоразумѣніе по поводу портрета.— Почему Родіонова сдѣлала пожертвованіе на устройство женскаго учебнаго заведенія. — Родовая месть. — Общественное равнодушіе къ памяти Родіоновой.—Потревоженныя кости пробуждаютъ воспоминанія. — Сборъ на памятникъ. — Мечта идеалиста Солнцева.

Съ момента смерти Родіоновой начинается дѣятельная работа по осуществленію ея завѣщанія.

Строго охраняя интересы казны, Солнцевъ немедленно обращается съ оффиціальной просьбой къ губернатору Розену и предводителю дворянства Евсевьеву о производствѣ описи, оцѣнки и охранѣ имущества покойной; передъ душеприказчикомъ же настаиваетъ на необходимости присутствовать при исполненіи этихъ формальностей и «обратить особенное вниманіе на оставшіеся документы», а 5-го января уже подробно доноситъ министру о всѣхъ принятыхъ имъ мѣрахъ.

Но не для всѣхъ представителей тогдашней казанской администраціи интересы казны были такъ же дороги, какъ для прокурора Солнцева, не даромъ окрещеннаго мѣстными обывателями

«окомъ государевымъ». При всей его настойчивости, дѣло сдвинулось съ мѣста только «послѣ многой переписки».

Но еще раньше этого, для устраненія хищническихъ поползновеній съ чьей либо стороны, Солнцевъ, вмѣстѣ съ душеприказчикомъ, не дожидаясь распоряженій медлительной администраціи, «приняли свои усильныя мѣры къ цѣлостному охраненію имущества», при содѣйствіи частнаго пристава Машкина. Когда же приступлено было, наконецъ, къ описи, то прокуроръ находился при этомъ «во всѣ дни неотлучно»; ему же переданы были какъ составленныя описи, такъ и всѣ найденные въ домѣ документы «для лучшаго ихъ сбереженія».

Только послѣ подобнаго огражденія интересовъ казны допущенъ былъ къ распоряженію имуществомъ, не вошедшимъ въ духовное завѣщаніе, внукъ Родіоновой, Лука Павловичъ.

Хотя сынъ послѣдняго, Н. Л. Родіоновъ, въ своей замѣткѣ и утверждаетъ, что все имущество Анны Николаевны перешло въ руки казны, но это несправедливо такъ же, какъ и все, что онъ пишетъ на основаніи фамильныхъ преданій.

Безъ всякаго сомнѣнія, если бы смерть не застигла А. Н. врасплохъ, то внуку пришлось бы остаться ни съ чѣмъ. Но обстоятельства благопріятствовали ему. Бабка умерла неожиданно, не успѣвши сдѣлать послѣднихъ распоряженій.

Благодаря этой счастливой случайности, Лука Павловичъ получилъ, во-первыхъ, большую деревню Обуховку, а, во-вторыхъ, значительную движимость: 39,305 рублей наличными деньгами, иконы, зеркала, мебель, библіотеку, экипажи, лошадей, серебро (въ томъ числѣ серебряный сервизъ въ 12,000 рублей), погребъ «съ лучшими винами и англійскимъ портеромъ», холстъ, въ громадномъ количествѣ заготовленный для института, и многочисленные съѣстные припасы, однимъ словомъ, цѣлое состояніе, на сумму около 200,000 рублей [1]).

Позволяемъ себѣ думать, что если бы Н. Л. Родіоновъ зналъ все это, то нашелъ бы совершенно неумѣстнымъ съ горечью заявлять въ своей замѣткѣ, что духовное завѣщаніе А. Н. «послужило первою причиною окончательнаго разоренія рода Родіоновыхъ», а также и тому прискорбному факту, что «мать Луки Родіонова тронулась умомъ» [2]).

Изъ приведенныхъ нами данныхъ ясно видно, что если та вѣтвь Родіоновыхъ, которая ведетъ свое происхожденіе отъ Павла, и разорилась и если кто нибудь изъ этой вѣтви и «тронулся

---

[1]) Извлечено изъ подробной «Описи» имущества, доставшагося Лукѣ Родіонову.

[2]) «Происхожденіе одного казеннаго заведенія», замѣтка Н. Л. Родіонова, «Историческій Вѣстникъ», 1884 г., № 1, стр. 213—214.

умомъ», то, конечно, совсѣмъ по другимъ причинамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ завѣщаніемъ А. Н.

Отставному штабъ-ротмистру, на котораго такъ неожиданно свалилось богатое наслѣдство, едва не достался и еще значительный кушъ. По наивности ли, или по какимъ нибудь другимъ, менѣе извинительнымъ причинамъ, предводитель дворянства, полковникъ Евсевьевъ, хотѣлъ выдать Лукѣ Павловичу и всѣ запасы хлѣба, находившіеся въ Масловкѣ, цѣнностью болѣе чѣмъ на 50,000 рублей, и, что̀ всего важнѣе, нѣкоторые крѣпостные акты. Но «око государево» не дремало, и предположенная махинація не удалась. По энергичнымъ настояніямъ Солнцева, «это предположеніе Евсевьева было отклонено, и хлѣбъ, съ завѣщанныхъ институту деревень собранный, поступилъ въ завѣдованіе душеприказчика Вишнякова для пользы института».

Душеприказчикъ А. Н., нужно отдать ему полную справедливость, оказался на высотѣ своей задачи. Онъ еще наканунѣ погребенія А. Н., т. е. 2-го января, донесъ о кончинѣ ея императрицѣ и просилъ при этомъ какъ о принятіи завѣщаннаго имѣнія, такъ и объ открытіи самаго института.

Государыня, съ своей стороны, энергично повела дѣло. 8-го февраля 1828 года, она уже представила императору Николаю Павловичу особую записку, въ которой, подробно и обстоятельно изложивъ весь ходъ дѣла по завѣщанію Родіоновой, представила на утвержденіе государя проектъ объ учрежденіи въ Казани особаго совѣта, на обязанность котораго и предполагала возложить какъ организацію института, такъ и разсмотрѣніе вопроса о цѣлесообразномъ пользованіи той обширной рощей, съ фруктовымъ садомъ, на Арскомъ полѣ, которую она купила еще въ 1805 году, имѣя въ виду устроить въ Казани женское учебное заведеніе.

Когда же государь, разсмотрѣвъ эту записку, надписалъ на ней: «Совершенно согласенъ съ предположеніями вашего императорскаго величества», проектированный совѣтъ былъ немедленно открытъ[1]). Въ составъ его, согласно указаніямъ императрицы, вошли: предсѣдателемъ — губернаторъ Розенъ, а членами — попечитель университета М. Н. Мусинъ-Пушкинъ, предводитель дворянства Еремѣевъ и душеприказчикъ Вишняковъ.

---

[1]) Упомянутая здѣсь записка императрицы Маріи Ѳеодоровны, утвержденная подписью императора Николая Павловича, передана была въ копіи, при особомъ рескриптѣ, министру внутреннихъ дѣлъ, Василію Сергѣевичу Ланскому, а имъ препровождена къ казанскому губернатору Розену. У насъ въ рукахъ находится только списокъ съ этой копіи, на которомъ помѣчено: «Списокъ свѣрялъ управляющій канцеляріею совѣта института коллежскій совѣтникъ Москотильниковъ». Имъ же скрѣпленъ и списокъ съ копіи рескрипта Ланскому, въ которомъ государыня предлагаетъ послѣднему озаботиться организаціей совѣта института.

Первымъ дѣломъ этого совѣта былъ крайне удачный выборъ «управляющаго дѣлами». Для занятія этой хлопотливой должности, приглашенъ былъ самый выдающійся изъ общественныхъ дѣятелей Казани, конца прошлаго и начала настоящаго столѣтія, піонеръ мѣстной культуры, поклонникъ энциклопедистовъ, масонъ и филантропъ—Савва Андреевичъ Москотильниковъ, память котораго священна для каждаго кореннаго казанца, знающаго прошлое своего края и придающаго значеніе его развитію [1]).

Заручившись такой силой, совѣтъ успѣшно принялся за работу. Принявъ отъ Солнцева бумаги покойной Родіоновой, отъ душеприказчика имѣнія, завѣщанныя институту, а отъ казны—упомянутую выше загородную дачу, онъ прежде всего организовалъ управленіе всей этой недвижимой собственностью, пригласивъ для завѣдованія хозяйствомъ мѣстнаго дворянина Л. С. Григоровича, а затѣмъ составилъ проектъ учрежденія и самаго института на первый разъ на 60 воспитанницъ по плану подобныхъ заведеній въ Полтавѣ и Кіевѣ, предполагая построить для него особое зданіе на мѣстѣ загородной дачи, такъ какъ домъ Родіоновой оказался недостаточно помѣстительнымъ, а надстройка третьяго этажа, по мнѣнію архитекторовъ, была непосильна для основныхъ стѣнъ зданія.

Государыня одобрила эти предположенія, домъ Родіоновой былъ проданъ за 22,000 руб. городскому обществу подъ помѣщеніе полиціи, а затѣмъ совѣтъ занялся вопросомъ о постройкѣ новаго зданія среди «вѣковыхъ липовыхъ аллей» бывшей Нееловской рощи [2]).

Такимъ образомъ, дѣло объ устройствѣ института шло успѣшно, и можно было разсчитывать, что года черезъ три завѣщаніе А. Н. будетъ приведено въ исполненіе.

Но въ этотъ-то самый моментъ, когда всѣ подготовительныя работы приходили къ концу, когда вопросъ изъ области теоріи долженъ былъ перейдти къ практическому осуществленію, искусной рукою и притомъ совершенно неожиданно подведена была подъ это доброе начинаніе ловкая махинація, перевернувшая все вверхъ дномъ.

Печальная честь подведенія этой махинаціи принадлежитъ внуку А. Н., Лукѣ Павловичу Родіонову, который, по словамъ Солнцева,

---

[1]) Характеристикѣ этой замѣчательной личности я посвящаю особый очеркъ, уже совсѣмъ почти обработанной мною для печати на основаніи неизданныхъ документовъ.

[2]) Эта роща, купленная императрицей Маріей Ѳеодоровной въ 1805 году, называется у Солнцева различно: Нееловской и Волховской, вѣроятно, по фамиліямъ бывшихъ владѣльцевъ. Въ Казани она называлась еще и «Монастырской», такъ какъ съ 1809 года предоставлена была въ пользованіе Казанскому дѣвичьему монастырю, о чемъ и упомянуто въ указанной выше «Запискѣ» государыни. По словамъ Солнцева, здѣсь «игуменьей онаго монастыря былъ заведенъ овощной огородъ, но сада уже не существовало, кромѣ оставшихся отъ расхищенія липовыхъ вѣковыхъ аллей».

Воскресенская церковь въ Казани надъ могилой А. Н. Родіоновой.

«знаая во всей подробности учиненныя бабкою его распоряженія о заведеніи въ Казани института для бѣдныхъ благородныхъ дѣвицъ и втеченіе почти двухъ лѣтъ нимало не препятствуя исполненію ея благодѣтельной воли, вздумалъ, наконецъ, завесть неправильный и постыдный для дворянина процессъ; а для сего предварительно, по поданной въ совѣтъ института просьбѣ, многіе весьма важные документы бабки его, подъ предлогомъ связи ихъ съ доставшимся ему Обуховскимъ имѣніемъ, успѣлъ получить въ свои руки изъ совѣтской канцеляріи, чрезъ что впослѣдствіи и поставилъ совѣтъ въ немалое затрудненіе для доказательства правъ завѣщательницы Родіоновой» [1]).

Но что же могло побудить внука А. Н. начать этотъ процессъ и притомъ при такой непріятной для репутаціи обстановкѣ, какъ ловкое полученіе документовъ отъ членовъ совѣта, «коимъ, по словамъ Солнцева, о важности тѣхъ актовыхъ бумагъ даже не было доложено просителемъ»?

Для разъясненія этого прискорбнаго факта необходимо сообщить, что Лука Павловичъ не съумѣлъ разумно воспользоваться доставшимся ему отъ А. Н. наслѣдствомъ и, какъ сообщаетъ Солнцевъ, «вскорѣ послѣ того продалъ Обуховку казанскому помѣщику, бергемейстеру 6-го класса, Евграфу Лебедеву, за 90,000 руб.».

Сосредоточивъ такимъ образомъ въ своихъ рукахъ 129,305 руб. одной только наличности, Л. П., понятно, не нуждался нѣкоторое время въ средствахъ и, повидимому, примирился съ отчужденіемъ Масловки и Дмитріевки. Но деньги — матеріалъ удобоподвижный. «По пристрастію къ игрѣ», онѣ исчезли быстро, и отъ богатаго наслѣдства осталось только одно пріятное воспоминаніе. При подобныхъ-то обстоятельствахъ и явился, вѣроятно, на сцену процессъ, который Солнцевъ нашелъ возможнымъ назвать «неправильнымъ и постыднымъ для дворянина».

Хотя этотъ процессъ и представляетъ много любопытныхъ данныхъ для характеристики тогдашняго крючкотворства и юридической кляузы и достаточно ярко освѣщаетъ какъ самого «уволеннаго изъ лейбъ-гвардіи коннаго полка штабъ-ротмистра Луку Родіонова», такъ и его достойныхъ повѣренныхъ, но мы, не желая отклоняться въ сторону, ограничимся только самымъ необходимымъ.

Въ концѣ 1829 года, Л. П. вошелъ въ коммиссію прошеній съ всеподданнѣйшей просьбой возвратить ему, какъ единственному законному наслѣднику, то имѣніе, которое, по его словамъ, «бабка завѣщала институту неправильно», такъ какъ «имѣніе сіе не ей принадлежало, а скупила она его отъ дѣтей своихъ во время опекунства ея надъ ними на деньги, собранныя съ того же имѣнія» [2]).

---

[1]) Неоконченная «Записка» Солнцева.

[2]) Изъ засвидѣтельствованной копіи съ указа правительствующаго сената казанскому губернскому правленію отъ 26-го мая 1832 года; за № 1,744.

Совѣтъ института, куда это прошеніе доставлено было на заключеніе, хотя и лишился самыхъ необходимыхъ документовъ и не могъ поэтому возражать по существу, но, тѣмъ не менѣе, не растерялся, выйдя изъ затруднительнаго положенія ссылкой на то, что дѣти А. Н. «ни сами во всю жизнь свою, ни ихъ наслѣдники до смерти завѣщательницы никакихъ претензій на домъ и имѣнія, а также жалобъ на опекунское управленіе нигдѣ не предъявляли, а потому за давностію безспорнаго владѣнія со стороны завѣщательницы, Лука Родіоновъ и не имѣетъ права на завѣщанное институту имѣніе», и что по этой причинѣ «нельзя даже предоставить ему права на судебный искъ за силою манифеста отъ 28-го іюля 1787 года»[1]).

Лука Павловичъ получилъ отказъ. Но это его не обезкуражило. Онъ рѣшился снова позондировать почву и на этотъ разъ посмѣлѣе. Въ 1832 году, онъ вошелъ къ государю со вторичнымъ прошеніемъ, въ которомъ, въ опроверженіе заключенія институтскаго совѣта, поставилъ на видъ, что «отецъ его былъ бы сыномъ непочтительнымъ, если бы при жизни матери приносилъ какія нибудь жалобы да ея дѣйствія, да и не нашелъ въ этомъ надобности, такъ какъ право его на наслѣдство охранялось указомъ 1807 года, повелѣвающимъ родовое имѣніе, проданное въ свой родъ, считать, не смотря на перепродажу, родовымъ, каковое, по закону, произвольному распоряженію не подлежитъ»... «При сихъ видахъ,—говорилъ онъ далѣе,—нельзя было предполагать, чтобы бабка моя вознамѣрилась на разрушеніи благосостоянія законнаго наслѣдника оставить себѣ памятникъ общественнымъ заведеніемъ, для учрежденія каковыхъ правительство не оскудѣло въ средствахъ болѣе справедливыхъ. А между тѣмъ она, уже въ глубокой старости, сопровождаемой всѣми послѣдствіями оной въ отношеніи къ нравственнымъ и физическимъ силамъ, учинила завѣщаніе въ 1826 году, съ каковаго времени десяти лѣтъ еще не минуло»[2]).

Этимъ прошеніемъ, въ которомъ А. П. рискнулъ пустить язвительныя стрѣлы не только по адресу бабки, но отчасти и самого правительства,—цѣль была достигнута. Ему позволено было начать искъ.

А. П., очевидно, только этого и добивался. Онъ сейчасъ же началъ въ лаишевскомъ уѣздномъ судѣ дѣло, опираясь на то, что бабка его ничего собственнаго, кромѣ «трехъ крѣпостныхъ дѣвокъ», не имѣла, и что завѣщанное ею имѣніе неблагопріобрѣтенное, а родовое, отчуждать которое она была не вправѣ[3]).

---

[1]) Изъ того же сенатскаго указа, за № 1,744.

[2]) Тамъ же.

[3]) Изъ «Заключенія» прокурора Солнцева на рѣшеніе лаишевскаго окружнаго суда.

Все это было на столько голословно и лишено основанія, что становится необходимымъ допустить существованіе особыхъ поводовъ надѣяться на снисходительность суда. Были эти поводы или нѣтъ, но только судья Палицынъ отнесся къ Л. П. болѣе чѣмъ снисходительно и, по словамъ Москотильникова, «вопреки видимыхъ обстоятельствъ дѣла, крѣпостныхъ актовъ и закона о десятилѣтней давности, назвавъ завѣщанное имѣніе не благопріобрѣтеннымъ, но скупленнымъ на деньги изъ собранныхъ будто бы по опекунству доходовъ, опредѣлилъ все безъ изъятія предоставить Родіонову». Совсѣмъ иное отношеніе было къ совѣту института. Палицынъ былъ крайне придирчивъ и даже едва не лишилъ совѣтъ права апелляціи, поставивъ въ свидѣтельствѣ, выданномъ уполномоченному совѣта, не то число, въ которое подписано было имъ неудовольствіе на рѣшеніе. «По важности документа, служащаго основаніемъ къ принятію или отверженію апелляціонной жалобы, таковая ошибка непростительна, а, можетъ быть, сдѣлана и съ умыслу»,—замѣчаетъ по этому поводу Москотильниковъ, высказывая полное убѣжденіе въ томъ, что «если бы судъ рѣшилъ дѣло по закону и справедливости, то не отсудилъ бы институтскаго имѣнія» [1]).

Но торжество Л. П. было еще не полное. Рѣшеніе уѣзднаго суда перешло на разсмотрѣніе гражданской палаты, такъ какъ дѣло касалось «казенной собственности, соединенной съ общественнымъ интересомъ».

Москотильниковъ составилъ апелляціонную жалобу, въ которой опрокинулъ главное положеніе Родіонова ссылкой на указъ 1823 года, повелѣвающій считать имѣніе, купленное въ родѣ, благопріобрѣтеннымъ. Явился на выручку и Солнцевъ съ своей неизмѣнной предусмотрительностью. Затребовавъ, на основаніи закона, все дѣло изъ гражданской палаты на свое предварительное заключеніе, онъ пишетъ цѣлый трактатъ на 24-хъ листахъ, въ которомъ рядомъ неотразимыхъ аргументовъ разбиваетъ на голову притязанія Родіонова, разбиваетъ ихъ не догадками и гадательными предположеніями, а на основаніи многочисленныхъ документовъ, оставшихся послѣ А. Н., которые онъ хотя и сдалъ въ совѣтъ института, но не прежде, чѣмъ снявъ съ нихъ точныя копіи.

Прослѣдивъ всю трудовую жизнь покойной Родіоновой съ момента раздѣла имѣнія ея мужа, купчими крѣпостями, контрактами, закладными квитанціями, росписками и прочими многочисленными документами охарактеризовавъ ея широкую промысловую дѣятельность и ясно доказавъ такимъ образомъ качество ея

---

[1]) Изъ небольшой записки Москотильникова, приложенной къ отношенію институтскаго совѣта къ прокурору отъ 12-го марта 1834 года, за № 7, при которомъ препровождался списокъ съ постановленія совѣта отъ 10-го марта по поводу дѣйствій лаишевскаго уѣзднаго суда.

имѣнія, Солнцевъ заканчиваетъ свой капитальный трудъ рѣшительнымъ предложеніемъ: все завѣщанное Родіоновой имѣніе «оставить навсегда въ неотъемлемую и вѣчную собственность казанскаго института благородныхъ дѣвицъ, а просителю, отставному штабъротмистру Лукѣ Родіонову, въ неправильныхъ его притязаніяхъ отказать и рѣшеніе лаишевскаго уѣзднаго суда, какъ съ обстоятельствами дѣла и съ существующими узаконеніями несогласное, уничтожить» [1]).

Гражданская палата рѣшила дѣло въ пользу института.

Но Родіоновъ и этимъ не смутился. Рѣшившись, очевидно, «идти на проломъ», онъ апеллировалъ въ сенатъ. Но на этотъ разъ, какъ и слѣдовало ожидать, потерпѣлъ полное фіаско и былъ даже чувствительно наказанъ за свое упорное сутяжничество. Сенатъ указомъ отъ 13-го іюня 1837 года не только согласился съ мнѣніемъ палаты, но и наложилъ на Родіонова за «неправую апелляцію» 10°/о штрафъ, что̀ со всей суммы иска въ 329,200 руб. составило 32,920 руб., изъ коихъ одна половина должна была поступить въ казну, а другая членамъ суда, рѣшившимъ дѣло [2]).

Благодаря этой десятилѣтней кляузѣ, казанскій Родіоновскій институтъ былъ открытъ только въ 1841 году.

Этотъ знаменательный для памяти Родіоновой моментъ не обошелся безъ участія Солнцева. Ко времени торжественнаго открытія заведенія онъ позаботился подготовить сюрпризъ — портретъ А. Н., очень удачно написанной масляными красками бывшимъ ея конторщикомъ Алексѣемъ Ивановымъ.

Упомянувъ объ этомъ портретѣ, считаю необходимымъ разъяснить маленькое недоразумѣніе, возникшее благодаря Дм. Петр. Родіонову.

«Въ концѣ тридцатыхъ годовъ,—сообщаетъ онъ,—въ одной изъ залъ Родіоновскаго института красовался женскій портретъ, слывшій за портретъ А. Н., тогда какъ правнука ея по мужу, Варвара Ивановна Родіонова (сестра моего отца), узнала въ немъ любимую ключницу основательницы института... И, быть можетъ, ключница до сихъ поръ занимаетъ почетное мѣсто своей госпожи» [3]).

Въ этомъ разсказѣ есть извѣстная игривость, но дѣйствительность абсолютно отсутствуетъ. Въ тридцатыхъ годахъ никакого портрета въ залѣ института «красоваться» не могло по той простой причины, что въ это время еще не существовало ни портрета, ни залы, ни даже самаго зданія института. Это во-первыхъ. А, во-

[1]) «Заключеніе казанскаго губернскаго прокурора», отъ 31-го декабря 1834 года, за № 2,107.

[2]) По всеподданнѣйшему прошенію Луки Родіонова, казенная часть штрафа была сложена. (Копія съ предписанія министра финансовъ графа Канкрина казенной гражданской палатѣ, отъ 11 ноября 1838 года, за № 5,468).

[3]) «По поводу статьи: Происхожденіе одного учебнаго заведенія».

вторыхъ, если Варвара Ивановна и смѣшала А. Н. съ ключницей, то, очевидно, съ ней случилась такая же прискорбная исторія, какъ съ лѣтописными вятчанами: «своя своихъ не познаша и побиша ихъ». Подлинность и сходство институтскаго портрета А. Н. могутъ быть доказаны документально. Вотъ что пишетъ о немъ къ Солнцеву Алексѣй Ивановъ, бывшій въ это время уже штатнымъ смотрителемъ лаишевскаго уѣзднаго училища: «Приведя къ окончанію, сообразно съ вашимъ желаніемъ, на сколько могъ припомнить, портретъ покойной А. Н. Родіоновой и чувствуя по гробъ жизни излитыя ею благодѣянія, которыми осчастливлено все наше семейство, я посвящаю этотъ слабый трудъ мой въ память благотворительницы заведенію, въ городѣ Казани ею основанному. Удостойте принять усерднѣйшее мое приношеніе. Благосклонное вниманіе ваше доставитъ мнѣ утѣшеніе, что и я сдѣлалъ нѣчто въ память моей благодѣтельницы» [1]). Солнцевъ съ своей стороны не замедлилъ препроводить этотъ портретъ къ губернатору «для помѣщенія онаго въ одной изъ залъ института», причемъ сообщалъ, что онъ написанъ Ивановымъ, «руководствуясь памятными ему чертами лица Родіоновой и, сколько мнѣ извѣстно, довольно сходными» [2]).

Казанскій старожилъ, соборный протоіерей В. П. Вишневскій, также вполнѣ подтверждая это сходство, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ мнѣ, что самъ лично присутствовалъ на торжествѣ открытія института и видѣлъ при этомъ упомянутый выше портретъ, который очень вѣрно, по его словамъ, схватываетъ характерныя черты покойной А. Н.

Мой очеркъ конченъ. Мнѣ остается коснуться только еще одного вопроса, но при этомъ едва ли не самаго существеннаго для характеристики личности Родіоновой: что̀ именно побудило ее завѣщать остатки имущества не родственникамъ, а на общеполезное дѣло?

Фамильные историки рѣшаютъ этотъ вопросъ безъ всякихъ затрудненій.

Н. Л. Родіоновъ сообщаетъ по этому поводу цѣлую исторію, очень поучительную для опредѣленія цѣнности фамильныхъ преданій.

«Полковница Родіонова,—говоритъ онъ,—заболѣваетъ серьезно. Тотчасъ же въ Петербургъ была послана эстафета (тогда телеграфовъ еще не существовало) къ племяннику и единственному ея прямому наслѣднику, Лукѣ Павловичу Родіонову, съ зовомъ немедленно пріѣхать въ Казань закрыть глаза теткѣ.

[1]) Письмо Алексѣя Иванова, отъ 1-го ноября 1841 года.

[2]) Черновая препроводительной бумаги Солнцева къ губернатору.

«Исполнить въ точности этого желанія больной тетки Лука Родіоновъ не могъ, по случаю обязанностей службы, задержавшихъ его въ Петербургѣ нѣсколько дней сряду.

«Черезъ полторы недѣли, когда онъ прибылъ въ Казань, тетка уже лежала на столѣ. Душеприказчикъ покойной передалъ ему, что полковница, передъ смертью напрасно прождавшая его, усмотрѣла въ поступкѣ этомъ непочтительность и, уничтоживъ прежнее духовное свое завѣщаніе, дѣлавшее его, Родіонова, единственнымъ наслѣдникомъ всего ея имущества, отказала все свое состояніе государю Николаю Павловичу, и на этомъ умерла.

«Въ самый день похоронъ, къ племяннику явились какія-то темныя личности съ предложеніемъ просто-на-просто уничтожить вторую духовную, про которую еще никто не зналъ. Эти личности требовали за услугу 25 тысячъ рублей ассигнаціями. На серебро тогда еще не считали.

«Возмущенный подобнымъ предложеніемъ и вполнѣ увѣренный въ своемъ правѣ на безспорное наслѣдство, Лука Родіоновъ не пошелъ на сдѣлку.

«Духовная дарственная была получена въ Петербургѣ раньше его возвращенія, доложена государю и утверждена: собственной рукою императора на маржѣ было помѣчено: «принять».

«Всѣ хлопоты молодаго конно-гвардейца не привели ни къ чему, и онъ долженъ былъ подчиниться монаршей волѣ» [1]).

Такимъ образомъ Н. Л. Родіоновъ выдаетъ завѣщаніе А. Н. за фактъ совершенно случайный. Но читатель, познакомившійся съ настоящимъ очеркомъ, не удовлетворится, конечно, этимъ голословнымъ показаніемъ, найдя въ немъ полное отсутствіе знакомства съ дѣйствительными фактами. Читатель, безъ сомнѣнія, припомнитъ, что Лука Родіоновъ былъ не племянникъ А. Н., а внукъ; что посылать ему въ Петербургъ эстафету не было ни малѣйшей надобности, такъ какъ во время болѣзни бабки онъ находился въ Казани и жилъ въ ея домѣ; что она не уничтожала передъ смертью никакого завѣщанія «за непочтительность внука», а еще за 4 года до кончины предложила свое имущество для устройства института, но не Николаю Павловичу, а императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ; что не было никакихъ темныхъ личностей, являвшихся къ Лукѣ Павловичу въ день похоронъ съ предложеніемъ уничтожить завѣщаніе, а нашлась только одна гнусная «особа», подославшая убійцу къ А. Н.; что императоръ Николай Павловичъ никогда не получалъ отъ А. Н. дарственной и не могъ поэтому написать на ней: «принять»; что, наконецъ, Лука Родіоновъ не только не «покорился монаршей волѣ», но даже втеченіе восьми лѣтъ велъ съ казною кляузный процессъ и для этой цѣли, по словамъ Солнцева,

[1]) «Происхожденіе одного казеннаго заведенія».

добылъ изъ канцеляріи совѣта института весьма «важные документы». Вспомнивъ все это, читатель можетъ только поскорбѣть, что эти «важные документы» не дошли до сына Луки Павловича, доведеннаго своими непровѣренными фамильными преданіями до геркулесовыхъ столповъ невѣдѣнія.

Другой фамильный историкъ Дм. Пет. Родіоновъ, основывающійся, по его словамъ, «на документахъ, современныхъ письмахъ и полномъ собраніи россійскихъ законовъ», рѣшаетъ вопросъ не менѣе односторонне.

«А. Н.,—говоритъ онъ,—оставшись вдовою, была недовольна поведеніемъ своего внука Луки Павловича и, не любя дѣтей покойнаго мужа своего отъ первой его жены, не измѣнила поданнаго ею 8-го февраля 1789 года на высочайшее имя прошенія о предоставленіи ею имѣнія при селѣ Масловкѣ (Лаишевскаго уѣзда, на р. Камѣ, съ 700 душъ крестьянъ и до 10 тыс. дес. земли), перешедшаго къ ней отъ ея мужа, фондомъ для благотворительнаго заведенія. Дѣло это продолжалось до 1826 года, такъ какъ нѣкоторые изъ наслѣдниковъ (Мергасовы) оспаривали законность распоряженія родовымъ имуществомъ. Въ означенномъ году, послѣдовало высочайшее повелѣніе объ основаніи въ Казани Родіоновскаго института благородныхъ дѣвицъ» [1]).

Но и къ этому показанію нельзя отнестись съ довѣріемъ, такъ какъ и въ немъ знаніе дѣла совершенно отсутствуетъ. Читатель помнитъ, конечно, что А. Н. къ родственникамъ своего покойнаго мужа относилась дружески и многихъ изъ нихъ щедро одарила; что прошеніе государынѣ она подала не 8-го февраля 1789 года, а 1-го декабря 1823; что въ Масловкѣ и Дмитріевкѣ было не 700, а всего 414 душъ; что спорное дѣло о завѣщаніи продолжалось не до 1826 года, а до 1837; что кляуза заявлена была не Мергасовыми, а Лукой Родіоновымъ, и что, наконецъ, повелѣніе объ устройствѣ института послѣдовало не въ 1826, а въ 1828 году.

Итакъ, довѣрять показаніямъ фамильныхъ историковъ оказывается, по меньшей мѣрѣ, рискованнымъ. Искажая безусловно всѣ факты, они и по данному вопросу являются некомпетентными. Волей-неволей приходится искать его рѣшенія вполнѣ самостоятельно.

Читателямъ уже извѣстно, что А. Н. еще не задолго до смерти раздала большую часть имущества какъ своимъ дѣтямъ, такъ и родственникамъ мужа, оставивъ себѣ только Масловку и Дмитріевку. Конечно, внукъ ея Лука Родіоновъ былъ не обезпеченъ, такъ какъ его отецъ, по словамъ Солнцева, «по пристрастію къ картежной игрѣ не съумѣлъ сберечь» ни богатаго села Кіяти въ 205 душъ, подареннаго ему матерью, ни тѣхъ 70 тыс. р., кото-

---

[1]) «По поводу статьи: Происхожденіе одного казеннаго заведенія».

рые она заплатила ему за масловскую часть [1]). Но мыслимо ли было для А. Н. завѣщать остатки своего имущества внуку? Изъ изложеннаго выше процесса ясно видно, каковъ былъ нравственный обликъ этого человѣка. Если А. Н. и не отказывала ему въ пріютѣ, то, понимая его насквозь, не могла ни любить, ни уважать его, и считала совершенно безполезнымъ давать ему хоть какія нибудь средства на руки. Какъ человѣку серьезному и трудовому, ей, конечно, невыносима была мысль, что имущество, собранное не малыми усиліями и далеко не женскими трудами, пойдетъ прахомъ, разбредется по карманамъ рыцарей зеленаго стола.

Изъ всего этого можно видѣть, что А. Н. естественно было думать, что обязанности относительно рода она выполнила вполнѣ. При подобныхъ обстоятельствахъ, какъ человѣку религіозному, ей неизбѣжно должно было быть присуще желаніе закончить жизнь добрымъ дѣломъ. Но категоріи «добрыхъ дѣлъ» весьма разнообразны. Почему же А. Н. остановилась именно на устройствѣ учебнаго заведенія и притомъ женскаго?

Масловскіе старики и въ этомъ случаѣ отнимаютъ у А. Н. собственную инициативу.

— Слыхали мы отъ Григоровича,—разсказывали они мнѣ:—что устроить институтъ присовѣтовалъ ей М. Н. Мусинъ-Пушкинъ, приходившійся ей сродни.

Но это показаніе, не подтверждаемое никакими другими данными, представляется также довольно сомнительнымъ. Ближайшее знакомство съ жизнью А. Н. приводитъ къ болѣе вѣроятному предположенію, что мысль объ учрежденіи института зародилась и развилась въ ней изъ самой сущности ея личности и жизненной обстановки. Ей не могли не воспоминаться дѣтскіе годы, годы сиротства, годы жизни безъ роднаго крова. Испытавъ на себѣ всѣ неудобства подобнаго существованія, изъ своей трудовой жизни вынеся убѣжденіе въ необходимости образованія для женщины, она въ силу одного этого уже могла остановиться на мысли протянуть руку помощи тѣмъ, которыя, какъ и она, выступаютъ на жизненное поприще въ сиротствѣ, безъ средствъ для существованія.

Если что нибудь и могло до извѣстной степени повліять на разумное рѣшеніе А. Н., то развѣ то обстоятельство, что она, какъ мѣстная жительница, не могла не знать, что императрица Марія Ѳеодоровна еще въ самомъ началѣ настоящаго столѣтія задумывала устроить въ Казани институтъ и съ этой цѣлью даже пріобрѣла на Арскомъ полѣ обширную Неѣловскую рощу съ фруктовымъ садомъ, но не успѣла своевременно привести въ исполненіе свое намѣреніе, такъ какъ безпрерывныя войны Наполеоновской эпохи потребовали со стороны Россіи напряженія всѣхъ го-

---

[1]) Неоконченная «Записка» Солнцева.

сударственныхъ силъ и на неопредѣленное время отдалили вопросъ объ открытіи предположеннаго заведенія [1]).

Таковы, по нашему убѣжденію, были мотивы, руководившіе А. Н. въ тотъ памятный день, 1-го декабря 1823 года, когда она писала императрицѣ прошеніе о принятіи ея посильной жертвы на основаніе въ Казани института для бѣдныхъ благородныхъ дѣвицъ, надъ которымъ, «по устроеніи его, да почіетъ благословеніе Божіе и да осѣнитъ оный высочайшее вашего императорскаго величества покровительство».

Самыя эти выраженія уже свидѣтельствуютъ въ достаточной степени, что Родіонова неравнодушно относилась къ поднятому ею вопросу. Изъ ея сношеній съ Солнцевымъ, изъ ея процесса съ Мергасовымъ ясно видно, какъ заботилась она о возможномъ обезпеченіи института. Эти заботы доходили даже до мелочей. Она, по словамъ Солнцева, «имѣя 120 крѣпостныхъ дѣвокъ, занимавшихся пряжей, тканьемъ и бѣленьемъ холста, подготовляла ихъ для рукодѣлій институтскихъ»; для института же обучила она одного изъ своихъ дворовыхъ фортепіанному мастерству, «для чего и не дала ему отпускной, а предоставила свободу только его родственникамъ».

Такъ можетъ дѣйствовать только человѣкъ, сознательно преслѣдующій свою собственную идею. Иначе, впрочемъ, и быть не могло. А. Н. была существомъ разумнымъ и общественнымъ и мотивы ея должны были быть такими же. Небезцвѣтная жизнь не могла завершиться безцвѣтнымъ поступкомъ, и оставила слѣдъ, навсегда связавшій имя Родіоновой съ исторіей возникновенія женскаго образованія на дальнемъ востокѣ Россіи. Этотъ слѣдъ, не дававшій многимъ покоя при жизни А. Н., не обощелся ей даромъ и по смерти. Многочисленные родные, которыхъ она облагодѣтельствовала, внукъ, получившій послѣ нея двухсоттысячное наслѣдство, даже креста не поставили на ея могилѣ.

Такъ мстилъ ей родъ за то, что она, находясь «въ глубокой старости, сопровождаемой всѣми послѣдствіями оной въ отношеніи къ нравственнымъ и физическимъ силамъ, учинила завѣщаніе», которымъ «вознамѣрилась, на разрушеніи благосостоянія своего законнаго наслѣдника, оставить себѣ памятникъ общественнымъ заведеніемъ» [2]). Не многихъ почестей удостоилась А. Н. и отъ того общества, на пользу котораго отдала она свое трудовое достояніе.

---

[1]) Тѣмъ не менѣе Казань имѣла возможность ознакомиться съ подобными заведеніями, такъ какъ въ 1812 году, по случаю занятія Москвы французами, Екатерининскій и Александровскій институты были переведены въ Казань и пробыли здѣсь отъ 13 сентября 1812 до 10 іюля 1813 года. Быть можетъ, это почти годовое ихъ пребываніе въ Казани имѣло извѣстное вліяніе и на А. Н. («Каз. Извѣстія», 1813 г., № 29).

[2]) Слова Луки Родіонова въ его всеподданнѣйшемъ прошеніи.

Темна, глуха была провинція, не научилась еще она цѣнить своихъ дѣятелей.

Не забылъ могилы А. Н. только одинъ Солнцевъ. Имъ «для признака поставленъ былъ на ней деревянный крестъ».

Но и этотъ скромный памятникъ существовалъ недолго. Вскорѣ, по словамъ самого же Солнцева, «и оный во время бывшихъ къ церкви пристроекъ утерянъ, — нынѣ и мѣста этой доблестной могилы не видно».

Некому было проторить тропинки къ этому заросшему сорной травою клочку земли. Приходили сюда разъ въ годъ воспитанницы института, но потомъ этотъ обычай почему-то вывелся...

Настало время почти полнаго забвенія.

Однажды, лѣтъ 10 тому назадъ, въ самой дальней комнатѣ институтскаго зданія, гдѣ помѣщался складъ учебныхъ пособій, я увидѣлъ на стѣнѣ старинный портретъ, скромно пріютившійся за массивнымъ шкафомъ. Незавидна была внѣшность портрета. Золоченая рамка почернѣла, полотно въ нѣсколькихъ мѣстахъ было пробито, высаженная щека безобразно болталась на оборванныхъ нитяхъ. Тѣмъ не менѣе эта руина привлекала вниманіе. Сквозь слой пыли видна была какая-то женская фигура съ умными, пронизывающими глазами.

— Чей это портретъ?—спросилъ я, заинтересовавшись.

— Это Родіонова, основательница института,—отвѣтили мнѣ.

Спокойно человѣку лежится въ могилѣ. Но ужъ, должно быть, такова была судьба А. Н., что и костямъ ея не доведось остаться въ покоѣ. Въ 1880 году, при закладкѣ фундамента Воскресенской церкви, пришлось вскрыть могилу А. Н. Не много въ ней оказалось: куски дерева, скобки, обрывки позумента, нѣсколько истлѣвшихъ костей...

Эти кости были вынуты и погребены снова. Ихъ заложили въ сводахъ новой церкви, надъ мѣстомъ первоначальной могилы. Такимъ образомъ Родіоновой, не щадившей средствъ для украшенія прежней Воскресенской церкви, пришлось «лечь костьми» въ основу новаго храма, который и возвышается надъ ними величавымъ памятникомъ.

Потревоженныя кости А. Н. напомнили о ея характерной личности и крупномъ пожертвованіи.

Исправленный портретъ ея опять красуется въ залѣ института; воспитанницы заведенія въ день выпуска снова стали посѣщать мѣсто ея погребенія; совѣтъ института съ 1884 года сталъ собирать пожертвованія на сооруженіе въ Воскресенской церкви—иконы, лампады и мраморной доски съ надписью.

Къ сожалѣнію, на этотъ зовъ откликнулись пока не многіе: 300 рублей ассигновало казанское дворянство, 100 рублей дали

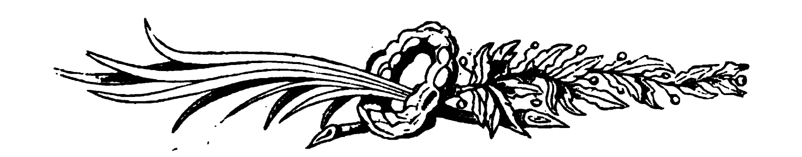
Дм. Петр. и А. П. Родіоновы [1]); рублей 70 доставили бывшія воспитанницы...

Такимъ образомъ, если въ непродолжительномъ времени и состоится сооруженіе памятника, то остается еще неизвѣстнымъ, въ какой степени осуществится завѣтная мечта идеалиста Солнцева: «чтобы воспитанницы института, въ благодарность, воздвигли на могилѣ Родіоновой приличный памятникъ, по мѣрѣ ихъ возможности и усердія, по приличному рисунку, ими самими начертанному».

П. А. Понамаревъ.

[1]) Считаю необходимымъ пояснить, что Дм. Петр. и А. П. Родіоновы принадлежатъ къ той отрасли, которая произошла отъ пасынка А. Н., Александра, и никогда не заявляла никакихъ притязаній и неудовольствій на Родіонову.

АЛЕКСАНДРЪ ПОРФИРЬЕВИЧЪ БОРОДИНЪ.

I.

АЛЕКСАНДРЪ Порфирьевичъ Бородинъ родился 31-го октября 1834 года въ Петербургѣ, въ Измайловскомъ полку. Онъ происходилъ, по отцу, изъ рода князей Имеретинскихъ. На сохранившемся до сихъ поръ портретѣ (масляными красками) отца его написано: «Родился въ 1772 году». На сохранившемся также портретѣ его матери написано: «Родилась въ 1809 году». Итакъ, Бодинъ явился на свѣтъ, когда его отцу было 62 года, а матери только 25 лѣтъ. Отецъ былъ членъ Библейскаго Общества и потому представленъ на портретѣ съ маленькимъ евангеліемъ въ рукахъ. У него сильно выраженная восточная физіономія—сынъ имѣлъ всегда (судя по множеству портретовъ изъ разныхъ эпохъ его жизни) необыкновенное сходство съ отцомъ, и потому мы всѣ, близко знавшіе его, всегда были поражены характерностью его восточнаго типа. Мать Бородина, Авдотья Константиновна, урожденная Антонова, изъ Нарвы, во второмъ замужествѣ г-жа Клейнеке, жена военнаго медика, была необыкновенно красива въ молодости, и даже до глубокой старости, когда мы ее знали, сохранила нѣкоторые остатки прежней стройности и изящества. Въ эпоху рожденія Бородина, она имѣла хорошій достатокъ, и жила въ собственномъ каменномъ четырехъэтажномъ домѣ, въ Измайловскомъ полку. Двухлѣтнимъ ребенкомъ, онъ, однажды, бѣгая, запнулся о порогъ двери, ведущей на балконъ, страшно ударился и разсѣкъ себѣ лобъ такъ сильно, что шрамъ остался на вѣки. Мать Бородина была женщина съ малымъ

образованіемъ, но умная, энергичная, и со своими очень опредѣленными взглядами на жизнь. Она была всегда противъ обученія дѣтей въ казенныхъ заведеніяхъ, и потому рѣшилась дать своему горячо-любимому сыну Александру воспитаніе домашнее. Бородинъ былъ, по словамъ его брата, Д. С. Александрова, ребенокъ болѣзненный, слабый, худенькій, и оставался такимъ даже лѣтъ до 13. Родственники совѣтовали матери не очень-то учить его, полагая, что у него чахотка, и что ему не долго жить. Но она ихъ не слушала и бодро продолжала воспитаніе своего сына; впрочемъ, ея попеченія о немъ были безпредѣльны, такъ что изъ опасенія, чтобъ его не раздавили лошади, она сама переводила его за руку черезъ дорогу даже тогда, когда ему было 14 лѣтъ.

Бородинъ былъ съ самаго дѣтства чрезвычайно понятливъ, способенъ, прилеженъ и отличался при занятіяхъ замѣчательнымъ терпѣніемъ. Всего лучше онъ зналъ тогда языки: нѣмецкій и французскій. Первому онъ учился у фрейлейнъ Луизхенъ, нѣмки, проживавшей у нихъ въ домѣ въ качествѣ домоправительницы и компаніонки матери; пофранцузски онъ учился у француженки-учительницы, приходившей къ нимъ на уроки. На этихъ двухъ языкахъ онъ говорилъ совершенно свободно.

На 12-тилѣтнемъ возростѣ, Бородинъ получилъ товарища, который отъ сихъ самыхъ поръ и надолго впослѣдствіи игралъ очень значительную роль въ его жизни. Это былъ Михаилъ Романовичъ Щиглевъ, нынче извѣстный музыкальный преподаватель, а въ 50-хъ и 60-хъ годахъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ почитателей Даргомыжскаго и неизмѣнный членъ его музыкальнаго кружка. Отецъ его былъ преподавателемъ математики въ императорскомъ Александровскомъ лицеѣ и Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ. Маленькій Михаилъ Щиглевъ игралъ на фортепіано, лѣтъ съ 5, все по слуху; 6 или 7 лѣтъ отъ роду научился нотамъ отъ отца, а скоро потомъ сталъ учиться музыкѣ у довольно плохаго учителя Пормана. Когда ему было 12 лѣтъ, одинъ знакомый отца, Ѳ. А. Ѳедоровъ, привезъ къ нимъ въ домъ, въ Царское Село (гдѣ тогда помѣщался лицей), маленькаго Бородина, совершенно однихъ съ нимъ лѣтъ. Знакомство двухъ мальчиковъ началось съ того, что они вцѣпились другъ другу въ волосы и такъ катались по полу. «Считая себя уже музыкантомъ,—разсказываетъ въ своей, написанной для меня, запискѣ М. Р. Щиглевъ,—я положительно спасовалъ передъ новымъ моимъ гостемъ, который поразилъ меня своими необыкновенными музыкальными способностями. Ѳедоровъ уговорилъ моихъ родителей отдать меня въ Петербургъ, въ семейство Саши Бородина, чтобъ ближе ходить было въ 1-ю гимназію, куда меня хотѣли отдать, и чтобъ готовиться по наукамъ вмѣстѣ съ Сашей Бородинымъ, которому тоже нужно было подготовляться къ медико-хирургической академіи. Такимъ образомъ, я переѣхалъ (1846 г.) въ

домъ къ матери А. П. Бородина, и насъ стали учить учителя, приглашенные отдѣльно для каждаго предмета». Русскому языку, исторіи и географіи училъ нѣкто Степановъ. Математику преподавалъ А. А. Скорюховъ, человѣкъ пьющій, но замѣчательно умный и знавшій свое дѣло. Французскому языку училъ французъ Béguin, изъ лицея, страстный бильярдный игрокъ. Англійскому языку обучалъ Джонъ Роперъ, очень добродушный, но недалекій, англичанинъ, служившій гувернеромъ въ коммерческомъ училищѣ. Приходя на урокъ, онъ всегда объявлялъ матери Бородина, что очень вспотѣлъ, и что у него «рыже подъ мышками». Чистописанію, рисованію и черченію обучалъ Филадельфинъ, учитель 1-й гимназіи, бывшій семинаристъ, неряшливый, съ длинными черными волосами, очень угрюмый человѣкъ. Понѣмецки продолжала учить нѣмка Луизхенъ. Былъ даже учитель для танцевъ, имъ Бородинъ учился еще раньше знакомства съ М. Р. Щиглевымъ, съ двоюродной сестрой своей Маріей Владиміровной Готовцевой, и когда она танцовала качучу, то онъ аккомпанировалъ ей на фортепіано. Учителемъ фортепіанной игры поступилъ, по рекомендаціи Щиглевыхъ, нѣмецъ Порманъ, человѣкъ очень методическій и терпѣливый, но преподаватель не мудрый. Но, вступая въ новый домъ, М. Р. Щиглевъ скоро замѣтилъ, что у Саши Бородина не одна страсть къ музыкѣ, но есть еще другая, не менѣе сильная, страсть къ химіи. Не только его собственная комната, но чуть не вся квартира была наполнена банками, ретортами и всякими химическими снадобьями. Вездѣ на окнахъ стояли банки съ разнообразными кристаллическими растворами. И Сашу Бородина даже немножко за это преслѣдовали: во-первыхъ, весь домъ провонялъ его химическими препаратами, а, во-вторыхъ, боялись пожара. Въ свободное отъ уроковъ время, онъ занимался еще лѣпленіемъ изъ мокрой бумаги, гальванопластикой, составлялъ и дѣлалъ акварельныя краски, но всего болѣе игралъ съ М. Р. Щиглевымъ въ четыре руки. «Мы оба,—разсказываетъ этотъ послѣдній,—бойко играли и свободно читали ноты, и на первый же годъ переиграли въ четыре руки и знали чуть не наизусть всѣ симфоніи Бетховена и Гайдна, но въ особенности заигрывались Мендельсономъ. Рано начали мы съ Бородинымъ наслаждаться оркестровой музыкой. Мы слушали оркестръ въ Павловскѣ, гдѣ игралъ тогда Іоганнъ Гунгль. Вскорѣ начались симфоническіе концерты въ университетѣ, подъ управленіемъ Карла Шуберта. Мы не пропускали ни одного изъ этихъ концертовъ. Чтобъ познакомиться съ камерной музыкой, я самоучкой сталъ играть на скрипкѣ, а Бородинъ, также самоучкой, на віолончели»... Кромѣ того, Бородинъ вздумалъ учиться на флейтѣ, и учить его приходилъ унтеръ-офицеръ, музыкантъ Семеновскаго полка, получавшій по 50 коп. за урокъ. Бородинъ, говорятъ, очень порядочно игралъ на флейтѣ. И именно вслѣдствіе прилежныхъ

занятій съ этимъ инструментомъ, у него явилась мысль самому сочинять что нибудь для него.

Первымъ сочиненіемъ Бородина явился концертъ для флейты съ фортепіано (первая половина D-Dur, вторая D-Moll), сочиненный имъ въ 1847 году, т. е. когда ему было 13 лѣтъ. Самъ онъ игралъ партію флейты, аккомпанировалъ на фортепіано вѣрный другъ его М. Р. Щиглевъ. Вторымъ сочиненіемъ его было тріо для двухъ скрипокъ и віолончели (G-Dur), на темы изъ «Роберта» Мейербера. Это было сочиненіе маленькое, занимало всего одну страницу, но замѣчательно было тѣмъ, что маленькій 13-ти-лѣтній Бородинъ написалъ его, безъ партитуры, прямо на голоса.

Въ 1848 году, М. Р. Щиглевъ поступилъ въ 1-ю гимназію, но продолжалъ ходить во всѣ отпуски къ своему другу, и они попрежнему много играли въ 4 руки и на скрипкѣ съ віолончелью. Про характеръ своего брата въ этотъ періодъ жизни, Д. С. Александровъ разсказываетъ: «Мальчикъ онъ былъ тихій, спокойный, но нѣсколько разсѣянный. Если онъ чѣмъ нибудь увлекался, или просто былъ занятъ, то надо бывало повторить нѣсколько разъ вопросъ, прежде чѣмъ онъ на него отвѣтитъ».

«Нашей матери,—продолжаетъ Д. С. Александровъ,—совѣтовали отдать брата въ университетъ; но какъ разъ случились тамъ къ этому времени какіе-то безпорядки, и она отдумала. Одинъ знакомый (тотъ самый Ѳ. А. Ѳедоровъ, который за 4 года передъ тѣмъ познакомилъ Бородина съ Щиглевымъ) посовѣтовалъ отдать его въ медико-хирургическую академію, гдѣ былъ хорошо знакомъ съ инспекторомъ Ильинскимъ. Мать наша свезла Сашу къ этому инспектору, тотъ проэкзаменовалъ его во всѣхъ предметахъ, нашелъ его знанія очень удовлетворительными, и братъ, не имѣя еще полныхъ 16-ти лѣтъ, послѣ того поступилъ (въ 1850 г.) вольнослушающимъ въ академію». Все же семейство перебралось на Выборгскую сторону, поближе къ академіи, и поселилось на Бочарной (нынче Симбирской) улицѣ, противъ Артиллерійскаго училища, въ домѣ доктора Чарнаго. При переѣздѣ этомъ, произошелъ одинъ пустой, но очень характерный случай. «Мать наша не была ханжа, но очень религіозна,—разсказываетъ Д. С. Александровъ.—Она пожелала, чтобы раньше всего былъ перевезенъ на новую квартиру образъ Спасителя. Это она поручила Ѳ. А. Ѳедорову, а тотъ пригласилъ себѣ для компаніи учителя англійскаго языка, Джона Ропера. Друзья поѣхали, везя образъ и графинъ водки, назначенный для угощенія ломовыхъ извозчиковъ. Но такъ какъ оба любили выпить, то по дорогѣ изъ Измайловскаго полка на Выборгскую сторону выпили весь графинъ, да еще нѣсколько разъ заѣзжали въ погребки, и порядочно нагрузились. По пріѣздѣ же на новую квартиру, Роперъ, поднявъ рюмку, провозгласилъ тостъ за великобританскій народъ. Ѳедорова это возмутило, и съ возгласомъ:—А мы не посрамимъ

земли Русской!—онъ ударилъ англичанина кулакомъ по носу и разбилъ въ кровь»...

«Занятіямъ по академіи братъ предался всей душой. Онъ скоро совсѣмъ провонялъ трупнымъ запахомъ препаровочной, и мы, дома, сильно на это жаловались. Читалъ онъ обыкновенно, сидя въ креслѣ и ноги положивъ на подоконникъ [1]). Дома почти всегда ходилъ въ

Александръ Порфирьевичъ Бородинъ въ 14-лѣтнемъ возростѣ.

Съ портрета масляными красками, писаннаго Деньеромъ въ 1848 году.

халатѣ и туфляхъ. На второмъ курсѣ, ему пришлось, однажды, препаровать трупъ, у котораго прогнили позвонки. Братъ просунулъ въ отверстіе средній палецъ, чтобъ изслѣдовать, на сколько

---

[1]) По словамъ М. Р. Щиглева, Бородинъ почти никогда не читалъ романовъ, кромѣ самыхъ талантливыхъ. Въ 17—18-ти-лѣтнемъ возростѣ любимымъ его чтеніемъ были сочиненія Пушкина, Лермонтова, Гоголя, статьи Бѣлинскаго, философскія статьи въ журналахъ.

глубоко болѣзнь проѣла хребетъ. При этомъ, какая-то тонкая кость впилась ему въ палецъ подъ ноготь; отъ этого у него сдѣлалось трупное зараженіе, отъ котораго онъ слегъ и поправился лишь благодаря усиліямъ профессора Бессера. Учился братъ отлично и «первымъ» переходилъ изъ курса въ курсъ. Разъ только, при одномъ переходномъ экзаменѣ, срѣзался у законоучителя Черепнина, потому что объяснилъ своими словами какой-то текстъ св. Писанія, тогда какъ требовалась буквальная его передача. Это нѣсколько повредило ему впослѣдствіи: онъ окончилъ академическій курсъ безъ медали. Ближайшими товарищами его были, по большей части, все студенты нѣмцы, чему особенно сильно способствовала антипатія нашей матери къ русскимъ, которыхъ она (хотя и русская, но родомъ изъ Нарвы) не долюбливала «за грубость нравовъ». Изъ этихъ нѣмецкихъ товарищей хорошо помню: М. Ф. Ледерлэ, Вертера, Кноха, Цвернера, Ѳ. П. Ландцерта и Дистфельда, замѣчательнаго чудака, но предобрѣйшаго и ограниченнаго человѣка. Всѣ эти господа бывали у насъ часто, танцовали; въ разговорѣ преобладалъ нѣмецкій языкъ»...

Въ медико-хирургической академіи Бородинъ почти съ самаго же начала всего болѣе сталъ заниматься химіей. Находясь на 3-мъ курсѣ, онъ отправился къ профессору химіи, знаменитому Зинину, съ просьбой заниматься въ академической лабораторіи. Зининъ встрѣтилъ его насмѣшками, не вѣря, чтобы студентъ его курса сталъ серьёзно заниматься такимъ предметомъ: такихъ примѣровъ еще не было. Но вскорѣ Зинину пришлось убѣдиться въ томъ, что недовѣріе было напрасное. Бородинъ быстро пошелъ впередъ, а Зининъ сдѣлался самымъ ревностнымъ его покровителемъ и наставникомъ.

Большую часть времени своего Бородинъ отдавалъ лабораторіи.

Однако и музыка продолжала сильно занимать его. «Я взялъ нѣсколько уроковъ на скрипкѣ у скрипача Ершова,—разсказываетъ М. Р. Щиглевъ,—а Бородинъ также не много уроковъ на віолончели у віолончелиста Шлейко». Въ это время они познакомились съ двумя Васильевыми, очень музыкальными личностями, имѣвшими для нихъ немалое значеніе. Одинъ изъ нихъ былъ Вл. Ив. Васильевъ, пѣвецъ (впослѣдствіи басъ петербургской русской оперной труппы, извѣстный подъ именемъ «Васильева I-го»). Подъ аккомпанементъ М. Р. Щиглева, скоро пріобрѣвшаго большую опытность и умѣніе въ дѣлѣ аккомпанированія, Васильевъ много пѣлъ друзьямъ и знакомилъ ихъ съ вокальными сочиненіями. Другой былъ скрипачъ Петръ Ив. Васильевъ, который знакомилъ ихъ съ квартетной музыкой. Онъ игралъ 1-ю скрипку, М. Р. Щиглевъ — 2-ю, Бородинъ — віолончель; альта нанимали. «Мы не упускали,—разсказываетъ М. Р. Щиглевъ,—никакого случая поиграть тріо или квартетъ гдѣ бы то ни было, и съ кѣмъ бы то ни было.

Ни непогода, ни дождь, ни слякоть — ничто насъ не удерживало, и я, со скрипкой подъ мышкой, а Бородинъ съ віолончелью въ байковомъ мѣшкѣ на спинѣ, дѣлали иногда громадные концы пѣшкомъ, напримѣръ, съ Выборгской въ Коломну, такъ какъ денегъ у насъ не было ни гроша». Однажды музыкальное собраніе продолжалось у нихъ цѣлыхъ 24 часа, отъ 7 часовъ вечера одного дня до 7 часовъ вечера другаго дня. Одно изъ наиболѣе посѣщаемыхъ ими квартетныхъ собраній происходило у Ив. Ив. Гаврушкевича, чиновника II-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи. Гаврушкевичъ былъ страстный любитель камерной музыки, самъ віолончелистъ, и у него впродолженіе зимы собирались (отъ 1850 г. до 1860 г.), въ его квартирѣ близъ Преображенскаго собора, многіе музыканты изъ оркестра и любители. «Участвовали здѣсь (пишетъ мнѣ И. И. Гаврушкевичъ изъ Чернигова) Н. Я. Аѳанасьевъ, П. И. Васильевъ, Пикль, Яковлевъ-Якобсонъ, О. К. Гунке, О. К. Дробишъ, Лабазинъ, М. Рѣзвый. Играли двойные квартеты Шпора, Гаде, квинтеты Боккерини, Фейта, Онслова, Гебеля. Квартеты (Мендельсона и др.) игрались у меня рѣдко, отъ обилія скрипачей и альтистовъ. Бородинъ только слушалъ, а если не было віолончелиста Дробиша, то участвовалъ въ квинтетахъ, въ партіи 2-й віолончели. Онъ слабо владѣлъ віолончельною техникою, но былъ твердъ въ темпѣ и живо схватывалъ красоты гармоническія и мелодическія. Съ любопытствомъ и юношескою впечатлительностью слушалъ А. П. Бородинъ квинтеты Боккерини, съ удивленіемъ—Онслова, съ любовью — Гебеля. У Гебеля онъ находилъ вліяніе русской Москвы. Нѣмцы не любили этого нѣмца за то, что отъ него пахло Русью. На моихъ собраніяхъ, А. П. Бородинъ являлся благодушнѣйшимъ юмористомъ, человѣкомъ сдержаннымъ, сосредоточеннымъ, каламбурилъ я, а онъ добродушно ухмылялся»... Во всю жизнь свою, Бородинъ не забывалъ этихъ собраній, и, спустя 30 лѣтъ, всего за 9 мѣсяцевъ до смерти, онъ писалъ И. И. Гаврушкевичу, изъ Москвы (письмо 6-го мая 1886 года): «Я весьма часто и весьма тепло вспоминаю о васъ, о вашихъ вечерахъ, которые я такъ любилъ и которые были для меня серьёзной и хорошей школой, какъ всегда бываетъ серьёзная камерная музыка. Съ благодарностью вспоминаю я о вашихъ вечерахъ и съ удовольствіемъ о вашихъ пельменяхъ, которые мы запивали «епископомъ», какъ вы оригинально обозвали бишофъ»... Въ этомъ же письмѣ Бородинъ такъ отзывался о своей прежней игрѣ на віолончели: «Я давно бросилъ играть: во-первыхъ, потому, что всегда игралъ пакостно, и вы только по милому благодушію вашему терпѣли меня въ ансамблѣ — что правда, то правда! — во-вторыхъ, что отвлеченъ былъ другими занятіями, даже на поприщѣ музыкальномъ, гдѣ оказался пригоднѣе въ качествѣ композитора»...

На собраніяхъ у И. И. Гаврушкевича иногда присутствовалъ также, въ 50-хъ годахъ, и Сѣровъ, и когда онъ съ жаромъ защи-

щалъ однажды, противъ нѣмецкихъ музыкантовъ, аранжировку, Гаврушкевичемъ, для струннаго октета, «Хоты» Глинки, говоря, что напрасно они не хотятъ признавать ничего и никого, кромѣ «нѣмецкаго», то и Бородинъ съ нимъ соглашался. «А. П. Бородинъ говорилъ мнѣ,—разсказываетъ также И. И. Гаврушкевичъ,—что пробуетъ свои силы въ композиціи, а такъ какъ онъ любитъ и пѣніе, то начиналъ съ романсовъ, но не показывалъ ихъ, говоря, что передъ квартетами и квинтетами—все пустяки... Когда же я совѣтовалъ А. П. Бородину воспользоваться знакомствомъ съ О. К. Гунке, какъ опытнымъ руководителемъ композиціи [1]), да и написать квинтетъ съ двумя віолончелями, А. П. Бородинъ отвѣчалъ, что «это очень трудно, потому что здѣсь двѣ примы, и я не въ состояніи написать віолончельную партію, чтобъ она была красива и въ натурѣ инструмента. Вѣдь вы видѣли, съ какимъ недовѣріемъ встрѣчаютъ даже артисты дилетанта, чиновника, имѣющаго другую профессію. Притомъ, мнѣ стыдно будетъ передъ Зининымъ, который сказалъ въ аудиторіи: «Господинъ Бородинъ, поменьше занимайтесь романсами—на васъ я возлагаю всѣ свои надежды, чтобъ приготовить замѣстителя своего, а вы все думаете о музыкѣ и двухъ зайцахъ».

Одинъ изъ романсовъ, про которые здѣсь говорится, написанъ былъ, по словамъ М. Р. Щиглева, Бородинымъ, на 4-мъ курсѣ академіи, для Адел. Серг. Шашиной, пѣвицы-любительницы, обладавшей огромнымъ контральтовымъ голосомъ въ три октавы, отъ *C* до *C*. Романсъ (F-Moll) сочиненъ былъ на слова: «Красавица рыбачка»; но г-жа Шашина оставила его совершенно въ сторонѣ, потому что любила одну только итальянскую музыку. Д. С. Александровъ говоритъ, что Бородинъ сочинялъ, будучи на 4-мъ же курсѣ академіи, много фугъ, и при этомъ такъ углублялся въ то, что игралъ на фортепіано, что забывалъ все окружающее, которое какъ-бы переставало для него существовать. М. Р. Щиглевъ разсказываетъ, что на 4-мъ курсѣ сочинены Бородинымъ: тріо «Чѣмъ тебя я огорчила», немного понѣмецки, но подъ вліяніемъ «Жизни за царя». Партіи сохранились, и тріо было исполнено въ 1883 году въ «кружкѣ любителей», собиравшемся въ залѣ Демутова трактира, на Мойкѣ, гдѣ Бородинъ былъ одно время дирижеромъ хора. Другое сочиненіе этого времени было скерцо B-Moll, для фортепіано, написанное подъ вліяніемъ музыки, слышанной въ университетскихъ концертахъ: въ этой пьесѣ, по словамъ М. Р. Щиглева, въ

---

[1]) О. К. Гунке былъ сначала музыкантомъ петербургскаго опернаго оркестра, потомъ однимъ изъ преподавателей музыкальной теоріи: Сѣровъ немало пользовался въ молодости его совѣтами и даже одно время бралъ у него уроки; потомъ онъ былъ начальникомъ театральной нотной конторы, а подъ конецъ жизни библіотекаремъ консерваторіи.

первый разъ встрѣчается у Бородина русскій пошибъ. Ему было тогда 19 лѣтъ.

Изъ этого періода жизни Бородина близкіе ему люди помнятъ немало очень характерныхъ анекдотовъ. Такъ, напримѣръ, возвращался однажды Бородинъ со своимъ другомъ Щиглевымъ, ночью, домой. Темень была страшная, фонари еле-еле мерцали по Петербургской сторонѣ, лишь кое-гдѣ. Вдругъ Щиглева поразилъ какой-то неопредѣленный шумъ, и шаги Бородина, шедшаго впереди, перестали раздаваться. Но вслѣдъ за тѣмъ онъ услыхалъ у себя подъ ногами звуки флейты. Оказалось, что Бородинъ слетѣлъ въ подвалъ лавки и, испугавшись за свою флейту, которая вылетѣла изъ ящика, бывшаго у него подъ мышкой, мгновенно поднялъ ее и началъ пробовать, цѣла ли она.

Кончивъ курсъ свой въ академіи, Бородинъ сильно боялся не получить мѣста при госпиталѣ, потому что былъ своекоштнымъ студентомъ. Однако же дѣло кончилось тѣмъ, что онъ былъ, въ числѣ четырехъ, за успѣхи въ наукахъ прикомандированъ, 25-го марта 1856 года, къ 2-му военно-сухопутному госпиталю ординаторомъ. Еще въ 1853 году, одинъ изъ товарищей его Ледерлэ, вышелъ изъ 4-го курса, по случаю севастопольской войны и поступилъ лѣкаремъ во флотъ. Онъ сильно уговаривалъ Бородина сдѣлать то же, но мать не согласилась.

«По выходѣ изъ академіи,—разсказываетъ Д. С. Александровъ,—нѣмецкій элементъ товарищества исчезъ для моего брата и замѣнился русскимъ. Сожителемъ и товарищемъ брата сдѣлался И. М. Сорокинъ, женившійся потомъ на нашей двоюродной сестрѣ Машѣ Готовцевой. Въ первый годъ службы ординаторомъ госпиталя, моему брату, какъ дежурному, пришлось однажды вытаскивать занозы изъ спинъ прогнанныхъ сквозь строй шести крѣпостныхъ человѣкъ полковника В., котораго эти люди, за жестокое обращеніе, заманивъ въ конюшню, высѣкли кнутами. Съ братомъ три раза дѣлался обморокъ, при видѣ болтающихся клочьями лоскутовъ кожи. У двухъ изъ наказанныхъ виднѣлись даже кости. За это время, мой братъ хотя и занимался иногда музыкой, однако она замѣтно отошла у него на второй планъ, благодаря тому, что исполненія обязанностей службы и занятія химіей оставляли ему мало досуговъ».

Къ этому времени относится начало знакомства Бородина съ Мусоргскимъ, описанное имъ самимъ въ запискѣ, написанной по моей просьбѣ въ мартѣ 1881 года, скоро послѣ смерти Мусоргскаго.

«Первая моя встрѣча съ Модестомъ Петровичемъ Мусоргскимъ,—сказано тутъ,—была въ 1856 году (кажется, осенью, въ сентябрѣ или октябрѣ). Я былъ свѣжеиспеченный военный медикъ и состоялъ ординаторомъ при 2-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ; М. П. былъ офицеромъ Преображенскаго полка, только что вылупившимся изъ яйца (ему было тогда 17 лѣтъ). Первая наша встрѣча была въ госпиталѣ, въ дежурной комнатѣ. Я былъ дежурнымъ врачемъ, онъ дежурнымъ

офицеромъ. Комната была общая; скучно было на дежурствѣ обоимъ; экспансивны мы были оба; понятно, что мы разговорились и очень скоро сошлись. Вечеромъ того же дня мы были оба приглашены на вечеръ къ главному доктору госпиталя, Попову, у котораго имѣлась взрослая дочь; ради нея часто дѣлались вечера, куда обязательно приглашались дежурные врачи и офицеры. Это была любезность главнаго доктора. М. П. былъ въ то время совсѣмъ мальчонкомъ, очень изящнымъ, точно нарисованнымъ офицерикомъ: мундирчикъ съ иголочки, въ обтяжку, ножки вывороченныя, волоса приглажены, припомажены, ногти точно выточенные, руки выхоленныя, совсѣмъ барскія. Манеры изящныя, аристократическія, разговоръ такой же, немного сквозь зубы, пересыпанный французскими фразами, нѣсколько вычурными. Нѣкоторый оттѣнокъ фатоватости, но очень умѣренной. Вѣжливость и благовоспитанность необычайныя. Дамы ухаживали за нимъ. Онъ садился за фортепіано и, вскидывая кокетливо ручками, игралъ весьма сладко, граціозно и проч., отрывки изъ «Троваторе», «Травіаты» и т. д., а кругомъ его жужжали хоромъ «charmant, délicieux!» и проч. При такой обстановкѣ, я встрѣчалъ М. П. раза 3 или 4 у Попова и на дежурствѣ въ госпиталѣ. Вслѣдъ затѣмъ я долго не встрѣчался съ М. П., такъ какъ Поповъ вышелъ, вечера прекратились, а я пересталъ дежурить въ госпиталѣ, состоя уже ассистентомъ при каѳедрѣ химіи»...

Про внѣшность Бородина за это время мы получаемъ нѣсколько подробностей въ воспоминаніяхъ его брата. «Благодаря своей тонкой фигурѣ,—разсказываетъ Д. С. Александровъ,—яркому румянцу, и вообще красивой наружности, мой братъ очень нравился женщинамъ. Многія изъ барынь очень настойчиво за нимъ ухаживали, и особеннымъ упорствомъ въ преслѣдованіи его своей благосклонностью отличалась жена одного доктора. Онъ же мало обращалъ вниманія на женщинъ. Разсѣянность брата продолжала въ этотъ періодъ быть прежняя. Еще во время студенчества съ нимъ бывали не разъ забавныя приключенія. Такъ, напримѣръ, они вдвоемъ съ М. Р. Щиглевымъ отправились однажды на музыкальный вечеръ, который долженъ былъ окончиться танцами. Было въ числѣ приглашенныхъ множество барынь. И что же: когда братъ Саша вошелъ, всѣ стали переглядываться, иные улыбаться. Онъ былъ въ студенческомъ мундирѣ, при шпагѣ, а панталоны остались заправленными въ сапоги, какъ они со Щиглевымъ шли по улицѣ въ большую грязь. Щиглевъ увелъ его оправиться. Точно также, будучи уже лѣкаремъ 2-го сухопутнаго госпиталя, онъ, надѣвъ, однажды лѣтомъ, мундиръ, шпагу и фуражку, отправился по Самсоніевскому проспекту (гдѣ они тогда жили) совершенно безъ брюкъ. Его уже позвала назадъ, черезъ окно, мать, слѣдившая всегда за нимъ»...

Въ іюнѣ 1857 года, Бородинъ былъ командированъ за границу, для сопровожденія лейбъ-окулиста И. И. Кабата на офталмологическій конгрессъ въ Брюсселѣ.

Въ 1859 году, произошла вторая встрѣча Бородина съ Мусоргскимъ.

«Осенью 1859 году,—разсказываетъ въ своей запискѣ Бородинъ,—я снова свидѣлся съ нимъ у адъюнкта-профессора академіи и доктора артиллерійскаго училища, С. А. Ивановскаго. Мусоргскій былъ ужъ въ отставкѣ. Онъ порядочно возмужалъ, началъ полнѣть, офицерскаго пошиба уже не было. Изящество въ одеждѣ, въ манерахъ и проч. были тѣ же, но оттѣнка фатовства уже не было ни малѣйшаго. Насъ представили другъ другу; мы, впрочемъ, сразу узнали одинъ другаго и вспомнили первое знакомство у Попова. Мусоргскій объявилъ, что вышелъ въ отставку, потому что «спеціально занимается музыкой, а соединить военную службу съ искусствомъ—дѣло мудреное», и т. д. Разговоръ невольно перешелъ на музыку. Я былъ еще ярымъ мендельсонистомъ, въ то время Шумана не зналъ почти вовсе. Мусоргскій былъ уже знакомъ съ Балакиревымъ, понюхалъ всякихъ новшествъ музыкальныхъ, о которыхъ я не имѣлъ и понятія. Ивановскіе, видя, что мы нашли общую почву для разговора—музыку, предложили намъ съиграть въ четыре руки A—мольную симфонію Мендельсона. М. П. немножко поморщился и сказалъ, что очень радъ, только чтобъ его «уволили отъ Andante, которое совсѣмъ не симфоническое, а одно изъ «Lieder ohne Worte», или что-то въ родѣ этого, переложенное на оркестръ». Мы съиграли первую часть и скерцо. Послѣ этого, Мусоргскій началъ съ восторгомъ говорить о симфоніяхъ Шумана, которыхъ я не зналъ тогда еще вовсе. Началъ наигрывать мнѣ кусочки Es-дурной симфоніи Шумана; дойдя до средней части, онъ бросилъ, сказавъ: «Ну, теперь начинается музыкальная математика». Все это мнѣ было ново, понравилось. Видя, что я интересуюсь очень, онъ еще кое-что поигралъ мнѣ новое для меня. Между прочимъ, я узналъ, что онъ и самъ пишетъ музыку. Я заинтересовался, разумѣется; онъ мнѣ началъ наигрывать какое-то свое скерцо (чуть ли не B-дурное); дойдя до Trio, онъ процѣдилъ сквозь зубы: «Ну, это восточное!», и я былъ ужасно изумленъ небывалыми, новыми для меня элементами музыки. Не скажу, чтобы они мнѣ даже особенно понравились сразу: они скорѣе какъ-то озадачили меня новизною. Вслушавшись немного, я началъ оцѣнять и наслаждаться. Признаюсь, заявленіе его, что онъ хочетъ посвятить себя серьезно музыкѣ, сначало было встрѣчено мною съ недовѣріемъ, и показалось маленькимъ хвастовствомъ; внутренно я подсмѣивался немножко надъ этимъ. Но познакомившись съ его «скерцо», призадумался: вѣрить или не вѣрить?»...

Всего четыре года съ небольшимъ послѣ выпуска изъ академіи, т. е. еще въ 1858 году, Бородинъ держалъ экзаменъ на доктора медицины и 3-го мая защищалъ диссертацію. Затѣмъ, въ слѣдующемъ 1859 году, былъ посланъ за границу, для усовершенствованія въ своихъ ученыхъ познаніяхъ.

Бородинъ прожилъ за границей съ октября 1859 по осень 1862 года. Всего болѣе онъ прожилъ въ Гейдельбергѣ, гдѣ занимался въ лабораторіи тогда еще молодаго и начинающаго, а впослѣдствіи знаменитаго, химика Эрленмейера. Въ одно время были съ нимъ въ Гейдельбергѣ многіе молодые русскіе ученые, впослѣдствіи свѣтила нашей науки: Менделѣевъ, Сѣченовъ, Боткинъ, Юнге. Вся эта даровитая молодежь ревностно занималась своимъ дѣломъ всю зиму, а весной и лѣтомъ предпринимала маленькія поѣздки по Германіи и остальной Европѣ. Профессоръ Д. И. Менделѣевъ раз-

сказывалъ мнѣ, что три такихъ поѣздки онъ совершилъ со своимъ товарищемъ и другомъ Бородинымъ въ 1860 и 1861 годахъ, весной и осенью 1860 года по Италіи, въ 1861 году—по Швейцаріи. «Пускались мы въ дорогу съ самымъ маленькимъ багажемъ,—говоритъ Д. И. Менделѣевъ,—съ однимъ миніатюрнымъ саквояжемъ на двоихъ. Ѣхали мы въ однѣхъ блузахъ, чтобъ совсѣмъ походить на художниковъ, что̀ очень выгодно въ Италіи—для дешевизны; даже почти вовсе не брали съ собою рубашекъ, покупали новыя, когда нужда была, а потомъ отдавали кельнерамъ въ гостинницахъ, вмѣсто на чай. Весной 1860 года, мы побывали въ Венеціи, Веронѣ и Миланѣ; осенью того же года—въ Генуѣ и Римѣ, послѣ чего Бородинъ поѣхалъ, на короткое время, въ Парижъ. Въ первую поѣздку, съ нами случилось курьезное происшествіе на желѣзной дорогѣ. Около Вероны нашъ вагонъ стала осматривать и обыскивать австрійская полиція: ей дано было знать, что тутъ въ поѣздѣ долженъ находиться одинъ политическій преступникъ, итальянецъ, только-что бѣжавшій изъ заключенія. Бородина, по южному складу его физіономіи, приняли сразу именно за этого преступника, обшарили весь нашъ скудный багажъ, допрашивали насъ, хотѣли арестовать, но скоро потомъ убѣдились, что мы дѣйствительно русскіе студенты—и оставили насъ въ покоѣ. Каково было наше изумленіе, когда, проѣхавъ тогдашнюю австрійскую границу и въѣхавъ въ Сардинію, мы сдѣлались предметомъ цѣлаго торжества, все въ вагонѣ же: насъ обнимали, цѣловали, кричали «виватъ», пѣли во все горло. Дѣло въ томъ, что въ нашемъ вагонѣ все время просидѣлъ политическій бѣглецъ, только его не замѣтили, и онъ благополучно ушелъ отъ австрійскихъ когтей». Италіей наши молодые люди пользовались вполнѣ на распашку, послѣ душной, замкнутой жизни въ Гейдельбергѣ. Бѣгали весь день по улицамъ, заглядывали въ церкви, музеи, но всего болѣе любили народные маленькіе театрики, восхищавшіе ихъ живостью, веселостью, типичностью и безпредѣльнымъ комизмомъ истинно народныхъ представленій. Въ 1861 году, они ѣздили въ Фрейбергъ (швейцарскій), слушать знаменитый тамошній органъ, для чего должны были складываться человѣкъ по пяти и платить франковъ по 20 съ человѣка, не взирая на свои скудныя средства, для исполненія музыки. Въ томъ же 1861 году, они ѣздили на первый международный химическій конгрессъ въ Карльсруэ. Изъ рускихъ тамъ видную роль игралъ нашъ профессоръ Н. Н. Зининъ, изъ иностранцевъ — знаменитый итальянскій химикъ Канницаро.

Музыкой Бородинъ занимался за границей мало. Лишь изрѣдка бывалъ на концертахъ и исполненіи, въ церквахъ, классическихъ ораторій. На одномъ изъ такихъ концертовъ онъ случайно познакомился съ Катериной Сергѣевной Протопоповой, русской, путешествовавшей въ то время за границей. Она была образованная

музыкантша, отлично играла на фортепіано, и въ короткое время познакомила его съ новой музыкой, все еще мало ему извѣстной—всего болѣе съ Шуманомъ и Шопеномъ. Впослѣдствіи, когда оба воротились, скоро одинъ за другимъ въ Россію, и снова возобновили знакомство—они близко сошлись и вступили въ бракъ.

Единственною, кажется, попыткою собственнаго музыкальнаго сочиненія за границей былъ секстетъ для струнныхъ инструментовъ, безъ контрбаса (D-moll), написанный имъ въ Гейдельбергѣ въ концѣ 1859 или началѣ 1860 года. Онъ былъ совершенно въ мендельсоновскомъ стилѣ, и своему другу, М. Р. Щиглеву, онъ писалъ тогда же, что сочинилъ его такъ единственно для того, «чтобъ угодить нѣмцамъ». По возвращеніи въ Петербургъ, онъ всегда молчалъ про него, и даже никогда не показалъ.

II.

Воротился Бородинъ въ Россію осенью 1862 года, и 13-го сентября уже избранъ былъ адъюнктъ-профессоромъ на каѳедру химіи медико-хирургической академіи. Лекціи его и, независимо отъ научнаго ихъ достоинства, отношеніе его къ студентамъ отличались такими качествами, что навѣки остались въ памяти всѣхъ его слушателей. Бывшій его ученикъ, а впослѣдствіи товарищъ и другъ, профессоръ А. П. Доброславинъ, сообщаетъ о томъ много интересныхъ подробностей въ запискѣ своей, посвященной памяти безконечно дорогаго ему Бородина.

«Какъ теперь помню я ту минуту,—пишетъ онъ,—когда мы, студенты 2-го курса, увидѣли его въ первый разъ въ аудиторіи. Молодой человѣкъ, красивый, въ лѣтнемъ статскомъ пальто, нескорою, нѣсколько валкою походкой пробирался въ кабинетъ къ профессору Зинину. Вскорѣ разнеслось по аудиторіи, что это Бородинъ, только-что вернувшійся изъ-за границы. Всѣ студенты, близко стоявшіе къ Зинину, часто слыхали отъ него о скоромъ возвращеніи любимаго его ученика. У такой экспансивной натуры, какъ Зининъ, отношенія ко всѣмъ слушателямъ его были вообще самыя сердечныя, но къ Бородину они были еще сердечнѣе: онъ считалъ его своимъ духовнымъ сыномъ, да и Бородинъ со своей стороны считалъ его своимъ вторымъ отцомъ. Не было научной мысли, не было пріема въ работѣ, о которыхъ не поговорили бы и не посовѣтовались бы взаимно учитель съ ученикомъ. Студенты отнеслись съ большимъ интересомъ къ лекціямъ Бородина, читавшаго органическую химію. Новая лабораторія, на углу Александровскаго моста, открытая въ 1863 году, поступила подъ вѣдѣніе Бородина, какъ директора, такъ какъ Зининъ, настоящій директоръ ея, получилъ около этого времени квартиру при лабораторіи въ академіи наукъ. Самъ онъ, только женившійся на Кат. Серг. Протопоповой, переѣхалъ въ новое зданіе, первый подъѣздъ съ Невы, и прожилъ тутъ до самой своей смерти. Лабораторія помѣщалась въ одномъ корридорѣ съ его квартирой, и Бородинъ работалъ тамъ безъ устали вмѣстѣ со студентами, чуть не цѣлые дни

напролетъ. Но во время своихъ работъ Бородинъ всегда сохранялъ свое свѣжее и благодушное расположеніе духа въ отношеніи къ ученикамъ и сработникамъ своимъ, и всегда готовъ былъ прерывать всякую свою собственную работу, безъ нетерпѣнія, безъ раздраженья, чтобъ отвѣчать на предлагаемые вопросы. Занимающіеся въ лабораторіи чувствовали себя точно въ семейномъ кружкѣ. Но онъ не забывалъ и музыки. Работая, онъ почти всегда что-то про себя мурлыкалъ, охотно говорилъ и спорилъ съ работавшими о музыкальныхъ новостяхъ, направленіяхъ, техникѣ музыкальныхъ произведеній и, наконецъ, мы часто слышали, когда онъ бывалъ у себя въ квартирѣ, какъ по лабораторному корридору неслись стройные звуки профессорскаго фортепіано. Благодушіе и доброжелательство Бородина поражали всѣхъ: каждый могъ идти къ нему со своими идеями, вопросами, соображеніями, не боясь отказа, высокомѣрнаго пріема, пренебреженія. Очень рѣдкія вспышки раздраженія вызывались у Бородина развѣ только небрежнымъ или неряшливымъ отношеніемъ занимающихся въ лабораторіи къ дѣлу. «Ахъ, батенька,—слышалось тогда,—что вы дѣлаете! Вѣдь этакъ вы перепортите всѣ инструменты въ шкафахъ! Развѣ можно здѣсь, въ чистой лабораторіи, напускать всякой дряни въ воздухъ! Идите въ черную». Близкое, задушевное отношеніе Бородина къ ученикамъ не ограничивалось только лабораторіей. Почти всѣ работавшіе тамъ были приняты въ его семью, какъ самые близкіе знакомые, часто завтракали, обѣдали и даже ужинали у него, когда оставались долго въ лабораторіи. Квартира Бородина была, можно сказать, постоянно настежъ, для всей молодежи. По выходѣ учениковъ его изъ академіи, онъ постоянно хлопоталъ объ участи каждаго, употреблялъ всѣ усилія, чтобъ доставить ему помощь. Часто про него говаривали, что нельзя было встрѣтить его въ обществѣ безъ того, чтобъ онъ о комъ либо не просилъ, кого либо не устроивалъ»...

Самостоятельная дѣятельность Бородина началась еще съ 1857 года, почти тотчасъ по окончаніи курса въ медико-хирургической академіи. Она, главнымъ образомъ, была направлена на разработку главныхъ спеціальныхъ вопросовъ по части органической химіи, путемъ лабораторныхъ изслѣдованій. Множество большихъ и малыхъ его изслѣдованій этого рода напечатано въ русскихъ и иностранныхъ химическихъ изданіяхъ, а именно: въ «Журналѣ физико-химическаго Общества», въ «Comptes-rendus» Парижской академіи наукъ, въ «Annalen der Chemie» Либиха, въ «Zeitschrift für Chemie» Эрленмейера, и друг. Бывшій прежде ученикъ Бородина, а теперь преемникъ его по каѳедрѣ химіи въ медицинской академіи, адъюнктъ-профессоръ А. П. Діанинъ, говоритъ про ученые труды своего дорогаго учителя слѣдующее:

«Въ числѣ восьми мемуаровъ, напечатанныхъ Бородинымъ до 1862 года, особенно выдается по своему высокому интересу изслѣдованіе надъ фтористымъ бензоиломъ. По возвращеніи въ Россію, особенно цѣннымъ вкладомъ въ науку, доставившимъ Бородину еще большую извѣстность въ ученомъ мірѣ, какъ талантливому химику, была его работа надъ уплотненіемъ алдегидовъ. Наконецъ, въ самое послѣднее время его дѣятельность была посвящена разработкѣ методовъ изслѣдованія процесса въ высокой степени важнаго для физіологіи и медицины вообще—процесса азотистаго метаморфоза. Результатомъ этой дѣятельности

явились весьма удобный въ экспериментальномъ отношеніи азометрическій приборъ и доведенный до крайней степени простоты методъ опредѣленія азота въ органическихъ веществахъ, имѣющихъ отношеніе для обмѣна. Большое число изслѣдованій, производившихся въ лабораторіяхъ другихъ академическихъ каѳедръ, сдѣлано при посредствѣ методовъ Бородина и изложеніе ихъ вошло въ учебники. Покойный профессоръ оставилъ послѣ себя, не считая мелкихъ статей и замѣтокъ, 20 химическихъ мемуаровъ». («Новое Время», 19-го февраля 1887).

Ученые труды Бородина доставили ему почетную и солидную извѣстность въ научномъ мірѣ, въ Россіи и за границей. Въ день похоронъ Бородина, знаменитый русскій врачъ, С. П. Боткинъ, одно изъ свѣтилъ русской науки, въ письмѣ на имя физико-химическаго Общества, называлъ Бородина «первоклассным химикомъ». Другой знаменитый нашъ ученый, также свѣтило современной науки, профессоръ химіи Д. И. Менделѣевъ, равномѣрно всегда признавалъ въ прежнемъ своемъ товарищѣ и пріятелѣ Бородинѣ «первоклассного химика, которому многимъ обязана химія», и высказывалъ мысль многихъ лучшихъ, значительнѣйшихъ современныхъ химиковъ, что Бородинъ стоялъ бы еще выше по химіи, принесъ бы еще болѣе пользы наукѣ, если бы музыка не отвлекала его слишкомъ много отъ химіи. Онъ разсказываетъ, что во время своихъ путешествій, онъ при встрѣчѣ съ химиками всегда тотчасъ слышалъ вопросъ: «Ну, что сдѣлалъ новаго вашъ Бородинъ?».

Кромѣ медико-хирургической (нынѣ военно-медицинской) академіи, Бородинъ читалъ также съ 1863 года лекціи химіи въ Лѣсной академіи, съ 1872—на женскихъ медицинскихъ курсахъ. Относительно этого послѣдняго учрежденія его заслуги были особенно значительны. Вмѣстѣ съ П. Н. Тарновской и профессоромъ М. М. Рудневымъ, онъ былъ одинъ изъ основателей курсовъ, и потомъ, впродолженіе цѣлыхъ 15-ти лѣтъ, онъ никогда не переставалъ изъ всѣхъ силъ хлопотать и заботиться о ихъ поддержкѣ, процвѣтаніи и о всяческой помощи имъ. Отношеніе его къ студенткамъ было такое же сердечное, горячее и безпредѣльно-доброжелательное, какъ къ студентамъ академіи. Всего лучше отношенія эти рисуетъ надпись вокругъ серебрянаго вѣнка, принесеннаго женщинами-врачами ко гробу и на могилу Бородина. Тутъ было сказано: «Основателю, охранителю, поборнику женскихъ врачебныхъ курсовъ, опорѣ и другу учащихся—отъ женщинъ-врачей десяти курсовъ, 1872—1887».

III.

Въ первые дни возвращенія Бородина изъ чужихъ краевъ въ Россію, въ 1862 году, произошло событіе, которое произвело рѣшительный переворотъ въ его художественной жизни. Это было его знакомство съ Балакиревымъ и его товарищами по музыкѣ.

Знакомство это превратило его изъ дилетанта въ истиннаго и глубокаго музыканта.

Въ запискѣ своей о первыхъ встрѣчахъ и знакомствѣ съ Мусоргскимъ, Бородинъ разсказываетъ:

«Послѣ моего возвращенія изъ-за границы осенью 1862 года, я познакомился съ Балакиревымъ (въ домѣ у С. П. Боткина), и третья моя встрѣча съ Мусоргскимъ была у Балакирева, когда тотъ жилъ на Офицерской, въ домѣ Хилькевича. Мы съ Мусоргскимъ снова узнали другъ друга сразу, вспомнили обѣ первыя встрѣчи. Мусоргскій тутъ уже сильно выросъ музыкально. Балакиревъ хотѣлъ меня познакомить съ музыкою его кружка, и прежде всего съ симфоніей «отсутствующаго» (это было Римскій-Корсаковъ, тогда еще морской офицеръ, только-что ушедшій въ далекое плаваніе въ Сѣверную Америку). Мусоргскій сѣлъ съ Балакиревымъ за фортепіано (Мусоргскій на primo, Балакиревъ на secondo). Игра была уже совсѣмъ не та, что въ первыя двѣ встрѣчи. Я былъ пораженъ блескомъ, осмысленностью, энергіею исполненія и красотою вещи. Они сыграли финалъ симфоніи. Тутъ Мусоргскій узналъ, что и я имѣю кое-какія поползновенія писать музыку, сталъ просить, чтобъ я показалъ что нибудь. Мнѣ было ужасно совѣстно, и я наотрѣзъ отказался».

Новый знакомый Бородина, Балакиревъ, хотя на цѣлыхъ два года моложе его, сдѣлался первымъ и настоящимъ его учителемъ. Балакиревъ стоялъ въ то время во главѣ трехъ талантливыхъ юношей, вмѣстѣ и учениковъ, и товарищей, и друзей его. Это были: Кюй, Мусоргскій, Римскій-Корсаковъ. Не смотря на свои молодые годы, Балакиревъ былъ ихъ настоящимъ наставникомъ, училъ ихъ техникѣ, музыкальной формѣ и инструментовкѣ, но еще болѣе истинному пониманію лучшихъ музыкальныхъ созданій. Говоря про свои отношенія къ молодому Мусоргскому, Балакиревъ писалъ мнѣ въ 1881 году: «Такъ какъ я не теоретикъ, я не могъ научить Мусоргскаго гармоніи (какъ, напримѣръ, теперь учитъ Н. А. Римскій-Корсаковъ), но я объяснялъ ему «форму сочиненій». Для этого мы переиграли съ нимъ, въ 1857—1858 годахъ, въ 4 руки, всѣ симфоніи Бетховена и многое другое еще, изъ сочиненій Шумана, Шуберта, Глинки и другихъ; я объяснялъ ему техническій складъ исполняемыхъ нами сочиненій, и его самого занималъ разборомъ формы». Нѣчто подобное предпринято было, четыре года позже, Балакиревымъ и въ отношеніи Бородина, но только съ тою разницею, что этотъ послѣдній въ то время уже гораздо болѣе молодаго, начинающаго Мусоргскаго зналъ и слышалъ хорошей музыки: Бетховенъ и Глинка (хотя и далеко не весь) уже давно и твердо были ему извѣстны, да и самъ Балакиревъ въ эти четыре года далеко стоялъ выше Балакирева 1858 года. У него уже сочинены были почти всѣ лучшіе его романсы, и весь «Лиръ»; Безплатная Музыкальная Школа была уже имъ задумана и создана. Онъ былъ уже зрѣлый художникъ. Но учительство Балакирева, столько же выросшее, имѣло въ отношеніи къ Бородину то общее съ учительствомъ

его въ отношеніи къ Мусоргскому, къ Кюи и Римскому-Корсакову, что онъ во всѣхъ ихъ воспитывалъ самостоятельность и независимость музыкальнаго пониманія. Одаренный отъ природы необыкновеннымъ критическимъ даромъ и тактомъ, Балакиревъ не преклонялся ни передъ какимъ музыкальнымъ авторитетомъ, только потому, что онъ давно такимъ былъ признанъ въ Европѣ. Онъ старался анатомировать и вглядѣться во все самъ, не слушаясь и не боясь никакой традиціи, и часто приходилъ въ своихъ глубокихъ и мѣткихъ анатоміяхъ къ результатамъ, совершенно противоположнымъ тому, чтò общепринято. Съ такой самостоятельностью мысли воспитался, подъ вліяніемъ Балакирева, и Бородинъ. Всѣ его понятія быстро измѣнились и перестановились. Послѣдніе остатки мендельсонизма окончательно исчезли. Но, сверхъ того, Бородинъ былъ обязанъ Балакиреву чѣмъ-то другимъ еще. «Наше знакомство,—пишетъ мнѣ Балакиревъ,—имѣло для него то важное значеніе, что до встрѣчи со мной онъ считалъ себя только дилетантомъ и не придавалъ значенія своимъ упражненіямъ въ сочиненіи. Мнѣ кажется, что я былъ первымъ человѣкомъ, сказавшимъ ему, что настоящее его дѣло—композиторство. Онъ съ жаромъ принялся сочинять свою Es-дурную симфонію. Каждый тактъ проходилъ черезъ мою критическую оцѣнку, а это въ немъ могло развивать критическое художественное чувство, окончательно опредѣлившее его музыкальные вкусы и симпатіи»...

Симфонія Бородина складывалась медленно, она сочинялась нѣсколько лѣтъ и была окончена лишь въ 1867 году. Въ этотъ періодъ времени, Бородинъ сильно возмужалъ и развился. На него имѣли громадное вліяніе концерты Безплатной Школы, гдѣ, подъ управленіемъ Балакирева, исполнялись всѣ высшія созданія Глинки и Даргомыжскаго, но вмѣстѣ и все лучшее, чтò было сдѣлано во вторую четверть нашего вѣка Шуманомъ, Листомъ, Берліозомъ. Громадное вліяніе оказывали также на Бородина сочиненія его новыхъ товарищей и друзей: Балакирева, Кюи, Мусоргскаго и Римскаго-Корсакова. Они гораздо раньше его выступили со своимъ самостоятельнымъ музыкальнымъ творчествомъ, но всѣхъ ихъ онъ скоро догналъ. Онъ съ ними тотчасъ же сравнялся, а въ иномъ сталъ и выше.

Поразительно то превращеніе, которое случилось съ нимъ въ эту эпоху, во время быстраго его роста. Во весь періодъ молодости своей, Бородинъ былъ во всѣхъ музыкальныхъ своихъ вкусахъ западникъ и даже спеціально «ярый мендельсонистъ», по его собственнымъ словамъ. И чтò же! Подъ вліяніемъ той истинно національной русской музыки, которую онъ теперь всего больше и чаще слышалъ въ концертахъ Безплатной Школы и въ кругу своихъ товарищей, онъ вдругъ превращается въ композитора, у котораго всего сильнѣе и талантливѣе высказывается русскій національный,

и неразрывно связанный съ нимъ восточный элементъ. Казалось бы, сами обстоятельства жизни влекли къ національному элементу и творчеству Балакирева, Мусоргскаго, Римскаго-Корсакова. Всѣ они родились внѣ Петербурга и объевропеенныхъ центровъ; они родились и провели всю молодость свою въ глубинѣ Россіи, въ коренной національной средѣ, въ деревнѣ: Балакиревъ—въ Нижегородской, Мусоргскій—въ Псковской, Римскій-Корсаковъ—въ Новгородской губерніи, подобно тому, какъ великій ихъ предшественникъ и глава, Глинка, родился и провелъ всю первую молодость въ деревнѣ Смоленской губерніи. Съ Бородинымъ дѣло произошло иначе: онъ родился въ Петербургѣ и здѣсь же провелъ всю свою жизнь. Лишь въ зрѣлыхъ лѣтахъ случилось ему жить подолгу внутри Россіи, въ губерніяхъ Московской, Владимірской, Костромской [1]). И не смотря на это, національный элементъ составляетъ самую могучую ноту въ творчествѣ Бородина: въ правдивости и глубинѣ русскаго склада своихъ высшихъ созданій онъ не уступаетъ ни Глинкѣ, ни своимъ товарищамъ въ новой русской музыкальной школѣ. Какимъ образомъ случилось это изумительное превращеніе,—вотъ психологическая тайна, которой не объяснитъ, конечно, никто. Невольно вспоминается одинъ изъ новыхъ музыкальныхъ нашихъ критиковъ, который въ своей премудрости и глубокомысліи высказывалъ (печатно) претензіи свои на біографовъ Глинки, зачѣмъ они не выяснили и не показали, какъ сложился, въ его молодые года, національный и вообще художественный складъ Глинки. О, какое глубокомысленное и остроумное требованіе! Точно будто возможно для другихъ, для постороннихъ то, чего не способенъ никогда разобрать, разъанатомировать внутри себя даже и самъ художникъ! Ему, да и всѣмъ его біографамъ и изслѣдователямъ, доступна такая микроскопическая, такая внѣшняя сторона души! Но комическимъ нашимъ музыкальнымъ писателямъ непремѣнно надо казаться очень глубокими и основательными.

---

[1]) Единственное исключеніе въ его жизни составляла поѣздка, въ молодыхъ еще годахъ, вскорѣ по окончаніи курса въ медико-хирургической академіи, въ Вологду. Профессоръ Зининъ порекомендовалъ Бородина, какъ надежнаго химика, тогдашнему богачу Кокореву, для открытія и анализа соляныхъ минеральныхъ водъ въ имѣніи его, въ Солигаличскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи. Но эта поѣздка продолжалась недолго. Къ этому времени относится одинъ любопытный и характерный анекдотъ, разсказываемый Д. С. Александровымъ. При открытіи Солигаличскихъ водъ, многія мѣстныя барыни осаждали Бородина, молодаго и красиваго, своими ухаживаніями. Одна изъ нихъ, вызвавшись однажды довезти его до квартиры, увезла въ свое имѣніе, находившееся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Солигалича; этого онъ вначалѣ по разсѣянности не замѣтилъ. Барыня, красивая и роскошная, призналась ему, по пріѣздѣ, что она его похитила и что онъ теперь въ ея рукахъ. Она переодѣлась въ роскошный пеньюаръ, угощала его богатымъ ужиномъ. Но когда, ночью, она снова его посѣтила, новая Пентефріева жена нашла своего прекраснаго Іосифа крѣпко и непросыпно спящимъ. На утро сконфуженный Бородинъ поспѣшилъ уѣхать.

Едва кончивъ свою первую симфонію, приводившую въ глубокій восторгъ Балакирева и его товарищей своею оригинальностью, своею поэтичностью и силой, своимъ мастерствомъ и, наконецъ, національнымъ элементомъ, характерно и могуче выразившимся въ тріо скерцо, Бородинъ сейчасъ же принялся за новыя сочиненія, но на этотъ разъ вокальныя. Въ 60-хъ годахъ, товарищи-художники новой нашей музыкальной школы устремили все свое творчество на сочиненіе романсовъ и оперъ. Кюи сочинялъ своего «Ратклиффа», Мусоргскій принимался за «Бориса Годунова», Римскій-Корсаковъ за «Псковитянку», даже Балакиревъ, повидимому, менѣе своихъ товарищей наклонный къ оперѣ, принимался за оперу «Жаръ-Птица» и набрасывалъ нѣсколько превосходныхъ номеровъ для нея. Всѣ они сочиняли, сверхъ того, цѣлую массу великолѣпнѣйшихъ романсовъ. Бородинъ увлекся тѣмъ же настроеніемъ. Въ промежутокъ времени отъ 1867 по 1870 годъ онъ сочинилъ нѣсколько романсовъ и принялся за оперу. Романсы—это цѣлый непрерывный рядъ истинныхъ chef d'oeuvre'овъ красоты, страстности, выразительности, талантливѣйшей декламаціи и оригинальныхъ, своеобныхъ формъ. Въ 1867 году, сочинена «Спящая княжна», въ 1868 году «Старая пѣсня» (Пѣснь о темномъ лѣсѣ), «Фальшивая нота», «Морская царевна», «Отравой полны мои пѣсни»; въ 1870 году (въ мартѣ) «Море». Иные изъ этихъ романсовъ и пѣсенъ, какъ, напримѣръ, «Спящая княжна», «Морская царевна», «Пѣсня темнаго лѣса», были полны глубокаго и могучаго эпическаго духа, словно это однѣ изъ лучшихъ страницъ изъ «Руслана» Глинки. Здѣсь являлись, изъ-подъ могучей кисти, уже тѣ самыя формы и очертанія, которыя должны были съ чудной поэзіей и силой нарисоваться однажды въ оперѣ «Князь Игорь». Много способствовало желанію Бородина и его товарищей сочинять романсы то обстоятельство, что къ ихъ кружку принадлежала талантливая пѣвица, А. Н. Моласъ. Она была ученица Даргомыжскаго, и кромѣ своей собственной даровитости, всего болѣе была обязана ему во всемъ, что̀ касается простоты, естественности и глубокой правды декламаціи. Всѣ вокальныя сочиненія «товарищей», доступныя ея женскому голосу, были тотчасъ же исполняемы ею, на ихъ собраніяхъ (у ея дяди, В. Ѳ. Пургольда, у Кюи, у Л. И. Шестаковой, у меня), и выполнялись съ такими талантомъ, глубокой правдивостью, увлеченіемъ, тонкостью оттѣнковъ, которые для такихъ впечатлительныхъ и талантливыхъ людей, какъ «товарищи», должны были непремѣнно служить горячимъ стимуломъ для новыхъ и новыхъ сочиненій. Ея столько же талантливая сестра, Н. Н. Пургольдъ, являлась превосходной аккомпаніаторшей этихъ сочиненій, на фортепіано. Бородинъ часто бывалъ такъ увлеченъ дивнымъ исполненіемъ А. Н. Пургольдъ, что говаривалъ ей, при всѣхъ, что иные его романсы сочинены «ими двумя вмѣстѣ». Всего чаще онъ

это повторялъ по поводу кипучаго страстностью романса: «Отравой полны мои пѣсни».

Романсъ «Море» — высшій изъ всѣхъ романсовъ Бородина, и, безъ сомнѣнія, одинъ изъ талантливѣйшихъ, какіе есть на свѣтѣ, существуетъ теперь, для всѣхъ насъ, не съ тѣмъ текстомъ, какой для него первоначально предназначался. Нынѣшній текстъ говоритъ только про «молодаго пловца, везущаго съ собой товаръ дорогой, непродажный»; «съ добычей богатой онъ ѣдетъ домой, съ камнями цвѣтными, съ парчей дорогой, съ жемчугомъ крупнымъ, съ казной золотой — съ женой молодой». Первоначально задуманъ былъ другой образъ: та самая музыка, которую мы теперь знаемъ, рисовала молодаго изгнанника, невольно покинувшаго отечество по дѣламъ политическимъ, возвращающагося домой—и трагически гибнущаго среди самыхъ страстныхъ, горячихъ ожиданій своихъ, во время бури, въ виду самыхъ береговъ своего отечества.

Одновременно съ романсами своими, Бородинъ принимался за сочиненіе оперы «Царская невѣста», на сюжетъ драмы Мея, указанный ему Балакиревымъ. Было уже сочинено нѣсколько превосходныхъ сценъ и хоровъ (самый замѣчательный былъ хоръ пирующихъ буйныхъ опричниковъ), но сюжетъ этотъ скоро пересталъ нравиться Бородину, и онъ забросилъ оперу, а самъ просилъ меня выдумать ему другой сюжетъ, но непремѣнно также русскій. Я предлагалъ разные, но онъ долго не рѣшался остановиться ни на которомъ.

Между тѣмъ была исполнена оркестромъ его симфонія Es-Dur, и именно, въ 1868 году, подъ управленіемъ Балакирева (тогда дирижера концертовъ Русскаго Музыкальнаго Общества), на одной репетиціи въ театральной и концертной залѣ Михайловскаго дворца великой княгини Елены Павловны; а нѣсколько времени спустя, 4-го января 1869 года, также подъ управленіемъ Балакирева, въ залѣ дворянскаго собранія. Кто глубоко интересовался въ то время, кромѣ «товарищей», Бородинымъ,—это Даргомыжскій. Онъ, создававшій въ ту минуту самое геніальное произведеніе всей своей жизни «Каменнаго гостя», какъ бы пересоздавшійся, возвысившійся и просвѣтленный всѣмъ существомъ своимъ, былъ тогда самый искренній и глубокій почитатель новой русской школы. Онъ всей душой стремился на этотъ концертъ, гдѣ должно было исполняться новое крупное произведеніе русскаго новаго таланта, Бородина, его пріятеля. Но предсмертная болѣзнь держала его уже прикованнымъ къ кровати. По его требованію, Балакиревъ долженъ былъ, послѣ концерта, прямо изъ залы дворянскаго собранія, пріѣхать къ нему и разсказать, ка̀къ прошла дорогая для него симфонія, ка̀къ была принята публикой. Оказалось, что симфонія-то прошла превосходно и горячо порадовала «товарищей» Бородина, но апатично и бездушно была принята мало-понятливой, мало-развитой публикой. Ин-

тересъ къ симфоніи Бородина, заставлявшій сильно въ ту ночь биться сердце Даргомыжскаго, былъ послѣдній художественный интересъ его жизни. На другой день его не стало.

Успѣхъ его симфоніи въ средѣ истинныхъ русскихъ музыкантовъ и собственное сознаніе ея высокихъ качествъ придали новыя силы Бородину. Онъ въ началѣ же 1869 года задумалъ свою 2-ю симфонію (H-Moll), и игралъ оттуда «матеріалы» своимъ друзьямъ. Но, тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ аттаковать меня требованіями сюжета для оперы. Онъ говорилъ, что «оперу ему теперь больше бы хотѣлось сочинять, чѣмъ симфонію». Я сдѣлалъ новое усиліе, и подъ впечатлѣніемъ долгихъ разговоровъ съ нимъ, на музыкальномъ нашемъ собраніи у Л. И. Шестаковой, 19-го апрѣля 1869 года, въ ту же ночь придумалъ сюжетъ оперы, взятой мною изъ «Слова о полку Игоревѣ». Мнѣ казалось, что тутъ заключаются всѣ задачи, какія потребны для таланта и художественной натуры Бородина: широкіе эпическіе мотивы, національность, разнообразнѣйшіе характеры, страстность, драматичность, Востокъ въ многообразнѣйшихъ его проявленіяхъ. Къ раннему утру 20-го апрѣля весь сценаріумъ, очень подробный, былъ написанъ, съ выписками изъ «Ипатьевской лѣтописи» и изъ самаго «Слова о полку Игоревѣ». Я немедленно отправилъ свою работу и свои объясненія Бородину. Въ тотъ же день онъ отвѣчалъ мнѣ: «Не знаю, какъ и благодарить васъ за такое горячее участіе въ дѣлѣ моей будущей оперы... Вашъ проектъ такъ полонъ и подробенъ, что все выходитъ ясно какъ на ладонкѣ... Мнѣ этотъ сюжетъ ужасно по душѣ. Будетъ ли только по силамъ? Не знаю. Волковъ бояться, въ лѣсъ не ходить. Попробую».

Итакъ, 20-го апрѣля 1869 года, была рѣшена судьба оперы Бородина, которая, какъ эпическая опера, есть, на ряду съ «Русланомъ и Людмилой» Глинки, высшая эпическая опера нашего вѣка.

Бородинъ отнесся съ необычайною внимательностью и тщательностью къ сюжету своей оперы. Точь въ точь какъ Мусоргскій, когда тотъ принимался за сочиненіе «Бориса Годунова» и «Хованщины», Бородинъ перечиталъ все, что̀ только могло относиться къ его сюжету. Я доставлялъ ему изъ Публичной Библіотеки лѣтописи, трактаты, сочиненія о «Словѣ о полку Игоревѣ», переложенія его въ стихи и прозу, изслѣдованія о половцахъ; онъ читалъ, сверхъ того, эпическія русскія пѣсни, «Задонщину», «Мамаево побоище» (для сцены женъ, прощающихся съ мужьями), эпическія и лирическія пѣсни разныхъ тюркскихъ народовъ (для княжны Кончаковны и вообще всего половецкаго элемента). Наконецъ, отъ В. Н. Майнова онъ получилъ нѣкоторые мотивы изъ пѣсенъ финско-тюркскихъ народовъ, и, черезъ него же, отъ знаменитаго путешественника Уйфальви, музыкальные мотивы, записанные имъ въ Средней Азіи. Конечно, все это вмѣстѣ придало необыкно-

венную историчность, правду, реальность, національный характеръ не только его либретто, но еще болѣе и самой музыкѣ. Въ моемъ первоначальномъ либретто, Бородинъ сдѣлалъ, втеченіе 16 — 17 лѣтъ, что̀ имъ сочинялся «Игорь», многія очень существенныя измѣненія, иное выбросилъ вовсе вонъ (разсказъ купцовъ о битвѣ при Каялѣ, сцену возвращенія молодаго князя Владиміра съ женой, бывшей княжной Кончаковной, изъ половецкаго плѣна, и сцену свадебныхъ обрядовъ), иное совершенно вновь сочинилъ въ началѣ и въ концѣ оперы (весь прологъ, комическія сцены гудочниковъ Скулы и Ерошки). Отъ всего этого опера очень много, конечно, выиграла въ правдѣ, интересѣ, силѣ, живописности и разнообразіи.

Но, какъ ни сильно плѣненъ былъ первоначально Бородинъ этимъ сюжетомъ, ка̀къ ни великолѣпны были первые номера, имъ сочиненные для оперы (романсъ Кончаковны, шествіе половецкихъ князей и др.), черезъ годъ онъ къ нему совершенно охладѣлъ, сколько я ни пытался воодушевить его снова къ оперѣ, сколько ни напоминалъ все, что тамъ прежде такъ нравилось ему. Все было тщетно. Много нашихъ свиданій прошло совершенно понапрасну, у Бородина замѣтна была неохота даже и говорить объ этомъ сюжетѣ. Въ ближайшемъ его антуражѣ мнѣ тогда случилось слышать не разъ высказанную мысль, что «теперь не время сочинять оперы на сюжеты глубокой, полу-сказочной древности, а надо брать для оперной сцены сюжеты современные, драмы изъ нынѣшней жизни». Сомнѣваюсь, чтобъ Бородинъ раздѣлялъ это воззрѣніе, онъ — урожденный эпикъ, страстный поклонникъ «Руслана»,—но во всякомъ случаѣ такія сужденія, много разъ повторяемыя, могли дѣйствовать на него разслабляющимъ и удручающимъ образомъ. Никакія мои уговариванія и споры не помогали, Бородинъ былъ непреклоненъ, а когда я горько жаловался на напрасную пропажу чуднаго музыкальнаго «матеріала», уже созданнаго имъ для «Игоря», онъ отвѣчалъ: «А на счетъ этого не безпокойтесь. Матеріалъ не пропадетъ. Все это пойдетъ во 2-ю мою симфонію». И дѣйствительно, онъ перенесъ на нее весь свой пылъ и горячность, и ревностно сталъ заниматься ея сочиненіемъ. Въ 1871 году, была уже кончена первая изумительная по грандіозности, красотѣ и силѣ первая часть ея, и мы (особливо Мусоргскій и я, просто сходившіе отъ нея съ ума) очень часто слыхали ее на нашихъ маленькихъ музыкальныхъ собраніяхъ. Но зимой съ 1871 на 1872 годъ, случилось событіе, давшее всему совершенно новое направленіе.

Тогдашній директоръ театровъ, С. А. Гедеоновъ, самъ драматическій писатель, вздумалъ поставить на театрѣ такую пьесу, которая была бы очень блестяща, привлекла бы громадную публику и дала бы большіе сборы. Это была драма «Млада», на половину опера, на половину балетъ. Музыку для балета долженъ былъ со-

чинять Минкусъ, всегдашній авторъ балетной музыки для нашего театра, а музыку оперы Гедеоновъ, черезъ меня, предложилъ написать четыремъ музыкальнымъ пріятелямъ: Бородину, Кюи, Мусоргскому и Римскому-Корсакову. Сначала я не хотѣлъ даже браться за это порученіе, думая, что всѣ четверо откажутся. Вышло иначе, они съ удовольствіемъ приняли предложеніе, и работа у нихъ тотчасъ же закипѣла. Гедеоновъ требовалъ, чтобъ музыка была сочинена въ самый короткій срокъ—это требованіе было выполнено съ удивительной быстротой. Всѣ четыре композитора были тогда въ самой полной силѣ и разсцвѣтѣ своего таланта: оттого созданная ими для «Млады» музыка носитъ на себѣ печать самаго высокаго творчества. Сюжетъ оперы-балета основывался на исторіи, языческой религіи и нравахъ западныхъ, балтійскихъ славянъ древнѣйшаго періода. Эта эпическая задача была въ высшей степени по душѣ Бородину. Онъ взялъ на свою долю весь 4-й актъ, куда входили сцены языческаго богослуженія въ храмѣ; сцены между Яромиромъ и верховнымъ жрецомъ; явленіе тѣней древнихъ славянскихъ князей; подъемъ водъ моря отъ прилива, затопленіе храма и общая гибель; сцены страсти и ревности между двумя изъ числа главныхъ дѣйствующихъ лицъ: молодымъ княземъ Яромиромъ и безумно любящею и ревнующею его Войславой. По просьбѣ Бородина, я доставилъ ему множество сочиненій, которыя должны были ему дать полное понятіе о жизни, религіи и обрядахъ балтійскихъ славянъ. Бородинъ быстро и ревностно изучалъ ихъ, всего болѣе сочиненіе профессора Срезневскаго «О богослуженіи славянъ»,—и результатомъ этого вышло, что въ короткое время Бородинъ создалъ рядъ сценъ, изумительныхъ по вдохновенію, глубоко-историческому колориту и эпической красотѣ. Въ это время, въ началѣ 1872 года, я очень часто видѣлся съ нимъ, и часто заставалъ его въ минуты творчества, съ вдохновеннымъ, пылающимъ лицомъ, горящими какъ огонь глазами и измѣнившимся лицомъ. Особенно одно время у него было легкое нездоровье: онъ недѣли съ двѣ оставался дома и почти все время не отходилъ отъ фортепіано. Въ эти дни онъ сочинилъ всего болѣе, все самое капитальное и изумительное, для «Млады», и когда я приходилъ къ нему, онъ тотчасъ же съ необыкновеннымъ увлеченіемъ и огнемъ игралъ мнѣ и пѣлъ все вновь сочиненное. Всѣ товарищи его, и сами создававшіе въ то время изумительныя сцены для «Млады» («Коло», или «пляска» и хоры—у Римскаго-Корсакова; сцена и сонъ Яромира, явленіе злаго божества, Марены—у Кюи; шествіе славянскихъ князей, большая народная сцена на площади, «служеніе Черному козлу»—у Мусоргскаго), но они были невольно принуждены сознавать громадное въ настоящемъ случаѣ, подавляющее первенство Бородина, и съ глубокой симпатіей дружбы и удивленія преклонялись передъ своимъ обожаемымъ товарищемъ. «Идоложертвенный хоръ Радегасту»

и «дуэтъ Ярослава съ Войславой» всего болѣе поражали ихъ, какъ и насъ всѣхъ. ближайшихъ знакомыхъ Бородина.

Но затѣя Гедеонова не состоялась. Для постановки «Млады», съ ея сложными историческими, бытовыми и фантастическими подробностями, требовались десятки тысячъ рублей, но ими дирекція не располагала. Были уже нарисованы талантливымъ нашимъ декораторомъ М. А. Шишковымъ великолѣпные проекты декорацій древне-языческаго славянскаго храма и др., мы вдвоемъ съ Н. А. Лукашевичемъ (завѣдывавшимъ тогда декораціями и костюмами) сочиняли, по историческимъ источникамъ, древне-славянскіе костюмы, выдумывали разные фантастическіе полеты цѣлаго кордебалета по сценѣ, или колебанья русальихъ дѣвъ на длинныхъ гнущихся вѣтвяхъ деревъ; но всѣ приготовленія скоро были брошены въ сторону, по недостатку денегъ. Четыре композитора должны были спрятать въ дальніе портфели всѣ свои чудесныя композиціи. Бородинъ снова обратился къ своей 2-й симфоніи, и съ энергіей сталъ ее работать. Еще передъ «Младой», въ концѣ 1871 года, была кончена, какъ я сказалъ уже, 1-я ея часть, теперь онъ сталъ продолжать другія.

Но осенью или зимою 1874 года пріѣхалъ съ Кавказа молодой докторъ В. А. Шоноровъ (нынѣ уже умершій), бывшій слушатель Бородина на курсахъ медицинской хирургической академіи и всегда глубоко-симпатизировавшій ему человѣкъ. Среди интимнаго, совершенно случайнаго разговора, онъ услыхалъ, что Бородинъ бросилъ свою оперу и даже и не думаетъ продолжать. Шоноровъ съ жаромъ сталъ доказывать своему учителю и другу, что это истинное преступленіе, что музыка его въ оперѣ этой поразительна и глубоко талантлива, и что сюжетъ именно всего болѣе соотвѣтствуетъ натурѣ Бородина. Но Бородинъ уже и самъ въ это время снова чувствовалъ аппетитъ къ своей оперѣ, не разъ задумывался о ней, только все не рѣшался. Разговоръ съ Шоноровымъ глубоко подѣйствовалъ на Бородина, далъ ему окончательный толчокъ. Онъ рѣшился продолжать оперу. На другой же день онъ, весь радостный и сіяющій, точно отъ найденнаго счастья. прибѣжалъ ко мнѣ въ Публичную Библіотеку и объявилъ, что «Игорь» его—воскресъ, и вотъ теперь заживетъ новою жизнью. Нельзя разсказать, какъ я былъ обрадованъ, какъ обнималъ и поздравлялъ Бородина. У насъ пошли переговоры о разныхъ перемѣнахъ и улучшеніяхъ въ либретто. Все имъ вновь придуманное было необыкновенно хорошо, сценично и часто даже—пластично (особенно сцены съ комическими Скулой и Ерошкой въ началѣ и концѣ оперы). Все, что назначалось для «Млады», вошло теперь въ составъ оперы «Князь Игорь», но въ расширенномъ и возвеличенномъ видѣ, а многое было сочинено совершенно вновь. Скоро создались самыя высокія созданія этой глубоко-исторической народной музыкальной драмы:

сцены Ярославны, заключительный хоръ оперы, женскіе хоры, поразительно геніальныя «половецкія пляски», арія Кончака и т. д. Къ несчастію, академическая служба, комитеты и лабораторія, а отчасти и домашнія дѣла, страшно отвлекали Бородина отъ его великаго дѣла. «Работать на музыкальномъ поприщѣ мнѣ почти не приходится,—писалъ онъ Л. И. Кармалиной 1-го апрѣля 1875 года.—Если и есть иногда физическій досугъ, то не достаетъ нравственнаго досуга—спокойствія, необходимаго для того, чтобы настроиться музыкально. Голова не тѣмъ занята». Про образъ сочиненія своего онъ разсказываетъ въ томъ же письмѣ любопытныя подробности: «Когда я боленъ на столько, что сижу дома, ничего «дѣльнаго» дѣлать не могу, голова трещитъ, глаза слезятъ, черезъ каждыя двѣ минуты приходится лазить въ карманъ за платкомъ—я сочиняю музыку. Нынче я два раза въ году былъ боленъ подобнымъ образомъ, и оба раза болѣзнь разрѣшилась появленіемъ новыхъ кирпичиковъ для зданія будущей оперы. Написалъ большой маршъ «Половецкій», выходную арію Ярославны, «плачъ Ярославны», женскій хорикъ въ половецкомъ лагерѣ, кое-что для танцевъ (восточныхъ, такъ какъ половцы — всетаки восточный народъ). У меня накопилось немало матеріаловъ и даже готовыхъ номеровъ, оконченныхъ и закругленныхъ (напримѣръ, хоры, арія Кончаковны и проч.). Но когда мнѣ удастся все это завершить»?... Никогда,—отвѣчала ему судьба, изъ невѣдомыхъ глубинъ. Великая опера Бородина, достойный товарищъ «Руслана» Глинки, и черезъ 15 почти лѣтъ осталась недоконченною, недоработанною. Тысячи помѣхъ постоянно опутывали бѣднаго автора, и онъ горько жаловался на это въ разговорахъ и письмахъ. «Съ оперой у меня—одинъ срамъ!—писалъ онъ Л. И. Шестаковой 3-го января 1883 года,—...винюсь во всѣхъ моихъ винахъ передъ вами и передъ музыкой»... Въ тѣ же времена, въ 1884 году, мнѣ разсказывала жена его, К. С. Бородина, какъ ему случалось иногда долго ночью не спать, какъ онъ тревожно и безпокойно ворочался въ постели, и, на вопросы ея, отвѣчалъ ей: «Не могу сочинять! Не могу сочинять!»

Но когда являлась возможность и охота сочинять, Бородинъ сочинялъ много и быстро. Такъ въ первой половинѣ 70-хъ годовъ, онъ одновременно и свою 2-ю симфонію доканчивалъ, и сочинялъ «Игоря», но еще на прибавокъ ко всему этому писалъ свой 1-й струнный квартетъ. Второй квартетъ сочиненъ имъ въ началѣ 80-хъ годовъ тоже очень быстро.

Въ 1876 году, была, наконецъ, кончена 2-я симфонія и въ первый разъ исполнена въ концертѣ русскаго музыкальнаго Общества, подъ управленіемъ капельмейстера Направника, въ залѣ дворянскаго собранія 2-го февраля 1877 года. Сочувствія публики она не заслужила. И не мудрено. Бородинъ, какъ и всѣ почти новые русскіе композиторы, не приходился по понятіямъ и вкусамъ на-

шей публики и критики. Когда, еще въ 1869 году, въ первый разъ дали въ концертѣ 1-ю симфонію (Es-Dur) Бородина, Сѣровъ отнесся къ ней съ полнымъ презрѣніемъ: «Симфонія нѣкоего Бородина мало кому понравилась,—писалъ онъ въ «Голосѣ».—Вызывали его и хлопали ему усердно только пріятели». Въ 1874 году, Ларошъ вотъ какъ отзывался вообще о Бородинѣ, по всегдашнему ничего въ немъ не понимая, глумясь и зубоскаля:

«Одинъ изъ членовъ кружка, г. Бородинъ, принялъ случайныя секунды трелей Листовскихъ за гармоническіе интервалы, за составныя части аккордовъ, и вслѣдствіе этого написалъ романсъ («Спящая княжна»), гдѣ секунды, вездѣ понятныя, какъ трели, ударяются просто въ видѣ аккордовыхъ частей, въ видѣ консонансовъ. Трудно объяснить немузыкальному читателю, какая оргія диссонансовъ бушуетъ въ этомъ романсѣ, какъ неуклонно и безжалостно онъ, такъ сказать, царапаетъ слухъ своими секундами; читатель музыкальный и невидавшій романса, напротивъ, едва повѣритъ, что секунды въ видѣ самостоятельныхъ консонансовъ тянутся въ немъ, не прекращаясь, нѣсколько страницъ. Большая часть этого замѣчательнаго произведенія написана pianissimo... Въ произведеніяхъ подобныхъ этому, pianissimo какъ будто поставлено изъ деликатности къ слушателю, изъ состраданія къ нему или изъ чувства стыда. Такъ иногда разговаривающіе при постороннихъ начинаютъ говорить шопотомъ такія вещи, которыя не рѣшаются произнести вслухъ... Авторъ почти въ каждомъ изъ своихъ сочиненій (симфоніи) поставилъ себѣ задачей сдѣлать слушателю какую нибудь непріятность; заглавіе одной изъ нихъ «Фальшивая нота» есть какъ бы девизъ его композиторской дѣятельности: нужно непремѣнно, чтобы хоть гдѣ нибудь была фальшивая нота; иногда фальшивыхъ нотъ нѣсколько, иногда (какъ въ «Княжнѣ») большинство фальшиво. Только однажды въ его карьерѣ, на него, повидимому, нашло сомнѣніе въ избранномъ имъ идеалѣ. Онъ началъ усматривать обиліе причиненной имъ какофоніи и написалъ самообличительный романсъ «Отравой полны мои пѣсни»; но это благодѣтельное раздумье не было продолжительно и ни къ чему не привело, такъ какъ прошлою осенью онъ допустилъ г. Бесселя до изданія трехъ новыхъ романсовъ, «фальшивыя ноты» которыхъ попрежнему полны «отравы». Неправдоподобно, но, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что этотъ врагъ и гонитель музыки не лишенъ композиторскаго таланта. Наряду съ болѣзненными и уродливыми причудами, которыми усыпаны его сочиненія, у него иногда мелькаютъ красивыя, полнозвучныя и даже богатыя гормоніи. Очень можетъ быть, что тенденція, влекущая его отъ прекраснаго къ безобразному, противорѣчитъ его врожденному инстинкту и составляетъ не болѣе, какъ плодъ пресыщенія, соединеннаго съ недостаточнымъ художественнымъ образованіемъ»... («Голосъ», 1874, № 18).

Въ 1879 году, критикъ Соловьевъ писалъ:

«.....Хотя Кончакъ въ своей аріи типичности не имѣетъ, но она отличается нѣкоторой музыкальной красотой, въ особенности въ послѣдней части, Шопеновскаго пошиба (!!!)... Ярославна кукуетъ, кукуетъ, въ ухо вамъ такъ и лѣзетъ какая-то назойливая мелодія, которая одному моему другу цѣлую ночь спать не дала... Пѣснь Владиміра Галицкаго.... я выразилъ одному господину мое удивленіе, какъ можно такъ грубо писать, на что мнѣ отвѣтили въ извиненіе, что это декоративная музыка. Да, дѣйствительно, это декорація, написанная

только не кистью, а шваброй или помеломъ». («С.-Петербургскія Вѣдомости», 1879, №№ 20 и 330).

Еще одинъ изъ столько же глубокомысленныхъ критиковъ, правда, до извѣстной степени милостиво одобрялъ 2-ю симфонію Бородина, но находилъ, что

въ «финалѣ лежитъ причина, помѣшавшая успѣху талантливаго произведенія Бородина»...

«Финалъ страждетъ несоразмѣрностью частей (!!!); въ немъ нѣтъ, напримѣръ, коды, необходимость которой можетъ невольно чувствоваться даже неподготовленными слушателями... Слушая музыку Бородина, видишь передъ собою какой-то богатырскій міръ, иногда неуклюжій (!?), но всегда характерный. Даже въ мѣстахъ нѣжнаго, лирическаго характера, въ музыкѣ Бородина замѣчается извѣстная тяжеловѣсность... Его массивность порою производитъ утомленіе. Въ первой симфоніи (Es-Dur) она отчасти подавляетъ слушателя. Еще общій недостатокъ: отсутствіе цѣльности. Это сказывается... въ изысканныхъ тонкостяхъ современной пряной гармоніи, иногда мало вяжущейся съ напѣвами русскаго характера»...

Въ 1880 году, тотъ же Соловьевъ говорилъ: «Нельзя сказать, чтобъ наши композиторы положили много труда, до Чайковскаго, для симфонической концертной музыки: нѣсколько увертюръ, танцевъ, картинъ — вотъ все, что сдѣлано у насъ на Руси въ этой области». Такимъ образомъ, напр., великолѣпный «Антаръ» Римскаго-Корсакова и цѣлыхъ двѣ великолѣпныхъ симфоніи Бородина, давно восхищающія Европу, вовсе не идутъ въ счетъ у этого превосходнаго писателя.

Пока наши доморощенные мудрецы и доки, вмѣстѣ съ публикой, по легкомыслію и безвкусію ничего не понимали въ Бородинѣ,— высшіе иностранные художники, лучшая часть публики и критики относились къ нему совершенно иначе. Листъ, со своей чуткой и глубокой натурой, съ перваго же разу, какъ только узналъ Бородина и его произведенія, почувствовалъ, какая это крупная, художественная величина. Въ интимныхъ письмахъ къ женѣ своей, нынѣ впервые обнародуемыхъ, Бородинъ разсказываетъ знакомство свое съ Листомъ въ Веймарѣ, въ 1877 году, разговоры свои съ нимъ и его взглядъ на современную европейскую и русскую музыку.

«Вы знаете Германію?—говорилъ ему однажды Листъ.—Здѣсь пишутъ много я тону въ морѣ музыки, которою меня заваливаютъ, но, Боже! до чего это все плоско (flach). Ни одной живой мысли! У васъ же течетъ живая струя. Рано, или поздно (вѣрнѣе, что поздно), она пробьетъ себѣ дорогу и у насъ»... Когда, на вопросъ Листа, Бородинъ сказалъ ему, что не учился ни въ какой консерваторіи, Листъ засмѣялся и сказалъ: «Это ваше счастье. У васъ громадный и оригинальный талантъ. Не слушайте никого, работайте на свой собственный манеръ»...

При второй встрѣчѣ Листа съ Бородинымъ, въ 1881 году, въ Магдебургѣ, Листъ высказался опять-таки въ томъ же смыслѣ (мы

узнаемъ это, изъ тогдашняго письма Бородина, отъ 12 іюля 1881 г., къ его пріятелю Ц. А. Кюи, не оконченнаго и послѣ смерти Бородина найденнаго въ его бумагахъ).

«Полюбуйтесь,—говорилъ Листъ, показывая Бородину одну изъ многочисленныхъ постоянно присылаемыхъ ему партитуръ.—Вотъ этакъ у насъ пишутъ! Посмотрите-ка, ну что̀ это такое... Вотъ погодите, ужо̀ на концертѣ вы еще все это сегодня услышите! Сами увидите, что̀ это за музыка! Нѣтъ, намъ нужно васъ, русскихъ. Вы мнѣ нужны. Я безъ васъ не могу — sans vous autres Russes!—засмѣялся Листъ.—У васъ тамъ живая, жизненная струя, у васъ будущность, — а здѣсь кругомъ, большею частью, мертвечина»... Въ 1880 году, Листъ писалъ Бородину изъ Рима (3-го сентября): «Я очень запоздалъ со своимъ заявленіемъ на счетъ того, что̀ вы должны знать лучше меня: это, что инструментовка вашей сильно замѣчательной синфоніи (Es-Dur) сдѣлана рукою мастера, и превосходно соотвѣтствуетъ сочиненію. Для меня это было серьезное наслажденіе услыхать ее на репетиціяхъ и на концертѣ «Музыкальнаго съѣзда» въ Баденъ-Баденѣ. Лучшіе знатоки и многочисленная публика апплодировали вамъ»...

Письма Листа къ другимъ русскимъ композиторамъ (къ Кюи и Балакиреву) высказываютъ совершенно такія мысли, такой же взглядъ на новыхъ русскихъ музыкантовъ, такое же сочувствіе къ новой русской школѣ: въ ней Листъ видѣлъ залоги самаго широкаго и оригинальнаго развитія русской музыки, на пользу всей остальной Европѣ. Когда же, въ 1879 году, Бородинъ, Кюи, Лядовъ и Римскій-Корсаковъ написали свои «Парафразы» (чему основу положилъ Бородинъ своей комической «полькой», поставленной теперь во главѣ всего печатнаго сочиненія, а потомъ прибавилъ туда свой комическій «Requiem» и комическій же «Маршъ»), то Листъ пришелъ въ такое восхищеніе отъ этого талантливаго созданія («merveilleuse oeuvre», какъ онъ писалъ авторамъ его), что пожелалъ самъ въ немъ участвовать, и далъ для 2-го изданія цѣлую варіацію своего собственнаго сочиненія.

Въ 1884 году, Листъ писалъ графинѣ де-Мерси Аржанто̀, въ тѣ годы сдѣлавшейся равностной распространительницей сочиненій новыхъ русскихъ музыкантовъ:

«Конечно, дорогой доброжелательный другъ мой, вы сто разъ правы, оцѣняя нынѣшнюю музыкальную Россію и наслаждаясь ею. Римскій-Корсаковъ, Кюи, Бородинъ, Балакиревъ—мастера съ выходящею изъ ряда вонъ оригинальностью и значеніемъ. Ихъ созданія вознаграждаютъ меня за скуку, наносимую мнѣ другими сочиненіями, болѣе распространенными и прославляемыми, но о которыхъ мнѣ трудно было бы сказать то, что вамъ нѣкогда писалъ изъ Амстердама скрипачъ Леонаръ послѣ одного романса Шумана: «Сколько души, но и какой успѣхъ!» Рѣдко успѣхъ торопится сопровождать душу. Въ Россіи, новые композиторы, не смотря на свой примѣчательный талантъ и умѣнье, имѣютъ успѣхъ еще умѣренный. Высшее общество ожидаетъ, чтобъ они имѣли успѣхъ въ другихъ мѣстахъ, прежде, чѣмъ апплодировать имъ въ Петербургѣ... На ежегодныхъ концертахъ «Музыкальнаго Германскаго и всеобщаго союза» (Allgemeiner Deutscher

Musik-Verein), всякій разъ исполняютъ, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, по моему указанію, которое нибудь сочиненіе русскихъ сочинителей. Мало-по-малу, публика образуется»...

Еще въ 1881 году, по поводу исполненія «Антара» Римскаго-Корсакова въ Магдебургѣ, Листъ говорилъ Бородину:

«На первыхъ репетиціяхъ, музыкантамъ многое показалось смутнымъ, ну, а потомъ, когда на слѣдующихъ репетиціяхъ поразобрались немножно, то прежде всего вошли во вкусъ мастерской инструментовки, и оцѣнили ее по достоинству, и тогда играли съ большимъ интересомъ. Вы знаете, у насъ въ Германіи вѣдь туговато, не вдругъ понимаютъ музыку. Вотъ поэтому-то необходимо давать такія вещи, какъ «Антаръ» de M-r Rimsky и въ возможно хорошемъ исполненіи»...

Все, чего такъ желалъ Листъ, осуществилось. Новая русская музыкальная школа сдѣлалась въ немногіе годы крупною величиною въ глазахъ Европы, не только въ одной Германіи, но и въ Бельгіи и Франціи. Бородинъ занималъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ во всеобщемъ уваженіи.

Въ 1880 году, написана была имъ симфоническая поэма «Въ Средней Азіи», назначенная къ исполненію, вмѣстѣ съ другими сочиненіями, для музыкальнаго иллюстрированія живыхъ картинъ изъ русской исторіи, которыя хотѣли поставить на театрѣ во время торжества празднованія 25-ти-лѣтія царствованія императора Александра II. Симфоническая поэма Бородина была прелестна по поэтичности, колориту пейзажа, по изумительнымъ краскамъ оркестра. Наша публика отнеслась къ этому чудному созданію съ довольно умѣреннымъ сочувствіемъ, а нѣкоторые изъ невѣжественнѣйшихъ критиковъ — прямо съ презрѣніемъ. Критикъ Соловьевъ написалъ (въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», 1880 г., № 103):

«Въ этой пьесѣ появляются двѣ темы, русская и восточная отдѣльно, потомъ онѣ схватываются подъ руки и прогуливаются по сценѣ, изображаемой музыкою на манеръ Давида (автора «Le Désert»)... Музыка довольно миленькая и составляетъ утѣшительный контрастъ съ мазней изъ оперы «Игорь», которою публика угощалась въ концертахъ Безплатной Школы»...

Между тѣмъ въ письмѣ своемъ къ старому знакомому Ив. Ив. Гаврушкевичу отъ 6-го мая 1887 года, Бородинъ вотъ какъ описывалъ успѣхъ своихъ созданій за границей:

«На поприщѣ композитора мнѣ пока везетъ, особенно за границей. Обѣ мои симфоніи имѣютъ тамъ большой успѣхъ, котораго я не ожидалъ. Первая (Es-Dur) исполнялась съ большимъ успѣхомъ на фестиваляхъ и концертахъ въ Баденъ-Баденѣ, Лейпцигѣ, Дрезденѣ, Ростокѣ, Антверпенѣ, Льежѣ и проч., и составила мнѣ солидную репутацію, особенно въ Германіи. Вторая (H-Moll) особенно понравилась бельгійскимъ музыкантамъ и публикѣ, такъ что была причиною явленія небывалаго въ Брюсселѣ, что «по требованію публики» была исполнена вторично въ слѣдующемъ концертѣ (Concert populaire), чего не случалось никогда, съ самаго основанія этихъ концертовъ! Въ Льежѣ и на Антвер-

пенской выставкѣ ее играли тоже съ огромнымъ успѣхомъ. Теперь, кажется, будутъ ее исполнять въ Зондерсгаузенѣ, на фестивалѣ съѣзда Музыкальнаго Общества. Эта симфонія доставила мнѣ еще лучшую репутацію. Но всего популярнѣе за границею оказалась моя симфоническая поэма «Въ Средней Азіи», которая облетѣла всю Европу, начиная съ Христіаніи и оканчивая Монако. Не смотря на непопулярную программу сочиненія (рѣчь идетъ объ успѣхѣ русскаго оружія въ Средней Азіи), музыка эта почти всюду вызывала bis, а иногда (въ Вѣнѣ—у Штрауса, въ Парижѣ—у Ламурё и др.) по требованію публики повторялась и въ слѣдующемъ концертѣ. Первому моему квартету повезло не только въ Европѣ (Карльсруэ, Лейпцигѣ, Льежѣ, Брюсселѣ, Антверпенѣ и др.), но и въ Америкѣ, да еще какъ! Въ нынѣшній сезонъ Филармоническое Общество въ Буффало исполнило его 4 раза! Вещь небывалая для сочиненія иностраннаго автора, изъ новыхъ! Вокальныя вещи мои тоже имѣли всюду успѣхъ (чтобы не сглазить!)»...

Привести всѣ отзывы о сочиненіяхъ Бородина, появившіеся за послѣдніе три года въ газетахъ нѣмецкихъ, французскихъ, бельгійскихъ и голландскихъ,—нѣтъ здѣсь никакой возможности. Для этого надо было бы гораздо болѣе мѣста, чѣмъ занимаетъ вся настоящая статья. Довольно будетъ сказать (покуда), что всѣ западные музыкальные критики, писавшіе о немъ, изумлялись постоянно его великому таланту, нерѣдко называли Бородина композиторомъ «истинно геніальнымъ», оригинальнымъ и могучимъ въ высшей степени, человѣкомъ, близко родственнымъ съ Бетховеномъ по силѣ таланта, и стоящимъ даже выше всѣхъ остальныхъ своихъ товарищей изъ новой русской школы, которыхъ столько крупныя созданія были довольно часто исполняемы за границей, это послѣднее время, одновременно съ произведеніями Бородина.

Въ 1885 и 1886 годахъ, Бородинъ самъ присутствовалъ на «русскихъ концертахъ», дававшихся въ Льежѣ, по инициативѣ и при энергическомъ содѣйствіи графини де-Мерсй Аржантò, посвятившей себя пропагандѣ новой русской музыки, и въ Брюсселѣ, а также Антверпенѣ. Онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть такое признаніе своего таланта, въ какомъ наибольшая масса публики, музыкантовъ и критики отказывала ему въ Россіи. Онъ былъ переполненъ чувствомъ благодарности къ графинѣ Аржанто за ея симпатическую инициативу и горячую пропаганду, посвятилъ ей свою маленькую фортепіанную «сюиту» (7 пьесъ, изъ которыхъ нѣкоторыя истинно прелестны), и романсъ на французскія слова (Septain — седмистишіе, какъ онъ называлъ), въ честь графини Аржантò и ея поэтическаго замка; молодому капельмейстеру Жадулю, обожателю новой русской музыки вообще, и бородинской въ особенности, онъ посвятилъ свое фортепіанное скерцо (Es-Dur). Это были одни изъ самыхъ послѣднихъ его сочиненій.

Послѣ того, онъ сочинилъ еще, въ ноябрѣ 1886 года, маленькое, но въ высшей степени оригинальное и изящное Andante въ струнномъ квартетѣ, написанномъ сообща Н. А. Римскимъ-Корсако-

ВѢКЪ НЫНѢШНІЙ И ВѢКЪ МИНУВШІЙ.

(Изъ очерковъ будущей исторіи литературы).

Раскрываемъ на удачу одну изъ всѣмъ извѣстныхъ книгъ и читаемъ въ ней:

«Всѣ, болѣе или менѣе, согласились называть нынѣшнее время переходнымъ. Всѣ болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, нынѣ чувствуютъ, что міръ въ дорогѣ, а не у пристани, даже и не на ночлегѣ, не на временной станціи, или на отдыхѣ. Все чего-то ищетъ, ищетъ уже не внѣ, а внутри себя. Вопросы нравственные взяли перевѣсъ и надъ политическими, и надъ учеными, и надъ всякими другими вопросами. И мечъ, и громъ пушекъ не въ силахъ занять міръ... Всякъ болѣе или менѣе чувствуетъ, что онъ не находится въ томъ именно состояніи своемъ, въ какомъ долженъ быть, хотя и не знаетъ, въ чемъ именно должно состоять это желанное состояніе? Но это желанное состояніе ищется всѣми; уши всѣхъ чутко обращены въ ту сторону, гдѣ думаютъ услышать хоть что-нибудь о вопросахъ, всѣхъ занимающихъ. Никто не хочетъ читать другой книги, кромѣ той, гдѣ можетъ содержаться хоть намекъ на эти вопросы. Надобны-ли въ это время сочиненія такого писателя, который одаренъ способностью творить, создавать живые образы людей и представлять ярко жизнь въ томъ видѣ, какъ она представляется ему самому, мучимому жаждой знать ее?..».

Не правда-ли, читатель, что авторъ нарисовалъ передъ нами поразительно-вѣрную картину того самаго внутренняго, душевнаго состоянія, которое переживаютъ лучшіе люди нашего времени? Не

торыя присутствуютъ въ «Каменномъ гостѣ», «Борисѣ Годуновѣ» и «Хованщинѣ»: въ большинствѣ случаевъ онъ сохраняетъ прежнюю общепринатую форму арій, дуэтовъ и проч., съ ихъ условною симметричностью и квадратностью. Точно также, хотя могучій и необычайно оригинальный талантъ его давалъ ему всю возможность и въ симфоніяхъ примкнуть къ той новой, свободной, вполнѣ несимметричной формѣ созданія, которую впервые началъ въ своихъ «Symphonische Dichtungen» Листъ, и которая есть характернѣйшая принадлежность новаго періода оркестровыхъ сочиненій, но и здѣсь Бородинъ не пожелалъ стать на сторону коренныхъ новаторовъ, а предпочелъ удержать прежнія условныя, утвержденныя преданіемъ формы. Эта преданность старымъ, условнымъ формамъ и нѣкоторая, иногда доходящая до излишества, массивность сочиненія, составляютъ главные, почти единственные недостатки Бородина. Не смотря на это, какъ въ оперѣ, такъ и въ симфоніяхъ, такъ и въ романсахъ, Бородинъ проявляетъ, въ предѣлахъ прежнихъ рамокъ сочиненія, такую силу творчества и вдохновенія, съ которыми можетъ равняться не многое во всей музыкѣ. Подобно Глинкѣ, Бородинъ есть эпикъ въ самомъ широкомъ значеніи слова, и вмѣстѣ «націоналенъ» въ такой мѣрѣ и могучести, какъ самые высокіе композиторы русской школы. Восточный элементъ играетъ у него столь же великую, оригинальную и значительную роль, какъ у Глинки, Даргомыжскаго, Балакирева, Мусоргскаго и Римскаго-Корсакова. По всему построенію, онъ принадлежитъ къ числу композиторовъ, нуждающихся творить только лишь программную музыку, и, подобно Глинкѣ, онъ могъ бы сказать: «для моей необузданной фантазіи надобенъ текстъ или положительныя данныя». Изъ двухъ великолѣпныхъ, необыкновенно-своеобразныхъ его симфоній, могучихъ, мужественныхъ, страстныхъ и увлекательныхъ, вторая (H-Moll) еще выше, и силою своею она обязана не только бо́льшему росту таланта, но, безъ сомнѣнія, еще и тому, что она имѣетъ характеръ національный и программный. Здѣсь слышится древній русскій богатырскій складъ, однородный со складомъ и характеромъ его оперы «Игорь». (Прибавлю здѣсь теперь, что самъ Бородинъ разсказывалъ мнѣ не разъ, что въ «Adagio» онъ желалъ нарисовать фигуру «баяна», въ 1-й части—собраніе русскихъ богатырей, въ финалѣ—сцену богатырскаго пира, при звукѣ гуседь, при ликованіи великой народной толпы). Богатство характеровъ, личностей, элементовъ народно-русскаго и восточнаго (половецкаго), смѣняющаяся трагедія и комедія, страсть, любовь и юморъ, глубокая характеристика, картины природы—дѣлаютъ оперу Бородина монументальнымъ явленіемъ русской музыки, родственнымъ, по силѣ и оригинальности, съ «Русланомъ» Глинки въ однихъ отношеніяхъ, съ «Борисомъ Годуновымъ» Мусоргскаго въ другихъ отношеніяхъ, оригинальнымъ, новымъ и поразительнымъ повсюду. Талантливая, колоритная инструментовка стоитъ вездѣ у Бородина на одной степени мастерства съ его талантливымъ творчествомъ».

Послѣ Бородина осталось много писемъ къ друзьямъ и знакомымъ, въ высокой степени важныхъ и интересныхъ. Я печатаю, въ приложеніи, на первый случай 14, имѣющихъ наибольшее значеніе и особенно ярко рисующихъ его натуру, характеръ, талантливость и наполнявшіе его интересы.

В. Стасовъ.

ВѢКЪ НЫНѢШНІЙ И ВѢКЪ МИНУВШІЙ.

(Изъ очерковъ будущей исторіи литературы).

РАСКРЫВАЕМЪ на удачу одну изъ всѣмъ извѣстныхъ книгъ и читаемъ въ ней:

«Всѣ, болѣе или менѣе, согласились называть нынѣшнее время переходнымъ. Всѣ болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, нынѣ чувствуютъ, что міръ въ дорогѣ, а не у пристани, даже и не на ночлегѣ, не на временной станціи, или на отдыхѣ. Все чего-то ищетъ, ищетъ уже не внѣ, а внутри себя. Вопросы нравственные взяли перевѣсъ и надъ политическими, и надъ учеными, и надъ всякими другими вопросами. И мечъ, и громъ пушекъ не въ силахъ занять міръ... Всякъ болѣе или менѣе чувствуетъ, что онъ не находится въ томъ именно состояніи своемъ, въ какомъ долженъ быть, хотя и не знаетъ, въ чемъ именно должно состоять это желанное состояніе? Но это желанное состояніе ищется всѣми; уши всѣхъ чутко обращены въ ту сторону, гдѣ думаютъ услышать хоть что-нибудь о вопросахъ, всѣхъ занимающихъ. Никто не хочетъ читать другой книги, кромѣ той, гдѣ можетъ содержаться хоть намекъ на эти вопросы. Надобны-ли въ это время сочиненія такого писателя, который одаренъ способностью творить, создавать живые образы людей и представлять ярко жизнь въ томъ видѣ, какъ она представляется ему самому, мучимому жаждой знать ее?..».

Не правда-ли, читатель, что авторъ нарисовалъ передъ нами поразительно-вѣрную картину того самаго внутренняго, душевнаго состоянія, которое переживаютъ лучшіе люди нашего времени? Не

правда-ли, какъ вѣрно и какъ чутко угадалъ онъ то, что безпрестанно составляетъ теперь тэму нашихъ ежедневныхъ обсужденій и въ частной бесѣдѣ, и въ печати. Но авторъ, приводимый нами, не останавливается на одной только картинѣ тягостнаго переходнаго состоянія, переживаемаго обществомъ, онъ указываетъ намъ и вѣрный исходъ изъ него. Перевертываемъ нѣсколько страничекъ его книги и читаемъ:

«Какъ-бы то ни было, но жизнь для насъ уже не загадка. Она была тогда загадка, когда умнѣйшіе изъ людей, отъ мыслителей до поэтовъ, надъ ней задумывались и приходили только къ сознанію, что не знаютъ, что̀ такое жизнь. Но когда Одинъ, всѣхъ наиумнѣйшій, сказалъ твердо, не колеблясь никакимъ сомнѣніемъ, что Онъ знаетъ, что̀ такое жизнь, когда этотъ Одинъ признанъ всѣми за величайшаго изъ всѣхъ доселѣ бывшихъ, даже и тѣми, которые не признаютъ въ Немъ его Божественности, тогда слѣдуетъ повѣрить Ему на слово, даже и въ такомъ случаѣ, если бы Онъ былъ просто человѣкъ. Стало быть, вопросъ рѣшенъ: что̀ такое жизнь? Этого мало. Намъ данъ полнѣйшій законъ всѣхъ дѣйствій нашихъ,—тотъ законъ, котораго не можетъ стѣснить или остановить никакая власть, который можно внести даже въ тюремныя стѣны»...

Тотъ посторонній слушатель, которому я прочелъ эти два прекрасные отрывка, перервалъ меня на послѣднемъ словѣ и замѣтилъ съ нѣкоторою досадою:

— Да, да! я знаю! Это изъ XII тома сочиненій Льва Толстого. Я тамъ помню это мѣсто...

— Ошибаетесь. Это вовсе не изъ Толстого. Это писано раньше его, и притомъ писано авторомъ, давно умершимъ...

— Ну, такъ это изъ «Дневника Писателя» Достоевскаго. Тамъ есть въ этомъ родѣ статья, въ которой то же самое говорится о цѣли жизни и назначеніи человѣка.

— Опять-таки ошибаетесь... Это писано не Достоевскимъ, а Гоголемъ, въ его «Авторской исповѣди», ровно за сорокъ лѣтъ до нашего времени.

Мой собесѣдникъ былъ крайне пораженъ этимъ открытіемъ, заглянулъ въ развернутую книгу и углубился въ ея чтеніе...

Да, ровно сорокъ лѣтъ тому назадъ вышла въ свѣтъ книга, въ которой авторъ дерзнулъ высказать русскому обществу ту правду, которая всегда и всѣмъ такъ непріятно «колетъ глаза»,—ту самую правду, которую потомъ пришлось выслушать еще отъ двоихъ учителей: Ѳ. Достоевскаго и Л. Толстого... Но горька была доля перваго, дерзнувшаго ее высказать! Только теперь, сорокъ лѣтъ спустя, подъ вліяніемъ всего пережитаго, перечувствованнаго и пере-

испытаннаго обществомъ нашимъ за послѣднюю четверть вѣка, мы можемъ вполнѣ разумно, вполнѣ спокойно оглянуться назадъ, и дать вѣрную оцѣнку и той эпохѣ, въ которую Гоголь выступилъ передъ публикой со своими послѣдними сочиненіями, и тому тяжелому подвигу, который онъ поднялъ на свои хилыя плеча, рѣшившись издать въ свѣтъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями».

Вчитываясь въ данную минуту въ «Переписку съ друзьями» и въ «Авторскую исповѣдь» Гоголя, мы находимъ въ обоихъ этихъ произведеніяхъ много превосходныхъ и тонкихъ наблюденій надъ современнымъ Гоголю русскимъ человѣкомъ, много справедливыхъ замѣчаній о русской литературѣ и русскихъ идейныхъ заблужденіяхъ, много прекрасныхъ мыслей и такихъ афоризмовъ, которые свидѣтельствуютъ о чрезвычайно высокомъ настроеніи душевномъ, подъ вліяніемъ котораго оба произведенія были Гоголемъ задуманы и выполнены. Рядомъ съ этими высокими и прекрасными сторонами «Переписки» и «Исповѣди», какъ въ той, такъ и въ другой, встрѣчается много дѣтски-наивныхъ назиданій, поученій и выводовъ, которые отчасти были результатомъ нѣкоторыхъ странностей Гоголя, отчасти согласовались съ такими условіями современной общественности, которыя уже давно потеряли для насъ всякій смыслъ и значеніе. Не слѣдуетъ забывать, что уже болѣе четверти вѣка минуло съ тѣхъ поръ, какъ слово баринъ и слово крѣпостной сдѣлались достояніемъ исторіи!

Если бы Гоголь жилъ въ настоящее время и, пользуясь всѣмъ блескомъ своей славы, напечаталъ бы свою «Переписку съ друзьями» и даже свою «Авторскую исповѣдь», то никто не удивился бы этому; всякій извлекъ-бы себѣ изъ книги то, что показалось бы ему полезнымъ, и отвергнулъ бы то, что показалось бы невѣрнымъ, смѣшнымъ или страннымъ. Никому бы и въ голову не пришло перенести свое недовольство книгою на самого автора и выразить его въ такихъ формахъ, которыя привели бы автора въ ужасъ и отчаяніе. А между тѣмъ, именно такъ поступило русское общество въ концѣ 40-хъ годовъ съ Гоголемъ... «Ни одна книга,—говоритъ Гоголь,—не произвела столько разнообразныхъ толковъ, какъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», и что всего замѣчательнѣй, чего не случилось, можетъ быть, доселѣ еще ни въ какой литературѣ, — предметомъ толковъ и критики стала не книга, но авторъ... Надъ живымъ тѣломъ еще живущаго человѣка производилась та страшная анатомія, отъ которой бросаетъ въ холодный потъ даже и того, кто одаренъ крѣпкимъ сложеньемъ»... «Почти въ глаза автору стали говорить, что онъ сошелъ съума, и прописывали ему рецепты отъ умственнаго разстройства. Не могу скрыть, что меня еще болѣе опечалило, когда люди, также умные и притомъ не раздраженные, провозгласили печатно, что въ

этой книгѣ ничего нѣтъ новаго; что же и ново въ ней, то ложь, а не истина»... «Можно дѣлать замѣчанія по частямъ на то и на другое, можно давать и мнѣнія, и совѣты, но выводы основывать на этихъ мнѣніяхъ обо всемъ человѣкѣ, объявлять его рѣшительно помѣшавшимся, сошедшимъ съума, называть лжецомъ и обманщикомъ, надѣвшимъ личину набожности, приписывать подлыя и низкія цѣли,—это такого рода обвиненія, которыхъ я бы не въ силахъ быть взвалить даже на отъявленнаго мерзавца, заклейменнаго клеймомъ всеобщаго презрѣнія. Мнѣ кажется, что прежде, чѣмъ произносить такія обвиненія, слѣдовало-бы хоть сколько-нибудь содрогнуться душою и подумать о томъ, каково было-бы намъ самимъ, если бы такія обвиненія обрушились на насъ публично, въ виду всего свѣта?»

Въ этихъ горькихъ жалобахъ намъ слышится истинный «вопль души» человѣка, глубоко оскорбленнаго несправедливостью къ нему современниковъ и много выстрадавшаго въ тишинѣ своего далекаго уединенія. Но почему же современники отнеслись къ Гоголю такъ жестоко и такъ несправедливо? Что подняло противъ него въ обществѣ такую страшную бурю? Почему одна, въ сущности, очень невинная и съ самымъ добрымъ намѣреніемъ написанная книга — въ полномъ смыслѣ слова une oeuvre de bonne foi— могла разомъ низвергнуть Гоголя съ той высоты, на которую вознесло его русское общество за его «Ревизора» и «Мертвыя Души»? Внимательное чтеніе «Переписки съ друзьями» и писемъ, писанныхъ Гоголемъ къ разнымъ лицамъ (до напечатанія этой книги и по напечатаніи ея), — даютъ намъ очень полные и опредѣленные отвѣты на всѣ эти вопросы. Мало того: это-же чтеніе убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ послѣднихъ произведеніяхъ Гоголя мы имѣемъ не только единственный въ своемъ родѣ памятникъ литературный [1]), а въ полемикѣ, вызванной имъ, — превосходный историческій памятникъ той эпохи, которая вызвала книгу Гоголя. Вотъ почему мы и полагаемъ, что теперь, болѣе, чѣмъ когда либо, слѣдуетъ вновь пересмотрѣть весь послѣдній періодъ литературной дѣятельности Гоголя, чтобы снять съ его памяти тѣ несправедливые укоры и обвиненія, которыя еще и до сихъ поръ на ней тяготѣютъ. Легко можетъ быть, что изъ этого пересмотра мы извлечемъ, въ назиданіе нашему времени, нѣсколько весьма любопытныхъ выводовъ и нѣсколько указаній, не безполезныхъ для будущаго.

---

[1]) Мы ни въ одной литературѣ не знаемъ такого искренняго и полнаго изложенія внутренней исторіи личнаго творчества, какое мы видимъ въ «Авторской исповѣди» Гоголя.

Для того, чтобы вполнѣ уяснить себѣ послѣдній періодъ литературной дѣятельности Гоголя, необходимо взглянуть на то положеніе, которое онъ занималъ въ русскомъ обществѣ тотчасъ послѣ выхода въ свѣтъ первой части «Мертвыхъ Душъ», т. е. тогда, когда онъ достигъ апогея своей литературной славы. Слава эта была на столько громка, а положеніе Гоголя въ современномъ русскомъ обществѣ на столько высоко, что Гоголю, кажется, нечего было желать, и слѣдовало-бы только продолжать начатый имъ трудъ... Этого именно и ожидали отъ него всѣ почитатели и поклонники его таланта, возлагавшіе на него столько надеждъ и упованій. И вдругъ — случилось нѣчто совсѣмъ неожиданное! Гоголь не только не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ, не только бросилъ работу надъ своимъ трудомъ, но даже печатно отказался отъ всего, что уже было имъ написано и что возбудило такъ много восторговъ и ожиданій. Мало того, онъ, авторъ такихъ веселыхъ юмористическихъ разсказовъ, какъ «Вечера на хуторѣ близь Диканьки», какъ «Миргородъ» и «Арабески», авторъ, такъ зло и сильно осмѣявшій наши общественные порядки и такъ глубоко заглянувшій внутрь русской жизни, вдругъ сворачиваетъ со своего пути, вдается (какъ тогда выражались) въ мистицизмъ, въ аскетизмъ, въ мрачныя сокрушенія о своей грѣховности... А затѣмъ печатаетъ даже книгу, признается публично и печатно въ такихъ вещахъ, о которыхъ и въ частной бесѣдѣ, по понятіямъ того времени, слѣдовало выражаться только съ большими оговорками и съ крайнею осторожностью. Объяснить себѣ съ надлежащею, осязательною ясностью, этотъ переходъ Гоголя отъ одного настроенія къ другому было довольно трудно; а такъ какъ все-же нужно было найти отвѣтъ на вопросъ, который напрашивался самъ собою, то изо всѣхъ отвѣтовъ былъ избранъ легчайшій... Гоголь былъ признанъ помѣшавшимся и дѣйствующимъ подъ вліяніемъ **умопомраченія**. Но въ этомъ легчайшемъ способѣ рѣшенія мудренаго вопроса, мы никакъ не можемъ признать правильнаго объясненія того тяжелаго психическаго процесса, который руководилъ литературною дѣятельностью Гоголя въ періодъ, послѣдовавшій за изданіемъ «Мертвыхъ Душъ». Поищемъ-же иного объясненія этому процессу въ томъ, что Гоголь совершенно чистосердечно разсказываетъ самъ о себѣ.

Уже смолоду Гоголь былъ натурою загадочною и сложною, въ которой пестро были совмѣщены и слиты самыя большія крайности и противоположности. Физически, онъ не былъ человѣкомъ здоровымъ и уже отъ ранней юности носилъ въ себѣ задатки того душевнаго недуга, который подъ конецъ жизни окончательно овладѣлъ всѣмъ его существомъ. Главнымъ внутреннимъ недостаткомъ Гоголя было полное отсутствіе того нравственнаго уравнителя, который былъ-бы способенъ примирить

странныя противоположности его нравственнаго типа и уравновѣсить его громадныя, геніальныя способности съ ничтожнымъ характеромъ и полнымъ отсутствіемъ воли. Въ одномъ изъ писемъ къ духовнику своему (9 мая 1847 года), Гоголь самъ сознаетъ въ себѣ этотъ недостатокъ, говоря:

«Богъ далъ (мнѣ) большое имѣніе, множество въ немъ всякихъ угодій и удобствъ; земли—не окинешь глазомъ; а самъ управитель, которому поручено это имѣніе, не умѣетъ управлять имъ. Вотъ вамъ портретъ мой! Силъ много, но умѣнья править этими силами мало, — можетъ быть, отъ того самаго, что слишкомъ много дано силъ».

При такомъ отсутствіи воли, Гоголь былъ способенъ одинаково легко поддаваться самымъ противоположнымъ влеченіямъ своей воспріимчивой, нервной, болѣзненно-раздражительной натуры. Онъ самъ указываетъ на то, что первое побужденіе къ авторству было въ немъ вызвано желаніемъ избавиться отъ припадковъ тоски, вызванныхъ зарождавшимся нравственнымъ недугомъ. Чтобы развлечь себя самого, онъ «придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать»... «Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому отъ этого выйдетъ какая польза?» И вдругъ онъ почувствовалъ въ себѣ громадныя силы; вдругъ хлынула изъ него та волна вдохновенія, которая озадачила самого Пушкина. Онъ первый замѣтилъ въ Гоголѣ его дивную способность «угадывать человѣка», «уловлять его душу», и не только совѣтовалъ ему приняться за большое, серьёзное сочиненіе, но даже далъ богатѣйшую тэму—сюжетъ «Мертвыхъ Душъ». Ободряемый Пушкинымъ и обольщенный собственными успѣхами, Гоголь такъ увлекся своимъ даромъ осмѣянія, что уже не могъ остановить своего «смѣха» и къ новому сюжету своей сатиры отнесся чрезвычайно легко. «Не опредѣливши себѣ обстоятельнаго плана, не давши себѣ отчета, что̀ такое именно долженъ быть самъ герой», Гоголь принялся за обработку сюжета «Мертвыхъ Душъ». «Я думалъ просто,—говоритъ онъ,—что смѣшной проэктъ, исполненіемъ котораго занятъ Чичиковъ, наведетъ меня самъ на разнообразныя лица и характеры; что родившаяся во мнѣ охота смѣяться создастъ сама собою множество смѣшныхъ явленій, которыя я намѣренъ былъ перемѣшать съ трогательными». Однимъ словомъ, не Гоголь управлялъ и руководилъ данною ему страшною творческою силою, а самая сила руководила Гоголемъ и неудержимо влекла его по извѣстному направленію. Результатъ получился неожиданный: Пушкинъ, который, повидимому, смотрѣлъ на обработку даннаго имъ сюжета также легко, какъ и Гоголь, при чтеніи первыхъ главъ новаго произведенія, вмѣсто ожиданнаго смѣха, пришелъ къ мрачному настроенію... Огульное, сплошное осмѣяніе, которому такъ

широко и неудержимо предался Гоголь, вызвало въ Пушкинѣ острую, щемящую боль сердца... Точно такое-же впечатлѣніе произвелъ на многихъ «Ревизоръ», въ которомъ авторъ «рѣшился собрать въ кучу все дурное въ Россіи... и за одинъ разъ посмѣяться надъ всѣмъ». Смѣхъ еще разъ проявился такъ цѣльно и полно, какъ никогда еще не проявлялся у Гоголя, но «сквозь смѣхъ читатель уже услышалъ грусть», а самъ Гоголь пришелъ къ тому убѣжденію, что онъ уже не можетъ смѣяться также невинно и также безотчетно, какъ смѣялся прежде. И вотъ, въ томъ самомъ трудѣ, за который онъ принялся такъ опрометчиво, ему предсталъ цѣлый рядъ вопросовъ: «зачѣмъ? почему это? что долженъ сказать собою такой-то характеръ?» Гоголь пробовалъ отдѣлаться отъ надоѣдливыхъ вопросовъ, но неотразимые вопросы стояли передъ нимъ попрежнему. Бо̀льшая половина первой части «Мертвыхъ Душъ» уже была готова, когда въ авторѣ явилась потребность все передѣлать, возсоздать, перестановить, а главное—задаться въ этомъ произведеніи новымъ грандіознымъ планомъ. Чичиковъ, Маниловъ, Собакевичъ, Ноздревъ и весь городъ N. N. были уже созданы и вылиты въ ту художественную форму, въ какой они намъ извѣстны, когда автору «Мертвыхъ Душъ» пришло въ голову обратить свою поэму въ колоссальную эпопею. Героемъ эпопеи долженъ былъ явиться уже не Чичиковъ, а «весь русскій человѣкъ, со всѣмъ разнообразіемъ богатствъ и даровъ, доставшихся ему на долю, преимущественно передъ другими народами, и со всѣмъ множествомъ тѣхъ недостатковъ, которые находятся въ немъ также преимущественно передъ всѣми другими народами». Задача, — благодаря отсутствію внутренняго уравнителя,—изъ скромной и весьма опредѣленной обращалась уже въ громадную. Отъ этого былъ только одинъ шагъ до необходимости узнать: «что̀ дѣйствительно въ нашей природѣ есть достоинства, и что̀ въ ней дѣйствительно есть недостатки?»—а затѣмъ уже являлась, весьма естественно, потребность «узнать получше природу человѣка вообще и душу человѣка вообще». Громадная задача отодвигалась въ сторону, и на мѣсто ея выступала необъятная безконечная: самоизученіе, самоистязаніе и, какъ неизбѣжное слѣдствіе того и другаго, стремленіе къ самосовершенствованію, при которомъ, конечно, пришлось прежде всего отречься отъ авторства, какъ повода къ гордости и самообольщенію.

Такъ разсказываетъ самъ Гоголь «повѣсть своего авторства». Самый пристрастный судья въ наше время не нашелъ бы въ этомъ вполнѣ естественномъ и послѣдовательномъ психическомъ процессѣ ни малѣйшаго признака «умопомраченія». Гоголь, видимо, не совладалъ со своими силами, и избытокъ силъ сломилъ его... Но онъ не вполнѣ былъ виноватъ въ томъ, что не устоялъ въ этой неравной борьбѣ: значительная доля вины падаетъ, въ этомъ случаѣ, на то общество, среди котораго Гоголь жилъ и дѣйствовалъ.

Положеніе Гоголя въ русскомъ обществѣ, въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ, было, дѣйствительно, совершенно исключительнымъ. Примыкая отчасти къ Пушкинскому кружку, тѣсно связанный съ славянофилами, Гоголь, въ то же время, пользовался большимъ значеніемъ и между западниками, даже самыми ярыми. Всѣ политическія и общественныя партіи, воспитавшіяся въ періодъ сильнѣйшаго развитія философскихъ системъ и теорій, перенесенныхъ съ Запада на русскую почву, стремились примѣнить ихъ, такъ или иначе, къ вопросамъ русской жизни. Но русская жизнь влеклась такою неприглядною колеёй, рамки ея были такъ тѣсны и узки, что всѣмъ приходилось утѣшать себя только мечтами о будущемъ и въ немъ строить и воздвигать свои идеалы, въ немъ искать осуществленія своихъ надеждъ, основанныхъ на послѣднемъ выводѣ западной науки и новѣйшихъ философскихъ системъ. Ни одна изъ существующихъ партій не была довольна настоящимъ; каждая изъ нихъ относилась къ нему съ порицаніемъ (иногда черезчуръ строгимъ и совершенно несправедливымъ) и отрицала даже все то, что послѣдующія поколѣнія русскихъ людей оцѣнили по достоинству. Вообще—отрицанія и сомнѣнія носились въ воздухѣ... И вдругъ явился Гоголь — этотъ пророкъ отрицанія, этотъ геній всеуничтожающей, всебичующей сатиры! И всѣ бросились къ Гоголю; всѣ превозносили его; всѣ съ восторгомъ стали изучать его, подражать ему, повторять на всѣ лады, разработывать въ частностяхъ намѣченныя имъ тэмы... Гоголь былъ пресыщенъ, упоенъ, увлеченъ общимъ поклоненіемъ, въ особенности восторгами молодежи. Но увлеченіе его было непродолжительно: чуткая душа его угадала, что въ этомъ поклоненіи скрывается какая-то фальшь, что въ его сочиненіяхъ вычитали вовсе не то, что онъ хотѣлъ ими высказать и что отъ продолженія его труда ожидаютъ чего-то такого, чего онъ положительно не можетъ дать. По его собственному сознанію, онъ увидалъ, что «со смѣхомъ нужно быть очень осторожнымъ,—тѣмъ болѣе, что смѣхъ заразителенъ и стоитъ только тому, кто поостроумнѣй, посмѣяться надъ одной стороной дѣла, какъ уже вслѣдъ за нимъ, тотъ кто потупѣе и поглупѣй, будетъ смѣяться надъ всѣми сторонами дѣла». Желая провѣрить самого себя и вдали отъ восхваленій и ѳиміамовъ серьёзно предаться своей внутренней работѣ и своему труду, Гоголь воспользовался первою возможностью, чтобы уѣхать за границу, и тамъ пришелъ къ полному разочарованію и въ себѣ самомъ, и въ своихъ силахъ, и въ своемъ трудѣ. Это разочарованіе привело его къ тому, что онъ сначала потерялъ всякую охоту къ писательству, а потомъ пришелъ къ убѣжденію, что онъ, «**какъ честный человѣкъ**, долженъ отложить перо даже и тогда, если бы почувствовалъ позывъ къ нему». Рядомъ съ отвращеніемъ отъ писательства сильнѣе и сильнѣе сказывалось въ Гоголѣ и, наконецъ, вполнѣ имъ овладѣло весьма

высокое религіозное настроеніе (то, что его современники, а съ ихъ голоса и мы, называли въ Гоголѣ мистицизмомъ), въ которомъ не было ничего фанатическаго, суроваго, нетерпимаго, а напротивъ—желаніе всѣмъ добра и блага, съ самымъ искреннимъ, самымъ горячимъ стремленіемъ къ идеалу христіанскаго смиренія.

Что же дѣлали въ это время друзья Гоголя? что дѣлало общество? Непонимать настроеніе Гоголя было невозможно, потому что онъ о немъ писалъ всѣмъ и каждому, и писалъ очень пространно. Но друзья его **не признавали** этого настроенія естественнымъ слѣдствіемъ психическаго процесса, совершавшагося въ душѣ его, а принимали его за временную прихоть, за капризъ больнаго воображенія, за проявленіе нравственной распущенности и той избалованности, которая поощряетъ въ человѣкѣ лѣнь и мѣшаетъ ему работать. Друзья отъ Гоголя **требовали работы**, напоминали ему о ней, указывали весьма безцеремонно на то, что̀ ему слѣдуетъ дѣлать (окончаніе 2-й части «**Мервыхъ Душъ**»), давали совѣты, какъ избавиться отъ лѣни, какъ встряхнуть себя нравственно. Гоголь отвѣчалъ на всѣ подобные запросы, совѣты и увѣщанія съ досадою, съ горечью, иногда даже съ озлобленіемъ. Одному изъ пріятелей онъ писалъ: «Охота тебѣ, будучи знатокомъ и вѣдателемъ человѣка, задавать мнѣ тѣ-же пустые запросы, которые умѣютъ задать и другіе! Половина ихъ относится къ тому, что еще впереди. Ну, что толку въ подобномъ любопытствѣ?» Другому писалъ еще рѣзче: «Какая странная мода теперь завелась на Руси! Самъ человѣкъ лежитъ на боку, къ дѣлу настоящему лѣнивъ, а другаго торопитъ, точно, какъ будто непремѣнно другой долженъ изо всѣхъ силъ тянуть, отъ радости, что его пріятель лежитъ на боку. Чуть замѣтятъ, что хотя одинъ человѣкъ занялся серьезно какимъ-нибудь дѣломъ, ужъ его торопятъ со всѣхъ сторонъ и потомъ его же выбранятъ, если сдѣлаетъ глупо,—скажутъ: зачѣмъ поторопился»? Третьему пріятелю Гоголь просилъ передать, что онъ «весьма понялъ всякіе заѣзды по части статьи (для «Москвитянина»); но не хочетъ ли онъ понюхать нѣкотораго словца, подъ именемъ **нѣтъ**»?.. Только въ письмѣ къ Смирновой онъ вскрывалъ свою душу и говорилъ прямо: «Благословенъ Богъ, посылающій намъ страданія! И душѣ, и тѣлу моему слѣдовало выстрадаться. Безъ этого не будутъ **Мертвыя Души** тѣмъ, чѣмъ и́мъ быть должно». А затѣмъ ужъ прямо отрѣзалъ всѣ подступы друзей, заявляя имъ, что онъ лучше ихъ и выше ихъ понимаетъ свое назначеніе: ..... «Создалъ меня Богъ и не скрылъ отъ меня назначенія моего. Рожденъ я вовсе не затѣмъ, чтобы произвести эпоху въ области литературной. Дѣло мое проще и ближе: дѣло мое есть то, о которомъ прежде всего долженъ подумать всякій человѣкъ, не только одинъ я. Дѣло мое—**душа** и **прочное** дѣло жизни. А потому и образъ дѣйствій моихъ долженъ быть проченъ, и сочинять я долженъ прочно».

Но друзья не отставали, друзья побуждали къ дѣятельности, друзья съ удивительною смѣлостью отрицали то настроеніе, которое сдерживало творческую силу Гоголя,—и добились того, что онъ наконецъ очнулся отъ своего тяжелаго оцѣпененія. Въ одну изъ своихъ свѣтлыхъ минутъ, онъ вдругъ сообразилъ, что и бездѣйствіе его—такой-же грѣхъ, какъ и слишкомъ спѣшное творчество; онъ пришелъ къ убѣжденію, что есть такой видъ писательства, который можетъ быть всѣмъ полезенъ, и задумалъ создать книгу изъ своихъ писемъ къ друзьямъ и знакомымъ, «постаравшись дать ей какой-нибудь порядокъ и послѣдовательность, чтобы она походила на дѣльную книгу». Гоголь думалъ этою книгою разомъ достигнуть трехъ цѣлей: 1) «сколько нибудь заплатить за долгое молчаніе», 2) «объяснить свое трудное положеніе, почему онъ не могъ писать все это время»; 3) «обратить вниманіе на практическое и на дѣло жизни». Однимъ словомъ, Гоголь очень близко подходилъ къ той самой мысли, которую осуществилъ покойный Достоевскій въ послѣдніе годы жизни въ своемъ «Дневникѣ Писателя».

И вотъ, задавшись мыслью принести пользу Россіи своими совѣтами и указаніями и рядомъ статей, въ которыхъ хотѣлъ говорить обо всемъ полезномъ и нужномъ для русскаго человѣка, Гоголь вдругъ отъ бездѣйствія перешелъ къ поспѣшной, лихорадочной, безостановочной дѣятельности. Въ апрѣлѣ 1846 года, является у Гоголя первая мысль о собираніи и изданіи въ свѣтъ своей переписки съ друзьями, а два мѣсяца спустя, онъ ужъ весь поглощенъ своимъ дѣломъ, преданъ ему всею душою и до такой степени увлеченъ имъ, что уже для него ничто болѣе на свѣтѣ не существуетъ, кромѣ той книги, которую онъ собирается печатать и которая должна, по его мнѣнію, оказать громаднѣйшее вліяніе на всю Россію. Іюня 30-го того же года, Гоголь уже пишетъ Плетневу, при посылкѣ первой тетради «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями»: «Всѣ свои дѣла въ сторону и займись печатаньемъ этой книги... Она нужна, слишкомъ нужна всѣмъ; вотъ что̀, покамѣстъ, могу сказать; все прочее объяснитъ тебѣ сама книга. Къ концу ея печатанья все станетъ ясно, и недоразумѣнія, тебя доселѣ тревожившія, исчезнутъ сами собою... Эта книга разойдется болѣе, чѣмъ всѣ мои прежнія сочиненія, потому что это до сихъ поръ моя единственная дѣльная книга». Самое печатаніе и цензурованіе книги должно было происходить, по желанію Гоголя, подъ покровомъ величайшей тайны, потому что онъ ожидалъ отъ книги потрясающаго дѣйствія на публику—и успѣха небывалаго... [1]). Августа 13-го отправлена Плетневу 2-я тетрадь; сентября 12-го—третья; сентября 26-го—четвертая; октября 16-го—пятая и послѣдняя тетрадь. Гоголь не досыпалъ и не доѣдалъ, спѣша окончить свою дра-

[1]) Во время печатанія перваго изданія уже была, по желанію Гоголя, заказана бумага на второе изданіе.

годѣнную книгу, позабывалъ ради нея даже свои заботы о лѣченьѣ, и до того оживился, до того расцвѣлъ, обрадовавшись возвратившейся къ нему энергіи, что сталъ неузнаваемъ для окружающихъ... Но, вмѣстѣ съ энергіею, возвратилось и прежнее самомнѣніе, и прежнее, несоразмѣрное преобладаніе воображенія надъ всѣми остальными способностями. Благодаря отсутствію того-же внутренняго уравнителя, простое изданіе избранныхъ мѣстъ переписки мало-по-малу обратилось въ какое-то священнодѣйствіе, въ дарованный свыше случай порицать и назидать... Гоголь сталъ даже опасаться того, что онъ не доживетъ до конца печатанія своей книги, и уже заранѣе приложилъ къ ней свое знаменитое завѣщаніе въ видѣ предисловія, какъ бы желая придать этимъ актомъ особую силу, особую санкцію тому, что было собрано въ книгѣ. Вся книга должна была явиться, какъ бы завѣтомъ Гоголя Россіи!

Но что же, въ сущности, долженъ былъ заключать въ себѣ этотъ завѣтъ Гоголя? Не болѣе, какъ рядъ статей по разнымъ вопросамъ общественнымъ, государственнымъ, литературнымъ и религіознымъ,—статей очень умѣренныхъ, написанныхъ, очевидно, съ цѣлью примиренія различныхъ партій и различныхъ взглядовъ. Во многихъ изъ числа этихъ статей находимъ новыя, смѣлыя и прекрасныя мысли; во многихъ—черты свѣтлаго, высокаго, поэтическаго міросозерцанія; въ иныхъ—наивныя мечтанія, ни къ чему непригодныя и ни для кого ненужныя. По собственному выраженію Гоголя, и въ этой книги его, какъ и во всѣхъ другихъ, «встрѣчается рядомъ и зрѣлость, и незрѣлость, и мужъ, и ребенокъ, и учитель, и ученикъ».

Всматриваясь въ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» теперь и обсуждая книгу съ современной точки зрѣнія, мы представляемъ себѣ, что если бы она явилась въ свѣтъ теперь, то могла-бы, конечно, не имѣть успѣха, могла-бы не возбудить къ себѣ ни участія, ни вниманія; но ужъ никакъ не могла-бы вызвать той страшной бури, къ которой она привела. Оказывается, однакоже, что причины, вызвавшія бурю, крылись не столько въ самой книгѣ, сколько въ томъ обществѣ, къ которому она была Гоголемъ обращена, и, въ особенности, въ отношеніяхъ, между Гоголемъ и этимъ обществомъ установившихся. Но прежде, чѣмъ мы выяснимъ причины того всеобщаго негодованія и озлобленія, съ которымъ книга была встрѣчена, намъ необходимо добавить еще нѣсколько словъ къ исторіи самаго появленія книги въ свѣтъ.

Первыя разочарованія Гоголя начались съ того, что профессоръ Никитенко, цензуровавшій книгу, отнесся къ ней чрезвычайно сурово. Изъ 33-хъ статей двѣ исчезли совершенно [1]), двѣ

[1]) Одна была озаглавлена: «Занимающему важное мѣсто». Другая: «Страхи и ужасы Россіи»

выкинулъ самъ Гоголь по совѣту друзей (Плетнева и князя Вяземскаго), а всѣ остальныя были цензоромъ сокращены, урѣзаны, оставлены безъ конца, безъ начала или безъ середины. Это тѣмъ болѣе огорчило Гоголя, что онъ былъ всегда совершенно увѣренъ въ чистотѣ своихъ намѣреній и въ полной безвредности всей книги, въ полномъ ея составѣ. До начала печатанія своей книги, онъ неоднократно выражалъ въ своихъ письмахъ къ пріятелямъ полнѣйшую увѣренность въ томъ, что въ Россіи можно смѣло говорить правду и вся сила только въ томъ, чтобы съумѣть эту правду высказать. И вдругъ—цѣлый рядъ непреодолимыхъ препятствій, цѣлая борьба изъ-за каждой строчки! А въ концѣ концовъ—такое изуродованіе самой книги, при которомъ выйдти въ свѣтъ могла уже только половина всего написаннаго. Въ февралѣ 1847 года, Гоголь пишетъ по этому поводу Жуковскому:

«Вышла не то книга, не то брошюра. Лица и предметы, на которые я обращалъ вниманіе читателя, исчезнули, и выступилъ одинъ я, своей собственной личной фигурой, точно какъ бы издавалъ книгу затѣмъ, чтобы показать себя [1]). Безтолковщина эта меня прежде бы очень разсердила, но теперь, слава Богу, спокойствіе мое не возмутилось».

Но разумнаго спокойствія хватило не надолго. Изъ Россіи шли самые невѣроятные толки о «Перепискѣ съ друзьями», критика свирѣпствовала надъ нею пуще всякой цензуры, на голову автора сыпались укоры, упреки, обвиненія самаго дикаго свойства, а досужіе порицатели, прикрываясь псевдонимами, безъ пощады осыпали автора «**Переписки**» ругательными письмами даже и въ томъ «прекрасномъ далекѣ», въ которое онъ уединился отъ современной ему Россіи. Уже въ мартѣ (1847 года) Гоголь пишетъ Жуковскому:

«Появленіе моей книги разразилось точно въ видѣ какой-то оплеухи: оплеуха публикѣ, оплеуха друзьямъ моимъ, и, наконецъ, еще сильнѣйшая оплеуха мнѣ самому. Послѣ нея я очнулся, точно какъ будто послѣ какого-то сна, чувствуя, какъ провинившійся школьникъ, что напроказилъ больше того, чѣмъ имѣлъ намѣреніе. Я размахнулся въ книгѣ моей такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духу заглянуть въ нее. Но, тѣмъ не менѣе, книга эта отнынѣ будетъ лежать всегда на столѣ моемъ... для того, чтобы видѣть все свое неряшество и меньше грѣшить впередъ. **При всемъ томъ моя книга полезна**».

Но за ожесточенными нападками критиковъ, враговъ и противниковъ всякаго рода, посыпались нападки друзей, пріятелей, людей дорогихъ и близкихъ. Эти нападки потрясли Гоголя до глубины души и довели его до самаго тяжелаго состоянія. «Можно

---

[1]) Это замѣчаніе Гоголя удивительно вѣрно угадано: точно такъ и отнеслась къ его книгѣ близорукая россійская критика! П. П.

еще вести брань съ самыми ожесточенными врагами,—восклицаетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—но храни Богъ всякаго отъ этой страшной битвы съ друзьями! Тутъ все изнеможетъ, что̀ ни есть въ тебѣ!» И все же Гоголь крѣпился и старался быть твердымъ; въ оправданіи себя передъ ближайшими друзьями (такими, какъ Плетневъ и Шевыревъ), онъ даже создалъ цѣлую теорію, на основаніи которой онъ будто-бы нарочно написалъ свою книгу, «чтобы основательно, радикально пощупать общество»; онъ старался ихъ увѣрить, что его книга была для него не болѣе, какъ «пробнымъ камнемъ, чтобы испробовать современнаго человѣка». Въ письмѣ къ Шевыреву (27 апрѣля 1847 года) онъ даже прямо утверждаетъ, что заранѣе предвидѣлъ все, что случилось, но все же долженъ былъ, въ своихъ особыхъ видахъ, выпустить свою книгу. «Одно средство: выпустить заносчивую, задирающую книгу [1]), которая заставила бы встрепенуться всѣхъ. Повѣрьте, что русскаго человѣка, покуда не разсердишь, не заставишь заговорить. Онъ все будетъ лежать на боку и требовать, чтобы авторъ попотчивалъ его чѣмъ-нибудь примиряющимъ съ жизнью». Но вскорѣ уже никакія утѣшающія теоріи, никакіе вымыслы фантазіи не могутъ болѣе успокоить Гоголя: онъ начинаетъ просить пощады у друзей своихъ, онъ обращается къ нимъ съ мольбами... «Ради самаго Христа, прошу васъ теперь не отъ дружбы, но изъ милосердія... взойдти въ мое положеніе, потому что душа моя изныла, какъ ни крѣплюсь и ни стараюсь быть хладнокровнымъ». Однакоже друзья оказываются еще безпощаднѣе враговъ и до такой степени докучаютъ Гоголю своими непрошенными порицаніями, замѣчаніями и приговорами, что онъ, наконецъ, выходитъ изъ себя и начинаетъ отражать дружескія нападки очень желчными и колкими вразумленіями. «Другъ мой!» — пишетъ Гоголь С. Т. Аксакову (августъ, 1847),—не будьте вы такъ самоувѣренны въ непреложности своихъ заключеній. Повторяю вамъ вновь: по частямъ разбирая мою книгу, вы можете быть правы, но произнести такъ рѣшительно окончательный судъ моей книгѣ, какъ вы произносите, это—гордость въ умѣ своемъ. Мнѣ показалось даже, какъ бы въ устахъ вашихъ раздались не ваши, а какія-то юношескія рѣчи, какъ бы въ этомъ мѣстѣ вашего письма сказалъ, нѣсколько понадѣясь на себя, Константинъ Сергѣевичъ, а не вы. Въ нихъ отзывается такой смыслъ: «Твоя голова не здорова, а моя здорова; я вижу ясно вещь и потому могу судить о тебѣ». Другъ мой, теперь такое время, что врядъ ли у кого изъ насъ здорова, какъ слѣдуетъ, голова. Глядѣть на меня, какъ блуднаго сына, и ожи-

---

[1]) Тутъ Гоголь, стараясь себя утѣшить, жестоко противорѣчитъ себѣ, позабываетъ о томъ, что прилагалъ особенное стараніе къ написанію книги «примиряющей».

дать моего возвращенія на путь истинный, можетъ только тотъ, кто самъ стоитъ уже на этомъ истинномъ пути, а это одинъ только Богъ вѣдаетъ, кто изъ насъ на какомъ именно мѣстѣ стоитъ. Лучше всего намъ имѣть побольше смиренія и меньше увѣренности въ непреложной истинѣ и вѣрности своего взгляда».

Отъ такихъ отповѣдей былъ уже только одинъ шагъ до той грозной полемики, которую Гоголь такъ смѣло и такъ основательно повелъ противъ горячихъ, задорныхъ и слишкомъ исключительныхъ нападокъ Бѣлинскаго. Но прежде, чѣмъ мы заглянемъ въ эту полемику, мы должны будемъ оглянуться назадъ и выяснить, повозможности, что̀ именно заставило всѣхъ ополчиться противъ Гоголя за «Переписку съ друзьями», что̀ подняло на ноги всю литературу и побудило представителей самыхъ противоположныхъ направленій напасть на Гоголя съ равнымъ ожесточеніемъ.

Припомнимъ то положеніе, которое Гоголь занялъ во главѣ русской литературы послѣ того, какъ выдалъ въ свѣтъ первую часть «Мертвыхъ Душъ»; припомнимъ то, что тѣ партіи, на которыя наше общество сороковыхъ годовъ распадалось такъ рѣзко и такъ опредѣленно, смотрѣли на Гоголя одинаково-благопріятно, равно сочувствовали ему и почти равно превозносили его, хотя, въ сущности, онъ никому особенно не старался угодить, ни въ комъ не заискивалъ и ужъ положительно не принадлежалъ ни къ западникамъ, ни къ славянофиламъ. Но дѣло въ томъ, что невинный, веселый, свѣжій юморъ его первыхъ произведеній нравился всѣмъ, а его жестокая, безпощадная сатира, бичевавшая русскую жизнь, еще болѣе пришлась всѣмъ по вкусу. Недовольство современною русскою дѣйствительностью въ сороковыхъ годахъ было общимъ не только среди крайнихъ и умѣренныхъ западниковъ, но и среди славянофиловъ; при этомъ недовольствѣ (которое можно было высказывать лишь весьма осторожно), какъ у западниковъ, такъ и у славянофиловъ, были уже наготовѣ для будущаго теоретически-выработанные планы переустройства русской жизни; у западниковъ они опирались на парламентаризмѣ и послѣднемъ словѣ европейской политической и экономической науки, а у славянофиловъ на фантастической идеализаціи древне-русскихъ и народныхъ началъ. Отрицательное направленіе Гоголя ни тѣмъ, ни другимъ не мѣшало; его порицанія и отрицанія только служили подтвержденіемъ той необходимости будущихъ реформъ, которую и славянофилы, и западники одинаково считали панацеей противъ всѣхъ золъ и бѣдствій русской жизни. Вотъ почему Гоголь—и тѣмъ, и другимъ—былъ любъ и дорогъ именно какъ апостолъ отрицанія, какъ порицатель и обличитель. Послѣ «Ревизора» и первой части «Мертвыхъ Душъ», и славянофилы, и западники ожидали отъ Гоголя дальнѣйшихъ обличеній, дальнѣйшаго развитія той мрачной панорамы типовъ, которые должны были еще болѣе удовлетворить общему русскому

стремленію къ порицаніямъ и осужденіямъ всего русскаго... И вдругъ, о ужасъ! Вмѣсто ожиданнаго продолженія «Мертвыхъ Душъ», котораго всѣ требовали отъ Гоголя, этотъ апостолъ отрицанія издаетъ въ свѣтъ книгу, въ которой не только вступается за живую душу человѣка, не только отрекается отъ всего, что имъ было доселѣ сдѣлано, но еще дерзаетъ давать совѣты, дерзаетъ указывать новые пути жизни, дерзаетъ не соглашаться съ совершенно выработанными типами русскаго будущаго, основанными на послѣднемъ словѣ европейской и русской науки. Но этого мало: этотъ Гоголь, который съумѣлъ найдти и откопать въ русской жизни такъ много дряннаго, пошлаго, заслуживающаго порицанія, осмѣливается теперь утверждать, что русская жизнь вовсе не такъ гадка (какъ это требовалось доказать), что въ русскомъ народѣ есть такія черты, которыя сдѣлали бы честь любому европейцу, что въ лиризмѣ русскихъ поэтовъ есть «нѣчто библейское», что просвѣщеніе онъ понимаетъ только въ связи съ религіею, что народу, поучая его грамотѣ, слѣдуетъ давать только церковныя книги для чтенія... Этотъ Гоголь,—которому уже давно была опредѣлена и назначена извѣстная роль и даже отведено извѣстное (весьма почетное) мѣсто въ нашей литературѣ,—отказывается и отъ мѣста, и отъ литературнаго поприща, и отъ славы перваго русскаго писателя, и доходитъ до такого неприличія, что открыто признаетъ себя вѣрующимъ въ Бога и ревностнымъ православнымъ, и даже заявляетъ, не стѣсняясь, что не видитъ для Россіи спасенія ни въ какой иной формѣ правленія, кромѣ самодержавія!.. Все это было такъ неожиданно, такъ не соотвѣтствовало ожиданіямъ, такъ противорѣчило всѣмъ направленіямъ, теченіямъ и вѣяніямъ современной жизни, что съ Гоголемъ должна была неизбѣжно повториться исторія Чацкаго. Одни завопили, что онъ подкупленъ правительствомъ; другіе, что онъ совращенъ съ пути іезуитами и мистиками; третьи и самые умѣренные изъ всѣхъ, что онъ просто помѣшался, сошелъ съума, причемъ даже весьма безцеремонно рылись въ душѣ и въ жизни Гоголя, весьма прозрачно намекая на аскетизмъ, какъ на естественную причину помѣшательства... Напрасно Гоголь оправдывалъ свою книгу тѣмъ, что многое въ ней не досказано, многое искажено цензурой, а то, что въ ней уцѣлѣло нетронутымъ, «выстрадано имъ» и составляетъ глубочайшую основу его самыхъ искреннихъ убѣжденій. Надъ нимъ смѣялись, глумились, его истязали недвусмысленными намеками и грязными инсинуаціями... Яростнѣе всѣхъ бушевалъ Бѣлинскій, который не могъ себѣ простить того, что онъ (онъ!) такъ жестоко ошибся въ Гоголѣ [1]). Онъ не удовольствовался печатною полемикой

[1]) Не къ нему-ли обращено въ одной изъ статей «Переписки съ друзьями» (Свѣтлое Воскресенье) превосходное мѣсто «о гордости ума»?

противъ книги Гоголя и вступилъ съ нимъ въ переписку... Гоголь принялъ вызовъ и жестоко разбилъ доводы противника. Въ сохранившихся набросках писемъ къ Бѣлинскому мы слышимъ голосъ сильнаго, глубокаго мыслителя и съ изумленіемъ видимъ почти осязательное прорицаніе тѣхъ заблужденій, въ которыя будущимъ реформаторамъ предстояло завести Россію, осуществляя въ жизни свои теоретическія задачи.

«Какъ далеко вы сбились съ прямаго пути!—пишетъ Гоголь Бѣлинскому.—Въ какомъ грубомъ, невѣжественномъ смыслѣ приняли вы мою книгу! какъ вы ее истолковали!... Уста ваши дышатъ желчью и ненавистью... Зачѣмъ вамъ, вамъ съ вашею пылкою душою, вдаваться въ этотъ омутъ политической жизни, въ эти мутныя событія современности, среди которой и твердая осмотрительность многосторонняго ума теряется? Какъ же съ вашимъ одностороннимъ, пылкимъ какъ порохъ умомъ, уже вспыхивающимъ, прежде чѣмъ успѣетъ узнать, что̀ истина, а что ложь, какъ вамъ не потеряться? Вы сгорите, какъ свѣчка, и другихъ сожжете... Вы взглянули на мою книгу распаленными глазами, и все вамъ представилось въ ней въ другомъ видѣ... Не стану защищать мою книгу. Но движеніе было честное. Никому я не хотѣлъ ею польстить или порадѣть. Я хотѣлъ только остановить нѣсколько пылкихъ головъ, готовыхъ закружиться и потеряться въ этомъ омутѣ и безпорядкѣ, въ какомъ очутились всѣ вещи міра, когда внутренній духъ этотъ померкнетъ, какъ бы готовый погаснуть»...

«Вы говорите, — продолжалъ Гоголь, — что спасенье Россіи въ европейской цивилизаціи; но какое это безпредѣльное и безграничное слово! Хоть бы вы опредѣлили, что такое нужно разумѣть подъ именемъ европейской цивилизаціи! Тутъ и фаланстерьеры и красные, и всякіе—и всѣ другъ друга готовы съѣсть, и всѣ носятъ такія разрушающія, такія уничтожающія начала, что трепещетъ въ Европѣ всякая мыслящая голова и спрашиваетъ невольно: гдѣ наша цивилизація? Пустой призракъ явился въ видѣ этой цивилизаціи»...

... «Вы отдѣляете церковь отъ христіанства, ту самую церковь, тѣхъ самыхъ пастырей, которые мученичествомъ своей смерти запечатлѣли истину каждаго слова Христова! Кто же, по-вашему, ближе и лучше можетъ истолковать теперь Христа? Неужели нынѣшніе коммунисты и соціалисты, объясняющіе, что Христосъ повелѣлъ отнимать имущества и грабить тѣхъ, которые нажили себѣ состояніе? Опомнитесь, куда вы зашли!».

...«Многіе, видя, что общество идетъ дурной дорогой, что порядокъ дѣлъ безпрестанно запутывается, думаютъ, что преобразованіями и реформами, обращенными на такой и на другой ладъ, можно поправить міръ. Другіе думаютъ, что посредствомъ какой-

то особенной, довольно-посредственной литературы, которую вы называете беллетристикой, можно подѣйствовать на воспитаніе общества. Мечты!.. Общество образуется само собою, слагается изъ единицъ. Надобно, чтобы каждая единица исполняла должность свою... Пускай вспомнитъ человѣкъ, что онъ вовсе не матеріальная скотина, а высокій гражданинъ высокаго небеснаго гражданства, и до тѣхъ поръ, покуда каждый сколько-нибудь не будетъ жить жизнью небеснаго гражданства, до тѣхъ поръ не придетъ въ порядокъ и земное гражданство!..».

Но какъ ни сильны были эти грозные доводы, какъ ни сознавалъ Гоголь, что, написавъ свою книгу и защищая ее противъ нападковъ «лучшихъ русскихъ людей», онъ честно исполняетъ святой долгъ, онъ все же наконецъ изнемогъ въ неравной борьбѣ противъ цѣлаго общества, и къ одному изъ друзей своихъ писалъ, что «книга его нанесла ему пораженіе». Дальнѣйшее «авторство» показалось ему дѣломъ совершенно невозможнымъ. «Какъ и чѣмъ, и что̀ я могу теперь писать? Если бъ я и въ силахъ былъ сказать слово искреннее, у меня языкъ не поворотится. Искреннимъ языкомъ можно говорить только съ тѣмъ, кто сколько-нибудь вѣритъ нашей искренности; но если знаешь, что передъ тобой стоитъ человѣкъ, уже составившій о тебѣ свое понятіе и въ немъ утвердившійся, тутъ у наиискреннѣйшаго человѣка онѣмѣетъ слово!»

Энергія, вспыхнувшая на мгновеніе въ Гоголѣ такимъ яркимъ пламенемъ и, по его собственному сознанію, обѣщавшая многое въ будущемъ, была подорвана и уничтожена до основанія. Онъ погрузился въ мракъ самосозерцанія и уходилъ въ него все далѣе, все глубже... Въ апрѣлѣ 1849 года онъ писалъ Жуковскому: «Время настало сумасшедшее. Умнѣйшіе люди завираются и набалтываютъ кучи глупостей, такъ что едва ли не долженъ теперь всякій истинный поэтъ и мыслитель думать прежде всего о воздержаніи, произнося: Господи, положи храненіе устнамъ моимъ».

Письмо это уже ясно указывало, что Гоголь вступилъ въ тотъ тягостный періодъ своей жизни, который, какъ естественнымъ слѣдствіемъ, закончился извѣстнымъ сожженіемъ рукописей, наканунѣ смерти...

Настали иныя времена. Въ литературѣ и въ жизни выступили на сцену иные, новые дѣятели. Ключемъ закипѣла въ концѣ 50-хъ годовъ, русская жизнь. Поколѣніе, воспитанное проповѣдью сороковыхъ годовъ, спѣшило жить, спѣшило осуществить свои дорогіе идеалы, жертвуя всѣмъ для того, чтобы направить русскую жизнь иною, новою колеею, которая казалась болѣе правильною... Дѣйствительность и исторія сказали свое слово и грозно откликнулись на теоретическія мечтанія... Но многое въ жизни русской все же значительно измѣнилось къ лучшему, и лучшимъ доказательствомъ

тому можетъ и должна служить для насъ та участь, которая постигла проповѣдь Гоголя. Сѣмена, брошенныя Гоголемъ въ его «Перепискѣ съ друзьями», не погибли, не поглотились въ пережитомъ нами водоворотѣ... Явились новые «мужи слова и совѣта», которые еще разъ рѣшились проповѣдывать то же, что говорилъ Гоголь, но въ еще болѣе рѣзкой, въ еще болѣе опредѣленной и, такъ сказать, осязательной формѣ. Ѳ. Достоевскій и Л. Толстой почти дословно выполнили и въ литературѣ, и даже въ жизни ту программу, которую набросалъ геніальный ихъ предшественникъ, Гоголь. И нельзя не признать того, что наше общество, втеченіе послѣдней четверти вѣка, сдѣлало большой шагъ впередъ, горькимъ опытомъ научившись терпимости и примиренію самыхъ противоположныхъ крайностей, самыхъ рѣзкихъ противорѣчій. Послѣдователи Гоголя и проповѣдники тѣхъ-же идей, за которыя онъ такъ много выстрадалъ, теперь всѣми выслушиваются, уважаются и пользуются такою же заслуженною славою, какъ и передовые люди противоположнаго лагеря. И теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, высокою истиною звучатъ для насъ слова, которыми Гоголь заканчивалъ свою «Переписку съ друзьями»:

«...Мы еще растопленный металлъ, не отлившійся въ свою національную форму; еще намъ возможно выбросить, оттолкнуть отъ себя намъ неприличное и внести въ себя все, что̀ уже невозможно другимъ народамъ, получившимъ форму и закалившимся въ ней. Что есть много въ коренной природѣ нашей, нами позабытой, близкаго закону Христа,—доказательство тому уже то, что безъ меча пришелъ къ намъ Христосъ»...

П. Полевой.

ГОГОЛЬ О ПУШКИНѢ.

(Замѣтка для біографовъ Пушкина).

Въ НАСТОЯЩЕЕ время, когда еще такъ свѣжа у всѣхъ въ памяти недавно-минувшая годовщина смерти Пушкина, мы считаемъ далеко не излишнимъ сообщеніе всякой, хотя бы и самой незначительной мелочи, пригодной для пополненія біографіи великаго поэта. Тѣмъ болѣе пригодными (и даже весьма важными) считаемъ мы тѣ біографическія данныя о Пушкинѣ, которыя встрѣчаются въ письмахъ и автобіографическихъ наброскахъ Гоголя. Многія изъ данныхъ, сообщаемыхъ Гоголемъ, могутъ быть даже цѣликомъ внесены въ біографію Пушкина, наравнѣ съ «Записками» и отрывками «Дневника». Гоголь, благоговѣющій передъ памятью Пушкина, дорожитъ каждымъ его словомъ, какъ святынею, и, очевидно, передаетъ слова Пушкина съ буквальною точностью, что̀ было возможно Гоголю при его изумительной памяти. Въ виду всего этого, мы рѣшились собрать здѣсь во-едино все то, что Гоголь сообщаетъ о Пушкинѣ и своихъ отношеніяхъ къ нему: намъ кажется, что этимъ свѣдѣніямъ, до сихъ поръ, недостаточно придавали значенія, а нѣкоторыя изъ нихъ даже опускали и не упоминали вовсе, можетъ быть, съ нѣкоторымъ предвзятымъ намѣреніемъ.

Пушкинъ, какъ извѣстно, былъ пораженъ свѣжестью и оригинальностью первыхъ произведеній Гоголя, исполненныхъ жизни и веселаго остроумія; но Пушкинъ, со свойственною ему тонкостью, понялъ, что эти первые шаги Гоголя на литературномъ поприщѣ еще далеко не то, чего можно ожидать отъ его таланта, и сталъ

Но друзья не отставали, друзья побуждали къ дѣятельности, друзья съ удивительною смѣлостью отрицали то настроенiе, которое сдерживало творческую силу Гоголя,—и добились того, что онъ наконецъ очнулся отъ своего тяжелаго оцѣпененiя. Въ одну изъ своихъ свѣтлыхъ минутъ, онъ вдругъ сообразилъ, что и бездѣйствiе его—такой-же грѣхъ, какъ и слишкомъ спѣшное творчество; онъ пришелъ къ убѣжденiю, что есть такой видъ писательства, который можетъ быть всѣмъ полезенъ, и задумалъ создать книгу изъ своихъ писемъ къ друзьямъ и знакомымъ, «постаравшись дать ей какой-нибудь порядокъ и послѣдовательность, чтобы она походила на дѣльную книгу». Гоголь думалъ этою книгою разомъ достигнуть трехъ цѣлей: 1) «сколько нибудь заплатить за долгое молчанiе», 2) «объяснить свое трудное положенiе, почему онъ не могъ писать все это время»; 3) «обратить вниманiе на практическое и на дѣло жизни». Однимъ словомъ, Гоголь очень близко подходилъ къ той самой мысли, которую осуществилъ покойный Достоевскiй въ послѣднiе годы жизни въ своемъ «Дневникѣ Писателя».

И вотъ, задавшись мыслью принести пользу Россiи своими совѣтами и указанiями и рядомъ статей, въ которыхъ хотѣлъ говорить обо всемъ полезномъ и нужномъ для русскаго человѣка, Гоголь вдругъ отъ бездѣйствiя перешелъ къ поспѣшной, лихорадочной, безостановочной дѣятельности. Въ апрѣлѣ 1846 года, является у Гоголя первая мысль о собиранiи и изданiи въ свѣтъ своей переписки съ друзьями, а два мѣсяца спустя, онъ ужъ весь поглощенъ своимъ дѣломъ, преданъ ему всею душою и до такой степени увлеченъ имъ, что уже для него ничто болѣе на свѣтѣ не существуетъ, кромѣ той книги, которую онъ собирается печатать и которая должна, по его мнѣнiю, оказать громаднѣйшее влiянiе на всю Россiю. Iюня 30-го того же года, Гоголь уже пишетъ Плетневу, при посылкѣ первой тетради «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями»: «Всѣ свои дѣла въ сторону и займись печатаньемъ этой книги... Она нужна, слишкомъ нужна всѣмъ; вотъ что̀, покамѣстъ, могу сказать; все прочее объяснитъ тебѣ сама книга. Къ концу ея печатанья все станетъ ясно, и недоразумѣнiя, тебя доселѣ тревожившiя, исчезнутъ сами собою... Эта книга разойдется болѣе, чѣмъ всѣ мои прежнiя сочиненiя, потому что это до сихъ поръ моя единственная дѣльная книга». Самое печатанiе и цензурованiе книги должно было происходить, по желанiю Гоголя, подъ покровомъ величайшей тайны, потому что онъ ожидалъ отъ книги потрясающаго дѣйствiя на публику—и успѣха небывалаго... [1]). Августа 13-го отправлена Плетневу 2-я тетрадь; сентября 12-го—третья; сентября 26-го—четвертая; октября 16-го—пятая и послѣдняя тетрадь. Гоголь не досыпалъ и не доѣдалъ, спѣша окончить свою дра-

[1]) Во время печатанiя перваго изданiя уже была, по желанiю Гоголя, заказана бумага на второе изданiе.

гоцѣнную книгу, позабывалъ ради нея даже свои заботы о лѣченьѣ, и до того оживился, до того расцвѣлъ, обрадовавшись возвратившейся къ нему энергіи, что сталъ неузнаваемъ для окружающихъ... Но, вмѣстѣ съ энергіею, возвратилось и прежнее самомнѣніе, и прежнее, несоразмѣрное преобладаніе воображенія надъ всѣми остальными способностями. Благодаря отсутствію того-же внутренняго уравнителя, простое изданіе избранныхъ мѣстъ переписки мало-по-малу обратилось въ какое-то священнодѣйствіе, въ дарованный свыше случай порицать и назидать... Гоголь сталъ даже опасаться того, что онъ нé доживетъ до конца печатанія своей книги, и уже заранѣе приложилъ къ ней свое знаменитое завѣщаніе въ видѣ предисловія, какъ бы желая придать этимъ актомъ особую силу, особую санкцію тому, что было собрано въ книгѣ. Вся книга должна была явиться, какъ бы завѣтомъ Гоголя Россіи!

Но что же, въ сущности, долженъ былъ заключать въ себѣ этотъ завѣтъ Гоголя? Не болѣе, какъ рядъ статей по разнымъ вопросамъ общественнымъ, государственнымъ, литературнымъ и религіознымъ,—статей очень умѣренныхъ, написанныхъ, очевидно, съ цѣлью примиренія различныхъ партій и различныхъ взглядовъ. Во многихъ изъ числа этихъ статей находимъ новыя, смѣлыя и прекрасныя мысли; во многихъ—черты свѣтлаго, высокаго, поэтическаго міросозерцанія; въ иныхъ—наивныя мечтанія, ни къ чему непригодныя и ни для кого ненужныя. По собственному выраженію Гоголя, и въ этой книги его, какъ и во всѣхъ другихъ, «встрѣчается рядомъ и зрѣлость, и незрѣлость, и мужъ, и ребенокъ, и учитель, и ученикъ».

Всматриваясь въ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» теперь и обсуждая книгу съ современной точки зрѣнія, мы представляемъ себѣ, что если бы она явилась въ свѣтъ теперь, то могла-бы, конечно, не имѣть успѣха, могла-бы не возбудить къ себѣ ни участія, ни вниманія; но ужъ никакъ не могла-бы вызвать той страшной бури, къ которой она привела. Оказывается, однакоже, что причины, вызвавшія бурю, крылись не столько въ самой книгѣ, сколько въ томъ обществѣ, къ которому она была Гоголемъ обращена, и, въ особенности, въ отношеніяхъ, между Гоголемъ и этимъ обществомъ установившихся. Но прежде, чѣмъ мы выяснимъ причины того всеобщаго негодованія и озлобленія, съ которымъ книга была встрѣчена, намъ необходимо добавить еще нѣсколько словъ къ исторіи самаго появленія книги въ свѣтъ.

Первыя разочарованія Гоголя начались съ того, что профессоръ Никитенко, цензуровавшій книгу, отнесся къ ней чрезвычайно сурово. Изъ 33-хъ статей двѣ исчезли совершенно [1]), двѣ

[1]) Одна была озаглавлена: «Занимающему важное мѣсто». Другая: «Страхи и ужасы Россіи»

побуждать его къ болѣе серьезнымъ трудамъ. Сюжетъ «Ревизора» былъ данъ Гоголю Пушкинымъ; отъ него-же получилъ Гоголь и сюжетъ Мертвыхъ Душъ. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ самъ Гоголь:

«Пушкинъ заставилъ меня взглянуть на дѣло серьезно. Онъ уже давно склонялъ меня приняться за большое сочиненіе, и, наконецъ, одинъ разъ, послѣ того, какъ я ему прочелъ одно небольшое изображеніе небольшой сцены, но которая, однако жъ, поразила его больше всего мной прежде читаннаго, онъ мнѣ сказалъ:

«Какъ съ этой способностью угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставлять его вдругъ всего, какъ живаго, съ этой способностью, не приняться за большое сочиненіе! Это просто грѣхъ!»...

«И въ заключеніе всего, отдалъ мнѣ свой собственный сюжетъ, изъ котораго онъ хотѣлъ сдѣлать самъ что-то въ родѣ поэмы и котораго, по словамъ его, онъ бы не отдалъ другому никому. Это былъ сюжетъ «Мертвыхъ Душъ»[1]).

Но, повидимому, ни Пушкинъ, побуждавшій Гоголя приняться за Мертвыя Души, ни самъ авторъ этого безсмертнаго произведенія, не подозрѣвали того результата, къ которому должна была привести затѣянная работа надъ «серьезнымъ дѣломъ». Пушкинъ ожидалъ ряда юмористическихъ очерковъ, рельефно выставляющихъ на видъ пошлыя стороны русской жизни, а самъ Гоголь, еще не вполнѣ сознавшій таившуюся въ немъ силу, воображалъ, что онъ пишетъ не болѣе, какъ злую каррикатуру на дѣйствительность.

«Если бы кто видѣлъ тѣ чудовища,—говоритъ Гоголь,—которыя выходили изъ-подъ пера моего въ началѣ (въ первоначальной редакціи Мертвыхъ Душъ) для меня самого, онъ бы точно содрогнулся. Довольно сказать только то, что когда я началъ читать Пушкину первыя главы изъ Мертвыхъ Душъ въ томъ видѣ, какъ онѣ были прежде, то Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи (онъ былъ охотникъ до смѣха), началъ понемногу становиться все сумрачнѣе, сумрачнѣе, а, наконецъ, сдѣлался совершенно мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: «Боже, какъ грустна наша Россія!» Меня это изумило. Пушкинъ, который такъ зналъ Россію, не замѣтилъ, что все это каррикатура и моя собственно выдумка!»

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ, Гоголь о томъ же самомъ фактѣ выражается такъ: «Обо мнѣ много толковали, разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее и котораго точно нѣтъ у другихъ писателей».

Въ одномъ изъ писемъ Гоголя къ П. А. Плетневу находимъ и слѣдующія любопытныя подробности о Пушкинскомъ «Современникѣ» и о той роли, которую Гоголь рѣшился принять на себя въ этомъ журнальномъ предпріятіи Пушкина:

««Современникъ» даже и при Пушкинѣ не былъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть журналъ, не смотря на то, что Пушкинъ задалъ себѣ цѣль болѣе положительную и близкую къ исполненію. Онъ хотѣлъ сдѣлать четвертное обозрѣніе [1]) въ родѣ англійскаго, въ которомъ могли бы помѣщаться статьи болѣе обдуманныя и полныя, чѣмъ какія могутъ быть въ еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ, гдѣ сотрудники, обязанные торопиться, не имѣютъ даже времени пересмотрѣть то, что написали сами. Впрочемъ, сильнаго желанія издавать этотъ журналъ въ немъ не было, и онъ самъ не ожидалъ отъ него большой пользы. Получивъ разрѣшеніе на изданіе его, онъ уже хотѣлъ было отказаться. Грѣхъ лежитъ на моей душѣ: я умолилъ его. Я обѣщался быть вѣрнымъ сотрудникомъ. Въ статьяхъ моихъ онъ находилъ много того, что̀ можетъ сообщить журнальную живость изданію, какой онъ въ себѣ не признавалъ. Онъ дѣйствительно въ то время слишкомъ высоко созрѣлъ для того, чтобы заключать въ себѣ это юношеское чувство; моя же душа была тогда еще молода, я могъ принимать живѣй къ сердцу то, для чего онъ уже простылъ. Моя настойчивая рѣчь и обѣщаніе дѣйствовать—его убѣдили. Но сло̀ва моего я бы не могъ исполнить даже и тогда, если бъ онъ былъ живъ. Не зналъ я, какими путями поведетъ меня Провидѣніе, какъ отнимутся у меня силы ко всякой живой производительности литературной и какъ умру я надолго для всего того, что шевелитъ современнаго человѣка».

Какъ извѣстно, главною (и совершенно не осуществившеюся) мечтою Пушкина, когда онъ предпринялъ изданіе журнала, было именно стремленіе создать на русской почвѣ журналъ критическій, который могъ бы дать серьёзный отпоръ другимъ современнымъ и и непріятнымъ для Пушкина журналамъ. Оказывается, что Пушкинъ былъ очень высокаго мнѣнія именно о критическомъ тактѣ Жуковскаго, и Гоголь сообщаетъ даже:

«Пушкинъ сильно сердился на Жуковскаго за то, что онъ не пишетъ критикъ. По его мнѣнію, никто, кромѣ Жуковскаго, не могъ такъ разъять [2]) и опредѣлить всякое художественное произведеніе».

Очень любопытныя свѣдѣнія сообщаетъ Гоголь о способѣ, который Пушкинъ употреблялъ для занесенія на память различ-

---

[1]) Четвертное обозрѣніе—буквальный переводъ «Quarterly Review»— т. е. журналъ, выходящій четыре раза въ годъ по четвертямъ года.

[2]) Гоголь очень любитъ употреблять этотъ глаголъ (въ смыслѣ расчленить, разнять на составныя части), и мы часто встрѣчаемъ его въ письмахъ Гоголя и въ произведеніяхъ послѣдняго періода.

ныхъ сюжетовъ, служившихъ ему для «записокъ» или для мелкихъ критическихъ статеекъ. Этотъ способъ Гоголь выясняетъ въ одномъ изъ писемъ къ С. Т. Аксакову, которому совѣтуетъ, чтобы сынъ его, извѣстный Константинъ Сергѣевичъ, не слишкомъ предавался одному какому-нибудь научному изслѣдованію, а поступалъ бы, какъ

«.... Пушкинъ, который, нарѣзавши изъ бумаги ярлыковъ, писалъ на каждомъ по заглавію, о чемъ когда либо потомъ ему хотѣлось припомнить. На одномъ писалъ: Русская изба, на другомъ Державинъ, на третьемъ имя тоже какого-нибудь замѣчательнаго предмета, и т. д. Всѣ эти ярлыки накладывалъ онъ цѣлою кучею въ вазу, которая стояла на его рабочемъ столѣ, и потомъ, когда случалось ему свободное время, онъ вынималъ на удачу первый билетъ; при имени, на немъ написанномъ, онъ вспоминалъ вдругъ все, что у него соединялось въ памяти съ этимъ именемъ и записывалъ о немъ тутъ же, на томъ же билетѣ все, что зналъ. Изъ этого составились тѣ статьи, которыя напечатались потомъ въ посмертномъ изданіи его сочиненій, и которыя такъ интересны именно тѣмъ, что всякая мысль его тамъ осталась живьемъ, какъ вышла изъ головы. (Изъ этихъ записокъ многія, еще интереснѣйшія, не напечатаны потому, что относились къ современнымъ лицамъ)».

Превосходною характеристикой политическихъ убѣжденій и взлядовъ Пушкина въ послѣдніе годы жизни служитъ часть бесѣды съ нимъ «о монархической власти», приводимая Гоголемъ дословно:

... «Какъ умно опредѣлилъ Пушкинъ значеніе полномощнаго монарха! и какъ онъ вообще былъ уменъ во всемъ, что ни говорилъ въ послѣднее время своей жизни! «Зачѣмъ нужно,—говорилъ онъ,— чтобы одинъ изъ насъ сталъ выше всѣхъ и даже выше самаго закона? Затѣмъ, что законъ — дерево; въ законѣ слышитъ человѣкъ что-то жесткое и небратское. Съ однимъ буквальнымъ исполненіемъ закона не далеко уйдешь; нарушить-же, или не исполнить его никто изъ насъ не долженъ; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая законъ, которая можетъ явиться людямъ только въ одной полномощной власти. Государство безъ полномощнаго монарха—автоматъ: много, много, если оно достигнетъ того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина. Человѣкъ въ нихъ вывѣтрился до того, что и выѣденнаго яйца не стóитъ. Государство безъ полномощнаго монарха то же, что оркестръ безъ капельмейстера: какъ ни хороши будь всѣ музыканты, но если нѣтъ среди нихъ одного такого, который бы движеніемъ палочки всему подавалъ знакъ— никуда не пойдетъ концертъ. При немъ и мастерская скрипка не смѣетъ слишкомъ разгуляться на счетъ другихъ: блюдетъ онъ общій

строй, всего оживитель, верховодецъ верховнаго согласія»! Какъ мѣтко выражался Пушкинъ! какъ понималъ онъ значеніе великихъ истинъ!»

Не лишено интереса для характеристики поэтическихъ воззрѣній Пушкина и слѣдующее сообщеніе Гоголя:

«Пушкинъ, когда прочиталъ стихи изъ оды Державина къ Храповицкому:

«За слова меня пусть гложетъ,
За дѣла сатирикъ чтитъ,—

сказалъ такъ: «Державинъ не совсѣмъ правъ: слова поэта суть уже дѣла его». Пушкинъ правъ. Поэтъ на поприщѣ слова долженъ быть также безукоризненъ, какъ и всякій другой на своемъ поприщѣ».

Ограничивая нашу замѣтку только тѣмъ, что Гоголь сообщаетъ намъ о мнѣніяхъ и воззрѣніяхъ Пушкина, добавимъ, что весьма важно было-бы для критической оцѣнки Пушкина собрать все то, что Гоголь говоритъ о немъ, какъ о поэтѣ, а также и то, что онъ высказываетъ о нѣкоторыхъ его произведеніяхъ. Многое въ этихъ отзывахъ удивительно вѣрно и тонко подмѣчено.

П. Л. В.

КАЖДОМУ СВОЕ.

Въ февральской книжкѣ «Русской Старины» 1887 года помѣщены три неизданныя монографіи Константина Дмитріевича Кавелина по крестьянскому вопросу, съ предисловіемъ и примѣчаніями къ нимъ Д. А. Корсакова. На стр. 437, говоря объ основаніи въ 1838 году министерства государственныхъ имуществъ, по мысли графа Киселева, о вліяніи послѣдняго на умы его подчиненныхъ въ смыслѣ неизбѣжности крестьянской реформы, о томъ, что служившіе въ этомъ министерствѣ Дмитрій Петровичъ Хрущовъ и Андрей Парѳеновичъ Заблоцкій-Десятовскій были, въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, искренними провозвѣстниками уничтоженія крѣпостнаго права, Д. А. Корсаковъ пишетъ: «А. П. Заблоцкій-Десятовскій представилъ еще въ 1841 году графу Киселеву весьма любопытную записку, заключающую (въ себѣ) фактическія данныя изъ жизни и экономическаго быта помѣщичьихъ крестьянъ и направленную противъ крѣпостнаго права, а съ 1853 по 1859 годъ включительно выходила, подъ редакціею Заблоцкаго-Десятовскаго, издающаяся съ 1834 года, по высочайшему повелѣнію, при министерствѣ государственныхъ имуществъ «Земледѣльческая Газета». Въ этой газетѣ, съ самаго ея возникновенія, появлялись статьи, косвенно нападавшія на крѣпостное право. Изъ нихъ особенно замѣчательна статья извѣстнаго дѣятеля по освобожденію крестьянъ, а затѣмъ по земству, А. И. Кошелева, помѣщенная въ «Земледѣльческой Газетѣ» 1847 года, безъ имени автора, подъ заглавіемъ «Охота пуще неволи» (см. «Записки Кошелева», Берлинъ, 1884 г.»).

Въ этой замѣткѣ, не смотря на ея краткость, заключается нѣсколько неточностей. Сверхъ того, она редактирована, вѣроятно

безъ умысла, а только по незнанію, такимъ образомъ, что приписываетъ А. П. Заблоцкому-Десятовскому и тогдашнему министерству государственныхъ имуществъ то, что, по всей справедливости, имъ не принадлежитъ. Такъ «Земледѣльческая Газета» начата была изданіемъ, по высочайшему повелѣнію, въ 1834 году при министерствѣ финансовъ, а не при министерствѣ государственныхъ имуществъ, котораго тогда еще не существовало. Въ 1838 году, съ учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ, и «Земледѣльческая Газета» передана была въ его вѣдомство. Основана была эта газета тогдашнимъ министромъ финансовъ, графомъ Канкринымъ, по мысли извѣстнаго члена государственнаго совѣта, адмирала графа Николая Семеновича Мордвинова, не только въ государственномъ совѣтѣ, но и отдѣльными сочиненіями и журнальными статьями ратовавшаго на пользу разумной постановки сельскаго хозяйства въ Россіи.

Выборъ графа Канкрина, при основаніи имъ «Земледѣльческой Газеты», палъ на моего отца, Степана Михайловича Усова, который, 2-го марта 1834 года, былъ опредѣленъ первымъ (то есть главнымъ) редакторомъ этого періодическаго изданія, потому что помощникъ его назывался вторымъ редакторомъ. Отецъ мой былъ исключительнымъ редакторомъ «Земледѣльческой Газеты», не смотря на то, что для нея былъ составленъ оффиціальный штатъ изъ директора, двухъ редакторовъ, переводчика. Онъ же далъ этой газетѣ то практическое направленіе, вслѣдствіе котораго ея листы сдѣлались мѣстомъ обмѣна мыслей помѣщиковъ и сельскихъ хозяевъ того времени. Вѣроятно, вслѣдствіе того, газета и получила сильное распространеніе въ читающей публикѣ. Газета разсылалась въ числѣ пяти тысячъ экземпляровъ, а такого количества подписчиковъ не имѣли въ то время даже литературныя и политическія періодическія изданія [1]).

Министерство государственныхъ имуществъ, съ передачею въ него «Земледѣльческой Газеты», относилось къ ней неблагосклонно. Все его вниманіе сосредоточено было на своемъ «Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ», редакторомъ котораго, если не ошибаюсь, былъ А. П. Заблоцкій-Десятовскій. Всѣ интересныя свѣдѣнія, всѣ поступавшія въ министерство ученыя изслѣдованія и статьи передавались въ журналъ, а не въ газету. Послѣдняя обязательно только ежемѣсячно печатала извѣстіе о выходѣ книжки журнала съ подробнымъ ея оглавленіемъ. Поэтому и появлявшіяся въ «Земледѣльческой Газетѣ» статьи, «косвенно нападавшія на крѣпостное право», какъ пишетъ Д. А. Корсаковъ, обязаны своимъ въ ней появленіемъ не министерству государствен-

[1]) См. статью М. С. Усова «Пятидесятилѣтіе Земледѣльческой Газеты» въ №№ 2997 и 3019 газеты «Новое Время» 1884 года.

ныхъ имуществъ, какъ старается дать понять авторъ замѣтки, а исключительно моему отцу, помѣстившему и статью А. И. Кошелева въ 1847 году. Статья эта напечатана въ № 99, 12-го декабря, и содержала въ себѣ, безъ всякихъ намековъ, рядъ примѣровъ въ доказательство того, что трудъ свободный превосходнѣе барщинской работы. Авторъ статьи не скрывалъ себя: онъ подписался подъ нею «Александръ К......, село Песочное, Рязанской губерніи, Сапожковскаго уѣзда». Цензуровалъ въ 1847 году «Земледѣльческую Газету» знаменитый нашъ славистъ, Измаилъ Ивановичъ Срезневскій, бывшій одновременно профессоромъ С.-Петербургскаго университета, и слѣдовательно товарищемъ по службѣ моего отца, занимавшаго тамъ же каѳедру сельскаго хозяйства. Отецъ мой былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ И. И. Срезневскимъ. Можетъ быть, другой цензоръ и затруднился бы пропустить статью Кошелева «Охота пуще неволи», потому что И. И. Срезневскій не принадлежалъ къ числу строгихъ, а особенно къ числу трусливыхъ не въ мѣру, цензоровъ. Вѣроятно, по этой причинѣ онъ, сравнительно, недолго прослужилъ цензоромъ при петербургскомъ цензурномъ комитетѣ. Въ то время находили возможнымъ съ должностью цензора совмѣщать обязанности профессора университета. Профессоръ зоологіи Степанъ Семеновичъ Куторга, профессоръ русской словесности Никитенко, профессоръ арабскаго языка Сенковскій и друг. были одновременно и цензорами. Г. Никитенко на короткое время былъ редакторомъ журнала «Современникъ» и цензоромъ. Можетъ быть, И. И. Срезневскій не затруднился допустить къ печати статью «Охота пуще неволи» и по той причинѣ, что въ нее была включена слѣдующая ссылка на правительственное распоряженіе: «Многое можно сказать насчетъ невозможности теперь превратить нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные; но что удерживаетъ насъ мало-по-малу дворовымъ людямъ, на основаніи указа 12-го іюня 1844 года, давать отпускныя съ заключеніемъ съ ними обязательствъ?»

Такимъ образомъ, не умаляя ни заслугъ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, ни вліянія министерства государственныхъ имуществъ, временъ графа П. Д. Киселева, на ходъ дѣлъ въ Россіи, я не считаю справедливымъ лишать моего отца его доли въ «провозвѣстничествѣ» отмѣны крѣпостнаго права, приписываемомъ Д. А. Корсаковымъ другимъ лицамъ, и ихъ однихъ выставлять на память потомству. Такъ какъ направленіе «Земледѣльческой Газеты» и выборъ статей для нея безусловно зависѣлъ отъ моего отца, какъ ея перваго редактора до 1853 года, когда газета была передана А. П. Заблоцкому-Десятовскому, то весь успѣхъ ея и все ея значеніе въ «провозвѣстничествѣ» должны быть отнесены къ заслугѣ моего отца. Самая передача редакціи «Земледѣльческой Газеты» другому лицу была дѣломъ интриги, ловко придуманной и направленной

противъ моего отца[1]). Графъ Канкринъ, графъ Мордвиновъ, по предложенію котораго, въ 1835 и 1836 годахъ, зимою, отецъ мой прочиталъ публично въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ курсъ земледѣлія, уважали и любили его, но министерство государственныхъ имуществъ къ нему не благоволило. Подобное нерасположеніе къ моему отцу, какъ министра, такъ и нѣкоторыхъ директоровъ департамента сельскаго хозяйства, искусно поддерживалось тѣми лицами въ министерствѣ, которыя усматривали въ отцѣ моемъ опаснаго себѣ конкурента. Такъ, лѣтомъ, 1842 года, отецъ мой былъ командированъ министерствомъ государственныхъ имуществъ въ малороссійскія, новороссійскія и прибалтійскія губерніи для изслѣдованія нѣкоторыхъ вопросовъ по сельскому хозяйству, на которые въ то время обращено было вниманіе правительства. Я сопровождалъ моего отца въ этомъ путешествіи его по Россіи. При одномъ заявленіи, что онъ редакторъ «Земледѣльческой Газеты», отцу моему открывался повсюду доступъ; всѣ интересовались провести въ бесѣдѣ съ нимъ наивозможно большее число часовъ. Но особенно радушный пріемъ, который донынѣ мнѣ памятенъ, оказанъ былъ намъ помѣщиками и сельскими хозяевами въ Тульской, Полтавской, Екатеринославской, Таврической, Черниговской губерніяхъ, садовладѣльцами въ Крыму и проч. Въ Одессѣ начальникъ канцеляріи (Фавръ) тогдашняго новороссійскаго генералъ-губернатора, графа Михаила Семеновича Воронцова, передалъ моему отцу, при приглашеніи его къ себѣ на обѣдъ, что графъ Воронцовъ поручилъ ему выразить свое сожалѣніе, что мой отецъ пріѣхалъ въ Одессу во время отсутствія его изъ этого города, и тѣмъ лишилъ его удовольствія личной съ нимъ бесѣды.

По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, отецъ представилъ тогдашнему директору департамента сельскаго хозяйства въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, тайному совѣтнику Брадке, какъ своему непосредственному начальнику, отчетъ о командировкѣ съ подробными отвѣтами на заданные ему вопросы по нуждамъ сельскаго хозяйства. Вмѣсто всякой благодарности, я не говорю о наградѣ (наградъ отецъ мой во все время службы въ этомъ министерствѣ не получилъ ни одной), г. Брадке сказалъ ему спустя нѣкоторое время: «Вы намъ ничего новаго не сообщили въ вашемъ отчетѣ. Мы все это знали ранѣе васъ». А между тѣмъ, вслѣдъ за отчетомъ моего отца, большая часть предложенныхъ имъ въ немъ мѣръ, въ видахъ усовершенствованія разныхъ отраслей сельско-хозяйственной промышленности, стали приводиться въ исполненіе министерствомъ государственныхъ имуществъ.

Когда, съ начала 1853 года, редакторство «Земледѣльческой Газеты» было передано А. П. Заблоцкому-Десятовскому, директоромъ

[1]) См. «Записки Греча», Спб., 1886 года, стр. 292 и 293.

департамента сельскаго хозяйства, при которомъ состояла газета, былъ Алексѣй Ираклiевичъ Левшинъ. Онъ увѣрялъ, въ 1852 г., моего отца, что онъ попрежнему останется редакторомъ «Земледѣльческой Газеты», не смотря на предположенныя измѣненія въ первоначальномъ устройствѣ ея редакціи и порядкѣ ея изданія. Но обѣщанія эти не осуществились на дѣлѣ. А. И. Левшинъ долженъ былъ уступить тому вліянію, которое, въ изданіи «Земледѣльческой Газеты», усматривало для себя «вкусный казенный пирогъ», но вскорѣ, повидимому, разочаровалось въ своихъ надеждахъ. Графъ П. Д. Киселевъ, нѣтъ сомнѣнія, не видѣлъ въ моемъ отцѣ тѣхъ его заслугъ и достоинствъ, которыя оцѣнивали въ немъ графъ Канкринъ, графъ Мордвиновъ, графъ Воронцовъ и друг. государственные дѣятели той эпохи, имѣющіе за собою право на признательность не менѣе бывшаго министра государственныхъ имуществъ.

Послѣ подобнаго поступка съ моимъ отцомъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, я оставилъ службу въ департаментѣ сельскаго хозяйства, куда поступилъ, по окончаніи курса наукъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, и въ началѣ 1853 года перешелъ въ другое вѣдомство.

Отецъ мой велъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ своей жизни (въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія) дневникъ. Въ немъ неоднократно онъ записывалъ свои сужденія и мысли о крѣпостномъ состояніи, которыя объясняютъ, почему въ «Земледѣльческой Газетѣ», первомъ изданіи, гдѣ онъ полновластно редакторствовалъ, появлялись статьи, косвенно нападавшія на крѣпостное право. Онъ ему не могъ сочувствовать и потому съ удовольствіемъ помѣщалъ, на сколько позволяли цензурныя требованія того времени, статьи въ родѣ «Охота пуще неволи», А. И. Кошелева. Подобный взглядъ выработался, слѣдовательно, въ моемъ отцѣ задолго до основанія министерства государственныхъ имуществъ по мысли графа Киселева, задолго до появленія въ свѣтъ «Земледѣльческой Газеты», подъ вліяніемъ изученія философіи, которой отецъ предавался съ увлеченіемъ. «Въ нравственномъ смыслѣ (писалъ онъ въ дневникѣ своемъ 6-го февраля 1823 года) человѣкъ свободенъ всегда, если дѣйствуетъ по волѣ, а не по произволу».

Въ дневникѣ моего отца я нашелъ описаніе имъ дня 14-го декабря 1825 года. Хотя эта часть дневника не имѣетъ отношенія къ предмету настоящей статьи, но нѣкоторыя подробности этого достопамятнаго дня, немедленно записанныя очевидцемъ, не появлялись еще въ печати въ томъ видѣ, какъ ихъ изложилъ мой отецъ подъ живымъ впечатлѣніемъ только-что видѣннаго. Вотъ что содержится въ дневникѣ отца:

«14-го декабря 1825 года. Сегодня утромъ молва разгласила объ отреченіи Константина Павловича и о восшествіи на престолъ Николая Павловича. Я былъ у Синяго моста. Идучи оттуда часу въ

двѣнадцатомъ, я встрѣтилъ у Синяго моста баталіонъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, шедшій со знаменемъ. Солдаты и окружавшая ихъ чернь кричали «ура». Они дошли до сената, остановились и, выстроивши каре, продолжали кричать «ура», причемъ многіе изъ черни бросали вверхъ шапками. Я узналъ тутъ отъ другихъ, что они не хотятъ присягать Николаю Павловичу, а требуютъ Константина Павловича, говоря, что-де онъ сидитъ теперь скованный (вранье черни). Увидѣвши, что солдаты заряжаютъ ружья, я ушелъ домой, между тѣмъ народъ со всѣхъ сторонъ собирался на площадь къ сенату, гдѣ крикъ «ура» не умолкалъ. Въ четвертомъ часу я опять пришелъ къ первому кадетскому корпусу [1]), къ Невѣ; черезъ Исаакіевскій мостъ [2]) уже не пускали; лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, съ генераломъ въ лентѣ, спѣшилъ къ Исаакію, раздѣлясь на двѣ части, черезъ мостъ и Неву. Народъ кипѣлъ на обѣихъ сторонахъ рѣки и на льду Невы. Въ сіе время раздались тамъ ружейные выстрѣлы; я слышалъ, какъ засвистали пули. Народъ опрометью бросился сюда, и на той сторонѣ сдѣлалось чисто. Крикъ опять начался. Я ушелъ домой, не видя ничего рѣшительнаго. Въ четыре часа раздались пушечные выстрѣлы, съ десятокъ. Послѣ чего шумъ утихъ. И братъ, пришедши изъ гимназіи, сказывалъ, что вездѣ разставлены войска и зажжены огни для грѣтья отъ холода ($2^1/_2$ градуса мороза) и на перекресткахъ отводные караулы. Я на ночь зарядилъ пулями два пистолета. По улицамъ стало весьма тихо. Лавки всѣ заперли еще съ пяти часовъ.

«15-го декабря 1825 года. Сегодня первая линія Васильевскаго острова, Исаакіевскій мостъ, Петровская площадь и площадь къ Зимнему дворцу походили на военный станъ. У разведенныхъ огней грѣлись солдаты и лошади; въ котлахъ варилась пища; многіе курили табакъ, ѣли кушанье и пили чай, подаваемые изъ иныхъ домовъ. Ко всему этому надобно прибавить ржаніе лошадей, оклики отводныхъ карауловъ, разъѣзды объѣздовъ и ведетовъ. Въ первой линіи стояли конно-гвардейцы, конно-артиллеристы (два орудія батареи), кавалергарды; у академіи художествъ казаки и лейбъ-драгуны: отъ всѣхъ по отряду. У сената два орудія были направлены по площади на перекрестъ. На каналѣ [3]), у домовъ противъ Конногвардейскаго манежа, я видѣлъ мѣсто вчерашняго сраженія:

---

[1]) Мой отецъ жилъ тогда со своимъ семействомъ на Среднемъ проспектѣ Васильевскаго острова, между первою линіею и набережною Малой Невы.

[2]) Исаакіевскій мостъ наводился тогда почти насупротивъ монумента Петра Великаго, площадь вокругъ котораго называлась Петровскою. Нынѣшній Дворцовый мостъ тогда не существовалъ.

[3]) Каналъ этотъ находился на мѣстѣ нынѣшняго Конногвардейскаго бульвара и соединялся съ Крюковымъ каналомъ, выходившимъ изъ Невы на мѣстѣ нынѣшней Благовѣщенской улицы. При сооруженіи Николаевскаго моста эти оба канала закрыты сводомъ и превращены въ подземныя широкія трубы.

тутъ дали два выстрѣла картечами по гвардейскому экипажу, когда онъ, противясь, стрѣлялъ изъ ружей. На снѣгу во многихъ мѣстахъ была кровь; стѣны обрызганы прилипшими кусками мяса; много валялось раздробленныхъ костей съ мясомъ (я двѣ принесъ домой). Стѣны, рамы и стекла сената и прилежащихъ домовъ были во многихъ мѣстахъ избиты пулями и картечами. Между тѣмъ къ обѣду все почти было очищено и войска разошлись, прокричавъ «ура» проѣзжавшему мимо ихъ императору Николаю Павловичу, при игранiи музыки. На площади у губернскаго правленiя сегодня принималъ присягу гвардейскiй экипажъ. Вчера застрѣлили графа Милорадовича, когда онъ подъѣхалъ уговаривать мятежныхъ солдатъ. Впрочемъ и изъ окружавшей солдатъ черни многiе пострадали отъ выстрѣловъ и давки. И вотъ, кто можетъ предвидѣть свою участь и сказать: я проживу еще столько-то?»

Пав. Усовъ.

СТРАНИЧКА ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО КАНЦЕЛЯРИЗМА[1].

Въ ОДНОМЪ изъ недавно изданныхъ томовъ «Сборника императорскаго русскаго историческаго Общества» начато печатаніе весьма важныхъ историческихъ документовъ, знакомящихъ насъ съ государственною и административною дѣятельностью ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго, и притомъ не съ лицевой, не съ казовой стороны, а со стороны закулисной, закрытой для непосвященнаго большинства. Мы говоримъ о «протоколахъ, журналахъ и указахъ верховнаго тайнаго совѣта», которые до настоящаго времени были извѣстны только по выпискамъ въ рукописи А. Ѳ. Малиновскаго, напечатанной нѣкогда въ «Чтеніяхъ императорскаго Общества исторіи и древностей» (1858 г., кн. III), подъ общимъ заглавіемъ: «Протоколы верховнаго тайнаго совѣта»[2]. Собственно же самые протоколы оставались до сихъ поръ неизданными и пользованіе ими было тѣмъ болѣе затруднительно, что они хранились въ архивахъ разныхъ министерствъ. Въ виду этого, полное, дословное печатаніе протоколовъ верховнаго тайнаго совѣта, «съ сохраненіемъ правописанія подлинниковъ», составляетъ немаловажное подспорье для всѣхъ занимающихся исторіей Россіи XVIII вѣка.

---

[1]) «Сборникъ императ. русск. историч. Общества», т. LV, Спб., 1886 г.

[2]) Самая рукопись озаглавлена такъ: «Управленіе Всероссійской имперіи во время бывшаго верховнаго тайнаго совѣта съ 1726 по 1730 годъ, изъ подлинныхъ дѣлъ, въ московскомъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ архивѣ хранящихся, сокращенно-изъясненное статскимъ совѣтникомъ Алексѣемъ Малиновскимъ, 1806 года».

Не вдаваясь въ подробности исторіи верховнаго тайнаго совѣта, какъ одного изъ учрежденій государственныхъ, припомнимъ только для нашихъ читателей, что совѣтъ былъ учрежденъ 8-го февраля 1726 года, существовалъ втеченіе недолгихъ царствованій Екатерины I и Петра II, а по кончинѣ его, при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, указомъ 4-го марта 1730 года, возстановленъ правительствующій сенатъ, а верховный тайный совѣтъ «отставленъ». Настоящій томъ «Сборника» заключаетъ въ себѣ «протоколы, журналы и указы верховнаго тайнаго совѣта за время его существованія, отъ февраля по іюль 1726 года», и потому можно ожидать, что документальная дѣятельность совѣта, въ полномъ ея составѣ, должна будетъ занять нѣсколько томовъ «Сборника». Судя по первому тому, остальные представятъ собою дѣйствительно цѣнный матеріалъ для исторіи нашей общественной и государственной жизни въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Мы не коснемся при обзорѣ изданной нынѣ части «протоколовъ» верховнаго тайнаго совѣта тѣхъ данныхъ, которыя касаются въ нихъ политической исторіи Россіи и ея внѣшнихъ сношеній съ европейскими и азіатскими государствами. Мы обратимъ вниманіе только на факты внутренней исторіи самаго учрежденія, тѣмъ болѣе любопытные, что оно явилось новымъ и еще не установившимся среди учрежденій, возникшихъ при Петрѣ и уже окрѣпшихъ, уже опиравшихся на извѣстнаго рода преданія. Именно эта новость положенія вскрываетъ намъ многія стороны его внутренняго механизма, знакомитъ насъ съ любопытнѣйшими бытовыми особенностями XVIII вѣка, и даетъ вѣрное понятіе о той новой петровской Россіи, которая клиномъ вдвигалась въ Русь до-петровскую.

Изъ «протоколовъ» верховнаго тайнаго совѣта намъ, прежде всего, выясняется тотъ фактъ, что на это новое учрежденіе смотрѣли не совсѣмъ дружелюбно учрежденія старыя, возникшія по волѣ Великаго Преобразователя Россіи, и, повидимому, относились съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ къ той пользѣ, которую оно могло принести. Пререканія, происходившія по поводу неопредѣленности характера новаго учрежденія и вслѣдствіе невыработанности формальной стороны отношеній къ нему, бывали иногда чрезвычайно курьёзны. Такъ, напримѣръ, въ протоколѣ отъ 12-го февраля 1726 года, занесено, между прочимъ, что къ секретарю верховнаго тайнаго совѣта, «дѣйствительному статскому совѣтнику Василію Степанову, пріѣхалъ сенатскій экзекуторъ Елагинъ съ такимъ объявленіемъ, что прислалъ его къ нему, Степанову, правительствующій сенатъ съ присланнымъ изъ верховнаго тайнаго совѣта указомъ, чтобы онъ (т. е. Степановъ) его (обратно) принялъ, для того, что они (т. е. сенатъ) его принять и по тому (указу) чинить... не могутъ»...

«И дѣйствительный статскій совѣтникъ Василій Степановъ на то ему объявилъ, что онъ того указу принять не смѣетъ..., а каковъ въ сенатъ указъ е. и. величества присланъ, о томъ онъ не извѣстенъ, и чтобы онъ (Елагинъ) ѣхалъ къ тѣмъ особамъ, которыя тотъ указъ подписали».

«И онъ, экзекуторъ, объявилъ, что ему ни къ кому иному ѣхать не велѣно, а велѣно отдать ему, дѣйствительному статскому совѣтнику, и ежели онъ (Степановъ) его не приметъ, то онъ (Елагинъ) его положитъ».

«И дѣйствительный статскій совѣтникъ паки ему сказалъ, что онъ весьма принять не можетъ, и ежели онъ (Елагинъ) оставлять (указъ) будетъ, то онъ ему за пазуху положитъ».

«И онъ, экзекуторъ, то видя, сказалъ, что принужденъ онъ тотъ указъ паки отвезти и положить на столъ въ сенатѣ».

Въ концѣ этого любопытнаго протокола прибавлено, что на другой день члены верховнаго тайнаго совѣта апробовали (одобрили) дѣйствія Степанова и въ ближайшихъ засѣданіяхъ занялись обсужденіемъ отношеній совѣта къ сенату. Слѣдствіемъ этихъ обсужденій явился «указъ, за подписаніемъ е. и. величества собственной руки», отправленный въ сенатъ, и въ томъ указѣ съ точностью опредѣлено, какимъ образомъ имѣютъ указы отправлены быть изъ верховнаго тайнаго совѣта, и въ верховный тайный совѣтъ какъ доношенія писаны быть».

Вообще же, внѣшняя форма отношеній верховнаго тайнаго совѣта сильно занимала вниманіе его членовъ, и на выработку этого канцелярскаго формализма уходило немало времени.

При этомъ проявлялись нѣкоторыя чрезвычайно курьёзныя черты нравовъ и вполнѣ своеобразныя воззрѣнія на лица и учрежденія.

Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ засѣданій было «донесено, что промеморія изъ иностранной коллегіи въ сенатъ не принята за тѣмъ, что правительствующій не написанъ»... И вотъ, 13-го марта 1726 года, «ея императорское величество, по представленію верховнаго тайнаго совѣта, указала сенату съ нынѣшняго времени именоватца и писатца высокій сенатъ, а не правительствующій, для того, что слово сіе правительствующій непристойно».

Въ другой разъ, по поводу того, что кабинетъ-секретарь Макаровъ принесъ отъ государыни, подписанный ею, протоколъ, «разговаривано было, подписать ли тотъ протоколъ всѣмъ, — къ чему онъ, господинъ Макаровъ, представлялъ, что и имъ всѣмъ оный подписать потребно, — и согласно разсудили, что имъ оный подписывать обще съ ея императорскимъ величествомъ непристойно».

Такимъ же серьезнымъ обсужденіямъ подвергался вопросъ о титулованіи разныхъ высокихъ особъ, какъ мы можемъ видѣть изъ того случая, что въ одномъ изъ засѣданій «разсужденіе было, писать ли въ указахъ изъ верховнаго тайнаго совѣта къ генералу-фельдмаршалу князю Голицыну и другимъ подобнымъ ему персонамъ: господинъ, и опредѣлено,—чтобы въ тѣхъ указѣхъ господина никому не придавать, понеже въономъ верховномъ тайномъ совѣтѣ ея императорское величество сама присутствовать изволитъ, и всѣ указы, по апробаціи ея величества, отправляться имѣютъ».

И дѣйствительно, государыня нерѣдко лично принимала участіе въ засѣданіяхъ совѣта, просиживая въ немъ часа полтора и болѣе (причемъ въ протоколахъ тщательно отмѣчалось, сколько именно времени государыня пробыла въ совѣтѣ), а въ особенно торжественныхъ случаяхъ засѣданіе совѣта переносилось даже во дворецъ, гдѣ «въ опредѣленномъ апартаментѣ въ каморѣ» ставили балдахинъ и кресла для ея императорскаго величества, «его королевское высочество (герцогъ голштинскій) сидѣлъ на правой сторонѣ стола на первомъ стулѣ, а прочіе при томъ же столѣ по своимъ мѣстамъ».

Не смотря на эту торжественную обстановку, совѣту—по крайней мѣрѣ въ началѣ—старались придать какъ можно болѣе коллегіальный характеръ, что̀, вѣроятно, должно было очень не нравиться князю Меньшикову, засѣдавшему въ числѣ членовъ совѣта, въ особенности, когда введенный въ число членовъ совѣта герцогъ голштинскій, при самомъ вступленіи своемъ заявилъ, что онъ «не инако, яко за члена, и прочимъ присутствующимъ... за коллегу и товарища почтенъ и принятъ быть хочетъ... и что онъ вмѣстѣ съ прочими членами верховнаго тайнаго совѣта къ общему благу охотно и вѣрно труды свои прилагать желаетъ».

Для того, чтобы облегчить герцогу голштинскому его роль въ совѣтѣ, къ нему былъ опредѣленъ въ переводчики ея величества камеръ-юнкеръ князь Иванъ Григорьевичъ Долгоруковъ «ради донесенія его королевскому высочеству герцогу голштинскому съ русскаго на нѣмецкій языкъ, о чемъ будетъ совѣтовано и что чтено», такъ какъ герцогъ вовсе незнакомъ былъ съ русскимъ языкомъ. По этому поводу «съ князь Ивана, княжъ Григорьева сына Долгорукова, на присутствованіи въ верховномъ тайномъ совѣтѣ» взята была особая присяга, слѣдующаго содержанія:

«...Обѣщаюсь предъ Всемогущимъ Господомъ Богомъ, что мнѣ вѣрно, честно, нелѣностно, но паче со всякою ревностью надлежащимъ образомъ по совѣсти своей и по крайнему разумѣнію повелѣнныя мнѣ дѣла исполнять и исправлять. И въ чемъ я употребленъ буду, то мнѣ содержать въ совершенной тайнѣ и никому не объявлять, кому о томъ вѣдать не надлежитъ и объявлять не бу-

Милютина и Черкасскаго старалась пробудить сознаніе древняго племеннаго и религіознаго родства съ русскими, и это пробужденное чувство народности, это обновленіе связи съ старинной религіей, обратить въ орудіе противъ духа старой Польши. Система Милютина содѣйствовала подготовкѣ возсоединенія уніатовъ съ православіемъ, но болѣе дѣйствительными и мирными, основанными на знаніи края средствами, какъ-то: субсидіями уніатскимъ церквамъ и духовенству, преданному Россіи, вызовомъ изъ Галиціи уніатскихъ священниковъ, которые бы боролись (на понятномъ для своихъ соплеменниковъ языкѣ) противъ латинскихъ искаженій ихъ обряда, и также закрытіемъ нѣкоторыхъ, наиболѣе преданныхъ уніи, базиліанскихъ монастырей. Вотъ начало,—кроткое и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительное,—мѣропріятій по уніатскому дѣлу, которое, конечно, не могло не требовать спеціальнаго устройства при общей перестройкѣ царства Польскаго послѣ возстанія 1863 года. Оно вполнѣ могло служить исходнымъ пунктомъ для послѣдующей нашей политики по уніатскимъ дѣламъ.

Возвращаясь къ книжкѣ «Холмская Русь», мы должны еще указать въ ней на прекрасно составленную карту Холмщины, съ обозначеніемъ границъ XIII вѣка, заходившихъ далеко за нынѣшніе предѣлы края; должно также отдать справедливость тщательно составленнымъ примѣчаніямъ, во многомъ освѣщающимъ для неспеціалистовъ и текстъ книги, и рисунки. Примѣчанія эти, какъ и общая редакція изданія, принадлежатъ М. И. Городецкому.

Н. С. К.

Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи. Въ воспоминаніе пятидесятилѣтія со дня смерти поэта. Составилъ В. А. Яковлевъ. Одесса. 1887.

Брошюры и книги о Пушкинѣ, точно также, какъ и дешевыя перепечатки Пушкинскаго текста,—ростутъ, какъ грибы. Провинція старается не отстать отъ столицъ, и вотъ у насъ передъ глазами одинъ изъ опытовъ провинціальной юбилейной литературы—изящно-отпечатанная на толстой прекрасной бумагѣ книжка, заключающая въ себѣ 13 статеекъ о Пушкинѣ, по одесскимъ и кишиневскимъ воспоминаніямъ. Книжка эта была издана на средства извѣстнаго одесскаго богача, г. Маразли, а редакцію ея принялъ на себя г. Яковлевъ, бывшій профессоръ Варшавскаго университета. Редакція состояла въ томъ, что г. Яковлевъ сложилъ статьи въ одинъ пакетъ и отправилъ ихъ въ типографію, предпославъ имъ предисловіе, изъ котораго мы извлекаемъ слѣдующіе курьёзы.

«Считая совершенно безполезнымъ,— говоритъ г. Яковлевъ,— перепечатывать все, что было писано о поэтѣ въ нашемъ краѣ, мы поставили своей задачей собрать лишь только тѣ статьи, которыя, во-первыхъ, содержатъ самостоятельныя, первичныя (?) свидѣтельства, а, во-вторыхъ, извѣстія, которыя не опровергнуты уже (?) печатью» (V).

«Если мы обратимся къ прошедшему новороссійской печати, то замѣтимъ въ ней полное невниманіе къ нашему поэту при его жизни и весьма небольшое до второй половины пятидесятыхъ годовъ, времени пробужденія умственной жизни нашего отечества, начала блестящаго періода русской литературы вообще, начала самостоятельной жизни печати въ провинціи» (VI).

вѣтникъ графъ Толстой представилъ свое мнѣніе, что онъ къ тому, чтобы въ Малой Россіи паки гетману быть, совѣтовать не можетъ, понеже блаженныя памяти его императорское величество (Петръ I) въ томъ намѣреніи гетмана въ Украйнѣ не учинилъ и у полковниковъ и старшинъ власти убавилъ, дабы Малую Россію къ рукамъ прибрать, и чрезъ тотъ способъ полковники и старшины съ подданными пришли уже въ немалую ссору, и ежели нынѣ тамо гетмана учинить и оному, такожъ и старшинамъ, власть попрежнему дозволить, то при настоящемъ состояніи дѣлъ между Россіею и турками весьма небезопасно какихъ противныхъ слѣдованій».

Также внимательно обсуждались и разбирались различные вопросы внутренняго управленія, причемъ особливое вниманіе обращалось на нѣкоторыя злоупотребленія второстепенныхъ и третьестепенныхъ исполнителей и дѣятелей. Въ этомъ отношеніи любопытныя данныя находимъ въ инструкціи наборщикамъ (т. е. лицамъ, занимавшимся наборомъ рекрутъ), въ заключеніи которой находимъ намекъ на одно изъ современныхъ злоупотребленій:

... «Въ указахъ наборщикамъ написано, чтобы принимали не все великорослыхъ людей, какихъ мало гдѣ сыскать можно (какъ то чинили наборщики собою), и отъ того происходили народныя тягости и убытки,... должно смотрѣть, чтобы были люди здоровы и въ службу годны».

Чрезвычайно любопытны и во многихъ отношеніяхъ поучительны матеріалы, представляемые протоколомъ верховнаго совѣта по той первой ревизіи губерній, которая была поручена дѣйствительному тайному совѣтнику графу Матвѣеву; указъ, данный Матвѣеву, гласитъ, чтобы «ему ѣхать въ Москву и напередъ въ ближнихъ провинціяхъ осмотрѣть за гражданскими управителями, такъ же и за коммиссарами и офицерами, всѣ ли правдою поступаютъ по указамъ нашимъ и инструкціямъ, и плакатамъ»,—и къ указу присоединена инструкція, основанная на весьма подробныхъ, осторожно и толково составленныхъ вопросныхъ пунктахъ самого Матвѣева, относительно налагаемыхъ на него ревизіею обязанностей и того штата служащихъ, который онъ считаетъ необходимымъ захватить съ собою.

Но среди этихъ заботъ о народѣ и его нуждахъ, среди усиленныхъ попытокъ новой, преобразованной Россіи воздѣйствовать на старую, коренную Русь, иногда чрезвычайно своеобразно проглядываетъ та же Русь въ мнѣніяхъ и воззрѣніяхъ самихъ реформаторовъ. Любопытнымъ подтвержденіемъ этого можетъ служить находящееся въ протоколахъ верховнаго тайнаго совѣта распоряженіе о приказныхъ и подьячихъ, которымъ дозволяется принимать отъ просителей благодарность, хотя и строго воспрещается брать взятки. Вотъ этотъ любопытный документъ:

Милютина и Черкасскаго старалась пробудить сознаніе древняго племеннаго и религіознаго родства съ русскими, и это пробужденное чувство народности, это обновленіе связи съ старинной религіей, обратить въ орудіе противъ духа старой Польши. Система Милютина содѣйствовала подготовкѣ возсоединенія уніатовъ съ православіемъ, но болѣе дѣйствительными и мирными, основанными на знаніи края средствами, какъ-то: субсидіями уніатскимъ церквамъ и духовенству, преданному Россіи, вызовомъ изъ Галиціи уніатскихъ священниковъ, которые бы боролись (на понятномъ для своихъ соплеменниковъ языкѣ) противъ латинскихъ искаженій ихъ обряда, и также закрытіемъ нѣкоторыхъ, наиболѣе преданныхъ уніи, базиліанскихъ монастырей. Вотъ начало,—кроткое и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительное,—мѣропріятій по уніатскому дѣлу, которое, конечно, не могло не требовать спеціальнаго устройства при общей перестройкѣ царства Польскаго послѣ возстанія 1863 года. Оно вполнѣ могло служить исходнымъ пунктомъ для послѣдующей нашей политики по уніатскимъ дѣламъ.

Возвращаясь къ книжкѣ «Холмская Русь», мы должны еще указать въ ней на прекрасно составленную карту Холмщины, съ обозначеніемъ границъ XIII вѣка, заходившихъ далеко за нынѣшніе предѣлы края; должно также отдать справедливость тщательно составленнымъ примѣчаніямъ, во многомъ освѣщающимъ для неспеціалистовъ и текстъ книги, и рисунки. Примѣчанія эти, какъ и общая редакція изданія, принадлежатъ М. И. Городецкому.

Н. С. К.

Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи. Въ воспоминаніе пятидесятилѣтія со дня смерти поэта. Составилъ В. А. Яковлевъ. Одесса. 1887.

Брошюры и книги о Пушкинѣ, точно также, какъ и дешевыя перепечатки Пушкинскаго текста,—ростутъ, какъ грибы. Провинція старается не отстать отъ столицъ, и вотъ у насъ передъ глазами одинъ изъ опытовъ провинціальной юбилейной литературы—изящно-отпечатанная на толстой прекрасной бумагѣ книжка, заключающая въ себѣ 13 статеекъ о Пушкинѣ, по одесскимъ и кишиневскимъ воспоминаніямъ. Книжка эта была издана на средства извѣстнаго одесскаго богача, г. Маразли, а редакцію ея принялъ на себя г. Яковлевъ, бывшій профессоръ Варшавскаго университета. Редакція состояла въ томъ, что г. Яковлевъ сложилъ статьи въ одинъ пакетъ и отправилъ ихъ въ типографію, предпославъ имъ предисловіе, изъ котораго мы извлекаемъ слѣдующіе курьёзы.

«Считая совершенно безполезнымъ,—говоритъ г. Яковлевъ,—перепечатывать все, что было писано о поэтѣ въ нашемъ краѣ, мы поставили своей задачей собрать лишь только тѣ статьи, которыя, во-первыхъ, содержатъ самостоятельныя, первичныя (?) свидѣтельства, а, во-вторыхъ, извѣстія, которыя не опровергнуты уже (?) печатью» (V).

«Если мы обратимся къ прошедшему новороссійской печати, то замѣтимъ въ ней полное невниманіе къ нашему поэту при его жизни и весьма небольшое до второй половины пятидесятыхъ годовъ, времени пробужденія умственной жизни нашего отечества, начала блестящаго періода русской литературы вообще, начала самостоятельной жизни печати въ провинціи» (VI).

коловъ, промеморій, рапортовъ и донесеній. Во всякомъ случаѣ, мы полагаемъ, что дѣловой языкъ документовъ и актовъ Петровскаго времени заслуживалъ бы внимательнаго изученія и, при сравненіи съ дѣловымъ языкомъ нашего времени, могъ бы привести изслѣдователей (какъ филологовъ, такъ и юристовъ) къ чрезвычайно любопытнымъ выводамъ.

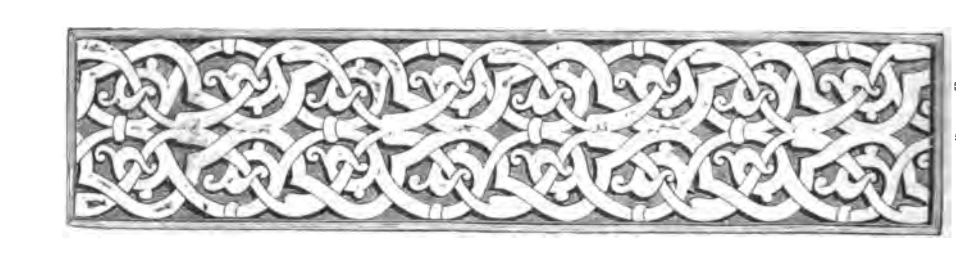
Въ заключеніе нашей замѣтки, добавимъ нѣсколько словъ о редакціи «Протоколовъ, журналовъ и указовъ верховнаго тайнаго совѣта», порученной Н. Ѳ. Дубровину. Если подъ «редакціею сборника» какихъ бы то ни было актовъ мы станемъ разумѣть только собираніе ихъ воедино, сличеніе копій съ подлинникомъ и печатаніе ихъ въ видѣ книги съ болѣе или менѣе подробнымъ оглавленіемъ, то мы должны будемъ признать, что г. Дубровинъ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее. Акты, собранные имъ, изданы даже съ соблюденіемъ «правописанія подлинниковъ» (что̀, при отсутствіи объясненій, иногда даже затемняетъ ихъ смыслъ при чтеніи), изданы безъ крупныхъ опечатокъ и даже снабжены «алфавитнымъ указателемъ именъ», занимающимъ цѣлыя десять страницъ. Чего же больше?.. Но если мы подъ редактированіемъ сборника извѣстныхъ актовъ будемъ разумѣть то, что разумѣютъ обыкновенно въ кругу ученыхъ (какъ у насъ, такъ и на Западѣ), то мы должны будемъ прійдти къ заключенію, что редакція «Протоколовъ верховнаго тайнаго совѣта» оставляетъ желать очень многаго. «Редактировать» сборникъ актовъ, въ послѣднемъ смыслѣ, значитъ не только собрать и напечатать акты въ извѣстномъ порядкѣ или системѣ,—это значитъ еще и облегчить каждому желающему возможность ими пользоваться, выяснивъ всѣ трудности языка актовъ, всю ихъ терминологію, всю связь ихъ съ современностью, всѣ упоминаемыя въ актахъ бытовыя подробности. Въ смыслѣ такого редактированія актовъ, г. Дубровинымъ положительно ничего не сдѣлано, и можно сказать даже болѣе: въ напечатанныхъ имъ драгоцѣнныхъ матеріалахъ онъ не только ничего не выяснилъ, но многое затемнилъ, некстати поставивъ вопросительные знаки около самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ старо-русскихъ словъ, которыя должны быть извѣстны каждому, потому что давно занесены въ ходячіе словари. Такъ, напримѣръ, на стр. 403 мы съ удивленіемъ видимъ ? около слова «земля» (въ смыслѣ одноцвѣтнаго грунта или фона ткани) въ выраженіи: «...косякъ атласу по таусинной земли (?) китайской, золотыми и шелковыми травами»[1]. Или другой ? около слова «буса̀» (множ. ч. бусы̀) на стр. 67, въ выраженіи: «разговаривано о скудости въ Астрахани и по Каспійскому морю судовъ... и для того разсуждали о позволеніи дѣлать въ тамошнихъ краяхъ по прежнему обыкновенію бусы (?), однакожъ о томъ ничего подлиннаго не постановлено». Даже и тому,

[1]) Въ описаніи подарковъ, присланныхъ императрицѣ калмыцкою ханшею.

кто бы не зналъ настоящаго значенія слова буса (легкое судно, долбленное изъ одного дерева, съ набойчатыми боками), и тому, кто не припомнилъ бы этого термина въ былинѣ о «Садкѣ богатомъ гостѣ»,—въ вышеприведенномъ мѣстѣ должно быть совершенно ясно, что здѣсь дѣло идетъ о какихъ-то мореходныхъ судахъ, а потому и ? здѣсь совершенно неумѣстенъ.

Въ противоположность этому отмѣтимъ нѣсколько словъ, которыя, на нашъ взглядъ, непремѣнно требуютъ объясненія въ такомъ серьёзномъ изданіи, какъ «Сборникъ императорскаго русскаго историческаго Общества»; сознаемся, что мы не поняли такихъ терминовъ, какъ «аипты княжескія» (стр. 79), какъ «пиногоръ съ огнивомъ» (стр. 403), какъ здамы—въ выраженіи: каракалпаки пришли здамами на Энбу» (стр. 235); точно также не понимаемъ мы разницы между «ефимками специи» (стр. 70) и ефимками албертовыми (стр. 71) или между староманерными и новоманерными судами (стр. 147 и слѣд.). Желательно было бы все это выяснить въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ или въ спискѣ «неудобопонимаемыхъ рѣчей», приложенномъ къ концу книги, именно тамъ, гдѣ видимъ мы алфавитный указатель именъ, совершенно излишній въ данномъ случаѣ, или, вѣрнѣе, совершенно непригодный къ употребленію. Говоря это, мы, конечно, не думаемъ отрицать полезности всякихъ указателей, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы они облегчали трудъ читателя, а не просто только занимали мѣсто въ книгѣ. Что же касается указателя, приложеннаго г. Дубровинымъ, то онъ никому ничего не облегчаетъ, потому что, дѣлая при именахъ ссылки на страницы книги, нигдѣ ни единымъ словомъ не отмѣчаетъ того повода, по которому дѣлаетъ свою ссылку, не ставитъ рядомъ съ нею никакого намека на отношенія лица къ дѣлу, и, слѣдовательно, не даетъ намъ никакого цѣльнаго представленія о дѣятельности и о значеніи упоминаемаго имъ лица. Подобные указатели, на нашъ взглядъ, всегда остаются въ книгѣ мертвою буквою и ничего къ ней не прибавляютъ. Такой же упрекъ можно сдѣлать и оглавленію, въ которомъ видимъ, напр., что на стр. 22 помѣщенъ протоколъ верховнаго тайнаго совѣта отъ 10-го февраля 1726 года, а на стр. 24 протоколъ отъ 11-го февраля того же года и т. д. Не лучше ли было бы, вмѣсто перепечатки этихъ казенныхъ заголовковъ, помѣмѣстить въ скобкахъ, о чемъ именно шла рѣчь въ томъ или другомъ протоколѣ, указывая, конечно, только на главный предметъ обсужденій засѣданія? Но легко можетъ быть, что въ послѣдующихъ томахъ «Протоколовъ, журналовъ и указовъ верховнаго тайнаго совѣта» г. Дубровинъ и обратитъ вниманіе на эти недостатки своей редакціи и постарается облегчить читателю знакомство съ любопытнымъ матеріаломъ, который ему поручено издать въ свѣтъ.

N. N.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Холмская Русь. Историческія судьбы русскаго Забужья. Съ высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Съ 2-мя хромолитографіями, 45 гравюрами и картой. Спб. 1887.

Имя П. Н. БАТЮШКОВА (бывшаго попечителя Виленскаго учебнаго округа) неразрывно связано съ дѣломъ поддержки русской народности въ Западномъ краѣ. Будущій историкъ края отмѣтитъ выдающееся по просвѣтительнымъ для запада Россіи трудамъ время попечительства какъ г. Батюшкова, такъ и предшественника его И. П. Корнилова. Особенно важную услугу для изученія исторіи западно-русскаго края оказало появившееся въ концѣ 60-хъ годовъ живописное изданіе «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ», наглядно доказывавшее исконную связь края съ Россіей своими обстоятельными изслѣдованіями и превосходными рисунками памятниковъ тамошняго древняго русскаго, преимущественно церковнаго зодчества. Какъ извѣстно, изданіе «Памятниковъ», съ наступленіемъ иныхъ вѣяній (1874 г.), было пріостановлено по появленіи 6-го выпуска и лишь 9 лѣтъ спустя найдена возможность его продолжать: 7-й и 8-й выпуски «Памятниковъ» посвящены исключительно Холмской Руси, или такъ называемому русскому Забужью, которое по справедливости должно быть отнесено къ Западному краю, по составу своего, преимущественно малорусскаго населенія, хотя административно и входитъ въ составъ царства Польскаго. Настоящая книжка составлена, главнымъ образомъ, на основаніи матеріаловъ, вошедшихъ въ упомянутые два выпуска «Памятниковъ», съ дополненіемъ ихъ послѣдующими свѣдѣніями. Оттуда же заимствованы въ большинствѣ и рисунки, также пополненные, впрочемъ, нѣсколькими новыми, въ томъ числѣ

копіей съ фрески св. Владиміра, открытой во Владимірѣ на Клязьмѣ, при реставраціи тамошняго Успенскаго собора. Рядъ интересныхъ портретовъ— Петра I, Екатерины II, Николая I съ факсимиле ихъ почерковъ, также царей Михаила и Алексѣя и многихъ духовныхъ лицъ изъ числа дѣятелей по исторіи уніи, много видовъ церквей, старинныхъ, обветшавшихъ и новыхъ, увеличиваютъ интересъ этого изданія, общедоступнаго по своему замыслу, направленнаго «къ поддержанію и укрѣпленію народнаго духа, возмущаемаго внутренними и внѣшними врагами единства Россіи». Какъ оффиціальный матеріалъ по исторіи ополяченнаго края, книжка долго будетъ имѣть неоспоримое значеніе.

Историческій очеркъ бытія Холмской Руси, составленный профессоромъ Кіевской духовной академіи Петровымъ, съ одной стороны, неизбѣжно касается временами и судебъ цѣлаго Привислянскаго края, а съ другой — посвященъ почти исключительно уніи, ея исторіи, усиленію и паденію, на сколько все это относится къ Холмщинѣ и Подляшью (части Люблинской и Сѣдлецкой губерній). Впрочемъ, не могла быть обойдена и судьба общей западнорусской уніи; между прочимъ, въ книжкѣ находится портретъ знаменитаго митрополита Іосифа Сѣмашко. Нѣсколько рисунковъ бывшихъ уніатскихъ церквей наглядно показываютъ, чѣмъ была на практикѣ унія по отношенію къ русскому населенію. Церкви просто поражаютъ своимъ жалкимъ, убогимъ видомъ; онѣ почти не отличаются отъ простыхъ, бѣднѣйшихъ избъ, и также крыты соломою. Превосходитъ всѣ прочія (изъ приведенныхъ въ книжкѣ) по убогости Дмитріевская церковь въ селѣ Чернеевѣ, Холмскаго уѣзда, съ мизерной, покосившейся колокольней. Если наружный видъ сельскихъ уніатскихъ церквей несомнѣнно свидѣтельствовалъ о крайней ихъ запущенности, о небреженіи къ поддержанію религіознаго чувства въ народѣ, то внутренній видъ церковнаго убранства особенно ярко подтверждаетъ ту мысль, что унія, въ сущности, была замаскированнымъ переходомъ къ католичеству, а такъ какъ въ западномъ краѣ религія долго обозначала собою народность, то приходится признать, что унія, въ томъ видѣ, какъ ее застала русская власть, была вѣрной союзницей полонизму въ этомъ старинномъ русскомъ краѣ. Внутренній видъ названной церкви очень характеренъ: въ немъ виденъ еще прежній иконостасъ, но онъ заслоненъ стоящимъ на первомъ планѣ большимъ католическимъ алтаремъ; мѣста для клиросовъ заняты боковыми католическими алтариками; рядомъ съ хоругвями установлено большое латинское распятіе. Короче, видъ церкви подвергся искаженіямъ не менѣе, чѣмъ и цѣлое уніатское богослуженіе.

Извѣстно, что уніатское дѣло до новѣйшаго времени составляло и даже теперь еще продолжаетъ составлять одну изъ самыхъ серьезныхъ злобъ дня по дѣламъ Привислянскаго края. Изъ заграничной печати несутся самыя жестокія по этому поводу нареканія на русское правительство, нареканія за стѣсненіе свободы совѣсти... Даже такой добросовѣстный и сочувственный Россіи изслѣдователь, какъ Леруа-Болье, характеризуя основныя начала дѣятельности Н. А. Милютина и его товарищей по уніатскому дѣлу, не могъ удержаться отъ нѣсколькихъ словъ укоризны по поводу «насилій, которыя, къ концу царствованія Александра II (т. е. значительно послѣ Милютина), сопровождали возвращеніе уніатовъ въ православіе»...

Эти печальныя явленія не могли быть обойдены молчаніемъ и въ разсматриваемой нами «Холмской Руси». «Эти врачебныя мѣры,—говорится тамъ,—

вызывались и оправдывались необходимостью самозащиты Русскаго государства отъ замысловъ польской мятежнической партіи и имѣли въ виду оздоровленіе мѣстнаго русскаго населенія. Онѣ произвели нѣкоторую боль, необходимую при лѣченіи, лишь въ незначительномъ числѣ уніатскихъ приходовъ на сѣдлецкомъ Подляшьѣ, тогда какъ въ цѣлыхъ сотняхъ остальныхъ приходовъ уніатскихъ соблюдались полная тишина и спокойствіе. Притомъ же и въ тѣхъ немногочисленныхъ приходахъ, которые волновались по поводу очищенія русскаго уніатскаго обряда отъ латино-польскихъ нововведеній, эти волненія почти исключительно обязаны своимъ происхожденіемъ стороннимъ подпольнымъ внушеніямъ и интригамъ латино-польской мятежнической партіи, никогда не покидавшей безумной мечты о прежнемъ владычествѣ въ Холмско-Подляшскомъ краѣ и о возстановленіи прежней Польши».

Таково объясненіе оффиціальнаго изданія, къ которому намъ, съ своей стороны, прибавлять ничего не приходится, ибо оно, безъ сомнѣнія, основано на достовѣрныхъ и безспорныхъ данныхъ. Но, смотря на дѣло не исключительно съ церковной, а съ общеисторической точки зрѣнія, нужно бы желать, чтобъ въ книжкѣ было удѣлено мѣсто и свѣтской сторонѣ мѣстной исторической жизни: какъ бы ни была она ограничена, но несомнѣнно же существовала.

На первый планъ въ холмскихъ дѣлахъ должны быть поставлены именно поддержка тамъ русской народности, которая едва уцѣлѣла отъ многовѣковаго ополячиванія,—положеніе этой народности не только въ церковномъ, но и въ свѣтскомъ быту. Вопросъ о народности служилъ подкладкою и всѣхъ прежнихъ бурь и преслѣдованій религіознаго характера, производившихся въ этомъ краѣ во имя латинства. Нужно было обратить холмскихъ уніатовъ въ поляковъ путемъ религіи, путемъ искаженія и небреженія греческаго обряда, запущенія уніатскихъ церквей и пріученія народа ходить въ костелы. Тѣ же причины побуждали и русскую власть, послѣ каждаго польскаго возстанія, принимать мѣры къ огражденію и очищенію въ краѣ русской народности, а греко-уніатскаго обряда отъ польско-католическихъ вліяній. Тѣмъ болѣе интереса представляла бы картина отраженія этой борьбы въ свѣтскихъ дѣлахъ, особенно за время принадлежности края къ Россіи.

Послѣ приведенной выше цитаты, характеризующей новѣйшій взглядъ на уніатское дѣло, невольно напрашивается вопросъ: какова была политика Милютина по уніатскому дѣлу, — политика человѣка, котораго даже враги его, называющіе знаменитаго русскаго государственнаго человѣка «homme néfaste», — и тѣ не могутъ упрекать въ насиліи, а тѣмъ болѣе въ насиліи совѣсти?

Однимъ изъ основныхъ началъ милютинской политики было, какъ извѣстно, созданіе въ царствѣ Польскомъ русской партіи, сформированіе въ самомъ населеніи противовѣса полонизму, принимая это послѣднее слово въ смыслѣ воинствующаго, враждебнаго Россіи начала. Сотрудникомъ Милютина по этимъ дѣламъ былъ князь Черкасскій, по званію главнаго директора внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ въ царствѣ Польскомъ. Изучая условія мѣстной жизни, касавшіяся уніатскаго дѣла, князь входилъ въ сношеніе съ людьми, знакомыми съ положеніемъ дѣла на мѣстѣ, особенно «съ тѣми лицами изъ уніатскаго духовенства, которыя принадлежали къ русской народной партіи и въ различное время противодѣйствовали сближенію уніи съ латинствомъ». У этихъ-то «польскихъ малороссовъ» (по выраженію Леруа-Болье) политика

Милютина и Черкасскаго старалась пробудить сознаніе древняго племеннаго и религіознаго родства съ русскими, и это пробужденное чувство народности, это обновленіе связи съ старинной религіей, обратить въ орудіе противъ духа старой Польши. Система Милютина содѣйствовала подготовкѣ возсоединенія уніатовъ съ православіемъ, но болѣе дѣйствительными и мирными, основанными на знаніи края средствами, какъ-то: субсидіями уніатскимъ церквамъ и духовенству, преданному Россіи, вызовомъ изъ Галиціи уніатскихъ священниковъ, которые бы боролись (на понятномъ для своихъ соплеменниковъ языкѣ) противъ латинскихъ искаженій ихъ обряда, и также закрытіемъ нѣкоторыхъ, наиболѣе преданныхъ уніи, базиліанскихъ монастырей. Вотъ начало,—кроткое и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительное,—мѣропріятій по уніатскому дѣлу, которое, конечно, не могло не требовать спеціальнаго устройства при общей перестройкѣ царства Польскаго послѣ возстанія 1863 года. Оно вполнѣ могло служить исходнымъ пунктомъ для послѣдующей нашей политики по уніатскимъ дѣламъ.

Возвращаясь къ книжкѣ «Холмская Русь», мы должны еще указать въ ней на прекрасно составленную карту Холмщины, съ обозначеніемъ границъ XIII вѣка, заходившихъ далеко за нынѣшніе предѣлы края; должно также отдать справедливость тщательно составленнымъ примѣчаніямъ, во многомъ освѣщающимъ для неспеціалистовъ и текстъ книги, и рисунки. Примѣчанія эти, какъ и общая редакція изданія, принадлежатъ М. И. Городецкому.

Н. С. К.

Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи. Въ воспоминаніе пятидесятилѣтія со дня смерти поэта. Составилъ В. А. Яковлевъ. Одесса. 1887.

Брошюры и книги о Пушкинѣ, точно также, какъ и дешевыя перепечатки Пушкинскаго текста,—ростутъ, какъ грибы. Провинція старается не отстать отъ столицъ, и вотъ у насъ передъ глазами одинъ изъ опытовъ провинціальной юбилейной литературы—изящно-отпечатанная на толстой прекрасной бумагѣ книжка, заключающая въ себѣ 13 статеекъ о Пушкинѣ, по одесскимъ и кишиневскимъ воспоминаніямъ. Книжка эта была издана на средства извѣстнаго одесскаго богача, г. Маразли, а редакцію ея принялъ на себя г. Яковлевъ, бывшій профессоръ Варшавскаго университета. Редакція состояла въ томъ, что г. Яковлевъ сложилъ статьи въ одинъ пакетъ и отправилъ ихъ въ типографію, предпославъ имъ предисловіе, изъ котораго мы извлекаемъ слѣдующіе курьёзы.

«Считая совершенно безполезнымъ,— говоритъ г. Яковлевъ,— перепечатывать все, что было писано о поэтѣ въ нашемъ краѣ, мы поставили своей задачей собрать лишь только тѣ статьи, которыя, во-первыхъ, содержатъ самостоятельныя, первичныя (?) свидѣтельства, а, во-вторыхъ, извѣстія, которыя не опровергнуты уже (?) печатью» (V).

«Если мы обратимся къ прошедшему новороссійской печати, то замѣтимъ въ ней полное невниманіе къ нашему поэту при его жизни и весьма небольшое до второй половины пятидесятыхъ годовъ, времени пробужденія умственной жизни нашего отечества, начала блестящаго періода русской литературы вообще, начала самостоятельной жизни печати въ провинціи» (VI).

Бѣдный Пушкинъ! Онъ, по мнѣнію г. Яковлева, жилъ и умеръ до «пробужденія умственной жизни» и до «начала блестящаго періода русской литературы вообще!» Далѣе, расхваливая статью г. Зеленецкаго о Пушкинѣ, г. Яковлевъ замѣчаетъ:

«Весьма знаменательно, что статья Зеленецкаго, не смотря на то, что служила важнѣйшимъ источникомъ біографіи Пушкина, т. е. что почти всѣ свѣдѣнія, снабженныя (!) Зеленецкимъ, не вызвали возраженія съ небольшими и только поправками цѣликомъ вошли въ обѣ лучшія біографіи поэта. Статья эта осталась какъ бы игнорируемой всѣми занимавшимися Пушкинымъ и очень часто вмѣсто нея цитировались, какъ первый источникъ къ біографіи Пушкина, статейки, представляющія изъ нея (?) компиляціи» (VIII).

«Весьма знаменательно»,—замѣтимъ и мы, въ свою очередь,—что человѣкъ, занимавшій каѳедру въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, не умѣетъ связать двухъ фразъ, и въ изложеніи самой простой мысли путается, какъ гимназистъ IV класса.

Переходя къ матеріалу, собранному г. Яковлевымъ, находимъ, что изъ 13 статей только двѣ заслуживаютъ серьёзнаго вниманія: статья г. Мацѣевича («Изъ Кишинева—о Пушкинѣ») и статья К. Зеленецкаго («Г. Ризничъ и Пушкинъ»). Все остальное не болѣе, какъ переливаніе изъ пустаго въ порожнее, или пересказъ такихъ анекдотовъ о Пушкинѣ, которые и не остроумны, и еще менѣе правдоподобны. Добродушные мемуаристы Кишинева и Одессы, пользуясь тѣмъ, что «завѣса воспоминаній падаетъ съ ихъ глазъ» (120 стр.), разсказываютъ, напримѣръ, такія черты изъ жизни поэта:

«Куконицы (барышни-молдаванки) прежняго времени были дѣтски-наивны: онѣ, не стѣсняясь, обращались къ Пушкину съ предложеніемъ: напишите мнѣ стишокъ, и онъ удовлетворялъ ихъ желаніе» (102 стр.).

Одинъ изъ «воспоминателей» разсказываетъ даже о себѣ, что онъ «бродитъ, какъ живая нелѣпость между двумя поколѣніями» (стр. 121), а другой, пускаясь въ разсужденія о религіозныхъ убѣжденіяхъ Пушкина, старается оправдать его тѣмъ, что «атеистическія выходки (поэта) не были слѣдствіемъ вполнѣ усвоенной какой либо отрицательной системы, а были просто выраженіемъ ходячихъ тогда модныхъ идей, схваченныхъ поэтомъ напрокатъ и переработанныхъ имъ въ острый каламбуръ или нескромно игривую фразу» (135 стр.).

Вообще говоря, книга г. Яковлева, за исключеніемъ двухъ вышеприведенныхъ статеекъ, заключаетъ въ себѣ именно такой матеріалъ, котораго слѣдуетъ тщательно избѣгать серьёзнымъ біографамъ Пушкина.

П. П.

Творенія Иннокентія, митрополита московскаго. Собраны Иваномъ Барсуковымъ. Книга вторая. Москва. 1887.

Митрополитъ московскій Иннокентій большую часть своей жизни провелъ на трудномъ поприщѣ миссіонера въ негостепріимныхъ владѣніяхъ Россіи на берегахъ Тихаго океана. Когда, въ 1821 году, правительство возложило на россійско-американскую компанію обязанность «имѣть въ колоніяхъ достаточное число священнослужителей», то изъ Иркутска были отправлены въ наши колоніи нѣсколько духовныхъ лицъ и въ числѣ ихъ, въ 1823 году, въ Уналашку, священникъ Іоаннъ Веніаминовъ, ставшій впослѣдствіи Инно-

кентіемъ, митрополитомъ московскимъ и коломенскимъ. Первая духовная миссія, посланная на берега Тихаго океана въ 1793 году изъ Петербурга, состояла изъ восьми лицъ чернаго духовенства. Большая часть ихъ погибла неестественною смертью. Въ числѣ ихъ находился іеромонахъ Ювеналій, поступившій въ иночество изъ горныхъ офицеровъ. Въ запискѣ о состояніи православной церкви въ Россійской Америкѣ, представленной, въ 1839 году, священникомъ Іоанномъ Веніаминовымъ (впервые тогда пріѣхавшимъ въ Петербургъ) оберъ-прокурору синода графу Протасову и нынѣ помѣщенной въ разбираемой нами книгѣ, разсказана мученическая смерть іеромонаха Ювеналія. Прибывъ на Кадьякъ осенью 1794 года, онъ вмѣстѣ съ іеромонахомъ Макаріемъ въ два мѣсяца объѣздилъ весь этотъ островъ и крестилъ всѣхъ его жителей. Въ 1795 году, Ювеналій отправился въ Нученъ, гдѣ окрестилъ болѣе 700 чуганъ, а затѣмъ въ Кенайскомъ заливѣ окрестилъ всѣхъ тамошнихъ жителей. Въ 1796 году, онъ перешелъ на Аляску, къ озеру Илямнѣ, гдѣ его убили дикіе. Причиною его смерти, по разсказамъ, были два обстоятельства: онъ съ перваго же раза велѣлъ дикимъ, принимающимъ св. крещеніе, оставлять многоженство, а сверхъ того тоены, или почетные люди, по убѣжденію Ювеналія, отдали ему своихъ дѣтей для обученія на Кадьякѣ. Когда Ювеналій отправился отъ дикихъ, то послѣдніе, раскаявшись въ своемъ поступкѣ, пустились въ погоню за нимъ и, догнавъ, напали на него. Ювеналій, не смотря на то, что имѣлъ при себѣ огнестрѣльное оружіе, безъ всякаго сопротивленія отдался дикимъ въ руки и просилъ только пощадить его спутниковъ, что̀ и было исполнено.

Вышедшая нынѣ вторая книга «Твореній митрополита Иннокентія» заключаетъ въ себѣ интересныя данныя для исторіи православной церкви въ Сѣверной Америкѣ, Камчаткѣ, на Алеутскихъ островахъ и въ Пріамурскомъ краѣ. Въ книгѣ помѣщены три путевые журналы, веденные преосвященнымъ Иннокентіемъ во время путешествій по ввѣренной ему епархіи, въ 1842 и 1843 годахъ (первый объѣздъ), въ 1846 и 1847 годахъ (второй объѣздъ) и во время поѣздки по Амуру. Сверхъ того, въ этомъ изданіи помѣщены представленія и донесенія Иннокентія синоду о церквахъ и причтахъ Якутской области, о благоустройствѣ Камчатской епархіи, о ея состояніи въ 1857 и 1858 годахъ и проч., равно и записка объ Амурѣ, составленная въ 1856 году послѣ плаванія по этой рѣкѣ и вызванная какъ неумѣстными восхваленіями, такъ и крайними порицаніями того важнаго государственнаго пріобрѣтенія, вслѣдствіе котораго Россія утвердилась на западномъ берегу Тихаго океана.

Вторая часть твореній митрополита Иннокентія очерчиваетъ безъ всякихъ прикрасъ плодотворную, неутомимую дѣятельность нашего камчатскаго и алеутскаго апостола на пользу православной церкви на дальней окраинѣ Россіи. Служеніе его Христовой вѣрѣ привлекало къ нему почтеніе и уваженіе даже среди иностранцевъ. Въ особенности англичане и американцы преклонялись передъ этою величавою личностью и даже воспѣвали ее въ стихахъ. Такъ, г. Барсуковъ, въ одномъ изъ своихъ подстрочныхъ примѣчаній во второй части, приводитъ часть слѣдующаго посланія къ преосвященному Иннокентію священника Кельша:

«...Въ странѣ пустынной и суровой,
Бродя по тундрамъ и лѣсамъ,
Ты говорилъ слова Христовы
Непросвѣщеннымъ дикарямъ.
Ты твердо шелъ путемъ изъ терній

Въ своихъ апостольскихъ трудахъ,
И засіялъ свѣтъ невечерній
На Алеутскихъ островахъ»...

А вотъ что писалъ о дѣятельности преосвященнаго Иннокентія инспекторъ новоархангельской семинаріи, іеромонахъ Вонифатій, къ Иннокентію, архіепископу херсонскому [1]): «Если сообразить всѣ неудобства и затрудненія въ здѣшнемъ краѣ къ успѣшному вліянію на туземцевъ и всѣ препятствія къ тому, физическія и нравственныя, то, по истинѣ, надобно еще удивляться нравственному состоянію дикихъ и успѣхамъ миссіи. Но болѣе всего въ этомъ случаѣ достоинъ удивленія самъ высокопреосвященный нашъ. Все это плоды единственно его неусыпныхъ трудовъ и молитвъ; его стараніямъ, усиліямъ, бдительности и попечительности нѣтъ конца и мѣры. За то и церкви, воздвигнутыя имъ, находятся въ вожделѣнномъ состояніи. Онѣ безбѣдно могутъ существовать тѣми средствами, кои сбережены его умѣніемъ, разсчетливостью и предусмотрительностію. При всемъ томъ поприще его многотрудной дѣятельности не ограничилось Русскою Америкою, морями и Камчаткою; онъ простеръ сапогъ свой и жезлъ свой даже и на Азіатскій материкъ, именно на Якутскую область, которая жалчайшимъ состояніемъ своимъ обратила его вниманіе на себя. Онъ увѣренъ, что эта область будетъ присоединена къ его епархіи [2]). Отъ природы крѣпкаго и плотнаго сложенія, высокаго роста, онъ, не смотря на свои лѣта, украшенный сѣдинами, бодръ, живъ, веселъ, добръ, ласковъ, простъ, но въ то же время и сильно строгъ; неутомимо дѣятеленъ и чрезвычайно опытенъ по жизни и духу. Однимъ словомъ — святитель».

П. У.

О разработкѣ генеалогическихъ данныхъ въ смыслѣ пособія для русской археологіи. Дмитрія Кобеко. Спб. 1887.

Дѣлая въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» отзывъ объ изслѣдованіи г. А. Барсукова: «Обзоръ источниковъ и литературы русскаго родословія», мы высказали, что въ немъ, не смотря на всю добросовѣстность автора, безъ сомнѣнія, найдутся пропуски и неточности. Изслѣдователь генеалогическихъ вопросовъ у насъ встрѣчаетъ почти на каждомъ шагу множество препятствій, главнымъ образомъ, вслѣдствіе необычайнаго обилія и разбросанности матеріаловъ и невѣрности, или, правильнѣе, завѣдомой лживости родословныхъ росписей, представлявшихся частными лицами въ разрядъ, или герольдію. Особенно трудно опредѣлить происхожденіе рода, такъ какъ, начиная еще съ XVI столѣтія, старинныя, несомнѣнно русскія, фамиліи домогались всячески, чтобы ихъ производили отъ иноземцевъ, и даже самъ царь Іоаннъ Грозный любилъ хвастаться тѣмъ, что онъ будто бы происходилъ отъ цесаря Августа. При такихъ условіяхъ, изслѣдователь генеалогическихъ вопросовъ долженъ быть крайне внимателенъ и остороженъ въ выводахъ, чтобы не впасть въ ошибки. Къ сожалѣнію, подобныхъ ошибокъ не избѣжалъ, какъ оказывается, и г. Барсуковъ. Его изслѣдованіе вызвало весьма существенное и основательное возраженіе со стороны г. Кобеко, на-

---

[1]) См. «Православный Собесѣдникъ» 1855 года, стр. 212—213.
[2]) Присоединеніе Якутской области къ Камчатской епархіи состоялось 26-го іюля 1852 года.

печатанное сперва во второмъ томѣ «Записокъ археологическаго Общества», а затѣмъ, изданное отдѣльной брошюрой, подъ заглавіемъ: «О разработкѣ генеалогическихъ данныхъ въ смыслѣ пособія для русской археологіи». Г. Кобеко, поставивъ себѣ цѣлью доказать, что не только генеалогическій матеріалъ, но и самыя изслѣдованія нашихъ родослововъ не могутъ еще служить въ настоящее время надежнымъ пособіемъ для работъ русскихъ археологовъ, подвергъ тщательной провѣркѣ и критикѣ родословія только двухъ фамилій, особенно подробно разработанныхъ г. Барсуковымъ, именно князей Пожарскихъ и Бестужевыхъ. Не вдаваясь въ спеціальныя подробности, мы скажемъ лишь, что почтенный авторъ вполнѣ научно и неотразимо доказалъ неосновательность производства г. Барсуковымъ фамиліи Бестужевыхъ отъ англичанина Беста, и затѣмъ значительно дополнилъ и разъяснилъ многіе вопросы въ родословіи Пожарскихъ, ставившіе г. Барсукова въ недоумѣніе. Вообще, брошюра г. Кобеко вноситъ новый лучъ свѣта въ нашъ генеалогическій мракъ, и изслѣдователи русскихъ родословій будутъ ему благодарны за его основательный трудъ.

С. Ш.

Отношенія ислама къ наукѣ и къ иновѣрцамъ. С.-петербургскаго мухамеданскаго ахуна Имама Мударриса Атаулла Баязидова. Спб. 1887.

Догматы исламизма почти совсѣмъ намъ не извѣстны. Въ Европѣ, съ давнихъ временъ, чуть не съ крестовыхъ походовъ, а у насъ въ Россіи, со временъ монгольскаго ига, понятія объ ученіи Магомета сложились, или, правильнѣе сказать, были выводомъ изъ политическихъ воззрѣній на народы востока, исповѣдующіе коранъ. По древнимъ традиціямъ, у европейскихъ народовъ принято считать основами магометанизма—кровопролитіе, ненависть къ иновѣрцамъ, крайній обскурантизмъ и враждебное отношеніе къ наукамъ и просвѣщенію: цѣль почтеннаго труда г. ахуна Баязидова, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, «познакомить европейскую публику съ ученіемъ Магомета и отношеніемъ ислама къ образованію, прогрессу и другимъ вѣроученіямъ». Было бы слишкомъ смѣло сказать, что авторъ вполнѣ достигаетъ своей похвальной цѣли изданіемъ своей книги, при ея весьма сжатомъ, краткомъ изложеніи; возражать автору съ теологической точки зрѣнія могутъ лишь ученые и опытные богословы, глубоко изучившіе коранъ и всѣхъ его толкователей и коментаторовъ. На каждаго христіанина чтеніе этой книги производитъ впечатлѣніе примиряющее. Авторъ, въ пяти главахъ, последовательно и весьма обстоятельно излагаетъ: вліяніе корана на образованіе аравитянъ; очеркъ образованія и научной дѣятельности при халифахъ въ первые вѣка возникновенія ислама; воззрѣнія корана и аравійскихъ богослововъ на науки и на ученыхъ вообще и на свѣтскія науки въ частности; ученіе Магомета о нравственности; отношенія его къ иновѣрцамъ. Съ полнымъ безпристрастіемъ, безъ малѣйшей утайки текстовъ корана, въ которыхъ можно было бы найдти хотя намекъ на непримиримую ненависть къ послѣдователямъ ученія евангельскаго, авторъ приводитъ читателя къ убѣжденію, что основы исламизма лежатъ на глубокомъ уваженіи къ знанію, на безукоризненной нравственности, милосердіи къ ближнимъ, состраданіи не только къ людямъ равнымъ съ рабомъ, но даже къ животнымъ. Чистотѣ самого уче-

нія и строгаго соблюденія его уставовъ много вредили въ древности, какъ вредятъ и понынѣ, съ одной стороны изувѣры фанатики, съ другой атеисты, крайняя неуступчивость съ одной стороны и распущенность и индифферентизмъ съ другой. Въ доказательство вѣротерпимости Магомета и миролюбивыхъ его отношеній къ христіанамъ, авторъ прилагаетъ данный Магометомъ указъ иновѣрцамъ, который, по нашему мнѣнію, представляетъ интересъ, какъ въ отношеніи научномъ, такъ и историческомъ. Подлинникъ, на арабскомъ языкѣ, хранится въ одномъ изъ синайскихъ монастырей, и снимокъ, или другой экземпляръ—въ султанскомъ музеѣ въ Константинополѣ. Не сомнѣваемся, что книга г. ахуна Баязидова обратитъ на себя вниманіе образованныхъ читателей, тѣмъ болѣе, что слова правды и примиренія мы слышимъ изъ устъ мусульманскаго богослова и законоучителя. Книга его проливаетъ яркій свѣтъ на догматы исламизма, донынѣ мало извѣстные.

П. К.

А. В. Романовичъ-Славатинскій. Система русскаго государственнаго права въ его историко-догматическомъ развитіи сравнительно съ государственнымъ правомъ Западной Европы. Ч. 1. Основные государственные законы. Кіевъ. 1886.

Подъ такимъ заглавіемъ переиздалъ профессоръ университета св. Владиміра Романовичъ-Славатинскій первую часть своего курса 1871 года, носившаго названіе: «Пособіе къ изученію русскаго государственнаго права по методу историко-догматическому». Переработкѣ въ настоящемъ изданіи подверглись: введеніе, въ которомъ изложена исторія науки русскаго государственнаго права, и глава, заключающая въ себѣ историческій очеркъ верховной власти въ Россіи, съ анализомъ ея существа; расширенъ сравнительный элементъ и пополнены историческіе антецеденты. Трудъ г. Славатинскаго, по его собственному сознанію, носитъ компилятивный характеръ и при переработкѣ онъ обильно пользовался розысканіями профессоровъ Сергѣевича, Градовскаго, Андреевскаго, Загоскина и др., а также выдержками изъ передовыхъ статей «Московскихъ Вѣдомостей» и извѣстной записки Карамзина «О древней и новой Россіи». Какъ ни грустно сознаться, однако, большая часть недостатковъ, указанныхъ профессору еще десять лѣтъ тому назадъ г. Коркуновымъ (см. «Сборникъ государственныхъ знаній», т. 3) по поводу перваго изданія, вполнѣ примѣнима и къ настоящему. И на этотъ разъ критическій элементъ въ книгѣ очень слабъ, а теоретическій почти отсутствуетъ, такъ что напрасно читатель будетъ искать тѣ юридическія начала, которыя содержатся въ нашихъ государственныхъ законахъ. Что касается до расширенія сравнительнаго метода, то и тутъ авторъ не справился съ задачею: въ аналогичныхъ явленіяхъ на Западѣ приведены, по большей части, лишь выводы изъ событій, а не ихъ историческій процессъ развитія, да и ссылки эти далеко не полны и не всегда достаточно освѣщены. Лучшая часть труда историческія разъясненія, хотя профессоръ совершенно забылъ оставленный нашимъ безсмертнымъ поэтомъ для исторіографовъ завѣтъ: «спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ», почему и весь курсъ отличается полнымъ отсутствіемъ объективности. Вся книга проникнута страстнымъ полемическимъ характеромъ, что̀, конечно, далеко не содѣйствуетъ ея научности, а скорѣе придаетъ ей родъ политическаго памфлета. Не изъ событій дѣлаются авторомъ выводы, а событія

подгоняются подъ извѣстныя положенія. Передъ нами не ученый, трактующій спокойно объ историческомъ процессѣ развитія государственныхъ нормъ и анализирующій ихъ, а горячій патріотъ, въ увлекательномъ потокѣ рѣчи произносящій съ трибуны дифирамбъ своему отечеству и апологію его учрежденіямъ. Вслѣдствіе этого авторъ, какъ ученый, впадаетъ въ крайности, когда онъ говоритъ о необходимости для полноты внѣшняго права верховной власти присоединенія Галиціи или повторяя нѣсколько разъ, что нашъ строй есть плодъ многовѣковой страды, крови и пота роднаго народа, какъ будто не такова судьба всѣхъ народовъ вообще. Не смотря на то, что настоящій трудъ какъ будто пересоставленъ примѣнительно къ «экзаменнымъ требованіямъ» предстоящихъ коммиссій по юридическимъ факультетамъ университетовъ и, повидимому, переизданъ ad hoc,—врядъ ли онъ окажется полезнымъ для учащагося юношества, внося излишнюю страстность въ изученіе предмета, тогда какъ это юношество, согласно «требованіямъ», должно руководиться «исключительно цѣлями познанія и разсматривать предметы въ ихъ индивидуальности и реальной обстановкѣ».

В. Г—скій.

Ѳ. Успенскій. Какъ возникъ и развивался въ Россіи восточный вопросъ. Изданіе С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго Общества. Спб. 1887.

Эта небольшая по объему, но богатая содержаніемъ книжка извѣстнаго нашего знатока Византіи и славянства напечатана была сначала въ «Извѣстіяхъ С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго Общества» 1886 года и теперь издана отдѣльно.

Профессоръ Успенскій справедливо замѣчаетъ въ самомъ началѣ, что для разъясненія исторіи развитія восточнаго вопроса въ Россіи нѣтъ пособій въ русской исторической литературѣ, а между тѣмъ и глубокій историческій интересъ его прошлыхъ судебъ, и практическая важность его въ новѣйшее время, дѣлаютъ обязательнымъ для каждаго образованнаго русскаго человѣка имѣть объ этомъ возможно опредѣленное и ясное представленіе.

«По отношенію къ восточному вопросу мыслящему русскому человѣку, нельзя двоиться» (2). Эти слова почтеннаго автора оправданы, между прочимъ, и въ его статьѣ неуклонным проведеніемъ разъ принятой точки зрѣнія на этотъ вопросъ,—точки зрѣнія живѣйшаго интереса къ нему и болѣе или менѣе единаго способа его разрѣшенія.

Ближайшей задачей автора было доказать: 1) что восточный вопросъ и воззрѣнія на тотъ или иной способъ разрѣшенія его существуютъ уже давно, и 2) что восточный вопросъ есть даже центръ, «вокругъ котораго группируются важнѣйшіе факты русской исторіи», и что, слѣдовательно, «вмѣстѣ съ восточнымъ вопросомъ изучается исторія развитія русскаго національнаго самосознанія».

Первая сторона задачи исполнена авторомъ прекрасно. Представленные имъ факты наглядно указываютъ, чѣмъ была Россія, можно сказать, съ первыхъ лѣтъ своего существованія для Запада, въ смыслѣ посредницы между двумя противоположными мірами — восточнымъ и западнымъ; съ какого давняго времени восточные народы добиваются стать крѣпкой ногой на Европейскомъ материкѣ, что̀ и удалось окончательно туркамъ-сельджу-

камъ въ XIV (взятіе Галлиполи въ 1353 г.) и особенно въ XV вѣкѣ (взятіе Константинополя въ 1453 г.), и какъ уже съ этого времени (XV вѣка) въ Россіи начинаетъ рости сознаніе исторической необходимости взять на себя нѣкоторую часть роли погибшей Византіи — въ смыслѣ отпора восточнымъ пришельцамъ. Это народное сознаніе отражается во множествѣ литературныхъ произведеній: лѣтописяхъ, преданіяхъ мистическаго характера, теоріи старца Филоѳея о «Москвѣ—третьемъ Римѣ» и проч. Возникаетъ знаменитая теорія константинопольскаго наслѣдства. Въ то время, какъ Андрей Палеологъ, деспотъ Романіи, единственный законный наслѣдникъ византійскаго престола, передаетъ, по выгодно заключенному для себя лично условію, право на этотъ престолъ французскому королю Карлу VIII, изъ Рима идутъ по отношенію къ Россіи внушенія такого рода, что эта послѣдняя должна взять на себя первенствующую роль въ разрѣшеніи восточнаго вопроса, т. е. поднять оружіе противъ турокъ, причемъ бывшая Византійская имперія прямо называется въ одномъ изъ наказовъ папскихъ «вотчиною» московскаго великаго князя (36—37). Завязавшіяся отношенія между Москвою и римской куріей усложняются вмѣшательствомъ Польши; папа, не желая оскорбить польскаго короля и въ то же время боясь потерять возможность сдѣлать Россію католической, хитро игралъ двойную игру. Былъ составленъ извѣстный грандіозный планъ Стефана Баторія покорить Россію, прежде чѣмъ нанести ударъ туркамъ. Планъ этотъ, какъ извѣстно, не удался отчасти вслѣдствіе скорой смерти Баторія, но его отголоски слышались въ Россіи во многихъ фактахъ Смутнаго времени.

Профессоръ Успенскій настаиваетъ на томъ, съ какимъ благоразуміемъ и самостоятельностью отнеслась Россія уже въ это время къ восточному вопросу. Ее не сбили съ толку западныя внушенія, она неуклонно шла по пути духовнаго закрѣпленія за собой правъ на византійское наслѣдство и воздерживалась отъ рискованныхъ военныхъ предпріятій. Изъ Византіи переходитъ отъ грековъ въ Москву множество святыхъ въ видѣ мощей, иконъ и проч.; греки разныхъ сословій и положеній наполняютъ Россію, обнаруживая нерѣдко корыстолюбіе и попрошайство людей, потерявшихъ самолюбіе и не стыдившихся унижаться. Между тѣмъ русское народное сознаніе своей государственной самостоятельности крѣпло, и вмѣстѣ съ этимъ росла вѣра въ историческую миссію Россіи по отношенію къ восточному вопросу, который получилъ реальное выраженіе въ стремленіяхъ и попыткахъ защищать славянскія народности на Балканскомъ полуостровѣ отъ турокъ. Къ сожалѣнію, болѣе подробное разслѣдованіе этихъ фактовъ, со стороны проявленія въ нихъ народнаго представленія о русскихъ задачахъ по отношенію къ восточному вопросу, не лежало въ цѣляхъ нашего автора.

Бѣгло изложенные тутъ факты служатъ профессору Успенскому и подтвержденіемъ втораго его положенія о наисильнѣйшемъ выраженіи въ ходѣ восточнаго вопроса на Руси всей исторіи національнаго русскаго самосознанія. Доказать это, по нашему мнѣнію, не такъ легко и въ этомъ утвержденіи мы видимъ нѣкоторое преувеличеніе: развитіе восточнаго вопроса было лишь однимъ изъ элементовъ русскаго народнаго самосознанія, обнимавшаго и обнимающаго, кромѣ этого, еще и другія не менѣе важные факты, представленія и вѣрованія.

«Каковы бы ни были дальнѣйшія фазы развитія восточнаго вопроса, Россія не можетъ держаться отъ него въ сторонѣ. Это налагаетъ обязан-

ность на мыслящаго русскаго человѣка ясно формулировать свои отношенія къ восточному вопросу». Такъ говоритъ въ концѣ своей статьѣ г. Успенскій. Мы прибавимъ, что его статья можетъ дать желающимъ сознательно разобраться въ этомъ вопросѣ немало цѣнныхъ указаній.

Е. П.

Пушкинъ, какъ европейскій поэтъ. А. Кирпичникова. (Рѣчь, читанная въ публичномъ собраніи императорскаго Новороссійскаго университета 1 февраля 1887 г.). Одесса. 1887.

Въ массѣ рѣчей, брошюръ, статей и замѣтокъ, вызванныхъ годовщиною кончины нашего великаго поэта, рѣчь профессора Кирпичникова, живо и сжато изложенная, занимаетъ не послѣднее мѣсто. Авторъ рѣчи обратилъ вниманіе на европейское значеніе поэта и, главнымъ образомъ на то, что Пушкину,—первому изъ русскихъ поэтовъ и писателей,—пришлось знакомить Европу съ русской литературой. Г. Кирпичниковъ замѣчаетъ совершенно справедливо въ заключеніи своей рѣчи:

«Пушкинъ—европейскій поэтъ не только потому, что онъ воспиталъ свой высокій талантъ на европейской поэзіи, и, оставаясь поэтомъ національнымъ попреимуществу, въ совершенствѣ усвоилъ ея идеи и формы... но и потому, что съ нимъ и благодаря ему русская литература вошла, какъ равноправный членъ, въ великую семью литературъ европейскихъ». «Онъ первый далъ намъ право смѣло смотрѣть въ глаза Европѣ, полагаясь не на одну только силу штыковъ нашихъ». Лучшею частью рѣчи г. Кирпичникова является та, въ которой онъ говоритъ о подражаніяхъ и заимствованіяхъ Пушкина изъ иностранныхъ поэтовъ (въ первомъ періодѣ развитія его музы).

П. П.

В. Поповъ. Симеонъ Полоцкій, какъ проповѣдникъ. М. 1886.

Книга эта, написанная много лѣтъ назадъ, говоритъ авторъ въ предисловіи, можетъ пригодиться спеціалисту гомилетической литературы. Это не совсѣмъ точно: эту книгу смѣло можно рекомендовать каждому, желающему познакомиться съ проповѣдями Симеона Полоцкаго. Слабѣе всего введеніе; оно устарѣло, не смотря на нѣкоторыя, видимо, позднѣйшія поправки (по Галахову, 1880 г., стр. 9, Рущинскому), такъ какъ авторъ не воспользовался ни прекрасной статьею Л. Н. Майкова въ «Древней и Новой Россіи» 1875 года, ни статьями г. Татарскаго, печатавшимися въ «Чтеніяхъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія», кажется, съ 1880 г. и недавно вышедшими въ свѣтъ отдѣльной книгой. Книга не представляетъ сравнительнаго изученія проповѣдей Полоцкаго съ проповѣдями польскихъ проповѣдниковъ того времени, да и о южно-русскихъ сказано немного (стр. 97). Авторъ имѣлъ въ виду лишь систематизировать содержаніе проповѣдей Полоцкаго и характеризовать ихъ внѣшнее изложеніе. Проповѣди дѣлятся по внутреннему содержанію на догматическія, нравственныя и случайнаго происхожденія. Особый интересъ представляютъ проповѣди второй категоріи: въ нихъ обличаются и народныя суевѣрія (волшебство, ношеніе ладанокъ, примѣты), и невѣжество духовенства. Говоря о воспитаніи, Полоцкій совѣтуетъ жезлъ, но въ основаніе отношеній родителей къ дѣтямъ положена любовь. Дѣтское сердце,

говорилъ проповѣдникъ, какъ будто повторяя идеи своего современника Локка, tabula rasa, примѣръ въ воспитаніи выше всего (стр. 49). Самое воспитаніе Полоцкій дѣлитъ на три періода по семи лѣтъ: въ первомъ онъ совѣтуетъ пріучать дѣтей говорить правду, во второмъ обучать ремесламъ, третій посвящается изученію «страха Божія и мудрости» (стр. 50). Авторъ недоволенъ этимъ дѣленіемъ, но не слѣдовало бы забывать, что нашъ вѣкъ, предавшись обученію, упустилъ изъ виду воспитаніе, и теперь уже видно, что̀ изъ этого выходитъ... Къ темнымъ сторонамъ воззрѣній Полоцкаго относятся его строго-аскетическій взглядъ на женщину, жестокость къ волхвамъ, общность обличеній, хотя и не безусловную.

Отчетливость и стройность изложенія автора не заставляютъ желать большаго: всюду видно серьезное объективное изученіе матеріала, всякій выводъ подкрѣпляется весьма вѣскими данными, собранными съ безукоризненною тщательностью. Изъ мелочей замѣтимъ на стр. 28—Василія Гексаляра вм. Шестодневъ Василія. Въ общемъ книга представляетъ цѣнный вкладъ въ исторію литературы XVII вѣка.

И. Ш.

Русскій таможенный тарифъ и его недостатки по отношенію къ различнымъ хлопчатобумажнымъ товарамъ. А. Макарова. Москва. 1887.

Трудъ г. Макарова имѣетъ немалое отношеніе къ исторіи нашего таможеннаго тарифа и нашихъ торговыхъ трактатовъ къ другимъ государствамъ, особенно къ Персіи. Г. Макаровъ состоитъ уполномоченнымъ хлопчатобумажныхъ фабрикантовъ при московской таможнѣ, каковая должность установлена была еще при министрѣ финансовъ, графѣ Канкринѣ, въ видахъ охраненія нашей фабричной промышленности. Поэтому г. Макаровъ спеціально знакомъ со всѣми слабыми сторонами нашего таможеннаго тарифа, требующаго кореннаго переустройства въ настоящее время. По словамъ г. Макарова, послѣдовавшія съ 1868 года дополненія и неоднократныя по частямъ передѣлки нашего таможеннаго тарифа, введеніе оплаты пошлины золотомъ, наложеніе пошлинъ на многіе товары, проходившіе ранѣе того безпошлинно,—все это произвело столько усложненій въ тарифѣ, что единственно посредствомъ полнаго его пересмотра со всѣми его дополненіями можетъ быть выработана правильная тарифная система. Сверхъ того, въ промышленной техникѣ быстро слѣдуетъ открытіе за открытіемъ, усовершенствованіе за усовершенствованіемъ, производя не только измѣненія, но даже перевороты какъ въ способахъ обработки продуктовъ, такъ и въ результатахъ производства. На рынкахъ чаще и чаще являются произведенія промышленности въ совершенно новомъ сочетаніи количества и качества вошедшихъ въ ихъ составъ матеріаловъ. Къ подобнымъ произведеніямъ иностранной промышленности примѣненіе нынѣ дѣйствующаго тарифа оказывается довольно затруднительнымъ дѣломъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что съ 1880 года послѣдовало болѣе 1,600 циркуляровъ, предписаній особаго присутствія департамента таможенныхъ сборовъ, единственно только съ разъясненіями относительно примѣненія существующаго тарифа къ тому или другому товару.

Таможенные сборы составляютъ у насъ одну изъ главнѣйшихъ статей государственнаго дохода. Значительное повышеніе таможеннаго дохода составляетъ важный вопросъ въ ежегодной государственной росписи и стремленіе къ достиженію этой цѣли безъ особаго обремененія потребителей, плательщиковъ этого косвеннаго налога, должно стоятъ на первомъ планѣ разумной финансовой политики. Она можетъ осуществить эту цѣль правильнымъ распредѣленіемъ пошлинъ, чѣмъ съ тѣмъ вмѣстѣ окажетъ законную защиту народному труду, упрочитъ нынѣ существующія отрасли нашей заводской и фабричной промышленности и даже въ состояніи будетъ вызвать въ средѣ ея новыя отрасли производства.

П. У.

«Донъ», ежемѣсячный историко-литературный иллюстрированный журналъ. № 1, январь. Новочеркасскъ. 1887.

Мы недавно дали отчетъ объ одномъ изъ нашихъ провинціальныхъ журналовъ, о «Кіевской Старинѣ», и съ полнымъ убѣжденіемъ высказали о немъ самое благопріятное мнѣніе. Къ сожалѣнію, мы никакъ не можемъ того же сказать о журналѣ, который задумалъ издавать въ Новочеркасскѣ г. Поповъ. Неужели самъ издатель (онъ же и редакторъ) не понимаетъ того, что онъ взялъ на свои плеча «бремя непосильное»? «Историко-литературный» да еще «иллюстрированный» журналъ издавать въ Новочеркасскѣ! Такая задача и въ Петербургѣ не принадлежитъ къ числу легко-исполнимыхъ... Но «смѣлость города беретъ», и г. Поповъ принялся за выполненіе своей задачи, не задумываясь. Послѣ коротенькаго предисловія «отъ редакціи», въ которомъ г. Поповъ обѣщаетъ заниматься «разработкою исторіи, быта и старины донцовъ» и печатать «памятники старины, имѣющіе солидное значеніе», мы видимъ начало статьи «О военныхъ дѣйствіяхъ донскихъ казаковъ въ 1812 году», затѣмъ стихи мѣстныхъ поэтовъ «На посѣщеніе Новочеркасска военнымъ министромъ Чернышевымъ», начало описанія Старочеркасска (очень многословное), наивнѣйшую статью о мѣстной археологіи, писанную человѣкомъ, не имѣющимъ о ней никакого понятія, опять стихи мѣстныхъ поэтовъ и такъ называемые матеріалы «Къ исторіи Дона» (копіи съ указовъ и письмо Бакланова). Къ этому ряду статей и стиховъ, не связанныхъ никакою общею нитью, приложены три крайне плохихъ рисунка: безобразный портретъ графа Ѳ. П. Денисова, крошечный видикъ Цымлянской станицы и «Кавалькада на озерѣ Веттернъ». Изъ описанія рисунка, очень пространнаго, узнаемъ, что «мотивомъ къ составленію «Кавалькады» послужила одна финская (?) легенда». Оказывается, что плѣнные казаки, послѣ Нарвской битвы, отведены были «въ Финляндію на озеро Веттернъ» (кстати сказать, находящееся въ Швеціи), тамъ умерли и погребены, а когда озеро бушуетъ, то «казаки встаютъ изъ земли... и, вооруженные, на коняхъ, мчатся по небу, направляясь къ своей родинѣ. Эта нѣмая кавалькада, вся какъ одинъ человѣкъ, дышетъ однимъ чувствомъ безграничной любви къ родинѣ».

Мы полагаемъ, что г. Поповъ лучше бы сдѣлалъ, если бы не помѣщалъ въ своемъ журналѣ ни стиховъ, ни рисунковъ, изображающихъ «нѣмыя кавалькады», а печаталъ бы просто сырой архивный матеріалъ и «солидные» памятники старины.

П. П.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Другъ Россіи, превратившійся въ ея недоброжелателя.— Путешествіе въ Камчатку. — Рылѣевъ въ англійскомъ переводѣ и Л. Н. Толстой во французскомъ.— Между Дунаемъ и Кавказомъ.—Культурныя картины Востока.—Страница изъ исторіи Австріи.—Панегирикъ Тилли.— Епископы при Меровингахъ. — Пруссія въ борьбѣ съ Наполеономъ.—Двѣ англійскія исторіи о Наполеонѣ I.—Гугеноты.—Индія при Викторіи.—Мельхіоръ Гриммъ.—Путешественница по Персіи.—Альзасскій промышленникъ.—Анекдотическая исторія войны 1870—1871 годовъ.—Новое сочиненіе Тэна.

МЕКЕНЗИ УОЛЛЕСЪ, написавшій лучшую книгу о Россіи на англійскомъ языкѣ, въ настоящее время находится въ Индіи, на службѣ правительства. Тамъ книга его была переведена на бенгальскій и персидскій языки и теперь является на индостанскомъ нарѣчіи въ журналѣ, издающемся въ Лукноу. По просьбѣ редактора, Уоллесъ написалъ для этого журнала свою біографію, въ которой, между прочимъ, разсказываетъ, какъ окончились его похожденія въ Россіи, которую онъ оставилъ передъ открытіемъ берлинскаго конгреса. Во время послѣдней восточной войны онъ былъ оффиціальнымъ корреспондентомъ газеты «Times» и старался, какъ онъ утверждаетъ, примирить обѣ стороны, враждебно относившіяся одна къ другой, разъясняя и опровергая ложныя извѣстія, раздававшіяся съ обѣихъ сторонъ. «Это возбудило только неудовольствіе обѣихъ сторонъ,—прибавляетъ М. Уоллесъ:—въ Англіи меня начали обвинять, что я поддался русскимъ заискиваньямъ, тогда какъ въ Петербургѣ на меня стали косо смотрѣть всѣ мои друзья и знакомые. Нѣкоторыя изъ моихъ политическихъ сообщеній въ «Times» возбудили подозрѣніе въ русской дипломатіи, что я добываю мои свѣдѣнія незаконнымъ путемъ, и я вскорѣ убѣдился, что мои бумаги сдѣлались предметомъ любопытства въ гостинницѣ, гдѣ я занималъ квартиру. Затѣмъ, каждый разъ, когда я выходилъ изъ дому, за мной слѣдовалъ, на разстояніи нѣсколькихъ ярдовъ, таинственный джентльменъ. Это ставило меня въ невоз-

можность видѣться съ моими друзьями, которыхъ я могъ компрометировать моими посѣщеніями, и лишало меня средствъ собирать свѣдѣнія въ качествѣ газетнаго корреспондента. Поэтому, я увѣдомилъ «Times», что вынужденъ отказаться отъ принятыхъ мною на себя обязанностей, и получилъ приглашеніе отправиться въ Берлинъ, гдѣ тогда разсматривался санстефанскій договоръ». Съ тѣхъ поръ М. Уоллесъ не видѣлъ болѣе Россіи, которую изучилъ такъ тщательно и описалъ такъ безпристрастно. Но по какому роковому закону судьбы даже наши друзья изъ англичанъ,—а ихъ у насъ очень немного,—превращаются въ нашихъ враговъ?..

— «Плаваніе «Маркизы» въ Камчатку и Новую Гвинею» (The cruise of «Marchesa» to Kamschatka and New-Guinea»). Подъ этимъ названіемъ вышло, въ двухъ томахъ, описаніе кругосвѣтнаго плаванія англійской винтовой шкуны «Marchesa», въ 420 тоннъ, вышедшей 8-го января 1882 года изъ Коуса и возвратившейся въ Соутгемптонъ 14-го апрѣля 1884 года, посѣтивъ въ эти два года и три мѣсяца южную Индію, Малайскій архипелагъ, Новую Гвинею, Филиппинскіе острова, Формозу, островъ Ліу-Кіу и Камчатку. Книга прежде всего бросается въ глаза прекрасными рисунками, исполненными вполнѣ художественно. Но и ея внутренняя, научная сторона заслуживаетъ полнаго вниманія. Плаваніе было предпринято преимущественно съ цѣлью обогащенія свѣдѣніями по естественнымъ наукамъ, но путешественники собрали въ то же время много любопытныхъ фактовъ, относящихся не къ изученію одной природы отдаленныхъ и малоизвѣстныхъ странъ, но къ ознакомленію съ ихъ этнографіей, бытомъ и исторіей племенъ, ихъ населяющихъ. Кромѣ изслѣдованія флоры и фауны, въ книгѣ много новаго объ островѣ Формозѣ, жизни папуасскихъ дикарей, китайскихъ мошенниковъ, малайскихъ фанатиковъ. Къ сожалѣнію, менѣе всего авторъ говоритъ о Камчаткѣ, т. е. о томъ, что для насъ болѣе всего интересно. Въ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ объ этомъ полуостровѣ, очень мало новаго.

— Послѣ перевода нашихъ романистовъ, англичане принялись и за поэтовъ: Гартъ Девисъ перевелъ «Стихотворенія Рылѣева» (The poems of K. F. Relaieff, translated from the russian by Hart-Davies). Въ короткое время переводъ нашего поэта имѣлъ такой успѣхъ, что вышло второе изданіе. Въ предисловіи переводчикъ говоритъ, что при изученіи Рылѣева обязанъ во многомъ указаніямъ И. С. Аксакова, но указываетъ на огромныя трудности передачи на другомъ языкѣ выразительности, силы и музыкальности русскихъ стиховъ. Гартъ Девисъ считаетъ Рылѣева однимъ изъ лучшихъ поэтовъ нашего вѣка. Переводъ вполнѣ добросовѣстный, снабженъ необходимыми примѣчаніями; въ предисловіи разсказана жизнь поэта и представлена оцѣнка его произведеній. Лучше всего вышли переводы: «Войнаровскаго», отрывки изъ «Наливайка» и думы: «Святославъ», «Святополкъ», «Михаилъ Тверской», «Сусанинъ», «Царевичъ Алексѣй». Переведены также нѣкоторыя изъ мелкихъ стихотвореній.

— Неутомимый переводчикъ сочиненій Л. Н. Толстого, Э. Гальперинъ, выпустившій уже четвертымъ изданіемъ его «Смерть», вторымъ «Два поколѣнія», и пятымъ «A la recherche du bonheur», доставилъ намъ третье изданіе «Поликушка» (Polikouchka). Всѣ эти сочиненія переведены съ разрѣшенія автора. Это доказываетъ, что Л. Н. желаетъ, чтобы труды его были извѣстны во Франціи. Къ «Поликушкѣ» не приложено никакого предисловія, но переводъ снабженъ примѣчаніями, доказывающими знакомство перевод-

чика съ русскою жизнью. Онъ не останавливается даже передъ переводомъ ругательства, не оконченнаго въ подлинникѣ и передаваемаго Гальперином пoff латыни: tecum eoeat mater tua. Промахи противъ русскаго языка, съ которымъ переводчикъ знакомъ основательно, очень рѣдки. Такъ, «почечуй» онъ объясняетъ словомъ, лишеннымъ смысла (mot dénué de sens), тулупъ и шубу переводитъ одинаково: fourrure de mouton, kvass-cidre, къ переводу—stanovôi—commissaire de police, слѣдовало бы прибавлять: rurale и проч. Неужели также переводчикъ не слыхалъ о Юліи Пастранѣ, объясняя, что это имя «женщины съ бородой, популярной въ Россіи»? Треть книги въ 282 страницы занимаетъ переводъ другой повѣсти Льва Николаевича «Метель» (Une tourmente de neige), сдѣланный также тщательно и добросовѣстно.

— Швейгеръ Лерхенфельдъ, компиляціи котораго о женщинахъ на Балканскомъ полуостровѣ переведены и на русскій языкъ, издалъ описаніе своихъ странствованій по сушѣ и по морю, въ области Чернаго моря: «Между Дунаемъ и Кавказомъ» (Zwischen Donau und Kaukasus. Land und Seefahrten im Bereiche des Schwarzen Meeres). Къ книгѣ приложены недурныя илюстраціи; къ географическому и этнографическому описанію странъ, прилегающихъ къ Черному морю, присоединяются и историческія воспоминанія. Такъ, при изображеніи Крыма и Севастополя въ ихъ нынѣшнемъ состояніи, разсказывается и исторія осады города. Область донскихъ казаковъ описана во всѣхъ отношеніяхъ. Разсказаны подробно исторія и особенности раскольничьихъ сектъ. Приволжскія провинціи изображены также весьма удовлетворительно. Съ особеннымъ вниманіемъ авторъ отнесся къ Кавказу. Вообще трудъ его, хотя не представляетъ ничего новаго, но занимаетъ видное мѣсто между добросовѣстными компиляціями.

— Въ Лейпцигѣ вышелъ томъ «Культурныхъ картинъ Востока» (Kulturbilden aus dem Osten, von Ferdinand Schifkorn). Авторъ этой книги, военный географъ, провелъ нѣсколько лѣтъ въ Венгріи, Румыніи и въ земляхъ Балканскаго полуострова. Книга его—плодъ наблюденій, хотя и предпринятыхъ съ спеціальной цѣлью, но любопытныхъ и для всякаго читателя. Обо всемъ, что онъ узналъ и видѣлъ, авторъ передаетъ совершенно объективно, не выражая ни симпатій, ни антипатій къ народностямъ, населяющимъ полуостровъ, хотя и называетъ нѣкоторыя изъ нихъ «сволочью» (Völkergesindel). О мадьярахъ онъ говоритъ, что большинство ихъ до сихъ поръ безграмотно. Нельзя также, какъ это дѣлаетъ авторъ, примѣнять мѣрку нѣмецкой культуры къ такимъ малоразвитымъ племенамъ, какъ румыны. Но изслѣдованія автора вообще любопытны и читаются съ интересомъ.

— «Возстаніе протестантскихъ рабочихъ на соляныхъ копяхъ и крестьянъ въ 1601 и 1602 году» (Der Aufstand der protestantischen Salzarbeiter und Bauer im 1601 und 1602, von Franz Scheichl), страница изъ исторіи Австріи, малоизслѣдованная и не приносящая чести австрійскому правительству, какъ и многія другія страницы. Протестантское движеніе въ Верхней Австріи началось еще въ 1525 году, но съ 1578 года, при Рудольфѣ II, началось сильное гоненіе новаго ученія. Крестьянская война (1594—1597 г.), возникшая отъ замѣны протестантскихъ проповѣдниковъ, католическими патерами, помимо невыносимаго гнета дворянства, кончилась печально для возставшихъ, и озлобленные бароны налегли еще тяжелѣе на рабочее и крестьянское сословіе. Усиленіе гнета отразилось и на обширной области Зальцбурга, управляемой архіепископомъ на правахъ леннаго вла-

стителя. Когда рабочіе на соляныхъ копяхъ прогнали императорскихъ коммиссаровъ, явившихся возстановлять вездѣ католическое богослуженіе, императоръ Рудольфъ II потребовалъ, чтобы прелатъ не только предалъ рабочихъ проклятію церкви, но и подавилъ возстаніе вооруженною силою. Архіепископъ медлилъ прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ, но сюзеренъ настоятельно требовалъ у прелата исполненія его феодальныхъ обязанностей. Тогда вооруженные отряды, посланные въ Ишль, прогнали, въ свою очередь, протестантскихъ пасторовъ и вернули патеровъ. Зачинщики движенія были захвачены, послѣ незначительнаго сопротивленія, и повѣшены. Возстаніе было подавлено, но не надолго: съ началомъ Тридцатилѣтней войны, въ 1618 году, поднялось въ этихъ областяхъ новое, болѣе сильное и общее движеніе, окончившееся страшнымъ опустошеніемъ этихъ богатыхъ провинцій, гдѣ погибли многія тысячи добрыхъ гражданъ только за то, что они вѣрили не въ папу, а въ Лютера. Зальцбургъ обезлюдѣлъ къ концу этой позорной для человѣчества войны, за то Австрія осталась католическою имперіей и любимою дочерью римской церкви, истребивъ сотни тысячъ своихъ подданныхъ, не признававшихъ папскаго авторитета.

— Біографію одного изъ героевъ Тридцатилѣтней войны «графа Тилли» (Johann Tserklaes graf von Tilly) разсказываетъ Фр. Кеймъ, ревностный католикъ, и потому этотъ кровожадный фанатикъ и бездарный предводитель является подъ перомъ благочестиваго автора чуть не образцомъ всѣхъ добродѣтелей. Историкъ горько жалуется, что человѣчество двѣсти лѣтъ слишкомъ не признаетъ заслугъ этого генерала. Кеймъ забываетъ, что первымъ между «врагами и клеветниками» Тилли былъ императоръ Матвѣй, писавшій о позорныхъ дѣяніяхъ полководца, когда еще былъ эрцгерцогомъ. Попытки обѣлить Тилли и другихъ героевъ братоубійственной войны не новы въ нѣмецкой исторіи, но, оставивъ въ сторонѣ пристрастіе автора къ своему герою, надо сказать, что книга Кейма представляетъ интересную картину эпохи, когда жилъ и дѣйствовалъ разрушитель Магдебурга. Біографія представляетъ много новыхъ и любопытныхъ эпизодовъ.

— Христіанская церковь при своемъ развитіи измѣнила многіе изъ своихъ первоначальныхъ обрядовъ. Такъ, въ древней церкви народъ несомнѣнно самъ избиралъ своихъ духовныхъ пастырей, епископовъ. Въ первые вѣка христіанской Франціи выборъ этотъ подвергался сомнѣнію. Теперь Гаукъ подтвердилъ это своимъ сочиненіемъ: «Епископскіе выборы при Меровингахъ» (Die Bischofswahlen unter den Merovingern). Авторъ говоритъ, что, слѣдуя обычаю, сначала народъ и духовенство свободно выбирали своихъ епископовъ, а король только утверждалъ ихъ въ этомъ званіи. Такъ поступалъ Хлодовигъ, первый король Франціи, но, начиная уже съ его преемниковъ, народное избраніе потеряло все прежнее значеніе. Хильперикъ и Брунгильда уже сами назначаютъ епископами свѣтскихъ лицъ, своихъ любимцевъ. Клотарій II призналъ, что народъ имѣетъ право выбора, но, начиная съ Дагоберта, короли уже прямо объявляютъ народу, кто избранъ ими епископомъ, и народъ только подтверждаетъ избраніе возгласами въ честь избраннаго.

— Альфредъ Штернъ издалъ любопытный томъ «Трактатовъ и документовъ къ исторіи эпохи прусскихъ реформъ» (Abhandlungen und Actenstücke zur Geschichte der preussischen Reformezeit, 1807—1815). Авторъ въ отдѣльныхъ статьяхъ изслѣдуетъ многіе спорные вопросы этого времени.

Такъ онъ доказываетъ, что прусскій министръ Штейнъ не только не былъ основателемъ Тугендбунда, но даже противникомъ его, и пользовался услугами этого тайнаго общества для государственныхъ цѣлей. Многіе историки утверждаютъ, что если бы Пруссія начала дѣйствовать противъ Наполеона въ 1809 году, то освобожденіе Европы совершилось бы раньше 1814 года. Историкъ подтверждаетъ документами, что Пруссія въ то время не думала ни объ освобожденіи, ни о дарованіи конституціи своему народу. Ранке, Дункеръ и Гейзеръ считаютъ подлиннымъ планъ, представленный Наполеону въ 1810 году, объ уничтоженіи Пруссіи, но Штернъ доказываетъ подложность этого документа, сфабрикованнаго писателемъ-авантюристомъ Эсменаромъ, издавшимъ потомъ памфлетъ противъ Чернышева и его дѣйствій въ войну 1814 года. Много интересныхъ документовъ относятся къ внутренней реорганизаціи Пруссіи.

— На англійскомъ языкѣ вышли двѣ исторіи Наполеона I: A short history of Napoleon the first—Силея и The first Napoleon, Ропса. Силей назвалъ свою исторію краткою, такъ какъ въ одномъ томѣ нельзя сообщить всего, что помѣщено въ многотомныхъ сочиненіяхъ Тьера и Ланфрея. Но авторъ «Жизни и эпохи Штейна» и «Колоніальнаго развитія Англіи» съумѣлъ и въ сжатомъ видѣ дать понятіе о своемъ героѣ. Книга англійскаго историка раздѣляется на двѣ части: въ первой разсказана жизнь Наполеона, какъ завоевателя и государственнаго дѣятеля, во второй обсужденіе роли, какую онъ игралъ во всемірной исторіи. Здѣсь авторъ разсматриваетъ, какое значеніе имѣли въ судьбѣ Наполеона обстоятельства, отъ него не зависѣвшія, его современники и идеи его времени. Въ чемъ состояли планы его?—спрашиваетъ Силей и опровергаетъ мнѣніе, что онъ хотѣлъ создать континентальную имперію. Цѣлью его было скорѣе завоеваніе или униженіе Англіи. Только не успѣвъ осуществить это намѣреніе, онъ задумалъ присоединить къ Франціи Германію, воскресивъ имперію Карла Великаго. Въ то же время онъ собиралъ противъ Англіи всемірную коалицію. Ни заботы о личной славѣ, а тѣмъ менѣе объ общемъ благѣ не занимали его: онъ хотѣлъ отомстить Англіи за отнятыя ею у Франціи колоніи на моряхъ, въ Индіи и Канадѣ. О внутренней политикѣ Наполеона Силей не говоритъ ничего новаго. — Другая исторія завоевателя вышла въ Бостонѣ и написана американцемъ. Ропсъ признаетъ преобладаніе французской цивилизаціи надъ сосѣдними державами и оправдываетъ намѣреніе Наполеона подчинить ихъ вліянію французскихъ идей. Къ сожалѣнію, онъ задумалъ распространить это вліяніе уже слишкомъ далеко и, не довольствуясь достигнутыми имъ, огромными результатами, началъ войну 1812 года. Въ 1813 году, онъ сдѣлалъ большую ошибку, не уступивъ Австріи иллирійскія провинціи, чтобы отвлечь ее отъ коалиціи, затѣмъ еще бо́льшую—не согласившись на рейнскія границы и внеся войну въ предѣлы Франціи. Безусловно осуждаетъ авторъ только войну съ Испаніей, у которой въ прошедшемъ была славная исторія, а въ настоящемъ—довольство своимъ національнымъ положеніемъ, въ которомъ на первомъ планѣ стояли идеи любви къ отечеству, единству и своей національности, почти вовсе незнакомыя Германіи того времени. Внутреннюю политику Наполеона Ропсъ восхваляетъ, несмотря на деспотизмъ правительственныхъ мѣръ, и утверждаетъ, что Франція прежде всего нуждалась въ смѣломъ и твердомъ правительствѣ, чтобы укрѣпить за собю всѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя революціей. Авторъ оправды-

ваетъ даже казнь герцога Энгіенскаго, а всю вину пораженія при Ватерлоо приписываетъ маршалу Груши. Обѣ книги очень любопытны по исключительнымъ и оригинальнымъ сужденіямъ и выводамъ авторовъ.

— Американскій профессоръ Бэрдъ написалъ исторію «Гугенотовъ и Генриха Наварскаго» (The Huguenots and Henry of Navarre). Взглядъ автора видѣнъ съ первыхъ строкъ книги: гугеноты во всемъ правы, католики во всемъ виноваты. Онъ забываетъ только одно: католики составляли, всетаки, большинство въ королевствѣ, и Генриху никогда не удалось бы водворить въ немъ спокойствіе, если бы онъ продолжалъ исповѣдовать религію меньшинства. Нельзя, конечно, оправдывать поступковъ католиковъ въ религіозныя войны отъ воцаренія Генриха III до смерти Генриха IV, но нельзя хвалить и подвиги такихъ гугенотовъ, какъ Дезадре, Мерль и др. Если историкъ и государственный дѣятель, какъ Агриппа д'Обинье былъ достойнымъ сподвижникомъ короля Наварры и Франціи, то другіе его товарищи по оружію и по веселой жизни далеко не заслуживаютъ огульныхъ похвалъ Бэрда. Американскій авторъ мало обращаетъ вниманія на литературные и политическіе памфлеты этого времени, а одна «Менипейская сатира» могла бы представить ему въ настоящемъ свѣтѣ обѣ партіи, возбудившія междоусобную войну въ своемъ отечествѣ. Помимо этого пристрастія къ гугенотамъ, книга Бэрда представляетъ вѣрную и любопытную картину бурной эпохи, въ которой самъ безпристрастный историкъ ея д'Обинье былъ четыре раза приговоренъ къ смерти, что, какъ онъ пишетъ самъ, «доставило ему честь и удовольствіе».

— Капитанъ Троттеръ издалъ два тома объ «Индіи при Викторіи» (India under Victoria) къ готовящемуся празднованію пятидесятилѣтняго юбилея восшествія на престолъ англійской королевы. Авторъ хорошо знаетъ Индію, служилъ еще въ ост-индской компаніи и разсказываетъ исторію этой страны отъ губернаторства лорда Аукленда до намѣстничества маркиза Рипона. Почему капитанъ останавливается на правленіи Биконсфильда и не доводитъ своей полувѣковой исторіи до нынѣшняго положенія Индіи при Дуфферинѣ,—остается необъясненнымъ. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ безусловнымъ поклонникомъ англійской политики по отношенію къ Индіи: онъ не разъ упрекаетъ метрополію, что она вноситъ раздоры въ колоніи своимъ управленіемъ. Но онъ оправдываетъ политику индѣйскихъ правителей «въ виду сѣвернаго колосса, стоящаго вѣчной угровой на границахъ колоніи. Этотъ колоссъ не даетъ спокойно уснуть ни одному англичанину и составляетъ величайшую опасность современнаго міра, занимая въ немъ такое же положеніе, какое въ древнемъ мірѣ занимала Македонія по отношенію къ греческимъ республикамъ. Этотъ азіатскій деспотизмъ съ европейскими ресурсами, который такъ мало знаетъ настоящее положеніе дѣлъ, потому что ему никто не говоритъ правды», больше всего безпокоитъ чистокровнаго британца. Ему все кажется, что этому колоссу, хотя и «изолированному, стоитъ только подать знакъ, чтобы двѣ части свѣта запылали войною». Этому невыносимому положенію, авторъ предпочитаетъ открытое возстаніе индѣйскихъ племенъ, «которое всегда можно укротить». И на такой волканической почвѣ живетъ шестая часть народонаселенія всего свѣта, у которой есть своя восьмивѣковая исторія! Да кто же виноватъ во всемъ этомъ? Вѣдь не сѣверный же колоссъ виноватъ въ непрочныхъ отношеніяхъ колоніи къ ея метрополіи, въ шаткости ея власти, въ ложномъ направленіи ея политики, въ интригахъ и происках ея правитель-

ства. Самъ авторъ книги сознается, что Англія, въ угоду своимъ купцамъ и фабрикантамъ, убила индійскую промышленность, непосильными налогами отягощаетъ ея земледѣльческій и рабочій классъ, вмѣстѣ съ цивилизаціей внесла голодъ, разореніе, раздоры въ мирное населеніе. Авторъ осуждаетъ самъ индійскую политику Биконсфильда, поднявшаго афганскій вопросъ, принесшій только Индіи 20 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ долгу. При чемъ же тутъ сѣверный колоссъ?

— Протестантскій теологъ и французскій критикъ Эдмондъ Шереръ издалъ обширную біографію Гримма (Melchior Grimm), о которомъ въ иностранной литературѣ встрѣчаемъ только отрывочныя свѣдѣнія. О немъ говорила только подруга его жизни г-жа д'Эпине. Жанъ Жакъ Руссо набросалъ въ первой части своей «Исповѣди» очень лестный очеркъ Гримма, а во второй части той же книги отозвался о немъ же со злобою, ненавистью и клеветою, такъ какъ сдѣлался его непримиримымъ врагомъ. Вольтеръ называлъ его богемскимъ дворяниномъ, Мармонтель не помѣстилъ его въ галлереѣ современниковъ и только Сент-Бевъ въ 1853 году набросалъ его характеристику въ своихъ «Литературныхъ портретахъ». Но знаменитый критикъ хвалитъ больше всего Гримма за ту часть его «Литературныхъ корреспонденцій», которую за него, уставшаго и облѣнившагося, вела г-жа д'Эпине. Для насъ Гриммъ интересенъ какъ корреспондентъ Екатерины II, и его переписка съ императрицею собрана уже г. Гротомъ. Но онъ исполнялъ также порученія Фридриха II, который не только не далъ пенсіи писателю за его услуги, но не подписался даже на его газету, которую Гриммъ издавалъ въ концѣ своей жизни, и журналистъ посылалъ ее королю даромъ. Гриммъ былъ, конечно, льстецомъ и угодникомъ коронованныхъ лицъ, но кто же изъ писателей XVIII вѣка, кромѣ энциклопедистовъ, не угождалъ высокопоставленнымъ лицамъ? Стоитъ вспомнить хоть бы Вольтера, чтобы не обвинять Гримма. Но Гриммъ, и въ перепискѣ съ королями, никогда не поступался своими убѣжденіями. Въ политикѣ, въ религіи, въ общественныхъ вопросахъ онъ высказывалъ прямо свои сужденія, не заботясь о томъ, понравятся ли они. Для него безразлична всякая форма правленія, лишь бы только въ народѣ увеличивались знанія, благосостояніе, прогрессъ. Гриммъ—апостолъ только одного прогресса; пятнадцать лѣтъ онъ велъ свою «Литературную корреспонденцію», изданную только послѣ его смерти въ 1812 году. Его продолжительная связь съ г-жею д'Эпине дѣлаетъ ему честь. Конечно, она раздѣлила съ небогатымъ писателемъ свое состояніе, но онъ вступился за нее въ своей газетѣ, не зная вовсе женщины, правда, не строгаго образа жизни, но обвиняемой въ нечестныхъ поступкахъ. Гриммъ дрался за нее на дуели и ранилъ двухъ своихъ противниковъ. Онъ избавилъ г-жу д'Эпине отъ циника Дюкло и выгналъ изъ ея дома Жанъ-Жака Руссо, который поклялся отомстить и оклеветалъ Гримма въ своей «Исповѣди». Ни стихи, ни философскія диссертаціи, ни разсужденія объ искусствѣ, не принесли ничего писателю, и онъ оставилъ литературу, чтобы сдѣлаться фактотумомъ августѣйшихъ особъ, разъѣзжалъ по Германіи, ведя частныя дѣла ландграфа Гессенскаго, отыскивая жениховъ для дочерей герцогини Саксенъ-Кобургъ-Готской, исполняя порученія русской императрицы. Шереръ оправдываетъ рѣшительно всѣ поступки Гримма, съ чѣмъ, конечно, нельзя согласиться, но книга его читается, всетаки, съ большимъ интересомъ.

— Г-жа Дьёлафуа издала «Путешествіе по Персіи, Халдеѣ, Сузіанѣ» (La Perse, la Chaldée et la Susiane), и французы прежде всего довольны тѣмъ, что ихъ соотечественница совершила такіе подвиги во время своихъ странствованій, которыя далеко оставили за собою извѣстныхъ англійскихъ путешественницъ: леди Векеръ и Брассей, миссъ Горъ, Бирдъ, Гордонъ Коммингсъ. Живописная часть книги г-жи Дьелафуа полна интереса, но при описаніи картинъ природы, встрѣчаются и археологическія подробности, и эта сторона путешествія обработана ея мужемъ, инженеромъ. Она сопровождала его всюду въ мужскомъ костюмѣ и въ немъ же она представлялась персидскому шаху. О Персіи авторъ сообщаетъ неутѣшительныя свѣдѣнія. Хотя Насеръ-Эддинъ поддерживаетъ сношенія съ европейскими державами и вводитъ у себя нѣкоторые изъ ихъ обычаевъ, два сына его, намѣстники въ южной и сѣверной Персіи, ненавидятъ другъ друга, и персіане убѣждены, что по смерти нынѣшняго шаха власть будетъ принадлежать тому изъ братьевъ, который убьетъ другого. Во всякомъ случаѣ Зелле-султанъ, младшій братъ, не уступитъ трона безъ борьбы и попытается основать въ южной Персіи независимое государство, если ему не помѣшаетъ въ этомъ духовенство Персіи, ненавидящее принца за то, что онъ принялъ европейскіе обычаи и ѣстъ свинину. Очень интересно также описаніе развалинъ Персеполя, гдѣ путешественница, конечно, все съ помощью своего мужа, нашла остатки дворца Дарія, сожженнаго Александромъ Македонскимъ, въ ночь оргіи въ угоду гетеры Таисы. Г-жа Дьелафуа нашла обугленныя въ пожарѣ балки изъ кедровъ ливанскихъ, сохранившіяся до сихъ поръ подъ жгучимъ солнцемъ Персіи.

— «Альзасскій промышленникъ» (Un industriel alsacien)—біографія фабриканта-патріота Энгель-Дольфуса и въ то же время исторія Мюльгаузена, достигшаго въ короткое время такого изумительнаго развитія въ промышленности и торговлѣ, благодаря усиліямъ дѣятельнаго гражданина, горячо любившаго свой родной городъ. Дольфусъ былъ настоящимъ представителемъ современнаго Мюльгаузена, создавъ въ немъ множество воспитательныхъ, промышленныхъ и благотворительныхъ учрежденій, и умирая оставилъ городу все, что нажилъ въ немъ честнымъ трудомъ и неутомимой дѣятельностью. Жизнь такихъ людей всегда любопытна и поучительна, если даже она вращается въ тѣсномъ кругу матеріальныхъ заботъ, а Дольфусъ заботился не только о процвѣтаніи городского благосостоянія, но и объ умственномъ развитіи своихъ согражданъ, хотя самъ былъ не болѣе какъ простымъ работникомъ въ области мануфактурнаго производства и комерческихъ предпріятій.

— Дикъ де-Лоне написалъ анекдотическую исторію войны 1870—1871 г. подъ названіемъ «Французы и нѣмцы» (Français et allemands. Histoire anecdotique de la guerre de 1870—1871). Авторъ, бывшій корреспондентомъ разныхъ періодическихъ изданій въ эту эпоху, собралъ множество относящихся къ ней фактовъ, неважныхъ въ историческомъ отношеніи, но характеризующихъ это тревожное время. Не выдавая себя за опытнаго тактика, онъ говоритъ, однако, и о стратегическихъ операціяхъ французской арміи и о состояніи отдѣльныхъ частей ея при Вейссенбургѣ, Фрешвиллерѣ, Бомонѣ, Седанѣ, перечисляетъ подвиги храбрости и самоотверженія отрядовъ, жестокости пруссаковъ и т. п. Общій выводъ его замѣчаній тотъ, что безъ феноменальной бездарности Мак-Магона война могла бы принять другой обо-

ротъ, болѣе благопріятный для Франціи. Но совершенное ничтожество маршала въ военномъ отношеніи принесло столько же вреда, какъ и измѣна Базена. Съ этимъ заключеніемъ можно согласиться, хотя не всѣмъ фактамъ, сообщаемымъ авторомъ, можно довѣриться безусловно. Мы видѣли его въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ войны, въ качествѣ агента двусмысленныхъ компаній, занимавшихся подозрительными спекуляціями, помнимъ его корреспонденціи о политическихъ и военныхъ дѣйствіяхъ, не всегда отличавшіяся строгою справедливостью, и потому нельзя давать полной вѣры всему, что сообщаетъ авторъ въ своемъ, впрочемъ, весьма любопытномъ очеркѣ.

— Даровитый, хотя и весьма пристрастный историкъ французской революціи Тэнъ началъ печатать въ «Revue des deux mondes» біографію Наполеона I (Napoleon Bonaparte), оцѣниваемаго съ психологической точки зрѣнія. Характеръ Наполеона, Тэнъ объясняетъ законами наслѣдственности и внѣшними вліяніями. Это—кондотьеръ XV вѣка, въ родѣ Кастручіо Кастракани, изображеннаго Макіавелемъ, но несравненно болѣе развитого и обладающаго могущественною волею, среди поколѣнія, потерявшаго всякую энергію. Онъ ни въ чемъ не походилъ на своихъ современниковъ и потому сталъ выше ихъ. Какъ всѣ итальянцы онъ былъ фаталистомъ, любилъ роскошь, всю жизнь игралъ комедію, только мѣнялъ роли, поднимаясь все выше надъ окружавшими его людьми, овладѣвая событіями, дѣлаясь распорядителемъ судебъ Европы. Самообожаніе и презрѣніе къ человѣчеству и законамъ справедливости развивались въ немъ постепенно, по мѣрѣ достигаемыхъ имъ успѣховъ и величія. Тэнъ напрасно видитъ въ ученикѣ Бріенской школы, въ послѣдователѣ Жанъ-Жака Руссо и философіи Рейналя—будущаго императора. Но очеркъ историка только-что начался, и окончательные выводы его выяснятся еще впослѣдствіи.

СМѢСЬ.

Памятникъ императору Александру II. 19-го февраля, въ биржевой залѣ состоялось торжественное открытіе сооруженнаго петербургскимъ биржевымъ купечествомъ памятника-бюста императору Александру II. Императоръ изображенъ съ непокрытой головой, въ тогѣ, перевитой на груди двумя пальмовыми, перевязанными лентою, вѣтвями. Поясной бюстъ на четырехгранномъ, свѣтло-сѣраго каррарскаго мрамора-бардиліо, пьедесталѣ. Въ основаніи, пьедесталъ значительно шире, чѣмъ на верху. Бока составляютъ наклонность. Стороны украшены матовой орнаментаціей. По срединѣ пьедестала рельефная матовая надпись: «Императору Александру II, августѣйшему покровителю торговли и промышленности». Подъ надписью, съ трехъ сторонъ, надъ карнизомъ подножія, высѣчены лавровые вѣнки, перевитые лентами. Въ вѣнкѣ, на лицевой сторонѣ, цифра 1887 (годъ сооруженія памятника). Къ памятнику ведутъ двѣ ступени изъ бельгійскаго чернаго мрамора. Онъ окруженъ бронзовой рѣшеткой изъ лавровыхъ вѣтвей, перевитыхъ лентами. Общая вышина памятника 7 аршинъ 10 вершковъ (пьедесталъ—5 аршинъ, бюстъ—2 аршина 10 вершковъ). Бюстъ императора вылѣпленъ академикомъ М. А. Чижевымъ и высѣченъ изъ бѣлаго итальянскаго мрамора крестьяниномъ Калужской губерніи, Тарусинскаго уѣзда, И. М. Закаржевскимъ, подъ руководствомъ г. Чижева. Стоимость памятника исчислена въ 25,000 рублей. Закладка состоялась въ присутствіи бывшаго министра финансовъ Н. Х. Бунге 14-го сентября прошлаго года.

Актъ С-Петербургскаго университета. 8-го февраля, С-Петербургскій университетъ торжественно праздновалъ актомъ день своего основанія. Въ прошломъ году, университетъ, какъ упоминалось въ отчетѣ, понесъ много утратъ въ лицѣ умершихъ почетныхъ членовъ его: А. В. Головнина, Л. Ранке и М. С. Куторги. Головнину университетъ обязанъ очень многимъ. Періодъ дѣятельности покойнаго государственнаго мужа совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, ко-

гда университетъ переживалъ самыя трудныя минуты, былъ временно закрытъ, студентамъ предложено было поступать въ другіе университеты, а весь составъ профессоровъ оставленъ былъ за штатомъ. Въ это время, Головнинъ, трудясь надъ разработкою устава, поддержалъ университетъ, возстановилъ его упавшій духъ и собралъ разсѣянныя силы. При жизни, онъ былъ единогласно избранъ почетнымъ членомъ. Чувствительной утратой была смерть берлинскаго профессора Л. Ранке, уже маститаго старца-историка. Онъ училъ съ каѳедры цѣлыя поколѣнія, отцовъ, ихъ дѣтей и внуковъ. Его слушали и наши ученые: Грановскій и Бауеръ. Третій покойный почетный членъ, М. С. Куторга, занималъ въ университетѣ каѳедру исторіи. Онъ былъ въ числѣ первыхъ студентовъ, которые, по ходатайству университета и волѣ Николая I, были посланы въ Германію для дальнѣйшаго образованія. Позднѣйшія ученыя работы свои онъ печаталъ на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Не менѣе чувствительною утратою отзывается и смерть профессора Ивановскаго, который ввелъ преподаваніе государственнаго права. Онъ обладалъ блестящимъ даромъ слова и привлекалъ въ аудиторію много студентовъ. Особенно теплымъ сочувственнымъ словомъ была почтена память академика Бутлерова. Въ своей спеціальности онъ былъ созидателемъ школъ. 11-го января настоящаго года было чествованіе его памяти физико-химическимъ Обществомъ, куда съѣхались химики со всѣхъ концовъ Россіи. Въ текущемъ академическомъ году всѣхъ профессоровъ ординарныхъ и сверхштатныхъ числилось 64, приватъ-доцентовъ—47, лекторовъ—8 и лаборантовъ—30. Число студентовъ 2,627, которые по факультетамъ распредѣляются такими цифрами: восточный—87 или 3,5 проц., юридическій—1,170 или 46,5 проц., естественный—426 или 17 проц., математическій—618 или 24 проц. и историко-филологическій—224 или 8 проц. По вѣроисповѣданіямъ: православныхъ—1,660, единовѣрцевъ—4, лютеранъ—153, реформатовъ—36, магометанъ — 14 и евреевъ — 290. Окончившихъ курсъ за истекшій академическій годъ—197. Въ настоящемъ году университетъ получилъ возможность расширить аудиторіи и кабинеты: открыто четыре новыхъ аудиторіи, вмѣщающихъ въ себѣ до 800 человѣкъ. Въ библіотекѣ хранится 155 тысячъ томовъ, оцѣниваемыхъ приблизительно въ 366 тысячъ рублей. Были также дѣлаемы и пожертвованія капиталовъ; изъ нихъ самое крупное—пожертвованіе Мазуриными 40 тысячъ рублей для учрежденія стипендій, по 320 рублей каждая. Кромѣ существующихъ при университетѣ ученыхъ обществъ, подъ руководствомъ О. Ѳ. Миллера учреждено студенческое литературное Общество; существуетъ оркестръ и хоръ. Профессоръ восточнаго факультета, А. М. Поздѣевъ, прочелъ академическую рѣчь о взаимныхъ отношеніяхъ европейцевъ къ Китаю и о причинахъ стремленія китайцевъ изолировать себя. Приватъ-доцентъ Морозовъ посвятилъ нѣсколько словъ памяти Пушкина, коснувшись отношеній современной критики къ трудамъ поэта; затѣмъ ректоръ, И. Е. Андреевскій, прочелъ подробный разборъ сочиненій, написанныхъ студентами на медаль, и вызвалъ удостоенныхъ награды. Было роздано три золотыхъ медали (Бекаревичу, Павлову и Мѣдникову), девять серебряныхъ и четыре почетныхъ отзыва и присуждена премія 1-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей. Актъ закончился гимномъ, исполненнымъ оркестромъ студентовъ и хоромъ.

Юбилей О. В. Струве. 8-го февраля, въ Пулковской обсерваторіи праздновался двойной юбилей директора ея, О. В. Струве—пятьдесятъ лѣтъ его государственно-ученой службы и 25 лѣтъ директорства въ Пулковской обсерваторіи. Оттонъ Васильевичъ Струве, сынъ переселившагося изъ Альтоны въ Россію, молодымъ человѣкомъ, знаменитаго астронома В. Я. Струве, родился въ Дерптѣ 25-го апрѣля 1819 года; здѣсь, въ Дерптскомъ университетѣ, онъ окончилъ высшее свое образованіе и началъ службу, въ 1837 году, ассистентомъ Дерптской обсерваторіи, получилъ потомъ ученую степень магистра и,

4-го декабря 1852 года, былъ избранъ адъюнктомъ императорской академіи наукъ и затѣмъ послѣдовательно былъ экстраординарнымъ и ординарнымъ академикомъ, съ 1859 года сталъ помощникомъ директора Пулковской обсерваторіи, а съ 1862 года и директоромъ. Пулковская обсерваторія, основанная императоромъ Николаемъ Павловичемъ, благодаря трудамъ юбиляра, въ настоящее время занимаетъ мѣсто въ ряду первыхъ обсерваторій міра. При немъ обсерваторія обогатилась и библіотекой, и астро-физической лабораторіей, и электрическимъ освѣщеніемъ, и вращеніемъ большой башни; при немъ поставленъ пока величайшій въ мірѣ рефракторъ. Масса его изслѣдованій и открытій въ области астрономіи извѣстны всему міру въ его ученыхъ трудахъ. Послѣдними были его записки о фотографіи въ 1883 году. Всего имъ, кромѣ годовыхъ отчетовъ по обсерваторіи, издано было 83 ученыхъ сочиненія, въ общемъ значитъ далеко за сотню ученыхъ трудовъ.

Общество любителей древней письменности и искусства издало роскошнымъ образомъ, по рукописи московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, «Книгу, глаголемую Козмы Индикоплова». Рукописи и рисунки въ ней воспроизведены при помощи фотолитографіи. Сочиненіе Козмы Индикоплова, извѣстное въ греческомъ подлинникѣ подъ названіемъ «Христіанской топографіи», давно обращаетъ на себя вниманіе ученыхъ по своей глубокой древности и по своему содержанію. Оно написано въ Александріи, въ первой половинѣ VI столѣтія по Р. Х. предпріимчивымъ купцомъ, лично посѣтившимъ Индію и знавшимъ о Тапробанѣ (Цейлонѣ) и Синѣ (Китаѣ). Впослѣдствіи Козма Индикопловъ принялъ монашество. Знакомство съ Индіей было причиной прозванія его Индикопловомъ, т. е. Индоплавателемъ. Въ исторіи человѣческихъ знаній и средневѣковой науки сочиненіе это важно чрезвычайно цѣнными и точными свѣдѣніями объ Индіи и Ефіопіи. Адулистанская надпись, списанная и сохраненная Козмою, заключаетъ въ себѣ ничѣмъ незамѣнимыя свѣдѣнія о географіи и исторіи царства Аксумскаго (нынѣшней Абиссиніи) и уже одна сама по себѣ дѣлаетъ трудъ александрійскаго монаха драгоцѣннымъ памятникомъ христіанской ученой письменности. Космографическія представленія Козмы Индоплавателя вообще имѣли широкое распространеніе втеченіе среднихъ вѣковъ, а у насъ, на Руси, его трудъ, какъ можно судить по многочисленнымъ спискамъ его перевода, былъ любимымъ чтеніемъ, начиная съ XIV вѣка и съ болѣе ранняго времени. Изданный теперь славянскій переводъ будетъ имѣть значеніе не только для исторіи нашей древней письменности и міросозерцанія, но и для болѣе точнаго возстановленія или дополненія нѣкоторыхъ мѣстъ въ греческомъ подлинникѣ, изданномъ Монфокономъ въ 1706 году. Въ концѣ настоящаго изданія приложено нѣсколько рисунковъ, извлеченныхъ изъ рукописей, принадлежащихъ Обществу любителей древней письменности (изъ собранія князя П. П. Вяземскаго). Книга напечатана въ количествѣ 500 экземпляровъ.—Въ другомъ засѣданіи, Е. Ф. Шмурло сдѣлалъ сообщеніе о запискахъ Сильвестра Медвѣдева. Н. П. Барсуковъ прочелъ предисловіе архимандрита Леонида къ доставленному имъ извлеченію изъ славянскаго перевода (послѣдней четверти XVII вѣка) хроники перемышльскаго бискупа Павла Пясецкаго, явившейся на латинскомъ языкѣ, въ 1646 году, въ Краковѣ. Это извлеченіе, содержащее свѣдѣнія о Смутномъ времени и московско-польской войнѣ отъ появленія перваго самозванца до Деулинскаго перемирія 1618 года, напечатано, вмѣстѣ съ предисловіемъ архимандрита Леонида, въ издаваемыхъ Обществомъ памятникахъ древней письменности. Въ томъ же засѣданіи, И. А. Шляпкинъ обратилъ вниманіе Общества на рукопись библіотеки Петербургскаго университета (№ 64) первой половины XVIII вѣка, содержащую въ себѣ три статьи, съ слѣдующими заглавіями: а) «Гисторія о скиѳскомъ принцѣ Любимѣ, како за его злые пороки превращенъ былъ въ престрашнаго звѣря, а за добродѣтель опять награжденъ принцемъ»; б) «Ги-

сторія о французскомъ купцѣ и о дочери его, именуемой красавицею, какъ за ея добродѣтель избавленъ принцъ изъ морского чудовища въ человѣка», и в) «Гисторія о скиескомъ принцѣ Милобразѣ, какъ получилъ за добродѣтель себѣ въ жену принцессу Истинную Славу». Эти повѣсти, оставшіяся, по словамъ докладчика, доселѣ неизвѣстными, принадлежатъ къ разряду переводныхъ странствующихъ новѣстей и заслуживали бы серьёзнаго изслѣдованія о ихъ происхожденіи. А. Ѳ. Селивановъ сообщилъ: «О библіотекѣ и архивѣ Соловецкаго монастыря», очень богатомъ, но совершенно не разработанномъ. Въ библіотекѣ монастыря, не смотря на то, что бо̀льшая ея часть передана въ Казанскую духовную академію, находятся еще очень любопытныя книги, числомъ до 8,000, и 69 рукописей.

Неуваженіе къ древностямъ и сохраненіе ихъ. Много уже говорилось о невнимательномъ отношеніи у насъ къ памятникамъ старины, имѣющимъ важное значеніе въ археологическомъ отношеніи и, между тѣмъ, подвергающимся постепенному или быстрому разрушенію и уничтоженію. Недавно, напримѣръ, къ огорченію археологовъ, была разрушена въ Казани самая древняя церковь, построеніе которой относятъ къ XVI вѣку. Это монастырь св. Іоанна Предтечи, сооруженный, какъ говоритъ преданіе, по повелѣнію Іоанна Грознаго. Посѣщавшіе Казань петербургскіе архитекторы удостовѣряли, что церковь могла бы еще простоять три столѣтія, но, не смотря на это, ее сломали, въ виду грозящаго якобы разрушенія и тѣсноты помѣщенія. Всего досаднѣе, что съ монастыря не догадались сдѣлать фотографическихъ снимковъ, такъ что возстановить его прежній видъ не возможно. Такимъ образомъ, погибъ цѣнный памятникъ древности. На ряду, однако, съ подобными явленіями встрѣчаются и болѣе отрадныя. Въ Волынской губерніи, въ городѣ Острогѣ, издавна извѣстномъ какъ центръ православія края, гдѣ была напечатана первая книга славянской библіи, существуетъ памятникъ глубокой старины—древній Богоявленскій соборъ. Острожское городское Общество позаботилось о возобновленіи этого собора, когда-то бывшаго придворнымъ храмомъ острожскихъ князей, и исходатайствовало уже право на производство работъ. На реставрацію храма ассигновано отъ казны 220,000 рублей.

Памятникъ бомбардиру. Городъ Темиръ-Ханъ-Шура недавно украсился новымъ памятникомъ, возведеннымъ съ цѣлью увѣковѣченія имени и геройскаго подвига бомбардира 21-й артиллерійской бригады, Агаѳона Микитина, отличившагося во время послѣдней ахалъ-текинской экспедиціи. Въ одномъ несчастномъ для насъ дѣлѣ, когда текинцы успѣли почти уничтожить небольшой русскій отрядъ и захватить 2 орудія, перебивъ прислугу, пропалъ безъ вѣсти и А. Микитинъ, и такъ какъ поле сраженія осталось не за нами, то его считали въ числѣ убитыхъ. Впослѣдствіи, по взятіи Геокъ-Тепе, 12-го января 1881 года, узнали отъ текинцевъ, что во время несчастнаго для насъ дѣла ими былъ взятъ въ плѣнъ одинъ изъ артиллеристовъ, по описанію наружности наиболѣе подходившій къ А. Микитину, котораго они заставляли стрѣлять изъ взятыхъ у русскихъ орудій; но ни угрозы, ни насиліе, ничто не могло принудить А. Микитина навести и произвести выстрѣлы въ русскій отрядъ; тогда текинцы привели въ исполненіе свои угрозы и сняли съ живого Микитина кожу. Немедленно, какъ только узнали объ этомъ фактѣ, открыта была повсемѣстная подписка на устройство памятника Микитину, изъ крестьянъ Гродненской губерніи.

Древній городъ Дрогичинъ. Въ 54-хъ верстахъ отъ уѣзднаго города Бѣльска, Гродненской губерніи, находится заштатный городъ Дрогичинъ. Съ XI по XII вѣкъ онъ былъ передовымъ постомъ русскихъ князей въ борьбѣ съ Ятвягами. Здѣсь же въ 1253 г. вѣнчался королевскою короной великій князь Галицкій Даніилъ Романовичъ. Въ 1274 г. Дрогичинъ былъ сожженъ литовскимъ княземъ «окаяннымъ и треклятымъ» Тройденомъ, который, по сло-

вамъ лѣтописи, «избилъ всѣхъ жителей отъ мала до велика». Съ тѣхъ поръ русскій Дрогичинъ исчезъ изъ исторіи и на его мѣстѣ возникъ подъ литовско-польскимъ владычествомъ другой городъ, который, въ свою очередь, изъ главнаго города воеводства превратился въ ничтожное мѣстечко. Н. П. Авенаріусъ, производившій прошлымъ лѣтомъ раскопки въ Дрогичинѣ, нашелъ частію на берегу Буга и частію въ самой рѣкѣ, на глубинѣ нѣсколькихъ вершковъ, нѣсколько сотъ предметовъ, несомнѣнно относящихся къ русскому періоду исторіи этого города, а именно: обломки мечей, большіе и малые ножи, наконечники копій и стрѣлъ, перстни, серьги, разныя бронзовыя и костяныя украшенія, стеклянные браслеты, каменныя пряслины, безчисленное множество черепковъ посуды безъ поливы и тому подобное; интереснѣе прочихъ предметовъ—бронзовый крестикъ византійскаго стиля и около сорока свинцовыхъ пластинокъ со славянскими буквами и отчасти съ изображеніями на реверсѣ. Всѣ эти вещи размыты весеннимъ разливомъ Буга изъ нагорнаго, почти отвѣснаго берега, на которомъ расположенъ нынѣшній Дрогичинъ. Берегъ этотъ состоитъ въ разрѣзѣ изъ трехъ пластовъ: нижній материковая глина, верхній наносная почва, средній толщиною приблизительно въ два аршина, мусоръ, то-есть прожженныя насквозь глина, известь и отчасти кирпичъ, съ громадною примѣсью древеснаго угля, черепковъ и костей человѣческихъ и животныхъ. Этотъ пластъ и есть не что иное какъ сожженный и затѣмъ забытый древне-русскій Дрогичинъ; онъ простирается далеко въ глубь и занимаетъ если не всю, то значительную часть площади позднѣйшаго города. Судя по громадному числу предметовъ, размытыхъ изъ этого пласта втеченіе одного года, можно полагать, что современемъ онъ дастъ богатѣйшій матеріалъ для исторіи жизни Дрогичина и вообще всей южно-русской колонизаціи на сѣверо-западной окраинѣ. Н. П. Авенаріусъ имѣетъ въ виду продолжать свои изысканія въ Дрогичинѣ, сдѣлать нѣсколько раскопокъ въ самомъ городѣ и на такъ называемой Тимковой горѣ и, кромѣ того, составить карту многочисленныхъ кургановъ, окружающихъ Дрогичинъ.

Памятникъ Шлагинтвейту. Въ настоящемъ 1887 году исполнится ровно тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ ужасная, мученическая смерть похитила знаменитаго путешественника, одного изъ выдающихся изслѣдователей Индіи— Адольфа Шлагинтвейта, который въ 1857 году, во время смутъ и возстанія въ Кашгарѣ, былъ казненъ рукою палача, по приказанію свирѣпаго хаджи Вали-хана-Тюре, впавшаго въ сумасшествіе и украсившаго головой казненнаго ученаго пирамиду другихъ отрубленныхъ головъ. Высоко чтя память Шлагинтвейта, русское географическое Общество съ большимъ сочувствіемъ отнеслось къ мысли о постановкѣ памятника этому ученому на мѣстѣ его гибели. Памятникъ предполагается соорудить въ нынѣшнемъ году; это будетъ первый монументъ, воздвигаемый русскими на китайской территоріи. Кромѣ географическаго Общества, собравшаго необходимую для памятника сумму по подпискѣ, въ сооруженіи его принялъ участіе и русскій консулъ въ Кашгарѣ Н. Ф. Петровскій. Въ магазинѣ г. Санъ-Галли изготовлена плита для памятника Шлагинтвейту. Приводимъ нѣкоторыя подробности о томъ, какъ были найдены слѣды его погибели. Н. Ф. Петровскій нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ купилъ въ Кашгарѣ термометръ въ футлярѣ прекрасной работы Ch. F. Geissler'a въ Берлинѣ; на мѣдной дощечкѣ футляра значилось: «Shlagintweit». Такимъ образомъ, старанія консула розыскать слѣды несчастнаго путешественника вознаградились. Г. Петровскій сдѣлалъ затѣмъ снимокъ съ мѣста убіенія ученаго, сообщилъ китайскимъ властямъ о постановкѣ на этомъ мѣстѣ памятника и приступилъ къ дальнѣйшимъ розыскамъ. Главный убійца Шлагинтвейта, одинъ изъ приближенныхъ Вали-хана-Тюря, отказывавшійся разсказывать что либо о происшествіи, не такъ давно умеръ. Одинъ мальчикъ изъ его дома продалъ термометръ подъ боль-

шимъ секретомъ. Г. Петровскій обѣщалъ хранить тайну и выразилъ желаніе купить все, что ему будетъ доставлено изъ вещей покойнаго Шлагинтвейта.

† Въ ночь на 24-е февраля скоропостижно **Иванъ Терентьевичъ Осининъ**, бывшій больше двѣнадцати лѣтъ начальникомъ женскихъ гимназій въ Петербургѣ, а въ прошедшемъ году сдѣланный ихъ попечителемъ, одновременно съ назначеніемъ на должность почетнаго опекуна. Онъ былъ сынъ псаломщика посольской церкви въ Копенгагенѣ, гдѣ и получилъ первоначальное образованіе. Въ 1857 году онъ окончилъ со степенью магистра курсъ Петербургской духовной академіи и, какъ лучшій представитель выпуска, былъ оставленъ alma mater баккалавромъ по каѳедрѣ обличительнаго богословія, и больше двадцатипяти лѣтъ прослужилъ въ ней, сначала баккалавромъ, потомъ экстраординарнымъ профессоромъ. Сверхъ того, онъ въ академіи преподавалъ нѣмецкій языкъ. Благодаря его запискамъ, отодвинуты были въ сторону сухія и схоластическія руководства по богословію. Не одна сотня учениковъ его по академіи вспомянетъ его добромъ, какъ даровитаго, краснорѣчиваго профессора и добраго, честнаго человѣка. Его научные богословскіе труды печатались за 1860 годъ въ академическомъ журналѣ «Христіанское чтеніе». Въ началѣ 1870 года, онъ былъ отъ святѣйшаго синода командированъ за границу на одинъ изъ церковныхъ конгрессовъ. Онъ умеръ въ цвѣтѣ годовъ и силъ — пятидесяти двухъ лѣтъ. Иванъ Терентьевичъ, по желанію покойной государыни, поставленъ былъ въ главѣ новаго женскаго образованія въ Россіи, когда впервые, въ вѣдомствѣ учрежденій императрицы Маріи возникъ новый типъ женскихъ образовательныхъ заведеній, доступный всѣмъ классамъ общества, открытый исключительно для приходящихъ ученицъ и такимъ образомъ совершенно отличный отъ прежняго типа — институтовъ и пріютовъ. Не одна гимназія уже отпраздновала теперь двадцатипятилѣтіе своего существованія. Двѣнадцать лѣтъ занималъ И. Т. должность начальника женскихъ гимназій. Общая любовь и уваженіе учащихъ и учащихся окружали своего начальника. Его доступность, внимательность и доброта сдѣлали его имя популярнымъ и за предѣлами его вѣдомства. Онъ былъ энергичнымъ защитникомъ женскаго образованія, и наше среднее женское образованіе, поставленное теперь на болѣе твердую почву, во многомъ обязано этимъ ему. Еще немного времени назадъ праздновался тридцатилѣтній юбилей его ученой и педагогической дѣятельности. На похоронахъ его были тысячи его ученицъ и почитателей, оплакивавшихъ истинно прекраснаго человѣка.

† 24-го февраля, въ Москвѣ, отставной артистъ императорскихъ театровъ **Ѳедоръ Алексѣевичъ Бурдинъ**, на 62 году. Онъ воспитывался въ одной изъ московскихъ гимназій, и послѣ первыхъ дебютовъ на сценѣ Александринскаго театра въ Петербургѣ, пріобрѣлъ и установилъ за собою извѣстность, главнымъ образомъ въ драмахъ А. Н. Островскаго, который свои пьесы большею частію уступалъ для бенефисовъ Ѳ. А. Бурдина, бывшаго съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Ѳ. А. Бурдинъ посвящалъ свои досуги и литературѣ. Онъ издалъ четыре тома переводныхъ пьесъ, написалъ руководство для молодыхъ актеровъ — «Азбука драматическаго искусства», и «Воспоминанія о своей драматической карьерѣ». Отрывки изъ нихъ напечатаны въ журналахъ: «Историческій Вѣстникъ» и «Вѣстникъ Европы». Онъ всегда считался полезнѣйшимъ дѣятелемъ въ составѣ нашей драматической труппы въ эпоху ея процвѣтанія. Начитанный, вполнѣ образованный и развитой человѣкъ, онъ любилъ родное искусство, относился къ своему дѣлу такъ добросовѣстно, что могъ служить образцемъ для всѣхъ товарищей по искусству. Если въ немъ и не доставало того священнаго огня, который въ театрѣ «двигаетъ массу», вызывая бури рукоплесканій, за то добросовѣстность, толковое и всегда обдуманное исполненіе выкупали его недостатки. Честно прослуживъ русскому искусству, онъ радовался его подъему и скорбѣлъ при видѣ его упадка.

† 16-го февраля, **Илья Александровичъ Арсеньевъ**, родоначальникъ такъ называемой «малой прессы». Покойный принималъ участіе при возникновеніи «Петербургскаго Листка» и затѣмъ былъ основателемъ «Петербургской Газеты». Когда въ бытность графа Валуева министромъ внутреннихъ дѣлъ возникла офиціальная газета «Сѣверная Почта, «Арсеньевъ былъ однимъ изъ ея дѣятельныхъ сотрудниковъ. Въ шестидесятыхъ годахъ, Арсеньевъ находился на службѣ въ Варшавѣ. Окончилъ курсъ въ 1836 году въ Московскомъ университетѣ, въ самое цвѣтущее время этого разсадника знаній, отличавшагося обиліемъ высокодаровитыхъ профессоровъ, имена которыхъ составляютъ славу и гордость университета. Еще студентомъ, по указанію профессора Н. И. Надеждина (сосланнаго въ Усть-Сысольскъ за статью Чаадаева), Арсеньевъ перевелъ повѣсть Гофмана «Выборъ невѣсты», которая была напечатана въ «Сборникѣ иностранныхъ извѣстій», изданномъ Надеждинымъ. Это былъ первый литературный трудъ, послѣ котораго И. А. постоянно сотрудничалъ въ русскихъ и иностранныхъ журналахъ: «Наше Время» (Павлова), «Русскія Вѣдомости», «Сѣверная Пчела», «С.-Петербургскія Вѣдомости» (Краевскаго), «Народное Богатство», «Экономическій Указатель», «Журналъ акціонеровъ» и «Юридическій журналъ», «Journal de Francfort», «Nord», «Indépendance Belge» и «France». Въ 1861 году, началась его редакторская дѣятельность въ «Петербургскомъ Листкѣ». Послѣднія литературныя работы покойнаго напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ», подъ заглавіемъ «Живое слово о неживыхъ», полныя интересныхъ воспоминаній о быломъ и его столкновеніяхъ и знакомствахъ съ многими замѣчательными личностями. Отлично образованный, владѣвшій одинаково въ совершенствѣ какъ русскимъ, такъ и французскимъ языками, И. А. въ то же время былъ замѣчательный публицистъ и вообще отличался большою начитанностью.

† 24-го февраля, въ Петербургѣ одинъ изъ выдающихся драматическихъ писателей **Михаилъ Николаевичъ Владыкинъ**. Покойный написалъ всего четыре пьесы, изъ которыхъ двѣ «Купецъ-лабазникъ» и «Омутъ» составили ему довольно крупное имя среди русскихъ драматурговъ. Послѣдняя пьеса покойнаго, комедія «Весельчаки», не смотря на всѣ хлопоты его, не была принята на казенную сцену, и Владыкину пришлось удовольствоваться только клубными сценами, гдѣ эта пьеса имѣла выдающійся успѣхъ. Владыкинъ съ самой ранней молодости полюбилъ театръ и вступилъ въ труппу московскаго Малаго театра, гдѣ впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ участвовалъ во многихъ пьесахъ, имѣя передъ собой знаменитые образцы: Садовскаго и Шумскаго. Время служенія въ московскомъ Маломъ театрѣ покойный считалъ лучшимъ временемъ въ своей жизни. Впослѣдствіи онъ принималъ участіе на клубныхъ сценахъ въ качествѣ актера-любителя и всегда съ успѣхомъ. Родившись въ 1830 году, не смотря на свои 57 лѣтъ, онъ имѣлъ видъ крѣпкій и бодрый и не разсчитывалъ на такую быструю, роковую развязку. Онъ владѣлъ имѣніями въ Пензенской губерніи, гдѣ служилъ чембарскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Послѣ покойнаго осталось состояніе, которое распредѣлено по духовному завѣщанію между родными и близкими ему лицами, причемъ М. Н. отказалъ нѣсколько тысячъ бывшимъ своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ.

† 8-го марта, въ Дрезденѣ, писатель **Павелъ Васильевичъ Анненковъ**. Онъ родился въ 1813 году въ Москвѣ, началъ образованіе свое въ Горномъ корпусѣ, вышелъ изъ спеціальныхъ классовъ и слушалъ лекціи Петербургскаго университета по историко-филологическому факультету. Въ 1833 году, онъ поступилъ на службу въ канцелярію министра финансовъ. Съ этого времени начинается его участіе въ литературѣ и знакомство съ литераторами. Онъ печаталъ свои статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Современникѣ», «Библіотекѣ для Чтенія», «Атенеѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и въ послѣдніе годы въ «Вѣстникѣ Европы», гдѣ помѣщены лучшіе, болѣе цѣн-

ные его труды о Пушкинѣ, о литературныхъ представителяхъ сороковыхъ годовъ, о Тургеневѣ, Гоголѣ и друг. Статьи его, съ 1849 по 1868 годъ, собраны въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ «Воспоминанія и критическіе очерки», въ 1877 году. Сюда не вошла написанная имъ біографія Станкевича, первый и прекрасный опытъ литературной біографіи, въ которой впослѣдствіи онъ выказалъ себя знатокомъ. Самый капитальный трудъ его составляетъ изданіе сочиненій Пушкина въ 1854—1857 годахъ. Право на это изданіе онъ купилъ у наслѣдниковъ Пушкина, и впервые текстъ посмертнаго изданія провѣрилъ по рукописямъ. Провѣрка эта не всегда правильна, кромѣ того, цензурныя условія чрезвычайно затрудняли издателя и заставляли много обрѣзывать въ произведеніяхъ поэта. Тѣмъ не менѣе, это было первое изданіе Пушкина, въ которомъ нашъ поэтъ выступилъ во весь ростъ, и оно сохраняетъ свою цѣну даже до сихъ поръ. Независимо отъ провѣрки текста и многочисленныхъ примѣчаній, Анненковъ прослѣдилъ творчество поэта, можно сказать, изо дня въ день, написавъ цѣлый томъ о немъ, подъ заглавіемъ: «Матеріалы для біографіи Пушкина», который вышелъ потомъ отдѣльно. Этотъ трудъ составляетъ существенную заслугу покойнаго передъ русской литературой. Ни одинъ изъ изслѣдователей Пушкина не можетъ обойдтись безъ «Матеріаловъ», они важнѣе даже связной біографіи Пушкина, которую покойный началъ писать и издалъ первый томъ ея, подъ заглавіемъ: «Пушкинъ въ Александровскую эпоху». Анненковъ пользовался для біографіи Пушкина не только всѣмъ печатнымъ матеріаломъ, но воспоминаніями современниковъ и множествомъ писемъ Пушкина и къ Пушкину. Не обладая выдающимся талантомъ, Анненковъ отличался большимъ трудолюбіемъ и энциклопедическимъ образованіемъ. Его всегда тянуло къ замѣчательнымъ писателямъ, и эта жажда быть возлѣ нихъ давала въ его руки множество матеріаловъ для характеристики ихъ. Въ нашей литературѣ лучшія воспоминанія о Гоголѣ оставилъ Анненковъ. Онъ знакомъ былъ съ нимъ въ Петербургѣ, потомъ встрѣтился съ нимъ въ Римѣ, когда Гоголь кончилъ первый томъ «Мертвыхъ Душъ». Анненковъ переписывалъ этотъ томъ подъ диктовку Гоголя втеченіе долгаго времени и имѣлъ возможность наблюдать эту оригинальную натуру. Анненковъ выказалъ тутъ даже проницательность, и его характеристика Гоголя во многихъ отношеніяхъ замѣчательна. Его связи съ Тургеневымъ, Герценомъ, Огаревымъ, Бѣлинскимъ дали ему возможность написать замѣчательные очерки литературной жизни сороковыхъ годовъ и написать ихъ съ значительнымъ безпристрастіемъ.

† 8-го марта скоропостижно, въ Петербургѣ, въ гостяхъ у пріятеля, поэтъ **Михаилъ Павловичъ Розенгеймъ**. Онъ родился въ 1820 году и происходилъ отъ датчанина, переселившагося въ Россію въ XVIII столѣтіи и здѣсь обрусѣвшаго. Отецъ Михаила Павловича служилъ въ горномъ вѣдомствѣ и умеръ, оставивъ сына четырехъ лѣтъ. Ребенокъ былъ отданъ въ первый кадетскій корпусъ, въ малолѣтнее отдѣленіе, и, пробывъ въ корпусѣ 11 лѣтъ, вышелъ въ конную артиллерію. Прослуживъ десять лѣтъ въ строю, онъ вернулся, въ 1848 году, въ Петербургъ, гдѣ продолжалъ состоять по артиллеріи. Въ 1866 году, поступилъ въ открывшуюся тогда военно-юридическую академію и черезъ два года вышелъ изъ нея по первому разряду. Въ 1869 году, былъ назначенъ военнымъ судьей въ петербургскій военно-окружной судъ, гдѣ дослужился въ прошломъ году до генеральскаго чина. Стихи онъ началъ писать еще кадетомъ 14-ти лѣтъ. Его «Походную пѣсню» кадеты пѣли, въ 1836 году, въ петергофскомъ лагерѣ и за нее онъ получилъ отъ наслѣдника золотые часы. Въ 1837 году, Полевой напечаталъ нѣсколько его стихотвореній въ «Сынѣ Отечества»; еще двѣ пьесы явились въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1840 года. Онъ писалъ мало и печаталъ рѣдко. Въ 1850 году, Панаевъ помѣстилъ въ «Современникѣ» его «Думу» безъ вѣдома и безъ имени автора. Эти же стихи г-жа Хвостова, въ 1856 году, послала, въ нѣ-

сколько измѣненномъ видѣ, въ «Русскій Вѣстникъ», гдѣ они были напечатаны съ именемъ Лермонтова. Съ 1858 года, стихи Розенгейма начали часто появляться въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Библіотекѣ для Чтенія», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Сынѣ Отечества», «Зарѣ», «Русскомъ Словѣ» и друг. Въ томъ же году вышло первое изданіе его стихотвореній, встрѣченное неблагосклонно представителями тогдашней критики, Н. Г. Чернышевскимъ въ «Современникѣ» и А. В. Дружининымъ въ «Библіотекѣ для Чтенія». Только «Отечественныя Записки» отдали справедливость искренности, теплотѣ таланта Розенгейма, писавшаго больше въ обличительномъ и юмористическомъ духѣ. Въ этомъ же направленіи онъ началъ вести, съ ноября 1859 года, въ «Отечественныхъ Запискахъ» фельетонъ, подъ названіемъ «Замѣтки праздношатающагося». Подобный же рядъ юмористическихъ статей онъ помѣстилъ въ «Сѣверной Пчелѣ», подъ редакціей П. С. Усова, «Путешествіе во времени и пространствѣ». Въ то же время, онъ писалъ и серьёзныя статьи въ юридическомъ журналѣ Салманова, въ «Нашемъ Времени» (о Печерскомъ краѣ). Въ 1860 году, онъ былъ редакторомъ «Журнала конноводства и охоты», въ 1863 году сатирической газеты «Заноза», съ перваго же года имѣвшей 5,000 подписчиковъ. Въ 1865 году, онъ передалъ газету въ другія руки, гдѣ она и умерла. Въ «Занозѣ» было помѣщено много стиховъ и разсказовъ редактора. Въ 1864 году, стихотворенія его вышли вторымъ, значительно дополненнымъ, изданіемъ. Въ 1866 году, онъ напечаталъ рядъ статей въ «Голосѣ»: «Письма о недавнемъ быломъ», и въ послѣдующихъ годахъ помѣщалъ много статей въ этой газетѣ по вопросамъ о западныхъ окраинахъ, о желѣзныхъ дорогахъ и проч. Печатался онъ также въ «Военномъ Сборникѣ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» и другихъ періодическихъ изданіяхъ. Принадлежа къ числу славянофиловъ, впрочемъ, весьма умѣренныхъ, петербургскихъ, не разрывавшихъ прямо связи съ «гнилымъ Западомъ» и не стремившихся неуклонно «домой», Розенгеймъ былъ усерднымъ членомъ здѣшняго славянскаго комитета и муза его постоянно отзывалась на разныя патріотическія темы. Въ 1883 году, вышло третье изданіе его «Стихотвореній», но, кромѣ напечатанныхъ пьесъ, всегда незлобивый и симпатичный поэтъ оставилъ немало рукописныхъ пьесъ, въ которыхъ обличалъ, безъ ювеналовскаго негодованія, но съ какимъ-то добродушнымъ юморомъ, недостатки нашего общественнаго строя. Въ этомъ родѣ, его «Пѣсни о Ѳедрѣ» останутся, современемъ, замѣчательной характеристикой нашего времени. М. П. Розенгеймъ нелишенъ былъ истиннаго поэтическаго дарованія, хотя стихи его нерѣдко тяжелы, мало обработаны. Цѣльности впечатлѣнія его стихотвореній вредятъ длинноты и невыдержанность поэтическихъ образовъ. Но между его пьесами есть немало вполнѣ прекрасныхъ. Это была рѣдкая, искренняя, честная, вполнѣ поэтическая натура, и всѣ, знавшіе его, никогда не забудутъ его какъ человѣка. Русская литература не забудетъ его какъ поэта.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу статьи: «Какъ были проданы сочиненія Пушкина Исакову».

Въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», г. Полевымъ напечатанъ, записанный имъ со словъ Н. В. Гербеля, разсказъ о томъ, какъ были проданы сочиненія Пушкина Исакову, гдѣ мнѣ приписывается весьма неблаговидный поступокъ, относительно Н. В. Гербеля.

Во всемъ разсказѣ вѣрно только то, что Гербель желалъ пріобрѣсти право на изданіе сочиненій отца моего, все же остальное — чистѣйшій вымыселъ.

Осенью 1857 года, Н. В. дѣйствительно обратился ко мнѣ съ предложеніемъ купить право на изданіе сочиненій отца моего, на что̀ я ему сказалъ, что Исаковъ предлагаетъ намъ, наслѣдникамъ, 30,000 рублей, а мы желаемъ получить 40,000, и что мы уступимъ тому, кто больше дастъ. На это Н. В. отвѣтилъ только, что такой суммы онъ дать не можетъ. Весь разговоръ продолжался всего нѣсколько минутъ и происходилъ въ полковой канцеляріи, гдѣ я былъ занятъ служебными дѣлами. При этомъ, я положительно утверждаю, что никакихъ положительныхъ предложеній Гербель мнѣ не дѣлалъ, и что онъ даже не назначилъ мнѣ суммы, которой могъ располагать. Вскорѣ послѣ этого, право было уступлено Исакову за 36,000 рублей.

Что дѣло это не могло произойдти такъ, какъ разсказываетъ, со словъ Гербеля, г. Полевой, доказывается очень просто̀ уже тѣмъ извѣстнымъ фактомъ, что послѣ смерти отца, кромѣ меня, остались еще братъ мой и двѣ сестры, которыя имѣли такія же права на изданіе, какъ и я. При такихъ обстоятельствахъ, конечно, я не могъ сразу согласиться на предложеніе, будто бы мнѣ сдѣланное Гербелемъ, а долженъ былъ предварительно заручиться ихъ согласіемъ.

Точно также невѣрны слова, сказанныя будто бы мною про П. В. Анненкова. Не помню теперь, говорили ли мы съ Гербелемъ о Павлѣ Васильевичѣ, но, во всякомъ случаѣ, я не могъ сказать, что далъ разрѣшеніе на изданіе Анненкову, что о гонорарѣ не торговался и не условливался, полагаясь на него, и что онъ заплатилъ всего 2,000 рублей, такъ какъ въ то время, когда Анненковъ пріобрѣлъ право на изданіе, я былъ несовершеннолѣтнимъ и никакого участія не принималъ въ переговорахъ съ нимъ, а дѣломъ этимъ занимался вотчимъ нашъ, Петръ Петровичъ Ланской, и съ Анненковымъ былъ заключенъ формальный контрактъ, по которому онъ заплатилъ намъ 5,000 рублей.

Этихъ фактовъ, мнѣ кажется, достаточно, чтобы доказать всю лживость разсказа Гербеля, переданнаго г. Полевымъ, и снять съ меня то пятно, которое наброшено имъ на мое доброе имя.

А. Пушкинъ.

II.

Двухсотлѣтіе сформированія гвардейскихъ полковъ. 1687—1887 гг.

Историкъ Погодинъ въ своемъ трудѣ «Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго, 1672—1689» (на страницѣ 120) глухо говоритъ (подъ 1687-мъ годомъ, когда были отправлены войска изъ Москвы въ крымскій походъ): «число потѣшныхъ солдатъ умножилось»,—не объясняя почему. Въ изслѣдованіяхъ же своихъ Погодинъ старается заподозрѣть историка Устрялова въ точности отнесенія имъ къ 1687 году начала потѣшнаго войска, впадая даже въ крайность: допущеніе существованія потѣшныхъ въ 1682 году.

Мы, съ своей стороны, держимся строго логической послѣдовательности фактовъ и не можемъ такъ рано допустить даже идеи о потѣшныхъ. Въ 1682 году, было не до потѣхъ, когда сама возбудительница стрѣльцовъ къ бунту и убійствамъ, царевна Софья Алексѣевна, стала бояться за жизнь свою, удалясь въ Троицкую лавру изъ Москвы.

Съ трудомъ, къ зимѣ 1682—1683 года, только обузданы были своевольцы стрѣльцы дачею имъ новаго начальника, послѣ истребленья князей Хованскихъ, раскольничьихъ главарей и зачинщиковъ смутъ вообще.

Туманскій, въ своемъ собраніи «Записокъ о Петрѣ Великомъ», въ концѣ 1-й части, помѣстилъ трудъ Крекшина, который дѣлаетъ перечень событій изъ жизни нашего перваго императора, полный ошибокъ, или опечатокъ въ цифрахъ, неисправленныхъ. Между такими промахами, можетъ быть, и вслѣдствіе неразборчивой рукописи, казнь Шакловитаго отнесена къ 1684 году вмѣсто 1689 года и оба крымскіе похода къ тому же году. Но если считать, какъ у него, одновременными даты, когда царь Петръ I «сталъ служить въ полкахъ солдатомъ» и «крымской первой походъ», то это будетъ вѣрно въ 1687 году, какъ показываетъ ходъ обстоятельствъ.

Погодинъ основывалъ свое заключеніе о раннемъ возникновеніи потѣшныхъ на подписи гравера Махаева подъ портретомъ С. Л. Бухвостова, котораго Петръ I назвалъ «первымъ русскимъ солдатомъ». Граверъ, очевидно, со словъ Бухвостова, поставилъ дату 30-го ноября 1683 года, времени перехода Бухвостова изъ конюшеннаго штата общаго въ верховые конюхи Петра I. Это отнюдь не показываетъ опредѣленія въ строй. Петръ I назвалъ Бухвостова первымъ солдатомъ за вписаніе его первымъ въ бомбардирскую роту, въ 1695 году, при учрежденіи ея. Стало быть, видѣть въ опредѣленіи Бухвостова верховымъ конюхомъ начало полковъ гвардіи нельзя. Канонической точности въ словахъ гравера Махаева тоже нечего искать, если его показаніе въ датѣ рожденія расходится съ дѣйствительностью, по оффиціальной справкѣ, сдѣланной Минихомъ и приведенной Бѣляевымъ въ описаніи кунсткамеры.

Г. Азанчевскій въ «Исторіи преображенскаго полка» основаніе его относить даже къ 1682 году, но до 1687 года успѣваетъ насчитать двѣнадцать человѣкъ (и съ Бухвостовымъ) въ составѣ потѣшныхъ, несомнѣнно, сверстниками по лѣтамъ Петра I, т. е. еще дѣтьми, въ 1683—1687 годахъ.

Въ великомъ посту 1687 года, сдѣланъ былъ публичный вызовъ, «кличъ» посредствомъ прибитаго на улицахъ заявленія, что всѣ желающіе могутъ записываться на службу въ потѣшные, въ селѣ Преображенскомъ, гдѣ постоянно жилъ царь Петръ Алексѣевичъ. Охочихъ молодыхъ людей оказалось много,—сотнями насчитывали вписавшихся въ потѣшные. Тогда, очевидно, потребовались офицеры, и однимъ изъ первыхъ опредѣленъ въ офицеры 26-ти-лѣтній стольникъ комнатный, Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, до того времени служившій въ полкахъ новаго устройства, подъ начальствомъ нѣмецкихъ офицеровъ. Погодинъ, по случаю вписанія въ офицеры Бутурлина, въ 1687 году, дѣлаетъ себѣ вопросъ, но отвѣчаетъ несправедливо. «Это показаніе очень важно: если Бутурлинъ пожалованъ въ штабъ-офицеры Преображенскаго полка въ 1687 году, то изъ этого слѣдуетъ, во-первыхъ, что онъ служилъ въ полку до 1687 года, то есть, что полкъ существовалъ уже до 1687 года».

Всякій скажетъ, что подобнаго заключенія о существованіи полка раньше, нельзя вывести прямо изъ опредѣленія въ полкъ Бутурлина. Вѣдь въ позд-

нѣйшей справкѣ, даже не современной, говорится: «Иванъ Бутурлинъ пожалованъ въ гвардію,—а не поименованъ полкъ,—въ штабъ-офицеры въ 195-мъ году, тому нынѣ 34-й годъ». Мы уже сказали о службѣ Бутурлина раньше. А что въ концѣ 1687 года были въ зачаткѣ оба полка гвардіи, опять не подлежитъ сомнѣнію. Вступившихъ весною 1687 года на кличъ, въ потѣшные, было такъ много, что пришлось часть ихъ расположить въ селѣ Семеновскомъ, когда осенью, послѣ лѣтнихъ экзерцицій, всѣ дома села Преображенскаго оказались ими переполненными.

Погодинъ (стр. 155) находитъ показаніе Шакловитаго на допросѣ неопредѣленнымъ, тогда какъ оно очень точно. Какую же неопредѣленность можно видѣть въ слѣдующихъ словахъ: «Въ прошломъ де во 195 году (1687) въ великой постъ объявилось письмо на Лубянкѣ, а въ то время у великаго государя Петра Алексѣевича учали прибирать потѣшныхъ конюховъ, и отъ того учало быть опасеніе». Самъ же историкъ (см. стр. 120), подъ 1687-мъ годомъ, говоритъ: «Наступила весна. Число потѣшныхъ солдатъ [1]) умножилось; они не могли уже помѣщаться въ Преображенскомъ, и имъ понадобилось занять другое сосѣднее село Семеновское: такъ произошелъ другой полкъ, получившій прозваніе Семеновскаго».

Историкъ сдѣлалъ тутъ только маленькую передержку: поставилъ раздѣленіе потѣшныхъ весною, вмѣсто осени. Это дѣленіе должно занять мѣсто послѣ лѣтнихъ упражненій, въ палаткахъ. Самъ же онъ говоритъ (стр. 121): «Лишь установилась погода, какъ и начались маневры, экзерциціи, сраженія, осады и приступы». Потѣшные, съ царемъ во главѣ, трудились до пота лица.

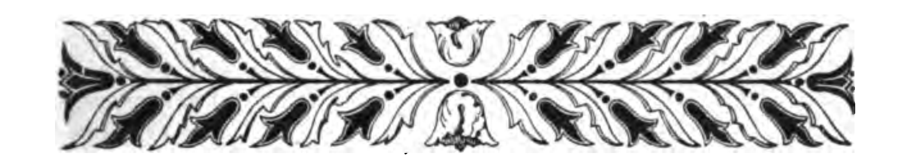
Устряловъ образованіе потѣшныхъ объяснилъ безъ уклоненія въ невозможные выводы Погодина. Противъ выводовъ Погодина мы потому здѣсь и должны были говорить, что натяжки его очевидны и путаютъ дѣло совсѣмъ ясное. Запутавъ дѣло формированія гвардейскихъ полковъ изъ потѣшныхъ, Погодинъ оказалъ плохую услугу русской исторіографіи: слѣдуя ему, явились ошибочныя исторіи гвардейскихъ полковъ, такъ, напримѣръ, «Исторія лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка», вышедшая въ 1883 году, въ которой основаніе полка, вмѣсто 1687 года, отнесено къ 1683 году.

Авторъ перваго тома этой исторіи, на стр. 23-й, предпочелъ яснымъ доводамъ Устрялова ничего необъясняющіе, нагроможденныя, несогласныя между собою, показанія Погодина. Позволимъ одно только замѣтить по этому случаю. Если бы авторъ отнесся сколько нибудь внимательно къ приводимому имъ же самимъ (на стр. 34) свѣдѣнію о постройкахъ въ Преображенскомъ,— онъ увидѣлъ бы, что раньше 1687 года ничего не было сдѣлано для помѣщенія чиновныхъ служилыхъ лицъ. Справка говоритъ: «Въ 1687 году, въ потѣшной башнѣ устроивается другое и третье жилье. Кроются избы и сѣни на дворѣ, гдѣ ставится въ пришествіе великихъ государей кравчій князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, а также избы и сѣни, и навѣсы, гдѣ ставятся капитаны». Раньше, стало быть, этого не надобилось, потому что не было полковыхъ чиновъ.

П. П—въ.

---

[1]) У Шакловитаго же—еще потѣшныхъ конюховъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖАНРЪ

на XV выставкѣ „Товарищества передвижныхъ выставокъ“.

Въ нынѣшнемъ году, историческій жанръ играетъ очень видную роль на «передвижной выставкѣ», въ такой степени видную, что даже скрашиваетъ собою весьма ощутительную скудость всѣхъ остальныхъ родовъ живописи на выставкѣ товарищества. Всѣхъ картинъ по историческому жанру выставлено семь: изъ нихъ двѣ громадныхъ, одна большая, три средняго размѣра и одна очень маленькая. Такое обиліе картинъ историческихъ, на передвижной выставкѣ—диковинка; и это обиліе тѣмъ болѣе утѣшительно, что главный и маститый представитель историческаго жанра, Н. В. Невревъ, украсилъ въ нынѣшнемъ году выставку только очень небольшимъ холстомъ, мало напоминающимъ манеру этого плодовитаго и талантливаго художника. Но за то рядомъ съ Невревымъ и Клодтомъ выступила новая, молодая сила, экспонентъ-художникъ Н. С. Матвѣевъ, представившій намъ любопытную попытку возсозданія русской старины въ замѣчательно-художественной формѣ. Но прежде, нежели мы перейдемъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ произведеній исторической живописи на нынѣшней выставкѣ, мы должны сказать два слова о тѣхъ преобладающихъ направленіяхъ, которыя давно уже борются въ нашей живописи по отношенію къ воспроизведенію минувшихъ эпохъ. Одно направленіе—чисто-реалистическое, изображающее дѣйствительность безъ прикрасъ, во всей ея неряшливой и неприглядной обстановкѣ, часто даже пересаливающее невыгодныя стороны нашего прошлаго, ради бо́льшей будто бы вѣрности и естественности; другое—идеализирующее, возвышающее наши представленія о прошломъ, представляющее его такимъ, какъ оно является въ «Исторіи государства Россійскаго», переполненной «доблестными гражданами», «безстрашными стратигами» и «краснорѣчивыми пастырями».

Громадная заслуга художника Неврева заключается именно въ томъ, что онъ издавна съумѣлъ отыскать середину между обоими этими направленіями, не слишкомъ идеализируя нашу старину, не слишкомъ низводя ее

на ультра-реальную почву, и выработалъ рядъ произведеній, въ которыхъ съумѣлъ и вѣрно, и просто передать намъ бытовыя сцены изъ древне-русской дѣйствительности. Намъ кажется, что онъ идетъ очень вѣрнымъ путемъ того спокойнаго воспроизведенія старины, которое болѣе всего вводитъ насъ въ пониманіе нашего прошлаго. Нѣсколько иначе проявляется въ историческомъ жанрѣ реальное направленіе: оно ставитъ историческую дѣйствительность (на сколько она доступна нашему пониманію и изученію) въ слишкомъ большую зависимость отъ настоящаго и, подъ вліяніемъ преобладающихъ въ обществѣ настроеній и «вѣяній», заставляетъ иногда забыть о томъ духѣ, который несомнѣнно оживляетъ дѣятелей минувшей эпохи и который невѣдомъ людямъ нашего времени и нашего поколѣнія. Въ такой реализаціи нашего прошлаго, въ такомъ низведеніи исторической дѣйствительности на почву дѣйствительности современной, выручаетъ иногда очень большой и очень сильный талантъ; но и тотъ не всегда избавляетъ художника отъ непріятныхъ рѣзкостей и крайностей и отъ большихъ историческихъ ошибокъ [1]).

Послѣ этихъ общихъ взглядовъ, намъ не трудно уже перейдти къ разбору отдѣльныхъ картинъ нынѣшней выставки и высказать о каждой изъ нихъ свое мнѣніе. Прежде всего, обращаемся къ картинѣ В. Д. Полѣнова: «Христосъ и грѣшница». Представьте себѣ громадный холстъ, съ прекрасно написаннымъ фономъ, который занятъ обширнымъ зданіемъ, стѣною и отчасти зеленью. Передъ этимъ фономъ, не на переднемъ, а на второмъ планѣ отъ зрителя двѣ совершенно отдѣльныя, ничѣмъ не связанныя группы: одна идущая (направо) и другая сидящая (налѣво). Но прежде, чѣмъ вы успѣете обратить ваше вниманіе на ту или другую группу, вамъ бросается въ глаза рѣзко-выписанный на первомъ планѣ (направо, въ углу) человѣкъ, верхомъ на ослѣ, почти вылѣзающій изъ рамы. Налюбовавшись этой отдѣльной весьма реальной фигурой, не имѣющей никакого соотношенія съ остальной картиной, вы переносите глаза на ту группу, которую загораживаетъ собою человѣкъ, ѣдущій на ослѣ. Вы видите небольшую толпу людей, разнаго роста и возраста; эта толпа идетъ и, судя по экспрессіи лицъ, что-то кричитъ, обращаясь къ лицамъ, очевидно, отсутствующимъ на картинѣ и болѣе даже къ тѣмъ зрителямъ, которые вздумали бы стать налѣво отъ картины. Переднія лица этой группы ведутъ какую-то женщину, которая упирается и дико смотритъ передъ собою. Въ заднихъ рядахъ толпы видно нѣсколько рукъ съ поднятыми палками. Разсмотрѣвъ, не безъ интереса, эту группу идущихъ и кричащихъ людей, вы невольно спрашиваете себя: «да куда же они идутъ, и зачѣмъ кричатъ?» и тогда уже обращаете голову къ лѣвой сторонѣ картины, и видите тамъ сидящую группу изъ нѣсколькихъ старцевъ и мужей зрѣлаго возроста, которые смотрятъ въ сторону идущей группы; одинъ изъ сидящихъ (въ глубинѣ группы), помоложе, довольно красивый брюнетъ еврейскаго типа, съ тоненькой палочкой въ рукѣ, также смотритъ въ сторону идущей группы,

---

[1]) Въ этомъ именно смыслѣ одинъ изъ художниковъ, взглянувъ на извѣстную картину Рѣпина (Іоаннъ Грозный и сынъ), сказалъ: «Превосходно, изумительно, неподражаемо! Одного только недостаетъ картинѣ: я въ ней царя не вижу». И дѣйствительно, въ «Іоаннѣ Грозномъ» у Рѣпина мы видимъ сыноубійцу, видимъ несчастнаго отца, совершившаго звѣрское преступленіе и подавленнаго непоправимостью своего ужаснаго дѣянія. Но этотъ несчастный старикъ ничѣмъ не выдаетъ въ себѣ царя и владыку.

обернувъ къ ней голову въ три четверти. Разсмотрѣвъ внимательно и эту группу, вы рѣшительно не можете сообразить: что же изображаетъ стоящая передъ вами громадная и очень интересная по подробностямъ картина? Каталогъ объясняетъ вамъ, что это «Христосъ и грѣшница». Тогда вы еще разъ вглядываетесь въ картину, и не по первому впечатлѣнію, а путемъ логическаго разсужденія и сличенія фигуръ лѣвой сидящей группы, приходите къ тому заключенію, что этотъ красивый брюнетъ съ палочкой и есть Христосъ, а та женщина, которую ведутъ и которая упирается,—и есть грѣшница. Вотъ куда заводитъ иногда художника реализмъ въ обработкѣ историческихъ сюжетовъ и желаніе низводить эти сюжеты на уровень обыденной дѣйствительности, хотя бы и поставленной въ самыя вѣрныя условія быта, на мѣстѣ изученнаго художникомъ!

Гораздо правильнѣе понятъ историческій реализмъ художникомъ Суриковымъ въ его картинѣ: «Боярыня Морозова». Тутъ зритель переносится всецѣло въ условія исторической дѣйствительности конца XVII вѣка. Художникъ не прибавилъ и не убавилъ ни одной черты для того, чтобы увеличить эффектъ своего сюжета или уяснить пониманіе его для каждаго, даже не посвященнаго въ историческое прошлое, имъ изображаемое. Громадная заслуга г. Сурикова въ томъ именно и заключается, что онъ поставилъ свою задачу просто и прочно: она совершенно ясна для каждаго, и для пониманія ея не требуется никакихъ домысловъ и догадокъ. Она проста, какъ была проста и самая жизнь, вызвавшая эту задачу; она ясна потому уже, что каждая изъ множества фигуръ, участвующихъ въ картинѣ, тѣснѣйшимъ образомъ связана съ главною фигурою, съ главнымъ центромъ картины. А въ этомъ центрѣ мы видимъ боярыню Морозову, и одного взгляда на нее достаточно, чтобы понять всю сущность той исторической дѣйствительности, которую художникъ взялся изобразить. Вы видите передъ собою представительницу той древней Руси, которую пришлось сломить послѣ долгой борьбы Великому Преобразователю. Боярыня Морозова, изображенная Суриковымъ на его нынѣшней картинѣ,—ближайшая родня тѣмъ стрѣльцамъ, которыхъ казнь была такъ энергично написана тѣмъ же художникомъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Боярыню везутъ на простыхъ дровняхъ, закованную въ цѣпи, приниженную, поруганную ненавистными ей «никоніанцами»; но духъ ея остался также твердъ, также непреклоненъ, также непоколебимъ, какъ и въ то время, когда она была полновластною госпожею своихъ дѣйствій и слѣпою поборницею «древляго благочестія». Ее заковали въ цѣпи, ее посадили на дровни, спиной къ лошади, на срамъ и позоръ всенароднаго множества, ее везутъ изъ ея боярскихъ палатъ въ смрадную темницу или въ темную келью отдаленнаго монастыря,—а она объ этомъ и не помышляетъ, она не чувствуетъ возложенныхъ на нее оковъ. Она вся проникнута только одною мыслью, однимъ стремленіемъ — пострадать за вѣру, попранную, по ея мнѣнію, тѣми, кто дерзаютъ и въ книги церковныя, и въ древній чинъ служенія вносить свои «новшества». И если бы боярыню везли не въ темницу, не въ ссылку, а на казнь, на растерзаніе лютымъ звѣрямъ, она точно также спокойно, твердо и сосредоточенно ѣхала бы на тѣхъ же дровняхъ и также поднимала бы, въ виду всей толпы руку, отягощенную оковами и сложенную двуперстнымъ крестнымъ знаменіемъ. Большою заслугою художника считаемъ мы именно то, что въ лицѣ боярыни Морозовой онъ изобразилъ намъ не простую фанатичку, не фантастическую изувѣрку, а чрезвычайно типичную рус-

скую женщину, спокойно и глубоко преданную тѣмъ вѣрованіямъ отцовъ, которыя дороги ей во всей своей неприкосновенности, до мельчайшихъ подробностей, до мельчайшаго обряда, до ничтожной описки полуграмотнаго книгописца. Это, дѣйствительно, одна изъ тѣхъ русскихъ женщинъ, которыя не способны ни къ какому велерѣчію, но и ни къ какимъ уступкамъ, ни къ какимъ отступленіямъ отъ избраннаго ими пути или подвижничества: онѣ умѣютъ молча страдать и молча умирать съ величавымъ спокойствіемъ.

Очень хороша, жива и вѣрна дѣйствительности XVII вѣка та толпа, которою художникъ окружилъ свою героиню. Густая, сплошная масса народа, сквозь которую пробираются дровни, везущія боярыню, видимо, проникнута вся, до единаго человѣка, тѣмъ зрѣлищемъ, которое передъ ея глазами происходитъ. Толпа раздѣлилась—вы это видите ясно!—на двѣ неравныя части; направо стоятъ сторонники боярыни и защитники стараго толка; налѣво противники упорствующихъ и друзья торжествующей церкви. И здѣсь художникъ остался вѣренъ исторіи и дѣйствительности: провожающая боярыню толпа безмолвно и сосредоточенно взираетъ на мимогрядущую подвижницу. Одни молчатъ, мрачно и сурово насупившись; другіе провожаютъ Морозову вздохомъ и слезами; третьи, въ отвѣтъ на поднятое ею двуперстное сложеніе, отвѣчаютъ тѣмъ же знаменіемъ. Двѣ-три молодыя дѣвушки и женщины высшаго класса смотрятъ съ испугомъ и тревожнымъ вопросомъ на ту, которую почитали своею руководительницею; одинъ молодой бояринъ медленно и какъ бы нехотя снимаетъ шапку — и всѣ молчатъ... Вы, кажется, слышите, какъ звякаютъ цѣпи боярыни и бряцаютъ вериги на тѣлѣ юродиваго, который сидитъ на снѣгу, около церкви.

А налѣво, въ группѣ духовенства, въ небольшой кучкѣ причта и столпившагося всякаго сброда, слышны ликованія, смѣхъ и жестокія слова глумленія. «Ништо-имъ! всѣхъ бы ихъ туда же! давно пора бы со всѣми одинъ конецъ сдѣлать!» И между этими двумя разъединившимися частями одной и той же пестрой толпы равнодушно шествуютъ около дровней стрѣльцы въ своихъ красныхъ кафтанахъ, взваливъ на плеча тяжелые бердыши...

Мы не входимъ въ оцѣнку художественной стороны картины г. Сурикова; мы не указываемъ на достоинства и недостатки въ его живописи, въ его манерѣ, въ его рисункѣ, въ перспективѣ и проч. частности искусства. Мы обращаемъ вниманіе на то, что въ этой огромной, сложной и трудной картинѣ, художнику удалось передать духъ времени, удалось уловить типическія черты народа и эпохи, которую, судя по всѣхъ подробностямъ и бытовымъ мелочамъ, онъ изучалъ съ любовью и разумѣніемъ.

Рядомъ съ картиною Сурикова слѣдуетъ поставить небольшую картину Неврева «Княжна Юсупова передъ постриженіемъ»[1]). Здѣсь мы присутствуемъ при одномъ изъ засѣданій знаменитаго дѣятеля Тайной Канцеляріи временъ Анны Іоанновны—Андрея Ивановича Ушакова. Сидя за столомъ на предсѣдательскомъ креслѣ, онъ небрежно слушаетъ докладъ секретаря и бесѣдуетъ съ духовнымъ сановникомъ, который призванъ обвинить «въ колдовствѣ и шептаніяхъ» стоящую передъ Ушаковымъ молодую и красивую дѣвушку, еще не успѣвшую покинуть всѣхъ «прелестей міра»: она еще об-

---

[1]) Княжна Прасковья Григорьевна судилась въ Тайной Канцеляріи въ апрѣлѣ 1735 года, бита кнутомъ, пострижена и сослана въ дальній сибирскій монастырь.

лечена въ свѣтлое шелковое платье, и волосы ея еще вьются золотыми кудрями, ниспадая ей на плечи; около нея двое часовыхъ съ ружьями, а налѣво отъ грознаго Ушакова, изъ-за полуоткрытой двери, выглядываютъ два «заплечныхъ мастера», которые по его первому слову готовы «заставить говорить эту строптивую дѣвчонку». Картина не возбуждаетъ въ васъ сильнаго чувства и не производитъ впечатлѣнія; историческая основа ея очень слаба, и въ каталогѣ можно было бы смѣло замѣнить названіе картины г. Неврева—другимъ, безъ малѣйшаго ущерба впечатлѣнію и основному содержанію картины. Г. Невревъ избаловалъ насъ своими прекрасными содержательными и осмысленными историческими сценами, полными значенія и глубокаго пониманія эпохи, вѣрно передающими и типы дѣятелей, и подробности быта давно минувшей старины; вотъ почему насъ и не могутъ уже удовлетворить картины того же художника, подобныя выставленной имъ нынѣ.

Серьезнаго вниманія заслуживаетъ попытка историческаго жанра, выставленная молодымъ художникомъ Матвѣевымъ. По странному стеченію обстоятельствъ, здѣсь опять видимъ мы постриженіе. «Противъ воли постриженная» сидитъ въ своей кельѣ, на простой скамьѣ, передъ изящнымъ аналоемъ, на которомъ раскрыта книга. Молодая постриженница только-что облеклась въ свою черную рясу, только-что прикрыла роскошные волосы черной скуфейкой. Она съ смущеніемъ и нескрываемой досадой смотритъ передъ собою въ пространство, какъ бы припоминая что-то и стараясь собраться съ мыслями. Въ рукахъ, безсильно и небрежно опущенныхъ на колѣни, она держитъ богатый крестъ, усаженный жемчугами, и прилѣпленную къ нему «свѣчу воску яраго». Позади, въ самой глубинѣ сцены—еще двѣ фигуры: молодой бояринъ, въ богатомъ полукафтаньѣ и монахъ. Бояринъ насмѣшливо улыбается и какъ бы указываетъ монаху на постриженницу. Все это написано превосходно—нѣжно, мягко, ярко и красиво; но во всемъ этомъ нѣтъ ничего историческаго. Монахиня—это полная и красивая, круглолицая дама, которая переодѣлась въ монашескую рясу и позируетъ передъ художникомъ; этого монаха, поставленнаго въ глубинѣ сцены, вы навѣрно можете встрѣтить въ любомъ изъ современныхъ монастырей; а бояринъ— ни дать ни взять актеръ современнаго театра, играющій роль въ какой нибудь pièce à grand spectacle и притомъ еще не умѣющій носить боярское платье. Но желаніе создать историческую картину было у г. Матвѣева чрезвычайно сильно: онъ (при замѣчательномъ умѣньѣ писать) съ удивительнымъ терпѣніемъ и стараніемъ изучалъ бытовую обстановку древне-русской жизни, и все, что помѣстилъ въ картинѣ, видимо, написалъ съ натуры, съ опредѣленнаго образца. Жемчуги на крестѣ, окладъ аналоя, переплетъ книги, ручникъ, которымъ аналой покрытъ, матерія и пуговки лѣтника, брошеннаго на полу,—все это написано живо, до осязаемости; но все это, какъ будто, собрано, составлено и положено около главнаго лица картины, чтобы придать ему извѣстную обстановку. Мало того: художникъ не забылъ и о стѣнахъ кельи,—и на нихъ онъ повѣсилъ лубочныя картинки назидательнаго содержанія. Не можемъ, однако же, не замѣтить молодому и несомнѣнно талантливому художнику, что его парадная и казовая обстановка кельи очень мало гармонируетъ съ основнымъ замысломъ картины вообще, и еще менѣе напоминаетъ келью инокини XVII вѣка, къ которому, какъ кажется, художникъ желалъ отнести избранный имъ сюжетъ. Въ этой обстановкѣ отмѣтимъ въ особенности двѣ черты, рѣжущія глазъ своею историческою невѣрностью:

лубочныя картины на стѣнахъ и оконницы какого-то совершенно-небывалаго на Руси типа и свойства. Если дѣло идетъ здѣсь о XVII вѣкѣ, то, конечно, въ кельѣ монахини могли быть оконницы только слюдяныя, въ которыхъ слюда была вставлена въ тонкій свинцовый переплетъ; но такихъ оконницъ, какія являются на картинѣ г. Матвѣева, мы не знаемъ ни въ сохранившихся намъ памятникахъ, ни въ изображеніяхъ памятниковъ (въ рукописныхъ миніатюрахъ).

Въ заключеніе—два слова о картинахъ художника Клодта (М. П.): Конецъ Мертвыхъ душъ и Пушкинъ у Гоголя. Если послѣдняя картина должна изображать чтеніе Мертвыхъ душъ Пушкину, то мы замѣтимъ, что первыя главы этого произведенія были прочтены Гоголемъ у Пушкина; а послѣднія главы и все сочиненія вышли въ свѣтъ послѣ смерти Пушкина. Напомнимъ также, что чтеніе Мертвыхъ душъ произвело на Пушкина мрачное и тяжелое впечатлѣніе, а слѣдовательно и выраженіе лица поэта не могло быть ни веселымъ, ни добродушно-смѣющимся, какъ оно написано на картинѣ. Что же касается сожженія Мертвыхъ душъ, то и здѣсь нельзя не обратить вниманія на значительныя историческія невѣрности. Во-первыхъ, было не одно, а два сожженія Мертвыхъ душъ. Объ одномъ изъ нихъ Гоголь упоминаетъ въ своей Перепискѣ съ друзьями и говоритъ съ полнымъ и твердымъ сознаніемъ:

...«Сожженъ второй томъ Мертвыхъ душъ потому, что такъ было нужно. Не оживетъ, аще не умретъ,—говоритъ апостолъ. Не легко было сжечь пятилѣтній трудъ... но все было сожжено, и притомъ въ такую минуту, когда, видя передъ собою смерть, мнѣ очень хотѣлось оставить послѣ себя хоть что нибудь, обо мнѣ лучше напоминающее. Благодарю Бога, что далъ мнѣ силу это сдѣлать».

Другое сожженіе второй части Мертвыхъ душъ произведено было 9 лѣтъ спустя, за два дня до смерти. Тогда Гоголь сжегъ, кромѣ того, и письма, и другія бумаги, сжегъ въ присутствіи прислуживавшаго ему молодаго слуги, который, какъ извѣстно, даже плакалъ, видя безумный порывъ своего барина. Гоголь уже еле двигался—такъ былъ онъ изнуренъ долгимъ постомъ, безсонницей и нервной болѣзнью.

Которое же изъ этихъ сожженій хотѣлъ изобразить художникъ на своей картинѣ? Гораздо болѣе удачнымъ представляется намъ маленькій историческій жанръ барона Клодта: «Стрѣлецъ на сторожѣ». Тутъ все вѣрно исторіи, начиная отъ фигуры и костюма стрѣльца, до того, увѣсистаго и почтеннаго, стариннаго замка, которымъ заперта охраняемая стрѣльцомъ дверь. Немного написано, да много въ написанное вложено.

Пепо.

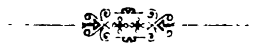
ПИСЬМА

А. П. БОРОДИНА

1869—1886

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ СТАТЬѢ В. В. СТАСОВА

„АЛЕКСАНДРЪ ПОРФИРЬЕВИЧЪ БОРОДИНЪ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1887

I.

Къ В. В. Стасову.

Воскресенье (Пасха), 20-го апрѣля 1869 года.

Не знаю, какъ и благодарить васъ, добрѣйшій Владиміръ Васильевичъ, за такое горячее участіе въ дѣлѣ моей будущей оперы. Я хотѣлъ самъ быть у васъ, да не удалось. Вашъ проэктъ такъ полонъ и подробенъ, что все выходитъ ясно, какъ на ладонкѣ [1]); если придется слѣлать какія нибудь измѣненія, такъ они будутъ состоять въ сокращеніяхъ. Я къ вамъ явлюсь какъ нибудь, чтобы взять книжки для текста (обѣщаюсь не зачитать). Мнѣ этотъ сюжетъ ужасно по душѣ. Будетъ ли только по силамъ?—не знаю. Волковъ бояться—въ лѣсъ не ходить. Попробую.

Вашъ А. Бородинъ.

II.

Къ нему же.

Вторникъ, 3-го іюня 1869 года.

Ужасно сожалѣю, что не засталъ васъ дома; пришелъ освѣдомиться о матеріалахъ для «Князя Игоря». Когда вы будете дома? На всякій случай, напишите мнѣ сегодня же по городской почтѣ, или пришлите. Я ѣду завтра съ вечернимъ поѣздомъ Николаевской дороги. Но во всякомъ случаѣ я забѣгу къ вамъ завтра утромъ часамъ къ 10. До свиданья.

А. Бородинъ.

III.

Къ Л. И. Кармалиной.

С.-Петербургъ, 15-го апрѣля 1875 года.

....Всякій человѣкъ болѣе или менѣе эгоистъ и охотно говоритъ о себѣ. Я человѣкъ, слѣдовательно не лишенъ этой слабости. Потому начинаю съ себя.

Мой проэктъ и сценаріумъ оперы «Князь Игорь» сохранился въ бумагахъ А. П. Бородина. В. С.

Мнѣ въ этотъ длинный промежутокъ времени жилось всяко: болѣе скверно, впрочемъ, чѣмъ хорошо. За выходомъ одного изъ нашихъ профессоровъ химіи, доля труда, который несъ послѣдній, пала на меня, и эта новая дѣятельность, требовавшая предварительной организаціи учебнаго труда, поглощала у меня много времени. Далѣе, академія наша находится на скамьѣ подсудимыхъ и ждетъ рѣшенія своей участи. Положеніе это исключительное, переходное, крайне скверно отзывается на всѣхъ дѣлахъ академіи, а слѣдовательно и на положеніи моей каѳедры. Множество хлопотъ, заботъ, нужной и ненужной возни, при относительно туго подвигающемся успѣхѣ дѣла, плохихъ финансовыхъ дѣлахъ каѳедры и проч., далеко не располагаетъ къ хорошему настроенію духа и оставляетъ очень мало досуговъ для любимыхъ занятій. Домашнія дѣла идутъ тоже не блестяще, — бѣдная жена моя все хвораетъ и нынѣшній годъ болѣе, чѣмъ предъидущіе. Одно, что меня нѣсколько хорошо настроиваетъ, это—дѣла женскихъ курсовъ, которые хотя и много отнимаютъ у меня времени, но за то даютъ нравственное удовлетвореніе, совершенно отвѣчающее ожиданіямъ. Вслѣдствіе учебныхъ и ученыхъ занятій, всякихъ коммиссій, комитетовъ, засѣданій и проч., и проч., мнѣ почти не остается досуговъ для музыки. Я только урывками кое-когда улучу минутку, чтобы посмотрѣть что нибудь новое, послушать другихъ и т. д. Самому работать на музыкальномъ поприщѣ почти не приходится. Если и есть иногда физическій досугъ, то не достаетъ нравственнаго досуга—спокойствія, необходимаго для того, чтобы настроиться музыкально. Голова не тѣмъ занята. Я нынче только издалъ фортепіанное переложеніе первой симфоніи моей—и только. Аранжементъ второй симфоніи такъ и застрялъ на половинѣ. Однако же, подобно чахоточному больному, который хотя и на ладанъ дышетъ, но все толкуетъ о томъ, какъ уѣдетъ на югъ, будетъ пить козье молоко, гулять въ рощѣ и проч., я тоже толкую объ оперѣ, которую собираюсь писать; только между чахоточнымъ и мною та разница, что онъ можетъ приводить въ исполненіе свои планы, когда поправляется здоровьемъ, я же — наоборотъ, когда заболѣю. Когда я боленъ на столько, что сижу дома, ничего дѣльнаго дѣлать не могу, голова трещитъ, глаза слезятъ, черезъ каждыя двѣ минуты приходится лазить въ карманъ за платкомъ,—я сочиняю музыку. Такъ и нынче, я два раза въ году былъ боленъ подобнымъ образомъ, и оба раза болѣзнь разрѣшилась появленіемъ новыхъ кирпичиковъ для зданія будущей оперы. Опера эта «Князь Игорь». Матеріалы мнѣ доставилъ В. В. Стасовъ. Либретто я стряпаю самъ. Написалъ большой маршъ «Половецкій», выходную арію Ярославны, «Плачъ Ярославны» для послѣдняго дѣйствія, женскій хорикъ въ половецкомъ лагерѣ, кое-что для танцевъ (восточныхъ—такъ какъ половцы, всетаки, восточный народъ). У меня уже накопилось немало матеріаловъ и даже готовыхъ номеровъ, оконченныхъ и закругленныхъ (напримѣръ, хоры, арія Кончаковны и проч.). Но когда мнѣ удастся все это завершить? Недоумѣваю.

Одна надежда на лѣто. Но лѣтомъ я долженъ дооркестрировать вторую симфонію, которую давнымъ давномъ обѣщался доставить куда слѣдуетъ и, къ стыду моему, не доставилъ до сихъ поръ. Нужно еще окончить переложеніе ея для фортепіанъ, котораго давно ждетъ Бессель. Еще—къ ужасу Стасова и Модеста (Мусоргскаго) набросанъ струнный квартетъ, который тоже нѣтъ времени докончить. Страшно! Стыдно! Жалко! Смѣшно! А вѣдь ничего не подѣлаешь? Подобно Клоду Фролло въ «Notre Dame de Paris», останется только написать на стѣнѣ погречески — «Fatalité» — и успокоиться. Больше ничего не придумаю. Вѣроятно, вы уже слышали кое-что о нашихъ музыкальныхъ дѣлахъ отъ нашихъ музы-

кальныхъ друзей и проч. Кюи дѣйствуетъ — много сдѣлалъ въ Тизбѣ своей. Модестъ пищетъ «Хованщину» и тоже сдѣлалъ порядочно. Корсинька возится съ Безплатною Школой, пишетъ всякіе контрапункты, учится и учитъ всякимъ хитростямъ музыкальнымъ. Пишетъ курсъ инструментовки феноменальный, которому подобія нѣтъ и никогда не было. Но тоже не имѣетъ времени пока, и оставилъ работу въ ожиданіи досуговъ. Онъ выступилъ въ посту съ концертомъ Безплатной Школы, что̀ вамъ, безъ сомнѣнія, уже извѣстно. Музыки не пишетъ пока. Безъ сомнѣнія, вы много слышали о разладѣ, распаденіи и проч. нашего кружка. Я на это смотрю не совсѣмъ такъ, какъ Людмила Ивановна и многіе другіе. Пока я не вижу тутъ ничего, кромѣ естественнаго положенія вещей. Пока всѣ были въ положеніи яицъ подъ насѣдкою (разумѣю подъ послѣднею Балакирева), всѣ мы были болѣе или менѣе схожи. Какъ скоро вылупились изъ яицъ птенцы—обросли перьями. Перья у всѣхъ вышли по необходимости различныя; а когда отросли крылья — каждый полетѣлъ, куда его тянетъ по натурѣ его. Отсутствіе сходства въ направленіи, стремленіяхъ, вкусахъ, характерѣ творчества и проч., помоему, составляетъ хорошую и отнюдь не печальную сторону дѣла. Такъ должно быть, когда художественная индивидуальность сложится, созрѣетъ и окрѣпнетъ. (Балакиревъ этого какъ-то не понималъ и не понимаетъ). Многихъ печалитъ теперь то обстоятельство, что Корсаковъ поворотилъ назадъ, ударился въ изученіе музыкальной старины. Я не скорблю объ этомъ. Это понятно: Корсаковъ развивался обратно, нежели, напримѣръ, я. Онъ началъ съ Глинки, Листа, Берліоза, ну, разумѣется, пресытился ими и ударился въ ту область, которая ему неизвѣстна и сохраняетъ интересъ новизны. Я началъ со стариковъ и только подъ конецъ перешелъ къ новымъ.—Но пора кончить. Въ заключеніе скажу вамъ, что, не смотря на эфемерное знакомство наше съ вами, мы съ женой часто вспоминаемъ васъ и то высокое художественное наслажденіе, которое вы доставили намъ въ послѣдній вечеръ. Остается желать, чтобы вы скорѣе навѣстили Петербургъ и не забыли насъ. А пока жму вамъ дружески руку и прошу прощенія за безалаберное письмо нелѣпѣйшаго изъ вашихъ почитателей

А. Бородина.

IV.

Къ ней же.

Москва, 1-го іюня 1876 года.

Искренно и глубоко уважаемая Л. И., большое вамъ спасибо и за память, и за желаніе перекинуться мыслями. Если я не отвѣчалъ вамъ тотчасъ же на ваше милое и теплое письмо, то единственно потому, что оно застало меня въ эпоху самой лихорадочной академической дѣятельности. Подъ конецъ учебнаго года, я такъ заваленъ всякими коммиссіями, комитетами, экзаменами, диссертаціями, отчетами, лабораторными работами и проч., что совершенно не пригоденъ для дружеской переписки. Въ эту эпоху я вполнѣ напоминаю того Френсиса, въ одной изъ хроникъ Шекспира, который на всѣ вопросы способенъ отвѣчать только: «сейчасъ! сейчасъ»! Понятное дѣло, что я въ это время всего менѣе музыкантъ и даже совершенно забываю, что когда либо занимался музыкою. А такъ какъ фонъ вашего письма главнымъ образомъ художественный, то я и отложилъ отвѣтъ до наступленія вакацій. Ваше особое мнѣніе относительно нашего музыкальнаго кружка меня очень радуетъ, хотя я съ нимъ и не согласенъ. Мы расходимся, впрочемъ, кажется, болѣе съ внѣшней стороны

нежели въ корнѣ дѣла. Мы не совсѣмъ одинаково понимаемъ самое слово «распаденіе кружка». Вѣдь и вы тоже находите между нами большое различіе, и вы говорите даже, что произведенія каждаго изъ членовъ кружка до того различны и разнообразны по характеру и духу и проч. — но вѣдь въ этомъ-то и выражается фактъ «распаденія». (Понятное дѣло, что вражды, личнаго нерасположенія одного къ другому нѣтъ, да и быть не можетъ при томъ взаимномъ уваженіи, которое связываетъ насъ какъ людей). А если я нахожу такое распаденіе естественнымъ, то потому только, что такъ всегда бываетъ во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности. По мѣрѣ развитія дѣятельности, индивидуальность начинаетъ брать перевѣсъ надъ школою, надъ тѣмъ, что человѣкъ унаслѣдовалъ отъ другихъ. Яица, которыя несетъ курица, всѣ похожи другъ на друга; цыплята же, которые выводятся изъ яицъ, бываютъ уже менѣе похожи, а выростутъ, такъ и вовсе не походятъ другъ на друга—изъ одного выходитъ задорный черный пѣтухъ, изъ другаго смиренная бѣлая курица. Такъ и тутъ. Общій складъ музыкальный, общій пошибъ, свойственный кружку, остались, какъ въ приведенномъ примѣрѣ остаются общіе родовые и видовые признаки куриной породы, а затѣмъ каждый изъ насъ, какъ и каждый взрослый пѣтухъ или взрослая курица, имѣютъ свой собственный личный характеръ, свою индивидуальность. И слава Богу! Если думаютъ, что мы разошлись, какъ люди, съ Балакиревымъ, то это неправда: мы всѣ его горячо любимъ попрежнему и не щадимъ ни времени, ни усилій, чтобы поддерживать съ нимъ прежнія отношенія... По настоянію вѣчно энергической и горячей Людмилы Ивановны, Балакиревъ принялся писать свою недоконченную «Тамару». Давай Богъ! Что же касается до остальныхъ насъ, то мы продолжаемъ интересоваться каждымъ проявленіемъ музыкальной дѣятельности другъ у друга. Если не все у каждаго изъ насъ нравится остальнымъ, то это опять-таки естественно — въ частности вкусы и взгляды непремѣнно различны. Наконецъ, у одного и того же, въ различныя эпохи развитія, въ различныя времена, взгляды и вкусы въ частности мѣняются. Все это донельзя естественно.

Вы спрашиваете объ «Игорѣ»? Когда я толкую о немъ, то мнѣ самому становится смѣшно. Я напоминаю отчасти финна въ Русланѣ. Какъ тотъ въ мечтахъ о любви своей къ Наинѣ, не замѣчалъ, что время-то идетъ да идетъ, и разрѣшилъ задачу, когда и онъ, и Наина посѣдѣли и состарѣлись,—такъ и я все стремлюсь осуществить завѣтную мечту — написать эпическую русскую оперу. А время-то бѣжитъ со скоростью курьерскаго поѣзда: дни, недѣли, мѣсяцы, зимы проходятъ при условіяхъ, не позволяющихъ и думать о серьезномъ занятіи музыкою. Не то что не выберется часа два досужаго времени въ день,—нѣтъ! не выберется нравственнаго досуга; нѣтъ возможности отмахнуться отъ стаи ежедневныхъ заботъ и мыслей, не имѣющихъ ничего общаго съ искусствомъ, которыя родятся и кишатъ постоянно передъ вами. Некогда одуматься, перестроить себя на музыкальный ладъ, безъ чего творчество, въ большой вещи какъ опера, немыслимо. Для такого настроенія у меня имѣется въ распоряженіи только часть лѣта. Зимою я могу писать музыку только, когда боленъ на столько, что не читаю лекцій, не хожу въ лабораторію, но, всетаки, могу коечѣмъ заниматься. На этомъ основаніи мои музыкальные товарищи, вопреки общепринятымъ обычаямъ, желаютъ мнѣ постоянно не здоровья, а болѣзни. Такъ было и нынче на Рождествѣ — я схватилъ гриппъ, не могъ заниматься въ лабораторіи, сидѣлъ дома и написалъ хоръ славленія для послѣдняго дѣйствія «Игоря»; точно также во время легкой болѣзни я написалъ «Плачъ Ярославны»

и т. д. Лѣтомъ я написалъ больше, разумѣется, ибо писалъ и въ то время, когда бывалъ здоровъ; а вообще я хвораю рѣдко. Всего у меня написано акта полтора, а всѣхъ четырѐ будетъ. Пока я доволенъ тѣмъ, что написано. Довольны и другіе. Хоръ славленія, исполненный въ концертѣ Безплатной Школы, имѣлъ большой успѣхъ, а для судьбы моей оперы имѣлъ существенное значеніе. Нужно замѣтить, что я вообще — композиторъ, ищущій неизвѣстности; мнѣ какъ-то совѣстно сознаваться въ моей композиторской дѣятельности. Оно и понятно. У другихъ она прямое дѣло, обязанность, цѣль жизни,—у меня отдыхъ, потѣха, блажь, отвлекающая меня отъ прямаго моего, настоящаго, дѣла — профессуры, науки. Кюи въ этомъ случаѣ мнѣ не примѣръ... Я люблю свое дѣло, и свою науку, и академію, и своихъ учениковъ; наука моя практическая, по характеру занятій, а потому уноситъ множество времени; студенты и студентки мнѣ близки и въ другихъ отношеніяхъ, какъ учащаяся молодежь, которая не ограничивается тѣмъ, что слушаетъ мои лекціи, но нуждается въ руководствѣ при практическихъ занятіяхъ и т. д. Мнѣ дороги интересы академіи. Вотъ почему я, хотя съ одной стороны желаю довести оперу до конца, но съ другой боюсь слишкомъ увлекаться ею, чтобы это не отразилось вредно на моей другой дѣятельности. Теперь же, послѣ исполненія хора изъ «Игоря», въ публикѣ стало уже извѣстно, что я пишу оперу; скрывать и стыдиться нечего; я въ положеніи дѣвушки, которая лишилась невинности и репутаціи, и этимъ пріобрѣла себѣ извѣстнаго рода свободу. Теперь волей-неволей прійдется кончать оперу. Немало этому помогаетъ и горячее отношеніе къ ней моихъ музыкальныхъ друзей и большой интересъ опернаго персонала—Петровыхъ, Васильева, Кондратьева и пр. Нужно замѣтить, что во взглядѣ на оперное дѣло я всегда расходился со многими изъ моихъ товарищей. Чисто речитативный стиль мнѣ былъ не понутру и не по характеру. Меня тянетъ къ пѣнію, кантиленѣ, а не къ речитативу, хотя, по отзывамъ знающихъ людей, я послѣдними владѣю недурно. Кромѣ того, меня тянетъ къ формамъ болѣе законченнымъ, болѣе круглымъ, болѣе широкимъ. Самая манера третировать оперный матеріалъ — другая. Помоему въ оперѣ, какъ въ декораціи, мелкія формы, детали, мелочи не должны имѣть мѣста; все должно быть писано крупными штрихами, ясно, ярко и по возможности практично въ исполненіи, какъ голосовомъ, такъ и оркестровомъ. Голоса должны быть на первомъ планѣ, оркестръ на второмъ. На сколько мнѣ удастся осуществить мои стремленія,—въ этомъ я не судья, конечно, но по направленію опера моя будетъ ближе къ «Руслану», чѣмъ къ «Каменному Гостю», за это могу поручиться. До сихъ поръ курьезно то, что на моемъ «Игорѣ» сходятся всѣ члены нашего кружка: и ультра-новаторъ-реалистъ Модестъ Петровичъ, и новаторъ въ области лирико-драматической музыки Цезарь Антоновичъ, и строгій относительно внѣшнихъ формъ и музыкальныхъ традицій Николай Андреевичъ, и ярый поборникъ новизны и силы во всемъ Владиміръ Васильевичъ Стасовъ. «Игоремъ» пока всѣ довольны, хотя относительно другихъ вещей они во многомъ сильно расходятся. Вотъ вамъ сказаніе о моемъ незаконнорожденномъ и еще недоношенномъ младенцѣ «Игорѣ».

Теперь перехожу отъ незаконнаго ребенка къ законной женѣ моей Катеринѣ Сергѣевнѣ. Она очень благодаритъ васъ за теплыя слова, обращенныя къ ней, и проситъ передать привѣтъ вамъ и вашему мужу, котораго, къ сожалѣнію, не могла принять, такъ какъ лежала больною. Вообще ея здоровье очень плохо, что̀ немало горя вноситъ въ нашъ, въ другихъ отношеніяхъ, свѣтлый домашній мірокъ. Впечатлѣніе мое на Николая Николаевича меня искренно радуетъ, ибо

нежели въ корнѣ дѣла. Мы не совсѣмъ одинаково понимаемъ самое слово «распаденіе кружка». Вѣдь и вы тоже находите между нами большое различіе, и вы говорите даже, что произведенія каждаго изъ членовъ кружка до того различны и разнообразны по характеру и духу и проч. — но вѣдь въ этомъ-то и выражается фактъ «распаденія». (Понятное дѣло, что вражды, личнаго нерасположенія одного къ другому нѣтъ, да и быть не можетъ при томъ взаимномъ уваженіи, которое связываетъ насъ какъ людей). А если я нахожу такое распаденіе естественнымъ, то потому только, что такъ всегда бываетъ во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности. По мѣрѣ развитія дѣятельности, индивидуальность начинаетъ брать перевѣсъ надъ школою, надъ тѣмъ, что человѣкъ унаслѣдовалъ отъ другихъ. Яица, которыя несетъ курица, всѣ похожи другъ на друга; цыплята же, которые выводятся изъ яицъ, бываютъ уже менѣе похожи, а выростутъ, такъ и вовсе не походятъ другъ на друга—изъ одного выходитъ задорный черный пѣтухъ, изъ другаго смиренная бѣлая курица. Такъ и тутъ. Общій складъ музыкальный, общій пошибъ, свойственный кружку, остались, какъ въ приведенномъ примѣрѣ остаются общіе родовые и видовые признаки куриной породы, а затѣмъ каждый изъ насъ, какъ и каждый взрослый пѣтухъ или взрослая курица, имѣютъ свой собственный личный характеръ, свою индивидуальность. И слава Богу! Если думаютъ, что мы разошлись, какъ люди, съ Балакиревымъ, то это неправда: мы всѣ его горячо любимъ попрежнему и не щадимъ ни времени, ни усилій, чтобы поддерживать съ нимъ прежнія отношенія... По настоянію вѣчно энергической и горячей Людмилы Ивановны, Балакиревъ принялся писать свою недоконченную «Тамару». Давай Богъ! Что же касается до остальныхъ насъ, то мы продолжаемъ интересоваться каждымъ проявленіемъ музыкальной дѣятельности другъ у друга. Если не все у каждаго изъ насъ нравится остальнымъ, то это опять-таки естественно — въ частности вкусы и взгляды непремѣнно различны. Наконецъ, у одного и того же, въ различныя эпохи развитія, въ различныя времена, взгляды и вкусы въ частности мѣняются. Все это донельзя естественно.

Вы спрашиваете объ «Игорѣ»? Когда я толкую о немъ, то мнѣ самому становится смѣшно. Я напоминаю отчасти финна въ Русланѣ. Какъ тотъ въ мечтахъ о любви своей къ Наинѣ, не замѣчалъ, что время-то идетъ да идетъ, и разрѣшилъ задачу, когда и онъ, и Наина посѣдѣли и состарѣлись,—такъ и я все стремлюсь осуществить завѣтную мечту — написать эпическую русскую оперу. А время-то бѣжитъ со скоростью курьерскаго поѣзда: дни, недѣли, мѣсяцы, зимы проходятъ при условіяхъ, не позволяющихъ и думать о серьезномъ занятіи музыкою. Не то что не выберется часа два досужаго времени въ день,—нѣтъ! не выберется нравственнаго досуга; нѣтъ возможности отмахнуться отъ стаи ежедневныхъ заботъ и мыслей, не имѣющихъ ничего общаго съ искусствомъ, которыя родятся и кишатъ постоянно передъ вами. Некогда одуматься, перестроить себя на музыкальный ладъ, безъ чего творчество, въ большой вещи какъ опера, немыслимо. Для такого настроенія у меня имѣется въ распоряженіи только часть лѣта. Зимою я могу писать музыку только, когда боленъ на столько, что не читаю лекцій, не хожу въ лабораторію, но, всетаки, могу коечѣмъ заниматься. На этомъ основаніи мои музыкальные товарищи, вопреки общепринятымъ обычаямъ, желаютъ мнѣ постоянно не здоровья, а болѣзни. Такъ было и нынче на Рождествѣ — я схватилъ гриппъ, не могъ заниматься въ лабораторіи, сидѣлъ дома и написалъ хоръ славленія для послѣдняго дѣйствія «Игоря»; точно также во время легкой болѣзни я написалъ «Плачъ Ярославны»

и т. д. Лѣтомъ я написалъ больше, разумѣется, ибо писалъ и въ то время, когда бывалъ здоровъ; а вообще я хвораю рѣдко. Всего у меня написано акта полтора, а всѣхъ четыре будетъ. Пока я доволенъ тѣмъ, что написано. Довольны и другіе. Хоръ славленія, исполненный въ концертѣ Безплатной Школы, имѣлъ большой успѣхъ, а для судьбы моей оперы имѣлъ существенное значеніе. Нужно замѣтить, что я вообще — композиторъ, ищущій неизвѣстности; мнѣ какъ-то совѣстно сознаваться въ моей композиторской дѣятельности. Оно и понятно. У другихъ она прямое дѣло, обязанность, цѣль жизни,—у меня отдыхъ, потѣха, блажь, отвлекающая меня отъ прямаго моего, настоящаго, дѣла — профессуры, науки. Кюи въ этомъ случаѣ мнѣ не примѣръ... Я люблю свое дѣло, и свою науку, и академію, и своихъ учениковъ; наука моя практическая, по характеру занятій, а потому уноситъ множество времени; студенты и студентки мнѣ близки и въ другихъ отношеніяхъ, какъ учащаяся молодежь, которая не ограничивается тѣмъ, что слушаетъ мои лекціи, но нуждается въ руководствѣ при практическихъ занятіяхъ и т. д. Мнѣ дороги интересы академіи. Вотъ почему я, хотя съ одной стороны желаю довести оперу до конца, но съ другой боюсь слишкомъ увлекаться ею, чтобы это не отразилось вредно на моей другой дѣятельности. Теперь же, послѣ исполненія хора изъ «Игоря», въ публикѣ стало уже извѣстно, что я пишу оперу; скрывать и стыдиться нечего; я въ положеніи дѣвушки, которая лишилась невинности и репутаціи, и этимъ пріобрѣла себѣ извѣстнаго рода свободу. Теперь волей-неволей прійдется кончать оперу. Немало этому помогаетъ и горячее отношеніе къ ней моихъ музыкальныхъ друзей и большой интересъ опернаго персонала—Петровыхъ, Васильева, Кондратьева и пр. Нужно замѣтить, что во взглядѣ на оперное дѣло я всегда расходился со многими изъ моихъ товарищей. Чисто речитативный стиль мнѣ былъ не понутру и не по характеру. Меня тянетъ къ пѣнію, кантиленѣ, а не къ речитативу, хотя, по отзывамъ знающихъ людей, я послѣдними владѣю недурно. Кромѣ того, меня тянетъ къ формамъ болѣе законченнымъ, болѣе круглымъ, болѣе широкимъ. Самая манера третировать оперный матеріалъ — другая. Помоему въ оперѣ, какъ въ декораціи, мелкія формы, детали, мелочи не должны имѣть мѣста; все должно быть писано крупными штрихами, ясно, ярко и по возможности практично въ исполненіи, какъ голосовомъ, такъ и оркестровомъ. Голоса должны быть на первомъ планѣ, оркестръ на второмъ. На сколько мнѣ удастся осуществить мои стремленія,—въ этомъ я не судья, конечно, но по направленію опера моя будетъ ближе къ «Руслану», чѣмъ къ «Каменному Гостю», за это могу поручиться. До сихъ поръ курьезно то, что на моемъ «Игорѣ» сходятся всѣ члены нашего кружка: и ультра-новаторъ-реалистъ Модестъ Петровичъ, и новаторъ въ области лирико-драматической музыки Цезарь Антоновичъ, и строгій относительно внѣшнихъ формъ и музыкальныхъ традицій Николай Андреевичъ, и ярый поборникъ новизны и силы во всемъ Владиміръ Васильевичъ Стасовъ. «Игоремъ» пока всѣ довольны, хотя относительно другихъ вещей они во многомъ сильно расходятся. Вотъ вамъ сказаніе о моемъ незаконнорожденномъ и еще недоношенномъ младенцѣ «Игорѣ».

Теперь перехожу отъ незаконнаго ребенка къ законной женѣ моей Катеринѣ Сергѣевнѣ. Она очень благодаритъ васъ за теплыя слова, обращенныя къ ней, и проситъ передать привѣтъ вамъ и вашему мужу, котораго, къ сожалѣнію, не могла принять, такъ какъ лежала больною. Вообще ея здоровье очень плохо, что немало горя вноситъ въ нашъ, въ другихъ отношеніяхъ, свѣтлый домашній мірокъ. Впечатлѣніе мое на Николая Николаевича меня искренно радуетъ, ибо

нежели въ корнѣ дѣла. Мы не совсѣмъ одинаково понимаемъ самое слово «распаденіе кружка». Вѣдь и вы тоже находите между нами большое различіе, и вы говорите даже, что произведенія каждаго изъ членовъ кружка до того различны и разнообразны по характеру и духу и проч. — но вѣдь въ этомъ-то и выражается фактъ «распаденія». (Понятное дѣло, что вражды, личнаго нерасположенія одного къ другому нѣтъ, да и быть не можетъ при томъ взаимномъ уваженіи, которое связываетъ насъ какъ людей). А если я нахожу такое распаденіе естественнымъ, то потому только, что такъ всегда бываетъ во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности. По мѣрѣ развитія дѣятельности, индивидуальность начинаетъ брать перевѣсъ надъ школою, надъ тѣмъ, что человѣкъ унаслѣдовалъ отъ другихъ. Яица, которыя несетъ курица, всѣ похожи другъ на друга; цыплята же, которые выводятся изъ яицъ, бываютъ уже менѣе похожи, а выростутъ, такъ и вовсе не походятъ другъ на друга—изъ одного выходитъ задорный черный пѣтухъ, изъ другаго смиренная бѣлая курица. Такъ и тутъ. Общій складъ музыкальный, общій пошибъ, свойственный кружку, остались, какъ въ приведенномъ примѣрѣ остаются общіе родовые и видовые признаки курной породы, а затѣмъ каждый изъ насъ, какъ и каждый взрослый пѣтухъ или взрослая курица, имѣютъ свой собственный личный характеръ, свою индивидуальность. И слава Богу! Если думаютъ, что мы разошлись, какъ люди, съ Балакиревымъ, то это неправда: мы всѣ его горячо любимъ попрежнему и не щадимъ ни времени, ни усилій, чтобы поддерживать съ нимъ прежнія отношенія... По настоянію вѣчно энергической и горячей Людмилы Ивановны, Балакиревъ принялся писать свою недоконченную «Тамару». Давай Богъ! Что же касается до остальныхъ насъ, то мы продолжаемъ интересоваться каждымъ проявленіемъ музыкальной дѣятельности другъ у друга. Если не все у каждаго изъ насъ нравится остальнымъ, то это опять-таки естественно — въ частности вкусы и взгляды непремѣнно различны. Наконецъ, у одного и того же, въ различныя эпохи развитія, въ различныя времена, взгляды и вкусы въ частности мѣняются. Все это донельзя естественно.

Вы спрашиваете объ «Игорѣ»? Когда я толкую о немъ, то мнѣ самому становится смѣшно. Я напоминаю отчасти финна въ Русланѣ. Какъ тотъ въ мечтахъ о любви своей къ Наинѣ, не замѣчалъ, что время-то идетъ да идетъ, и разрѣшилъ задачу, когда и онъ, и Наина посѣдѣли и состарѣлись,—такъ и я все стремлюсь осуществить завѣтную мечту — написать эпическую русскую оперу. А время-то бѣжитъ со скоростью курьерскаго поѣзда: дни, недѣли, мѣсяцы, зимы проходятъ при условіяхъ, не позволяющихъ и думать о серьезномъ занятіи музыкою. Не то что не выберется часа два досужаго времени въ день,—нѣтъ! не выберется нравственнаго досуга; нѣтъ возможности отмахнуться отъ стаи ежедневныхъ заботъ и мыслей, не имѣющихъ ничего общаго съ искусствомъ, которыя родятся и кишатъ постоянно передъ вами. Некогда одуматься, перестроить себя на музыкальный ладъ, безъ чего творчество, въ большой вещи какъ опера, немыслимо. Для такого настроенія у меня имѣется въ распоряженіи только часть лѣта. Зимою я могу писать музыку только, когда боленъ на столько, что не читаю лекцій, не хожу въ лабораторію, но, всетаки, могу коечѣмъ заниматься. На этомъ основаніи мои музыкальные товарищи, вопреки общепринятымъ обычаямъ, желаютъ мнѣ постоянно не здоровья, а болѣзни. Такъ было и нынче на Рождествѣ — я схватилъ гриппъ, не могъ заниматься въ лабораторіи, сидѣлъ дома и написалъ хоръ славленія для послѣдняго дѣйствія «Игоря»; точно также во время легкой болѣзни я написалъ «Плачъ Ярославны»

и т. д. Лѣтомъ я написалъ больше, разумѣется, ибо писалъ и въ то время, когда бывалъ здоровъ; а вообще я хвораю рѣдко. Всего у меня написано акта полтора, а всѣхъ четырѐ будетъ. Пока я доволенъ тѣмъ, что написано. Довольны и другіе. Хоръ славленія, исполненный въ концертѣ Безплатной Школы, имѣлъ большой успѣхъ, а для судьбы моей оперы имѣлъ существенное значеніе. Нужно замѣтить, что я вообще — композиторъ, ищущій неизвѣстности; мнѣ какъ-то совѣстно сознаваться въ моей композиторской дѣятельности. Оно и понятно. У другихъ она прямое дѣло, обязанность, цѣль жизни,—у меня отдыхъ, потѣха, блажь, отвлекающая меня отъ прямаго моего, настоящаго, дѣла—профессуры, науки. Кюи въ этомъ случаѣ мнѣ не примѣръ... Я люблю свое дѣло, и свою науку, и академію, и своихъ учениковъ; наука моя практическая, по характеру занятій, а потому уноситъ множество времени; студенты и студентки мнѣ близки и въ другихъ отношеніяхъ, какъ учащаяся молодежь, которая не ограничивается тѣмъ, что слушаетъ мои лекціи, но нуждается въ руководствѣ при практическихъ занятіяхъ и т. д. Мнѣ дороги интересы академіи. Вотъ почему я, хотя съ одной стороны желаю довести оперу до конца, но съ другой боюсь слишкомъ увлекаться ею, чтобы это не отразилось вредно на моей другой дѣятельности. Теперь же, послѣ исполненія хора изъ «Игоря», въ публикѣ стало уже извѣстно, что я пишу оперу; скрывать и стыдиться нечего; я въ положеніи дѣвушки, которая лишилась невинности и репутаціи, и этимъ пріобрѣла себѣ извѣстнаго рода свободу. Теперь волей-неволей прійдется кончать оперу. Немало этому помогаетъ и горячее отношеніе къ ней моихъ музыкальныхъ друзей и большой интересъ опернаго персонала—Петровыхъ, Васильева, Кондратьева и пр. Нужно замѣтить, что во взглядѣ на оперное дѣло я всегда расходился со многими изъ моихъ товарищей. Чисто речитативный стиль мнѣ былъ не понутру и не по характеру. Меня тянетъ къ пѣнію, кантиленѣ, а не къ речитативу, хотя, по отзывамъ знающихъ людей, я послѣдними владѣю недурно. Кромѣ того, меня тянетъ къ формамъ болѣе законченнымъ, болѣе круглымъ, болѣе широкимъ. Самая манера третировать оперный матеріалъ—другая. Помоему въ оперѣ, какъ въ декораціи, мелкія формы, детали, мелочи не должны имѣть мѣста; все должно быть писано крупными штрихами, ясно, ярко и по возможности практично въ исполненіи, какъ голосовомъ, такъ и оркестровомъ. Голоса должны быть на первомъ планѣ, оркестръ на второмъ. На сколько мнѣ удастся осуществить мои стремленія,—въ этомъ я не судья, конечно, но по направленію опера моя будетъ ближе къ «Руслану», чѣмъ къ «Каменному Гостю», за это могу поручиться. До сихъ поръ курьезно то, что на моемъ «Игорѣ» сходятся всѣ члены нашего кружка: и ультра-новаторъ-реалистъ Модестъ Петровичъ, и новаторъ въ области лирико-драматической музыки Цезарь Антоновичъ, и строгій относительно внѣшнихъ формъ и музыкальныхъ традицій Николай Андреевичъ, и ярый поборникъ новизны и силы во всемъ Владиміръ Васильевичъ Стасовъ. «Игоремъ» пока всѣ довольны, хотя относительно другихъ вещей они во многомъ сильно расходятся. Вотъ вамъ сказаніе о моемъ незаконнорожденномъ и еще недоношенномъ младенцѣ «Игорѣ».

Теперь перехожу отъ незаконнаго ребенка къ законной женѣ моей Катеринѣ Сергѣевнѣ. Она очень благодаритъ васъ за теплыя слова, обращенныя къ ней, и проситъ передать привѣтъ вамъ и вашему мужу, котораго, къ сожалѣнію, не могла принять, такъ какъ лежала больною. Вообще ея здоровье очень плохо, что немало горя вноситъ въ нашъ, въ другихъ отношеніяхъ, свѣтлый домашній мірокъ. Впечатлѣніе мое на Николая Николаевича меня искренно радуетъ, ибо

нежели въ корнѣ дѣла. Мы не совсѣмъ одинаково понимаемъ самое слово «распаденіе кружка». Вѣдь и вы тоже находите между нами большое различіе, и вы говорите даже, что произведенія каждаго изъ членовъ кружка до того различны и разнообразны по характеру и духу и проч. — но вѣдь въ этомъ-то и выражается факть «распаденія». (Понятное дѣло, что вражды, личнаго нерасположенія одного къ другому нѣтъ, да и быть не можетъ при томъ взаимномъ уваженіи, которое связываетъ насъ какъ людей). А если я нахожу такое распаденіе естественнымъ, то потому только, что такъ всегда бываетъ во всѣхъ отросляхъ человѣческой дѣятельности. По мѣрѣ развитія дѣятельности, индивидуальность начинаетъ брать перевѣсъ надъ школою, надъ тѣмъ, что человѣкъ унаслѣдовалъ отъ другихъ. Яица, которыя несетъ курица, всѣ похожи другъ на друга; цыплята же, которые выводятся изъ яицъ, бываютъ уже менѣе похожи, а выростутъ, такъ и вовсе не походятъ другъ на друга—изъ одного выходитъ задорный черный пѣтухъ, изъ другаго смиренная бѣлая курица. Такъ и тутъ. Общій складъ музыкальный, общій пошибъ, свойственный кружку, остались, какъ въ приведенномъ примѣрѣ остаются общіе родовые и видовые признаки куриной породы, а затѣмъ каждый изъ насъ, какъ и каждый взрослый пѣтухъ или взрослая курица, имѣютъ свой собственный личный характеръ, свою индивидуальность. И слава Богу! Если думаютъ, что мы разошлись, какъ люди, съ Балакиревымъ, то это неправда: мы всѣ его горячо любимъ попрежнему и не щадимъ ни времени, ни усилій, чтобы поддерживать съ нимъ прежнія отношенія... По настоянію вѣчно энергической и горячей Людмилы Ивановны, Балакиревъ принялся писать свою недоконченную «Тамару». Давай Богъ! Что же касается до остальныхъ насъ, то мы продолжаемъ интересоваться каждымъ проявленіемъ музыкальной дѣятельности другъ у друга. Если не все у каждаго изъ насъ нравится остальнымъ, то это опять-таки естественно — въ частности вкусы и взгляды непремѣнно различны. Наконецъ, у одного и того же, въ различныя эпохи развитія, въ различныя времена, взгляды и вкусы въ частности мѣняются. Все это донельзя естественно.

Вы спрашиваете объ «Игорѣ«? Когда я толкую о немъ, то мнѣ самому становится смѣшно. Я напоминаю отчасти финна въ Русланѣ. Какъ тотъ въ мечтахъ о любви своей къ Наинѣ, не замѣчалъ, что время-то идетъ да идетъ, и разрѣшилъ задачу, когда и онъ, и Наина посѣдѣли и состарѣлись,—такъ и я все стремлюсь осуществить завѣтную мечту — написать эпическую русскую оперу. А время-то бѣжитъ со скоростью курьерскаго поѣзда: дни, недѣли, мѣсяцы, зимы проходятъ при условіяхъ, не позволяющихъ и думать о серьезномъ занятіи музыкою. Не то что не выберется часа два досужаго времени въ день,—нѣтъ! не выберется нравственнаго досуга; нѣтъ возможности отмахнуться отъ стаи ежедневныхъ заботъ и мыслей, не имѣющихъ ничего общаго съ искусствомъ, которыя родятся и кишатъ постоянно передъ вами. Некогда одуматься, перестроить себя на музыкальный ладъ, безъ чего творчество, въ большой вещи какъ опера, немыслимо. Для такого настроенія у меня имѣется въ распоряженіи только часть лѣта. Зимою я могу писать музыку только, когда боленъ на столько, что не читаю лекцій, не хожу въ лабораторію, но, всетаки, могу коечѣмъ заниматься. На этомъ основаніи мои музыкальные товарищи, вопреки общепринятымъ обычаямъ, желаютъ мнѣ постоянно не здоровья, а болѣзни. Такъ было и нынче на Рождествѣ — я схватилъ гриппъ, не могъ заниматься въ лабораторіи, сидѣлъ дома и написалъ хоръ славленія для послѣдняго дѣйствія «Игоря»; точно также во время легкой болѣзни я написалъ «Плачъ Ярославны»

и т. д. Лѣтомъ я написалъ больше, разумѣется, ибо писалъ и въ то время, когда бывалъ здоровъ; а вообще я хвораю рѣдко. Всего у меня написано акта полтора, а всѣхъ четыре будетъ. Пока я доволенъ тѣмъ, что написано. Довольны и другіе. Хоръ славленія, исполненный въ концертѣ Безплатной Школы, имѣлъ большой успѣхъ, а для судьбы моей оперы имѣлъ существенное значеніе. Нужно замѣтить, что я вообще — композиторъ, ищущій неизвѣстности; мнѣ какъ-то совѣстно сознаваться въ моей композиторской дѣятельности. Оно и понятно. У другихъ она прямое дѣло, обязанность, цѣль жизни,—у меня отдыхъ, потѣха, блажь, отвлекающая меня отъ прямаго моего, настоящаго, дѣла — профессуры, науки. Кюи въ этомъ случаѣ мнѣ не примѣръ... Я люблю свое дѣло, и свою науку, и академію, и своихъ учениковъ; наука моя практическая, по характеру занятій, а потому уноситъ множество времени; студенты и студентки мнѣ близки и въ другихъ отношеніяхъ, какъ учащаяся молодежь, которая не ограничивается тѣмъ, что слушаетъ мои лекціи, но нуждается въ руководствѣ при практическихъ занятіяхъ и т. д. Мнѣ дороги интересы академіи. Вотъ почему я, хотя съ одной стороны желаю довести оперу до конца, но съ другой боюсь слишкомъ увлекаться ею, чтобы это не отразилось вредно на моей другой дѣятельности. Теперь же, послѣ исполненія хора изъ «Игоря», въ публикѣ стало уже извѣстно, что я пишу оперу; скрывать и стыдиться нечего; я въ положеніи дѣвушки, которая лишилась невинности и репутаціи, и этимъ пріобрѣла себѣ извѣстнаго рода свободу. Теперь волей-неволей прійдется кончать оперу. Немало этому помогаетъ и горячее отношеніе къ ней моихъ музыкальныхъ друзей и большой интересъ оперпаго персонала—Петровыхъ, Васильева, Кондратьева и пр. Нужно замѣтить, что во взглядѣ на оперное дѣло я всегда расходился со многими изъ моихъ товарищей. Чисто речитативный стиль мнѣ былъ не понутру и не по характеру. Меня тянетъ къ пѣнію, кантиленѣ, а не къ речитативу, хотя, по отзывамъ знающихъ людей, я послѣдними владѣю недурно. Кромѣ того, меня тянетъ къ формамъ болѣе законченнымъ, болѣе круглымъ, болѣе широкимъ. Самая манера третировать оперный матеріалъ — другая. Помоему въ оперѣ, какъ въ декораціи, мелкія формы, детали, мелочи не должны имѣть мѣста; все должно быть писано крупными штрихами, ясно, ярко и по возможности практично въ исполненіи, какъ голосовомъ, такъ и оркестровомъ. Голоса должны быть на первомъ планѣ, оркестръ на второмъ. На сколько мнѣ удастся осуществить мои стремленія,—въ этомъ я не судья, конечно, но по направленію опера моя будетъ ближе къ «Руслану», чѣмъ къ «Каменному Гостю», за это могу поручиться. До сихъ поръ курьезно то, что па моемъ «Игорѣ» сходятся всѣ члены нашего кружка: и ультра-новаторъ-реалистъ Модестъ Петровичъ, и новаторъ въ области лирико-драматической музыки Цезарь Антоновичъ, и строгій относительно внѣшнихъ формъ и музыкальныхъ традицій Николай Андреевичъ, и ярый поборникъ новизны и силы во всемъ Владиміръ Васильевичъ Стасовъ. «Игоремъ» пока всѣ довольны, хотя относительно другихъ вещей они во многомъ сильно расходятся. Вотъ вамъ сказаніе о моемъ незаконнорожденномъ и еще недоношенномъ младенцѣ «Игорѣ».

Теперь перехожу отъ незаконнаго ребенка къ законной женѣ моей Катеринѣ Сергѣевнѣ. Она очень благодаритъ васъ за теплыя слова, обращенныя къ ней, и проситъ передать привѣтъ вамъ и вашему мужу, котораго, къ сожалѣнію, не могла принять, такъ какъ лежала больною. Вообще ея здоровье очень плохо, что немало горя вноситъ въ нашъ, въ другихъ отношеніяхъ, свѣтлый домашній мірокъ. Впечатлѣніе мое на Николая Николаевича меня искренно радуетъ, ибо

въ данномъ случаѣ оно обоюдное; значитъ мнѣ Н. Н. сразу пришелся по душѣ, сразу подкупилъ меня умомъ, образованіемъ, свѣжестью и трезвостью взгляда на вещи, крайней простотою въ обращеніи, горячимъ интересомъ ко всему жизненному и теплотою въ своихъ человѣческихъ отношеніяхъ, вообще въ немъ на первомъ планѣ стоитъ вездѣ и во всемъ человѣкъ. Помоему, это высшая похвала всякому дѣятелю, на какой бы ступени общественной іерархіи онъ ни стоялъ. Узнавъ васъ и его, я теперь понимаю то вліяніе, которое вы имѣете на нравственную сторону быта той среды, гдѣ вы дѣйствуете. Я прежде много слышалъ объ васъ обоихъ и отъ Милія, и отъ Людмилы Ивановны, и отъ моихъ учениковъ, которыхъ судьба забросила на Кавказскія горы, а потому, оставляя въ сторонѣ художественные интересы, я очень радъ былъ сойтись съ вами какъ съ людьми.

Упомянувъ о моихъ ученикахъ, я обращаюсь къ вамъ съ большою просьбою относительно одного изъ нихъ, самаго любимаго мною. Это нѣкто Владиміръ Алексѣевичъ Шоноровъ, младшій врачъ артиллерійской бригады Шарапа въ Майкопѣ. Онъ теперь находится въ Садовой, гдѣ буквально погибаетъ отъ лихорадки. Нельзя ли его какъ нибудь выручить оттуда и перевести въ здоровую мѣстность и такой городъ, гдѣ бы онъ могъ заниматься своею наукою. Рекомендую вамъ сего юношу, какъ одного изъ самыхъ дѣльныхъ и удавшихся учениковъ Боткина. Онъ не остался при академіи только по совершенной случайности, что по домашнимъ обстоятельствамъ не держалъ экзамена со всѣми своими товарищами, а позднѣе, и притомъ, какъ человѣкъ некрѣпкаго здоровья, стремился вонъ изъ Петербурга, на югъ. За нимъ пока есть одинъ недостатокъ— онъ непозволительно молодъ и неопытенъ, какъ красная дѣвушка. Но отъ этого недостатка онъ излѣчивается съ каждымъ днемъ. Я объ немъ, т. е. о Шоноровѣ, вскользь упоминалъ Николаю Николаевичу, но не рѣшался попросить его тогда. Передайте ему мою просьбу, скажите, что я прошу за него какъ за сына; я дѣйствительно его очень люблю. Я и жена моя жмемъ вамъ обоимъ руки и желаемъ всего лучшаго.

А. Бородинъ.

V.

Къ ней же.

С.-Петербургъ, 19-го января 1877 года.

Искренно и глубокоуважаемая Л. И., время нашей ежегодной переписки наступаетъ, и я, какъ видите, берусь за перо. На это, впрочемъ, есть еще другой поводъ: желаніе высказать вамъ слово благодарности за моего Шонорова. Шоноровъ мнѣ въ подробности описалъ, какъ вы его приняли, обласкали, какъ онъ упивался музыкой, которой не слыхалъ съ самаго выѣзда изъ Петербурга. Я отъ души смѣялся, когда читалъ его разсказъ о томъ, какъ онъ попалъ къ вамъ. Робкій, небывалый, застѣнчивый, какъ красная дѣвушка, и не знавшій ничего о моемъ письмѣ къ вамъ, онъ долженъ былъ показаться ужасно забавнымъ. Если онъ сколько нибудь оправился потомъ, такъ только благодаря вашему такту, любезности и той искренной простотѣ обращенія, которая сразу привязываетъ къ вамъ тѣхъ, съ кѣмъ вы заговорите. Нужно замѣтить, что у васъ и у Николая Николаевича особенная способность покорять быстро юныя сердца. У васъ обоихъ множество поклонниковъ между нашей учащейся молодежью, какъ между студентками, такъ и между студентами, пріѣзжающими съ Кавказа, между молодыми врачами и проч. Впрочемъ, оно такъ и должно быть:

молодость всегда сразу, чутьемъ, оцѣниваетъ неподдѣльную доброту и теплоту въ отношеніяхъ съ людьми.

Отъ молодыхъ перейду къ старымъ. Мы, грѣшные, попрежнему вертимся въ водоворотѣ житейской, служебной, учебной, ученой и художественной суеты. Всюду торопишься и никуда не поспѣваешь; время летитъ какъ локомотивъ на всѣхъ парахъ, сѣдина прокрадывается въ бороду, морщины бороздятъ лицо; начинаешь сотню вещей,—удастся ли хоть десятокъ довести до конца? Я все тотъ же поэтъ въ душѣ: питаю надежду довести оперу до заключительнаго такта и подсмѣиваюсь подчасъ самъ надъ собой. Дѣло идетъ туго, съ огромными перерывами. Только лѣтомъ чуточку подвинулъ дѣло. Въ моемъ «Игорѣ» меня удивляетъ то, что большая часть вещей удовлетворяетъ два совершенно противоположные музыкальные лагеря. Впрочемъ, большинство людей, балующихъ меня своимъ вниманіемъ, отдаетъ предпочтеніе элементамъ хоровымъ и вообще массивнымъ. Что выйдетъ изъ «Игоря», не знаю. Хотѣлъ бы къ слѣдующему сезону кончить, но едва ли удастся. Много написано, еще болѣе находится въ видѣ матеріала, но все это еще нужно оркестрировать, трудъ механическій, громадный, особенно въ виду большихъ хоровыхъ сценъ, ансамблей и пр., требующихъ примѣненія большихъ голосовыхъ и инструментальныхъ массъ. А тутъ еще вышелъ казусъ: Музыкальное Общество назначило играть въ одномъ изъ концертовъ мою 2-ю симфонію; я былъ въ деревнѣ, ничего не зналъ объ этомъ. Пріѣзжаю — хвать! — ни первой части, ни финала у меня нѣтъ; партитура того и другаго пропала. Я ихъ куда-то засунулъ, искалъ, искалъ, и такъ и не могъ найдти. А Музыкальное Общество между тѣмъ требуетъ; наступила пора переписывать партія. Что дѣлать? Я на бѣду заболѣлъ: воспаленіе лимфатическихъ сосудовъ на ногѣ. Дѣлать нечего, пришлось вновь оркестрировать. Вотъ я это въ лихорадкѣ лежу, а самъ порю горячку: карандашемъ, лежа, строчу партитуру. Тѣмъ не менѣе, къ четвертому концерту, какъ предположено было, переписка партій не поспѣла, и теперь симфонія пойдетъ въ пятомъ, кажется, въ пятницу на будущей недѣлѣ, навѣрно не знаю. За то я нахожусь въ положеніи, въ которомъ не былъ, вѣроятно, ни одинъ изъ профессоровъ императорской медико-хирургической академіи: двѣ мои симфоніи пойдутъ въ одну недѣлю, 25-го Es-Dur'ная въ Безплатной Школѣ, 28-го H-moll'ная въ Музыкальномъ Обществѣ.

О музыкальныхъ дѣлахъ нашихъ вообще вы, вѣроятно, знаете изъ газетъ. Но, вѣроятно, вы не знаете пріятной, въ высшей степени отрадной вещи: Балакиревъ, милый, даровитый Балакиревъ, воскресаетъ для музыки! Балакиревъ опять почти тотъ же Милій Алексѣевичъ, съ увлеченіемъ отстаивающій и оспаривающій всякіе Des-dur'ы и H-moll'и, малѣйшія детали музыкальныхъ произведеній, о которыхъ прежде и слышать не хотѣлъ. Опять онъ бомбардируетъ Корсакова письмами по поводу Безплатной Школы, принимаетъ самое живое участіе въ составленіи программы ея концертовъ; самъ пишетъ свою «Тамару»; окончилъ четырехручное переложеніе «Гарольда» Берліоза, по заказу одного парижскаго издателя, словомъ ожилъ...

Для пѣнія теперь пишется мало въ нашемъ кружкѣ; вѣтеръ повѣялъ неожиданно повѣтріемъ на камерную музыку: Корсаковъ написалъ, кромѣ прежняго квартета, квинтетъ для фортепіано съ духовыми и струнный секстетъ; Кюи затѣялъ было квартетъ, но, кажется, бросилъ; я почти окончилъ струнный секстетъ. Модестъ одинъ упорно дѣйствуетъ по оперной части: разомъ пишетъ «Хованщину» и «Сорочинскую Ярмарку». О крайне любезномъ сочувствіи Листа и герцога Веймарскаго къ нашему кружку, въ Байрейтѣ, вы, вѣроятно, знаете

отъ Кюи. Но довольно я утомилъ васъ. Найдется время, черкните словечко; помните, вы обѣщали ежегодно писать по одному письму. Жму крѣпко руку вамъ и Николаю Николаевичу, котораго искренно благодарю за Шонорова. Жена шлетъ вамъ привѣтъ. Искренно преданный

А. Бородинъ.

VI.

Къ К. С. Бородиной.

Іена, 3 іюля 1877 года.

Насилу дождался вѣсточки отъ тебя, моя золотая. Что это съ тобою было, голубушка? Отчего тебѣ такъ плохо было на пути въ Москву? Обыкновенно ты переносишь дорогу, сравнительно, сносно и даже чувствуешь себя лучше иногда, чѣмъ дома. Что въ Москвѣ тебѣ можетъ быть плохо, это я скорѣе понимаю: однѣхъ нравственныхъ причинъ для этого вполнѣ достаточно. Боже мой, какъ мы часто тебя поминаемъ! Что, если бъ ты была здѣсь! Здѣсь очень, очень хорошо! И, вообрази, что мальчиковъ [1]) удалось устроить такъ, какъ мы съ тобой никогда не жили; по крайней мѣрѣ, въ послѣднія путешествія мы далеко не могли устроиться такъ хорошо. Представь себѣ, что мы нашли квартиру въ концѣ города, въ каменномъ домѣ, во второмъ этажѣ, съ мебелью и прислугою, постелями и бѣльемъ за 10 талеровъ въ мѣсяцъ. Всего двѣ комнаты, высочайшія, чистѣйшія... Скоро будетъ еще піанино на прокатъ... Видъ изъ оконъ комнатъ божественный, какого у насъ съ тобой ни въ одной квартирѣ не было; кругомъ сады; за домомъ начинаются уже нивы и огороды; воздухъ превосходный. Сегодня вечеромъ ждемъ Гольдштейна изъ Лейпцига и варимъ въ первый разъ чай. Въ довершеніе всего Александрушка [2]) видѣлъ въ двухъ шагахъ, цѣлые полдня... угадай кого? Впрочемъ, все это вышло такъ необычайно и такъ хорошо, что мнѣ требуется подробнаго описанія; потому начну ab ovo. Сидимъ мы это 30 іюня въ гостинницѣ и просматриваемъ газету, вдругъ читаемъ, что 2-го іюля будетъ въ Іенѣ, въ соборѣ, концертъ церковной музыки; большинство вещей новыхъ, въ томъ числѣ 4 Листовскихъ: Benedictus, для скрипки, фортепіано и органа, «Ave maris stella», для мужскаго хора и органа, «Ave Maria» для органа, «Cantico del Sole» для баритона, хора, органа и фортепіано, въ добавокъ еще (какъ ужъ это попало въ число церковныхъ вещей — не понимаю!) «Marche funèbre» Chopin'a, для віолончели, фортепіано и органа, сдѣланный Листомъ. Понятное дѣло, мы поспѣшили запастись билетами. Въ то же время узнали мы, что, можетъ быть, самъ Листъ пріѣдетъ въ Іену, послушать, такъ какъ онъ теперь въ Веймарѣ. Надобно замѣтить, что я собирался уже съѣздить къ Листу, но все не рѣшался и откладывалъ. Тутъ я сейчасъ же рѣшилъ отправиться къ нему на другой же день. Изъ Іены въ Веймаръ все равно, что изъ Петербурга въ Царское Село, всего 3/4 часа ѣзды по желѣзной дорогѣ. Вотъ 1-го числа, въ воскресенье, т. е. на другой же день, я поѣхалъ въ 11 часовъ 51 минута; пріѣзжаю въ Веймаръ и, разсчитывая, что Листъ обѣдаетъ около 1 часа, какъ и всѣ въ Германіи, я рѣшился сначала пообѣдать и затѣмъ уже отыскать его. Оказалось, что никто не знаетъ, гдѣ онъ живетъ; наконецъ, я узналъ уже въ магазинѣ художественныхъ предметовъ его адресъ: Marienstrasse, 1—17, совсѣмъ

---

[1]) Подъ «мальчиками» Бородинъ разумѣетъ двухъ своихъ спутниковъ: А. П. Діанина и М. Ю. Гольдштейна — студентовъ-химиковъ. В. С.

[2]) Александръ Павловичъ Діанинъ. В. С.

на концѣ города, около парка. Иду. Оказалось, что ошибся домомъ, зашелъ напротивъ. Спрашиваю: «Гдѣ живетъ Листъ»? — «Какой Листъ? Никакого Листа тутъ не живетъ». — «Ну, по близости нѣтъ ли»?—«Нѣтъ... тутъ всѣ извѣстны: вотъ живетъ Oberst Weinert, а еще рядомъ Lieutenant Winkler» или Winkel, что ли, и т. д. «Anà! Anà! вотъ спрашиваютъ, нѣтъ ли тутъ по близости какого-то Листа»,—закричала разспрашиваемая мною нѣмка другой нѣмкѣ въ томъ же домѣ. Наконецъ, вмѣшался длинный и неуклюжій нѣмецъ: «Стойте, вотъ тутъ напротивъ живетъ, кажется, какой-то докторъ Листъ». Иду напротивъ. Домикъ маленькій, каменный, двухъ-этажный, угловой и весь обвитый дикимъ виноградомъ, желѣзная рѣшотка. Калитка ведетъ сначала въ садикъ, очень чистенькій, изящный. Въ саду гуляетъ какой-то господинъ въ соломенной шляпѣ. «Здѣсь живетъ г. докторъ Листъ»? — «Здѣсь! но только теперь онъ обѣдаетъ, послѣ обѣда ляжетъ отдохнуть и раньше $4^1/_2$ часовъ его видѣть нельзя». Тьфу, ты пропасть!— подумалъ я, и пошелъ бродить по городу. А посмотрѣть есть кое-что. Каждая улица, каждая площадь, каждый уголокъ говоритъ о прошломъ искусства, славномъ прошломъ! Вотъ домъ, гдѣ жилъ Гёте весь остатокъ долгой жизни и умеръ въ 1832 году, слѣдовательно жилъ тамъ всего пять лѣтъ. Вотъ маленькій, простой, старинной архитектуры, домикъ; на дверяхъ написано: «Hier wohnte Schiller»! Тутъ онъ и умеръ въ 1805 году, тутъ и комната, гдѣ онъ работалъ, его домашняя утварь. Въ небольшомъ разстояніи оттуда кладбище, гдѣ на ряду съ гроссъ-герцогами, въ одномъ съ ними склепѣ, два гроба, дубовыхъ, украшенныхъ лавровыми вѣнками; въ нихъ покоятся останки великихъ поэтовъ (въ одномъ склепѣ съ коронованными гроссъ-герцогами!). Тутъ домъ Виланда; тамъ домъ Гердера и т. д. Сколько въ этомъ крохотномъ городкѣ, мыслилось, писалось, создавалось! Проболтавшись по городу до $4^1/_2$ часовъ, спѣшу въ Marienstrasse, къ завѣтной рѣшоткѣ; вхожу въ калитку. Вотъ уже и карточку визитную вынулъ. Гляжу... господина въ соломенной шляпѣ нѣтъ, а сидятъ въ саду двѣ дамы; одна очень изящная и съ виду не нѣмка. «Ist Herr Doctor zu sprechen?»—съобезьяничалъ я понѣмецки.—«O, jawohl! Oben, eine Treppe». Ну, слава Богу! Пошелъ я это «эйне треппе», анъ хвать! а карточку-то потерялъ! Воротился искать карточку (потому послѣдняя была, другой не оказалось). Вышелъ даже за рѣшотку. Вдругъ бѣжитъ за мною одна изъ дамъ: «Ist dass die Karte, die Sie suchen?»—и вручаетъ оброненную карточку. Я поблагодарилъ, поднялъ почтительно, понѣмецки, высоко шляпу и направился вновь «эйне треппе гохъ». Ну, думаю, какъ это какой нибудь вольнопрактикующій врачъ Листъ! Не успѣлъ я отдать карточки, какъ вдругъ передъ носомъ, точно изъ земли, выросла въ прихожей длинная фигура, въ длинномъ черномъ сюртукѣ, съ длиннымъ носомъ, длинными сѣдыми волосами. «Vous avez fait une belle symphonie!»—гаркнула фигура зычнымъ голосомъ, и длинная рука протянулась ко мнѣ. «Soyez le bienvenu! Je suis ravi, il n'y a que deux jours que je l'ai jouée chez le grand duc qui en est charmé. La première partie est excellente! Votre Andante est un chef d'oeuvre, le scherzo est ravissant, et puis ça, c'est ingénieux!»—и длинные пальцы пошли наглядно изображать извѣстныя тебѣ «клеванія» [1]. «C'est d'une originalité et d'une beauté»... и пошолъ, и пошолъ! Сильная рука его крѣпко сжала мою руку и усадила меня на диванъ. Мнѣ оставалось только откланиваться и благодарить. Величавая фигура старика, съ

[1]) «Клеваньями» прозвалъ Мусоргскій оригинальные ходы широкими интервалами, pizzicato, въ 1-й части и въ финалѣ 1-й симфоніи Бородина.

В. С.

энергическимъ, красивымъ лицомъ, оживленная, двигалась передо мною и говорила безъ умолку, закидывая меня вопросами. Разговоръ шолъ то на французскомъ, то на нѣмецкомъ языкѣ, перескакивая ежеминутно съ одного на другой. Когда я сказалъ Листу, что я собственно Sonntagsmusiker, онъ съострилъ даже: «Aber Sonntag ist immer ein Feiertag» и что «Вы-де имѣете полное право «feiern», т. е. торжествовать». Онъ ужасно доволенъ моимъ піанизмомъ въ переложеніи, и говоритъ, что это обличаетъ во мнѣ музыканта «опытнаго и крайне талантливаго, владѣющаго современною фортепіанною техникою». (Только относительно одного мѣста сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что можно бы аранжировать немного легче для лѣвой руки, именно то, гдѣ клеванія даны въ Secondo и перекрещиваются руки играющихъ,—манера Надежды Николаевны [1]); мѣсто, измѣнённое мною, согласно ея совѣтамъ). Онъ меня разспрашивалъ объ успѣхѣ симфоніи, объ отзывахъ и проч. Когда я сказалъ, что самъ сознаю многіе недостатки, требующіе исправленія, что у меня, напримѣръ, часто встрѣчаются неловкости, что я (какъ мнѣ и ставили въ упрёкъ) слишкомъ часто модулирую и вообще зашёлъ слишкомъ далеко и т. д., Листъ постоянно прерывалъ меня: «Dieu préserve!.. N'y touchez rien!.. Ne changez pas!.. Vous ne modulez jamais ni trop, ni mal!»... «Sie sind wohl sehr weit gegangen (und das ist eben Ihr Verdienst). Sie haben aber nie verfehlt». «Не слушайте, пожалуйста, тѣхъ, кто васъ удерживаетъ отъ вашего направленія; повѣрьте: вы на настоящей дорогѣ, у васъ такъ много художественнаго чутья, что вамъ нечего бояться быть оригинальнымъ; помните, что совершенно такіе совѣты давались въ своё время и Ветховенамъ, и Моцартамъ и пр., и они никогда не сдѣлались бы великими мастерами, если бы вздумали слѣдовать такимъ совѣтамъ». Словомъ — оставалось только благодарить то понѣмецки, то пофранцузски. Онъ разспрашивалъ о Корсаковѣ, о которомъ очень высокаго мнѣнія. «M-r Rimsky est un très grand talent». Разсказывалъ, какъ ужасно провалился «Садко» Корсакова въ Вѣнѣ, какъ А. Рубинштейнъ, дирижировавшій «Садко», привёзъ Листу партитуру и сказалъ: «Эта вещь провалилась у меня, но вамъ навѣрное понравится». И, дѣйствительно, она понравилась. «Садко» онъ ставитъ очень высоко. Спрашивалъ о Балакиревѣ и о Кюи. Спрашивалъ объ исполненіи «Christus» [2]). Когда я сказалъ, что хоры прошли хорошо, что только «Stabat mater speciosa», къ сожалѣнію, не могла быть исполненною съ органомъ, а шла съ фисгармоникою,—онъ сказалъ: «Тутъ есть громадныя трудности; во второмъ изданіи я сдѣлаю иначе: нужно, чтобы органъ прямо вступалъ съ голосами и сопровождалъ ихъ сплошь». Я замѣтилъ, что Корсаковъ сдѣлалъ особенную уловку... «Угадываю!»—перебилъ Листъ:—«онъ заставилъ вступить органъ немножко раньше голосовъ, такъ? Я знаю, что значитъ дирижировать подобныя вещи! онъ поступилъ очень умно!» и т. д. «Жаль, что вы не слыхали, какъ у меня играетъ ваша компатріотка, M-lle Vérà Timanoff, вотъ эту вещь»,—и онъ указалъ на «Исламея» [3]), лежавшаго тутъ же на фортепіано, такъ, что видимо её только-что играли. «У меня сегодня утромъ была matinée, и она какъ разъ сегодня её играла». (Какъ я потомъ узналъ, онъ, заставляя её играть эту вещь, говорилъ: «M-lle Vérà! tranchez la question orientale à votre manière!)». «Она играла «Исламея» на послѣднемъ собраніи у гроссъ-герцога»,—прибавилъ Листъ. «Вы знаете, что гроссъ-

---

[1]) Над. Ник. Римская-Корсакова въ то время многое арранжировала въ 4 руки. В. С.

[2]) Въ концертѣ Безплатной Школы. В. С.

[3]) Фантазія для фортепіано Балакирева. В. С.

герцогъ очень хорошо знаетъ ваши вещи и очень ихъ любитъ. У насъ въ Германіи ихъ, разумѣется, не гутируютъ. Вы знаете Германію? здѣсь пишутъ много; я тону̀ въ морѣ музыки, которою меня заваливаютъ, но, Боже! до чего это всё плоско (flach)! Ни одной живой мысли! У васъ же течётъ живая струя; рано или поздно (вѣрнѣе, что поздно) она̀ пробьётъ себѣ дорогу и у насъ». Затѣмъ отечески пожурилъ меня, что я до сихъ поръ не издалъ партитуры, что это необходимо; что не ради меня, но ради дѣла, необходимо распространять мои вещи; нужно, чтобы онѣ давались и т. д. Спрашивалъ меня еще: «Судя по вашей карточкѣ, вы должны были усвоить себѣ химію en'maître; ка́къ, когда и гдѣ же успѣли вы выработать себѣ такую громадную музыкальную технику? гдѣ вы учились? не въ Германіи же?» Когда я сказалъ, что не былъ въ консерваторіи, онъ засмѣялся: «C'est votre bonheur, mon cher monsieur! travaillez, travaillez toujours; работайте, если бы ваши вещи даже не игрались, не издавались, не встрѣчали сочувствія; вѣрьте мнѣ — онѣ пробьютъ себѣ «почётную дорогу»; у васъ громадный и оригинальный талантъ, не слушайте никого, travaillez à votre manière!» Когда я благодарилъ его за любезность, онъ съ досадой перебивалъ меня: «Да я не комплименты вамъ говорю; я такъ старъ, что мнѣ не пристало говорить кому бы то ни было иначе, чѣмъ я думаю; меня за это здѣсь не любятъ, но не могу же я говорить, что здѣсь пишутъ хорошія вещи, когда нахожу ихъ плоскими, бездарными и безжизненными». Узнавъ, что я живу не въ Веймарѣ, а въ Іенѣ, онъ сказалъ: «Ba! значитъ, мы завтра съ вами увидимся? où logez-vous?» Я, разумѣется, отклонилъ какой бы то ни было визитъ съ его стороны. «Ну, вотъ что! tenez! je vous invite demain pour le diner dans le Baeren» (отель «Zum schwarzen Baeren», гдѣ мы остановились съ Александрушкой и откуда только въ этотъ же день утромъ переѣхали). «Sie sind also mein Gast für morgen, vergessen sie nicht!» — напомнилъ онъ мнѣ на прощаніе. Просить его играть я не рѣшился: было бы слишкомъ безцеремонно. Я тебѣ, разумѣется, передаю только суть разговора и, при всемъ желаніи, не въ состояніи былъ бы не только буквально воспроизвести, но даже уловить всего, что Листъ наговорилъ въ сравнительно-короткое время. Говоритъ онъ превосходно на обоихъ языкахъ, громко, бойко, съ увлеченіемъ, быстро и много; можно бы подумать, что онъ французъ. При этомъ, онъ не сидитъ ни минуты на мѣстѣ, ходитъ, жестикулируетъ и на духовную особу вовсе не походитъ. (Да! между прочимъ, онъ сказалъ, что ему очень нравится тріо Направника; что сначала, когда онъ читалъ его только, оно показалось ему длинно и вяло, но когда онъ съигралъ, то нашелъ, что оно прекрасно и эффектно сдѣлано). Онъ спросилъ: кто у насъ исполнялъ это тріо? Я назвалъ Гольдштейна. «Je ne connais pas!» — отрывисто отрѣзалъ Листъ. — «C'est un pianiste du conservatoire de Leipzig, — пояснилъ я. — «Bah! ça n'est pas encore une recommendation; ils nous ont donné un tas de médiocrités!». Онъ такъ меня «замоталъ», по твоему выраженію, что, прощаясь съ нимъ, я даже забылъ спросить, что это за обѣдъ, на который онъ приглашалъ меня, въ которомъ часу, нужно ли быть во фракѣ или нѣтъ. Обо всемъ этомъ я вспомнилъ уже на дорогѣ изъ Веймара въ Іену. Пріѣхавъ въ Іену, я нашелъ на станціи Ал. и Гольдштейна, только-что прибывшаго изъ Лейпцига. Мы сейчасъ же пошли въ ближайшій нѣмецкій кабачокъ, и я долженъ былъ подробно разсказать мальчикамъ о свиданіи съ Листомъ, причемъ мы выпили нѣсколько кружекъ пива. На другой день меня взяло раздумье: какъ я пойду на обѣдъ? а, ну, какъ тамъ дамы, да бо-мондъ, а у меня, кромѣ дорожнаго платья, ничего нѣтъ? Я порѣшилъ извиниться передъ Листомъ и не пойдти вовсе. Но

какъ и гдѣ это сдѣлать? Очевидно, что Листъ не остановится же въ гостинницѣ «Zum Baeren»; онъ въ Іенѣ свой человѣкъ. Наконецъ, мы всѣ втроемъ отправились въ соборъ, въ надеждѣ, что такъ какъ концертъ будетъ тамъ, то навѣрное тамъ знаютъ, когда Листъ пріѣдетъ и гдѣ остановится. Пошли мы собственно зря, между прочимъ, на удачу. Подходимъ къ собору, тамъ гудитъ органъ. Мимо насъ прошмыгнулъ какой-то господинъ въ маленькую дверь, боковую (главныя двери были заперты). Мы за нимъ. Входимъ, нѣтъ никого почти, человѣкъ пять всего. Подъ старинными готическими сводами такъ и раскатывается D—moll'ная фуга Баха. Мы сѣли. Видимъ, народу прибываетъ понемногу. Чей-то зычный голосъ прокричалъ: «Na! jetzt kann man doch anfangen; rasch hinauf, die Herrn Sänger! wir haben wenig Zeit; es muss noch einmal Alles durchgenommen, bis der Meister noch nicht da ist!» Оказалось, что мы случайно попали на репетицію концерта (который долженъ былъ быть еще въ 4 часа вечера; а было только 10 съ чѣмъ-то). Можешь представить, съ какимъ наслажденіемъ мы, совсѣмъ неожиданно, выслушали почти весь концертъ. Исполнители были превосходные, большею частью, все придворные пѣвцы веймарской капеллы, солисты (т. е. оперные пѣвцы); хоръ составленъ, большею частью, изъ студентовъ и Singverein'а «Pauliner» университетскаго. На насъ никто не обращалъ вниманія; никто не приглашалъ, но никто и не гналъ насъ. Мимо насъ таскали ноты, віолончели, скрипки, шмыгали оперныя пѣвицы. Вдругъ, около 12 часовъ, все заполошилось, устремилось къ двери, съ выраженіемъ напряженнаго вниманія. «Der Meister kommt! der Meister, der Meister ist da!» Распорядители концерта, во фракахъ и бѣлыхъ галстухахъ, забѣгали, засуетились. Двери широко распахнулись, и выступила характерная, черная фигура Листа, подъ руку съ тою дамою, которую я видѣлъ въ саду у него, и въ которой не призналъ нѣмки. Я не ошибся тогда, это была дочь Горчакова, по мужу баронесса фонъ-Мейендорфъ (онъ былъ посланникомъ, кажется, въ Веймарѣ). Она была еще довольно молодая, очень симпатичная женщина, хотя далеко не красавица. Оставшись вдовою, она поселилась навсегда въ Веймарѣ, и Листъ у нея, какъ родной, въ семьѣ. За ними слѣдовалъ весь штатъ Листовскихъ учениковъ и учепицъ, правильнѣе ученицъ, потому что учениковъ всего былъ одинъ Зарембскій, полякъ, очень даровитый піанистъ. Вся эта юная толпа очень непринужденно и безцеремонно ворвалась въ соборъ и, треща на всевозможныхъ языкахъ, посыпалась на скамейки. Чего тутъ не было? и нѣмки, и голландки, и польки, и наша сооотечественница, m-lle Vérà, т. е. Тиманова. Листъ, повидимому, ее особенно жалуетъ, потому, усаживаясь съ баронессою Мейендорфъ и композиторомъ Лассеномъ, онъ спохватился, гдѣ m-lle Vérà, и видя, что она сидитъ въ заднемъ ряду, безъ церемоніи вытащилъ ее и посадилъ около себя. Онъ слушалъ очень внимательно, хотя, большею частью, съ закрытыми глазами. Когда дошла очередь до его вещи, онъ всталъ и, окруженный распорядителями, направился на хоры. Вскорѣ у дирижерскаго пюпитра показалась его большая, сѣдая, смѣлая голова, энергическая, но спокойная и увѣренная. Издали онъ очень похожъ на Петрова [1])—та же маеститость, то же сознаніе, что онъ «у себя дома» вездѣ, гдѣ дѣйствуетъ. Дирижировалъ онъ безъ палочки, рукою, спокойно, опредѣленно и увѣренно, замѣчанія дѣлалъ очень мягко, спокойно и коротко. Когда очередь дошла до вещей съ участіемъ фортепіано, онъ ушелъ въ глубь хора и вскорѣ сѣдая голова его показалась за роялемъ. Мощные, силь-

---

[1]) Ос. Аѳан. Петровъ—знаменитый пѣвецъ русской сцены. В. С.

ные, круглые звуки рояля полились, какъ волны, подъ готическими сводами древняго собора. Игралъ онъ божественно! что̀ за тонъ, что̀ за сила, что̀ за полнота, что̀ за піаниссимо, что за morendo! Мальчики мои такъ и кисли отъ восторга. Когда дошло дѣло до Marche funèbre Chopin'а, очевидно было, что вещь эта вовсе не была арранжирована, Листъ импровизировалъ партію фортепіано въ то время, когда органъ и віолончель играли по нотамъ; каждый разъ, при повтореніи, онъ игралъ иначе; даже совсѣмъ не то, что прежде. Но что онъ сдѣлалъ изъ этого! Уму непостижимо! Органъ внизу тянетъ піаниссимо аккорды въ терцію; фортепіано съ педалью даетъ pp, но полные удары; віолончель поетъ тему: эффектъ выходитъ поразительный, совершенно какъ будто отдаленный похоронный звонъ густыхъ колоколовъ, изъ которыхъ одинъ ударяетъ прежде, чѣмъ другой пересталъ гудѣть. Я никогда, нигдѣ ничего не слыхалъ подобнаго. Потомъ, что̀ за crescendo! Мы были на седьмомъ небѣ. Я только тогда вспомнилъ о намѣреніи подойдти къ Листу и просить извиненія, что не могу принять приглашеніе на обѣдъ, когда онъ уже уходилъ подъ руку съ баронессой Мейендорфъ, окруженный своимъ штатомъ юныхъ піанистокъ, которыя довольно безцеремонно тормошили великаго Meister'а и хотя, видимо, очень ухаживали за нимъ, но безъ почтительнаго страха. Подойдти къ нему не было возможности, я рѣшилъ проводить его въ отель «Zum Bären» и тамъ faire mes excuses (на бѣду былъ передъ этимъ дождь, и я безсовѣстно выпачкалъ сапоги). Проходя къ двери, я былъ остановленъ Тимановой, которая очень радушно и съ ра̀достью подбѣжала ко мнѣ: «Листъ сказалъ намъ, что вы въ Іенѣ; давно ли вы здѣсь?» и т. д. Я сообщилъ ей, между прочимъ, о намѣреніи уклониться отъ обѣда. «И не смѣйте думать! Вы ужасно обидите Листа! Онъ на васъ разсчитывалъ, и еще въ Веймарѣ объявилъ намъ всѣмъ, что вы обѣдаете у него сегодня. Идите за мной!». Прежде, чѣмъ я успѣлъ сказать ей что либо, бойкая дѣвчонка схватила меня за руку и втащила въ пестрый кружокъ ея подругъ. «Вотъ это самый и есть Herr Borodin, mein Landsmann!— представила она меня:—это m-lle... m-lle...» и т. д. Я ни одного имени не помню. «До обѣда далеко, обѣдъ въ два часа еще, Meister пошелъ отдохнуть немного, пойдемте ѣсть вишни пока!» Пестрая толпа высыпала на улицу и потащила меня за собой; мы какъ мухи облѣпили чье-то чужое крыльцо; мигомъ расхватали вишни у стоявшей тутъ же торговки. Меня помѣстили между Тимановой и какой-то очень милой піанисткой изъ Дюссельдорфа. Разсыпавъ вишни на бумагу на колѣняхъ, онѣ безцеремонно пригласили меня къ участію: «Helfen Sie doch!» Александрушка съ Гольдштейномъ на противоположной сторонѣ любовались этою своеобразною, пестрою картиной. На вишни всѣ накинулись, какъ школьники, барышни смѣялись и трещали на всевозможныхъ языкахъ. Я точно сто лѣтъ былъ знакомъ съ ними. Наконецъ, пора была идти въ отель «Zum Bären», который былъ очень недалеко. Идемъ, гляжу—Александрушка съ Гольдштейномъ около отеля сидятъ и ждутъ: скоро ли мы пріидемъ. Я указалъ на нихъ Тимановой; она окинула обоихъ быстрымъ, но внимательнымъ взглядомъ и, очевидно, одобрила. Въ отель пришли мы, однако, слишкомъ рано; тамъ было отведено особое помѣщеніе для насъ, пока готовили столъ въ шпейзезалѣ. Барыни безъ церемоніи начали прихорашиваться передъ зеркаломъ и даже пошли подпудриваться. «Der Meister ruht noch! Der Meister ist noch nicht da!» — слышалось. Зарембскій подошелъ ко мнѣ и началъ говорить разныя любезности, по поводу моей симфоніи, на русскомъ языкѣ, съ сильнымъ польскимъ акцентомъ. Съ нимъ была его невѣста-берлинка, тоже піанистка, очень хорошенькая, но

кокетища несообразная. Оба, въ самыхъ чудовищно-оригинальныхъ костюмахъ, съ воротничками «съ версту»,—какъ говоритъ Павлычъ [1]),—открытыми до невозможности, въ шляпахъ изумительнаго фасона, распущенными длинными волосами, представляли крайне странное зрѣлище. Все въ нихъ било на эффектъ. Тиманова, напротивъ, была одѣта очень просто, но со вкусомъ; нѣмки просто, и безъ вкуса. Все трещало невѣроятно. Наконецъ, пробило два часа, все двинулось въ шпейзезалъ. Столъ былъ сервированъ прекрасно, убранъ цвѣтами и т. д. Листъ пришелъ съ распорядителями и съ неизбѣжною своею дамой, баронессой Мейендорфъ, композиторомъ Лассеномъ и еще кое съ кѣмъ. Увидѣвъ меня, онъ закричалъ: «Ah! soyez le bienvenu!» и сейчасъ же началъ меня знакомить съ баронессой, Лассеномъ, своимъ другомъ Гилле, главнымъ распорядителемъ. Мнѣ уже было резервировано мѣсто за столомъ; Листъ сидѣлъ на концѣ, во главѣ стола; я возлѣ Листа, по лѣвую руку; по правую — сидѣла, напротивъ меня, баронесса. Она сейчасъ же вступила со мною въ бесѣду, наговорила тысячу вещей и сообщила, что это она именно съ Листомъ играла мою симфонію у гроссъ-герцога, два дня тому назадъ; симфонію и она, и Лассенъ, очевидно, знаютъ очень подробно. Листъ былъ очень любезенъ и разговорчивъ, подливалъ сосѣдямъ вино, шутилъ. Разспрашивалъ меня подробно о нашихъ музыкальныхъ дѣлахъ, равно какъ и баронесса, которая всѣ дѣла наши, какъ видно, хорошо знаетъ. Между прочимъ, рѣчь зашла объ оперѣ. Баронесса высказалась, что ей «Маккавеи» очень не нравятся, что все такъ рутинно и безцвѣтно. Она весьма сочувственно отозвалась о «Псковитянкѣ» и жалѣла, что ее не даютъ. Объ операхъ Сѣрова, Листъ, повидимому, неособенно высокаго мнѣнія и разсказывалъ мнѣ, какъ Сѣровъ хотѣлъ поставить «Юдиѳь» непремѣнно за границею, и какъ Листъ ему прямо сказалъ, что она непремѣнно провалится за границею. «Сѣровъ, конечно, надулся на меня очень, но я высказалъ ему всю правду; помоему, тамъ творчества немного»,—прибавилъ Листъ. Разспрашивалъ о моей второй симфоніи, о томъ, какъ она прошла, какіе были отзывы, etc. Я разсказалъ, какъ было: «Restez vous longtemps à Iena? Eh bien, je vous prend par le collet; venez me voir encore à Weimar; nous ferons votre symphonie emsemble!» Я пояснилъ, что не могу играть съ нимъ: «Eh bien! c'est madame la baronne qui voudra bien jouer la symphonie avec m-r Lassen! Avez vous un bon éditeur?»—«Постойте, я вамъ представлю Канта, моего издателя изъ Лейпцига; il pourra vous être utile, tenez!». Онъ позвалъ Канта и представилъ его мнѣ. Обѣдъ прошелъ оживленно и весело. Возлѣ меня сидѣла, по другую сторону, придворная пѣвица Anna Zankow, очень разбитная и веселая, я ей подносилъ кушанья и мы подливали другъ другу вино. Послѣ обѣда Листъ пошелъ отдохнуть. Баронесса тоже исчезла. Мы еще поболтали малость и отправились гурьбой въ соборъ. Я хотѣлъ, по нѣмецкому обычаю, заплатить за обѣдъ; оказалось, что Листъ уже заплатилъ за всѣхъ и не велѣлъ принимать ни отъ кого платы. Zankow очень любезничала со мною, и даже взяла мою записную книжку и написала свое имя: «Sie sollen mich nicht vergessen»,—прибавила она. Въ соборѣ я уже помѣстился не на взятомъ мною мѣстѣ, а въ Листовской компаніи. Имя Листа не стояло на афишѣ. Когда я спросилъ его, кто же будетъ играть фортепіанную партію, онъ промычалъ что-то и совралъ, что Науманнъ (органистъ пріѣзжій). Зачѣмъ? Не знаю. Только мы съ Павлычемъ и Гольдштейномъ отлично видѣли за фортепіано сѣдую типичную голову Листа. Маршъ Шопена онъ

[1]) Ал. Павл. Діанинъ. В. С.

игралъ опять поновому, не такъ, какъ на репетиціи; очевидно, это импровизація. «Вотъ такъ всегда онъ вретъ! никогда не скажетъ, что онъ играетъ. Чудакъ!»—сказала Тиманова. Послѣ концерта, когда гроссъ-герцогъ, поговоривъ съ Листомъ, уѣхалъ, публика безцеремонно обступила Листа и разсматривала его безъ стыда, въ томъ числѣ и наши мальчики, которые какъ-то очутились у него подъ самымъ носомъ. Въ это время ко мнѣ подбѣжалъ Гилле съ приглашеніемъ отправиться послѣ концерта къ нему, гдѣ соберется вся Листовская компанія. Процессія двинулась по направленію къ дому Гилле, который живетъ сравнительно довольно далеко отъ собора. Листъ шелъ впереди, подъ руку съ своею неизмѣнною дамою, затѣмъ я подъ руку съ Гилле, Лассенъ и весь штатъ учениць Листа; густая толпа публики, не смотря на дождь, накрапывавшій порядочно, провожала насъ. Прохожіе—солдаты, студенты, купцы, офицеры, дамы и проч., при встрѣчѣ съ Листомъ останавливались и почтительно раскланивались. Наши мальчики безъ зазрѣнія совѣсти шли чуть не рядомъ съ Листомъ и продолжали его разсматривать. Подходя къ дому Гилле, заслышали уже чадъ отъ жареныхъ Bratwürtschen. «Es riecht schon nach Bratwürstchen, wir sind schon da!»—загудѣли молодыя ученички, и вся толпа ввалила гурьбою въ садъ Гилле, гдѣ дѣйствительно застилало дымомъ отъ колбасъ, которыя жарились на открытомъ огнѣ. Входъ былъ убранъ цвѣтами. Гилле былъ въ отчаяніи: «Alles ist verloren, wir kriegen Regen!»—а закуска приготовлена была въ саду. Дѣйствительно пошелъ маленькій дождь. Всѣ поразбрелись по бесѣдкамъ и перенесли туда столы. Я расположился съ баронессою, которая много бесѣдовала со мною; она очень простая и милая женщина. «Если вы хотите послушать Листа,—сказала она,—приходите всего лучше ко мнѣ. Онъ иногда капризничаетъ, и вы не можете заставить играть его, а я всегда съумѣю это сдѣлать; кромѣ такихъ-то и такихъ-то дней, я всегда дома. Venez quand vous voulez, vous serez toujours le bienvenu!» Я поблагодарилъ, но замѣтилъ, что, не разсчитывая на такіе визиты, я не взялъ никакого другаго платья, кромѣ дорожнаго. «Это все равно, приходите въ чемъ хотите, у меня вечера самаго интимнаго характера и постороннихъ никого не бываетъ. Я выѣздовъ большихъ сама не люблю». Затѣмъ я получилъ еще кучу приглашеній въ Веймаръ, даже и не помню теперь путемъ, отъ кого именно. Помню только, что отъ M-lle Vérà, у которой буду непремѣнно. Мнѣ очень хочется послушать ее. Какъ она можетъ играть «Исламея», рапсодіи и концерты Листа и проч., рѣшительно не понимаю! она не можетъ взять прямо секстаккорда Ut-min, или Fa-min., до того у нея крохотныя ручонки, вообрази себѣ! Наконецъ, настала пора ѣхать въ Веймаръ, всѣ направились на станцію желѣзной дороги. Листъ былъ сильно утомленъ и вдобавокъ страдалъ, повидимому, болью въ желудкѣ: катарръ желудка его обычная болѣзнь. Онъ какъ-то осунулся. Баронесса, Лассенъ и Гилле уложили его въ вагонѣ 1-го класса, и онъ заснулъ. Между тѣмъ произошли неожиданные курьезы: не хватило мѣстъ въ вагонахъ для всей компаніи. Хотѣли прицѣпить новый вагонъ. Опять вышла какая-то неурядица. Наконецъ, оказалось, что гдѣ-то на дорогѣ соскочилъ съ рельсовъ вагонъ, и пришлось іенскому поѣзду простоять на станціи около $1^1/_2$ часа. Компанія, сильно умаявшаяся, пріуныла сначала, потомъ все пошло постарому: разсѣлись пить пиво и проч., болтали, смѣялись. Листъ спалъ въ вагонѣ глубокимъ сномъ. Наконецъ, поѣздъ тронулся, и мы распрощались.

Представь ты себѣ, что такіе концерты бываютъ въ Іенѣ ровно одинъ разъ въ годъ, и далеко не всегда въ то время, когда Листъ въ Веймарѣ. Ну, не особенное ли счастье! Положимъ, я увидалъ бы, пожалуй, Листа и въ Веймарѣ, и

услыхалъ бы его, но мальчики-то! А? Гольдштейнъ [1]) пріѣхалъ какъ разъ наканунѣ концерта изъ Лейпцига, гдѣ ничего не слыхалъ о концертѣ, и тотчасъ послѣ концерта уѣхалъ.

Понятное дѣло, что я непремѣнно поѣду въ Веймаръ и къ Листу, и къ баронессѣ, и M-lle Vérà, остальныхъ, разумѣется, по боку. Вотъ, мое золото, какъ твой Akademiker кутитъ. Какъ мы жалѣли, что ты не съ нами!

Но довольно болтать объ этомъ. Все это такъ смутно мнѣ, точно сонъ; точно какой-то Venusberg въ Тангейзерѣ, гдѣ только роль Венеры играетъ Листъ. Я до сихъ поръ какъ въ чаду. Теперь о тебѣ: уѣзжай, голубка, поскорѣе въ деревню, я долго тоже не пробуду. Постараюсь пріѣхать поскорѣе, дай только хорошенько устроить дѣла нашихъ мальчиковъ. Цѣлую тебя крѣпко, будь здорова, моя радость; Машу, Лизу, Ганю и т. д. цѣлую.

Твой А. Бородинъ.

Къ сожалѣнію, Гейтеръ все еще боленъ и не принимаетъ, а съ нимъ необходимо переговорить. Сейчасъ былъ у здѣшняго минералога Hr. Hofrath Schmidt.

VII.

Къ ней же.

Іена, 12 іюля 1877 года.

Только-что вчера послалъ тебѣ письмо, дорогая моя, какъ сажусь снова писать. На этотъ разъ спеціально описываю мое пребываніе въ «Венусбергѣ» (т. е. въ Веймарѣ). Я тебѣ писалъ раньше, что получилъ приглашеніе отъ баронессы Мейендорфъ, которая хотѣла устроить такъ, чтобы я могъ наслушаться Листа со всѣмъ комфортомъ. Вскорѣ я получилъ приглашеніе черезъ Гилле быть у Листа въ воскресенье на matinée. Затѣмъ, узналъ, что Листъ въ субботу ѣдетъ въ Берлинъ. Разсчитывая, что едва ли онъ можетъ имѣть matinée въ воскресеніе, когда только въ субботу отправляется въ Берлинъ,—я не поѣхалъ въ воскресеніе и рѣшилъ быть у Листа въ понедѣльникъ, помня, что это у него свободный день. Въ 11 часовъ 52 минуты поѣхалъ въ Веймаръ, и прямо направился къ m-lle Véra, т. е. Тимановой, которая меня очень приглашала къ себѣ еще на концертѣ въ Іенѣ. «Что жъ это вы не были вчера на matinée?!—былъ первый вопросъ ея.—А какъ васъ ждали! какъ Листъ васъ ждалъ! Онъ увѣренъ былъ, что вы непремѣнно будете! А какъ онъ хорошо игралъ»! Такъ мнѣ сдѣлалось досадно! Но дѣлать нечего — не воротишь. Я просидѣлъ у Тимановой до 2 часовъ; она мнѣ много играла и хорошо играла; съиграла весь репертуаръ піесъ, которыя должна была играть въ концертѣ въ Киссингенѣ, въ пятницу. Отъ нея я узналъ неожиданнымъ образомъ, что урокъ Листа, т. е. занятія съ учениками, перенесены въ видѣ исключенія на понедѣльникъ. Ну, думаю, тѣмъ лучше, пойду къ Листу въ часы занятій его съ учениками, посмотрю, какъ онъ занимается съ ними. Нужно замѣтить, впрочемъ, что онъ никого не пускаетъ къ себѣ въ часы занятій. Пообѣдавъ, я купилъ перчатки и отправился съ визитомъ къ Мейендорфъ, потому что къ Листу было еще слишкомъ рано. «Ахъ, какъ жаль, что вы не были вчера у Листа на matinée, онъ очень ждалъ васъ! Гилле извѣстилъ насъ, что вы непремѣнно будете!»—были слова баронессы. Она очень милая, простая, въ высшей степени образованная и музыкальная. Про-

---

[1]) Э. Ю. Гольдштейнъ, піанистъ. В. С.

болтавъ съ нею около часа и получивъ приглашеніе на вечерній чай—съ Листомъ, я откланялся. Прихожу къ Листу въ 4$^{1}/_{2}$ часа и, слѣдуя совѣтамъ Мейендорфъ, велѣлъ доложить, что я такой-то, пріѣхавшій нарочно изъ Іены, къ занятіямъ Листа съ учениками. Безъ этого, по словамъ Мейендорфъ, человѣкъ Листа иногда, отъ избытка усердія, категорически отказывается даже доложить Листу о пріѣздѣ, въ подобные часы. Вхожу, какой-то голландскій піанистъ играетъ піесу Таузига. Листъ стоитъ около рояля. Человѣкъ 15 окружаютъ рояль. «Ah, vous voilà enfin!»—закричалъ мнѣ сѣдой Meister:—«дайте же мнѣ вашу руку! Что же это вы не были вчера? А Гилле увѣрилъ меня, что вы непремѣнно будете. Мнѣ было ужасно досадно, я показалъ бы вамъ, что еще не дурно играю сонату Шопена съ віолончелью» и пр. Далѣе онъ рекомендовалъ мнѣ своихъ учениковъ: «Это все знаменитые піанисты, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ непремѣнно». Толпа беззастѣнчиво расхохоталась. Я тутъ встрѣтилъ почти все тѣхъ, съ которыми уже познакомился въ Іенѣ, въ день концерта. «А мы совсѣмъ неожиданно перенесли урокъ на понедѣльникъ»,—сказалъ Листъ:—«а всему виною die kleine m-lle Véra, которая со мною дѣлаетъ все, что хочетъ; захотѣла, чтобы урокъ былъ сегодня,—нечего дѣлать, долженъ былъ перенести на сегодня». Всѣ разсмѣялись опять. «Однако, за дѣло, господа! Гм..... съиграйте-ка намъ...». Прерванныя занятія продолжались. Листъ останавливалъ иногда учениковъ и учеництъ, садился, самъ игралъ и показывалъ, дѣлалъ разныя замѣчанія, большею частію, полныя юмора, остроумія и добродушія, вызывавшія обыкновенно смѣхъ, даже со стороны того, кому дѣлали замѣчаніе. Онъ не сердился, не горячился; ученики не обижались. «Versuchen Sie es einmal à la Véra zu spielen»,—говорилъ онъ, желая кого нибудь заставить прибѣгнуть къ какой нибудь мошеннической уловкѣ, употребляемой Тимановою, чтобы вывернуться изъ затрудненія во всѣхъ случаяхъ, гдѣ ея руки оказывались слишкомъ маленькими. Онъ добродушно смѣялся, когда кому нибудь не удавалось, когда кто нибудь говорилъ, что онъ не можетъ съиграть того-то и того-то,—Листъ усаживалъ его, всетаки, за рояль, прибавляя: «Nun zeigen Sie uns, wie Sie das n i c h t können». Во всѣхъ своихъ замѣчаніяхъ онъ былъ при всей фамильярности въ высшей степени деликатенъ, мягокъ и щадилъ самолюбіе учениковъ. Когда дошла очередь до Тимановой, онъ заставилъ ее съиграть рапсодію Es-дурную, которую она приготовила къ концерту въ Киссингенѣ. Сдѣлавъ ей нѣсколько мелкихъ, но очень дѣльныхъ замѣчаній, онъ сѣлъ за рояль и наигралъ своими желѣзными пальцами нѣкоторыя мѣста. «Это должно быть торжественно, какъ тріумфальное шествіе!»—воскликнулъ Листъ, вскочилъ со стула, подхватилъ Тиманову подъ руку и началъ шагать величественно по комнатѣ, напѣвая тэму рапсодіи. Всѣ снова расхохотались. Когда Тиманова съиграла во второй разъ рапсодію и превосходно съиграла, съ соблюденіемъ всѣхъ оттѣнковъ, Листъ обратился ко мнѣ и сказалъ: «Das ist doch ein famoser Kerl, die kleine Véra!»—«Если вы также съиграете въ концертѣ,—обратился онъ къ Тимановой,—то знайте—какія бы оваціи вамъ ни выпали на долю, все это будетъ меньше того, чего вы стоите»! Слезы радости навернулись на раскраснѣвшемся лицѣ Тимановой. Онъ потрепалъ ее по щекѣ и поцѣловалъ въ лобъ; она схватила его руку и поцѣловала ее. Вообще у него ученицы цѣлуютъ руку безъ церемоніи; онъ ихъ цѣлуетъ въ лобъ, треплетъ по щекѣ, по плечу; иногда ударитъ довольно крѣпко по плечу, заставляя обратить вниманіе на что либо. Вообще между нимъ и учениками отношенія ужасно простыя, фамильярныя и сердечныя, нисколько не напоминающія отношенія учениковъ къ профессору, а скорѣе дѣтей къ отцу

или внучать къ дѣдушкѣ. Подчасъ въ замѣчаніяхъ его проскальзываетъ нѣкоторое ехидство. Особенно онъ, повидимому, любитъ пройдтись на счетъ Лейпцига. «Ахъ, не играйте такъ! играйте вотъ какъ!»—показалъ онъ одной ученицѣ:—«такъ только играютъ въ Лейпцигѣ»,—прибавилъ онъ: «тамъ пояснятъ вамъ, что это чрезмѣрная секста, и воображаютъ, что этого довольно, а какъ ее съиграть путемъ, никогда не покажутъ». Или: «Въ Лейпцигѣ нашли бы, что это очень мило»,—замѣтилъ онъ по поводу довольно безцвѣтно и дрянно-выполненнаго мѣста изъ Шопеновской этюды. Нужно замѣтить, что Листъ никому ничего не задаетъ самъ, а предоставляетъ каждому выбирать что ему угодно. Впрочемъ, ученики всегда спрашиваютъ предварительно, приготовить ли имъ такую-то, или такую пiесу, потому что случается, что когда ему начнутъ играть что нибудь неправящееся ему, онъ остановитъ безъ церемоніи и скажетъ: «Бросьте! что вамъ за охота играть такую дребедень!» Собственно на технику, постановку пальцевъ и проч. онъ обращаетъ ужасно мало вниманія, а главнымъ образомъ упираетъ на передачу выраженія, экспрессію. Впрочемъ, за рѣдкими исключеніями, у него всѣ ученики—владѣющіе уже хорошо техникою, хотя учившіеся и играющіе по разнымъ системамъ. Собственно своей личной манеры Листъ никому не навязываетъ. Когда урокъ, продолжавшійся часа два съ половиною, кончился, Тиманова стала просить Листа, чтобы онъ перенесъ слѣдующій урокъ съ пятницы на субботу, потому что ей неудобно приготовить что нибудь, по случаю концерта.

«Вотъ этакъ она всегда со мною дѣлаетъ!—ткнулъ на нее пальцемъ Листъ, обращаясь ко мнѣ.—«А я,—ну какъ я ей откажу? она всегда хочетъ быть права и заставитъ меня сдѣлать посвоему. Ну, что же, господа,—обратился онъ къ прочимъ ученикамъ:—согласны ли вы будете отложить на субботу? А?»—«Конечно! конечно!»—затрещали всѣ.—«Ну! такъ и будетъ! Въ субботу».

Вообще Листъ, видимо, ужасно жалуетъ Тиманову. Когда она съиграла одну вещь (дѣйствительно великолѣпно), онъ воскликнулъ: — «браво! этого изъ васъ никто не сыграетъ»! — обратился онъ къ остальнымъ ученикамъ. Всѣхъ учениковъ при мнѣ играло 2, ученицъ 3. Когда ученики стали уходить, Листъ провожалъ ихъ въ прихожую и помогалъ нѣкоторымъ одѣваться; ученицы многія, прощаясь, цѣловали руку, онъ ихъ цѣловалъ въ лобъ. Вообще онъ, повидимому, ужасный бабникъ. Когда всѣ ушли, онъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ и, обратившись ко мнѣ, сказалъ: — «Какой все отличный народъ, если бы вы знали! Сколько здѣсь жизни»! На это я сказалъ ему:— «Если это дѣйствительно жизнь, vie, alors c'est vous, cher maître, qui en êtes e créateur.» Когда я взялъ шляпу, онъ сказалъ: «Куда же вы?»—Я пояснилъ, что иду въ отель, а затѣмъ къ баронессѣ Мейендорфъ. «Прекрасно! значитъ мы увидимся скоро. До свиданія!» Видимо онъ порядочно усталъ. Поѣзда распредѣлены были такъ глупо, что мнѣ необходимо пришлось остаться ночевать въ Веймарѣ: послѣдній поѣздъ въ Іену отходилъ въ 8 ч. 22 м., а я приглашенъ былъ къ чаю къ $8^1/_2$ ч. Занявъ комнатку въ маленькой буржуазной гостинницѣ «Thüringer Hof», я отправился къ баронессѣ. Когда я вошелъ, Листъ былъ уже у нея. Мы поболтали о разныхъ разностяхъ; вошелъ человѣкъ и доложилъ, что чай готовъ. Листъ поднялся, предложилъ руку баронессѣ, и мы двинулись въ столовую. Хозяйка представила мнѣ своего сына, юношу лѣтъ 16, и мы вчетверомъ усѣлись за изящно сервированнымъ столомъ; я — по правую,-Листъ—по лѣвую руку баронессы; больше никого не было. Чай приготовила сама хозяйка, въ спиртовомъ англійскомъ приборѣ. Къ чаю поданы

были всевозможныя закуски, вино и пиво, — словомъ, какъ у насъ съ тобой. Только сервировка была не въ примѣръ лучше нашей. Листъ за чаемъ былъ очень разговорчивъ, и мы съ нимъ много болтали о музыкѣ. Послѣ чаю хозяйка повела насъ въ гостиную къ роялю. Прежде всего она подсунула Листу одну изъ его рапсодій, прося показать, какъ играется то-то и то-то. Это была, безъ сомнѣнія, очень прозрачная женская хитрость, которую раскусить, разумѣется, было не мудрено. Листъ разсмѣялся: «Вамъ хочется, чтобы я съигралъ ее? Извольте; только прежде всего, я хотѣлъ бы съиграть симфонію мсьё Бородина съ самимъ авторомъ. Куда хотите: на primo или secondo?»—обратился онъ ко мнѣ. Я—руками и ногами! Наконецъ, я уговорилъ сѣсть баронессу. Она согласилась только на «Andante». Листъ сѣлъ на secondo. И какъ же мнѣ курьезно было слушать симфонію свою въ такомъ исполненіи! Курьезъ былъ тѣмъ болѣе курьезный, что я былъ единственный слушатель. Листъ не удовольствовался, однако, этимъ: «Баронесса очень любезна, но мнѣ, всетаки, хочется проиграть эту вещь съ вами; не можетъ быть, чтобы вы не могли играть ее; вы такъ превосходно аранжируете на фортепіано, что я не вѣрю, будто вы совсѣмъ не играете. Садитесь!» Не говоря болѣе, онъ взялъ меня за руку и усадилъ на secondo, а самъ сѣлъ на primo. Я-было на дыбы. «Allez, jouez donc! autrement Liszt vous en voudra, je le connais, moi», — шепнула баронесса. Я хотѣлъ было начать Andante, которое было раскрыто; но Liszt перевернулъ ноты, и мы начали финалъ, потомъ скерцо, потомъ первую часть; такъ и проиграли всю симфонію, со всѣми повтореніями. Листъ не давалъ мнѣ останавливаться по окончаніи одной части, перевертывая ноты, и говорилъ: «Allez toujours»! Когда я вралъ или не доигрывалъ, онъ мнѣ замѣчалъ: «Зачѣмъ пропускаете—это такъ хорошо!» Когда кончили, онъ по нѣскольку разъ проигралъ отдѣльныя мѣста симфоніи, восхищался красотою, свѣжестью, оригинальностью. По косточкамъ разобралъ все, до мельчайшихъ подробностей. Andante, по его мнѣнію, такой chef d'oeuvre, какихъ немного можно насчитать: «Et quant à la forme, rien de trop, rien de superflu; et tout est beau!» О модуляціяхъ моихъ онъ говорилъ, что ставитъ ихъ въ образецъ своимъ ученикамъ; указывая на нѣкоторыя изъ нихъ, онъ замѣтилъ, что ничего подобнаго нѣтъ ни у Бетховена, ни Баха, ни у кого другаго, что при всей новизнѣ, при всемъ своеобразіи, это такъ гладко, естественно и правильно, что нельзя сдѣлать ни малѣйшаго упрека. О первой части онъ очень высокаго мнѣнія; всѣ педали, особенно на *C*, ему ужасно нравятся, объ остальныхъ частяхъ нечего и говорить. Между прочимъ, онъ далъ мнѣ нѣсколько мелкихъ, но практическихъ совѣтовъ (плодъ очень внимательнаго отношенія къ симфоніи) на случай, если буду я издавать симфонію вторымъ изданіемъ: гдѣ, напримѣръ, написать октавой ниже и поставить надъ этимъ 8-va для удобства чтенія. Въ различныхъ мѣстахъ у него были раньше сдѣланы карандашемъ всякія помѣточки, NB, кое-гдѣ поставлены пропущенные въ корректурѣ знаки, діэзы, бемоли. Въ заключеніе онъ сказалъ, что я вполнѣ мастерски, «tout-à-fait en maître», владѣю фортепіано, чтò ему крайне удивительно, такъ какъ я не піанистъ; «это не то, что симфоніи нашихъ то»...— «Знаю, о комъ вы говорите»,—перебила баронесса. Когда мы кончили, онъ сказалъ: «Мы знаемъ мало вашей музыки, но за то, какъ видите, изучили васъ весьма основательно». Потомъ онъ и баронесса стали настойчиво просить, чтобы я спѣлъ мои романсы и показалъ чтò нибудь изъ оперы. Отъ пѣнія я рѣшительно отказался... «Вѣдь у Глинки тоже не было настоящаго голоса, однако, онъ пѣлъ свои вещи»,—приставала баронесса. Чтобы отвязаться, я съигралъ имъ женскій

хорикъ изъ «Игоря», который имъ обоимъ очень понравился. Наконецъ, я, въ свою очередь, сталъ просить, чтобы Листъ что нибудь съигралъ. Они взяли съ меня слово, что я еще пріѣду къ нимъ въ Веймаръ, покажу 2-ю симфонію и т. д. Листъ приставалъ, нѣтъ ли у меня манускриптовъ, чтобы я показалъ ему. Порѣшили, что я пріѣду въ субботу на урокъ къ нему, а вечеромъ къ баронессѣ; переночую въ Веймарѣ и буду въ воскресенье на matinée. Листъ сѣлъ за фортепіано, наигралъ рапсодіи свои, и еще что-то, не помню чье. Игралъ, впрочемъ, немного: было уже поздно. Играетъ онъ изумительно! Что за тонъ! какіе изумительные оттѣнки: pp, p, f, ff, что за crescendo и diminuendo! что за огонь! Въ 12 часовъ мы разошлись. Я проводилъ Листа (который плохо видитъ ночью) подъ руку до квартиры его, но онъ меня, всетаки, проводилъ еще до угла, чтобы направить на ближайшую дорогу къ отелю моему. Каково? я слышалъ Листа, да еще при какой домашней обстановкѣ—никого, кромѣ меня и хозяйки дома! Я былъ точно въ чаду и долго не могъ заснуть. Утромъ я уѣхалъ въ Іену и въ тотъ же день телеграфировалъ Бесселю, чтобы онъ прислалъ Листу вторую симфонію и романсы. Въ то же время послалъ письмо въ Гамбургъ Кранцу, который, какъ мнѣ передавали, издалъ мои романсы въ нѣмецкомъ переводѣ. Я просилъ его прислать ихъ мнѣ. Свезу баронессѣ и Листу, если получу своевременно. Замѣчательно, что въ Веймарѣ множество совершенно незнакомыхъ со мною лицъ раскланиваются; оказывается, что большая часть изъ нихъ видѣли меня въ Іенѣ съ Листомъ. Да и въ самой Іенѣ есть много такихъ. Вотъ, голубка моя, какъ твой благовѣрный въ честь попалъ. Пока я тебѣ пишу это письмо, наши мальчики по очереди жарятъ на піанино, которое только принесли... Очень хорошенькій, совсѣмъ новый инструментъ; 3 талера въ мѣсяцъ съ настройкой. Сколько времени пробуду въ Іенѣ, опредѣлить еще не могу. Сегодня былъ у Прейера, здѣшняго физіолога. Ну, до свиданія, мое золото, голубка моя ненаглядная. Цѣлую тебя крѣпко. Поцѣлуй Машу, Лизу, Ганю и проч.

Твой А. Бородинъ.

VIII.

Къ ней же.

Іена, 18 іюля 1877 года.

Дорогая моя, исписалъ я тебѣ всю бумагу; какъ видишь, взялъ у Гольдштейна бумагу съ надписью: Julius Goldstein, Odessa. Какъ и предыдущее письмо, это письмо будетъ посвящено моимъ похожденіямъ въ Веймарѣ. Я тебѣ писалъ, что Листъ пригласилъ меня на субботу (14 іюля) къ себѣ (на занятія съ учениками), затѣмъ на воскресенье (на matinés); кромѣ того, Мейендорфъ пригласила меня на субботу вечеромъ (къ чаю). Въ пятницу я получилъ телеграмму отъ Мейендорфъ, гдѣ она напоминаетъ мнѣ, чтобы я завтра (т. е. въ субботу) непремѣнно былъ у нея. Я поѣхалъ въ субботу, по обыкновенію въ 11 часовъ 52 минуты и, пообѣдавъ, направился прежде всего къ Тимановой. Каково же было мое удивленіе, когда Тиманова сообщила мнѣ, что занятія учениковъ у Листа были вчера, т. е. въ пятницу, вмѣсто субботы. Оказалось, что концертъ въ Киссингенѣ не состоялся, Тиманова не уѣхала и снова упросила Листа перемѣнить субботу на пятницу; Meister, избаловавшій въ конецъ M-lle Vérà, опять не могъ отказать ей, и перемѣнилъ. Я начинаю вѣрить, что въ самомъ дѣлѣ Тиманова дѣлаетъ съ нимъ, что̀ хочетъ. Старикъ ужасно любитъ ее, какъ

видно. Посидѣвъ у Тимановой, я отправился съ ней къ Листу. Поводомъ къ тому, что мы отправились вмѣстѣ, послужило, между прочимъ, одно обстоятельство. Я просилъ Тиманову съиграть «Исламея»; она сказала мнѣ, что давно не играла его и на своемъ, довольно тугомъ, новомъ, роялѣ она не съиграетъ хорошо, а если бы мы пошли къ Листу, то тамъ она съиграетъ лучше, такъ какъ рояль Листа слабѣе. «Мы порядкомъ-таки порасколотили тамъ рояль»,—сказала Тиманова:—«пойдемте-ка къ Листу. Вы только скажите, что вамъ бы хотѣлось знать, кàкъ я играю «Исламея», онъ сейчасъ же заставитъ меня сыграть при васъ, вотъ увидите». Такъ и вышло: только-что я заикнулся объ «Исламеѣ», Листъ сейчасъ же сказалъ: «Ma chère m-lle Vérà, jouez nous l'Islamey!—Vous verrez, comme elle le joue bien!»—обратился ко мнѣ Листъ. Нужно замѣтить, что у Листа мы нашли еще ту самую піанистку Scheuer, изъ Дюссельдорфа, съ которой я ѣлъ вишни на крыльцѣ, въ Іенѣ, послѣ концерта (смотри предыдущее письмо), и еще очень хорошаго піаниста Луттера; Scheuer доигрывала послѣднюю часть концерта Грига, а Луттеръ на другомъ инструментѣ (піанино) изображалъ оркестръ. Концертъ этотъ предполагалось играть на matinée завтра. Когда они кончили, они тотчасъ же и ушли; мы съ Тимановой остались одни у Листа. Она съиграла «Исламея» превосходно; чтò за сила! чтò за механизмъ! Затѣмъ мы болтали съ Листомъ о музыкѣ, объ операхъ Рубинштейна, которыя лежали у него на роялѣ. Потомъ онъ усѣлся за рояль, желая показать кое-какія мѣста въ этихъ операхъ. Съигралъ увертюру къ «Нерону», танцы и еще кое-что; затѣмъ я сказалъ ему, что танцы въ «Демонѣ» лучше. «Дайте-ка сюда Демона!»—сказалъ Листъ,—«я не знаю этихъ танцевъ». Я далъ «Демона», отыскали танцы, и онъ проигралъ ихъ всѣ. Потомъ показывалъ еще кое-какія вещицы частями. Мнѣ это напомнило совсѣмъ балакиревскіе вечерà. Листъ сидѣлъ за роялемъ; я—по правую руку, переворачивалъ ноты, а Тиманова по лѣвую его руку. И какъ это пріятно было слушать Листа, совсѣмъ уже подомашнему! Игралъ онъ тоже à la Balakireff, дополняя въ аранжементѣ то басы, то среднія ноты, то верхи. Мало-по-малу, изъ этихъ импровизированныхъ дополненій, начала выростать одна изъ тѣхъ превосходныхъ транскрипцій Листа, гдѣ такъ часто переложеніе фортепіанное бываетъ неизмѣримо выше самòй музыки, составляющей предметъ переложенія. Листъ импровизировалъ довольно долго. Когда онъ кончилъ, мы съ Тимановой собрались уходить, Листъ удержалъ меня: «Ахъ да! Вѣдь мы сегодня увидимся еще у баронессы Мейендорфъ? Не правда ли? Прежде чѣмъ идти къ ней, зайдите ко мнѣ, мы пойдемъ туда вмѣстѣ. Ко мнѣ придётъ еще Зарембскій (одинъ изъ самыхъ видныхъ учениковъ Листа). Мнѣ хотѣлось бы при васъ проиграть съ нимъ вашу симфонію, прежде чѣмъ играть ее сегодня вечеромъ, потому что»...—Тутъ я не дослыхалъ путёмъ, чтò онъ сказалъ далѣе (Тиманова перебила какимъ-то вопросомъ). Я сказалъ, что зайду, и мы ушли. На дорогѣ я спросилъ Тиманову: «Что такое сказалъ Листъ, когда мы уходили?» «Что ему хотѣлось пройдти съ Зарембскимъ вашу симфонію при васъ, прежде чѣмъ играть ее сегодня передъ гроссъ-герцогомъ?»—«Какимъ гроссъ-герцогомъ?» «Да вѣдь мы сегодня будемъ у Мейендорфъ съ Листомъ?»—переспросилъ я Тиманову.—«Ну, да! развѣ вы не знаете, что сегодня великій герцогъ хотѣлъ быть у Мейендорфъ именно съ тѣмъ, чтобы познакомиться съ вами лично. Листъ ему объ васъ такъ много говорилъ, что гроссъ-герцогъ, узнавъ о вашемъ пріѣздѣ въ Веймаръ, просилъ Листа, чтобы онъ непремѣнно познакомилъ его съ вами. Вотъ они и условились сегодня быть у Мейендорфъ. Развѣ вы не слыхали? Затѣмъ же она и телеграфировала вамъ, чтобы вы непремѣнно были».

— «Вотъ тебѣ и разъ! Да какъ же я буду на подобномъ вечерѣ въ моемъ дорожномъ костюмѣ? вѣдь это же невозможно!»—«Вотъ какой вздоръ!»—перебила Тиманова:—«гроссъ-герцогъ человѣкъ очень простой! Наконецъ можете разыграть у баронессы комедію, заявить, что вы не знали обо всемъ этомъ (она же вамъ ничего не говорила ранѣе!). Вы скажете, конечно, что не можете быть представлены гроссъ-герцогу въ такомъ костюмѣ, что должны уйдти, а она, конечно, скажетъ, что это все пустяки, чтобы вы оставались; что гроссъ-герцогъ интересуется вами, а не вашимъ костюмомъ, что она сама отвѣчаетъ за то, что вы не будете въ неловкомъ положеніи и т. д. Вы, разумѣется, останетесь, и все обойдется преблагополучно!»—Такъ и порѣшили. Около восьми часовъ я зашёлъ къ Листу. Зарембскій былъ уже тамъ, во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ, бѣлыхъ перчаткахъ. Они съ Листомъ проиграли мою симфонію; Листъ въ secondo, а Зарембскій въ primo. Сыграли чортъ знаетъ какъ хорошо! Особенно скерцо—сущій огонь! Множество мелочей, которыя у насъ обыкновенно пропадаютъ, выступали здѣсь ужасно рельефно. Листъ кое-гдѣ вралъ, впрочемъ, отъ того, что плохо видитъ. Когда кончили, я заявилъ Листу, между прочимъ, о неловкомъ положеніи моемъ, по поводу костюма, и просилъ его сдѣлать mes excuses и пр. «Eh, mon cher m-r Borodine? le grand-duc s'intéresse à vous et non pas à votre costume, allez! Du reste si m-r Zarembsky a mis sa cravatte blanche, c'est qu'il veut être plus important que nous deux»,—посмѣялся Листъ.—«Mais vous, vous avez encore plus de raison de mettre votre costume de voyage, puisque vous n'aves pas autre chose à mettre». Мы разсмѣялись и отправились втроемъ къ Мейендорфъ. Она была еще одна; очень любезно встрѣтила насъ. Я разыгралъ комедію извиненія, и все произошло, разумѣется, такъ, какъ говорила Тиманова. «Vous êtez en voyage et du reste nous sommes ici à la campagne»,—засмѣялась она. Минутъ черезъ десять раздался звонокъ. Мейендорфъ, я и Листъ встали; вошёлъ гроссъ-герцогъ. Это былъ высокій, не молодой уже мужчина, въ черномъ сюртукѣ съ какою-то звѣздою на груди, въ бѣломъ жилетѣ, свѣтло-сиреневыхъ перчаткахъ и съ цилиндромъ въ лѣвой рукѣ. Баронесса представила ему меня. Онъ подалъ мнѣ руку и сразу выгрузилъ цѣлый запасъ любезностей, говорилъ, что онъ глубоко уважаетъ весь нашъ кружокъ, весьма любитъ нашу музыку, крайне интересуется нашею дѣятельностью, что до сихъ поръ ему лично удалось только узнать одного Кюи (котораго онъ называетъ «m-r Coui») и то мелькомъ, въ Байрейтѣ, что онъ ужасно радъ случаю познакомиться со мною и пр., и пр. Я, разумѣется, поблагодарилъ его. Затѣмъ всѣ пошли въ гостиную, гдѣ стоялъ рояль. Съ гроссъ-герцогомъ пріѣхалъ какой-то Excellenz, тоже въ орденахъ, и какая-то придворная дама, которая весь вечеръ даже, за чаемъ и ужиномъ, оставалась въ перчаткахъ и въ шляпѣ (этикетъ это, что ли?). Начали съ моей симфоніи. Я стоялъ около, за роялемъ и ворочалъ страницы, гроссъ-герцогъ сидѣлъ немного подальше у рояля, внимательно и серьезно слушалъ, переглядываясь съ Листомъ, который такъ и кисъ отъ удовольствія при разныхъ оригинальныхъ и пикантныхъ мѣстахъ, перекидываясь торжествующими взглядами, то со мною, то съ гроссъ-герцогомъ, улыбаясь, кивая одобрительно головою и т. д. Когда кончили, гроссъ-герцогъ разсыпался въ любезностяхъ и распространился на счетъ разныхъ деталей: «C'est si original! c'est si beau! etc.; le meilleur compliment que je pourrais vous faire, m-r Borodine, c'est en disant que votre musique toute belle qu'elle est ne ressemble à rien de ce que nous avons entendu etc., etc. Намъ непремѣнно надобно дать симфонію m-r Бородина нынѣшній годъ съ оркестромъ!» -обратился гроссъ-герцогъ къ Листу:—«вѣдь это можно устроить, не

правда ли? Мнѣ бы очень хотѣлось!»—и Листъ сказалъ, что все дѣло за тѣмъ, чтобы доставили партитуру.

Послѣ этого гроссъ-герцогъ пожелалъ, чтобы я непремѣнно поигралъ ему что нибудь изъ моей оперы. Нѣчего было дѣлать, я сѣлъ и, по требованію Мейендорфъ и Листа, сыгралъ женскій хорикъ, а затѣмъ еще произвелъ Е-дурный хоръ «Слава!» что̀ исполнялся въ Безплатной Школѣ. Гроссъ-герцогъ все повторялъ: «Charmant! charmant! très original! superbe!» etc. Больше я ничего не игралъ, хотя гроссъ-герцогъ и Листъ хотѣли, чтобы я съигралъ танцы. Листъ и гроссъ-герцогъ разспрашивали о частностяхъ положенія сценическаго, объ оркестровкѣ, словомъ выразили большой интересъ. Они удивлялись очень, что я дѣлаю либретто самъ, и жалѣли, что не могу произвести имъ вокальныхъ нумеровъ. Послѣ этого, поблагодаривъ меня, гроссъ-герцогъ всталъ, подалъ руку Мейндорфъ; Листъ подалъ руку придворной дамѣ и всѣ отправились въ столовую, къ чайному столу. Возлѣ баронессы по правую руку сѣлъ гроссъ-герцогъ, по лѣвую Листъ. Возлѣ гроссъ-герцога по правую руку я; возлѣ Листа—придворная дама, возлѣ меня по правую руку Excellenz, возлѣ него сынъ Мейендорфъ и Зарембскій. Чай сопровождался закусками, которыя, равно какъ и вино, были превосходно сервированы. Гроссъ-герцогъ все время разговаривалъ главнымъ образомъ со мною, затѣмъ съ Мейендорфъ. Онъ видимо старался показать мнѣ свое знакомство съ русскою музыкою и литературою, говорилъ безъ умолку, очень просто и очень любезно. Послѣ чая, тѣмъ же порядкомъ, всѣ повалили въ гостиную. Зарембскій превосходно съигралъ фантазію своего сочиненія, очень интересную и эффектную, à la Liszt. Затѣмъ гроссъ-герцогъ всталъ, сказалъ ему и Листу нѣсколько любезностей, еще разъ поблагодарилъ меня и, наговоривъ кучу пріятностей, въ заключеніе протянулъ руку и сказалъ порусски: «прощайте, да сфиданія», отчеканивая каждый слогъ. За нимъ вслѣдъ откланялся Excellenz. Послѣ ухода гроссъ-герцога, Зарембскій превосходно съигралъ еще фантазію на Rheintöchter, Іосифа Рубинштейна, очень блестящую и трудную. Послѣ этого мы двинулись домой; было 12 часовъ. Баронесса просила, чтобы я передъ отъѣздомъ непремѣнно побывалъ еще у нея. Проводивъ Листа до дому (онъ живетъ въ двухъ шагахъ отъ баронессы), мы съ Зарембскимъ пошли по домамъ.

На другой день я всталъ рано и пошелъ гулять въ загородную резиденцію гроссъ-герцога, такъ называемое Belvedere, отдѣленное отъ Веймара большимъ паркомъ. Когда посмотрѣлъ на часы, оказалось, что до начала matinée Листа, до 11 часовъ, остается всего 25 минутъ, а ходьбы отъ Бельведера до Веймара считается три четверти часа. Что дѣлать? извозчиковъ тутъ нѣтъ; вотъ я и пустился пѣшкомъ на рысяхъ и, при страшномъ палящемъ солнцѣ, пролупилъ пѣшкомъ все это разстояніе безъ передышки въ 25 минутъ и ровнехонько въ одинадцать былъ уже у Листа. Многіе, въ томъ числѣ и Мейендорфъ, были уже тамъ. Вскорѣ пріѣхалъ и гроссъ-герцогъ. Онъ встрѣтилъ меня уже какъ знакомаго, спросилъ, какъ я провелъ ночь, гдѣ остановился въ Веймарѣ и проч.

Помѣщеніе Листа небольшое и состоитъ всего изъ трехъ комнатъ, и то не большихъ. Поэтому въ гостиной, гдѣ рояль и піанино, помѣстились только дамы и гроссъ-герцогъ. Мужчины оставались въ сосѣдней комнатѣ. Тѣмъ не менѣе Листъ, увидавъ меня, взялъ за руку и черезъ спальную увлекъ въ гостиную. «Vous serez mieux là-bas!» Началась matinée. Публики было такъ много, что не хватило стульевъ для всѣхъ; мужчины большею частію стояли. Дамы сидѣли въ шляпкахъ, съ зонтиками въ рукахъ. Мужчины, бомондные, въ томъ числѣ и гроссъ-герцогъ, были въ черныхъ сюртукахъ, со шляпою въ рукѣ и малень-

кою тросточкою, которой не выпускали изъ рукъ. Тѣ и другіе въ перчаткахъ. Не бомондные, какъ и азъ, многогрѣшный, были въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, пиджакахъ и проч. Дамы, за исключеніемъ русскихъ, т. е. Мейендорфъ и Тимановой, одѣты были, большею частью, крайне безвкусно и нелѣпо, хотя многія очень щеголевато. Играли все ученики и ученицы Листа. Пѣли двѣ какія-то барыни довольно дрянно; аккомпанировалъ Листъ. Аккомпанируетъ онъ превосходно. Matinée кончилась въ часъ. Піанисты и піанистки были, большею частью, очень сильные, хотя очень разнообразные. Тиманова занимала, разумѣется, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ на matinée. У меня записаны имена лицъ и пьесъ (большею частью, Листа). Скучно выписывать ихъ. Сообщу при свиданіи.

Послѣ matinée, гроссъ-герцогъ опять подошелъ ко мнѣ и, сказавъ нѣсколько любезностей, распростился со мною. Листъ проводилъ всѣхъ гостей внизъ, въ садъ, прощаясь съ ними. Мы съ Тимановой и Зарембскимъ отправились обѣдать въ Hôtel de Russie. Оттуда я пошелъ къ Тимановой, гдѣ и пробылъ до 4½ часовъ. Затѣмъ мы пошли снова къ Листу, такъ какъ онъ обѣщалъ мнѣ дать свою фотографію. Листъ только-что всталъ (онъ отдыхаетъ послѣ обѣда). Мы поболтали немного. Листъ выложилъ мнѣ на выборъ цѣлый ворохъ разныхъ cartes-portraits, кабинетныхъ портретовъ и проч. Хотя тамъ были и большіе, но я ихъ не взялъ, потому, что мнѣ показалось, что они менѣе похожи на него; по крайней мѣрѣ, я такимъ Листа не видалъ. Поэтому я предпочелъ взять кабинетный потретъ, поразительно похожій на него, именно теперь. Когда я выбралъ, онъ взялъ и написалъ на оборотѣ: «A m-r Alexandre Borodine, affectueuse estime et sincère dévouement. F. Liszt. Juillet 1877». Потомъ я попросилъ у него его нотнаго автографа; онъ порылся, но ничего подходящаго не нашелъ: «Ce n'est rien pour vous»,—проворчалъ онъ:—«ce sont de mauvaises copies. Постойте!» Онъ взялъ листокъ нотной бумаги, отрѣзалъ половину и написалъ окончаніе «Divina Comedia», котораго въ печати нѣтъ, но о которомъ мы съ нимъ бесѣдовали какъ-то. Видя, что онъ, однако, порядкомъ усталъ отъ matinée, мы ушли. До отправленія поѣзда въ Іену было долго, и мы пошли съ Тимановой въ кондитерскую ѣсть мороженое. Тамъ мы встрѣтили подругъ Тимановой, Листовскихъ же ученицъ, что̀ были на matinée. А тутъ, какъ разъ разразилась гроза съ ливнемъ. Мы и просидѣли въ кондитерской до елико-возможности и проболтали очень весело и дружно, причемъ барышни успѣли выгрузить мнѣ разныя совсѣмъ интимныя исторіи, что̀ меня немало удивило, въ виду очень недавняго моего знакомства. Въ 8 часовъ 22 минуты я поѣхалъ назадъ въ Іену...

А. Бородинъ.

IX.

Къ ней же.

Марбургъ, 23-го іюля 1877.

...Я перезнакомился домашнимъ манеромъ со многими профессорами, получилъ кучу приглашеній къ другимъ; былъ на 3-мъ засѣданія здѣшняго Общества естествоиспытателей, гдѣ Геккель (тузовая личность, стоющая Дарвина) дѣлалъ сообщеніе о полипахъ и медузахъ; осмотрѣлъ всѣ кабинеты и музеи; наконецъ, приглашенъ былъ на очень интересный кнейпъ (кутежъ) студентовъ Земледѣльческаго института (какъ бывшій профессоръ Лѣсной академіи, я имѣлъ совершенно законный поводъ). Вечеръ былъ прекурьезный: студенты и профес-

сора кутили вмѣстѣ, говорили рѣчи, тосты, пили пиво, чокались и т. д. Профессора были, собственно, почетными гостями. Тѣ и другіе немножко подпили. На вечерѣ были комическія представленія, китайскія тѣни, изображавшія событія изъ студенческой жизни нѣкоторыхъ студентовъ, находившихся тутъ же; тѣни до того были похожи на оригиналы, что каждаго сразу узнавали и раздавался гомерическій хохотъ. Содержаніе нѣкоторыхъ изъ изображаемыхъ эпизодовъ было далеко не скромное и весьма пикантнаго характера. За то какихъ я профессоровъ здѣсь видѣлъ! Хоть сейчасъ въ любой музей или на выставку. Одному, напримѣръ, 91 годъ и онъ еще пилъ пиво, говорилъ рѣчи, предлагалъ тосты и т. д. Но что всего удивительнѣе, такъ это, необыкновенный порядокъ, не нарушавшійся втеченіе всего вечера. Одинъ изъ студентовъ предсѣдательствовалъ. Silentium! (молчаніе!) Ad loca! (по мѣстамъ!)—скомандуетъ предсѣдатель, и мгновенно все стихаетъ, всѣ на своихъ мѣстахъ. «Слово принадлежитъ такому-то студенту или профессору!» Водворяется мертвая тишина, пока ораторъ говоритъ. Представленія, пѣніе, музыка, тосты, рѣчи шли какъ по маслу. Тексты пѣсенъ, отлично переписанные, лежали передъ каждымъ гостемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ держали себя очень непринужденно. Теперь понятно, отчего въ нѣмецкой арміи удивительная дисциплина!

21-го числа, въ субботу, я разстался съ мальчиками. Такъ какъ путь лежалъ черезъ Веймаръ, то я остановился въ Веймарѣ, моемъ «Венусбергѣ», чтобы въ послѣдній разъ побывать у моей сѣдой Венеры (Листа). Прежде всего я отправился къ Мейендорфъ съ прощальнымъ визитомъ. Оказалось, что въ четвергъ отъ Бесселя пришли всѣ мои вещи: романсы и вторая симфонія. Мейендорфъ съ Листомъ играли уже наканунѣ симфонію въ четыре руки, остались ужасно довольны ею, и Листъ назначилъ играть ее въ воскресенье на matinée, куда долженъ былъ прійдти и гроссъ-герцогъ. Мейендорфъ пригласила меня на вечерній чай, съ тѣмъ, что, кромѣ меня и Листа, никого не будетъ, чтобы просмотрѣть мои романсы втроемъ. Отъ нея я пошелъ къ Листу на урокъ. Листъ очень радъ былъ видѣть меня: «Soyez le bienvenu, cher m-r Borodine; nous avons joué hier votre deuxième symphonie! Suberbe!»—поцѣловалъ онъ кончики своихъ длинныхъ пальцевъ. Урокъ прошелъ. Листъ удержалъ меня. Пришелъ Заремба, съ которымъ Листъ хотѣлъ пройдти мою 2-ю симфонію къ завтрашней matinée. Неугомонный старикъ опять засадилъ меня. «L'Andante, vous le jouerez! et puis je vous remplacerai, je ferai le final mieux que vous, n'est-ce pas!»—засмѣялся Листъ. И дѣйствительно, онъ шельмецки сыгралъ финалъ! Когда я просилъ его сдѣлать мнѣ замѣчанія по поводу симфоніи, высказать откровенно свое мнѣніе и дать совѣтъ, такъ какъ я желаю отъ него вовсе не любезностей, но хотѣлъ бы извлечь пользу въ художественномъ отношеніи, онъ сказалъ мнѣ: «Ne changez rien! laissez la telle qu'elle est; elle est d'une construction parfaitement logique. En général, le seul conseil, que je puisse vous donner, c'est: suivez votre voie, n'écoutez personne; vous êtes toujours partout logique, ingénieux et tout à fait original. Rappelez-vous que Beethoven ne serait jamais ce qu'il est devenun s'il allait écouter tout ce qu'on lui parlait; rappelez vous toujours la fable de Lafontaine: «Le pére, le fils et l'âne». Travaillez à votre manière, n'écoutz personne,—voilà mon conseil, si vous voulez m'en demander un!» Затѣмъ, перебирая въ частности симфонію, онъ сказалъ, что критика имѣла право высказать развѣ неудовольствіе, почему я, напримѣръ, вторую тему 1-й части не сдѣлалъ amoroso, или что нибудь въ этомъ родѣ, но чтобы симфонія была дурно «построена» изъ тѣхъ элементовъ, которые лежатъ въ основаніи ея, этого критика не имѣла

права говорить. «C'est d'une construction parfaitement logique!»—повторялъ Листъ, переходя отъ одной части къ другой. «Говорятъ, что нѣтъ ничего новаго подъ луной, а вѣдь вотъ это совершенно ново! Ни у кого вы не найдете этого!»—повторялъ великій «мейстеръ» по поводу разныхъ частностей. «У меня былъ вчера одинъ нѣмецъ,—сказалъ мнѣ Листъ:—онъ приносилъ мнѣ свою уже третью симфонію; я ему сказалъ: намъ, нѣмцамъ, далеко до этого, и показалъ вашу 2-ю симфонію. Tenez!» Впрочемъ, онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько мелкихъ техническихъ замѣчаній, собственно относительно удобства письма для арранжемента, на случай втораго изданія. Зарембскому 2-я симфонія нравится больше, чѣмъ первая.

Вечеромъ, у Мейендорфъ, мы втроемъ перебрали почти всѣ мои романсы; Листъ, большею частью, аккомпанировалъ, я пѣлъ, объясняя ему текстъ. Вообрази: Мейендоръ больше всего понравилась «Морская Царевна»! Листъ нашелъ, впрочемъ, «que c'est trop poivré!—C'est du paprika»,—засмѣялся я.—«Non, c'est du Cayenne!»—заключилъ Листъ. Потомъ они толковали все о томъ, кто бы у нихъ могъ это спѣть, и просили меня перевести романсы на нѣмецкій языкъ. Утромъ на matinée, въ виду массы піанистовъ и пріѣхавшаго скрипача Соре (читай по-русски), пришлось сыграть только одно скерцо моей симфоніи, и сыграно оно было гораздо хуже, чѣмъ въ субботу. Листъ плохо видитъ и вралъ; кромѣ того, онъ былъ разсѣянъ: въ этотъ день должна была пріѣхать его дочь, которую онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ. Послѣ обѣда я былъ у Зарембскаго, слушалъ его фантазію съ оркестромъ, талантливое произведеніе въ Листовскомъ родѣ. Зарембскій хотѣлъ со мною посовѣтоваться относительно оркестровки, какъ піанистъ; Зарембскій чортъ знаетъ какъ талантливъ, равно какъ и композиторъ. Вообще его ожидаетъ блестящая будущность. Нужно замѣтить, что у Листа много талантливыхъ учениковъ. Но что меня больше всего порадовало и тронуло: манера ихъ ужасно напоминаетъ твою, нѣтъ ни ..... суетливости Гольдштейна, ни пошлости бабьяго touché perlé; темпы умѣренно-скорые, простота, полнота тона, благородство исполненія. Таковъ и самъ Листъ. Какъ жаль, что ты его не слыхала! Распростившись съ Листомъ, я отъ него оторвался не вдругъ: изъ Веймара попалъ въ Марбургъ, гдѣ жила, умерла и похоронена св. Елизавета, вдохновившая великаго мастера. На мѣстѣ, гдѣ она похоронена (1231 г.), построена ея мужемъ часовня и потомъ соборъ—одинъ изъ самыхъ изящныхъ въ готическомъ стилѣ—на столько же полный поэзіи и красоты, какъ и образъ самой Елизаветы въ твореніи Листа. Тутъ же богатая серебряная рака, гдѣ лежали ея мощи, вынутыя во время реформаціи, чтобы положить предѣлъ поклоненію католическихъ пилигримовъ. Соборъ и рака очень хороши. Но я записался; больше нѣтъ бумаги. Пора кончить. Цѣлую тебя крѣпко, равно и маму.

Еще забылъ разсказать: лакей Листа почему-то особенно благоволилъ ко мнѣ, я рѣшительно не понималъ—почему. Подъ конецъ, онъ (котораго я считалъ все за итальянца) спросилъ-таки: «Signor é russo?—Si, sono russo; e cosa volete?—Ecco!! sono montenegrino!! Я есемь црнагорецъ!» Вотъ откуда любовь ко мнѣ. Лакей Листа православный, каждое воскресенье бѣгаетъ къ обѣднѣ и фанатически кладетъ земные поклоны, за Бѣлаго царя, за успѣхъ русскаго оружія въ Турціи!

Завтра ѣду въ Боннъ, оттуда въ Ахенъ и потомъ въ Гейдельбергъ! Милый, дорогой Гейдельбергъ! Затѣмъ въ Страсбургъ, Мюнхенъ (увижу Эрленмейера) и черезъ Іену въ Вильно и домой.

А. Бородинъ.

X.

Къ В. В. Стасову.

Село Давыдово, Владимірской губерніи и уѣзда.
4-го августа 1879 года.

Письмо ваше получилъ давно; къ стыду моему, только теперь принимаюсь за перо, чтобы черкнуть вамъ слово благодарности за передачу письма отъ Листа [1]); меня радуетъ такая любезность со стороны милаго Meister'а, но еще болѣе я тронутъ вашею любезностью, искренно, много и всегда уважаемый Владиміръ Васильевичъ. Начало лѣта мнѣ не совсѣмъ помогало заниматься музыкою; обстоятельства сложились такъ, что много времени уходило на разныя житейскія дрязги. Съ мѣсяцъ слишкомъ пришлось прожить въ деревнѣ безъ Кати, съ двумя дѣвчонками—Лизушкой и Леночкой (у меня, какъ вы знаете, всегда урожай на дѣвочекъ). Пришлось жить безъ всякой прислуги; дѣлать все самимъ, обѣдать внѣ дома; все это развлекало и отвлекало отъ служенія Аполлону, говоря высокимъ слогомъ. Тѣмъ не менѣе, кое-что успѣлъ сдѣлать: 1) Владиміра Галицкаго, который имѣлъ только три слова речитатива, сдѣлалъ персонажемъ; написалъ ему два речитатива и весьма циническую пѣсню, характеризующую его отношенія ко всему вообще и къ Ярославнѣ въ частности. Это—вставка въ хоровую сцену 1-й картины 1-го дѣйствія. Для 2-й картины я написалъ дуэтъ Владиміра Галицкаго съ Ярославною; женскій хоръ и сценку съ Ярославной: во всемъ этомъ еще рельефнѣе обрисовывается Владиміръ Галицкій. Теперь это вышла маленькая, но довольно рельефная роль. При всемъ цинизмѣ я сдѣлалъ его княземъ, и не слишкомъ грубымъ, а то это былъ бы второй экземпляръ Скулы. Это просто скверный гаменъ, циническій, не лишенный нѣкотораго изящества, и вовсе не жестокій тиранъ. Теперь работою финалъ 1-го дѣйствія. Тутъ я сдѣлалъ отступленіе отъ первоначальнаго плана либретто, за которое вы, можетъ быть, станете укорять меня. А именно: я заставляю не самихъ купцовъ сообщать вѣсти о Игорѣ, погромѣ при Каялѣ, а бояръ и приближенныхъ княгини, которые раньше узнали отъ купцовъ грозную вѣсть. Они приходятъ подготовить княгиню, чтобы не сразу ошеломить ее вѣстью и, когда она, наконецъ, узнаетъ въ чемъ дѣло, падаетъ въ обморокъ, приходитъ въ себя, спрашиваетъ: кто же передалъ ужасныя вѣсти,—ей говорятъ, что пріѣзжіе гости, и она велитъ ввести и увести къ себѣ, чтобы подробно допросить обо всемъ. Это сдѣлано для того, чтобы избѣгнуть разсказа купцовъ. Мотивы для этого слѣдующіе. Если сдѣлать разсказъ полнымъ, поэтическимъ и картиннымъ, какъ въ подлинникѣ т. е.,—онъ выйдетъ непомѣрно длиннымъ и скучнымъ, и, въ концѣ концовъ, словъ, всетаки, слышно вполнѣ не будетъ; музыки грандіозной, какъ прилично обстоятельствамъ, дать не возможно двумъ посредственнымъ пѣвцамъ (ибо первоклассные израсходованы на другія роли), да и все это выйдетъ жиже, чѣмъ у хора. Съ либреттной стороны былъ только одинъ эффектъ, что купцы разсказываютъ, «перебивая одинъ другаго». Но это эффектъ чисто внѣшній. При этомъ потребовалось бы, по меньшей мѣрѣ, двухъ пѣвцовъ. Хористовъ взять нельзя, солисты всѣ израсходованы: три баса—Кончакъ, Скула, Конюшій; два баритона—Игорь и Владиміръ Галицкій; два тенора—Владиміръ

[1]) Письмо Листа къ четыремъ русскимъ композиторамъ, о ихъ «Парафразахъ». В. С.

Игоревичъ и Ерошка Голопузый. Откуда же взять солистовъ? Придется взять корифеевъ, что ли? Но если и найдутся еще два солиста, то это ко вреду. Я терпѣть не могу дуализма—ни въ видѣ дуалистической теоріи въ химіи, ни въ біологическихъ ученіяхъ, ни въ философіи и психологіи, ни въ Австрійской имперіи. А на бѣду у меня,—какъ нечистыхъ животныхъ въ Ноевомъ ковчегѣ,—всего по парѣ: два хана — Кончакъ и Гзакъ; два Владиміра — Галицкій и Путивльскій; двѣ любящія женщины: Ярославна и Кончаковна; два дурака—Скула и Ерошка; два брата: Игорь и Всеволодъ; двѣ любви; два оскорбленья княжескаго достоинства; два плѣнныхъ князя; двѣ побѣдившихъ рати у половцевъ. Далѣе—мыслимо ли, чтобы купцы, пріѣхавшіе въ городъ, утерпѣли и не разсказали никому объ Игорѣ и проч., кромѣ княгини? Мыслимо ли, чтобы, желая выслушать вѣсти отъ нихъ наединѣ, княгиня допустила войдти слушать весь хоръ? Наконецъ, положеніе купцовъ во время обморока и прочей возни съ княгиней преглупое и пребываніе ихъ тутъ неумѣстно; положеніе княгини невозможное, при началѣ распрей, появленія Владиміра Галицкаго и проч. До свиданья, торопятъ съ письмомъ; ускользнетъ оказія послать въ городъ, а у насъ и получаютъ, и посылаютъ письма съ оказіей. Жена крѣпко кланяется.

Вашъ А. Бородинъ.

XI.

Къ нему же.

С. Давыдово.
15-го августа 1879 года.

Фу, ты чортъ возьми, какъ это хорошо!.. я разумѣю ваше сравненіе меня съ слономъ и его навозомъ. Я хохоталъ, какъ сумасшедшій! Это ужасно оригинально, увѣсисто!.. хоть Шекспиру въ пору? Спасибо вамъ за письмо и за всѣ пріятныя вещи, въ немъ изображенныя. Какъ я радъ слышать, во-первыхъ, что Дмитрій Васильевичъ у насъ предсѣдательствуетъ въ Обществѣ, это знакъ, что... и т. д. Радуюсь за него, за Полину Степановну, за всѣхъ и вся. Какъ хорошо, что Рубинштейнъ съигралъ фисъ-мольную сонату Шумана. Я ее до смерти люблю. Возвращаюсь къ слону и его навозу. Боюсь, чтобы на сей разъ слонъ не оказался страдающимъ констипаціей, или запоромъ, такъ что сравненіе, пожалуй окажется вѣрнымъ не въ количественномъ, а въ качественномъ отношеніи. На счетъ купцовъ-то, т. е. собственно разсказа ихъ («отъ посла Буркевича къ вамъ съ недоброю вѣстью» и проч.)[1]), право, такъ будетъ лучше; я радъ, что вы, при всей жалости къ нимъ (а вѣдь они и въ самомъ дѣлѣ могутъ быть только самые жалкіе разсказчики), согласны, чтобы они не произносили много жалкихъ словъ. На счетъ обилія хоровъ—то я не боюсь. Подумайте сами, въ 1-й картинѣ хоръ прерывается речитативами и аріозными вставками солистовъ: речитативомъ Владиміра Галицкаго, его brindisi, дуэтъ и речитативъ Скулы, Ерошки, княжою пѣсnью ихъ (дуэтъ съ репликами хоромъ). Во второй картинѣ: соло Ярославны («думка», по выраженію Александры Николаевны), дуэтъ ея съ Владиміромъ Галицкимъ; многочисленныя реплики ея, речитативъ и вставки, въ видѣ разговоровъ съ дѣвушками, придворными, купцами и пр., и пр. Наконецъ, она тоже человѣкъ, а не фонографъ, или органчикъ, заводимый

---

[1]) Какъ въ «Жизни за царя».

ключикомъ. Не сходя со сцены ни за какою надобностью и выводя высокія нотки, вѣдь всякая пѣвица погибнетъ во цвѣтѣ лѣтъ и славы, если ей не дать передышки. Притомъ она все волнуется, стонетъ, надрывается, скулитъ... ей-ей, не выдержать никому! Женскій хорикъ маленькій—женщины, которыхъ Владиміръ Галицкій выгналъ въ 1-й картинѣ, приходятъ на него жаловаться княгинѣ, что̀ и даетъ поводъ къ бесѣдѣ ея съ братомъ, т. е. дуэту. (Вона оно какъ сочиняется, органически-то, либретто!). Относительно увертюры вышла маленькая запятая изъ-за первой темы (элемента «Игоря»), ну, да это... Прощайте!

А. Бородинъ.

XII.

Къ нему же.

Соколово,
Костромской губерніи, Кинешемскаго уѣзда.
23-го іюля 1880 года.

Искренно и глубоко уважаемый Владиміръ Васильевичъ, давнымъ давно собирался перекинуться съ вами словцомъ, да все недосугъ было; какъ на зло, никогда не было у меня столько срочнаго и обязательнаго дѣла, какъ послѣднее время. За то,—какъ Даргомыжскій писалъ съ «Wolga nach Riga»,—я пишу съ «Wolga nach Paris». Забрался въ Костромскую губернію, Кинешемскій уѣздъ, въ 8-ми верстахъ отъ Кинешмы; поселился на высокой, крутой горѣ, у подножія которой раскинулась чудовищнымъ змѣемъ Волга; верстъ на 30 раскинулась передъ моими глазами своимъ прихотливымъ плёсомъ, съ грядами да перекатами, зелеными берегами, лѣсами, деревнями, церквами, усадьбами и безконечною, дальнею синевою. Видъ—просто не спускалъ бы глазъ съ него! Чудо что такое! Жаль только, что не удалось прикатить сюда ранѣе 22-го іюня. Пропустилъ самое лучшее время,—время сирени, соловьевъ и пр. Пока еще забрался сюда налегкѣ, съ двумя дѣвчонками моими: Лизушкой да Леночкой, которыхъ вы, кажется, видѣли. Инструмента пока еще нѣтъ, и вообще я еще не «сѣлъ» здѣсь. Усадьба, пріютившая меня, обломокъ дореформенной Руси, остатокъ прежняго величія помѣщичьяго житья-бытья; все это поразвалилось, покосилось, подгнило, позапакостилось; дорожки въ саду поросли травою, кусты заросли неправильно, пустивъ побѣги по неуказаннымъ мѣстамъ; бесѣдки понасупились и «веселье» въ нихъ «призатихнуло». На стѣнахъ висятъ почернѣвшіе портреты бывшихъ владѣтелей усадьбы, свидѣтелей и участниковъ этого «веселья»; висятъ нѣмымъ укоромъ прошлому, въ брыжжахъ, въ парикахъ, необъятныхъ галстухахъ, съ чудовищными перстнями на пальцахъ и золотыми табакерками въ рукахъ или съ толстыми тростями, длинными, украшенными затѣйливыми набалдашниками. Висятъ они, загаженные мухами, и глядятъ какъ-то хмуро, недовольно. Да и чѣмъ быть довольнымъ-то? Вмѣсто прежнихъ «стриженыхъ дѣвокъ», всякихъ Палашекъ да Малашекъ, босоногихъ дворовыхъ дѣвчонокъ, корпящихъ за шитьемъ ненужныхъ барскихъ тряпокъ, въ тѣхъ же хоромахъ сидятъ теперь другія «стриженыя дѣвки»,—въ Катковскомъ смыслѣ «стриженыя»,—сами барышни, и тоже корпятъ, но не надъ тряпками, а надъ алгеброй, зубря къ экзамену, для полученія степени «домашней наставницы»,—той самой «домашней наставницы», которой прежде даже не сажали за столъ съ собою. Да, tempora mutantur, времена переходчивы! И въ храми-

нахъ, составлявшихъ гордость россійскаго дворянскаго рода, ютятся постояльцы, съ позволенія сказать, профессора, разночинцы и даже хуже. Къ сожалѣнію, тяжелая рука времени налегла не на одно это въ усадьбѣ, но и на барскіе клавесины; дерево покоробилось, косточки пожелтѣли, струны поваржавѣли, молоточки поломались. Вмѣсто чинныхъ менуэтовъ и всякой иной музыки «въ парикахъ и фижмахъ», фортепіаны сдѣлали непривычное усиліе передать современное музыкальное безчинство, захрипѣли и замолкли, оказавшись вполнѣ несостоятельными. Досадно! приходится, вмѣсто хозяйскихъ, везти мои «лѣтніе» клавесины, которые, вмѣстѣ съ лѣтними костюмами, зимовали въ селѣ Давыдовѣ, Владимірской губерніи и уѣзда. Все это я клоню къ тому, чтобы дать понять, что музыкой заняться пока еще невозможно, причемъ, вмѣсто точки, охотно поставилъ бы «знакъ унынія», если бы такой существовалъ въ ряду со знаками препинанія. Признаюсь, я сильно надѣялся на возможность воспользоваться барскими клавесинами! Придется, значитъ, еще подождать. Все это длинная и безсодержательная присказка къ короткой, но весьма содержательной сказкѣ, которая выходитъ даже изъ области сказочнаго, а весьма реальна.

Вы помните, что я, по настоянію Балакирева, выписалъ изъ-за границы мою 1-ю симфонію? Когда симфонія прибыла, Балакиревъ, разумѣется, успокоился и не требовалъ ужъ ее, ибо въ сущности она ему вовсе и не нужна была: ему нужно было только, чтобы я ее «выписалъ».

Ждалъ я, ждалъ, когда ему можно доставить ее, онъ все откладывалъ подъ разными предлогами. Наконецъ, я получилъ изъ-за границы требованіе выслать симфонію вновь, возможно скоро, для исполненія въ концертѣ «des Allgemeinen deutschen Musik-Vereins», въ Баденъ-Баденѣ. Послѣ концерта, на другой же день, предсѣдатель Общества извѣстилъ меня письменно о результатѣ исполненія. Привожу письмо въ подлинномъ текстѣ и цѣликомъ (какъ вы когда-то воспроизвели мнѣ письмо Листа), зная, что это васъ порадуетъ. (Прежде всего адресъ: St. Petersburg, Herrn A. Borodin, Komponist,—и только!).

Baden-Baden.
21. 5, 80.

Sehr geehrter Herr!

Ich theile Ihnen mit, dass Ihre Es-dur Symphonie gestern Abend den glänzendsten Erfolg gehabt hat, besonders das Scherzo. Herr Kapellmeister Wendelin Weissheimer hier hatte Ihr Werk auf das sorgfältigste vorbereitet und hat sehr gut dirigirt. Herr Dawidoff kann Ihnen hierüber Näheres erzählen. Er wird Ihnen auch sagen, dass Herr Weissheimer im 1-n Satze einige Kürzungen angebracht hat, die vortheilhaft sind. Dieselben beizubehalten wäre rathsam. Die zahlreichanwesenden Musiker sprechen mit grosser Hochachtung und Bewunderung von Ihrer Symphonie.

Wir Alle bedauern, dass Sie nicht persönlich hier anwesend und Zeuge Ihres Triumphes gewesen sind.

Mil vorzüglicher Hochachtung
Ihr sehr ergebener
C. Riedel
Vorsitzender des allgemeinen deutschen Musik-Vereins.

Получивъ это письмо, я на другой же день отписалъ Балакиреву объ этомъ, зная, что ему пріятно это будетъ. Такъ и вышло. Только-что получилъ онъ мою эпистолу, является къ намъ самъ, собственною особой, сіяющій, радостный,

теплый, поздравилъ меня съ успѣхомъ и сообщилъ, что онъ уже слышалъ объ этомъ отъ Анненкова у Пыпина. Нужно замѣтить, что Балакиревъ не былъ у насъ лѣтъ девять. На этотъ разъ онъ держалъ себя, какъ будто онъ былъ у насъ всего два дня тому назадъ. Какъ водится, засѣлъ за фортепіано, наигралъ кучу хорошихъ вещей и, о ужасъ! — пропустилъ свой обычный часъ ухода! ушелъ чуть не въ 12 часовъ. Разспросивъ подробно, когда и куда ѣдемъ, онъ успокоился, что остаемся еще нѣсколько дней и обѣщалъ навѣдаться. Черезъ день является, опять веселый, сіяющій, съ грудою нотъ въ четыре руки, потому что «ему непремѣнно нужно было» съ Катей проиграть въ четыре руки танцы Grieg'a (Wallpurgisnacht), симфонію Swendsen'a и проч. Игралъ, болталъ, разсуждалъ руками, съ большимъ оживленіемъ и ужасно обрадовался, что мы еще остаемся два, три дня въ Питерѣ, ибо иначе ему пришлось бы разстаться чуть не на цѣлые три мѣсяца! Разумѣется, игралъ «Тамару» и проч. Черезъ два, три дня, является снова и опять съ нотами въ четыре руки, торопилъ Катю, чтобы сѣсть поскорѣе сыграть, восторгался и проч. Ну, какъ будто этихъ промежуточныхъ девяти лѣтъ (excusez du peu!) и не было.

Въ заключеніе: надняхъ я получилъ отъ Riemann'a изъ Бромберга письмо съ просьбою сообщить ему біографическія данныя для издающагося музыкальнаго словаря. Ну, вотъ и все пока. Будьте здоровы.

Есть время — отпишите по адресу: Костромской губерніи, городъ Кинешма, усадьба Соколова, съ передачею мнѣ.

Душевно преданный
А. Бородинъ.

XIII.

Къ И. И. Гаврушкевичу.

Москва, 6 мая 1886 года.

Искренно и глубоко уважаемый Иванъ Ивановичъ.

Душевно благодаренъ вамъ за добрую память о вашемъ покорномъ слугѣ, который много виноватъ предъ вами, что такъ поздно откликается на ваше милое письмо. Немало радуетъ меня, что вы нисколько не измѣняетесь, сохранили вашу свѣжесть, юморъ, горячую любовь къ музыкѣ и даже силы играть на віолончели, что̀ дѣло не легкое! Я давно бросилъ играть: во-первыхъ, потому, что всегда игралъ пакостно и вы только по милому благодушію вашему терпѣли меня въ ансамблѣ, — что правда, то правда! — во-вторыхъ, что отвлеченъ былъ другими занятіями, даже на поприщѣ музыкальномъ, гдѣ оказался пригоднѣе въ качествѣ композитора. На этомъ поприщѣ мнѣ пока везетъ, особенно за границею: обѣ мои симфоніи имѣютъ тамъ большой успѣхъ, котораго я и не ожидалъ. 1-я (Es-dur) исполнялась съ большимъ успѣхомъ на фестивалѣ и концертахъ въ Баденъ-Баденѣ, Лейпцигѣ, Дрезденѣ, Ростокѣ, Антверпенѣ, Льежѣ и проч., и составила мнѣ солидную репутацію за границею, особенно въ Германіи. 2-я (H-moll) особенно понравилась бельгійскимъ музыкантамъ и публикѣ такъ, что была причиной явленія небывалаго въ Брюсселѣ, — что «по требованію публики» была исполнена вторично въ слѣдующемъ концертѣ (Concert populaire), чего не случалось никогда съ самаго основанія этихъ концертовъ! Въ Льежѣ и на Антверпенской выставкѣ ее играли тоже съ огромнымъ успѣ-

хомъ. Теперь, кажется, будутъ ее исполнять въ Зондергаузенѣ на фестивалѣ — съѣздѣ музыкальнаго общества «Allegemeiner Deustcher Musikverein». Эта симфонія доставила мнѣ еще лучшую репутацію. Но всего популярнѣе за границею оказалась моя симфоническая поэма: «Въ Средней Азіи», которая облетѣла всю Европу, начиная съ Христіаніи и кончая Монако. Не смотря на непопулярную программу сочиненія (рѣчь идетъ объ успѣхѣ русскаго оружія въ Средней Азіи), музыка эта почти всюду вызывала bis, а иногда: въ Вѣнѣ у Штрауса, въ Парижѣ у Ламурё и др., по требованію публики повторялась и въ слѣдующемъ концертѣ. 1-му квартету моему повезло не только въ Европѣ (Карлсруэ, Лейпцигѣ, Льежѣ, Брюсселѣ, Антверпенѣ и проч.), но и въ Америкѣ, — да еще какъ! въ нынѣшній сезонъ Филармоническое общество Buffalo исполнило его 4 раза!—вещь небывалая, для сочиненія иностраннаго автора изъ новыхъ! Вокальныя вещи мои тоже имѣли всюду успѣхъ (чтобы не сглазить!). Лично я играю, такъ же пакостно на всѣхъ инструментахъ, какъ и прежде. Квартеты и камерную музыку смерть люблю попрежнему, но только слушаю; нынче только тряхнулъ, подобно вамъ, стариной, и, не бравъ віолончеля въ руки 11 лѣтъ, сѣлъ играть D-мольный тріо Мендельсона съ женой (отличной піанисткой) и однимъ пріятелемъ въ Москвѣ, да еще сыгралъ тріо Рейсигера E — moll. Игралъ, разумѣется, скверно, но усердно, въ потѣ лица. И вы угадали, спросивъ ради шутки, что если я не игралъ Radicati [1]), то не игралъ ли ради Кати? Именно на сей-то разъ я игралъ ради Кати, такъ какъ моя жена, Катерина Сергѣевна, пристала, чтобы я игралъ, за неимѣньемъ другаго віолончелиста. Вашъ юморъ оказался въ данномъ случаѣ, какъ сонъ въ руку! Я очень часто и весьма тепло вспоминаю о васъ, уважаемый Иванъ Ивановичъ, о вашихъ вечерахъ, которые я такъ любилъ, и которые были для меня серьезною и хорошею школой, какъ всегда бываетъ серьезная камерная музыка! Съ благодарностью вспоминаю я о вашихъ вечерахъ, и съ удовольствіемъ — о пельменяхъ, которые мы запивали «епископомъ», какъ вы оригинально обозвали бишофъ. Отъ души желаю вамъ всякаго успѣха во всѣхъ дѣлахъ, здоровья, долгоденствія, наслажденій и радостей всякихъ. Неизмѣнно и душевно преданный вамъ—скверный Violoncello II-do

А. Бородинъ.

XIV.

Къ Л. И. Шестаковой.

Село Раменское, Московской губерніи, Бронницкаго уѣзда.
6-го августа 1886 года.

Дорогая и безконечно уважаемая всѣми нами
Людмила Ивановна.

Несказанно благодаренъ вамъ и за письмо ваше, и за добрую память, и за любезное предложеніе. Нужно ли говорить вамъ, что я желаю почтить память дорогаго всѣмъ намъ Листа? Нужно ли говорить, что я былъ бы глубоко огорченъ, если бы мнѣ не пришлось участвовать въ подпискѣ на вѣнокъ? Поэтому

[1]) Radicati — сочинитель камерной квартетной музыки въ первой четверти настоящаго столѣтія. В. С.

прошу васъ сдѣлать мнѣ великое одолженіе и внести отъ моего имени сколько найдется нужнымъ и сообщить мнѣ; я вамъ немедленно возвращу съ благодарностью. О себѣ ничего путнаго написать не могу. Нынѣшній годъ мнѣ во многихъ отношеніяхъ былъ очень тяжелымъ годомъ. На Святой я былъ вызванъ въ Москву по случаю тяжкой болѣзни моей тещи, которая едва не умерла, а третьяго іюня я вызванъ былъ телеграммою по случаю тяжкой болѣзни моей жены, которая два раза была уже буквально при смерти и только чудомъ спаслась. Опасность для жизни, въ ближайшемъ будущемъ, миновала, но больная, всетаки, очень трудна; не можетъ еще ни ходить, ни лежать и даже спитъ не иначе, какъ въ креслѣ, сидя. Такъ тяжело она еще никогда не бывала больна. Теща моя едва дышетъ. На бѣду обстоятельства сложились такъ, что никого изъ близкихъ нѣтъ въ Москвѣ. Понятно, что при такихъ условіяхъ мудрено писать оперу или вообще музыку!

Жена моя поручила мнѣ передать вамъ ея глубочайшее почтеніе. Цѣлую ваши ручки и желаю вамъ всего хорошаго.

Искренно и душевно преданный вамъ

А. Бородинъ.

— О Боже! — воскликнулъ съ отчаяніемъ Германъ, опускаясь въ изнеможеніи на стулъ.

Луиза была тронута его горемъ; она взяла его за руку и съ участіемъ стала уговаривать, чтобы онъ успокоился. — Я знаю, — сказала она: — что вы сдѣлали это не съ дурнымъ намѣреніемъ, Германъ; къ тому же опасность миновала...

Онъ сидѣлъ неподвижно, опустивъ голову на грудь, и не понялъ ея послѣднихъ словъ.

— Но какъ могли вы, Луиза, — сказалъ онъ: — быть на столько безпощадны со мною; одно ваше предположеніе приводитъ меня въ ужасъ! Вы были всегда такъ добры ко мнѣ...

— Я точно также отношусь къ вамъ и теперь, Германъ, но поймите, что вы глубоко огорчили меня своимъ необдуманнымъ поступкомъ. Но, успокойтесь, еще не все потеряно, хотя изъ этого не слѣдуетъ, чтобы я стала пугать васъ воображаемой опасностью. Берканьи дѣйствительно хотѣлъ воспользоваться вашимъ донесеніемъ для извѣстныхъ цѣлей.

— Повѣрьте, — сказалъ онъ: — что это невозможно! Разумѣется, вы сами не могли имѣть никакихъ сношеній съ Берканьи; и потому скажите мнѣ, отъ кого слышали вы все это, чтобы мнѣ было ясно, какъ могло произойдти подобное недоразумѣніе...

— Теперь, — прервала его Луиза: — я могу сказать вамъ одно, что ваше донесеніе по счастливой случайности попало въ руки доброжелательныхъ и вполнѣ честныхъ людей. Кромѣ полиціи, только они двое и я третья знаютъ объ этой исторіи. Въ нашихъ глазахъ вы оправданы!

— Я оправданъ! — возразилъ съ горячностью Германъ. — Значитъ, эти доброжелательные люди и вы, Луиза, считали меня способнымъ принять на себя должность полицейскаго шпіона.

— Умоляю васъ, говорите тише, отецъ можетъ услышать нашъ разговоръ! Если я сказала, что вы оправданы въ нашихъ глазахъ, то на томъ основаніи, что мы глубоко убѣждены въ томъ, что вы не поняли скрытыхъ намѣреній Берканьи и онъ обманулъ васъ!

— Еще этого не доставало! — возразилъ съ раздраженіемъ Германъ. — Нечего сказать, прекрасные доброжелатели, которые считаютъ меня, если не совсѣмъ негодяемъ, то дуракомъ! Но тутъ есть еще другая сторона вопроса: никто изъ васъ не имѣетъ понятія о благородномъ образѣ мыслей Берканьи, а потому вы дурно перетолковываете его намѣренія. Если онъ хотѣлъ соблюсти тайну, то изъ участія ко мнѣ; въ настоящее время, какія бы то ни было сношенія съ французской полиціей кажутся у насъ подозрительными.

— Нѣтъ, Германъ, вы находитесь въ полнѣйшемъ заблужденіи! Намъ извѣстно въ точности, для какой цѣли заказана вамъ эта

работа; вы скоро убѣдитесь сами, что Берканьи сознательно обманулъ васъ и съ самыми дурными намѣреніями!

Увѣренный тонъ Луизы подѣйствовалъ на ея собесѣдника. — Клянусь небомъ!—воскликнулъ онъ, въ порывѣ негодованія:—что я отмщу этому подлецу, хотя бы моя жизнь зависѣла отъ этого...

— Остановитесь!—прервала его съ живостью Луиза.—Не произносите никакихъ клятвъ и не дѣлайте никакихъ безумныхъ предположеній! Не хотите ли вы призвать къ суду начальника полиціи или вызвать его на дуэль? Вы забываете, что онъ имѣетъ власть арестовать васъ во всякое время, обвинивъ васъ въ сношеніяхъ съ Пруссіей; вы же сами дали ему такія опрометчивыя указанія, что ему нетрудно будетъ воспользоваться ими. Успокойтесь и будьте разсудительны! Какъ вы думаете: не лежитъ ли на васъ прямая обязанность спасти тѣхъ, которымъ грозитъ серьёзная опасность, благодаря вашей опрометчивости.

— Но что могу я сдѣлать!—сказалъ Германъ, безпокойно расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Прежде всего, не приходите въ отчаяніе и не падайте духомъ; мы не теряемъ надежды выпутать васъ изъ этой непріятной исторіи. Простите, я была безпощадна относительно васъ, но не могла поступить иначе! Вы помните, я предостерегала васъ, просила быть осторожнымъ съ Берканьи, а вы рѣшились на такой важный шагъ, не сообщивъ объ этомъ ни мнѣ, ни моему отцу. Такое недовѣріе оскорбительно для вашихъ друзей!

— Могу ли я не довѣрять вамъ, моя дорогая Луиза!—сказалъ онъ, глубоко тронутый, взявъ ее за обѣ руки.—Тутъ не можетъ быть и рѣчи о недовѣріи, я благоговѣю, преклоняюсь передъ вами, но у васъ свое горе, и я не хотѣлъ занимать васъ своими личными дѣлами. Кромѣ того, я далъ слово Берканьи!..

Луиза невольно улыбнулась.—Какой вы мечтатель! — сказала она:—вамъ необходимо познакомиться съ дѣйствительной жизнью, чтобы не играть глупой роли среди плутовъ. Вмѣсто того, чтобы сердиться на Берканьи, поймите, въ какомъ ложномъ положеніи находится этотъ человѣкъ среди насъ. Французы не могутъ довѣрять націи, которая терпитъ отъ нихъ всякія преслѣдованія, покрыта позоромъ и доведена ими до послѣдняго разоренія. Они опасаются мести, и не безъ основанія! Естественно, что при этихъ условіяхъ они стараются прямыми и косвенными путями вывѣдать о томъ, что можетъ рано или поздно повести къ ихъ гибели, если ими не будутъ приняты своевременно извѣстныя мѣры. Но перейдемъ къ дѣлу: необходимо тотчасъ же уничтожить ваше первое донесеніе, чтобы эта опасная бумага не попала опять въ руки нашихъ враговъ.

— Это легко исполнить, потому что бумага возвращена мнѣ! Но что долженъ я сдѣлать съ деньгами, полученными отъ Бер-

каньи? Онѣ мучатъ меня, какъ горькій упрекъ, и я съ величайшимъ удовольствіемъ уничтожилъ бы ихъ или бросилъ въ лицо этому негодяю!

— Вы не должны дѣлать этого, потому что погубите и себя, и другихъ. Я передамъ вамъ совѣтъ опытнаго человѣка, и настоятельно требую отъ васъ, чтобы вы въ точности исполнили его. Вы говорили, что уважаете меня, теперь докажите это дѣломъ и безусловно слушайтесь меня...

— Вы правы,—возразилъ съ горькой усмѣшкой Германъ:—возьмите подъ свою опеку человѣка, который могъ такъ глупо попасть въ подобную ловушку! Я стыжусь своей нелѣпости.

— Напрасно!—сказала Луиза, ласково положивъ руку ему на плечо. — Въ доказательство моего полнаго довѣрія къ вамъ, я открою вамъ одну тайну; но, предварительно, вы должны сказать мнѣ, что̀ хотѣли вы отвѣтить на вопросъ Берканьи относительно автора книги «Наполеонъ Буонапарте и французскій народъ»?

— Я хотѣлъ написать, что мнѣ неизвѣстна ни сама книга, ни имя ея автора.

— Авторъ этой книги—мой отецъ!—сказала Луиза едва слышнымъ шопотомъ.

Германъ поблѣднѣлъ; съ нимъ сдѣлалась нервная дрожь.—Только теперь,—сказалъ онъ:—мнѣ стало вполнѣ понятно, въ какую пропасть я могъ попасть по своей неосмотрительности. Вопросъ былъ такъ ловко поставленъ, что если бы мнѣ былъ извѣстенъ авторъ этой книги, то я гордился бы возможностью назвать его. Одна мысль, что я могъ сдѣлаться предателемъ вашего отца, приводитъ меня въ ужасъ; могъ ли я существовать послѣ этого! Я долженъ на колѣняхъ благодарить васъ, Луиза...

Въ это время съ лѣстницы послышался голосъ Рейхардта, который звалъ дочь.

— Сію минуту, иду!—сказала Луиза; затѣмъ, обращаясь, къ Герману, она торопливо добавила:—До свиданія! я не задерживаю васъ, идите домой и уничтожьте ваше злополучное донесеніе, а потомъ возвращайтесь сюда, мы пойдемъ смотрѣть иллюминацію. Вы будете моимъ кавалеромъ, и мы поговоримъ о вашемъ дальнѣйшемъ планѣ дѣйствій. Отецъ ждетъ меня. Прощайте!

Съ этими словами они разстались.

IV.

За городомъ.

Иллюминація погасла, затихъ уличный шумъ и городъ погрузился въ полумракъ весенней ночи. На слѣдующій день, рано утромъ, Германъ переѣзжалъ верхомъ мостъ черезъ Фульду; ми-

новавъ городскія ворота, онъ направился по дорогѣ въ Мельзунгенъ. Восходящее солнце ярко освѣщало верхушки деревьевъ и зеленѣющую долину; подъ его теплыми лучами рѣдѣлъ серебристо-бѣлый туманъ, окутывавшій западные склоны горъ. Деревья и изгороди были еще покрыты росой; въ воздухѣ было на столько свѣжо, что Германъ плотнѣе укутался въ свой плащъ. Восточный вѣтеръ доносилъ до него смолистый запахъ молодыхъ листьевъ; роскошный видъ весенней, пробуждавшейся природы успокоительно дѣйствовалъ на его сердце, взволнованное тяжелыми впечатлѣніями вчерашняго вечера. Хорошее расположеніе духа опять вернулось къ нему, онъ дружелюбно отвѣтилъ на поклонъ проходившихъ мимо рабочихъ и запѣлъ первую, пришедшую ему на память пѣсню.

Дорога шла лѣсомъ; онъ незамѣтно доѣхалъ до Мельзунгена, гдѣ намѣревался позавтракать и дать отдыхъ лошади. Войдя въ гостинницу, онъ засталъ хозяина дома въ спорѣ съ нѣсколькими французскими унтеръ-офицерами, которые еще наканунѣ явились съ своимъ отрядомъ и, пользуясь правами военнаго постоя, не считали нужнымъ въ чемъ либо стѣснять себя. Черезъ часъ они должны были снова выступить въ путь и теперь, сидя за завтракомъ, заявляли все новыя требованія, такъ что хозяинъ, потерявъ терпѣніе, вступилъ съ ними въ горячій споръ, а одинъ изъ унтеръ-офицеровъ обнажилъ саблю. Германъ, войдя въ комнату, бросился между ними и, благодаря своей представительной наружности и прекрасному французскому выговору, прекратилъ непріятную сцену. Среди оживленныхъ переговоровъ и барабаннаго боя, вторично призывавшаго отрядъ къ выступленію, Германъ прибѣгнулъ къ хитрости, чтобы выпроводить непрошенныхъ гостей:

— Хозяинъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ французамъ:—утверждаетъ, что онъ доставилъ вамъ больше того, что предписано въ постановленіи. Я чужой человѣкъ, и не знаю, господа, кто изъ васъ правъ и кто виноватъ, но вслѣдъ за мной ѣдетъ изъ Касселя генералъ Моріо, я переговорю съ нимъ, и онъ рѣшитъ дѣло.

Всѣ видимо перепугались и соскочили со своихъ мѣстъ, даже воинственный унтеръ-офицеръ поспѣшилъ вложить саблю въ ножны.

— Пойдемъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ товарищамъ:—встрѣтимъ нашего генерала, вѣроятно, этотъ господинъ знаетъ Моріо, такъ какъ встрѣчался съ нимъ на улицѣ и изучилъ его мундиръ!..

Это дерзкое замѣчаніе встрѣтило одобреніе остальныхъ французовъ, которые громко расхохотались, затѣмъ всѣ они одинъ за другимъ вышли изъ комнаты съ вѣжливымъ поклономъ.

Хозяинъ гостинницы, поблагодаривъ Германа за оказанное имъ участіе, воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобы пожаловаться на тяжелыя времена:

— Гнетъ становится на столько тяжелымъ,—сказалъ онъ:—что скоро нельзя будетъ существовать. Пока этотъ проклятый народъ

не выберется изъ Пруссіи, не будетъ конца этимъ военнымъ передвиженіямъ. Они хозяйничаютъ у насъ, какъ у себя дома, портятъ чужое добро и все, что ни подашь на столъ, недостаточно хорошо для нихъ! А того и гляди наступитъ голодъ и падёжъ скота.. Еще прибавьте ко всему этому старые и новые налоги, разныя проклятыя нововведенія, не говоря уже о такихъ мудреныхъ фамиліяхъ и титулахъ, которыхъ не выговоришь! Одному Богу извѣстно, чѣмъ кончится все это!..

— Мнѣ кажется, что вамъ лично нѣтъ особенной причины жаловаться на судьбу!—замѣтилъ Германъ, садясь къ столу, на которомъ ему подали завтракъ.—Вы живете вблизи столицы, проѣзжихъ много, такъ что и денегъ, вѣроятно, заработываете достаточно.

— Пожалуй, что и такъ,—сказалъ хозяинъ, поправляя на головѣ свой вязанный бѣлый колпакъ.—При всякомъ передвиженіи войскъ въ нашихъ рукахъ перебываетъ немало золота, только отъ этихъ денегъ нѣтъ прока, потому что тутъ замѣшался чортъ. Говорятъ, онъ торгуетъ душами, по крайней мѣрѣ, объ этомъ долго распространялся одинъ почтенный путешественникъ, который надняхъ останавливался здѣсь и сидѣлъ, какъ разъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ вы сидите. Вотъ и теперь опять появилось откуда-то золото, и повѣрьте, что тутъ дѣло не совсѣмъ чисто!

— Скорѣе можно думать,—замѣтилъ съ улыбкой Германъ:—что это деньги курфирста, который во время бѣгства не успѣлъ захватить съ собой всѣхъ своихъ сокровищъ!

— Ни въ какомъ случаѣ!—возразилъ съ горячностью хозяинъ гостинницы.—Какая была надобность для него тащить съ собой всѣ богатства, собранныя имъ во время многолѣтняго правленія. Развѣ у него мало вѣрныхъ подданныхъ, которымъ онъ могъ отдать ихъ на храненіе до своего возвращенія...

Хозяинъ неожиданно замолчалъ, видимо испуганный, что проболтался при незнакомомъ человѣкѣ, который такъ хорошо говорилъ пофранцузски. — Впрочемъ, — добавилъ онъ сквозь зубы, не зная, какъ замять разговоръ: — теперь все взваливаютъ на курфирста... А, вотъ и ваша лошадь стоитъ у крыльца!

Германъ расплатился съ хозяиномъ и отправился въ путь. Предстоящее свиданіе съ друзьми на столько занимало его, что онъ нѣсколько разъ пришпоривалъ свою лошадь и, наконецъ, съ радостью увидѣлъ передъ собою небольшой городокъ Гомбергъ, съ его древней церковью и старинными постройками. Кругомъ, на далекомъ пространствѣ, были разсѣяны небольшіе домики съ садами; дѣятельно работали водяныя мельницы у обоихъ береговъ рѣки. Германъ, миновавъ городъ, направился къ группѣ домовъ такъ называемаго Нейгофа и, не зная, въ которомъ изъ нихъ живутъ Гейстеры, обратился съ разспросами къ проходившей мимо крестъ-

янкѣ; но тутъ онъ услышалъ знакомый голосъ, который назвалъ его по имени. Это была Лина; она привѣтствовала его радостнымъ возгласомъ и, протянувъ ему руку черезъ низкую рѣшетку палисадника, указала на домъ, у котораго онъ долженъ былъ остановиться. Затѣмъ она побѣжала садомъ, чтобы извѣстить своего мужа о неожиданномъ прибытіи дорогаго гостя.

Когда Германъ соскочилъ съ лошади, то уже молодые супруги стояли на крыльцѣ и встрѣтили его съ распростертыми объятіями.

— Какъ это мило съ твоей стороны,—сказала Лина:—что ты вздумалъ провести съ нами остатокъ мая! Видишь ли, я не забыла, что мы пили на «Bruderschaft», и говорю тебѣ «ты», какъ брату!

— Иначе и не можетъ быть, если ты не хочешь платить штрафа. Теперь весь вопросъ въ томъ, осталось ли у моихъ друзей отъ ихъ медоваго мѣсяца немного меду на мою долю?—спросилъ съ улыбкой Германъ.

— Разумѣется!—воскликнула Лина.—Кромѣ того, я тебя угощу настоящимъ медомъ, потому что здѣсь у Людвига свой пчельникъ. Теперь идите въ домъ завтракать; обѣдъ еще не такъ скоро будетъ готовъ; нужно сдѣлать лишнее блюдо для неожиданнаго гостя.

— Какой у тебя здоровый видъ, моя дорогая сестра!—замѣтилъ Германъ:—должно быть, деревенскій воздухъ тебѣ въ пользу! Я не могу сказать этого о Людвигѣ..

— Не мудрено,—сказала она:—Людвигъ почти не выходитъ изъ своего кабинета; не знаю, что они высиживаютъ тамъ.

Гейстеръ бросилъ недовольный взглядъ на свою жену, который видимо смутилъ ее; она поспѣшно удалилась, изъ боязни услышать какое нибудь рѣзкое замѣчаніе.

Слуга взялъ лошадь Германа и повелъ ее въ конюшню.

— Я удивляюсь, какъ могъ ты пріѣхать такъ скоро на этой Росинантѣ!—сказалъ Гейстеръ.—Должно быть, ты не жалѣлъ хлыста, или, чего добраго, не гнались ли за вами волки?

— Нѣтъ,—возразилъ Германъ съ принужденной улыбкой.—Вчера вечеромъ мнѣ пришло въ голову навѣстить васъ, и я велѣлъ привести себѣ лошадь...

— И взялъ первую попавшуюся!—добавилъ Гейстеръ.—Ну, а теперь пойдемъ въ комнаты, ты, вѣроятно, усталъ.

Молодые супруги занимали простой сельскій домикъ, но на столько уютный и комфортабельный, что сюда можно было съ удовольствіемъ возвращаться съ прогулки въ хорошую погоду и даже оставаться въ немъ цѣлый день, когда лилъ дождь, въ горахъ и долинахъ. Комнаты были высокія и просторныя. Нижній этажъ былъ занятъ кабинетомъ, залой и столовой; на верху расположены были спальни; одну изъ нихъ назначили Герману.

— Теперь разскажи мнѣ объ иллюминаціи,—сказала Лина, когда они сѣли къ столу, на которомъ былъ поданъ завтракъ.—

Вчера вечеромъ, я нѣсколько разъ выходила изъ дому, въ надеждѣ увидѣть на небѣ отблескъ отъ огней; но, конечно, этого не могло быть потому, что отсюда до Касселя восемь часовъ ѣзды...

— Не стоитъ почти говорить объ этой иллюминаціи! — возразилъ Германъ.—Много было потрачено на нее денегъ, но все вышло какъ-то натянуто и неостроумно, а лжи и притворства было вдоволь. Улицы были переполнены народомъ, раздавались громкія привѣтствія королю и королевѣ; во французскихъ ресторанахъ и cafés посѣтители бражничали и шумѣли всю ночь до утра. Къ тому же, говоря откровенно, я былъ въ такомъ расположеніи духа, что на все мало обращалъ вниманія и не находилъ ни въ чемъ удовольствія, такъ что я рѣшился пріѣхать къ вамъ, чтобы немного развлечься...

При этомъ Германъ невольно вспомнилъ всѣ подробности своего вчерашняго разговора съ Луизой, и лицо его приняло такое печальное выраженіе, что Лина съ безпокойствомъ спросила его:

— Что съ тобой, Германъ? Куда дѣлась твоя веселость? Вѣрно тебя постигла какая нибудь бѣда, и ты скрываешь ее отъ насъ!..

— Мы ничѣмъ не заслужили такого недовѣрія,—замѣтилъ Гейстеръ:—и я надѣюсь, что онъ, зная, на сколько мы расположены къ нему, разскажетъ, въ чемъ дѣло.

— Разумѣется, хотя это такая непріятная исторія, что мнѣ не слѣдовало бы сообщать ее вамъ и омрачать лучшіе дни вашей жизни подобными впечатлѣніями. Но я буду эгоистомъ, потому что ваши дружескія утѣшенія и совѣты имѣютъ теперь для меня особенную цѣну. Къ несчастію, судьба свела меня съ этимъ негодяемъ Берканьи, который не только обманулъ меня, но навязалъ мнѣ унизительную и глупую роль. Вы должны знать все до малѣйшихъ подробностей, какъ бы ни страдало отъ этого мое самолюбіе. Слушайте...

Затѣмъ Германъ съ возростающимъ негодованіемъ разсказалъ всю исторію своихъ сношеній съ генералъ-директоромъ французской полиціи; голосъ его нѣсколько разъ прерывался отъ волненія.

— И отъ этого ты приходишь въ такой ужасъ? — спросилъ Гейстеръ, когда Германъ кончилъ свой разсказъ.—Неужели ты такъ мало знаешь людей!—Дѣйствительно, Берканьи тонкій плутъ, но развѣ онъ виноватъ въ томъ, что ты не замѣтилъ этого? Можетъ ли онъ поступать иначе, въ виду той отвѣтственности, которая лежитъ на немъ, какъ относительно вестфальскаго короля, такъ и Наполеона, который также заявляетъ свои требованія. Французы должны быть осторожны въ виду послѣднихъ событій въ Испаніи... Радуйся, что тебя предостерегли вò время, а то могло быть еще хуже. Теперь все дѣло въ томъ, чтò намѣренъ ты

предпринять; вѣдь ты еще не освободился отъ сѣтей, которыми опутали тебя.

— Я для того отчасти и пріѣхалъ сюда, чтобы узнать ваше мнѣніе, потому что считаю невыполнимыми тѣ совѣты, которые даны мнѣ, или, вѣрнѣе сказать, я не желалъ бы выполнить ихъ... Первое мое донесеніе сгорѣло въ печкѣ твоей матери, Лина.

— Прекрасно!—замѣтила она съ улыбкой.—Значитъ, все кончено, и ты можешь успокоиться...

— Но мнѣ совѣтуютъ,—продолжалъ Германъ:—написать второе донесеніе въ такомъ духѣ, чтобы оно совсѣмъ не годилось для цѣлей Берканьи и не имѣло для него никакого значенія.

— Тебѣ даютъ умный совѣтъ, и ты можешь, не задумываясь, слѣдовать ему,—сказалъ Гейстеръ.—Этимъ невиннымъ, но плутовскимъ способомъ, ты избавишься отъ козней такого плута, какъ Берканьи.

— Значитъ, ты также требуешь, чтобы я унизилъ себя!—возразилъ Германъ.

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать этимъ?

— Вы хотите, чтобы я самъ добровольно выставилъ себя глупымъ, неспособнымъ человѣкомъ.

— Да вѣдь это единственный исходъ для тебя! Развѣ ты желаешь, чтобы пользовались твоими услугами?—замѣтилъ со смѣхомъ Гейстеръ.

— Мнѣ теперь не до шутокъ,—сказалъ Германъ.—Я думаю, что было бы гораздо удобнѣе прямо объявить Берканьи, что я понялъ его коварный замыселъ и не желаю браться за такое подлое дѣло, а затѣмъ бросить къ его ногамъ тридцать серебренниковъ...

— Это былъ бы геройскій поступокъ, годный для чувствительнаго романа,—воскликнулъ Гейстеръ:—но непримѣнимый къ дѣйствительной жизни! Я понимаю твое раздраженіе, но не считалъ тебя способнымъ на такое безуміе. Другое дѣло, если бы ты сразу отказался отъ работы; но ты охотно взялъ ее на себя и исполнилъ по мѣрѣ силъ. Тебя ловко провели, и ты можешь, въ свою очередь, выказать такія же дипломатическія способности.

— Успокойся, мой милый Германъ,—сказала Лина:—стоитъ ли волноваться изъ-за пустяковъ. Не все ли равно, какого мнѣнія будетъ о тебѣ Берканьи!..

Все это Герману говорила еще наканунѣ Луиза, когда они ходили по городу во время иллюминаціи; она опровергла всѣ его доводы, но онъ стоялъ на своемъ; и ихъ объясненіе не привело ни къ какимъ результатамъ. Когда онъ вернулся домой, и г-жа Виттихъ заговорила съ нимъ о своей дочери, по поводу полученнаго ею письма, у него явилось болѣзненное желаніе видѣть своихъ друзей, чему немало способствовала надежда, что они сочувственно отнесутся къ его плану дѣйствій.

Теперь ему приходилось убѣждаться въ противномъ; чувствуя себя отчасти побѣжденнымъ, онъ находился въ нерѣшимости: послушаться ли совѣта своихъ друзей, или остаться при своемъ мнѣніи?

Гейстеръ, замѣтивъ колебанія Германа, сталъ уговаривать его пробыть съ ними нѣсколько дней, чтобы успокоиться, и доказывалъ ему, что поспѣшностью въ данномъ случаѣ онъ можетъ испортить всю свою будущность. Лина присоединила свои просьбы съ такой настойчивостью, что онъ наконецъ согласился. Лошадь отослали обратно въ городъ съ слугой, который долженъ былъ завернуть на квартиру Германа и привезти для него бѣлье и другія необходимыя вещи.

— А теперь,—сказалъ Гейстеръ:—бросимъ пока всѣ дѣла и поговоримъ о томъ, какъ намъ провести остатокъ дня. Я предлагаю послѣ обѣда отправиться на развалины Гомберга, а на обратномъ пути мы завернемъ въ женскій монастырь.

— Чѣмъ онъ замѣчателенъ?

— Это такъ называемый «Валленштейнскій монастырь»; онъ основанъ, лѣтъ 60 тому назадъ, послѣдней представительницей этой фамиліи по женской линіи, баронессой Гёрцъ. Въ настоящее время «монастырь» находится подъ попечительствомъ г-жи фонъ-Гильза, гессенской уроженки, которая теперь въ отсутствіи. Хотя ея помощница носитъ названіе настоятельницы и заведеніе это подчинено извѣстному уставу, но оно имѣетъ мало общаго съ монастыремъ. Поступившія въ него дѣвицы дворянскихъ фамилій могутъ жить и въ другомъ мѣстѣ, пользоваться всѣми общественными удовольствіями и даже выйдти замужъ. Настоятельница замѣчательно умная женщина; я познакомлю тебя съ нею: ее зовутъ Маріанной; она любимая сестра извѣстнаго прусскаго министра Карла фонъ-Штейна... Однако до обѣда еще довольно времени, пойдемъ, я тебѣ покажу нашъ садъ и пчельникъ.

V.

Неожиданныя извѣстія.

Послѣ обѣда, молодые супруги повели своего гостя къ развалинамъ Гомберга; Лина старалась обратить его вниманіе на красоту окружавшаго ихъ ландшафта, между тѣмъ какъ Людвигъ припоминалъ историческія событія, связанныя съ той или другой мѣстностью.

Въ это время на крыльцо Валленштейнскаго монастыря вошелъ военный и велѣлъ слугѣ доложить настоятельницѣ, что онъ желаетъ видѣть ее. Это былъ высокій человѣкъ въ зеленомъ мун

дирѣ съ желтыми отворотами егерскаго карабинерскаго полка; его наружность носила аристократическій отпечатокъ; черные волосы оттѣняли блѣдное лицо съ орлинымъ носомъ и выразительными черными глазами. Войдя въ залу, онъ началъ разсматривать картины, висѣвшія по стѣнамъ; но ему недолго пришлось ожидать пріема, потому что слуга вернулся съ отвѣтомъ, что настоятельница проситъ его въ свой кабинетъ.

Здѣсь его встрѣтила дама лѣтъ пятидесяти, небольшаго роста, худощавая, сутуловатая и съ замѣтною просѣдью въ волосахъ.

— Очень рада васъ видѣть, полковникъ Дёрнбергъ,—сказала она съ живостью, протягивая ему руку, которую онъ почтительно поцѣловалъ.—Говорите скорѣе: съ дурными или хорошими вѣстями явились вы сюда?

— Пока только съ надеждой на лучшую будущность!

— Да благословитъ васъ Господь!—проговорила она, садясь на диванъ и приглашая его сѣсть на стоявшее рядомъ кресло.

— Прежде всего, скажите, что вы слышали о моемъ братѣ?

— Я хотѣлъ было заѣхать къ нему изъ Брауншвейга, гдѣ Жеромъ проѣздомъ произвелъ меня въ полковники своего егерскаго карабинерскаго полка... отвѣтилъ Дёрнбергъ съ легкой усмѣшкой, указывая на свой новый мундиръ съ аксельбантами.

Она насмѣшливо поздравила его съ такой неожиданной милостью вестфальскаго короля.

— Конечно, мнѣ необходимо было взять отпускъ, чтобы отправиться въ Берлинъ,—продолжалъ онъ:—но, замѣтивъ, что король и придворные недовѣрчиво относятся ко всякимъ сношеніямъ съ Пруссіей, я рѣшилъ отказаться отъ этого намѣренія, потому что мнѣ неудобно навлекать на себя подозрѣніе. Кромѣ того, мнѣ сообщили, что прусскій король вызвалъ министра фонъ-Штейна въ Кёнигсбергъ.

— Въ Кёнигсбергъ? Развѣ король не думаетъ вернуться въ Берлинъ?

— Нѣтъ, пока городъ не будетъ очищенъ отъ непріятеля.

— Теперь я рѣдко получаю извѣстія отъ брата. Разумѣется, у него много дѣлъ, а также, быть можетъ, онъ боится, чтобы письма не попали въ руки вестфальской полиціи... Вы говорите, что король вызвалъ моего брата?

— Да, потому что готовятся важныя событія... Въ Пруссіи и Германіи чужеземный гнетъ невыносимѣе, чѣмъ гдѣ либо. Помимо всеобщаго разоренія и дурной администраціи, насъ постигли другія бѣды, какъ, напримѣръ, полный упадокъ земледѣлія и торговли; курсъ нашъ понизился до послѣдней степени и пр. Въ Берлинѣ уже было народное возмущеніе, которое встревожило даже такого хладнокровнаго человѣка, какъ Дару. Кто можетъ поручиться, что это не повторится въ другихъ городахъ Германіи! Въ виду этого,

король обратился къ помощи министра Штейна, который доказалъ свое мужество и находчивость въ это бѣдственное время...

— Вы не договариваете, Дёрнбергъ,—сказала настоятельница:— я увѣрена, что ваше дѣло приближается къ развязкѣ, и вы не безъ цѣли явились сюда.

— Я пріѣхалъ, чтобы сообщить здѣшнимъ патріотамъ о нашемъ положеніи и планѣ дѣйствій; надѣюсь, что и вы не откажете намъ въ своей помощи.

— Разумѣется,—сказала она:—вы не можете сомнѣваться въ моемъ сочувствіи и желаніи сдѣлать все, отъ меня зависящее. Но вы не сказали мнѣ, извѣстно ли все моему брату и принимаетъ ли онъ участіе въ вашемъ дѣлѣ?

— Министръ Штейнъ долженъ держаться въ сторонѣ отъ такихъ дѣлъ, какъ по своимъ отношеніямъ къ королю, такъ и въ виду другихъ обстоятельствъ,—отвѣтилъ уклончиво Дёрнбергъ.—Но я не сообщилъ вамъ самаго главнаго. Нѣкоторые изъ прусскихъ офицеровъ составили между собою тайный союзъ и поклялись отомстить Наполеону за постыдный для нихъ 1806 годъ. Шарнгорстъ и Гнейзенау, оставаясь въ тѣни, руководятъ нами и стараются повліять на короля и его приближенныхъ. Но только весьма немногіе посвящены во всѣ подробности дѣла, потому что, въ виду общаго раздраженія, нужно быть настороже и стараться, по возможности, избѣгнуть безумныхъ предпріятій, не приносящихъ никакихъ результатовъ, кромѣ гибели нѣсколькихъ смѣльчаковъ... Затѣмъ существуетъ тайный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ графа Шассо̀, съ которымъ мы имѣемъ сношенія черезъ агентовъ изъ низшихъ классовъ общества; переписка ведется по особой условленной азбукѣ.

— Я была убѣждена, что у васъ большія связи и что дѣло ведется разумно; но я желала бы знать: какая ваша главная цѣль, и имѣете ли вы достаточно средствъ, чтобы привести въ исполненіе задуманный вами планъ?

— Для насъ особенно важно въ данный моментъ,—сказалъ Дёрнбергъ, понизивъ голосъ:—что готовится общее народное возстаніе противъ французовъ, по крайней мѣрѣ, въ сѣверной Германіи. Примѣръ Испаніи поучителенъ для насъ...

— Испанцы благородная нація! — воскликнула Маріанна Штейнъ: — къ несчастью, при раздробленіи Германіи въ нашемъ народѣ не можетъ быть такого единодушія, да и кровь не та...

— Разумѣется,—отвѣтилъ Дёрнбергъ:—кромѣ того, немало и другихъ неблагопріятныхъ условій, которыя мѣшаютъ нашему дѣлу; но мы не въ состояніи устранить ихъ, потому что они лежатъ въ характерѣ нѣмецкаго народа, какъ, напримѣръ, наше фантазерство и безпочвенный идеализмъ, который, между прочимъ, побуждаетъ насъ считать себя всесвѣтными гражданами и т. п. Но въ

дѣйствительности большинство не чувствуетъ никакой любви даже къ собственной родинѣ и неспособно отрѣшиться отъ своихъ узкихъ личныхъ интересовъ. Намъ могутъ помочь внѣшнія обстоятельства: во французской арміи начались раздоры, образуются тайныя общества, ходятъ слухи о заговорѣ противъ Наполеона, въ которомъ принимаютъ участіе агенты его полиціи. Быть можетъ, соединенныя силы Испаніи и Германіи избавятъ человѣчество отъ чудовища, которое до сихъ поръ всѣ считаютъ непобѣдимымъ.

— Я не имѣю никакого основанія сомнѣваться въ вѣрности сообщаемыхъ вами извѣстій, но простите за невольный вопросъ: откуда можете вы имѣть такія свѣдѣнія о настроеніи французской арміи?

— Мои слова относились къ той части французской арміи, которая находится въ Испаніи, а свѣдѣнія о ней мы имѣемъ изъ Англіи черезъ Гельголандъ,—объяснилъ Дёрнбергъ.—Съ закрытіемъ европейскихъ портовъ для англійскихъ кораблей этотъ островъ сдѣлался средоточіемъ всемірной торговли. Здѣсь купцы завели свои конторы, и происходятъ тайные конгрессы дипломатовъ и генераловъ, которые...

— Простите, если я прерву васъ,—сказала настоятельница:—но я желала бы знать: какую роль принялъ на себя графъ Мюнстеръ въ этомъ дѣлѣ? Не думаю, чтобы онъ остался безучастнымъ зрителемъ...

— Онъ пересылаетъ намъ изъ Лондона извѣстія объ Испаніи, которыя иначе доходили бы до насъ въ искаженномъ видѣ. Кромѣ того, онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы склонить британскаго министра оказать намъ денежную помощь и произвести вооруженную диверсію на Эльбѣ и Везерѣ, между тѣмъ какъ мы съ своей стороны будемъ наготовѣ въ Пруссіи, Гессенѣ и Брауншвейгѣ. Ударъ долженъ быть нанесенъ въ благопріятную минуту, когда поданъ будетъ сигналъ... Разумѣется, я говорю о нашемъ планѣ въ общихъ чертахъ, а равно о способахъ и средствахъ исполненія... Я долженъ сговориться съ нашими здѣшними сообщниками, такъ какъ особенно разсчитываютъ на возстаніе въ Гессенѣ: это французсконѣмецкое королевство, искусственно построенное по фантазіи завоевателя, не можетъ представлять особенной прочности. Паденіе трона Іеронима послужитъ сигналомъ къ общему освобожденію...

Лицо Маріанны фонъ-Штейнъ сдѣлалось задумчивымъ. Вдали предпріятіе казалось ей заманчивымъ, и она отнеслась къ нему съ живымъ сочувствіемъ; но теперь, когда оно такъ близко коснулось ея и ей предстояло принять непосредственное участіе въ борьбѣ, все получило въ ея глазахъ болѣе мрачную окраску. Дёрнбергъ молча наблюдалъ за нею.

Наконецъ, она подняла голову и, пожимая ему руку, сказала:

— Если Гессенъ не минуетъ своей судьбы, то я, всетаки, бла-

гославляю небо, что вы являетесь посредникомъ въ этомъ дѣлѣ, Дёрнбергъ, потому что знаю ваше мужество, благоразуміе и искреннюю любовь къ родинѣ! Но пусть это останется пока, между нами: я должна сперва переговорить съ попечительницей нашего заведенія, г-жей Гильза. Ваше имя извѣстно между здѣшней молодежью, и, когда она узнаетъ о цѣли вашего прибытія, то можетъ слишкомъ шумно выразить свой восторгъ, а мы окружены шпіонами! Вы долго намѣрены пробыть здѣсь?

— Только завтрашній день, потому что кончается срокъ моего отпуска.

— Вы, конечно, остановитесь у здѣшняго лѣсничаго; это тѣмъ удобнѣе, что съ нимъ и г. Мартиномъ вы можете переговорить обо всемъ. Завтра приходите ко мнѣ обѣдать, и мы отправимся вмѣстѣ къ Бутлару...

Въ комнату вошелъ слуга и доложилъ о прибытіи г. Гейстера съ женой и докторомъ Тёйтлебеномъ.

— Проси въ гостинную, я сейчасъ выйду, — сказала настоятельница.

— Гейстеръ! Кто это?—спросилъ недовѣрчиво Дёрнбергъ.

— Онъ обыкновенно живетъ въ Касселѣ, гдѣ занимаетъ должность начальника отдѣленія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Это умный, образованный человѣкъ и пріятель Шмерфельда, вы можете смѣло ему довѣриться...

Монастырь помѣщался въ старомъ, небольшомъ зданіи; въ это время никто почти не жилъ въ немъ, кромѣ попечительницы, настоятельницы и двухъ молодыхъ дѣвушекъ изъ мѣстнаго дворянства. Тѣмъ не менѣе никогда не было недостатка въ пріѣзжихъ изъ города и окрестностей; такъ и теперь въ гостиной было много посѣтителей и шелъ оживленный разговоръ; но всѣ смолкли при неожиданномъ появленіи Дёрнберга. Настоятельница поспѣшила представить своего гостя и стала разспрашивать его о недавнемъ путешествіи короля. Дёрнбергъ разсказалъ нѣсколько забавныхъ случаевъ, бывшихъ въ Брауншвейгѣ, во время пріема его величества, приправляя ихъ юмористическими замѣчаніями. Затѣмъ Германъ по просьбѣ настоятельницы долженъ былъ сообщить нѣкоторыя подробности объ иллюминаціи въ Касселѣ, на которой не былъ никто изъ присутствующихъ. Лина, чтобы заставить его разговориться, обращалась къ нему то съ тѣмъ, то съ другимъ вопросомъ, и онъ невольно удивлялся той непринужденности, съ какой она держала себя въ этомъ аристократическомъ обществѣ, которое относилось къ ней съ особеннымъ расположеніемъ. Она подошла къ фортепіано и предложила Герману пропѣть съ нею дуэтъ Гайдена: «Holde Gattin», такъ какъ ей видимо хотѣлось похвастать его голосомъ передъ своими знакомыми. Дамы уже не разъ слышали пѣніе Лины, но голосъ Германа поразилъ ихъ и привелъ въ во-

сторгъ, даже слуга, разносившій кофе, остановился съ подносомъ среди комнаты.

— Что, Іоганъ,—спросила настоятельница съ улыбкой:—тебѣ вѣрно понравилось пѣніе?

Но онъ даже не слышалъ этого вопроса.

Въ это время въ дальнемъ углу залы между Людвигомъ Гейстеромъ и Дёрнбергомъ завязался вполголоса оживленный разговоръ, но никто не обращалъ на нихъ вниманія. Германъ остался съ дамами. Одна изъ нихъ, подъ впечатлѣніемъ слышаннаго дуэта, обратилась къ нему съ вопросомъ, гдѣ теперь находится Гайденъ?

— Въ Вѣнѣ,—отвѣтилъ Германъ:—въ послѣдніе годы Гайденъ впалъ совсѣмъ въ дѣтство. Капельмейстеръ Рейхардтъ недавно былъ у него съ двумя дамами; онъ живетъ въ отдаленномъ предмѣстьѣ города, въ небольшомъ одноэтажномъ домѣ съ садомъ. Цѣлые дни сидитъ онъ въ маленькой комнатѣ у стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, молчаливый и неподвижный, какъ восковая фигура, въ платьѣ изъ зеленаго сукна съ бѣлыми пуговицами и въ тщательно завитомъ и напудренномъ парикѣ. Одна изъ дамъ подошла къ Гайдену и, чтобы вывести его изъ апатичнаго состоянія, громко назвала фамилію посѣтителя.

— Рейхардтъ,—повторилъ онъ, поднявъ голову:—очень радъ познакомиться съ нимъ!—затѣмъ протянулъ обѣ руки капельмейстеру, обнялъ его и, пристально всматриваясь въ его лицо, сказалъ:—Однако, какъ вы моложавы и бодры до сихъ поръ, а я сталъ дряхлымъ старикомъ и могу винить только самого себя... я слишкомъ напрягалъ свои силы... Слезы прервали его рѣчь. Присутствующіе старались успокоить его, но Гайденъ грустно покачалъ головой и сдѣлалъ знакъ рукой, чтобы его оставили одного. Этимъ кончилось свиданіе Рейхардта съ великимъ композиторомъ.

Безъискусственный разсказъ Германа произвелъ грустное впечатлѣніе на его слушательницъ, всѣ смолкли. Гейстеръ воспользовался этой минутой, чтобы сказать женѣ, чтобы она шла домой съ Германомъ, такъ какъ онъ обѣщалъ полковнику Дёрнбергу проводить его къ лѣсничему. Лина тотчасъ же встала съ своего мѣста, за нею поднялись и другіе гости; настоятельница любезно простилась со всѣми и пригласила къ обѣду на слѣдующій день.

VI.

Германъ въ роли утѣшителя.

Вечернее небо было покрыто легкими облаками, которые принимали все болѣе и болѣе розоватый отливъ отъ яркихъ лучей заходящаго солнца; воздухъ былъ теплый и влажный, издали слы-

шался звонкій голосъ молодой дѣвушки, нагружавшей тачку скошенной травой.

Лина шла нѣкоторое время молча около своего спутника по гладкой тропинкѣ, ведущей съ горы: она сердилась на Людвига. Теперь у ней не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что онъ принимаетъ участіе въ какомъ-то таинственномъ предпріятіи противъ вестфальскаго правительства. Въ этомъ собственно она не находила ничего предосудительнаго, потому что слишкомъ вѣрила въ безупречную честность Людвига, но ее глубоко оскорбляла его скрытность. Онъ ежедневно посѣщалъ разныхъ лицъ, особенно часто бывалъ у лѣсничаго и мироваго судьи Мартина и проводилъ съ ними цѣлые вечера, но никогда не сообщалъ ей, о чемъ они бесѣдовали между собой. Пока она была невѣстой, ей приходилось рѣдко разговаривать съ нимъ о чемъ либо серьёзномъ; онъ былъ занятъ дѣлами и хлопотами объ устройствѣ ихъ будущаго хозяйства или же старался покорить ея сердце ухаживаніемъ, доставлялъ ей разныя удовольствія, въ видѣ прогулокъ, катанья, зрѣлищъ и пр. Послѣ свадьбы она поѣхала съ нимъ въ деревню и надѣялась, что будетъ наслаждаться вмѣстѣ съ нимъ счастливой безмятежной жизнью среди цвѣтущей весенней природы. Но мечты ея не осуществились; онъ часто оставлялъ ее одну и всецѣло предался своей таинственной дѣятельности, которая, очевидно, болѣе поглощала его, нежели любовь къ ней.

Сердце молодой женщины болѣзненно сжималось отъ этихъ печальныхъ размышленій. Но боязнь, что Германъ можетъ угадать причину ея задумчивости, заставила ее овладѣть собой. Послѣ свадьбы она не приглашала его пріѣхать къ нимъ въ деревню, такъ какъ хотѣла провести это время наединѣ съ Людвигомъ. Между тѣмъ Германъ явился по собственной иниціативѣ и неизбѣжно, думала она, возьметъ на себя роль утѣшителя, благодаря Людвигу, который будетъ оставлять ихъ вдвоемъ цѣлые часы, да и теперь совсѣмъ не кстати поручилъ онъ пріятелю проводить ее домой. Къ счастью, Германъ не придаетъ этому никакого значенія, или, по крайней мѣрѣ, дѣлаетъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, и она невольно обратила на него избытокъ нѣжности, который былъ, повидимому, лишнимъ для ея мужа.

— Какъ ты былъ милъ сегодня, Германъ,—сказала она съ ласковой улыбкой, вызванной ея нервнымъ возбужденіемъ.—Мнѣ было пріятно видѣть, съ какимъ вниманіемъ всѣ слушали твой разсказъ и восхищались твоимъ пѣніемъ. Я первый разъ испытывала удовольствіе имѣть брата, хотя мнѣ, всетаки, кажется, что если бы я была твоя родная сестра, то мое чувство къ тебѣ было бы иное...

— А какое, позвольте васъ спросить?—сказалъ Германъ, тщеславіе котораго было польщено. При этомъ онъ взялъ ее подъ руку.

— Во-первыхъ, я не рѣшилась выказать моей дружбы къ тебѣ въ присутствіи дамъ и называть тебя «ты»...

— Иначе и не могло быть, я самъ невольно обращался съ тобой, какъ посторонній человѣкъ.

— Кромѣ того, по той же причинѣ, я не передамъ лестныхъ отзывовъ нѣкоторыхъ дамъ о тебѣ.

— Почему? — этого я совсѣмъ не понимаю!

— Я тоже, — сказала она, краснѣя. — Жаль, что между ними нѣтъ ни одной, за которой ты бы могъ ухаживать, по крайней мѣрѣ, въ то время, пока гостишь у насъ.

— А фрёйлейнъ Баумбахъ? Она не дурна собой; ее также зовутъ Каролиной, какъ и тебя.

— Значитъ, она понравилась тебѣ! Но, къ сожалѣнію, она меньше всѣхъ хвалила тебя.

— Это хорошій знакъ! — возразилъ Германъ со смѣхомъ. — Если она не высказала того, что думаетъ, какъ другія, то это имѣетъ еще бо̀льшее значеніе. Всѣ барышни поступаютъ такъ въ извѣстныхъ случаяхъ.

— Нельзя сказать, чтобы г. докторъ былъ скромнаго мнѣнія о своей особѣ, — замѣтила Лина. — Хорошо еще, что ты прямо высказываешь своей сестрѣ то, что думаешь; ничто не можетъ быть хуже скрытности между людьми, которые любятъ другъ друга...

Тутъ молодая женщина невольно вспомнила о Людвигѣ и, упрекая себя за неосторожность, неожиданно замолчала.

Въ это время они уже подошли къ дому. Весенній вечеръ былъ такъ хорошъ, что въ ожиданіи ужина они отправились въ садъ.

— Знаешь ли, что̀ меня особенно поразило въ этихъ дамахъ? — сказалъ Германъ. — У нихъ, по словамъ Людвига, монастырскій уставъ, между тѣмъ онѣ носятъ модныя платья съ вырѣзанными лифами.

— Какая противная мода! — сказала Лина. — Это такъ называемое «decolleté» можетъ нравиться однимъ французамъ...

— Почему? — спросилъ Германъ. — Многіе возстаютъ у насъ противъ этой моды, вслѣдствіе своихъ бюргеровскихъ предразсудковъ. Приличія вещь условная! Въ Турціи женщины закрываютъ себѣ лицо и, быть можетъ, въ высшемъ турецкомъ обществѣ также неприлично распространяться о лицѣ, какъ у насъ о бюстѣ. Невольно вспомнишь итальянскія гипсовыя фигуры; но это не болѣе, какъ слабое подражаніе природѣ, потому что женскій бюстъ...

— Молчи и не говори глупостей! — сказала молодая женщина, и наклонилась къ клумбѣ, чтобы сорвать цвѣтокъ.

— Позволь мнѣ сдѣлать только одно замѣчаніе съ художественной точки зрѣнія. Скульпторы утверждаютъ, что у весьма немногихъ женщинъ формы тѣла достигаютъ соразмѣрности и совершенства классическихъ статуй...

— Еще разъ прошу тебя, Германъ, прекрати этотъ разговоръ,— сказала Лина серьёзнымъ тономъ; затѣмъ добавила съ улыбкой:— Ты слышишь запахъ блиновъ, пойдемъ ужинать, примѣни свои знанія къ кулинарному искусству, и я буду внимательно слушать тебя!

— А я, всетаки, того мнѣнія, что ты, Лина, сложена, какъ классическая статуя, и никто не можетъ запретить мнѣ думать это.

Она сдѣлала видъ, что не разслышала его словъ.

За ужиномъ разговоръ не вязался. Молодая женщина видимо поджидала своего мужа; съ приближеніемъ ночи грусть опять овладѣла ею, такъ что Германъ дѣлалъ напрасныя усилія, чтобы развлечь ее; его предложеніе пропѣть дуэтъ было отвергнуто ею подъ предлогомъ усталости. Наконецъ, онъ поднялся съ своего мѣста и, пожелавъ ей покойной ночи, ушелъ въ свою комнату.

Онъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы лечь спать, и сѣлъ у открытаго окна, такъ какъ ему хотѣлось насладиться тишиною теплой майской ночи. Въ кустарникѣ слышались трели соловья среди неумолкаемаго однообразнаго шума отдаленныхъ мельницъ; все сильнѣе становился ароматъ цвѣтовъ, наполнявшихъ клумбы въ саду. Германъ чувствовалъ неопредѣленное томленіе, вмѣстѣ съ неясными мечтами, въ которыхъ онъ не могъ дать себѣ отчета; но въ это время у крыльца послышались мужскіе шаги и привлекли его вниманіе. Это былъ Людвигъ, который вошелъ въ домъ съ запаснымъ ключемъ. Мысли Германа невольно обратились къ молодой четѣ. Людвигъ въ деревнѣ имѣлъ еще болѣе серьёзный и озабоченный видъ, чѣмъ въ городѣ, среди дѣлъ и приготовленій къ свадьбѣ. Что могло такъ занимать его? Между тѣмъ Лина была свѣжѣе и красивѣе, чѣмъ когда либо, или, быть можетъ, она осталась у него въ памяти такою, какою онъ видѣлъ ее въ моментъ прощанья съ матерью, когда она казалась особенно блѣдной и печальной. Несомнѣнно, въ ней произошла какая-то перемѣна; каждая дѣвушка мѣняется послѣ свадьбы, разсуждалъ про себя молодой философъ, но въ чемъ заключалась эта перемѣна, онъ не могъ рѣшить. Въ ней была та же непринужденная веселость, что̀ и прежде, хотя она по временамъ стала задумчивѣе. Счастлива ли она?—задалъ себѣ Германъ невольный вопросъ, но такъ какъ онъ былъ слишкомъ молодъ и занятъ собой, чтобы задумываться надъ чужой судьбой, то эта мысль недолго занимала его.

VII.

Новое знакомство.

На слѣдующее утро Людвигъ нашелъ нужнымъ объяснить женѣ причину своего поздняго прихода домой, и поэтому сообщилъ ей, въ общихъ чертахъ, о чемъ говорилось на совѣщаніи, при которомъ онъ присутствовалъ наканунѣ. Лина внимательно выслушала его, но не стала разспрашивать о подробностяхъ и ни слова не сказала о томъ, что показалось ей несообразнымъ въ его разсказѣ, какъ, напримѣръ, то, что человѣкъ въ положеніи Дёрнберга могъ принимать участіе въ предпріятіи, которое имѣло видъ заговора противъ короля. Она была довольна оказаннымъ ей довѣріемъ и съ живымъ интересомъ отнеслась къ дѣлу, которое имѣло такое важное значеніе для Людвига. Невольное раздраженіе, которое она чувствовала противъ него въ послѣднее время, исчезло безслѣдно, и въ этомъ отношеніи ей не приходилось дѣлать надъ собой насилія; потому что никакія практическія соображенія не руководили ею.

Когда они услышали шаги Германа, то Гейстеръ сказалъ женѣ, чтобы она до времени ничего не сообщала ихъ общему другу, потому что нужно выждать, пока онъ не выпутается изъ когтей французской полиціи.

— Разумѣется!—отвѣчала она:—хотя исторія съ Берканьи служитъ лучшимъ доказательствомъ его честности... Знаешь ли, что, Людвигъ, мнѣ кажется, что не слѣдуетъ вовсе говорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ, ни теперь, ни послѣ. Прости, если я осмѣливаюсь давать тебѣ совѣты, но послушайся меня и не посвящай его въ ваши тайны.

Въ это время Германъ вошелъ въ комнату и, не обращая вниманія на поданный завтракъ, указалъ имъ на человѣка, стоявшаго на дорогѣ, который разспрашивалъ о чемъ-то крестьянина и по временамъ поглядывалъ на домъ. Это былъ бодрый широкоплечій старикъ, лѣтъ семидесяти, съ загорѣлымъ лицомъ; по осанкѣ и покрою одежды, его можно было принять за бывшаго солдата или охотника.

Лина и Германъ подошли къ окну, Гейстеръ остался за столомъ и казался смущеннымъ.

— Я могу удовлетворить ваше любопытство, — сказалъ онъ:— это подполковникъ Эммерихъ, нашъ соотечественникъ, родомъ изъ Ганау, который прославился во многихъ партизанскихъ войнахъ своей безумной храбростью. Во время Семилѣтней войны онъ обратилъ на себя вниманіе Фридриха Великаго, который, по заключеніи мира, далъ ему выгодное мѣсто въ Пруссіи, но Эммериху не

сидѣлось на мѣстѣ; онъ отправился въ Новый Свѣтъ, дрался за освобожденіе Америки и, предводительствуя шайкой такихъ же храбрецовъ, какъ онъ самъ, наводилъ ужасъ на непріятеля. Послѣ того, онъ вернулся на родину и велъ ту же романическую жизнь, исполненную всякихъ приключеній. Однако, ни въ Старомъ, ни въ Новомъ Свѣтѣ, Эммерихъ не съумѣлъ обезпечить себя съ матеріальной стороны; теперь онъ живетъ въ Кёльнѣ въ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ и, не смотря на свои преклонные годы, все также полонъ силъ и попрежнему готовъ принять дѣятельное участіе въ каждомъ смѣломъ предпріятіи. Я познакомился съ нимъ вчера у лѣсничаго, гдѣ мы засидѣлись долѣе обыкновеннаго, благодаря разсказамъ этого замѣчательнаго человѣка.

Лина слушала своего мужа съ возростающимъ волненіемъ; ее тревожила мысль, что Эммерихъ посвященъ въ тайну Людвига и его друзей. Этотъ авантюристъ, проведшій всю жизнь въ рискованныхъ предпріятіяхъ, могъ, по ея мнѣнію, погубить всякое дѣло своей безумной смѣлостью и увлечь за собой самыхъ разсудительныхъ. Она рѣшила при первомъ удобномъ случаѣ предостеречь своего мужа, или, по крайней мѣрѣ, разспросить его о нѣкоторыхъ подробностяхъ въ виду собственнаго спокойствія.

Послѣ завтрака Линѣ подали письмо отъ матери, которая извѣщала, что д-ра Тёйтлебена требуютъ въ полицію по очень важному дѣлу.

«Дай Богъ,—добавляла она,—чтобы не вышло какой нибудь непріятной исторіи, потому что полицейскій, который явился ко мнѣ по этому поводу, имѣлъ какой-то важный таинственный видъ. Я обрадовалась, когда онъ ушелъ, потому что отъ него вся комната пропахла о der Bougre»...

— Что это такое? — спросилъ съ недоумѣніемъ Германъ.

Лина расхохоталась. — Я понимаю въ чемъ дѣло, — сказала она: — моя добрая мама слышала, что существуютъ духи Eau de bouquet и передѣлала это названіе въ «O der Bougre»... Но что можетъ значить это требованіе въ полицію?

Германъ былъ встревоженъ и хотѣлъ на слѣдующій день вернуться въ Кассель; но друзья стали настойчиво уговаривать его пробыть съ ними еще нѣсколько дней, чтобы окончательно успокоиться, такъ какъ, по мнѣнію Людвига, онъ могъ при малѣйшей неосторожности нажить себѣ опаснаго врага въ лицѣ Берканьи.

Они вышли въ садъ, гдѣ ихъ разговоръ продолжался на ту же тему. Въ это время по дорогѣ проѣхалъ верхомъ Дёрнбергъ, возвращаясь съ утренней прогулки, и поклонился имъ издали.

Германъ сталъ расхваливать наружность Дёрнберга и спросилъ: откуда онъ?

— Онъ изъ Гессена,—отвѣтилъ Людвигъ:—и принадлежитъ къ зажиточной дворянской фамиліи. Сначала Дёрнбергъ служилъ въ

прусской арміи, въ 1806 году попалъ въ плѣнъ, затѣмъ былъ освобожденъ и принялъ участіе въ возстаніи въ пользу курфюрста, которое вскорѣ было подавлено. Отсюда онъ отправился въ Англію и вступилъ въ сношенія съ вліятельными государственными людьми, какъ лордъ Кестльри и Каткартъ, графъ Мюнстеръ, русскій посланникъ Алопеусъ и другіе. Между тѣмъ прусская армія на столько уменьшилась, что Дёрнбергу не оставалось другаго исхода, какъ явиться къ Іерониму, который въ это время приглашалъ къ себѣ на службу всѣхъ дворянъ своего королевства. Онъ такъ понравился королю, что этотъ назначилъ его баталіоннымъ командиромъ, а теперь произвелъ его въ полковники егерскаго карабинерскаго полка.

— Судя по твоему разсказу, Людвигъ,—сказала Лина:—Дёрнбергъ имѣетъ большія связи, и можетъ разсчитывать на блестящую будущность, такъ что Эммериху едва ли удастся завлечь его въ какое нибудь отчаянное предпріятіе...

Гейстеръ понялъ намекъ, который заключался въ этихъ словахъ, но ничего не отвѣтилъ и поспѣшилъ перемѣнить разговоръ. Лина ушла въ свою комнату, чтобы одѣться къ предстоящему званному обѣду и, немного погодя, вернулась въ шелковомъ платьѣ, изъ клѣтчатой шотландской матеріи, сшитомъ по послѣдней модѣ.

Гейстеръ былъ, видимо, доволенъ туалетомъ жены.

— Вотъ и ты, наконецъ, помирилась съ этимъ фасономъ платья!—воскликнулъ онъ.

— Ты самъ заказалъ этотъ вырѣзанный лифъ, противъ моего желанія,—сказала молодая женщина, краснѣя.—Если хочешь, то я сейчасъ переодѣнусь.

— Напротивъ, — возразилъ онъ съ улыбкой: — я радъ видѣть тебя такой нарядной и не разъ настаивалъ на томъ, чтобы ты не отставала отъ моды, которой слѣдуютъ даже пожилыя женщины. Ты не можешь себѣ представить, какъ тебѣ идетъ этотъ вырѣзанный лифъ!

— Пожалуйста, не говори такихъ вещей при Германѣ или при комъ бы то ни было,—сказала она съ досадой.—Я знаю, что ты любишь поддразнивать меня всякими пустяками!

— Что съ тобой, Лина?—спросилъ съ удивленіемъ Гейстеръ:—я никогда не видѣлъ тебя въ такомъ дурномъ расположеніи духа. Ты точно помѣшалась, нарядившись въ это платье!

Это замѣчаніе заставило ее улыбнуться.

— Ну, положимъ, ты самъ не всегда бываешь особенно уменъ,—сказала она, обнимая его:—а теперь пойди, одѣвайся скорѣе, чтобы намъ идти не торопясь. Я приготовила тебѣ наверху зеленый фракъ съ полосатымъ жилетомъ и новый жабо; не достаетъ только къ этому костюму хохла à la Titus, сдвинутаго на бокъ «comme un coup de vent», какъ говорятъ парикмахеры. Поторопись и ты, Германъ!

Когда мужчины кончили свой туалетъ, всѣ трое двинулись въ путь. Солнце скрылось за облаками, и было на столько прохладно, что они незамѣтно дошли до монастырскаго сада, расположеннаго террасами. Настоятельница встрѣтила ихъ въ нижнемъ саду и пригласила въ бесѣдку, откуда открывался видъ на дорогу и окрестности.

Вскорѣ вниманіе ихъ было привлечено оригинальной парой, которая, видимо, направлялась къ монастырю. Широкоплечая полная дама, лѣтъ сорока, шла подъ руку съ кавалеромъ, который казался вдвое моложе ея и по своей худобѣ и блѣдному лицу представлялъ полный контрастъ съ нею. Она была въ бѣломъ полосатомъ платьѣ, затканномъ красными и серебристыми сердцами и сшитомъ по послѣдней модѣ; бѣлая соломенная шляпа, по обилію украшавшихъ ее розановъ, напоминала корзину съ цвѣтами. Нѣжные взгляды, которые она по временамъ обращала на своего спутника, были особенно комичны при ея нескладной фигурѣ.

— Они идутъ сюда,—сказала Маріанна Штейнъ.—Это Филиппина фонъ-Календергъ и Отто изъ Мальсбурга, поэтъ, не лишенный таланта, онъ служитъ теперь въ Мюнхенѣ при вестфальскомъ посольствѣ. Вы познакомитесь съ ними; это милые люди, хотя ихъ дружба поражаетъ всѣхъ; смотрите, съ какимъ увлеченіемъ они разговариваютъ другъ съ другомъ. Дружба ихъ началась съ нѣжной переписки, хотя до этого они не были знакомы между собой; наконецъ, съ взаимнаго согласія назначили они себѣ rendez-vous въ Касселѣ и теперь дѣлаютъ визиты разнымъ лицамъ въ окрестностяхъ города. Нужно замѣтить, что Филиппина также пишетъ стихи...

Въ это время влюбленные подошли къ бесѣдкѣ; молодой дипломатъ казался слегка смущеннымъ; въ его манерахъ проглядывала сдержанность свѣтскаго человѣка, между тѣмъ какъ его экзальтированная подруга поздоровалась со всѣми съ какимъ-то особеннымъ жаромъ и порывистыми движеніями, которыя далеко не отличались граціей.

Къ обѣду прибыло еще нѣсколько гостей, и въ томъ числѣ полковникъ Дёрнбергъ. Когда всѣ сѣли за столъ, сначала шелъ довольно оживленный разговоръ о разныхъ предметахъ; но вскорѣ оригинальная пара овладѣла общимъ вниманіемъ. Не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ людей, они припоминали нѣкоторые случаи своего заочнаго знакомства и говорили другъ другу любезности. Поэтъ въ высокопарныхъ выраженіяхъ благодарилъ свою подругу, что она познакомила его съ Кальдерономъ, «королемъ испанской сцены», и навела на мысль заняться переводомъ геніальныхъ произведеній испанскаго поэта: — Это не легкая задача,—добавилъ онъ,—но я надѣюсь, что вы, Филиппина, поможете мнѣ справиться съ риѳмами и размѣромъ стиховъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи я не могу сравниться съ вами.

Филиппина самодовольно улыбнулась и, обращаясь къ настоятельницѣ, спросила: имѣетъ ли она понятіе о Кальдеронѣ? и, получивъ отрицательный отвѣтъ, продолжала:—Это новинка у насъ! Ничто не можетъ сравниться съ его божественными драмами! Я дамъ вамъ прочитать переводъ Шлегеля... Испанія грезится мнѣ воснѣ и наяву!

— Также какъ и мнѣ, хотя въ другомъ отношеніи, — сказалъ Дёрнбергъ.

— Неужели!—воскликнула Филиппина и, занятая своей мыслью, не обратила вниманія на смыслъ его словъ.—Дѣйствительно, испанцы замѣчательно богаты драматическими произведеніями. Что касается мелкихъ произведеній Калдерона, то не всѣ они равнаго достоинства; но несомнѣнно, что одно лучшее изъ нихъ «Жизнь не болѣе какъ сонъ», и переводъ такой вещи можетъ осчастливить Германію.

— Не думаю, чтобы переводъ подобнаго стихотворенія былъ кстати въ настоящее время,—замѣтилъ съ раздраженіемъ Дёрнбергъ.—У насъ въ Германіи издавна существуетъ оригинальная вещь въ томъ же родѣ «Грёзы на яву»; но пора покончить съ ними, для насъ наступила суровая дѣйствительность, и едва ли поэтамъ удастся увѣрить насъ, что она «не болѣе какъ сонъ»! Въ Испаніи теперь поставлена на сценѣ другая піэса «Жизнь—борьба», и сознаюсь, что, при моемъ грубомъ вкусѣ, я готовъ скорѣе сочувствовать этому, нежели мириться съ тѣмъ, что жизнь—сонъ. Что скажете вы на это, г. Гейстеръ?

— Я того мнѣнія, полковникъ, что мы слишкомъ долго спали, и чѣмъ скорѣе наступитъ пробужденіе, тѣмъ лучше!

Эти слова видимо смутили всѣхъ; наступила минута общаго молчанія. Никто не рѣшался возобновить прерванный разговоръ; и такъ какъ обѣдъ подходилъ къ концу, то настоятельница предложила своимъ гостямъ пить кофе, на открытомъ воздухѣ. Она поднялась съ своего мѣста и, взявъ подъ руку Дёрнберга, вышла въ садъ; всѣ послѣдовали ихъ примѣру.

— Какъ вы рѣзко возражали Филиппинѣ Каленбергъ! — сказала Маріанна Штейнъ: — я не узнала васъ сегодня, полковникъ; вы всегда отличались утонченной вѣжливостью въ обращеніи съ дамами...

— Если вы желаете, то я готовъ извиниться передъ нею,— возразилъ Дёрнбергъ:—но я потерялъ всякое терпѣніе. Объясните мнѣ, что могло связать этихъ двухъ людей, такъ мало подходящихъ другъ другу? Эта старая мечтательница своими сладкими рѣчами деморализируетъ молодаго человѣка, вмѣсто того, чтобы возбудить въ немъ мужество.

— Вы слишкомъ нетерпимы, г. Дёрнбергъ, — замѣтила настоятельница съ упрекомъ.

— Простите, моя дорогая пріятельница,—сказалъ онъ, цѣлуя ея руку:—но мнѣ казалось, что въ виду печальнаго положенія Германіи не время заниматься намъ такими пустяками, какъ переводы Кальдерона...

VIII.

Маргаритка.

Общество опять соединилось въ бесѣдкѣ, гдѣ поданъ былъ дессертъ и кофе; но всѣ чувствовали себя неловко. Дёрнбергъ, ссылаясь на свой скорый отъѣздъ, отправился къ лѣсничему, пригласивъ съ собой Гейстера; на прощанье онъ сказалъ какую-то любезность Филиппинѣ Календергъ, чѣмъ привелъ ее въ наилучшее расположеніе духа. Чтобы заставить своего друга принять участіе въ разговорѣ, она спросила его, давно ли онъ лишился своей любимой тетки, которая впервые пробудила въ немъ поэтическій талантъ.

— Это была замѣчательная женщина!—сказалъ Отто.—Она окружила мое дѣтство нѣжными заботами и своимъ чуткимъ, любящимъ сердцемъ предугадала во мнѣ проблески поэтическаго дарованія. Ей обязанъ я своимъ первымъ вдохновеніемъ; она благословила меня на этотъ тернистый путь. Если вы позволите, то я прочту вамъ небольшое стихотвореніе, посвященное ея памяти...

Съ этими словами онъ досталъ изъ вышитой записной книжки листокъ бумаги и началъ читать. Все общество слушало съ большимъ вниманіемъ молодаго поэта, но, когда онъ дошелъ до послѣднихъ строфъ, въ которыхъ, намекая на смутное предчувствіе близкой смерти, выражалъ надежду раздѣлить вѣчное блаженство съ несчастной страдалицей, сентиментальная Филиппина разразилась громкими рыданіями.

Маріанна Штейнъ была окончательно смущена этой сценой и старалась навести разговоръ на болѣе общую тему, но это не удалось ей, потому что влюбленная пара продолжала занимать собою общество. Наконецъ, Лина, потерявъ терпѣніе, поднялась съ своего мѣста и стала прощаться; Германъ послѣдовалъ ея примѣру. Бесѣдуя о впечатлѣніяхъ дня, они незамѣтно подошли къ дому; и такъ какъ въ комнатахъ было довольно прохладно, то Лина плотнѣе укуталась въ платокъ, который былъ накинутъ на ея плечи.

— Неужели, Германъ, ты въ самомъ дѣлѣ, хочешь завтра вернуться въ Кассель?—спросила она, садясь къ столу и указывая ему на стоявшій рядомъ табуретъ.

Онъ отвѣтилъ утвердительно.

— Людвигъ думаетъ, что тебѣ слѣдовало бы пожить еще нѣсколько дней съ нами, потому что теперь ты едва ли будешь въ

состоянiи хладнокровно говорить съ Берканьи. Но мать безпокоится, какъ видно изъ ея письма, и я не стану удерживать тебя. Ты, вѣроятно, уже принялъ какое нибудь рѣшенiе и, надѣюсь, не станешь скрывать его отъ меня!

— О! разумѣется, могу ли я скрыть что либо отъ тебя, Лина!— воскликнулъ съ горячностью Германъ, такъ какъ предстоящая разлука съ друзьями расположила его къ откровенности.—Я послѣдую совѣту Людвига и буду вести себя съ голубиной кротостью относительно Берканьи, такъ что ему и въ голову не прiйдетъ, что я понялъ его коварство. Но, во всякомъ случаѣ, я не могу оставить у себя деньги, представивъ негодную работу: это противно моей совѣсти...

— Я вполнѣ раздѣляю твое мнѣнiе, — сказала она, ласково взглянувъ на него:—мнѣ кажется, что въ этомъ отношенiи ты долженъ слѣдовать внушенiю твоего сердца.

— Но я еще не придумалъ, подъ какимъ предлогомъ возвращу я эти деньги Берканьи, не возбудивъ его подозрѣнiя; также трудно будетъ объяснить ему, почему я не хочу больше принимать отъ него денегъ и продолжать работу, хотя не теряю надежды выпутаться какъ нибудь изъ этого затруднительнаго положенiя...

— Пойми, Германъ, что, если я оправдываю твое рѣшенiе возвратить полученныя деньги, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы совѣтъ Людвига былъ дуренъ; у него замѣчательно вѣрный взглядъ, онъ на столько честенъ и уменъ, что ты всегда можешь послушаться его. Я знаю, что нелегко слѣдовать голосу разсудка, когда это противно нашимъ чувствамъ! Въ такiя минуты человѣкъ чувствуетъ все свое ничтожество, онъ какъ бы утрачиваетъ сознанiе собственнаго я...

— Какъ ты мила, Лина, когда ты философствуешь съ такимъ серьёзнымъ видомъ! — воскликнулъ Германъ, съ увлеченiемъ прерывая ее.—И какая ты красавица! Знаешь ли, я желалъ бы со временемъ имѣть жену, которая хотя бы на половину была похожа на тебя!

— Какъ вы любезны, мой дорогой братъ, — сказала она, снимая перчатки.—Теперь вы мнѣ говорите комплименты; а они, вѣроятно, были предназначены фрейлейнъ Бомбахъ, которая почему-то не была въ монастырѣ!

— Перестань, Лина, оставь твои шутки, ты знаешь, я говорю то, что думаю; сегодня, мнѣ прiйдется проститься съ вами, потому что я уѣду завтра рано утромъ, когда вы еще будете спать. Пользуюсь случаемъ, чтобы высказать тебѣ, на сколько я счастливъ, что сошелся съ вами, заслужилъ ваше довѣрiе, и вы принимаете такое живое участiе въ моей судьбѣ. Безъ васъ я чувствовалъ бы себя одинокимъ въ Касселѣ, а теперь у меня есть родные, къ которымъ я могу явиться въ хорошiя и тяжелыя минуты моей жизни.

Тысячу разъ спасибо за вашу дружбу, моя добрая Лина; передай все это Людвигу, ты лучше меня съумѣешь выразить то, что я чувствую. Пожалуйста, возвращайтесь скорѣе въ городъ, я буду съ нетерпѣніемъ ожидать васъ...

Съ этими словами онъ нѣжно поцѣловалъ руку молодой женщины; она инстинктивно отшатнулась отъ него, и въ это время платокъ соскользнулъ съ ея плечъ.

Германъ поднялъ его съ полу и, подавая, сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— У меня есть еще одна просьба къ тебѣ, Лина!

— Въ чемъ дѣло?

— Не надѣвай больше этого платья, или, по крайней мѣрѣ, носи его, какъ можно рѣже.

— Ты находишь, что оно мнѣ не къ лицу?—спросила она съ удивленіемъ.

— Нѣтъ, напротивъ!—возразилъ онъ въ смущеніи.—Я самъ не знаю, зачѣмъ я прошу тебя объ этомъ...

— Едва ли такое объясненіе можетъ показаться достаточнымъ,—замѣтила она съ кокетливой улыбкой.

— Ну, не дѣлай этого ради твоего мужа,—сказалъ онъ вполголоса.—Сегодня за обѣдомъ Дёрнбергъ такъ дерзко смотрѣлъ на тебя!

— Ради Людвига? Да вѣдь онъ самъ желалъ, чтобы я надѣла это платье, и уже не разъ упрекалъ меня, что я отступаю отъ моды.—При этихъ словахъ она покраснѣла, такъ какъ въ глубинѣ души сознавала, что надѣла модное платье, чтобы понравиться Герману.

— Если это желаніе Людвига, то и говорить нечего,—сказалъ онъ, выходя въ садъ.

Молодая женщина въ раздумьѣ остановилась у открытаго окна, но черезъ минуту выбѣжала въ садъ и крикнула:

— Германъ!

Онъ молча подошелъ къ ней.

— Даю тебѣ слово,—сказала она:—никогда больше не надѣвать этого платья!

— Благодарю! — отвѣтилъ онъ, подавая ей сорванную маргаритку, которую держалъ въ рукахъ.

Она краснѣя взяла цвѣтокъ и пошла въ свою комнату, чтобы переодѣться.

IX.

Передъ полиціей.

Германъ выѣхалъ передъ разсвѣтомъ изъ Нейгофа и прибылъ довольно рано въ Кассель, такъ что могъ отдохнуть и собраться съ мыслями до своего визита къ генералъ-директору полиціи. Хотя

до полицейскаго бюро было всего нѣсколько минутъ ходьбы, но онъ рѣшилъ отправить напередъ деньги черезъ посыльнаго, чтобы избѣжать лишнихъ объясненій.

Генералъ-директоръ занималъ верхній этажъ дома, гдѣ помѣщалось полицейское бюро и, куда онъ являлся только въ опредѣленные часы, чтобы заняться текущими дѣлами. Въ этотъ день онъ вернулся изъ дворца позже обыкновеннаго; выраженіе лица его доказывало, что аудіенція у короля сошла не совсѣмъ благополучно. Въ полной парадной формѣ, сосредоточенный и мрачный, сидѣлъ онъ передъ своимъ письменнымъ столомъ и подписывалъ ворохи лежащихъ передъ нимъ бумагъ. Онъ старался скрыть отъ подчиненныхъ причину своего неудовольствія и въ то же время искалъ предлога, чтобы излить на нихъ дурное расположеніе духа. Саванье молча стоялъ около него и съ безпокойствомъ слѣдилъ за движеніемъ его руки. Много разъ секретарь скрадывалъ тайные документы полиціи и передавалъ ихъ французскому посланнику или же обманомъ подсовывалъ для подписи генералъ-директора такія бумаги, которыя соотвѣтствовали его личнымъ выгодамъ или его друзей. Такъ и теперь, въ числѣ приготовленныхъ бумагъ, находился подложный приказъ объ арестѣ ни въ чемъ неповиннаго человѣка и самовольное предписаніе о выдачѣ денегъ другому лицу. Между тѣмъ Берканьи, противъ своего обыкновенія, тщательно прочитывалъ каждую бумагу, прежде, чѣмъ подписать ее; секретарь сообщалъ ему разныя новости, въ надеждѣ отвлечь его вниманіе, но все было напрасно. Наконецъ, онъ вспомнилъ о печати, только-что полученной имъ отъ рѣзчика, и положилъ ее на столъ. Берканьи взялъ ее въ руки, внимательно оглядѣлъ со всѣхъ сторонъ и сталъ торопливо подписывать бумаги, такъ какъ хотѣлъ сравнить печати. При полицейскомъ бюро находилась такъ называемая «черная камера», гдѣ вскрывались письма, присылаемыя генералъ-почтъ-директоромъ Потау, и, по прочтеніи, запечатывались подложными печатями въ тѣхъ случаяхъ, когда дальнѣйшая корреспонденція почему либо имѣла интересъ для полиціи. Новая печать, представленная секретаремъ, была съ гербомъ графа Гарденберга, который въ послѣднее время часто писалъ въ Берлинъ и въ Кёнигсбергъ и, между прочимъ, своей дочери, состоявшей фрейлиной при дворѣ прусской королевы Луизы.

Когда печати были свѣрены, Саванье сообщилъ своему начальнику, что нѣсколько человѣкъ нѣмцевъ и французовъ желаютъ получить низшія мѣста при полиціи. Саванье съ своей стороны предложилъ въ кандидаты двухъ французовъ: Дюкро и Фурмона, которыхъ зналъ лично; но генералъ-директоръ сухо замѣтилъ ему, что онъ предпочитаетъ помѣстить нѣмцевъ.

— Но рекомендованные мною французы достаточно владѣютъ нѣмецкимъ языкомъ,—возразилъ секретарь.

— Можетъ быть, они и знаютъ нѣмецкій языкъ, но французы плохіе шпіоны. Нѣмцы гораздо усерднѣе ихъ относительно доносовъ; у нихъ на это особенное чутье и они вообще добросовѣстнѣе исполняютъ свою обязанность. Впрочемъ, мнѣ нечего объяснять вамъ это, Саванье; нѣмцы ваши соотечественники и вы достаточно знакомы съ ними!

Генералъ-директоръ говорилъ на основаніи опыта: полицейскіе агенты въ Вестфальскомъ королевствѣ были преимущественно нѣмцы и успѣли на столько выказать свое усердіе, что слово «mouchard» обратилось въ бранную кличку даже среди полицейскихъ. Кромѣ того, Берканьи былъ не въ духѣ и, чтобы сказать что нибудь непріятное своему секретарю, попрекнулъ его нѣмецкимъ происхожденіемъ, которое этотъ тщательно скрывалъ, и, выдавая себя за француза, передѣлалъ свою эльзасскую фамилію Вагнеръ въ Саванье.

Секретарь, видимо задѣтый, отвѣтилъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ: — Вы правы, ваше превосходительство, нѣмцы слишкомъ усердны, вслѣдствіе прирожденнаго имъ чувства справедливости и сознанія долга; но они далеко не такъ ловки и плутоваты, какъ французы, и не отличаются такимъ нахальствомъ...

— Вы прекрасно характеризуете своихъ соотечественниковъ, Саванье, хотя вы забыли еще одно качество, а именно, что они не такъ брезгливы и берутся за такія дѣла, отъ которыхъ французъ отвернулся бы съ отвращеніемъ. Но, во всякомъ случаѣ, можно будетъ до извѣстной степени воспользоваться услугами Дюкро и Фурмона, которые уже являлись ко мнѣ... Я считаю наиболѣе удобнымъ нарядить ихъ въ лакейскія ливреи и пристроить въ нѣмецкія семейства, о которыхъ мы должны имѣть свѣдѣнія. Французъ можетъ лучше нѣмца занять такую должность; у него вѣрнѣе взглядъ и болѣе тонкій слухъ. Вотъ, напримѣръ, у оберъ-гофмейстерины есть кто либо изъ нашихъ?

— Да, ваше превосходительство, нашъ тайный агентъ Вюрцъ ухаживаетъ тамъ за размалеванной горничной графини Антоніи и получаетъ черезъ нея всѣ необходимыя свѣдѣнія.

— Что прикажете? — сказалъ Вюрцъ, который, услыхавъ свое имя, явился изъ сосѣдней комнаты.

— Мы еще поговоримъ съ вами, дождитесь, пока до васъ дойдетъ очередь, — сухо замѣтилъ генералъ-директоръ и, обращаясь къ Саванье, продолжалъ: — Я слышалъ, что полковникъ Сальмъ ищетъ камердинера француза, пошлите туда Фурмона; онъ ловкій и красивый малый; если дѣло состоится, то дайте ему надлежащую инструкцію. Ну, а изъ кандидатовъ нѣмцевъ кого вы можете рекомендовать?

— Шедтлера и Генцерлинга, — отвѣтилъ Саванье.

— Отлично! Назначьте на вакантныя мѣста этихъ двухъ ми-

лыхъ нѣмцевъ: Гедтлера и Шенцерлинга, — сказалъ генералъ-директоръ:—не забудьте только объяснить имъ въ точности, въ чемъ будутъ заключаться ихъ обязанности. Вы понимаете меня, Саванье?.. А теперь подойдите сюда, Вюрцъ! знайте, что я крайне недоволенъ вами...

Вюрцъ, который въ это время украдкой смотрѣлся въ зеркало, замѣтно поблѣднѣлъ, не смотря на румяна, покрывавшія его щеки. Это былъ высокій худощавый человѣкъ непріятной наружности, съ острымъ носомъ и подбородкомъ и тусклыми глазами; широкій ротъ казался еще некрасивѣе отъ черныхъ испорченныхъ зубовъ. Каштановые волосы, украшавшіе его небольшую голову, были тщательно причесаны и завиты мелкими локонами à la Titus. Когда онъ подошелъ къ письменному столу, отъ него распространился сильный запахъ духовъ.

— Вы изволили сказать, ваше превосходительство, что недовольны мною,—сказалъ онъ заискивающимъ голосомъ.—Я въ полномъ отчаяніи! Вѣроятно, меня оклеветали, потому что своимъ усердіемъ къ службѣ я нажилъ себѣ враговъ среди моихъ сослуживцевъ...

— Вы осмѣливаетесь говорить о своемъ усердіи!—прервалъ его Берканьи, который не считалъ болѣе нужнымъ сдерживать себя. — Убирайтесь къ чорту съ такимъ усердіемъ! Не разсказывайте мнѣ сказокъ. Отъ полицейскаго агента прежде всего требуютъ дѣлъ, а гдѣ они? Что вы сдѣлали или открыли за это время? Чѣмъ доказали вы свое усердіе! Вотъ, напримѣръ, что вы узнали о баронѣ Рефельдѣ?

— Я хожу за нимъ по пятамъ, ваше превосходительство. Съ нѣкотораго времени онъ сталъ посѣщать капельмейстера Рейхардта, и я видѣлъ, какъ онъ разъ, входя на лѣстницу, досталъ изъ кармана письма и сталъ читать ихъ, изъ чего можно заключить, что въ нихъ было что нибудь особенно интересное. Я рѣшилъ также дѣйствовать черезъ мою жену, такъ какъ готовъ на всѣ жертвы для достиженія цѣли... Моя жена изъ Галле; она сразу узнала барона Рефельда, потому что видѣла его въ этомъ городѣ и хорошо запомнила его лицо.

— Изъ Галле, гдѣ студенты пропѣли Наполеону «Pereat!»...—сказалъ задумчиво Берканьи: — капельмейстеръ Рейхардтъ также изъ Галле! Очевидно заговорщики начинаютъ собираться... Но что же дальше, Вюрцъ? Пока я не узналъ отъ васъ ничего существеннаго... Пожалуйста, спрячьте свой носовой платокъ, отъ васъ такъ разитъ духами, что вы заранѣе даете знать о своемъ приближеніи, а это совсѣмъ лишнее для полицейскаго агента.

Вюрцъ поспѣшно спряталъ въ карманъ свой носовой платокъ.—Теперь,—продолжалъ онъ:—я пригласилъ себѣ въ помощницы красивую мадемуазель Ленхенъ, по фамиліи Виллигъ; она постарается

сойдтись съ барономъ Рефельдъ и влюбить его въ себя, а тогда ей не будетъ стоить никакого труда выпытать изъ него все, что намъ нужно.

— Мнѣ лично онъ показался пустымъ человѣкомъ съ нѣкоторой претензіей на франтовство,—замѣтилъ Саванье:—я внимательно слѣдилъ за нимъ, прислушивался къ разговорамъ и не нашелъ въ немъ ничего подозрительнаго. Впрочемъ, я не осмѣливаюсь навязывать своего мнѣнія...

— Намъ необходимо получить самыя точныя свѣдѣнія о баронѣ Рефельдъ, — продолжалъ Берканьи: — потому что король находитъ его подозрительнымъ. Посовѣтуйте той особѣ, о которой вы говорили, Вюрцъ, чтобы она обратила особенное вниманіе на его переписку. Странно, что баронъ, какъ и нѣкоторыя другія не совсѣмъ надежныя личности, не получаетъ никакихъ писемъ по почтѣ! Несомнѣнно, что переписка ведется другимъ путемъ, потому что существуютъ тайныя сношенія съ прусскими патріотами и курфирстомъ, и даже получаются здѣсь извѣстія изъ Англіи, хотя до сихъ поръ наши агенты ничего не могли открыть. Дѣйствительно, у меня замѣчательно усердные и талантливые слуги! Остается одно—спровадить всѣхъ васъ къ чорту! Свѣдѣнія, доставленныя мнѣ до сихъ поръ вами, Вюрцъ, и вашей компаніей, касаются, преимущественно, публичныхъ и питейныхъ домовъ, любовныхъ интригъ, уличныхъ скандаловъ и проч. На это обращено все ваше вниманіе, а заговоры и тайныя сношенія всего менѣе интересуютъ васъ! Даже о Тугендбундѣ вы не можете узнать ничего опредѣленнаго, и приходится обращаться за свѣдѣніями къ нашему посланнику въ Берлинѣ, такъ что маршалъ Даву въ насмѣшку предложилъ мнѣ прислать сюда своихъ сыщиковъ. Помните, что всѣмъ вамъ не сдобровать, если въ самомъ непродолжительномъ времени вы не представите мнѣ такихъ донесеній которыми будетъ доволенъ императоръ и нашъ милостивый король! Уже не говоря объ остальномъ, появилась безнаказанно цѣлая масса возмутительныхъ сочиненій на нѣмецкомъ языкѣ, а вамъ до этого и дѣла нѣтъ... Кстати, вернулся ли въ городъ этотъ молодой фантазеръ, д-ръ Детлевъ?

Въ это время доложили о приходѣ д-ра Тёйтлебена.

Берканьи велѣлъ принять его и, сдѣлавъ знакъ своимъ подчиненнымъ, чтобы они удалились, откинулся на спинку кресла въ небрежной позѣ важнаго сановника.

Германъ, войдя въ кабинетъ генералъ-директора, молча поклонился.

— Давно ли вы вернулись изъ вашего путешествія, г. докторъ?—спросилъ Берканьи съ иронической усмѣшкой.—Мнѣ пришлось довольно долго поджидать васъ!

Германъ былъ нѣсколько смущенъ этимъ холоднымъ пріемомъ,

но овладѣлъ собою и, не дожидаясь приглашенія, сѣлъ на стулъ, стоявшій передъ письменнымъ столомъ.

— Прошу извиненія,—сказалъ онъ:—но я не совсѣмъ понялъ, почему могли вы поджидать меня!

Берканьи невольно выпрямился.

— Почему?—повторилъ онъ.—Странный вопросъ: развѣ вы забыли, что вамъ заказана работа?

— На сколько я могу припомнить, ваше превосходительство, мнѣ не было сказано, что моя работа должна быть представлена къ извѣстному сроку.

— Чортъ возьми!—воскликнулъ съ нетерпѣніемъ генералъ-директоръ.—Его величество уже третій разъ спрашивалъ меня о ней.

— Король?—спросилъ Германъ съ удивленіемъ.—Простите, но, если я не ошибаюсь, произошло какое-то недоразумѣніе относительно моей особы, или, вѣрнѣе сказать, моего донесенія, которое касается такого отвлеченнаго вопроса, какъ объединеніе двухъ націй на почвѣ науки и литературы. При моихъ слабыхъ силахъ, едва ли я могъ представить что либо достойное вниманія его величества.

Берканьи замѣтилъ сдѣланный имъ промахъ, и это не улучшило его расположенія духа.

— Почему вы думаете,—сказалъ онъ:—что такой вопросъ не можетъ имѣть интереса для короля? Мнѣ кажется, что онъ на столько же важенъ для его величества, какъ и для всѣхъ насъ.

— Вашему превосходительству это лучше извѣстно,—возразилъ Германъ.—Но, какъ ни лестно для меня вниманіе короля, во всякомъ случаѣ, я не предполагалъ ничего подобнаго и имѣлъ въ виду только тѣ условія, какія были предложены мнѣ. Изъ нихъ, самое главное, что мнѣ дозволено было работать не торопясь; мысли, какъ вамъ извѣстно, всего лучше зарождаются у насъ въ спокойномъ состояніи, и только тогда можетъ выйдти изъ работы что либо дѣльное и имѣющее значеніе. Къ тому же, объединеніе двухъ націй въ томъ смыслѣ, какъ я его понимаю, дѣло далекаго будущаго, и этотъ вопросъ едва ли требуетъ немедленнаго рѣшенія.

Берканьи недовѣрчиво взглянулъ на своего собесѣдника.

— Вы такъ думаете!—сказалъ онъ съ улыбкой.—Но мнѣ кажется, что, если вы взяли на себя такую работу, то всякія размышленія на данную тему совершенно лишнія. Его величество не можетъ знать мотивы, почему вы считаете свое донесеніе неспѣшнымъ, и требуетъ, чтобы оно было представлено ему теперь же, а короли не отличаются терпѣніемъ!

— Я отношусь съ должнымъ уваженіемъ къ приказаніямъ короля, но все это такъ ново для меня, что я не могу прійдти въ себя отъ удивленія.

Уклончивые отвѣты Германа на столько раздражили вспыль-

чиваго француза, что онъ вышелъ изъ себя и, желая поддержать свой авторитетъ, принялъ неумѣстный начальническій тонъ:

— Не знаю, что тутъ новаго для васъ, г. докторъ! Кажется, вы могли бы догадаться по моимъ письменнымъ вопросамъ и замѣчаніямъ, что дѣло довольно спѣшное; наконецъ, я объяснилъ бы вамъ все это устно, если бы вы, вопреки всѣмъ правиламъ службы, не отлучились самовольно въ деревню безъ отпуска.

— Безъ отпуска!—воскликнулъ Германъ, а затѣмъ прибавилъ болѣе спокойнымъ голосомъ.—Прошу извиненія, но я не зналъ, что долженъ брать отпускъ, чтобы посѣтить моихъ друзей; тѣмъ болѣе, что я не нахожусь на службѣ...

Берканьи разсмѣялся.

— Какъ вы неопытны въ дѣлахъ!—сказалъ онъ.—Отъ кого вы получаете жалованье, отъ того должны вы получить и отпускъ. Быть можетъ, это также новость для васъ!

Германъ не ожидалъ, что денежный вопросъ, самый щекотливый для него, будетъ поднятъ такимъ неделикатнымъ образомъ, и быстро вскочилъ съ мѣста. Генералъ-директоръ въ испугѣ бросился въ сторону, такъ какъ ему показалось, что Германъ хочетъ напасть на него; но этотъ направился къ двери и черезъ минуту вернулся съ пакетомъ денегъ, который положилъ передъ собою на письменный столъ. Берканьи чувствовалъ себя неловко и, сдѣлавъ усиліе, чтобы казаться спокойнымъ, спросилъ:

— Что это такое!?

Германъ уже заранѣе придумалъ, подъ какимъ предлогомъ возвратить деньги, но теперь, когда онъ считалъ себя оскорбленнымъ, объясненіе не показалось ему затруднительнымъ; тѣмъ не менѣе, голосъ его дрожалъ отъ волненія.

— Я пріѣхалъ въ Кассель, ваше превосходительство,—сказалъ онъ:—чтобы пріискать себѣ мѣсто, которое бы до извѣстной степени обезпечивало меня. А эти 300 франковъ, выданные мнѣ впередъ, на столько тяготили меня, что я старался поскорѣе представить работу и сдѣлалъ ее слишкомъ небрежно, какъ вы сами изволили замѣтить. Поэтому позвольте мнѣ возвратить вамъ эти деньги; я постараюсь сначала заработать ихъ...

Берканьи былъ на столько удивленъ, что въ первую минуту не нашелся что отвѣтить, такъ какъ подобный случай противорѣчилъ всѣмъ его понятіямъ о людяхъ. Онъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на деньги, затѣмъ на Германа и сказалъ дружелюбнымъ тономъ, въ которомъ слышалась насмѣшка:

— Вы слишкомъ безкорыстны, г. докторъ, но вы должны акклиматизироваться здѣсь, если желаете имѣть успѣхъ. Въ торговлѣ и дѣлахъ нужно быть болѣе положительнымъ; вы сами согласились тогда взять авансъ и обѣщали представить работу. Но я надѣюсь, что мы сойдемся съ вами; если вы не желаете работать на пре-

жнихъ условіяхъ, то мы пріищемъ для васъ подходящее мѣсто. Быть можетъ, вы уже принесли мнѣ отвѣты на предложенные мною вопросы?

Германъ говорилъ стоя, такъ какъ чувствовалъ, что долѣе не въ состояніи выдержать своей роли.

— Прошу извинить меня, ваше превосходительство, но я долженъ совсѣмъ отказаться отъ работы или просить васъ назначить для нея болѣе продолжительный срокъ. Сознаюсь, что до сихъ поръ я еще не освоился съ задачей моего сообщенія; и пока оно не будетъ представлено, не считаю себя вправѣ принять мѣсто, которое вы такъ милостиво предлагаете мнѣ, потому что и тутъ могу обмануть ваше довѣріе.

— Вы какъ будто хотите отказаться отъ работы! — воскликнулъ Берканьи. — Что съ вами! Это преувеличенная нѣмецкая щепетильность; садитесь и отвѣчайте хладнокровно на тѣ вопросы, которые я предложу вамъ, я самъ запишу ваши отвѣты. Allons! гдѣ ваше первое сообщеніе?

— Я уничтожилъ его.

— Какъ! что такое! Вы вѣроятно шутите?

— Нѣтъ, я говорю совершенно серьезно...

— Вы разорвали ваше первое сообщеніе? Какъ осмѣлились вы сдѣлать это! — сказалъ Берканьи, возвысивъ голосъ.

— Я рѣшился на это въ минуту недовольства собою, тѣмъ болѣе, что вы сами нашли мою работу неудовлетворительной и слишкомъ поспѣшной. Эта оцѣнка казалась мнѣ вполнѣ справедливой; и поэтому я бросилъ въ огонь мой безполезный трудъ.

Берканьи былъ внѣ себя отъ ярости. Онъ прошелся раза два по комнатѣ, затѣмъ опять сѣлъ въ кресло и, глядя пристально на Германа, сказалъ съ злобной усмѣшкой:

— Вамъ, вѣроятно, и въ голову не приходитъ, что вы сами выдали себя!

— Какимъ образомъ? — спросилъ Германъ.

— Изъ вашего сообщенія видно, что вы находитесь въ дружескихъ отношеніяхъ съ тѣми подозрительными лицами, которые названы вами. Не подлежитъ сомнѣнію, что вы посвящены во все, а теперь ретируетесь отъ насъ изъ боязни показаться измѣнникомъ вашимъ сообщникамъ. Вотъ вы и попались!

Этотъ оборотъ дѣла, при всей своей неожиданности, не смутилъ Германа, потому что онъ ясно видѣлъ, сколько противорѣчій въ этомъ обвиненіи, и рѣшилъ воспользоваться оплошностью своего противника.

— Мнѣ очень жаль, ваше превосходительство, что вамъ пришлось такъ скоро перемѣнить мнѣніе относительно моихъ способностей и убѣдиться, что я крайне простоватый человѣкъ. Иначе могъ ли я добровольно взять на себя такое рискованное сообщеніе,

И. Крамской.

И. Н. Крамской, съ портрета написаннаго въ февралѣ 1887 г.
дочерью его Софьей Ивановной Крамской.

Дозв. ценз. Спб., 25 апрѣля 1887 г.

НАША ПЕЧАТЬ ВЪ ЕЯ ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ.

(статья первая).

Двухсотлѣтняя монополія правительства.

I.

До ПОЛОВИНЫ XVI вѣка въ средоточіи русской государственной жизни не ощущалось потребности въ книгопечатаніи. Въ Краковѣ славянскія книги издавались Швайпольтомъ Фѣолемъ уже съ 1491 года; оттуда черезъ два года печатаніе ихъ перешло въ Венецію, гдѣ и укрѣпилось на долгое время, благодаря спросу со стороны южныхъ славянъ; въ Литву еще въ 1525 году докторъ Францискъ Скоринна перенесъ свою типографію изъ Праги и надѣлилъ Бѣлоруссію переводомъ Библіи на мѣстное нарѣчіе; на Москвѣ же продолжали довольствоваться наемными «доброписцами».

Промыселъ писца былъ у насъ вполнѣ частнымъ дѣломъ, въ которомъ изъ духовенства принимали участіе лишь устраненные отъ священнослуженія вдовые попы и діаконы [1]). Надъ воспроизведеніемъ слова Божія для общества и церквей трудились не въ монастырскихъ скрипторіумахъ [2]), а въ домахъ посадскихъ людей,

---

[1]) Соборное постановленіе 1503 года. См. протестъ Георгія Скрипицы у Н. И. Костомарова, «Русск. ист. въ жизнеоп.», I, 336.

[2]) Списываніе монахами, по распоряженію архимандрита Діонисія, для разсылки по обителямъ и соборнымъ храмамъ, переведенныхъ Максимомъ Грекомъ

въ помѣщичьихъ усадьбахъ и слободскихъ избахъ, враздробь и безъ всякаго руководства. Максимъ Грекъ указывалъ на «многую грубость и нерадѣніе преписующихъ, ненаученыхъ сущихъ и неискусныхъ въ разумѣ и хитрости грамматикійстѣй»; но старомосковское общество предпочитало рукописную работу издѣліямъ типографскаго станка, и частная предпріимчивость долго не отваживалась разстаться съ кустарнымъ производствомъ книгъ. Маржеретъ свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ (1600—1611 гг.), что черезъ полъ-столѣтія по учрежденіи печатнаго двора въ Москвѣ (1563 г.) «рукописныя книги уважали болѣе, нежели печатныя». Лѣтъ 20 раньше (въ 1582 г.) Поссевинъ писалъ: «Русскіе всѣ свои книги переписываютъ, а не печатаютъ; только кое-что предается тисненію для самого государя въ Александровской слободѣ, гдѣ онъ имѣетъ свою типографію» [1]). Курбскій знавалъ на родинѣ многихъ юношей, «тщаливыхъ въ науцѣ, хотящихъ навыкати писанія» и составлявшихъ для себя цѣлые сборники извлеченій изъ прочитаннаго ими, большею частью, тоже въ рукописяхъ. У каждаго боярина была своя рукописная библіотека, и такой способъ составленія домашнихъ библіотекъ продержался долго; онъ былъ обычнымъ еще въ царствованія Петра Великаго и Екатерины I. У Коля [2]), жившаго въ Петербургѣ до 1729 года, находимъ свидѣтельство о прилежномъ переписываніи книгъ, сочиненныхъ русскими авторами или ими переведенныхъ. Онъ зналъ людей, которые «ничѣмъ другимъ», кромѣ переписыванія книгъ, не занимались и сидѣли за работой «по цѣлымъ днямъ, снискивая тѣмъ себѣ пропитаніе»,—значитъ, были настоящими рабочими. Какъ видно изъ одного архивнаго документа [3]), переписываніе книгъ религіознаго содержанія поставлялось въ нравственную заслугу, почиталось подвижничествомъ. «Аще трудолюбно потщишися,—читаемъ въ этомъ документѣ,—къ божественному писанію прилежати, трое благо получиши: первое—отъ своихъ трудовъ питаешися, второе—праздного бѣса изгониши, третіе—съ Богомъ бесѣдовати имаши». Отожествленіе въ общественномъ сознаніи ближайшей, матеріальной, цѣли ручнаго труда съ высшими цѣлями земнаго бытія человѣка, по понятіямъ того времени, не могло не вліять поощрительно на энергію переписчиковъ и дѣйствовало, быть можетъ, съ большею силою, чѣмъ могло бы дѣйствовать щедрое вознагражденіе, вслѣдствіе чего цѣна рукописныхъ книгъ была

бесѣдъ евангельскихъ и апостольскихъ, было нововведеніемъ, которое очень не нравилось братіи Троицко-Сергіева монастыря. Тамъ же, стр. 710.

[1]) Послѣ гибели печатнаго двора отъ поджога и бѣгства въ «иныя страны незнаемыя» Ивана Өедорова, книгопечатаніе въ Москвѣ возобновилось только въ 1589 году.

[2]) Kohl. Introductio in historiam et rem litterariam Slavorum. Altona. 1729.

[3]) Въ «Сборникѣ казанской академической библіотеки», подъ № 854.

умѣренна, и ихъ производство шло на столько успѣшно, что вполнѣ удовлетворяло общественному спросу. Если по временамъ и ощущался недостатокъ, то не въ книгахъ религіознаго содержанія; тогдашнее общество занимали и разныя «еретическія хитрости»: Рафли, Вороноград, Шестокрылъ, Астрономія, Зодія, Альманахъ, Звѣздочетъ, Аристотелевы Врата, и иные «составы еллинской мудрости». Но за такія «коби бѣсовскія, ими же прельщаютъ людей и отъ Бога отлучаютъ», стали преслѣдовать церковнымъ проклятіемъ, да назначать еще и мірскую казнь (соборъ 1551 г.). Тогда же впервые проявилось стремленіе верховной власти обуздать «растлѣніе» богослужебныхъ книгъ, какъ называлъ Максимъ Грекъ порчу ихъ невѣжественными переписчиками: поповскимъ старостамъ велѣно смотрѣть за писарями, чтобы тѣ списывали книги исправно, съ вѣрныхъ образцовъ, и допускать къ продажѣ только правильно списанныя книги, а неправильно списанныя—отбирать и уничтожать. Предложеніе этой мѣры исходило отъ самого царя, тогда еще юнаго Ивана Васильевича Грознаго [1]). Духовная цензура заводилась на Руси не по почину духовенства, а по почину мірскому, и не ради сохраненія чистоты христіанскаго вѣроученія, а въ видахъ дисциплины общественной совѣсти и мысли. Въ тѣхъ же видахъ, два года спустя по составленіи «Стоглава», приступлено было къ устройству печатнаго двора на Никольской.

Заводя печатный станокъ, царь думалъ, «какъ бы ему изряднѣе въ Русской землѣ учинить, произвести бы ему отъ письменныхъ книгъ печатныя, ради крѣпкаго исправленія и утвержденія» [2]). Хотя тутъ же говорится о желаніи слѣдовать примѣру Грековъ [3]), Фряговъ, Виницы (Венеціи), нѣмецкихъ земель, Бѣлой Руси и Литовской земли и выставляется цѣлью «скорое дѣланіе» и «легкая цѣна» книгъ, но эти соображенія правильнѣе, кажется, отнести къ личному взгляду московскаго первопечатника, чѣмъ къ намѣреніямъ государя, вовсе не стремившагося подражать Западу и едва ли обращавшаго какое либо вниманіе на хозяйственную полезность своей мысли, признанной митрополитомъ Макаріемъ за «даръ свыше сходящій». Явленія, связанныя съ возникновеніемъ и развитіемъ печатнаго дѣла у иноземцевъ, были не такого рода, чтобы возбудить въ Иванѣ Васильевичѣ охоту къ подражанію. Тамъ, путемъ печатнаго слова, развивалась литература живыхъ языковъ и возникала критика, рѣшительно нетерпимая въ Московскомъ государствѣ; печать повела къ упадку вліянія церковной проповѣди; она

[1]) Ему шелъ тогда 21-й годъ.
[2]) См. послѣсловіе къ Первоапостолу.
[3]) Гдѣ, надо замѣтить, еще не было типографій, и печатныя книги получались изъ Венеціи.

же, особенно «въ нѣмецкихъ земляхъ», служила главнымъ орудіемъ борьбы протестантства съ вѣковыми авторитетами. Даже во Фрягахъ (въ сѣверной Италіи) ересь шла рука объ руку съ успѣхами печатнаго слова: ученыя академіи въ Моденѣ и Венеціи нѣсколько разъ были закрываемы за ересь. Изъ Парижскаго университета,—этой сторожевой башни церкви,—то и дѣло раздавалась тревога противъ книгъ, не смотря на то, что еще въ началѣ XVI столѣтія имъ былъ установленъ на печатныя книги довольно высокій тарифъ, и онѣ подлежали двойной цензурѣ: со стороны церкви и правительства. Наконецъ, въ сосѣдней Литвѣ развитіе книгопечатнаго дѣла и распространеніе реформатскихъ сектъ обусловливали другъ друга въ золотой вѣкъ Сигизмундовъ. Учреждаемый и содержимый на средства государевой казны печатный дворъ предназначался служить орудіемъ укрѣпленія властью признанныхъ авторитетовъ, имѣлъ задачею создать единую духовную литературу въ устраненіе вольной издательской дѣятельности переписчиковъ, привести къ одному знаменателю самую букву и утвердить единодержавіе книги, какъ утверждено было единодержавіе власти. Штанба (stampa—печать) состояла при особѣ царя и слѣдовала за нимъ при его переселеніи въ Александровскую слободу, была зачислена въ опричнину, а не земщину. При Лже-Димитріи и Василіи Шуйскомъ она работала во дворцовыхъ палатахъ, а когда не стало царя на Москвѣ, въ Смутное время, и она очутилась въ Нижнемъ [1]), откуда на казенный счетъ перевезена въ Москву по «обраніи на царство» Михаила Ѳеодоровича. Ея дисциплинарное, подъ непосредственнымъ надзоромъ верховной власти, назначеніе видно еще изъ того, что царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ большомъ количествѣ скупались рукописныя книги, и печатному двору было вмѣнено въ обязанность пріобрѣтать для оклейки тимпановъ и фрашкетовъ книги писанныя на «харатьѣ» (charta damascena?), т. е. наиболѣе роскошныя изданія [2]), что̀ и соблюдалось втеченіе всего XVII вѣка.

«Скорое дѣланіе» и «легкая цѣна», если и имѣлись въ виду, то не въ смыслѣ удовлетворенія общественному спросу. Первоапостолъ (именно: сборникъ изъ апостольскихъ дѣяній, посланій

---

[1]) Въ началѣ XVII столѣтія народно-государственная потребность въ услугахъ печатнаго станка была ощутительна при разсылкѣ грамотъ троицко-сергіевскаго архимандрита (въ Казань, Новгородъ, Вологду, Пермь и другіе города), убѣждавшихъ слать къ Москвѣ ратныхъ людей и казну; но печатный станокъ бездѣйствовалъ въ этомъ направленіи, а грамоты изготовлялись и разсылались въ спискахъ.

[2]) Изъ того, что у насъ встрѣчаются очень древнія рукописи на глаженной бумагѣ, Шторхъ выводитъ предположеніе, что выдѣлка послѣдней была извѣстна нашимъ предкамъ весьма рано (Historisch-statistische Gemälden des Russischen Reiches, III, 4), однако до 1723 года бумага для печатанія книгъ покупалась исключительно заграничная.

соборныхъ и св. апостола Павла) печатался почти круглый годъ, съ 19-го апрѣля 1563 по 1-е марта 1564 года. Изъ расходной книги печатнаго приказа видно, что въ февралѣ 1620 года взято за 15 Миней 11 рублевъ 8 алтынъ и 2 деньги,—больше годоваго жалованья словолитцу и восьмимѣсячнаго жалованья книгопечатному мастеру, а трудъ этихъ людей при Михаилѣ Θеодоровичѣ и патріархѣ Филаретѣ вознаграждался едва ли хуже, чѣмъ при Грозномъ, когда, по словамъ Ивана Θедорова, главнымъ дѣлателямъ «и прочимъ клевретомъ ихъ», трудившимся на печатномъ дворѣ, давался «покой (жалованье) не малъ и уроки (хлѣбный паекъ) довольны».

Московское общество далеко не восторженно привѣтствовало учрежденіе печатнаго двора. Недоброжелательство «многихъ начальникъ и учитель» Θедоровъ объясняетъ ихъ «презѣльнымъ озлобленіемъ» изъ зависти. Близость первопечатниковъ къ царю могла дѣйствительно породить злобное чувство въ служилыхъ людяхъ; но оно не ограничивалось средою этихъ людей. Діаконъ отъ Николы Гостунскаго, по всей вѣроятности вдовый, не менѣе Грознаго вѣровавшій въ свое призваніе свыше, не замѣтилъ того впечатлѣнія, какое долженъ былъ произвести печатный дворъ на безхитростные умы тружениковъ старокнижнаго дѣла и на московскаго грамотѣя, коснаго, правда, но коснаго по своей волѣ и привыкшаго удовлетворять своимъ литературнымъ вкусамъ путемъ свободнаго выбора или заказа. Списываніе книгъ, какъ занятіе, нравилось людямъ созерцательнаго и спокойнаго характера, а древній обычай отожествлялъ эту работу съ упражненіемъ въ добродѣтели и возводилъ трудъ переписчика-ремесленника на почетную высоту. Выше этого труда ставилось только иконописное искусство: Стоглавъ предписываетъ, чтобы «архіереи и весь народъ» воздавали иконописцамъ почетъ «паче простыхъ людей». И все это упразднялось. Кромѣ того, печатный дворъ становился поперекъ дороги огромному большинству писцовъ, «неискусныхъ въ разумѣ и хитрости грамматикійстѣй». Что станутъ они дѣлать? Куда пойдутъ, если прекратится спросъ на ихъ работу? На Θедорова съ товарищемъ взводили недобросовѣстное обвиненіе въ ереси, что̀ и подало поводъ заподозрѣть «изувѣровъ» въ сожженіи печатнаго двора[1]); но настоящій виновникъ вѣрнѣе найдется, если мы въ своихъ поискахъ будемъ руководствоваться правиломъ cui prodest malum. Были задѣты заживо не вѣрованья, а стародавніе порядки книжнаго производства, съ которыми связывался вопросъ о хлѣбѣ насущномъ для вольныхъ промышленниковъ, простыхъ рабочихъ и предпринимателей, еще въ концѣ предшествовавшаго столѣтія появив-

---

[1]) В. Е. Румянцевъ: «Сборникъ памятниковъ, касающихся до книгопечатанія въ Россіи», вып. 1.

шихся по всѣмъ городамъ Московскаго государства, гдѣ они работали и по заказу, и на рынокъ въ ожиданіи покупателя. Эти ремесленники и кустари видѣли, что самъ царь покровительствуетъ новой (фабричной) формѣ производства и не жалѣетъ средствъ для ея упроченія, что печатный дворъ сдаетъ свой товаръ прямо старостамъ торговыхъ рядовъ, и притомъ не однихъ книжныхъ, а всякихъ, и подошевныхъ, и мѣшинныхъ [1]), по царскому приказу взыскиваетъ съ нихъ деньги, и не малыя, покупателей же старосты должны находить себѣ сами. Не могло нравиться такое нововведеніе ни старостамъ, ни обычнымъ посѣтителямъ торговыхъ рядовъ, въ кустаряхъ же старокнижнаго дѣла оно возбуждало не зависть, а болѣе тревожное чувство,—чувство страха за будущность промысла, ихъ питавшаго. Позднѣйшая исторія доказала, что опасность, смущавшая кустарей старокнижнаго дѣла, была еще далеко впереди, что печатный дворъ не сократилъ общественнаго спроса на рукописныя книги, и не могъ этого сдѣлать, не предлагая обществу новой умственной пищи; но на нервы тружениковъ, промышленниковъ и многихъ хотѣвшихъ «навыкати писанія» раздражающимъ образомъ дѣйствовало вторженіе печатниковъ въ ту именно область кустарнаго книжнаго производства, которое наиболѣе приходилось по вкусу грамотѣямъ и вполнѣ удовлетворяло современному спросу. И вотъ, когда въ 1565 году печатный дворъ выпустилъ свое второе изданіе (Часовникъ), неизвѣстные люди, по собственному побужденію или по наущенію злобствующихъ начальниковъ и учителей, рѣшаются покончить со своею бѣдою: они не бунтуютъ открыто противъ царской воли и митрополичьяго благословенія, но ночью подкладываютъ огонь подъ ненавистное имъ учрежденіе и сжигаютъ его до тла.

Фактъ поджога печатнаго двора любопытенъ какъ единственный примѣръ въ нашей промышленной исторіи хотя и потаенной, но все же насильственной попытки кустарничества устоять на почвѣ, подрываемой фабричнымъ производствомъ. Тогдашнее общественное мнѣніе было явно на сторонѣ кустарей, иначе Ѳедорову не пришлось бы спасаться бѣгствомъ въ «страны незнаемыя», будто бы, дѣйствительно же въ очень хорошо знаемую и настежь открытую для московскихъ бѣженцовъ Литву временъ Сигизмундовъ.

II.

Типографщики такъ же способны «растлѣвать» богослужебныя и всякія другія книги, какъ растлѣвали ихъ и писцы; поэтому были необходимы особые люди, «трудившіеся у свидѣтельства книгъ», называемые справщиками.

---

[1]) На это имѣются прямыя указанія въ расходной книгѣ печатнаго приказа. Выписки изъ этой книги см. въ вышеприведенномъ трудѣ Румянцева.

Въ лицѣ справщиковъ, съ самаго начала и до конца разсматриваемаго двухсотлѣтія, совмѣщался трудъ нынѣшнихъ редакторовъ и корректоровъ. Сохранилось свидѣтельство Филарета Романова, что они не всегда достойно исполняли свои обязанности. Одного изъ справщиковъ, «крылошанина» Троицко-Сергіева монастыря, инока Логина, издавшаго въ 1610 году Уставъ или Око церковное, Филаретъ обзываетъ «воромъ бражникомъ», испортившимъ изданіе своею неумѣлостью и своевольствомъ. Въ Смутное время не всегда и бывали справщики, а по словамъ современника Насѣдки, правили книги сами мастера. Но съ воцареніемъ Михаила Өедоровича и по вторичномъ возстановленіи печатнаго двора [1], къ «свидѣтельству книгъ» приложили особое стараніе. Требникъ было поручено издать знаменитому архимандриту Діонисію, и въ помощь ему, по царскому избранію, даны монахи Арсеній и Антоній, да священникъ Иванъ, которымъ извѣстно было «книжное ученіе, грамматика и риторика». Образцами служили раньше отпечатанный «Потребникъ» и старыя рукописныя изданія; но всѣ эти образцы пришлось предварительно очистить отъ ошибокъ, вкравшихся по невѣжеству писцовъ и упомянутаго инока Логина, который былъ, кстати сказать, не простымъ «крылошаниномъ», а головщикомъ (регентомъ) на клиросѣ у Троицы. Отсюда видно, что обязанности справщика не спеціализировались; онѣ возлагались временно и особо для каждаго изданія на отдѣльныхъ лицъ или на цѣлый совѣтъ свѣдущихъ людей, не покидавшихъ своихъ обычныхъ занятій. О наградахъ за такіе чрезвычайные труды до Никона не осталось слѣдовъ; но исторія нашего книгопечатнаго дѣла неоднократно свидѣтельствуетъ о правежахъ, которымъ подвергались тогда справщики по окончаніи порученныхъ имъ работъ, о заточеніяхъ и ссылкахъ на покаяніе въ дальніе монастыри. И Діонисій былъ призванъ къ отвѣту за то, что совершенно основательно выбросилъ позднѣйшую прибавку «и огнемъ» послѣ словъ молитвы: «Пріиди, Господи, и освяти воду сію Духомъ Твоимъ святымъ». За такую «ересь» на него наложили пеню въ 500 рублей, которыхъ онъ не могъ заплатить, растративъ всю монастырскую казну на дѣло спасенія отечества. Тогда митрополитъ Іона велѣлъ поставить его на правежъ. Нѣсколько дней архимандритъ выстоялъ въ сѣняхъ на патріаршемъ дворѣ, закованный; въ него плевали и глумились надъ нимъ, грозили Сибирью и Соловками, но въ концѣ концовъ рѣшили заточить въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Спасъ невинно-пострадавшаго прибывшій въ Москву іерусалимскій патріархъ Өеофанъ, который объявилъ, что выброшенная Діонисіемъ прибавка—неупотребительна на Востокѣ.

[1]) Печатный дворъ сгорѣлъ вторично въ 1611 году, на страстной недѣлѣ, отъ пожара, зажженнаго поляками.

О вознагражденіи мастеровъ сохранились довольно полныя свѣдѣнія въ расходной книгѣ печатнаго приказа.

При Михаилѣ Ѳедоровичѣ выдавалось въ годъ жалованья:

	Деньгами.	Рожью и овсомъ.
Книгопечатному мастеру . .	15 руб.	по 15 четвертей.
Словолитцу	10 »	» 13 »
Знаменщику (рисовальщику) .	10 »	» 13 »
Рѣзцу	10 »	» 14 »
Столяру	8 »	» 13 »
Кузнецу	7 »	» 12 »

Книгопечатный мастеръ управлялъ работами, но самъ не занимался ни тисненіемъ, ни наборомъ; первое составляло обязанность тередорщиковъ (tiratori), а для послѣдняго держались особые «печатнаго книжнаго дѣла наборщики» [1]); тѣ и другіе, какъ и накладчики краски на шрифты, батырщики (battitori), не носили званія мастеровъ.

Послѣ книгопечатнаго мастера наиболѣе видное мѣсто занималъ рѣзецъ—граверъ на деревѣ и металлическихъ доскахъ. Хлѣбный паекъ этого художника нѣсколько больше пайка словолитца и знаменщика, съ которыми онъ былъ сравненъ въ денежномъ жалованьѣ. Въ старину любили украшать книги травчатыми заставками и вычурными начальными буквами, иногда же и цѣлыми заглавными строками, рѣзанными вязью (шрифтовъ для вязи не было). Рѣзали обронно (en relief). Искусство это, повидимому, давалось немногимъ: когда въ началѣ XVII столѣтія на печатномъ дворѣ прослышали о новгородцѣ Васюкѣ, умѣвшемъ «рѣзати рѣзь всякую», то по царскому указу его вызвали въ Москву «на борзѣ», т. е. немедленно.

Приведенные размѣры денежнаго жалованья и пайка рожью и овсомъ [2]) были болѣе чѣмъ достаточною платою за трудъ по тогдашнему времени. Вещная цѣна рубля превышала цѣну нынѣшняго фунта стерлинговъ, или 6 рублей звонкою монетою [3]). Но особенно могло цѣниться мастерами печатнаго двора то, что хотя ихъ и брали иногда по царскому указу, но они одни получали плату, работая въ учрежденіи государственномъ. По свидѣтельству Котошихина,

---

[1]) Подъ этимъ именованіемъ значится въ расходной книгѣ печатнаго приказа за 1620 годъ Олексѣй Невѣжинъ, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ Невѣжинымъ (Андроникомъ Тимоѳеевичемъ), завѣдовавшимъ книгопечатнымъ дѣломъ въ первыя 14 лѣтъ патріаршества Іова.

[2]) За недостаткомъ ржанаго употребляли въ пищу овсяный хлѣбъ. Въ «лихолѣтье» архимандритъ Діонисій говорилъ своей братьи: «Что у насъ ни есть хлѣба ржанаго и пшеницы, и квасовъ въ погребѣ,— все отдадимъ раненымъ людямъ, а сами будемъ ѣсть хлѣбъ овсяной».

[3]) До конца XVII стол. четверть ржи въ Москвѣ стоила не дороже 50 коп. А. Г. Брикнеръ. Мѣдныя деньги въ Россіи.

«къ ствольному, ложечному и замочному дѣлу брали мастеровъ на Москвѣ, и изъ городовъ, и изъ монастырей кузнецовъ и всякихъ этого дѣла промышленныхъ людей погодно, по перемѣнамъ», давали же имъ изъ царской казны всего только «поденный кормъ». Въ старину было лучше: мастеровъ всегда вознаграждали за труды. Еще «Русская Правда» устанавливала, независимо отъ кормовъ, особую плату городникамъ (строителямъ укрѣпленій) и мостовщикамъ. Она опредѣляла: «городнику, закладаюче городню, куну взяти, а кончавше ногата, а за кормъ и за вологу, и за рыбу 7 кунъ въ недѣлю, 7 уборковъ пшена, 7 луконъ овса на четыре кони, имати же, доколи городъ срубятъ, а солоду едину дадятъ 10 луконъ» (стр. 108); о мостовщикахъ: «аще помостивше мостъ, взяти отъ дѣла ногата, аще будетъ ветхаго моста потвердити нѣсколько доскъ или 3, или 4, или 5, то тое же» (стр. 43). Во время татарскаго ига соблюдали этотъ древній обычай такъ, что «ремесленники, писцы (живописцы), каменные и деревянные здатели и иные мастера были освобождены отъ обязательной (ханской) работы» [1]); но своеобразный строй, далеко не народный въ хозяйственномъ отношеніи, самодержавнаго (т. е. независимаго) Московскаго государства позволялъ обращать въ повинность всякій трудъ—умственный, ремесленный и промысловый. Котошихинъ указываетъ, какъ на произволъ власти на то, что мастеровъ брали по наряду и давали имъ изъ государевой казны всего только поденный кормъ, да еще въ сухую — хлѣбнымъ пайкомъ: ни о солодѣ для браги, ни о рыбѣ, какъ во времена дѣйствія «Русской Правды», не было и рѣчи; плата за трудъ являлась въ полномъ смыслѣ слова жалованьемъ, милостью, на нее никто не имѣлъ права. Мастерамъ же Печатнаго Двора отпускали и паекъ, и денежное жалованье, стало быть ихъ положеніе было много лучше положенія трудившихся у другихъ дѣлъ казеннаго хозяйства, а что Печатный Дворъ былъ не домашнимъ царскимъ, а государственнымъ учрежденіемъ,—это явствуетъ изъ того обстоятельства, что источникомъ его средствъ служили доходы Печатнаго Приказа—финансоваго отдѣленія Приказа Посольскаго [2]). Его начальникомъ былъ посольскій дьякъ, хранитель государственной печати [3]), откуда и названіе Печатный Приказъ. На основаніи уложенія, въ этомъ вѣдомствѣ собирались печатныя пошлины со всѣхъ грамотъ и памятей, посылаемыхъ въ города (провинцію), какъ по царскому указу, такъ и по челобитьямъ. Въ него же поступали пошлины съ животовъ (доходовъ), которые писаны въ грамотахъ, пожалованныхъ помѣстій и отчинъ, съ челобитій и съ

---

[1]) Аристовъ, «Промышленность древней Руси», 109.

[2]) Хлѣбный паекъ, по всей вѣроятности, отпускался изъ хлѣбнаго приказа—центральнаго управленія родовою собственностью дома Романовыхъ.

[3]) Она всегда висѣла у дьяка на вороту. Котошихинъ.

грамотъ, выдаваемыхъ воеводамъ при назначеніи ихъ на мѣста. Вотъ отъ какихъ «сокровищъ своихъ» царь «нещадно даяше», по словамъ Ѳедорова, «дѣлателемъ на составленіе печатному дѣлу и къ ихъ упокоенію».

Поощряемые царскими милостями, печатники трудились неусыпно, особенно въ Никоновское время вершенія оффиціальной церковной книги и Алексѣевскаго законодательства [1]), тѣмъ не менѣе ихъ работы подвигались медленно, по причинѣ несовершенства техническихъ пріемовъ. Кемпферъ, посѣтившій Россію въ 1681 году, пишетъ: «Сегодня (т. е. 14 августа) я осматривалъ типографію; она расположена въ трехъ комнатахъ, изъ коихъ въ каждой находится 4 стана, подобныхъ нашимъ; но наборъ идетъ здѣсь весьма неуспѣшно. При каждомъ станѣ находится одна только касса, состоящая изъ 64 ящиковъ, по 8 съ каждой стороны; каждый ящикъ раздѣленъ на 2 части, потому что нѣкоторыя литеры полныя, а другія по срединѣ имѣютъ вырѣзку для постановленія удареній. Литеры лежатъ по порядку: а, б, в, и т. д.; онѣ не имѣютъ сигнатуры для познанія верхней части оныхъ, а потому при набираніи надобно разсматривать каждую букву, отчего наборъ идетъ очень медленно; касса не наклонена, а стоитъ перпендикулярно и въ ней весьма мало буквъ» [2]).

Литературный и преподавательскій трудъ того времени вознаграждался царскимъ жалованьемъ по разсчету поденной работы. Пріѣхавшіе въ Москву изъ Кіева въ 1650 году, для перевода греческой библіи «на словенскую рѣчь» и «для риторскаго ученія», старцы Епифаній и Арсеній получали «поденнаго корму по 4 алтына, да питья съ дворца по 2 чарки вина, по двѣ кружки меду, по двѣ кружки пива», а за переводъ съ латинскаго занимательнаго сборника по разнымъ отраслямъ знанія (богословія, философіи, поэзіи, исторіи, естествовѣдѣнія, географіи и врачебнаго искусства), подъ заглавіемъ «О градѣ царскомъ, или поученіе нѣкоего учителя именемъ Мефрета», велѣно давать Арсенію по гривнѣ на день [3]).

Имѣя главымъ образомъ задачею печатаніе исправленныхъ богослужебныхъ и церковныхъ книгъ, Печатному Двору всего естественнѣе было бы находиться въ вѣдѣніи духовенства. Но государственная власть не столько заботилась о чистотѣ вѣроученія, какъ о единствѣ его обрядовой стороны и дисциплинѣ мысли и слова. Она и отъ духовенства требовала подчиненія своему міровоззрѣнію,

---

[1]) Списокъ съ Уложенія 1648 года царь повелѣлъ занести въ книгу и скрѣпить дьякамъ Гаврилѣ Леонтьеву и Ѳедору Грибоѣдову. Печатали уже съ этого списка.

[2]) «Баронъ Мейербергъ», изд. Аделунга (Спб. 1827 г.), стр. 353—354.

[3]) Сообщеніе С. М. Соловьева въ «Лѣтоп. русск. лит. и древн.», т. I, отд. III, стр. 159—160.

службы ея цѣлямъ и личнымъ видамъ правителей. Инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ, притянутый къ отвѣту за мнимое еретичество свое, пострадалъ по волѣ царя, раздѣлявшаго жидовскую ересь, за то собственно, что возражалъ противъ намѣренія государя развестись съ нелюбимою женою. Въ малолѣтство Грознаго, Шуйскіе низлагаютъ митрополита Даніила, угождавшаго отравленной ими Еленѣ Глинской, и возводятъ въ этотъ санъ троицкаго игумена Іосафа; добравшись до власти вторично, низлагаютъ Іосафа и ставятъ митрополитомъ новгородскаго архіепископа Макарія. Сами іерархи (Филаретъ, Никонъ) не такъ ревностно заботятся о духовномъ просвѣщеніи и нравственномъ наставленіи паствы, какъ о мірскомъ соправительствѣ съ государемъ, и заодно съ свѣтскою властью преслѣдуютъ не отступничество отъ догматовъ вѣры, а свободомысліе, выражающееся въ несоблюденіи обрядовъ и критикѣ нравовъ. Василій Шуйскій, живое олицетвореніе старо-московской косности, сослалъ въ Іосифовъ монастырь, славившійся своею благонамѣренностію, приверженнаго къ иноземнымъ обычаямъ князя Ивана Хворостинина. Съ воцареніемъ Михаила Θеодоровича, князь снова появляется въ столицѣ, говоритъ, что все равно образа, что римскіе, что греческіе, не постится, не хочетъ идти къ царю на пасху, отзывается, что на Москвѣ не съ кѣмъ слова сказать, пишетъ вирши (но ихъ не распространяетъ), гдѣ подсмѣивается надъ благочестіемъ москвичей: кланяются де иконамъ по подписи, а образъ неподпиный у нихъ и не образъ,—и острить: «московскіе люди сѣютъ всю землю рожью, а живутъ все ложью». Такой дерзости не стерпѣлъ патріархъ Филаретъ и сослалъ вольнодумца въ Кирилловъ монастырь, приказавъ держать его въ кельѣ безвыходно, давать читать только церковныя книги и заставлять молиться. Послѣ 9 лѣтъ келейнаго заточенія и принудительной молитвы, князь далъ клятву соблюдать уставы греческой церкви и не читать никакихъ еретическихъ книгъ, т. е. книгъ, не одобряемыхъ тогдашнимъ оффиціальнымъ міромъ, а этотъ міръ самый языкъ науки того времени—латынь, считалъ поганою, хотя по необходимости и пользовался имъ въ иностранныхъ сношеніяхъ и для перевода книгъ, даже наиболѣе чтимыхъ [1]). Такія рѣчи, какія любилъ держать къ боярамъ

---

[1]) Максимъ Грекъ, пріѣхавъ въ Москву, не зналъ церковно-славянскаго языка а данные ему въ помощь для перевода Толковой Псалтыри толмачъ Дмитрій Герасимовъ и дипломатъ Василій не знали погречески; поэтому Максимъ переводилъ имъ съ греческаго на латинскій, а они писали пославянски. Самъ Филаретъ научился полатыни, когда былъ еще щеголеватымъ Θеодоромъ Никитичемъ и служилъ образцомъ умѣнья ѣздить верхомъ и красиво одѣваться. Въ 1683 году, посольскій переводчикъ Авраамъ Фирсовъ перевелъ Псалтырь съ нѣмецкаго. Указ. моск. патр. библ., изд. 1858 году, стр. 223. Переводъ этотъ не велѣно было смотрѣть безъ патріаршаго указа, такъ какъ въ предисловіи находились нелестные отзывы о Россіи: «нашъ россійскій народъ грубый и неученый, не только простые, но и духовнаго чина» и т. п.

названный Дмитрій, были въ диковинку при московскомъ дворѣ и рѣшительно нетерпимы во второй половинѣ XVII вѣка. Онъ говаривалъ: «Пусть всякій вѣритъ по своей совѣсти... Что же такое латинская, лютерская вѣра? Все такія же христіанскія, какъ и греческая. И они въ Христа вѣруютъ». Или: «Вы поставляете благочестіе въ томъ, что сохраняете посты, поклоняетесь мощамъ, почитаете иконы, а никакого понятія не имѣете о существѣ вѣры... живете совсѣмъ не похристіански, мало любите другъ друга; мало расположены дѣлать добро».

Подъ гнетомъ духовной диктатуры и доведенной до крайности централизаціи управленія глохла всякая живая мысль и общественное самосознаніе впало въ немочь. Начавшееся, затѣмъ, глубокое нравственное разложеніе въ средѣ высшаго сословія, чему многочисленныя доказательства приводятся въ запискахъ Котошихина и окольничаго Желябужскаго; появленіе приказа тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, учрежденнаго Алексѣемъ Михайловичемъ вскорѣ послѣ казни англійскаго короля Карла I; развитіе служебнаго и добровольнаго шпіонства, возведеннаго на степень государственнаго учрежденія сказываніемъ «слова и дѣла» и посылками тайныхъ довѣренныхъ агентовъ не только въ иностранныя земли, но и съ воеводами въ походы и во внутреннія области; запуганность, доходившая до того, что, по свидѣтельству Коллинса, знакомые, видя пьянаго, валяющагося на улицѣ среди жестокой зимы, не осмѣливались подать ему помощь, опасаясь, въ случаѣ его смерти у нихъ на рукахъ, подвергнуться безпокойству разслѣдованій со стороны Земскаго Приказа, который (какъ и позднѣйшая наша земская полиція) умѣлъ взять налогъ со всякаго мертваго тѣла; произволъ и продажность должностныхъ лицъ, торговавшихъ правосудіемъ и благосостояніемъ цѣлыхъ промышленныхъ сословій [1]),—все это вмѣстѣ взятое устраняло самую возможность существованія политической литературы и гласной критики [2]) даже въ рукописныхъ изданіяхъ. Но рядомъ съ оффиціальною книгою, только съ несравненно бо́льшимъ успѣхомъ, размножались «болгарскія басни», списки съ отреченныхъ книгъ, пріобрѣвшихъ въ старой Руси большую популярность, и «сборники» самаго затѣйливаго содержанія: тутъ были и отрывки изъ поуче-

---

[1]) Въ 1646 году, торговые люди разныхъ городовъ били челомъ царю Алексѣю Михайловичу, «что послѣ московскаго раззоренія Аглинскіе нѣмцы, зная то, что имъ въ торгѣхъ отъ Московскаго государства прибыль многая, и хотя всякимъ торгомъ завладѣть, подкупя думнаго дьяка Петра Третьякова многими посулы, и взяли изъ посольскаго приказу грамоту, что торговать аглинскимъ гостемъ, у Архангельскаго города и Московскаго государства въ городѣхъ, двадцати тремъ человѣкомъ». Акты археографич. коммиссіи, т. IV, № 13.

[2]) Записка Крижанича, въ которой онъ проводитъ мысль объ освобожденіи славянъ Россіею и критикуетъ московскіе порядки, найдена сравнительно недавно и то лишь въ черновыхъ тетрадяхъ. Котошихинъ же могъ высказать свою досаду только внѣ предѣловъ отечества.

ній Іоанна Златоуста, и статьи Кормчей, и сказки, и баснословныя сказанія апокрифовъ. Приноравливаясь къ спросу, кустари старокнижнаго дѣла усердно изготовляли энциклопедіи суевѣрной морали, фантастической космогоніи и космографіи, символическихъ толкованій, предсказаній и гаданій, какъ разсказы: Палеи, Люцидарій, Хожденіе Богородицы по мукамъ (мытарствамъ), Громникъ, Трепетникъ и иные многіе. Изгоняемая изъ живой дѣйствительности, которой не даютъ идти путемъ общественнаго саморазвитія, и лишенная всякой основы для отвлеченной научной работы, человѣческая мысль обыкновенно вдается въ область мечтаній или переносится къ событіямъ давно минувшихъ временъ. У людей серьезныхъ, какъ русскіе бояре, по свидѣтельству Павла Іовія [1]), писавшаго со словъ московскаго толмача Герасимова (см. предъидущее примѣч.), всегда можно было найдти въ рукописныхъ спискахъ, кромѣ лѣтописей, исторію объ Александрѣ Македонскомъ, Антоніи и Клеопатрѣ и т. п., дѣйствующіе на воображеніе историческіе разсказы и легенды. Во второй половинѣ XVII столѣтія, при дворѣ интересовались, впрочемъ, и болѣе реальными происшествіями въ иноземческой средѣ: когда съ учрежденіемъ иностранной почты стали получаться въ Москвѣ голландскія, гамбургскія и кёнигсбергскія газеты, то ихъ, вмѣстѣ съ частными письмами, тотчасъ же препровождали въ Посольскій Приказъ, тамъ ихъ переводили [2]) и сообщали царю [3]).

Такимъ образомъ раздвоилось книжное производство Московской Руси. Оффиціальная книга создавалась казенною машиною, частная — ручною работою вольныхъ промышленниковъ. Кустари служили обществу, печатный станокъ — правительству. Даже посольское кустарничество, нарочито созданное для удовлетворенія правительственной любознательности, оказывало услуги обществу переводными трудами толмачей. Великій расколъ сильно поддержалъ рукописное книжное производство, которое, при другихъ условіяхъ, было бы совершенно вытѣснено изъ области церковной правительственною монополіей; міра же свѣтской литературы печатный станокъ еще не касался вовсе. Первая извѣстная намъ попытка прибѣгнуть къ помощи печати, для распространенія въ народѣ своихъ мыслей и намѣреній, принадлежитъ книгописцу и относится къ самому концу XVII столѣтія. Григорій Талицкій, написавшій, что Петръ Первый, какъ осьмой царь—антихристъ, и что пришелъ конецъ міру, вслѣдствіе чего народу запрещалось слушать Петра и платить подати, упоенный успѣхомъ своего сочиненія, встрѣченнаго чрезвычайно сочувственно не только простыми людьми, но и нѣ-

[1]) Библ. иностранныхъ писателей о Россіи. Спб. 1836 года.

[2]) Для разныхъ вѣстей въ Посольскомъ Приказѣ велись даже особыя, тайныя, книги; онъ же завѣдовалъ всею иностранною торговлею.

[3]) Объ этомъ оставилъ извѣстіе Кильбургеръ.

которыми лицами изъ высшаго духовенства, вздумалъ было выгравировать его на деревѣ и, отпечатавъ, продавать и даже бросать въ народъ безденежно. П. Пекарскій, въ своемъ извѣстномъ трудѣ «Наука и литература при Петрѣ Великомъ», разсказываетъ дальше: «Для этого онъ уже купилъ двѣ грушевыя доски и отыскалъ на площади одного разстриженнаго попа, Григорья Иванова, про котораго сказали, что «рѣжетъ кресты», и просилъ, чтобъ на одной доскѣ было вырѣзано «о счисленіи лѣтъ», на другой—«объ антихристѣ». Распопъ Ивановъ объявилъ, что безъ «знаменія» рѣзать невозможно, почему Талицкій «назнаменовалъ» доски, то есть написалъ на нихъ текстъ, но вырѣзать его не удалось: на Талицкаго поступилъ доносъ, его пытали и, наконецъ, сожгли въ Москвѣ, вмѣстѣ съ другомъ его Савинымъ» (II, 81).

III.

Въ первые годы царствованія Петра Великаго, печатный дворъ не измѣняетъ направленія и не расширяетъ круга своей дѣятельности. Давая въ 1700 году грамоту Яну Тессингу на устройство русской типографіи въ Амстердамѣ, Петръ оговариваетъ, чтобы онъ не издавалъ церковныхъ книгъ, такъ какъ «книги церковныя, славянскія и греческія, со исправленіемъ православнаго устава восточныя церкве, печатаются въ царствующемъ градѣ Москвѣ». Тессингу разрѣшалось печатать земныя и морскія картины, и чертежи, и листы, и персоны, и математическія, и архитектурныя, и городостроительныя, и всякія ратныя и художественныя книги на славянскомъ и латинскомъ языкахъ вмѣстѣ, тако и славянскомъ и голландскимъ языкомъ по особну, отъ чего бъ русскіе подданные много службы и прибытка могли получити и обучатися во всякихъ художествахъ и вѣдѣніяхъ» [1]).

Не пристрастіе къ иноземцамъ, котораго въ сущности не было въ Петрѣ, стремившемся къ свѣту полезныхъ знаній и просвѣщенію русскихъ людей, и между этими людьми съ особою охотою набиравшемъ себѣ сотрудниковъ, а скудость образовательныхъ средствъ у себя дома побудила его прибѣгнуть къ содѣйствію печатнаго станка за границею. На Москвѣ было уже немало образованныхъ людей, схоластиковъ Кіевской духовной академіи, устроенной по образцу литовскихъ іезуитскихъ школъ; но эти схоластики, благодаря своей богословской начитанности и основательному знанію древнихъ языковъ, оказавшіе важную услугу Московскому государству очищеніемъ текста священнаго писанія, развитіемъ духовнаго краснорѣчія и обученіемъ русскаго юношества языку

[1]) Полн. Собр. Закон., IV, № 1751.

науки, прежде запретной для него латыни, не имѣли ни малѣйшаго понятія о тѣхъ «художествахъ и вѣдѣніяхъ», въ которыхъ болѣе всего нуждался преобразователь Россіи для дѣла государственнаго строенія. Хворостининъ находилъ, что на Москвѣ не съ кѣмъ слова сказать, а Петру на Москвѣ не у кого было научиться дѣлу. Книгу, заключающую въ себѣ какія нибудь прикладныя знанія, надо было искать за границей, и Петръ, дѣйствительно, «сыскивалъ», поручалъ и приказывалъ «сыскивать» учебныя книги, которыя затѣмъ надо было еще перевести на русскій языкъ и отпечатать славянскими шрифтами, чтобы сдѣлать общедоступными. Избранные уже знали полатыни. Одинъ изъ товарищей Вас. Вас. Головина по «навигацкой наукѣ», сѣтуя на собственную неподготовленность, пишетъ: «Которая наша братья (молодые люди все знатныхъ родовъ) пріѣхали для обученія къ той наукѣ и не единаго не было, чтобы безъ латинскаго языка». Избранные же, по собственному побужденію уѣхавшіе или посланные царемъ учиться къ иноземцамъ, должны были еще пріобрѣсти знаніе и живаго языка той страны, гдѣ обучались, потому что имѣли въ виду, главнымъ образомъ, пріобрѣсти практическія свѣдѣнія, изощриться въ примѣненіи теоріи къ дѣлу, а для этого надо было войдти въ соприкосновеніе не только съ кабинетными учеными и наставниками, но и съ мастерами, разумѣется, не отличавшимися классическимъ образованіемъ. Главною школою была избрана Голландія, и вполнѣ основательно. Голландцы не только пользовались славою наиболѣе дѣловитой націи, достигшей наивысшей степени развитія народнаго богатства и общественнаго благоустройства, но такъ дѣйствительно и было. Въ XVII столѣтіи, первенство сельско-хозяйственной культуры изъ верхней и средней Италіи перешло въ Голландію; ея ремесленники выдѣлялись своею техническою ловкостью и образованіемъ: нѣмецъ Каспаръ Шуппъ (Scioppius), умершій въ 1649 году, писалъ, что между голландскими ремесленниками находились люди, передъ которыми краснѣли бы многіе ученые его отечества, и нельзя не вѣрить его словамъ, вспоминая, что и Рубенсъ вышелъ изъ среды трактирныхъ слугъ; изъ 20,000 судовъ, на которыхъ производилась тогдашняя міровая торговля, 16,000 принадлежали голландцамъ, смѣнившимъ у Архангельска англичанъ послѣ того, какъ царь Алексѣй Михайловичъ озлобился на послѣднихъ за убійство короля Каролуса. Кромѣ того, голландскіе писатели, въ лицѣ Гроціуса, Сальмазіуса, Грасвинкеля и Петра Делакура, пользовались европейскою извѣстностью. Было также въ порядкѣ вещей, что при главной школѣ учреждалась типографія для изданія учебниковъ на языкахъ, на которыхъ велось преподаваніе, и, кромѣ того, на родномъ языкѣ учащихся.

Но на сколько вѣрна была самая мысль, на столько ошибоченъ былъ выборъ человѣка, которому поручалось ея осуществленіе.

Янъ Тессингъ не принадлежалъ къ числу даровитыхъ людей и былъ совсѣмъ не подготовленъ къ издательской дѣятельности, которая, по обычаю того времени, соединялась съ промысломъ типографщика. Одинъ изъ его братьевъ велъ торгъ съ Архангельскомъ, другой—сидѣлъ въ Вологдѣ, гдѣ большими партіями закупалъ для отправки за границу пеньку—послѣ мѣховъ, самый цѣнный и главный товаръ нашего тогдашняго отпуска, которымъ мы одаривали даже иностранные дворы. Въ составленномъ княземъ Ив. Щербатовымъ, за годъ до смерти Петра Великаго, «Вѣдѣніи о торговлѣ россійской», говорится, что «наша пенька добротою поставляется третья по италической и рижской», и что «голландцы много ее отбираютъ». Петръ благоволилъ къ семейству Тессинговъ, бывалъ у нихъ въ домѣ и въ своей грамотѣ упоминаетъ о «службахъ, учиненныхъ (Яномъ) великому посольству». За эти службы, вѣроятно, и дана была привилегія, обѣщавшая матеріальныя выгоды, потому что, кромѣ Тессинга и еще одного «голстеница, Елизарія Избранта» (Evert Ysbrandszoon), никто не имѣлъ права ввоза въ Россію книгъ, изданныхъ за границею. Самъ Тессингъ возлагалъ всѣ свои надежды на сотрудничество одного польскаго выходца, знавшаго полатыни и порусски и лично извѣстнаго царю. Этотъ человѣкъ именовалъ себя de Hasta Hastenio, а «отъ копіи» — Копіевскимъ или Копіевичемъ, Ильею Ѳедоровымъ, «духовнаго чину, вѣры реформатскія, амстеродамскаго собору». Еще раньше, по порученію Петра, составлялъ онъ учебники и сочинялъ проекты «политычные», гдѣ указывалъ, что «приходъ пресвѣтлѣйшаго и великаго государя на всякъ годъ не единаго десятка бочекъ золота лишается». Въ 1699 году, этотъ педагогъ и политико-экономъ написалъ книгу «Воинскихъ дѣлъ промыслы», которую для поднесенія царю представилъ запечатанною начальнику Посольскаго Приказа, боярину Ѳеодору Алексѣевичу Головину; но подьячій Михайла Ларіоновъ, «на укоризну» автору, приведя его въ поварню, возвратилъ эту книгу, уже распечатанную, «аки бездѣлицу какую», и при всѣхъ глумился, говоря: «у насъ де промышленныхъ людей на Москвѣ стегаютъ». Копіевскій соглашался, что это дѣло возможное съ тѣми, кто только хочетъ взять съ царя денежное жалованье; но себя считалъ безкорыстнымъ труженикомъ во славу царскаго величества[1]). Рабо-

---

[1]) Прошеніе къ царю Копіевскаго, извлеченное П. Пекарскимъ изъ кабинетныхъ дѣлъ. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, I, 521—523. Для данныхъ, относящихся къ Петровской эпохѣ, мы главнѣйше пользовались богатымъ матеріаломъ, собраннымъ въ этомъ почтенномъ трудѣ, особенно во II-мъ его томѣ. Тогда книгопечатное дѣло вѣдалъ Посольскій Приказъ, который также просматривалъ книги, приходившія изъ-за границы. Безъ предварительнаго просмотра въ посольской канцеляріи, и Тессингъ не могъ пускать книгъ въ продажу. Кромѣ того, надо было оплатить ихъ пошлиною ad valorem, по 8 денегъ съ рубля продажной цѣны.

тая у Тессинга, Копіевскій вмѣстѣ съ тѣмъ занимался обученіемъ знатныхъ русскихъ юношей: князя Осипа Ивановича Щербатова, Семена Андреевича Салтыкова, да какого-то парня татарченка (полагаютъ, что это былъ не татарчукъ, а царевичъ имеретинскій Арчилъ), котораго къ нему помѣстили русскіе приказчики Филатьевы. Никто изъ нихъ не заплатилъ денегъ учителю, а Щербатовъ да Салтыковъ еще стащили у него по два глобуса. Съ Тессингомъ Копіевскій ужился не долго и сталъ издавать учебники самъ, усердствуя въ витіеватыхъ предисловіяхъ пересаливать наказъ Петра голландскому предпринимателю, чтобъ «чертежи и книги напечатаны были къ славѣ нашему, великаго государя, нашего царскаго величества превысокому имени и всему нашему Россійскому царствію межъ европейскими монархи къ цвѣтущей, наивящей похвалѣ и ко общей народной пользѣ и прибытку, и ко обученію всякихъ художествъ и вѣдѣнію, а пониженья бъ нашего царскаго величества превысокой чести и государства нашихъ въ славѣ въ тѣхъ чертежахъ и книгахъ не было». Въ предпріятіи польскаго выходца принялъ участіе голландецъ Wouttor de Jongh, наивно красовавшійся на заглавныхъ листахъ русскихъ изданій подъ именемъ Ивана Іевлева Молодого[1]), но вскорѣ сталъ жаловаться царю на недобросовѣстность Копіевскаго. Послѣдній, однако, съумѣлъ выбраться на самостоятельный путь и переселился въ Россію, гдѣ умеръ, состоя при посольской канцеляріи, а его типографія работала еще въ 1730 году въ Кёнигсбергѣ, находясь въ рукахъ Корвина-Квасовскаго, «его королевскаго прусскаго величества тайнаго секретаря, присяжнаго транслятора, упривелеованнаго (sic) русскаго польскаго типографа».

Тессингъ умеръ въ 1701 году. Мастеръ его славянской типографіи, оставшись безъ всякихъ средствъ къ существованію, такъ какъ русскими изданіями завладѣло товарищество Iongh-Копіевскій, получившее, вѣроятно, привилегію на продажу книгъ въ Россіи, рѣшился въ 1708 году перенести типографію въ Москву, но по дорогѣ, въ Данцигѣ, попался шведамъ, которые воспользовались славянскими шрифтами для изданія на малороссійскомъ языкѣ призывающихъ къ бунту универсаловъ. Въ двухъ манифестахъ «къ малороссійскому народу»[2]) Петръ называетъ шведскіе универсалы «прелестными письмами во образѣ пасквилевъ», испол-

---

[1]) Надъ обрусеніемъ собственныхъ именъ впервые сталъ подсмѣиваться переводчикъ сокращенныхъ Annales ecclesiastici Баронія (моск. изд. 1719 года). Прежде изъ Месопотаміи дѣлали «междорѣчіе», изъ Декаполя — «десятоградіе». Въ извѣстномъ трудѣ Виніуса «О столицахъ» и проч. Стокгольмъ именуется «Стекольное, столица свѣйскаго короля». Актрису Паггенкампфъ по созвучію писали Поганковою.

[2]) Отъ 9-го ноября 1706 и 3 февраля 1709 гг. Полн. Собр. Зак., IV, №№ 2,212, и 2,224.

ненными «грубой лаи... нескладной, явной и простымъ, а не то что умнымъ людямъ, лжи, самохвальства и киченья». Тѣмъ не менѣе универсалы велѣно настрого сыскивать и предавать уничтоженію, а кто сыщетъ распространяющихъ оные возмутителей, тому «будетъ его, государева, милость»[1]). По странной прихоти судьбы, амстердамская типографія, созданная, между прочимъ, для вящаго возвышенія «царскаго величества превысокой чести», послужила орудіемъ распространенія «грубой лаи, касающейся высокой персоны» русскаго самодержца, и, вмѣсто содѣйствія порядку и крѣпости новаго строя государственнаго управленія, грозила усилить смуту[2]) въ малороссійскомъ народѣ за нѣсколько мѣсяцевъ до битвы подъ Полтавою. Не «воровски» и Петръ прибѣгалъ къ печатному станку для униженія врага и возвеличенія славы русскаго оружія. Издаваемые по царскому указу[3]) юрналы, вѣдомости и реляціи наполнялись преимущественно описаніемъ подвиговъ нашихъ войскъ въ битвахъ со шведами, взятія крѣпостей, непріятельскихъ судовъ, разоренія шведскихъ береговъ и сожженія поселковъ, а въ заключеніи о штурмѣ Нарвы (въ августѣ 1704 г.) объявлялось въ вѣдомостяхъ: «русскіе такой трактаментъ (подчиванье) учинили, что и младенцевъ не много на сей свѣтъ пустили»[4]). Въ патріотическомъ прославленіи и увѣковѣченіи успѣховъ русскаго оружія и личныхъ подвиговъ царя приняло большое участіе гравировальное искусство. Нѣкоторые виды баталій (при Лѣсномъ, Пропойскѣ, Гангутѣ, подъ Полтавой) заказывались даже лучшимъ французскимъ мастерамъ. Макаровъ (кабинетъ-секретарь) пишетъ, что присланныя изъ Парижа отъ князя Куракина доски гравюръ сраженій при Лѣсномъ и Гангутѣ «самой лучшей работы, перваго купорштиха». И деньги платили не малыя: «за сухопутную 3,000, а за морскую 1,800 франковъ». Какъ высока была эта плата, можно судить по тому, что состоявшій съ 1708 году при московской типографіи, а затѣмъ переведенный въ Петербургъ голландецъ, «грыдорованнаго дѣла мастеръ», Пикардъ, исполняя очень сложныя работы (изъ нихъ извѣстны: Полтавская битва, виды Петербурга, Кронштадта и Москвы, свадьба карлы и свадьба шута Шанскаго), получалъ въ годъ жалованья 325 р., а второй по немъ граверъ Алексѣй Зубовъ — 195 р. и 35 юфтей хлѣба. Вообще не жалѣли

---

[1]) Тамъ же, № 2,189.

[2]) По окончаніи борьбы съ сѣвернымъ врагомъ, Петръ, во время похода въ Персію (1722 г.), прибѣгнулъ къ тому же пріему, выпустивъ 1,000 экземпляровъ манифеста на турецкомъ языкѣ. Исторія о жизни и дѣлахъ князя Кантемира, 299.

[3]) См. ниже въ этой же главѣ.

[4]) «Вѣдомости Московскія. На Москвѣ лѣта Господня 1704, въ 22 день». Извѣстіе о взятіи Нарвы издано и на нѣмецкомъ языкѣ въ Кёльнѣ у Фреймунда (bey Peter Freymund).

денегъ для увеличенія своей славы и пріобрѣтенія извѣстности между иностранцами. Еще царевна Софія передала свой гравированный малороссомъ Тарасевичемъ портретъ Шакловитому, чтобы тотъ поручилъ Виніусу «такую жъ персону за моремъ въ голландской землѣ велѣть напечатать». По гравюрѣ Тарасевича сдѣлано въ Амстердамѣ до ста листовъ; въ нихъ «ея, великія государыни, именованіе полное, а внизу подписаны вирши на латинскомъ языкѣ къ похвалѣ ей же, великой государынѣ... тѣ листы печатаны за моремъ, чтобъ ей, великой государынѣ, по тѣмъ листамъ была слава и за моремъ въ иныхъ государствахъ, также какъ и въ Московскомъ государствѣ по листамъ же» [1]. Паткуль отыскалъ въ Вальдекѣ барона, который нанимался прославлять перомъ, и не одного только царя. По условію, собственноручно Петромъ подписанному, этотъ баронъ (von Hüyssen) обязывался склонять голландскихъ, германскихъ и другихъ странъ ученыхъ, чтобы они посвящали царю, или членамъ его семейства, или, наконецъ, царскимъ министрамъ, замѣчательныя изъ своихъ произведеній. Онъ долженъ былъ уговаривать журналистовъ и дѣйствительно уговорилъ (т. е. подрядилъ) редакторовъ журналовъ Europäische Fama и Staats-Spiegel писать хвалебныя статьи о Россіи, собственно о ея государственныхъ дѣятеляхъ, имѣлъ повелѣніе гравировать «персоны» русскихъ министровъ и генераловъ и прилагать эти персоны къ означеннымъ журналамъ, для прославленія именъ знатнѣйшихъ русскихъ людей, и уговорилъ даже ученаго Гравину, профессора правъ въ Римѣ, напечатать похвальное слово Петру. Самъ онъ усердно строчилъ въ иностранныхъ журналахъ и выпускалъ отдѣльныя брошюры въ защиту лицъ и дѣйствій русскаго правительства, причемъ нерѣдко пересаливалъ въ своихъ похвалахъ; онъ увѣрялъ, напримѣръ, «что о подвигахъ Петра говоритъ съ удивленіемъ весь міръ, и что даже китайцы считаютъ постановленія царя схожими съ ученіемъ, преподаннымъ Конфуціемъ». Его возраженіе на пасквиль Нейгебауера «отъ государева двора въ двухъ грамотахъ аппробовано и похвалено было, да тысячу рублевъ за почесть и трудъ обѣщано» [2], и въ этомъ-то возраженіи помѣщенъ цитированный отзывъ китайцевъ. Очевидно, что даже неумѣренная лесть нравилась и поощрялась. Неудививительно послѣ этого, что панегирики въ изобиліи подносились вельможамъ, что хвалебныя привѣтствія стали какъ бы обязанностью служителей алтаря и что немало талантовъ растратилось на угодливость. Важно было, однако, что стали прибѣгать къ печатному станку для привлеченія на свою сторону общественнаго мнѣнія.

[1] «Москвитянинъ», 1843 года, № 10.

[2] Пекарскій въ библіотекѣ академіи наукъ нашелъ полный переводъ съ записки, составленной самимъ Гюйсеномъ.

Петровское время богато гласными оправданіями передъ обществомъ правительственныхъ дѣйствій. Дѣла о Талицкомъ, о Глѣбовѣ и первой женѣ царя, Евдокіи Лопухиной, о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ были преданы гласности; по указу государеву, синодъ обнародовалъ «печатными листами по всей Россіи» приглашеніе раскольникамъ явиться для «разглагольствія нескрытно безъ всякой боязни»; извѣстное «Разсужденіе» Шафирова, въ которомъ многія мѣста писаны самимъ царемъ, а заключеніе все сплошь его рукою, и гдѣ доказывалось, что «пролитію многія крове человѣческія и разоренію земель... не кто иной, кромѣ самого его королевскаго величества свѣйскаго, вина и причина есть»,—отпечатано въ количествѣ 20,000 экземпляровъ. Правда, что названныя дѣла представлены на судъ общества въ такомъ свѣтѣ, какой былъ наиболѣе выгоденъ для власти, что изъ раскольниковъ никто не явился и не отозвался на обращенное къ нимъ приглашеніе, что книги Шафирова, не смотря на ея дешевизну (10 алтынъ), было продано въ Петербургѣ съ 1722 по 1725 годъ только 50 экземпляровъ; но все же нельзя не поставить Петру въ великую заслугу, что при помощи казенной печати и наемныхъ людей онъ считалъ нужнымъ объяснять свои дѣйствія и старался вліять увѣщаніемъ, тогда какъ, по его же собственнымъ словамъ [1]), ему достаточно было бы «сказать одно слово, и всѣ подданные, тому слову повинуясь, приказъ (его) во мгновеніе очесъ исполнили бы».

Въ тѣхъ же видахъ вліянія на общественное мнѣніе предпринято было изданіе «Вѣдомостей». Первый листъ вышелъ 2-го января 1703 года [2]); потомъ, впродолженіе 12 мѣсяцевъ, отпечатано 39 нумеровъ, выходившихъ въ неопредѣленные сроки, объемомъ отъ 2 до 7 листовъ in 8°. Въ такомъ порядкѣ издавалась наша первая газета до конца 1727 года, сначала въ одной Москвѣ, а съ учрежденіемъ типографіи въ Петербургѣ (въ 1711 г.) попеременно въ обѣихъ столицахъ, преимущественно же въ «Санктъпітербурхѣ» [3]). Въ первоначальномъ указѣ [4]) и дѣловыхъ бумагахъ онѣ назывались «курантами». Слово «вѣдомость» означало собственно извѣстіе и хотя и ставилось въ заголовкѣ курантовъ послѣ наименованія столицы, но не всегда, и нерѣдко сопровождалось поясненіемъ, о чемъ

---

[1]) Письмо Петра къ сыну въ собственноручномъ спискѣ Вас. Александр. Черткова. Письмо это впервые напечатано въ «Отечественныхъ Запискахъ», 1844 года, т. XXXIII.

[2]) Прежде «Вѣдомостей», именно 27-го декабря 1702 года, вышелъ «Юрналъ, или поденная роспись, что въ мимошедшую осаду, подъ крѣпостью Нотенбурхомъ, чинилось».

[3]) Вмѣсто Питербурхъ, стали печатать Петербургъ, какъ нынѣ, съ нумера отъ 29-го іюля 1724 года, но сенатъ продолжалъ придерживаться старины.

[4]) Отъ 16-го декабря 1702 года, «П. С. З.», IV, № 1,921.

именно [1]) или откуда вѣдомость (т. е. извѣстіе) прислана. Матеріаломъ служили выписки изъ иностранныхъ газетъ, присылаемыя въ типографію уже переведенными изъ посольской канцеляріи, и особо каждый разъ сообщаемые реляціи и указы. Но 15-го іюля 1719 года, директоръ петербургской типографіи, Аврамовъ, сдѣлалъ слѣдующее представленіе кабинетъ-секретарю Макарову: «Куранты печатаются, и первые до васъ, моего милостиваго, предъ симъ отправилъ по почтѣ, и присемъ оные жъ повторительно прилагаю и раболѣпно прошу, изволь ко мнѣ, мой государь, отписать: однѣ ль печатать чюжестранныя вѣдомости (т. е. извѣстія), которыя изъ курантовъ и присылаются изъ посольской канцеляріи или сообщать со оными и о своихъ публичныхъ дѣлахъ и о строеніяхъ, которыхъ здѣсь довольно? И ежели позволитъ, то извольте отписать до графа Ивана Алексѣевича (Мусина-Пушкина), чтобы въ сенатъ и въ коллегіи о томъ отъ себя писалъ, дабы о публичныхъ дѣлахъ въ типографіи пріобщали, понеже по словеснымъ моимъ запросѣмъ ничего не успѣю» [2]). Ходатайство Аврамова принято въ соображеніе при составленіи «Подробнаго предписанія о должностяхъ въ иностранной коллегіи» и разрѣшено такъ: «Понеже его царское величество указалъ въ типографію давать вѣдомости публичныя (т. е. извѣстія, относящіяся до общественной жизни), такожъ и къ министрамъ о всемъ давать здѣшнемъ, то къ тому опредѣляется переводчикъ Яковъ Синявичъ, который тѣ вѣдомости (извѣстія), по данному ему образцу, сочинять и въ посылку къ министрамъ и въ отданіе потребнаго въ печать исправлять и стараніе въ томъ прилагать имѣетъ. И когда изготовитъ, показывать совѣтникомъ и стараться ему провѣдывать о такихъ публичныхъ вѣдомостяхъ (т. е. о новостяхъ общественной жизни и городскихъ происшествіяхъ)». Такимъ образомъ, былъ организованъ отдѣлъ общественной хроники подъ надзоромъ посольскихъ совѣтниковъ, чтобы въ печать не попало что либо «непотребное», чему правительство не желало бы придавать огласки. Появился и первый въ Россіи репортеръ въ лицѣ Якова Синявича, перу котораго, вѣроятно, принадлежатъ описанія оффиціальныхъ торжествъ, придворныхъ пировъ, гуляній въ садахъ, катаній на яхтахъ и буерахъ, иллюминацій, фейерверковъ и публичнаго сожженія иконоборца Ивашки

---

[1]) Куранты, вышедшіе въ Петербургѣ 1-го сентября 1715 года, озаглавлены: «Санктъпитербурхъ. Вѣдомость о баталіи морской при островѣ Ригенѣ» и т. д. Напечатанные въ томъ же году, 26-го ноября, московскіе куранты озаглавлены такъ: «Вѣдомость. Получена изъ Санктъпітеръбурха, настоящаго ноября, въ 24 день». Выпускъ, или нумеръ, отъ 23-го декабря озаглавленъ: «Санктъпітербурхъ. Вѣдомость изъ обозу отъ Стральзунда въ 8 день декабря 1715 году». Иногда слово вѣдомость замѣнялось словомъ реляція.

[2]) Извлечено Пекарскимъ изъ «Кабинетныхъ дѣлъ», II, № 40, л. 38.

Краснаго. «Подробное предписаніе о должностяхъ» издано 11-го апрѣля 1720 года, стало быть учрежденію репортерства въ Россіи 11-го апрѣля 1887 года минуло 166 лѣтъ. О «строеніяхъ» и дѣлахъ промышленныхъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія стали помѣщаться въ курантахъ со второй половины 1719 года. Такъ, въ нумерѣ отъ 25-го августа (18 страницъ) напечатаны извѣстія объ успѣхѣ добыванія въ Россіи металловъ, о фабрикахъ шпалерныхъ, подъ управленіемъ французскихъ мастеровъ, мануфактуръ шелковыхъ, штофныхъ, ленточныхъ, чулочныхъ и шерстяныхъ, «къ которымъ работамъ съ 200 человѣкъ охотныхъ ребятъ для науки записалось, и простой народъ къ симъ наукамъ особливую охоту показуетъ». Тутъ же сообщается о шведскихъ плѣнныхъ, которые должны будто бы работать для размноженія русскихъ мануфактуръ; объ овчарныхъ заводахъ; о заведеніи на рѣкѣ Охтѣ деревяннаго пороховаго завода и о постройкѣ новыхъ каменныхъ зданій на Петербургскомъ островѣ; «дѣлаетъ на оныхъ порохъ голанецъ, пороховаго дѣла мастеръ, каменными жерновами, лошадьми, и по пробѣ противъ прежняго гораздо оный сильнѣе». Есть промышленныя извѣстія и изъ провинціи: о постройкѣ въ Казанской губерніи, на рѣкѣ Ахтубѣ, новыхъ селитряныхъ заводовъ; о томъ, что на тульскомъ заводѣ ружья, фузеи, пистолеты, мушкатоны и штуцера «сверлятъ и обтираютъ ихъ водою весьма изрядно». Торговою статистикою куранты не занимались. Въ 1723 году велѣно: «Изо всѣхъ губерній и провинцій о цѣнахъ хлѣбу и прочему присылать въ камеръ-коллегію вѣдомости — изъ ближнихъ понедѣльно, а изъ дальнихъ помѣсячно... а въ Петербургѣ съ тѣхъ вѣдомостей печатать въ сенатской типографіи (отдѣльной отъ синодальной, въ которой печатались куранты); также и иностранныя цѣны товарамъ, а именно: по чему въ Амстердамѣ, Лондонѣ, Данцигѣ и другихъ, гдѣ пристойно вѣдать въ коммерцъ-коллегію, переводя на россійской языкъ изъ прейсъ-курантовъ, потому жь печатать и въ народное вѣдѣніе продавать, дабы знали, гдѣ что дешево, или дорого» [1]). Но туго прививалось къ казенной печати вниманіе къ явленіямъ общественной жизни. Посольскіе совѣтники едва ли были расположены давать волю репортеру Синявичу, имѣя въ виду давнюю практику Посольскаго Приказа по отношенію не только къ печатному слову, но и къ частнымъ письмамъ, приходившимъ изъ-за границы, и помня указъ [2]) петербургскому и рижскому губернаторамъ «мандаты публиковать слѣдующаго содержанія: дабы никто дерзалъ изъ государства ни малыхъ вѣдомостей о военныхъ и статскихъ дѣлахъ писать; кромѣ о своихъ торгахъ и къ нимъ прина-

[1]) «Полн. Собр. Зак.», VII, № 4,293.

[2]) Рукописная замѣтка объ изготовленіи этого указа, относящаяся къ 1716 году, находится въ кабинетныхъ дѣлахъ.

длежащихъ дѣлѣхъ, никогда же ни о малѣйшихъ дѣлѣхъ писать, еже кому не принадлежитъ, подъ потеряніемъ имѣнія и пожитковъ». Къ тому же, иниціаторъ расширенія казенной гласности, Аврамовъ, въ 1721 году, былъ назначенъ ассесоромъ бергъ-коллегіи, и всѣ типографіи поручены надзору архимандрита Гавріила Бужинскаго. Протекторъ (такъ именовался Бужинскій въ своемъ новомъ званіи), обремененный переводами разныхъ сочиненій и проповѣдью слова Божія, не находилъ и времени заниматься суетою мірскою, если не относился къ ней съ пренебреженіемъ. При немъ куранты по временамъ совсѣмъ удалялись отъ окружающей дѣйствительности; напримѣръ, ни въ одномъ изъ нумеровъ (а всѣхъ ихъ было 29) за 1724 годъ нѣтъ извѣстій, относящихся до Россіи. Неудивительно послѣ этого, что московско-петербургская газета, не смотря на свою дешевизну[1]), не имѣла успѣха въ обществѣ. Изъ описи, составленной въ 1752 году, видно, что въ складахъ синодальной конторы накопилось 11,000 экземпляровъ курантовъ разныхъ годовъ и форматовъ, которые только напрасно занимали мѣсто, а потому и велѣно брать ихъ на обертки и продавать на бумажныя фабрики. Такое очищеніе складовъ производилось и впослѣдствіи, въ 1769 и 1779 годахъ.

Со 2-го января 1728 года стали издаваться академическія «С.-Петербургскія Вѣдомости», а 26-го апрѣля 1756 года вышелъ первый нумеръ университетскихъ «Московскихъ Вѣдомостей».

IV.

Съ расширеніемъ круга дѣятельности казенной монополіи развивалось и хозяйство книгопечатнаго дѣла.

Мы видѣли, что въ концѣ XVII столѣтія московская типографія состояла изъ 12 становъ. Къ нимъ въ 1707 году прибавилось два стана, привезенные изъ Голландіи вмѣстѣ съ тремя азбуками «новоизобрѣтенныхъ русскихъ литеръ». Всѣ эти 14 становъ были на лицо въ годъ смерти Петра Великаго. Изъ нихъ на 11 печатались церковныя книги, на двухъ—гражданскія и на одномъ—гравюры. Въ петербургской типографіи было 5 становъ книгопечатныхъ и 1 гравировальный. Кромѣ того, въ Москвѣ находилась маленькая гражданская типографія, съ однимъ станомъ, въ вѣдѣніи Як. Вилимовича Брюса, да въ Петербургѣ еще три: александроневская, съ 2 станами, сенатская и морская, иначе называемая академическою, съ однимъ станомъ каждая. Всего въ обѣихъ столицахъ было 23 книгопечатныхъ и 2 гравировальные стана. По нѣкоторымъ сохранившимся даннымъ мы можемъ исчислить и приблизительную стоимость, и рабочую силу этихъ машинъ.

---

[1]) Продажная цѣна была 2 коп. «Французскія газеты, Амстердамскія» стоили въ годъ 18 рублей петербургскому подписчику («Дневн. Зап.» Марковича).

Начнемъ со стоимости.

Изъ свѣдѣній, собранныхъ Чистовичемъ [1]) о бывшей типографіи Александроневскаго монастыря, видно, что эта типографія пріобрѣла свой первый книгопечатный станъ за 287 рублей 22 алтына, а въ синодальныхъ дѣлахъ [2]) есть оцѣнка ея шрифтовъ и другихъ принадлежностей и матеріаловъ, находившихся на лицо при ея упраздненіи, въ 1727 году, по указу императрицы. Типографія была достаточно снабжена шрифтами 5 азбукъ: библейной, евангельской, арсеньевской, греческой и воскресенской, не было въ ней только латинскихъ шрифтовъ, и всѣ они, вмѣстѣ съ остальными матеріалами, стоили 728 рублей 10 коп. Такъ какъ въ александроневской типографіи было два стана, то на каждый станъ приходится, слѣдовательно, по 364 рубля 5 коп., что̀ вмѣстѣ съ стоимостью самого стана̀ составитъ сумму въ 653 рубля безъ 8 копѣекъ. Помноживъ эту сумму на общее число становъ (25), получимъ, въ круглой цифрѣ, капиталъ въ 16,300 рублей, которымъ и выразится стоимость принадлежностей книгопечатнаго производства обѣихъ столицъ въ первой половинѣ прошлаго вѣка.

Нѣсколько труднѣе опредѣлить рабочую силу тогдашнихъ столичныхъ типографій; но, основываясь на томъ фактѣ, что упомянутая выше книга Шафирова, изданная въ 20,000 экземплярахъ, печаталась [3]) восемь мѣсяцевъ на пяти станахъ, мы не сдѣлаемъ большой ошибки, выведя отсюда, что каждый станъ могъ изготовить такихъ книгъ втеченіе года 6,000, а всѣ 25 становъ—150,000 экземпляровъ; иначе сказать: типографіи обѣихъ столицъ могли выпустить въ свѣтъ, впродолженіе года, лишь изданіе въ 7½ книгъ средней величины на 20,000 читателей. Такая медленность или малопроизводительность работы обусловливалась главнѣйше неудовлетворительностью способовъ тисненія. Наборщиковъ требовалось меньше, чѣмъ батырщиковъ и тередорщиковъ. Въ Москвѣ, при каждомъ церковномъ станѣ работало 11 человѣкъ попеременно: 4 дня 6 человѣкъ, а другіе 4 дня 5; смѣна состояла изъ 2 наборщиковъ, 1 разборщика, 4 тередорщиковъ и 4 батырщиковъ [4]).

Живая, мускульная сила играла тогда первенствующую роль въ книгопечатаніи, на ея содержаніе шло болѣе ⅔ оборотнаго капитала. На изданіе книги Шафирова пошло бумаги на 1,438 рублей 26 алтынъ 4 деньги и припасовъ на 100 рублей, а на жалованье мастеровымъ 3,284 рубля 19 алтынъ. Трудъ мастеровъ самъ по себѣ оплачивался удовлетворительно. Въ отдѣленіи гражданскихъ шриф-

---

[1]) Напечатаны въ майской книжкѣ «Христіанскаго Чтенія» за 1857 годъ.

[2]) Син. дѣла 1726 годъ, № 16, и 1730 годъ, № 14. Цитированы у Пекарскаго, II, 666.

[3]) Тамъ же, стр. 585.

[4]) Тамъ же, стр. 639. Ср. стр. 657 объ организаціи работъ въ петербургской типографіи.

товъ московскаго печатнаго двора, гдѣ сначала работали голландскіе мастера, платили слѣдующія жалованья:

иноземцамъ:	въ годъ.
литерному литному мастеру	225 руб.
литерному мастеру (пунсонщику)	205 »
друкарному (книгопечатному) мастеру . . .	205 »
русскимъ:	поденно.
2 печатникамъ-батырщикамъ	по 5 коп.
4 печатникамъ-батырщикамъ	» 3 »
3 тередорщикамъ	» 5 »
1 тередорщику	» 3 »
3 разнаго дѣла работникамъ	» 3 »

Сравнивая жалованье голландскихъ мастеровъ съ тѣмъ, ка̂кое получалъ помощникъ главнаго гравера, русскій человѣкъ Алексѣй Зубовъ (195 руб. и 35 юфтей хлѣба), нельзя не замѣтить уравнительности въ вознагражденіи труда мастеровъ безъ различія національностей. Граверъ Пикардъ, котораго Петръ очень жаловалъ [1]) и самъ вывезъ изъ Амстердама, получалъ только на одну треть больше своего помощника. Ниже мы увидимъ, что мастерамъ слова, переводчикамъ и справщикамъ, давали почти такое же жалованье, такъ что 200—220 рублей въ годъ можно считать обычною заработною платою мастеру всякаго дѣла, не исключая и псарей [2]). Но была ли эта плата на столько достаточна, чтобы обезпечить приличное существованіе семейному мастеру соотвѣтственно его званію? На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить иначе, какъ сопоставленіемъ съ цѣнами на предметы, необходимые для удобствъ домашней обстановки. Въ городахъ на первомъ планѣ стоятъ квартирныя цѣны. О нихъ, во второй четверти прошлаго столѣтія, мы имѣемъ для Петербурга вполнѣ достовѣрныя данныя: для помѣщенія членовъ академіи наукъ и академическихъ служителей были наняты палаты мѣстнаго воеводы Строева за 250 руб. и домъ генералъ-лейтенанта Матюшкина, изъ семи свѣтлицъ, за 150 рублей въ годъ, стало быть можно было нанять приличную комнату на годъ за 22 рубля, т. е. меньше, чѣмъ за 2 рубля въ мѣсяцъ. Малороссійскіе депутаты, пріѣзжавшіе въ Петербургъ для поздравленія Елисаветы Петровны съ восшествіемъ на престолъ, платили за 5 комнатъ во

---

[1]) Въ Künstter Lexicon Наглера говорится даже, что царь обходился съ Пикардомъ какъ съ другомъ.

[2]) Въ 1740 году, въ отписанномъ отъ Арт. Петр. Волынскаго загородномъ дворѣ (на мѣстѣ нынѣшняго технологическаго института) была заведена императорская псовая охота и помѣщены 6 пикеровъ, прибывшіе въ томъ же году въ Петербургъ съ собаками, купленными въ Англіи и Франціи. Пикеры англичане получали жалованья по 280, нѣмцы по 180 и французы по 200 рублей въ годъ («Новое Время», № 3718, статья М. И. П. «Изъ былой жизни столицы»).

2-мъ этажѣ каменнаго дома Шепелева по 14 рублей въ мѣсяцъ [1]),— менѣе 3-хъ рублей за комнату; брали же съ депутатовъ, конечно, дороже обычныхъ цѣнъ, пользуясь случаемъ. Такъ какъ издержки городскаго жителя на помѣщеніе составляютъ обыкновенно 15—20 процентовъ общаго итога его расходовъ, то изъ приведенныхъ данныхъ можно вывести заключеніе о совершенной достаточности годоваго жалованья въ 200 рублей. И сто рублей были не малыя деньги въ половинѣ прошлаго вѣка; такую сумму платили ежегодно за обученіе и содержаніе А. Т. Болотова въ одномъ изъ французскихъ пансіоновъ въ Петербургѣ, на что̀ полностію шли доходы съ псковскаго имѣнія ученика. Марковичъ, въ 1742 году, договорилъ иноземца Горна обучать дѣтей нѣмецкому и латинскому языкамъ за 35 рублей въ годъ, самъ же учился «французскаго языка конструкціямъ» у гетманскаго секретаря Люки за 60 рублей въ годъ.

Не смотря на ничтожность, по нынѣшнему счету, поденной платы русскимъ мастеровымъ и рабочимъ въ типографіи, есть основаніе думать, что на заработокъ въ 5 или даже въ 3 коп., въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, простому человѣку можно было существовать, не терпя нужды, потому что въ извѣстномъ театрѣ «надъ аптекою», устроенномъ Готфридомъ подъ надзоромъ боярина Матвѣева, русскіе актеры, набранные изъ слобожанъ (мѣщанъ), получали по 2 коп. въ день [2]). Типографщики бѣдствовали, но не вслѣдствіе низкой заработной платы, а потому, что имъ часто задерживали выдачу заработанныхъ денегъ или не додавали положеннаго жалованья. Въ 1727 году, въ петербургской типографіи никому изъ служащихъ не было выдано ни жалованья, ни содержанія [3]) за первыя двѣ годовыя трети, поэтому, доведенные въ августѣ до крайности, справщики съ мастеровыми просили, ради наступающаго праздника Успенія Богородицы, выдать имъ рубля по 2 и по 3 на человѣка, «чтобы, говорили просители, намъ, нижайшимъ, съ женами и дѣтьми не исчезнуть гладомъ». Въ Москвѣ страдали еще отъ поборовъ начальства. Мастера, переплетчики и мастеровые— всѣ были обложены оброкомъ въ пользу директора Поликарпова, который писалъ въ своемъ объясненіи: «Приносимое въ почесть не

---

[1]) См. Дневныя Записки» Марковича подъ 1742 г.

[2]) «Работными Регулами» на суконныя и каразейныя фабрики, изданными 2-го сентября 1741 году, плата сновальщику установлена 18 рублей въ годъ. Главный мастеръ на суконныхъ фабрикахъ получалъ 50 руб., а его подмастерье 36 руб. въ годъ.

[3]) Въ Петербургѣ, кромѣ денежнаго жалованья, выдавался хлѣбный паекъ всѣмъ служащимъ, въ Москвѣ же пайка не выдавали въ XVIII столѣтіи. Тогда наше государственное хозяйство изъ натуральнаго преобразовалось въ денежное; но въ Петербургѣ, во избѣжаніе искусственнаго подъема цѣнъ на жизненные припасы промышленниками, дѣлались большія казенныя заготовленія зерна, муки, постнаго масла, сальныхъ свѣчей и проч.

изъ принужденія, за недостатками моими, принималъ, о чемъ и прежде слѣдованія (т. е. производства формальнаго слѣдствія) повиннымъ моемъ (sic) доношеньемъ объявилъ, чего и не спрашивали»,—объявилъ о своемъ взяточничествѣ, когда о томъ его никто не спрашивалъ, такъ какъ онъ обвинялся «въ хищеніи казны». Поликарповъ оправдывалъ свое поведеніе «обыклостью» и тѣмъ, что на такую обыклость никто не жаловался. Сами подчиненные ухищрялись пользоваться незаконными доходами. Нѣкто Аѳанасьвъ доносилъ, что ежели его братія «канцеляристы, подканцеляристы и копеисты отъ типографіи (московской) отлучены не будутъ, то воровство расходчиками и подъячими истребиться впредь никогда не можетъ». Прислуга и мастеровые люди не отставали отъ подьячихъ. «Въ оной же типографіи, продолжаетъ Аѳанасьевъ, въ прошломъ 1724 году, явилось воровство и ясно означилось допросами сторожей и мастеровыхъ людей, что они въ типографіи, кромѣ указныхъ книгъ, печатали многія на себя книги, а сторожи тѣ книги продавали воровски, вмѣсто государевыхъ, и деньги дѣлили по себѣ для своихъ прибытковъ».

Кромѣ «обыклости», ничѣмъ инымъ нельзя объяснить наклонности къ хищеніямъ конторскихъ подьячихъ и самаго интеллигентнаго состава служащихъ при типографіяхъ, т. е. директоровъ, справщиковъ и переводчиковъ. Директоръ петербургской типографіи, Аврамовъ, получалъ въ годъ сначала 455 руб. и 25 юфтей хлѣба, а потомъ 550 руб. и 35 юфтей хлѣба; старшій справщикъ и переводчикъ — 300 рублей [1]; младшій, какъ Максимовичъ, въ Москвѣ—110 руб., въ Петербургѣ—80 руб. 20 юфтей хлѣба; работавшіе въ типографскихъ конторахъ подканцеляристы—по 50 руб. 15 юфтей хлѣба.

При томъ значеніи, какое имѣли тогда переводныя изданія, въ справщики брали только знающихъ древніе или новые языки. Директоръ Ѳед. Поликарповъ, переименованный въ директора изъ справщиковъ, раньше былъ школьнымъ учителемъ и оставилъ по себѣ добрую память, какъ составитель «треязычнаго лексикона»— перваго въ Россіи греко-латино-славянскаго словаря. Справщикъ Ив. Максимовичъ, бывшій писарь Прилуцкаго полка и соучастникъ Мазепы, считался въ Москвѣ грамотнѣйшимъ человѣкомъ своего времени. Онъ извѣстенъ какъ составитель перваго латино-русскаго лексикона. Когда на Поликарпова сдѣлали начетъ въ 4,453 руб. и 2 червонца, то онъ предложилъ синоду «къ сатисфакціи» свое «нетлѣнное богатство — временному», исчислилъ тѣ переводы, какіе могъ бы сдѣлать съ греческаго и латинскаго и просилъ дозволить ему преподавать въ школѣ грамматики; но такой способъ уплаты

---

[1]) Съ такимъ жалованьемъ былъ опредѣленъ возвратившійся изъ ученія въ Прагѣ Максимъ Суворовъ.

начета былъ отвергнутъ по настоянію Феофана Прокоповича и Гавріила Бужинскаго, а затѣмъ и самый начетъ сложенъ по царскому указу. Справщикъ александро-невской типографіи (директора въ ней не было), Степанъ Рудинъ, сверхъ знаній, требовавшихся отъ его профессіи, обладалъ еще умѣніемъ переплетать книги, чтò и обязывался дѣлать въ случаѣ нужды; онъ долженъ былъ обучить переплетному мастерству одного или двухъ человѣкъ, «не скрывая отъ нихъ въ томъ художествѣ ни малаго, какъ вѣрному и присяжному человѣку надлежитъ» [1]). Директоръ Мих. Петр. Аврамовъ тоже не былъ однимъ только начальникомъ въ дѣловое Петровское время, но и наставникомъ по разнымъ отраслямъ книгопечатнаго производства. Противясь намѣренію императрицы Екатерины I (приведенному въ исполненіе въ 1727 г.) упразднить типографіи въ Петербургѣ, онъ представлялъ синоду: «По именному высокославныя и вѣчно достойныя памяти его императорскаго величества указу, при Санктъ-Питербурхѣ типографія началась съ 1711 году и по 1714 была въ домѣ моемъ съ однимъ станомъ, при которомъ въ тѣхъ годѣхъ токмо мастеровые люди во всемъ типографскаго дѣла распорядкѣ обучиваны въ наилучшее, а въ печати мелочныхъ дѣлъ было немного, и такъ то дѣло типографское учинено здѣсь тогда токмо для лучшаго обученія россійскаго народа, чего ради и мастеры иноземцы изъ Риги и изъ Ревеля были высланы, съ которыми отправлялись во флоты корабельные и галерные сигнальные листы и книги и прочія гражданской науки и на иностранныхъ языкахъ книги, чтò нынѣ и одни россійскіе мастеры отправляютъ [2]). А прежде того здѣсь такихъ людей не бывало [3]), также и пунсонному и словолитному дѣлу изъ русскихъ людей пунсоны дѣлать и литеры отливать обучились мастерствомъ не хуже иноземцевъ. А грыдоровальныхъ дѣлъ мастеры и живописецъ [4]) здѣсь же въ дѣлахъ тѣхъ, а наипаче въ рисованіи, наилучшую получили науку. И хотя сія типографія наиболѣе для обученія въ общенародную

---

[1]) Выраженіе: «какъ присяжному человѣку надлежитъ» — показываетъ, что справщики присягали, вступая въ должность.

[2]) По свѣдѣніямъ Голикова, обучали типографскому дѣлу также и въ типографіи морской академіи, состоявшей подъ надзоромъ оберъ-прокурора Скорнякова-Писарева. При той типографіи (одинъ станъ) было 11 человѣкъ наборщиковъ, тередорщиковъ и батырщиковъ, 2 мастера — граверъ и словолитецъ, и 8 учениковъ. Оттуда же посылали геодезистовъ (Петра Жукова и Ивана Степанова) въ Москву учиться гравированію. Дѣянія Петра Великаго, VII, 397 и 401.

[3]) Изъ синодальныхъ дѣлъ видно (Пекарскій, II, 656—657), что съ первымъ станомъ изъ Москвы въ Петербургъ прибыли въ 1711 году 4 наборщика, 2 тередорщика и 2 батырщика, а съ двумя другими станами, въ 1714 году,—7 наборщиковъ, 4 тередорщика и 4 батырщика.

[4]) Этотъ живописецъ былъ Ив. Адольскій, получавшій въ годъ 100 рублей и 25 юфтей хлѣба.

пользу россійскихъ людей учинена, но къ тому и разныхъ книгъ, и прочихъ дѣлъ, и гравировальныхъ кунштовъ сначала по сей 1726 годъ на 49,828 руб. 3½ коп. напечатала. И того ради, по мнѣнію моему, оную типографію умалять и контору оставлять не надлежитъ, но наипаче, для государственной славы и общенародной пользы, распространять надобно».

Не смотря на несомнѣнную пользу главной петербургской и александро-невской типографій, какъ школъ для обученія русскихъ людей мастерствамъ словолитному, книгопечатному и переплетному, также какъ и художествамъ, рисовальному и гравировальному, чтò все совмѣщалось тогда въ одномъ учрежденіи, онѣ не могли содержать себя «за неимуществомъ въ ихъ казнѣ денегъ». Странное было это хозяйство. Казна верховно распоряжалась производствомъ, не считая нужнымъ примѣняться къ общественному спросу, и въ то же время требовала, чтобы типографіи исполняли ея заказы и содержали себя и служащихъ на доходы отъ продажи книгъ, газетъ и гравюръ, т. е. на деньги доброхотныхъ покупателей. Единственные заказы, которые получали столичныя типографіи, были заказы правительственныхъ мѣстъ и лицъ; но эти мѣста и лица не имѣли обыкновенія платить денегъ. Синодъ, въ вѣдѣніе котораго типографіи поступили съ 1721 года[1]), тщетно настаивалъ, въ

[1]) До 1701 года московскій Печатный Дворъ находился въ вѣдѣніи Посольскаго Приказа. Открывшіяся тѣмъ временемъ типографіи кіево-печерская и новгородъ-сѣверская, послѣ пожара 1679 года перенесенная въ Черниговъ, были собственностью монастырей. Обѣ онѣ, особенно же типографія кіево-печерская, издавали не однѣ только богослужебныя и церковныя книги (какъ то было въ московской и львовской типографіяхъ), но и произведенія литературныя: вирши, похвальныя слова, панегирики. Происхожденіе новгородъ-сѣверской типографіи приписываютъ (Стародомскій, «Журн. Мин. Нар. Просв.», августъ, 1852 г.) даже тому обстоятельству, что Лазарь Барановичъ не могъ напечатать свои проповѣди въ Москвѣ. Въ хозяйственномъ и административномъ отношеніяхъ онѣ были самостоятельны, и кіево-печерская типографія процвѣтала въ XVII стол. Когда же кіевская митрополія перестала быть ставропигіей константинопольскаго патріарха и стала зависѣть отъ московскихъ патріарховъ, то послѣдніе настаивали, чтобы въ Кіево-Печерской лаврѣ не издавались книги безъ патріаршаго «досмотрѣнія и благословенія», а 27-го января 1718 года послѣдовало распоряженіе: кіевскому и черниговскому монастырямъ «вновь книгъ никакихъ, кромѣ церковныхъ прежнихъ изданій, не печатать» (П. С. З., VI, № 3,653). Съ возобновленіемъ монастырскаго приказа и назначеніемъ его начальникомъ боярина Ив. Алексѣев. Мусина-Пушкина (въ 1710 г. пожалованнаго въ графы), завѣдованіе печатнымъ дворомъ было поручено этому лицу (а не подчиненному ему учрежденію) и, наконецъ, всѣ вообще типографіи подчинены вѣдѣнію синода. Въ «Духовномъ Регламентѣ» сдѣлано общее распоряженіе: «безъ повелѣнія духовнаго синода, никакихъ книгъ не печатать». Что синодъ начальствовалъ надъ всѣми типографіями, а не только надъ синодальными (петербургскою и старомосковскою) или монастырскими (александро-невскою, кіево-печерскою и свято-троицкою ильинскою), какъ это нѣкоторые полагаютъ, видно изъ синодальныхъ дѣлъ, гдѣ мы находимъ, напримѣръ, относящіяся къ 1725 году донесенія и ходатайства по типографскимъ дѣламъ конторы морской академіи.

1725 году, на уплатѣ артиллерійскою конторою Пикарду съ учениками за рѣзаніе на мѣди 180 чертежей — 323 рублей. Къ 1727 году на разныхъ правительственныхъ установленіяхъ состояло долга петербургской типографіи за указы, книги, карты и гравюры 17,668 руб. Недобросовѣстность правительственныхъ мѣстъ въ расплатѣ за работу и матеріалы довела до того, что когда, въ августѣ 1725 года, сенатъ обратился въ синодъ съ требованіемъ прислать въ его типографію пунсонщиковъ и словолитцевъ для переливки старыхъ шрифтовъ, то синодъ соглашался на это не иначе, какъ «за деньги по договору». Высокопоставленныя лица и придворные отличались безцеремонностью въ книжныхъ лавкахъ. Въ 1722 году, обнаружился недочетъ по продажѣ книгъ въ лавкѣ, въ которой велъ торговлю, по порученію типографскаго начальства, ружейный мастеръ Михайло Васильевъ. Притянутый къ отвѣту, онъ показывалъ, что самъ ничѣмъ «не покорыстовался», недочетъ же произошелъ отъ того, что разныя лица изъ знати (всешутѣйшій князь папа Зотовъ, князь Львовъ) брали книги въ долгъ и были отпуски, по приказаніямъ (словеснымъ), безъ росписокъ. Въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ, торговля была надежнѣе обставлена. Тамъ, по словамъ того же Васильева, «бываетъ у пріема книгъ выборный цѣловальникъ изъ слободъ за выборомъ изъ слободскихъ людей, а дается для продажи лавочнику токмо на 300 или на 400 рублей, а оной лавочникъ считанъ погодно», Васильеву же было отпущено книгъ, гравюръ и чертежей на 30,122 руб. 8 алтынъ и впродолженіе восьми лѣтъ ни разу никто его не учитывалъ. Столичныя типографіи не имѣли права печатать безъ указовъ, и это одно уже мѣшало частнымъ лицамъ дѣлать имъ заказы; но что такіе заказы были возможны и выполнялись «воровски»,—видно изъ доноса Аѳанасьева. Мы не знаемъ, что за книги печатались тайкомъ въ московской синодальной типографіи и распродавались ея сторожами «вмѣсто государевыхъ», но весьма можетъ статься, что это были раскольничьи книги. Гдѣ отсутствовалъ непосредственный правительственный надзоръ, тамъ типографіи оказывали услуги расколу: типографію «Свято-Троицкаго Илинскаго (sic)» монастыря въ Черниговѣ подряжалъ печатать учебные часословы, «по желанію старообрядскому», калужанинъ Эрастъ Кадминъ и затѣмъ развозилъ ихъ по ярмаркамъ; да и въ Кіево-Печерской лаврѣ печатались книги «со многою противностью восточной церкви» [1]). Вообще

[1]) Надо думать, что единственнымъ къ тому побужденіемъ были матеріальныя выгоды. Любопытный образчикъ давленія хозяйственныхъ отношеній на направленіе богослужебныхъ и церковныхъ книгъ, печатанныхъ въ независимыхъ отъ духовныхъ и свѣтскихъ властей типографіяхъ, представляетъ исторія Львовскаго братства. Покуда это братство было единственнымъ поставщикомъ для юго-западной Россіи церковныхъ книгъ, оно не отступалось отъ православія и, получивъ въ 1707 году письменное дозволеніе отъ Петра Великаго про-

удовлетворительно сбывались однѣ лишь церковныя книги. Когда типографщикамъ не платили жалованья, то они просили выдать имъ взамѣнъ, на соотвѣтственную сумму, церковныхъ книгъ московской и кіевской печати. Къ изданіямъ петербургскимъ религіозные люди, вѣроятно, относились съ недовѣріемъ; кромѣ того, прежнія изданія, когда типографское хозяйство велось изряднѣе, отличались большею чистотою работы. Поликарповъ доносилъ въ декабрѣ 1726 года: «Нынѣ одинъ, за двухъ печатая, безпремѣнно въ силѣ своей изнемогаетъ и хвораетъ, а книги мараетъ, за чѣмъ и купцы нынѣшнихъ книгъ обѣгаютъ и больше со стороны покупаютъ прежнія книги чисто печатныя съ наддачею, нежели новыя марашки меньшею цѣною». Церковныя книги чистой работы брали въ уплату и поставщики бумаги: поставщикъ Андрей Евреиновъ взялъ такихъ книгъ, въ 1725 году, на 2,000 рублей. Тѣмъ не менѣе типографскіе склады и лавки были переполнены товаромъ, который не шелъ съ рукъ. Во второй годъ царствованія Екатерины I его накопилось въ Петербургѣ на 19,158 руб. и въ Москвѣ на 60,667 рублей. Еще раньше мастеровые люди с.-петербургской типографіи, «за скудостью и голодомъ», потому что «дать было нечего», хотѣли «дѣла всѣ остановить» [1]), а теперь обѣ большія столичныя типографіи не только не имѣли ни копѣйки денегъ, но еще сами должны были по нѣсколько тысячъ. Даже такой мастеръ, какъ граверъ Алексѣй Зубовъ, напрасно ходатайствовалъ о выдачѣ недоданнаго ему жалованья. Подъ конецъ онъ сталъ просить уплаты книгами и оставшимися отъ упраздненной типографіи инструментами для печатанія гравюръ, что̀ и было исполнено. Граверы московской синодальной типографіи (въ ихъ числѣ находился и ученикъ Пикарда Ив. Зубовъ) были распущены съ тѣмъ, что если въ

давать безпошлинно свои изданія по всей Украйнѣ («Журналъ Мин. Нар. Пр.», іюль, 1850 г., стр. 137), еще ревностнѣе стояло за вѣру отцовъ; но эту его непреклонность сокрушила типографія уніатскаго монастыря св. Георгія, основанная въ подрывъ братской, по наущенію принявшаго унію мѣстнаго епископа Стефана Шумлянскаго. По выходѣ въ свѣтъ (въ 1707 г.) «Ирмолога» — книги, служащей руководствомъ къ осьмигласному церковному пѣнію, братство, испугавшись подрыва доходамъ своей типографіи, предложило присоединиться къ уніи, если ему будетъ передана типографія базиліанъ съ всѣми принадлежностями и нераспроданными экземплярами «Ирмолога». На это именно и билъ Шумлянскій. Предложенныя условія были имъ охотно приняты, и братство, сдѣлавшись уніатскимъ, измѣнило въ «Ирмологѣ» заглавный листъ и распродало книгу, какъ напечатанную въ ставропигіальной типографіи, съ благословенія «четырехпрестольныхъ патріарховъ» (Зубржицкаго Historyczne badania o drukarniach ruskosławiańskich w Galicyi). Изданіемъ папежниковъ стали пользоваться попреимуществу наши старообрядцы, не жалующіе «партеснаго» пѣнія. Не малыя услуги оказывала старообрядчеству, изъ-за хозяйственныхъ же выгодъ, и могилевская типографія, въ первой половинѣ XVIII вѣка находившаяся за границею Русскаго государства.

[1]) Донесеніе Вужинскаго. Син. дѣло, 1722 года, № 31.

комъ изъ нихъ будетъ надобность, то нанимать временно, а не держать на постоянномъ жалованьѣ. Въ Петербургѣ остались лишь двѣ маленькія типографіи: сенатская и морская; закрылась и черниговская типографія, напуганная доносами. Въ ночь съ 21-го на 22-е апрѣля 1718 года, сгорѣла до основанія типографія кіево-печерская со всѣми книгами, инструментами, библіотекою и архивомъ. Черезъ два года печатаніе книгъ было въ ней возобновлено, но ея дѣла шли худо. Для удовлетворенія общественнаго спроса на всю Россію оставался одинъ лишь старый Печатный Дворъ въ Москвѣ, переименованный въ синодальную типографію, и въ полномъ хозяйственномъ разстройствѣ.

V.

Непривычное къ работѣ мысли русское общество первой половины прошлаго вѣка еще не предъявляло серьёзныхъ требованій къ печатному слову. Замѣчательно, что, кромѣ календарей, заманчивыхъ своими предсказаніями, особенно успѣшно расходилась книга «Юности честное зерцало, или показаніе къ житеіскому обхожденію». Она вышла въ Петербургѣ, въ февралѣ 1717 году, и въ томъ же мѣсяцѣ продана въ количествѣ 100 экземпляровъ; въ августѣ выпущена 2-мъ изданіемъ и тогда же раскуплена въ количествѣ 600 экземпляровъ; въ переплетѣ, каждый экземпляръ стоилъ 13 алтынъ 2 деньги, т. е. 40 коп. Это тотъ же «Домострой», но лишенный христіанскаго человѣколюбія и уваженія къ труду, которыми проникнуто назиданіе Сильвестра. Зерцало проповѣдуетъ презрѣніе къ простолюдину и цѣликомъ заимствовано изъ какого нибудь для юнкерства писаннаго «Goldne Spiegel» или «Miroir de la jeunesse pour former à bonnes moeurs et civilité de vie». Впрочемъ, здѣсь преподавались не столько утонченныя манеры, какъ начальныя правила опрятности: держать въ чистотѣ ногти и ротъ, громко не чихать, не сморкаться и не плевать. Къ утонченностямъ можно отнести развѣ слѣдующее наставленіе: «Младые отроки должны всегда между собою говорить иностранными языки, дабы тѣмъ навыкнуть могли, а особливо, когда имъ что тайное говорить случится, чтобъ слуги и служанки дознаться не могли, и чтобъ можно ихъ отъ другихъ незнающихъ болвановъ распознать». Изъ правительственныхъ объявленій ходко шли только заключавшія въ себѣ государственные скандалы. Вотъ довольно любопытная роспись расхода изданій по поводу мрачныхъ событій 1718 года:

Въ Петербургѣ.

Напечатано.		Израсходовано.
1,955	манифестовъ по дѣлу Глѣбова	1,423
5,036	объявленій по дѣлу о царевичѣ (Алексѣѣ)	4,906
5,101	Правды воли монаршей	5,101

Въ Москвѣ.

4,800	. . объявленій по дѣлу Глѣбова	909
520	. . объявленій о царевичѣ.	423
14,430	. . Правды воли монаршей (изд. 1726 г.). .	344

Колоссальное по тогдашнему времени изданіе «Правды», въ 1726 году, было вызвано подметными письмами, вовсе не согласовавшимися съ доводами, изложенными въ этой книгѣ, которая, очевидно, не имѣла успѣха въ Москвѣ [1]). Не занимало москвичей и объявленіе о Глѣбовѣ, такъ какъ они огромною толпою [2]) присутствовали при его мучительной казни, при казни епископа Досиѳея, Кикина, наказаніи кнутомъ и батогами монахинь и другихъ соучастниковъ. При невѣроятной почти загрубѣлости общественной мысли еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича, успѣхъ всякаго печатнаго изданія обусловливался угожденіемъ такимъ вкусамъ, которые составляли достояніе людей, едва вышедшихъ изъ младенческаго возроста и съ самыми извращенными понятіями о гражданственности. Даже гравюры, посвященныя увѣковѣченію памяти о побѣдахъ русскихъ войскъ, не производили впечатлѣнія; успѣшно распродавались только гравированные портреты императора. За то ходко шла «Історіа въ неі же пішетъ о разореніі града Троі» и пр. Она съ 1709 по 1817 годъ выдержала 8 изданій (въ Москвѣ) и охотно читалась въ переложеніи (1791 или 1792 г.) Михайлова съ славянскаго на русскій языкъ. Героическіе протесты и вынесенныя изъ-за нихъ страданія бывшаго директора типографіи Аврамова, такъ ревностно отстаивавшаго пользу печатнаго станка, убѣдительно свидѣтельствуютъ, что люди сороковыхъ годовъ (прошлаго столѣтія), уже вполнѣ цѣнившіе внѣшнія достоинства печати, были еще далеки отъ пониманія внутренняго ея смысла и допускали развитіе печатнаго слова не иначе, какъ «съ загражденіемъ устъ», коль скоро оно выходило изъ тѣсной рамки будничной жизни, обученія прикладнымъ наукамъ, свѣтскимъ приличіямъ и т. п. Извѣстно, что мистикъ Аврамовъ требовалъ «заградить нечестивыя уста Гюйгенсовой и Фонтенеллевой книжичищъ», находя, что эти книжища «разсѣваютъ басенные, атеистическіе доводы». Басенное въ нихъ, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, что, вмѣстѣ съ Коперникомъ, «землю около солнца обращающуюся утверждаютъ»; атеистическое же яв-

[1]) При Аннѣ Ивановнѣ на «Правду» ссылались какъ на актъ законодательный, поэтому она и помѣщена въ Полномъ Собраніи Зак., т. VII, № 4870. Ея нѣмецкій переводъ 1724 года: Das Recht der Monarchen in Willkürlichen Bestellung der Reichs Folge.

[2]) По словамъ неизвѣстнаго нѣмецкаго автора, казнь Глѣбова и соучастниковъ происходила «in Beyseyn einer unzehligen (sic) Menge Volks». Пекарскій, II, № 385.

ствуетъ де изъ того, что «хитрятъ вездѣ прославить и утвердить натуру, еже есть жизнь самобытную».

Съ другой стороны, правительство терпѣло и держало печать лишь для своихъ цѣлей. Оно публиковало политическіе трактаты, но не допускало полемики съ этими трактатами; пытавшихся полемизировать препровождало въ застѣнокъ. Люди нетерпѣливые прибѣгали къ подметнымъ письмамъ для выраженія своего мнѣнія, но и этихъ неизвѣстныхъ не оставляли въ покоѣ. Екатерина I объявила особымъ указомъ, что кто найдетъ или откроетъ сочинителя подметныхъ писемъ,—въ которыхъ выражалось мнѣніе несогласное съ трактатомъ Прокоповича о правѣ назначенія наслѣдника престола,—тотъ получитъ 2,000 рублей и всѣ имѣнія виновнаго въ вѣчное и потомственное владѣніе. Для вящаго соблазна деньги были выставлены въ фонаряхъ у церквей св. Троицы и Исакія. Когда же, не смотря на то, не отыскалось ни сочинителей подметныхъ писемъ, ни ихъ сообщниковъ, то синодъ предалъ ихъ анаѳемѣ анонимно. Такая анаѳема торжественно произнесена въ церкви св. Троицы и сочинена самимъ же Прокоповичемъ.

Человѣку свѣтлаго ума, думавшему надъ разрѣшеніемъ задачъ общаго блага въ соціальномъ и государственномъ устройствѣ, ничего болѣе не оставалось, какъ погрузиться въ теоретическія размышленія и удовлетворять своей любознательности чтеніемъ иностранныхъ книгъ или переводовъ, лично для себя заказанныхъ, что̀ и дѣлалось, и притомъ вдали отъ центровъ государственнаго управленія. Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ въ Кіевѣ поручилъ переводить для своей библіотеки Гуго Гроція (De jure belli ac pacis), Самуила Пуффендорфа (De jure naturae et gentium и De statu rei publicae), Марпургера (Handels Gerikt) и другихъ писателей XVII вѣка, извѣстныхъ своими сочиненіями по части философіи, права, политики и исторіи. При Петрѣ одно изъ сочиненій Пуффендорфа еще удостоилось узрѣть свѣтъ въ нашей печати, и то лишь по исключительнымъ обстоятельствамъ: переведено Бужинскимъ и отпечатано въ 1714 году году Пуффендорфово «Введеніе въ исторію», служившее руководствомъ при обученіи царевича Алексѣя Петровича. Но при Аннѣ Ивановнѣ, 25 іюля 1738 года, велѣно указомъ книгу Пуффендорфа отбирать у частныхъ лицъ и только 17-го ноября 1743 года, при Елисаветѣ Петровнѣ, вновь дозволено ее продавать и держать въ домахъ.

Такіе своеобразные порядки устраняли малѣйшую необходимость въ особомъ цензурномъ установленіи. Частному лицу и въ голову не приходило издавать что̀ либо неугодное правительству и заводить вольную типографію, на что̀ не было формальнаго запрета. Авторскій трудъ могъ вращаться исключительно въ кругѣ правительственнаго спроса или заказовъ вельможъ. Спрашивалась

же отъ самостоятельныхъ писателей и имъ заказывалась преимущественно угодливость, такъ усердно расточаемая, что въ первую же половину прошлаго вѣка набила оскомину русскому обществу. Дѣловая литература Петровскаго времени уступила мѣсто забавѣ; къ литератору и переводчику стали относиться съ презрѣніемъ, какъ обыкновенно относятся къ продажнымъ людямъ: ихъ ласкали, но и бивали. При такихъ условіяхъ авторскій гонораръ становился не заработною платою, а подачкою. Гюйссенъ, получавшій отъ Петра за свою службу хвалебными статьями на иностранныхъ языкахъ и въ иноземныхъ журналахъ громадное по тогдашнему времени жалованье — 1,800 рейхсталеровъ, т. е. 1,350 рублей [1]), въ годъ, послѣ смерти императора остался безъ дѣла, какъ московскіе граверы, и нищенствовалъ въ Петербургѣ, покуда въ немъ не принялъ участія цесарскій посланникъ фонъ-Остейнъ. Петръ приказалъ выдать Поликарпову 200 руб. награды за его лексиконъ и какую-то исторію (о Кромвелѣ?), «хотя они и не очень благоугодны были», какъ писалъ Мусинъ-Пушкинъ; но при императрицахъ за неблагоугодный трудъ нечего было и думать получить какое либо вознагражденіе. При императрицахъ съ невниманіемъ относились и къ заслуженнымъ труженикамъ, когда въ нихъ не нуждались болѣе. Граверъ Петръ Пикардъ подавалъ просьбу Петру II-му о продолженіи ему жалованья, прекращеннаго Екатериною, причемъ объяснялъ: «Въ бытность моего служенія, бывалъ я съ его императорскимъ величествомъ во многихъ походѣхъ, причемъ многіе труды и убытки воспріялъ, и престарѣлъ и одряхлѣлъ, что̀ нынѣ уже цѣлый годъ въ великой болѣзни пребываю». По содержанію этой просьбы, 7 ноября 1727 года, было постановлено въ синодѣ: «Оному Пикарду по окладу его давать на пропитаніе по смерть его треть, понеже онъ пришелъ въ сущую старость и за имѣющеюся въ немъ обдержимою чрезъ два года жестокою чахоточною болѣзнью ничего не работаетъ, а за многую его работу и за ученіе русскихъ учениковъ своему художеству давать бы изъ окладнаго его трактаменту на пропитаніе треть». Не смотря на такую мотивировку, постановленіе не было приведено въ исполненіе и въ 1732 году, послѣ котораго не встрѣчается болѣе извѣстій о Пикардѣ, вѣроятно, вскорѣ умершемъ. Тяжелъ былъ при Петрѣ трудъ представителей нашихъ главныхъ литературныхъ силъ того времени — переводчиковъ, компиляторовъ и справщиковъ: Максимовичъ потерялъ зрѣніе, просиживая ночи надъ составленіемъ своего латино-русскаго словаря, Волковъ зарѣзался, не будучи въ состояніи осилить заданной ему царемъ работы — перевести «Le jardinage de

---

[1]) Изъ одного письма Шумахера къ Вольфу видно, что 3,200 рейхсталеровъ составляли тогда 2,400 рублей (жалованье вице-президента академіи наукъ). Пекарскій, I, 35.

Quintiny», преклонный семидесятилѣтній возростъ Виніуса не избавлялъ его отъ срочной работы («о воинскихъ правахъ»); всего же несноснѣе были задержки въ выдачѣ жалованья: трудившимся за границею надъ составленіемъ книгъ русскимъ людямъ приходилось терпѣть «холодъ, наготу и босоту», сиживали они и въ тюрьмахъ (Воейковъ), задолжавъ за жилье и прокормъ, а должали по неволѣ, по 8 мѣсяцевъ не получая жалованья, не смотря на настойчивыя представленія русскихъ повѣренныхъ при иностранныхъ дворахъ и свои «слезныя просьбы». Но Петръ дорожилъ хорошими работниками и умѣлъ вознаграждать ихъ полезные труды. Не то мы видимъ послѣ его смерти. Екатеринѣ I представленъ былъ докладъ о наградѣ справщика Барсова ста рублями за особые труды по переводамъ съ русскаго на греческій и съ греческаго на русскій, но этотъ докладъ удостоился утвержденія только при Аннѣ Ивановнѣ, въ 1730 году. Императрица Екатерина, забывавшая награждать за научныя работы, рѣшила, однако, немедленно выдать 100 рублей по ходатайству скорняка Еншау за выдѣлку кожи умершаго великана Буржуа. Кожа француза поступила въ кунстъ-камеру на увеличеніе рѣдкостей, между которыми значились, подъ № 8, двѣ собачки, рожденныя «отъ дѣвки 60-ти лѣтъ» и содержались «живые монструмы»: Яковъ, Степанъ и Ѳома, получавшіе по рублю въ мѣсяцъ.

VI.

Двухсотлѣтняя правительственная монополія оказала лишь ту услугу печатной гласности, что завела необходимое для нея хозяйство. Стараніями правительства созданъ цехъ книгопечатныхъ мастеровъ и основана промышленность, тѣсно связанная съ производствомъ печатнаго слова. Покупаемая прежде за границею, бумага стала выдѣлываться на «петербургской и дудоровской мельницахъ» [1]); явилась возможность обзаводиться типографскими и гравировальными станками, инструментами и шрифтами «русскаго дѣла» [2]); для отливки всякихъ шрифтовъ и набора шрифтовъ иностранныхъ, уже не требовалось выписывать мастеровъ изъ Голландіи, Риги и Ревеля. Навыкшіе къ работѣ справщики, мастера и наборщики представляли изъ себя уже достаточную трудовую дисциплинированную силу, которая могла быть направлена на служеніе обществу при первомъ спросѣ, при первомъ появленіи въ его

¹) Указъ объ отдачѣ изъ канцелярій негодной бумаги на новоустроенныя въ Петербургѣ бумажныя фабрики послѣдовалъ 30 іюля 1720 года. П. С. З., VI, № 3,620. См. Л. Н. Нисселовича: Исторія заводско-фабричнаго законодательства въ Россіи, I, 27.

²) При Петрѣ, мастерами оружейной канцеляріи было сдѣлано въ Петербургѣ 4 стана.

средѣ людей предпріимчивыхъ и способныхъ стать двигателями и проводниками общественной мысли. Вся техническая организація была на готовѣ и рабочія руки, оставшіяся безъ занятій, вслѣдствіе разстройства казеннаго хозяйства, ждали спроса; но общественная мысль, сбитая съ пути разобщеніемъ народной жизни съ государственнымъ механизмомъ и запуганная застѣнками, еще долго не рѣшалась появляться, да и не могла появиться въ печати.

Со вступленіемъ на престолъ Елисаветы Петровны, при дворѣ шли театральныя представленія, маскарады, балы, гулянья съ великолѣпными иллюминаціями и фейерверками, о чемъ усердно и пространно повѣствовали академическія «Вѣдомости», а застѣнки продолжали дѣйствовать: виски, дыбы, утки и другія принадлежности этихъ мѣстъ были въ полномъ ходу. Ненамѣренная описка или почистка въ императорскомъ титлѣ, пропускъ заздравной чаши за императрицу во время пира, разговоръ, показавшійся подозрительнымъ какому нибудь шпіону—прямо вели въ Тайную Канцелярію и къ розыскамъ пытками безъ различія сана, пола и возроста. Не только общественная, но и промышленная жизнь была взята въ тиски самой несносной регламентаціи. По «Регламенту» 1741 года никто не смѣлъ дѣлать ни суконъ, ни каразей иначе, какъ установленной длины и ширины и доброты по образцамъ; даже одежду рабочіе на суконныхъ фабрикахъ (частныхъ) должны были носить «сплошь ровную», «для различенія отъ другихъ». Но это одѣванье въ мундиры фабричныхъ рабочихъ и стѣсненіе промышленной свободы—ничто въ сравненіи съ указомъ 1742 года о второй всеобщей ревизіи. Здѣсь свидѣтельствуется полнѣйшее презрѣніе къ личности гражданина и человѣка. Вотъ что говоритъ по этому поводу покойный И. Д. Бѣляевъ: «По второй ревизіи свобода и право личности вовсе не принимаются въ соображеніе; эта ревизія заботится только объ исправномъ сборѣ казенныхъ податей, ломаетъ всѣ права податныхъ людей, отдаетъ ихъ въ крѣпость. По этой ревизіи каждый непремѣнно долженъ быть записанъ: служилый—въ службу за государствомъ [1]), податной—въ подушный окладъ гдѣ либо, или за кѣмъ нибудь, ремесленники и торговцы—въ цехъ или посадъ, прочіе—за помѣщиковъ, или при фабрикахъ и заводахъ; а кто не запишется, того, ежели онъ годенъ, писать въ солдаты, негоднаго же и кого никто не беретъ въ крѣпость изъ платежа подушной подати—ссылать для поселенія въ Оренбургъ, или въ работу на казенные заводы. Страшно было за бѣдняковъ; самое рабство они должны были считать милостію!» [2]). Современникъ

---

[1]) Отсюда обычай дворянъ записывать своихъ сыновей въ полки при рожденіи, сдѣлавшійся впослѣдствіи прерогативою лицъ императорской фамиліи.

[2]) Лекціи по исторіи русскаго законодательства. Посмертн. изд., Москва, 1879 года, стр. 594.

князь Шаховской, тогдашній генералъ-прокуроръ, пишетъ: «Ненасытная алчба къ корысти дошла до того, что нѣкоторыя мѣста, учрежденныя для правосудія, сдѣлались торжищемъ лихоимства, пристрастіе—предводительствомъ судей, а потворство и упущеніе—ободреніемъ беззаконниковъ». Изъ указа отъ 1 августа 1750 года видно, что Петербургъ съ островами былъ переполненъ развратными женщинами. Вся страна покрылась шайками разбойниковъ, предводимыхъ отчаянными атаманами нерѣдко изъ помѣщиковъ; они отваживались среди бѣлаго дня разбивать магистраты (въ Алатырѣ), предавать разграбленію цѣлыя дворцовыя волости (напримѣръ, Мокшенскую въ Шацкомъ уѣздѣ) и, вооружившись пушками, вступали въ открытый бой съ военными командами (подъ Нижнимъ), въ Новгородской губерніи отъ нихъ еще въ 1761 году, какъ свидѣтельствуетъ указъ отъ 11 октября, не было ни проходу, ни проѣзду по дорогамъ. Въ самомъ Петербургѣ были разставлены гвардейскіе пикеты около дворцовъ для обереганія ихъ отъ зажигателей, а частые пожары въ Москвѣ были дѣломъ рукъ злоумышленниковъ... Среди глубокой деморализаціи общества, благодаря безправію и нравственному паденію личности, цѣпенѣла всякая гуманная мысль и торжествовало самое необузданное человѣконенавистничество. Какъ низки были понятія о гражданственности, можно судить изъ слѣдующихъ словъ надписи на иллюминацію 1747 года:

Пусть мнимая другихъ свобода угнетаетъ,
Насъ рабство надъ твоей державой возвышаетъ.

И это писалъ вышедшій изъ народа ученый!

Въ такіе сумрачные дни соціальнаго ненастья, люди добра, не утратившіе сознанія своего человѣческаго достоинства, уходятъ въ глубь душевнаго бытія, сосредоточиваются на задачахъ самосовершенствованія и, отвращаясь отъ окружающей среды, замыкаются въ тѣсные кружки духовныхъ братствъ. Настроеніе мистическое господствуетъ въ этихъ братствахъ или дружествахъ. Нравственно и умственно они порываютъ всякія связи съ обществомъ, среди котораго живутъ и дѣйствуютъ, и находятъ внутреннее удовлетвореніе лишь въ трудѣ надъ выработкою отвлеченныхъ принциповъ и правилъ обновленной жизни, представляемой ихъ воображеніемъ; болѣе же слабыя и впечатлительныя натуры довольствуются воспринятіемъ началъ, преподанныхъ учителями такихъ замкнутыхъ кружковъ «избранныхъ». Члены подобныхъ братствъ не спасаются въ монастыряхъ, не отрекаются отъ міра и заботятся не о жизни будущаго вѣка, а о самовозрожденіи и возрожденіи всего человѣчества на землѣ. Они обыкновенно отрицаютъ религіозную обрядность и, вѣря въ существо высшее, не признаютъ алтарей. Они могутъ дойдти и до отрицанія власти, если сама власть считаетъ себя происходящею не отъ міра сего. Но ихъ отрицанія ограничиваются внутреннимъ убѣжденіемъ, не переходя въ дѣй-

ствіе. Ни явно, ни тайно они не возстаютъ противъ установившихся формъ общежитія и властей историческихъ, хотя и не считаютъ для себя нравственно обязательнымъ слѣдовать общему теченію, идти торною дорогою и подчиняться міровоззрѣнію толпы. Съ достоинствомъ повторяютъ они слова Горація:

Uirtus, recludens immeritis mori
Coelum, negata tentat iter vita,
Coetusque vulgares et udam
Spernit humum fugiente penna.

Именно этимъ четверостишіемъ заканчивается аргументація одного изданнаго въ Москвѣ трактата въ защиту свободныхъ каменщиковъ [1]).

Являясь исключительно людьми добрыхъ намѣреній, человѣколюбцами во имя идей, эти мистики, на различныхъ ступеняхъ общественнаго положенія и служебной іерархіи, обыкновенно проникаются сознаніемъ гражданскаго долга и чувствомъ человѣчности, становятся усердными тружениками и людьми добрыхъ и мягкихъ нравовъ. Неспособные на энергическіе протесты, они неспособны и на сознательную подлость, вѣроломство и доносы, питаютъ отвращеніе къ насилію и жестокости и всегда готовы подать руку помощи тамъ, гдѣ имъ или братству не угрожаетъ опасность быть притянутыми къ отвѣту. Такіе именно люди появляются въ нашемъ образованномъ обществѣ около половины прошлаго вѣка и, осторожно сближаясь другъ съ другомъ, мало-по-малу образуютъ замкнутые кружки избранныхъ, найдя объединительное начало въ отвлеченіи отъ окружающей дѣйствительности, — въ доктринахъ мартинизма. Нельзя не согласиться съ авторами «Обзора исторіи славянскихъ литературъ», «что масонство несомнѣнно представляло новый образовательный элементъ, вошедшій въ русское общество независимо отъ оффиціальныхъ внушеній» и что оно «важно было тѣмъ, что въ общественныя понятія того времени, сильно грубыя,... вносило мысль о внутреннемъ совершенствованіи, о личномъ и гражданскомъ долгѣ, требовало для общественныхъ отношеній дѣятельнаго человѣколюбія». Наконецъ, «здѣсь въ первый разъ появляется кружокъ людей съ дѣйствительными убѣжденіями, добытыми собственной мыслью и переходившими въ дѣло». Типографическая компанія и позднѣйшія библейскія общества, какъ осуществленіе основной идеи масонства (просвѣщеніе умственное и нравственное), выводятъ нашу печать на путь частной предпріимчивости и вмѣстѣ съ тѣмъ прямаго служенія обществу. Въ немъ самомъ черпаются силы не только свободныя отъ правительственнаго воздѣйствія, но и рѣшительно вліяющія на мѣропріятія власти. Каждый

[1]) «Братскія увѣщанія». Писаны братомъ Седдагомъ. Изданіе 1784 года вольной типографіи И. Лопухина въ Москвѣ.

«вольный каменщикъ» прилагалъ къ трудамъ своимъ собственнымъ и своихъ братьевъ свои личные таланты, свой авторитетъ, свое вліяніе и свои связи; когда находили въ провинціи человѣка способнаго, его тотчасъ же призывали и выдвигали; люди состоятельные, какъ Г. М. Походяшинъ, жертвовали всѣмъ своимъ достояніемъ, а кто не могъ помогать деньгами, отдавалъ свое время и свой трудъ. Въ 1787 году, въ Россіи насчитывали 145 масонскихъ ложъ [1]). Наши масоны прошлаго столѣтія были собирателями соли Русской земли — честныхъ людей и просвѣщенныхъ тружениковъ на пользу общую.

Вольная печать московской «типографической компаніи» своими изданіями внушила обществу уваженіе къ самостоятельной работѣ мысли и расчистила путь частному хозяйству въ производствѣ печатнаго слова. Двухсотлѣтняя казенная монополія должна была отвести мѣсто общественному почину, а раскрѣпощеніе дворянскаго сословія, признаніе личности дворянина, категорически выраженное въ грамотѣ 21 апрѣля 1785 года, подняло духъ критики и творчества. Грамота торжественно объявляла:

9. Безъ суда да не лишится благородный чести.
10. Безъ суда да не лишится благородный жизни.
11. Безъ суда да не лишится благородный имѣнія.
15. Тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго.

Благородный становился гражданскою личностью; общественная литература стала возможною впервые, потому что безъ гражданскихъ правъ нѣтъ общества, а есть только скопленіе людей на извѣстномъ пространствѣ, лишенныхъ между собою живой органической связи, всякаго руководящаго принципа, а потому и неспособныхъ выработать общественную мысль.

А. Мальшинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

---

[1]) Объ этомъ см. N Deschamps: Les sociétés secrètes. 4 ed., II, Docum. K. pp. 687—691.

ЗАПИСКИ КСЕНОФОНТА АЛЕКСѢЕВИЧА ПОЛЕВАГО[1].

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Возвращеніе Пушкина изъ ссылки въ Москву.— Отношеніе русской публики къ поэту. — Личное знакомство Н. А. и К. А. Полевыхъ съ Пушкинымъ. — Странное впечатлѣніе, вынесенное изъ этого знакомства.— Явные признаки охлажденія Пушкина къ «Московскому Телеграфу» и его издателямъ. — Особыя воззрѣнія Пушкина на знатность происхожденія.—Сближеніе поэта съ Погодинымъ и съ кружкомъ «Московскаго Вѣстника».—Покровительственныя отношенія къ этому кружку. — Явно-враждебныя дѣйствія Пушкина противъ «Московскаго Телеграфа». — Старанія отвлечь князя Вяземскаго отъ участія въ «Московскомъ Телеграфѣ». — Полный неуспѣхъ «Московскаго Вѣстника».— Смѣшные укоры «Московскому Телеграфу». — Отъѣздъ Пушкина изъ Москвы и проводы его.

ОСЕНЬЮ 1826 года, пріѣхалъ въ Москву поэтъ Пушкинъ. Это событіе, которое составляло эпоху въ жизни самого поэта, оказалось не безъ послѣдствій на литературныя отношенія Н. А. Полеваго. Потому-то я долженъ войдти здѣсь въ нѣкоторыя подробности, любопытныя для тайной или закулисной исторіи нашей литературы, и довольно важныя въ жизни моего брата.

Знаю, что я долженъ очень осторожно говорить о Пушкинѣ. Нашлись люди, которые въ послѣднее время усиливались представить меня какимъ-то ненавистникомъ нашего великаго поэта,

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XXVIII, стр. 25.

и чуть не клеветникомъ нравственной его жизни. Я опровергъ такую клевету, когда она выказалась явно [1]), и показалъ, что никто болѣе меня не уважаетъ памяти Пушкина, никто не цѣнитъ болѣе высоко чудеснаго его дарованія. Но дознанная истина, что клевета всегда оставляетъ послѣ себя слѣды, и особенно та клевета, которая передается изустно, въ сборищахъ, гдѣ, въ кругу порядочныхъ людей, можно высказывать возмутительныя нелѣпости, повторяемыя съ улыбкой. Видно, такую клевету испыталъ самъ Пушкинъ, упомянувшій о ней очень выразительно.

Имя Пушкина сдѣлалось извѣстно публикѣ со времени изданія Руслана и Людмилы въ 1820 году; но еще прежде онъ сталъ любимцемъ и баловнемъ образованной петербургской молодежи за многія свои лирическія стихотворенія, несравненныя прелестью выраженія, гармоніей стиха и совершенно новою, небывалою до тѣхъ поръ вольностью мыслей въ разныхъ отношеніяхъ. Эротическія подробности въ посланіяхъ къ Лидамъ и Лилетамъ, острые, умные сарказмы противъ извѣстныхъ лицъ въ посланіяхъ къ друзьямъ, наконецъ, сальныя стихотворенія, гдѣ думалъ онъ подражать А. Шенье, но далеко превзошелъ свой образецъ, — были совершенно во вкусѣ и приходились по сердцу современной молодежи. Лирическія произведенія Пушкина этой эпохи большею частью писаны были не для печати, и въ рукописи разлетались по рукамъ. Вскорѣ составилась цѣлая тетрадь такихъ стихотвореній; современные юноши усердно переписывали ее, невольно выучивали наизусть, — и Пушкинъ пріобрѣлъ самую громкую, блестящую извѣстность и жаркую любовь молодыхъ современниковъ своихъ. Почти въ то же время стало извѣстно, что онъ удаленъ изъ Петербурга; внутри Россіи даже не знали — куда, за что? Но тѣмъ больше казалась поэтическою судьба изгнанника самовольнаго (какъ называлъ Пушкинъ самъ себя), особенно, когда онъ упоминалъ о себѣ въ задумчивыхъ, грустныхъ стихахъ, то благословляя дружбу, спасшую его отъ грозы и гибели, то вспоминая объ Овидіѣ на берегахъ Чернаго моря. И вдругъ новая превратность въ судьбѣ его: онъ живетъ въ своей деревнѣ, не выѣзжаетъ оттуда, не можетъ выѣзжать — и русскій Овидій принялъ оттѣнокъ чуть ли не Вольтера въ Ферне, или Руссо въ самовольномъ изгнаніи. Между тѣмъ явились его Кавказскій плѣнникъ, Бахчисарайскій фонтанъ, наконецъ, первая глава Онѣгина, сопровождаемыя множествомъ изящныхъ лирическихъ стихотвореній, и уже слышно было, что поэтъ, въ своемъ уединеніи, готовитъ новыя, великія созданія. Въ такихъ отношеніяхъ находился Пушкинъ къ русской публикѣ, когда, во время торжествъ коронаціи, въ 1826 году, вдругъ раз-

---

[1]) Опроверженія мои напечатаны въ «Сѣверной Пчелѣ» 1859 г., въ № 129-мъ и 169-мъ.

неслась въ Москвѣ радостная и неожиданная вѣсть, что императоръ вызвалъ Пушкина изъ его уединенія, и что Пушкинъ въ Москвѣ. Всѣхъ обрадовала эта вѣсть; но изъ числа самыхъ счастливыхъ ею былъ мой братъ, Николай Алексѣевичъ. Читатели видѣли отношенія его къ Пушкину: искренній жаркій поклонникъ его дарованія, онъ почиталъ наградою судьбы за многія непріятности на своемъ литературномъ поприщѣ то уваженіе, какое оказывалъ ему Пушкинъ, который признавалъ «Московскій Телеграфъ» лучшимъ изъ современныхъ русскихъ журналовъ, присылалъ свои стихи для напечатанія въ немъ, и въ немъ же напечаталъ первые свои прозаическіе опыты. Оставалось укрѣпить личнымъ знакомствомъ этотъ нравственный союзъ, естественно связывающій людей необыкновенныхъ, и однимъ изъ лучшихъ желаній Николая Алексѣевича было свиданіе съ Пушкинымъ. Можно представить себѣ, какъ онъ обрадовался, когда услышалъ о его пріѣздѣ въ Москву! Онъ тотчасъ поѣхалъ къ нему и воротился домой не въ веселомъ расположеніи. Я увидѣлъ это, когда съ юношескимъ нетерпѣніемъ и любопытствомъ прибѣжалъ къ нему въ комнату, восклицая: — Ну, что? видѣлъ Пушкина?... разсказывай скорѣе. Съ обыкновенною своею умною улыбкою, онъ поглядѣлъ на меня и отвѣчалъ въ раздумьѣ: — Видѣлъ. — Ну, каковъ онъ? — Да я, братецъ, нашелъ въ немъ совсѣмъ не то, чего ожидалъ. Онъ ужасно холоденъ, принялъ меня церемонно, безъ всякаго искренняго выраженія.

Онъ пересказалъ мнѣ послѣ этого весь свой, впрочемъ, непродолжительный разговоръ съ Пушкинымъ, въ самомъ дѣлѣ состоявшій изъ вѣжливостей и пустяковъ. Пушкинъ торопился куда-то съ визитомъ; видно было, что въ это свиданіе онъ только поддерживалъ разговоръ и, наконецъ, обѣщалъ Николаю Алексѣевичу пріѣхать къ нему въ первый свободный вечеръ.

Мы посудили, потолковали и утѣшили себя тѣмъ, что, вѣроятно, Пушкинъ, занятый какими нибудь своими политическими отношеніями, не въ духѣ. Но, всетаки, странно казалось, что онъ не выразилъ Николаю Алексѣевичу дружескаго, искренняго расположенія.

Не помню, скоро ли послѣ этого, но, какъ-то вечеромъ, онъ пріѣхалъ къ намъ вмѣстѣ съ С. А. Соболевскимъ, который сдѣлался путеводителемъ его по Москвѣ и впослѣдствіи поселилъ его у себя. Этотъ вечеръ памятенъ мнѣ впечатлѣніемъ, какое произвелъ на меня Пушкинъ, видѣнный мною тутъ въ первый разъ. Когда мнѣ сказали, что Пушкинъ въ кабинетѣ у Николая Алексѣевича, я поспѣшилъ туда, но, проходя черезъ комнату передъ кабинетомъ, невольно остановился при мысли: я сейчасъ увижу его!.. Толпа воспоминаній, ощущеній мелькнула и въ умѣ, и душѣ.. Съ тревожнымъ чувствомъ отворилъ я дверь...

Надобно замѣтить, что, вѣроятно, какъ и большая часть моихъ современниковъ, я представлялъ себѣ Пушкина такимъ, какъ онъ

изображенъ на портретѣ, приложенномъ къ первому изданію «Руслана и Людмилы», т. е. кудрявымъ, пухлымъ юношею, съ пріятною улыбкою...

Передъ конторкою (на которой обыкновенно писалъ Н. А.) стоялъ человѣкъ, немного превышавшій эту конторку, худощавый, съ рѣзкими морщинами на лицѣ, съ широкими бакенбардами, покрывавшими всю нижнюю часть его щекъ и подбородка, съ тучею кудрявыхъ волосовъ. Ничего юношескаго не было въ этомъ лицѣ, выражавшемъ угрюмость, когда оно не улыбалось. Я былъ такъ пораженъ неожиданнымъ явленіемъ, нисколько не осуществлявшимъ моего идеала, что не скоро могъ опомниться отъ изумленія и увѣрить себя, что передо мною находился Пушкинъ. Онъ былъ не веселъ въ этотъ вечеръ, молчалъ, когда рѣчь касалась современныхъ событій, почти презрительно отзывался о новомъ направленіи литературы, о новыхъ теоріяхъ, и между прочимъ сказалъ:

— Нѣмцы видятъ въ Шекспирѣ чортъ знаетъ что̀, тогда какъ онъ просто, безъ всякихъ умствованій говорилъ, что было у него на душѣ, не стѣсняясь никакой теоріей.—Тутъ онъ выразительно напомнилъ о неблагопристойностяхъ, встрѣчаемыхъ у Шекспира, и прибавилъ, что это былъ геніальный мужичекъ! Меня поразило такое сужденіе тѣмъ больше, что я тогда былъ безусловный поклонникъ Авг. Шлегеля, который не находитъ никакихъ недостатковъ въ Шекспирѣ.

Пушкинъ нѣсколько развеселился бутылкой шампанскаго (тогда необходимая принадлежность литературныхъ бесѣдъ!) и даже диктовалъ Соболевскому комическіе стихи въ подражаніе Виргилію. Не припомню, какая случайность разговора была поводомъ къ тому, но тутъ я видѣлъ, какъ богатъ былъ Пушкинъ средствами къ составленію стиховъ: онъ за нѣсколько строкъ уже готовилъ мысль или созвучіе и находилъ прямое выраженіе, не замѣнимое другимъ. И это шутя, между разговоромъ! О «Московскомъ Телеграфѣ» не было и рѣчи: Пушкинъ, видно, не хотѣлъ говорить о немъ, потому что не желалъ сказать о немъ своего мнѣнія при первомъ личномъ знакомствѣ съ издателемъ. Это мнѣніе было уже не то, которое выразилъ онъ въ письмѣ къ Н. А., какъ увидимъ сейчасъ. Свиданіе кончилось тѣмъ, что мы съ братомъ остались въ недоумѣніи отъ обращенія Пушкина.

Прошло еще нѣсколько дней, когда, однажды утромъ, я заѣхалъ къ нему. Онъ, временно, жилъ въ гостинницѣ, бывшей на Тверской, въ домѣ князя Гагарина, отличавшемся вычурными уступами и крыльцами снаружи. Тамъ занималъ онъ довольно грязный нумеръ въ двѣ комнаты, и я засталъ его, какъ обыкновенно заставалъ потомъ утромъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ, въ татарскомъ серебристомъ халатѣ, съ голою грудью, не окруженнаго ни малѣйшимъ комфортомъ: такъ живалъ онъ потомъ въ гостинницѣ Де-

мута въ Петербургѣ. На этотъ разъ онъ былъ, какъ мнѣ показалось сначала, въ какомъ-то раздраженіи, и тотчасъ началъ рѣчь о «Московскомъ Тлеграфѣ», въ которомъ находилъ множество недостатковъ, выражаясь объ иныхъ подробностяхъ саркастически. Я возражалъ ему, какъ умѣлъ, и разговоръ шелъ довольно запальчиво, когда въ комнату вошелъ г. Шевыревъ, тогда еще едва начинавшій писатель, членъ Раичева литературнаго Общества (о которомъ я говорилъ въ первой части этихъ записокъ). Онъ принесъ Пушкину незадолго прежде напечатанную книжку: Объ искусствѣ и художникахъ, размышленія и проч., изданную Тикомъ и переведенную съ нѣмецкаго гг. Титовымъ, Мельгуновымъ и Шевыревымъ. Стихи, находящіеся въ этой книгѣ, были писаны послѣднимъ, и Пушкинъ началъ горячо расхваливать ихъ, вообще оказывая г. Шевыреву самое пріязненное расположеніе, хотя и съ высоты своего величія, тогда какъ со мною онъ разговаривалъ почти какъ непріятель. Вскорѣ ввалился въ комнату М. П. Погодинъ. Пушкинъ и къ нему обратился дружески. Я увидѣлъ, что буду лишній въ такомъ обществѣ, и взялся за шляпу. Провожая меня до дверей и пожимая мнѣ руку, Пушкинъ сказалъ:

— Sans rancune, je vous en prie!—и захохоталъ тѣмъ простодушнымъ смѣхомъ, который памятенъ всѣмъ знавшимъ его.

Я воротился домой почти съ убѣжденіемъ, что Пушкинъ за что-то непріязненъ къ «Московскому Телеграфу», или, лучше сказать, къ редакторамъ его. Но за что же? Не самъ ли онъ признавалъ «Московскій Телеграфъ» лучшимъ изъ русскихъ журналовъ; и дѣйствительно, не былъ ли это, какъ говорятъ теперь, передовой журналъ, оказавшій обществу нѣкоторыя услуги. Могъ ли остановиться Пушкинъ на мелочныхъ недостаткахъ его, и за нихъ отвергать достоинства его, какъ дѣлали пристрастные наши враги?

Вскорѣ услышали мы, что Пушкинъ основываетъ свой журналъ, «Московскій Вѣстникъ», подъ редакціей г. Погодина и при участіи всѣхъ членовъ бывшаго Раичева Общества, всѣхъ недовольныхъ «Московскимъ Телеграфомъ». Это объяснило намъ многое въ недавнихъ отношеніяхъ его съ нами, особливо, когда стали извѣстны подробности, какъ заключился такой странный союзъ. Въ самомъ дѣлѣ, странно было, что этотъ сердечный союзъ устроился слишкомъ проворно, и сближеніе Пушкина въ важномъ литературномъ предпріятіи съ молодыми людьми, еще ничѣмъ не доказавшими своихъ дарованій, казалось еще изумительнѣе, когда во главѣ ихъ являлся г. Погодинъ! Гдѣ могъ узнать, и какъ могъ оцѣнить всю эту компанію Пушкинъ, только-что пріѣхавшій въ Москву?

Я упомянулъ, что Пушкинъ пріѣхалъ въ Москву неожиданно ни для кого. Онъ былъ привезенъ прямо въ Кремлевскій дворецъ и неожиданно представленъ императору. Никто не можетъ сказать,

что говорилъ ему августѣйшій его благодѣтель, но можно вывести положительное заключеніе о томъ изъ словъ самого государя императора, когда, вышедши изъ кабинета съ Пушкинымъ, послѣ разговора наединѣ, онъ сказалъ окружавшимъ его особамъ: «Господа, это Пушкинъ мой!».

Несомнѣнно также, что разговоръ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ оставилъ сильное впечатлѣніе въ Пушкинѣ, и если не совершенно измѣнилъ прежній образъ его мыслей, то заставилъ его принять новое направленіе, которому остался онъ вѣренъ до конца своей жизни. На смертномъ одрѣ, въ часы послѣднихъ страданій передъ кончиной, онъ просилъ увѣрить императора, что «весь былъ бы его», если бы остался живъ[1]). Онъ, конечно, въ эту торжественную минуту лишь высказалъ то, что было въ душѣ его. Какъ человѣкъ высокаго ума, до зрѣлыхъ лѣтъ мужества остававшійся либераломъ, и по образу мыслей, и въ поэтическихъ изліяніяхъ своей души, онъ не могъ вдругъ отказаться отъ своихъ убѣжденій; но, разъ давши слово слѣдовать указанному ему новому направленію, онъ хотѣлъ исполнить это, и благоговѣйно отзывался о наставленіяхъ, данныхъ ему императоромъ[2]).

Въ самомъ началѣ, въ первые дни своего нравственнаго кризиса, встрѣтился онъ въ Москвѣ съ издателемъ «Московскаго Телеграфа», и, можетъ быть, первоначально не хотѣлъ сближаться съ нимъ, по разсчету обыкновеннаго и очень понятнаго благоразумія. Еще правительство не обращало своего вниманія на молодаго журналиста, а Пушкинъ уже понималъ, что не можетъ слѣдовать одному съ нимъ направленію. Живя въ Михайловскомъ, онъ почиталъ его журналомъ передовымъ и откровенно хвалилъ его; перенесенный въ Москву, онъ былъ уже не тотъ Пушкинъ, и потому-то, съ первыхъ свиданій, встрѣтилъ холодно Н. А. Полеваго, и въ первомъ разговорѣ со мной порицалъ, между прочимъ, неосторожность, съ какою пишутся многія статьи «Московскаго Телеграфа». Это былъ всегдашній припѣвъ его и потомъ, когда мнѣ случалось говорить съ нимъ о «Московскомъ Телеграфѣ». Только-что прощенный государемъ императоромъ за прежнія свои вольнодумства, взволнованный милостивымъ его словомъ, онъ хотѣлъ держать себя на-сторожѣ съ издателемъ «Московскаго Телеграфа» и хотя внутренно не могъ не отдавать ему справедливости, однако, желалъ, можетъ быть, лучше узнать его. Таковы были, по моему убѣжденію, первыя причины холодности Пушкина къ Н. А. Полевому. Къ нимъ вскорѣ присоединились многія другія. Не невозможно, что Пушкинъ, не смотря на свои ребяческія, смѣшныя мнѣнія объ аристократствѣ, простилъ бы моему брату званіе купца, если бы тотъ явился предъ нимъ смиреннымъ поклонникомъ. Но когда из-

---

[1]) См. статью Жуковскаго: «Письмо къ С. Л. Пушкину».

[2]) См. «Соч. Пушкина», изд. Анненкова, т. I, стр. 172.

датель «Московскаго Телеграфа» протянулъ къ нему руку свою, какъ родной, онъ хотѣлъ показать ему, что такое сближенie невозможно между потомкомъ бояръ Пушкиныхъ, внукомъ Арапа Ганнибала, и между смиреннымъ гражданиномъ. Я готовъ согласиться, что Пушкинъ, человѣкъ высокаго ума, никогда не былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что проповѣдывалъ такъ громко о русскомъ аристократствѣ и знатности своего рода; но онъ игралъ эту роль постоянно, по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ знать его лично. Онъ соображалъ свое обхожденie не съ личностью человѣка, а съ положенiемъ его въ свѣтѣ, и потому-то признавалъ своимъ собратомъ самаго ничтожнаго барича и оскорблялся, когда въ обществѣ встрѣчали его, какъ писателя, а не какъ аристократа. Эту мысль выражалъ онъ и на словахъ, и въ своихъ сочиненiяхъ: она послужила ему основою вступительной части и отрывка «Египетскiя ночи». Въ Чарскомъ изобразилъ онъ себя. Такой образъ мыслей мѣшалъ сближенiю его съ Н. А. Полевымъ, и естественно заставилъ его легко согласиться на предложенie безвѣстныхъ молодыхъ людей, которые просили его быть не столько сотрудникомъ, сколько покровителемъ предпринимаемаго ими журнала. И онъ, и они разсчитывали на вѣрный успѣхъ отъ одного имени Пушкина, которому все остальное должно было служить только рамою. Пушкину было очень кстати получать большую плату за свои стихотворенiя, печатанныя въ журналѣ, покорномъ ему во всѣхъ отношенiяхъ, и въ этой-то надеждѣ онъ имѣлъ новую причину отдалиться отъ «Московскаго Телеграфа», который не платилъ и не предлагалъ ему ничего за его сотрудничество, потому что, до 1825 года, такъ поступали всѣ журналисты. Съ этого года, г. Гречъ первый началъ платить за трудъ постоянныхъ своихъ сотрудниковъ, но все еще не за стихи, которые всегда составляютъ роскошь журнала и не придаютъ собственно ему ни малѣйшаго достоинства. Не постигая этого, издатель и сотрудники «Московскаго Вѣстника» ликовали, что могутъ получать большie барыши отъ своего журнала, и подъ эгидой Пушкина ратоборствовать, какъ имъ угодно, особенно противъ «Московскаго Телеграфа». Можно представить себѣ, что наговорили они Пушкину объ издателѣ ненавистнаго имъ журнала! Въ числѣ ихъ были люди барскаго происхожденiя, и Пушкинъ надѣялся симпатизировать съ ними больше, нежели съ простолюдиномъ Полевымъ. Аристократъ по системѣ, если не въ дѣйствительности, онъ увидалъ себя еще больше чуждымъ ему, когда блестящее свѣтское общество встрѣтило съ распростертыми объятiями знаменитаго поэта, бывшаго диковинкою въ Москвѣ. Онъ какъ будто не видалъ, что въ немъ чествовали не потомка бояръ Пушкиныхъ, а писателя и современнаго льва, въ первое время, по крайней мѣрѣ. Увлекшись въ вихрь свѣтской жизни, которую всегда любилъ онъ, Пушкинъ почти стыдился званiя писателя.

Все это объяснилось постепенно, не вдругъ, и если теперь ясны причины страннаго отчужденія Пушкина отъ «Московскаго Телеграфа» и его издателя, то тогда мы могли только оставаться въ недоумѣніи и были въ правѣ негодовать, что онъ безъ всякой видимой причины, безъ малѣйшаго повода, становился въ положеніе, непріятное для насъ. Холодность и высокомѣріе его очень уязвляли Николая Алексѣевича, и, положивъ руку на сердце, всякій согласится, что на такое расположеніе, явно выражаемое, нельзя же было отвѣчать дружбою и преданностью. Еще больше оскорбляло Николая Алексѣевича то, что Пушкинъ принялъ подъ свое покровительство противниковъ его, и оказывалъ дружеское расположеніе г. Погодину, заклятому врагу его.

Изъ напечатанныхъ писемъ Пушкина можно видѣть, что онъ желалъ отклонить отъ «Московскаго Телеграфа» главнаго сотрудника, придававшаго свой авторитетъ этому журналу, князя Вяземскаго[1]). Это окончательно показываетъ непріязненное расположеніе къ Н. А. Полевому, и даже не совсѣмъ хорошее желаніе повредить ему. Князь Вяземскій, котораго Пушкинъ всегда называлъ своимъ другомъ, даже не говорилъ намъ о предложеніяхъ Пушкина, но, какъ человѣкъ самостоятельный и благородный, вызвался принять еще болѣе участія въ «Московскомъ Телеграфѣ», и дѣйствительно работалъ для него въ 1827 году усердно и дѣятельно. Не долженъ ли былъ и Пушкинъ, если бы онъ еще раздѣлялъ образъ мыслей князя Вяземскаго, придать свой авторитетъ «Московскому Телеграфу», а не руководствоваться корыстными разсчетами и вступать въ союзъ съ незнакомой ему молодежью, которую такъ хорошо зналъ и оцѣнивалъ князь Вяземскій, и очень вѣрно изобразилъ Грибоѣдовъ въ извѣстномъ своемъ экспромтѣ, оканчивающемся стихами:

Студенческая кровь, казенные бойцы!
Холопы «Вѣстника Европы»!

Разсчетъ Пушкина и новыхъ друзей его оказался не вѣренъ во многихъ отношеніяхъ. «Московскій Вѣстникъ» не понравился публикѣ съ первой книжки, и съ каждою новою книжкою оказывался ребяческимъ предпріятіемъ, недостойнымъ вниманія. Не спасли его и стихи Пушкина, хотя ихъ было тамъ много. Такой неуспѣхъ былъ новымъ торжествомъ для «Московскаго Телеграфа» и только утвердилъ за нимъ первенство въ русской журналистикѣ. И не могло быть иначе. «Московскій Телеграфъ» былъ

---

[1]) Въ письмѣ къ Языкову (Н. М.) онъ писалъ, отъ 21-го ноября 1826 года: «Одинъ Вяземскій остался твердъ и вѣренъ «Телеграфу», жаль, но что же дѣлать». («Соч. Пушкина», изданіе Анненкова, т. I, стр. 174). Слѣдовательно, онъ желалъ и старался отклонить князя Вяземскаго отъ участія въ «Московскомъ Телеграфѣ».

журналъ, органъ извѣстнаго рода мнѣній, касавшійся современныхъ вопросовъ, а «Московскій Вѣстникъ» оказался—какъ и другіе современные журналы русскіе—сборникомъ разнородныхъ статей, иногда хорошихъ, но чаще плохихъ, потому что хорошихъ писателей никогда не бываетъ много, и невозможно завербовать ихъ всѣхъ въ свои сотрудники: по неволѣ придется наполнять журналъ чѣмъ попало. Но когда издатель его бываетъ органомъ опредѣленныхъ убѣжденій и современной доктрины, тогда всѣ эти статьи его журнала составляютъ одно цѣлое, и журналъ постепенно дѣлается могуществомъ, которому можетъ противоборствовать только подобное же могущество своего рода, то есть органъ другихъ убѣжденій.

Мы еще такъ молоды въ общественной жизни, что до сихъ поръ не дали себѣ отчета въ значеніи журналовъ, и оттого-то водворилась въ нынѣшней журналистикѣ нетерпимость, не показывающая высокаго просвѣщенія. Она хочетъ, чтобы всѣ журналы выражали одно и то же ученіе, одни и тѣ же мнѣнія, не замѣчая, что это порождаетъ односторонность, деспотизмъ мнѣній, всегда вредный для успѣха, который возможенъ только при свободномъ выраженіи самыхъ противоположныхъ взглядовъ.

Если въ наше время такъ ложно понимаютъ истинное назначеніе журналовъ, то можно представить себѣ, каково было понятіе о нихъ тридцать пять лѣтъ назадъ. Издатели «Московскаго Вѣстника» думали, что стихи Пушкина, и даже одно имя его, дадутъ успѣхъ ихъ сборнику; но прекрасные стихи Пушкина не могли закрыть ничтожности почти всего остальнаго. Главными дѣйствователями «Московскаго Вѣстника» вскорѣ остались г. Погодинъ со своими возгласами и мужиковатымъ тономъ и г. Шывыревъ со своими плаксивыми стихами и критиками. Участь журнала была рѣшена. Пушкинъ вскорѣ охладѣлъ къ нему вмѣстѣ съ публикою. Правда, что еще нѣсколько времени онъ, въ письмахъ своихъ, старался ободрять издателя «Московскаго Вѣстника» и хвалилъ не въ мѣру его главнаго сотрудника, его милаго нашего Шевырева (Соч. Пушкина, т. I, стр. 182); но это не могло быть искренно и всего скорѣе было вызвано обиженнымъ самолюбіемъ и разочарованіемъ въ прежней увѣренности, что публика станетъ платить оброкъ одному имени Пушкина. Изъ его же писемъ видно, что онъ не имѣлъ никакой опредѣленной идеи о журналѣ, которому сдѣлался кумомъ, и самъ себѣ противорѣчилъ, когда говорилъ о цѣли его. Г. Анненковъ полагаетъ, что «цѣль журнала была именно уничтожить безплодные сборники, такъ сильно развившіеся въ это время». (Соч. Пушкина т. I, стран. 181). Это, вѣроятно, основано на трехъ словахъ Пушкина въ упомянутомъ выше письмѣ къ Языкову: «Пора задушить альманахи». Но могла ли войдти въ здоровую голову мысль — издавать для этого журналъ?

Какъ изданіемъ журнала задушить альманахи, бывшіе потребностью для публики? Пушкинъ написалъ свои три слова о нихъ мимоходомъ, такъ, между прочимъ, и не могъ соединять съ ними постояннаго убѣжденія. Напротивъ, одобрялъ альманахи, много лѣтъ снабжалъ ихъ своими стихами, и послѣ изданія «Московскаго Вѣстника». Особенно заботился онъ объ успѣхѣ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» Дельвига. Какая же еще была цѣль журнала? 1-го іюля 1827 года, Пушкинъ писалъ къ г. Погодину: «Надобно, чтобы нашъ журналъ издавался и на слѣдующій годъ. Онъ, конечно, будь сказано между нами, первый единственный журналъ на Руси! Должно терпѣніемъ, добросовѣстностью, благородствомъ и особенно настойчивостью оправдать ожиданія извѣстныхъ друзей словесности и одобреніе великаго Гете» (Соч. Пушкина изд. Анн., т. I, 182 стр.). Къ чему тутъ одобреніе великаго Гёте? Какъ могъ судить о русскомъ журналѣ великій Гёте? Ясно: сказано это, чтобы чѣмъ нибудь ободрить унывшихъ сотрудниковъ. Но замѣчательно, что тутъ Пушкинъ проповѣдуетъ добросовѣстность и всѣ добродѣтели, а отъ 31-го августа, слѣдовательно черезъ два мѣсяца, пишетъ къ тому же г. Погодину: «Главная ошибка наша была въ томъ, что мы хотѣли быть дѣльными; стихотворная часть у насъ славная, проза, можетъ быть, еще лучше; но вотъ бѣда: въ ней слишкомъ мало вздору. Вѣдь вѣрно есть у васъ повѣсть для Ураніи? Давайте ее въ «Вѣстникъ». Кстати о повѣстяхъ: онѣ дожны быть непремѣнно существенной частью журнала, какъ моды у «Телеграфа». У насъ не то, что въ Европѣ—повѣсти въ диковинку. Онѣ составили первоначальную славу Карамзина, у насъ про нихъ еще толкуютъ. Ваша индѣйская сказка: «Переправа», въ европейскомъ журналѣ обратитъ общее вниманіе, какъ любопытное открытіе учености; у насъ тутъ видятъ просто повѣсть и важно находятъ ее глупою (стран. 181)». Вотъ вамъ и добросовѣстость, и настойчивость, и одобреніе великаго Гёте! Давайте вздору, потому что публика не понимаетъ мудрыхъ статей «Московскаго Вѣстника»!.... Да, больно видѣть, что даровитый, необыкновенный человѣкъ унижалъ себя такимъ образомъ, льстилъ бездарнымъ людямъ изъ постороннихъ видовъ и противорѣчилъ себѣ и правдѣ! Развѣ онъ не зналъ, что повѣсти и прежде, и въ его время (какъ теперь) были необходимымъ отдѣломъ изящныхъ произведеній? Развѣ не писалъ онъ потомъ самъ повѣстей, которыя составляютъ часть его славы? Публика находитъ какую нибудь повѣсть глупою, конечно, не потому, что видѣла въ ней не повѣсть. Ужъ вѣрно такъ! Глупые писатели обыкновенно недовольны публикой, и Пушкину, баловню и любимцу ея, не кстати было утѣшать своихъ новыхъ друзей, какъ утѣшалъ онъ ихъ: благороднѣе, лучше было бы прямо сказать имъ что они взялись не за свое дѣло. Онъ, конечно, понималъ это прежде всѣхъ, но, какъ я сказалъ, изъ самолюбія и не литера-

турныхъ видовъ или разсчетовъ, хотѣлъ убаюкивать не заслуженными похвалами своихъ данниковъ.

Не нужно пояснять, что, при этой журнальной неудачѣ Пушкина и клевретовъ его, Н. А. Полевой, былъ для нихъ бѣльмомъ на глазу. Въ немногихъ приведенныхъ мною строкахъ изъ писемъ Пушкина видно, что упомянуть о «Телеграфѣ» было неизбѣжно при сужденіяхъ о журнальномъ успѣхѣ, и великій поэтъ не совѣстился повторять пошлый намекъ, будто моды были существенною частью «Московскаго Телеграфа»! Не станемъ характеризовать побужденій Пушкина; но кто же не согласится, что въ словахъ его явно непріязненное расположеніе къ «Телеграфу» и издателю его? Поэтъ какъ будто старался поддерживатѣ и даже раздувать это расположеніе въ своихъ клевретахъ, а они, разумѣется, и не нуждались въ такихъ поощреніяхъ. Г. Шевыревъ исписывалъ груды бумаги, усердно трудясь уронить «Телеграфъ» и выставить издателя его самымъ дурнымъ писателемъ и даже дурнымъ человѣкомъ; г. Погодинъ не столько писалъ, сколько дѣйствовалъ противъ него непріязненно. Вся его партія искала случая и не пренебрегала никакими средствами, чтобы уязвить журналъ, а если можно, то нанести ударъ издателю «Телеграфа». Но, при этомъ, наружныя формы пріязни и всѣ приличія соблюдались вполнѣ. Пушкинъ и его сотрудники бывали у Н. А. Полеваго и при встрѣчѣ казались добрыми пріятелями. Весною 1827 года, не помню по какому случаю, у брата былъ литературный вечеръ, гдѣ собрались всѣ пишущіе друзья и недруги; ужинали, пировали всю ночь и разъѣхались уже утромъ. Пушкинъ казался предсѣдателемъ этого сборища и, попивая шампанское съ сельтерской водой, разсказывалъ смѣшные анекдоты, читалъ свои непозволенные стихи, хохоталъ отъ рѣзкихъ сарказмовъ И. М. Снегирева, вспоминалъ шутливые стихи Дельвига, Баратынскаго, и заставилъ послѣдняго припомнить написанные имъ съ Дельвигомъ когда-то разсказы о житьѣ-бытьѣ въ Петербургѣ. Его особенно смѣшило то мѣсто, гдѣ въ пышныхъ гексаметрахъ изображалось столько же вольное, сколько невольное убожество обоихъ поэтовъ, которые «въ лавочку были должны, руки держали въ карманахъ (перчатокъ они не имѣли!)»...

Глядя на пирующихъ вмѣстѣ образованныхъ, большею частью, любезныхъ людей, кто подумалъ бы, что въ душѣ многихъ изъ нихъ таились мелкія страстишки и ненависть къ тому, у кого они пировали? Только «приличія были спасены»,—если позволятъ употребить здѣсь выразительный французскій идіотизмъ.

Весною того же года, Пушкинъ спѣшилъ отправиться въ Петербургъ, и мы были приглашены проводить его. Мѣстомъ общаго сборища для проводинъ была назначена дача С. А. Соболевскаго, близь Петровскаго дворца. Тогда еще не существовало нынѣшнее Петровское, то есть множества дачъ, окружающихъ Петровскій

паркъ, также не существовавшій: все это миловидное предмѣстье Москвы явилось по мановенію императора Николая, около 1835 года. До тѣхъ поръ, вокругъ историческаго Петровскаго дворца, гдѣ нѣсколько дней укрывался Наполеонъ отъ московскаго пожара въ 1812 году, было нѣсколько старинныхъ, очень незатѣйливыхъ дачъ, стоявшихъ отдѣльно одна отъ другой, а все остальное пространство, почти вплоть до заставы, было изрыто, заброшено или покрыто огородами, и даже полями съ хлѣбомъ.

Въ эту-то пустыню, на дачу Соболевскаго, около вечера, стали собираться знакомые и близкіе Пушкина. Мы увидѣли тамъ Мицкевича, который съ комическою досадою разсказывалъ, что вмѣстѣ съ однимъ товарищемъ онъ забрался въ Петровское съ полудня, надѣясь осмотрѣть на досугѣ достопамятный дворецъ и потомъ найдти какой нибудь пріютъ, или хоть трактиръ, гдѣ пообѣдать. Но дворецъ, тогда только снаружи покрашенный [1]), внутри представлялъ опустошеніе; что же касается до утоленія голода, который, наконецъ, сталъ напоминать Мицкевичу объ обѣдѣ, то въ Петровскомъ не оказалось никакихъ пособій для этого: въ пустынныхъ дачахъ жили только сторожа, а трактира вблизи не было. Въ такомъ отчаянномъ положеніи, Мицкевичъ увидѣлъ какого-то жалкаго разносчика съ колбасами, но когда поѣлъ колбасы, то весь остальной день мучила его жажда, хотя желудокъ былъ пустъ. Онъ такъ уморительно разсказывалъ всѣ эти приключенія, что слушавшіе его не могли не хохотать; а гостепріимный хозяинъ дачи спѣшилъ возстановить упадшія силы знаменитаго литвина. Постепенно собралось много знакомыхъ Пушкина, и уже былъ поздній вечеръ, а онъ не являлся. Наконецъ, пріѣхалъ Александръ Михайловичъ Мухановъ—противъ котораго написалъ свою первую критическую статью Пушкинъ, вступившійся за m-me Staël—и объявилъ, что онъ былъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ на гуляньѣ въ Марьиной рощѣ (въ этотъ день пришелся семикъ), и что поэтъ скоро пріѣдетъ. Уже поданы были свѣчи, когда онъ явился, разсѣянный, невеселый, говорилъ не улыбаясь (чтò всегда показывало у него дурное расположеніе) и тотчасъ послѣ ужина заторопился ѣхать. Коляска его была подана, и онъ, почти не сказавши никому ласковаго слова, укатилъ въ темнотѣ ночи. Помню, что это произвело на всѣхъ непріятное впечатлѣніе. Нѣкоторые объясняли дурное расположеніе Пушкина, разсказывая о непріятностяхъ его по случаю дуэли, окончившейся не къ славѣ поэта. Въ толстомъ панегирикѣ своемъ Пушкину, г. Анненковъ умалчиваетъ о подобныхъ подробностяхъ жизни его, заботясь только выставить поэта мудрымъ, непогрѣшительнымъ, чуть не праведникомъ.

Изъ всего разсказаннаго здѣсь мною видно, однако жъ, что Пуш-

---

[1]) Кажется, одинъ нижній этажъ его былъ отдѣланъ наскоро.

кинъ дѣйствовалъ въ отношеніи къ моему брату непріязненно, и, вольно или невольно, повредилъ ему во многомъ. Конечно, въ его волѣ было затѣять свой журналъ; но уже одно то, что онъ не присоединился къ «Телеграфу», вдругъ перемѣнилъ свой образъ мыслей о немъ и сталъ постоянно отзываться какъ о ловкомъ шарлатанствѣ, это уже не могло не повредить Н. А. Полевому, и усилило непріязненныя дѣйствія его противниковъ. Если въ письмахъ своихъ онъ не совѣстился говорить, что въ «Телеграфѣ» существенная часть были моды, то можно представить себѣ, какъ отзывался онъ объ этомъ журналѣ и его издателѣ въ разговорахъ своихъ съ тѣми людьми, которые, и черезъ много лѣтъ послѣ смерти Н. А. Полеваго, не могутъ простить ему успѣховъ его и не отдаютъ ему справедливости? Несомнѣнно, что не лучше отзывался о немъ Пушкинъ и въ разговорахъ съ посторонними людьми; а его слово могло сильно дѣйствовать на общее мнѣніе. Чѣмъ же оправдать тагую непріязненность, когда лучшіе люди своего времени — князь Вяземскій, Мицкевичъ, Баратынскій, и много другихъ, которыхъ авторитета не отвергалъ Пушкинъ, были тѣсно соединены съ Н. А. Полевымъ и уважали его журналъ? Теперь никто не станетъ спорить, что Пушкинъ во всю жизнь свою былъ плохой судья въ литературѣ, даже когда бывалъ искрененъ; но тутъ едва ли можно признать въ немъ даже искренность? Я старался объяснить внезапную перемѣну его въ отношеніи къ моему брату; но разъ выступивъ на ложный путь, онъ невольно увлекался дальше и дальше, такъ что, наконецъ, не стыдился входить въ сношенія съ неблагопристойнымъ, продажнымъ писакой Александромъ Анѳимовичемъ Орловымъ, и уськалъ его противъ Полеваго! Объ этомъ я скажу впослѣдствіи.

Теперь остановимся на томъ, что пріѣздъ въ Москву и житье тамъ Пушкина были для моего брата только поводомъ къ разнымъ непріятностямъ въ литературныхъ его отношеніяхъ. Противъ него явились: новый непріязненный журналъ, подъ покровительствомъ Пушкина, и авторитетъ великаго поэта, сильно дѣйствовавшій на публику, которая, разумѣется, не знала причинъ этого явленія, и многіе, конечно, присоединились къ блестящему авторитету. Словомъ Пушкинъ сдѣлался непріятелемъ «Московскаго Телеграфа», слѣдственно и издателя его; а онъ, при своихъ средствахъ, могъ нанести ему существенный вредъ, хотя бы даже не имѣлъ того въ виду.

II.

Новыя непріятности изъ-за старой пріязни.—Вдова Ходаковскаго и его завѣтъ Н. А. Полевому.—Бумаги Ходаковскаго.—Разборъ ихъ въ сообществѣ съ Мицкевичемъ, Малевскимъ и Дашкевичемъ.—Жалоба вдовы генералъ-губернатору.—Объясненіе, данное Николаемъ Алексѣевичемъ.—Клеветы враговъ по этому поводу.—Вальтеръ-Скоттъ, какъ виновникъ вражды Н. А. Полеваго съ Погодинымъ.—Переводъ «Жизни Наполеона» и хлопоты о пропускѣ его цензурою въ Петербургѣ.—В. Г. Анастасевичъ и баронъ Розенкампфъ.—Разрѣшеніе перевода цензурою.—Происки Погодина и желаніе подѣлить съ Полевыми ихъ будущіе барыши.—Неосторожный шагъ Н. А. Полеваго.—С. Т. Аксаковъ, какъ цензоръ «М. Телеграфа» и личный врагъ Н. А. Полеваго.—Запрещеніе перевода «Жизни Наполеона».

Непріятныя отношенія къ Пушкину были не единственнымъ разочарованіемъ для Николая Алексѣевича, въ 1826 году; онъ начиналъ уже чувствовать около себя шипѣніе враговъ, которые въ желаніи своемъ вредить ему не разбирали никакихъ средствъ. Любопытнымъ доказательствомъ тому можетъ послужить слѣдующее обстоятельство, которое относится къ 1826 году.

Въ этомъ году, неожиданно явилась къ Н. А. Полевому жена Ходаковскаго, того оригинала-археолога, котораго изобразилъ я въ первой части этихъ записокъ. Она явилась съ сокрушеннымъ видомъ, расплакалась, и между вздыханій и всхлипываній разсказала, что Зоріанъ Яковлевичъ скончался и, умирая, говорилъ ей: «Я не оставляю тебѣ ничего, кромѣ долговъ; но положеніе твое можетъ перемѣниться вотъ какимъ оброзомъ: послѣ смерти моей поѣзжай въ Москву, къ Н. А. Полевому, и скажи ему, что я, на на смертномъ одрѣ, прошу его разобрать мои рукописи, продать ихъ или извлечь изъ нихъ какимъ другимъ способомъ все, чего они стоятъ. У меня въ бумагахъ много драгоцѣннаго; а Полевой самый честный человѣкъ, какого только знаю, и я увѣренъ, что онъ сдѣлаетъ всевозможное для стараго своего друга Зоріана Ходаковскаго. Онъ при жизни много одолжалъ меня, а по смерти не откажетъ въ моей просьбѣ оказать тебѣ благодѣяніе. Такъ и скажи ему все, что я говорю теперь тебѣ».

Разсказъ этотъ, переданный простою женщиной, на ломаномъ русскомъ языкѣ, такъ растрогалъ Николая Алексѣевича, что онъ старался какъ могъ ободрить бывшую кухарку, а теперь вдову Ходаковскаго, выдалъ ей даже сколько-то денегъ и обѣщалъ исполнить завѣтъ стараго своего пріятеля. Ему было пріятно, что Зоріанъ такъ хорошо оцѣнивалъ его, и онъ просилъ вдову прислать ему рукописи покойнаго ея мужа, обѣщая въ точности исполнить послѣднее его желаніе. Онъ надѣялся, что въ рукописяхъ этого чудака найдется хоть что нибудь, достойное вниманія, изъ чего можно

будетъ выручить сколько нибудь денегъ для бѣдной его вдовы. Черезъ нѣсколько времени она прислала довольно большой сундукъ, набитый рукописями и книгами, и увѣдомила, что собрала въ этомъ сундукѣ всѣ бумаги и книги покойнаго, прибавляя, что сама, по милости господъ, у которыхъ жилъ мужъ ея, остается покуда въ Тверской губерніи, съ надеждою, что г. Полевой доставитъ ей средства къ существованію. Г. Полевой раскрылъ сундукъ и увидѣлъ, что въ немъ, кромѣ нѣсколькихъ толстѣйшихъ фоліантовъ, гдѣ Ходаковскій вписывалъ городки, о которыхъ узнавалъ всякими способами, было еще нѣсколько томовъ разныхъ истасканныхъ, разрозненныхъ книгъ, исписанныхъ его замѣтками, нѣсколько экземпляровъ печатныхъ изслѣдованій его о городкахъ и, наконецъ, довольно большое число тетрадей и отдѣльныхъ листковъ, исписанныхъ попольски. Озадаченный такой плохою находкою, онъ подумалъ, что, можетъ быть, въ польскихъ рукописяхъ Ходаковскаго есть что нибудь дѣльное, о чемъ братъ мой не могъ судить, почти не зная попольски. Онъ пересказалъ это Мицкевичу, Малевскому и молодому, пылкому Дашкевичу, бывшему любимому ученику знаменитаго Лелевеля, и просилъ ихъ прійдти къ нему какъ нибудь съ утра, для разсмотрѣнія польскихъ рукописей Ходаковскаго. Въ назначенный день они пришли, начали читать его рукописи, и громкій хохотъ часто прерывалъ это занятіе: большая часть рукописей оказалась спискомъ народныхъ пѣсней польскихъ и разныхъ славянскихъ; какъ видно, особенною цѣлью Зоріана было собирать пѣсни неблагопристойныя, хотя иногда очень смѣшныя, отчего такъ и хохотали его земляки. Кромѣ этого, были у него какія-то описанія и изображенія дворянскихъ гербовъ, разныя пустыя замѣтки—и больше ничего. Обманутый въ своемъ ожиданіи Дашкевичъ, мечтавшій найдти что нибудь историческое въ рукописяхъ Ходаковскаго, назвалъ его дуракомъ, а Мицкевичъ и Малевскій посмѣялись—тѣмъ и кончился разборъ рукописей хвастливаго мечтателя. Но братъ мой увидѣлъ себя въ досадномъ положеніи. Онъ вызвался вдовѣ Ходаковскаго извлечь деньги изъ рукописей покойнаго ея мужа; но что̀ можно было извлечь изъ такого вздора, какой онъ нашелъ въ нихъ? Сначала, онъ хотѣлъ было купить этотъ вздоръ, т. е. выдать за него какую нибудь небольшую сумму, и оставить на съѣденіе мышамъ историческое наслѣдство Ходаковскаго; но сообразивъ, что вдова будетъ имѣть поводъ воображать, что онъ воспользовался стѣсненнымъ ея положеніемъ и купилъ за безцѣнокъ цѣлый сундукъ золота, — оставилъ это намѣреніе и пріискивалъ охотника купить рукописи Ходаковскаго, хоть бы для рѣдкости, или съ желаніемъ оказать помощь бѣдной женщинѣ; но такого охотника не выискивалось, а напечатать изъ рукописей было рѣшительно нечего, да это и не представляло надежды къ какой нибудь выручкѣ. Между тѣмъ вдова

Ходаковскаго писала къ моему брату, напоминая о его обѣщаніи, и наконецъ пріѣхала въ Москву. Тутъ онъ откровенно объяснилъ ей все дѣло, т. е., что въ рукописяхъ покойнаго не нашлось ничего, достойнаго напечатанія, а продать ихъ кому нибудь довольно трудно. Вдова ушла, разумѣется, недовольная такимъ разочарованіемъ. Не знаю даже, была ли она грамотная, но ужъ вѣрно то, что ничего не понимала въ рукописяхъ своего мужа и вѣрила на слово ему, что онъ оставилъ ей въ этихъ рукописяхъ драгоцѣнность. Съ такими понятіями, вѣроятно, она разжаловалась кому нибудь изъ своихъ знакомыхъ, что Полевой обижаетъ ее, и когда это дошло до друзей Николая Алексѣевича, желавшихъ всячески вредить ему, они придумали выставить его чуть не уголовнымъ преступникомъ. Ударъ казался неотклонимымъ, и привелъ въ изумленіе самого Николая Алексѣевича.

Въ одно прекрасное утро, онъ получилъ приглашеніе явиться къ военному генералъ-губернатору, князю Д. В. Голицыну. Князь зналъ его лично и съ улыбкою сказалъ, что до него дошла престранная жалоба на Н. А. Полеваго. Вдова Ходаковская представила губернскому предводителю дворянства просьбу, гдѣ умоляла его, какъ законнаго защитника всѣхъ дворянскихъ лицъ, принять мѣры къ огражденію ея собственности, которую присвоиваетъ себѣ издатель журнала Полевой. Тутъ великолѣпно описывались труды и заслуги, оказанныя русской исторіи Зоріаномъ Ходаковскимъ, который будто бы посвятилъ свою жизнь изысканіямъ древностей русскихъ, собралъ драгоцѣнные матеріалы для русской исторіи, и когда смерть не допустила его окончить свои труды, тогда Полевой выпросилъ у нея, вдовы Ходаковской, всѣ рукописи и книги покойнаго ея мужа, обѣщая издать ихъ въ свѣтъ, а теперь утверждаетъ, что не нашелъ въ нихъ ничего достопамятнаго, и предлагаетъ взять ихъ обратно, конечно, потому, что онъ уже выбралъ и присвоилъ себѣ все лучшее и драгоцѣнное изъ ввѣренныхъ ему бумагъ Ходаковскаго. Затѣмъ шли воззванія къ правосудію, возгласы противъ вѣроломства Полеваго и излагалось горестное положеніе ограбленной имъ вдовы.

Когда Николай Алексѣевичъ прочиталъ эту бумагу, отданную ему княземъ, онъ не могъ скрыть своего негодованія, и тутъ же сказалъ ему, что это гнусная клевета. Изложивъ въ короткихъ словахъ все дѣло, онъ просилъ позволить ему написать отвѣтъ откровенно. «Я прошу васъ о томъ, — сказалъ князь, — и увѣренъ, что человѣкъ вашихъ достоинствъ не способенъ ни на что иное; но не принять жалобы нельзя было, такъ же какъ теперь вамъ необходимо опровергнуть ее».

Я жалѣю, что у меня не сохранилась копія съ написаннаго братомъ моимъ отвѣта на жалобу Ходаковской. Это была не приказная бумага, а превосходная защитительная рѣчь, написанная

горячо, увлекательно, гдѣ онъ не только опровергъ клевету, но и показалъ всю нелѣпость взведеннаго на него обвиненія. Въ короткихъ словахъ далъ онъ понятіе о значеніи Ходаковскаго въ ученомъ мірѣ, упомянулъ о знакомствѣ своемъ съ нимъ, о жалкомъ его положеніи въ послѣдніе годы и о денежномъ пособіи, какое онъ ему оказывалъ; потомъ, обращаясь къ ученому наслѣдству Ходаковскаго, онъ исчислилъ все найденное въ присланномъ сундукѣ, и въ подтвержденіе, что тамъ не было ничего болѣе, а между найденнымъ ничего дѣльнаго,—свидѣтельствовался соотечественниками покойнаго, знаменитымъ поэтомъ Мицкевичемъ и друзьями его, гг. Малевскимъ и Дашкевичемъ, изъ которыхъ двое первые числились при канцеляріи самого г. военнаго генералъ-губернатора. Они вмѣстѣ съ Полевымъ разбирали и разсматривали бумаги и книги Ходаковскаго, и могли засвидѣтельствовать, было ли тамъ что нибудь болѣе, нежели показываетъ онъ? Всѣ они — люди ученые по званію и призванію—конечно, замѣтили бы, если бы между найденнымъ было что нибудь достойное вниманія. Въ доказательство же, что онъ не могъ утаить чего нибудь изъ сундука, присланнаго къ нему, просилъ освидѣтельствовать этотъ сундукъ и увѣриться, что въ немъ не могло помѣститься болѣе того, что находится; а что не могло быть чего либо другаго, это доказываютъ сами рукописи, всѣ писанныя рукою Ходаковскаго, и книги, усѣянныя его замѣтками. Не могъ же Полевой поддѣлать этого! Въ заключеніе онъ не требовалъ никакого возмездія за клевету Ходаковской, зная, что она женщина простая, вовлеченная въ этотъ поступокъ злыми совѣтами людей, которые хотѣли повредить ему.

Дѣйствительно, Николай Алексѣевичъ зналъ и могъ бы даже назвать людей, которые уговорили невѣжественную женщину подать низкій извѣтъ, и забыть всѣ одолженія, которыя оказывалъ Полевой мужу ея и самой ей. Имъ не трудно было убѣдить эту женщину, что мужъ ея, великій ученый и изыскатель древностей, оставилъ сокровище учености, а Полевой хочетъ завладѣть ими. Самая просьба показывала, что сочинялъ ее человѣкъ, знающій историческую литературу и разныя подробности, о которыхъ не могла имѣть понятія вдова Ходаковская. Она только уцѣпилась за этотъ случай, какъ за средство получить деньги. Къ счастью, тогдашній начальникъ Москвы былъ столько же просвѣщенный, сколько безпристрастный судья въ подобномъ дѣлѣ, и когда онъ прочиталъ отвѣтъ Н. А. Полеваго, то поручилъ губернскому предводителю дворянства объявить Ходаковской, чтобы впредь она не слушала людей пристрастныхъ и была осторожнѣе въ своихъ жалобахъ. Узнавъ рѣшеніе князя Голицына, Н. А. Полевой просилъ губернскаго предводителя дворянства принять отъ него сундукъ съ бумагами и книгами Ходаковской, чтобы самому не имѣть съ нею болѣе никакихъ сношеній. Предводитель (кажется, тогда былъ имъ

графъ А. И. Гудовичъ) благосклонно исполнилъ его просьбу, и дѣло тѣмъ кончилось въ судебномъ смыслѣ.

Но враги Н. А. Полеваго не умолкли: они не переставали разглашать и даже печатно намекать и утверждать, что онъ тайкомъ присвоилъ себѣ драгоцѣнныя рукописи Ходаковскаго, и выдаетъ его изысканія по русской исторіи за свои собственныя. Нелѣпое это обвиненіе повторялось много лѣтъ сряду: московскій Воейковъ, Надеждинъ, не посовѣстился употребить это обвиненіе орудіемъ противъ Николая Алексѣевича; позднѣе его повторилъ М. А. Максимовичъ, который за многолѣтнее доброжелательство и гостепріимство заплатилъ моему брату враждою и желаніемъ повредить. Въ своемъ мѣстѣ я объясню это подробнѣе.

Въ настоящее время, конечно, никто и не подумаетъ обвинять Н. А. Полеваго въ присвоеніи имъ рукописей и небывалыхъ историческихъ открытій Ходаковскаго. Могъ ли у такого человѣка что нибудь заимствовать Н. А. Полевой, который и по складу ума былъ совершенною противоположностью ему? Умъ Ходаковскаго былъ мелочной, а Николай Алексѣевичъ жилъ идеями и вовсе не умѣлъ заниматься мелочными подробностями ни въ наукѣ, ни въ жизни, ни даже въ слогѣ своемъ. Онъ съ жадностью хватался за идеи, которыя находилъ у великихъ современныхъ писателей; но что могъ онъ заимствовать у Ходаковскаго, который нянчился съ одною мыслью о городкахъ и злобно отыскивалъ мелочныя обмолвки у Карамзина?

Впрочемъ, если мало всѣхъ этихъ доказательствъ, что враги только хотѣли оскорбить и очернить моего брата, обвиняя въ похищеніи сокровищъ, собранныхъ Ходаковскимъ, то само время оправдало его отъ такого обвиненія. Ни въ одномъ изъ сочиненій автора «Исторіи Русскаго народа», такъ же какъ и въ самой этой «Исторіи», враги не могли указать того, въ чемъ безсмысленно обвиняли его.

Вспоминая о непріятностяхъ, какія старались дѣлать моему брату литературные друзья, я разскажу еще объ одной продѣлкѣ, которою досаждалъ ему нѣсколько времени М. П. Погодинъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ его недоброжелателей, и если эта продѣлка не удалась, то не потому, что не хотѣлъ довершить ее г. Погодинъ.

Въ концѣ 1827 года, братъ мой получилъ, отъ одного изъ своихъ петербургскихъ корреспондентовъ, чрезвычайно любопытную въ то время книгу: «Жизнь Наполеона», сочиненную Вальтеръ-Скоттомъ. Она вышла въ свѣтъ лишь за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, и имѣла громадный успѣхъ въ Европѣ, но въ Россіи оставалась подъ строгимъ запрещеніемъ. Мы читали до тѣхъ поръ разборы ея и кое-какіе отрывки изъ нея въ иностранныхъ журналахъ, даже переводили ихъ и печатали въ «Московскомъ Телеграфѣ», и съ понятнымъ любопытствомъ принялись читать ее вполнѣ.

Къ удивленію, мы не нашли въ ней ничего, что стоило бы запрещенія: знаменитый романистъ порицалъ и унижалъ все то, что и въ нашихъ книгахъ порицали, и хотя во многомъ ошибался, но хвалилъ Россію и русскихъ, гдѣ приходилось ему говорить о нихъ. За исключеніемъ немногихъ страницъ, книга его могла быть напечатана у насъ при самой строгой цензурѣ. Эта мысль поощрила насъ заняться переводомъ «Жизни Наполеона», для того, чтобы напечатать ее. Но какъ быть съ московской цензурой, гдѣ предсѣдательствовалъ тогда Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ, не разъ задѣтый издателемъ «Московскаго Телеграфа» за плохія его сочиненія, другъ театральной партіи Писарева, и вслѣдствіе всего этого непримиримый врагъ моего брата? Нѣсколько времени онъ былъ цензоромъ «Московскаго Телеграфа» и чинилъ намъ всякія притѣсненія: черкалъ самопроизвольно невинныя статьи, возвращалъ иныя, требуя, чтобы ихъ переписали хорошо; даже пользовался тѣмъ параграфомъ цензурнаго устава, гдѣ сказано, что цензоръ долженъ наблюдать за исправностью слога, и браковалъ нѣкоторыя статьи, будто бы худо написанныя! Это еще больше раздражило отношенія между нимъ и моимъ братомъ, такъ что, наконецъ, пришлось просить о перемѣнѣ цензора для «Телеграфа». Разумѣется, если бы такому благопріятелю предоставили рѣшать судьбу перевода запрещенной книги онъ не сталъ бы и разсуждать, когда увидѣлъ бы, что переводъ принадлежитъ Н. А. Полевому — онъ просто донесъ бы въ Петербургъ, какъ и сдѣлалъ впослѣдствіи. При такихъ отношеніяхъ съ московскою цензурою, мы рѣшились представить первый томъ своего перевода въ с.-петербургскій цензурный комитетъ, не безъ основанія надѣясь, что тамъ будутъ судить безпристрастно вопросъ: можно ли допустить къ напечатанію книгу, хотя запрещенную за нѣкоторыя страницы, но за исключеніемъ ихъ не представляющую въ переводѣ ничего подлежащаго запрещенію? Мы съ братомъ рѣшили также, что для личнаго поясненія какихъ нибудь недоумѣній я поѣду въ Петербургъ, буду тамъ хлопотать, просить,—если бы понадобилось,—самого министра просвѣщенія; а между тѣмъ, переводомъ книги остановились до тѣхъ поръ, когда разрѣшатъ къ напечатанію первый томъ ея. Этотъ томъ перевели мы съ братомъ сами, но для ускоренія перевода слѣдующихъ томовъ имѣли въ виду нѣкоторыхъ молодыхъ своихъ знакомыхъ, людей способныхъ и свѣдущихъ.

Вслѣдствіе такого рѣшенія я отправился въ Петербургъ (въ мартѣ 1828 года), явился тамъ въ цензурный комитетъ и представилъ свою рукопись, отлично переписанную. Секретаремъ комитета былъ тогда г. Комовскій, который изумился, взглянувъ на заглавіе моей рукописи, и, какъ бы страшась даже высказать свое мнѣніе русскими звуками о таковомъ ужасномъ предметѣ, сказалъ мнѣ пофранцузски и въ полголоса: «Mais M-r, ne savez vous pas

que cet ouvrage est rigoureusement défendu?» (Развѣ вы не знаете, что это сочиненіе строго запрещено?)—я отвѣчалъ, что, какъ частное лицо, не могу знать, какое иностранное сочиненіе запрещено, и уже дѣло цензурнаго комитета рѣшить, можно ли дозволить къ напечатанію представляемую мною рукопись. Къ столу секретаря подошли человѣка два цензоровъ и, услышавъ, о чемъ у насъ шла рѣчь, улыбнулись и сомнительно покачали головою; но въ то же время сказали, что объ этомъ дѣлѣ надобно посудить въ общемъ присутствіи. Такимъ образомъ рукопись мою приняли, и я на другой же день узналъ, что рѣшили доложить о ней министру, и испросить его разрѣшенія въ такомъ странномъ казусѣ. Черезъ нѣсколько дней мнѣ объявили, что министръ приказалъ разсмотрѣть рукопись обыкновеннымъ порядкомъ, и если въ ней не найдется ничего противнаго цензурному уставу, то и дозволить напечатать. Для разсмотрѣнія рукопись моя была передана цензору Василію Григорьевичу Анастасевичу.

Въ слѣдующій день, утромъ, я пришелъ къ Анастасевичу, который жилъ тогда въ домѣ Котомина (у Полицейского моста), въ одномъ изъ верхнихъ этажей. Звоню. Черезъ минуту отворяетъ дверь миловидный, улыбающійся пожилой человѣкъ въ длинномъ сюртукѣ: это былъ самъ Анастасевичъ. Не боясь наскучить читателямъ, я долженъ передать нѣсколько подробностей объ этомъ замѣчательномъ лицѣ. Анастасевичъ былъ, кажется, польскаго происхожденія, но въ немъ ничто не напоминало поляка. Онъ памятенъ въ нашей литературѣ нѣсколькими полезными трудами: упомяну о единственномъ до сихъ поръ хорошемъ каталогѣ русскихъ книгъ, составленномъ имъ для библіотеки Плавильщикова (впослѣдствіи Смирдина), и о переводѣ съ польскаго книги графа Стройновскаго: О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами, и другихъ подобныхъ. Кромѣ того, Анастасевичъ издавалъ когда-то журналъ, писалъ множество всякой всячины, и былъ заклятый славянофилъ, или, лучше сказать, шишковіанецъ, то есть приверженецъ мнѣній Шишкова, неизмѣнный членъ Бесѣды любителей русскаго слова, за что̀ Батюшковъ и помѣстилъ его въ свою остроумную сатиру на эту бесѣду и характеризовалъ, вмѣстѣ съ другимъ несчастнымъ писателемъ, въ стихахъ:

«Хвала нашъ пасмурный Гервей,
Обруганный Станевичъ,
И съ польской музою твоей
Холуй Анастасевичъ!»[1]).

---

[1]) Слово холуй употреблено здѣсь не въ смыслѣ холопа или лакея, а единственно потому, что Анастасевичъ писалъ что-то и много о словѣ холуй въ этимологическомъ отношеніи.

Услышавъ мое имя, Анастасевичъ дружески привѣтствовалъ меня и ввелъ въ свою ученую храмину. Я не знаю, какъ назвать иначе его квартиру, которая состояла изъ двухъ, можетъ быть, изъ трехъ большихъ комнатъ, уставленныхъ и загроможденныхъ шкафами, полками, столами съ книгами и бумагами, а еще больше картонами разныхъ размѣровъ, гдѣ хранились тысячи лоскутковъ бумаги, исписанныхъ замѣтками и выписками библіографическими, историческими и всякими, которыя онъ собирался употребить въ дѣло. Надъ всѣмъ этимъ господствовала пыль, скоплявшаяся всюду, безъ всякаго преслѣдованія, потому что Анастасевичъ жилъ одинъ одинохонекъ, и не держалъ никакой прислуги, боясь, что прислуга разстроитъ у него картонки и лоскутки его. Говорили, будто этому была и другая причина: скупость, доходившая до крайнихъ предѣловъ. Какъ бы ни было, но Анастасевичъ жилъ одинъ, безъ прислуги: по утру, дворникъ приносилъ ему горячей воды для чаю, чистилъ платье и сапоги, и оставлялъ своего жильца посреди его картоновъ до слѣдующаго утра. Анастасевичъ запиралъ за нимъ дверь, и оставался, блаженствуя посреди своей пыли, до того времени, когда желудокъ напоминалъ ему объ обѣдѣ. Тогда онъ одѣвался и шелъ обѣдать къ кому нибудь изъ знакомыхъ, гдѣ и оставался весь остальной день, а домой возвращался спать. Знакомыхъ, гдѣ могъ онъ проводить цѣлый день, было у него много, такъ что поочереди достало бы на мѣсяцъ; но чаще, чѣмъ у другихъ, бывалъ онъ у друзей славянофиловъ. Хотя Шишковъ былъ въ описываемое мною время министромъ просвѣщенія, но Анастасевичъ посѣщалъ его какъ и всегда. Много разсказываютъ анекдотовъ объ Анастасевичѣ и его скупости; напримѣръ, когда онъ, сдѣлавшись боленъ, не хотѣлъ призвать лѣкаря, а когда знакомый привелъ ему лѣкаря, готоваго лѣчить его безплатно, онъ объявилъ, что ему не на что покупать лѣкарствъ, которыя и отпускали ему изъ аптеки безплатно, по бѣдности! Говорятъ также, что послѣ смерти нашли у него значительныя суммы денегъ, тогда какъ онъ при жизни отказывалъ себѣ въ малѣйшемъ удобствѣ. Я не ручаюсь за всѣ эти разсказы, но самъ видѣлъ его оригиналомъ, въ родѣ В. Скоттова антикварія, и готовъ вѣрить еще одному анекдоту, который очень возможенъ для такого человѣка и случился уже послѣ того, какъ я видѣлъ Анастасевича. По обыкновенію, онъ отправился обѣдать къ знакомымъ, и въ отсутствіе его оказался пожаръ вблизи его комнатъ въ домѣ Котомина. Пожарные, нашедши комнаты его запертыми, вышибли въ нихъ рамы и, увидѣвши множество картоновъ и ящиковъ, начали выкидывать ихъ на улицу, разумѣется, думая тѣмъ спасти имущество, къ которому приближался огонь; но картоны раскрывались на полетѣ отъ верхняго этажа до земли и покрывали улицу лоскутками бумаги. Между тѣмъ Анастасевичъ услышалъ о пожарѣ, поспѣшилъ домой, и можно представить себѣ

его отчаяніе, когда онъ увидѣлъ свои картоны и лоскутки, разбросанные по улицѣ! Какъ въ насмѣшку, пожаръ не дошелъ до его комнатъ, былъ скоро потушенъ, и пожарные напрасно опустошили его комнаты. Онъ подобралъ, что было можно, изъ своихъ сокровищъ; но потеря была такъ велика, что онъ заболѣлъ, и уже не выздоровѣлъ до конца жизни: зачахъ отъ грусти!

Я видѣлъ въ Анастасевичѣ человѣка кроткаго, привѣтливаго, и даже занимательнаго своею оригинальностью. Онъ и говорилъ, и разсуждалъ, и даже нюхалъ табакъ какъ-то посвоему. Когда дошла рѣчь до моей рукописи, онъ сказалъ, что хотя Александръ Семенычъ (такъ всегда называлъ онъ Шишкова) и разрѣшилъ цензурному комитету разсмотрѣть эту рукопись, но отвѣтственность будетъ, всетаки, на цензорѣ. «Вѣдь если бы мы дѣйствовали коллегіально—иное дѣло!—прибавилъ онъ:—а то, вотъ, комитетъ рѣшилъ, а цензоръ отвѣчай!». Такія оригинальныя оговорки не мѣшали мнѣ видѣть, что главное въ моемъ дѣлѣ уже кончено: цензоръ не могъ найдти въ представленной мною рукописи ничего противнаго даже строгому уставу, бывшему тогда въ дѣйствіи; а разсмотрѣть ее позволилъ министръ, кто же осмѣлился бы найдти препятствіе въ томъ, что рукопись эта была переводъ запрещенной книги? Если бы кто спросилъ: по какому побужденію поступилъ такъ либерально въ этомъ случаѣ А. С. Шишковъ, то я могу отвѣчать одно: Шишковъ былъ человѣкъ благородный и безпристрастный (это показалъ онъ во множествѣ случаевъ); онъ самъ былъ литераторъ и глядѣлъ на литературу не съ одной форменной или бюрократической точки зрѣнія. Онъ ошибался только тамъ, гдѣ не хватало его ума или силъ, и былъ нелѣпъ и смѣшенъ лишь въ страстныхъ своихъ убѣжденіяхъ. Онъ былъ полезенъ и какъ литераторъ, потому что всегда дѣйствовалъ добросовѣстно, по искреннему убѣжденію, и какъ министръ народнаго просвѣщенія, потому что не измѣнялъ своимъ правиламъ, занимая этотъ высокій и трудный постъ. Пользуюсь случаемъ отдать справедливость человѣку, подвергавшемуся при жизни всевозможнымъ нападкамъ.

Анастасевичъ разсматривалъ мою рукопись чрезвычайно тихо, или, лучше сказать, лѣниво, вѣроятно, отдавая слишкомъ много времени своимъ лоскуткамъ и послѣобѣденнымъ бесѣдамъ. Между тѣмъ я познакомился съ нимъ довольно близко, особенно проводя вмѣстѣ много часовъ у барона Розенкампфа, автора ученаго изслѣдованія о Кормчей Книгѣ, бывшаго прежде статсъ-секретаремъ, если не ошибаюсь, и главнымъ дѣйствователемъ въ коммиссіи составленія законовъ. Въ 1828 году, онъ былъ уже болѣзненный старикъ, бѣлый какъ лунь и страдавшій подагрой такъ, что не могъ ходить; но лицо его было съ свѣжимъ румянцемъ, и онъ отличался юношескою живостью въ рѣчахъ и движеніяхъ. Въ назначенный день, разъ въ недѣлю, у него непремѣнно обѣдывалъ Анастасе-

вичъ, бывалъ и я, всегда съ удовольствіемъ проводя часы въ бесѣдѣ съ умнымъ старцемъ, который представлялъ совершенную противоположность съ Анастасевичемъ. Розенкампфъ былъ столько же пылокъ, сколько Анастасевичъ невозмутимо-спокоенъ, и когда они заспаривали о чемъ нибудь, выходила сцена истинно комическая. Розенкампфъ возвышалъ голосъ, лицо его пылало, нѣмецкое произношеніе путало русскія слова въ его устахъ, и онъ махалъ руками, покушался вскочить съ креселъ; но боль въ ногахъ мѣшала, и онъ только подымалъ и опускалъ ихъ на подушку. Анастасевичъ въ такія минуты умолкалъ, но едва лишь успокоивался Розенкампфъ, онъ хладнокровно повторялъ свое мнѣніе, и буря снова начиналась. Однажды, говоря о купцѣ Лаптевѣ, который славился какъ знатокъ старинныхъ русскихъ книгъ и рукописей, Розенкампфъ назвалъ его археологомъ. Анастасевичъ возразилъ, что Лаптевъ не археологъ; Розенкамфъ вспыхнулъ, и началъ доказывать, что Лаптевъ археологъ, и когда горячность дошла до извѣстной степени, Анастасевичъ умолкъ; но едва лишь старецъ успокоился и уложилъ на подушку свои ноги, возражатель, преспокойно понюхивая табакъ, произнесъ: «А Лаптевъ, всетаки, не археологъ!» Розенкампфъ чуть не вспрыгнулъ; вся гимнастика его возобновилась, и полунѣмецкія фразы полились рѣкою. И это повторялось нѣсколько разъ, такъ что я едва задушалъ въ себѣ смѣхъ при такой сценѣ.

Наконецъ, Анастасевичъ объявилъ мнѣ, что онъ прочелъ мою рукопись и не нашелъ въ ней ничего подлежащаго запрещенію, такъ что готовъ подписать одобреніе, исключивши нѣсколько фразъ. Я просилъ его о томъ, и поспѣшилъ увѣдомить брата о полномъ успѣхѣ нашего предпріятія. Но оригинальный цензоръ мой протянулъ еще недѣли двѣ, и при настоятельныхъ моихъ просьбахъ подписалъ рукопись уже въ началѣ іюня мѣсяца. Наконецъ, я получилъ ее изъ цензурнаго комитета, со всѣми формальностями, и на другой же день отправился въ Москву. Тамъ узналъ я, что между тѣмъ разыгрывалась цѣлая исторія у моего брата, по поводу этой несчастной рукописи. М. П. Погодинъ, какими-то невѣдомыми путями, узналъ, что министръ дозволилъ разсмотрѣть и одобрить къ печатанію переводъ Жизни Наполеона, представленный нами въ с.-петербургскій цензурный комитетъ. Сообразивъ, что книга, чрезвычайно любопытная для современной публики, вѣроятно, дастъ большія выгоды, когда ее издадутъ въ русскомъ переводѣ, онъ вздумалъ быть участникомъ въ этихъ выгодахъ, и лично или письменно (не знаю, потому что не былъ въ Москвѣ) объявилъ моему брату, что также переводитъ Жизнь Наполеона, сочиненную Вальтеръ-Скоттомъ, и, чтобы не помѣшать другъ другу двойнымъ изданіемъ одной и той же книги, желаетъ войдти въ сдѣлку съ моимъ братомъ, то есть издавать книгу вмѣстѣ, или какимъ нибудь образомъ

подѣлить барыши. Николай Алексѣевичъ тотчасъ увидѣлъ, къ чему клонится такое вмѣшательство въ его предпріятіе, и далъ какой-то уклончивый отвѣтъ. Тогда г. Погодинъ началъ осаждать его и переговорами, и письмами, и увѣщаніями, и страхомъ соперничества. Ревностнымъ помощникомъ г. Погодина при этомъ былъ г. Шевыревъ. Долго тянулись жаркіе переговоры, памятникомъ которыхъ остаются у меня нѣсколько записокъ г. Погодина, писанныхъ, по обыкновенію его, на засаленныхъ клочкахъ бумаги, непрочтимымъ (indéchiffrable) почеркомъ, и наполненныхъ грубыми выраженіями. Наконецъ, брату моему надоѣли наглыя притязанія, которыя вели только къ досадѣ и убытку: онъ объявилъ, что предоставляетъ г. Погодину издавать переводъ его какъ онъ хочетъ, а свой будетъ издавать отдѣльно.

Я не знаю, былъ ли у г. Погодина какой нибудь переводъ сочиненія Вальтеръ-Скотта, когда ему вздумалось присоединиться къ чужому труду, но впослѣдствіи онъ доказалъ, что умѣетъ переводить цѣлыя книги въ одну ночь[1]); очень могло быть, что онъ и тутъ переводилъ бы по одному тому въ сутки и издалъ бы переводъ, а это непремѣнно повредило бы задуманному нами предпріятію, но судьбамъ угодно было окончить всѣ наши хлопоты иначе.

Не боясь соперничества г. Погодина и даже не вѣря, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ рѣшился издавать другой переводъ Жизни Наполеона, когда ему не удалось безъ труда сорвать что нибудь съ чужаго предпріятія,—мы спѣшили начать печатаніе процензурованнаго тома и продолжать переводъ слѣдующихъ томовъ, которые и были отданы для этого двумъ или тремъ способнымъ къ тому нашимъ знакомымъ. Такимъ образомъ на изданіе нашего перевода потрачено было уже довольно труда и денегъ. Печатаніе перваго тома приближалось къ окончанію, когда былъ готовъ переводъ двухъ слѣдующихъ томовъ. Тутъ, кажется, слишкомъ понадѣялись мы на безпристрастіе С. Т. Аксакова, занимавшаго должность предсѣдателя московскаго цензурнаго комитета, рѣшившись

[1]) С. С. Уваровъ, бывши министромъ народнаго просвѣщенія, посѣтилъ Московскій университетъ, и въ аудиторіи г. Погодина, который занималъ тогда каѳедру русской исторіи, похвалилъ мимоходомъ книжку Демишеля: Исторія среднихъ вѣковъ, 2 части. Угодливый и догадливый профессоръ, тотчасъ по выходѣ министра, воззвалъ къ ревностному усердію своихъ слушателей и предложилъ имъ перевести книгу Демишеля, разорвавъ ее по страничкамъ и раздѣливъ между собою трудъ, такъ, чтобы онъ былъ конченъ къ слѣдующему утру Это и было сдѣлано. На другой день онъ поднесъ министру обыденный переводъ книжки Демишеля, въ доказательство, какъ дорожатъ мудрыми указаніями его и онъ (профессоръ!), и студенты. Всего лучше, что Уваровъ не пожурилъ его за такой фокусъ-покусъ, а остался очень доволенъ! Послѣ г. Погодинъ напечаталъ этотъ самый переводъ книжки Демишеля и продавалъ его уже отъ себя, не знаю для какой или чьей пользы.

представить въ этотъ комитетъ второй и третій томы перевода Жизни Наполеона, вмѣстѣ съ процензурованнымъ въ Петербургѣ и уже отпечатаннымъ первымъ томомъ, въ доказательство, что нѣтъ препятствія цензуровать эту книгу. Мы рѣшились на это для удобства, и думая ускорить цензурованіе. Но когда Аксаковъ увидѣлъ, что въ цензурный комитетъ представленъ переводъ запрещенной книги, и кѣмъ же? Полевымъ! онъ выразилъ благочестивое негодованіе противъ беззаконнаго писателя, велѣлъ задержать представленную имъ рукопись и объявить ему, что дерзкій поступокъ его будетъ доведенъ до свѣдѣнія высшаго начальства. Напрасно братъ мой представлялъ, что если первый томъ дозволенъ къ напечатанію петербургскою цензурою, и съ разрѣшенія самого министра, то московской цензурѣ не надъ чѣмъ задумываться, и она не имѣетъ права отказать ему въ разсмотрѣніи продолженія того же, дозволеннаго къ напечатанію сочиненія. Аксаковъ отвѣчалъ, что дѣйствія с.-петербургскаго цензурнаго комитета ему не указъ, а о разрѣшеніи министра онъ не знаетъ ничего оффиціально, и предоставитъ высшему начальству судить о поступкѣ г. Полеваго. Онъ такъ и сдѣлалъ, то есть, вѣроятно, написалъ въ своемъ донесеніи о поступкѣ Полеваго, какъ о неслыханномъ преступленіи противъ законовъ. Его ободрило къ такому дѣйствію особенно то обстоятельство, что Шишковъ уже не былъ министромъ народнаго просвѣщенія, и мѣсто его занялъ князь Ливенъ, человѣкъ новый, чуждый литературы и смотрѣвшій на литераторовъ вообще, какъ на людей безпокойныхъ и опасныхъ. По донесенію Аксакова, онъ не сталъ справляться, виноватъ ли Полевой, а велѣлъ отобрать у него рукопись перевода Жизни Наполеона, конфисковать отпечатанные листы перваго тома, отобрать оригиналъ, съ котораго переводили мы Вальтеръ-Скотта и строго спросить и изслѣдовать: откуда и черезъ кого получилъ переводчикъ запрещенную книгу? Не знаю, по какому внушенію новый министръ показалъ въ этомъ дѣлѣ столь неумѣстную строгость, не справившись, или не обративъ вниманія, что переводъ былъ дозволенъ къ напечатанію съ разрѣшенія его предшественника-министра, что въ этомъ переводѣ не было ничего преступнаго, что запрещенныя книги множество разъ бывали разрѣшаемы къ обращенію въ публикѣ; но кто же могъ, или посмѣлъ бы противорѣчить сердитому министру?

Приказанія его исполнили буквально и, такимъ образомъ, предпріятіе наше рушилось, съ немалымъ убыткомъ для насъ. Конечно, мы могли бы, основываясь на цензурномъ же уставѣ, требовать вознагражденія убытковъ отъ напечатанія I тома, дозволеннаго къ тому цензурою и потомъ запрещеннаго высшимъ начальствомъ; но такое взысканіе пало бы на невиноватаго цензора, добраго пріятеля нашего, Анастасевича, который честно и добросовѣстно исполнилъ свою обязанность. Такого вознагражденія нельзя было допу-

стить, и мы принуждены были только вздохнуть о трудѣ, совершенно потерянномъ, о неудовольствіяхъ и убыткахъ, намъ причиненныхъ нашимъ предпріятіемъ. Предоставляю читателямъ судить о поступкахъ при этомъ гг. Погодина, Аксакова и князя Ливена. Въ доказательство самопроизвольности, съ какою поступилъ послѣдній, я скажу только одно: черезъ три или четыре года потомъ, «Жизнь Наполеона», сочиненная Вальтеръ-Скоттомъ, была напечатана въ русскомъ переводѣ де-Шаплета, и даже не одинъ разъ. На какомъ же основаніи ту же самую книгу не позволили печатать намъ? Развѣ она измѣнилась, или выдыхлась въ три года? Ясно, что тутъ дѣйствовалъ одинъ произволъ, вызванный нашими литературными непріятелями.

Впрочемъ, надобно сказать, что мы смотрѣли тогда на С. Т. Аксакова не какъ на литератора, и на немъ вполнѣ осуществились стихи Грибоѣдова:

На свѣтѣ дивныя бываютъ превращенья
Одеждъ и климатовъ, и нравовъ, и умовъ!
Есть люди важные,—слыли за дураковъ,
Иной по должности, иной плохимъ поэтомъ,
Иной... боюсь назвать, но признано всѣмъ свѣтомъ,
Особенно въ послѣдніе года,
Что стали умны хоть куда!

Мало сказать, что Аксакова почитали плохимъ стихотворцемъ, онъ былъ въ ту пору смѣшонъ своими претензіями на литературу, не написавши ничего, даже сноснаго. Въ обществѣ Шишкова, какъ онъ самъ разсказываетъ въ «Запискахъ о своей жизни», онъ былъ даже не славянофиломъ, а только угодникомъ. Я не зналъ его лично (видѣлъ раза два мимоходомъ), но много слышалъ о его похожденіяхъ въ свѣтѣ, и это не могло внушить желанія сблизиться съ нимъ. Больше всего онъ терся въ кругу разрумяненнаго Кокошкина (особенно съ тѣхъ поръ, какъ этотъ сдѣлался директоромъ московскаго театра), и жилъ въ большой дружбѣ съ актерами и актрисами; но, не смотря на безграничное сближеніе съ этимъ міромъ, ему плохо удавались попытки сдѣлаться театральнымъ авторомъ, и сочиненія, даже переводы его не находили себѣ пріюта на сценѣ, оттого, что были плохи изъ рукъ вонъ! Пріятель мой, В. А. Ушаковъ, бывшій потомъ сотрудникомъ «Телеграфа» по части театра, не могъ говорить о сочиненіяхъ Аксакова безъ смѣха, и жестоко преслѣдовалъ его за переводъ «Школы мужей» и «Скупаго», Мольера. Но онъ умѣлъ ловко обдѣлывать дѣла міра сего. Онъ первый умѣлъ получить мѣсто цензора въ московскомъ цензурномъ комитетѣ при его преобразованіи, хотя не было ничего лестнаго быть цензоромъ при тогдашнемъ (1827 года) цензурномъ уставѣ, чрезвычайно строгомъ и противорѣчивомъ; даже умѣлъ упрочить себѣ это мѣсто и заслужить такую довѣренность

начальства, что во все время дѣйствія устава 1827 года занималъ должность предсѣдателя московскаго цензурнаго комитета. Я упоминалъ, какъ онъ пользовался своею властью по цензурѣ въ отношеніи къ Н. А. Полевому. Друзьямъ своимъ, напротивъ, онъ дозволялъ печатать почти все, что они хотѣли. Это положеніе сдѣлалось бы, наконецъ, нестерпимо для издателя «Московскаго Телеграфа», если бы вскорѣ обстоятельства не измѣнились къ лучшему.

К. Полевой.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

стить, и
шенно по
ненныхъ
о постуг
Въ дока
ній, я
«Живг
печата
На ка
тать
Ясно,
литер
В
Акса
лись

[illegible] получить [illegible] личнаго содержанія: [illegible]

[illegible] Баранковъ.

[illegible] Александръ Алексѣевичъ [illegible] товарищемъ [illegible] при главномъ ар[illegible] Слѣдо[illegible] была для меня въ нѣ[illegible] между нами [illegible]

[illegible] Баранковъ уже говорилъ [illegible]

[illegible] вообразили ка[illegible] семьѣ?
[illegible] товарища фельдфебель[illegible] не всегда пріят[illegible] доказывало, [illegible]

[illegible] у меня теперь са[illegible] не забываетъ своей [illegible] Но къ дѣлу. [illegible]

Такое порученіе, совсѣмъ неожиданное, было мною принято за шутку, и я улыбнулся.

— Да, да, въ Швецію прямо,—продолжалъ Александръ Алексѣевичъ. — По случаю коронаціи короля Оскара II, туда отправляется баронъ Ливенъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла, и для его сопровожденія государю угодно было потребовать двухъ штабъ-офицеровъ изъ спеціальныхъ войскъ: изъ артиллеріи и изъ генеральнаго штаба.

Получивъ надлежащія наставленія, я, простившись съ своимъ непосредственнымъ начальникомъ, отправился на Пантелеймоновскую, къ генералъ-адъютанту барону Ливену, который тогда занималъ мѣсто оберъ-егермейстера при высочайшемъ дворѣ.

— Принимаетъ ли баронъ?—спросилъ я егеря Кожина, исполнявшаго должность его безсмѣннаго ординарца.

Въ это время высокая фигура барона показалась въ дверяхъ передней. Онъ приложилъ руку къ глазамъ, будто защищая ихъ отъ рѣзкаго свѣта, и, сдвинувъ густыя брови, добродушно трунилъ:

— Какой парадъ! Vous voilà très-beau! Entrez et soyez le bienvenu. (Вотъ какъ вы блестящи! Войдите и будьте дорогимъ гостемъ).

Отношенія мои съ барономъ Вильгельмомъ Карловичемъ Ливеномъ всегда были наилучшими. Онъ остался очень доволенъ моимъ назначеніемъ къ нему въ свиту и передалъ мнѣ, что, кромѣ меня, еще ѣдутъ съ нимъ въ Стокгольмъ: свиты его величества генералъ-маіоръ графъ Армфельдъ, полковникъ генеральнаго штаба баронъ Вревскій и юный Николай Гирсъ, сынъ Николая Карловича Гирса, бывшаго тогда посланникомъ въ Стокгольмѣ.

Въ указанный день и часъ собрались мы въ Зимній дворецъ, на половину государя. Въ комнатѣ со шкафами, въ которыхъ хранятся дѣтскіе мундиры нѣкоторыхъ нашихъ государей, дежурный флигель-адъютантъ, при встрѣчномъ разговорѣ, передалъ, что представляющихся сегодня немного. Въ пріемной залѣ дѣйствительно не было и десяти человѣкъ. Изъ нихъ образовалась одна кучка у серебряной группы, поднесенной государю отъ Кавалергардскаго полка; нѣкоторые разсматривали меблировку залы, сохранившуюся отъ временъ Екатерины Великой. Баронъ же Ливенъ, подошедшій къ дверямъ балкона, покрытаго на манеръ лагерной палатки, вдругъ задалъ мнѣ совершенно неожиданный вопросъ:

— Знаете ли, чѣмъ замѣчательны вотъ эти кресла?—говорилъ онъ, указывая на ближайшія.

— Нѣтъ, не знаю.

— Вотъ подъ этими двумя прячется любимая провизія государя.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Государь очень любитъ сливочное масло, и его камердинеръ, маленькій старикашка, умеръ бы съ горя, если бы кто

ПОСОЛЬСТВО ВЪ ШВЕЦІЮ ВЪ 1873 ГОДУ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Однажды, въ началѣ апрѣля 1873 года, я получилъ записку слѣдующаго лаконическаго содержанія:

«Cher Викторъ Аѳанасьевичъ, je vous attends et sans délai.

«А. Баранцовъ».

Генералъ-адъютантъ Александръ Алексѣевичъ Баранцовъ, впослѣдствіи графъ, былъ товарищемъ фельдцейхмейстера, а я состоялъ при главномъ артиллерійскомъ управленіи по особымъ порученіямъ. Слѣдовательно записка отъ А. А. Баранцова была для меня въ нѣкоторой степени приказаніемъ, не смотря на добрыя между нами отношенія частнаго знакомства.

Не прошло и получаса, какъ А. А. Баранцовъ уже говорилъ мнѣ у себя въ кабинетѣ:

— Убѣжденъ, что, прочтя мою записку, вы себѣ вообразили какое нибудь неблагополучіе въ нашей артиллерійской семьѣ?

Дѣйствительно, внезапныя требованія товарища фельдцейхмейстера сопровождались очень нерѣдко сообщеніями не всегда пріятными, теперь же его веселое расположеніе духа ясно показывало, что все обстоитъ благополучно.

— А дѣло въ томъ,—продолжалъ онъ:—что у меня теперь самыя лучшія новости. Нашъ добрый государь не забываетъ своей артиллеріи, на которую такъ и сыплются нападки! Но къ дѣлу. У меня для васъ командировка въ Швецію.

Такое порученіе, совсѣмъ неожиданное, было мною принято за шутку, и я улыбнулся.

— Да, да, въ Швецію прямо,—продолжалъ Александръ Алексѣевичъ. — По случаю коронаціи короля Оскара II, туда отправляется баронъ Ливенъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла, и для его сопровожденія государю угодно было потребовать двухъ штабъ-офицеровъ изъ спеціальныхъ войскъ: изъ артиллеріи и изъ генеральнаго штаба.

Получивъ надлежащія наставленія, я, простившись съ своимъ непосредственнымъ начальникомъ, отправился на Пантелеймоновскую, къ генералъ-адъютанту барону Ливену, который тогда занималъ мѣсто оберъ-егермейстера при высочайшемъ дворѣ.

— Принимаетъ ли баронъ?—спросилъ я егеря Кожина, исполнявшаго должность его безсмѣннаго ординарца.

Въ это время высокая фигура барона показалась въ дверяхъ передней. Онъ приложилъ руку къ глазамъ, будто защищая ихъ отъ рѣзкаго свѣта, и, сдвинувъ густыя брови, добродушно трунилъ:

— Какой парадъ! Vous voilà très-beau! Entrez et soyez le bienvenu. (Вотъ какъ вы блестящи! Войдите и будьте дорогимъ гостемъ).

Отношенія мои съ барономъ Вильгельмомъ Карловичемъ Ливеномъ всегда были наилучшими. Онъ остался очень доволенъ моимъ назначеніемъ къ нему въ свиту и передалъ мнѣ, что, кромѣ меня, еще ѣдутъ съ нимъ въ Стокгольмъ: свиты его величества генералъ-маіоръ графъ Армфельдъ, полковникъ генеральнаго штаба баронъ Вревскій и юный Николай Гирсъ, сынъ Николая Карловича Гирса, бывшаго тогда посланникомъ въ Стокгольмѣ.

Въ указанный день и часъ собрались мы въ Зимній дворецъ, на половину государя. Въ комнатѣ со шкафами, въ которыхъ хранятся дѣтскіе мундиры нѣкоторыхъ нашихъ государей, дежурный флигель-адъютантъ, при встрѣчномъ разговорѣ, передалъ, что представляющихся сегодня немного. Въ пріемной залѣ дѣйствительно не было и десяти человѣкъ. Изъ нихъ образовалась одна кучка у серебряной группы, поднесенной государю отъ Кавалергардскаго полка; нѣкоторые разсматривали меблировку залы, сохранившуюся отъ временъ Екатерины Великой. Баронъ же Ливенъ, подошедшій къ дверямъ балкона, покрытаго на манеръ лагерной палатки, вдругъ задалъ мнѣ совершенно неожиданный вопросъ:

— Знаете ли, чѣмъ замѣчательны вотъ эти кресла?—говорилъ онъ, указывая на ближайшія.

— Нѣтъ, не знаю.

— Вотъ подъ этими двумя прячется любимая провизія государя.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Государь очень любитъ сливочное масло, и его камердинеръ, маленькій старикашка, умеръ бы съ горя, если бы кто

ПОСОЛЬСТВО ВЪ ШВЕЦІЮ ВЪ 1873 ГОДУ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Однажды, въ началѣ апрѣля 1873 года, я получилъ записку слѣдующаго лаконическаго содержанія:

«Cher Викторъ Аѳанасьевичъ, je vous attends et sans délai.

«А. Баранцовъ».

Генералъ-адъютантъ Александръ Алексѣевичъ Баранцовъ, впослѣдствіи графъ, былъ товарищемъ-фельдцейхмейстера, а я состоялъ при главномъ артиллерійскомъ управленіи по особымъ порученіямъ. Слѣдовательно записка отъ А. А. Баранцова была для меня въ нѣкоторой степени приказаніемъ, не смотря на добрыя между нами отношенія частнаго знакомства.

Не прошло и получаса, какъ А. А. Баранцовъ уже говорилъ мнѣ у себя въ кабинетѣ:

— Убѣжденъ, что, прочтя мою записку, вы себѣ вообразили какое нибудь неблагополучіе въ нашей артиллерійской семьѣ?

Дѣйствительно, внезапныя требованія товарища фельдцейхмейстера сопровождались очень нерѣдко сообщеніями не всегда пріятными, теперь же его веселое расположеніе духа ясно показывало, что все обстоитъ благополучно.

— А дѣло въ томъ,—продолжалъ онъ:—что у меня теперь самыя лучшія новости. Нашъ добрый государь не забываетъ своей артиллеріи, на которую такъ и сыплются нападки! Но къ дѣлу. У меня для васъ командировка въ Швецію.

Такое порученіе, совсѣмъ неожиданное, было мною принято за шутку, и я улыбнулся.

— Да, да, въ Швецію прямо,—продолжалъ Александръ Алексѣевичъ. — По случаю коронаціи короля Оскара II, туда отправляется баронъ Ливенъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла, и для его сопровожденія государю угодно было потребовать двухъ штабъ-офицеровъ изъ спеціальныхъ войскъ: изъ артиллеріи и изъ генеральнаго штаба.

Получивъ надлежащія наставленія, я, простившись съ своимъ непосредственнымъ начальникомъ, отправился на Пантелеймоновскую, къ генералъ-адъютанту барону Ливену, который тогда занималъ мѣсто оберъ-егермейстера при высочайшемъ дворѣ.

— Принимаетъ ли баронъ?—спросилъ я егеря Кожина, исполнявшаго должность его безсмѣннаго ординарца.

Въ это время высокая фигура барона показалась въ дверяхъ передней. Онъ приложилъ руку къ глазамъ, будто защищая ихъ отъ рѣзкаго свѣта, и, сдвинувъ густыя брови, добродушно трунилъ:

— Какой парадъ! Vous voilà très-beau! Entrez et soyez le bienvenu. (Вотъ какъ вы блестящи! Войдите и будьте дорогимъ гостемъ).

Отношенія мои съ барономъ Вильгельмомъ Карловичемъ Ливеномъ всегда были наилучшими. Онъ остался очень доволенъ моимъ назначеніемъ къ нему въ свиту и передалъ мнѣ, что, кромѣ меня, еще ѣдутъ съ нимъ въ Стокгольмъ: свиты его величества генералъ-маіоръ графъ Армфельдъ, полковникъ генеральнаго штаба баронъ Вревскій и юный Николай Гирсъ, сынъ Николая Карловича Гирса, бывшаго тогда посланникомъ въ Стокгольмѣ.

Въ указанный день и часъ собрались мы въ Зимній дворецъ, на половину государя. Въ комнатѣ со шкафами, въ которыхъ хранятся дѣтскіе мундиры нѣкоторыхъ нашихъ государей, дежурный флигель-адъютантъ, при встрѣчномъ разговорѣ, передалъ, что представляющихся сегодня немного. Въ пріемной залѣ дѣйствительно не было и десяти человѣкъ. Изъ нихъ образовалась одна кучка у серебряной группы, поднесенной государю отъ Кавалергардскаго полка; нѣкоторые разсматривали меблировку залы, сохранившуюся отъ временъ Екатерины Великой. Баронъ же Ливенъ, подошедшій къ дверямъ балкона, покрытаго на манеръ лагерной палатки, вдругъ задалъ мнѣ совершенно неожиданный вопросъ:

— Знаете ли, чѣмъ замѣчательны вотъ эти кресла?—говорилъ онъ, указывая на ближайшія.

— Нѣтъ, не знаю.

— Вотъ подъ этими двумя прячется любимая провизія государя.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Государь очень любитъ сливочное масло, и его камердинеръ, маленькій старикашка, умеръ бы съ горя, если бы кто

ПОСОЛЬСТВО ВЪ ШВЕЦІЮ ВЪ 1873 ГОДУ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Однажды, въ началѣ апрѣля 1873 года, я получилъ записку слѣдующаго лаконическаго содержанія:

«Cher Викторъ Аѳанасьевичъ, je vous attends et sans délai.

«А. Баранцовъ».

Генералъ-адъютантъ Александръ Алексѣевичъ Баранцовъ, впослѣдствіи графъ, былъ товарищемъ фельдцейхмейстера, а я состоялъ при главномъ артиллерійскомъ управленіи по особымъ порученіямъ. Слѣдовательно записка отъ А. А. Баранцова была для меня въ нѣкоторой степени приказаніемъ, не смотря на добрыя между нами отношенія частнаго знакомства.

Не прошло и получаса, какъ А. А. Баранцовъ уже говорилъ мнѣ у себя въ кабинетѣ:

— Убѣжденъ, что, прочтя мою записку, вы себѣ вообразили какое нибудь неблагополучіе въ нашей артиллерійской семьѣ?

Дѣйствительно, внезапныя требованія товарища фельдцейхмейстера сопровождались очень нерѣдко сообщеніями не всегда пріятными, теперь же его веселое расположеніе духа ясно показывало, что все обстоитъ благополучно.

— А дѣло въ томъ,—продолжалъ онъ:—что у меня теперь самыя лучшія новости. Нашъ добрый государь не забываетъ своей артиллеріи, на которую такъ и сыплются нападки! Но къ дѣлу. У меня для васъ командировка въ Швецію.

Такое порученіе, совсѣмъ неожиданное, было мною принято за шутку, и я улыбнулся.

— Да, да, въ Швецію прямо,—продолжалъ Александръ Алексѣевичъ. — По случаю коронаціи короля Оскара II, туда отправляется баронъ Ливенъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла, и для его сопровожденія государю угодно было потребовать двухъ штабъофицеровъ изъ спеціальныхъ войскъ: изъ артиллеріи и изъ генеральнаго штаба.

Получивъ надлежащія наставленія, я, простившись съ своимъ непосредственнымъ начальникомъ, отправился на Пантелеймоновскую, къ генералъ-адъютанту барону Ливену, который тогда занималъ мѣсто оберъ-егермейстера при высочайшемъ дворѣ.

— Принимаетъ ли баронъ?—спросилъ я егеря Кожина, исполнявшаго должность его безсмѣннаго ординарца.

Въ это время высокая фигура барона показалась въ дверяхъ передней. Онъ приложилъ руку къ глазамъ, будто защищая ихъ отъ рѣзкаго свѣта, и, сдвинувъ густыя брови, добродушно трунилъ:

— Какой парадъ! Vous voilà très-beau! Entrez et soyez le bienvenu. (Вотъ какъ вы блестящи! Войдите и будьте дорогимъ гостемъ).

Отношенія мои съ барономъ Вильгельмомъ Карловичемъ Ливеномъ всегда были наилучшими. Онъ остался очень доволенъ моимъ назначеніемъ къ нему въ свиту и передалъ мнѣ, что, кромѣ меня, еще ѣдутъ съ нимъ въ Стокгольмъ: свиты его величества генералъмаіоръ графъ Армфельдъ, полковникъ генеральнаго штаба баронъ Вревскій и юный Николай Гирсъ, сынъ Николая Карловича Гирса, бывшаго тогда посланникомъ въ Стокгольмѣ.

Въ указанный день и часъ собрались мы въ Зимній дворецъ, на половину государя. Въ комнатѣ со шкафами, въ которыхъ хранятся дѣтскіе мундиры нѣкоторыхъ нашихъ государей, дежурный флигель-адъютантъ, при встрѣчномъ разговорѣ, передалъ, что представляющихся сегодня немного. Въ пріемной залѣ дѣйствительно не было и десяти человѣкъ. Изъ нихъ образовалась одна кучка у серебряной группы, поднесенной государю отъ Кавалергардскаго полка; нѣкоторые разсматривали меблировку залы, сохранившуюся отъ временъ Екатерины Великой. Баронъ же Ливенъ, подошедшій къ дверямъ балкона, покрытаго на манеръ лагерной палатки, вдругъ задалъ мнѣ совершенно неожиданный вопросъ:

— Знаете ли, чѣмъ замѣчательны вотъ эти кресла?—говорилъ онъ, указывая на ближайшія.

— Нѣтъ, не знаю.

— Вотъ подъ этими двумя прячется любимая провизія государя.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Государь очень любитъ сливочное масло, и его камердинеръ, маленькій старикашка, умеръ бы съ горя, если бы кто

ПОСОЛЬСТВО ВЪ ШВЕЦІЮ ВЪ 1873 ГОДУ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

ОДНАЖДЫ, въ началѣ апрѣля 1873 года, я получилъ записку слѣдующаго лаконическаго содержанія:

«Cher Викторъ Аѳанасьевичъ, je vous attends et sans délai.

«А. Баранцовъ».

Генералъ-адъютантъ Александръ Алексѣевичъ Баранцовъ, впослѣдствіи графъ, былъ товарищемъ фельдцейхмейстера, а я состоялъ при главномъ артиллерійскомъ управленіи по особымъ порученіямъ. Слѣдовательно записка отъ А. А. Баранцова была для меня въ нѣкоторой степени приказаніемъ, не смотря на добрыя между нами отношенія частнаго знакомства.

Не прошло и получаса, какъ А. А. Баранцовъ уже говорилъ мнѣ у себя въ кабинетѣ:

— Убѣжденъ, что, прочтя мою записку, вы себѣ вообразили какое нибудь неблагополучіе въ нашей артиллерійской семьѣ?

Дѣйствительно, внезапныя требованія товарища фельдцейхмейстера сопровождались очень нерѣдко сообщеніями не всегда пріятными, теперь же его веселое расположеніе духа ясно показывало, что все обстоитъ благополучно.

— А дѣло въ томъ,—продолжалъ онъ:—что у меня теперь самыя лучшія новости. Нашъ добрый государь не забываетъ своей артиллеріи, на которую такъ и сыплются нападки! Но къ дѣлу. У меня для васъ командировка въ Швецію.

Такое порученіе, совсѣмъ неожиданное, было мною принято за шутку, и я улыбнулся.

— Да, да, въ Швецію прямо,—продолжалъ Александръ Алексѣевичъ. — По случаю коронаціи короля Оскара II, туда отправляется баронъ Ливенъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла, и для его сопровожденія государю угодно было потребовать двухъ штабъ-офицеровъ изъ спеціальныхъ войскъ: изъ артиллеріи и изъ генеральнаго штаба.

Получивъ надлежащія наставленія, я, простившись съ своимъ непосредственнымъ начальникомъ, отправился на Пантелеймоновскую, къ генералъ-адъютанту барону Ливену, который тогда занималъ мѣсто оберъ-егермейстера при высочайшемъ дворѣ.

— Принимаетъ ли баронъ?—спросилъ я егеря Кожина, исполнявшаго должность его безсмѣннаго ординарца.

Въ это время высокая фигура барона показалась въ дверяхъ передней. Онъ приложилъ руку къ глазамъ, будто защищая ихъ отъ рѣзкаго свѣта, и, сдвинувъ густыя брови, добродушно трунилъ:

— Какой парадъ! Vous voilà très-beau! Entrez et soyez le bienvenu. (Вотъ какъ вы блестящи! Войдите и будьте дорогимъ гостемъ).

Отношенія мои съ барономъ Вильгельмомъ Карловичемъ Ливеномъ всегда были наилучшими. Онъ остался очень доволенъ моимъ назначеніемъ къ нему въ свиту и передалъ мнѣ, что, кромѣ меня, еще ѣдутъ съ нимъ въ Стокгольмъ: свиты его величества генералъ-маіоръ графъ Армфельдъ, полковникъ генеральнаго штаба баронъ Вревскій и юный Николай Гирсъ, сынъ Николая Карловича Гирса, бывшаго тогда посланникомъ въ Стокгольмѣ.

Въ указанный день и часъ собрались мы въ Зимній дворецъ, на половину государя. Въ комнатѣ со шкафами, въ которыхъ хранятся дѣтскіе мундиры нѣкоторыхъ нашихъ государей, дежурный флигель-адъютантъ, при встрѣчномъ разговорѣ, передалъ, что представляющихся сегодня немного. Въ пріемной залѣ дѣйствительно не было и десяти человѣкъ. Изъ нихъ образовалась одна кучка у серебряной группы, поднесенной государю отъ Кавалергардскаго полка; нѣкоторые разсматривали меблировку залы, сохранившуюся отъ временъ Екатерины Великой. Баронъ же Ливенъ, подошедшій къ дверямъ балкона, покрытаго на манеръ лагерной палатки, вдругъ задалъ мнѣ совершенно неожиданный вопросъ:

— Знаете ли, чѣмъ замѣчательны вотъ эти кресла?—говорилъ онъ, указывая на ближайшія.

— Нѣтъ, не знаю.

— Вотъ подъ этими двумя прячется любимая провизія государя.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Государь очень любитъ сливочное масло, и его камердинеръ, маленькій старикашка, умеръ бы съ горя, если бы кто

нибудь посягнулъ на его заботу поставлять государю масло... и правда, лучше этого масла нѣтъ!

Между тѣмъ, часовая стрѣлка подходила къ цифрѣ XII. Дежурный флигель-адъютантъ пробѣжалъ въ кабинетъ государя и едва онъ скрылся, какъ до насъ долетѣлъ звукъ двѣнадцатичасового крѣпостнаго выстрѣла. Баронъ Ливенъ немедленно былъ позванъ къ государю, а минуту спустя, государь вышелъ въ залу. Его прекрасное лицо, освѣщенное большими, сѣро-голубыми глазами, дышало веселымъ оживленіемъ.

Представляющіеся стояли по старшинству,—посольство нѣсколько отдѣлилось отъ конца образовавшейся шеренги. По пытливому взгляду государя, остановленному на мнѣ, видно было, что онъ желалъ что-то вспомнить.

Здѣсь нелишнимъ будетъ сказать, что, съ производствомъ въ штабсъ-капитаны, я пересталъ ходить съ карауломъ во дворецъ, пересталъ назначаться на ординарцы отъ гвардейской конной артиллеріи, такъ что нѣсколько лѣтъ сряду вовсе не попадался государю на глаза. Тѣмъ не менѣе, его необыкновенная память, послѣ минутнаго затрудненія, восторжествовала, и онъ увѣренно спросилъ меня:

— Ты служилъ во 2-й легкой, въ вороной, баттареѣ?

— Точно такъ, ваше императорское величество.

— У Таубе?

— Точно такъ, ваше императорское величество.

— Отчего ты оставилъ фронтъ?

— Вслѣдствіе неудачной операціи, ваше императорское величество.

Въ добромъ выраженіи лица и глазъ государя замелькало соболѣзнованіе. Послѣ короткой паузы онъ обратился ко мнѣ опять:

— Осмотри въ Швеціи всѣ чугунно-литейные заводы, которые я видѣлъ въ 1838 году, и по возвращеніи доложишь мнѣ лично о производствѣ шведскихъ орудій. —Затѣмъ, повернувъ голову къ барону Ливену, спросилъ:

— Какъ думаешь, будетъ ли у него время для такого порученія?

— Ваше величество, предстоящія церемоніи, конечно, отнимутъ много времени, но я разсчитываю, что полковникъ приложитъ все усердіе для исполненія вашей воли.

— Буду и я разсчитывать на васъ, господа,—сказалъ государь, подаривъ насъ доброю улыбкою.—Счастливый вамъ путь!

По случаю поздней весны, путь для нашего посольства избранъ былъ не черезъ Финскій заливъ, затертый льдами, а на Берлинъ, Киль, Копенгагенъ и Мальмё.

Къ услугамъ чрезвычайныхъ посольствъ, одновременно съѣхавшихся въ Килѣ, предложенъ былъ небольшой и довольно грязный пароходъ, стоявшій въ гавани подъ парами. Часовъ около десяти вечера, начали мы перебираться на пароходъ, по неудобному, длинному трапу и при тускломъ освѣщеніи пароходныхъ фонарей, которые, въ туманномъ воздухѣ дождливой погоды, казались какими-то красными пятнами. Капитанъ парохода очень предупредительно открылъ намъ входъ въ общую каюту, въ которой помѣщенія для пассажировъ шли въ три этажа и своимъ объемомъ очень напоминали размѣры могилъ. Тѣснота и духота, основныя достоинства этого помѣщенія, заставили барона и меня призадуматься на самомъ порогѣ.

— Не важно!—молвилъ мнѣ пріунывшій баронъ.—Помѣщайтесь на верху, не лишняя предосторожность въ случаѣ дурноты у сосѣда, судя же по погодѣ, морской танецъ неминуемъ.

Въ минуту этихъ соображеній, коренастая фигура капитана, куда-то исчезавшая, вновь выдѣлилась изъ темноты и сообщила барону, что для его Excellänz приготовлено особое помѣщеніе.

Обрадованный баронъ ушелъ вслѣдъ за капитаномъ, а я расположился на скамейкѣ носовой части парохода. Плотно завернутый въ теплую шинель, съ пледомъ на ногахъ и нахлобученнымъ башлыкомъ, я предпочелъ непогоду гостепріимному заключенію въ трюмѣ прусскаго судна.

Переѣздъ отъ Киля до Копенгагена не долѣе десяти часовъ. Десять часовъ въ непогоду, конечно, очень длинное время, но дождь скоро прекратился, и я засмотрѣлся на оригинальное освѣщеніе моря: нашъ пароходъ шелъ во тьмѣ густаго тумана, тогда какъ дальняя часть моря была ярко освѣщена луною. Къ полудню слѣдующаго дня мы благополучно вошли въ Копенгагенскую гавань, въ которой сдѣлались нечаянными свидѣтелями рыбной ловли. Изъ ея волнъ изумруднаго цвѣта извлекаются, особенно замѣчательныя своимъ видомъ, двѣ породы рыбъ. Однѣ изъ нихъ длинныя, съ узкимъ длиннымъ носомъ, совершенно обманываютъ глазъ сходствомъ своей кожи съ серебромъ, другія—коротенькія, съ тупымъ рыльцемъ, очень походятъ и видомъ, и зеленоватымъ цвѣтомъ, на бронзовыхъ дельфиновъ. Но мясо ихъ неособенно вкусно, какъ намъ говорили дипломаты нашей датской миссіи, прибывшіе почтить барона своимъ вниманіемъ.

Въ Копенгагенѣ мы не останавливались и, отплясавши нѣсколько часовъ по сердитому морю, къ вечеру вступили на берегъ Норвегіи, въ Мальмё, гдѣ нашли ожидавшій насъ желѣзнодорожный поѣздъ уже въ полной готовности. Рельсовый ходъ шведскихъ желѣзныхъ дорогъ менѣе широкъ, чѣмъ принятый у насъ, и, сколько помню изъ разсказовъ, каждая верста дороги обошлась въ постройкѣ не дороже 22,000 риксталеровъ (1 рикстал.=35 коп.), т. е. около

7,070 рублей,—правда, почва земли представляетъ почти готовое полотно. Вагоны прекрасно содержаны, очень чисты и, занимаемые нами, были обиты зеленымъ бархатомъ.

Путешествіе по Норвегіи, ландшафты которой, красивые, но безлюдные, отличаются мертвенностью пустыни, съ оживленіемъ на однѣхъ только станціяхъ, оставляетъ тяжелое впечатлѣніе. Къ утру слѣдующаго дня, мы уже размѣстились въ гостинницѣ, на главной площади Стокгольма. За нею, противъ нашихъ оконъ, виднѣлся широкій каменный мостъ, ведущій къ большому королевскому дворцу, малый же дворецъ, въ которомъ король Оскаръ II жилъ до своего вступленія на престолъ, расположенъ на самой площади.

Часамъ къ одиннадцати всѣ мы, въ дорожныхъ костюмахъ, собрались у барона Ливена за большимъ самоваромъ. Шли разныя совѣщанія, и рѣшеніе объ отдыхѣ втеченіе сутокъ было окончательно утверждено. Но надежды эти внезапно были разрушены появленіемъ егеря Кожина, трехъ-аршиннаго молодца, громко отчеканившаго:

— Отъ его королевскаго величества, оберъ-церемоніймейстеръ графъ Зальца!

Немалый переполохъ! Одинъ только баронъ былъ облеченъ въ военный сюртукъ, старенькій и не вычищенный, но все же представлявшій оффиціальный костюмъ.

— Просить пожаловать!—приказалъ онъ егерю, вставая.

Двери растворились на обѣ половины. Высокая, стройная фигура красиваго, хотя пожилаго, графа Зальца торжественно перешагнула порогъ и у порога же остановилась. Баронъ Ливенъ, знавшій тонкости церемоніальнаго этикета, остался посреди комнаты.

Прежде, чѣмъ заговорить, графъ Зальца сдѣлалъ ему очень глубокій поклонъ, баронъ отвѣтилъ легкимъ наклоненіемъ головы.

Графъ Зальца, исчисливъ всѣ титулы шведскаго короля, закончилъ привѣтствіе тремя вопросами отъ его имени:

— Какъ здоровье государя императора всея Россіи?

— Какъ здоровье чрезвычайнаго его посла?

— Какъ здоровье посольской свиты?

Баронъ отвѣчалъ:

— Божіею милостію, его величество, императоръ всея Россіи, мой государь, находится въ добромъ здоровьѣ. Благодарите вашего короля и государя.

При этихъ словахъ, графъ Зальца, въ ожиданіи отвѣта на свои другіе вопросы, молча поклонился и также низко, какъ и въ первый разъ.

Баронъ продолжалъ:

— Я, его посолъ, и господа моей свиты прибыли въ добромъ здоровьѣ, о чемъ прошу передать его королевскому величеству, вмѣ-

стѣ съ выраженіемъ чувствъ моей глубочайшей признательности за милостивое къ нашему посольству вниманіе.

Послѣдовавшій новый поклонъ графа Зальца уже былъ гораздо менѣе глубокъ.

Затѣмъ произошли взаимныя представленія, и графъ Зальца, выпивъ чашку чая, поднялся для визитовъ къ другимъ посламъ, прибывшимъ съ нами въ одномъ поѣздѣ. Но едва замеръ стукъ его экипажа, какъ уже прибыли лица, назначенныя состоять при насъ на все время пребыванія нашего въ Стокгольмѣ. Ихъ было три: бывшій флигель-адъютантъ короля Оскара I, командиръ Сканійскаго гусарскаго полка, членъ верхней палаты, полковникъ баронъ Густавъ Пейронъ, поручикъ конной гвардіи, камергеръ Иванъ-Густавъ фонъ-Гольстъ, и камергеръ Карлъ Бильдъ.

Страхъ напалъ на насъ, когда эти придворные сообщили, что мы обязаны сдѣлать прежде всего визиты всѣмъ превосходительствамъ соединенныхъ королевствъ Швеціи и Норвегіи. Но этотъ перепугъ оказался неосновательнымъ, такъ какъ у шведовъ титуломъ превосходительства пользуются только: министръ иностранныхъ сношеній, оберъ-камергеръ двора, вице-король Норвегіи и, если не ошибаюсь, генералъ-губернаторъ Стокгольма, да въ случаѣ смерти или отставки кого нибудь изъ нихъ титулъ сохраняется за ихъ супругами. Въ нашъ пріѣздъ всѣхъ мужскихъ и женскихъ шведскихъ превосходительствъ насчитывалось только восемь.

На другой день, баронъ Бунде, отъ имени короля, передалъ барону Ливену знаки королевскаго ордена Серафима съ золотою цѣпью. Часомъ позже, графъ Зальца прибылъ, въ королевскомъ экипажѣ, для сопровожденія нашего посла во дворецъ. Въ каретѣ графъ Зальца сѣлъ противъ него и, не смотря на дурную погоду, оставался все время проѣзда съ непокрытою головою; мы слѣдовали за ними въ своихъ наемныхъ колясках, въ сопровожденіи состоявшихъ при насъ шведскихъ придворныхъ.

При проѣздѣ барона Ливена мимо Малаго дворца, военный офицерскій караулъ выскочилъ на платформу и отдалъ ему честь съ барабаннымъ боемъ; караулы Большаго дворца дѣлали то же самое.

По принятому въ Швеціи обычаю, король занимаетъ самый верхній этажъ, королева слѣдующій, во второмъ этажѣ расположены помѣщенія нѣкоторыхъ чиновъ двора, а въ нижнемъ помѣщается придворная прислуга. На парадной лѣстницѣ, для встрѣчи пословъ, разставлены были шпалерами сначала драбанты въ костюмахъ и при оружіи временъ Полтавскаго боя, выше ихъ чины двора, по степенямъ старшинства, и, наконецъ, на верхнихъ ступеняхъ и лѣстничной площадки, до пріемной залы, помѣщались дамы. Поднимаясь, баронъ не отвѣчалъ на поклоны, воздаваемые ему съ обѣихъ сторонъ, и безъ отвѣта оставилъ даже дамскіе реверансы, очень глубокіе: женскія головки казались вынырнувшими

изъ раздувшихся юбокъ. Мы остановились въ большой пріемной бѣлой залѣ, съ мраморными группами, поднятыми въ углы ея потолка, баронъ же прямо направился къ королевскому кабинету. Два пажа, охранявшіе входъ, сдѣлавъ низкій поклонъ, отворили передъ нимъ двери на обѣ половинки. Въ это мгновеніе нами была замѣчена высокая фигура короля, сдѣлавшая два шага на встрѣчу чрезвычайному послу. Два эти шага обозначили особенный почетъ, въ заключеніе котораго король обнялъ барона Ливена, принимая отъ него поздравительное письмо государя императора.

Вскорѣ король вышелъ къ намъ. Посолъ называлъ наши имена, король подалъ каждому изъ насъ руку и съ каждымъ говорилъ отдѣльно. Спускаясь послѣ этой аудіенціи въ этажъ королевы, баронъ уже любезно раскланивался на обѣ стороны. Смыслъ такого обхожденія заключался въ томъ, что первый поклонъ чрезвычайнаго посла въ королевскомъ дворцѣ принадлежалъ королю.

У королевы Софіи и у вдовствующей королевы-матери намъ былъ сдѣланъ одинаково любезный пріемъ, съ тѣми же самыми церемоніями, какъ и у короля. Вдовствующая королева-мать, придерживаясь прежнихъ придворныхъ обычаевъ, сохранила въ своемъ костюмѣ нѣкоторую торжественность и вышла къ намъ съ небольшою брилліантовою короною на головѣ.

Послѣ королевскихъ аудіенцій начались визиты и приглашенія. Бывшій у насъ посланникомъ отъ шведскаго двора, Біорнстіернъ, занимая постъ министра иностранныхъ дѣлъ, высшій въ Швеціи, далъ первый оффиціальный обѣдъ. Отказавшись отъ обѣда, подъ предлогомъ нездоровья, я воспользовался этимъ днемъ для исполненія высочайшаго порученія и еще наканунѣ выѣхалъ въ Остроготскую (Ostergöland) провинцію, для осмотра чугунно-литейнаго Финспонгскаго завода. Меня сопровождалъ капитанъ Патрикъ Фризъ, инспекторъ заводовъ, онъ же командиръ полевой баттареи, получавшій 1,000 рикстaлеровъ ежегодной прибавки къ жалованью за свой надзоръ за заводами.

Здѣсь кстати замѣтить, что изъ всѣхъ заводовъ, видѣнныхъ государемъ въ 1838 году, не существуетъ ни одинъ, и что нынѣ въ Швеціи чугуннолитейные и литейные заводы принадлежатъ частнымъ владѣльцамъ, хотя правительственная инспекція для нихъ обязательна.

Желѣзный путь на югъ Швеціи оканчивался въ пяти часахъ отъ Стокгольма, въ Нордкепингѣ, откуда до Финспонга оставалось еще отъ 35 до 40 верстъ по шоссе. Экипажъ для меня былъ доставленъ изъ Финспонга, но, прежде чѣмъ продолжать путь, я долженъ былъ принять приглашеніе городскаго муниципалитета на чай въ городской ратушѣ. При осмотрѣ самой ратуши, я, не безъ нѣкотораго удивленія, замѣтилъ портретъ Петра Великаго подъ портретомъ короля Оскара II.

— Вы удивлены?—спросилъ меня одинъ изъ сопровождающихъ съ улыбкою.

— И польщенъ,—отвѣчалъ я.

— Петръ Великій, — продолжалъ собесѣдникъ:—призналъ насъ своими учителями въ военномъ искусствѣ и такъ воспользовался этими уроками, что съ его времени шведскія матери пугаютъ капризныхъ дѣтей именемъ русскихъ [1]).

Всѣ расхохотались.

На другой день, въ шесть часовъ утра, я началъ осмотръ Финспонгскаго завода [2]), названнаго такъ по имени перваго древняго владѣльца имѣнія. Финспонгъ много разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, и имена всѣхъ бывшихъ его владѣльцевъ занесены на мраморныя доски, вдѣланныя въ стѣны главнаго корридора. Нынѣ заводъ этотъ принадлежитъ Карлу Экману, депутату верхней палаты, и по своей производительности можетъ быть причисленъ къ большимъ европейскимъ заводамъ. Втеченіе года онъ выпускаетъ отъ 35—40 орудій большаго калибра [3]), заряжающихся съ казны [4]). По мнѣнію шведскихъ артиллеристовъ, заводъ могъ бы выпускать ежегодно до 120 орудій, не заряжающихся съ казны. Кромѣ того, здѣсь вмѣстѣ съ отливкою орудій, приготовляются всякаго рода снаряды и рельсы. Стальныя кольца, для скрѣпы чугунныхъ орудій, выписываются изъ-за границы и, въ большинствѣ случаевъ, я замѣчалъ на нихъ клейма французскаго завода Rive de Gier близь Шомона, отъ Petin-Gaudet et C°; винтовые же замки къ орудіямъ доставлялись сюда отъ французскаго завода Трейль-де-Больё.

Весь механизмъ завода приводится въ дѣйствіе силою природнаго водопада, паденіе котораго равняется 1,000 лошадиныхъ силъ [5]); паровыхъ же машинъ немного и въ суммѣ онѣ не превышаютъ 100 лошадиныхъ силъ.

При работахъ въ показанномъ размѣрѣ, число рабочихъ не превышаетъ 900 человѣкъ. Плата за 12 часовъ работы не ниже 1 рикс. въ сутки и не превышаетъ 3 рикс. Администрація завода, включая инженеровъ и главныхъ мастеровъ, состояла изъ 34 человѣкъ съ окладами: наибольшимъ для директора въ 6,000 рикст., для инженеровъ отъ двухъ до четырехъ тысячъ и наименьшею

---

[1]) Въ 1719 году, Нордкепингъ и Некепингъ были сожжены вмѣстѣ съ 135 окружающими деревнями.

[2]) Спеціальное описаніе Финспонгскаго завода было мною, въ 1873 году, представлено въ главное артиллерійское управленіе.

[3]) Въ то время наибольшій калибръ достигалъ только 24, 27 и 29 сант.; 1 метръ или 100 сантиметровъ=0,46 сажени.

[4]) Конечная часть орудія, противоположная его дулу.

[5]) 1 лошадиная сила—600 шведскимъ фунтамъ, падающимъ съ высоты одного фута; шведскій фунтъ нѣсколько больше нашего.

платою административному лицу въ 800 рикст.; общій же итогъ расхода на содержаніе административнаго персонала въ нѣсколько разъ меньше того же расхода, поглощаемаго любымъ изъ нашихъ заводовъ. Финспонгскій заводъ оцѣнивается въ 5.000,000 рикст.

Отправляясь въ Финспонгъ на сутки и только для заводской копоти и пыли, я отложилъ въ сторону всякія заботы о своемъ туалетѣ, который, такимъ образомъ, составился изъ драповой дорожной жакетки, скрытой подъ военнымъ пальто. А между тѣмъ шведы, искавшіе сближенія съ Россіей, простерли свою внимательность къ нашему посольству до такихъ мелочей, что для пріема меня въ Финспонгѣ прибыла сама madame Экманъ, жена владѣльца завода. Дорожный костюмъ стѣснилъ меня въ обѣденной залѣ не менѣе, чѣмъ въ гостинной замка, такъ какъ артиллеристы разныхъ государствъ, человѣкъ пятнадцать, съ капитаномъ Фризомъ во главѣ, собрались къ обѣду въ мундирахъ. Но товарищескія отношенія не замедлили установиться между нами всѣми, и обѣдъ прошелъ весело съ многократными провозглашеніями тостовъ за здоровье русскаго царя, его наслѣдника и шведскаго короля. Рѣчей, слава Богу, не было.

Рано утромъ, 12-го мая н. с., въ день коронаціи, я уже былъ въ Стокгольмѣ и передалъ барону Ливену о результатахъ моей поѣздки и о многократно повторенныхъ за обѣдомъ тостахъ въ честь нашего государя и наслѣдника. Внимательно выслушавъ докладъ, онъ спросилъ меня:

— Какъ вы, въ своихъ отвѣтныхъ тостахъ, титуловали короля Оскара II: королемъ или императоромъ?

— Конечно, королемъ,—сказалъ я, не понимая загадки.

— А вотъ посолъ Французской республики, за обѣдомъ у Біорнстіерна, два раза провозгласилъ здоровье императора Оскара II. Король долго смѣялся, когда ему разсказали объ ошибкахъ новоиспеченнаго республиканца.

Мѣсяцъ май 1873 года напоминалъ осень.

Не смотря, однако же, на ненастье въ самый день коронаціи, густыя толпы народа тѣснились сплошною стѣною на всемъ пути отъ Большаго дворца къ собору. Едва показались изъ дворца бархатные, малиноваго цвѣта балдахины короля и королевы, какъ уже громкіе возгласы народа были услышаны въ соборѣ.

Этотъ храмъ представляетъ довольно обширное зданіе готической архитектуры, просто оштукатуренное извнѣ и внутри и почти совершенно лишенное лѣпныхъ украшеній. Для посольствъ устроены были, на нѣкоторой высотѣ, по срединѣ продольныхъ стѣнъ, двѣ большія ложи: одна для пословъ и ихъ свитъ, противъ трона королевы, другая для посольскихъ дамъ, противъ трона короля. Мѣ-

ста для парламентскихъ палатъ были назначены по обѣимъ сторонамъ алтаря. Верхняя палата уже собралась, когда члены нижней проходили на свои мѣста съ засученными на сапогъ панталонами и съ большими зонтиками подъ мышками; всю остальную площадь храма запрудилъ народъ. Но его живыя волны нисколько не стѣснили королевскаго шествія и, точно чудомъ какимъ, открыли ему широкую дорогу.

Главное духовное лице, въ облаченіи изъ бѣлыхъ ризъ и тіары въ родѣ папской, встрѣтило короля и королеву рѣчью. Не понимая языка, иностранцы, конечно, не могли сочувствовать пастырскому назиданію по однимъ измѣненіямъ голоса, которыя, повышаясь и понижаясь, продолжались втеченіе сорока пяти минутъ.

По окончаніи духовнаго слова, король былъ торжественно, подъ руки, подведенъ передъ алтарь и громко произнесъ присягу на вѣрность Швеціи и ея установленіямъ. Вслѣдъ за этимъ совершено было миропомазаніе, возложеніе бриллiантовой короны на его голову, и министры поочередно поднесли ему эмблемы королевской власти, державу, мечъ и пр.; на королеву возложена была другая бриллiантовая корона и также послѣ миропомазанія.

Появленіе коронованныхъ ихъ величествъ на соборной площади вызвало новые, потрясающіе возгласы народа, которые, не прекращаясь во все время королевскаго шествія, казались стоявшими въ воздухѣ.

На 14-е мая н. с. въ посольства были разосланы приглашенія къ королевскому столу. Пригласительные билеты, съ королевскими гербами на лѣвомъ верхнемъ углу, были слѣдующаго содержанія:

«Par Ordre du Roi
«Le Premier Maréchal de la Cour
«à l'honneur de prévenir M-r N...

«qu'il est invité à diner chez Leurs Majestés au Château Royal le 14 mai 1873 à 5 heures.

«Les dames seront en robe de cour blanche avec traine; hommes grand uniforme.

«En cas d'empêchement on est prié de renvoyer cette carte».

Королевскій обѣденный столъ былъ сервированъ въ залѣ изъ двухъ отдѣловъ, соединенныхъ поперечною аркою. За столомъ короля были назначены мѣста для королевской фамиліи, пословъ и посланниковъ; всѣ остальные приглашенные размѣстились за гофмаршальскимъ столомъ, съ соблюденіемъ порядка, при которомъ каждая дама находилась между двумя кавалерами.

Въ обычаѣ шведовъ существуетъ заздравный тостъ: скуль, отъ котораго никто не долженъ отказываться[1]). Первый скуль былъ

---

[1]) Шведскій черный хлѣбъ, кнакебрё, и закуска изъ соленій и копченій составляютъ въ Швеціи принадлежность каждаго стола, не исключая королевскаго, и при какихъ бы ни было гастрономическихъ угощеніяхъ. Шведская телятина лучшая въ Европѣ.

провозглашенъ королемъ и послужилъ какъ бы сигналомъ, послѣ котораго тостъ этотъ посыпался на гостей со всѣхъ сторонъ и градомъ.

Послѣ обѣда, общество разбрелось по заламъ; возлѣ барона Ливена составилась кучка изъ князя Меттерниха, шведскаго военнаго министра, италіанскаго генерала Менабреа, графа Армфельда и меня. Подошедшему къ намъ королю, угодно было взять меня за руку и, не выпуская ее изъ своей, сдѣлать нѣсколько вопросовъ о поѣздкѣ моей въ Финспонгъ, о заводѣ, о нашей артиллеріи. Въ заключеніе онъ сказалъ:

— Pour preuve, combien je désire que vous remplissiez exactement les ordres de votre empereur, je mets à votre disposition mon ministère militaire pour tout le temps de votre séjour ici. (Чтобы показать, на сколько я желаю, чтобы вы точно исполнили приказанія вашего императора, отдаю въ ваше распоряженіе мое военное министерство на все время вашего здѣсь пребыванія).

Я поклонился.

Обратясь къ военному министру, король добавилъ:

— Certainement vous vous connaissez et par conséquent la difficulté de vous entendre ne peut avoir lieu. (Конечно, вы знакомы другъ съ другомъ, и слѣдовательно затрудненіе, для взаимнаго между вами соглашенія, не можетъ имѣть мѣста).

Затѣмъ, обратясь къ барону Ливену, онъ спросилъ:

— Avez-vous vu les appartements du feu Roi Charles XIV? (Видѣли ли вы комнаты покойнаго короля Карла XIV?)

— Non, Sire. (Нѣтъ, государь).

— Voulez-vous me suivre et vous aussi,—пригласилъ король также и меня. (Не хотите ли слѣдовать за мною и вы также?).

Мы прошли нѣсколько залъ и остановились въ небольшой комнатѣ, обращенной окнами на дворъ. Это и былъ рабочій кабинетъ Карла XIV, бывшаго наполеоновскаго маршала Бернадотта. Середина комнаты была занята письменнымъ столомъ, по ея стѣнамъ тянулись шкафы и нѣсколько креселъ. Изъ одного шкафа король досталъ рубаху Бернадотта, прострѣленную въ какомъ-то бою, и между разными мелочами показалъ небольшой хрустальный флакончикъ для одеколона, съ которымъ Бернадоттъ, во всю жизнь, никогда не разставался. Уходя, король предложилъ намъ осмотрѣть его гобелены, которые, по неимѣнію для нихъ мѣста во дворцѣ, сохраняются въ отдѣльной комнатѣ, какъ въ складѣ.

Слѣдующій день, свободный до вечера, я посвятилъ осмотру Стокгольма и нѣкоторыхъ его примѣчательностей.

Самъ Стокгольмъ представился мнѣ, съ высоты соборной колокольни, напоминающимъ Венецію, съ тою разницею, что эта сѣверная Венеція обязана своими каналами одной природѣ, безъ вся-

кой помощи со стороны искусства и труда человѣческихъ рукъ. Зданій частныхъ, замѣчательныхъ по постройкѣ, нѣтъ, причемъ не лишнее замѣтить, что паркетные полы существуютъ исключительно въ одномъ королевскомъ дворцѣ.

Въ стокгольмской тюрьмѣ я засталъ пять арестантовъ. Въ графахъ годоваго тюремнаго отчета было показано только два случая ареста за воровство, чтò можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, до̀ какой высокой степени достигло въ Швеціи экономическое благосостояніе, будучи утверждено на ненарушимости рѣшеній суда и права собственности. Въ Швеціи очень не много исключительныхъ богачей, за то, среди простаго народа, вовсе не замѣтно гнетущей бѣдности и нищенства. Сколько мнѣ извѣстно, ни одно изъ чрезвычайныхъ посольствъ не было утруждаемо въ Стокгольмѣ просьбами о пособіи, тогда какъ въ другихъ странахъ Европы бываетъ иначе. Такому успѣху страны, быть можетъ, не мало способствуетъ совершенное отсутствіе жидовъ. Здѣсь имъ не помогаютъ никакія увертки для продленія срока своего пребыванія, которое разрѣшается только на самое короткое время, дня на три.

Швеція, единственная страна, не имѣющая государственнаго долга и сохраняющая, на случай народныхъ бѣдствій или войны, особый запасный металлическій фондъ. Это финансовое положеніе страны, въ смыслѣ народнаго благосостоянія, идетъ въ разрѣзъ со взглядомъ тѣхъ экономистовъ, которые признаютъ государственный долгъ выраженіемъ богатства страны, выраженіемъ кредита ея производительности. Но шведы не сокрушаются о такомъ бѣдствіи своего отечества.

Въ общихъ наружныхъ чертахъ шведы высоки ростомъ, крѣпкаго сложенія, женщины отличаются миловидностію, и черный цвѣтъ волосъ вовсе не рѣдкость, чтò особенно часто удивляло насъ въ Стокгольмѣ. Гостепріимство и хлѣбосольство развиты между всѣми классами шведской націи.

При осмотрѣ собора замѣчается, съ лѣвой стороны его главнаго входа, небольшая, украшенная колоннами пристройка, служащая усыпальницею для трехъ шведскихъ королей: Карла X, Карла XI и Карла XII. Но возведена она въ честь собственно послѣдняго горячимъ его почитателемъ, покойнымъ королемъ Карломъ XV. Огромный гробъ Карла XII поставленъ у стѣны, какъ разъ, противъ внутренняго входа изъ собора; гробы королей Карла X и Карла XI расположены слѣва и справа входа. Самъ же строитель усыпальницы, король Карлъ XV, покоится въ противоположной сторонѣ собора и, по странной случайности, въ томъ же самомъ гробѣ, который назначался для его брата Августа. Разсказываютъ, что, послѣ выздоровленія принца, его гробъ, по приказанію короля Карла XV, былъ оставленъ про запасъ.

О Карлѣ XV, всенародномъ любимцѣ, распространено очень

много анекдотовъ. Вдовствующая королева-мать, однажды вспоминая о немъ со слезами, сказала барону Ливену.

— Mon fils, Charles XV, faisait le possible pour ruiner sa popularité el il la gagnait tous les jours. (Мой сынъ, Карлъ XV, дѣлалъ все возможное для разрушенія своей популярности, но вмѣсто того она ежедневно упрочивалась).

И дѣйствительно, безъэтикетное, подчасъ рѣзкое поведеніе короля Карла XV могло казаться несоотвѣтствующимъ высотѣ его положенія, на самомъ же дѣлѣ, доступность, прямодушіе и вѣрность въ словѣ завоевали ему сердца всѣхъ его подданныхъ. По разсказамъ, всеобщее къ нему обожаніе шведовъ переходило иногда въ странный фанатизмъ, и шведъ, которому Карлъ XV удѣлялъ клочекъ своей жвачки (chique), приходилъ отъ этого знака благоволенія въ восторгъ неописанный.

Углубленія внутри собора, образовавшіяся изъ ломанныхъ линій его стѣнъ, отводились прежде подъ усыпальницы нѣкоторымъ знатнымъ дворянскимъ фамиліямъ, гробы которыхъ, поставленные одинъ на другомъ, видны изъ-за рѣшетокъ. Но каждый дворянскій родъ имѣетъ мѣсто въ дворянской залѣ для помѣщенія портрета одного изъ своихъ членовъ, какъ своего представителя. Даже портретъ полковника Анкерстрема, убившаго короля Густава III въ 1792 году, во время маскараднаго бала, не выброшенъ изъ коллекціи. За то лице убійцы, осужденнаго на вѣчную казнь, покрыто во всю свою величину черным пятномъ, которое и служитъ выраженіемъ вѣчной казни. Близкіе и дальніе родственники Анкерстрема (до четвертаго колѣна), преслѣдуемые общимъ народнымъ презрѣніемъ, не могли вынести этой пытки и, оставивъ родину, переселились въ чужіе краи. Такъ мстятъ гордые шведы за оскорбленіе своей націи въ лицѣ короля, ея представителя. Конституціонные порядки не мѣшаютъ шведскому народу относиться къ своему дворянству съ полнымъ уваженіемъ, и право однихъ дворянъ на неоффиціальное посѣщеніе королевскаго дворца не возбуждаетъ въ населеніи никакой недоброжелательной зависти. Дворянскій мундиръ украшается генеральскими эполетами.

Безграмотность изгнана изъ Швеціи совершенно, и дѣти бѣднѣйшихъ родителей научаются читать, хотя бы только по складамъ, едва ли не ранѣе, нежели ихъ организмъ окрѣпнетъ для уличныхъ забавъ и потасовокъ.

Нынѣ благополучно царствующій король Оскаръ II извѣстенъ въ шведской литературѣ какъ поэтъ и ученый, въ обществѣ какъ музыкантъ и пѣвецъ. Семейство его состоитъ изъ королевы Софіи, принцессы Нассаусской, и четырехъ принцевъ. Наслѣднику престола было, въ нашъ пріѣздъ, лѣтъ пятнадцать, младшаго же изъ нихъ мы застали шести или семилѣтнимъ мальчикомъ съ прекраснымъ личикомъ и курчавою головою.

Во время коронаціи балы повторялись очень часто. На балу, въ честь короля отъ жителей столицы, тѣснота была такъ велика въ залахъ биржи, что танцующіе принуждены были довольствоваться, только предоставленною въ ихъ распоряженіе, узенькою полоскою у самой королевской ложи. Пары, проносясь по этой дорожкѣ въ прямолинейномъ направленіи, теряли весь эффектъ и скорѣе всего напоминали движенія маріонетокъ; туалеты дамъ остались незамѣченными. На балу у нашего посланника Николая Карловича Гирса, примирительная политика котораго очень нравилась въ Стокгольмѣ, шведское общество было особенно оживлено. Баронъ Ливенъ и мы всѣ непремѣнно хотѣли прибыть на этотъ вечеръ первыми, но едва не опоздали. Въ этотъ день шведы, по желанію короля, предложили намъ завтракъ въ Хассенъ-Бакенѣ, увеселительномъ мѣстѣ близь Стокгольма, съ прекраснымъ видомъ на море. За завтракомъ неизбѣжный скуль запивался шведскимъ напиткомъ пончъ, который, не опьяняя, сильно дѣйствуетъ на ноги. Не смотря на свою обычную воздержность, усиленную предостереженіемъ, и я къ концу завтрака почувствовалъ свои ноги какъ бы отсиженными — движенія ихъ сдѣлались вполнѣ свободными только по прошествіи нѣсколькихъ часовъ.

Въ день прощальной аудіенціи, въ Маломъ дворцѣ, насъ приглашали въ кабинетъ короля по одиночкѣ. Я засталъ его стоящимъ у большаго письменнаго стола противъ входа, королева сидѣла съ боку того же стола. Король подалъ мнѣ руку и сказалъ:

— En récompense de votre service, moi, grand maître, je vous fais commandeur de l'Ordre de l'Epée première classe. (Въ вознагражденіе вашей службы, я, великій магистръ, дѣлаю васъ командоромъ ордена Меча первой степени).— И, взявши со стола футляръ, обтянутый краснымъ сафьяномъ, онъ мнѣ его передалъ открытымъ: на бѣломъ бархатѣ внутренней выбивки лежала крестообразная звѣзда и командорскій бѣлый крестъ 1-й степени ордена Меча. Вслѣдъ затѣмъ, не давши мнѣ времени выразить свою признательность, король передалъ мнѣ фотографію съ его изображеніемъ и за его собственноручною подписью.

— Marque de mon amitié personelle, gardez nous, commandeur, en votre bon souvenir. (Знакъ моей личной дружбы, сохраните насъ, командоръ, въ вашемъ добромъ воспоминаніи).

Пожалованный мнѣ и моимъ товарищамъ орденъ Меча первой степени составляетъ въ Швеціи награду только очень высокихъ чиновъ и этой награды не удостоился ни одинъ полковникъ въ другихъ посольствахъ.

— Sire, — сказалъ я королю совершенно искренно: — ce précieux présent me fera souvenir à tous moments la bonté de

votre majesté. (Государь, этотъ драгоцѣнный подарокъ заставитъ меня всю жизнь вспоминать о добротѣ вашего величества).

Прощаясь съ королевой Софіей, я поцѣловалъ у нея руку, причемъ она сказала:

— Ne nous oubliez pas, commandeur! (Не забывайте насъ, командо́ръ!).

— Tel oubli serait de toute impossibilité, votre majesté,— отвѣтилъ я, оставляя короля и королеву. (Такое забвеніе невозможно, ваше величество).

На другой день, когда мы взошли на пароходъ для обратнаго путешествія черезъ шкеры и Гельсингфорсъ, къ намъ прибылъ графъ Зальца и передалъ отъ имени короля пожеланіе добраго пути. Въ числѣ провожавшихъ былъ и нашъ посланникъ со всѣмъ своимъ семействомъ.

Вскорѣ якорь былъ поднятъ. Море пѣнилось, и боковая качка немедленно оказала вліяніе на дамъ. Къ обѣду вышли изъ каютъ немногіе изъ пассажировъ, да и у тѣхъ лица были невеселыя, зеленыя. Капитанъ парохода, съ бронзовымъ лицемъ, гораздо темнѣе его волосъ, предлагалъ пріемы хины, лимонную кислоту и лежаніе пластомъ въ койкахъ. Въ шкерахъ мы избавились отъ качки, но починка какого-то винта въ машинѣ и туманъ заставили пароходъ остановиться. Туманы представляютъ немалую опасность для плаванія въ шкерахъ. Эти морскіе корридоры такъ узки, что въ иныхъ мѣстахъ направленіе, взятое только на аршинъ въ сторону, непремѣнно натолкнетъ судно на подводную скалу. Кругомъ шкеръ разбросано множество мелкихъ островковъ, лучше сказать, большихъ скалъ, къ которымъ въ непогоду и для отдыха причаливаютъ изучившіе ихъ до тонкости рыболовы. На слѣдующій день мы высадились въ Гельсингфорсѣ.

Еще въ Стокгольмѣ баронъ Ливенъ поручалъ мнѣ составить донесеніе на высочайшее имя. Смѣясь своему плохому умѣнью владѣть перомъ, онъ все повторялъ собственное двустишіе:

Я былъ генералъ-губернаторъ,
Никогда не былъ литераторъ!

Во всеподданнѣйшемъ своемъ донесеніи, баронъ Ливенъ, описывая милости короля, въ томъ числѣ и полученный имъ отъ короля большой портретъ, равно вниманіе шведовъ къ русскимъ, ходатайствовалъ о награжденіи шведскихъ господъ, состоявшихъ при насъ, соотвѣтствующими орденскими знаками.

По возвращеніи въ Петербургъ, мы, на другой же день, собрались въ Зимнемъ дворцѣ, въ той же залѣ, на половинѣ государя,

изъ которой вышли передъ отъѣздомъ въ Швецію. Государь въ это время принималъ докладъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева; въ часъ назначенъ былъ парадъ въ честь его величества персидскаго шаха Насръ-Эддина.

Въ пріемной залѣ, кромѣ насъ, никого не было. Пробило половина перваго, докладъ министра продолжается, и двери царскаго кабинета отворились, когда уже часовая стрѣлка стояла на пятидесяти минутахъ перваго.

— Вашъ личный докладъ государю провалился,—шепнулъ мнѣ баронъ Ливенъ.

Государь вышелъ въ залу, одѣтый въ полную парадную форму.

Обнявши барона и спросивъ его, все ли благополучно, государь обратился къ намъ:

— Здравствуйте, господа!

Полковнику Вревскому было поручено собрать свѣдѣнія о перемѣнахъ у шведовъ въ кавалерійскомъ строю. Подойдя къ нему, государь спросилъ:

— Много ли у тебя новаго?

— Ничего, ваше императорское величество.

Государь секунду помолчалъ, затѣмъ спросилъ меня:

— А у тебя много ли къ докладу?

— Много, ваше императорское величество.

Лице государя выразило удовольствіе.

— Спѣшу на парадъ,—проговорилъ государь, какъ бы въ нерѣшительности:—поѣзжай къ военному министру, передай ему все, что привезъ... До свиданія, господа!

Государь направился скорыми шагами къ выходу. Въ эту минуту изъ кабинета выскочилъ его камердинеръ, поставщикъ сливочнаго масла, и бѣгомъ понесся черезъ комнаты съ генеральскою каскою въ рукахъ, которую государь забылъ взять.

Баронъ, взглянувши на меня, не то спросилъ, не то совѣтовалъ въ полголоса:

— Вы сегодня нездоровы, лучше сдѣлайте вашъ докладъ государю завтра.

Доброжелательный намекъ былъ понятенъ, но я не рѣшился его понять и отправился къ военному министру.

Бывшій военный министръ, Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, нынѣ графъ, встрѣтилъ меня вопросомъ:

— Вы изъ Швеціи?

— Изъ Швеціи, ваше высокопревосходительство.

— Докладывали государю императору о своихъ работахъ въ Швеціи?

— Никакъ нѣтъ! Его величество, задержанный докладомъ министра Валуева, нѣсколько торопился на парадъ и приказалъ мнѣ все передать вамъ.

Графъ Д. А. Милютинъ, человѣкъ глубокаго, серьёзнаго образованія, всегда интересовался докладами по техническому отдѣлу и въ такой подробности, что для докладчика подобныя съ нимъ бесѣды очень походили на экзаменъ. Убѣдившись изъ особаго моего доклада, что высочайшее порученіе, на меня возложенное, было исполнено во всей точности, послѣдствіемъ чего могло получиться удешевленіе вооруженія крѣпостей артиллерійскими орудіями, онъ, выражая свое крайнее удовольствіе, отпустилъ меня, повторивъ нѣсколько разъ:

— Какъ васъ благодарить? Примите мое задушевное русское спасибо.

Отъ министра я отправился къ А. А. Баранцову.

— Отъ Дмитрія Алексѣевича? Ну, что онъ сказалъ? Доволенъ?— торопливо спрашивалъ Александръ Алексѣевичъ.

— Очень доволенъ и, узнавши, что я представилъ въ главное артиллерійское управленіе образцы шведскаго чугуна, пороха и проч., приказалъ мнѣ составить записку о Финспонгскомъ заводѣ и о заказѣ этому заводу опытныхъ (для опыта) орудій большаго калибра.

— Ну, очень радъ! Сегодня я приглашенъ къ государю на обѣдъ; баронъ Ливенъ будетъ тамъ же, не имѣете ли чего ему передать?

— Покорно васъ благодарю, министръ ничего мнѣ не поручилъ по адресу барона.

Въ тотъ же день баронъ Ливенъ пріѣхалъ ко мнѣ часовъ около десяти вечера и, принявъ комично-серьезный видъ, молча поцѣловалъ меня три раза.

— Только для этого и пріѣхалъ, дорогой,—сказалъ онъ.

Я попросилъ объясненій.

— Садитесь сюда,—указалъ онъ мнѣ мѣсто возлѣ себя.—Дорогой мой, государь никогда не забываетъ, что я былъ свой человѣкъ еще у его великаго отца, но сегодня онъ былъ добрѣе обыкновеннаго, если возможно быть добрѣе. А вашъ Баранцовъ... а... а... а...

И баронъ захохоталъ.

— Что же съ нимъ случилось?—спросилъ я.

— Разскажу вамъ по порядку: государь, прочитавши послѣ обѣда наше донесеніе, обнялъ меня, за это я васъ уже цѣловалъ, потомъ государь посадилъ меня возлѣ себя на диванъ, далъ мнѣ сигару, а другую предложилъ Баранцову. Вдругъ Баранцовъ отказывается: Я, государь, не курю сигаръ. Что же ты, Александръ Алексѣевичъ, куришь?—Курю, государь, такой табакъ, котораго въ порядочномъ домѣ не держатъ.—Какой же это табакъ?—спрашиваетъ опять государь. Баранцовъ подчеркиваетъ: мариландъ doux. И что же? государь достаетъ изъ своего шкафчика пачку мариланду, подаетъ ее Баранцову и, улыбаясь, какъ бы спрашиваетъ: А, ка-

жется, Александръ Алексѣевичъ, домъ порядочный? Бѣдный Александръ Алексѣевичъ едва, едва удержался на ногахъ.

Баронъ опять неудержимо, до кашля, расхохотался.

Впослѣдствіи А. А. Баранцовъ самъ подтвердилъ мнѣ достовѣрность своего приключенія съ марииландомъ у государя и прибавилъ:

— Признаюсь, я ужасно попался, но добрый государь такъ отъ души хохоталъ!

Пріѣздъ къ намъ въ гости короля Оскара II былъ прямымъ доказательствомъ добрыхъ отношеній, установившихся между Россіей и Швеціей.

И вотъ, когда я пишу про это недавнее былое, въ глазахъ стоятъ живые образы, ухо помнитъ знакомые голоса. Но уже вѣчность разлуки легла между еще живущими и многими изъ недавняго былаго.

В. А. Абаза.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ГРАФА БЕРГА.

При разборѣ бумагъ, оставшихся послѣ покойнаго отца моего, тайнаго совѣтника Николая Ивановича Павлищева, скончавшагося въ 1879 году, я нашелъ между ними записку его руки, озаглавленную: «Отношенія мои къ покойному графу Бергу». Записку эту, помѣченную 21 марта 1874 года и характеризующую личность бывшаго намѣстника царства Польскаго, графа Берга, я нахожу возможнымъ напечатать въ настоящее время и съ этой цѣлью препровождаю въ редакцію «Историческаго Вѣстника».

Предварительно считаю нелишнимъ сообщить краткія біографическія свѣдѣнія объ отцѣ моемъ, истинно русскомъ дѣятелѣ, связанномъ узами родства съ незабвеннымъ поэтомъ нашимъ Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ: отецъ мой былъ женатъ на родной сестрѣ поэта, матери моей, Ольгѣ Сергѣевнѣ, скончавшейся въ 1868 году.

Выпущенный въ 1819 году съ серебряной медалью изъ благороднаго пансіона императорскаго Царскосельскаго лицея, отецъ мой началъ службу въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ и примкнулъ къ кружку литераторовъ того времени. Въ 1827 году, онъ былъ сотрудникомъ «Литературной Газеты», издававшейся барономъ Дельвигомъ; въ 1831 году, находился при войскахъ, дѣйствовавшихъ противъ польскихъ мятежниковъ, и вмѣстѣ съ ними вступилъ въ Варшаву, гдѣ и остался на цѣлыя сорокъ лѣтъ.

Живя въ Варшавѣ, онъ писалъ статьи въ журналѣ «Москвитянинъ» и «Варшавскія письма» въ «Сѣверной Пчелѣ». Но литературная дѣятельность его развилась наиболѣе въ то время, когда онъ, въ качествѣ члена совѣта народнаго просвѣщенія въ царствѣ Польскомъ, занялся изданіемъ учебниковъ для мѣстныхъ училищъ на русскомъ языкѣ и началъ самъ преподаваніе русской исторіи порусски въ гимназіи и бывшихъ педагогическихъ и юридическихъ курсахъ, такъ что втеченіе 8-ми лѣтъ (1838—1846 г.) русское преподаваніе было въ полномъ ходу, а польскій языкъ въ училищахъ занялъ мѣсто иностраннаго.

Написавъ «Польскую исторію», служившую учебникомъ для гимназій до 1861 года, отецъ мой составилъ въ 1845 году «Историческій атласъ Россіи», вышедшій въ 1873 году вторымъ дополненнымъ изданіемъ, соотвѣтственно времени, а въ 1847 году издалъ учебное руководство по географіи. Къ числу историческихъ изысканій отца относятся также: «Поѣздка въ Червонную Русь», отрывокъ изъ которой «Даніилъ, король русскій» напечатанъ въ «Холмскомъ календарѣ» 1869—1871 годовъ, а также подготовка имъ историческихъ данныхъ для законодательныхъ работъ въ государственномъ совѣтѣ царства Польскаго въ 1836 году, когда онъ состоялъ помощникомъ секретаря въ этомъ учрежденіи. На основаніи собранныхъ имъ данныхъ, онъ и провелъ, въ томъ же 1836 году, новый законъ о польскомъ дворянствѣ, въ силу котораго четыре пятыхъ шляхты, не доказавъ своихъ правъ, обратились въ крестьянское сословіе.

Въ 1853 году, отецъ мой, по званію оберъ-прокурора общаго собранія варшавскихъ департаментовъ сената, издалъ на русскомъ и польскомъ языкахъ «Гѣрбовникъ дворянскихъ родовъ царства Польскаго» въ двухъ томахъ, трудъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный.

Въ 1864 году, состоя при главнокомандующемъ войсками варшавскаго военнаго округа, отецъ мой основалъ «Русскій Варшавскій Дневникъ», при содѣйствіи покойнаго Николая Алексѣевича Милютина, и одновременно преобразовалъ газету «Польскій Всеобщій Дневникъ», основанную въ 1862 году маркизомъ Велепольскимъ.

Затѣмъ, переселившись въ Петербургъ въ 1873 году, съ назначеніемъ состоять по военному министерству, онъ написалъ обширное сочиненіе подъ заглавіемъ: «Польская анархія при Янѣ Казимірѣ и война за Украину». Монографія эта, въ 3-хъ частяхъ, вышла въ свѣтъ въ 1878 году, за годъ до кончины автора.

Вотъ краткій перечень дѣятельности отца моего. Всѣхъ трудовъ его перечислить невозможно, такъ они были разнообразны. Онъ писалъ даже о музыкѣ: изданный имъ въ 1829 году въ Петербургѣ «Лирическій Альбомъ» вмѣстѣ съ его другомъ, знаменитымъ композиторомъ Михаиломъ Ивановичемъ Глинкою, составляетъ нынѣ библіографическую рѣдкость.

Теперь привожу дословно записку моего отца, касающуюся графа Ѳ. Ѳ. Берга.

Л. Павлищевъ.

Сохранившаяся у меня переписка моя съ графомъ Бергомъ заключается частію въ моихъ къ нему запискахъ, съ его на нихъ отвѣтами въ видѣ надписей, частію же въ собственноручныхъ его ко мнѣ запискахъ, преимущественно на французскомъ языкѣ. Всѣ онѣ относятся къ разрѣшенію вопросовъ по цензурѣ иностранныхъ и польскихъ газетъ, или по редактировкѣ статей въ двухъ оффиціальныхъ органахъ печати—русскомъ и польскомъ «Варшавскихъ Дневникахъ». Сначала вся цензура, а потомъ только періодическая печать съ обѣими редакціями «Дневниковъ» находилась въ моемъ вѣдѣніи до исхода 1870 года.

Будущій біографъ графа Берга найдетъ въ этой перепискѣ нѣсколько данныхъ для характеристики покойнаго; онъ увидитъ, что графъ въ послѣднее время, особенно съ наступленіемъ въ 1867

году коренныхъ реформъ въ Привислянскомъ краѣ, подчинился вліянію партіи, прозванной въ русскихъ кружкахъ черною, по преобладанію въ ней черной сутаны, т. е. ксендзовъ, при участіи передовой шляхты. Партія эта тормозила русское дѣло и не давала ему идти впередъ, а извѣстно, что не идти впередъ значитъ пятиться назадъ.

Мы, русскіе, любимъ поговорку: «лежачаго не бьютъ», хотя и знаемъ, что «лежачій» можетъ встать и насъ же бить. Еще мы любимъ популярничать, и оттого незамѣтно, безсознательно ополячиваемся.

Поляки жалуются, что мы не осчастливили ихъ на столько, на сколько имъ это желательно. Мы тоже были бы очень рады сдѣлать ихъ счастливыми, но вѣдь не это было цѣлію присоединенія Польши... Мы попробовали осчастливить ихъ въ 1815 году, и дорого за это поплатились. Много уплыветъ времени, пока они сознаются, что во время анархіи, проникнувшей въ плоть и кровь Рѣчи Посполитой, они только бѣдствовали, и теперь счастливѣе прежняго; мы должны еще выдержать долгую, упорную борьбу, прежде чѣмъ успѣемъ пріобрѣсти ихъ привязанность къ законной власти и къ племенному съ нами родству.

Вотъ убѣжденія, съ которыми я, на призывъ намѣстника, принялъ на себя трудную задачу руководить печатнымъ словомъ среди враждебнаго намъ населенія, въ самый разгаръ вооруженнаго мятежа 1863 года.

Графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ прибылъ въ Варшаву, какъ помощникъ намѣстника, въ мартѣ 1863 года, когда я занимался составленіемъ еженедѣльныхъ политическихъ обзоровъ царства Польскаго (Седмицъ) для высочайшаго воззрѣнія и исполненіемъ нѣкоторыхъ порученій главнокомандующаго войсками [1]).

Мы познакомились съ графомъ во время польской кампаніи 1831 года.

Онъ былъ свидѣтелемъ моей постоянной дѣятельности, съ 1833 года, по законодательной части въ государственномъ совѣтѣ и по народному образованію. Это, кажется, и было причиною, что въ трудную минуту онъ вспомнилъ обо мнѣ.

Въ самый разгаръ убійствъ, происходившихъ скрытно и явно въ Варшавѣ, по распоряженію подпольнаго жонда, въ августѣ 1863 года, всѣ цензора, напуганные жондомъ, подали въ отставку. Ихъ примѣру послѣдовалъ и преемникъ павшаго подъ ударами кинжальщиковъ г. Минишевскаго, редактора основанной маркизомъ Велепольскимъ оффиціальной газеты «Всеобщій Дневникъ».

---

[1]) Графъ Ламбертъ поручилъ мнѣ быть исторіографомъ арміи; съ 1861 по 1868 годъ, чрезъ посредство намѣстниковъ, я имѣлъ счастіе представлять еженедѣльно на высочайшее прочтеніе эти «Седмицы», о чемъ будетъ сказано ниже.

Тогда меня позвали къ великому князю намѣстнику. Это было передъ самымъ отъѣздомъ его высочества въ Петербургъ.

Въ пріемной комнатѣ, передъ кабинетомъ, меня встрѣчаетъ графъ Бергъ словами: «Vous savez ce qui est arrivé avec la censure; ne refusez pas les propositions qu'on va vous faire»[1), — и тутъ же вталкиваетъ меня въ кабинетъ, идя по пятамъ за мною. Его высочество, сказавъ въ нѣсколькихъ словахъ, въ чемъ дѣло, ласково предложилъ мнѣ немедленно устроить цензуру и продолжать изданіе оффиціальнаго органа, выходившаго въ то время на польскомъ языкѣ.

Я былъ озадаченъ. Въ эту минуту графъ Бергъ, потрепывая меня по плечу, проговорилъ:

— Будьте спокойны, ваше высочество, онъ уладитъ дѣло.

Я не смѣлъ возражать, и поклонился въ знакъ согласія.

Дѣло было трудное, не говоря уже о томъ, что подземный жондъ тутъ же приговорилъ меня къ смерти.

Цензура не представляла большихъ трудностей, но въ отношеніи оффиціальнаго органа я счелъ нужнымъ оградить себя формально отъ всякихъ столкновеній, поставивъ себя въ самостоятельное положеніе: я выговорилъ себѣ право распоряжаться неоффиціальною частію «Дневника» по моему усмотрѣнію, вслѣдствіе чего, съ согласія графа, заявилъ о томъ въ передовой статьѣ два раза, предупреждая публику, что «Варшавскій Дневникъ» не оффиціальный, а только оффиціозный, привиллегированный органъ.

Сначала и долгое время, даже до конца 1866 года, дѣло шло ладно; графъ любезничалъ со мною, какъ видно изъ его ко мнѣ записочекъ. «Польскій Дневникъ», переданный мнѣ въ 1863 году съ нѣсколькими стами подписчиковъ, насчитывалъ ихъ въ 1866 году до 5,000. Корреспонденты его изъ Кракова, Львова, Мюнхена, Цюриха, Парижа, Лондона и даже изъ Нью-Іорка, держали въ шаху эмиграцію, не давая ни одной ея продѣлкѣ проскользнуть безслѣдно; знаменитую «Ойчизну» Гиллера удалось мнѣ загнать изъ Дрездена въ Швейцарію, гдѣ она и кончила дни свои. Имя мое для поляковъ сдѣлалось притчею во языцѣхъ въ польскихъ и непольскихъ газетахъ. Но я не смотрѣлъ на это, и старался основать благосклонный къ намъ органъ, сперва въ Познани подъ редакціей Монковскаго, а потомъ во Львовѣ. Оба эти проекта были отвергнуты графомъ. Однако, при содѣйствіи министра внутреннихъ дѣлъ, мнѣ удалось основать въ Львовѣ еженедѣльный журналъ «Słowianin», подъ редакціею Рапацкаго.

Въ 1864 году, по почину Николая Алексѣевича Милютина, я основалъ «Русскій Варшавскій Дневникъ», который, вмѣстѣ съ

---

[1]) Вы знаете, что случилось съ цензурой; не отказывайтесь отъ предложеній, которыя вамъ будутъ сдѣланы.

польскимъ, состоялъ подъ общимъ моимъ завѣдованіемъ, въ качествѣ директора обоихъ «Варшавскихъ Дневниковъ».

Между тѣмъ на горизонтѣ моемъ появлялись небольшія тучки.

Черная партія, а именно сонмъ ксендзовъ и паны-шляхта не дремали.

На одну корреспонденцію изъ Радома два графа пожаловались, что она де слишкомъ въ черныхъ краскахъ рисуетъ шляхту. Я соглашался напечатать протестъ этихъ господъ, но графъ Бергъ предпочелъ замять дѣло. Онъ сталъ тоже коситься на корреспонденціи изъ Галиціи, откуда выбрасывались къ намъ тысячныя банды во время мятежа, какъ страны, на которую я съ первой же моей «Седмицы», въ 1861 году, обратилъ пристальное вниманіе.

Бодрствовала и партія ксендзовъ, и уже въ 1865 году редакторъ римско-католической духовной академіи, Коссовскій, на публичномъ актѣ, въ присутствіи намѣстника, осмѣлился отнестись самымъ возмутительнымъ образомъ къ редакціи оффиціальнаго органа. Графъ опять замялъ дѣло; однако, сталъ, хотя и мягкимъ тономъ, внушать мнѣ, чтобы я проходилъ молчаніемъ безобразія католическаго клира, не затрогивалъ ни папскаго силлабуса, ни личностей такихъ ксендзовъ, какъ Ржевусскій, Щигельскій, Калинскій и tutti quanti. Я лавировалъ какъ могъ, пока не послѣдовалъ взрывъ.

Это случилось въ самомъ началѣ 1867 года.

10-го января, я напечаталъ въ «Варшавскомъ Дневникѣ» статью капеллана 2-й гренадерской дивизіи, каноника Фелинскаго, въ которой онъ очень основательно порицаетъ фанатическій духъ ксендзовъ и склоняетъ ихъ идти по пути христіанскаго ученія.

Случилось такъ, что въ тотъ же день, 10-го (22-го) января, напечатана была въ «Journal de S.-Pétersbourg» депеша нашего вице-канцлера, по поводу разрыва съ римской куріей, въ которой князь Горчаковъ, опираясь на собственныя слова государя императора, порицаетъ въ тѣхъ же почти, какъ Фелинскій, выраженіяхъ, фанатизмъ и мятежный духъ польскаго духовенства.

Совпаденіе это, разумѣется, было случайное, но вызванное одними и тѣми же побужденіями.

Черезъ день послѣ того, графъ призываетъ меня къ себѣ въ кабинетъ и, держа въ рукахъ польскій (а не русскій, надо замѣтить) «Дневникъ», встрѣчаетъ меня словами: «Comment peut on imprimer des choses semblables?» [1]) и требуетъ, чтобы я преобразовалъ редакцію. Я ему объявилъ, что редакторы не что иное какъ исполнители моей воли и тутъ не причемъ, а что статья, напротивъ, заслуживаетъ полнаго одобренія, и тутъ же, вынувъ изъ кармана только-что полученный номеръ «Journal de S.-Pé-

---

[1]) Какъ возможно печатать подобныя вещи?

tersbourg» съ вышеприведенною депешею вице-канцлера, спросилъ: Et cela, est ce qu'on peut reproduire?—C'est tout comme il vous plaira[1]), — отвѣчалъ онъ, озадаченный такой развязкой.

Тѣмъ не менѣе, я получилъ на другой день, 13-го (25-го) января, оффиціальное за № 176 порицаніе, формулированное дословно такъ: «Статья Фелинскаго, направленная противъ римско-католическаго духовенства въ царствѣ Польскомъ, не только не должна была найдти мѣсто въ изданіи, состоящемъ на иждивеніи правительства, но и не могла быть вовсе дозволена къ напечатанію, какъ въ высшей степени неприличное по духу и содержанію своему заявленіе».

Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ предписывалъ, чтобы я пріискалъ другаго главнаго редактора, а такъ какъ таковымъ былъ я, директоръ, то и отвѣчалъ, что слагаю съ себя званіе директора. На это получаю отвѣтъ: «Оставаться впредь до распоряженія». Распоряженія не послѣдовало; я и оба редактора остались на своихъ мѣстахъ, до самаго упраздненія дирекціи «Варшавскихъ Дневниковъ», въ 1870 году.

Неосновательность порицанія статьи Фелинскаго вскорѣ обнаружилась сама собою. Статью его перепечатали оффиціальные органы «Сѣверная Почта» и «Русскій Инвалидъ», а за ними всѣ столичныя газеты, откуда она перешла и въ иностранныя. Мало того, заграничная печать (напримѣръ, «Schlesische Zeitung») распустила слухъ, что я за эту статью получилъ де отставку.

Это бы еще ничего; но вотъ «Московскія Вѣдомости», воспроизводя изъ «Journal de St.-Pétersbourg» вышеприведенную депешу вице-канцлера и сопоставляя ее со статьею Фелинскаго, выразили (отъ 27-го января 1867 года, № 22) недоумѣніе, какъ это я получилъ отставку за то, что напечаталъ статью въ смыслѣ и духѣ правительства?.. Идя дальше, «Московскія Вѣдомости» выразились даже, что «подобныя нареканія не должны оставаться безъ разъясненія».

Это только поддало пару и повело къ явному гоненію меня графомъ.

Надо мной сначала разразилась небольшая буря. За то, что я въ 1864 году исполнилъ высочайшее повелѣніе, возложенное на меня, перевести попольски и напечатать въ 30,000 экземпляровъ объявленіе о крестьянской реформѣ въ царствѣ Польскомъ 19-го февраля того же года, притомъ келейно, въ три дня, чтобы не предупредилъ насъ жондъ своимъ подземнымъ воззваніемъ,—за то, что «Дневникъ» служилъ органомъ учредительному комитету и первый поднялъ перчатку, брошенную Мазадомъ (№ 14, 28) противъ крестьянскаго дѣла, мнѣ слѣдовала по уставу золотая медаль. Графъ

[1]) А это можно перепечатывать?—Это какъ вамъ угодно.

Бергъ назначилъ мнѣ серебряную. Вскорѣ потомъ на меня обрушилась гораздо сильнѣйшая гроза.

Государю императору благоугодно было, по поводу прекращенія моихъ «Седмицъ», выразить желаніе, чтобы «трудившійся надъ составленіемъ сихъ обозрѣній, столько лѣтъ удостоиваемыхъ личнаго высочайшаго прочтенія и вниманія, тайный совѣтникъ Павлищевъ, какъ за свои труды, такъ и за продолжительную въ царствѣ Польскомъ службу, награжденъ былъ пожалованіемъ маіората».

Что же графъ Бергъ? онъ раздаетъ въ 1869 году до пятидесяти маіоратовъ и въ концѣ года представляетъ, чтобы, за неимѣніемъ маіоратовъ, наградить меня арендой.

Гоненіе продлилось до конца. Когда я, послѣ упраздненія моей должности, въ 1871 году, заявилъ мои права на увеличеніе моей пенсіи, пожалованной мнѣ въ 1861 году, графъ, не разсматривая просьбы, возвратилъ ее съ надписью, «что она не имѣетъ законнаго основанія». Я протестовалъ передъ министромъ финансовъ, но жалобу мою послали на разсмотрѣніе эмеритальной коммиссіи въ Варшаву, а такъ какъ коммиссія эта подчинена намѣстнику, то и вышелъ приговоръ, совершенно согласный съ его резолюціей.

Преслѣдованію графа подвергся и каноникъ Фелинскій: онъ принужденъ былъ перейдти изъ Варшавскаго въ Московскій военный округъ.

Русское дѣло при графѣ Бергѣ не подвинулось, и Польша оставалась Польшею, только въ иной административной оболочкѣ.

Въ Варшавѣ, гдѣ русская публика многочисленнѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ Вильнѣ, нѣтъ русскаго театра. Я употребилъ всѣ старанія, чтобы открыть русскую сцену, и пріискана уже была хорошая труппа; но когда мы съ генералъ-адъютантомъ А. В. Паткулемъ попробовали просить, чтобы на содержаніе ея удѣлить хоть шестую часть субсидіи, отпускаемой на польскій театръ, графъ Бергъ рѣшительно отказалъ. Директоръ театра боялся или стыдился давать піесы въ переводѣ изъ богатаго нашего репертуара, а содержатель частнаго театра, давъ съ большимъ успѣхомъ «Свадьбу Кречинскаго», не посмѣлъ сказать въ афишкѣ, что это переводъ съ русскаго.

Странно и даже забавно было видѣть, какъ въ юбилей Коперника цехи съ своими знаменами парадировали въ ратушу, и какъ тамъ, въ присутствіи русской публики, ораторствовали попольски, не проронивъ ни одного русскаго слова.

Напротивъ, въ какой-то заботливости о просвѣщеніи поляковъ, профессора русскаго университета читали публично лекціи на польскомъ языкѣ, по всѣмъ почти факультетамъ, такъ что рядомъ съ русскимъ университетомъ образовалось нѣчто въ родѣ польскаго университета.

Ни на театральной сценѣ, ни въ концертахъ, ни въ музыкальномъ обществѣ, не слышно было ни одной русской нотки.

А фармацевтическое Общество?.. ни одинъ русскій фармацевтъ не могъ попасть въ его члены.

Между тѣмъ, въ заботливости о художествахъ и искусствахъ, заведено при графѣ Бергѣ стрѣльбище въ Саксонскомъ саду, предназначенномъ для гулянья, какъ бы съ цѣлью образовать между польской молодежью хорошихъ стрѣлковъ, а зданіе возлѣ Бернардинскаго костела, въ которомъ происходила патріотическая демонстрація въ 1861 году, отдано было подъ выставку произведеній польскихъ художниковъ, недоступную для русскихъ художниковъ.

Заботливость о просвѣщеніи ремесленниковъ простиралась до того, что, по волѣ графа, объявлено было въ газетахъ объ учрежденіи особаго комитета для облегченія польскимъ рабочимъ посѣщенія лондонской выставки, тѣмъ самымъ почти, которые такъ недавно неистовствовали во время мятежа.

Въ заключеніе приведу еще слѣдующій эпизодъ.

Одинъ приходскій ксендзъ, по соглашенію съ товарищами, вручилъ мнѣ статью (въ 1868 году), въ которой заявлялъ о желаніи большинства духовенства отмѣнить безбрачіе, доказывая, что еще въ XVI вѣкѣ женился каноникъ Оржеховскій, и папа благословилъ его бракъ. Боясь поплатиться, какъ за статью Филинскаго, я доложилъ графу, но онъ и слышать не захотѣлъ. Ходатайство г. Муханова, управлявшаго дѣлами католическаго исповѣданія, тоже не помогло. Тогда мы склонили ксендза и его товарищей пустить въ ходъ не статью, а цѣлую брошюрку, которая и вышла въ 1870 году, подъ названіемъ: «Bezzenstwo duchownych» (Безбрачіе духовенства), доказывая документально необходимость отмѣны безбрачія, требуемой всѣми благомыслящими пастырями католической церкви.

De mortuis aut nihil, aut bene,—гласитъ іезуитская пословица. По нашему можно не говорить; но если ужъ говорить, то надо сказать правду... и я правду сказалъ.

Н. Павлищевъ.

ВОСХОЖДЕНІЕ НА ЭЛЬБОРУСЪ.

Я ПРІѢХАЛЪ въ Пятигорскъ 5-го іюля 1886 года и въ два дня осмотрѣлъ всѣ его достопримѣчательности: жиденькій пыльный бульваръ съ запахомъ сѣрнистаго водорода, распространяемымъ источниками, и запахомъ аптеки, исходящимъ отъ наполняющихъ бульваръ «блѣдныхъ жертъ Киприды»; гротъ Діаны; гротъ Лермонтова, запертый почему-то на ключъ и содержащій въ себѣ мѣдную доску съ безграмотнымъ стихотвореніемъ какого-то витіи, посвященнымъ «гроту Лермонтова»; мѣсто дуэли Лермонтова, никому, впрочемъ, въ точности неизвѣстное; домикъ Лермонтова съ мраморной доской, удостовѣряющей, что въ немъ жилъ Лермонтовъ съ 1837 по 1841 годъ, хотя щегольская, съ иголочки внѣшность домика не совсѣмъ гармонируетъ съ этимъ удостовѣреніемъ; знаменитый «большой провалъ», въ дѣйствительности же и не большой, и очень мало интересный. Въ заключеніе я сдѣлалъ восхожденіе на вершину Машука [1]), откуда открывается великолѣпный видъ на Эльборусъ и далекую снѣговую цѣпь Кавказскаго хребта. Больше въ Пятигорскѣ осматривать было нечего, и я началъ собираться на Эльборусъ—главную цѣль моей поѣздки на Кавказъ.

Но тутъ я считаю нужнымъ остановиться и отвѣтить на вопросъ: зачѣмъ я собирался ѣхать на Эльборусъ? Поѣздку эту я предпринялъ не съ ученой цѣлью, а въ качествѣ простаго туриста,

---

[1]) Машукъ, или, правильнѣе, Машука, у подножья которой расположенъ Пятигорскъ, возвышается на 3,258 футовъ надъ моремъ.

съ цѣлью сдѣлать восхожденіе на его вершину. Но почему именно на вершину?

— Что вамъ за охота дѣлать такія трудныя и опасныя экскурсіи? — не разъ слышалъ я недоумѣвающіе вопросы. Такое недоумѣніе совершенно немыслимо на Западѣ, гдѣ туристы, вообще, и совершаемыя ими восхожденія на горы, въ частности, составляютъ явленіе заурядное. Но у насъ, гдѣ на Кавказъ ѣздятъ только съ цѣлью лѣчиться; гдѣ снѣговыя горы — эти «нерукотворные алтари природы» — знакомы многимъ лишь по наслышкѣ, — подобное недоумѣніе весьма естественно. На всякаго, даже неособенно воспріимчиваго къ красотамъ природы человѣка видъ высокой горы, увѣнчанной вѣчнымъ снѣгомъ, непремѣнно произведетъ глубокое, не скоро изглаживающееся впечатлѣніе. Во сколько же разъ выше и полнѣе наслажденіе того, кто отъ подошвы горы поднимется на ея вершину и оттуда орлинымъ взоромъ окинетъ необъятное пространство, лежащее у его ногъ! Въ одинъ, два дня онъ увидитъ, испытыетъ всѣ времена года, всѣ климаты—отъ знойныхъ долинъ и тѣнистыхъ лѣсовъ подошвы до вѣчныхъ снѣговъ, вѣчнаго холода вѣнца горы. Эти глубокія, возвышающія душу впечатлѣнія не забываются никогда, и никакіе труды, никакія опасности не остановятъ туриста на пути къ этимъ, по выраженію географа Реклю, святымъ мѣстамъ всякаго любителя природы. Двухнедѣльная поѣздка въ горы для него стоитъ больше, чѣмъ многомѣсячное скитаніе по «водамъ», курортамъ и благоустроеннымъ отелямъ.

Изъ всѣхъ горъ Кавказа Эльборусъ пользуется наибольшей извѣстностью. Этимъ онъ обязанъ своей первоклассной высотѣ и одинокому положенію къ сѣверу отъ главнаго хребта, которые дѣлаютъ его замѣтнымъ для всякаго, даже мало внимательнаго путника, идущаго на Кавказъ какимъ бы то ни было путемъ—съ сѣвера или запада. Снѣговаго хребта не видно еще и признаковъ, а Эльборусъ, въ видѣ громаднаго шатра, одиноко стоящаго на горизонтѣ, приковываетъ уже къ себѣ все вниманіе путника. Этотъ снѣжный шатеръ съ раздвоенной вершиной ростетъ, ростетъ по мѣрѣ приближенія къ нему и уже на разстояніи десятковъ верстъ, напримѣръ, съ извѣстной Бермамутской террасы, просто подавляетъ своимъ величіемъ. Сосѣдство снѣговой цѣпи съ тысячью блистающихъ зубьевъ ничуть ему не вредитъ, напротивъ, тутъ-то и поражаетъ его грандіозностью; въ сравненіи съ нимъ всѣ окружающія горы кажутся не болѣе какъ холмами.

Эта высочайшая гора Европы имѣетъ 18,527 футовъ, или $5^1/_2$ верстъ надъ уровнемъ моря, т. е. на версту слишкомъ выше Монблана. Эльборусъ давно привлекалъ къ себѣ вниманіе ученыхъ и членовъ «альпійскаго клуба», и много разъ дѣлались попытки достигнуть его вершины. Но изъ нихъ было удачныхъ только че-

тыре. Первая по времени попытка взойдти на Эльборусъ сдѣлана была въ 1817 году генералъ-маіоромъ княземъ Эристовымъ. Экспедиція была предпринята съ двумя стами рядовыхъ и однимъ легкимъ орудіемъ и окончилась полной неудачей: отрядъ, не имѣя хорошихъ проводниковъ, попалъ подъ лавину и погибъ весь, за исключеніемъ нѣсколькихъ солдатъ и генерала. Въ 1829 году, предпринята была ученая экспедиція на Эльборусъ изъ академиковъ—Купфера, Ленца и Мейера; ихъ конвоировалъ отрядъ пѣхоты въ 600 человѣкъ, 350 казаковъ и два орудія подъ командой генерала Эмануела. 18-го іюня, экспедиція отправилась изъ Константиногорска и 8-го іюля прибыла къ сѣверной сторонѣ подошвы Эльборуса. На слѣдующій день академики, въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ и кабардинцевъ, начали восхожденіе и къ вечеру достигли линіи вѣчнаго снѣга. Переночевавъ подъ навѣсомъ скалы, они еще до разсвѣта отправились въ дальнѣйшій путь и достигли высоты 15,000 футовъ слишкомъ, но затѣмъ глубокій снѣгъ и разрѣженный, тяжелый для дыханія воздухъ, заставилъ ихъ вернуться. Но сопровождавшій ихъ кабардинецъ изъ Баксанскаго аула, хромой старикъ, по имени Хиларъ, пошелъ впередъ и къ полудню достигъ вершины горы,—вершины, по понятіямъ горцевъ, недоступной для смертнаго, такъ какъ она охраняется страшными великанами-циклопами. Подвигъ Хилара увѣковѣченъ надписью на двухъ чугунныхъ таблицахъ, находящихся въ Пятигорскѣ у грота Діаны и заключающихъ въ себѣ описаніе на двухъ языкахъ—русскомъ и кабардинскомъ—этой экспедиціи. Слѣдующее удачное восхожденіе на вершину Эльборуса совершено было 17-го іюля 1868 года англичанами, членами альпійскаго клуба—Фрешфильдомъ, Муромъ и Тукеромъ, пріѣхавшими съ этой цѣлью изъ Лондона. Въ 1874 году, 29-го іюля, англичане Грове, Уокеръ и Гардинеръ, въ сопровожденіи привезеннаго ими швейцарца и кабардинцевъ изъ Урусбіевскаго аула—Ахію Сотаева и Джапоева Дячи, также побывали на вершинѣ Эльборуса. Замѣчательно, что это путешествіе, начиная Кутаисомъ и кончая Сухумомъ, было сдѣлано ими пѣшкомъ, хотя они имѣли полную возможность сдѣлать большую часть пути, цѣлыя сотни верстъ, верхомъ. Даже послѣ восхожденія на Эльборусъ, когда страшно измученные англичане спустились въ долину, они отказались сѣсть на лошадей, любезно предложенныхъ имъ мѣстнымъ владѣльцемъ, княземъ Урусбіевымъ. «У насъ есть свои кони»,—отвѣтили ему англичане, указывая на свои, обутыя въ альпійскіе башмаки, длинныя ноги—и весь обратный путь, до самаго Сухумъ-Кале, гдѣ они сѣли на пароходъ, сдѣлали пѣшкомъ. Объ этомъ путешествіи одинъ изъ нихъ, Грове, написалъ довольно интересную книгу «Холодный Кавказъ», которая есть и въ русскомъ переводѣ[1]). Послѣднее по времени восхожденіе сдѣлано, въ

[1]) «Холодный Кавказъ», Грове. Изд. журн. «Природа и люди», 1879 года.

августѣ 1884 года, венгерскимъ ученымъ альпинистомъ Дечи. Онъ достигъ вершины, но вслѣдствіе начавшейся метели, цѣлыя сутки проблуждалъ по снѣговымъ полямъ Эльборуса и только какимъ-то чудомъ избѣжалъ смерти. Нужно замѣтить, впрочемъ, что, благодаря отлогости склоновъ Эльборуса, восхожденіе на его вершину было бы дѣломъ неособенно труднымъ, если бы не высота горы и не разрѣженный воздухъ ея вершины, которые вызываютъ множество болѣзненныхъ явленій (слабость ногъ, тошноту, сердцебіеніе, одышки и проч.) и для людей непривычныхъ дѣлаютъ это восхожденіе совершенно невозможнымъ.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу. Итакъ, Пятигорскъ осмотренъ, и я начинаю собираться на Эльборусъ. Зашелъ я въ первый попавшійся дворъ, на воротахъ котораго была нарисована лошадь и значилась надпись: «Здѣсь даются лошади и уроки верховой ѣзды». Ко мнѣ вышелъ хозяинъ, солидный на видъ кабардинецъ, съ рыжей бородой, въ бѣлой черкескѣ верблюжьяго сукна, бѣлой барашковой папахѣ, съ кинжаломъ въ серебряной оправѣ у пояса и серебряными гозырями или патронами на груди. Я спросилъ его, сколько онъ возьметъ за пару лошадей съ проводникомъ до Эльборуса и съ обратнымъ путемъ черезъ горы на Кисловодскъ. Путь этотъ, пролегающій на половину по колесной дорогѣ, а на другую половину—по крутымъ горнымъ тропинкамъ или вовсе безъ дороги, составляетъ около 250 верстъ и съ временемъ необходимымъ для восхожденія на Эльборусъ и для отдыха требуетъ не менѣе двѣнадцати дней. Кабардинецъ запросилъ по два рубля за лошадь въ сутки съ содержаніемъ лошадей и проводника на его счетъ, но очень скоро мы сошлись на сорока рубляхъ за всю поѣздку и ударили по рукамъ. Проводникомъ моимъ будетъ одинъ его родственникъ, и выѣзжать рѣшено завтра же. Я началъ немедленно готовиться къ отъѣзду: купилъ кавказскую бурку, папаху, чайникъ и кой-какую провизію. Весь багажъ долженъ былъ помѣщаться на вьюкахъ, на тѣхъ же сѣдлахъ, на которыхъ и я съ проводникомъ должны сидѣть, а потому приходилось ограничиваться самыми необходимыми вещами; но провизію, вина и даже хлѣба взять съ собою было необходимо, потому что мы должны были надолго проститься съ гостинницами и даже лавочками и духанами: ни пьянство, ни торговля у горцевъ не процвѣтаютъ. Всѣ свои лишнія вещи я отправилъ въ Кисловодскъ (30 верстъ отъ Пятигорска). На слѣдующее утро, когда я совершенно готовый въ дорогу сидѣлъ у себя въ номерѣ и пилъ чай, растворяется дверь и входитъ высокій молодой кабардинецъ въ коричневой черкескѣ и черной папахѣ. На груди блестятъ два солдатскихъ Георгія. Не снимая папахи, онъ подходитъ ко мнѣ, подаетъ руку и на плохомъ русскомъ языкѣ рекомендуется:

— Магометъ Коновъ, отставной урядникъ. Готовъ въ дорогу? Я съ тобою ѣду?

Несниманіе папахи и тыканье покоробили было меня, но я вспомнилъ, что наши мусульмане всѣмъ говорятъ «ты», а обнаженіе головы считаютъ неприличіемъ. Я предложилъ ему чаю, и мы разговорились. Оказалось, что въ первый день намъ нужно проѣхать около 45 верстъ, чтобы поспѣть въ аулъ Измаила Конова (названный такъ по имени владѣльца), гдѣ въ домѣ отца Магомета мы будемъ ночевать. Дальнѣйшій путь до Эльборуса, или, точнѣе, до послѣдняго на этомъ пути аула — Урусбіева, или Баксанскаго, былъ Магомету мало знакомъ, такъ какъ онъ ѣздилъ туда только одинъ разъ и то уже давно, онъ зналъ только, что путь до Урусбіева можно сдѣлать въ 2—3 дня и что трудностей не предстоитъ никакихъ, такъ какъ по этой дорогѣ ходили даже арбы. Вообще же по этой дорогѣ ѣздятъ мало, и Магометъ помнитъ одинъ только случай, что туда ѣздилъ туристъ: именно Владыкинъ, авторъ «Путеводителя по Кавказу». Надежды найдти попутчика не оставалось никакой. Чаепитіе кончено. Магометъ перекидываетъ себѣ черезъ плечо двѣ переметныя сумы съ моимъ багажемъ, и мы ѣдемъ къ нему на домъ, гдѣ ждутъ насъ двѣ осѣдланныя лошади. Навьючили сумы. У Магомета никакого багажа нѣтъ: у горцевъ это не водится. Бурка да папаха — вотъ и весь багажъ; даже денегъ съ собою въ дорогу не берутъ, такъ какъ все необходимое — ночлегъ, постель, пищу—благодаря гостепріимству горцевъ, можно получить даромъ. Мы садимся на лошадей и легкой рысью выѣзжаемъ за городъ. Утро—туманное, окрестныя горы какъ будто задернуты кисеей; Эльборуса вовсе не видно. Но за то не жарко — важное удобство въ путешествіи по Кавказу, гдѣ подчасъ приходится задыхаться отъ жары. Переѣзжаемъ въ бродъ Подкумокъ и по степямъ и холмамъ «Кабардинской плоскости», направляемся къ югу, гдѣ расположены, такъ называемыя, горскія общества Кабарды. Мѣстность пустынная, холмистая, съ скудной растительностью и замѣтнымъ уклономъ къ югу. Холмы, курганы и небольшія пирамидальной формы горки въ родѣ Джуцкой, Болвана и друг., разбросаны по всѣмъ направленіямъ. Надъ всѣми ними господствуютъ, оставшіеся позади насъ, косматый пятиглавый Бештау (4,600 футовъ) и лѣсистая, съ лысой макушкой, Машука. У подножія ея раскинулся чистенькій, веселый Пятигорскъ, гораздо болѣе привлекательный издали, чѣмъ вблизи. Къ нему примыкаетъ съ востока богатая станица Горячеводская, извѣстная, впрочемъ, больше подъ именемъ Безсовѣстной.

— Почему ее такъ называютъ?—обращаюсь я къ Магомету.

— Потому — народъ больно безсовѣстный, — отвѣчаетъ онъ серьезно.—«Курсовые» избаловали. Чтобы опохмѣлиться, иной и дочь, и жену продастъ.

Тихо, безлюдно въ степи. Изрѣдко попадаются навстрѣчу всадники въ буркахъ или скрипучія арбы. Черезъ дорогу пробѣгають крупные, зеленые какъ изумрудъ ящерицы и, какъ мыши, шныряютъ жаворонки. Синѣетъ вдали обширное соленое озеро Тамбуканъ. Переѣхали въ бродъ крошечныя степныя рѣчки — Этоку, Золку. За ними степь становится роскошнѣе. Трава мѣстами великолѣпная: чуть не въ ростъ человѣка, густая, цвѣтущая. Но посѣвовъ мало; жилья нигдѣ не видно. По временамъ я схожу съ лошади и пѣшкомъ иду по дорогѣ, среди природныхъ цвѣтниковъ, наслаждаясь чуднымъ воздухомъ и ароматомъ степи. Часа въ три по полудни доѣхали до Малки съ расположеннымъ на берегу ауломъ Бабуковымъ. То рысью, то шагомъ, мы ѣдемъ уже часовъ шесть и проѣхали навѣрное болѣе сорока верстъ. Солнце начинаетъ припекать, а непривычка къ сѣдлу и усталость сильно даютъ себя чувствовать, но Магометъ успокоиваетъ меня, что недалеко уже и до ночлега. За Бабуковымъ холмы подымаются все выше и выше, спуски и подъемы—круче, но все это покрыто роскошной травой, по которой тамъ и сямъ ходятъ табуны лошадей и рогатаго скота. Кабардинскій скотъ и лошади славятся на Кавказѣ, но въ послѣднее время цѣна на нихъ сильно упала, и всѣ кабардинцы жалуются на бездоходность этой, важнѣйшей у нихъ, отрасли хозяйства. Молочнымъ хозяйствомъ занимаются они очень мало и только въ предѣлахъ потребностей семьи. Лишь въ послѣднее время дѣлаются опыты сыроваренія въ болѣе значительныхъ размѣрахъ.

Ѣдемъ часъ, другой, по крутымъ травянистымъ склонамъ, а Магометъ на мои нетерпѣливые разспросы все повторяетъ, что аулъ уже близко. Наконецъ, поднявшись на высокую гору, я вижу этотъ аулъ у своихъ ногъ вытянутымъ по балкѣ версты на двѣ. Весь аулъ состоитъ изъ мазанокъ, сдѣланныхъ изъ земляного кирпича и съ земляной, поросшей травой, крышей. Отсутствіе садовъ и всякой зелени придаютъ ему какой-то жалкой ощипанный видъ. Мы подъѣзжаемъ къ кунацкой (помѣщеніе для гостей)—невзрачному, стоящему особнякомъ, домику, и сходимъ съ лошадей; отъ усталости я, впрочемъ, не схожу, а скорѣе сваливаюсь съ лошади, отворяю дверь кунацкой и заглядываю внутрь. Внѣшность кунацкой обѣщаетъ мало, но внутренность даетъ еще и того меньше. Первая комната или сѣни сплошь завалены рабочими инструментами и разнымъ хламомъ, такъ что приткнуться негдѣ. Здѣсь поселились плотники, строящіе новый домъ для отца Магомета, Барака Конова. Слѣдующая комната — обширная, но низкая съ землянымъ поломъ, крошечнымъ оконцемъ безъ рамы и только закрываемымъ ставнемъ, и безъ печки, вмѣсто которой устроенъ очагъ прямо на полу. Вся мебель состоитъ изъ деревянной кровати и низенькой скамейки, а по стѣнамъ развѣшана конская сбруя и

виситъ воловья шкура, на которую правовѣрные становятся для молитвы. Все это покрыто толстымъ слоемъ пыли. Такова кунацкая. Потомъ я попривыкъ къ этимъ нероскошнымъ помѣщеніямъ и при случаѣ радъ былъ и имъ, но на первый разъ я не могъ побѣдить брезгливаго чувства, и обратился къ Магомету съ вопросомъ — не можетъ ли онъ найдти для меня болѣе приличное помѣщеніе. Онъ съ смущеніемъ отвѣчаетъ, что это лучшая кунацкая въ селѣ и что остановиться больше негдѣ, такъ какъ въ домѣ, въ которомъ живетъ самъ хозяинъ, онъ никогда гостей — во избѣжаніе встрѣчи ихъ съ женской половиной дома — не принимаетъ. Дѣлать было нечего. Я приказалъ сносить туда вьюки, а самъ, страшно измученный восьми-часовымъ сидѣніемъ на сѣдлѣ, легъ на травѣ у дверей дома. Ни одной живой души не было видно кругомъ; всѣ были въ полѣ, на работѣ. Магометъ куда-то исчезъ и черезъ нѣсколько минутъ появился въ сопровожденіи высокаго старика, одѣтаго въ старый архалукъ и въ калошахъ на босую ногу. Судя по почтительному виду Магомета, слѣдовавшаго сзади, я догадался, что это его отецъ, хотя старикъ отнюдь не имѣлъ вида крупнаго помѣщика—каковымъ былъ на самомъ дѣлѣ.— «Позвольте отрекомендоваться. Я Баракъ Коновъ, отецъ вотъ его»,— указалъ онъ на сына. Старикъ, служившій съ молоду въ конвоѣ императора Николая, говорилъ довольно чисто порусски. «Пожалуйте въ комнату». И, взявъ за руку, потащилъ меня въ ненавистную кунацкую. Измученный, запыленный и въ поту я жаждалъ только покоя и отдыха, но пришлось удовлетворять любопытство хозяина, который засыпалъ меня вопросами: кто вы такой, откуда и куда ѣдете, что новаго «въ Россіи?» и т. д. безъ конца. Пока мы такимъ образомъ бесѣдовали, и я посылалъ къ чорту горскій этикетъ, не позволяющій оставить гостя въ покоѣ,—комната стала наполняться непрошенными посѣтителями. Это рабочіе возвращались съ поля и по обычаю заходили привѣтствовать и поглазѣть на иностранца. Каждый входилъ, ставилъ косу или грабли въ уголъ, здоровался съ помѣщикомъ и со мною, подавая намъ руку и затѣмъ вступалъ въ общій разговоръ. Съ своимъ бариномъ они разговаривали совершенно свободно, какъ съ равнымъ, хотя не далѣе какъ въ 1867 году были его крѣпостными или по мѣстному выраженію «холопами». Старикъ Баракъ до сихъ поръ не можетъ помириться съ освобожденіемъ своихъ крестьянъ и жалобы на эту тему — его любимый разговоръ. — «Не было въ Россіи царя какъ покойный Николай, — говоритъ Баракъ. — Строгъ былъ, но за то при немъ былъ порядокъ, хорошо было. Императоръ Александръ добрый былъ человѣкъ, да слабый. Насъ, дворянъ, обидѣлъ, холопей отнялъ! Вѣдь онъ этимъ съ насъ послѣднюю рубашку снялъ. Какъ мы можемъ жить безъ холопей! Вѣдь мы не привыкли сами работать!» — «Да вѣдь вы получили денежный выкупъ за холопей —

Водопадъ Сылтырынъ, близь аула Баксана.
Съ фотографіи Ермакова въ Тифлисѣ.

по 300 рублей за душу»,—возражаю я.—«Что выкупъ!—сердито восклицаетъ старикъ.—Давно проѣли выкупъ, а теперь у насъ ни денегъ, ни холопей. Земля есть, тысячу десятинъ превосходной земли! Есть и скотъ. Да дохода съ нихъ мало. Продалъ бы я землю, но больше 25 рублей за десятину не даютъ; да и то теперь только, а когда холопей освобождали, такъ цѣна ей была не болѣе пяти рублей. Хотѣлъ было я бросить все и въ Турцію выселиться да жаль было заслуженнаго пенсіона: вѣдь я за службу въ конвоѣ до сихъ поръ 300 рублей въ годъ получаю. Говорятъ, впрочемъ, что въ Турціи теперь уже нѣтъ холопей. Правда ли это?»—«Правда, Баракъ». Къ нашему разговору внимательно прислушиваются бывшіе «холопи», хотя ни одинъ изъ нихъ ни слова не понимаетъ порусски. Порусски знаютъ только тѣ кабардинцы, которые живали въ городѣ; сельскіе же жители весьма рѣдко. А между тѣмъ, кабардинцы самое цивилизованное изъ горскихъ племенъ, находящееся въ постоянномъ общеніи съ русскими и ранѣе другихъ племенъ нами покоренное. Здѣсь мнѣ постоянно приходилось удивляться слабости нашей культуры, нашего вліянія.

Окружающая насъ публика, изъ уваженія къ хозяину и гостю, стоитъ на ногахъ. Даже сынъ хозяина, Магометъ, не рѣшается ни сѣсть, ни принять участіе въ разговорѣ. Старикъ держитъ своихъ домашнихъ подъ строгой ферулой! «Пойдемъ,—обращается онъ ко мнѣ послѣ того, какъ облегчилъ душу жалобами на несправедливость новыхъ порядковъ.—Покажу тебѣ домъ, который я для себя сталъ строить послѣ того, какъ въ Турцію раздумалъ ѣхать. Тѣсно стало въ старомъ домѣ; вѣдь я съ дѣтьми и внуками живу. Человѣкъ двадцать наберется. Я потому тебя и въ домъ къ себѣ не пригласилъ, что тѣсно». Старикъ съ гордостью показывалъ недостроеный деревяный домъ, около котораго возились русскіе плотники. Домъ не поражалъ ни красотой, ни размѣрами, но строился по русскому образцу и въ сравненіи съ другими постройками аула и старымъ домомъ владѣльца дѣйствительно казался чуть не дворцомъ. Къ намъ обратились плотники съ жалобою на подрядчика, что онъ уѣхалъ куда-то и оставилъ ихъ безъ хлѣба. «А безъ хлѣба какая работа! Здѣсь русскаго хлѣба не достанешь, а чуреками (лепешки, замѣняющія здѣсь хлѣбъ) сытъ не будешь!»—«Не мое это дѣло, братцы,—оправдывался Баракъ.—Вы съ подрядчика требуйте, а не съ меня. Онъ васъ нанималъ, а не я».—«А коли не твое дѣло, то мы и работать не будемъ, и будешь зимовать въ саклѣ»,—грубо отвѣтилъ одинъ изъ плотниковъ. Оставивъ хозяина успокоивать рабочихъ, я ушелъ въ кунацкую, легъ на кровать и сейчасъ же уснулъ. Когда я проснулся, то солнце уже зашло, вѣяло прохладой. Скотъ возвращался съ поля. Пастухи и рабочіе толпились около кунацкой и, поглядѣвъ на пришельца, отправлялись къ своему дѣлу, а ихъ мѣсто занимали новые. На дворѣ стоялъ низень-

кій треногій столикъ съ чайнымъ приборомъ. На камнѣ стоялъ самоваръ, а на разостланномъ коврѣ сидѣлъ, пождавъ подъ себя ноги, Баракъ. Началось чаепитіе, втеченіе котораго Магометъ стоялъ возлѣ и прислуживалъ намъ, и только когда мы кончили, отецъ предложилъ и ему напиться чаю. Вскорѣ послѣ чаю подали ужинъ, состоящій изъ баранины въ разныхъ видахъ. Прежде всего подали баранину вареную, потомъ бараній шашлыкъ, въ заключеніе бараній бульонъ въ деревяныхъ чашкахъ. Каждое блюдо подавалось на отдѣльномъ кругломъ столикѣ и съѣдалось безъ помощи вилокъ и ножей: просто пальцами. Вмѣсто хлѣба подавали чурекъ. Вода замѣнялась айраномъ — напиткомъ, приготовленнымъ изъ кислаго молока, отлично утоляющимъ жажду. Прислуживали за ужиномъ всѣ, кто случился въ комнатѣ—человѣкъ десять—и затѣмъ всѣ же они доканчивали остатки ужина. Послѣ ужина всѣ моютъ руки. Въ заключеніе, хозяинъ пожелалъ мнѣ покойной ночи и оставилъ меня одного.

На слѣдующее утро, часовъ въ восемь, Магометъ вошолъ въ кунацкую. — «Вставай, пора ѣхать. Сегодня дальше ѣхать, чѣмъ вчера». Вслѣдъ за нимъ вошелъ Баракъ въ сопровожденіи мальчика и дѣвочки—своихъ любимыхъ внуковъ. Вчерашней свиты съ нимъ не было; всѣ были на работѣ. Мы напились чаю, простились съ Баракомъ и въ 9 часовъ пустились въ дальнѣйшій путь.

Утро было чудесное. Прохладно, свѣтло. Дорога шла узкой долиной, покрытой посѣвами проса, гороха, кукурузы. Надъ нами по склонамъ тянулись роскошныя пастбища. Вездѣ кипѣла работа. Мужчины въ холщевыхъ бешметахъ и круглыхъ войлочныхъ шляпахъ косили, женщины въ шароварахъ и пестрыхъ костюмахъ жали и весело, нимало не конфузясь, посматривали на насъ. Холмы постепенно переходили въ горы. Проѣхавъ около часу по зеленой долинѣ, мы начали подниматься на высокую, такую же зеленую, гору, и когда достигли вершины, то передъ нами открылась широкая долина Баксана—рѣки, вытекающей изъ ледниковъ Эльборуса, верстахъ въ ста отсюда. Этой долиной намъ предстояло ѣхать до самаго Эльборуса.

Долина въ этомъ мѣстѣ широка, а Баксанъ имѣетъ видъ довольно большой рѣки съ мутной водой и быстрымъ теченіемъ. На берегу раскинулся богатый аулъ Атажукинъ (названный такъ, какъ и всѣ почти кабардинскіе аулы, по имени владѣльца). Горы противоположнаго берега довольно высоки, но отлоги и покрыты лиственнымъ лѣсомъ. Въ Атажукиной мы подъѣхали къ одной саклѣ и попросили напиться. Вышелъ хозяинъ и пригласилъ въ саклю. Кунацкая, въ которую мы вошли, была просторная, опрятная комната, но, по горскому обычаю, не отличалась обиліемъ мебели. По стѣнамъ тянулись низенькія, широкія лавочки, покрытыя войлоками, надъ ними полки съ постелью и разною домашнею рух-

лядью; въ углу низенькій столикъ. Вотъ и вся обстановка. Кроватей горцы не употребляютъ и постель застилаютъ гдѣ придется: на диванѣ, на полу, а лѣтомъ на дворѣ. Гостепріимный хозяинъ не отпустилъ насъ, пока не напоилъ чаемъ. Къ сожалѣнію, и онъ не зналъ ни слова порусски, и я могъ только обмѣняться съ нимъ рукопожатіемъ. При выѣздѣ я имѣлъ удовольствіе видѣть нѣсколько молоденькихъ татарокъ—должно быть, дочерей хозяина, которыя какъ мыши выглядывали изъ всѣхъ щелокъ.

Долина чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась живописнѣе. Горы постепенно становились каменистѣе и выше. Лиственные лѣса замѣнялись хвойными. Долина съуживалась, а Баксанъ, стѣсненный въ своемъ теченіи и переполненный до краевъ недавними дождями, мчался съ страшной быстротой и шумомъ. Огромныя сосны неслись по теченію, а отъ скалъ, загромождающихъ его русло, подымались кверху цѣлые водяные столбы и облака водяной пыли. Мосты, сложенные кое-какъ изъ неотесанныхъ сосновыхъ бревенъ, дрожатъ и ходенемъ ходятъ подъ ногами коня, и меня при переѣздѣ черезъ нихъ всякій разъ морозъ подиралъ по кожѣ. Но опасности нѣтъ никакой: умный конь никогда не поставитъ ногу на бревно, прежде чѣмъ убѣдится, что оно выдержитъ его тяжесть, никогда не попадетъ въ щель, не поскользнется. Чудные кони! Мѣстность пустынная. Изрѣдка попадались одинокія сакли или пастушьи шалаши (поздѣшнему—«кошъ»), но много было признаковъ, что долина когда-то была густо заселена: среди каменистыхъ полей виднѣлись слѣды оросительныхъ канавокъ; попадались старыя заброшенныя кладбища съ каменными, ульеобразными мавзолеями или часовнями—памятники мертвыхъ въ омертвѣлой сторонѣ. Дорога, разработанная въ каменистомъ грунтѣ, вьется долиною Баксана, переходя съ одного его берега на другой. Здѣсь когда-то ходили арбы, но дорогу забросили, и теперь можно ѣздить по ней только верхомъ. Въ одномъ мѣстѣ мы нагнали цѣлый кортежъ всадниковъ въ полицейскихъ мундирахъ и буркахъ: это была погоня, наряженная за ворами, которые въ эту ночь бѣжали изъ Атажукина, взломавъ помѣщеніе, въ которомъ ихъ заперли.—«Зададутъ они намъ хлопотъ,—жаловался мнѣ начальникъ патруля, съ которымъ я вступилъ въ бесѣду.—Поймать—мы ихъ не поймаемъ, а они сдѣлались абреками (т. е. бѣглыми). До сихъ поръ только лошадей уводили, а теперь разбойничать начнутъ. Все равно, вернуться въ аулъ имъ нельзя, а терять уже нечего».—«А часты у васъ преступленія?»—«Какъ не часты! Такія дѣла какъ кражи и угонъ скота здѣсь и преступленіями не считаются: это у нихъ—такъ, шалость, молодечество. Надъ парнемъ, который ни одной кражи не сдѣлалъ, даже дѣвушки смѣются. Да вотъ—убійствъ много; а о ранахъ и говорить нечего: рѣдкая ссора обходится безъ того, чтобы не пустить въ дѣло кинжалъ. Но за этимъ

они не гонятся: поранятъ другъ друга, да потомъ и помирятся. Трудно намъ, русскимъ, служить здѣсь: языка ихняго мы не знаемъ. Мудреный языкъ! Я вотъ здѣсь десять лѣтъ служу и не понимаю поихнему. Дочка у меня есть десятилѣтняя, такъ та по-кабардински, какъ порусски говоритъ».

Долина все уже, горы самыхъ разнообразныхъ формъ и цвѣтовъ все отвѣснѣе и выше. Лѣсовъ уже нѣтъ, но каждый выступъ скалы, каждый карнизъ увѣнчанъ рядами сосенъ, елей и шиповника. Чрезвычайно красивый видъ имѣетъ эта зелень на фонѣ темныхъ скалъ, перерѣзанныхъ мѣстами чистымъ какъ хрусталь ручьемъ. Мы уже ѣдемъ часовъ восемь. Солнце скрылось за горами и подулъ сырой прохладный вѣтеръ. Я чувствую сильную усталость: цѣлый день, проведенный на сѣдлѣ, быстрая смѣна впечатлѣній, неустанный ревъ Баксана—измучили меня и нравственно, и физически. Магометъ ѣдетъ, конечно, какъ ни въ чомъ не бывало и увѣряетъ, что недалеко уже аулъ Озрокіой, или Озроково, въ которомъ мы должны провести ночь. Но только въ 8 часовъ вечера, послѣ десятичасовой ѣзды пріѣхали мы въ этотъ аулъ, расположенный въ узкомъ ущеліи и окруженный высокими обнаженными скалами. Аулъ на видъ грязный и бѣдный; всѣ улицы, всѣ дворы завалены кучами гніющаго навоза. Кунацкая, которую мнѣ отвели для ночлега, изображала изъ себя настоящій хлѣвъ: полутемная, крошечная комната съ землянымъ, неровнымъ, какъ проселочная дорога, поломъ и безъ всякой мебели. Пріѣздъ мой привлекъ, конечно, многочисленную публику, которая окружила насъ на улицѣ и вслѣдъ за нами ввалилась въ кунацкую. Но я ни на кого и ни на что не обращалъ вниманія: бросился на постель, постланную на полу, и заснулъ какъ убитый. Не всталъ даже къ чаю, хотя Магометъ убѣждалъ меня, что нужно жить «попохоцки» (т. е. попоходному) и безъ чаю не ложиться.

На утро я проснулся какъ встрепанный. Отъ вчерашней усталости не оставалось и слѣда, и въ 8 часовъ утра я, бодрый и веселый, пустился въ дальнѣйшій путь. Окружающія горы становились все величественнѣе. Къ сожалѣнію, погода начала портиться: по вершинамъ заползли туманы и, спускаясь все ниже и ниже, скрыли все изъ глазъ. Туманъ на минуту исчезалъ, но потомъ заволакивалъ еще гуще, непроницаемѣе. Заморосилъ дождикъ. Прикрывшись бурками и надѣвъ башлыки, мы молча ѣдемъ по размытой дорогѣ; то поднимаемся въ гору, то спускаемся внизъ, то переѣзжаемъ скользкіе, безъ перилъ и пляшущіе подъ ногами, мостики. Останавливаемся у стоящихъ близь дороги саклей и угощаемся кефиромъ или айраномъ. На вопросъ — не уплатить ли хозяину за напитокъ — Магометъ всегда отвѣчаетъ: «Не нужно. У насъ за угощенье не платятъ»? Отъѣхавъ верстъ 20 отъ Озрокова, мы встрѣчаемъ трехъ всадниковъ. «Саламъ аликумъ!»

(поклонъ вамъ)—произноситъ Магометъ обычный привѣтъ. «Аликумъ саламъ!» (и вамъ тоже) — отвѣчаютъ всадники. Одному изъ нихъ—молодому человѣку съ чорной бородкой и добрымъ, симпатичнымъ лицомъ, Магометъ подаетъ руку и вступаетъ съ нимъ въ разговоръ. «Что это за люди?»—спрашиваю Магомета.—«Вы ѣдете въ Урусбіево, такъ позвольте пригласить васъ къ себѣ,—заговорилъ молодой человѣкъ порусски. Я — Басланъ Урусбіевъ, племянникъ владѣльца, но такъ какъ его теперь нѣтъ дома, то вы будете моими гостями». И, повернувъ коней, всѣ три всадника поѣхали за нами. Я поблагодарилъ за приглашеніе, но просилъ хозяина не стѣсняться моимъ пріѣздомъ и продолжать свой путь (оказалось потомъ, что они ѣхали въ Озроково по довольно важному дѣлу). Но любезный Басланъ не хотѣлъ ничего слушать. У ближайшей сакли, принадлежащей его арендатору, онъ остановился и просилъ насъ зайдти отдохнуть и позавтракать. Какъ всѣ сакли въ долинѣ Баксана, и эта была бревенчатая, неоштукатуренная, съ земляной крышей. Оконныя отверстія безъ рамы и очагъ на полу. На очагѣ этомъ сейчасъ же запылалъ огонь, и черезъ полчаса мы лакомились превосходнымъ бараньимъ шашлыкомъ, какой только и умѣютъ готовить горцы. Позавтракавъ, мы продолжали путь. Дождь не унимался, дорога становилась все хуже и хуже. Въ одномъ мѣстѣ она была совершенно уничтожена разливомъ Баксана, и мы должны были спѣшиться и идти въ бродъ по колѣна въ водѣ. Но, благодаря этому дождю, я былъ свидѣтелемъ рѣдкаго явленіе—двухъ горныхъ обваловъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ. Огромная скала сорвалась съ вершины на противоположномъ отъ насъ берегу и съ страшнымъ грохотомъ покатилась внизъ; громадные, въ сотни пудовъ, камни дико прыгали внизъ, какъ легкіе мячики. Все это сопровождалось гуломъ, на подобіе артиллерійской канонады, и облаками пыли, хотя почва снаружи и была смочена дождемъ. Черезъ минуту земля дрогнула отъ другаго обвала, обрушившагося въ Баксанъ и поднявшаго вверхъ огромный водяной столбъ. Подобные обвалы бываютъ обыкновенно послѣ продолжительныхъ дождей и губятъ иногда людей, но чаще скотъ, пасущійся по склонамъ горы. Втеченіе трехчасовой ѣзды съ Бесаномъ, кортежъ нашъ постепенно увеличивался, потому что каждый встрѣчный горецъ поворачивалъ коня и присоединялся къ намъ, такъ что къ аулу мы подъѣхали уже въ сопровожденіи цѣлаго десятка горцевъ. Таковы правила горскаго этикета: чѣмъ болѣе рады гостю, тѣмъ болѣе народу должно провожать его и затѣмъ окружать по прибытіи на мѣсто.

Часовъ въ 6 вечера, мы пріѣхали наконецъ въ Урусбіевъ, или Баксанскій аулъ, расположенный въ ущельѣ на лѣвомъ берегу Баксана. Аулъ довольно великъ и выстроенъ амфитеатромъ по склону горы. Черезъ него проносится небольшая, но быстрая, какъ

водопадъ, рѣчка. Сакли всѣ бревенчатыя, съ крошечными оконцами и дверьми и земляными, поросшими травой, крышами. Улицъ нѣтъ, а только узенькіе переулки, по которымъ можно ѣздить не иначе какъ верхомъ. Дворовъ и огородовъ тоже нѣтъ. Деревца — ни единаго. На улицахъ вѣчно толпится праздный народъ въ черкескахъ, буркахъ и попонахъ, съ неизмѣнными кинжалами за поясомъ. Туриста невольно поражаетъ полное отсутствіе женщинъ. Изрѣдка только промелькнетъ по задворкамъ цвѣтной бешметъ или выглянетъ изъ-за угла хорошенькая смуглая головка съ распущенными косами. Русскаго духа, русскаго языка нѣтъ и въ поминѣ. Только Измаилъ Урусбіевъ, да племянникъ его Бесланъ, и говорятъ по-русски. Усадьба владѣльца только размѣрами и обширнымъ дворомъ отличается отъ окружающихъ саклей. Но кунацкая, въ которую ввели насъ, выстроена уже по образцу русскихъ домовъ и ничѣмъ почти отъ нихъ не отличается. Стѣны комнаты оклеены обоями, обстановка—приличная; дощатый полъ, стекляныя окна. Къ обѣду подаются тарелки и приборы, хотя хозяева легко обходятся и безъ нихъ.

Урусбіевъ аулъ, заброшенный въ глухое ущелье, вдали отъ городовъ и проѣзжихъ дорогъ, живетъ совершенно патріархальной жизнью и представляетъ любопытнѣйшій матеріалъ для всякаго интересующагося первобытной жизнью народовъ. Вѣковое владычество русскихъ и русская культура прошли почти безслѣдно для дикихъ сыновъ горъ. Скорбѣть ли объ этомъ или завидовать имъ? Аулъ населенъ горскими кабардинцами магометанами, отличающимися нѣсколько языкомъ и нравами отъ кабардинцевъ, живущихъ «на плоскости». Въ немъ насчитывается 294 двора съ 2,200 душъ, и онъ составляетъ отдѣльное общество. Аулъ основанъ дѣдомъ нынѣшняго владѣльца, и всѣ татары (такъ называетъ обыкновенно горцевъ-магометанъ), селившіеся возлѣ него, получали въ надѣлъ землю и за то становились къ владѣльцу въ зависимыя, вассальныя отношенія. Отношенія эти, хотя установившіяся совершенно добровольно, съ согласія сторонъ, были уничтожены въ 1867 году при отмѣнѣ на Кавказѣ крѣпостной зависимости, причемъ поселянамъ было отведено въ надѣлъ всего 200 десятинъ пахатной земли и сѣнокосовъ, состоящихъ въ настоящее время въ семейной собственности. Кромѣ того, въ пользованіи поселянъ находится около 10,000 десятинъ хвойнаго лѣса, расположеннаго на правомъ берегу Баксана. Лѣсъ этотъ считался собственностью Измаила Урусбіева, но графъ Лорисъ-Меликовъ, въ бытность его начальникомъ Терской области, возбудилъ дѣло о принадлежности этого лѣса казнѣ. Дѣло это ведется въ судебномъ порядкѣ уже лѣтъ 10 и до сихъ поръ не кончено. «Тѣснилъ насъ, помѣщиковъ Лорисъ-Меликовъ, — разсказывалъ мнѣ Измаилъ Урусбіевъ,—и только о простомъ народѣ заботился.—«Вы,—говоритъ Меликовъ,—помѣщики, захватили всю

землю; а земля по шаріату всѣмъ принадлежитъ, должна составлять общую собственность». А я ему говорю: «Ваше превосходительство, согласенъ съ вами и готовъ подчиниться шаріату, но съ тѣмъ, чтобы вы рѣшали по шаріату всѣ дѣла а не только это. Шаріатъ такъ шаріатъ: мы очень рады будемъ». «Мы, помѣщики, не долюбливали его,—признавался Измаилъ,—но, всетаки, я скажу, что мы ни до него, ни послѣ него, не имѣли такого умнаго и честнаго начальника».

Въ настоящее время Измаилъ Урусбіевъ владѣетъ 80,000 десятинъ земли, но изъ нихъ удобной для эксплоатаціи не болѣе 6,000. Подъ посѣвами находится всего 300 десятинъ, остальныя составляютъ пастбища и лѣса. Пахатная земля отдается поселянамъ изъ половины урожая. Цѣнность десятины доходитъ до 1,000 рублей, но земли такъ мало, что и по этой цѣнѣ ее трудно купить. Хлѣбопашество требуетъ тяжолаго труда, потому что безъ ирригаціи и ежегоднаго удобренія не растетъ здѣсь ничего. Нерѣдко поле, расчищенное съ громаднымъ трудомъ, послѣ горнаго ливня все сплошь заносится камнемъ, и требуется новый трудъ для его расчистки. Но извѣстная вещь, чѣмъ больше труда требуетъ поле, тѣмъ сильнѣе привязывается къ нему хлѣбопашецъ. Страдающимъ отъ малоземелья урусбіевцамъ правительство предлагало выселиться за сорокъ верстъ къ сѣверу, въ аулъ Хассаутъ, гдѣ имъ предполагалось отвести по 100 десятинъ на семью. Но никто не соглашается покинуть родныя горы.

Скудость окружающей природы не мѣшаетъ урусбіевцамъ пользоваться значительнымъ благосостояніемъ. Этимъ они обязаны, впрочемъ, не земледѣлію, а скотоводству; количество скота въ аулѣ доходитъ до 5,000 штукъ крупнаго и до 50,000 мелкаго. У самаго бѣднаго горца не бываетъ менѣе пары коровъ и лошадей и 300 барановъ. Скотъ его кормитъ, одѣваетъ и въ обмѣнъ на его же произведенія онъ получаетъ отъ заѣзжихъ торговцевъ то немногое, что не можетъ приготовить себѣ самъ. Суровая простота нравовъ, трезвость, отвращеніе къ семейнымъ раздѣламъ, даютъ здѣсь въ результатѣ то, что составляетъ только далекую мечту нашихъ народолюбцевъ. Въ огромномъ аулѣ нѣтъ ни одного кабака, ни одной капли спиртнаго напитка; нѣтъ ни богатыхъ бездѣльниковъ, ни нищихъ пролетаріевъ; никто не уходитъ съ аула на заработки. Каждый урусбіевецъ держится со своимъ помѣщикомъ, какъ съ равнымъ, да послѣдній, по образу жизни, ничѣмъ почти отъ него не отличается. Измаилъ развѣ только принимаетъ больше гостей да даетъ своимъ дѣтямъ лучшее воспитаніе. Семейныхъ раздѣловъ, какъ я сказалъ, горцы не любятъ, и у нихъ не диво семьи въ семьдесятъ человѣкъ, состоящихъ изъ нѣскольнихъ поколѣній, но живущихъ и трудящихся вмѣстѣ. Полигамія не въ обычаѣ, хотя и допускается религіей. Положеніе женщины далеко не такое раб-

ское, какъ въ другихъ мусульманскихъ обществахъ. Калымъ, выплачиваемый женихомъ родителямъ невѣсты и колеблющійся между 200—1,500 рублей, составляетъ собственность жены и ея обезпеченіе на случай развода съ мужемъ. Но если разводъ послѣдовалъ по ея винѣ или желанію, то калымъ возвращается мужу. Въ заключеніе нужно сказать, что «оглоблевая наука» (по выраженію г. Успенскаго), такъ хорошо знакомая простой русской женщинѣ, здѣсь вовсе не въ обычаѣ.

Итакъ, повторимъ нашъ вопросъ: выигралъ или проигралъ урусбіевецъ, что онъ до сихъ поръ не пріобщился къ россійской культурѣ?

Но пятна есть и на солнцѣ. Неурядицы и преступленія не чужды человѣку, на какой бы ступени развитія онъ ни находился. Есть они и въ Урусбіевой, но горцы и въ этихъ случаяхъ находятъ возможнымъ обходиться безъ вмѣшательства русскихъ властей. Они руководствуются своимъ обычнымъ правомъ, или адатомъ, по которому всякое преступленіе можетъ быть погашено примиреніемъ, и только если оно не состоится, виновный предается въ руки властей. Всякое примиреніе предполагаетъ выплату потерпѣвшей сторонѣ извѣстной денежной пени; въ дѣлахъ о кражахъ она равняется двойной цѣнѣ похищеннаго. Даже умышленное убійство не подлежитъ преслѣдованію, если родственники убитаго помирятся съ убійцей. Но въ этихъ случахъ размѣръ пени доходитъ до 1,500 рублей. Если убійца не въ состояніи выплатить такой суммы или потерпѣвшая сторона не желаетъ мириться, то виновный предается въ руки правосудія. Послѣдній случай этого рода имѣлъ мѣсто въ 1884 году. Дѣло, какъ мнѣ передавали, было такъ. Женихъ съ поѣзжанами изъ сосѣдняго аула пріѣхалъ въ Урусбіевъ за своей невѣстой. Обычай требуетъ, чтобы невѣста отдавалась родственниками и односельцами не иначе какъ съ бою, хотя бой, конечно, производится только для формы, изъ приличія. Но тутъ одинъ парень погорячился и на ударъ нагайки, нанесенный ему поѣзжаниномъ, отвѣтилъ кинжаломъ и распоролъ нападающему животъ. Послѣдній черезъ два дня умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. Примиренія сторонъ не послѣдовало. Убійца судился въ окружномъ судѣ и приговоренъ былъ къ тюремному заключенію на одинъ годъ.

Примиренія по дѣламъ объ убійствѣ русскій законъ, конечно, не допускаетъ; но, кажется, власти смотрятъ сквозь пальцы на узурпацію горскихъ обычаевъ и не вмѣшиваются въ такія дѣла, по которымъ не подано жалобы. Бываютъ, однако, случаи, когда такое вмѣшательство является необходимымъ, какъ это было, напримѣръ, въ августѣ 1883 года, когда былъ убитъ въ Урусбіевой старшина этого аула Магометъ Урусбіевъ (братъ Измаила). Магометъ вообще не пользовался популярностью въ аулѣ—односельцы подозрѣвали

его въ кровосмѣшеніи, и назначеніе его старшиною было встрѣчено съ неудовольствіемъ. «Какъ можетъ быть у насъ старшиною человѣкъ, котораго мы и въ мечеть не пускаемъ»,—роптали горцы. Посылали въ Нальчикъ депутацію съ ходатайствомъ о назначеніи другаго старшины, но безуспѣшно. Новый старшина очень скоро вооружилъ противъ себя живущихъ въ аулѣ сванетовъ, которыхъ онъ преслѣдовалъ за конокрадство. Дѣло кончилось тѣмъ, что однажды ночью, когда Магометъ ужиналъ въ саклѣ, въ кругу своей семьи, пуля, пущенная черезъ открытое окно, уложила его на мѣстѣ. Убійцами оказались два сванета, которые были схвачены и сознались, но при этомъ оговорили Измаила Урусбіева, будто бы подстрекавшаго ихъ къ совершенію этого преступленія. Не смотря на голословность этого оговора, Измаилъ былъ привлечонъ къ отвѣтственности и нѣкоторое время содержался даже подъ арестомъ. Дѣло это пока еще не кончено.

Но я отвлекся отъ задачъ туриста. Поэтому, отсылая интересующихся бытомъ и юридическими отношеніями горцевъ къ прекрасной, обстоятельной статьѣ профессоровъ Иванюкова и Ковалевскаго: «У подошвы Эльборуса» напечатанной въ 1 и 2 кн. «Вѣстника Европы» 1886 года,—перехожу къ впечатлѣніямъ своей поѣздки.

Слѣдующій по прибытіи въ Урусбіевъ день я посвятилъ экскурсіямъ по окрестностямъ этого аула, которыя весьма живописны. Прямо противъ аула, къ югу, въ глубинѣ ущелья виднѣется прелестная снѣговая гора Адель-Су, съ которой водопадомъ скатывается серебристая рѣчка и, пробѣжавъ по сосновому лѣсу, впадаетъ въ Баксанъ. Горы праваго берега покрыты вѣковымъ сосновымъ лѣсомъ, а изъ-за него выглядываютъ снѣжные пики главнаго Кавказскаго хребта. Долина Баксана къ западу замыкается массивомъ засыпаннаго снѣгомъ Донгузоруна, ближайшаго сосѣда Эльборуса. Донгузорунъ отсюда верстахъ въ 20-ти, но кажется не далѣе двухъ верстъ. Эльборусъ лежитъ нѣсколько ближе и къ сѣверу отъ него, но, прикрытый высокими скалами лѣваго берега Баксана, онъ совершенно не видѣнъ. Горы праваго, т. е. сѣвернаго, берега Баксана безлѣсны и снѣговыхъ вершинъ не имѣютъ. Надъ ауломъ, на высотѣ около 8,000 футовъ, находится небольшое озеро, дающее начало протекающей черезъ аулъ быстрой рѣчкѣ. Не вдалекѣ отъ аула она образуетъ высокій, чрезвычайно красивый водопадъ. Аулъ Урусбіевъ расположенъ на высотѣ около 5,000 надъ уровнемъ моря и, благодаря этому, онъ никогда не знаетъ лѣтнихъ жаровъ, а обиліе воды и лѣса насыщаетъ воздухъ влагою и ароматомъ. Несомнѣнно, что окрестности Эльборуса, помимо необычайныхъ красотъ природы, представляютъ превосходную климатолѣчебную мѣстность, и будь онѣ гдѣ нибудь въ Швейцаріи, ихъ посѣщали бы ежегодно тысячи больныхъ и туристовъ.

Эльборусъ и ледникъ Терсъ-колъ.
Съ фотографіи Ермакова въ Тифлисѣ.

Къ вечеру того же дня возвратился изъ отлучки владѣлецъ аула Измаилъ Урусбіевъ, и я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ этой оригинальной личностью. Человѣкъ далеко уже не молодой, но крѣпкій и здоровый, онъ исполненъ юношеской подвижности и силы. Отличный охотникъ, стрѣлокъ, наѣздникъ, танцоръ, пѣвецъ, музыкантъ—онъ является идеаломъ горца. «Не хуже Измаила, знаетъ какъ Измаилъ»—это лучшая похвала въ устахъ урусбіевца. Человѣкъ, не получившій никакого образованія, не знающій даже русской грамоты, онъ говоритъ чистымъ литературнымъ языкомъ, чрезвычайно интересуется всѣми научными вопросами и близко знакомъ со всѣми корифеями нашей литературы. Отрывки многихъ произведеній онъ знаетъ наизустъ. Геологію, археологію и исторію сѣвернаго Кавказа онъ знаетъ весьма основательно и обладаетъ замѣчательной археологической коллекціей, которую составилъ самъ. Свои научныя познанія онъ пріобрѣлъ вслѣдствіе разговоровъ и общенія съ мѣстными учеными и путешественниками, а съ русской литературой познакомили его сыновья—молодые люди, получившіе высшее образованіе, которые читаютъ ему вслухъ. Голова Измаила всегда занята гипотезами о заселеніи и геологическомъ образованіи сѣвернаго Кавказа, и когда онъ съ жаромъ и увлеченіемъ начнетъ развивать свои любимыя и подчасъ весьма остроумныя теоріи, мнѣ невольно думалось: какой, можетъ быть, блестящій ученый вышелъ бы при другихъ условіяхъ изъ этого кабардинца...

Вотъ этотъ-то Измаилъ Урусбіевъ,. въ качествѣ любезнаго и гостепріимнаго хозяина, взялъ на себя хлопоты по устройству экспедиціи моей на Эльборусъ, такъ какъ мнѣ, при незнаніи мѣстнаго языка, это было бы затруднительно. По его разсчету, мнѣ нужно было не менѣе двухъ проводниковъ до вершины горы и, кромѣ того, двухъ носильщиковъ, которые доставили бы теплое платье, топливо и пищу до мѣста послѣдняго, на пути къ вершинѣ, ночлега. За носильщиками, конечно, дѣло не стало, потому что эту обязанность можетъ выполнить всякій горецъ. Но проводниками къ самой вершинѣ могло быть только три человѣка—Сотаевъ и Джяпоевъ, водившіе туда англичанъ, и Малай, побывавшій на вершинѣ Эльборуса въ 1884 году съ венгерцемъ Дечи. Первые два—уже дряхлые старики и отказались наотрѣзъ. Малай—здоровый, солидный горецъ, съ физіономіей, внушающей довѣріе, послѣ долгихъ отговорокъ согласился, но выразился при этомъ, что если бы я не былъ гостемъ Измаила, то онъ бы ни за какія деньги не согласился. Эта неохота подниматься вторично на Эльборусъ стала мнѣ понятна, когда Малай по просьбѣ моей разсказалъ подробности восхожденія своего съ Дечи. Признаюсь, что во время разсказа его меня морозъ подиралъ по кожѣ. Вотъ что онъ разсказалъ мнѣ (конечно, черезъ переводчика, такъ какъ порусски онъ не знаетъ ни

слова). Въ августѣ 1884 года, Дечи, въ сопровожденіи привезеннаго имъ изъ Швейцаріи проводника, предпринялъ восхожденіе на вершину Эльборуса. Малай присоединился къ нимъ по своей охотѣ. Восхожденіе до линіи вѣчнаго снѣга было совершено благополучно, и путники, проведя кое-какъ ночь подъ навѣсомъ скалы, на слѣдующее утро отправились дальше. Къ сожалѣнію, утро было туманное, и вмѣсто того, чтобы начать восхожденіе еще до разсвѣта, они начали его только часовъ въ восемь. Морозъ былъ очень сильный и все крѣпчалъ по мѣрѣ поднятія. Всѣ, въ особенности Дечи, сильно прозябли и измучились, и только къ четыремъ часамъ по полудни, послѣ страшныхъ усилій, достигли вершины. Здѣсь морозъ доходилъ до 20-ти градусовъ (въ то время, когда у подошвы горы было столько же градусовъ тепла), а вѣтеръ былъ такъ силенъ, что валилъ съ ногъ. Пробывъ на вершинѣ не болѣе нѣсколькихъ минутъ, путешественники начали спускаться. Вдругъ повалилъ снѣгъ, завылъ вѣтеръ, и страшная метель закружилась по снѣговымъ полямъ Эльборуса. Путники шли, перевязавшись веревкою, во избѣжаніе паденія кого либо въ трещину или пропасть. Въ одну минуту направленіе пути было ими потеряно, и они пошли на удачу, стараясь только не останавливаться, чтобы не быть занесенными массами сухаго, мелкаго, какъ песокъ, снѣга. Снѣгъ носился въ воздухѣ густыми массами, такъ что Малай не видѣлъ швейцарца, шедшаго въ двухъ шагахъ впереди. Послѣдній поминутно падалъ въ невидимыя, занесенныя снѣгомъ трещины, но, благодаря веревкѣ, его вытаскивали. Вихремъ сухаго снѣга рѣзало лицо такъ, что невозможно было подвигаться противъ вѣтра. Наступилъ вечеръ, потомъ длинная осенняя ночь, а метель не утихала. Съ отчаяніемъ въ душѣ, едва передвигая ноги, они шли всю ночь, сами не зная куда и стараясь только не останавливаться; остановка была бы для нихъ гибелью: ихъ въ нѣсколько минутъ занесло бы сугробами снѣга, и воронъ не нашолъ бы ихъ костей. Къ разсвѣту метель стала утихать, а часамъ къ восьми утра мало-по-малу стала проясняться окрестность. Къ полудню, едва живые отъ холода и утомленія, путники добрались до мѣста своего послѣдняго ночлега. Отдохнувъ немного, они спустились къ подошвѣ, но Дечи такъ ослабъ, что его приходилось вести подъ руки.

Вотъ каково было первое восхожденіе на Эльборусъ проводника моего Малая. Въ разсказѣ его не было прикрасъ: къ чему ему было прикрашивать? Къ тому же онъ не придавалъ этимъ приключеніямъ особаго значенія. Горецъ выростаетъ среди опасностей, въ суровой борьбѣ съ природой, съ твердой вѣрой въ неизбѣжность того, что ему написано на роду. Этимъ закаленнымъ людямъ страхъ, безъ сомнѣнія, наименѣе знакомое чувство.

Итакъ Малай долженъ былъ вести меня къ вершинѣ Эльборуса. Въ помощь къ себѣ онъ пригласилъ родственника своего,

молодаго парня, по имени Махая, хорошаго охотника и ходока, но никогда не бывавшаго на Эльборусѣ. Измаилъ долго толковалъ съ ними относительно платы, но тѣ просили его самому опредѣлить размѣръ ея. Измаилъ назначилъ безобидную плату: Малаю за всю экспедицію — 20 рублей, Махаю — 15 рублей, двумъ насильщикамъ сванетамъ по 2 рубля въ день. До подошвы Эльборуса меня долженъ былъ провожать Магометъ, а до мѣста послѣдняго у снѣговой линіи ночлега — Бесланъ; послѣдній долженъ былъ служить переводчикомъ, такъ какъ никто изъ моихъ провожатыхъ не говорилъ порусски. Измаилъ, никогда не бывавшій на вершинѣ Эльборуса, тоже собирался было со мною; но потомъ почему-то раздумалъ.

Наступила, наконецъ, пятница, 11-го іюля. День прекрасный. Воздухъ прохладенъ, но чистъ и прозраченъ. Окрестныя вершины горятъ серебромъ. Три лошади: для меня, Беслана и Магомета, давно уже дожидаются у крыльца, а проводники и носильщики уѣхали впередъ. Мы плотно позавтракали и напутствуемые пожеланіями Измаила садимся на лошадей и трогаемся въ путь. Предстояло проѣхать около 30-ти верстъ берегомъ Баксана до самой подошвы Эльборуса, переночевать тамъ и на слѣдующій день начать пѣшее восхожденіе. Путь нашъ шелъ сначала лѣвымъ берегомъ мимо крошечныхъ, какъ огороды, пахотныхъ полей и сѣнокосовъ горцевъ, отлично убранныхъ и орошенныхъ. Трава поражала роскошью и красотой растительности. Но какого страшнаго труда стоитъ здѣсь хлѣбопашество! Поля окружены высокими каменными оградами или просто кучами камня, собранными съ того же поля. Нѣкоторыя уже разработанныя поля были вновь занесены камнями и щебнемъ и надъ ихъ расчисткою возились, какъ муравьи, группы женщинъ. Но вотъ уже остались позади эти картины мирнаго труда и потянулись безплодныя каменныя осыпи съ бродящими по нимъ пестрыми кучками козъ и овецъ. Мы переходимъ на правый берегъ Баксана и вступаемъ въ пустой сосновый лѣсъ. Безмолвно и торжественно стоялъ этотъ вѣковой лѣсъ съ нависшими надъ нимъ, бѣлыми какъ сахаръ, снѣговыми вершинами. Вотъ двуглавая красавица Ужба, едва ли не самая красивая гора въ Европѣ, въ особенности, если смотрѣть на нее съ юга. Вотъ Усенги, Донгузорунъ и много другихъ безъименныхъ вершинъ. Кругомъ и высоко надъ нами шумятъ сосны; еще выше — берцовыя рощи, потомъ голый гранитъ и, наконецъ, бѣлыя, сверкающія вершины съ спускающимися съ нихъ и горящими какъ алмазъ ледниками. Сильный смолистый запахъ слышится въ воздухѣ. Много лѣсныхъ гигантовъ повалено бурей, другіе изуродованы и изломаны горнымъ обваломъ. Мѣстами слышенъ визгъ пилы и стукъ топора и мелькаютъ фигуры дровосѣковъ, обработывающихъ валежникъ. Ѣхать по этому лѣсу было пріятно, но чрезвычайно трудно, такъ какъ

дороги собственно не было, и приходилось поминутно переходить вбродъ быстрые гремучіе ручья и рѣчки, перебираться черезъ огромныя, поваленныя бурей сосны, отводить вѣтви деревьевъ, грозившихъ выцарапать глаза. Только къ вечеру, сильно измученные, мы добрались до мѣста нашего ночлега. Но что это было за мѣсто! Трудно представить себѣ что нибудь живописнѣе и грандіознѣе. Ущелье Баксана замыкалось здѣсь громаднымъ ледникомъ Эльборуса—Азау, который огибалъ подошву и низко спускался въ долину, въ глубь сосноваго лѣса. Налѣво повисъ надъ нимъ короткій, но широкій ледникъ Донгузоруна. А направо тянулось зеленое ущелье, заканчивающееся чрезвычайно крутымъ, похожимъ на ледяной водопадъ Терсколомъ, тоже ледникомъ Эльборуса. Надъ всѣмъ этимъ возвышались два конуса его высочества Эльборуса [1]), позлащенные послѣдними лучами заходящаго солнца. Мы, впрочемъ, недолго наслаждались этой картиной, потому что вскорѣ туманъ наполнилъ ущелье и все скрылъ изъ глазъ.

Наступила холодная ночь, было всего + 2. Мы развели огонь, укрылись бурками и подъ деревяннымъ навѣсомъ, служащимъ для загона скота, отлично проспали до утра. Но чуть только первые лучи солнца заблестѣли на снѣговыхъ вершинахъ, мы уже были на ногахъ. Напились чаю, зажарили шашлыкъ, запили его айраномъ и начали собираться въ дальнѣйшій путь. Намъ предстояло сдѣлать еще нѣсколько верстъ по боковому ущелью до ледника Терсколъ и оттуда уже начать восхожденіе. Путь этотъ мы сдѣлали верхомъ, хотя лучше было сдѣлать его пѣшкомъ: дно ущелья было сплошь завалено камнями, изрыто ручьями и рѣчками, такъ что только кабардинскіе кони могли не переломать здѣсь ногъ. Наконецъ, и это испытаніе кончено. Мы дошли до послѣдняго на Эльборусѣ пастушьяго коша и сошли съ лошадей. Кругомъ насъ хаотически громоздились кучи камней, а надъ нимъ возвышался прелестный Терсколъ со своими ледниковыми скалами самыхъ разнообразныхъ формъ и величинъ. Скалы эти, чистыя и прозрачныя наверху, чѣмъ ниже, тѣмъ были грязнѣе, а въ самомъ низу, изъ темнаго ледянаго грота съ шумомъ вырывалось нѣсколько ручьевъ или рѣчекъ. «Отсюда я вижу потоковъ рожденье»,—вспомнился мнѣ стихъ Пушкина. Чуть ли не всѣ кавказскіе потоки, т. е. рѣки, получаютъ начало такимъ образомъ, вырываясь изъ жерла ледника маленькимъ шумливымъ ручьемъ, постепенно увеличивающимся изъ соединенія съ другими ручьями и, наконецъ, образующимъ многоводную рѣку. Терсколъ спускается книзу крутыми террасами и изборожденъ такими глубокими и частыми трещинами, что перейдти черезъ него, повидимому, невозможно. А между тѣмъ мнѣ разсказывали, что сванеты, эти аборигены ледниковъ, прово-

[1]) Всѣ горцы называютъ Эльборусъ «Мингитау», т. е. князь горъ.

дящіе среди нихъ половину жизни, нѣсколько лѣтъ назадъ спрятали въ этихъ трещинахъ цѣлый табунъ, нѣсколько сотъ головъ, украденныхъ ими лошадей. Правда, что большая часть этихъ лошадей такъ и погибла, потому что извлечь ихъ изъ трещинъ не представлялось возможности. По сторонамъ ледника раскинулся пестрый коверъ альпійскихъ травъ. Это былъ настоящій цвѣтникъ: астры, васильки, незабудки и десятки другихъ видовъ яркихъ, душистыхъ цвѣтовъ цѣлыми колоніями раскинулись среди камней, на почвѣ, увлаженной таяніемъ ледника. Коротко здѣсь лѣто, и бѣдные цвѣточки какъ будто торопились насладиться ефемерной жизнью.

Итакъ, отсюда начиналось уже пѣшее восхожденіе. Магометъ долженъ былъ остаться здѣсь и дожидаться насъ съ лошадьми, а намъ, т. е. мнѣ, Беслану, двумъ проводникамъ и двумъ носильщикамъ, предстояло пройдти морену ледника и затѣмъ начать подъемъ по крутому травянистому, а потомъ каменистому склону и добраться до базальтовыхъ скалъ, которыя видны были отсюда. Среди этихъ скалъ мы проведемъ ночь, а на разсвѣтѣ, по снѣговымъ полямъ, которыя начинаются сейчасъ же за скалами, но отсюда не видны,—двинемся дальше до самой вершины. Завтра же вечеромъ мы должны вернуться къ лошадямъ. Вернусь ли?—промелькнуло въ головѣ. Но страха не чувствовалось; напротивъ, предстоящія опасности возбуждали въ душѣ какое-то бодрое, задорное настроеніе: «Если бы ты далъ мнѣ 1,000 рублей, то и то я бы не пошелъ туда съ тобою»,—говоритъ мнѣ Магометъ. На всякій случай и для успокоенія его я прошу Беслана выдать Магомету 50 рублей, которые я долженъ ему за дорогу, если мнѣ не суждено будетъ вернуться.

Четверо нашихъ людей нагрузились всѣмъ, что нужно для ночлега у снѣговой линіи: дровами, бурками, съѣстными припасами. У каждаго образовалась за плечами порядочная ноша, но они, какъ ни въ чемъ не бывало, бодро пустились въ путь и какъ козы прыгали съ камня на камень. У каждаго болтался за поясомъ кинжалъ, а у Малая, сверхъ того, висѣло за плечами ружье въ косматомъ чехлѣ и длинная подзорная трубка. По временамъ онъ останавливается и наводитъ свою трубу на окружающія голыя скалы въ надеждѣ увидѣть тура. Но ничего не попадалось. Всѣ мои товарищи одѣты въ свои обычныя длиннополыя черкески, не совсѣмъ удобныя при восхожденіи на гору. Но обувь ихъ вполнѣ цѣлесообразна. Она состоитъ изъ штиблетовъ или поршней изъ мягкой кожи съ подошвой, сплетенной изъ мягкаго ремня. Чулокъ или портянка замѣняются мягкой альпійской травою; изъ нея же сдѣлана и стелька. Другими словами, эта обувь надѣвается на босую ногу, но за то нога, обутая такимъ образомъ, пріобрѣтаетъ необыкновенную цѣпкость и устойчивость и не скользитъ даже на глад-

комъ льду. Впрочемъ, для человѣка непривычнаго такая обувь не годится: каждый острый камень больно отзывается на ногѣ и, кромѣ того, послѣдняя вовсе не защищена отъ холода и влаги. Поэтому я предпочелъ свои альпійскіе башмаки на толстыхъ подошвахъ, подбитыхъ острыми шипами. Въ рукахъ у каждаго изъ насъ длинная палка съ желѣзныхъ наконечникомъ.

Мы перебрались черезъ морену, прошли вбродъ рѣчку и начали карабкаться по крутому склону, поросшему пучками крѣпкой волокнистой травы. Приходится работать руками и ногами; палка только мѣшаетъ, такъ какъ руки нужны для того, чтобы цѣпляться за траву. Около часа, останавливаясь только для того, чтобы перевести духъ, штурмовали мы эту крутизну. Но вотъ она кончилась. Дальше уже нѣтъ травы; идетъ терраса, засыпанная большими камнями, а за ней опять крутой склонъ, сплошь заваленный мелкимъ щебнемъ. Этотъ щебень, продуктъ вывѣтриванія горныхъ породъ, занимаетъ все пространство между линіей вѣчнаго снѣга и поясомъ растительности. Ходьба по немъ — истинное мученіе. Нога не находитъ точки опоры и скользитъ внизъ со всею пришедшею въ движеніе массой, и подчасъ такъ быстро, что падаешь и катишься по склону среди прыгающихъ камней и обломковъ пыли. Такое приключеніе поминутно повторялось съ кѣмъ нибудь изъ насъ и сопровождалось громогласнымъ хохотомъ всѣхъ стоящихъ на ногахъ. Вообще, веселое настроеніе не измѣняло моимъ горцамъ ни на минуту. Съ тяжелой ношей за плечами, обливаясь потомъ, они шли бодро и не умолкали ни на минуту; шуткамъ и прибауткамъ конца не было. Я съ Беслановъ, хотя и безъ ноши, подвигались впередъ далеко не съ такой легкостью. Но вотъ кончились и каменныя осыпи; всѣ были измучены, потребовался привалъ. Кругомъ насъ уже бѣлѣются узенькія полоски снѣгу. Оставленные нами кошъ, лошади и слѣдящій за нами взоромъ Магометъ уже глубоко внизу и приняли игрушечные размѣры. Снѣговыя поле и вершина Эльборуса отсюда не видны: я ихъ увижу только завтра; а сегодня дай Богъ добраться вотъ до этой скалы, виднѣющейся надъ нашими головами, подъ которой мы проведемъ ночь. Напрямикъ будетъ не болѣе версты, но въ горахъ каждую версту нужно считать вдесятеро. Отдохнувъ немного, мы продолжаемъ путь, который лежитъ теперь по огромнымъ базальтовымъ глыбамъ, нагроможденнымъ въ страшномъ безпорядкѣ. Перелазить черезъ камни нельзя, а нужно прыгать съ одного на другой, стараясь не потерять равновѣсія и не сдвинуть камня, который очень слабо держится на наклонной плоскости. Стóитъ нарушить равновѣсіе одного камня, и десятки ихъ приходятъ въ движеніе, скользятъ внизъ, все скорѣе и скорѣе и, наконецъ, цѣлый градъ ихъ сыплется внизъ, описывая въ воздухѣ огромныя дуги. Одинъ неосторожный шагъ можетъ вызвать цѣлый обвалъ этихъ базальто-

выхъ глыбъ, которыя какъ будто ждутъ только случая, чтобы скатиться внизъ. Вотъ тутъ-то принесли мнѣ большую пользу мои подкованные башмаки и альпійская палка. Благодаря имъ, я болѣе часу прыгалъ съ камня на камень и ни разу не поскользнулся. Наконецъ, и это испытаніе кончено: облитые потомъ, измученные трехчасовымъ скитаніемъ и прыганьемъ по камнямъ, мы достигаемъ мѣста нашего ночлега. Это—навѣсъ, образуемый скалою, подъ которымъ кое-какъ можетъ помѣститься половина нашей партіи, другая половина пристроилась подъ другимъ такимъ же навѣсомъ. Въ нашемъ помѣщеніи видны слѣды пребыванія человѣка: открытая сторона навѣса защищена каменной кладкой или оградой; валяется старое сѣно, клочки бумаги, бараньи косточки. Это слѣды, оставленные въ позапрошломъ году предшественникомъ моимъ Дечи, который тоже здѣсь проводилъ ночь. Мы уже на порядочной высотѣ, не менѣе 10,000—11,000 футовъ. Окружающія снѣговыя вершины почти на одномъ съ нами уровнѣ. Всего четыре часа, но холодъ ощутителенъ; мы разводимъ огонь и начинаемъ согрѣваться чаемъ. Малай выпилъ стакана два и, взявъ свою длинную палку и ружье, отправился на рекогносцировку: нужно было изслѣдовать путь, который намъ предстояло сдѣлать въ потемкахъ, еще до разсвѣта. Вскорѣ послѣ его ухода вокругъ насъ, по склонамъ горъ, потянулись полоски тумана, которыя быстро разростались и, наконецъ, непроницаемымъ покровомъ застлали все вокрусъ насъ. Мы очутились какъ будто на аэростатѣ, среди бѣлаго какъ молоко туманнаго моря, въ которомъ въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Такъ прошло съ полчаса; на насъ то сыпалась крупа, то падалъ снѣгъ. Вдругъ изъ тумана вынырнула мощная фигура Малая; какимъ образомъ онъ нашелъ дорогу въ пещеру,—я не понимаю. Онъ объяснилъ, что поднимался выше и изслѣдовалъ снѣгъ, который оказался плотнымъ и удобнымъ для восхожденія, но что туманъ помѣшалъ дальнѣйшему изслѣдованію пути. Между тѣмъ сквозь туманъ начало проглядывать солнце, и передъ нами стали развертываться такія картины и такая быстрая смѣна декорацій, какія только возможны въ горахъ. Туманъ то вдругъ свертывался и спускался въ долину, и снѣговыя вершины какъ привидѣнія плавали въ воздухѣ, то прозрачной кисеей заволакивалъ вершины, и онѣ, позлащенныя солнцемъ, казались еще таинственнѣе, еще чуднѣе. То вдругъ занавѣсь опускалась: туманъ закутывалъ все, и, кромѣ себя самихъ, да обледенѣлыхъ стѣнъ пещеры, мы не видѣли ничего. Такой быстрой и чудной смѣны свѣтовыхъ эффектовъ я во всю жизнь не видалъ. Спутники мои увѣряли, что такой туманъ помѣшать восхожденію не можетъ, потому что это туманъ «сухой», наступающій обыкновенно вечеромъ и изчезающій ночью или съ разсвѣтомъ. Предсказаніе ихъ исполнилось: туманъ простоялъ

до ночи и помѣшалъ мнѣ насладиться картиной солнечнаго заката, но потомъ началъ рѣдѣть и къ полуночи совершенно исчезъ.

Скверно мы провели эту ночь, хотя судьба была на столько милостива, что не ниспослала на насъ ни вѣтра, ни снѣга (дождь на такой высотѣ не падаетъ). Мороза не было, но обледенѣлыя скалы обдавали насъ такимъ холодомъ, что, надѣвъ на себя весь запасъ своего теплаго платья, я никакъ не могъ согрѣться. Огонекъ, разведенный въ углу пещеры, нисколько не согрѣвалъ насъ. Къ тому же подъ навѣсомъ было такъ тѣсно, что стоило кому нибудь изъ спавшихъ пошевельнуться, чтобы разбудить остальныхъ. Я провелъ ночь почти безъ сна, постоянно посматривая на часы, и какъ только стрѣлка показала два, я разбудилъ своихъ храпѣвшихъ проводниковъ и приказалъ имъ собираться въ дорогу.

Термометръ стоялъ на нулѣ. Тумана не было и слѣдовъ, вѣтра тоже. Звѣзды ярко горѣли на темносинемъ небѣ. Луна въ послѣдней четверти склонялась къ горизонту и слабо освѣщала окрестность. Нужно было поторопиться сборами, чтобы воспользоваться ея послѣдними лучами. Сборы были, впрочемъ, не долги, такъ какъ я спалъ одѣтымъ; оставалось только влить въ себя нѣсколько стакановъ горячаго чаю, чтобы возвратить окоченѣлымъ членамъ способность къ движенію. Въ три часа ночи мы, т. е. я, Малай и Махай, тронулись въ путь. Остальные не пошли съ нами, предпочитая остаться въ пещерѣ и щелкать зубами отъ холода.

Мы начали подниматься. Предстоялъ небольшой, но чрезвычайно крутой подъемъ, который долженъ былъ насъ вывести на ровныя снѣговыя поля Эльборуса, на его, такъ сказать, крышу. Этотъ подъемъ можно было сдѣлать или по снѣгу, или по обломкамъ лавы. Попробовалъ по снѣгу—невозможно: снѣгъ покрылся ледяной корою, и подвигаться по крутизнѣ нельзя было даже съ съ помощью палки. Пришлось выбрать тяжелый и непріятный путь по камнямъ, но за то, когда я дошелъ до конца, то о холодѣ не было и помину: я былъ весь въ поту.

Тутъ сразу открылась намъ обширная снѣговая равнина, служащая пьедесталомъ двуглавой вершинѣ Эльборуса, возвышавшейся въ центрѣ. Равнина эта имѣетъ въ окружности нѣсколько десятковъ верстъ, а въ поперечникѣ верстъ около десяти [1]). Такимъ образомъ, чтобы дойдти до конуса, намъ нужно было сдѣлать около пяти верстъ по снѣговой равнинѣ съ весьма слабымъ подъемомъ. Луна заходила, звѣзды гасли на востокѣ. Разсвѣтало. Передъ нами лежалъ снѣгъ ровной, однообразной пеленою. Очень мало скалъ выглядывало изъ-подъ нея, и только двуглавый конусъ мощно и

---

[1]) Такихъ громадныхъ снѣговыхъ полей, какъ Эльборусъ, не имѣетъ, кажется, ни одна гора въ Европѣ. Поверхность ихъ равняется 80-ти квадратнымъ верстамъ.

гордо высился на самой серединѣ. Кое-гдѣ на бѣлой поверхности виднѣлись синеватыя пятна и линіи: это—трещины, зіяющія, слишкомъ широкія для того, чтобы ихъ могло занести снѣгомъ. Мѣстами, онѣ перерѣзываютъ насквозь громадную толщу снѣга и льда и имѣютъ видъ бездонныхъ колодцевъ. Снѣгъ былъ плотный, нога не вязла и идти было легко. Впереди шолъ Малай, за нимъ Махай, а потомъ я. Малай шолъ медленно, ощупывая снѣгъ палкой. Но въ одномъ мѣстѣ онъ какъ-то не остерегся и провалился по поясъ въ невидимую трещину. «Арканъ!»—крикнулъ онъ глухимъ голосомъ. Малай подалъ ему конецъ длинной толстой веревки и безъ особеннаго труда вытащилъ его. Мы сейчасъ же перевязались этой веревкой, такъ что она соединяла насъ на сажень одинъ отъ другаго, и въ прежнемъ порядкѣ двинулись дальше. Каждый изъ насъ испытывалъ то нервное возбужденіе, которое обыкновенно является передъ опасностью и вообще въ торжественныя минуты жизни. Кругомъ была мертвая, поистинѣ могильная тишина, и мы не прерывали ее ни однимъ словомъ; только снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами. Всходило солнце. Прежде всего оно ярко зардѣлось на обѣихъ макушкахъ Эльборуса, потомъ отразилось на Ужбѣ, Донгузорунѣ, заиграло чудными переливами по всему снѣговому хребту и, наконецъ, въ половинѣ пятаго, показалось надъ снѣжнымъ горизонтомъ Эльборуса. Мы все шли по направленію къ его вершинѣ. Малай часто останавливался, втыкалъ палку глубоко въ снѣгъ и, нащупавъ пустоту, поворачивалъ назадъ, и мы далеко обходили опасное мѣсто. Такимъ образомъ мы подвигались часа три. Подъемъ становился замѣтнымъ: начиналось восхожденіе на самый конусъ горы. До этой минуты я почти не сомнѣвался въ успѣхѣ и торопился докончить взятую мною на дорогу бутылку съ чаемъ, чтобы оставить ее на вершинѣ горы, въ память нашего восхожденія. Но когда начался подъемъ—не крутой, но по сыпучему, довольно глубокому снѣгу, я вдругъ почувствовалъ слабость въ ногахъ,—особенную характерную слабость, которая появляется обыкновенно на высотѣ около 13,000 футовъ и составляетъ первый симптомъ, первое дѣйствіе разрѣженнаго воздуха. Плохо дѣло, думаю. Но верхушка кажется такъ близко, что я не отчаяваюсь въ успѣхѣ. «Ну, что, близко уже?»—обращаюсь я къ своимъ молчаливымъ спутникамъ. «Близко»,—повторилъ Малай. Мы присаживаемся отдохнуть; спутники мои начинаютъ закусывать, но мнѣ не до ѣды. Я весь поглощонъ вопросомъ—дойдемъ или не дойдемъ. Тихо, тепло (+ 2). Изрѣдка только налетитъ вѣтеръ и обдастъ насъ морозной пылью. Но верхушка Эльборуса какъ будто курится, какъ будто дымится: это вѣтеръ гуляетъ въ вышинѣ и сметаетъ снѣгъ съ обледенѣлой макушки гиганта. Снѣжная равнина ослѣпительно сверкаетъ на солнцѣ, такъ что я съ трудомъ смотрю черезъ вуаль и дымчатыя очки. Подъ вуалью душно, но это единственная за-

Ущелье рѣки Кертыкъ, близъ аула Баксана.
Съ фотографіи Ермакова въ Тифлисѣ.

щита отъ солнечнаго обжога, который весьма легко получить на этой высотѣ, вслѣдствіе сильнаго отраженія солнечныхъ лучей. Даже спутники мои сочли не лишнимъ закрыть платками лица и надѣть предложенныя мною цвѣтныя очки. Послѣ короткаго отдыха мы поднимаемся и идемъ дальше. Но мы не прошли и сотни шаговъ, какъ одышка и увеличивающаяся слабость въ ногахъ заставили меня остановиться. Постояли минуту, и впередъ. Я начинаю считать шаги; насчитываю 70—и падаю на снѣгъ въ полномъ изнеможеніи. Останавливаются и проводники; они тоже поблѣднѣли и дышутъ тяжело, но, всетаки, бодрѣе меня. Опять поднимаюсь, собираю всю энергію и рѣшаюсь сдѣлать безъ отдыха не менѣе ста шаговъ; но не успѣваю сдѣлать и пятидесяти, какъ силы уже истощились. Въ ногахъ—слабость, какъ будто ихъ подрѣзали; дыханіе—тяжолое, сильное сердцебіеніе; чувствуется какая-то сонливость и апатія. Дѣйствіе разрѣжоннаго воздуха усиливается съ каждымъ шагомъ. А обледенѣлая верхушка Эльборуса такъ близко, такъ ярко играетъ на солнцѣ. «Ну, что, Малай, далеко еще?» «Далеко»,—отвѣчаетъ Малай, очевидно, не понявъ вопроса. «Дуракъ!»—не утерпѣлъ я ему въ отвѣтъ; поднимаюсь и иду впередъ, придерживаясь за веревку, которой мы перевязаны. Но я могу уже сдѣлать безъ отдыха только двѣнадцать шаговъ, потомъ только семь. Пройденное безъ отдыха разстояніе становится все короче, а отдыхи все длиннѣе. Я рѣшилъ идти на сколько хватитъ силъ, но протащившись такимъ образомъ съ полчаса, я вижу, что мы почти не подвинулись. Близко вершина, но вѣдь тутъ каждый шагъ стоитъ страшныхъ усилій. Послѣ каждаго шага нужно переводить духъ, послѣ 4—5 шаговъ нужно ложиться. Теперь всего девять часовъ утра, но этакъ и до вечера не добраться до вершины. Малай что-то говоритъ мнѣ покабардински, но видя, что я не понимаю, разражается русской фразой—единственною, которую я отъ него слышалъ: «Худа камень!»—и протягиваетъ руку по направленію къ вершинѣ. Что онъ хотѣлъ этимъ сказать—Господь его знаетъ, но я рѣшаюсь—и командую своимъ молодцамъ: «Гайда домой!» Они повинуются съ видимой охотой: видно, и этимъ желѣзнымъ людямъ нелегко дается восхожденіе. Но, прежде чѣмъ начать спускъ, мы садимся на снѣгъ и принимаемся созерцать окружающіе насъ виды. Боже, какая необъятная картина развертывалась передъ нами! Верстъ на четыреста кругомъ все было видно какъ на ладони. Громадныя снѣговыя горы, на которыя я смотрѣлъ вчера, задравъ голову кверху, лежали теперь у моихъ ногъ. Видѣнъ былъ весь снѣговой хребетъ до самаго почти Казбека, а къ западу—до самаго моря. Въ бинокль видѣнъ былъ даже идущій по морю пароходъ. Отсюда до Казбека, т. е. верстъ на 400, снѣговыя вершины соединяются въ непрерывную цѣпь, такъ что все это разстояніе можно было бы пройдти почти не сходя съ вѣчнаго снѣга. Но далѣе за

Казбекомъ, а также къ западу отъ Эльборуса, снѣговаго хребта не было, а виднѣлись только отдѣльныя снѣговыя вершины. Къ югу отъ меня, за главнымъ хребтомъ, лежали полутропическая Абхазія и Батумская область. Но онѣ не были видны, закрытыя низко лежащими облаками. Но за то къ сѣверу воздухъ былъ совершенно чистъ, и озаренныя солнцемъ степи съ разбросанными горками и плавающими надъ ними облаками видны были на громадное разстояніе.

Такія картины возвышаютъ душу. Такія впечатлѣнія не забываются никогда. Нужды нѣтъ, что я былъ не на вершинѣ горы, а на какіе нибудь тысячу футовъ ниже ея. Въ 9¼ мы пускаемся въ обратный путь. На сколько труденъ былъ подъемъ, на столько же легокъ оказался спускъ, не смотря на то, что подтаявшій снѣгъ не выдерживаетъ нашей тяжести и проваливается подъ ногами. Быстро и безостановочно спускаемся мы внизъ, и постепенно исчезаютъ послѣдствія разрѣженнаго воздуха: дыханіе становится ровнѣе, сердцебіеніе правильнѣе. Термометръ показываетъ всего + 3, но вслѣдствіе болѣе рѣдкаго воздуха и отраженія солнечныхъ лучей отъ снѣговой поверхности чувствуется сильная жара; подъ вуалью своей я почти задыхаюсь. Одно только живое существо попалось намъ въ этой пустынѣ: небольшая жолтая бабочка весело порхала надъ снѣгомъ. Вотъ уже виднѣется мѣсто нашего ночлега, вотъ и крутой снѣговой склонъ, на который утромъ я никакъ не могъ подняться; теперь онъ обратился въ самый легкій спускъ: по примѣру своихъ проводниковъ я сажусь верхомъ на палку и на этихъ импровизированныхъ салазкахъ быстро скатываюсь внизъ. Ровно въ полдень подходимъ къ нашей пещерѣ. Бесланъ съ сванетами радостно встрѣчаютъ насъ и забрасываютъ вопросами. Но я уже не въ силахъ отвѣчать: безсонная ночь, девятичасовой тяжолый путь въ конецъ измучили меня. Я бросаюсь на разостланную бурку и моментально погружаюсь въ сонъ.

Часа черезъ два я просыпаюсь, и мы начинаемъ спускаться въ долину. Нечего и говорить, что и здѣсь спускъ оказался много легче восхожденія, такъ что мы сдѣлали его въ два часа. Переночевали мы въ пастушьемъ загонѣ, а на слѣдующее утро по прежней дорогѣ отправились домой, въ Урусбіево.

Ѣхали мы медленно: мнѣ жаль было разставаться съ живописнымъ подножіемъ Эльборуса. Въ лѣсу мы часто останавливались, сходили съ лошадей и угощались земляникой, которую собирали для насъ проводники. Въ одномъ мѣстѣ нагналъ насъ какой-то кабардинецъ и пригласилъ на обѣдъ въ ближайшій поселокъ, къ аталыку Беслана, т. е. воспитателю его дочери. Нужно замѣтить, что у кабардинскихъ дворянъ сохранился обычай сейчасъ же по рожденіи ребенка отдавать его на воспитаніе въ чужую семью, гдѣ онъ ростетъ до восьми лѣтъ и только по истеченіи этого срока

вой, еще болѣе восхитительной стороны. Проводникъ совѣтовалъ мнѣ свернуть здѣсь въ сторону, чтобы осмотрѣть великолѣпный ледникъ, извѣстный подъ именемъ Меліандро-Ко. Вблизи его находится углекислый источникъ, славящійся своими цѣлебными свойствами, и здѣсь же можно видѣть надпись, высѣченную на скалѣ: «11-го іюля 1829 года, здѣсь стоялъ лагеремъ генералъ Эммануэль». Съ этого лагеря начали восхожденіе на Эльборусъ наши академики: Мейеръ, Купферъ и Ленцъ. Но время было дорого, и я не могъ тратить его на осмотръ этихъ достопримѣчательностей. Мы безостановочно продолжали путь. Передъ нами по всѣмъ направленіямъ тянулись нагорныя пастбища, перерѣзанныя глубокими ущельями. Къ сѣверу горизонтъ замыкался высокой скалистой террасой, похожей на какое-то укрѣпленіе. Это Бермамутская терраса, куда часто пріѣзжаютъ «курсовые» [1]), чтобы встрѣчать съ нея восходъ солнца на Эльборусѣ. Отъ насъ до Бермамута верстъ 20. Разсказавъ намъ дорогу, татаринъ уѣхалъ восвояси, а мы поскакали дальше. Дорога состояла изъ непрерывныхъ подъемовъ и спусковъ. Тропинокъ нѣтъ, и мы ѣдемъ какъ попало, стараясь только не уклоняться отъ прямаго направленія. Мѣстность совершенно пустынная: кромѣ орловъ, не видно ничего живаго. Одинъ только разъ попался намъ навстрѣчу свадебный поѣздъ. «Молодая», наглухо закутанная покрываломъ, съ закрытымъ лицомъ, ѣхала верхомъ въ аулъ жениха, въ сопровожденіи многочисленной свиты. Раздавались звуки горской музыки: кобуза (двухструнная скрипка) и сыбысхе (дудка). Проѣхалъ кортежъ—и опять безлюдно и тихо. Я то и дѣло оглядываюсь назадъ, на Эльборусъ: по мѣрѣ отдаленія онъ открывается все больше и больше и, наконецъ, является во всю величину съ своими необъятными снѣговыми полями. Нѣсколько разъ, оглядываясь назадъ, я чуть не падалъ съ сѣдла и, всетаки, продолжалъ поминутно оглядываться на него. Онъ теперь весь озаренъ солнцемъ и кажется золотымъ шатромъ въ чистомъ утреннемъ воздухѣ. Выступила изъ-за него и снѣговая цѣпь и на сотни верстъ протянулась отъ запада къ востоку; но ея сверкающія вершины едва доходятъ до половины Эльборуса. Солнце подходитъ къ зениту и сильно печетъ, а Бермамутъ приближается къ намъ очень медленно. Отдохнули немного, закусили и опять погнали лошадей. За нѣсколько верстъ до Бермамута мы выѣхали на арбную дорогу, по которой везли теперь лѣсъ. Закраснѣлись красныя рубахи возчиковъ: земляки! Десять дней не видалъ я русскаго лица и теперь искренно обрадовался имъ. Разговорились. Оказались переселенцы изъ Смоленской губерніи. Переселилось цѣлое село въ Кубанскую область, да земля на новыхъ мѣстахъ оказалась нехороша, и послѣ

[1]) Курсовыми называются здѣсь всѣ пріѣзжающіе на воды для пользованія лѣчебными курсами.

дичи: туровъ, сернъ, медвѣдей, кабановъ. Послѣднихъ они въ пищу не употребляютъ, но бьютъ ихъ за то, что они вредятъ посѣвамъ. Между тѣмъ подоспѣлъ обѣдъ, состоящій изъ тура въ разныхъ видахъ: жаренаго, варенаго и бульона. Мясо его превосходное, такъ что я всѣ три блюда ѣлъ съ удовольствіемъ.

Послѣ обѣда мы распрощались съ гостепріимнымъ хозяиномъ и отправились въ дальнѣйшій путь. Въ Урусбіевой встрѣтилъ насъ самъ Измаилъ, и согласно съ горскимъ этикетомъ, помогъ мнѣ и Магомету сойдти съ сѣдла, придерживая наши стремена. Сейчасъ же онъ засыпалъ меня и проводниковъ вопросами о нашемъ восхожденіи. Выслушавъ нашъ отчетъ, онъ обратился ко мнѣ: «Хотя вы и не были на вершинѣ Эльборуса, но, всетаки, можно васъ поздравить, потому что вы поднялись выше всѣхъ русскихъ; только англичане и Дечи были выше васъ. Вамъ оставалось до вершины не болѣе часу ходьбы. Но это тяжелый часъ!» — «Но почему вы сами ни разу не сдѣлали попытки подняться на Эльборусъ?—обратился я къ Измаилу. — Вѣдь при вашей неутомимости и привычкѣ къ горному воздуху, вамъ это не составило бы большаго труда». — «Напрасно вы думаете это,—возразилъ Измаилъ:—восхожденіе это для меня трудно и опаснѣе чѣмъ вы думаете. А я и безъ того уже втеченіе моей жизни много разъ рисковалъ ею».

Слѣдующій день я посвятилъ отдыху и разговорамъ съ Измаиломъ и пріѣхавшимъ наканунѣ изъ Москвы его сыномъ — Сафаромъ, очень симпатичнымъ молодымъ человѣкомъ, кончившимъ въ этомъ году курсъ въ Петровско-Разумовской академіи. Сафаръ совершенно чисто говоритъ порусски и усвоилъ себѣ всѣ русскіе привычки, хотя не забылъ и горскихъ: ходитъ въ національномъ костюмѣ и съ оружіемъ, не ѣстъ свинины, въ глухую ночь ѣздитъ верхомъ по головоломнымъ тропинкамъ. Онъ думаетъ заняться сыроваренiемъ, которое изучилъ спеціально, и говоритъ, что на Кавказѣ это можетъ быть весьма выгодно, потому что скотъ и молоко весьма дешевы. Молока можно имѣть сколько угодно по 20 копѣекъ ведро. Братъ Измаила, получившій образованіе за границей и принявшій недавно православіе, устроилъ здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ сыроваренный заводъ, который производилъ сыры, не уступающіе швейцарскимъ. Дѣла пошли было хорошо, но чума погубила весь скотъ, и заводъ долженъ былъ закрыться. Измаилъ мало интересовался сыровареніемъ. Но онъ съ увлеченіемъ развивалъ свои любимыя теоріи по археологіи и этнографіи Кавказа, разсказывалъ народныя сказанія и легенды, вспоминалъ про гостившихъ у него въ разное время ученыхъ путешественниковъ. Англичане, Дечи, профессора: Мушкетовъ, Абихъ, Ковалевскій, Иванюковъ — всѣ они перебывали у Измаила, всѣ пользовались его гостепріимствомъ, опытностью и знаніемъ Кавказа. Въ свою очередь, немало попользовался отъ нихъ и Измаилъ для удовлетворенія своей лю-

бознательности. «Ни я гостямъ, ни гости мнѣ не давали покоя,— смѣется Измаилъ.—Либо я имъ, либо они мнѣ что нибудь должны разсказывать. Въ особенности у Абиха я многому научился по геологіи. Умный былъ нѣмецъ». Ничего такъ не желаетъ Измаилъ, какъ снаряженія на Кавказъ ученой экспедиціи, которая занялась бы всестороннимъ его изслѣдованіемъ. «Наѣзжаютъ къ намъ ученые люди,—жалуется онъ,—да урывками, на короткое время, между дѣломъ. Отъ такихъ прогулокъ наука не много выиграетъ». Съ удовольствіемъ вспоминаетъ Измаилъ про посѣщеніе его англичанами, дивится ихъ гомерическому аппетиту. Втеченіе нѣсколькихъ дней пребыванія у Измаила, англичане истребили громадное количество съѣстныхъ припасовъ и при прощаніи хотѣли расплатиться. Измаилъ, конечно, отказался отъ платы. Англичане ушли и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ прислали ему изъ Лондона великолѣпный штуцеръ центральнаго боя.

На слѣдующій день я собрался въ обратный путь, который лежалъ прямо на сѣверъ, въ Кисловодскъ. Нужно было проѣхать около сорока верстъ по головоломнымъ тропинкамъ, никогда не видавшимъ арбы, и перевалить черезъ три параллельныхъ хребта высотою въ 9,000—11,000 футовъ каждый. Затѣмъ, отъ Бермамута до Кисловодска, тоже около сорока верстъ, дорога шла степью, по колесной дорогѣ. Путь этотъ я разсчитывалъ сдѣлать (и сдѣлалъ) въ три дня, хотя привычные горцы дѣлаютъ его обыкновенно въ два дня и даже въ одни сутки. Измаилъ предупреждалъ меня, что дорога эта трудная,—куда труднѣе, чѣмъ долиною Баксана. На всемъ протяженіи этого пути нѣтъ ни одного аула, ни одной сакли; ночевать приходится въ пастушьемъ кошѣ или подъ открытомъ небомъ. Но послѣ Эльборуса никакое путешествіе не покажется труднымъ; и я спокойно собирался въ дорогу.

Сборы кончены. Осѣдланныя и заново подкованныя лошади стоятъ у крыльца. Мы дружески простились съ Измаиломъ. «Пріѣзжайте на будущій годъ,—напутствовалъ онъ меня;—возьмите съ собою ружье и фотографическій аппаратъ: будемъ охотиться, снимать виды. Привозите съ собою своихъ друзей, знакомыхъ. Мы всегда рады гостямъ, въ особенности такимъ, которые любятъ Кавказъ». Простившись съ мужскою половиною его семейства и десяткомъ горцевъ-кунаковъ, т. е. пріятелей, мы выѣхали изъ аула. Съ нами былъ татаринъ, взятый въ качествѣ проводника на первый день пути, такъ какъ Магометъ не зналъ дороги.

Сейчасъ же за ауломъ начался подъемъ на крутой Кертыкскій перевалъ. Мы ѣдемъ по краю глубокой разсѣлины, въ глубинѣ которой мчится и бурлитъ маленькая рѣчка Кертыкъ. Кругомъ нависли мрачныя, поросшія соснами, скалы. Тропинка нисколько не разработана и такъ крута, что при подъемѣ нужно прижиматься къ сѣдлу, чтобы не свалиться навзничь. Лошадь тяжело дышетъ

и, вытягиваясь во всю длину, съ величайшими усиліями цѣпляется за острые камни. Трудно было лошади, но когда подъемъ кончился и начался еще болѣе крутой спускъ, среди острыхъ скалъ и камней, то плохо пришлось всаднику, и я невольно сдѣлалъ движеніе, чтобы сойдти съ коня. Татаринъ мой замѣтилъ это. «Не бойся, не бойся, баринъ,—заговорилъ онъ,—мы тутъ зимою овса возимъ. Смотри на моя»,—и, подобравъ поводья, онъ ударилъ лошадь плетью и началъ спускаться. За нимъ Магометъ, а наконецъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе и стараясь не смотрѣть внизъ, тронулся и я. Страшно было смотрѣть, какъ лошади, едва держась на крутой скалѣ и осторожно переставляя ноги, спускались внизъ головой. Подчасъ дорожка обрывалась уступомъ, и лошадь должна была сбрасывать разомъ обѣ ноги впередъ. Каждый шагъ лошади былъ конвульсивенъ; при каждомъ шагѣ она въ безпокойствѣ высматривала, куда ей поставить ногу. Всего минутъ десять продолжался спускъ, но надолго онъ мнѣ будетъ памятенъ. Это была настоящая пытка. Что если бы скользнула или споткнулась,—не говорю уже, упала,—лошадь?!—приходило въ голову. Вѣдь костей бы не собралъ! Но въ томъ-то и дѣло, что горскія лошади никогда не спотыкаются. Твердость ихъ шага, умъ и осторожность—поразительны. Довольно сказать, что ни одинъ горецъ не задумается ѣхать по какой угодно дорогѣ въ самую темную ночь и только въ этомъ случаѣ опускаетъ поводья и предоставляетъ лошади полную свободу. Да и мой татаринъ, какъ потомъ оказалось, ѣхалъ на совершенно слѣпой лошади, И ничего. Признаюсь, что послѣ поѣздки на Кавказъ я почувствовалъ любовь и уваженіе къ этому благородному животному.

Спустившись въ глубокое ущелье Кертыка, мы ѣхали нѣкоторое время по отлогому склону, засѣянному узкими полосками гречи и овса. Надъ нами скалы съ темной зеленью сосенъ. Воздухъ живительно свѣжъ; солнце ярко сіяетъ. Но вотъ опять начался подъемъ—на этотъ разъ по травянистому склону; за нимъ опять спускъ, и тогда забываешь о всѣхъ красотахъ природы: все вниманіе сосредоточивается на переднихъ ногахъ лошади. При подъемахъ, опасности нѣтъ никакой; жаль только лошади, видя, какихъ усилій онъ ей стоитъ. Но спуски всегда крайне непріятны, хотя потомъ и на самыхъ трудныхъ тропинкахъ я не испытывалъ уже того чувства смертельной опасности, которое измучило меня на Кертыкскомъ перевалѣ.

Часа три подъемовъ и спусковъ и мы достигаемъ, наконецъ, высшей точки Кертыкскаго перевала (10 тысячъ футовъ). Отсюда открывается такой видъ, который заставляетъ забыть на время всѣ перенесенныя и предстоящія трудности пути. Прямо передъ нами лежала долина Баксана съ лѣсистымъ хребтомъ и выглядывающей изъ-за него снѣговою цѣпью съ сотнями блистающихъ зубьевъ. Справа, въ самомъ близкомъ разстояніи, высилась снѣговая

вой, еще болѣе восхитительной стороны. Проводникъ совѣтовалъ мнѣ свернуть здѣсь въ сторону, чтобы осмотрѣть великолѣпный ледникъ, извѣстный подъ именемъ Меліандро-Ко. Вблизи его находится углекислый источникъ, славящійся своими цѣлебными свойствами, и здѣсь же можно видѣть надпись, высѣченную на скалѣ: «11-го іюля 1829 года, здѣсь стоялъ лагеремъ генералъ Эммануэль». Съ этого лагеря начали восхожденіе на Эльборусъ наши академики: Мейеръ, Купферъ и Ленцъ. Но время было дорого, и я не могъ тратить его на осмотръ этихъ достопримѣчательностей. Мы безостановочно продолжали путь. Передъ нами по всѣмъ направленіямъ тянулись нагорныя пастбища, перерѣзанныя глубокими ущельями. Къ сѣверу горизонтъ замыкался высокой скалистой террасой, похожей на какое-то укрѣпленіе. Это Бермамутская терраса, куда часто пріѣзжаютъ «курсовые» [1]), чтобы встрѣчать съ нея восходъ солнца на Эльборусѣ. Отъ насъ до Бермамута верстъ 20. Разсказавъ намъ дорогу, татаринъ уѣхалъ восвояси, а мы поскакали дальше. Дорога состояла изъ непрерывныхъ подъемовъ и спусковъ. Тропинокъ нѣтъ, и мы ѣдемъ какъ попало, стараясь только не уклоняться отъ прямаго направленія. Мѣстность совершенно пустынная: кромѣ орловъ, не видно ничего живаго. Одинъ только разъ попался намъ навстрѣчу свадебный поѣздъ. «Молодая», наглухо закутанная покрываломъ, съ закрытымъ лицомъ, ѣхала верхомъ въ аулъ жениха, въ сопровожденіи многочисленной свиты. Раздавались звуки горской музыки: кобуза (двухструнная скрипка) и сыбысхе (дудка). Проѣхалъ кортежъ—и опять безлюдно и тихо. Я то и дѣло оглядываюсь назадъ, на Эльборусъ: по мѣрѣ отдаленія онъ открывается все больше и больше и, наконецъ, является во всю величину съ своими необъятными снѣговыми полями. Нѣсколько разъ, оглядываясь назадъ, я чуть не падалъ съ сѣдла и, всетаки, продолжалъ поминутно оглядываться на него. Онъ теперь весь озаренъ солнцемъ и кажется золотымъ шатромъ въ чистомъ утреннемъ воздухѣ. Выступила изъ-за него и снѣговая цѣпь и на сотни верстъ протянулась отъ запада къ востоку; но ея сверкающія вершины едва доходятъ до половины Эльборуса. Солнце подходитъ къ зениту и сильно печетъ, а Бермамутъ приближается къ намъ очень медленно. Отдохнули немного, закусили и опять погнали лошадей. За нѣсколько верстъ до Бермамута мы выѣхали на арбную дорогу, по которой везли теперь лѣсъ. Закраснѣлись красныя рубахи возчиковъ: земляки! Десять дней не видалъ я русскаго лица и теперь искренно обрадовался имъ. Разговорились. Оказались переселенцы изъ Смоленской губерніи. Переселилось цѣлое село въ Кубанскую область, да земля на новыхъ мѣстахъ оказалась нехороша, и послѣ

---

[1]) Курсовыми называются здѣсь всѣ пріѣзжающіе на воды для пользованія лѣчебными курсами.

ъ
о-
зн-
къ!
лод-
съ
аулъ
ъ. Но
мъ не
еніемъ
прямы
оисхож-
лировав-
, я огля-
ающуюся
съ зани-
иневатый,
Снѣговаго
утыя солн-
расы. Без-
міромъ, въ
ощихъ душу
лъ и наслаж-

ень, около по-
водскѣ.

видовичъ.

вой, еще болѣе восхитительной стороны. Проводникъ совѣтовалъ мнѣ свернуть здѣсь въ сторону, чтобы осмотрѣть великолѣпный ледникъ, извѣстный подъ именемъ Меліандро-Ко. Вблизи его находится углекислый источникъ, славящійся своими цѣлебными свойствами, и здѣсь же можно видѣть надпись, высѣченную на скалѣ: «11-го іюля 1829 года, здѣсь стоялъ лагеремъ генералъ Эммануэль». Съ этого лагеря начали восхожденіе на Эльборусъ наши академики: Мейеръ, Купферъ и Ленцъ. Но время было дорого, и я не могъ тратить его на осмотръ этихъ достопримѣчательностей. Мы безостановочно продолжали путь. Передъ нами по всѣмъ направленіямъ тянулись нагорныя пастбища, перерѣзанныя глубокими ущельями. Къ сѣверу горизонтъ замыкался высокой скалистой террасой, похожей на какое-то укрѣпленіе. Это Бермамутская терраса, куда часто пріѣзжаютъ «курсовые» [1]), чтобы встрѣчать съ нея восходъ солнца на Эльборусѣ. Отъ насъ до Бермамута верстъ 20. Разсказавъ намъ дорогу, татаринъ уѣхалъ восвояси, а мы поскакали дальше. Дорога состояла изъ непрерывныхъ подъемовъ и спусковъ. Тропинокъ нѣтъ, и мы ѣдемъ какъ попало, стараясь только не уклоняться отъ прямаго направленія. Мѣстность совершенно пустынная: кромѣ орловъ, не видно ничего живаго. Одинъ только разъ попался намъ навстрѣчу свадебный поѣздъ. «Молодая», наглухо закутанная покрываломъ, съ закрытымъ лицомъ, ѣхала верхомъ въ аулъ жениха, въ сопровожденіи многочисленной свиты. Раздавались звуки горской музыки: кобуза (двухструнная скрипка) и сыбысхе (дудка). Проѣхалъ кортежъ—и опять безлюдно и тихо. Я то и дѣло оглядываюсь назадъ, на Эльборусъ: по мѣрѣ отдаленія онъ открывается все больше и больше и, наконецъ, является во всю величину съ своими необъятными снѣговыми полями. Нѣсколько разъ, оглядываясь назадъ, я чуть не падалъ съ сѣдла и, всетаки, продолжалъ поминутно оглядываться на него. Онъ теперь весь озаренъ солнцемъ и кажется золотымъ шатромъ въ чистомъ утреннемъ воздухѣ. Выступила изъ-за него и снѣговая цѣпь и на сотни верстъ протянулась отъ запада къ востоку; но ея сверкающія вершины едва доходятъ до половины Эльборуса. Солнце подходитъ къ зениту и сильно печетъ, а Бермамутъ приближается къ намъ очень медленно. Отдохнули немного, закусили и опять погнали лошадей. За нѣсколько верстъ до Бермамута мы выѣхали на арбную дорогу, по которой везли теперь лѣсъ. Закраснѣлись красныя рубахи возчиковъ: земляки! Десять дней не видалъ я русскаго лица и теперь искренно обрадовался имъ. Разговорились. Оказались переселенцы изъ Смоленской губерніи. Переселилось цѣлое село въ Кубанскую область, да земля на новыхъ мѣстахъ оказалась нехороша, и послѣ

[1]) Курсовыми называются здѣсь всѣ пріѣзжающіе на воды для пользованія лѣчебными курсами.

нѣсколькихъ неурожаевъ переселенцы бросили хлѣбопашество и занялись извозомъ. Теперь везли лѣсъ изъ долины Баксана.

Мы съ Магометомъ ѣдемъ по сѣверной ухабистой дорогѣ, но послѣ трудностей горнаго пути она намъ кажется превосходной. Мы ѣдемъ уже часовъ десять, я жестоко усталъ, но Бермамутъ намъ не дается. Солнце уже заходило, когда мы подъѣхали наконецъ къ этой террасѣ, похожей на искусственную стѣну, окруженную полуразрушенными башнями. Настоящій средневѣковой замокъ! Бермамутъ—высшая точка окружающихъ горъ (8,000 ф.). У подножья его вьется дорога, а за ней тянется глубокій обрывъ съ пріютившимся на днѣ ауломъ Хассаутъ. Это единственный аулъ на 80-ти-верстномъ пути между Урусбіевомъ и Кисловодскомъ. Но онъ въ сторонѣ отъ дороги, такъ что переночевать въ немъ не придется. Долго мы ѣхали подножьемъ Бермамута, съ удивленіемъ разсматривая странную игру природы. Стѣны мѣстами такъ прямы и гладки, что съ трудомъ вѣрится въ ихъ естественное происхожденіе. Въ одномъ мѣстѣ мы спугнули десятокъ орловъ, пировавшихъ на павшей лошади. Поднявшись на вершину террасы, я оглянулся назадъ и прощальнымъ взоромъ окинулъ разстилающуюся картину. На нее ложились уже вечернія тѣни. Эльборусъ занималъ въ ней центральное мѣсто, но снѣга его приняли синеватый, мертвенный оттѣнокъ, а вершина обвивалась облаками. Снѣговаго хребта совсѣмъ уже не было видно. Потемнѣли, покинутыя солнцемъ, окружающія его сѣроватыя скалы и зеленыя террасы. Безмолвно, но задушевно прощался я съ этимъ чуднымъ міромъ, въ которомъ провелъ десять дней среди чистыхъ, возвышающихъ душу впечатлѣній, не помня прошлаго, не думая о будущемъ и наслаждаясь лишь настоящимъ.

Мы переночевали у пастуховъ и на слѣдующій день, около полудня, были уже въ «кавказскомъ раю»—въ Кисловодскѣ.

С. Давидовичъ.

ИВАНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ КРАМСКОЙ.

Я БЫЛЪ ЗНАКОМЪ съ Крамскимъ съ 1872 года, т. е. впродолженіе 15-ти самыхъ важныхъ и плодотворныхъ лѣтъ его жизни. Въ это время произошли на свѣтъ всѣ высшія и значительнѣйшія художественныя созданія его, картины и портреты, и вмѣстѣ высказаны имъ, въ дружескихъ бесѣдахъ, письмахъ и печатныхъ статьяхъ, всѣ тѣ мнѣнія объ искусствѣ, которыя имѣютъ такое высокое значеніе, что равняются лучшимъ его художественнымъ созданіямъ, а иногда по глубинѣ, по силѣ и правдѣ, превосходятъ ихъ. Когда я познакомился съ Крамскимъ, онъ весь былъ полонъ идеей о товариществѣ передвижныхъ выставокъ, только-что создавшемся усиліями его друзей и его самого. Товарищество было всегда однимъ изъ главныхъ дѣлъ его жизни; его заботы о немъ были безпредѣльны, онъ отдавалъ ему всѣ лучшія свои силы, помыслы, всю энергію свою. То, что въ этомъ отношеніи было до сихъ поръ извѣстно однимъ только его товарищамъ и ближайшимъ друзьямъ, станетъ теперь извѣстно всѣмъ, благодаря многочисленнымъ его письмамъ. Итакъ, въ эти послѣднія 15 лѣтъ я былъ близокъ съ Крамскимъ, много съ нимъ видался, разговаривалъ, переписывался. Часто мы сходились во мнѣніяхъ, но нерѣдко также и расходились (особливо въ послѣднее время), и тогда между нами возникали споры, продолжительные, упорные, иногда ожесточенные, изустно и на бумагѣ. Но мы оба любили и искали ихъ, потому что они развивали и укрѣпляли насъ и служили еще къ большему углубленію въ искусство. Не взирая ни на какія битвы наши, взаимное уваженіе, взаимная потребность другъ въ другѣ никогда не прекращались. Теперь, когда Крамскаго уже бо-

кѣе нѣтъ, я могу сказать, и именно потому, что отлично зналъ его, со всѣми совершенствами и недостатками, что наше отечество лишилось въ немъ одного изъ самыхъ крупныхъ художниковъ и людей, какіе только у насъ рождались. Изъ числа художественныхъ произведеній Крамскаго многія навсегда останутся драгоцѣнными памятниками таланта его, потому что онъ прежде всего искалъ передать въ нихъ жизнь, натуру человѣка, типъ, характеръ; но въ то же время многія письма и печатныя статьи Крамскаго навсегда останутся столько же (если не еще болѣе) драгоцѣнными памятниками глубокой мысли его и понимательной способности. Крамской являлся всегда громовымъ опроверженіемъ стариннаго предразсудка, вѣчно повсюду повторяемаго, что русскій художникъ мало интеллектуаленъ, что онъ въ большинствѣ случаевъ незнакомъ съ сомнѣніями тревожной мысли, отдается только своимъ предрасположеніямъ, не анализируя ихъ, и даже мало интересуется основаніями своего искусства. Нѣкто, подписывавшійся «Дилеттантъ» подъ своими статьями, писалъ даже однажды, въ одной изъ своихъ многочисленныхъ статей вотъ что̀:

«Русскій художникъ въ отношеніи интеллектуальномъ не только составляетъ исключеніе въ русской жизни, но рѣзко отличается даже отъ своихъ собратій Запада. Западный художникъ, при значительной чуткости чувства, въ то же время и мыслящій человѣкъ. Письма Делакруа̀, сочиненія Віоллѐ-ле-Дюка, Фромантена, Каульбаха—лучшее доказательство теоретичности западныхъ художниковъ. Всякое новое явленіе въ области искусства вызываетъ оживленные споры въ средѣ художниковъ, являются предположенія, диспуты, возникаетъ критика, обмѣнъ мыслей... Ничего подобнаго никогда не замѣчалось и не замѣчается (1880) въ семьѣ русскихъ художниковъ. Наши василеостровцы, достигнувъ извѣстнаго техническаго совершенства, живутъ изолированною жизнью въ своихъ мастерскихъ, не стараясь отдавать себѣ отчета, въ какомъ направленіи они работаютъ, къ какимъ идеаламъ стремятся, что̀ собственно вносятъ они въ искусство»...

Я привожу эти мнѣнія, потому что они—не спеціально мнѣнія «Дилеттанта», а мнѣнія большинства людей у насъ. Но они досадны, они возмутительны по своей неправдѣ, по своей поверхностности. У насъ не было ни одного художника, въ самомъ дѣлѣ значительнаго, который не былъ бы въ то же время человѣкомъ высокаго ума и глубокаго интеллекта. Начиная съ Иванова, творца «Явленія Христа народу» и продолжая до настоящаго времени, всѣ наши истинно значительные художники постоянно давали самыя несомнѣнныя доказательства того, что для нихъ имѣетъ значеніе не одна кисть, а и мысль, что ихъ сильно интересуютъ и волнуютъ явленія современной и прежней жизни, что искусство для нихъ—не изящная какая-то каллиграфія, а истинное выраженіе глубоко тревожащаго ихъ чувства и мысли, что созданія ихъ—не результатъ одного только техническаго, благопріобрѣтеннаго въ школѣ умѣнья, а конечный выводъ вдохновенія, долгихъ сознатель-

ныхъ думъ, сомнѣній, взвѣшиванія. Крамской принадлежитъ къ числу такихъ художниковъ. Вся его жизнь служитъ тому доказательствомъ. И именно съ этой точки зрѣнія я попробую нарисовать его личность, его талантъ, его стремленія и созданія.

I.

Свѣдѣнія о первыхъ годахъ жизни Крамскаго мы получаемъ изъ двухъ небольшихъ автобіографій его. Наиболѣе полная изъ нихъ находится теперь въ отдѣлѣ рукописей Императорской Публичной Библіотеки. Она была написана Крамскимъ, въ 1880 году, въ видѣ письма къ Ал. Конст. Шеллеру, тогда редактору «Живописнаго Обозрѣнія», и напечатана въ этомъ журналѣ съ нѣкоторыми прибавками и разными собственными размышленіями автора статьи, «Дилеттанта». Писать свою автобіографію Крамскому очень не хотѣлось. «Признаюсь, мнѣ тяжело было разсказывать біографическія данныя,—говоритъ онъ,—и я охотно бы предпочелъ не дѣлать этого, но такъ какъ изъ меня очевидно вышло нѣчто въ родѣ «особы», такъ какъ люди очень любопытны и не могутъ отстать, пока не узнаютъ чего нибудь (это не къ вамъ относится, а къ читателямъ, честное слово!), то и пусть узнаютъ голую правду...

«Я родился,—говоритъ Иванъ Николаевичъ Крамской,—27 мая 1837 года, въ уѣздномъ городѣ Острогожскѣ Воронежской губерніи, пригородной слободѣ Новой-Сотнѣ, отъ родителей, приписанныхъ къ мѣстному мѣщанству. 12-ти лѣтъ отъ роду, я лишился своего отца, человѣка очень суроваго, сколько помню. Отецъ мой служилъ въ городской думѣ, если не ошибаюсь, журналистомъ; дѣдъ же мой, по разсказамъ, былъ такъ называемый «войсковой житель», и, кажется, былъ тоже какимъ-то писаремъ въ Украйнѣ. Дальше генеалогія моя не подымается. Какъ видите, она столь же древняя, какъ и любая дворянская. Учился я въ началѣ у одного грамотнаго сосѣда, а потомъ въ Острогожскомъ уѣздномъ училищѣ, гдѣ и кончилъ курсъ съ разными отличіями, похвальными листами, съ отмѣтками «5» по всѣмъ предметамъ, первымъ ученикомъ, какъ свидѣтельствуетъ и аттестатъ мой. Мнѣ было тогда всего 12 лѣтъ, и мать моя оставила меня еще на одинъ годъ въ старшемъ классѣ, такъ какъ я былъ слишкомъ малъ; на слѣдующій годъ мнѣ выдали тотъ же аттестатъ, съ тѣми же отмѣтками, только съ перемѣною года. Какъ видите, ученость моя очень обширна. Не имѣя средствъ перевести меня въ воронежскую гимназію, куда мнѣ очень хотѣлось, я остался въ родномъ городѣ, и сталъ упражняться въ каллиграфіи въ той же городской думѣ, гдѣ мѣсто моего отца занималъ тогда старшій братъ (старше меня лѣтъ на 15). Потомъ

служилъ нѣсколько времени у посредника по полюбовному межеванію. Какъ рано появилось у меня влеченіе къ живописи, — не знаю. Помню только, что 7-ми лѣтъ я лѣпилъ изъ глины казаковъ, а потомъ, по выходѣ изъ училища, рисовалъ все, что мнѣ попадалось; но въ училищѣ не отличался по этой части — скучно было»... Изъ другой автобіографіи, принадлежащей семейству Крамскаго, и далеко не полной и неудовлетворительной, такъ какъ она состоитъ всего изъ нѣсколькихъ страничекъ, описывающихъ лишь самые первые годы дѣтства, мы узнаемъ, что первыя впечатлѣнія, оставшіяся въ его памяти, были — огромная труба сосѣдней хаты, казаки, скачущіе верхомъ по улицѣ, затѣмъ фигура матери, вѣчно хлопочущей со стряпней своей около печки и принужденной выслушивать брань отца, вѣчно недовольнаго, вѣчно сердитаго; наконецъ, живописный видъ ихъ слободы, стоящей высоко надъ рѣкой и окруженной рощами. Въ разговорахъ со знакомыми, въ томъ числѣ и со мною, Крамской иногда вспоминалъ эти первыя впечатлѣнія своего дѣтства, разсказывалъ даже, какъ восхищали его въ тѣ годы переливы свѣта на деревьяхъ, на дали. Это были первыя проявленія той любви къ пейзажу, которая его наполняла потомъ впродолженіе всей его жизни и заставляла относиться съ такой страстной симпатіей къ картинамъ двухъ друзей его пейзажистовъ, Шишкина и Куинджи. Что касается живописи, то ему доступны были тогда только образа, не совсѣмъ худые, конца прошлаго столѣтія, которые онъ видѣлъ въ кладбищенской церкви его городка, Острогожска. Музыку онъ полюбилъ также со времени перваго своего дѣтства: его прельщала игра на флейтѣ, которую онъ иногда слышалъ въ саду у сосѣда ихъ, по фамиліи Крупченко. Къ этой эпохѣ жизни Крамскаго относятся слѣдующія подробности, сообщаемыя «Дилеттантомъ» въ его біографіи, конечно, со словъ самого Крамскаго:

«По выходѣ изъ училища, молодой Крамской приставалъ къ роднымъ, главнымъ образомъ къ брату, чтобы его отдали къ живописцу учиться, только не къ одному изъ тѣхъ, которые были въ городѣ. Родные не соглашались, говоря, что живописцы ходятъ безъ сапогъ, и неужели же онъ хочетъ быть похожъ на Петра Агѣевича? (Петръ Агѣевичъ былъ живописецъ въ Острогожскѣ, ходившій на базаръ въ опоркахъ и халатѣ). На этотъ аргументъ мальчикъ возражалъ, что есть такіе живописцы, о благополучіи которыхъ въ Острогожскѣ и не подозрѣваютъ! Онъ уже въ это время слышалъ кое-что о Брюлловѣ (слава котораго, прибавлю я, гремѣла въ концѣ 40-хъ годовъ на всю Россію). Тѣмъ не менѣе, намекъ на Брюллова не производилъ надлежащаго дѣйствія: родные попрежнему продолжали съ пренебреженіемъ относиться къ художественной карьерѣ... Старшій братъ его былъ въ то время учителемъ въ приготовительныхъ классахъ училища; онъ тогда только-что приготовился и выдержалъ экзаменъ въ Воронежѣ; онъ и носилъ изъ училищной библіотеки много книгъ и журналовъ, къ чтенію которыхъ молодой Крамской очень пристрастился, но, тѣмъ не менѣе, не охладѣлъ въ своей любви къ искусству. Долго между нимъ

и родными шли споры на этотъ счетъ; наконецъ, когда ему было около 15-ти лѣтъ, мать отвела его пѣшкомъ въ Воронежъ, и отдала къ лучшему тамъ иконописцу, на 6 лѣтъ въ ученье. Иконописецъ согласился, съ тѣмъ условіемъ, что когда обнаружатся въ мальчикѣ способности къ живописи, то заключить контрактъ. У него мальчикъ пробылъ, однако же, не болѣе 3 мѣсяцевъ, растирая краски, нося ему обѣды на другой конецъ города, въ кладбищенскую церковь, которую онъ тогда расписывалъ. Осенью, будущій художникъ, вмѣстѣ съ подмастерьями, долженъ былъ таскать изъ рѣки бочки для разныхъ соленій и поднимать ихъ на высокую гору. Само собою разумѣется, что молодому Крамскому такое художественное образованіе неособенно нравилось. Онъ, наконецъ, возмутился, и въ письмѣ къ матери просилъ взять его отъ иконописца, такъ какъ его не учатъ. Когда мать явилась, то живописецъ требовалъ, чтобы былъ заключенъ контрактъ; но дѣло кое-какъ уладилось, живописецъ съ ругательствами отпустилъ мальчика. Онъ опять возвратился въ родной городъ».

«Когда мнѣ было 16 лѣтъ,—продолжаетъ Крамской въ своей автобіографіи,—мнѣ представился случай вырваться изъ уѣзднаго города съ однимъ харьковскимъ фотографомъ (фамилія его была: Данилевскій), пріѣхавшимъ въ нашъ городъ, по случаю собравшихся войскъ и происходившихъ тутъ парадовъ, разводовъ, ученій. Съ этимъ фотографомъ я объѣхалъ большую половину Россіи втеченіе 3-хъ лѣтъ, въ качествѣ ретушера и акварелиста. Это была суровая школа: фотографъ былъ еврей. Служилъ я за 2 рубля 50 коп. въ мѣсяцъ. Уѣхалъ изъ Острогожска къ фотографу въ Харьковъ на заработанный рубль. Въ это время (а началъ я и раньше), я очень много читалъ, поглощалъ все, о чемъ только могъ слышать. Двадцати лѣтъ я пріѣхалъ въ Петербургъ, и поступилъ въ академію въ 1857 году».

II.

Въ Петербургѣ началась для Крамскаго новая жизнь — жизнь художника, та жизнь и дѣятельность, которая влекла его къ себѣ съ неудержимой силой, и которой онъ, съ перваго же пробужденія художественнаго инстинкта, рѣшилъ посвятить все свое существованіе. Но скоро онъ увидалъ, что ему предстояло не на розахъ почивать. Съ самой первой минуты пріѣзда въ столицу, Крамскому пришлось убѣдиться, что молодому художнику столько же трудно жить въ Петербургѣ, какъ молодому ремесленнику въ провинціальномъ захолустьѣ. Помощи не было ни откуда, надо было самому что нибудь для себя выдумывать, самому добывать себѣ копѣйки, чтобъ было гдѣ ночевать, чтобъ было что поѣсть. «Никогда и ни отъ кого,—говоритъ въ автобіографіи своей Крамской,—ни отъ отца, ни отъ брата, ни отъ матери, и ни отъ кого изъ благодѣтелей я не получалъ ни копѣйки». И онъ принялся тотчасъ же за ту самую работу, которая въ послѣдніе три года давала ему кое-какія средства существовать и къ которой обыкновенно обра-

щаются у насъ почти всѣ начинающіе художники, пока учатся въ академіи художествъ. Онъ пошелъ опять въ ретушеры. Служилъ онъ по этой должности впродолженіе всего пребыванія своего въ академіи, т. е. съ 1857 по конецъ 1863 года, въ фотографическихъ мастерскихъ у Александровскаго и у Деньера. Конечно, жизнь была не блестящая.

Про время своего пребыванія въ академіи и про свое ученье Крамской разсказалъ много глубоко-важныхъ и интересныхъ подробностей въ блестящихъ статьяхъ своихъ «Судьбы русскаго искусства», напечатанныхъ въ 1877 году въ «Новомъ Времени» (№ 645—647) и по всей справедливости надѣлавшихъ много шума.

«Я вступилъ въ академію въ 1857 году,— говоритъ онъ,— какъ въ нѣкій храмъ, полагая найдти тутъ тѣхъ же вдохновенныхъ учителей и великихъ живописцевъ, о которыхъ я начитался, поучающихъ огненными рѣчами благоговѣйно внемлющихъ имъ юношей. Словомъ, я полагалъ встрѣтить нѣчто похожее на тѣ мастерскія итальянскихъ художниковъ, какія дѣйствительно когда-то существовали. Разсказы товарищей о томъ, что такой-то профессоръ замѣчательный теоретикъ, а вотъ этотъ великій композиторъ, только разжигали мое воображеніе... На первыхъ же порахъ я встрѣтилъ, вмѣсто общенія и лекцій, такъ сказать, объ искусствѣ, однѣ голыя и сухія замѣчанія: что вотъ это длинно или коротко, а вотъ это надо постараться посмотрѣть на антикахъ, Германикѣ, Лаокоонѣ. Видѣть, какъ и что̀ работаетъ замѣчательный теоретикъ, или творитъ великій композиторъ,—мнѣ (да и никому почти) не удавалось никогда. Одно за другимъ стали разлетаться созданія моей собственной фантазіи объ академіи и прокрадываться охлажденіе къ мертвому и педантическому механизму въ преподаваніи; но привязанность къ вечернимъ рисовальнымъ классамъ оставалась во мнѣ очень долго. Въ то время это были чрезвычайно оживленныя собранія молодежи: до 120 человѣкъ и болѣе рисовали постоянно... Въ классѣ живописи наступили для меня настоящія муки: я не могъ понять, что такое живопись и что̀ значатъ «краски»? Самыя колоритныя вещи здѣсь, при натурѣ, казались мнѣ неестественными; замѣчанія же профессоровъ отличались и въ этомъ случаѣ тѣмъ же лаконизмомъ: «плоско, колѣнка дурно нарисована, и чулокъ вмѣсто слѣдка»; на другой день другой съ равнозначущими замѣчаніями, но съ иными варіаціями: «Не худо, не худо! Э... это не такъ, да и это не такъ! Все не такъ»! Оставалось товарищество—единственное, что̀ двигало всю массу впередъ, давало хоть какія нибудь знанія, выработывало хоть какіе нибудь пріемы и помогало справляться со своими задачами»...

Въ 1858 году, т. е. на второй годъ своего пребыванія въ академіи, Крамской былъ глубоко пораженъ привезенной тогда изъ Италіи картиной Иванова «Явленіе Христа народу» и послѣдовавшей затѣмъ тотчасъ же смертью Иванова. Уже прежде его оскорбляло и приводило въ негодованіе отношеніе большинства товарищей, «низменнаго муравейника нашего», да и вообще большинства русской публики и критиковъ къ созданію Иванова, казавшемуся ему, напротивъ, истиннымъ и небывалымъ у насъ великимъ созданіемъ искусства: и товарищи, и публика, и критики видѣли въ картинѣ только ея недостатки и тупо пропускали мимо глазъ всѣ великія

ея достоинства. Но, когда разнеслась вдругъ вѣсть о внезапной кончинѣ Иванова, Крамскаго поразило словно громомъ.

«Я такъ испугался,—пишетъ онъ,—что картина перестала быть для меня предметомъ изумленія и интереса, и даже, хороша она, или дурна, стало для меня безразлично, а главное, человѣкъ, художникъ, его положеніе, его судьба, стали меня занимать больше всего: 25 лѣтъ работать, думать, страдать, добиваться, пріѣхать домой, къ своимъ, привезти имъ, наконецъ, этотъ подарокъ, что̀ такъ долго и съ такой любовью къ родинѣ готовилъ,—и вотъ тебѣ! Мы даже не съумѣли пощадить больнаго человѣка. Мнѣ просто стало страшно. И помню, я даже что-то такое написалъ по поводу смерти Иванова. Къ академіи съ этихъ поръ я сталъ охладѣвать совершенно, и хотя проболтался въ ней еще нѣсколько лѣтъ, но уже немного, такъ сказать, иронизировалъ»... («Новое Время», № 646).

Вотъ какъ рано началъ складываться въ Крамскомъ самостоятельный художникъ, человѣкъ съ независимымъ и своеобразнымъ складомъ мысли. Ему было всего 21 годъ, но онъ уже не покорялся всеобщимъ предразсудкамъ, не глядѣлъ глазами толпы, искалъ правды и шелъ смѣлою мыслью до глубины вещей. Онъ еще не зналъ, конечно, что̀ изъ него самаго впереди будетъ, и какая судьба его ждетъ, но онъ уже инстинктивно симпатизировалъ Иванову, его натурѣ и созданію, потому что и самъ во многомъ былъ похожъ на него всѣмъ складомъ своего существа, темперамента и вкусовъ. Конечно, Ивановъ никогда не былъ портретистомъ, а Крамской, напротивъ, былъ попреимуществу портретистъ, и въ этомъ главное различіе между ними. Другое различіе—объемъ таланта. Ивановъ далеко превосходилъ Крамскаго въ способности къ созданіямъ, и именно къ созданіямъ на сюжеты историческіе. Но въ остальномъ, въ натурѣ этихъ двухъ художниковъ много было общаго. Оба посвящали себя, въ дѣлѣ создаваемыхъ картинъ, всего болѣе сюжетамъ, взятымъ изъ Евангелія. Оба были сильно талантливы, но интеллектуальная, познавательная и сообразительная способность стояла у нихъ гораздо выше собственно художественной. Исканіе правды, истины и типичности было сильнѣе, чѣмъ данная природою способность выражать эту правду, истину и типичность. Отсюда—вѣчное у обоихъ недовольство самимъ собою, мучительное сомнѣніе въ себѣ и въ своемъ призваніи, томленіе и душевная боль впродолженіе всей жизни. Про Иванова мы хорошо это знаемъ изъ его теперь уже напечатанныхъ писемъ; про Крамскаго узнàемъ скоро это же самое изъ его писемъ, оставшихся въ рукахъ у разныхъ его знакомыхъ. Оба были одарены могучею, пытливою мыслью; оба не могли довольствоваться существовавшими въ ихъ время художественными порядками, и страстно искали выхода изъ нихъ, и для себя самихъ, и для товарищей по искусству, и для будущихъ художественныхъ поколѣній. И это была въ ихъ существѣ такая могучая, такая правдивая струна, что звонъ ея не прошелъ безслѣдно. Мысли Иванова и Крамскаго о художествѣ и художникахъ,

и, главное, поставленныя ими, словно путевыя вѣхи, требованія отъ художества и художниковъ—дорогое достояніе наше. Мы можемъ гордиться имъ передъ цѣлымъ свѣтомъ. Мысли эти не прошли безслѣдно даже и теперь, а впереди будутъ имѣть, конечно, еще бо̀льшую будущность. По моему убѣжденію, онѣ будутъ образовывать цѣлыя поколѣнія художниковъ. Замѣчу еще, что взгляды Крамскаго во многомъ даже шире и идутъ дальше взглядовъ Иванова, потому что Крамской не считалъ религіозныхъ сюжетовъ единственно возможными и обязательными для художества. Онъ жилъ уже въ другую эпоху, и современная культура, еще почти неизвѣстная Иванову, взошла уже широкимъ и могучимъ пластомъ въ натуру Крамскаго.

Въ академическихъ классахъ Крамской шелъ отлично. Онъ много работалъ и получалъ исправнымъ порядкомъ всѣ заведенныя медали. На академической выставкѣ 1860 года находилась картина Крамскаго: «Смертельно раненный Ленскій. Первый опытъ собственнаго сочиненія». За эту вещь онъ получилъ 2-ю серебряную медаль. На выставкѣ 1861 года находились его портреты карандашемъ съ молодыхъ художниковъ, его товарищей: Венига, Корзухина, Чистякова, Крейтана, и картина: «Молитва Моисея по переходѣ израильтянъ чрезъ Чермное море»; на выставкѣ 1863 года—«Походъ Олега на Царьградъ» (неконч. программа), и «Моисей источаетъ воду изъ скалы», программа, за которую Крамской получилъ 2-ю золотую медаль. Сверхъ того, къ этому времени относятся еще вотъ какія работы. «Еще будучи ученикомъ академіи, въ 1863 году,—говоритъ онъ въ своей автобіографіи,—сдѣлалъ я до 50 рисунковъ для купола въ храмѣ Спаса въ Москвѣ, своему профессору Маркову, и 8 картоновъ въ натуральную величину; потомъ, уже по выходѣ изъ академіи, черезъ 1½ года, писалъ и самый куполъ».

Но когда дѣло дошло до большой золотой медали, то все вдругъ измѣнилось. Произошло нѣчто такое, что̀ поставило всю жизнь Крамскаго на новый рельсъ и устремило его къ новымъ горизонтамъ. Въ 1863 году, совѣтъ академіи издалъ такія новыя правила для конкурса на 1-ю золотую медаль, которыя были крайне стѣснительны для конкуррентовъ и казались имъ въ высшей степени несправедливыми.

«Собранія наши (14-ти конкуррентовъ) были очень часты, —пишетъ Крамской,—разсужденія шумны и рѣшенія довольно единодушны. Мы положили войдти въ совѣтъ съ прошеніемъ, гдѣ говорилось: «Мы просимъ покорнѣйше совѣтъ дозволить намъ, хотя бы въ видѣ опыта, полную свободу выбора сюжета, такъ какъ, по нашему мнѣнію, только такой путь испытаній, наименѣе ошибочный, и можетъ доказать, кто изъ насъ болѣе талантливый и достойный высшей награды; а также просимъ разъяснить, какъ будетъ съ нами поступлено при заданіи темъ: будутъ ли насъ запирать на 24 часа, для изготовленія эскизовъ, что̀ имѣло смыслъ, когда дается сюжетъ, гдѣ характеры лицъ и ихъ положенія го-

товы, остается изобразить,—или нѣтъ? При задачѣ же темъ, напримѣръ, «гнѣвъ», запираніе становится неудобнымъ, такъ какъ самая тема требуетъ, чтобы человѣку дали возможность одуматься»... Мы слишкомъ насмотрѣлись на конкурсы, при которыхъ бездарность проходитъ гораздо легче и скорѣе; мы слишкомъ хорошо знали, какъ самый талантливый проваливается на этомъ ристалищѣ»...

На эту просьбу не послѣдовало отвѣта, а депутація къ профессорамъ (въ числѣ депутатовъ былъ и Крамской—онъ очень живо-живописно и ярко разсказываетъ тогдашнія похожденія) ни къ чему не привела. Когда же спустя нѣсколько времени, всѣ 14 конкуррентовъ были призваны въ совѣтъ, и имъ предложена была тэма изъ скандинавскихъ сагъ: «Пиръ въ Валгаллѣ», то уполномоченный сказалъ, отъ имени всѣхъ товарищей: «Просимъ позволенія сказать передъ совѣтомъ нѣсколько словъ. Мы подавали два раза прошенія, но совѣтъ не нашелъ возможнымъ исполнить нашу просьбу. Поэтому мы, не считая себя вправѣ болѣе настаивать и не смѣя думать объ измѣненіи академическихъ постановленій, просимъ покорнѣйше совѣтъ освободить насъ отъ участія въ конкурсѣ и выдать намъ дипломы на званіе художниковъ». Послѣ того, всѣ товарищи (кромѣ одного, измѣнившаго имъ въ послѣднюю минуту), одинъ за другимъ подали свои прошенія. «Когда всѣ наши прошенія были уже отданы,—заключаетъ Крамской,—мы вышли изъ правленія, затѣмъ и изъ стѣнъ академіи, и я почувствовалъ себя, наконецъ, на этой страшной свободѣ, къ которой мы всѣ такъ жадно стремились»... Спустя 11 лѣтъ, Крамской, вспоминая это время, писалъ (6-го января 1874 г.) своему пріятелю И. Е. Рѣпину, находившемуся тогда въ Парижѣ: «Помню я мечты юности объ академіи, о художникахъ. Ка̀къ все это было хорошо! Мальчишка и щенокъ, я инстинктомъ чувствовалъ, ка̀къ бы слѣдовало учиться, и какъ слѣдуетъ учить. Но дѣйствительность, грубая, пошлая, форменная, не дала возможности развиваться правильно, и я, увядая, росъ и учился—чему? вы знаете. Дѣлалъ что-то съ просонья, ощупью. И вдругъ толчокъ... проснулся... 63-й годъ, 9-е ноября, когда 14 человѣкъ отказались отъ программы. Единственный хорошій день въ моей жизни, честно и хорошо прожитый! Это единственный день, о которомъ я вспоминаю съ чистою и искреннею радостью»...

III.

Почти тотчасъ послѣ выхода изъ академіи, наши «художественные протестанты», согласно съ тогдашними симпатіями и образомъ мыслей нашего общества, сложились въ артель. Наняли общую квартиру, держали общій столъ, стали работать цѣлою компаніей разомъ, брали заказы всѣ вмѣстѣ, какъ одно лицо, иконостасы, портреты, вообще всякаго рода живопись, и выполняли заказы по

нѣскольку человѣкъ заразъ, дѣля потомъ заработокъ между всѣми членами. Каждый день назначался очередной дежурный, который принималъ публику, заказчиковъ, и въ тотъ день былъ хозяиномъ всѣхъ дѣлъ артели. «Художественная артель возникла сама собою,— писалъ мнѣ Крамской въ 1882 году, въ отвѣтъ на мои распросы.— Обстоятельства такъ сложились, что форма взаимной помощи сама собой навязывалась. Кто первый сказалъ слово? Кому принадлежалъ починъ? Право, не знаю. Въ нашихъ собраніяхъ, послѣ выхода изъ академіи въ 1863 году, забота другъ о другѣ была самою выдающеюся заботою. Это былъ чудесный моментъ въ жизни насъ всѣхъ».

Въ приведенномъ выше письмѣ 1874 года Крамской говоритъ про свое состояніе духа въ это время: «Проснувшись, надо было взяться за искусство! Вѣдь и я люблю его, да какъ еще люблю, если бы вы знали—больше партій, больше своего прихода, больше братій и сестеръ. Чтò дѣлать, всякому свое. И вотъ потянулись долгіе годы, трудные, неурожайные. Все, что я ни сѣялъ, ничего не уродилось. Я ничего не зналъ и ничего не знаю. Чему я учился? Едва уѣздное училище досталось на мою долю, а съ этимъ далеко не уѣдешь»... Но напрасно Крамской такъ безотрадно смотрѣлъ въ 1874 году на свое прошлое. Оно было далеко не такъ печально и безплодно, какъ оно ему въ 70-хъ годахъ представлялось. Есть живые свидѣтели его жизни 60-хъ годовъ, и тѣ свидѣтельствуютъ противъ того, чтò рисовало ему мрачно настроенное, иногда впослѣдствіи, воображеніе. Начиная еще со школьной, академической скамьи, Крамской началъ приносить пользу другимъ въ дѣлѣ искусства. Еще въ 1862 году, онъ поступилъ въ Рисовальную Школу Общества поощренія художниковъ (тогда помѣщавшуюся въ зданіи Биржи) и сталъ преподавать какъ въ мужскихъ, такъ и въ женскихъ классахъ. Его учительство было необыкновенно плодотворно. Въ женскихъ классахъ, старшее отдѣленіе, до него, занималось даже композиціями на заданныя тэмы, какъ жанровыя, такъ и историческія, подъ руководствомъ хорошаго учителя, профессора Бейдемана (бывшаго въ 60-хъ годахъ также учителемъ» и В. В. Верещагина, въ академіи художествъ).

«Нѣкоторыя изъ насъ, — разсказываетъ художница Е. П. Михальцева, тогдашняя ученица Крамскаго,—считали себя уже достаточно подготовленными, выставляли свои опыты на выставку. Но, со вступленіемъ Крамскаго, намъ пришлось горько разочароваться. Онъ принялъ подъ свое руководство натурный классъ въ Школѣ. Первое, на что онъ обратилъ вниманіе, это было полное незнаніе нами рисунка. Подъ его строгимъ, дѣльнымъ и систематическимъ руководствомъ, мы принялись изучать рисунокъ; многія изъ насъ, позабывъ самолюбіе, спустились назадъ въ гипсовый классъ. Онъ прочелъ намъ краткій курсъ анатоміи: это было нововведеніемъ. Онъ трудился съ нами, не жалѣя силъ. Иногда онъ сильно утомлялся, но, всетаки, не отказывалъ въ своихъ совѣтахъ. Пока онъ поправлялъ рисунокъ одной ученицы, всѣ остальныя стояли кругомъ, потому что каждой хотѣлось слышать любопытныя и важныя намъ всѣмъ пояс-

ненія его. Онъ особенно всегда интересовался нашими домашними и лѣтними работами. Въ классѣ онъ заставлялъ насъ отдавать себѣ ясный отчетъ въ каждой проведенной чертѣ, и наглядно объяснялъ формы, самъ ихъ рисуя тутъ же, отдѣльныя части. Иногда заставлялъ насъ рисовать головы въ контурахъ наизусть, чтобъ укрѣплять ихъ въ памяти. Впослѣдствіи мы стали просить позволенія имѣть въ Школѣ отдѣльные часы для рисованія полной человѣческой фигуры (женской) съ натуры. Крамской также очень этому сочувствовалъ. Но разрѣшенія намъ не вышло. Тогда онъ предложилъ намъ устроить этотъ классъ у нихъ въ артели,—но мы не рѣшились. Въ это же время бывали въ нашемъ кружкѣ домашніе рисовальные вечера, у каждой изъ насъ по очереди. Тутъ мы или сами позировали въ разныхъ костюмахъ, или приглашали постороннихъ, взрослыхъ и дѣтей. Къ намъ пріѣзжали на такіе вечера и наши учителя: Бейдеманъ, Кёлеръ, Морозовъ, позже М. П. Клодтъ, Корзухинъ и Крамской. Послѣдніе двое рисовали между нами. Крамской потоварищески, очень оживленно бесѣдовалъ съ нами. Мы подготовляли также небольшіе переводы изъ иностранныхъ статей о живописи, у насъ происходили оживленные споры. Вечера эти возбуждали въ насъ энергію и сильное желаніе заниматься».

Другая ученица Рисовальной Школы, художница Э. К. Гаугеръ, называетъ «истинно счастливымъ» то время, когда Крамской былъ ихъ учителемъ въ Рисовальной Школѣ: такъ онъ былъ внимателенъ къ ихъ работамъ и успѣхамъ, такъ слѣдилъ за всѣмъ, тàкъ много и хорошо объяснялъ каждой ученицѣ, поправляя ея работу. «Когда читались переводы иностранныхъ художественныхъ статей, — прибавляетъ она, — я помню, что Крамской внимательнѣе всѣхъ прислушивался къ тому, что читалось. А когда мы просили Ив. Ник. пріѣхать посмотрѣть наши домашнія работы, то онъ никогда не отказывался, и всегда тàкъ умно и краснорѣчиво разъяснялъ намъ всѣ наши художественныя сомнѣнія! Когда въ артели художниковъ устроились четверговыя собранія, мы тоже стали бывать тамъ. Художники приносили чудные альбомы и рисунки, мы всѣ вмѣстѣ разбирали ихъ, Крамской былъ и тутъ всегда для насъ добрымъ товарищемъ и учителемъ»... Еще одна изъ тогдашнихъ ученицъ Рисовальной Школы, столько извѣстная и симпатичная художница, Е. М. Бёмъ, говоритъ: «Самыя отрадныя воспоминанія останутся у меня навсегда о Крамскомъ, и глубокая благодарность за ту пользу, которую онъ мнѣ принесъ. Если я хотя малость понимаю чтò въ рисункѣ, то обязана этимъ исключительно Крамскому. Послѣ же школы, когда я начала заниматься изданіемъ моихъ композицій, въ формѣ силуэтовъ, онъ всегда относился къ нимъ необыкновенно сочувственно, и всѣ онѣ прошли черезъ его цензуру»...

Но еще бòльшую пользу принесъ Крамской въ мужскомъ отдѣленіи Школы. Довольно сказать, что втеченіе 60-хъ годовъ онъ былъ учителемъ Рѣпина. Рѣпинъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ ноябрѣ 1864 года и тотчасъ поступилъ въ академію. Но, не довольствуясь тамошними классами, онъ по воскресеньямъ ходилъ въ классы Ри-

совальной Школы на Биржѣ и нѣсколько лѣтъ былъ ученикомъ Крамскаго. «Я не могу не уважать глубоко Крамскаго,—пишетъ мнѣ И. Е. Рѣпинъ,—не только какъ человѣка вообще и какъ художника, но и какъ учителя, принесшаго мнѣ громадную пользу и имѣвшаго большое вліяніе на мое развитіе». Впослѣдствіи они были пріятели; обширная переписка ихъ осталась доказательствомъ ихъ взаимнаго уваженія и взаимной ихъ потребности во всѣхъ художественныхъ дѣлахъ и мнѣніяхъ. Въ 1868 году, Крамской былъ учителемъ, въ той же школѣ, другаго талантливаго художника нашего, Н. А. Ярошенки, и сильно повліялъ на его развитіе. «Крамской былъ учитель истинно-необыкновенный, разсказываетъ этотъ послѣдній. Его преподаваніе было не механическое, не шаблонное. Онъ болѣе всего старался вникнуть въ натуру каждаго отдѣльнаго ученика, и вникнуть, чего именно требовала натура каждаго»...

Итакъ, вотъ что было на самомъ дѣлѣ: чудесная, плодотворная дѣятельность. И во всемъ этомъ Крамской шелъ прямо наперекоръ тому, что надъ нимъ самимъ продѣлывалось такъ недавно еще въ художественной школѣ: тамъ бездушный механизмъ — у него, на первомъ мѣстѣ, требованіе думать, разсуждать, ясно понимать, давать себѣ отчетъ; тамъ — дрессировка, у него — воспитаніе художественнаго разсудка, мысли. Какія непроходимыя пропасти между тѣмъ и другимъ міромъ!

Правъ ли послѣ этого Крамской, когда писалъ своему пріятелю Рѣпину въ 1874 году, будто «что онъ ни сѣялъ, ничто не уродилось?» Нѣтъ, такая страстная любовь къ искусству, какая была у Крамскаго, такое пытливое и смѣлое вниканіе въ него, какое существовало у Крамскаго, не могли оставаться втунѣ. Они должны были приносить громадные и великолѣпные результаты. Но самъ онъ лично долженъ былъ больно страдать и мучиться, пока въ немъ происходилъ процессъ возмужанія, пока росла самостоятельная оцѣнка всего существующаго въ искусствѣ. Плоды отъ древа познанія добра и зла всегда горьки.

«Всякій сюжетъ, всякая мысль, всякая картина, — пишетъ онъ Рѣпину 6-го января 1874 года,—разлагалась у меня безъ остатка отъ безпощаднаго анализа. Какъ кислота всерастворяющая, такъ анализъ проснувшагося ума все во мнѣ растворялъ—и растворилъ, кажется, совсѣмъ. Годъ за годомъ я все готовился, все изучалъ, все что-то хотѣлъ начать, что-то жило во мнѣ, къ чему-то я стремился»...

Вотъ какъ въ немногіе годы измѣнился и возмужалъ бѣдный юноша, такъ недавно еще ничего не значащій ремесленникъ захолустья. Какъ быстро онъ превратился въ высоко-развитаго, высоко-образованнаго, чуждаго всякихъ предразсудковъ и убожествъ мысли — современнаго человѣка. Все малороссійское, провинціальное, слетѣло съ него какъ несвойственная ему шелуха, подобно тому, какъ однажды слетѣло съ Гоголя, и изъ полудеревенскаго маль-

чика онъ сдѣлался настоящимъ русскимъ юношей, точно съ самаго рожденія только такимъ и былъ, изъ несчастнаго ретушёра, на откупу у странствующаго еврея-фотографа, онъ превратился въ истиннаго художника, ищущаго понимать все высокое и низкое въ искусствѣ, все хорошее и гадкое въ немъ, все, къ чему надо въ немъ стремиться и чего бѣжать, какъ гнилой чумы и заразы. Онъ превратился въ учителя и воспитателя нашихъ художественныхъ поколѣній. Что за чудное превращеніе! И кому Крамской былъ всѣмъ этимъ обязанъ? Одному себѣ, потому что отъ рожденія одаренъ былъ великолѣпною, свѣтлою натурою, но еще болѣе потому, что самоучки — всегда и во всемъ самые сильные, самые смѣлые люди, и больше всѣхъ остальныхъ починаютъ новые пути.

Въ концѣ 60-хъ годовъ, Крамской много работалъ карандашомъ и кистью. Все это были портреты, такъ какъ къ портретамъ онъ имѣлъ много симпатіи. На академической выставкѣ 1868 года находились его работы портреты: Н. И. Второва и г-жи Шпереръ; на выставкѣ 1869 года, портреты карандашемъ: К. К. Ланца, художниковъ И. И. Шишкина, А. И. Морозова; масляными красками портреты: М. В. Тулинова, жены кіевскаго генералъ-губернатора княгини Е. А. Васильчиковой, министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстаго. Послѣдніе два портрета были такъ замѣчательны по выполненію, что академія художества предложила автору званіе академика, которое онъ и принялъ. На выставкѣ 1870 года находились разныя работы Крамскаго карандашомъ и акварелью, какъ члена художественной артели, а также акварельные портреты въ натуральную величину великихъ князей Сергія и Павла Александровичей и дочери графа Бобринскаго. Въ это время портреты Крамскаго начали уже входить въ славу.

Но пока шло быстрыми шагами впередъ дѣло саморазвитія и художественной дѣятельности Крамскаго, дѣло артели шло совершенно другими шагами. Оно шло заднимъ ходомъ. «Составъ артели былъ случайный, — говоритъ Крамской въ письмѣ ко мнѣ.—Конкурренты, отказавшіеся отъ права поѣздки на казенный счетъ за границу и очутившіеся въ необходимости держаться другъ за друга, не всѣ были люди убѣжденій. Малая стойкость, недостаточная сила нравственная обнаружились у нѣкоторыхъ между ними». Оказались измѣнники, перебѣжчики. Артель просуществовала всего 5—6 лѣтъ. Къ концу 60-хъ годовъ, она находилась уже въ бѣдственномъ положеніи. Заказовъ было мало, между товарищами происходили раздоры, несогласія. Крамской проводилъ много времени въ спорахъ съ товарищами, въ стараніяхъ удержать ихъ въ артели, убѣждалъ ихъ не измѣнять общему товарищескому дѣлу. Но выгода была сильнѣе всякихъ резоновъ: прежніе товарищи уходили одинъ за другимъ туда, куда манила добыча.

Въ это время родилась мысль о новомъ художественномъ сообществѣ, которое должно было замѣнить, на новыхъ основаніяхъ и въ усовершенствованной формѣ, прежнюю артель.

«Зимою 1868—1869 года,—писалъ мнѣ Крамской,—Мясоѣдовъ, возвратившись изъ Италіи, послѣ своего пенсіонерства, бросилъ въ артель мысль объ устройствѣ выставки какимъ либо кружкомъ самихъ художниковъ. Артель съ большимъ сочувствіемъ приняла новую мысль. Это былъ не только настоящій выходъ изъ тогдашняго отчаяннаго положенія артели, но еще громадный шагъ впередъ для коренной могучей идеи. Однако же, предложеніе Мясоѣдова не осуществилось тотчасъ же, оно затянулось. Но, проживая въ 1869 — 1870 годахъ въ Москвѣ, Мясоѣдовъ возобновилъ тамъ свою пропаганду. Художники московской школы, Перовъ, В. Маковскій, Прянишниковъ, Саврасовъ, съ жаромъ приняли мысль его, и въ концѣ 1869 года, предложили петербургской артели соединиться всѣмъ вмѣстѣ и образовать новое общество. Когда на одномъ изъ четверговыхъ собраній артели, гдѣ много бывало и постороннихъ, предложили на обсужденіе эту идею, какихъ комплиментовъ наслушались мы, какія восторженныя рѣчи были произнесены, и, наконецъ, какія подписи были даны тутъ же, и какими личностями!.. Я призывалъ товарищей разстаться съ душной, курной избой, и построить новый домъ, свѣтлый и просторный».

Всѣ росли, всѣмъ становилось уже тѣсно. Около того же времени возвратился изъ Италіи Ге и заговорилъ о «товариществѣ», какъ о дѣлѣ ему уже извѣстномъ. Немедленно началось обсужденіе устава, а черезъ годъ «товарищество», уже утвержденное правительствомъ, начинало свою дѣятельность... Въ новомъ «товариществѣ» Крамской игралъ громадную роль. Оно еще болѣе «артели» осуществляло его старинную мысль о необходимости переустройства художественныхъ отношеній у насъ, его мечту о самостоятельности и независимости художника. И за новое дѣло онъ сталъ горой, въ борьбѣ за него онъ провелъ много лѣтъ своей жизни.

«Я, съ тѣхъ поръ какъ себя помню,—писалъ Крамской Рѣпину въ Парижъ, 25-го декабря 1873 года,—всегда старался найдти тѣхъ, быть можетъ, немногихъ, съ которыми всякое дѣло, намъ общее, будетъ легче и прочнѣе сдѣлано. Часто я оставался одинокимъ, да и теперь не скажу, чтобъ былъ счастливѣе, но внутри продолжаетъ всякій разъ шевелиться надежда на лучшее будущее... Очень возможно пройдти всю жизнь, не примкнувъ ни къ какому движенію, не идя ни съ кѣмъ въ ногу, но только потому, что или не встрѣтишь товарища, или нѣтъ еще достаточно опредѣлившихся цѣлей. Но, когда цѣли видны, когда инстинктъ развился до сознанія, нельзя желать остаться одному: это, какъ религія, требуетъ адептовъ, сотрудниковъ. Это, по моему, законъ... Развѣ люди, цѣпко хватающіеся за общественную задачу, суть не больше, какъ люди, даромъ тратящіе свое время на пустяки? Вы, конечно, чувствуете, что во мнѣ сидитъ сектантъ, фанатикъ, нѣчто нетерпимое, отъ чего надо поскорѣй отдѣлаться? Очень больно мнѣ, если вы правы, а не я—это значитъ прожить до сѣдинъ ошибаясь, это значитъ, что вся моя жизнь не болѣе, какъ ошибка! Но я чувствую, что я неисправимъ, и если все будущее, молодое, сильное и талантливое осудитъ меня, я останусь калѣкой, правда, но упорно продолжая отстаивать свои положенія...

Вѣроятно, правду говорятъ, что у всякаго поколѣнія, какъ при новомъ химическомъ смѣшенія, является новое тѣло, не похожее ни на одно изъ предъидущихъ... Моя спеціальность, мое дѣло настоящее и есть борьба съ партіей, мнѣ противной. Чѣмъ больше я улучшаю себя и совершенствую, тѣмъ бо́льшія наношу пораженія»...

Періодъ 70-хъ годовъ—періодъ самаго полнаго, самаго высокаго развитія Крамскаго и въ интеллектуальномъ, и въ художественномъ отношеніи. О первомъ свидѣтельствовали всѣмъ намъ, знавшимъ его лично, тѣ мысли, которыя мы отъ него слыхали въ личныхъ бесѣдахъ, въ безконечныхъ разговорахъ и спорахъ, а потомъ цѣлая масса писемъ къ товарищамъ и близкимъ людямъ, которая послѣ него осталась у иныхъ его корреспондентовъ (многія письма сожжены или пропали безслѣдно). Когда письма эти будутъ напечатаны, наши художники и интеллигентное меньшинство будутъ изумлены многосторонностью и глубиною мысли Крамскаго. Чего-то онъ въ письмахъ своихъ не касался? И новаго русскаго искусства, и современнаго западнаго, и созданій древнихъ художниковъ, и отдѣльныхъ личностей, характеровъ — все онъ разсматривалъ, оцѣнивалъ и взвѣшивалъ съ необыкновенной глубиной, самостоятельностью и оригинальностью. Быть можетъ, нельзя соглашаться со всѣми его положеніями, особливо, когда, вдругъ измѣняя самому себѣ, онъ ищетъ согласить и плюсъ, и минусъ, и движеніе впередъ, и старыя преданія, но это лишь рѣдкія и немногія исключенія. Главный же потокъ его мысли всегда силенъ, правдивъ, страстенъ, стремителенъ, неудержимо несется «къ новымъ берегамъ» искусства. Крамской всегда и прежде всего мечтаетъ о настоящемъ художествѣ, о настоящемъ художникѣ будущаго, имъ посвящаетъ онъ всѣ свои самые сердечные помыслы.

Но эта самая эпоха 70-хъ годовъ была тоже временемъ и высшаго разцвѣта художественнаго таланта Крамскаго. Разсказывая однажды Рѣпину содержаніе и исторію своей картины: «Христосъ передъ народомъ», онъ писалъ (6-го января 1874 г.):

«Я много потратилъ времени на рисунокъ, я лишался аппетита, когда носъ оказывался не на своемъ мѣстѣ, или глазъ сидитъ недостаточно глубоко: это было сущее несчастіе! Но, наконецъ, я овладѣлъ матеріаломъ и достигъ до извѣстной степени согласія между внутреннимъ огнемъ, который тамъ клокочетъ, и рукою, работающею хладнокровно и спокойно, какъ будто нѣтъ никакой лихорадки... Когда я буду съ красками хозяиномъ, какъ съ соусомъ [1]), когда мнѣ удастся мѣсить ихъ, зачерпнувши во всю мочь и схвативши умомъ, чувствомъ, глазами голову всю заразъ, заставить руку ходить тихо, но рѣшительно, и какъ бы не думая, тогда»...

---

[1]) «Мокрый соусъ»—названіе состава, изъ сажи съ водой, которымъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ Крамской любилъ работать свои портреты: въ этомъ способѣ работы онъ достигъ необыкновеннаго совершенства.

Путешествіе по Европѣ въ 1869 году много способствовало тому развитію, про которое онъ здѣсь говоритъ. Это путешествіе оставило въ немъ неизгладимые слѣды, это выражено во многихъ его письмахъ послѣдующаго времени. Два года спустя, въ 1871 году, онъ ѣздилъ въ Малороссію, и результатомъ этой поѣздки, а, можетъ быть, и побудительной ея причиной, была картина на сюжетъ Гоголевской повѣсти «Майская ночь». Крамской изучилъ въ подлинной малороссійской мѣстности всю обстановку своей сцены русалокъ при лунномъ освѣщеніи, и отъ этого впечатлѣніе вышло чрезвычайно поэтическое. Въ 1872 году, Крамской написалъ своего «Христа въ пустынѣ», превосходную картину, полную сердечности и нѣкотораго элегическаго настроенія: она носила на себѣ слѣды глубокаго изученія Иванова и горячихъ симпатій къ его новому направленію. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ въ томъ же году началъ въ Парижѣ большую свою картину, тоже на евангельскій сюжетъ: «Христосъ, выведенный Пилатомъ передъ народомъ»: ее онъ продолжалъ потомъ, со многими перерывами, втеченіе всѣхъ остальныхъ 15-ти лѣтъ своей жизни, но, всетаки, ее онъ не кончилъ, точно также, какъ Ивановъ не кончилъ своей большой, писанной цѣлыхъ 20 лѣтъ, картины: «Явленіе Христа народу». Картины Крамскаго никто до сихъ поръ не видалъ, даже никто изъ его семейства: такъ упорно онъ ее скрывалъ. Почти никому даже не разсказывалъ ея содержанія. Но въ письмѣ къ Рѣпину онъ разсказывалъ, въ началѣ 1874 года, свой великій, истинно глубокій замыселъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Ночь, передъ разсвѣтомъ. Дворъ, т. е. внутренность двора, потухающіе костры. Римскіе солдаты, всячески наругавшись надъ Христомъ, думаютъ, какъ бы убить еще время, судьи долго что-то совѣщаются, какъ вдругъ... геніальная мысль! Вѣдь онъ называлъ себя царемъ, такъ надо нарядить его шутомъ гороховымъ! Чудесно! Сейчасъ все готово, и господамъ докладываютъ. И вотъ, все высыпало на крыльцо, на дворъ, и все, что̀ есть, покатывается со смѣху. На важныхъ лицахъ благосклонная улыбка, сдержанная, легкая; тихонько хлопаютъ въ ладоши; чѣмъ дальше отъ интеллигенціи, тѣмъ шумнѣе веселость, и на низменныхъ ступеняхъ развитія — гомерическій хохотъ. Христосъ блѣденъ какъ полотно, прямъ и спокоенъ, только кровавая пятерня отъ пощечины горитъ на щекѣ. Не знаю какъ, а я вотъ уже который годъ слышу всюду этотъ хохотъ; куда ни пойду, непремѣнно его услышу. Я долженъ это сдѣлать. Не могу перейдти къ тому, что̀ стоитъ на очереди»...

Въ одномъ письмѣ къ Рѣпину (1874 г.), Крамской говоритъ еще, что пишетъ эту картину «слезами и кровью, и если будетъ не то, что̀ нужно, то уже тутъ значитъ, слезы и кровь будутъ недоброкачественны». И тутъ же онъ прибавлялъ, что въ головѣ у него «картина вся готова и давно готова, появленіе ея—вопросъ времени. Мѣнять, передѣлывать нечего, то есть не буду, да и не умѣю. Она давно передо мною стоитъ готовая»... Какова эта картина, скоро мы всѣ узнаемъ.

Но безъ сравненія многочисленнѣе были портреты, которые начиная съ 1870 года написалъ Крамской. Въ своей автобіографіи, послѣ указанія работъ своихъ въ московскомъ храмѣ Спаса, онъ говоритъ: «Потомъ пошли—портреты, портреты и портреты, и карандашемъ, и красками, и чѣмъ попало. Сколько ихъ и гдѣ они, не помню, потому что я, въ качествѣ русскаго, въ этомъ отношеніи никуда негодный человѣкъ: всегда хотѣлъ вести счетъ, чтò кому и когда сдѣлано, даже нѣсколько разъ давалъ искреннее слово снимать фотографіи, но должно быть обстоятельства выше намѣреній». Портретовъ написалъ Крамской на своемъ вѣку огромное множество, и, конечно, не всѣ они могутъ имѣть одинаково высокое художественное значеніе. Но между ними очень многіе—созданія истинно великолѣпныя, изумительныя по жизненности, по правдѣ, по глубокой характеристикѣ. Первымъ идетъ портретъ поэта Шевченка (1871 г.),—портретъ, ярко показавшій всю силу таланта и оригинальности Крамскаго; затѣмъ прекрасные портреты его товарищей: Антокольскаго, барона М. К. Клодта, Васильева (1871—1872 г.). Послѣдніе три были исполнены масляными красками въ два тона—одно время спеціальный способъ работъ Крамскаго. Въ 1873 году, имъ написано было два портрета съ графа Льва Толстаго. Долго знаменитый авторъ «Дѣтства и отрочества» не соглашался дать списать портретъ съ себя, но когда Крамской пріѣхалъ къ нему въ Ясную Поляну и внушилъ ему большую симпатію своей натурой, личностью, бесѣдами,—онъ, наконецъ, далъ свое согласіе. Въ письмѣ къ Рѣпину отъ 23-го февраля 1874 Крамской говоритъ: «Графъ Толстой, котораго я писалъ, интересный человѣкъ, даже удивительный. Я провелъ съ нимъ нѣсколько дней и, признаюсь, былъ все время въ возбужденномъ состояніи даже. На генія смахиваетъ». Вотъ какъ Крамской понималъ людей: въ ту пору еще никто у насъ не видѣлъ въ графѣ Львѣ Толстомъ писателя геніальнаго, масса ставила тогда выше всѣхъ Тургенева, передъ нимъ преклонялась глубже всѣхъ. Но Крамской невольно, по инстинкту, понималъ тѣхъ, съ кѣмъ случай его сталкивалъ, и вотъ отчего оба портрета Толстаго вышли у него истинными chefs d'oeuvre'ами, неоцѣненными изображеніями великаго русскаго писателя въ эпоху среднихъ его лѣтъ. Талантъ, умъ, оригинальный складъ натуры, непреклонная сила воли, простота—ярко высказались въ лицѣ и позѣ этого великолѣпнаго портрета.

На выставкѣ 1874 года явился превосходный портретъ пейзажиста Шишкина, тогда еще молодаго человѣка, во весь ростъ, среди поля: это былъ портретъ необыкновенно своеобразный и живописный, только самъ Крамской называлъ его «сѣрымъ». Къ этому же времени относятся отличные этюды съ натуры,—тѣ же портреты,—мельника (1873) и лѣсника (1874). Но выше всѣхъ портретовъ, вышедшихъ изъ-подъ кисти Крамскаго до средины 70-хъ

годовъ,—это его портретъ Д. В. Григоровича (1876). Портретъ былъ неудовлетворителенъ по краскамъ, по письму, но представлялъ собою нѣчто изумительное по характеристикѣ личности, со всѣми разнообразными изгибами этой натуры. Но три года спустя, въ 1879 году, Крамской создалъ величайшій свой chef d'oeuvre: это портретъ живописца А. Д. Литовченки (1879). Литовченко былъ старый знакомый Крамскаго: они познакомились еще въ 1855 году, въ Орлѣ, когда оба были еще бѣдными юношами, ретушёрами у провинціальныхъ фотографовъ. Потомъ они снова встрѣтились въ Петербургѣ, въ 1857 году, въ академіи художествъ, сдѣлались товарищами, пріятелями. И вотъ, послѣ четверти столѣтія знакомства, Крамскому случилось писать портретъ его. Тутъ уже нечего говорить о сходствѣ—оно всегда было, почти во всѣхъ портретахъ Крамскаго, просто поразительно. Но теперь онъ писалъ человѣка, котораго зналъ все равно какъ самого себя, и у котораго каждая черточка на лицѣ была ему знакома какъ никому на свѣтѣ. Кромѣ того, Крамской былъ въ тѣ дни и часы, когда создавалъ этотъ портретъ, въ какомъ-то необычайномъ воодушевленіи. Онъ написалъ его съ такимъ огнемъ, съ такимъ порывомъ, какъ не писалъ во всю свою жизнь, кажется, ни одной другой вещи. Кисть у него тутъ словно металась и прыгала, краски блещутъ; лицо Литовченка живетъ, глаза горятъ. Все то, что иногда составляетъ порокъ Крамскаго, и въ картинахъ, и въ письмахъ, излишнее стараніе, трудъ, робкое желаніе выдѣлать и «закончить» до невозможности,—все, что иногда такъ досадно ослабляетъ и портитъ его созданія, усиліе и нѣкоторая прилизанность—исчезло здѣсь, улетѣло куда-то за тридевять земель. Въ портретѣ Литовченки чувствуешь вдохновеніе, могучій порывъ, созданіе однимъ махомъ, неудержимое увлеченіе. Когда я, въ началѣ 80-хъ годовъ, какъ-то при бесѣдѣ нашей, у него въ мастерской, разсказывалъ ему, чѣмъ считаю этотъ портретъ, онъ признался мнѣ, что и самъ считаетъ его едва ли не лучшею своею вещью, и намѣренъ навсегда оставить его у себя. Впослѣдствіи, П. М. Третьякову (въ галлереѣ у котораго находятся всѣ лучшія произведенія Крамскаго) стоило величайшихъ усилій уговорить Крамскаго, чтобъ онъ уступилъ ему это изумительное созданіе. Послѣ портрета Литовченка, я считаю первымъ между всѣми его портретами портретъ А. С. Суворина, написанный въ 1881 году. По характеристикѣ разнообразныхъ душевныхъ сторонъ, положительныхъ и отрицательныхъ (какъ всегда бываетъ у истинныхъ, великихъ портретистовъ), я нахожу этотъ портретъ, быть можетъ, еще болѣе поразительнымъ и глубокимъ, чѣмъ даже портретъ Д. В. Григоровича, а по техническому выполненію—уже несравненно выше. Краски здѣсь—прекрасны. Но, кромѣ этого, у Крамскаго написано было множество превосходныхъ портретовъ, хотя и нѣсколько уступающихъ самымъ его первокласснымъ. Таковы, напри-

мѣръ, портреты: министра графа Д. А. Толстаго (1885), доктора С. П. Боткина (1881), живописца И. И. Шишкина (1880), живописца К. Ѳ. Гуна (1877), генерала Л. Н. Стюрлера (1886), директора Рисовальной Школы М. В. Дьяконова (1876), архитектора И. С. Богомолова, писателя Г. П. Данилевскаго (1883), министра С. А. Грейга (1884), профессора В. С. Соловьева, астронома Р. В. Струве (1886). Чтò касается женскихъ портретовъ, то оттого ли, что они вначалѣ не давались Крамскому, либо оттого, что онъ рѣдко брался за нихъ, но вначалѣ ихъ почти вовсе не являлось на выставкахъ. Со второй половины 70-хъ годовъ, онъ и въ нихъ достигъ высокой степени совершенства. Первый поразившій меня, былъ портретъ сестры живописца Ярошенки (1875), рисованный чернымъ карандашомъ и акварелью; потомъ пошли: превосходный портретъ жены художника С. Н. Крамской (1876), столько же превосходный портретъ Е. А. Лавровской (1879), во весь ростъ, среди въ высшей степени оригинальной обстановки—пѣвица представлена на эстрадѣ залы Дворянскаго Собранія, въ фонѣ множество слушателей, все портреты; два отличныхъ портрета дочери художника С. И. Крамской, одинъ разъ представленной лежащею на диванѣ, другой разъ стоящею, поколѣнный портретъ; портретъ г-жи Вогау (1883)—лучшее доказательство способности Крамскаго къ изящному и гармоническому колориту; наконецъ, картина «Неутѣшное горе» (1884), на половину портретъ жены Крамскаго, но изображенной съ поразительнымъ трагическимъ выраженіемъ.

Крамской пробовалъ также гравировать о-фортомъ. Его произведеній немного, но они прекрасны. Къ лучшимъ относятся: портретъ Шевченка (1871); отдѣльный этюдъ женской фигуры изъ «Майской ночи» (1874); «Христосъ въ пустынѣ»—полная картина; портретъ Петра Великаго, съ картины масляными красками, принадлежащей графу П. С. Строганову (1876); превосходнѣйшій портретъ съ собственной картины масляными красками, изображающей наслѣдника цесаревича Александра Александровича огромныхъ размѣровъ (1878); портретъ живописца А. А. Иванова съ наброска его брата Сергѣя Иванова (1879), при изданіи «Писемъ» Иванова; портретъ Перова съ портрета, писаннаго самимъ Крамскимъ (1881).

Статьи, напечатанныя Крамскимъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ въ «Новомъ Времени», представляютъ одно изъ важнѣйшихъ и совершеннѣйшихъ проявленій его высокаго развитія, интеллекта и художественности. Въ 1877 году, онъ написалъ три статьи подъ заглавіемъ: «Судьбы русскаго искусства» (№№ 645—647), принадлежащія къ важнѣйшему, что только было у насъ писано о новомъ русскомъ искусствѣ; въ 1879 году, онъ написалъ статью: «За отсутствіемъ критики» (№ 1052)—по поводу одной картины Макса, выставленной въ Петербургѣ; въ 1884 году (№ 2883), въ «Письмѣ Незнакомца къ другу» напечатано письмо Крамскаго, высказываю-

щее множество сильныхъ, оригинальныхъ и глубокихъ мыслей объ отношеніи новаго искусства и художника къ прежнему искусству и художнику; въ 1885 году, приведенный въ досаду отзывами г. Аверкіева о художественной артели, товариществѣ передвижныхъ выставокъ, о новыхъ русскихъ художникахъ и нашихъ художественныхъ коллекторахъ, Крамской напечаталъ (№ 3254) громовую статью, полную страстнаго негодованія и презрѣнія къ человѣку, трактующему налегкѣ о томъ, чего не знаетъ и не понимаетъ. Всѣ эти статьи навсегда останутся драгоцѣнными заповѣдями для русскаго, а впослѣдствіи, можетъ быть, и для иностраннаго художника. Но главная масса глубокихъ и многообъемлющихъ мыслей о художествѣ и художникахъ заключается въ его письмахъ къ друзьямъ и близкимъ людямъ. Объ иностранномъ искусствѣ и художникахъ онъ всегда много писалъ во время своихъ путешествій за границу: кромѣ первыхъ его путешествій 1869 и 1872 года, изъ которыхъ писемъ мнѣ неизвѣстно, я имѣю передъ собою множество заграничныхъ писемъ изъ путешествій 1876, 1878 и 1884 годовъ.

Въ своей автобіографіи Крамской говоритъ, что, женившись, онъ началъ вѣчную исторію борьбы изъ-за куска хлѣба.

«Но,—прибавляетъ онъ,—въ то же время я преслѣдовалъ цѣли, ничего общаго съ рублемъ не имѣющія. Такъ дѣло тянется и теперь. Когда кончится мое (въ сущности каторжное) теперешнее положеніе, и кто одолѣетъ въ борьбѣ, я не знаю и не предугадываю. Еще 5 лѣтъ тому назадъ (т. е. около 1875 г., такъ какъ автобіографія писана въ 1880 г.), я, пожалуй, отвѣтилъ бы съ несомнѣнною увѣренностью, что я буду побѣдителемъ, но теперь — не рѣшаюсь. Чѣмъ болѣе захватываешь поле, тѣмъ болѣе встрѣчается препятствій, не имѣвшихъ прежде мѣста, силы же не увеличиваются въ той же прогрессіи. Словомъ, на этомъ мѣстѣ начинается сказка про бѣлаго бычка, и потому останавливаюсь, должно быть, изъ благоразумія»...

На этотъ же самый мотивъ у него много и часто писано въ письмахъ. Прежняя непоколебимая вѣра въ торжество новыхъ русскихъ художниковъ и новаго русскаго искусства стала у него слабѣть въ 80-хъ годахъ, всего скорѣе подъ вліяніемъ того недуга, который, превратившись въ аневризмъ, свелъ его наконецъ въ могилу. Профессоръ С. П. Боткинъ сказалъ въ своей рѣчи (27-го марта) въ собраніи Общества русскихъ врачей, что «Крамской обыкновенно пользовался хорошимъ здоровьемъ, и лишь лѣтъ 7 тому назадъ (т. е. приблизительно съ 1880 года) явился у него кашель, сухой, порывистый и до такой степени своеобразный, что, кажется, въ тысячной толпѣ можно было бы узнать Крамскаго по кашлю». Болѣзненное состояніе вело за собой нервность и раздражительность, имѣвшія послѣдствіемъ, иногда даже, измѣненіе отношеній и симпатій къ товарищамъ и «товариществу». Объ этомъ предметѣ я не считаю умѣстнымъ распространяться въ настоящее время. Впрочемъ, въ послѣдніе мѣсяцы жизни Крамскаго, всѣ недоразумѣнія

мало-по-малу уладились сами собой, и прежнія гармоническія отношенія возстановились. Между тѣмъ, хотя съ милостивыми иногда перерывами, обманывавшими всѣхъ, даже и докторовъ, болѣзнь упорно вела свое дѣло разрушенія, положеніе Крамскаго все болѣе и болѣе ухудшалось, и, наконецъ, 25-го марта нынѣшняго года, Крамскаго не стало. Во время писанія портрета доктора Раухфуса, среди оживленнаго разговора, Крамской упалъ съ кистями и палитрой въ рукахъ, безъ вздоха, безъ вскрика, и когда подошелъ къ нему докторъ Раухфусъ, считавшій, что онъ въ обморокѣ, онъ былъ уже мертвъ. Смерть была мгновенна. Чудесно написанная, въ одинъ только сеансъ, голова доктора Раухфуса, смѣло, мастерски, изящно, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ силенъ былъ въ Крамскомъ запасъ жизненности и таланта, не взирая на угнетавшую его мучительную болѣзнь, едва на нѣсколько часовъ умѣряемую подкожными впрыскиваніями морфія, по нѣскольку разъ въ день. Крамской умеръ, съ кистью въ рукахъ, какъ надо бы умирать каждому тому человѣку, который желаетъ стоять на бреши и отстаивать свое дорогое дѣло противъ всего въ мірѣ, даже противъ злой болѣзни, противъ самой смерти.

Послѣ него остался проектъ памятника императору Александру II въ Москвѣ, исполненный частью въ рисункахъ, частью въ модели, сочиненной имъ вмѣстѣ съ талантливымъ товарищемъ, архитекторомъ И. П. Ропеттомъ. Мѣсяца за три до смерти, Крамской непремѣнно требовалъ моего мнѣнія объ этомъ проектѣ, говорилъ, что отъ моего приговора будетъ зависѣть то, чтобы ему продолжать или нѣтъ это дѣло. Я сразу сказалъ, что, по моему мнѣнію, если только сдѣлать нѣкоторыя измѣненія, это — самый талантливый и оригинальный проектъ изъ всѣхъ, до сихъ поръ бывшихъ. Мои слова сильно воодушевили Крамскаго, и всѣ послѣдніе мѣсяцы своей жизни онъ съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ работалъ надъ приведеніемъ къ совершенству и къ заключенію этого проекта.

Изъ всѣхъ портретовъ, мнѣ извѣстныхъ, снятыхъ съ Крамскаго, живописныхъ и фотографическихъ, самымъ схожимъ, самымъ передающимъ всю его натуру, серьезность, глубокій, задумчивый, немного страдальческій взглядъ, мнѣ кажется портретъ, написанный въ 1887 году даровитою дочерью Крамскаго, Софьей Ивановной Крамской, уже во время послѣдней болѣзни отца. Отъ этого я и счелъ своею обязанностью приложить къ настоящей біографіи именно этотъ портретъ.

В. Стасовъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ Н. В. КАЛАЧОВА.

ЛИТЕРАТУРНАЯ дѣятельность Н. В. Калачова началась довольно рано; первые его литературные труды были напечатаны въ издававшихся учебнымъ начальствомъ «Рѣчахъ», которыя произносились на актахъ Московскаго дворянскаго института, въ 1835 и 1836 годахъ, когда автору было всего 15—16 лѣтъ (родился въ 1819 г.). Дальнѣйшая учено-литературная дѣятельность его находится въ зависимости отъ времени и обстоятельствъ, окружавшихъ его въ первой порѣ его научныхъ стремленій. Въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, въ Московскомъ университетѣ проявилось замѣтное движеніе, особенно въ средѣ юридическаго факультета, возбужденное изданіемъ «Свода законовъ» и «Полнаго собранія законовъ», а также изданіемъ сборника актовъ, собранныхъ археографической коммиссіей, и появленіемъ на каѳедрахъ профессоровъ, вышедшихъ изъ исторической школы Савиньи. Среди даровитой молодежи, охваченной этимъ новымъ движеніемъ, былъ и Н. В. Калачовъ, любознательный, хорошо подготовленный, строгій къ труду, не знавшій усталости, положившій на себя обѣтъ дѣятельности. На школьной скамьѣ его, какъ и многихъ его сверстниковъ, заинтересовала величественная картина собиранія Русской земли московскими царями и смѣло составленный первый кодексъ—Судебникъ. Уголовное содержаніе Судебника составило предметъ первой юношеской работы Калачова. Но, совершивъ ее, Калачовъ разочаровался въ самыхъ пріемахъ, положенныхъ на эту работу, и у него возникли важные вопросы: почему уложенное въ судебникахъ можно считать за право, какую

связь эта московская кодификація имѣла съ дѣйствительнымъ правомъ народа, какое это было право и на сколько оно легло въ основаніе московскаго. Эти вопросы привели его къ важному рѣшенію: не туда, не къ московскому праву, надо направить изслѣдованіе, надо подняться въ глубь, въ старь, тамъ искать живыхъ, вѣчныхъ юридическихъ образовъ, правду русскаго народа, и это рѣшеніе вывело его на путь юриста-археолога,—путь, пройденный имъ съ рѣдкимъ успѣхомъ [1]). Поднимаясь въ глубь прошлаго, Калачевъ остановился на древнѣйшемъ сборникѣ русскихъ юридическихъ нормъ—«Русской правдѣ» и подвергъ ее своему изученію. Эта капитальная работа, увѣнчанная магистерскою степенью, открыла ему каѳедру исторіи русскаго права въ Московскомъ университетѣ, что̀ побудило его къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ въ области исторіи русскаго права. Замѣтивъ при изученіи «Русской правды» вліяніе на образованіе русскихъ юридическихъ нормъ византійскаго права, Калачовъ, желая разъяснить это вліяніе и указать на связь между русскимъ и византійскимъ правомъ, въ 1848 году, пишетъ извѣстное изслѣдованіе «О значеніи Кормчей въ системѣ русскаго права», ярко освѣтившее изслѣдуемый вопросъ. Неясныя, во многихъ случаяхъ совершенно неизвѣстныя юридическія начала, которыми въ старину руководился русскій народъ, заставляютъ Калачова обратиться къ изученію древнѣйшихъ памятниковъ русскаго права (Псковская судная грамота) и къ отыскиванію и изданію этихъ памятниковъ. Съ этою цѣлью онъ открываетъ въ пятидесятыхъ годахъ изданіе «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи». Неясныя указанія «Русской правды» на классы русскаго общества вообще и на значеніе изгоевъ въ особенности удается здѣсь растолковать помѣщеніемъ устава Всеволода-Гавріила. Столь же важное толкованіе удается помѣстить въ этомъ изданіи относительно ханскихъ ярлыковъ; а помѣщенные новгородскіе акты даютъ возможность въ особой работѣ изслѣдовать давно занимавшее изслѣдователя и крупное явленіе древней русской артели. Въ это же время Калачовъ былъ занятъ собираніемъ матеріаловъ для изслѣдованія «О сошномъ письмѣ въ древней Россіи» и для «Дополненій къ актамъ юридическимъ», а также изданіемъ «Актовъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи», и (по порученію академіи наукъ) критическимъ разборомъ сочиненій историко-юридическаго содержанія, представлявшихся на Демидовскую и Уваровскую преміи. Съ 1857 года Калачовъ, вмѣсто «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній» началъ издавать «Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи». Перемѣна названія не была пустымъ звукомъ. «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній» имѣлъ цѣлью

---

[1]) «Вѣстникъ Археол. и Ист.», вып. V, стр. 4.

разработку вопросовъ, относящихся къ исторіи русскаго права, безъ всякой связи съ современной постановкой этихъ вопросовъ; «Архивъ же историческихъ и практическихъ свѣдѣній» имѣлъ цѣлью историческую разработку общественныхъ вопросовъ въ связи съ современнымъ разрѣшеніемъ ихъ. «Такое изученіе ихъ и разработка тѣмъ болѣе полезны, — писалъ Калачовъ, приступая къ изданію «Архива историческихъ и практическихъ свѣдѣній»,—что они послужатъ лучшимъ пособіемъ для того, чтобы вглядѣться пристальнѣй въ самыя начала и формы нашей общественной жизни и различить тѣ изъ нихъ, которыя проходятъ черезъ всю нашу исторію и, слѣдовательно, могутъ быть названы національными, отъ тѣхъ, которыя были приняты нами и выработаны какъ народомъ европейскимъ».

Но вотъ наступаетъ знаменательная эпоха освобожденія крѣпостныхъ, и археологъ-юристъ Калачовъ назначается членомъ редакціонныхъ коммиссій, для начертанія положеній, и вступаетъ въ юридическое отдѣленіе ихъ, учрежденное для опредѣленія правъ и обязанностей крестьянъ и дворовыхъ людей, а также поземельныхъ правъ помѣщиковъ. Не прошло четырехъ мѣсяцевъ со дня вступленія Калачова въ юридическое отдѣленіе, какъ общее присутствіе уже слушало первый докладъ этого отдѣленія «о прекращеніи крѣпостнаго права». Докладъ этотъ, составленный Калачовымъ, требовалъ, по своему содержанію, такой усидчивой работы, что во время преній одинъ изъ членовъ выразилъ сомнѣніе, чтобы при этомъ могли быть прочитаны всѣ томы «Свода законовъ», такъ, чтобы каждую статью имѣть въ памяти, на что послѣдовалъ отвѣтъ, что всѣ эти томы прочитаны. Затѣмъ послѣдовали, одна за другой, дальнѣйшія работы Калачова въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, не менѣе серьёзныя и дѣловыя. Отношеніе Калачова къ крестьянскому дѣлу не кончилось съ прекращеніемъ его дѣятельности въ коммиссіи по освобожденію крестьянъ; время отъ времени онъ отзывался прекрасными статьями по этому дѣлу, а равно трудился и въ качествѣ предсѣдателя учрежденной при географическомъ Обществѣ коммиссіи для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ. Въ это время въ «Этнографическомъ Сборникѣ» напечатано имъ изслѣдованіе «Артели въ древней и нынѣшней Россіи» и въ «Сборникѣ государственныхъ знаній» — изслѣдованіе «О волостныхъ и сельскихъ судахъ въ древней и нынѣшней Россіи». Занимаясь крестьянскимъ дѣломъ, Калачовъ находилъ, что оно до тѣхъ поръ непрочно, пока не будетъ составленъ «сельскій судебный уставъ», въ которомъ видѣлъ главное спасеніе отъ многихъ золъ, разъѣдающихъ жизнь нашего села въ настоящее время. Вотъ какія соображенія приводилъ онъ въ пользу этого устава. «Великій актъ освобожденія крестьянъ совершился у насъ спокойно, безъ потрясенія правильнаго хода общественной жизни, чему способствовалъ мир-

ный и трудолюбивый характеръ нашего народа, сдѣлавшій возможнымъ спокойное освобожденіе многомилліонной массы. Распались цѣпи рабства. Какія же слѣдствія имѣло это великое событіе для нашей общественной жизни? На это надо отвѣтить, что, къ сожалѣнію, дѣйствительность не оправдала ожиданій. Замѣчаются, правда, многія улучшенія, но они не должны намъ туманить глаза. На ряду съ ними замѣчается и коренное расшатываніе самыхъ устоевъ жизни и множество мрачныхъ явленій: пьянство, разгулъ и развратъ, распаденіе семей, оскуденіе нравственности и размыкиваніе силъ—вотъ что наблюдается во множествѣ. Но отчего же произошло такое оскудѣніе хозяйственныхъ силъ народа? Не освобожденіе тому причиной, а то, что нѣтъ въ нашей сельской жизни крѣпкой правительственной власти, нѣтъ грозы, нѣтъ правосудія, нѣтъ огражденія собственности... Сознаетъ и не сомнѣвается въ этомъ правительство и принимаетъ свои мѣры для поднятія нравственности. Но всего этого мало: необходимы твердыя и ясныя правила: необходимъ сельскій судебный уставъ». Затѣмъ, въ засѣданіи московскаго юридическаго Общества, Калачовъ вновь и еще подробнѣе развивалъ свою любимую тему объ уставѣ, выражая, что всѣ обязаны подъ однимъ общимъ знаменемъ поработать на пользу отечества, ибо растлѣвающее его зло есть, безъ сомнѣнія, истощеніе его силъ, и тогда только, послѣ общей усердной работы, настанетъ тотъ радостный день, когда поворотъ къ лучшему будетъ сдѣланъ, и сельская жизнь потечетъ мирной струей къ вожделѣнной для всѣхъ сословій цѣли.

Увлеченіе крестьянскимъ дѣломъ не отвлекло, однако, Калачова отъ любимыхъ его архивныхъ занятій. На ряду съ изданіемъ «Юридическаго Вѣстника», онъ занимался изданіемъ «Дополненій къ актамъ историческимъ» и «Актовъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи»; а съ назначеніемъ его управляющимъ московскимъ архивомъ министерства юстиціи, въ 1865 году, онъ еще болѣе отдался архивному дѣлу. Сдѣлавшись хозяиномъ массы драгоцѣнныхъ историческихъ матеріаловъ, онъ сталъ вносить въ нее свѣтъ и порядокъ трудами новыхъ, молодыхъ дѣятелей; онъ сформировалъ въ архивѣ изъ лицъ, получившихъ высшее образованіе, особое «ученое отдѣленіе», задачей котораго поставилъ систематическое описаніе документовъ, хранящихся въ архивѣ. Этимъ отдѣленіемъ, разумѣется, подъ ближайшимъ руководствомъ Калачова, были изданы четыре тома «Описанія документовъ архива»; кромѣ того, по документамъ, относящимся къ царствованію Іоанна Антоновича, извѣстнымъ подъ именемъ «Дѣлъ съ извѣстнымъ титуломъ», былъ изданъ первый томъ изслѣдованія «Внутренній бытъ Россіи въ 1740—1741 годахъ» (второй томъ этого изданія вышелъ въ прошломъ году). Втеченіе этого же времени подъ его редакціею и при непосредственномъ его участіи, вышли въ свѣтъ три тома

«Архива государственнаго совѣта» и два тома «Докладовъ и приговоровъ, состоявшихся въ правительствующемъ сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго». Коснувшись архивныхъ работъ Калачова, нельзя не упомянуть объ его заботахъ объ архивномъ дѣлѣ вообще. Въ своей статьѣ «Архивы, ихъ государственное значеніе, составъ и устройство» онъ подробно знакомитъ читателя съ теоріей

Н. В. Калачовъ.

архивнаго дѣла; практически же онъ примѣнялъ свои положенія при устройствѣ Московскаго архива министерства юстиціи. Сознавая важное значеніе описей документамъ, хранящимся въ архивѣ, въ особенности для стороннихъ ученыхъ, онъ приступилъ къ составленію ихъ, весьма удачно соединивъ точность и ясность съ краткостью описанія, вслѣдствіе чего описи наилучшимъ образомъ удовлетворяютъ своей цѣли. Къ сожалѣнію, средства не позволяли ему повести это дѣло въ широкихъ размѣрахъ, а потому лишь не-

большое количество столбцовъ Московскаго стола Разряднаго приказа имѣютъ такія описи.

Заботы его о доставленіи стороннимъ ученымъ наилучшихъ условій для занятій архивными документами прекрасно охарактеризованы въ письмѣ Н. И. Костомарова, писанномъ въ 1877 году изъ Москвы къ г. Мордовцеву. Вотъ, между прочимъ, какія встрѣчаются въ немъ строки: «Вамъ непремѣнно нужно взять когда нибудь командировку, пріѣхать въ бѣлокаменную, прожить здѣсь мѣсяца два-три и заниматься изо дня въ день въ архивѣ, управляемомъ нашимъ общимъ пріятелемъ Н. В. Калачовымъ, такимъ превосходнымъ хозяиномъ. Я пользуюсь его архивнымъ гостепріимствомъ до отвалу; здѣсь нѣтъ никакихъ стѣсненій: приходи хоть съ солнечнымъ восходомъ и уходи тогда, когда дѣлается темно, полная свобода. Хотя написано и вывѣшено на стѣнѣ: «курить воспрещено», но на это никто не обращаетъ вниманія». Необезпеченность архива (на Басманной) отъ огня и разныя другія неудобства заставили Калачова ходатайствовать о постройкѣ новаго зданія для архива. Онъ выхлопоталъ у московскаго городскаго общества въ безвозмездный даръ участокъ земли на Дѣвичьемъ полѣ для зданія архива и немедленно же составилъ коммиссію изъ техниковъ и знатоковъ архивнаго дѣла, пожертвовавъ свои деньги на преміи на лучшіе проекты зданія. Коммиссія эта выработала подъ его предсѣдательствомъ и руководствомъ подробную программу для новаго зданія, и въ числѣ важнѣйшихъ требованій ея было: устройство наилучшаго освѣщенія и удобнаго доступа, какъ для храненія, такъ и для пользованія дѣлами архива. Изъ 14 проектовъ, представленныхъ въ коммиссію, лучшимъ былъ признанъ проектъ академика архитектуры А. И. Тихобразова, которому и была поручена самая постройка зданія; вчернѣ постройка была окончена еще въ 1885 году, открыто же зданіе лишь 28-го сентября прошлаго года, уже по смерти Калачова.

Но не объ одной, такъ сказать, внѣшней сторонѣ архивнаго дѣла болѣла душа Калачова; еще болѣе его занимала мысль о подготовкѣ такихъ лицъ, которыя не только могли бы читать, понимать и приводить въ порядокъ архивные документы, но и стали бы во главѣ историческихъ и археологическихъ работъ въ разныхъ уголкахъ Россіи. Съ этою цѣлью, послѣ многочисленныхъ хлопотъ, ему удалось основать въ 1877 году археологическій институтъ, изъ слушателей котораго, по мнѣнію Калачова, и должны были появляться такіе дѣятели. Одновременно съ учрежденіемъ института Калачовъ сталъ издавать ежегодный «Сборникъ Археологическаго Института», а съ 1885 года при институтѣ же имъ былъ основанъ журналъ: «Вѣстникъ Археологіи и Исторіи».

Высочайшій рескриптъ 21-го апрѣля 1885 года, данный дворянству, указавшій на значеніе дворянства въ русскомъ обществѣ,

побудилъ Калачова обратиться къ изученію историческаго положенія дворянства, его происхожденія и значенія въ общемъ строѣ государственной жизни. Съ этой цѣлью онъ предпринялъ изданіе «Матеріаловъ для исторіи русскаго дворянства». Это изданіе было его лебединою пѣснью.

Въ годъ смерти Н. В. Калачова, въ декабрѣ мѣсяцѣ, исполнялось пятидесятилѣтіе его литературной дѣятельности; каковы результаты этой дѣятельности, видно изъ списка его трудовъ. Весьма вѣроятно, что мнѣ удалось собрать далеко не все, написанное Калачовымъ, а потому желательно было бы, чтобы лица, которымъ дорога память покойнаго, пополнили недостающее. Считаю также своимъ долгомъ выразить глубокую благодарность г. директору московскаго архива министерства юстиціи Н. А. Попову, доставившему мнѣ почти половину названій трудовъ Н. В. Калачова.

Списокъ сочиненій, статей и сообщеній Н. В. Калачова.

1841. О судебникѣ царя Іоанна Васильевича (Юрид. Зап., т. I, стр. 47—160).
— Отрывокъ изъ сочиненія Чиали: «Исторія Московіи» съ итальянскаго («Маякъ», статья I, ч. 17, стр. 17—28; ст. 2-я ibid. за 1842 г., т. 3, стр. 49—71).

1842. Объ уголовномъ правѣ по судебнику Іоанна Васильевича. (Юрид. Зап., т. 2, стр. 306—418).

1843. Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца 1721 года. (Отеч. Зап., т. XXVI, II, стр. 1—80).

1846. Текстъ «Русской Правды» на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій. М. (Второе изд. 1847 г.).
— Изслѣдованіе о «Русской Правдѣ», ч. I. Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды.

1847. О значеніи Кормчей въ системѣ древняго русскаго права. (Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др., кн. 3, стр. 1—128).
— Приложеніе къ статьѣ: «О значеніи Кормчей книги». (Ibid., кн. IV, стр. 1—80).

1848. Псковская судная грамота, составленная на вѣчѣ въ 1467 году. (Статья въ Москвит., № 2, стр. 165—178).

1850. Рецензія историко-юридическаго сочиненія Деппа: «О наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до царя Алексѣя Михайловича». (Москвит., № 2, стр. 37—56, № 3, стр. 69—84).
— «Мѣрило праведное». (Арх. ист.-юрид. свѣд., кн. 1, отд. III, стр. 28—40).
— О значеніи изгоевъ и состояніе изгойства въ древней Руси. (Ibid, отд. I, стр. 55—72).

1851. С. Пахманъ (Моск. Вѣд., № 68). Рецензія сочиненія: «О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, въ историческомъ ихъ развитіи».

1852. Историческія замѣтки, собранныя въ Орлѣ и Мценскѣ. (Отд. ген.).
— Рецензія I т. «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» С. Соловьева. (Москов. Вѣд., №№ 30—32, 35).

1854. Жалованная грамота царя Михаила Өедоровича Мартыну Филимонову 1621 года. (Временникъ Имп. Общ. Ист. и Др., т. 20, смѣсь, стр. 16—20).

— Названія лихорадокъ въ заговорахъ (Арх. ист.-юрид. свѣд., кн. 2, полов. 2, отд. VI).

— Предисловіе и примѣчанія къ переводу Шестакова: «О нравахъ татаръ, литовцевъ и москвитянъ», соч. Михалона Литвина. (Ibid., отд. V, стр. I—VIII и 78).

— Отрывки изъ сборника XVII ст.: а) О съѣздѣ русскихъ и шведскихъ пословъ въ Нейгаузенѣ въ 1678 году; б) О приходѣ турокъ подъ Чигиринъ и о войнѣ съ ними; в) О флотѣ въ Россіи морскомъ. (Врем. Имп. Общ. Ист. и Др., кн. 20, отд. III, стр. 1—16).

1855. Предисловіе къ дополнительнымъ статьямъ къ Судебнику, издаваемымъ въ первый разъ по списку эрмитажной библіотеки. (Арх. ист.-юрид. свѣд., кн. 2, пол. I, отд. II, стр. 73—78).

— Предисловіе къ списку бояръ, окольничихъ и другихъ чиновъ съ 1538 года до царствованія Өедора Алексѣевича. (Ibid., стр. 123—128).

— Замѣчаніе о словѣ: «Дума». (Ibid, отд. III, стр. 154—155).

— Предисловіе къ сообщенію Н. Закревскаго: «Грамота новгородскаго правительства къ рижскому, начала XV вѣка». (Ibid., отд. II, стр. 5—6).

— Предисловіе къ сообщенію Лакьера: «Акты, записанные въ крѣпостной книгѣ XVI вѣка». (Ibid).

— Статистическія и археологическія замѣтки объ Инсарѣ и его уѣздѣ. (Ibid., отд. I, стр. 85—96).

— О научной пользѣ рецензій на первую книгу «Архива ист.-юрид. свѣдѣній». (Ibid).

1857. Разборъ сочиненія Б. Н. Чичерина: «Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ». (Въ Отч. о 26 присужд. Демидовскихъ наградъ, стр. 55—115, и Арх. ист. и практ. свѣд., 1859 г., кн. III).

1859. Очеркъ царствованія Өедора Алексѣевича по актамъ, собраннымъ археографической коммиссіей. (Поврем. изд. мин. нар. просв., ч. CV, II. Читано въ публ. собраніи археогр. комм.).

— Договоры вольныхъ людей конца XVII и начала XVIII вѣка о поступленіи въ крестьяне и дворовые на срочное время. (Архивъ ист. и практ. свѣд., кн. I, стр. 83—90).

— Орловская старина. (Ibid, стр. 74—76).

— Предисловіе и примѣчанія къ «Книгѣ, глаголемой Травникъ». (Ibid, стр. 76—83).

— Судное дѣло 1500 года. (Ibid., приложеніе, стр. 59—64).

— Обозрѣніе новыхъ законовъ. (Ibid., стр. 47—82).

— Описаніе лѣтописныхъ сборниковъ съ картинами, находящихся въ археографической коммиссіи. (Ibid, кн. II).

— Юридическіе обычаи крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. (Ibid).

— Разъясненіе недоумѣнія В. К. Ржевскаго (по поводу статьи «О потравахъ», кн. 5, прилож., стр. 65—74).

1860. Разборъ сочиненія Ө. М. Дмитріева: «Исторія судебныхъ инстанцій и гражданской апелляціи, существовавшихъ отъ Уложенія до учрежденія о губерніяхъ». (Въ Отчетѣ о 29 присужденіи демидовскихъ наградъ, стр. 53—114).

— Отвѣтъ С. Н. Орнатскому на вопросъ: «Можетъ ли мировое прошеніе

о прекращеніи тяжбы, поданное въ надлежащій судъ обоими тяжущимися вмѣстѣ, за ихъ подписями, служить достаточнымъ основаніемъ къ прекращенію производства дѣла означеннымъ судомъ по этой тяжбѣ?» (Юрид. Вѣстн., 1860 г., вып. I, стр. 47—49).

— Отвѣтъ г. Г. на вопросъ: «Не должны ли единокровные братья владѣльца, умершаго бездѣтнымъ и безъ завѣщанія, наслѣдовать ему въ имуществѣ благопріобрѣтенномъ вмѣстѣ съ родными его братьями и исключать братьевъ единоутробныхъ?» (Ibid., вып. 2-й, стр. 55—62).

— Отвѣтъ Д. А. Черемисинову на вопросъ: «Можетъ ли имѣть силу подпись свидѣтеля, сдѣланная подъ завѣщаніемъ, предъявленнымъ ему не лично самимъ составителемъ, но по предварительному сообщенію ему этимъ послѣднимъ о намѣреніи своемъ составить именно такое завѣщаніе, съ просьбою подписать его?» (Ibid., вып. 3-й, стр. 60—64).

— Отвѣтъ г. Б—ну на вопросъ: «Можетъ ли имѣть полную силу распоряженіе завѣщателя объ оставленіи имъ благопріобрѣтеннаго имѣнія въ пользу извѣстнаго лица, съ тѣмъ, что если это лицо умретъ, не завѣщавъ означеннаго имѣнія никому отъ себя, оно должно принадлежать послѣ него такому-то другому лицу?» (Ibid., вып. 4-й, стр. 34—37).

— Отвѣтъ на возраженіе по ст. 1140, т. X, зак. гражд. (Ibid., стр. 41—42).

— Отвѣтъ г. Филатьеву на вопросъ: «Можетъ ли домъ, представленный подрядчикомъ по довѣренности владѣльца въ обезпеченіе взятаго имъ на себя подряда по договору съ казною, служить вмѣстѣ съ тѣмъ обезпеченіемъ и другихъ подрядовъ того же лица, по которымъ онъ не былъ принятъ въ залогъ?» (Ibid., вып. 5, стр. 22—25).

— Отвѣты г. С—ру на вопросы: «1) Есть ли въ нашемъ законодательствѣ юридическое различіе между рабочимъ и поставщикомъ? 2) Допускается ли по правиламъ о подрядахъ взысканіе претензій рабочихъ на подрядчикѣ обращать не только на залоги, собственно ему принадлежащіе, но и на представленные имъ залоги постороннихъ лицъ?» (Ibid., стр 26—34).

— Отвѣтъ М. Г. Золотареву на вопросъ: «Необходимо ли по точному смыслу статей закона, при прошеніи, вмѣстѣ съ прилагаемыми къ нему документами, представлять и копіи съ сихъ послѣднихъ, и въ правѣ ли присутственное мѣсто, въ случаѣ непредставленія такихъ копій, отказать въ принятіи прошенія?« (Ibid., вып. 6-й, стр. 65—68).

— Отвѣтъ И. И. Надпорожскому на вопросъ: «Дѣти лица, умершаго до утвержденія его судебнымъ мѣстомъ наслѣдникомъ его отца, должны ли быть признаваемы непосредственными наслѣдниками отца ихъ, или же дѣда, и въ послѣднемъ случаѣ могутъ ли они отказаться отъ платежа долговъ родителя ихъ?» (Ibid., стр. 70—72).

— Разъясненіе примѣчанія къ ст. 72-й, т. X, ч. II-я. (Ibid., вып. 7-й, стр. 68—70).

— Отвѣтъ Д. Ч—ву на вопросъ: «Можетъ ли имѣть силу распоряженіе завѣщателя объ оставленіи имъ благопріобрѣтеннаго имѣнія въ пользу извѣстнаго лица, съ тѣмъ, что если это лице умретъ, не завѣщавъ означеннаго имѣнія никому отъ себя, оно должно принадлежать послѣ него такому-то другому лицу?» (Ibid., стр. 73—76).

— Предисловіе къ «Правиламъ», поставленнымъ на соборѣ 1551 года 23-го февраля». (Арх. ист. и прак. свѣдѣній, кн. 5, стр. 65).

— Матеріалы для сводняго уложенія 1701 года. (Ibid., стр. 45—54).
— Гражданское право по началамъ россійскаго законодательства. Лекціи Морошкина. Сообщены Н. Калачевымъ. (Юрид. Вѣстникъ, вып. XV—XVII, стр. 1—23, 1—30, 1—25).
1861. Азбуки—прописи. Выписки изъ рукописныхъ азбукъ и прописей конца XVII и начала XVIII вѣка. (Арх. ист.-юрид. свѣд., кн. III, отд. III, стр. 3—18).
— Дополненіе къ разсужденію Деппа: «О наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до царя Алексѣя Михайловича». (Ibid., отд. IV, стр. 3—35).
— Старинные формулярники. Образцы вступленій въ письма изъ сборниковъ XVII и XVIII вѣковъ. (Лѣтоп. занятій археогр. ком., вып. I, стр. 40—49).
— Отвѣтъ Г. Б. на вопросъ: «Какъ должно признавать въ отношеніи къ дѣтямъ указную часть ихъ матери, слѣдовавшую ей послѣ ихъ отца, а ея мужа, если она до своей смерти не просила о выдѣлѣ этой части: наслѣдствомъ ли послѣ нея, или наслѣдствомъ отъ отца?» (Юрид. Вѣстн., 1861 г., вып. 8., стр. 72).
— Отвѣтъ М. О. Лукашевичу относительно примѣненія ст. 1138, т. X, ч. 1-й. (Ibid., стр. 78—80).
— Опроверженія и защита мнѣнія редактора по статьѣ 1140 зак. гражд. (Ibid., вып. 9, стр. 14—15 и 34—37).
— Отвѣтъ на вопросъ о наложеніи запрещенія на имѣніе жены за долги мужа по ст. 2269 и 2270, т. X, ч. 2. (Ibid., вып. 10, стр. 64—66).
— Отвѣтъ г. Т. относительно примѣненія ст. 1138 и 1140 зак. гражд. (Вып. 14, стр. 29—31).
— Подлежитъ ли выкупу усадебная земля помѣщика, не входящая въ составъ крестьянскаго надѣла, и если подлежитъ, то на какомъ основаніи? Отвѣтъ г. К. (Ibid., вып. 15, стр. 81—83).
— Отвѣтъ на вопросы о проѣстяхъ, волокитѣ и судебныхъ издержкахъ Н. Л-ву. (Ibid., вып. 16, стр. 95—96).
— Отвѣтъ С. Лухманову относительно ст. 1005, т. X, ч. 2. (Ibid., вып. 17, стр. 83).
1862. Отвѣтъ М. И. П-ву относительно статьи 778 и 984, т. X, 1 ч. (Юрид. Вѣстн., вып. 19, стр. 64).
— Графъ Сперанскій. (Рус. Инвал., 1861 г., №№ 229 и 230).
— Отвѣтъ г. З. на вопросъ о примѣненіи къ ст. 641, т. X, ч. 2, примѣчанія къ ст. 72 того же тома и части. (Ibid., вып. 21, стр. 54—58).
— О недопущеніи къ свидѣтельству подъ присягою находящихся съ тяжущимися въ родствѣ и ближнемъ свойствѣ. (Ibid., стр. 87—89, вып. 26).
— Какъ должно понимать въ книгахъ писцовыхъ и межевыхъ выраженіе о недоданныхъ четвертяхъ помѣстной земли? (Ibid., вып. 27, стр. 106—112).
— Отвѣтъ на вопросы по статьямъ 1149, 1153, 1151 и 1154, т. X, ч. I. (Ibid., вып. 28, стр. 75—88).
— Отвѣтъ Н. Е. Львову на вопросъ: «Имѣетъ ли право лицо, въ пользу котораго по рѣшенію судебнаго мѣста взыскивается извѣстная сумма, получить съ присужденнаго къ уплатѣ этой суммы также причитающіеся на неё указные проценты?» (Ibid., вып. 29, стр. 78—80).
1863. Разборъ сочиненія Чебышева-Дмитріева: «О преступномъ дѣйствіи по русскому до-петровскому праву». (Въ 32 присужденіи Демидовскихъ наградъ).

— Отвѣтъ Ив. Лаврову на вопросъ «по засвидѣтельствованію духовныхъ завѣщаній». (Юрид. Вѣст., вып. 31, стр. 104—106).
— Замѣтка на разъясненіе 1-го пункта ст. 1747, т. X, ч. 1. (Ibid., вып. 32, стр. 77 и 78).
— Отвѣтъ на вопросъ В. Лозинскаго о выдѣлѣ 14 части изъ недвижимаго имѣнія умершаго владѣльца въ пользу его дочери или сестры, оставшихся по немъ наслѣдниками, при живой матери. (Ibid., вып. 33, стр. 71—74).
— Отвѣтъ на вопросъ: «Можетъ ли имѣть силу по смерти владѣлицы благопріобрѣтеннаго недвижимаго имѣнія въ Россіи завѣщаніе, составленное ею до выхода замужъ за французскаго подданнаго, и не должно ли оно, для признанія его дѣйствительнымъ, быть передѣлано по ея замужествѣ?» (Ibid., вып. 34, стр. 77—78).
— Отвѣтъ А. К. Кр—ну на вопросъ о значеніи слова: «вѣчисто». (Ibid., вып. 35, стр. 103—104).
— Отвѣтъ А. Н. Т—ву по вопросу: «Можетъ ли договоръ, совершенный или засвидѣтельствованный установленнымъ порядкомъ, быть прекращенъ или въ чемъ либо измѣненъ домашнимъ договоромъ?» (Ibid., вып. 37 стр., 79—80).
— Мысли по вопросу: «Должны ли будущіе мировые судьи при постановленіи своихъ рѣшеній по дѣламъ гражданскимъ руководствоваться лишь законамя, или же и обычаями»? (Ibid., вып. 38, стр. 75—86).
— Замѣтка о законныхъ вознагражденіяхъ за находки. (Ibid., вып. 40, стр. 75—80).
— Что такое субститутъ и можетъ ли назначеніе его служить препятствіемъ съ засвидѣтельствованію духовнаго завѣщанія? (Ibid., вып. 41, стр. 95—102).
— Отвѣтъ г. Р. по вопросу о наслѣдствѣ. (Ibid., вып. 42, стр. 88).
— Отвѣтъ г. О. на новый вопросъ по ст. 1140, т. X, ч. 1. (Ibid., вып. 43, стр. 72—83).

1864. Очеркъ юридическаго быта великорусскихъ крестьянъ въ XVII ст. (Лѣтоп. занятій археогр. ком., вып. 3, стр. 1—23).
— Артели въ древней и нынѣшней Россіи. (Этногр. Сборн. имп. рус. географ. Общ., вып. VI, стр. 1—93; отд.: Спб., 1864 г).
— Рецензія сочиненія А. Романовича-Славатинскаго: «Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права». (Юрид. Вѣст., вып. 48, стр. 18—50. Матеріалы для ист. росс. дворянства, вып. I, 1885 г.).

1866. Замѣтка по поводу предпринимаемаго описанія Московскаго архива министерства юстиціи. (Журн. М. Ю., т. XXVIII, ч. II, ч. II, № 4, стр. 1—10).
— Донесеніе ея величеству генералъ-прокурора объ удобнѣйшемъ и выгоднѣйшемъ для казны способѣ печатанія Алкорана. (Русск. Арх., № 5, стр. 655—686).
— О Степанѣ Ивановичѣ Шешковскомъ. Сообщеніе. (Русск. Арх., 1866 г., № 2, стр. 263—264).
— Мнѣніе генералъ-прокурора графа Самойлова относительно уплаты процентовъ и долговъ, сдѣланныхъ внѣ государства, 1794 г. (Русскій Арх., 1866 г., № 5, стр. 628—640).

1867. О значеніи Карамзина въ исторіи русскаго законодательства. (Москов. унив. изв., 1866—1867 г., № 3, стр. 205—227; Чтенія въ Общ. люб. слов.,

1867 г., вып. I, стр. 1—23, и въ брош.: «Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Москов. университета».

— Разборъ сочиненія И. Е. Андреевскаго: «О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ», составленный по порученію императорской академіи наукъ, съ приложеніемъ дополнительнаго изслѣдованія автора и обозрѣнія проектовъ и бумагъ комитета 6-го декабря 1826 года, относящихся къ губернскимъ учрежденіямъ. (Въ Отчетѣ о 34 присужд. Демидовскихъ премій; отд. брош.: Спб., 1867 г.).

— Вступительное слово въ публичномъ засѣданіи Общества любителей россійской словесности, бывшемъ 20-го мая 1867 года въ честь славянскихъ гостей. (Бесѣды въ Общ. л. р. сл., вып. II, стр. 3—8).

— Рядныя въ смыслѣ свадебныхъ сговоровъ. Матеріалы для археолог. словаря. (Труды моск. археол. Общ., 1867 г., I, вып. 2).

— Сыскное дѣло о дорогѣ въ Хиву 1697 г. (Русск. Арх., 1867 г., № 3, стр. 395—402).

1868. Разборъ историко-догматическаго изслѣдованія Энгельмана: «О давности по русскому гражданскому праву». (Въ Отчетѣ о 12 присужденіи Уваровскихъ наградъ. Записки импер. ак. наукъ, т. 16, стр. 53—76; отд.: 1870 г).

— Программа разработки началъ русскаго гражданскаго права по своду законовъ съ его источниками и по судебнымъ рѣшеніямъ. (Юрид. Вѣст., кн. 4, стр. 3—47). Отд.: Москва, in 8°.

— О давности по русскому гражданскому праву. (Ibid., кн. 1, стр. 1).

— Возраженіе на замѣтку Лешкова: «О значеніи опекуновъ и душеприкавчиковъ». (Ibid., кн. 2, стр. 71).

— Обозрѣніе постановленій о долговыхъ процентахъ по русскому законодательству. (Ibid., кн. 5).

— Домъ Малюты Скуратова. (Археол. Вѣстн.).

— Статья по поводу «Сборника документовъ, уясняющихъ отношенія латино-польской народности къ русской вѣрѣ и народности». (Юрид. Вѣстн., № 8, стр. 45—61).

1869. Архивы, ихъ государственное значеніе, составъ и устройство. (Труды 1-го археол. съѣзда въ Москвѣ, т. I, стр. 207—218).

— О русскихъ юридическихъ древностяхъ. (Ibid., стр. 197—202).

— Засѣки въ древней Россіи. (Ibid., стр. 203—206).

— Юридическія замѣтки: а) покупка на своэъ строенія; б) расторженіе брака. в) вступленіе въ 4-й бракъ; г) неустойка въ рядныхъ записяхъ; д) по поводу неформальныхъ сохранныхъ росписокъ. (Юрид. Вѣст., кн. 9, стр. 39—49).

1870. Дѣла сыскнаго приказа о разбойникахъ. (Чтенія въ имп. Общ. ист. и древн., т. 2, Смѣсь, стр. 13—64).

1871. Архивы (Русскій Міръ, №№ 94—96).

1873. Высочайше учрежденная коммиссія объ устройствѣ архивовъ. Протоколы перваго и втораго засѣданій. (Русск. Стар., т. VII, стр. 861—868).

1874. Разборъ сочиненія Д. В. Полѣнова: «Историческія свѣдѣнія объ Екатерининской коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія». (Въ отчетѣ о 15 присужденіи Уваровскихъ наградъ).

1875. Объ отношеніи обычнаго права къ законодательству. (Труды 1-го съѣзда рус. юристовъ въ Москвѣ).

— Предисловіе къ изданію «Трудовъ 1-го съѣзда русскихъ юристовъ въ Москвѣ». (Труды съѣзда).

— Отчетъ г. попечителю Моск. учебнаго округа о первомъ съѣздѣ русскихъ юристовъ въ Москвѣ. (Ibid.).
— Три царскія грамоты о вареніи селитры Петру Алябьеву, 1633—1635 гг. (Русск. ист. библ., изд. археогр. ком., т. 2-й, стр. 534—536).
— Архивы въ Россіи. (Голосъ, 1875 г., № 114, перед. ст.).
1878. Вступительное слово, произнесенное при открытіи с.-петербургскаго археологическаго института. (Сборн. археол. инст., кн. I, от. I, стр. 1—11).
— Отчетъ о первомъ выпускѣ сборника историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива I отд. собственной е. и. в. канцеляріи. (Ibid., отд. III, стр. 73—78).
— О снимкахъ и описаніи псковскихъ древностей. (Ibid., стр. 86—92, и Р. М. Комповскаго).
1876. Рецензія сочиненія С. А. Петровскаго: «О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго». (Въ отчетѣ о 19 присужд. Уваровскихъ наградъ). Отд. брошюра: Спб., 1877 г., in 8°).
— Десятни. Одинъ изъ матеріаловъ разряднаго приказа. (Труды 2-го археол. съѣзда въ Спб., вып. I).
— Рецензія на книгу г. Якушкина: «Обычное право. Вып. I. Матеріалы для библіографіи обычнаго права». (Извѣст. имп. геогр. Общ., № 3, стр. 275—281).
— Выписка изъ дѣла правительствующаго сената за 1762—1774 гг. о сооруженіи памятника Петру I Фальконетомъ (изъ моск. арх. мин. юст.) и записка представленная Бецкимъ сенату о томъ же въ 1764 г. (Сборн. имп. русск. ист. Общ., т. XVII, стр. 303—331, 361—366).
1877. Рецензія на сочиненіе С. Пахмана: «Исторія кодификаціи гражданскаго права». (Сборн. госуд. зн., т. III, стр. 36—42).
— Объ отношеніи юридическихъ обычаевъ къ законодательству (отдѣльн. брош., С.-Петербургъ).
1879. Приложеніе къ книгѣ г. Шпилевскаго: «Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи». Извлеченія изъ документовъ московскаго архива министерства юстиціи. (Сборн. арх. инст., кн. 2, отд. I, стр. 85—105).
— О первыхъ занятіяхъ и ихъ направленіи въ с.-петерб. археологическомъ институтѣ. (Ibid., прил., стр. 1—18).
1880. О работахъ слушателей института въ архивахъ и осмотръ ими памятниковъ древности въ 1879 г. (Сборн. арх. инст., кн. 3, отд. 1, стр. 42—53).
— Ученыя занятія и ихъ направленіе въ археологическомъ институтѣ въ 1879 г. (Ibid., кн. 4, прил. стр. 3—12).
— О волостныхъ и сельскихъ судахъ въ древней и нынѣшней Россіи. (Сборникъ государств. знаній, т. VIII, стр. 128—148).
1881. Отчетъ объ осмотрѣ лѣтомъ и осенью 1880 г. членами и слушателями археологическаго института памятниковъ древности и ихъ работы въ архивахъ. (Сборн. археол. инст., кн. 5, отд. I, стр. 1—30).
— О взаимной связи между науками, преподаваемыми въ археологическомъ институтѣ. (Ibid., прилож., стр. 3—12).
1882. Рецензія рукописи г. Майнова: «Очеркъ юридическаго быта мордвы». (Изв. имп. рус. геогр. Общ. за 1882 г., стр. 450—459).
1884. Нѣкоторыя данныя о разработкѣ матеріаловъ въ нашихъ архивахъ и объ изученіи нашего народнаго быта. (Труды 4-го археол. съѣзда, т. I, стр. 19—28).

1885. Помянникъ усопшихъ членовъ археологическаго института. (Вѣстн. ист. и археол., вып. I, стр. 114—116).
— Отзывъ объ изданіи археографической коммиссіи: «Розыскныя дѣла о Шакловитомъ и его сообщникахъ». (Ibid., вып. II, стр. 84—87).
— Предисловіе къ изданію 1-го выпуска матеріаловъ для исторіи русскаго дворянства (стр. 9—14).
— Одинъ изъ моментовъ празднованія въ Москвѣ столѣтняго юбилея высочайше жалованной дворянству грамоты. (Матеріалы для ист. рус. дворянства, вып. II, стр. 11).
— Отзывъ объ изданіи г. Забѣлина: «Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики г. Москвы», ч. 1-я. (Вѣстн. ист. и арх., вып. III, стр. 85—101).
— Къ вопросу объ изданіи сельскаго судебнаго устава. (Рефератъ въ м. ю. Обществѣ, читанный 29-го апр. 1885 г.—Матеріалы для исторіи рус. дворянства, вып. III, 1886 г. стр. 7—25).

Изданія, вышедшія подъ редакціею Н. В. Калачева.

1) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи. Кн. 1-я, 1850 г.; кн. 2-я, половина 2, 1854; кн. 2-я, пол. 1, 1855; кн. 3-я, 1861 г.
2) Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, 1859 г., 6 книгъ; 1860—1861 г., 6 книгъ.
3) Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи. Изданы археографической коммиссіею. Т. I, 1857 г., in 4°; т. II, 1864 г., in 4°; т. III, 1884 г., in 4°.
4) «Юридическій Вѣстникъ», ежемѣсячный журналъ, 1860—1864 г., 48 выпусковъ, и съ 1867—1870 г. (и Шайкевичъ).
5) Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Кн. 1-я, 1869 г.; кн. 2-я, 1872 г.; кн. 3-я, 1876 г.; кн. 4-я, 1884 г.
6) Внутренній бытъ Русскаго государства съ 17-го октября 1740 г. по 25-е ноября 1741 г. М., кн. 1-я, 1880 г.; кн. 2-я, 1886 г.
7) Доклады и приговоры, состоявшіеся въ правительствующемъ сенатѣ въ царствованіе Пётра Великаго. Т. I (1711 г.), 1880 г.; т. II, кн. 1-я (1712 г.), 1882 г.; кн. 2-я (1712 г.), 1883 г.; т. III, кн. 1-я (1713 г.), 1886 г.
8) Писцовыя книги XVI вѣка. Ч. 1-я, отд. 1-е, 1872 г.; отд. 2-е, 1877 г.
9) Дополненіе къ актамъ историческимъ. Изд. археогр. ком., Спб., т. VII, 1859 г.; т. VIII, 1862 г.; т. IX, 1875 г. (и Тимоѳеевъ).
10) Сборникъ археологическаго института. Спб., кн. 1-я, 1878 г.; кн. 2-я, 1879 г.; кн. 3-я и 4-я, 1880 г.; кн. 5-я, 1881 г.
11) Вѣстникъ археологіи и исторіи. Спб., вып. I—IV, 1885 года.
12) Матеріалы для исторіи русскаго дворянства. Вып. I, 1885 г.; вып. II, 1885 г.; вып. III, 1886 г.
13) Архивъ государственнаго совѣта. Изд. канц. государ. совѣта. Т. I, ч. 1-я и 2-я, 1869 г.; т. III, ч. 1-я и 2-я, 1878 г.; т. IV, ч. 1-я и 2-я, 1881 г.
14) Труды перваго съѣзда русскихъ юристовъ въ Москвѣ. М., 1875 г. (и Баршевъ, Муромцевъ и Фальковскій).
15) Иностранныя сочиненія и акты, относящіеся до Россіи, собранные кн. М. Оболенскимъ. Изд. имп. Общ. ист. и древн., 1847 года.
16) О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, соч. Котошихина. (Указатель и описаніе рукописей).

А. Востоковъ.

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ БОСНІИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ ВЪ ПОСЛѢДНІЯ ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ[1].

III.

Гильфердингъ не былъ акредитованъ собственно въ Герцеговинѣ оффиціально, въ качествѣ россійскаго представителя, но, тѣмъ не менѣе, онъ проѣздомъ черезъ эту провинцію счелъ долгомъ собрать о ней возможно полныя свѣдѣнія. Герцеговину отъ Босніи отдѣлять было немыслимо въ политическомъ отношеніи; она представляла даже большій интересъ, хотя административно занимала положеніе низшее, чѣмъ Боснія, управляемая валіемъ; славянскій духъ въ Герцеговинѣ былъ необыкновенно живъ, благодаря, конечно, близости воинственной и страшной туркамъ Черногоріи. Не смотря на разореніе турками, народъ герцеговинскій оставался бодръ и мужественъ, онъ не утратилъ вѣры въ лучшіе дни и его турецкіе властители должны были съ нимъ считаться.

Всѣ эти особенности Герцеговины, столь разнящейся отъ сонной Босніи бодрымъ духомъ ея населенія, были извѣстны Гильфердингу и, конечно, должны были породить въ немъ живое желаніе провѣрить лично и на мѣстѣ то, что ему въ Вѣнѣ и Рагузѣ разсказывали о свойствахъ этого края. Прежде всего Ал. Ѳ-ча поразили представители герцеговинскаго духовенства, съ которыми онъ имѣлъ случай сойдтись. Онъ замѣтилъ, что духовенство пользуется

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXVII, стр. 643.

большимъ уваженіемъ и имѣетъ на народъ благотворное вліяніе. Существовавшіе въ Герцеговинѣ народное сознаніе и бодрость Гильфердингъ справедливо приписываетъ преимущественно малому распространенію въ этой странѣ магометанства между туземными славянами, «тогда какъ въ Босніи, напротивъ, чуть ли не третья часть приняла исламъ. Кромѣ того, благодѣтельное вліяніе на Герцеговину производили монастыри, которыхъ тамъ сохранилось до двѣнадцати, между тѣмъ, какъ въ Босніи ихъ почти нѣтъ. Наконецъ, близость Черногоріи поддерживаетъ въ герцеговинцахъ чувство свободы». О роли Австріи Гильфердингъ повѣствуетъ: «Австрія своевременно позаботилась объ учрежденіи политическаго агентства въ Мостарѣ и до водворенія англійскаго консульства въ Мостарѣ же тому назадъ 3 мѣсяца (т. е. въ февралѣ или мартѣ 1857 г.) пользовалась въ Герцеговинѣ монополіею иностраннаго вліянія. Какъ мнѣ разсказывалъ самъ англійскій консулъ въ Мостарѣ, его правительство не пропускаетъ ни одного случая, чтобы оффиціально вступаться во всякое дѣло, гдѣ затронуты интересы какой либо католической церкви или какого либо турецкаго подданнаго римско-католическаго исповѣданія, — а этихъ послѣднихъ количество немалое въ западной Герцеговинѣ, ихъ считается до 40,000 ч. Черезъ посредство своего посольства въ Константинополѣ Австрія доставляетъ имъ возможность получать безплатно фирманы на построеніе церквей и монастырей, тогда какъ для православныхъ полученіе такого фирмана для возобновленія или постройки самой незначительной сельской церкви обходится, по меньшей мѣрѣ, въ 300, а часто въ 500 и 600 червонцевъ. Благодаря Австріи, учрежденъ близъ Мостара большой католическій монастырь, превосходящій своею величиною всѣ православные монастыри въ западной Турціи, многія приходскія церкви и пр.».

Вслѣдъ за монастырями, конечно, учреждены были всюду школы; на средства австрійское правительство не скупилось. Такъ оно взяло на себя уплату жалованья мостарскому епископу и многимъ своимъ герцеговинскимъ миссіонерамъ. За католическое населеніе, самое бѣдное и непредпріимчивое, австрійскій консулъ заступался постоянно, такъ что въ Герцеговинѣ Австрія получила рѣшительное преобладаніе, съ которымъ считались и турецкія власти въ краѣ. Это вліяніе сказывалось повсюду, даже наружно, въ мелочахъ, что̀ было неудивительно, такъ какъ Австрія давно здѣсь командовала одна, особенно въ западной части Герцеговины, прилегающей къ Далмаціи.

Далеко не тѣ же условія сложились на востокъ отъ Мостара. Здѣсь три четверти жителей были православные, мусульмане встрѣчались лишь въ городахъ, неправославный же былъ вообще рѣдкимъ явленіемъ, особенно среди горныхъ округовъ, издавна отличавшихся мужествомъ своего населенія и его преданностію вѣрѣ. Въ

самомъ дѣлѣ, жители близь черногорской границы, въ Зубцахъ, Никшичахъ и Дробнякахъ, пользуются почти фактическою независимостью и не дали себя обезоружить. Здѣсь сохранились первостепенные монастыри Дужи, Завала, Житомисличи и Пива. Тамъ блюлось и хранилось православіе во всей его чистотѣ и поклоненіе Россіи возведено было въ догматъ вѣры и на всѣхъ эктеніяхъ священники провозглашаютъ здравіе благочестивѣйшаго царя православнаго и молятъ Бога покорити подъ ноги его всякаго врага и супостата. «Лишнимъ было бы говорить о впечатлѣніи,—пишетъ Гильфердингъ,—которое эти слова, торжественно произнесенныя на чужой землѣ передъ благоговѣющимъ народомъ, производили на меня, въ особенности послѣ долгаго моего пребыванія въ Австріи, гдѣ на православной литургіи безпрестанно поминаютъ имя другаго государя».

Мостарцы, не смотря на запрещеніе властей, гдѣ только могли, радушно принимали русскаго гостя и выражали ему вмѣстѣ съ симпатіями къ Россіи живѣйшее сожалѣніе, что русское представительство не учреждается также и въ Мостарѣ. Они чрезвычайно желали имѣть русскаго консула и настаивали на необходимости контролировать одинаково злоупотребленія турецкихъ властей и происки Австріи, которая даетъ чувствовать туркамъ свою силу, но никакъ не въ пользу сербовъ православныхъ. Люди всѣхъ состояній пытливо обращались къ Алекс. Ѳ—чу съ вопросами: почему обойдена или забыта была Россіею Герцеговина, столь преданная Россіи, выражали смущеніе по поводу этого кажущагося имъ равнодушія Россіи, опасеніе, какъ бы вслѣдствіе сего народъ не отвыкъ отъ сочувствія къ ней и не пропалъ бы окончательно, поставленный въ тиски между Турціею и Австріею. Послѣдняя, жаловались они, забравъ латинъ въ свои руки, нынѣ все болѣе и ближе подкапывается подъ православныхъ, стараясь ихъ также подчинить себѣ. Пусть Россія намъ поможетъ и насъ спасетъ отъ Австріи. Вѣдь подняла же Англія въ Мостарѣ свой флагъ, хотя она не имѣетъ здѣсь единовѣрцевъ и подданныхъ.

Положеніе Гильфердинга, котораго осыпали запросами, упреками и слезными просьбами герцеговинскіе единовѣрцы наши, забытые Россіею, по ихъ убѣжденію, было весьма тяжелое и деликатное. Онъ могъ лишь утѣшить ихъ надеждою на лучшее будущее и увѣщевать ихъ потерпѣть, а между тѣмъ донести объ угнетеніи духа, котораго былъ свидѣтелемъ въ Герцеговинѣ, описать тягостное впечатлѣніе, произведенное въ Мостарѣ неназначеніемъ также и туда русскаго консула. Гильфердингу тѣмъ легче было это исполнить, что доводы нашихъ единовѣрцевъ въ Мостарѣ, личное ознакомленіе съ положеніемъ Герцеговины и искреннее убѣжденіе въ необходимости учрежденія тамъ русскаго консульства подсказывали ему, что̀ онъ долженъ былъ писать министерству. При-

чины, ратовавшія въ пользу этого учрежденія, уже извѣстны. Прибавимъ лишь еще одну характерную особенность, обрисовывающую тогдашнее отношеніе къ Австріи простаго народа и тогдашній престижъ, которымъ эта держава пользовалась въ Герцеговинѣ. «Уже теперь я слышалъ много разъ,—пишетъ Гильфердингъ,—въ особенности отъ поселянъ герцеговинскихъ, что они стали пользоваться бо́льшею сравнительно безопасностію жизни съ тѣхъ поръ, какъ «нѣмецкій», т. е. австрійскій, консулъ пріѣхалъ въ Мостаръ. Конечно, не учрежденіе австрійскаго консульства, а современная оному реформа, произведенная введеніемъ танзимата, причиною, что въ послѣднее время ограничился въ нѣкоторой степени произволъ мусульманъ относительно жизни райи, но, тѣмъ не менѣе, многозначителенъ фактъ, что сознаніе простаго народа приписываетъ это благодѣяніе участію Австріи. Этотъ зародышъ, запавшій въ мысль православнаго населенія, можетъ развиться до важныхъ размѣровъ, если Россія не рѣшится заявить свои права на сочувствіе и благодарность въ Герцеговинѣ». Оцѣнка Гильфердинга совершенно правильная, народъ дѣйствительно, видя, что изъ всей Европы одинъ лишь австрійскій консулъ распоряжается въ Герцеговинѣ, приписывалъ вліянію Австріи всѣ улучшенія въ своей судьбѣ. Австрійцамъ подобное представленіе могло быть только выгодно и пріятно; они, конечно, подобныя идеи въ народѣ всячески поддерживали и распространяли.

Тѣмъ не менѣе, министерство не признало возможнымъ учредить россійское консульство въ Мостарѣ. Гильфердингу лишь дозволено было завѣдовать дѣлами также и Герцеговины изъ Сараева и даже обѣщано было, что ему прислано будетъ визиріальное письмо для Сараевскаго валія, на случай если бы боснійскій генералъ-губернаторъ отказался признать компетентность въ Герцеговинѣ русскаго агента въ Босніи.

Ознакомимся, вмѣстѣ съ Гильфердингомъ, со столицею Босніи, съ ея населеніемъ, съ ея турецкимъ начальствомъ и съ иностранными представителями въ Сараевѣ.

Еще не такъ давно, оффиціальною резиденціею султанскихъ губернаторовъ въ Босніи былъ Травникъ. Сараево же сдѣлалось средоточіемъ власти и управленія послѣ лишь боснійскаго похода знаменитаго Омеръ-паши. Гильфердингъ ошибочно опредѣляетъ цифру сараевскаго населенія 60 и даже 70 тысячами. Это чрезвычайно преувеличено,—въ городѣ могло быть не болѣе 20,000 жителей въ то отдаленное время, когда Сараево только еще начинало развиваться. Даже нынѣ, когда въ этомъ городѣ живетъ австрійскій генералъ-губернаторъ или Landschef für Bosnien und die Herzegovina и сосредоточено все управленіе краемъ, именуемое Landesregierung, въ боснійской резиденціи считается не болѣе 26,300 жителей. Это цифра оффиціальная и достовѣрная, если вѣрить статистическимъ

даннымъ и переписи 1885 года, составлѐнной по распоряженію австрійской власти.

Сараево, какъ расположенное въ центрѣ Босніи, издавна сосредоточивало въ себѣ всю торговую дѣятельность края и турки,—говоритъ Гильфердингъ,—«при всей своей дикости и близорукости, благопріятствовали этой торговой жизни города. Во времена самаго страшнаго свирѣпства янычаръ, которые неистовствовали въ Босніи хуже чѣмъ гдѣ либо, когда по выраженію простодушнаго народа, потурчился бы (т. е. принялъ бы турецкую вѣру) самъ св. Петръ, если бы ему пришлось жить въ Босніи, сараевское населеніе пользовалось почти полною безопасностью жизни и имущества. Христіане имѣли свою церковь, единственную во всей Босніе, въ которой богослуженіе совершалось ненарушимо впродолженіе двухъ столѣтій и не было прерываемо насиліемъ мусульманъ».

Въ прежнее время торговлею занимались почти исключительно магометане. Но мало-по-малу православные стали съ ними конкуррировать. Будучи менѣе апатичными, чѣмъ турки, и предпріимчивѣе, они скоро забрали всю торговлю въ свои руки, стали богатѣть и расширять свои торговыя сношенія. Въ то же время самое число христіанъ все болѣе возростало, они отовсюду стремились въ городъ и отворяли дучанъ (лавочку). Замѣчательно, что торговали почти исключительно сербы православные, тогда какъ католики никогда не выказывали никакой способности къ промыслу и ремесламъ, жили особнякомъ и больше занимались земледѣліемъ. Гильфердингу разсказывали старожилы, что еще не такъ давно въ городѣ было не болѣе сотни домовъ православныхъ. «Нынѣ же (т. е. въ 1857 г.) ихъ считается болѣе 500, въ томъ числѣ сотня значительныхъ торговыхъ домовъ, члены которыхъ ежегодно ѣздятъ для своихъ оборотовъ въ Австрію и на Лейпцигскую ярмарку».

Мусульманъ при всемъ томъ было болѣе, чѣмъ христіанъ; считалось мусульманскихъ домовъ въ Сараевѣ до 7,000. Такъ, впрочемъ, было по всему краю: во всѣхъ городахъ преобладало магометанское населеніе. Купцевъ было между ними немного, капиталистовъ еще менѣе, развѣ тѣ, которые нажились злоупотребленіями или откупомъ податей, большею же частію богатство мусульманъ или достатокъ ихъ происходилъ отъ владѣнія земельными участками, на которыхъ работала христіанская райя. Католиковъ, или латинъ, было тогда въ Сараевѣ очень немного.

Главный центръ ихъ въ 1857 году, какъ и нынѣ, составляли Травникъ, Фойница, Ливно, Яйце и окрестныя села. Въ этомъ краѣ существовало три старинныхъ и богатыхъ монастыря: Фойница, Крешево и Сутеско. Гораздо позднѣе австрійская политика сочла необходимымъ учинить латинское вторженіе въ самый центръ боснійскаго православія—Банялуку, гдѣ траппиcты и франци-

сканцы выстроили себѣ обители. Уже во время окупаціи латинскій элементъ въ Травничскомъ округѣ былъ усиленъ іезуитами, которые въ самомъ Травникѣ воздвигли, подъ именемъ Knabenpensionnat, огромное зданіе семинаріи, общежительство и церковь, снабженныя всѣмъ необходимымъ въ изобиліи.

Не смотря на малочисленность свою, католики составляли въ политической жизни Босніи и Герцеговины элементъ первостепенной важности; именно вслѣдствіе своей немногочисленности латины не внушали опасенія своимъ турецкимъ господамъ и пользовались, даже преимущественно передъ сербами, ихъ благоволеніемъ. Притомъ же католиковъ приняла подъ свое покровительство Австрія. Гильфердингъ посѣтилъ монастыри Фойницу и Крешево, лежащіе въ нѣсколькихъ часахъ на сѣверъ отъ Сараева, т. е. центръ католичества въ Босніи. При этомъ онъ отмѣчаетъ, что именно въ католическихъ попреимуществу округахъ было также болѣе всего магометанъ и объясняетъ это совпаденіе тѣмъ, что когда исламизмъ распространяемъ былъ насиліемъ, славяне католики легче православныхъ поддавались обращенію въ исламъ.

Посѣщенные Гильфердингомъ монастыри принадлежатъ къ ордену св. Франциска. Въ 1857 году, орденъ считалъ въ Босніи 130 священниковъ и 70 клириковъ. Орденъ же доставляетъ епископа, но зависитъ не отъ него, а отъ провинціала боснійскихъ францисканцевъ, который почти постоянно живетъ въ Константинополѣ и дѣятельно ходатайствуетъ передъ Портою по дѣламъ и интересамъ католичества въ Босніи. Съ 1854 года, Герцеговина была, инициативою папы, отдѣлена отъ Боснійской епархіи и въ Мостаръ былъ назначенъ отдѣльный епископъ. Католическіе монастыри, церкви и приходскіе священники, никогда не платили турецкому управленію ни личной, ни поземельной подати. Это составляло издавна особое преимущество латинъ и постоянно возбуждало зависть и злобу сербовъ. Неоднократно Порта пробовала игнорировать привилегію католиковъ, но всякій разъ представители Австріи и Франціи настаивали на сохраненіи за латинами ихъ льготъ. За то злоба безсильныхъ съ католиками турокъ всецѣло обрушивалась на православныхъ; сербы вносили двойную подать: за себя и за неплатившихъ католиковъ. Францисканскіе монастыри были, конечно, очень богаты; это было понятно: кромѣ того, что монаховъ и фратровъ никто не притѣснялъ, они еще, благодаря австро-французскому покровительству, становились единственными въ Босніи христіанскими землевладѣльцами, такъ какъ получили дозволеніе распространить и расширить свои владѣнія за ограду монастырей, на пустыри, пашни и лѣса, къ нимъ примыкавшіе.

Въ виду того, какъ беззастѣнчиво въ нынѣшней окупаціонной Босніи ширится католическая пропаганда, интересно, по свидѣтельству Гильфердинга, ознакомиться съ рессурсами, которыми въ

его эпоху располагало латинское духовенство, и разсадниками, изъ которыхъ впослѣдствіи миссіонеры, вмѣстѣ съ католицизмомъ, разносили во всѣ углы Босніи и Герцеговины идеи австрійской окупаціи и анексіи.

«При каждомъ изъ монастырей находится школа, состоящая изъ низшихъ классовъ для элементарнаго обученія дѣтей и высшихъ для готовившихся къ поступленію въ орденъ. Кромѣ того, въ Босніи считаютъ въ 13 школахъ, существующихъ при церквахъ, до 600 учениковъ. Въ высшихъ классахъ воспитанники успѣваютъ совершить первую половину богословскаго курса. Для окончанія ученія ихъ отправляютъ на счетъ австрійскаго правительства въ Дьяковарскую семинарію въ Славоніи, откуда для усовершенствованія они еще посылаются въ Римъ».

Поддержанные вспомоществованіями Запада, францисканцы выстроили себѣ прекрасную новую церковь въ Крешевѣ изъ камня и мрамора и огромный монастырь на Гучьей-Горѣ близъ Травника, а также новыя церкви въ Варешѣ, Зеницѣ, Ливонѣ, а въ 1852 году монастырь въ Горицѣ близъ Ливна.

«Но особенно важно было основаніе въ 1853 и 1856 годахъ двухъ монастырей въ сѣверной Босніи, у самой границы австрійской, чтò дѣлалось въ виду распространенія пропаганды и вліянія: первая обитель заложена была въ Плеанѣ, Дергентскаго округа, а вторая въ 1856 году въ Завикѣ, Бырчской нахіи. Вліяніе францисканцевъ на ихъ паству немалое и велико уваженіе, которымъ они пользовались среди простолюдиновъ. Народъ безпрекословно имъ повинуется и во всѣхъ своихъ дѣлахъ обращается къ нимъ за совѣтами и руководствомъ. Они заслуживаютъ его довѣрія тѣмъ, что вникаютъ въ нужды поселянъ и дѣятельно заступаются за нихъ черезъ посредство австрійскаго и французскаго консуловъ».

Нечего и говорить, что совершенно иное было положеніе въ Босніи сербо-православнаго большинства населенія и его невѣжественнаго духовенства. Здѣсь, на поприщѣ вѣроисповѣданія и національности, единовѣрцамъ нашимъ предстояла впереди широкая дѣятельность, а Гильфердингъ имѣлъ случай и возможность въ широкой степени примѣнить совѣты и матеріальную помощь.

Но положеніе православія составитъ особый предметъ донесенія Ал. Ѳ—ча, и мы въ свое время займемся этимъ интереснымъ и важнымъ для насъ вопросомъ. А пока вернемся къ боснійской столицѣ, съ которою знакомитъ насъ Гильфердингъ, шагающій съ визитами по ея грязнымъ и вонючимъ сокакамъ (улицамъ) въ сопровожденіи современныхъ консульскихъ ликторовъ—кавасовъ. Первый оффиціальный визитъ, конечно, сдѣланъ былъ начальнику края валію сараевскому, Мехмету-Решидъ-пашѣ. Вотъ какъ описываетъ эту личность Гильфердингъ: «Генералъ-губернаторъ не принадлежитъ, повидимому, ни къ числу старыхъ турокъ фанатиковъ, ни къ

новой школѣ европейски образованныхъ турокъ. Его считаютъ вообще человѣкомъ благонамѣреннымъ и справедливымъ и впродолженіе его пребыванія въ Босніи (онъ принялъ здѣсь начальство тому назадъ 10 мѣсяцевъ) не имѣли повода жаловаться на его личный образъ дѣйствій. Но онъ съ другой стороны не оказалъ никакой особенной дѣятельности въ обузданіи произвола мелкихъ мѣстныхъ властей при сборѣ, напримѣръ, податей... Вали скорѣе оказался благосклоннымъ къ откупщикамъ, нежели къ несчастной райѣ... Здѣсь даже подозрѣваютъ, что онъ выказалъ податливость на подкупъ. Мехмедъ-Решидъ не сдѣлалъ для христіанъ никакихъ улучшеній въ духѣ хати-хумаюна; единственное, что онъ совершилъ, это перепись, по которой оказалось, что въ 5 санджакахъ Боснійскаго виляета (Сараевскомъ, Баняluцкомъ, Тузлинскомъ, Новопазарскомъ и Герцеговинскомъ) находится 326,000 христіанъ, 211,000 магометанъ, 6,000 цыганъ и 1,000 евреевъ (все это лишь мужскаго пола)».

Австрійскимъ генеральнымъ консуломъ былъ фонъ-Ресслеръ, французскимъ Віеттъ, англійскимъ Черчилль. О личностяхъ Ресслера и Черчилля Гильфердингъ распространяется въ донесеніи своемъ по поводу интригъ фальшиваго русскаго агента въ герцеговинскомъ монастырѣ Дужи. Мы съ этими господами, а равно и съ кэптэнъ Джонсомъ, познакомили уже читателя въ первомъ своемъ очеркѣ. Должно лишь прибавить еще, что англичанинъ состоялъ съ турками въ наилучшихъ и наиблизкихъ отношеніяхъ, имѣлъ сношенія лишь съ турками, христіанъ же игнорировалъ вовсе и презиралъ. Впрочемъ, это черта общая всѣмъ агентамъ ея британскаго величества на востокѣ.

Гильфердингъ сдѣлалъ, конечно, визитъ всѣмъ болѣе выдающимся сербамъ, чего его иностранные коллеги сербовъ и вообще христіанъ въ Сараевѣ не удостоили.

Послѣ валія высокое положеніе занималъ митрополитъ сараевскій Діонисій. Съ этою личностью мы также имѣли случай нѣсколько познакомиться по поводу перваго молебствія въ русскомъ консульствѣ въ Сараевѣ. Но Діонисій заслуживаетъ бóльшаго вниманія, такъ какъ онъ игралъ немалую роль въ Босніи и съумѣлъ пріобрѣсти вліяніе и значеніе. Владыка былъ грекъ изъ Фанара, какъ и всѣ высшіе чины духовенства въ то время, такъ какъ греческая іерархія завладѣла на востокѣ духовною монополіею съ соизволенія Порты. Конечно, всѣ эти греки были чужими для народа славянскаго, котораго языка они, большею частію, не знали; они не могли пользоваться любовью и довѣріемъ своей паствы. Что касается Діонисія, Гильфердингъ отзывается о митрополитѣ съ выгодной стороны, говоритъ, что онъ былъ человѣкъ хорошей нравственности, ревностный къ церкви и, кромѣ того, всегда готовый заступиться за свою паству передъ властями, что онъ покровитель-

ствуетъ школамъ и заботится о построеніи новыхъ церквей, на условіяхъ не слишкомъ обременительныхъ для православнаго народа. Чтобы сблизиться съ своею паствою хотя бы въ церкви, Діонисій выучилъ пославянски тѣ слова, которыя архіерей произноситъ во время литургіи, а это для 65-тилѣтняго старца грека было нелегко. Но сербы, тѣмъ не менѣе, относились къ своему владыкѣ неособенно дружелюбно и не цѣнили его усилій, называя его «лукавый грекъ». Что владыка обладалъ достаточною долею лукавства, въ этомъ нельзя было сомнѣваться: онъ въ одно и то же время увѣрялъ Гильфердинга, что душою преданъ Россіи и желаетъ съ русскимъ консуломъ жить душа въ душу, а съ другой стороны заискивалъ у паши, боялся компрометировать себя съ московомъ, не участвовалъ на молебствіи въ консульствѣ, не смотря на дозволеніе властей, и, наконецъ, рѣшилъ возвратить Гильфердингу визитъ, лишь получивъ на то формальное согласіе валія! Впрочемъ, съ самимъ генералъ-губернаторомъ русскій представитель состоялъ въ хорошихъ и пріязненныхъ отношеніяхъ; Мехмедъ-Решидъ-паша понялъ, что русскій консулъ не имѣетъ намѣренія ему мѣшать и дѣлать ему затрудненія. Онъ даже повліялъ на митрополита, не только разрѣшивъ ему не чуждаться москова, но еще и рекомендовавъ владыкѣ часто бывать и сблизиться съ Гильфердингомъ.

Діонисій не замедлилъ воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ начальства: на первыхъ же порахъ своего «сближенія» съ Ал. Θед. владыка заявилъ нашему консулу о своемъ желаніи выписать изъ Москвы наперсный крестъ, эмалевое изображеніе 4-хъ апостоловъ для ношенія на митрѣ и золотую табакерку и просилъ указать, къ кому бы можно было въ Москвѣ обратиться съ порученіемъ выслать эти предметы.

Гильфердингъ понялъ, что владыка напрашивается окольными путями на подарокъ. Считая, что маленькое поднесеніе съ нашей стороны можетъ лишь содѣйствовать скрѣпленію только-что возникавшей между нимъ и владыкою дружбы, Ал. Θед. проситъ директора азіатскаго департамента, не будетъ ли сочтено возможнымъ заготовить на казенный счетъ и выслать означенныя вещи въ сараевское консульство для врученія митрополиту въ видѣ подарка отъ императорскаго правительства. Дружба преосвященнаго могла быть полезною для русскаго консульства, подъ которое подрывались дружными усиліями товарищи и «союзники» русскаго агента—Ресслеръ и Черчилль. Тѣмъ не менѣе Гильфердингъ, по природному добродушію русскаго человѣка, а также памятуя полученныя инструкціи, находился со своими коллегами въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, даже съ австрійцемъ, которому особенно должно было быть непріятно водвореніе русскаго агента въ Сараевѣ. Правда, австріецъ этотъ былъ лишь временно завѣдывавшій дѣлами консульства послѣ смерти генеральнаго консула Атанацковича. Новый

агентъ von Rössler былъ уже назначенъ, но еще не пріѣзжалъ, и Гильфердингъ неособенно этимъ сокрушался, такъ какъ, по всѣмъ дошедшимъ до него слухамъ и извѣстіямъ, Ресслеръ отличался чрезвычайно тяжелымъ нравомъ и слылъ за фанатическаго врага Россіи.

Такова была въ Сараевѣ среда, въ которую попалъ первый русскій консулъ въ Босніи. Ознакомимся теперь съ политическими условіями, среди которыхъ онъ призванъ былъ дѣйствовать и знакомить единовѣрный намъ народъ въ Босніи съ Россіею и ея государственными задачами.

Только что сказано было, что отъ Ресслера консулъ нашъ не могъ ожидать ничего благопріятнаго, вслѣдствіе спеціально присущей Ресслеру вражды къ Россіи. Но намъ кажется, что русскій агентъ въ Босніи долженъ былъ заранѣе приготовиться къ мысли, что австрійскій представитель, кто бы онъ ни былъ, не могъ иначе, какъ съ затаенною злобою и недовѣріемъ относиться къ попыткѣ Россіи вытѣснить изъ этого края вліяніе Австріи. Гильфердингъ долженъ былъ ожидать, что на каждомъ шагу встрѣтитъ сопротивленіе и козни австрійцевъ. Конечно, съ человѣкомъ крутымъ какъ Ресслеръ уживаться было особенно трудно, но главное, всетаки, была политика, а не личный характеръ противника. Политика же Австріи относительно Босніи и Герцеговины въ 1857 году была уже ясная и опредѣленная: Австрія всегда имѣла въ этихъ провинціяхъ преобладающее вліяніе, такъ какъ Франція, содержавшая съ 1852 года своего представителя въ Сараевѣ, могла здѣсь лишь въ самой незначительной степени противодѣйствовать Австріи. Впрочемъ, интересъ Австріи къ Босніи и Герцеговинѣ возникъ лишь послѣ революціи 1848—1849 годовъ, а до того времени австрійцы боялись идеи развитія славянскихъ народностей. «Съ тѣхъ поръ,—говоритъ Гильфердингъ,—они научились эту идею эксплоатировать въ свою пользу».

Я воспользуюсь, для выясненія австрійской политики въ Босніи послѣ 1849 года, чрезвычайно интересною французскою запискою Гильфердинга Е. П. Ковалевскому, отъ 27 ноября 1857 года, за № 72.

«До 1849 года, Австрія заботилась лишь объ одномъ: держать Боснію возможно дальше отъ всякаго соприкосновенія съ Европою и остальными славянскими землями. Въ ея глазахъ оттоманское иго, тяготѣвшее надъ Босніей, было вѣрнѣйшею гарантіею въ томъ, что страна эта не приметъ участія въ національномъ пробужденіи, внушавшемъ австрійскому кабинету столь сильныя опасенія».

Въ доказательство, что именно таково было воззрѣніе вѣнскаго кабинета, Гильфердингъ передаетъ разсказъ, слышанный имъ въ Сараевѣ отъ людей компетентныхъ. «Въ 1844 или 1845 году, боснійскіе католики, утомленные притѣсненіями своихъ беговъ-вла-

дѣльцевъ, снарядили въ Вѣну депутацію просить вмѣшательства Австріи. Депутаты были приняты княземъ Меттернихомъ и изложили жалобы христіанъ, которые не въ состояніи долѣе терпѣть.— А мусульмане,—спросилъ канцлеръ,—имѣютъ и они, подобно вамъ, тѣ же мотивы быть недовольными турецкимъ режимомъ? Напротивъ,—возразили депутаты,—мусульмане свободны, довольны и могущественны. — Въ такомъ случаѣ переходите въ исламъ! — утѣшилъ австрійскій министръ злополучныхъ христіанскихъ делегатовъ изъ Босніи».

Должно признать, что совѣтъ Меттерниха заключалъ въ себѣ немалую долю цинизма. Тѣмъ не менѣе канцлеръ отвѣтилъ такъ не для одного лишь краснаго словца: ему, дѣйствительно, было безразлично кто господствуетъ въ Босніи, что̀ въ ней творится, лишь бы тамошніе славяне не были вовлечены въ обще-славянское движеніе и не подчинились бы вліянію Россіи! Такъ продолжалось до самой смерти князя Меттерниха.

За весь этотъ, впрочемъ, недолгій періодъ времени, Австрія не интересовалась боснійскими дѣлами. «Содержать въ Босніи консульство казалось ей безполезнымъ: при банѣ хорватскомъ въ Загребѣ состояло отдѣленіе канцеляріи, такъ называемое восточное, и здѣсь вѣдались дѣла австрійскихъ подданныхъ въ Босніи. Изрѣдка, когда интересы этихъ подданныхъ слишкомъ терпѣли, отправляли въ Боснію или коммиссара, взятаго изъ среды канцелярскихъ чиновниковъ, или офицера изъ военной границы. L'Autriche laissait aller les choses au gré des musulmans».

Послѣ 1849 года и удаленія Меттерниха, политика въ отношеніи Босніи измѣнилась. Поборовъ и воспользовавшись у себя дома славянскимъ движеніемъ въ своихъ видахъ, Австрія пожелала захватить въ свои руки и направлять также и въ сосѣднихъ краяхъ этимъ движеніемъ. Лишь при условіи, что оно будетъ подчинено и зависимо отъ Австріи, движеніе славянъ теряло для вѣнскаго кабинета свой острый и опасный характеръ. Обращено было вниманіе на Боснію: «Австрія возъимѣла мысль господствовать въ этой странѣ, которую она обнимаетъ какъ руками своею венгерскою границею и громаднымъ протяженіемъ своей далматинской линіи. Боснію раздирала гражданская война, когда въ 1850 году Австрія учредила тамъ генеральное консульство, которое нѣкоторое время кочевало по краю, заодно съ штабомъ Омера-паши, переходя съ мѣста на мѣсто: будучи увѣрена въ симпатіяхъ католиковъ, Австрія употребила всѣ усилія къ тому, чтобы пріобрѣсти расположеніе также и православнаго населенія, т. е. большинства въ краѣ. Она поручила съ этою цѣлію консульство въ Босніи сербу восточнаго исповѣданія—Атанацковичу. Второстепенные агенты, назначенные затѣмъ въ Мостаръ, Ливно, Баньялуку и Тузлу, также всѣ были сербы православные. Выборъ

Атанацковича былъ удаченъ: это былъ человѣкъ непоколебимаго нрава, знавшій хорошо турокъ и всѣмъ сердцемъ ихъ ненавидѣвшій. Онъ умѣлъ заставлять турокъ дрожать, среди же христіанъ снискалъ себѣ великую популярность. Вскорѣ австрійское вліяніе достигло своего апогея съ наименованіемъ Хуршида-паши боснійскимъ генералъ-губернаторомъ, вслѣдствіе предстательства за него австрійскаго интернунція въ Константинополѣ».

«Любопытно ознакомиться съ цѣлію, которую преслѣдовала австрійская политика. Желала ли Австрія установленія въ Босніи правильнаго порядка вещей и принятія въ серьезное вниманіе жалобъ христіанъ? Нѣтъ, всѣ дѣйствія Австріи доказываютъ противное: никогда она не приняла на себя почина въ какомъ бы то ни было благодѣтельномъ для христіанъ дѣлѣ. Ея вліяніе на турецкія власти было внушаемо чисто личными разсчетами—паша становился покорнѣйшимъ слугою австрійскаго консульства. Что же касается собственно до народныхъ массъ—католиковъ и православныхъ, Австрія не дѣйствовала въ ихъ пользу передъ турецкими властями, напротивъ, она постоянно развивала въ народѣ зародыши неудовольствія и склонность къ мятежу».

Между тѣмъ, какой контрастъ между дѣйствіями и словами: австрійцы въ Босніи, по свидѣтельству Гильфердинга, выражаются о туркахъ съ презрѣніемъ, съ негодованіемъ противъ ихъ ненавистной тираніи и противъ невозможности исправить и улучшить турецкій режимъ! На словахъ, слѣдовательно, австрійцы клеймили злоупотребленія оттоманскаго управленія, но только на словахъ. Напротивъ, эти самыя злоупотребленія были австрійцамъ на руку, они постоянно указывали народу, подчеркивали, такъ сказать, въ его собственныхъ глазахъ безпорядки и прочія мерзости, творимыя турками. При этомъ, конечно, народу указывалось на идиллически счастливое и роскошное существованіе свободнаго поселянина въ сосѣднихъ областяхъ австрійскихъ, внушалось населенію въ Босніи и Герцеговинѣ, что одна лишь Австрія можетъ положить конецъ его страданіямъ и что въ виду этого слѣдовало бы избраннымъ и довѣреннымъ отъ народа лицамъ обратиться въ Вѣну съ просьбою принять босно-герцеговинскій народъ подъ могущественное покровительство Австріи. Когда же представлялся случай дѣятельно вмѣшаться и оказать истинную помощь угнетенному народу, австрійская дипломатія постоянно уклонялась: такъ, напримѣръ, при Хуршидъ-пашѣ, когда всѣмъ въ Сараевѣ распоряжался австрійскій генеральный консулъ Атанацковичъ, начались вопіющія злоупотребленія сборщиковъ податей, вызвавшія безпорядки въ нѣкоторыхъ частяхъ Босніи, напримѣръ, въ Посавинѣ. Австрійскій агентъ могъ, конечно, пользуясь своимъ вліяніемъ на Хуршидъ-пашу, креатуру Австріи, побудить валія прекратить злоупотребленія и нарядить слѣдствіе. «Il n'en fit rien»,—

опредѣлительно заявляетъ Гильфердингъ. Вмѣсто заступничества, австрійцы начали распространять среди населенія прокламаціи, приглашавшія народъ къ возстанію и предлагавшія ему стать подъ покровительство могущественной его сосѣдки. Точно также Австрія ничего не дѣлала для облегченія народа, когда были наложены новыя несправедливыя подати. Она также не заботилась объ умственномъ развитіи православнаго населенія, не выстроила для нихъ ни одной церкви, ни одной школы. За то австрійцы постарались ввести свои, напечатанныя въ Австріи, учебныя и богослужебныя книги въ тѣ немногія школы и церкви сербскія, которыя уже существовали въ краѣ.

Далѣе для большей рельефности цитирую самый французскій текстъ депеши Гильфердинга: «Le but que l'Autriche poursuit en Bosnie est évidemment celui d'y perpétuer le désordre, l'ignorance, la haine, contre le régime musulman et les velléités de révolte. Par le désordre elle peut y garder son ascendant et se ménager des causes d'ingérence, par l'ignorance, surtout par celle des populations orthodoxes, elle prévient le réveil des sentiments de nationalité et elle y favorise la propagande romaine, enfin par la haine du régime turc et par les velléités de révolte elle garde l'occasion d'occuper et de s'approprier cette province dans quelque catastrophe future».

Характеристика политики и тайныхъ вожделѣній Австріи, сдѣланная Гильфердингомъ въ 1857 году, вполнѣ и во всемъ соотвѣтствовала дѣйствительности. Его обвиненія не были голословными, основанными на личномъ нерасположеніи. Гильфердингъ изучилъ недавнее прошлое по документамъ и свидѣтельству лицъ знающихъ, а то, что на его глазахъ происходило въ современной ему Босніи, все болѣе убѣждало этого безпристрастнаго наблюдателя въ томъ, что роль Австріи въ этомъ краѣ, по меньшей мѣрѣ, двусмысленная и что «катастрофа» была бы для австрійской политики весьма желательнымъ событіемъ, такъ какъ подала бы Австріи поводъ вмѣшаться въ видахъ возстановленія нарушеннаго въ Босніи порядка; въ Вѣнѣ этого желали, добивались, и австрійскіе агенты именно въ этомъ смыслѣ работали въ Босніи: извѣстно, что Атанацковичъ не переставалъ писать за все время Крымской войны, что положеніе Босніи подъ турецкимъ игомъ самое печальное и отчаянное, и что общее возстаніе раии неминуемо. Тогда Австрія получила отъ Европы первый свой мандатъ—занять войсками Боснію. Значительныя войска были ею собраны въ Славоніи и Хорватіи вдоль р. Савы. Генералъ Мейергоферъ посѣтилъ Боснію и занялся съемкою и изученіемъ путей для предстоявшаго вторженія; офицеры генеральнаго штаба собирали по деревнямъ свѣдѣнія о ресурсахъ края и о расположеніи населенія. Консульство въ Сараевѣ заказало нѣсколько тысячъ деревянныхъ сѣделъ для багажныхъ лошадей. Начиналось въ краѣ значительное броженіе, мусульмане

совершали насилія противъ христіанъ, упрекая ихъ въ томъ, что они призываютъ гяуровъ. Окупація, однако, не состоялась, быть можетъ, вслѣдствіе сопротивленія, оказаннаго Франціей, которая поддержала Турцію и подтвердила изъ Бѣлграда и Сараева донесенія турецкихъ властей о мирномъ расположеніи духа христіанскаго населенія въ Босніи. Франція рада была случаю сдѣлать Австріи непріятность: въ Вѣнѣ съ открытою непріязненностію отнеслись къ учрежденію французскаго политическаго агентства въ Босніи; Атанацковичъ велъ себя въ отношеніи своего французскаго коллеги самымъ враждебнымъ образомъ, всячески интриговалъ и досаждалъ ему. Съ своей стороны французъ подкапывался подъ престижъ Австріи въ Босніи, и въ этой работѣ ему содѣйствовало вліяніе, которымъ послѣ Крымской войны начинала пользоваться Франція. Антагонизмъ въ Босніи австрійцевъ и французовъ до того усилился, что между обоими консульствами въ Сараевѣ прекращены были всякія отношенія. Такъ продолжалось до самой смерти Атанацковича, послѣдовавшей въ 1857 году.

Преемникомъ перваго генеральнаго консула австрійскаго въ Сараевѣ назначенъ былъ уже не сербъ и не православный, а нѣмецъ, католикъ фонъ-Ресслеръ. Точно также назначены были въ Боснію еще два католика-нѣмца вице-консулами. Австрія внезапно отказывалась отъ своей прежней политики покровительства православію и возвращалась къ своей всегдашней роли державы нѣмецкой и католической. Гильфердингъ приписываетъ этотъ неожиданный поворотъ учрежденію въ Сараевѣ россійскаго консульства. Предположеніе Ал. Ѳед. довольно основательно: Австрія должна была сознавать, что «même en Bosnie», — какъ высказываетъ Гильфердингъ,—ей невозможно было бороться съ Россіей на почвѣ славянской народности и православной вѣры; Австрія должна была опасаться, «que tout ce qu'elle pourrait faire en faveur de ces deux éléments ne retombât en somme au profit de l'influence russe».

Послѣдующіе годы и событія фактически доказали всю правильность политическаго взгляда А. Ѳ. Гильфердинга: мятежи въ Герцеговинѣ, войны Черногоріи съ турками, возстаніе 1875 года, «ein bischen Herzegowina», вызвавшее войну 1877 года и затѣмъ окупацію, все это указало и выяснило сербскому народу въ Босніи, Герцоговинѣ и Черногоріи, кто его истинные друзья и покровители. Казалось бы, окупація и за нею 8 лѣтъ австрійскаго режима, прелести западной цивилизаціи, привитыя «швабами» полудикому народу, управленіе христіанское болѣе справедливое и болѣе мягкое,— всѣ эти преимущества, пріобрѣтенныя со вступленіемъ австрійцевъ въ край, должны бы, казалось, приковавъ «новоавстрійцевъ» къ Вѣнѣ узами признательности, навѣки оторвать ихъ отъ Россіи и заставить ихъ всѣмъ сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ своимъ отдаться во власть австрійской махтеферы. Казалось бы, что дѣй-

ствительно окупація Босніи и Герцеговины Австріею должна была повести къ полному вытѣсненію идеи о Россіи изъ сердецъ единовѣрцевъ нашихъ въ занятыхъ провинціяхъ и къ замѣнѣ представленія о Россіи новымъ культомъ — австро-мадьярскимъ. Но ошибались нравственные зачинщики окупаціи, ошиблись не менѣе того и фактическіе исполнители въ Босніи и Герцеговинѣ порученія, даннаго Европою Австріи: первые исходили изъ неправильной точки отправленія, полагая, что Австрія можетъ замѣнить православному міру Россію, вторые, т. е. окупаціонное правительство въ Вѣнѣ и въ Сараевѣ, разъ завладѣвъ Босніею и Герцеговиною, сбросили маску и начали распоряжаться какъ въ завоеванномъ краѣ, вводя свои австрійскіе порядки, полицейско-запретительные, словомъ насилуя и брюскируя славянскую народность въ Новой Австріи, подобно тому, какъ въ 1848—1859 и 1868 гг. насиловали нравы, обычаи, духъ и народность своихъ ломбардскихъ и венціанскихъ подданныхъ. И вотъ, въ одинъ прекрасный день Австрія, вовлеченная въ войну на двухъ фронтахъ, убѣдилась, что итальянскіе ея подданные радуются ея неудачамъ, рукоплещутъ успѣхамъ своихъ братьевъ, явившихся освободить угнетенную тедесками Италію и съ своей стороны демонстраціями, заговорами и участіями въ возстаніи, способствуютъ усиліямъ своихъ освободителей. Какъ бы не повторился въ Босніи и Герцеговинѣ прецедентъ съ Ломбардіей и Венеціей? Окупація совершилась и водворилась, хотя и цѣною великихъ усилій военныхъ и экономическихъ, но увѣрены ли австрійцы, могутъ ли они безбоязненно и положительно утверждать, что ихъ господство въ Босніи и Герцеговинѣ покоится на прочныхъ и солидныхъ основаніяхъ, что оно непоколебимо и что оно не дастъ трещинъ? Нѣтъ. Все болѣе и болѣе навязывается убѣжденіе, что владѣніе захваченными турецкими провинціями держится лишь силою штыковъ, да и то лишь въ мирное время. Нравственнаго завоеванія края австрійцы не совершили до сего дня, и чуть раздастся выстрѣлъ черногорской «пушки» (ружья—посербски), раскаты этого сигнальнаго выстрѣла громомъ разнесутся по бырдамъ и планинамъ [1]) герцеговинскимъ, призовутъ къ оружію юнаковъ и зажгутъ пламя возстанія по всему краю. Въ годину испытанія австрійцы убѣдятся, что во всей Босніи и Герцеговинѣ они не съумѣли, за 8 лѣтъ окупаціи, пріобрѣсти себѣ ни одного приверженца: все населеніе, мусульмане и христіане, ждутъ не дождутся, чтобы «швабы» перебрались восвояси за рѣку Саву. Таково настоящее положеніе Австріи въ занятомъ краѣ наканунѣ войны, на сколькихъ фронтахъ? При подобныхъ условіяхъ, обладаніе Босніею и Герцеговиною является для Австріи обузою и представляетъ опасность; она

[1]) Высотамъ и горамъ.

должна будетъ разбросать свои силы, тогда какъ для удержанія и обезпеченія за собою этихъ стратегическихъ позицій, занятыхъ не въ добрый часъ, Австрія принуждена будетъ дѣлать огромныя усилія, не будучи притомъ увѣрена, что ея затраты деньгами и людьми окончатся для нея благополучно.

Вслѣдствіе какихъ упущеній административнаго и политическаго свойства, восемь лѣтъ австрійскаго управленія довели Боснію и Герцеговину до такой печальной для ея правителей степени неблагонадежности,—это вопросъ слишкомъ сложный, котораго коснуться мимоходомъ недостаточно. Впрочемъ, это и не входитъ въ рамки нашего труда. Лицамъ, интересующимся этимъ, мы укажемъ на рядъ статей, помѣщенныхъ нами въ 1882 году въ газетѣ «Голосъ» подъ заглавіемъ «Beati possidentes» и посвященныхъ дореформенному періоду боснійскаго управленія, то-есть режиму съ начала окупаціи 1878 до вступленія въ управленіе либеральнаго Каллая, а также на корреспонденціи въ газетахъ о боснійскихъ дѣлахъ.

Въ настоящемъ же очеркѣ какъ-то само собою напрашивалось сравненіе Босніи, какъ ее описываетъ Гильфердингъ, съ Босніею 30 лѣтъ спустя, съ Босніею окупаціонною. Слова Гильфердинга о невозможности для Австріи конкурировать съ Россіею «même en Bosnie» оказались пророческими, и мы съ удовлетвореніемъ констатируемъ нынѣ, въ 1887 году, что первый русскій консулъ въ Босніи не ошибся, когда въ 1857 году утверждалъ, что Австрія никогда не въ состояніи будетъ оторвать отъ Россіи и замѣнить собою Россію сербскому православному народу въ Босніи и Герцеговинѣ.

Гильфердингъ заключаетъ свою интересную записку объ австрійской политикѣ слѣдующими разсужденіями о роли Франціи на востокѣ, которыя и нынѣ, 30 лѣтъ спустя, вслѣдствіе любопытной политической случайности, снова сблизившей насъ съ Франціею, представляютъ интересъ современности: «Мнѣ кажется, что интересы наши совершенно противоположны австрійскимъ, между тѣмъ, какъ они во всемъ (en tout point conforme) совпадаютъ съ интересами французскими; въ самомъ дѣлѣ, Россія и Франція не могутъ, мнѣ кажется, имѣть въ настоящій моментъ въ Босніи иной цѣли, кромѣ желанія вырвать ее изъ-подъ исключительнаго преобладанія Австріи и предупредить непосредственное въ Босніи вмѣшательство этой державы. Въ виду сего Россія и Франція должны одинаково стремиться водворить въ краѣ справедливое управленіе и оказывать покровительство нравственному и матеріальному преуспѣянію христіанскаго населенія, дабы Боснія могла въ свое время занять мѣсто среди цивилизованныхъ славянскихъ народностей православнаго исповѣданія».

«Непосредственная интервенція» Австріи, съ тѣхъ поръ, со-

вершилась въ формѣ вооруженнаго занятія края и водворенія въ немъ. Но такъ какъ окупація и водвореніе эти имѣютъ лишь временный характеръ, то и нынѣ еще, какъ въ 1857 году, «Россія и Франція,—скажемъ отъ себя, въ подтвержденіе словъ Гильфердинга,—не могутъ имѣть въ Босніи иной цѣли, какъ вырвать эту страну изъ-подъ господства Австріи и содѣйствовать матеріальному и нравственному прогрессу христіанскаго населенія».

IV.

Пребываніе въ Босніи А. Ѳ. Гильфердинга не было продолжительное: пріѣхавъ въ Сараево въ маѣ 1857 года, Ал. Ѳ-чъ уже осенью 1858 года просилъ министерство отозвать его. Дѣйствительно директоръ азіатскаго департамента отношеніемъ отъ 1-го ноября увѣдомилъ представителя нашего въ Босніи, что просьба его уважена и что онъ призывается снова въ департаментъ къ прежней должности своей младшаго столоначальника. На мѣсто же Гильфердинга опредѣленъ былъ секретарь генеральнаго консульства въ Бухарестѣ, надворный совѣтникъ Щулепниковъ.

Намъ неизвѣстно, по крайней мѣрѣ, мы не нашли въ оффиціальной перепискѣ А. Ѳ—ча съ министерствомъ никакихъ указаній на причины, побудившія его столь быстро и неожиданно прекратить свою полезную дѣятельность, удостоенную при томъ высочайшаго одобренія. Быть можетъ, онъ не выносилъ суроваго Сараевскаго климата, быть можетъ, онъ торопился собрать воедино и обработать всѣ тѣ разнородныя свѣдѣнія, которыя были лично имъ собраны о Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи, во время его путешествія по этимъ краямъ. Какъ бы то ни было Гильфердингъ уѣхалъ, сопровождаемый единодушнымъ сожалѣніемъ единовѣрцевъ нашихъ, къ которымъ онъ непрестанно относился съ истинно отеческими любовью и заботливостью. Но напослѣдокъ А. Ѳ—чъ имѣлъ еще удовлетвореніе видѣть исполненіе давнишняго своего желанія: по распоряженію посланника въ Константинополѣ, Герцеговина была включена въ кругъ дѣятельности Сараевскаго консульства. Гильфердингъ тотчасъ же довелъ о таковомъ расширеніи своей юрисдикціи до свѣдѣнія генералъ-губернатора, увѣдомляя въ то же время валія, что, пользуясь даннымъ ему посланникомъ въ Константинополѣ правомъ, онъ отправляетъ въ Мостаръ секретаря сараевскаго консульства А. С. Іонина съ порученіемъ слѣдить за событіями. Іонину же Гильфердингъ разрѣшилъ, въ виду важности дѣлъ, совершавшихся тогда въ сосѣдней провинціи, пересылать свои донесенія непосредственно въ С.-Петербургъ и въ Константинополь, въ Сараево же доставлять лишь копіи. Гильфердингъ былъ правъ, когда не желалъ терять

времени на излишнюю предварительную доставку ему, въ Сараево, донесеній г. Іонина, какъ бы того требовала служебная формалистика: въ сосѣдней провинціи творилось что-то неладное, броженіе развивалось и расширялось, уже тогда готовилось все то, что князь Бисмаркъ впослѣдствіи, послѣ ружейныхъ выстрѣловъ въ Невесиньѣ 1875 года, нѣсколько презрительно обозвалъ: ein bischen Herzegowina. Къ интереснымъ донесеніямъ Іонина о герцеговинскихъ дѣлахъ мы вернемся въ другой разъ болѣе спеціально, въ настоящемъ же очеркѣ мы имѣемъ въ виду резюмировать дѣятельность въ Босніи Гильфердинга и указать на услуги, оказанныя этимъ дѣятелемъ русской политикѣ и русской наукѣ.

Если пребываніе въ Босніи перваго русскаго представителя не было продолжительное, работа, имъ совершенная, матеріалъ, имъ собранный за столь краткій періодъ времени, весьма значительны. Гильфердингъ, какъ ревностный и убѣжденный славистъ, имѣлъ, конечно, понятіе о тѣхъ странахъ и народахъ, куда постоянно стремился своею славянскою душою, воспитанною притомъ же въ идеальныхъ славянофильскихъ кружкахъ московскихъ. Но понятіе это было скорѣе кабинетное, т. е. весьма недостаточное и смутное. Да и откуда было имѣть ясныя и опредѣленныя данныя и свѣдѣнія о всѣхъ этихъ близкихъ и родныхъ намъ славянскихъ разновидностяхъ, населявшихъ Балканскій полуостровъ и Венгерскую низменность? Теорію о братьяхъ славянахъ надлежало провѣрить на практикѣ, а для этого слѣдовало розыскать и посѣтить славянъ у нихъ на родинѣ. Гильфердингъ такъ и поступилъ.

Насъ болѣе спеціально занимаетъ первое ознакомленіе его съ сербскимъ племенемъ въ Старой Сербіи, въ Босніи и Герцеговинѣ. Прослѣдимъ за его маршрутомъ по этимъ малоизвѣстнымъ краямъ. Это можетъ быть полезно въ виду событій, неудержимо назрѣвающихъ на балканскомъ востокѣ: всѣ эти невѣдомыя Старая Сербія, Боснія, Герцеговина, могутъ во всякое время быть призваны играть выдающуюся роль въ готовящейся восточной драмѣ, такъ какъ всѣ эти провинціи, всѣ эти разноплеменные и разноязычные народы балканскіе постоянно сохраняютъ интересъ современности. Es ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu... Вѣчно юны сербы, болгары, босняки, греки, албанцы, и притомъ вѣчно стары — вѣдь давно ими занимается Европа, давно «разрѣшаетъ» какіе-то споры и процессы, между этими народами возникающіе. Греками занимались уже въ 1828—1829 гг., а «греческій вопросъ» все еще живъ и о живучести своей готовъ заявить при первомъ ружейномъ выстрѣлѣ на востокѣ или въ Европѣ. Не менѣе живы и живучи всѣ остальныя разновидности балканскія великаго восточнаго вопроса. Не говоримъ объ открытой болгарской язвѣ и объ австрійскомъ пластырѣ, наклеенномъ на болячку босногерцеговинскую. Есть еще иныя злобы дня: есть Македонія, есть Сер-

бія Старая, попрежнему изнемогающая подъ игомъ турецкимъ, есть Сербія Новая, въ которой не хуже янычаръ хозяйничаютъ ad majorem Austriae gloriam король Миланъ и его напредняки, лакейски преклоняющіеся передъ указаніями изъ Вѣны и Пешта.

Посмотримъ, что такое была Старая Сербія въ 1857 году. Гильфердингъ проѣхалъ черезъ все Новопазарское каймакамство, простиравшееся узкою полосою между Сербіею, Герцеговиною и Черногоріею отъ Вышеграда до Митровицы. Какъ и повсюду въ городахъ, перевѣсъ былъ на сторонѣ мусульманъ, католиковъ не было вовсе, большинство было православнаго исповѣданія. Нечего и говорить, что сербы влачили самое печальное и необезпеченное существованіе и что условія ихъ жизни были еще неблагопріятнѣе въ Старой Сербіи, чѣмъ, напримѣръ, въ Босніи, гдѣ турки, всетаки, хоть нѣсколько побаивались учрежденнаго надъ ними консульскаго контроля. Въ Старой же Сербіи никакіе ненавистные гяуры не сдерживали турецкаго произвола и мусульмане проявленіямъ своего «ндрава» давали полную волю. Гильфердингъ имѣлъ лично случай убѣдиться въ приниженности христіанскаго населенія въ Новопазарскомъ каймакамствѣ: на протяженіи 6 дней пути изъ Сараева до Новаго Пазара, русскій путешественникъ встрѣтилъ всего лишь 2 церкви. Народъ показался ему огрубѣлымъ, одичалымъ, не умѣлъ держать себя во время богослуженія: присутствовавшіе въ церкви шумѣли какъ на базарѣ, кричали, толкались. Это было неудивительно — народъ разучился молиться, такъ какъ упоминаемыя Гильфердингомъ церкви были отстроены и открыты всего годъ тому назадъ, и Ал. Ѳ—чъ видѣлъ 60-ти-лѣтнихъ стариковъ, которые были въ церкви въ первый разъ въ жизни! Онъ посѣтилъ также монастырь Баня, близъ Пребоя, и хвалитъ усердіе монаховъ на пользу православія и народнаго просвѣщенія.

Послѣ Бани путь лежалъ на Нову Варошъ, единственный въ въ тѣхъ мѣстахъ городъ съ преобладающимъ христіанскимъ населеніемъ. Слѣдующій за тѣмъ этапъ—городъ Сѣница, былъ значительнѣе и интереснѣе. Здѣсь снова преобладали мусульмане и притомъ не сербскаго племени, какъ въ Босніи, а албанцы или арнауты, буйные и фанатичные. То же можно сказать и о Новомъ Пазарѣ. Все это, по свидѣтельству Гильфердинга, былъ непочатый уголъ изувѣрства, насилія и несправедливостей самыхъ вопіющихъ и притомъ безнаказанныхъ со стороны турецкихъ администраторовъ, которые распоряжались en famille, не опасаясь гласности. Особенности и сущность турецкаго зулума (гнета) слишкомъ хорошо извѣстны, а потому мы не станемъ входить въ подробности; скажемъ лишь, что въ Новопазарскомъ каймакамствѣ къ обычнымъ проявленіямъ насилія присоединялись еще частые случаи «потурченія», то есть обращенія въ магометанство молодыхъ сербскихъ женщинъ и дѣвушекъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ нелегко

и даже вовсе невозможно было сербамъ отправлять богослуженіе. Власти не только не дозволяли строить новыхъ храмовъ, онѣ противились даже усиліямъ высшаго сербскаго духовенства, направленнаго къ поддержанію столь древнихъ церквей, каковы, напримѣръ, монастыри св. Георгія и Сточаны въ Старой Сербіи. Церкви весьма древнія и построены изъ каменныхъ плитъ, онѣ сохранились такъ хорошо, что недорого было бы ихъ возобновить, между тѣмъ митрополиту призренскому, отъ котораго эти обители зависятъ, было отказано въ разрѣшеніи покрыть Сточанскій храмъ крышею! Такихъ древнихъ обителей вообще очень много разбросано по всему старосербскому краю (напримѣръ, церкви свв. Козьмы и Дамьяна въ Елечахъ, св. Николы въ селѣ Кравичахъ). При этомъ небезполезно замѣтить, что Старою Сербіею обыкновенно называютъ и въ наши дни нахіи Печскую (или Ипекскую), Дьяковицкую, Призренскую, Приштинскую и Вучитрнскую. По описанію Гильфердинга, это плодородная равнина, «кое-гдѣ пересѣкаемая рядомъ холмовъ и отдѣленная хребтами высокихъ горъ на западѣ отъ Албаніи, на сѣверѣ отъ Новопазарской и Лесковацкой области, населенной болгарами, на югѣ и востокѣ отъ области Скопльской (или потурецки Ушкюдской). Къ Старой Сербіи народъ причисляетъ по старому преданію и южную половину Новопазарскаго каймакамства, которая въ церковномъ отношеніи подчинена Призренской митрополіи, а въ административномъ—Боснійскому вилаету.

Въ настоящее время Новопазарскій санджакъ составляетъ часть Салоникскаго генералъ-губернаторства; chef-lieu санджака—Сѣница. Какъ извѣстно, часть Новопазарскаго края по рѣку Лимъ, съ городами Плевле (потурецки Ташлидже), Преполье и Пребой, занята, въ силу ст. 25 берлинскаго договора, смѣшанными австро-турецкими войсками; лишь по ту сторону Лима начинаются собственно турецкіе предѣлы. Но даже и въ эти предѣлы австрійцы, въ силу все той же 25-й статьи, получили право вступить, строить пути и поддерживать сообщенія jusqu'au de la Mitrovitza...

Гильфердингу особенно интересна была Старая Сербія, это древнее Сербское царство съ его историческимъ Коссовымъ полемъ и столицею сербскихъ государей—Ипекомъ, или Печемъ. Знакомый съ исторіею Сербскаго государства А. Ѳ—чъ могъ на мѣстѣ слѣдить и ознакомиться съ остатками прошлой славной эпохи, которую и въ наши дни еще горько оплакиваютъ всѣ сербскіе патріоты. Слѣдовъ этого прошедшаго оставалось достаточно: въ одной Призренской нахіи можно было насчитать до 40 развалинъ древнихъ церквей. Самыми выдающимися монументами, поражающими путешественника своимъ величіемъ, Гильфердингъ называетъ Деčанскую обитель, Печскую патріархію и монастырь Грачаница на Коссовомъ полѣ, которые, кромѣ историческаго, представляютъ еще и археологическій интересъ. Но печальную картину предста-

вляла эта Старая Сербія безъ сербовъ. Извѣстно, что почти 200 лѣтъ тому назадъ сербскіе патріархи изъ Ипека перенесли патріаршій столъ въ южную Венгрію, убѣгая отъ турецкаго насилія. За ними послѣдовало до 30,000 сербскихъ семействъ, спасаясь отъ турокъ. Старая Сербія опустѣла, но не надолго: на мѣста, насиженныя сербами, нахлынули съ окрестныхъ горъ полчища полудикихъ и фанатичныхъ хотовъ, клементовъ, малисоровъ и прочихъ арнаутскихъ племенъ. Въ то время албанцы эти были еще католики, но они быстро «потурчились», и нынѣ католиковъ осталось очень немного, тогда какъ болѣе двухъ третей, населяющихъ Призренскій пашалыкъ — магометане. Житье сербовъ посреди этихъ разбойниковъ арнаутовъ было, конечно, самое печальное; ихъ грабили, убивали, увозили у нихъ женъ и дочерей. Турецкая власть была совершенно безсильна противъ албанской вольницы; кромѣ албанскаго изувѣрства, сербы и турки одинаково боялись еще обычая кровавой мести, существовавшаго у арнаутовъ. Понятно, что подобная среда должна была повліять на характеръ сербовъ. Гильфердингъ находитъ, что христіане пашалыка грубы, подозрительны и ожесточенны. Они также ходятъ вооруженные и безъ длиннаго ружья и пистолетовъ не ступаютъ ни шагу. Тѣмъ не менѣе, при столкновеніяхъ ихъ съ албанцами, перевѣсъ постоянно остается на сторонѣ послѣднихъ. Подобно мусульманамъ, тверды въ вѣрѣ также и сербы, и мусульманская пропаганда не дѣлаетъ въ краѣ успѣховъ. Притомъ же сербы весьма дорожатъ своею народностію, понимаютъ всю пользу образованія и по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ поддерживаютъ школы и когда можно открываютъ новыя. Цѣною продолжительныхъ и упорныхъ ходатайствъ и бакшишей мудирамъ и пашамъ, призренскіе сербы добились разрѣшенія выстроить въ городѣ красивый и просторный храмъ, возобновить такъ называемый Русинскій монастырь св. Троицы близь Призрена, церковь въ Вучитырнѣ и обитель Грачаницу на Коссовомъ полѣ.

Но изъ всѣхъ этихъ религіозныхъ памятниковъ старины, разбросанныхъ по Старой Сербіи, наибольшій интересъ въ отношеніяхъ историческомъ и археологическомъ представляетъ монастырь Дечане. «Лучшій памятникъ прежней славы сербской, — говоритъ Гильфердингъ,—церковь Дечанская сохранилась во всей своей величественной красотѣ. Народъ питаетъ къ ней особенное благоговѣніе и считаетъ ее главною святынею православія въ Сербской землѣ. Теперь прошли для Дечанъ тѣ времена, когда вся обитель оставалась на попеченіи одного какого нибудь старика монаха и осталась неприкосновенною лишь по какому-то чуду. Но, при всемъ томъ, положеніе Дечанскаго монастыря нельзя назвать упроченнымъ и безопаснымъ. Случилось такъ, что именно въ окрестностяхъ его всего сильнѣе былъ наплывъ арнаутовъ: за исключеніемъ четырехъ сербскихъ семействъ, все окружающее Дечане населеніе магоме-

танское, и въ этомъ-то именно краѣ буйство арнаутовъ наиболѣе сильно. Правда, они не смѣютъ прикасаться къ самой святынѣ и питаютъ даже особенное уваженіе къ хранящимся въ обители мощамъ святаго Стефана, короля сербскаго. Но они насильно завладѣли землями, которыя до недавняго еще времени составляли собственность монастыря, и угрожали инокамъ смертію, если бы они вздумали предъявлять свои права. Каждый вечеръ цѣлыя толпы арнаутовъ, которымъ далеко или скучно возвращаться съ полевыхъ работъ домой, приходятъ въ монастырь и требуютъ себѣ безплатнаго угощенія. Часто приходится кормить и поить до 100 человѣкъ и болѣе. Я самъ въ Дечананѣ былъ свидѣтелемъ этого».

Интересно, что древнему благочестію и православію сербскому угрожали не одни лишь изувѣры турки и албанцы: римская пропаганда задумала воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ дечанскихъ монаховъ и даже, какъ увѣряетъ Гильфердингъ, «пріобрѣсти для себя важнѣйшую святыню православія въ Западной Турціи». Вотъ какъ произошло дѣло: «Въ 1855 году, французскій вице-консулъ въ Скутари посѣтилъ Дечане и оффиціально предложилъ, какъ архимандриту этой обители, такъ и призренскому митрополиту, принять монастырь подъ покровительство Франціи; обѣщая монахамъ неприкосновенность ихъ вѣры и служенія, онъ требовалъ лишь номинальнаго, по его словамъ, признанія этого покровительства, обѣщая въ замѣнъ ежегодно пособіе въ 100 червонцевъ и защиту отъ притѣсненій. Митрополитъ и монастырская братія отклонили это вкрадчивое предложеніе, объявивъ, что не они лично, а лишь вся совокупность православнаго міра можетъ располагать ихъ обителью». Отвѣтъ владыки и братіи былъ чрезвычайно патріотическій и проникнутый чувствомъ достоинства,— иначе и не могли отвѣчать на столь «вкрадчивое предложеніе», какъ вѣрно выражается Гильфердингъ, люди, не перестававшіе за все время его пребыванія въ Дечанахъ выказывать самымъ теплымъ и искреннимъ образомъ расположеніе къ русскому гостю и глубокую свою преданность Россіи.

Не слѣдуетъ забывать, что французскія инсинуаціи православному духовенству производимы были въ 1855 году, т. е. въ эпоху полнаго обостренія нашихъ отношеній къ наполеоновской Франціи. Нынѣ, въ 1887 году, когда съ каждымъ днемъ все сильнѣе развиваются въ русскомъ и французскомъ обществахъ взаимныя симпатіи, въ наши дни, когда зарождающаяся русско-французская взаимность съ неимовѣрною быстротою видимо превращается въ нѣчто болѣе интимное и притомъ въ нѣчто болѣе формальное,— немыслимо поведеніе, подобное тому, какъ ознаменовалъ себя французскій вице-консулъ въ Скутари въ 1855 году. Нынѣ французскіе агенты идутъ рука въ руку съ своими русскими товарищами; на балканскомъ востокѣ у насъ съ Франціею одни общіе интересы,

и если французскіе представители дѣлаютъ нынѣ единовѣрцамъ нашимъ представленія, то это происходитъ съ цѣлію открыть имъ глаза, разсѣять ихъ заблужденія, указать имъ на вездѣсущіе интересы британскіе и на происки австро-германскіе, направленные прямо во вредъ славянства въ видахъ политическаго подчиненія востока и матеріальной его эксплоатаціи Берлиномъ и Вѣною. До какой степени tiré par le cheveux былъ крымскій споръ съ Россіею, затѣянный третьимъ Наполеономъ, доказали самыя событія въ Севастополѣ: русскіе солдаты и офицеры во время перемирія сходились и бесѣдовали самымъ дружественнымъ образомъ. Война окончилась и притомъ неблагополучно для насъ. Между тѣмъ въ насъ, русскихъ, не осталось и слѣдовъ того, что называется ея rancune. Франція и французы оставались намъ попрежнему милы и симпатичны. Но самые интересы наши, даже на Востокѣ, даже въ отдаленную эпоху послѣ крымской войны, вовсе не были непримиримы и противоположны. Лучшимъ доказательствомъ служитъ, напримѣръ, тожественность инструкцій, данныхъ на Востокѣ русскимъ и французскимъ агентамъ въ 1857 году, т. е. годъ всего послѣ парижскаго мира и два года послѣ грандіозныхъ битвъ подъ Севастополемъ, «гдѣ побѣжденныхъ не было и были одни лишь побѣдители», — какъ выразился генералъ Соссье. Замѣчательнѣе всего то, что полная тожественность взглядовъ между русскимъ и французскимъ кабинетами установилась на почвѣ «вопросовъ политическихъ и спеціально тѣхъ, которые имѣютъ соотношеніе къ пропагандѣ и къ религіознымъ распрямъ» (предписаніе посольства въ Константинополѣ Гильфердингу отъ 4-го ноября 1857 года) и что признано было полезнымъ «d'imprimer á l'action respective des agents consulaires des deux pays (т. е. Россіи и Франціи) en Orient un caractère entierement conforme aux relations des deux gouvernemènts» (ibidem). Въ виду сего французскій кабинетъ снабдилъ своихъ консульскихъ агентовъ инструкціями въ этомъ смыслѣ. Русское правительство совершенно и во всемъ согласилось со взглядами и принципами, изложенными во французскомъ документѣ. Инструкція Гильфердингу выражала, что «cette pièce (французскій циркуляръ) est l'expression exacte des vues identiques des deux gouvernements». Вслѣдствіе сего, по приказанію государя императора, министръ иностранныхъ дѣлъ предложилъ посольству въ Константинополѣ переслать всѣмъ нашимъ агентамъ копію съ французской депеши, долженствовавшую замѣнить имъ спеціальную инструкцію (pour toute instruction à en transmettre copie и т. д.). Посланникъ Бутеневъ приглашалъ вмѣстѣ съ симъ Гильфердинга «строго согласоваться съ выраженными въ семъ документѣ принципами» и вообще стараться «de faire présider à vos relations avec votre collègue de France le même caractère de confiance et d'accord qui existe entre les representants de France et de Russie à Constantinople».

Самаго циркуляра Тувенеля къ французскимъ агентамъ на Востокѣ мы разбирать не будемъ: не въ депешѣ дѣло, — весь интересъ въ томъ, что въ 1857, какъ въ 1887 году, русскій и французскій кабинеты относились другъ къ другу съ полнымъ довѣріемъ и предупредительностію. Наилучшія отношенія, конечно, должны были установиться между агентами обоихъ правительствъ, и оффиціальное распоряженіе французскаго министра иностранныхъ дѣлъ въ этомъ смыслѣ давало лишь законную, видимую форму и оффиціальную санкцію дружескому влеченію, которое и безъ того естественно сближало французскихъ и русскихъ представителей. Дѣйствительно, французскій товарищъ Гильфердинга, Вьеттъ, тотчасъ по полученіи инструкцій своего правительства, первый самымъ любезнымъ образомъ сообщилъ ихъ Ал. Ѳ—чу и выразилъ убѣжденіе, что турецкій фанатизмъ вскорѣ доставитъ имъ случай наглядно показать валію и мусульманамъ, что Россія и Франція не потерпятъ совращеній въ магометанство и вообще притѣсненій христіанъ за религіею, ими исповѣдуемую.

Описанный эпизодъ нѣсколько отдалилъ насъ отъ прямаго нашего сюжета, хотя съ другой стороны нельзя утверждать, что указанная попытка франко-русскаго соглашенія не относится къ дѣлу. Мы упомянули о французской иниціативѣ 1857 года, въ виду возможнаго черезъ 30 лѣтъ повторенія подобнаго же факта въ близкомъ будущемъ и на той же восточной почвѣ...

Въ довершеніе сдѣланной выше оцѣнки политической дѣятельности Гильфердинга въ Босніи, намъ остается лишь поговорить еще о сдѣланной имъ, съ обычною вѣрностью взгляда, характеристикѣ взаимныхъ отношеній между самими православными жителями босняками. Когда читаешь эти строки, писанныя въ 1857 году, можно подумать, что онѣ выхвачены изъ современной жизни, до того мало измѣнились въ послѣднія 30 лѣтъ внутренній строй и условія существованія всѣхъ классовъ населенія въ Босніи! Въ общемъ Гильфердингъ живо рисуетъ картину неутѣшительную, клеймитъ отсутствіе солидарности и единенія между горожанами-купцами и поселянами-земледѣльцами. О торговцахъ, безопасно и припѣваючи проживающихъ въ городахъ, онъ отзывается неблагопріятно: извѣстно, что такое были и какъ раболѣпно себя держали съ турецкою властію болгарскіе чорбаджіи. Въ Босніи было не лучше. Торговые люди умѣли льстить и подслуживаться пашамъ и мудирамъ, заботясь лишь о своемъ карманѣ, зная всѣ слабыя стороны турокъ и искусно эксплоатируя ихъ въ свою пользу. Они не останавливались передъ доносомъ и шпіонствомъ. Болѣе того: «Когда турки,—разсказываетъ Ал. Ѳ—чъ, во время минувшей войны дѣлали иллюминаціи по поводу настоящихъ или вымышленныхъ своихъ успѣховъ, самыя громкія выраженія радости слышались отъ богатѣйшихъ православныхъ капиталистовъ. Боже сохрани

насъ отъ Москова,—говорили тогда православные купцы между собою,—подъ властію Москова мы потеряли бы то положеніе, которымъ пользуемся теперь». Къ крестьянамъ изъ Тузлинскаго края, приходившимъ въ Сараево искать правосудія и защиты противъ притѣсненія мѣстныхъ сборщиковъ податей, купцы сараевскіе отнеслись непріязненно — они даже свидѣтельствовали передъ валіемъ, что никакихъ злоупотребленій нѣтъ, а что крестьяне чуть ли не съ жиру бѣсятся и проявляютъ мятежный духъ! Сѣницкіе православные купцы письменно просили пашу, чтобы онъ не смѣщалъ мѣстнаго мудира, который, однако, своею жестокостью чуть не вызвалъ возстанія. Такихъ примѣровъ было множество. Очевидно, сербы купцы отъ этого не считали себя ни измѣнниками сербству, ни негодяями. Они кривили душою потому, что съ турками нельзя было вести себя иначе, потому что притворство издавна составляло ихъ политику съ турками, потомъ, наконецъ, и это не послѣднее соображеніе, что такое поведеніе обезпечивало благополучіе и поддерживало привилегированное положеніе торговаго класса. Состоявшіе въ хорошихъ отношеніяхъ съ пашами, купцы крали съ ними вмѣстѣ на подрядахъ и наживали состоянія. «Во всѣхъ почти спекуляціяхъ откупщиковъ, — свидѣтельствуетъ Гильфердингъ, — разоряющихъ земледѣльческій народъ, участвуютъ православные капиталисты непосредственно и еще чаще косвенно, какъ заимодавцы мусульманъ откупщиковъ. Одни изъ виновниковъ страшныхъ притѣсненій въ Посавинѣ были православные купцы тузлинскіе и сараевскіе. Они даютъ тамъ помѣщикамъ денегъ и получаютъ за то отъ нихъ право собирать въ свою пользу доходы съ ихъ имѣній втеченіе извѣстнаго числа лѣтъ, причемъ обращаются не менѣе жестоко, чѣмъ турки съ крестьянами». Ссужая деньгами мусульманъ, торговцы даютъ взаймы также и крестьянамъ и, конечно, не въ убытокъ себѣ. Они эксплоатируютъ трудъ земледѣльческаго класса, то-есть самаго многочисленнаго класса потребителей. Прямымъ послѣдствіемъ столь эгоистичнаго и неразумнаго поведенія является обѣдненіе крестьянскаго сословія, что̀ вызываетъ, конечно, уменьшеніе сбыта продуктовъ и товаровъ, заготовленныхъ купцами. Притомъ же между собою торговцы горожане постоянно раздѣлены ссорами и интригами; располагая средствами, они, тѣмъ не менѣе, въ большихъ городахъ не приступили къ постройкѣ церкви потому, что никакъ не могли прійдти къ соглашенію. Между тѣмъ, поселяне, не мудрствуя лукаво, при всей бѣдности и тягости своего положенія, общими силами и безъ посторонней помощи сооружали храмы и школы.

Картина не привлекательная. Но Гильфердингъ не увлекался, онъ бы скорѣе скрылъ и скрасилъ некрасивыя стороны православнаго сербскаго купечества, которыя такъ безпощадно выставля-

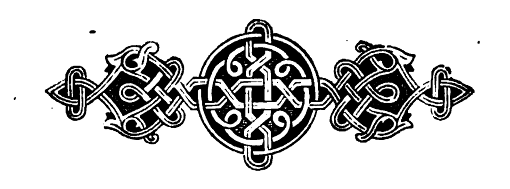
етъ. Но онъ возмущался подобнымъ отношеніемъ интеллигенціи къ несчастному забитому народу и всѣ симпатіи его были на сторонѣ униженныхъ и оскорбленныхъ.

Нынѣ турокъ замѣнили австрійцы, но православные торговцы чорбаджіи остались, то-есть нынѣ почти точно такъ же дѣйствуютъ сыны и внуки тѣхъ вампировъ, которые въ 1857 году высасывали соки народные. Должно, однако, признать, что босняки торговцы нѣсколько измѣнились къ лучшему—есть и нынѣ люди, угождающіе и пресмыкающіеся передъ «швабами», ожидающіе и принимающіе отъ австрійскаго режима мѣсто на службѣ, ордена, подряды и прочее. Но эти ревнители всеже составляли исключенія, весьма нелюбимы своими собратами по ремеслу, которые къ австрійскимъ заискиваніямъ относятся съ чисто боснійскимъ равнодушіемъ. За то и нынѣ попрежнему въ полной и прежней силѣ существуютъ среди босняковъ лучшихъ классовъ апатія и совершенная неспособность ко взаимной поддержкѣ; они чувствуютъ, правда, «швабскіе» уколы и покушенія на свою народность, религію и иные интересы, но не имѣютъ въ себѣ на столько силы воли или столько солидарности, чтобы реагировать; они умѣютъ лишь хныкать, жаловаться на «притѣсненія», но никогда никому изъ босняковъ, особенно же сарайліевъ (жители Сараева), не придетъ въ голову, что они своимъ малодушіемъ возбуждаютъ къ себѣ лишь чувство презрѣнія своихъ администраторовъ, никогда они не додумаются до простой и притомъ вполнѣ законной мысли, что недурно было бы организовать изъ своей сербской среды самозащиту на законныхъ, конечно, основаніяхъ противъ эксплоатаціи австрійцами ихъ сербскихъ и православныхъ чувствъ. Такъ, напримѣръ, босняки плачутъ и жалуются на католическую пропаганду, на умноженіе въ краѣ комунальныхъ школъ. Между тѣмъ они пальцемъ не шевелятъ, чтобъ организовать на лучшихъ началахъ свою, православную, контръпропаганду улучшеніемъ духовнаго воспитанія сербскаго юношества; никто имъ этого запретить не можетъ, никто также не можетъ сербамъ помѣшать на свои средства открывать и содержать свои сербскія школы въ противность и пику школамъ комунальнымъ—правительственнымъ. Между тѣмъ ничего подобнаго сербы-босняки, среди которыхъ особенно въ городахъ очень много людей богатыхъ, не дѣлаютъ. Подобная инициатива потребовала бы съ ихъ стороны слишкомъ значительнаго усилія, а также матеріальныхъ затратъ и жертвъ; на то и на другое одинаково оказывается неспособнымъ огромное большинство боснійскаго общества какъ временъ Гильфердинга, такъ равно и современные босняки окупаціоннаго австрійскаго періода...

На этомъ мы заканчиваемъ характеристику дѣятельности перваго русскаго представителя въ Босніи. Остается лишь прибавить еще, что, благодаря его инициативѣ и по его представленію, нача-

лись съ 1857 года для босно-герцеговинскихъ народа и православія тѣ нравственныя благодѣянія и матеріальныя пожертвованія, которыя сперва ознакомили съ Россіей этотъ забитый и забытый народъ, затѣмъ приблизили его къ русскому міру, внушали ему впродолженіе долгихъ и тяжкихъ лѣтъ турецкаго періода чувства истинной благодарности къ благодѣтельствовавшей ему Россіи, а во дни австрійскаго режима упованіе на Россію и глубокую, дѣтски наивную, но трогательную въ ея проявленіяхъ надежду на лучшіе для сербства и православія дни — «ако да (если дастъ) Бог и славна Руссія!».

Дм. Рудинъ.

НАКАНУНѢ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ.

Изъ „Записокъ" саксонскаго графа Фицтума фонъ-Экштедта [1]).

ПОЧТОВЫЙ пароходъ «Preussische Adler» бросилъ якорь въ Кронштадтской гавани 4-го іюня 1852 года. Переходъ изъ Штетина былъ совершенъ вполнѣ благополучно. Въ числѣ пассажировъ было нѣсколько знатныхъ русскихъ дамъ съ ихъ мужьями; во время плаванія мы много бесѣдовали, и эти дамы съ гордостью говорили мнѣ о своемъ великомъ царѣ и съ увлеченіемъ отзывались о «святой Руси». Чрезвычайно характерно было впечатлѣніе, произведенное на моихъ спутниковъ крѣпостными укрѣпленіями Кронштадта: веселость, царствовавшая на палубѣ, сразу исчезла; вмѣсто радости, естественно охватывающей всякаго при

[1]) Карлъ-Фридрихъ графъ Фицтумъ фонъ-Экштедтъ былъ рожденъ дипломатомъ и съ честію поддерживалъ «дипломатическія традиціи» своего рода. Въ 1845 году, 26 лѣтъ, онъ былъ назначенъ секретаремъ саксонскаго посольства въ Берлинѣ, гдѣ пережилъ польскія смуты и присоединеніе Кракова; въ 1847 году, былъ переведенъ въ Вѣну, гдѣ былъ свидѣтелемъ послѣднихъ мѣсяцевъ «царствованія» Меттерниха, знаменитыхъ мартовскихъ, майскихъ и октябрскихъ дней, восшествія на престолъ Франца-Іосифа и кончины Шварценберга, этого предтечи Бисмарка, но австрійскаго, не прусскаго закала. Въ 1852 году, онъ былъ посланъ въ Петербургъ, гдѣ пробылъ около года, съ іюня 1852 по май 1853 года, вращаясь въ русскомъ обществѣ «наканунѣ Крымской войны». Съ 1853 по 1866 годъ онъ прожилъ въ Лондонѣ, какъ саксонскій посланникъ, слѣдя за Крымской войной и парижскимъ конгрессомъ, за индійской рѣзней и китайской, за созданіемъ Итальянскаго королевства, за польскимъ возстаніемъ, американской междоусобицей и датскою войною. Въ саксонскомъ государственномъ архивѣ

возвращеніи на родину, глубокая печаль подернула лица русскихъ. Казалось, узники возвращаются въ свою темницу послѣ недолгаго пребыванія на свободѣ! Позже я узналъ, что заграничные паспорты были тогда знаками особой милости; даже наиболѣе богатые и знатные съ трудомъ получали право на выѣздъ за границу.

Я поспѣшилъ въ Петербургъ, гдѣ долженъ былъ, втеченіе года, завѣдовать дѣлами королевско-саксонскаго посольства въ качествѣ повѣреннаго.

Видъ Петербурга, при входѣ въ величественную Неву, когда горитъ облитый солнечными лучами золотой куполъ Исакіевскаго собора, поразителенъ. Но это первое впечатлѣніе скоро проходитъ: послѣ Парижа или Лондона, Петербургъ кажется уѣзднымъ городомъ, не смотря на свои огромныя площади и безконечныя, широкія улицы—площади эти пустынны, улицы безлюдны.

Немедленно по прибытіи въ Петербургъ я передалъ мои вѣрительныя грамоты замѣстителю графа Нессельроде, жившаго въ это

хранятся цѣлые томы его оффиціальныхъ депешъ, отчетовъ и реляцій, на французскомъ языкѣ, еще не обнародованныхъ. Какъ опытный дипломатъ старой школы, Фицтумъ фонъ-Экштедтъ нерѣдко сопровождалъ свои бумаги конфиденціальными сообщеніями, иногда частнаго характера, которыя должны были служить дополненіемъ и поясненіемъ оффиціальныхъ актовъ. Въ этихъ приватныхъ сообщеніяхъ онъ передавалъ всѣ слухи и свѣдѣнія, имѣвшія недипломатическій характеръ и доходившія до него такими путями, которыя не признавалось удобнымъ раскрывать въ служебныхъ депешахъ. Сохранилась также масса его писемъ къ матери и роднымъ, безхитростныхъ, полныхъ жизненной правды. Въ тѣхъ случаяхъ, когда переписка съ родными почему либо прекращалась, Фицтумъ фонъ-Экштедтъ велъ свои «Записки», гдѣ въ связномъ разсказѣ излагалъ результаты своихъ наблюденій, какъ, напримѣръ, за все время своего пребыванія въ Россіи. Какъ въ конфиденціальныхъ сообщеніяхъ, такъ въ частныхъ письмахъ и запискахъ нѣтъ и быть не могло никакихъ государственныхъ тайнъ и политическихъ проектовъ; въ нихъ говорится о фактахъ и событіяхъ общеизвѣстныхъ. Интересъ изданныхъ недавно документовъ саксонскаго дипломата заключается въ живомъ представленіи общества и въ ясной характеристикѣ дѣятелей того времени—императора Николая I и Наполеона III, короля Виктора Эммануила и принца Альберта, Меттерниха и Нессельроде, Гарибальди и Кавура, Валевскаго, Персиньи, Пальмерстона и другихъ, съ которыми служебное положеніе сталкивало Фицтума фонъ-Экштедта. Онъ записалъ много устныхъ изрѣченій, чрезвычайно характерныхъ, и сохранилъ много фактовъ, иногда даже довольно мелкихъ, но оживляющихъ общую картину мнѣній и взглядовъ, привычекъ и нравовъ того общества, которое непосредственно предшествовало современному.

Предлагаемый очеркъ «Наканунѣ Крымской войны», заимствованный изъ «St. Petersburg und London in den Jahren 1852—1864 aus den Denkwürdigkeiten des sächsischen Gesandten Carl Friedrich Graf Vitzthum von Eckstädt», 2 Bde, Stuttgart, 1886»,—представляетъ любопытную иллюстрацію къ первымъ главамъ замѣчательной «Etude diplomatique sur la guerre de Crimée, par un ancien diplomate», 2 vls, St. Pétersbourg, 1878, напечатанной на русскомъ языкѣ въ «Вѣстникѣ Европы» 1886 года, февр.—окт., подъ заглавіемъ: «Россія и Европа въ эпоху крымской войны», I—XV гл., барона А. Г. Жомини. В. Б.

время, какъ и императоръ, за городомъ, и сдѣлалъ необходимые визиты членамъ дипломатическаго корпуса и русскимъ сановникамъ, бывшимъ въ городѣ.

Въ день же пріѣзда въ Петербургъ, я познакомился съ тою личностію, которой суждено было заставить вскорѣ всю Европу говорить о себѣ. Это былъ морской министръ, генералъ-адъютантъ, князь Меншиковъ, статный старикъ, суровой военной выправки, чрезвычайно вѣжливый, на устахъ котораго играла саркастическая улыбка, всегда сопровождавшая его извѣстныя остроты. Князь принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ лицамъ, которыя обладали полнымъ довѣріемъ императора Николая и могли все говорить ему. Конечно, при этомъ требовалась крайняя осторожность — горькая истина могла быть предложена императору не иначе, какъ въ пилюлѣ, подслащенной шуткою. Никто лучше князя Меншикова не обладалъ этимъ искусствомъ.

Взяточничество было на столько распространено въ высшихъ сферахъ управленія, что становится совершенно понятнымъ полное довѣріе императора Николая къ тѣмъ немногимъ личностямъ, руки которыхъ оставались чистыми. Къ такимъ личностямъ принадлежали, прежде всего, Меншиковъ и Орловъ.

Въ то время Петербургъ не былъ еще соединенъ съ Европою ни желѣзною дорогою, ни электрическимъ телеграфомъ. Дипломатическій корпусъ былъ совершенно отрѣзанъ отъ сношеній съ Западною Европою и былъ предоставленъ въ этомъ отношеніи собственнымъ средствамъ. Изъ всѣхъ представителей иностранныхъ дворовъ, прусскій посланникъ генералъ-лейтенантъ фонъ-Роховъ считался самымъ вліятельнымъ и обладавшимъ наиболѣе вѣрными свѣдѣніями. Онъ былъ въ Петербургѣ persona gratissima. Словоохотливый, добродушный Роховъ, не обладавшій большимъ государственнымъ умомъ, принадлежалъ къ старой дипломатической школѣ и до того приноровился къ идеямъ императора, что Николай охотно бесѣдовалъ съ нимъ и оказывалъ ему бо́льшее довѣріе, чѣмъ своимъ министрамъ. Нерѣдко случалось, что императоръ сообщалъ прусскому посланнику свои чрезвычайно важныя политическія рѣшенія, о которыхъ графъ Нессельроде не имѣлъ даже понятія, и Роховъ же испрашивалъ у императора Николая разрѣшеніе извѣстить объ этихъ рѣшеніяхъ русскаго государственнаго канцлера! Подобное веденіе дѣлъ, по истинѣ удивительное, вполнѣ характеризуетъ то положеніе, въ которомъ находился министръ иностранныхъ дѣлъ. Довѣренное лицо императора Александра I, другъ Меттерниха, подписавшій вѣнскіе трактаты 1815 года, государственный человѣкъ, котораго вся Европа признавала душею русской политики, графъ Нессельроде былъ въ глазахъ императора Николая не болѣе, какъ чиновникъ, пользовавшійся его довѣріемъ лишь на столько, на сколько это было необходимо для

канцелярскаго веденія дѣлъ. Равнымъ образомъ, и русское общество, не смотря на изысканныя манеры и высокое служебное положеніе графа Нессельроде, не могло забыть, что онъ былъ сынъ иностранца и не принадлежалъ къ православной церкви. Графъ Нессельроде родился на англійскомъ военномъ кораблѣ, былъ крещенъ по обряду англиканской церкви и никогда даже не думалъ мѣнять свое исповѣданіе, но вообще ходилъ молиться въ капеллу англійскаго посольства. Подчиненные любили его; въ служебныхъ дѣлахъ онъ былъ строгъ, но снисходителенъ, и обращалъ особенное вниманіе на ясную, но элегантную редакцію бумагъ. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что всѣ канцеляріи завидуютъ его главному редактору, Лабенскому. Онъ самъ очень охотно занимался составленіемъ бумагъ и тратилъ много времени на тщательную обработку своихъ депешъ.

За обработкой слога депешъ онъ не забывалъ, однако, своихъ оранжерей на островахъ, особенно, когда цвѣли камеліи. Цвѣты и музыка были его страстью. Къ женщинамъ онъ сохранилъ склонность до глубокой старости. Однажды, именно когда цвѣли камеліи, графъ Нессельроде, маленькій, съ большими очками на носу, садился уже въ сани, чтобъ ѣхать на острова, когда прискакалъ фельдъегерь съ депешами. Нессельроде взялъ съ собою депеши, приказалъ прислать къ нему Лабенскаго и уѣхалъ. Когда Лабенскій вошелъ въ оранжерею, канцлеръ пробѣжалъ уже депешу, извѣщавшую о февральской революціи въ Парижѣ. Графъ стоялъ передъ только-что распустившимися ярко красными камеліями и сказалъ Лабенскому, намекая на цвѣтъ: «Такъ теперь и въ Парижѣ—тамъ провозглашена республика».

Нессельроде говаривалъ, что онъ вполнѣ владѣетъ своими мозгами и можетъ, по особенному желанію, открывать и закрывать ихъ, когда ему вздумается. И дѣйствительно, онъ обладалъ способностью сосредоточивать свои умственныя силы на одномъ вопросѣ, забывая всѣ остальные. Эта способность сосредоточиваться помогала ему овладѣвать массою большихъ и мелкихъ дѣлъ, подлежавшихъ его вѣдѣнію. Геніальнымъ его едва ли можно признать. Онъ не создалъ ни одной идеи, но онъ обладалъ способностью освѣщать чужія мысли, ясно ихъ формулировать и осуществлять. Меттернихъ превосходилъ его здравымъ смысломъ, какъ Талейранъ Меттерниха; но въ этой именно способности сосредоточиваться, какъ равнымъ образомъ въ его упорномъ, неутомимомъ трудолюбіи, скрывался секретъ его многолѣтняго, при трехъ императорахъ продолжавшагося нахожденія у власти. Онъ умѣлъ примѣниться и ко всевозможнымъ обстоятельствамъ, и къ желаніямъ государей. Этимъ именно и объясняются тѣ противорѣчія, которыя встрѣчаются кое-гдѣ въ его бумагахъ. При Александрѣ I онъ былъ не тѣмъ, что при Николаѣ I, и сталъ опять инымъ при Александрѣ II. Глубокое зна-

ніе дѣла помогло ему удержаться на своемъ посту при всѣхъ этихъ противорѣчіяхъ. Вполнѣ преданный миру и человѣкъ по природѣ справедливый, онъ едва ли пользовался особеннымъ вліяніемъ, по крайней мѣрѣ, не при Николаѣ, котораго онъ боялся.

Только при такомъ министрѣ иностранныхъ дѣлъ и было мыслимо то положеніе, которое занималъ при русскомъ дворѣ Роховъ, прусскій посланникъ. Онъ былъ обязанъ этимъ преимущественно императрицѣ, дочери прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III.

Еще симпатичнѣе былъ царю только-что назначенный австрійскимъ посланникомъ, бывшій флигель-адъютантъ Франца-Іосифа, графъ Менсдорфъ-Пульи, фельдмаршалъ. Императоръ Николай познакомился съ нимъ еще въ Вѣнѣ, гдѣ Менсдорфъ тогда же плѣнилъ Николая откровеннымъ признаніемъ, что онъ охотнѣе согласился бы командовать кавалерійской бригадой въ какой нибудь глухой мѣстности Венгріи, чѣмъ розыгрывать роль посла въ Петербургѣ, такъ какъ онъ ничего не смыслитъ въ политикѣ. По матери, сестрѣ герцога кобургскаго, короля Леопольда и герцогини кентской, онъ былъ сродни всѣмъ европейскимъ дворамъ; въ Петербургѣ же на него смотрѣли почти какъ на члена императорской фамиліи, такъ какъ онъ приходился двоюроднымъ братомъ великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ, урожденной принцессѣ саксенъ-альтенбургской. Ему смотрѣли всѣ въ глаза, и общество соревновало съ дворомъ въ предупредительномъ вниманіи къ любимцу императора. У женщинъ, которыя влюблялись въ него какъ бы по командѣ, съ нимъ соперничалъ только теноръ Маріо, который тогда не потерялъ еще своего голоса и очаровывалъ русскихъ дамъ. Безъ всякаго усилія, не прибѣгая къ мелкимъ уловкамъ старой дипломатической школы, однимъ важнымъ спокойствіемъ своей прямой и честной натуры, графъ Менсдорфъ былъ для Австріи гораздо полезнѣе любаго состарѣвшагося въ дипломатической интригѣ дѣльца.

Самымъ значительнымъ изъ всѣхъ представителей иностранныхъ дворовъ былъ, безъ сомнѣнія, сэръ Гамильтонъ Сеймуръ, англійскій посланникъ. Опытный дипломатъ, образованный политикъ, умный государственный человѣкъ, Сеймуръ явился въ Петербургъ уже въ сопровожденіи громкой извѣстности за свои подвиги во Флоренціи, Брюсселѣ и Лиссабонѣ, гдѣ онъ съ честью занималъ постъ представителя Великобританіи. Вся Европа знала уже, какъ во Франціи онъ выручилъ изъ бѣды принца Людовика-Наполеона, будущаго французскаго императора, какъ въ Лиссабонѣ поддержалъ тронъ королевы Маріи, расшатанный возстаніемъ. Сэръ Гамильтонъ вовсе не былъ уже новичкомъ, когда, въ началѣ 1853 года, императоръ Николай вздумалъ поразить его тѣми откровеніями, которыя позже возбудили всю англійскую націю и двинули ея флотъ къ Севастополю. Усердный и дѣятель-

ный, притомъ всегда спокойный и серьёзный, Сеймуръ все же не могъ играть вліятельной роли при такомъ государѣ, какъ императоръ Николай.

Французскій посланникъ, генералъ Кастельбажакъ, женатый на дочери герцога Ла-Рошфуко, принадлежалъ къ разряду дипломатовъ-воиновъ, отличающихся своею безтактностью. Вскорѣ по прибытіи въ Петербургъ, на первомъ же парадѣ, онъ навсегда уронилъ себя неумѣстнымъ любопытствомъ относительно Михайловскаго замка. Онъ принялъ за чистую монету пресловутое «l'empire c'est la paix» и постоянно увѣрялъ Николая въ немыслимости англо-французскаго союза. Послѣ Синопской побѣды онъ явился во дворецъ съ чистосердечными поздравленіями, вовсе и не подозрѣвая, что эта побѣда неминуемо вела къ разрыву съ западными державами. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что въ то время постъ французскаго посланника былъ особенно тяжелъ. Въ этомъ я убѣдился изъ интимнаго разговора съ генераломъ Роховымъ, который разъяснилъ мнѣ положеніе дѣла.

Генералъ Роховъ началъ съ того, что далъ полную волю своему гнѣву противъ недавно умершаго князя Феликса Щварценберга. Что прусскій посланникъ не любилъ австрійскаго министра-президента, это быю понятно; но меня поразило, что онъ питалъ такую ненависть даже къ умершему уже. Я спросилъ о причинѣ.

— Боже мой!—вскричалъ Роховъ—я понимаю, что этотъ Шварценбергъ завидовалъ нашему положенію въ Германіи и дѣлалъ всевозможное, чтобъ принизить Пруссію. De mortuis nil nisi bene. Но что же это былъ за человѣкъ! Мы можемъ только благодарить небо, что оно избавило насъ отъ такой личности. Что касается меня, я готовъ все ему простить, кромѣ одного: какъ онъ, князь Шварценбергъ и первый министръ австрійскаго императора, могъ на столько забыть всѣ традиціи австрійскаго двора и своего собственнаго дома, чтобъ принять сторону этого страсбургскаго проходимца, этого булонскаго авантюриста, и отречься отъ принципа легитимизма.

— Позвольте, генералъ, вы зашли слишкомъ ужъ далеко и, кажется, ваши свѣдѣнія невѣрны.

— Мои свѣдѣнія не вѣрны! Но ради самого же Бога—я вѣдь читалъ его письмо, въ которомъ этотъ несчастный, не задолго до своей смерти, излагалъ графу Нессельроде свое политическое исповѣданіе, и, замѣтьте, это не была какая нибудь оффиціальная депеша, которую разрываемый на части министръ могъ подписать, не читая,—нѣтъ, это было собственноручное частное письмо, единственное, которое Нессельроде получилъ отъ него.

Тогда-то я понялъ, въ чемъ дѣло, хотя, всетаки, не одобрялъ желчи моего собесѣдника.

Въ этомъ собственноручномъ секретномъ частномъ письмѣ, пи-

санномъ, вѣроятно, въ мартѣ 1852 года, князь Шварценбергъ высказываетъ, прежде всего, свое убѣжденіе, что «ранѣе конца этого года» Людовикъ-Наполеонъ станетъ императоромъ. Необходимо, поэтому, заранѣе условиться, какое положеніе должны занять три сѣверныя державы: Россія, Пруссія и Австрія, относительно новаго французскаго императора. Затѣмъ князь Шварценбергъ пишетъ почти буквально слѣдующее:

«Договоры рѣшительно возбраняютъ какому либо Бонапарту занимать престолъ Франціи. Въ силу этихъ договоровъ, Австрія, Россія и Пруссія имѣютъ право отказать новому императору въ признаніи и объявить войну Франціи. Если такова воля императора Николая и короля прусскаго, то Австрія, всегда вѣрно соблюдающая договоры, выставитъ 300,000 армію и предоставитъ ее въ распоряженіе своихъ союзниковъ. Если же русскій кабинетъ затруднится признать принятіе Людовикомъ-Наполеономъ императорской короны за casus belli, то было бы желательно избѣжать повторенія той ошибки, которая была сдѣлана въ 1830 году недружелюбнымъ признаніемъ Людовика-Филиппа. Отъ третьей реставраціи Бурбоновъ едва ли можно ожидать прочнаго возстановленія легитимнаго королевскаго трона. Конечно, при помощи иностранныхъ штыковъ нетрудно ввести въ Парижъ Генриха V, но, судя по бывшимъ уже примѣрамъ, трудно думать, чтобы онъ удержался тамъ. Во всякомъ случаѣ, наслѣдникъ Наполеона I имѣетъ больше шансовъ, чѣмъ наслѣдникъ Людовика Святаго, на возстановленіе монархіи въ этой взволнованной странѣ. Если Людовикъ-Наполеонъ желаетъ этого, то онъ въ собственныхъ же интересахъ будетъ принужденъ, подобно своему дядѣ, крѣпко натянуть бразды правленія и объявить войну революціи. Въ этомъ отношеніи интересы сѣверныхъ державъ будутъ тождественны съ его интересами. Если, вслѣдствіе этого, онъ будетъ признанъ императоромъ подъ условіемъ sine qua non, что онъ вполнѣ подчиняется договорамъ 1815 года и что всякое завоевательное стремленіе будетъ принято державами за объявленіе войны, то такое признаніе должно быть сдѣлано въ предупредительной формѣ, если желаютъ разсчитывать на чистосердечное съ его стороны содѣйствіе въ борьбѣ съ разрушительною партіею».

Въ настоящее время всякій непредубѣжденный человѣкъ признаетъ вполнѣ правильнымъ взглядъ, выраженный въ письмѣ Шварценберга. Если бъ въ Петербургѣ послѣдовали совѣту Шварценберга, Крымской войны, быть можетъ, можно было бы избѣжать. Бисмаркъ, смѣнившій Рохова въ Петербургѣ въ качествѣ прусскаго посланника, не раздѣлялъ въ этомъ случаѣ негодованія своего предмѣстника: идеи, выраженныя въ «собственноручной записке объ отношеніи Пруссіи и Франціи», составленной Бисмаркомъ 2-го іюня 1857 года, вполнѣ согласуются съ основными взгля-

дами письма Шварценберга. Какъ бы то ни было, но чистосердечное негодованіе Рохова было на столько характерно для антибонапартскаго настроенія, господствовавшаго при петербургскомъ дворѣ, что я позволю себѣ привести замѣчанія прусскаго посланника.

«Слава Богу, хотя и не безъ труда, но мнѣ удалось внушить императору Николаю правильную точку зрѣнія на дѣло. Маленькій Нессельроде совершенно позабылъ, что онъ самъ одинъ изъ подписавшихъ договоры 1815 года, заразился превратными идеями Шварценберга и уже склонилъ было и императора. Для меня было бы почти невозможно разъубѣдить Николая, если бъ въ Вѣнѣ не появился настоящій государственный умъ. Графъ Буоль, бывши въ Петербургѣ, не понравился императору Николаю и, вопреки всѣмъ моимъ усиліямъ, съ нимъ обходились дурно. Но все-же Буоль—истинно государственный человѣкъ, что̀ онъ и доказалъ. При вступленіи въ должность онъ возстановилъ значеніе легитимизма и предложилъ: хотя и признать Наполеона императоромъ, но отказать ему въ титулѣ «брата», обычномъ между коронованными особами. Этотъ выходъ покажетъ выскочкѣ, что ни императоры Австріи и Россіи, ни мой всемилостивѣйшій государь не считаютъ его равнымъ себѣ».

Послѣдующія событія не оправдали предсказаній Рохова на счетъ государственныхъ способностей графа Буоля. Извѣстна также и судьба заранѣе прославленнаго «выхода», изобрѣтеннаго Буолемъ. Австрійскій императоръ и прусскій король во̀ время одумались и не отказали Наполеону-императору въ обычномъ титулѣ брата. Къ сожалѣнію, въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ позабыли своевременно сообщить русскому кабинету о происшедшей перемѣнѣ во взглядахъ, и императоръ Николай, какъ было условлено, хотя и призналъ Наполеона императоромъ, но привѣтствовалъ его не братомъ, а другомъ—Mon grand ami—подобно тому, какъ президента Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Вызванное предложеніемъ Буоля раздраженіе французскаго повелителя обрушилось, вслѣдствіе этого, исключительно на Россію и не могло остаться безъ послѣдствій.

На рождественскомъ парадѣ 1852 года, на которомъ присутствовали Менсдорфъ и Роховъ, императоръ Николай далъ полную волю своему гнѣву: въ присутствіи русскихъ генераловъ онъ осыпалъ упреками обоихъ пословъ, австрійскаго и прусскаго; онъ говорилъ, что въ вопросѣ о признаніи французскаго императора оба союзника измѣнили ему. Эта сцена, чрезвычайно тяжелая для всѣхъ присутствовавшихъ, была особенно чувствительна для Рохова—онъ именно возставалъ противъ разумныхъ соображеній Шварценберга и чрезмѣрно восхвалялъ нелѣпое предложеніе Буоля.

Этотъ интимный разговоръ съ прусскимъ посланникомъ о предметахъ, бывшихъ для меня въ то время совершенно неизвѣстными,

раскрылъ мнѣ глаза на многое. Мнѣ стала совершенно ясна ничтожность вліянія министровъ, руководящихъ государственными дѣлами: въ вопросѣ, затрогивавшемъ существеннѣйшіе интересы Россіи, графъ Несельроде, на сторонѣ котораго была логика, справедливость и польза Россіи, долженъ былъ уступить нашептываніямъ чужестраннаго посланника! Роковое вліяніе Рохова было тѣмъ болѣе удивительно, что, по всѣмъ внѣшнимъ признакамъ, императоръ Николай I достигъ въ то время верха своего могущества и думалъ, что вся Европа лежитъ у его ногъ.

Когда уже я ознакомился болѣе или менѣе со всѣми «дѣйствующими лицами» драмы, началась и самая драма, началась съ возвращенія царя въ его опустѣлую столицу.

Императоръ съ императрицею поселились въ Петергофѣ, куда вскорѣ прибыло много гостей, получившихъ приглашеніе присутствовать на красносельскихъ маневрахъ. Принцъ Альбертъ саксонскій и принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ прусскій были приглашены лично императоромъ Николаемъ. Оба молодые принца были старшими сыновьями наслѣдниковъ престоловъ Саксоніи и Пруссіи и впервые являлись къ русскому двору. Явились также и выдающіяся личности австрійской и прусской арміи, и вскорѣ Петергофъ и его окрестности наполнились массою блестящихъ военныхъ мундировъ. Самъ императоръ встрѣтилъ молодыхъ принцевъ въ Кронштадтѣ, принялъ ихъ на свою яхту и перевезъ, прежде всего, въ Зимній дворецъ. Нѣсколько дней спустя, принцъ Альбертъ переселился въ Петергофъ; по заведенному порядку и мнѣ было отведено помѣщеніе въ петергофскомъ дворцѣ на все время пребыванія тамъ его королевскаго высочества. Моимъ сосѣдомъ по комнатѣ былъ старый Роховъ, что̀ представляло мнѣ много удобныхъ случаевъ къ взаимному обмѣну мыслей, взглядовъ и наблюденій.

Императоръ Николай принялъ меня въ воскресенье, 8 (20) іюля, послѣ обѣда. Это было противно этикету—приватныя аудіенціи давались только посламъ и посланникамъ. Вслѣдствіе пребыванія здѣсь принца Альберта было сдѣлано исключеніе, которому я обязанъ интереснѣйшими минутами моей жизни. Церемоніймейстеръ провелъ меня до самаго кабинета и остановился въ нерѣшительности въ дверяхъ, не зная, долженъ ли онъ присутствовать при этой необыкновенной аудіенціи. Не говоря ни слова, императоръ отвѣчалъ на этотъ нѣмой вопросъ однимъ энергическимъ указаніемъ пальцемъ на дверь. Мы остались одни, и я въ первый разъ очутился глазъ на глазъ съ могущественнѣйшимъ государемъ въ мірѣ. Греческія черты лица и богатырская наружность Николая I были еще юношески крѣпки, не смотря на его 56 лѣтъ. Фидіасъ изваялъ бы по этой модели Зевса или какого нибудь бога войны. Онъ былъ въ двубортномъ сюртукѣ гвардейскаго полка. Внѣшній видъ его

имѣлъ что-то рыцарское, внушительное, и я теперь понялъ, что этотъ колоссъ, стоявшій предо мною, могъ однимъ мановеніемъ руки подавить революціонное движеніе, вызванное появленіемъ холеры. Мнѣ вспомнился этотъ моментъ, когда я взглянулъ въ глаза императора. Эти глаза показались мнѣ какими-то нетвердыми; въ нервномъ подергиваньѣ угловъ рта было что-то непріятное, болѣзненное.

Съ подкупающею любезностью заговорилъ императоръ о принцѣ Альбертѣ и высказалъ свое удовольствіе по поводу его посѣщенія Россіи, причемъ императоръ, казалось, совершенно забылъ, что предъ нимъ тотъ юный дипломатъ, котораго онъ никогда еще не видѣлъ и о которомъ онъ едва ли могъ что слышать. Съ полною довѣрчивостью, какъ будто онъ разговаривалъ съ какимъ нибудь старымъ знакомымъ, разсказывалъ онъ мнѣ свое путешествіе, только-что оконченное. Онъ былъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Вѣнѣ, посѣтилъ императрицу Марію-Анну въ Прагѣ, не минулъ Веймара и Дармштадта, обнялъ свою дочь въ Штутгартѣ. Всюду, въ немного дней, его орлиный взглядъ все увидѣлъ, и онъ непринужденно сообщалъ свои наблюденія во время этой инспекторской поѣздки. Хуже всего отзывался онъ о Берлинѣ; онъ просто горячился, жалуясь на слабость прусскаго короля. Когда я попытался было умѣрить этотъ гнѣвный тонъ довольно банальнымъ замѣчаніемъ, что у прусскаго короля, всетаки, добрыя намѣренія и много любезныхъ качествъ, царь разразился слѣдующей тирадой: «Тѣмъ хуже для его любезныхъ качествъ! Что же касается его добрыхъ намѣреній, то я вамъ говорю, что онъ самъ никогда не знаетъ, чего онъ хочетъ. Это не король; онъ только роняетъ наше ремесло. Знайте же—тутъ Николай топнулъ ногою—земля подъ моими ногами также минирована, какъ и подъ вашими. Мы всѣ солидарны между собою. У насъ всѣхъ одинъ общій врагъ—революція. Если будутъ продолжать такъ нѣжничать съ нею, какъ въ Берлинѣ, опасность скоро станетъ общею. Здѣсь я ничего не боюсь. Пока я живъ, никто не шевельнется. Я, вѣдь, солдатъ; мой же берлинскій братецъ никогда солдатомъ и не былъ. Какъ вы меня видите—Николай сталъ говорить увѣреннымъ тономъ и со всѣмъ очарованіемъ своего благозвучнаго голоса—какъ вы меня видите, я уже тридцать восьмой годъ на службѣ: я вступилъ въ дѣйствующую армію въ 1813 году. Да, я солдатъ въ душѣ; военная служба—мое ремесло. Другое ремесло, возложенное на меня Провидѣніемъ—эти слова были произнесены имъ очень тихо, почти шепотомъ—я исполняю по необходимости: его нужно же исполнять и нѣтъ никого, кто могъ бы замѣстить меня. Но это не мое ремесло».

Было что-то трагическое въ этомъ признаніи. Чувствовалось, какъ тяжелы лежащія на немъ правительственныя заботы, которыя онъ несъ одинъ уже двадцать семь лѣтъ! Его прекрасные

глаза помутились; его взглядъ сталъ непокойнымъ. Раскланявшись съ благосклоннѣйшимъ изъ императоровъ, я вышелъ изъ его кабинета, залитаго лучами солнца, но все же мрачнаго, непривѣтливаго.

Передъ этою аудіенціею, я былъ представленъ императрицѣ въ столовой, гдѣ она завтракала, сидя между обоими принцами и будучи окружена доброю сотнею иностранныхъ и русскихъ генераловъ. По окончаніи завтрака, императрица подошла прямо ко мнѣ. Красота ея давно уже увяла, но въ страдальческихъ чертахъ лица замѣтны еще слѣды сходства съ ея прелестною матерью, королевою Луизою. Ея нервы, о которыхъ я такъ много слышалъ во время краткаго моего пребыванія въ Петербургѣ, были сильно потрясены. Ея худощавая фигура въ свѣтлой одеждѣ невольно напоминала призракъ бѣлой женщины, прогуливавшейся по берлинскому замку. Особенно тяжелое впечатлѣніе производили непроизвольныя наклоненія головы, ежесекундно повторявшіяся.

Первыя же слова, которыми удостоила меня императрица, легко могли поставить меня въ затруднительное положеніе среди многочисленнаго и чуждаго мнѣ общества. «Почему король прислалъ къ намъ только повѣреннаго въ дѣлахъ?»—былъ первый вопросъ, обращенный ко мнѣ императрицею, бывшею тогда, очевидно, не въ духѣ. Я взглянулъ спокойно въ глаза императрицы и отвѣчалъ ей также спокойно: «Могу увѣрить ваше величество, что я гораздо охотнѣе явился бы въ качествѣ посла». Императрица разсмѣялась и стала разговаривать со мною самымъ любезнымъ образомъ.

Пребываніе въ Петергофѣ было весьма пріятно и очень поучительно, такъ какъ я находился, такъ сказать, въ средоточіи дѣлъ и новостей. Среди прибывшихъ австрійскихъ и прусскихъ офицеровъ я встрѣтилъ много старыхъ знакомыхъ, графа Клама, фельдмаршала Гесса и др., которые сообщали новости изъ Вѣны, возбудившія во мнѣ какъ бы тоску по родномъ городѣ.

Изъ всѣхъ праздниковъ, устроенныхъ въ честь принцевъ, особенно выдѣлялся балъ, данный великою княгинею Маріею Николаевною, герцогинею лейхтенбергскою, на ея дачѣ, близъ Петергофа. Она была тогда въ цвѣтѣ лѣтъ и чрезвычайно красива; она наслѣдовала отъ отца греческій профиль и считалась любимѣйшею его дочерью. Она была очень остроумна и жива. Скорѣе маленькаго роста, чѣмъ большаго, но стройная и хорошо сложенная, она носила чрезвычайно короткія платья, рисуясь, какъ говорили злые языки, своею маленькою ножкой. Герцогъ Лейхтенбергскій, ея супругъ, былъ въ то время очень боленъ; но долженъ былъ, однако, оставить постель для встрѣчи императора. Николай I пріѣхалъ на балъ нѣсколько позднѣе, чѣмъ его ожидали. Онъ подошелъ ко мнѣ и, указывая на принца Альберта, танцовавшаго съ великою княгинею, сказалъ: «Судьбы божіи неисповѣдимы. Посмотрите на ва-

шего юнаго принца! Я понимаю толкъ въ людяхъ. Повѣрьте мнѣ: онъ способенъ управлять самою обширною страною въ мірѣ».

Геройскій предводитель саксонцевъ въ сраженіи при Сен-Привà, побѣдитель при Бомонѣ, принцъ, по отзыву Мольтке, заявившій себя въ войну 1870—1871 годовъ истымъ полководцемъ, оправдалъ приговоръ императора Николая.

Замѣчателенъ былъ также большой разводъ, которымъ закончились маневры. Императоръ самъ командовалъ войсками, дефилировавшими передъ императрицей. Прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ продолжалось нѣсколько часовъ, такъ какъ было собрано приблизительно—я ихъ не считалъ—до 100,000 солдатъ. Императоръ, съ саблею на голо, находился на небольшомъ холмѣ, съ котораго могъ обозрѣвать все поле, занятое войсками. Меня, вмѣстѣ съ нѣсколькими дамами, помѣстили какъ разъ сзади императора, напротивъ коляски императрицы. Такимъ образомъ, я отлично видѣлъ это величественное военное зрѣлище. Я замѣтилъ, между прочимъ, что всѣ верховыя лошади, которыхъ императоръ смѣнилъ нѣсколько, были если неособенно велики, то очень крѣпкія и отлично дресированныя—ни одна изъ нихъ даже ухомъ не повела и не переступила съ ноги на ногу. Но ни одно изъ этихъ благородныхъ животныхъ не выдерживало болѣе одного часа тяжесть своего всадника: послѣ часа начиналось дрожаніе во всѣхъ членахъ и императору тотчасъ же подводили свѣжаго коня.

Въ первый же день манёвровъ принцъ Альбертъ привлекъ къ себѣ симпатіи царя тѣмъ, что зналъ русскія наименованія всѣхъ полковъ. Когда его величество предоставилъ принцу выбрать полкъ, котораго принцъ жаловался шефомъ, онъ предпочелъ простыхъ егерей блестящимъ гусарамъ, чтò также очень понравилось императору. Въ этомъ выборѣ Николай узналъ, какъ самъ говорилъ мнѣ, «истаго солдата».

Вскорѣ по окончаніи манёвровъ умерли два лица, близкія императорскому дому. Послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни скончался престарѣлый князь Петръ Волконскій, одинъ изъ наиболѣе близкихъ къ императорскому двору сановниковъ. Онъ заживо разлагался, но до послѣдней минуты сохранялъ свое вліяніе на императорскую фамилію. Императоръ, императрица, великіе князья и великія княгини ежедневно навѣщали его.

Императоръ приказалъ похоронить князя Волконскаго съ возможно бòльшею торжественностью. Дипломатическій корпусъ и высшіе чины имперіи должны были присутствовать при погребеніи. Посреди церкви былъ поставленъ катафалкъ съ открытымъ гробомъ; вокругъ—тысячи восковыхъ свѣчей. Катафалкъ былъ такъ высокъ, что съ трудомъ можно было разсмотрѣть черты лица покойника. Духовенство въ полномъ облаченіи служило заупокойную литургію и потомъ панихиду. Когда пришло время заколачивать

гробъ, императоръ поднялся по ступенькамъ катафалка, поцѣловалъ трупъ и долго стоялъ, колѣнопреклоненный, передъ гробомъ. Затѣмъ, онъ всталъ и движеніемъ руки приказалъ двѣнадцати унтеръ-офицерамъ того полка, шефомъ котораго состоялъ князь Волконскій, нести гробъ до могилы. Когда процессія была уже готова двинуться, его величество отстранилъ одного изъ державшихъ гробъ, самъ взялся за ручку гроба и понесъ тѣло своего вѣрнаго слуги.

По окончаніи маневровъ, принцы предприняли поѣздку въ Москву; ихъ сопровождали австрійскіе и прусскіе генералы, тоже гости императора. Графъ Менсдорфъ схватилъ въ это время лихорадку и не могъ сопутствовать имъ; императоръ заботился о больномъ, какъ любящій отецъ, и нѣсколько разъ навѣщалъ его. Въ половинѣ сентября, Менсдорфъ отправился въ Чугуевъ, чтобы, вмѣстѣ съ императоромъ, присутствовать на большихъ кавалерійскихъ ученіяхъ. Онъ воспользовался этою поѣздкою, чтобъ повидать Москву, и предложилъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе. Мы сѣли въ приготовленный для Менсдорфа императорскій салонъ-вагонъ и черезъ двадцать четыре часа были въ Москвѣ. Самое путешествіе не представляетъ ничего привлекательнаго, такъ какъ желѣзная дорога не касается ни одного города. Только разъ во время пути видѣли мы издали колокольни Твери. Станціи вновь отстроены, содержатся очень чисто и снабжены изысканными буфетами, хотя и стоятъ въ пустыряхъ. На каждой станціи были всевозможныя прохладительные напитки и, прежде всего, столь любимое русскими шампанское. Мы такъ уютно размѣстились въ императорскомъ вагонѣ, что неохотно выходили на станціяхъ. Изъ любопытства только мы осмотрѣли одну станцію—это все равно, что видѣть всѣ ихъ, такъ какъ всѣ онѣ построены на одинъ образецъ.

За нѣсколько станцій до Москвы, къ намъ въ вагонъ явился русскій генералъ, князь Абамелекъ. Онъ былъ назначенъ состоять при графѣ Менсдорфѣ на все время пребыванія его въ Москвѣ. Для Менсдорфа и его адъютанта было приготовлено помѣщеніе въ Кремлѣ. Я остановился въ гостинницѣ, ближайшей ко дворцу. и былъ немало удивленъ, получивъ, нѣсколько минутъ спустя, приглашеніе къ императорскому столу—вниманіе, которымъ я былъ обязанъ гофмаршалу барону Боде. Князь Абамелекъ оказался весьма опытнымъ проводникомъ. Повсюду были приготовлены придворные экипажи, и мы могли въ три дня осмотрѣть всѣ достопримѣчательности Москвы, на что̀ обыкновеннымъ путешественникамъ потребовалось бы тридцать дней.

Во всѣхъ учрежденіяхъ насъ встрѣчали чиновники, а въ знаменитомъ Воспитательномъ домѣ—одномъ изъ величественнѣйшихъ благотворительныхъ учрежденій во всемъ мірѣ—были выставлены ряды кормилицъ въ ихъ праздничныхъ костюмахъ. Каждый рядъ

отличался особымъ цвѣтомъ кокошника; платье соотвѣтствовало цвѣту головнаго убора. На рукахъ у этихъ зеленыхъ, голубыхъ и красныхъ кормилицъ были спеленутые младенцы, и насъ увѣряли, будто онѣ кормятъ ихъ по командѣ.

Кремль самъ по себѣ не просто зàмокъ, но цѣлый укрѣпленный городъ. Всѣ кремлевскія палаты реставрированы послѣ пожара 1812 года, но не въ прежнемъ, а нѣсколько въ азіатскомъ вкусѣ. Неизмѣненною осталась только большая сводчатая палата, въ которой происходили въ старину смотрины боярскихъ дочерей при выборѣ невѣсты для царя. Царь появлялся при этомъ на верхней галлереѣ, а юныя дѣвицы, въ сопровожденіи своихъ матерей или ближайшихъ родственницъ, должны были раздѣваться и выказывать всѣ ихъ прелести—варварская церемонія, свидѣтельствующая, что Москва была въ то время глухою Азіею. Вообще, пожаръ 1812 года вовсе не снялъ съ Москвы ея азіатскаго отпечатка. Москва представляется особенно величественною по множеству домовъ, число и просторность которыхъ не соотвѣтствуетъ, однако, населенію. Сотни золотыхъ куполовъ и множество садовъ придаютъ Москвѣ поразительный видъ, если смотрѣть со Смоленской дороги.

Баронъ Боде, женатый на внучкѣ графини Юліи Строгоновой, пригласилъ насъ обѣдать въ свой домъ. Гостепріимный хозяинъ оказался человѣкомъ крайне благочестивымъ. Онъ показалъ намъ свою образнýю: небольшая комната вся увѣшена иконами византійскаго письма; передъ каждымъ образомъ—одна или нѣсколько восковыхъ свѣчей; посреди комнаты, въ дорогомъ гробу, мощи фамильнаго святаго. Проходя по образнòй, Боде все крестился и не отходилъ отъ мощей, не сдѣлавъ земнаго поклона.

Князь Абамелекъ возилъ насъ къ послѣднему русскому боярину, восьмидесятилѣтнему богачу, князю Сергѣю Михайловичу Голицыну. Онъ жилъ близь Москвы, въ великолѣпномъ замкѣ, окруженный почти придворнымъ штатомъ. Онъ былъ старѣйшій сановникъ имперіи; ходила молва, будто еще Екатерина II надѣла на него орденъ св. Андрея Первозваннаго. Онъ былъ украшенъ всѣми знаками отличія, даже двойнымъ портретомъ, миніатюрами императора и императрицы, богато осыпанными брилліантами. Бывая въ Москвѣ, императоръ Николай всегда навѣщалъ и стараго князя. Голицынъ, въ своемъ свѣтломъ парикѣ и со вставными зубами, производилъ впечатлѣніе какого-то автомата или восковой фигуры. Это былъ гостепріимный, добрый старикъ, воскресавшій, какъ только заходила рѣчь о добромъ старомъ времени. Онъ знаетъ Дрезденъ; въ послѣдній разъ онъ былъ въ Дрезденѣ въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, и чтò затѣмъ сталось съ Германіей, ему рѣшительно неизвѣстно. Онъ спрашивалъ меня о курфюрстѣ саксонскомъ, освѣдомлялся о саксонскомъ министрѣ, котораго даже имя было мнѣ неизвѣстно. Онъ не имѣетъ понятія о битвахъ при Іенѣ

и Лейпцигѣ; но о московскомъ пожарѣ онъ говорилъ такъ живо, какъ будто это было вчера. Кутузовъ и Ростопчинъ были его друзьями юности. Его племянникъ показывалъ намъ хозяйственныя постройки. Мы осматривали, между прочимъ, коровникъ съ великолѣпными экземплярами—чистокровными йоркширками, вывезенными на особомъ кораблѣ, спеціально для того зафрахтованномъ. Проводникъ, однако, увѣрялъ насъ, что наслѣдники князя не будутъ уже въ состояніи позволить себѣ такую роскошь: бутылка молока отъ этихъ коровъ стоитъ князю дороже бутылки шампанскаго! Показывали намъ и великолѣпныхъ лошадей, особенно знаменитыхъ рысаковъ изъ орловскаго завода. Словомъ, мы видѣли образцовое хозяйство, поставленное на широкую ногу. Но грязь немощеныхъ улицъ живо напоминала Россію. Съ княземъ Сергѣемъ Михайловичемъ умеръ послѣдній русскій бояринъ.

Менсдорфъ отправился на югъ, въ сопровожденіи императорскаго фельдегеря; я возвратился въ Петербургъ. Въ городѣ было полное затишье; столица была почти пуста; но на окрестныхъ дачахъ, особенно же на островахъ, жизнь была въ полномъ разгарѣ. По вечерамъ всѣ съѣзжались на «Стрѣлку», на крайній западный мысокъ Елагина острова, съ видомъ на море. Это была смѣсь экипажей всѣхъ родовъ, какъ бы застывшій Корсо. Кавалеры вставали съ своихъ дрожекъ и, переходя отъ кареты къ коляскѣ, любезничали то съ княгиней, то съ артисткой. Здѣсь представлялся удобный случай для дамъ выставить свои парижскіе туалеты, для мужчинъ—завязать знакомства. Кромѣ обычной болтовни, здѣсь можно было услышать и всѣ новости, такъ какъ многіе дипломаты ежедневно являлись на Стрѣлку.

Меня поразила здѣсь, и позже, когда начался сезонъ, поражала еще болѣе та свобода, съ которою обсуждались и критиковались всѣ мѣропріятія правительства. Маркизу Позѣ не приходилось бы уже проповѣдовать здѣсь о свободѣ мысли, потому что не только мысли, но и слова были довольно свободны; конечно, на языкѣ, не въ печати.

Первымъ домомъ на островахъ былъ домъ великой княгини Елены, вдовы великаго князя Михаила Павловича, младшаго брата императора. Она была виртембергская принцесса, отлично образованная и весьма остроумная, покровительница наукъ и искусствъ. Рубинштейнъ, напримѣръ, обязанъ ей своимъ музыкальнымъ образованіемъ и своею славою. Она была такъ мила, такъ проста, что я позволилъ себѣ однажды сказать ей: «Какъ жаль, ваше высочество, что вы великая княгиня! Какъ пріятно было бы поболтать иногда съ вами, если бъ къ вамъ можно было подходить безъ всякаго этикета». Она засмѣялась и отвѣчала, что въ жизнь свою не обращала ни малѣйшаго вниманія на этикетъ. Потерявъ всѣхъ дочерей, она была счастлива, что могла удержать при себѣ младшую,

Екатерину Михайловну, которая была замужемъ за принцемъ Георгомъ мекленбургъ-стрѣлицкимъ и проводила зиму всегда въ Петербургѣ. Я зналъ ея супруга еще въ Берлинѣ и былъ милостиво принятъ въ ихъ домѣ.

Наступила зима. Я разумѣю, зима бѣлая, продолжающаяся въ Петербургѣ отъ восьми до девяти мѣсяцевъ; на зиму зеленую, именуемую тамъ лѣтомъ—весны и осени въ Петербургѣ не бываетъ—приходится только три или четыре мѣсяца. Съ зимою наступили и бури.

Графъ Нессельроде тоже возвратился въ Петербургъ. Съ нимъ жила его дочь, госпожа Зембахъ, которая исполняла роль хозяйки въ домѣ своего отца-вдовца.

Довольно пустыя препирательства между греческимъ и католическимъ духовенствомъ въ Іерусалимѣ, раздуваемыя французскимъ посланникомъ Лавалеттомъ, обострились до серьезной вражды, и вскорѣ пресловутый восточный вопросъ былъ поставленъ на очередь. Императоръ Николай, который, по словамъ Нессельроде, вовсе не былъ дипломатомъ, почувствовалъ теперь потребность вновь заговорить о «больномъ человѣкѣ». Онъ пригласилъ къ себѣ сэра Гамильтона Сеймура и имѣлъ съ нимъ извѣстный разговоръ, почти буквально переданный англійскимъ посланникомъ своему правительству [1]).

Лордъ Эбердинъ, бывшій въ 1844 году, когда императоръ Николай посѣтилъ Лондонъ, государственнымъ секретаремъ по внѣшнимъ дѣламъ, стоялъ теперь—къ большой радости царя—во главѣ сильнаго коалиціоннаго министерства, въ качествѣ перваго министра Великобританіи. Старый шотландецъ, посѣдѣлый въ государственныхъ дѣлахъ, лордъ Эбердинъ, какъ и бо̀льшая часть приверженцевъ сэра Роберта Пиля, питалъ извѣстную склонность къ греческой церкви, въ которой они думали открыть слѣды древнехристіанской, апостольской общины. Императоръ Николай съумѣлъ подкрѣпить въ 1844 году эту религіозную склонность и воспользоваться ею, чтобы подготовить соглашеніе съ Англіею по восточному вопросу. Ни о чемъ положительномъ не было, конечно, условлено; но былъ сдѣланъ обмѣнъ мыслей по поводу извѣстныхъ случайностей, вслѣдствіе чего у императора, въ нѣкоторыхъ случаяхъ крайняго оптимиста, явилось убѣжденіе, что, пока лордъ Эбердинъ стоитъ у кормила правленія, Россія можетъ безъусловно разсчитывать на Англію. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Николай полагалъ, что теперь именно пришло время заключить формальное

---

[1]) Correspondence respecting the rights and privileges of the Latin and Greek Churches in Turkey. London, 1854. Part V, p. 873—908: «Communications respecting Turkey made to Her Majesty's Government by the Emperor of Russia, with the answers returned to them. Ianuary-april, 1853».

условіе. Но, прежде чѣмъ приступить къ этому, императоръ хотѣлъ узнать, согласится ли Англія и на какихъ именно условіяхъ на изгнаніе турокъ изъ Европы и на раздѣлъ Османскаго царства. Его и безъ того уже роковая раздражительность вполнѣ сказывалась въ издѣвательствахъ надъ «больнымъ человѣкомъ», а между тѣмъ сэръ Гамильтонъ, вмѣсто того, чтобы стараться успокоивать, еще болѣе обострялъ эту раздражительность. По мнѣнію князя Меттерниха, задача Сеймура должна была быть совершенно иною.

Привожу со словъ самого сэра Гамильтона слѣдующій разговоръ, который онъ имѣлъ съ княземъ Меттернихомъ уже послѣ смерти императора Николая, даже послѣ Парижскаго мира, когда Сеймуръ былъ англійскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ:

«Знаете ли вы, почтеннѣйшій сэръ Гамильтонъ,—сказалъ князь Меттернихъ,—что вы родились въ рубашкѣ? Я съ крайнимъ любопытствомъ прочелъ вашу «Secret and Confidential Correspondence», хотя и не одобряю обнародованія ея, причемъ вынесъ убѣжденіе, что вы удивительно счастливы».

Сеймуръ никакъ не могъ понять, причемъ тутъ его счастье. Князь Меттернихъ такъ пояснилъ свою мысль:

«Подумайте: вы разговаривали съ императоромъ Николаемъ съ глазу на глазъ,—ну, что если бъ Николай отрекся отъ своихъ словъ? Что тогда? Да, въ этомъ ваше счастье: вѣдь отрекись только императоръ, вся Европа повѣрила бы, конечно, ему, а не вамъ».

Гамильтонъ призналъ, что замѣчаніе престарѣлаго канцлера справедливо, а князь Меттернихъ продолжалъ:

«Я хотѣлъ этимъ сказать только, что было чрезвычайно опасно и вовсе не входило въ вашу задачу доводить императора до такого признанія. Не съ вами уже первыми завелъ онъ рѣчь о «больномъ человѣкѣ». Боже мой, этотъ кошмаръ мучилъ его уже много лѣтъ. Вы обязаны были не допускать его до разговора о «больномъ человѣкѣ» или, по крайней мѣрѣ, стараться прекратить этотъ разговоръ. Знаете ли вы, что я сдѣлалъ, когда Николай заговорилъ со мною о «больномъ человѣкѣ»? Это было въ Мюнхенгрецѣ, во время обѣда. Я сидѣлъ напротивъ императора. Наклонясь ко мнѣ черезъ столъ, царь сказалъ: «Князь Меттернихъ, что думаете вы о Турціи? Вѣдь, это больной человѣкъ, правда?» Я сперва не дослышалъ вопроса, и прикинулся глухимъ, когда онъ повторилъ вопросъ. Наконецъ, когда онъ въ третій разъ обратился ко мнѣ съ тѣмъ же вопросомъ, я уже долженъ былъ отвѣчать ему и отвѣтилъ слѣдующимъ вопросомъ: «Ваше величество, ставите мнѣ этотъ вопросъ какъ врачу или какъ наслѣднику?» Императоръ Николай съ тѣхъ поръ никогда уже не заговаривалъ со мною о «больномъ человѣкѣ».

Если бы Сеймуръ обладалъ государственнымъ тактомъ князя Меттерниха и не раздражалъ бы императора Николая бесѣдою о

«больномъ человѣкѣ», не было бы, быть можетъ, нелѣпой Крымской войны.

Крайне рѣзкія выраженія императора Николая о Турціи, употребленныя имъ въ разговорѣ съ Сеймуромъ, объясняются самимъ ходомъ событій въ 1849 и 1850 годахъ. То князь Паскевичъ присылаетъ ему извѣстіе: «Венгрія у ногъ вашего величества», то Австрія и Пруссія подчиняются въ Ольмюцѣ его приговору. Удивляться ли, что императоръ Николай третировалъ обоихъ государей какъ своихъ вассаловъ? Въ разговорѣ съ Сеймуромъ, онъ прямо заявилъ, что въ Австріи онъ вполнѣ увѣренъ; о Пруссіи же не удостоилъ даже упомянуть — само собою разумѣлось, что въ Берлинѣ будутъ поступать по приказу изъ Петербурга! Самоувѣренность императора Николая была такъ велика, что онъ совершенно забылъ и о «Monsieur Son Grand Ami», и о Франціи, порабощенной, по его мнѣнію, революціонной язвой. Не онъ одинъ былъ такого мнѣнія. Общественное мнѣніе, на сколько о немъ можетъ быть рѣчь въ Россіи, тоже было убѣждено, что вся Европа гибнетъ отъ этой революціонной язвы, и что какъ государи, такъ и народы готовы просить, какъ милости, чтобъ бѣлый царь принялъ ихъ жизнь и имущество подъ защиту своей мощной десницы. Понятно, послѣ этого, что зимою 1852—1853 года императоръ Николай совершенно серьезно полагалъ, что стоитъ ему только войдти въ соглашеніе съ Англіею, гдѣ первымъ министромъ его старый другъ лордъ Эбердинъ, чтобы распорядиться судьбою Оттоманской Порты по своему произволу. Я думаю, что императоръ Николай не имѣлъ въ виду завоеванія Константинополя; онъ, вѣроятно, хотѣлъ только опутать Порту всяческими договорами, чтобъ такимъ образомъ подчинить ее своей власти. Увидѣвъ, что Англія не поддается на такую приманку, какъ предлагаемый ей Египетъ, Николай старался возбудить въ Австріи серьезную вражду къ Турціи.

Въ Вѣнѣ были въ это время недовольны султаномъ, давшимъ убѣжище поляку Бему, Кошуту и другимъ венгерскимъ эмигрантамъ. Войска были стянуты; австрійскій флотъ занялъ угрожающее положеніе, хотя и довольно для него опасное, въ виду превосходства флота турецкаго. Пограничные споры турокъ съ черногорцами представили австрійскому кабинету приличный предлогъ для посылки въ Константинополь графа Лейнингена, о миссіи котораго никто не зналъ ничего вѣрнаго. Графъ Лейнингенъ прибылъ въ Константинополь, предъявилъ какія-то требованія, велъ переговоры съ диваномъ при участіи интернунція,—безуспѣшные, какъ казалось,— и, наконецъ, предъявилъ Портѣ ультиматумъ, съ угрозою, что не только онъ, но и интернунцій потребуетъ свои паспорты, если Порта не образумится втеченіе двадцати четырехъ часовъ.

Былъ поводъ думать, что султанъ не образумится. Озеровъ, русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополѣ, вынесъ такое

впечатлѣніе, что разрывъ дипломатическихъ сношеній между Австріею и Портою неизбѣженъ. Въ этомъ смыслѣ была составлена имъ депеша и отправлена съ курьеромъ въ Петербургъ. Какъ обыкновенно, курьеръ привезъ депешу не въ министерство иностранныхъ дѣлъ, а прямо въ Зимній дворецъ. Императоръ распечаталъ конвертъ, прочелъ депешу и послалъ за графомъ Нессельроде. Прибывшій канцлеръ нашелъ императора въ радостномъ настроеніи.

— Ну,—сказалъ ему Николай,—получено. Что̀ я вамъ всегда говорилъ! Съ этими турками каши не сваришь. Онѣ отвергли справедливыя требованія австрійскаго императора; Лейнингенъ выѣхалъ изъ Константинополя, интернунцій потребовалъ свои паспорты. Наступила давно жданная нами пора дѣйствовать. Вотъ, прочтите сами.

Съ обычнымъ спокойствіемъ и напряженнымъ вниманіемъ принялся Нессельроде читать депешу Озерова.

— Ну,—вскричалъ нетерпѣливо императоръ,—прочли?

— Какъ будетъ угодно, вашему величеству, но вы не изволили прочесть приписку.

— Какую еще приписку?

— Такъ точно, ваше величество. Нашъ повѣренный въ дѣлахъ сообщаетъ въ ней: «Когда запечатывалъ уже конвертъ, мнѣ принесли извѣстіе, что въ послѣднюю минуту Порта согласилась на всѣ требованія Австріи. Интернунцій остается въ Константинополѣ, графъ Лейнингенъ уѣзжаетъ, успѣшно выполнивъ свою миссію».

Нѣсколько дней спустя, мнѣ привелось быть свидѣтелемъ, какое впечатлѣніе произвело на императора Николая это неожиданное извѣстіе, разбившее всѣ его надежды. Это было 11-го (23-го) февраля, въ Зимнемъ дворцѣ, во время большаго пріема, единственнаго въ этомъ году. Въ дворцовомъ театрѣ давали пьесу «Дочь полка», при участіи Лаблаша и Маріо; дочь Лаблаша дебютировала въ главной роли. Кстати сказать, у нея былъ удивительный голосъ, которымъ она, благодаря серьёзной школѣ своего отца, владѣла какъ опытный виртуозъ; къ тому же—красавица, она возбуждала справедливое удивленіе избраннаго общества. Послѣ спектакля былъ сервированъ не менѣе блестящій ужинъ—рядъ столовъ ломился отъ тяжести золотой и серебряной сервировки. Для дипломатическаго корпуса былъ особый столъ, за которымъ мы занимали мѣста по рангу. Около меня сидѣлъ графъ Францъ Зичи, единственный «знатный иностранецъ», бывшій въ Петербургѣ по частнымъ дѣламъ своей жены, владѣвшей землями въ Россіи, но принятый очень милостиво императоромъ, потому что, съ годъ назадъ, онъ велъ въ Варшавѣ переговоры о вознагражденіи Россіи за военныя издержки во время венгерской кампаніи и окончилъ ихъ къ полному удовольствію русскаго императора.

Николай не ужиналъ. Онъ явился, однако, въ столовую и вдругъ остановился за стуломъ моего сосѣда. Графъ Зичи хотѣлъ встать, но двѣ мощныя руки приковали его къ стулу. Такъ какъ императоръ началъ говорить понѣмецки, то я счелъ своимъ долгомъ встать и тѣмъ напомнить его величеству, что понимаю понѣмецки. Императоръ наклоненіемъ головы просилъ меня не безпокоиться и продолжалъ, нимало не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, отдавать свои послѣднія устныя порученія графу Зичи, который на другой же день отправился въ Вѣну, для сообщенія ихъ императору Францу-Іосифу. Царь говорилъ безъ умолку; Зичи слушалъ молча, какъ и я. Вскорѣ императоръ перешелъ на французскій языкъ и сталъ говорить съ тою поразительною откровенностью, которую я замѣтилъ на первый моей аудіенціи. Это была громовая обвинительная рѣчь противъ турокъ, «ces chiens de Turcs», какъ не разъ изволилъ повторить его величество. «Господство турецкихъ собакъ въ Европѣ не можетъ быть болѣе терпимо, и онъ разсчитываетъ, что императоръ австрійскій, котораго онъ любитъ, какъ сына, вмѣстѣ съ нимъ положитъ конецъ владѣнію турокъ на Босфорѣ и угнетенію бѣдныхъ христіанъ этими нечестивыми басурманами».

Эта филиппика, произнесенная тономъ безповоротнаго повелѣнія, невольно напоминала катоновское caeterum censeo. Если бъ графъ Нессельроде услышалъ эту рѣчь, онъ поправилъ бы свои золотыя очки и сказалъ: «Мой императоръ вовсе не дипломатъ».

Послѣ этой филиппики я могъ всего ожидать, и меня нимало не удивило, когда, нѣсколько дней спустя послѣ знаменательнаго ужина, я услышалъ, что императоръ внезапно приказалъ мобилизовать 4-й и 5-й армейскіе корпуса, стоявшіе на турецкой границѣ. Это извѣстіе было сообщено мнѣ одною придворною дамою императрицы, давно уже умершею. Этотъ источникъ казался мнѣ недостаточно яснымъ; молодыя дамы не всегда компетентны въ военныхъ вопросахъ, и сообщаемыя ими свѣдѣнія легко могутъ быть результатомъ какого либо недоразумѣнія. Я отправился, поэтому, къ моему другу Сеймуру, чтобъ узнать, не слышалъ ли онъ чего нибудь подобнаго. Англійскій посланникъ, вслѣдствіе своихъ знаменитыхъ разговоровъ съ императоромъ, о которыхъ онъ никому не сообщалъ въ Петербургѣ, былъ въ состояніи вѣрнѣе, чѣмъ я, оцѣнить всю роковую важность подобной мѣры. Онъ ничего не зналъ о мобилизаціи и страшно перепугался. «Это невозможно,— кричалъ онъ;—но если это правда—война неизбѣжна. Я сейчасъ соберу свѣдѣнія и увѣдомлю васъ».

Я возвратился домой. Часа черезъ два пріѣхалъ ко мнѣ сэръ Гамильтонъ Сеймуръ. Онъ былъ крайне взволнованъ, бросился въ кресло и сказалъ: «Завтра же я отправляю курьера. Государственнымъ секретаремъ по внѣшнимъ дѣламъ теперь, слава Богу, лордъ Кларендонъ—онъ мнѣ ни въ чемъ не откажетъ. Буду просить объ

отозваніи меня отсюда. Я не могу оставаться здѣсь долѣе: у меня нѣтъ почвы подъ ногами!»

— Но, Бога ради, что случилось? Вы сами же часто говорили мнѣ, что вамъ здѣсь такъ нравится.

— О, противъ общества я ничего не имѣю. Но я здѣсь не для того, чтобы веселиться; исполнять же свои обязанности я могу только тогда съ успѣхомъ, если имѣю дѣло съ людьми, на которыхъ могу полагаться. Здѣсь же этого-то именно и нѣтъ. Я до сихъ поръ терпѣлъ, полагая, что маленькій Нессельроде, по крайней мѣрѣ, порядочный человѣкъ. Сегодня онъ доказалъ мнѣ, однако, что я ошибался. Извѣстіе, которое вы сообщили, было мнѣ подтверждено изъ самаго достовѣрнаго источника. Я поспѣшилъ къ канцлеру, чтобы при помощи его пріостановить на сколько возможно эту безразсудную мобилизацію на турецкой границѣ. И что же? Онъ пожимаетъ плечами, смѣется и съ спокойствіемъ, доходящимъ до наглости, увѣряетъ меня, что извѣстіе это вымышлено, такъ какъ онъ ничего объ этомъ не знаетъ. Это ужъ черезчуръ глупо; съ такимъ министромъ нельзя вести дѣла.

— А что̀, если Нессельроде сказалъ вамъ сущую правду?

— Считаете вы возможнымъ, чтобы первый министръ ничего не зналъ о такой мѣрѣ, отъ которой зависитъ миръ всей Европы? И къ тому же — Нессельроде, котораго я до сихъ поръ считалъ ярымъ сторонникомъ мира?

— Вы живете въ этой странѣ дольше, чѣмъ я, и можете лучше меня знать, что императоръ Николай — самодержецъ въ полномъ смыслѣ слова; онъ принимаетъ иногда рѣшенія, не говоря ни слова своимъ министрамъ. Почему вы думаете, что и теперь не случилось того же? Подождите подавать въ отставку и не торопитесь осуждать графа Нессельроде.

Нѣсколько дней спустя, Сеймуръ опять зашелъ ко мнѣ и сказалъ: «Вы были правы. Ни Нессельроде, ни военный министръ Долгоруковъ, ни даже Орловъ ничего не знали объ этой мобилизаціи. Императоръ получилъ депеши изъ Константинополя, прочелъ ихъ у себя въ кабинетѣ, позвонилъ, велѣлъ позвать дежурнаго адъютанта, передалъ ему запечатанный конвертъ и сказалъ: «Въ Чугуевъ. Спѣшное». Вотъ какъ все произошло. Я остаюсь здѣсь и постараюсь, если еще можно, поправить дѣло. Но это будетъ трудно. Мнѣ говорили, будто князь Меншиковъ отправляется съ секретнымъ порученіемъ въ Константинополь. И объ этомъ канцлеръ ничего еще не знаетъ».

Всѣ усилія были употреблены на сохраненіе мира, и графъ Нессельроде выказалъ въ этомъ случаѣ большія способности. Болѣе чѣмъ кто либо былъ онъ убѣжденъ, что завоеваніе Турціи, если оно и удастся, будетъ большимъ несчастіемъ именно для Россіи. Готовность императора Николая начать войну объясняется отчасти

тѣмъ, что онъ въ уступчивости требованіямъ Австріи усматривалъ доказательство слабости Оттоманской Порты. Посылка Меншикова была скомпанована по миссіи Лейнингена.

Въ романахъ и путешествіяхъ довольно часто играетъ роль «черное облачко», въ которомъ опытный кормчій видитъ вѣрнаго предвѣстника опаснаго шторма, между тѣмъ какъ пассажиры, ничего не подозрѣвая, продолжаютъ наслаждаться голубымъ цвѣтомъ неба и зеркальною гладью моря. Такое же черное облачко, показавшееся надъ святыми мѣстами Іерусалима, нимало не измѣнило обычныхъ развлеченій высшаго русскаго общества въ зиму 1852—1853 года.

Въ Вѣнѣ высшее общество вноситъ въ свои общественныя развлеченія тотъ сердечный, любезный отпечатокъ, который замѣчается и въ жизни семейной. Въ Петербургѣ же ничего подобнаго не замѣчается. Теперь только я понялъ глубокую разницу между австрійскою и русскою аристократіею. Здѣсь, въ русскомъ обществѣ, первую роль играетъ не родъ, а чинъ, хотя здѣсь встрѣчаются старые роды, ведущіе свое начало отъ Рюрика. Вмѣстѣ съ чиномъ въ русскія публичныя собранія входитъ неизбѣжная натянутость, холодность; они лишены искренней веселости. О древности рода здѣсь если и говорятъ, то только съ-глазу-на-глазъ. Восхищеніе всѣмъ русскимъ потому только, что оно русское, особенно разлилось послѣ Крымской войны; въ мое время это только что зарождалось. Тогда начали даже и въ салонахъ высшаго общества демонстративно говорить порусски, историка Карамзина сравнивать съ Тацитомъ, поэта Пушкина—съ Гёте. При этомъ забывали, конечно, что «Исторія государства россійскаго» написана Карамзинымъ «по заказу», и не могли понять, что хотя Пушкинъ былъ великій поэтъ и много потрудился надъ обработкой мелодическаго языка своего народа, но міровымъ геніемъ, какъ Гёте, онъ никогда не былъ и въ культурномъ развитіи Европы не имѣетъ никакого значенія.

Только-что входившее тогда въ моду народничество проявилось, прежде всего, въ ненависти ко всему нѣмецкому. Дѣйствительно, всѣ высшія мѣста въ арміи и въ дипломатіи были заняты нѣмцами[1]. Сыновья курляндскихъ и лифляндскихъ бароновъ смотрѣли на Россію, какъ на неисчерпаемый источникъ почетныхъ должностей и хорошихъ окладовъ. Но императоръ, набирая себѣ совѣтниковъ изъ потомковъ рыцарей нѣмецкаго ордена, поступалъ, однако, вполнѣ основательно. Его нѣмецкіе слуги значительно превосходили

[1]) Одинъ русскій генералъ, нѣмецъ, по происхожденію, доказалъ мнѣ по «Списку воинскихъ чиновъ», что процентъ нѣмецкихъ офицеровъ въ русской арміи повышается вмѣстѣ съ чиномъ: чѣмъ выше чинъ, тѣмъ большій процентъ офицеровъ нѣмецкаго происхожденія.

русскихъ образованіемъ, трудолюбіемъ, особенно же честностью. Одинъ изъ такихъ курляндцевъ, котораго я зналъ еще по Дрездену и который занималъ высокое положеніе въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, сообщилъ мнѣ слѣдующій уродливый фактъ: онъ предостерегалъ русскаго императора отъ усиленія русской партіи! Онъ сказалъ однажды императору Николаю:

«Если вы не обуздаете этого безчинства, то мы доживемъ еще въ ваше царствованіе до вареоломеевской ночи всѣхъ чиновниковъ-нѣмцевъ».

«Императоръ,—прибавилъ мой курляндскій другъ,—задумался и обѣщалъ помочь горю».

Графу Нессельроде совершенно несправедливо ставили въ упрекъ, что онъ предпочитаетъ нѣмцевъ русскимъ. Ни Мейендорфа въ Вѣнѣ, ни Бруннова въ Лондонѣ, ни Будберга въ Берлинѣ, не легко было бы замѣнить русскими. Даже корсиканецъ Поццо ди Борго, былъ много лѣтъ представителемъ Россіи въ Парижѣ, такъ какъ не находилось никого, кѣмъ можно было бы замѣнить его. Въ высшее общество эта вражда къ нѣмцамъ тогда не проникала еще, и изъ великихъ князей, только второй сынъ императора, Константинъ, считался покровителемъ старо-русской партіи.

Между русскими домами, двери которыхъ всегда были открыты для иностранцевъ, особенно замѣчателенъ былъ домъ графа Строгонова. Восьмидесятилѣтній хозяинъ былъ въ то время слѣпъ, но все еще бодръ и свѣжъ. Въ молодые годы онъ былъ представителемъ Россіи при многихъ европейскихъ дворахъ и съ тѣхъ поръ не прерывалъ своихъ старыхъ связей и знакомствъ. Его вторая жена, Юлія, урожденная графиня Оингаузенъ, дочь или внучка ганноверца, натурализовавшагося въ Португаліи. Графиня Юлія была лѣтъ на двадцать моложе своего слѣпаго супруга. Ихъ домъ, переполненный всевозможными художественными произведеніями, всегда былъ полонъ посѣтителей. По старому русскому обычаю, у графовъ Строгоновыхъ былъ всякій день открытый столъ для званыхъ и незваныхъ. Старшій сынъ, отъ перваго брака, уже 60-тилѣтній, однорукій генералъ графъ Строгоновъ былъ тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ и слылъ за весьма энергическаго чиновника; младшій, графъ Григорій, былъ полковникомъ и флигель-адъютантомъ императора. Нельзя сказать, чтобъ графиня Юлія отличалась особеннымъ умомъ, но у нея было доброе сердце и она посвятила всю себя на уходъ за своимъ слѣпымъ мужемъ. Юныя родственницы графа Строгонова, изъ которыхъ назову только прелестную графиню Орлову-Денисову, бывшую во второмъ бракѣ за графомъ Шуваловымъ, оживляли этотъ вполнѣ европейскій салонъ.

Изъ министровъ, особенною любезностью къ иностранцамъ отличался графъ Киселевъ, бывшій посломъ въ Парижѣ, управлявшій тогда департаментомъ государственныхъ имуществъ. Гене-

ралъ-адъютантъ Протасовъ, въ шутку прозванный русскимъ папою, такъ какъ онъ былъ оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, также охотно принималъ иностранцевъ, особенно на своей дачѣ, въ окрестностяхъ Петербурга. Графъ Кушелевъ, графъ Воронцовъ-Дашковъ и многіе другіе жили открыто и принимали охотно.

Совершенно своеобразный салонъ былъ у дочерей исторіографа Карамзина, изъ которыхъ старшая была замужемъ за княземъ Мещерскимъ. Княгиня была женщина хворая, но ея младшія, незамужнія сестры принимали каждый вечеръ; какъ онѣ, такъ и князь Мещерскій, любезно принимали гостей, пріѣзжавшихъ къ нимъ уже съ баловъ. Къ нимъ являлись иногда около 4-хъ часовъ утра, и это никого не удивляло. Мы нерѣдко уходили изъ этого гостепріимнаго дома позднимъ утромъ.

Во дворцѣ князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ, одномъ изъ лучшихъ въ городѣ, жила тогда княгиня Елена Кочубей, рожденная графиня Бенкендорфъ. Она въ то время носила трауръ по второмъ мужѣ, и хотя принимала въ своемъ будуарѣ, драпированномъ крепомъ, но сама не выѣзжала на общественныя собранія. Ея дочь, только-что вышедшая замужъ, княгиня Елизавета Трубецкая, играла роль хозяйки дома. Изъ числа праздниковъ, бывшихъ въ этомъ дворцѣ, особенно отличалось пасхальное розговѣнье въ Свѣтлое Христово Воскресенье. Во многихъ знатныхъ русскихъ домахъ были въ то время свои хоры пѣвчихъ, которые пѣли во время богослуженія, безъ всякаго акомпанемента музыки. Всѣ пѣвчіе были одѣты въ однообразные костюмы, расшитые фамильными гербами. Русскіе отъ природы одарены большими музыкальными способностями, и многіе хоры пѣвчихъ могли бы поспорить съ знаменитыми концертами въ Сикстинской капеллѣ. Этотъ праздникъ во дворцѣ Бѣлосельскихъ начался, какъ обыкновенно, въ десять часовъ вечера. Въ домовой церкви молились, слушали пѣвчихъ; въ залахъ—болтали, любезничали. Около полуночи, когда въ церкви пропѣли «Христосъ воскресе», всѣ начали обниматься и цѣловаться, неизмѣнно подкрѣпляя привѣтствіе «Христосъ Воскресъ», отвѣтомъ: «Во истину воскресъ». Таковъ обычай. Даже императоръ цѣлуется съ гренадерами, стоящими на часахъ у Зимняго дворца.

Мое пребываніе въ Петербургѣ, продолжавшееся не полный годъ, дало мнѣ достаточно матеріала для сужденія о внѣшнемъ и внутреннемъ положеніи Россіи. Не безъ удовольствія услышалъ я о вскрытіи Невы и о проходѣ льда изъ Ладожскаго озера—это были признаки открытія навигаціи, а мнѣ предстояло покинуть Петербургъ съ первымъ отходящимъ пароходомъ. Я уже имѣлъ прощальную аудіенцію у императора, который показался мнѣ теперь разсѣяннымъ, молчаливымъ; я уже сдѣлалъ прощальные визиты всѣмъ, дома которыхъ посѣщалъ, и взялъ билеты на первомъ пароходѣ, отходившемъ въ Штетинъ, какъ получилъ отъ графа Нессельроде

приглашеніе повидаться съ нимъ. Канцлеръ встрѣтилъ меня словами: «Извините, пожалуйста, что я безпокоилъ васъ; но мнѣ хотѣлось лично, изъ рукъ въ руки, передать вамъ это письмо—для меня очень важно быть увѣреннымъ, что оно дойдетъ по назначенію. Въ награду за доставку, я сообщу вамъ его содержаніе. Сегодня, ночью, прибылъ курьеръ изъ Константинополя съ отраднымъ извѣстіемъ, что досадный вопросъ о святыхъ мѣстахъ улаженъ, наконецъ. Такъ какъ теперь миръ обезпеченъ, то я этимъ письмомъ назначаю моему старому другу Шредеру (русскому посланнику въ Дрезденѣ) свиданіе на іюнь въ Киссингенѣ».

Я поблагодарилъ канцлера и вскорѣ отплылъ изъ Петербурга. Едва пришли мы въ Свинемюнде, я бросился на телеграфную станцію и сообщилъ мирную вѣсть въ Дрезденъ. Черезъ нѣсколько дней прибылъ я въ Дрезденъ и узналъ, что мою телеграмму немедленно передали въ Вѣну и что изъ Вѣны отвѣчали: вопросъ о святыхъ мѣстахъ, дѣйствительно, улаженъ, но Меншиковъ предъявилъ такія требованія, выполнить которыя Порта не въ состояніи.

«Это доказываетъ, — замѣтилъ я, — что и на этотъ разъ графъ Нессельроде не былъ посвященъ въ тайну».

В. В.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Павелъ Григорьевичъ Демидовъ и исторія основаннаго имъ въ Ярославлѣ училища. (1803—1886). Составилъ К. Головщиковъ. Ярославль. 1887.

ИСТОРІЯ нашего просвѣщенія еще не написана, хотя въ послѣднее время для нея подготовляется и разработывается обильный матеріалъ. Прекрасные труды академика Сухомлинова по исторіи академіи наукъ и академіи Россійской, представившіе драгоцѣнные матеріалы для исторіи академіи наукъ, историческіе очерки жизни нашихъ университетовъ, лицеевъ и народныхъ училищъ—все это крупные вклады въ будущую исторію просвѣщенія Россіи, которая, несомнѣнно, будетъ представлять собою одну изъ самыхъ пестрыхъ и самыхъ любопытныхъ страницъ въ исторіи просвѣщенія Европы.

Рядомъ съ трудами крупными, выдающимися по своимъ достоинствамъ и богатству заключающагося въ нихъ матеріала, стоятъ и болѣе мелкіе, но весьма почтенные труды, касающіеся отдѣльныхъ областей, отдѣльныхъ уголковъ исторіи нашего просвѣщенія, но все же не маловажные для полноты и ясности представленія о различныхъ путяхъ, которые приходилось прокладывать русскому просвѣщенію въ странѣ новой, свѣжей, возникшей не на почвѣ отжившихъ, но сильныхъ цивилизацій Запада, а на дѣвственной почвѣ заповѣдныхъ дремучихъ лѣсовъ и невзрытыхъ сохою степей.

Къ числу такихъ менѣе крупныхъ, но все же весьма почтенныхъ трудовъ по исторіи нашего просвѣщенія, слѣдуетъ отнести и книгу г. Головщикова, заглавіе которой выписано нами въ началѣ статьи. Авторъ ея задался весьма скромною задачею и выполнилъ ее чрезвычайно добросовѣстно. «На основаніи рукописныхъ источниковъ» лицейскаго архива, г. Головщиковъ изложилъ вкратцѣ, и притомъ «документально», исторію учебнаго заведенія,

основаннаго П. Г. Демидовымъ въ Ярославлѣ, «имѣя, главнымъ образомъ, въ виду — облегчить будущему историку лицея трудъ написанія болѣе подробной исторіи къ 100-лѣтнему юбилею заведенія, имѣющему наступить черезъ 19 лѣтъ». Первоначально, въ видѣ прибавленія къ своей книгѣ, г. Головщиковъ думалъ приложить «біографическій словарь всѣхъ бывшихъ профессоровъ лицея», но, вѣроятно, задался слишкомъ широкою программою для этого прибавленія, и потому долженъ былъ на время отказаться отъ выполненія этой задачи.

Матеріалы, собранные въ книгѣ г. Головщикова, чрезвычайно интересны не только по отношенію къ исторіи Ярославскаго лицея, но и вообще по отношенію къ исторіи нашего просвѣщенія, и въ частности—къ исторіи всѣхъ вообще нашихъ учебныхъ заведеній, въ особенности основанныхъ на средства, пожертвованныя разными ревнителями просвѣщенія. Если мы, съ точки зрѣнія сторонняго наблюдателя, взглянемъ на исторію Ярославскаго лицея, то мы увидимъ передъ собою только какую-то нескончаемую и весьма основательную ломку—и внутреннюю, и внѣшнюю, какую-то непрестанную перестройку и зданія лицея, и всѣхъ внутреннихъ его распорядковъ, и самаго объема преподаваемыхъ въ немъ наукъ, и самой системы преподаванія. Въ то время, когда на Западѣ Европы и даже въ Америкѣ учебныя заведенія, основанныя на капиталы частныхъ лицъ, переживаютъ столѣтія, не измѣняя ни іоты въ своемъ первоначальномъ уставѣ, не отступая ни на шагъ отъ распоряженій завѣщателя (какъ бы ни казались они даже нелѣпы въ настоящее время), и процвѣтаютъ, богатѣютъ, воспитываютъ поколѣнія за поколѣніями... въ то же самое время, учебное заведеніе, основанное на громадный (по тому времени) капиталъ, влачитъ жалкое существованіе, доживаетъ дважды почти до полной гибели и разоренія и трижды мѣняетъ свой основной уставъ, прежде, нежели доживаетъ до своего нынѣшняго состоянія, въ которое попадаетъ только потому, что министерство народнаго просвѣщенія принимаетъ его подъ свое покровительство. То же, что происходитъ внутри заведенія, происходитъ и съ тѣмъ зданіемъ, въ которомъ оно помѣщается. Вмѣсто того, чтобы выстроить для него большой и солидный домъ, первоначальные исполнители воли П. Г. Демидова «приспособляютъ» къ потребностямъ заведенія покинутый архіерейскій домъ, затрачиваютъ на него крупный капиталъ, и все же не достигаютъ цѣли: домъ остается непригоднымъ для заведенія. За тѣмъ начинается его починка, перестроиваніе и подстроиваніе и продолжается лѣтъ 60 сряду, т. е. почти до 70-хъ годовъ! При этомъ, не смотря на громадныя затраты, не только самое зданіе заведенія приходитъ нѣсколько разъ въ совершенную ветхость и негодность, но даже садъ, принадлежащій лицею, обращается въ какой-то заглохшій пустырь... Факты назидательные и заслуживающіе полнаго вниманія, какъ полезное указаніе для будущаго.

28-го января 1805 года, былъ утвержденъ уставъ и штатъ «Демидовскаго высшихъ наукъ училища», а 29-го апрѣля 1805 года, училище было торжественно открыто, въ присутствіи губернатора и архіерея и другихъ властей и горожанъ, при пѣніи кантатъ, сочиненныхъ на этотъ случай, и, конечно, съ возглашеніемъ многолѣтія Павлу Григорьевичу Демидову «великодушному основателю училища» и его учрежденію. Но «многолѣтіемъ» судьба не наградила «высшее» Ярославское училище. По замѣчанію г. Головщикова, «три императора утверждаютъ для Демидовскаго заведенія три разныхъ устава».

По первому уставу 1805 года, училище занимало «первую степень непосредственно послѣ центральныхъ университетовъ». При училищѣ полагалось семь профессоровъ, съ выборными изъ нихъ проректоромъ и инспекторомъ, причемъ профессора были приравнены въ правахъ съ университетскими. Студенты по окончаніи курса производились совѣтомъ въ XII-й классъ, но на службу могли поступать съ чиномъ XIV класса. При училищѣ полагалось содержать на казенномъ иждивеніи 20 студентовъ, окончившихъ курсъ въ нижнихъ училищахъ; а на своемъ иждивеніи въ училище могъ поступать всякій, «по предъявленію свидѣтельства о своихъ занятіяхъ или испытаніяхъ». Штатъ училища равнялся 21,530 р. Этотъ штатъ училища просуществовалъ ровно 17 лѣтъ, и за тѣмъ, какъ сказано въ докладѣ министра, «по причинѣ возвысившихся на всѣ вещи цѣнъ», признано было возможнымъ увеличить штатъ училища, принимая въ соображеніе и пансіонъ уже не на 20, а на 40 казенныхъ студентовъ. Штатъ увеличенъ значительно — почти удвоенъ: вмѣсто прежнихъ 21,530 р., назначено 41,495 р.

Но, не смотря на эти видимыя заботы объ «училищѣ высшихъ наукъ», къ концу 20-хъ годовъ оно уже оказалось въ такой степени непригоднымъ, несоотвѣтствующимъ потребностямъ времени, что 2-го августа 1833 года, вскорѣ послѣ посѣщенія императоромъ Николаемъ I Ярославля и Демидовскаго училища, это заведеніе было переименовано въ Демидовскій лицей, во главѣ его поставленъ директоръ (онъ же и директоръ училищъ губерніи), число профессоровъ увеличено однимъ профессоромъ и двумя лекторами, причемъ разнохарактерность предметовъ преподаванія еще болѣе увеличилась, чѣмъ прежде, и курсъ лицея обратился въ довольно странную смѣсь наукъ естественныхъ и словесныхъ. Студенты лицея при окончаніи курса получали XIV классъ. Для надзора за ихъ добропорядочнымъ поведеніемъ назначались два надзирателя «изъ свободнаго состоянія», а инспектора не полагалось. Штатъ былъ при этомъ возвышенъ уже до 54,738 руб. Вскорѣ, однако же, штатъ долженъ былъ еще увеличиться, такъ какъ совѣтъ новаго лицея пришелъ къ убѣжденію въ необходимости имѣть особаго инспектора и ходатайствовалъ о дозволеніи одному изъ профессоровъ исправлять должность выборнаго инспектора, съ добавочнымъ содержаніемъ въ 500 руб. Но выборный инспекторъ не былъ разрѣшенъ, а повелѣно было имѣть особаго инспектора изъ уволенныхъ отъ военной службы штабъ-офицеровъ, съ тѣмъ, чтобы имъ поручать «надзоръ за порядкомъ и нравственностью обучающагося юношества и наружную выправку». За эту сложную обязанность инспектору назначено 2,000 руб. жалованья.

Новый уставъ просуществовалъ только 12 лѣтъ, и 22-го ноября 1845 года высочайше утвержденъ другой, введенный въ дѣйствіе съ 1-го января 1847 года и дѣйствовавшій до преобразованія лицея въ юридическій. По новому уставу, число профессоровъ сокращено на два человѣка, и студентамъ дана форма, а каждый шагъ ихъ опредѣленъ правилами особой инструкціи. Курсъ лицея измѣненіями программы доведенъ до замѣчательной «пестроты состава естественно-историческихъ, технологическихъ, сельско-хозяйственныхъ, юридическихъ и филологическихъ наукъ, результатомъ изученія которыхъ могла явиться широкая, но только мелкая полуобразованность».

Полная непригодность Демидовскаго лицея для современныхъ потребностей русской жизни особенно ясно сказалась въ началѣ 60-хъ годовъ, когда и другіе лицеи, — Нѣжинскій и Ришельевскій, — рѣшено было или закрыть,

или преобразовать, и, наконецъ, по мысли графа Д. А. Толстаго, Демидовскій лицей обращенъ былъ въ лицей юридическій, съ спеціальною программою. Новый уставъ заведенія былъ утвержденъ 3-го іюля 1868 года, а Демидовскій юридическій лицей лично открытъ г. министромъ народнаго просвѣщенія 30-го августа 1870 года. Директоромъ лицея опредѣленъ извѣстный юристъ М. Н. Капустинъ, благодаря усиліямъ котораго несчастное заведеніе, прошедши на своемъ вѣку столько разнообразныхъ мытарствъ, вышло наконецъ на свою настоящую дорогу и, вѣроятно, долго будетъ идти по ней, не сворачивая въ сторону.

Оглядываясь на исторію заведенія, мы не можемъ упустить изъ виду нѣкоторыхъ любопытныхъ бытовыхъ чертъ его жизни, которыя отчасти пояснятъ намъ не только долгій и полный неуспѣхъ Демидовскаго училища высшихъ наукъ, но и дальнѣйшія неудачи и непригодность Ярославскаго лицея. Еще Ломоносовъ, заботясь объ открытіи Московскаго университета, указывалъ на необходимость учрежденія при немъ гимназіи, безъ которой, по его убѣжденію, университетъ оказался бы «какъ пашня безъ сѣмянъ». Еще въ худшемъ положеніи оказалось высшее училище, основанное въ городѣ, гдѣ не только еще не было гимназіи, но гдѣ и самое населеніе вовсе не расположено было встрѣтить особенно радушно учрежденіе учебнаго заведенія. По крайней мѣрѣ, для «разсѣянія нѣкоторыхъ предубѣжденій», начальство Московскаго учебнаго округа сочло своимъ долгомъ, прежде открытія «Демидовскаго высшаго училища», послать въ Ярославль нѣкоторыхъ профессоровъ для чтенія публичныхъ лекцій «по натуральной исторіи, физикѣ и химіи». Лекціи эти читалъ профессоръ Янишъ, и въ особыхъ объявленіяхъ, «благородное дворянство, купечество и гражданство почтеннѣйшее приглашалось посѣщеніемъ своимъ, а наипаче приведеніемъ дѣтей своихъ юношескаго возроста удостоить лекціи сіи», на коихъ профессоръ «употребитъ все свое тщаніе легкимъ и яснымъ слогомъ предложить на россійскомъ языкѣ начальныя основанія наукъ и силою опытовъ подтвердить умозрительныя истины». По распоряженію губернатора, такія объявленія были разосланы «черезъ ярославскую и ростовскую градскія полиціи, равно къ городничимъ и въ земскіе суды».

Такія объявленія, конечно, приняты были за приказаніе, и потому на первой лекціи мы видимъ собравшіяся in-corpore мѣстныя власти и представителей всѣхъ сословій: «градскаго главу съ лучшимъ купечествомъ и мѣщанствомъ, разныхъ присутственныхъ мѣстъ секретарей и приказныхъ служителей 43 и посадскихъ 67». Но когда вскорѣ послѣ этого пришлось открывать новоучрежденное «училище высшихъ наукъ», то обнаружился чрезвычайно любопытный фактъ: желающихъ поступить въ заведеніе не оказалось, и для того, чтобы открытіе училища могло состояться, Московскій университетъ долженъ былъ ссудить ярославскому училищу нѣсколько человѣкъ студентовъ (!). Вмѣстѣ съ пятью профессорами изъ Московскаго университета въ «высшее училище», при отношеніи, отправлены были «пятеро университетскихъ воспитанниковъ, для распредѣленія ихъ къ находящимся въ званіи профессоровъ, къ каждому по одному (sic!)».

Само собою разумѣется, что учрежденіе высшаго учебнаго заведенія въ мѣстности, которая вовсе не ощущала потребности ни въ какомъ учебномъ заведеніи, кромѣ простыхъ школъ грамотности, привело къ результатамъ

плачевнымъ. Поддерживать жизнь заведенія искусственно оказалось просто невозможно, и мы видимъ, что въ 1805 году въ Демидовскомъ училищѣ оканчиваютъ курсъ 2 воспитанника, въ 1806 — ни одного, въ 1807—3, въ 1808 — 1, въ 1809 — 3, въ 1810 — опять ни одного! Пришлось, наконецъ, завести при училищѣ приготовительный пансіонъ для младшаго возроста и въ немъ приготовлять воспитанниковъ для «училища высшихъ наукъ», но и послѣ того Демидовское учрежденіе много и много лѣтъ влачило жалкое существованіе, выпуская людей ни къ какой опредѣленной дѣятельности непригодныхъ, пока наконецъ не преобразовалось въ нынѣшнее спеціально юридическое учебное заведеніе.

Такова исторія многихъ и многихъ учебныхъ заведеній въ Россіи — многихъ благихъ начинаній, на которыя была затрачена напрасно масса силъ, энергіи и денегъ, и которыя приводили къ жалкимъ разочарованіямъ, а иногда и къ полному крушенію зданія, весьма точно воздвигнутаго по прекрасному западному образцу и очень красивому... на бумагѣ. Сѣятели нашего просвѣщенія — увы! — только весьма недавно стали понимать, что не въ сѣменахъ дѣло, а въ почвѣ, и что, только хорошо подготовивъ почву, можно разсчитывать на то, что сѣмена принесутъ, если и не черезчуръ обильную, то хотя такую жатву, которая бы способна была вознаградить трудъ земледѣльца.

П. П.

Георгъ Веберъ. Всеобщая исторія. Переводъ со втораго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи спеціалистовъ. Томъ пятый. Переводъ Андреева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1887.

Этотъ почтенный по размѣрамъ и содержанію томъ обнимаетъ, во-первыхъ, исторію Магомета и магометанства до водворенія магометанъ въ Испаніи и Сицилія включительно (1—199); во-вторыхъ, исторію Византійской имперіи во время иконоборства; въ-третьихъ, исторію Каролинговъ; въ-четвертыхъ, внутреннее состояніе Западной Европы до начала разцвѣта средневѣковой культуры и жизни и, въ-пятыхъ, наконецъ исторію норманновъ во времена языческія, ихъ борьбы съ англосаксами и франками и ихъ завоеваній въ западной и южной Европѣ (отъ 647—747). Такъ сказать, центральной главой этого тома, написанной съ наибольшимъ одушевленіемъ, является глава о Карлѣ Великомъ, обнимающая 118 страницъ (отъ 300 по 418). Въ ней особенно ярко выступаютъ достоинства и недостатки изложенія Георга Вебера: читатель найдетъ массу интересно подобранныхъ, тщательно,—на сколько это возможно безъ многолѣтней работы надъ перво-источниками,—провѣренныхъ и искусно систематизированныхъ фактовъ; онъ найдетъ обстоятельный разсказъ о многосторонней дѣятельности Карла, который даетъ ему возможность самому сдѣлать выводы о его личности и историческомъ значеніи; найдетъ и попытку автора подвести свои собственные итоги, дать характеристику; но эту попытку нельзя назвать особенно удачной, и самъ добросовѣстный авторъ, больше заботящійся о полности своего труда и пользѣ читателей, нежели о своемъ самолюбіи, заключаетъ ее выпиской блестящей страницы изъ Гизебрехта.

За то этотъ весь томъ (какъ и всѣ предыдущіе) представляетъ собою не только исторію отъ VII вѣка по XI, но и довольно полную энциклопедію историческихъ знаній объ этомъ времени: здѣсь читатель найдетъ и обозрѣніе законовъ, и устройства церкви, и экономическихъ условій, и первые памятники романскаго языка, и исторію богословскихъ идей, и обозрѣніе всѣхъ важнѣйшихъ памятниковъ литературы, и конспектъ изъ Ваттенбаха (Geschichtsquellen) и т. д., и т. д.; и все это составлено по послѣднимъ изданіямъ лучшихъ пособій, изложено кратко и ясно, съ поразительной педагогической опытностью.

Чрезвычайно поучительно для характеристики авторовъ, націй и эпохъ сравнить то, что говоритъ Георгъ Веберъ, напр., хоть о началѣ ислама или хоть о завоеваніи Испаніи арабами съ соотвѣтствующими главами VI тома Гиббона, который сталъ теперь доступенъ русскимъ читателямъ въ очень хорошемъ переводѣ г. Невѣдомскаго, благодаря благотворной издательской дѣятельности того же К. Т. Солдатенкова. Относительно научной объективности, не говоря уже объ уровнѣ знаній, вся выгода, конечно, на сторонѣ современнаго нѣмецкаго историка; но даже и теперь, черезъ сто лѣтъ послѣ своего выхода въ свѣтъ, «Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи»—книга, крайне нужная во всѣхъ ученыхъ литературахъ, а Веберъ будетъ жить только 2, 3 десятка лѣтъ до выхода новаго такого же свода. Прочитавъ со вниманіемъ хоть бы пятый томъ Вебера, человѣкъ пріобрѣтаетъ массу знаній объ извѣстной эпохѣ, но не становится умнѣе, развитѣе. Англичанинъ прошлаго вѣка говоритъ съ читателемъ не какъ жрецъ науки, внутреннее святилище которой закрыто отъ публики, а какъ равный съ равнымъ; работу мысли онъ производитъ, такъ сказать, на нашихъ глазахъ, и его сильный и просвѣщенный умъ покоряетъ себѣ умы читателей, которые, однако же, не испытываютъ отъ этого добровольнаго подчиненія никакого непріятнаго чувства, никакой подавленности. Его характеристики, черезъ 100 лѣтъ, естественно, много потеряли относительно полноты, а иногда и вѣрности, но онѣ всегда ясны и сильны. Если Магометъ, какъ его рисуетъ Гиббонъ, и не вполнѣ соотвѣтствуетъ историческому Магомету, то это во всякомъ случаѣ живое лицо. У Георга Вебера, конечно, нѣтъ отступленій и общихъ разсужденій; отступленія Гиббона, вообще не многочисленныя, всегда у мѣста, всегда освѣщаютъ и осмысливаютъ факты и всегда возбуждаютъ умъ читателя именно на сколько это нужно. Короче сказать, книга Вебера чрезвычайно полезное научное пособіе; книга Гиббона—безсмертное литературное произведеніе.

Но какъ пособіе «Всеобщая исторія» г. Вебера прекрасный и почтенный трудъ и, еще разъ повторяемъ, переводъ его такъ добросовѣстно сдѣланный, важное пріобрѣтеніе; повторяя благодарность, не можемъ не повторить упрека за отсутствіе указателя.

А. К.

Минусинскій мѣстный публичный музей. Древности Минусинскаго музея. Памятники металлическихъ эпохъ. (Съ атласомъ). Составилъ Д. Клеменцъ. Изд. Ин. Кузнецова. Томскъ. 1886.

Читатель очень бы ошибся, если бы по заглавію, приведенному выше, представилъ себѣ, что тутъ идетъ дѣло о какомъ нибудь каталогѣ, о скучномъ и подробномъ перечнѣ предметовъ, собранныхъ въ мѣстномъ Минусин-

скомъ музеѣ. Передъ нами весьма почтенная попытка создать, на основаніи собранныхъ въ Минусинскомъ музеѣ предметовъ древности, цѣлый очеркъ археологическихъ раскопокъ и изслѣдованій, произведенныхъ во второй половинѣ нынѣшняго столѣтія въ Минусинскомъ округѣ и въ областяхъ съ нимъ сопредѣльныхъ. Попытка весьма почтенная и со стороны г. Клеменца, составившаго каталогъ музея и предпославшаго каталогу подробную описательную статью, и со стороны г. Кузнецова, не пожалѣвшаго средствъ и умѣнья на то, чтобы превосходно (я не могу отозваться иначе) издать и текстъ къ атласу древностей музея, и самый атласъ, рисунки котораго выполнены несравненно лучше множества подобныхъ же археологическихъ чертежей и рисунковъ, прилагаемыхъ къ столичнымъ изданіямъ. И это все въ Сибири, за тысячи верстъ отъ главныхъ центровъ интеллигенціи, отъ всякихъ рисовальныхъ школъ и училищъ техническаго рисованія,—фактъ въ высшей степени утѣшительный!

Переходя къ тексту, составленному г. Клеменцомъ, мы находимъ въ немъ еще одно несомнѣнное достоинство—скромность, съ которою авторъ отнесся къ выполненію своей задачи, «отказавшись отъ научно-критической обработки матеріала», представляемаго музеемъ, и, въ то же время, «собравъ о немъ всѣ свѣдѣнія, которыя могутъ быть полезны при разсмотрѣніи минусинскихъ древностей». Такая постановка вопроса со стороны автора можетъ быть названа вполнѣ правильною, потому уже, что о минусинскихъ древностяхъ вообще было бы еще рано говорить съ полною научною опредѣленностью; а, между тѣмъ, скромно ограничивъ свою задачу, авторъ все же принесъ большую пользу нашей археологіи какъ своими топографическими и этнографическими замѣтками, такъ и тѣми свѣдѣніями о мѣстныхъ раскопкахъ, которыя онъ почерпаетъ изъ матеріаловъ (большею частью, рукописныхъ), хранящихся въ библіотекѣ Минусинскаго музея. Изъ топографическаго очерка, предпосланнаго г. Клеменцомъ описанію раскопокъ и мѣстныхъ памятниковъ, мы узнаемъ, напримѣръ, ту любопытную подробность, что Минусинскій округъ, охваченный горными хребтами съ юго-востока и запада, представляетъ собою какъ бы котловину, въ которой, очевидно, въ отдаленныя, незапамятныя времена, осѣдали одно за другимъ племена, приходившія сюда изъ Средней Азіи, и здѣсь, благодаря безопасному положенію и плодородію почвы, жили долгое время, среди условій какой-то довольно сильно развитой цивилизаціи. Слѣды этой цивилизаціи, для которой Минусинскій округъ являлся какъ бы центромъ развитія, при дальнѣйшемъ движеніи племенъ отсюда на западъ, къ Уралу и Волгѣ, очевидно, разносились этими племенами по всему пути ихъ слѣдованія, и сохранились во множествѣ отдѣльныхъ могилъ и цѣльныхъ могильниковъ, которые разсѣяны по всей Западной Сибири (особенно по берегамъ водныхъ путей) и далѣе, до самыхъ Черноморскихъ степей Южной Россіи. Поразительное сходство могильныхъ насыпей, обставленныхъ высокими, плоскими, стоймя вкопанными камнями, а иногда и украшенныхъ грубыми каменными изваяніями, извѣстными подъ названіемъ каменныхъ бабъ, и все содержимое могилъ, которыя изъ нашей южной степи, черезъ Приволожье и Пріуралье, тянутся въ Сибирь и въ особенномъ множествѣ попадаются въ Минусинскомъ округѣ, все это давно уже заставило ученыхъ нашихъ прійдти къ тому выводу, что «всѣ эти могилы принадлежатъ одному и тому же народу, хотя и на разныхъ степеняхъ его развитія». Свѣдѣнія, до-

ставляемыя статьею г. Клеменца, въ значительной степени подтверждаютъ эту гипотезу, а прекрасные рисунки атласа, приложеннаго къ каталогу, даютъ намъ въ руки богатѣйшій матеріалъ для сравнительнаго изученія памятниковъ нашей бронзовой эпохи (восточнаго типа), на сколько они намъ извѣстны изъ раскопокъ такъ называемыхъ скиѳскихъ могилъ, Ананьевскаго могильника и многихъ другихъ мѣстностей на востокѣ Россіи, доставившихъ любопытный (хотя и весьма еще ограниченный) запасъ такъ называемыхъ пермскихъ или сибирскихъ древностей. Стѣсненные рамками нашей библіографической замѣтки, мы не можемъ вдаться въ подробное разсмотрѣніе древностей Минусинскаго музея, изъ которыхъ многія наводятъ на весьма интересныя сопоставленія и догадки; но мы еще вернемся къ этимъ древностямъ въ новой статьѣ, посвященной раннему бронзовому вѣку, для изученія котораго Минусинскій музей является просто кладомъ. Въ настоящее же время сообщимъ, на основаніи статьи г. Клеменца, нѣкоторыя подробности о самомъ музеѣ.

Начало музея было положено П. И. Кузнецовымъ въ 1877 году пожертвованіемъ небольшой коллекціи древностей. Съ тѣхъ поръ, втеченіе девяти лѣтъ, музей успѣлъ возрости до 3,630 предметовъ, бронзовыхъ и мѣдныхъ, желѣзныхъ, серебряныхъ и золотыхъ, а также издѣлій изъ камня и кости, изъ глины и гипса. Можно себѣ представить, какая блестящая будущность ожидаетъ музей, если только не ослабнетъ въ мѣстныхъ любителяхъ страсть къ собиранію древностей въ такой любопытнѣйшей археологической области, какъ Минусинскій округъ. Желаемъ полнаго успѣха юному музею и его ревностнымъ покровителямъ и членамъ.

П. П.

Описаніе рукописей Ростовскаго музея церковныхъ древностей. Составилъ А. А. Титовъ. Ярославль. 1886.

Ростовскій музей церковныхъ древностей, основанный при возобновленной Бѣлой палатѣ Ростовскаго кремля, существуетъ всего съ 28-го октября 1883 года. Въ это короткое время, онъ уже успѣлъ обогатиться, благодаря щедрымъ пожертвованіямъ любителей старины, довольно значительнымъ количествомъ разныхъ книгъ, старой и новой печати, указовъ, свитковъ, рукописей. Въ этомъ музеѣ въ настоящее время находится уже 86 славяно-русскихъ рукописей, описанію которыхъ, на 92 страницахъ, съ указателемъ и поясненіями и посвященъ трудъ г. Титова, за который его поблагодарятъ занимающіеся исторіею и археологіею Россіи. Въ собраніи Ростовскаго музея особенно замѣчательны три рукописи. Подъ № 9 находится «Синодикъ», принадлежавшій Борисоглѣбскому, чтó на Устьѣ, монастырю, въ 16-ти верстахъ отъ Ростова, основанному въ 1368 году. Въ этомъ «Синодикѣ» вписаны многіе роды ростовскихъ князей: Темкиныхъ, Хохолковыхъ, Пріимковыхъ, Гвоздевыхъ и др., а также имена многихъ игуменовъ Борисоглѣбскаго монастыря, «не упоминаемыхъ, по словамъ г. Титова, въ извѣстномъ спискѣ іерарховъ и настоятелей монастырей Россійской церкви», составленномъ Строевымъ. Не лишены значенія въ этомъ «Синодикѣ» названія селъ, деревень, волостей, изъ которыхъ объ иныхъ нынѣ и не упоминиется нигдѣ, а равно народныя прозвища лицъ какъ родовитыхъ, такъ и простыхъ крестьянъ. Подъ № 10 хранится въ музеѣ «Синодикъ» церкви села Шендоры (нынѣ по-

гостъ, въ 37-ми верстахъ отъ Ростова, такъ какъ село разорено во время нашествія поляковъ), съ матеріалами для генеалогіи извѣстнаго дворянскаго рода (потомъ графовъ и князей) Воронцовыхъ. Въ «Синодикѣ» этомъ упоминается родъ стольника Ларіона Гавриловича Воронцова съ именами Гаврилы, Никиты, Елизара, Іоанна, Романа. Изъ нихъ Гавріилъ Никитичъ Воронцовъ служилъ въ стрѣлецкомъ войскѣ ратникомъ и убитъ, въ 1678 году, при осадѣ Чигирина. Вблизи Шендоръ, по тракту въ Суздаль, лежитъ село Копцево-Богородское, родовое имѣніе Воронцовыхъ, находящееся въ настоящее время въ запустѣніи, равно какъ и каменная церковь этого села, построенная, въ 1757 году, графомъ Иваномъ Илларіоновичемъ Воронцовымъ.

Рукопись, принадлежащая, подъ № 75, Ростовскому музею, замѣчательна, по словамъ г. Титова, тѣмъ, что писана Иваномъ Волковымъ, секретаремъ знаменитаго митрополита ростовскаго Арсенія Мацѣевича. Волковъ, какъ переписчикъ извѣстнаго доношенія Мацѣевича, былъ подвергаемъ вмѣстѣ съ нимъ допросу, но затѣмъ былъ оставленъ на свободѣ. Онъ умеръ въ Ростовѣ въ глубокой старости, оставивъ послѣ себя въ памяти народной множество разсказовъ объ Арсеніи, какъ о мученикѣ и святомъ. Ивану Волкову приписывается также легендарный разсказъ о пророчествѣ, сдѣланномъ Арсеніемъ во время снятія съ него митрополичьяго сана, относительно кончины судившихъ его архіереевъ.

П. У.

Саратовская ученая архивная коммиссія. Общее собраніе членовъ коммиссіи 12-го декабря 1886 года. Саратовъ. 1887.

Тамбовская губернская ученая архивная коммиссія. Журналъ общаго собранія членовъ тамбовской губернской ученой архивной коммиссіи, 2-го октября 1886 года. Тамбовъ. 1887.

Передъ нами два любопытныхъ образчика начинающейся дѣятельности нашихъ провинціальныхъ ученыхъ архивныхъ коммиссій; крошечная, разгонисто-напечатанная брошюрочка, въ 7 страничекъ, изданная саратовскою ученою архивною коммиссіей, заключающая въ себѣ только рѣчь г. губернатора при открытіи коммиссіи и протоколъ ея перваго собранія, изложенный въ 12-ти строчкахъ, и, рядомъ съ нею,—цѣлую книжку, въ 113 страницъ, представляющую журналъ засѣданій членовъ тамбовской архивной коммиссіи и переполненную интереснѣйшими историческими матеріалами. Тутъ, кромѣ протокола засѣданія, любопытная рѣчь И. И. Дубасова, предсѣдателя коммиссіи, царскія грамоты и отписки тамбовскаго воеводы, опись дѣламъ шацкаго архива, нелишенное интереса описаніе достопримѣчательностей Николаевскаго Чернѣевскаго монастыря и т. д. Эти два отчета двухъ ученыхъ архивныхъ коммиссій могутъ служить намъ наглядной иллюстраціей къ тому, чего можно ожидать отъ этихъ коммиссій въ будущемъ. Тамъ, гдѣ во главѣ коммиссіи явится такой просвѣщенный дѣятель и страстный любитель мѣстной старины, какъ г. Дубасовъ, дѣло обѣщаетъ пойдти прекрасно и принести хорошіе плоды; тамъ, гдѣ предсѣдателемъ коммиссіи будетъ назначенъ чиновникъ, дѣятельность этого ученаго учрежденія будетъ ограничиваться печатаніемъ протоколовъ и выражаться въ ненужномъ ни для кого, формальномъ отношеніи къ дѣлу.

П. Л. В.

Петръ Устимовичъ. Память 29 января 1837 года. Кончина Александра Сергѣевича Пушкина. Варшава. 1887.

Еще одна изъ массы брошюръ, явившихся по поводу годовщины Пушкинской дуэли и смерти... Добавимъ: еще одна брошюра, ничего не уясняющая и не добавляющая новаго къ той многорѣчивой и пустой литературѣ догадокъ, намековъ и подозрѣній, которую вызвала героическая кончина нашего поэта. Авторъ задался вопросомъ: «Кто убійца Пушкина?» — т. е. другими словами: «Кто былъ авторомъ тѣхъ гнусныхъ анонимныхъ писемъ и распространителемъ тѣхъ великосвѣтскихъ сплетенъ, которыя свели поэта въ могилу?» Г. Устимовичъ разбираетъ этотъ вопросъ съ кропотливостью нѣмца-изслѣдователя, нанизываетъ передъ читателемъ фактъ за фактомъ, пересматриваетъ тщательно все, что было писано о дуэли и смерти Пушкина, и не подвигаетъ ни на шагъ впередъ рѣшенія вопроса (невѣрнаго уже по самой постановкѣ), которымъ задался въ началѣ своей брошюры. Къ высказаннымъ уже догадкамъ г. Устимовичъ прибавляетъ ни на чемъ не основанныя обвиненія графа Бенкендорфа въ томъ, будто бы онъ «находилъ удовольствіе гнать чудный даръ Пушкина» (стр. 4), и весьма рискованное предположеніе о дѣятельномъ участіи графа Уварова въ интригахъ противъ поэта. Г. Устимовичъ рѣшается даже сказать, что «большинство интеллигентной Россіи признало Уварова одиимъ изъ извѣстнѣйшихъ дѣятелей (?) роковой смерти поэта». Чтобы смягчить это совершенно-голословное обвиненіе, г. Устимовичъ спѣшитъ добавить, что графъ Уваровъ, какъ министръ народнаго просвѣщенія, совершилъ «безспорно дѣла великія» (стр. 46). Нужно ли говорить, что этотъ выводъ даже и въ брошюрѣ г. Устимовича ни на чемъ не основывается? Въ заключеніе замѣтимъ, что г. Устимовичъ на столько же неразборчивъ въ выборѣ матеріаловъ для своей брошюры, на сколько поспѣшенъ въ выводахъ: рядомъ съ указаніями на свидѣтельства очевидцевъ и людей, заслуживающихъ полнаго довѣрія, встрѣчаемъ ссылки на газетныя статьи, не имѣющія никакого значенія, и даже на записки г. Бурнашева, которыя давно уже оцѣнены нашей критикой по достоинству.

П. П.

Историческое извѣстіе о Верхне-Курмоярской станицѣ, 1818 года, Евлампія Котельникова. Новочеркасскъ. 1886.

Евлампій Никифоровичъ Котельниковъ родился въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, происходилъ, какъ значится въ послужныхъ спискахъ, «изъ казачьихъ войска Донскаго дѣтей». Онъ поступилъ на службу въ 1789 году и къ 1800 году дослужился до есаула, но въ концѣ 1804 года былъ разжалованъ въ простые казаки за пропускъ товаровъ на австрійской границѣ. Въ 1813 году, онъ участвовалъ въ заграничномъ походѣ. Западъ имѣлъ на него сильное вліяніе, онъ многому научился тамъ изъ жизни и изъ книгъ, тогда-то и явилось въ немъ мистическое настроеніе, оказавшееся для него впослѣдствіи весьма гибельнымъ. Онъ вошелъ въ связь съ библейскимъ обществомъ, сталъ дѣятельнымъ распространителемъ его идей, изъ-подъ его пера вышли двѣ книги мистическаго содержанія: «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію Духа Христова» и «Начатки съ Богомъ остраго серпа въ золотомъ вѣнцѣ». Но, съ поворотомъ въ

религіозномъ направленіи русскаго общества въ половинѣ 20-хъ годовъ, измѣнилась судьба Котельникова: онъ былъ обвиненъ въ ложныхъ ученіяхъ, ему запретили проповѣдовать ихъ, потомъ сослали въ Новгородскій Юрьевъ монастырь, наконецъ, отправили въ Соловецкій монастырь. Онъ умеръ на сѣверѣ во время Севастопольской кампаніи. Изданная теперь его книжка печаталась уже раньше въ «Донскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ» и въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древностей». Она имѣетъ большой интересъ, такъ какъ сообщаетъ довольно много бытовыхъ данныхъ о казакахъ донскихъ, а для этого мы имѣемъ весьма мало другихъ источниковъ. Котельниковъ подробно описываетъ устройство жилищъ, пищу, одежду (у него есть даже два рисунка одежды казачекъ), промыслы, внутренніе распорядки казаковъ, ихъ судъ, управленіе и т. п. Издана книжка донскимъ статистическимъ комитетомъ, подъ редакціей И. П. Попова, который снабдилъ ее весьма обстоятельными и подробными примѣчаніями.

А. В.

А. С. Пушкинъ въ его изрѣченіяхъ и характеристикахъ (въ память пятидесятилѣтія). Составилъ А. Н. Сальниковъ. Спб. 1887.

Въ предисловіи г. Сальниковъ говоритъ: «Составленная мною книга представляетъ, такъ сказать (?), полный кодексъ міровоззрѣній великаго поэта»... Этотъ «такъ сказать, кодексъ» распредѣленъ «въ извѣстномъ систематическомъ порядкѣ» слѣдующимъ образомъ: I — человѣкъ, II — семья, общество, народъ, III — государство и т. д. Развертываемъ книгу на этомъ третьемъ любопытномъ отдѣлѣ, и находимъ, что онъ, въ свою очередь, подраздѣляется на отдѣлы: Законъ.—Цензура.—Дипломатія.—Верховная власть. — Политическіе перевороты. — Divide et impera. — Европа и Россія. — Москва. Заглядывая въ эти отдѣлы, находимъ, что верховная власть выражается у Пушкина слѣдующимъ «міровоззрѣніемъ»:

«Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!»

А Россія — двумя міровоззрѣніями»:

«Тамъ русскій духъ, тамъ Русью пахнетъ!»

и еще:

«Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній!»

Точно также и въ слѣдующемъ отдѣлѣ книги, для характеристики понятій Пушкина о религіи, приведены, между прочимъ, стихотворенія:

«Отцы пустынники и жены непорочны»...

и фраза:

«Греческое вѣроисповѣданіе, отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ, даетъ намъ особенный, національный характеръ».

Вообще, г. Сальниковъ воображаетъ себѣ, что всякая фраза, наудачу выхваченная изъ Пушкина, составляетъ уже афоризмъ и можетъ служить выраженіемъ «міровоззрѣній» Пушкина. Вотъ почему въ книгѣ г. Сальникова и созданъ какой-то «Пушкинъ на изнанку», т. е. сборникъ изрѣченій Пушкина, составленный для того, чтобъ сбить съ толку даже и хорошо знающихъ произведенія нашего знаменитаго поэта.

П. П.

Kwartalnik historyczny. Organ Towarzystwa historycznego pod redakcyą Ksawerego Liskego. Rocznik I. Zeszyt 1 i 2. We Lwowie. 1887.

Лежащія предъ нами двѣ книжки «Историческаго четырехмѣсячника», издаваемаго съ нынѣшняго года въ Львовѣ польскимъ историческимъ Обществомъ, представляютъ значительный интересъ не для однихъ только поляковъ. Правда, малораспространенность польскаго языка въ Европѣ и ограниченіе предѣловъ изданія почти исключительно польской исторіей лишаютъ это изданіе такого обширнаго круга читателей, какой могли пріобрѣсть европейскіе критико-историческіе прототипы львовскаго изданія, въ родѣ «Edinburgh Review» или «Historische Zeitschrift» Зибеля. Но для всѣхъ интересующихся славянской исторіографіей новый журналъ составляетъ хорошее пріобрѣтеніе, тѣмъ болѣе, что съ первыхъ же выпусковъ онъ заявляетъ о своей исключительной принадлежности наукѣ, безъ всякихъ непосредственныхъ экскурсій въ область политики. Главная редакція изданія принадлежитъ извѣстному польскому ученому и ректору Львовскаго университета, Ксаверію Лиске, который былъ и главнымъ иниціаторомъ при учрежденіи тамошняго историческаго Общества. Настоящій органъ заключаетъ въ себѣ не только труды учениковъ профессора Лиске, но пополняется вообще работами спеціалистовъ по разбираемымъ предметамъ; встрѣчаются рецензіи, подписанныя извѣстными въ исторической литературѣ именами, какъ, напримѣръ, профессоромъ Брикнеромъ.

Главное мѣсто въ «Четырехмѣсячникѣ» занимаютъ не столько отдѣльныя критическія изслѣдованія (очень немногочисленныя и крайне спеціальныя по предмету), сколько отдѣлъ небольшихъ рецензій и отчетовъ о новыхъ книгахъ или журнальныхъ статьяхъ, относящихся до польской исторіи. Въ числѣ ихъ можно найдти и русскія, если они входятъ въ упомянутые предѣлы въ какомъ бы то ни было отношеніи: таковъ лестный отзывъ объ извѣстномъ трудѣ профессора Карѣева по исторіи реформаціоннаго движенія въ Польшѣ, объ изслѣдованіи г. Иловайскаго по исторіи княжескаго періода въ Украинской Руси, изслѣдованіи, вошедшемъ въ галицко-русскую «Историческую Библіотеку» (подъ редакціей Барвинскаго). Рецензентъ, г. Левицкій, такъ отзывается о нашемъ историкѣ: «Г. Иловайскій—историкъ крупнаго размѣра, обладающій знакомствомъ съ источниками и умѣющій ими пользоваться правильно и послѣдовательно; это — проницательный, смѣлый критикъ, хотя не свободный отъ нѣкотораго шовинизма (!), но въ общемъ, всетаки, объективный по своимъ воззрѣніямъ». Сочувственно отозвавшись объ опроверженіи г. Иловайскимъ норманской теоріи происхожденія Руси, рецензентъ допускаетъ, однако жъ, возможность «наѣздовъ норманскихъ руссовъ» на славянскую землю и только «отводитъ эти норманскіе наѣзды далеко назадъ, за обыкновенно принимаемые сроки», для устраненія указываемыхъ историкомъ противорѣчій. Молчаніе же современныхъ лѣтописцевъ о норманскомъ наѣздѣ рецензентъ старается объяснить аналогіею изъ судьбы другихъ народовъ.

Большое количество польскихъ историческихъ новостей посвящено Мицкевичу, тщательному выясненію различныхъ сторонъ его жизни и дѣятельности и даже подробностямъ окружавшаго его быта. Вообще поляки могутъ служить намъ примѣромъ въ умѣньѣ цѣнить своихъ великихъ людей и извлекать на историческій свѣтъ каждую подробность относительно ихъ дѣятельности. Такъ, новыя изслѣдованія о Мицкевичѣ появляются буквально

изъ года въ годъ: на сколько удачно они разъясняютъ воззрѣнія и обстановку поэта въ разные періоды его жизни,—это другой вопросъ. Всестороннихъ успѣховъ въ этомъ отношеніи не отмѣчено польской критикой. Такъ, напримѣръ, послѣ появившейся нѣсколько лѣтъ назадъ обстоятельной исторической работы г. Третьяка о юношескихъ годахъ Мицкевича, о пребываніи его въ Вильнѣ и Ковнѣ (съ сущностью этого труда читатели нашего журнала были въ свое время ознакомлены), появилась статья г. Момидловскаго, въ краковскомъ «Филаретскомъ Ежегодникѣ»—о филоматахъ и филаретахъ въ Вильнѣ, разсмотрѣнныхъ подробно въ упомянутомъ трудѣ г. Третьяка. Рецензентъ, г. Гордынскій, справедливо замѣчаетъ по этому поводу: «Что можно теперь еще написать новаго о филоматахъ и филаретахъ? Матеріала немного, и всѣ работы на эту тему опираются на однихъ и тѣхъ же источникахъ». При такихъ условіяхъ, мнимо-историческія работы, въ родѣ статьи г. Момидловскаго, волей-неволей пріобрѣтаютъ характеръ публицистическій, «програмный», какъ говорится въ рецензіи. Характеръ этотъ выражается въ намѣреніи автора присмотрѣться ближе къ «духовной натурѣ и преобладающей этической мысли членовъ товарищества», характеризовать его внутреннюю сущность, идеи и цѣли, къ которымъ оно стремилось. Судя по замѣченному рецензентомъ недостатку у автора критической обработки даже по отношенію къ имѣющимся на лицо письмамъ выдающихся членовъ товарищества: Мицкевича, Зана, Чечота, цѣль эта неособенно удалась автору. Можно отмѣтить только, пригодный вообще для той эпохи, выводъ г. Момидловскаго о возможности вліянія тогдашнихъ германскихъ буршеншафтовъ на виленское товарищество филоматовъ. Хотя пути этого вліянія прослѣдить трудно, но сходство девизовъ виленскихъ «любителей добродѣтели» съ буршевскими: «Tugend, Wissenschaft, Vaterland», бросается въ глаза. Упомянутая нами публицистическая тенденція разсматриваемаго труда видна въ заключительномъ желаніи автора, чтобъ «мысль Зана вполнѣ созрѣла и вдохновила польскую молодежь братскою связью, трудомъ и самопожертвованіемъ для высокихъ цѣлей». Патріотизмъ—дѣло, конечно, почтенное, но онъ едва ли можетъ содѣйствовать успѣху безпристрастныхъ историческихъ изысканій.

Въ ряду новыхъ работъ о Мицкевичѣ, нельзя пройдти молчаніемъ небольшую статью о вліяніи на главу польскихъ поэтовъ со стороны одного давнишняго поэта Трембецкаго. Правда, вліяніе это авторъ ограничиваетъ областью стиля, чему приводитъ и примѣры. Но тутъ же говорится, что Мицкевичъ вообще высоко цѣнилъ поэтическій талантъ Трембецкаго, а въ университетское время даже училъ его стихи на память, выражая желаніе унаслѣдовать прекрасный языкъ этого стараго поэта. Съ нашей точки зрѣнія, вопросъ о вліяніи поэзіи Трембецкаго на развитіе таланта Мицкевича можетъ имѣть интересъ совсѣмъ въ другомъ отношеніи, со стороны не одной только формы, но и содержанія, по крайней мѣрѣ, за извѣстный періодъ творчества Мицкевича. До сихъ поръ этотъ вопросъ если и ставился, то разрѣшался не иначе, какъ отрицательно; конечно, не въ изслѣдованіяхъ современныхъ польскихъ историковъ можно найдти желаніе доискаться безпристрастныхъ нитей такого вліянія на Мицкевича поэзіи Трембецкаго, которое впослѣдствіи должно было неизбѣжно угаснуть подъ вліяніемъ разныхъ причинъ, а всего больше подъ воздѣйствіемъ польской эмиграціи. Не странно ли, что одинъ и тотъ же Мицкевичъ, восхищавшійся умомъ и поэтическимъ талантомъ Трембецкаго, котораго даже называлъ «совершеннѣйшимъ по внѣш-

ней формѣ поэтомъ во всемъ славянскомъ мірѣ», впослѣдствіи, въ своихъ лекціяхъ, назвалъ его поэтомъ «не народнымъ, не славянскимъ, а льстецомъ, прислуживавшимся Станиславу-Августу и Екатеринѣ II».

Дѣло въ томъ, что Станиславъ Трембецкій былъ однимъ изъ замѣчательныхъ сторонниковъ Россіи при послѣднемъ польскомъ королѣ. Онъ видѣлъ спасеніе для Польши только въ искреннемъ единеніи съ Россіей и притомъ, вопреки обвиненіямъ, не былъ ни корыстнымъ, ни честолюбивымъ искателемъ выгодъ: умеръ онъ въ бѣдности, переживъ Станислава-Августа, съ которымъ не разлучался до самой кончины несчастнаго короля. Наконецъ. въ своихъ политическихъ симпатіяхъ Трембецкій былъ не одинокъ. «Задолго до Трембецкаго были въ Польшѣ люди, которые сознавали свое родство съ русскими, а въ концѣ XVIII вѣка на сеймахъ и въ политическихъ брошюрахъ доказывалось, что въ соединеніи съ Россіею счастіе обоихъ народовъ»,— такъ говоритъ біографъ Трембецкаго, извѣстный русскій славистъ Макушевъ. Между тѣмъ, Трембецкій, по сознанію даже Крашевскаго, былъ именно народнымъ поэтомъ, такъ какъ содержаніе своей поэзіи заимствовалъ изъ событій и вопросовъ, волновавшихъ современное ему польское общество. Поэтому, не покажется смѣлымъ предположеніе, что первоначальный періодъ творчества Мицкевича, ранѣе ожесточенія, сообщеннаго увлекавшемуся поэту и личными его несчастіями, и вліяніемъ фанатической польской эмиграціи,— періодъ спокойнаго разцвѣта поэзіи, могъ носить на себѣ слѣды умиротворяющаго вліянія того одного изъ его предшественниковъ, котораго самъ Мицкевичъ сначала ставилъ очень высоко за внѣшнюю форму, а потомъ столь же непомѣрно унижалъ за сущность поэзіи, какъ бы стараясь искупить свое прежнее увлеченіе. Вообще благопріятная Россіи сторона вліяній на Мицкевича ждетъ еще пополненія пробѣловъ отъ будущихъ, безпристрастныхъ историковъ.

Аналогичный, въ извѣстной степени, пробѣлъ можно указать и въ другомъ, обширномъ трудѣ о Мицкевичѣ, въ двухтомной книгѣ г. Хмѣлевскаго, также разбирающейся въ львовскомъ «Четырехмѣсячникѣ». «Отношеніе Мицкевича къ Пушкину, приносящее честь обоимъ поэтамъ, заслуживало болѣе обстоятельнаго освѣщенія»,—говоритъ рецензентъ.—Не достаетъ сравнительнаго очерка предъидущаго развитія того и другаго поэта. По отношенію къ Мицкевичу, у котораго рецензентъ замѣчаетъ въ этотъ періодъ жизни «недостатокъ политической, либеральной ноты», упомянутый пробѣлъ нѣсколько соотвѣтствуетъ указанному нами предположенію о вліяніи на развитіе Мицкевича того круга политическихъ мнѣній, который въ первой четверти нынѣшняго столѣтія соотвѣтствовалъ настроенію Трембецкаго.

Независимо отъ этого и нѣкоторыхъ другихъ пробѣловъ, указываемыхъ рецензентомъ въ книгѣ г. Хмѣлевскаго, его капитальный трудъ займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ литературѣ о Мицкевичѣ, и по множеству подробностей быта того времени, по тщательной разработкѣ фона той жизни, среди которой развивался и дѣйствовалъ поэтъ, трудъ этотъ не безполезенъ былъ бы для ознакомленія и въ русской литературѣ.

Мы должны еще возвратиться, по поводу рецензіи львовскаго «Четырехмѣсячника», къ одному изъ самыхъ крупныхъ явленій польской исторической литературы за послѣднее время, къ произведенію, о которомъ мы уже мимоходомъ упоминали въ концѣ прошлаго года. Рецензентъ разсматриваемаго журнала особенно освѣщаетъ политическое значеніе Пулавъ, резиденціи князей

Чарторыскихъ, обрисованное въ двухтомной монографіи графа Людвика Дембицкаго, посвященной Пулавамъ. Особенное значеніе, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, повидимому, будетъ имѣть ожидаемый третій томъ обширнаго, основаннаго на архивныхъ источникахъ, сочиненія Дембицкаго, гдѣ будутъ изложены внѣшнія вліянія этого очага польской жизни за время паденія Рѣчи Посполитой и отношенія Пулавъ къ культурѣ своего края.

Но и въ вышедшихъ томахъ, какъ сказано, находятся матеріалы къ большему уясненію политическаго значенія фамиліи Чарторыскихъ въ ту эпоху. Такъ, картина отношеній Адама Чарторыскаго къ императору Александру I пополнена новыми данными, основанными на неизвѣстныхъ до сихъ поръ письмахъ Адама къ отцу. Впрочемъ, по сознанію рецензента, установившееся понятіе о сущности помянутыхъ отношеній отъ этихъ новыхъ матеріаловъ не измѣняется.

Разъяснены отношенія «князя-генерала» (отца Адама) къ вѣнскому двору, на основаніи писемъ императора Іосифа II и его братьевъ къ представителю фамиліи Чарторыскихъ. Одно время, хотя недолго, переписка съ Іосифомъ пріобрѣла, повидимому, близкій характеръ, судя по тому, что Іосифъ (тогда еще эрцгерцогъ), посылая ключъ къ шифрованной корреспонденціи, уполномочивалъ Чарторыскаго посылать письма, чрезъ опредѣленнаго вѣнскаго банкира, на имя аббата Сартори, — таковъ былъ избранный будущимъ императоромъ псевдонимъ, которымъ и самъ онъ хотѣлъ подписываться въ перепискѣ съ княземъ, чтобъ установить прочнѣе и безъ огласки эту переписку. Однако жъ, съ такою подписью въ архивѣ имѣется только одно письмо Іосифа, который въ томъ же 1780 году, сталъ подписываться своимъ настоящимъ именемъ. Очевидно, особыхъ дипломатическихъ секретовъ съ княземъ Чарторыскимъ у будущаго императора не оказывалось, да и не такова была вообще его политика, чтобъ изъ-за личныхъ отношеній жертвовать интересами своего государства. Въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, не было еще въ ходу тѣхъ фальшиво-идеальныхъ воззрѣній на Польшу, какія установились въ началѣ текущаго столѣтія въ Россіи, благодаря вліянію сына «князя-генерала», Адама, вообще болѣе, чѣмъ отецъ, сдѣлавшаго для блеска фамиліи Чарторыскихъ.

Послѣдняя, впрочемъ, смотрѣла на себя въ текущемъ столѣтіи, какъ бы на польскую «династію», роднилась съ европейскими царствующими домами (виртембергскимъ, орлеанскимъ) и даже выпускаетъ иногда въ свѣтъ письма своихъ членовъ, касающіяся слегка и политики, и литературы, но, въ сущности, не имѣющія другаго интереса, кромѣ автобіографическаго. Таковы «Воспоминанія» Северины Духинской, изъ жизни принцессы Маріи Виртембергской, урожденной княжны Чарторыской, основанныя частію на письмахъ самой принцессы, частію на разсказахъ о ней родственниковъ. Не говоря уже о крайней неважности этого матеріала въ историко-литературномъ отношеніи, должно и тѣми отрывочными свѣдѣніями, какія тамъ есть, «пользоваться очень осторожно, съ большою осмотрительностью»,—по выраженію рецензента. Хорошъ историческій матеріалъ, удостоивающійся даже отдѣльной перепечатки изъ того журнала (Kronika Rodzinna), гдѣ онъ былъ помѣщенъ.

Приведенные образчики рецензій показываютъ, въ общемъ, какъ спеціальныя знанія по разбираемымъ предметамъ, такъ и достаточное безпри-

страстіе, съ какими составляется этотъ главный отдѣлъ въ журналѣ профессора Лиске.

Можно пожелать только расширенія числа отчетовъ по книгамъ, касающимся русской и другихъ славянскихъ литературъ. Подобный солидно-поставленный органъ не долженъ бы добровольно замыкаться въ чрезмѣрно тѣсныя рамки. Съ расширеніемъ послѣднихъ упрочится, конечно, существованіе журнала и увеличится число его читателей.

Внѣшность журнала не оставляетъ ничего желать.

Н. С. К.

К. Я. Гротъ. Лондонскія замѣтки. Славянскія рукописи Британскаго музея. Славистика въ Англіи. Варшава. 1887.

Хотя эта небольшая брошюра предназначена для спеціалистовъ, но и всякій образованный читатель найдетъ въ ней для себя нѣсколько интересныхъ замѣтокъ по вопросамъ, обозначеннымъ въ ея заглавіи.

Замѣчанія г. Грота о славянскихъ рукописяхъ Британскаго музея пополняютъ описаніе ихъ, сдѣланное въ 1878 году профессоромъ Ѳ. Успенскимъ (1—15); сообщено свѣдѣніе объ одной рукописи, и не вошедшей въ это описаніе (15—19). Г. Гротъ сообщаетъ также краткія извѣстія о жизни и литературной дѣятельности наиболѣе выдающихся англійскихъ славистовъ: W. Ralston'a, Hardy, Ewans'a и въ особенности Morfill'я (19—29). Послѣдній написалъ весьма значительное количество сочиненій по самымъ разнообразнымъ вопросамъ изъ области славистики; г. Гротъ приводитъ довольно обширный перечень его трудовъ до самаго послѣдняго времени. Но вообще самостоятельныхъ ученыхъ, занимающихся славистикой, между англичанами, очень немного, и послѣдніе до сихъ поръ, по словамъ г. Грота, знаютъ славянъ болѣе со стороны публицистической, нежели строго-научной. Въ Англіи даже нѣтъ ни при одномъ университетѣ настоящей каѳедры славистики, и учащаяся молодежь, равно какъ и образованное англійское общество, получаютъ болѣе или менѣе серьёзныя свѣдѣнія о славянствѣ, кромѣ сочиненій названныхъ ученыхъ, еще изъ публичныхъ лекцій, устроиваемыхъ на особыя средства, пожертвованныя лордомъ Илчестеромъ († 1865) для споспѣшествованія занятіямъ славистикой въ Англіи; на этихъ лекціяхъ выступаютъ, большею частію, тѣ же немногіе упомянутые ученые.

Е. П.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Вимпфенъ подъ Севастополемъ.— Будущее сраженіе. — Біографія Фонвизина. — Нѣмецкія сужденія о русской литературѣ и о Л. Н. Толстомъ. — Путешествіе маркиза Гонтли.—Аляска подъ владычествомъ сѣвероамериканцевъ.—«Именемъ царя».—Филиппъ Сидней.—Шотландія по отзывамъ ландлорда.—Біографическій словарь современныхъ знаменитостей.—Пустыни Экватора.—Нѣмецкая біографія Жанны Даркъ.—Новооткрытый латинскій писатель.—Греческое путешествіе.

ЖУРНАЛЪ «La Nouvelle Revue» помѣстилъ отрывокъ изъ записокъ генерала Вимпфена «Передъ Севастополемъ» (Devant Sebastopol. Notes et souvenir du général de Wimpffen). Этому генералу, храбро дравшемуся въ Алжиріи, въ Крыму и въ Италіи, пришлось, какъ извѣстно, подписать капитуляцію о сдачѣ Седана и французской арміи, вмѣстѣ съ ея императоромъ. Бонапартисты хотѣли свалить на ни въ чемъ неповиннаго генерала позоръ этой неслыханной капитуляціи, и даже слѣдственная коммиссія по этому дѣлу для поддержанія чести французской арміи обвинила его въ томъ, что онъ «не принялъ надлежащихъ мѣръ для ея спасенія». Напрасно бѣдный генералъ, сдѣлавшійся козломъ отпущенія, въ своей брошюрѣ «Седанъ» доказывалъ, что приказаніе отступить въ Седанъ было дано самимъ императоромъ, также какъ и приказаніе капитулировать, что Наполеонъ III не согласился на предложеніе Вимпфена — пробиться къ Кариньяну,—французамъ надо было найдти виновныхъ въ самомъ печальномъ эпизодѣ современной исторіи—и Вимпфенъ попалъ въ число виноватыхъ даже въ общественномъ мнѣніи. Выйдя въ отставку, онъ попытался попасть въ палату депутатовъ, но не получилъ достаточнаго числа голосовъ. Наглый бонапартистъ Поль Касаньякъ осыпалъ его клеветою въ своей газетѣ, но привлеченный къ суду былъ оправданъ, какъ «писатель, увлеченный патріотизмомъ». Удалившись въ частную жизнь, Вимпфенъ написалъ два дѣльныхъ изслѣдованія: «Положеніе Франціи и необходимыя ре-

формы» и «Вооруженная нація», но и они прошли незамѣченными—и старикъ умеръ, всѣми забытый, въ 1884-мъ году. Въ бумагахъ его найденъ дневникъ кампаніи 1854-го года, отрывки изъ котораго, вмѣстѣ съ письмами, относящимися къ тому времени, теперь обнародованы. Въ нихъ авторъ не сообщаетъ ничего новаго, но высказываетъ вѣрныя сужденія о многихъ лицахъ и событіяхъ. Отзывы его дышатъ справедливостью и наблюдательностью. Въ началѣ 1854 года, Вимпфенъ командовалъ въ Алжиріи полкомъ туземныхъ стрѣлковъ, сформированныхъ имъ же изъ арабовъ и кабиловъ. Онъ настоялъ на томъ, чтобы полкъ этотъ принялъ участіе въ крымскомъ походѣ, хотя многіе предсказывали, что полудикіе уроженцы Африки не вынесутъ борьбы съ европейски дисциплинированною арміей. Но они не только съ честью дрались «противъ многочисленныхъ и храбрыхъ солдатъ, поддерживаемыхъ сильною артиллеріею», какъ говорилъ Вимпфенъ въ прокламаціи къ своему полку, а перенесли даже всѣ невзгоды тяжелой зимы 1854—1855 года. Послѣ крымской кампаніи предубѣжденіе противъ туземныхъ алжирскихъ войскъ исчезло, благодаря настойчивости Вимпфена, и полки ихъ принимали уже дѣятельное участіе въ кампаніяхъ итальянской, мексиканской, въ войнѣ 1870 г., въ Кохинхинѣ и Тонкинѣ. Въ апрѣлѣ 1854 г., полкъ Вимпфена повезли въ Константинополь. Возникъ вопросъ, будутъ ли солдаты-мусульмане получать раціоны водки и солонины, какъ французы. Но оказалось, что коранъ разрѣшаетъ правовѣрнымъ во время войны ѣсть и пить что придется, и зуавы напивались не хуже христіанъ. Въ Константинополѣ, куда они прибыли въ маѣ, по замѣчанію Вимпфена, «англичане такъ хорошо устроились въ Скутари и во многихъ кварталахъ Стамбула, какъ будто имъ придется остаться тамъ надолго. Они принимали всѣ мѣры утвердиться въ важнѣйшихъ пунктахъ турецкой столицы». Всегда и вездѣ та же предусмотрительность, позволившая имъ овладѣть Египтомъ, Индіей и пр. Отрядъ, въ которомъ былъ Вимпфенъ, сталъ въ виду Евпаторіи 13 сентября. Съ судовъ отправленъ былъ парламентеръ къ начальнику города, признавшему невозможность сопротивленія. Русскій маіоръ предложилъ даже въ случаѣ занятія города — поставить муку, которую могли перемолоть 40—50 мельницъ, расположенныхъ въ окрестности. Но флотъ не хотѣлъ раздѣлять свои силы и отправился дальше къ сѣверу. Высадка, какъ извѣстно, совершилась благополучно для французовъ, и Вимпфенъ говоритъ, что если бы русскіе, хотя и въ не большомъ числѣ встрѣтили дружнымъ огнемъ первые, высаживавшіеся баталіоны, то могли бы нанести имъ большой уронъ. Въ сраженіи при Альмѣ Вимпфенъ не принималъ участія, но удивляется, почему, разбивъ русскихъ, не преслѣдовали ихъ и дали имъ спокойно отступить. «Русскіе дрались удивительно,—говоритъ Вимпфенъ, — но генералы ихъ оказались плохи (se sont montrés médiocres)». Въ обходномъ движеніи у Севастополя русскіе могли бы и съ небольшими силами защитить «узкую долину Бельбека и нанести намъ значительныя потери, но и тутъ русскіе генералы не были на высотѣ своего положенія». Англичане прежде всего устроились очень комфортабельно въ Балаклавѣ. Французы надѣялись взять Севастополь послѣ перваго же приступа, въ половинѣ октября, но они не слишкомъ вѣрили въ своего главнокомандующаго Канробера, не отличавшагося ни административными способностями, ни даже простой честностію въ Алжиріи. Вимпфенъ хвалитъ Сент-Арно, но замѣчаетъ, что онъ былъ сначала противникомъ Луи-Наполеона и перешелъ на его сторону вслѣдствіе «увѣщаній» генерала Флёри. Сколько было заплочено за

этотъ «переходъ», Вимпфенъ не говоритъ. Онъ былъ убѣжденъ, что Севастополь можно взять штурмомъ, но военный совѣтъ рѣшилъ вести правильную осаду—и она началась. Въ артиллерійскомъ бою, начавшемся 17 октября, перевѣсъ былъ на сторонѣ русскихъ, нанесшихъ большія потери противникамъ. Канроберъ, осматривая войска, сказалъ имъ: «Если мы не войдемъ въ дверь, то влѣземъ въ окно». «Но въ томъ-то и дѣло,—прибавляетъ Вимпфенъ,—что наша артиллерія не съумѣла пробить намъ этихъ оконъ». Замѣтки оканчиваются Инкерманскимъ сраженіемъ. Въ немъ принимали большое участіе стрѣлки Вимпфена, посланные съ дивизіей Боске и Бурбаки на выручку англичанъ, лагерь которыхъ подвергся ночью нападенію русскихъ. Появленіе черныхъ солдатъ съ крикомъ: алла! по словамъ Вимпфена, испугало суевѣрныхъ русскихъ солдатъ; арабы прыгали какъ пантеры, преслѣдуя отступавшихъ. Онъ говоритъ, что, пользуясь замѣшательствомъ русскихъ вслѣдствіе потеряннаго ими сраженія, можно было по пятамъ ихъ ворваться въ городъ, но генералъ Форей подалъ сигналъ къ отступленію. О французскихъ офицерахъ генеральнаго штаба и начальникахъ артиллеріи авторъ невысокаго мнѣнія.

— Какой-то русскій офицеръ написалъ историко-фантастическое сочиненіе «Первое сраженіе» (La première bataille, par un officier russe), характеризующее настроеніе нашего времени, когда всѣ державы увѣряютъ въ своемъ миролюбіи, въ дружественномъ расположеніи къ сосѣдямъ и въ то же время вооружаются, по французскому выраженію: «до зубовъ». Книга рисуетъ картину будущаго столкновенія Франціи съ Германіей. По мнѣнію автора, нѣмцы, думая напасть на французовъ въ расплохъ, двинутся по знакомой дорогѣ, но будутъ на голову разбиты при Сен-Привá значительными силами французовъ, направленными искуснымъ распоряженіемъ генеральнаго штаба, къ которому, вѣроятно, имѣетъ честь принадлежать авторъ, сильно поддерживающій значеніе этого института въ то время, когда противъ его черезчуръ сложныхъ комбинацій вооружаются строевые офицеры. Всѣ эти будущія сраженія въ родѣ «Битвы при Доркингѣ», покореніе Европы китайцами, морского сраженія при Портъ-Саидѣ, объясняющіяся скорѣе злобою текущихъ дней, чѣмъ провидѣніемъ грядущихъ событій, но читаются съ интересомъ, какъ все возможное, хотя и фантастическое.

— «Das Magazin für die Litteratur des In — und Auslandes» помѣстилъ цѣлый рядъ статей о русскихъ писателяхъ и нѣкоторыхъ произведеніяхъ русской литературы. Большой очеркъ въ двухъ нумерахъ газеты посвященъ Фонвизину (D. I. von Wisin. Ein litterarisch-historische Skizze von Max Behrmann). Статья начинается съ обсужденія реформаторскихъ плановъ Петра I и Екатерины II, причемъ оправдываются насильственныя и жестокія мѣры преобразователя Россіи, которую и нельзя было иначе заставить идти за Европою по пути просвѣщенія. Еще лучше поняла потребность сближенія съ иностранцами Екатерина II, сама иностранка. Въ образованіи и развитіи нуждалось болѣе всего, конечно, юношество; но между чужеземцами, бравшимися за его воспитаніе, больше, чѣмъ серьезныхъ педагоговъ, было невѣжественныхъ авантюристовъ, явившихся въ Россію за наживою. Противъ такихъ-то самозванныхъ просвѣтителей возстали сатирики второй половины XVIII вѣка, и первый между ними былъ Фонвизинъ, лифляндскій нѣмецъ по происхожденію и предокъ котораго, взятый въ плѣнъ во время войны Іоанна Грознаго съ Ливоніею, остался въ Москвѣ, а внукъ при Алексѣѣ Михайло-

вичѣ принялъ православіе. Авторъ разсказываетъ подробно жизнь Дениса Ивановича Фонвизина, приводитъ отрывки изъ его записокъ и представляетъ оцѣнку его пьесъ, впрочемъ, довольно сбивчивую и поверхностную. Такъ, сказавъ, что нѣкоторыя лица въ «Бригадирѣ» изображены мастерски, также какъ общій духъ и колоритъ пьесы, авторъ черезъ нѣсколько строкъ прибавляетъ, что персонажи комедіи никогда не могли существовать, что это мертвыя куклы, взятыя не изъ жизни, а для осуществленія тенденціозныхъ идей писателя. «Фонвизинъ писалъ портреты рѣзкими красками: оттѣнковъ и полутѣней у него нѣтъ». Берманъ хвалитъ больше всего языкъ комедіи. Гораздо больше дарованія и значенія видитъ онъ въ «Недорослѣ», котораго переводитъ неточнымъ выраженіемъ «Маменькинъ сынокъ» (Muttersöhnchen), но и тутъ Фонвизинъ является больше юмористомъ, чѣмъ настоящимъ драматургомъ; Берманъ говоритъ, что самъ онъ еще недавно видѣлъ подобныхъ недорослей въ восточныхъ губерніяхъ Россіи. Разсказавъ подробно сюжетъ «Недоросля», Берманъ говоритъ о бѣдности содержанія и отсутствіи сценическаго движенія въ пьесѣ, о превосходно выдержанныхъ типахъ, между которыми на первое мѣсто ставитъ Простакову. Но, говоря, что фамиліи участвующихъ лицъ пьесы обозначаютъ свойства ихъ характеровъ, Берманъ увѣряетъ, что такія фамиліи, какъ Стародумъ, Правдинъ, Простакова, до сихъ поръ существуютъ въ Россіи. Извѣстную фразу Потемкина: «умри Денисъ— ничего лучше не напишешь!» авторъ вовсе не понялъ и передаетъ словами: умри — и не пиши ничего больше. О другихъ сочиненіяхъ Фонвизина, его автобіографіи, письмахъ изъ-за границы, говорится нѣсколько строкъ. Статья оканчивается замѣчаніемъ, что писатель, высоко цѣнившій свое званіе, достоинъ того, чтобы перейдти въ потомство.

— Четыре статьи, подъ общимъ названіемъ: «Литературныя извѣстія изъ Россіи» (Litteraturbericht aus Russland) написаны Гейфельдеромъ изъ Петербурга. Авторъ прежде всего замѣчаетъ, что въ этомъ городѣ даже въ зажиточныхъ домахъ трудно встрѣтить не только библіотеку, но просто шкафъ съ книгами, и объясняетъ это непрочностью положенія русскихъ чиновниковъ. Приводя изъ записокъ Пирогова отвѣтъ одного провинціальнаго чиновника губернатору: «я имѣлъ честь служить при девятнадцати губернаторахъ, ваше превосходительство—двадцатый», авторъ говоритъ, что и петербургскихъ чиновниковъ, даже членовъ суда и врачей, поминутно переводятъ изъ столицы въ Люблинъ, изъ Казани въ Владивостокъ, изъ Риги въ Асхабадъ. Гдѣ же тутъ дѣлать запасы книгъ! Читаютъ больше одни журналы. Авторъ останавливается на историческихъ, хвалитъ «Записки Мердера» и дѣлаетъ изъ нихъ большія выписки, говоритъ о «Запискахъ декабриста» (Бѣляева), о графѣ Толстомъ какъ романистѣ и народномъ писателѣ. Прежде всего, авторъ удивляется некрасивой наружности писателя, похожаго на мужика и еще не настоящаго, а поддѣльнаго (ein unächter, nachgemachter Muschik): «черты его лица принадлежатъ къ дѣлающемуся теперь рѣдкимъ безобразному національному типу» (hässlichsten Typus seiner Nation), — и тутъ же говоритъ, что лицо графа дышетъ свѣтомъ высшей интелигенціи. «Война и миръ» сравнивается съ романомъ Рельштаба «1812-ый годъ», появившимся въ сороковыхъ годахъ—и этому малоизвѣстному автору и вовсе неизвѣстному роману отдается предпочтеніе передъ эпопеей Л. Толстого. Русскій писатель не долженъ былъ критиковать стратегическіе планы величайшаго военнаго генія. «Не станутъ же офицеры генеральнаго штаба изу-

чать походы Наполеона по книгѣ Толстого»,—прибавляетъ нѣмецкій критикъ, болѣе всего обижающійся тѣмъ, что романистъ осмѣлился выставить въ непривлекательномъ свѣтѣ нѣмца—офицера Берга. Отзывъ критика объ «Аннѣ Карениной» также довольно холоденъ. Что же касается до его сочиненій для народа, они положительно не одобряются съ прибавленіемъ, что ихъ осудила и русская печать; это совершенно ложно, такъ какъ она отзывалась неодобрительно только о его сказкахъ, наполненныхъ чертовщиной всякаго рода, да о несчастной «Власти тьмы». Даже въ «Смерти Ивана Ильича» критикъ находитъ много цинизма. Оцѣнка Л. Толстого оканчивается приглашеніемъ писателя вернуться къ прежнему (Werde wieder du selbst!). Въ четвертой статьѣ разбираются двѣ книги: г. Случевскаго—о путешествіи великаго князя Владиміра Александровича и г. Каразина—«Отъ Оренбурга до Ташкента» и статья С. Бека въ «Russische Revue» о географико-историческомъ этюдѣ объ Оренбургскомъ краѣ г. Алекторова. Г. Случевскаго критикъ называетъ придворнымъ исторіографомъ и хвалитъ за его увлекательныя и поучительныя описанія. Хвалитъ также и г. Каразина, но еще больше Гоппе и Маркса, «снабдившихъ Россію сколько нибудь цѣнными иллюстраціями». Въ книгѣ г. Каразина рисунки также хороши какъ текстъ, но описывая Оренбургскій край, гдѣ «Азія встрѣчается съ Европой», г. Каразинъ только легкокрылый (leichtbeschwinter) туристъ, а г. Алекторовъ серьезный изслѣдователь. Оба они пополняютъ другъ друга. Переводила послѣдняго — дама. Статья нѣмецкаго журнала оканчивается глубокомысленнымъ разсужденіемъ критика о томъ, что русскія фамиліи надо писать понѣмецки съ буквами *ow* и *ew*, а не *off* и *eff*, русское *с* надо передавать двумя *ss* «какъ Ssuworow, Ssachalin, а *з* однимъ *s*: Sotow, Swenigorod» и др.

— Нѣсколько интересныхъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, встрѣчается въ книгѣ маркиза Гонтли «Поѣздки, спортъ и политика на европейскомъ востокѣ» (Travels, sport and politics in East of Europe, by marquis of Huntly). Если первыя главы книги о Дунаѣ и Константинополѣ довольно поверхностны, то въ слѣдующихъ — о Батумѣ, Крымѣ, Кавказѣ — немало любопытнаго. Аѳины и Черногорія — опять слабѣе, Корфу и Албанія—интересны только для охотниковъ. Къ книгѣ приложены хорошенькіе рисунки работы леди Гонтли, но не приложено ни указателя, ни даже простого оглавленія. Пора бы также перестать повторять избитые анекдоты о томъ, что въ русскихъ гостинницахъ прислуга состоитъ изъ князей, т. е. изъ татаръ, которыхъ народъ называетъ въ насмѣшку князьями. Всего слабѣе въ книгѣ, конечно, политическіе взгляды автора.

— О странѣ, еще недавно принадлежавшей Россіи и уступленной ею, вслѣдствіе ошибочной колоніальной политики, Сѣвероамериканской республикѣ, пишетъ одинъ изъ ея гражданъ Элліоттъ въ книгѣ «Наша арктическая провинція» (Our arctic province). Авторъ разсказываетъ исторію открытія Аляски, ея занятія русскими и уступки американцамъ. Онъ сознается, что отъ этой уступки Россія не пріобрѣла ровно никакихъ выгодъ. На Ситхѣ, бывшей столицею русскихъ владѣній, климатъ вовсе не такъ суровъ, какъ можно ожидать по ея географическому положенію и въ году выдается до ста хорошихъ дней. Но торговля ея незначительна; охота, въ особенности на морскихъ котовъ, также падаетъ и это животное скоро переведется на Алеутскихъ островахъ. Искусными преслѣдователями звѣря являются колоши на своихъ байдаркахъ. Любопытенъ разсказъ объ охотѣ на остро-

вахъ Тюленьихъ или Прибылова, отдаваемыхъ правительствомъ на откупъ торговой компаніи въ Аляскѣ съ правомъ добывать ежегодно 100.000 головъ. Это число добывается втеченіе полутора мѣсяца отъ половины іюня по 1-ое августа. Послѣ этого времени мѣхъ животнаго понижается въ качествѣ и въ цѣнѣ.

— Англичане не только занимаются переводами русскихъ романовъ, но и сами пишутъ романы изъ русской жизни. Какой-то Дейнъ сочинилъ изумительную исторію «Именемъ царя» (In the name of the Tzar, by I. Belford Dayne), гдѣ есть и заговоры, и нигилисты, и Третье Отдѣленіе—все что угодно, кромѣ здраваго смысла. Герой романа — англичанинъ, но въ концѣ концовъ оказывается Иваномъ Назимовымъ, принцемъ русской крови (a prince of the blood of Russia) самаго древняго рода. Не смотря на всѣ злоключенія, которымъ онъ подвергается втеченіе всей своей жизни, полной невѣроятныхъ приключеній, онъ достигаетъ благополучнаго конца и женится на героинѣ. Англійская критика сомнѣвается, мужчина ли писалъ этотъ романъ, и приписываетъ его женщинѣ. Для насъ это, конечно, безразлично, но вообще отъ серьезныхъ англичанъ трудно было ждать такихъ чудовищныхъ нелѣпостей, какими наполнено это невозможное произведеніе.

— Уже нѣсколько лѣтъ въ Англіи издается серія біографій англійскихъ писателей, предпринятая Морлеемъ. Въ ней представляется оцѣнка трудовъ не только первоклассныхъ лицъ, но и такихъ, которыя въ исторіи литературы занимаютъ далеко не первенствующее мѣсто. Такова написанная Саймондсомъ литературная характеристика Филиппа Сиднея (English men of letters. Sir Philip Sidney). Это былъ скорѣе искусный политикъ, храбрый солдатъ, настоящій джентльменъ, чѣмъ замѣчательный писатель. Онъ могъ имъ сдѣлаться впослѣдствіи, судя по оставшимся отъ него первымъ опытамъ, прерваннымъ раннею смертью. Сынъ англійскаго посланника во Франціи, потомъ губернатора Валлійскаго княжества, Филиппъ Сидней, занимая при Елисаветѣ дипломатическія должности, чуть не сдѣлался польскимъ королемъ, такъ какъ шляхта избрала его на вакантный престолъ Пястовъ. Но англійской королевѣ не понравилось это избраніе ея подданнаго и она прямо съ дипломатическаго поста отправила его, въ званіи кавалерійскаго генерала, сражаться во Фландрію, гдѣ онъ и былъ убитъ въ битвѣ при Гравелинѣ, не достигнувъ 33-хъ лѣтъ. Вѣсть объ этой преждевременной смерти такъ поразила стараго отца Филиппа, что онъ умеръ вслѣдъ за сыномъ. Въ ряду драматическихъ писателей вѣка Елисаветы или въ сравненіи съ такими талантами, какъ Шекспиръ, Спенсеръ, Сидней оставался на второмъ планѣ со своими сонетами, пѣснями и поэмою «Аркадія графини Пемброкъ», но и въ этихъ слабыхъ и неотдѣланныхъ опытахъ видны признаки таланта, вѣрно характеризованнаго Саймондсомъ.

— Одинъ изъ первыхъ шотландскихъ ландлордовъ, герцогъ Аргайль, написалъ два тома о «Шотландіи, какова она была и какова теперь» (Scotland as it was and as it is). Это, конечно, не исторія страны, а скорѣе памфлетъ, написанный слогомъ проповѣдей на тему о томъ, что власть въ каждой землѣ должна сосредоточиваться въ рукахъ немногихъ крупныхъ собственниковъ. Аргайль, какъ представитель чистаго торизма, возстаетъ въ своей книгѣ противъ виговъ и, въ особенности Гладстона, съ ужасомъ говоритъ о Генри Джорджѣ и его системѣ національизаціи земли, объ аграрномъ вопросѣ, грозящемъ въ Шотландіи такими же бѣдствіями, какъ и въ Ирландіи. Въ виду

этихъ бѣдствій, готовыхъ обрушиться на благородное сословіе ландлордовъ, герцогъ утверждаетъ, что имъ предстоитъ скоро бѣжать изъ отечества на коралловые острова и устроивать себѣ тамъ свайныя постройки или жить на деревьяхъ Новой Гвинеи, такъ какъ и тамъ всю землю захватятъ пролетаріи. Видъ благороднаго герцога на насѣстѣ, конечно, долженъ тронуть загрубѣлыя сердца мелкихъ фермеровъ, добивающихся пріобрѣсти въ собственность земли, искони воздѣлываемыя бѣдняками, но принадлежащія ландлордамъ. Но, оставивъ въ сторонѣ эти жалобы на настоящее время, прошедшее Шотландіи представлено авторомъ въ живописной картинѣ.

— Конкурируя съ извѣстнымъ біографическимъ словаремъ «Men of the time», Лойдъ Саундерсъ выпустилъ въ свѣтъ подобный же словарь подъ названіемъ «Знаменитости столѣтія» (Celebrities of the Century). Излишне было бы распространяться о значеніи подобныхъ словарей. Никогда индивидуальное значеніе отдѣльной личности не играло такой важной роли, какъ въ наше время, и не только въ исторіи политической, но и во всѣхъ явленіяхъ общественной жизни, во всѣхъ отрасляхъ наукъ, искусствъ, литературы, промышленности, во всѣхъ формахъ культуры. Прошло то время, когда исторія ограничивалась передачею подвиговъ однихъ героевъ, властителей народовъ, рѣшителей судебъ человѣчества, представителей всѣхъ стремленій и интересовъ своего вѣка. Теперь врядъ ли кто изъ самыхъ могущественныхъ дѣятелей рѣшится сказать, что онъ олицетворяетъ собою свою эпоху, служитъ выраженіемъ ея тенденцій, кульминаціоннымъ пунктомъ современныхъ идей. Въ области политики одно лицо не можетъ имѣть рѣшающаго вліянія на судьбы народовъ. Отрасли знанія такъ развились, что универсальный геній теперь невозможенъ. Міръ демократизируется, но при этомъ личность не принижается, не сглаживается въ одинаковомъ уровнѣ понятій и потребностей, этомъ идеалѣ комунистовъ, напрасно старающихся склонить человѣчество къ ихъ все нивелирующему ученію. Число работниковъ на всѣхъ поприщахъ дѣятельности разростается съ каждымъ годомъ и изъ трудовъ ихъ составляется многосторонняя, любопытная картина нашего вѣка со всѣми его особенностями. И въ этой картинѣ отдѣльныя личности не сливаются въ одну общую массу, но освѣщаютъ, характеризуютъ, каждая въ своей спеціальности, ту сферу дѣятельности, въ которой онѣ трудятся. Безъ біографій не мыслима исторія, да и сама она была сначала не болѣе какъ сборникомъ біографій выдающихся личностей. Жизнеописанія, составленныя въ древности и въ позднѣйшее время, лучше рисуютъ современную имъ эпоху, чѣмъ многотомныя исторіи. Для изученія нашего времени подобныя біографіи еще необходимѣе, и въ иностранной литературѣ онѣ появляются во множествѣ, то въ формѣ жизнеописаній отдѣльныхъ классовъ, представителей общества, государственныхъ людей, писателей, ученыхъ, артистовъ, то въ видѣ всеобщихъ словарей всѣхъ выдающихся современниковъ. Только у насъ нѣтъ ни одного подобнаго изданія, хотя оно для насъ необходимѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ, гдѣ уровень развитія интелигентнаго класса—выше. Вѣрное понятіе о положеніи, въ данную минуту, дѣятелей политики, науки, литературы и пр., невозможно безъ знанія того, что сдѣлали уже на этомъ поприщѣ ихъ предшественники. Прошедшее человѣка служитъ указаніемъ его будущности. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ измѣняетъ своему направленію, для мыслителя любопытно прослѣдить фазисы этой метаморфозы, хотя бы причины ея и не выяснились для современниковъ. Когда сограж-

дане Боливара внесли въ народное собраніе, гдѣ онъ былъ предсѣдателемъ, предложеніе воздвигнуть ему памятникъ, знаменитый освободитель южной Америки сказалъ: «Не ставьте никогда памятниковъ живымъ людямъ. Кто знаетъ, не измѣню ли еще я и самъ своимъ убѣжденіямъ». Но необходимо, чтобы біографическій словарь былъ памятникомъ не лицамъ, а фактамъ, не теоріи, а дѣятельности. Насъ не могутъ не интересовать труды и жизнь выдающихся личностей. По ихъ біографіи создается исторія нашего вѣка. Трудъ собирателя такихъ біографій, уясняя настоящее, облегчаетъ будущее изслѣдованіе историка. Необходимо только, чтобы подобный словарь не былъ ни дѣломъ партіи, ни личнаго пристрастія, чтобы для отстраненія всякой тенденціозности при оцѣнкѣ дѣятелей, она предоставлялась будущему времени, и словарь ограничивался чисто фактическими данными, а этого, къ сожалѣнію, нѣтъ въ словарѣ Саундерса, слишкомъ пристрастнаго къ своимъ соотечественникамъ.

— О послѣднихъ событіяхъ и настоящемъ положеніи одной изъ малоизвѣстныхъ республикъ южной Америки Альфредъ Симсонъ сообщаетъ въ своей книгѣ «Странствованія по пустынямъ Экватора» (Travels in the wilds of Ecuador). Авторъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ этой странѣ, путешествуя вдоль береговъ Тихаго Океана и по Амазонской рѣкѣ отъ Гваяквиля до границъ Бразиліи, черезъ всю страну до Атлантическаго океана. Республика рѣзко раздѣляется на двѣ части: западную, населенную полудикими племенами, управляемыми представительными учрежденіями, и восточную, гдѣ живутъ уже совершенные дикари и дѣти природы. Дороги тамъ, по берегамъ Кордильеровъ, ужасныя, и Симсонъ на каждомъ шагу подвергался неожиданнымъ опасностямъ, въ своихъ странствованіяхъ. Но и въ болѣе цивилизованныхъ частяхъ республики нравы правителей и управляемыхъ не многимъ лучше, чѣмъ у индійскихъ племенъ, живущихъ въ крайней бѣдности и невѣжествѣ. Авторъ нигдѣ не встрѣчалъ такого деспотизма, какъ въ этой республикѣ, надѣленной всякими палатами и всеобщею подачею голосовъ. Беззаконія, совершаемыя тамъ, во имя свободы и равенства, превосходятъ всякое понятіе.

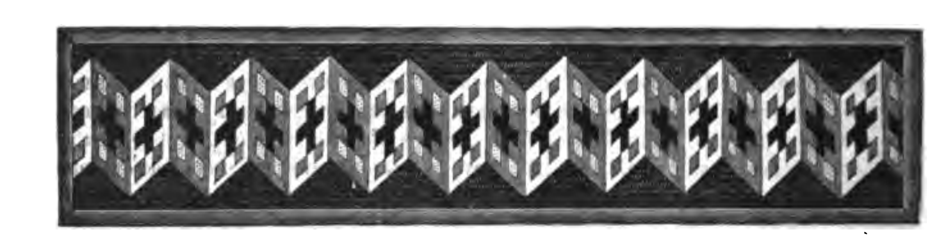
— На нѣмецкомъ языкѣ вышло сочиненіе объ «Орлеанской дѣвственницѣ» (Die Jungfrau von Orleans und ihre Zeitgenossen). Авторъ этой книги профессоръ Германъ Земмигъ принужденъ былъ бѣжать изъ своего любезнаго отечества, преслѣдуемый за свои независимыя убѣжденія и, поселившись въ городѣ, прославленномъ французскою героинею, занялся изученіемъ ея подвиговъ и ея эпохи. Плодомъ его изысканій явилась книга, обратившая на себя вниманіе обѣихъ націй, въ короткое время достигшая двухъ изданій. Авторъ опровергаетъ многія ошибочно установившіяся мнѣнія о современникахъ Жанны Даркъ. Такъ онъ снимаетъ незаслуженный ореолъ съ любовницы короля, Агнесы Сорель, которую французы надѣляютъ всѣми добродѣтелями, тогда какъ она была маркизою Помпадуръ своего времени, устроивавшею для своего августѣйшаго возлюбленнаго такія же «оленьи парки», какъ и при Людовикѣ XV. Карла VII представляетъ профессоръ также въ его настоящемъ, непривлекательномъ видѣ, заставляющемъ сожалѣть, что вдохновенная героиня пожертвовала собою для спасенія такого монарха, не заслуживающаго ни малѣйшаго участія. Вопіющая неблагодарность короля, по отношенію къ Жаннѣ и къ своему казначею Жаку Кёрь, выставляется въ своемъ настоящемъ свѣтѣ. Достается отъ автора и его

соотечественнику Шиллеру, за совершенное искаженіе исторической правды, въ его знаменитой трагедіи, за представленіе въ блестящемъ видѣ такихъ низменныхъ натуръ, какъ Карлъ VII, Агнеса Сорель, герцогъ Бургундскій. Что же касается до самой Жанны, авторъ высоко ставитъ эту восторженную личность, называетъ ее «женскимъ Христомъ», спасительницею Франціи, твердо вѣрившею въ свое призваніе. Даже на кострѣ повторяла она, что «голоса», повелѣвавшіе ей встать на защиту отечества, были отъ Бога и не обманули ее.

— «Присциліанъ: новооткрытый латинскій писатель IV вѣка» (Priscillian, ein neuaufgefundener lateinischer Schriftsteller des IV Jahrhundert). Въ вюрцбургской университетской библіотекѣ д-ръ Шепсъ нашелъ манускриптъ, написанный этимъ ересіархомъ IV вѣка, родившимся въ Испаніи и сожженнымъ въ Турѣ по повелѣнію императора Максима. До сихъ поръ онъ былъ извѣстенъ только какъ несчастная жертва фанатическаго духовенства первыхъ вѣковъ и противъ его несправедливаго осужденія возставали Амвросій Миланскій и Мартинъ Турскій. Богатый, благороднаго происхожденія, ученый, краснорѣчивый Присциліанъ раздѣлялъ ученіе гностиковъ и манихеевъ и основалъ цѣлую школу, послѣдователи которой вели аскетическую жизнь, не признавали брака и не употребляли въ пищу мяса. Эпифаній говоритъ, что они держались ученія адамитовъ и думали достигнуть высшаго блаженства, живя какъ нашъ праотецъ въ раю. Присциліана осудилъ Сарагосскій соборъ, по интригамъ епископа Итакія. Но до сихъ поръ еретикъ не былъ извѣстенъ какъ писатель. Теперь найдена его защита противъ несправедливыхъ обвиненій, написанная во время между его осужденіемъ и казнью и адресованная къ «beatissimi sacerdotes». Затѣмъ найденъ трактатъ его «Ad Damascum episcopum», содержащій въ себѣ апелляцію осужденнаго къ римскому первосвященнику, допустившему, однако, сожженіе еретика. Сверхъ того, въ манускриптѣ находится еще нѣсколько сочиненій Присцилліана поучительнаго и духовнаго характера. Все это печатается теперь въ вѣнскомъ изданіи: «Corpus Scriptorum Ecclesiae Latinae».

— Изъ путешествій выдается «Греческое путешествіе» Крумбахера (Griechische Reise). Авторъ не педантъ, немногословенъ и не смотритъ на восточныя племена съ высоты нѣмецкаго величія. Онъ безъ предубѣжденія относится къ грекамъ, знаетъ ихъ страну и языкъ, былъ не только въ Аѳинахъ и Константинополѣ, но и въ самыхъ незначительныхъ городкахъ, и хорошо знакомъ съ политическимъ и литературнымъ движеніемъ современной Греціи. Кромѣ греческаго королевства, онъ побывалъ и на островахъ Архипелага, принадлежащихъ Турціи, и описалъ Лесбосъ, Патмосъ, Калимносъ, Леросъ и др. Онъ не скрываетъ и недостатки греческаго національнаго характера, но говоритъ объ умственномъ прогрессѣ племени, которому предстоитъ блестящая будущность. Авторъ былъ также въ Смирнѣ, Сардахъ, Магнезіи, Пергамѣ, гдѣ замѣчалъ вездѣ паденіе турецкаго элемента.

СМѢСЬ.

Пятидесятилѣтній юбилей Я. П. Полонскаго. 10-го апрѣля, почитатели нашего даровитаго и симпатичнаго поэта чествовали полувѣковую годовщину его безупречной литературной дѣятельности. Въ 1837 году, семнадцатилѣтнимъ гимназистомъ, онъ написалъ стихотвореніе, на пріѣздъ въ Рязань наслѣдника-цесаревича, и сопровождавшій его поэтъ В. А. Жуковскій поднесъ своему августѣйшему воспитаннику плодъ вдохновенія молодаго ученика. Стихи были напечатаны и за нихъ онъ получилъ въ подарокъ золотые часы. Съ тѣхъ поръ, втеченіе полстолѣтія, Яковъ Петровичъ Полонскій оставался тѣмъ же талантливымъ поэтомъ, стихи котораго равно цѣнились критикою и публикою. Когда, въ 1844 году, кончивъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, онъ издалъ первую книжку своихъ стихотвореній, подъ названіемъ «Гаммы» (всего 32 пьесы), Бѣлинскій, всегда строгій къ начинающимъ поэтамъ, отозвался о Полонскомъ съ большою похвалою. Тургеневъ всю жизнь оставался его другомъ и, защищая его отъ обвиненія въ несамобытности и эклектизмѣ, говорилъ: «худо ли, хорошо ли онъ поетъ, но поетъ по своему. Талантъ Полонскаго представляетъ смѣсь ему лишь одному свойственной простодушной граціи и правдивости впечатлѣній». Н. Н. Страховъ видѣлъ въ направленіи Полонскаго: «поклоненіе всему прекрасному и высокому, служеніе добру и красотѣ, любовь къ просвѣщенію и свободѣ, ненависть ко всякому насилію и мраку, любовь къ человѣчеству, благоговѣніе передъ искусствомъ и передъ всѣми родами духовнаго величія». Эти свойства поэзіи Я. П. сохранились неизмѣнно и до 1887 года, во всѣхъ его лирическихъ произведеніяхъ, въ повѣстяхъ и романахъ, въ драмахъ и поэмахъ. Онъ всю жизнь оставался чистымъ поэтомъ, не спускаясь въ область публицистики, критики, науки. Чествованіе юбиляра происходило въ залахъ Дворянскаго Собранія, но утромъ на квартиру поэта явилась депутація изъ двухъ членовъ академіи наукъ, Я. К. Грота и М. И. Сухомлинова, съ адресомъ отъ академіи, увѣнчавшей нѣсколько лѣтъ тому назадъ произведенія его пушкинской преміей, а въ прошломъ году избравшей Я. П. въ члены-корреспонденты. Этотъ

адресъ былъ прочитанъ и за обѣдомъ, на который собралось до 200 почитателей юбиляра. А. Н. Майковъ сообщилъ, что, по докладу министра внутреннихъ дѣлъ, Я. П. Полонскому пожалована удвоенная пенсія по 2,500 рублей въ годъ и предложилъ тостъ за государя императора. Ура! и народный гимнъ встрѣтили этотъ новый знакъ монаршей милости. А. Н. Плещеевъ прочелъ рѣчь о «праздникѣ золотой свадьбы Я. П. съ музою». Затѣмъ слѣдовали адресы Общества любителей сценическаго искусства, отъ литераторовъ и художниковъ, многочисленныя письма, телеграммы, поздравленія разныхъ учрежденій и частныхъ лицъ: дирекціи начальныхъ училищъ, К. П. Побѣдоносцева, М. Н. Каткова, славянскаго академическаго Общества въ Лейпцигѣ, отъ русскихъ галичанъ въ Москвѣ, Московской оперной труппы и консерваторіи, отъ редакціи «Русской Мысли», гг. Айвазовскаго, Кони, директора частной гимназіи Гуревича, сообщившаго объ основаніи имъ стипендіи имени Я. П. Полонскаго, и пр. Рѣчи говорили гг. Вейнбергъ, Лишинъ и др.; стиховъ читалось множество: гг. Майкова, Минаева, Фофанова, Иванова-Классика, Висковатова, Тютчева, Мартова, Языкова, Аленицына, Рейнгольда и др. Приглашенный на обѣдъ извѣстный датскій критикъ Георгъ Брандесъ сказалъ нѣсколько словъ, на французскомъ языкѣ, о значеніи русской литературы, «знать которую — значитъ уважать». Все это сопровождалось тостами. Были также поднесены цѣнные подарки. По окончаніи обѣда, начался артистическій вечеръ: А. Г. Рубинштейнъ игралъ фантазіи на русскіе мотивы и бетховенскую сонату, г. Галкинъ — на скрипкѣ, пѣли г-жи Меньшикова, Вертенсонъ-Скальковская и др. На сценѣ появлялись живыя картины, поставленныя Н. Н. Каразинымъ на темы изъ стихотворенія Полонскаго. Къ вечеру число посѣтителей удвоилось — и въ первомъ часу начались оживленные танцы. Всѣ присутствующіе были въ одушевленномъ настроеніи и веселились, какъ одна общая, дружная семья. Изъ стихотвореній, написанныхъ на этотъ юбилей, приводимъ одно, принадлежащее не присяжному поэту, а случайному, poete d'occasion, какъ говорятъ французы, В. Р. Зотову, охарактеризовавшему, въ своемъ произведеніи, особенности поэтическаго дарованія Я. П. Полонскаго:

Яковъ Петровичъ Полонскій!
Вы не министръ, не сенаторъ
И не герой, не диктаторъ,
Не Александръ Македонскій,
Не публицистъ, не ораторъ,—
Просто поэтъ, литераторъ.
Но оттого симпатичнѣй
Всѣмъ намъ поэтъ, не искавшій
Въ жизни дороги обычной,
Темныхъ путей избѣгавшій,
Знамя поэта державшій
Твердо, рукою привычной.
Сильныхъ земли онъ не славилъ;
Чуждый стремленіямъ свѣта,
Здѣсь высоко онъ поставилъ
Чистое званье поэта.
Честно служилъ онъ полвѣка
Правдѣ, природѣ, искусству.
Вѣрный высокому чувству,
Въ долѣ пѣвца человѣка
Видѣлъ свое назначенье.
Пѣлъ — если пѣлось — въ мгновенья
Скорби, веселья, волненья,
Если его вдохновенье
Свѣтлымъ крыломъ осѣняло.
Жизни вседневной боренье

Музу его не плѣняло,
Лишь красотѣ поклоненье,
Истины вѣчной служенье
Сердце его наполняло.
Пушкинскихъ славныхъ преданій,
Стройныхъ созвучій наслѣдникъ,
Жизни иной упованій,
Свѣтлыхъ надеждъ проповѣдникъ,
Вѣрный, какъ Готфридъ Вульонскій
Циклу завѣтныхъ сказаній,
Чистый какъ инокъ аеонскій,
Скромный, гуманный, сердечный,
Будетъ онъ дорогъ намъ вѣчно
Яковъ Петровичъ Полонскій!

Отголоски пушкинской годовщины. Въ Одессѣ, на Николаевскомъ бульварѣ происходила закладка памятника А. С. Пушкину. Сооружаемый памятникъ будетъ приспособленъ для большаго городского фонтана и поставленъ въ видѣ обелиска, напоминающаго по своей формѣ лиру. На этомъ обелискѣ-лирѣ будетъ утвержденъ бюстъ поэта. Основаніе памятника-фонтана до верхней ступеньки съ боковыми водоемами будетъ состоять изъ камня-песчаника; верхняя ступень и общій, вокругъ постамента расположенный резервуаръ съ вазами—изъ сѣраго или краснаго гранита. Затѣмъ, утвержденная на постаментѣ четырехгранная колонка съ капелюрами высѣчена изъ рѣдкой породы гранита, такъ называемаго діорита, зеленоватаго гранита, находимаго на южномъ берегу Крыма. Колонка эта отшлифуется. Бронзовыя украшенія, какъ-то: дельфины по угламъ надъ вазами, вѣнокъ вокругъ пьедестала, капитель колонны, доски съ надписями и самый бюстъ вылиты изъ темной (коричневой) бронзы. Струй въ фонтанѣ проектировано двадцать двѣ: 16 помѣщены въ четырехграной колоннѣ, ниже капители, по 4 съ каждой стороны; 4 струи въ углахъ постамента надъ вазами и по одной струѣ надъ двумя боковыми водоемами. Для большаго удобства проведенія водометныхъ трубъ внутрь колонны, ее предполагается составить изъ двухъ отдѣльныхъ кусковъ гранита, соединивъ ихъ внутренними вертикальными плоскостями по діагонали. Швы соединенія по угламъ будутъ замаскированы бронзовыми дельфинами. Въ капители колонны помѣщена звѣздочка, въ которой будетъ проведенъ электрическій свѣтъ для освѣщенія фонтана и средней аллеи Николаевскаго бульвара. Строители памятника сильно разсчитываютъ на эффектъ подобнаго освѣщенія.

Юридическое Общество. Въ годовомъ собраніи юридическаго Общества профессоръ Сергѣевскій произнесъ интересную рѣчь «о ссылкѣ въ XVII вѣкѣ». Въ томъ столѣтіи ссылка практиковалась часто. Она замѣнила собою прежде бывшее изгнаніе или «выбытіе вонъ изъ земли». Уложеніе 1648 г. назначало ссылку за немногія вины, но число ссылаемыхъ было чрезвычайно велико. Ссылались всѣ, кого не казнили, всѣ тати, разбойники, табачники и пр. Область ссылки постоянно расширяется. Въ 1660 г., ссылка назначается тѣмъ, кто учнетъ на кого бить челомъ неправдою, виновнымъ въ неумышленномъ пожарѣ, наконецъ, всѣмъ гулящимъ, подозрительнымъ людямъ, даже притворнымъ нищимъ. Въ первое пятилѣтіе царствованія Бориса Годунова совсѣмъ не было смертной казни, но ссылокъ много. Въ древней ссылкѣ замѣчательна одна практическая цѣль, которую всегда имѣло въ виду московское правительство. Не было непроизводительной ссылки, высылались люди на службу гражданскую или военную, ссылались на окраины для заселенія и укрѣпленія границъ, для добыванія хлѣбныхъ запасовъ служилымъ людямъ. И государство направляло ссыльныхъ въ тѣ мѣста, гдѣ болѣе нуждались въ людяхъ. Вся Россія и всѣ сибирскіе города служили мѣстомъ ссылки. Гдѣ не хватало вольныхъ силъ, туда и направляли высы-

лаемыхъ преступниковъ. Нужно ли строить города—они строютъ, нужно ли обработывать землю—они обработываютъ, но каждый въ ссылкѣ имѣлъ свое дѣло, которое и кормило его. Понятно, что при такомъ взглядѣ на ссылку, государство было заинтересовано, чтобы самъ ссыльный оставался работать тамъ, гдѣ нужно и куда сосланъ, чтобы на томъ мѣстѣ и въ томъ чину жилъ, гдѣ ему указано и «на старину» бѣжать не мыслилъ. И вотъ, чтобы закрѣпить его на новомъ мѣстѣ, съ нимъ вмѣстѣ ссылали всю его семью; въ XVII вѣкѣ, ссылали всѣхъ, кто жилъ въ домѣ. У насъ, по общему праву, дѣти совсѣмъ не подлежатъ ссылкѣ, а тогда дѣти обязательно ссылались съ родителями. При ссылкѣ всегда наблюдалась практическая польза отъ нея—гдѣ женщинъ мало, туда, гласитъ одинъ старый указъ, «холостыхъ и вдовыхъ не ссылать». Былъ и такой случай: въ 1657 г., одну женщину приговорили было къ ссылкѣ, но разсудили, что одну безъ мужа сослать ее несподручно, а мужу за женино воровство идти въ ссылку не подобаетъ, а посему и оставили жену на мѣстѣ, гдѣ мужъ жилъ. Ссыльные подчинялись общему порядку жизни. Въ отношеніи ихъ были только два особыхъ правила: нельзя было посылать ихъ съ отписками и порученіями въ Москву и большіе города; нельзя безъ центральной власти «верстать» ссыльныхъ, т. е. переводить съ мѣста на мѣсто. На самомъ дѣлѣ послѣднее воеводами нарушалось постоянно. Очевидно, что такая ссылка не сопровождалась лишеніемъ правъ, которое тогда вовсе и не входило въ систему каръ, ибо всѣ граждане были закрѣпощены государству. У ссыльныхъ отбиралось иногда имущество, но правъ на новое пріобрѣтеніе и владѣніе они не лишались. Ссылку можно раздѣлить по тремъ категоріямъ. Ссыльные посылались: на службу, «кто въ какую годится», причемъ жалованье имъ было немного меньше по сравненію съ вольными людьми, а потомъ и совсѣмъ сравнивалось; въ посадъ для приписки къ посадскимъ тяглымъ людямъ; на пашню преимущественно въ Сибирь, гдѣ отводилась имъ земля для обработки и выдавалась ссуда на хозяйство (по 2 р. съ полтиной за полдесятины), съ тѣмъ, чтобы половина работалась на государя. Были ссыльные люди и по охотѣ. Тѣмъ была полная свобода жить по своему, а они лишь должны были платить оброкъ соболями. Въ древней ссылкѣ нѣтъ вовсе ссыльныхъ безъ опредѣленнаго гражданскаго положенія. Правительство заботилось о благосостояніи ссыльныхъ, такъ какъ получало большія выгоды отъ ихъ труда. Понятно, что при такой ссылкѣ достигались и исправительныя цѣли, хотя правительство вовсе объ этомъ не заботилось. Оно смотрѣло на вещи практично, никакихъ сентиментальностей не знало. Въ душу къ преступнику не залѣзало, а налагало на него кару и изъ этой кары старалось извлечь наибольшую для себя пользу. Пользы оно и достигало. Даже Крижаничъ и многіе иностранцы свидѣтельствуютъ о благоустройствѣ многихъ мѣстъ трудами ссыльныхъ. Конечно, при этомъ было мѣсто и великимъ беззаконіямъ. Патріархъ обличалъ грамотами, что въ Сибири люди посягаютъ даже на сестеръ и матерей, живутъ съ язычницами,—но земля заселялась, пріобрѣтались новые поселки и воеводы мало обращали вниманія на патріаршія грамоты. Мѣстные попы, тоже люди практическіе, изобрѣли даже особый обрядъ вѣнчанія христіанъ съ язычниками: полухристіанскій—полуязыческій. Общая практичность того времени способствовала и общему благосостоянію. Въ большей части Сибири хлѣбопашество шло великолѣпно. Иногда ссыльные и вольные люди отправлялись на промыселъ пытать счастье, пріобрѣтать государю новыя земли. Ссыльные желали жить по своему, правительство не столько препятствовало имъ въ этомъ, сколько старалось извлечь для себя пользу изъ ихъ предпріятій. Для личной инициативы было широкое поприще въ Сибири. Вообще древняя ссылка сослужила свою службу Русскому государству. Много народа, конечно, гибло при этомъ, но вѣдь и теперь, въ самыхъ усовершенствованныхъ тюрьмахъ нашихъ, немало гибнетъ людей, только съ меньшею пользою.

Кража нумизматическихъ коллекцій. Въ кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ открыто расхищеніе очень древнихъ нумизматическихъ коллекцій всѣхъ древнихъ серебряныхъ и золотыхъ монетъ. Золотыхъ монетъ было около 20, но сѣребряныхъ много; между монетами было много относящихся къ временамъ глубокой древности. Такъ, въ числѣ похищенныхъ были монеты древней Персіи (Дарикъ), Македоніи—Александра Великаго, Кассандра, Пирра; Сиріи—Сельвина I, Антіоха Вога; римскія—Юлія Цезаря, Нерона, Консулярныя, Нервы, Адріана, Марка Аврелія и др.; Византіи—Аркадія Льва I, Тиверія, Юстиніана и др. Затѣмъ исчезли старыя монеты всѣхъ европейскихъ государствъ, прежнихъ и нынѣшнихъ временъ. Всѣ эти монеты, представляющія для науки большую цѣнность, въ глазахъ похитителей имѣли, конечно, меньшую цѣну слитковъ золота и серебра и, вѣроятно, проданы за безцѣнокъ. Судебный слѣдователь, производящій разслѣдованіе по этому дѣлу, обратился съ циркуляромъ въ различныя учрежденія съ просьбой, сообщить, если имѣются какія либо свѣдѣнія о похищенныхъ предметахъ. Но едва ли кто либо откликнется на этотъ призывъ. А между тѣмъ лица, случайно купившія эти монеты, сдѣлали бы доброе дѣло, возвративъ ихъ.

Древній храмъ св. Нины. На далекой окраинѣ Россіи, посреди дикихъ ущелій восточной Кахетіи, въ трехъ верстахъ отъ уѣзднаго города Сигнаха, почти на краю христіанскаго міра, стоитъ совершенно одиноко, заброшенный всѣми, выдающійся по своей древности храмъ съ усыпальницей святой Нины, апостола Грузіи, основанный вскорѣ послѣ ея кончины, на ея могилѣ и законченный въ 342 г. по Р. Х. Изъ уваженія къ своей просвѣтительницѣ, какъ цари, такъ и патріархи народа грузинскаго съ самаго основанія храма, обезпечили и привели его въ порядокъ; и онъ составлялъ въ то время украшеніе церкви. Въ глубокой христіанской древности мы встрѣчаемъ при гробѣ св. Нины дѣвичій монастырь, существовавшій до конца XII вѣка. Послѣ его разрушенія, сюда перенеслась епископская каѳедра Бодбійская, существовавшая до 1837 г. Бодбійскіе епископы, въ званіи митрополитовъ кизикскихъ и албанскихъ, поддерживали православіе во всей восточной Кахетіи до береговъ Каспійскаго моря, и мечомъ въ главѣ народа защищали православіе отъ натиска магометанъ. Съ упраздненіемъ епископской каѳедры въ 1839 г. при гробѣ св. Нины, пришли въ упадокъ какъ православіе во всей восточной Кахетіи и Албаніи, такъ и сама усыпальница. Эти области съ того времени сдѣлались поприщемъ эксплоатаціи армянъ, заполонившихъ собою всѣ города и селенія, за которыми послѣдовали и ихъ лжеучители, наплывающіе изъ турецкихъ областей и возбуждающіе дурные инстинкты народа, вселяя полное равнодушіе къ интересамъ православія. Эти армянскіе священники понуждаютъ народъ хранить саркисовскій постъ передъ масляницей и ходить на богомолье съ большими приношеніями натурой по армянскимъ храмамъ, отнятымъ у грузинъ, во время нашествія на Тифлисъ персидскаго шаха Ага-Магометъ-хана въ 1795 г. и, на сколько можно, содѣйствуютъ проповѣднической дѣятельности католическихъ миссіонеровъ, нашедшихъ, кромѣ этого, благодарную почву среди молоканъ-духоборцевъ. Храмъ съ усыпальницею св. Нины, до упраздненія при ней епископской каѳедры, владѣлъ 52,130 десятинами земли, множествомъ движимыхъ сокровищъ и богатою ризницей, собранной втеченіе 15 вѣковъ. Съ упраздненіемъ епископской каѳедры, какъ имѣніе, такъ сокровища и ризница были отобраны, а взамѣнъ ихъ какъ на поддержаніе самого храма и богослуженія въ немъ, такъ и на содержаніе пріюта, положено отпускать изъ суммъ тифлисской синодальной конторы по 350 р. въ годъ. На сколько эта сумма удовлетворяетъ нуждамъ и потребностямъ какъ самого храма, такъ и причта, видно уже изъ того, что усыпальница св. Нины приходитъ въ окончательный упадокъ, угрожающій въ близкомъ будущемъ полнымъ разрушеніемъ. Древній храмъ, этотъ памятникъ первыхъ

христіанъ на Кавказѣ, не имѣетъ ограды; вслѣдствіе проникающей чрезъ черепичную крышу сырости, тронулись своды храма; вся южная стѣна облупилась и древняя живопись на стѣнахъ почти вся стерлась. Все это ясно свидѣтельствуетъ, что положеніе храма весьма печальное; домамъ причта со дня на день угрожаетъ окончательное разрушеніе. Судя по разрушенію храма, очевидно, не суждено сбыться предсмертнымъ словамъ перваго христіанскаго царя Грузіи, Миріана, сказаннымъ имъ своей супругѣ царицѣ Нинѣ: «Ты, царица Нина, если будетъ время и успѣешь, то раздѣли послѣ моего отшествія сокровища царскія на двѣ части, и одну изъ нихъ отдай для поддержанія чести и достоинства мѣста погребенія св. Нины, нашей просвѣтительницы, чтобъ не предалось оно забвенію и осталось нерушимымъ на вѣки, ибо то мѣсто уединенное и нѣтъ тамъ царской резиденціи». Такимъ образомъ святилище края, пришедшее въ крайній упадокъ, ожидаетъ со дня на день помощи отъ сыновъ церкви, то есть своего обновленія и серьезной реставраціи. Не смотря на то, что для внутренняго благолѣпія храма много уже сдѣлано попечителемъ его, кандидатомъ богословія Петербургской духовной академіи Михаиломъ Сабининымъ, но онъ не въ состояніи возстановить его въ прежнемъ видѣ, а потому храмъ ожидаетъ посильной помощи. Въ видахъ пользы для православія въ этомъ краѣ, такъ и для самой святыни признано необходимымъ учрежденіе при усыпальницѣ небольшаго русско-грузинскаго общежительнаго дѣвичьяго монастыря, на осуществленіе котораго является потребность въ суммѣ отъ 15 до 20 тысячъ рублей, съ процентовъ которой сестры могли бы быть обезпечены хоть столомъ. Съ учрежденіемъ этого монастыря дѣло церкви могло бы пойдти въ обычномъ порядкѣ, и эта обитель сдѣлалась бы образцомъ для всей Кахетіи и Кизики, лишенныхъ духовнаго просвѣщенія и руководителей, и незамѣтно положена бы была преграда грубому суевѣрію и пропагандамъ непрошенныхъ учителей католицизма. Въ настоящее время г. Сабининымъ уже положено начало этому учрежденію; при гробѣ св. Нины приставлена одна женщина изъ русскихъ и одна грузинка, которымъ поручено блюсти усыпальницу св. Нины и поддерживать неугасимую лампаду на гробѣ. Въ виду этого обращаемъ вниманіе нашихъ историческихъ и археологическихъ обществъ и всѣхъ истинно русскихъ людей на этотъ древній памятникъ первыхъ христіанъ на Кавказѣ, въ надеждѣ, что они окажутъ ему посильную поддержку. Всѣ доброхотныя приношенія могутъ быть адресованы на имя старицы Евдокіи Зайцевой, въ городъ Сигнахъ, Тифлисской губерніи, въ соборъ св. Нины.

Значеніе археологическихъ изслѣдованій Сибири и Восточной Россіи. Сообщеніе Н. М. Ядринцева, въ археологическомъ институтѣ, касалось вопроса о значеніи археологическихъ изслѣдованій въ Восточной Россіи и Сибири. Еще въ прошломъ столѣтіи всѣ ученые, историки, лингвисты, оріенталисты, геологи, антропологи, пришли къ убѣжденію, что «колыбелью человѣчества» является Средняя Азія, откуда вышли всѣ народы нынѣшняго міра. Мнѣніе это было поколеблено въ началѣ нынѣшняго столѣтія германскими учеными Шлегелемъ, Куно и другими, которые пытались доказать, что германцы искони были аборигенами и автохтонами Европы. Благодаря раскопкамъ, произведеннымъ преимущественно русскими изслѣдователями, было найдено множество вещей и орудій каменнаго періода, какъ, наприм., топоры, наконечники стрѣлъ и т. д. При раскопкахъ могильныхъ кургановъ въ Сѣверной и Средней Азіи найдено было множество гробницъ, саркофаговъ, идоловъ и т. под. нерѣдко съ надписями, которыя, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще никѣмъ не прочитаны. Найденныя статуи божествъ и человѣческихъ изваяній даютъ возможность намѣтить нѣкоторые характерные этнографическіе и племенные признаки и отличія народовъ. Чрезвычайно интереснымъ фактомъ при этихъ изслѣдованіяхъ было сходство предметовъ и орудій, найденныхъ въ древней Скиѳіи, на югѣ нынѣшней Россіи и въ Алтайскихъ курганахъ Средней Азіи,

чтó указываетъ на несомнѣнную связь между ними. Уже это немногое, сказанное нами, ясно указываетъ, какую громадною услугу окажетъ наукѣ археологія и антропологія Сибири. Не даромъ этотъ край въ послѣднее время привлекаетъ все больше и больше изслѣдователей.

† 30-го марта, скоропостижно въ Одессѣ **Петръ Петровичъ Сокальскій**, журналистъ и композиторъ, бывшій живымъ подтвержденіемъ даровитости природы русскаго человѣка. Окончивъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ по естественно-математическому факультету и получивъ званіе магистра химіи, онъ не удовлетворился наукою: его манила жизнь. Онъ поступилъ на службу въ русское генеральное консульство въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ и пробылъ нѣсколько лѣтъ. Но и служба не могла удовлетворить его живой натуры. Онъ занялся журналистикой, состоялъ сотрудникомъ «Московскихъ» и «Петербургскихъ Вѣдомостей» (при г. Краевскомъ и потомъ при В. Ѳ. Коршѣ), гдѣ помѣщалъ интересныя статьи, между прочимъ, и по музыкѣ. Петербургскій климатъ дѣйствовалъ, однако, на него не хорошо и онъ переѣхалъ въ Одессу, гдѣ послѣ брата взялъ редакторство-издательство «Одесскаго Вѣстника». Благодаря талантливости Сокальскаго, эта газета, до самаго перехода ея въ другія руки, отличалась безусловною значительностью содержанія и получила на югѣ Россіи большое распространеніе. Когда Сокальскій продалъ право на «Одесскій Вѣстникъ», онъ думалъ навсегда оставить журнальное поприще, но жилка журналиста сильно билась въ немъ: въ турецкую войну онъ отправился на Балканскій полуостровъ корреспондентомъ «Голоса», а потомъ снова началъ печатать статьи разнаго рода по литературѣ, искусству и земледѣлію какъ въ одесскихъ изданіяхъ, такъ и въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Русской Мысли» и др. Во всѣхъ статьяхъ онъ обнаруживалъ основательное знаніе предмета и общую даровитость, чтó, въ связи съ прекраснымъ языкомъ его статей, невольно обращало на нихъ вниманіе. Цѣлью жизни стала для него, однако, музыка. Оставивши химію, онъ началъ спеціально заниматься музыкою и выказалъ и къ ней прекрасныя способности. Здѣсь, однако, ему не повезло: причина—живость его натуры, заставлявшей его бросаться изъ стороны въ сторону, тогда какъ искусство требуетъ всѣхъ силъ человѣка. Онъ написалъ нѣсколько симфоническихъ пьесъ, хоровъ, романсовъ, затѣмъ оперу «Майская ночь», которой, однако, не приняли на сцену, но въ которой онъ выказалъ положительное дарованіе. Ему слѣдовало продолжать музыкальную дѣятельность, продолжать упорно, во что бы то ни стало, а онъ предпочелъ взяться за журналистику (именно за редактированіе «Одесскаго Вѣстника»). Успокоившись отъ впечатлѣнія первыхъ артистическихъ неудачъ, онъ принялся за другую оперу «Осада Дубно» (на сюжетъ Тараса Бульбы Гоголя), но писалъ ее долго, въ перемежку съ журнальными и литературными работами, отнимавшими у него много времени. Увлекаясь живостью характера, въ это же самое время онъ принялся за огромный трудъ—изслѣдованіе русской народной музыки, требовавшій большаго напряженія ума и способностей. Наконецъ, онъ кончилъ и оперу, и свое изслѣдованіе. «Осада Дубно» была представлена имъ въ запрошломъ году на разсмотрѣніе комитета петербургскаго опернаго театра, но возвращена автору для передѣлокъ, такъ какъ была чрезмѣрно длинной. Теперь «Осада Дубно» передѣлана и представлена въ дирекцію, такъ что есть основаніе думать, что опера увидитъ свѣтъ хотя бы и послѣ смерти автора, ибо въ ней есть неоспоримыя достоинства. Но самымъ важнымъ трудомъ Сокальскаго въ области музыки слѣдуетъ считать изслѣдованіе «Русская народная музыка», отчетъ о первой части котораго былъ помѣщенъ въ музыкальныхъ фельетонахъ «Новаго Времени» въ самый день смерти покойнаго. Это дѣйствительно капитальное изслѣдованіе о русской пѣснѣ, подобнаго которому нѣтъ въ нашей литературѣ и нѣтъ во всей литературѣ Запада по вопросу о пѣсняхъ европейскихъ народовъ. Тамъ, гдѣ другіе блу-

ждали во тьмѣ, Сокальскій далъ ясный свѣтъ, далъ методъ, открылъ дорогу, сбиться съ которой трудно. Слѣдуетъ надѣяться, что его трудъ не останется не напечатаннымъ, что на него обратятъ вниманіе люди, интересущіеся русскою пѣснью и Россіею, что единственное въ своемъ родѣ изслѣдованіе, въ которомъ вполнѣ вылилась даровитость Сокальскаго, найдетъ себѣ издателя.

† 7-го марта, въ Петербургѣ инженеръ путей сообщенія **Антонъ Ивановичъ Штукенбергъ.** Онъ родился въ гор. Вышнемъ Волочкѣ 15-го августа 1816 г. Отецъ его извѣстенъ какъ географъ и статистикъ. Антонъ Ивановичъ воспитывался въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія, гдѣ окончилъ курсъ въ 1836 г., послѣ чего былъ командированъ въ Восточную Сибирь и тамъ пробылъ около четырехъ лѣтъ, производя изысканія Кругобайкальской дороги. По возвращеніи изъ Сибири, дѣлалъ изысканія для Николаевской желѣзной дороги отъ Бологова до Твери, завѣдовалъ постройкой участка этой дороги и служилъ на ней 13 лѣтъ, затѣмъ поступилъ въ распоряженіе главноуправлявшихъ путями сообщенія. Между порученіями, исполненными имъ за это время, отличается командировка во время Крымской кампаніи для устройства временныхъ военныхъ путей для передвиженія войскъ. Со времени окончанія Крымской войны и до своей смерти Антонъ Ивановичъ почти безпрерывно завѣдывалъ городскими работами въ Петербургѣ и служилъ старшимъ техникомъ при с.-петербургской городской управѣ. За это время имъ, между прочимъ, были построены мосты Каменноостровскій и Крестовскій. Кромѣ того, онъ былъ членомъ техническо-строительнаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ и, кромѣ практической дѣятельности, трудился много для литературы.

† Въ Петербургѣ **Яковъ Ивановичъ Григорьевъ,** 67-ми лѣтъ. Въ молодости онъ былъ учителемъ русскаго языка въ кадетскихъ корпусахъ, занимаясь въ то же время литературою. Первыя повѣсти его печатались въ «Иллюстраціи» Кукольника 1845—1846 года, потомъ въ «Сынѣ Отечества», выходившемъ книжками подъ редакціей Фурмана (издатель Жернаковъ). Потомъ статьи его появлялись въ газетѣ «Кавказъ», въ альманахѣ «Зурна», вышедшемъ въ Тифлисѣ. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, онъ былъ редакторомъ «Весельчака», до перехода этого изданія къ Н. М. Львову. Григорьевъ былъ послѣдователемъ гомеопатіи и издалъ объ ней отдѣльное сочиненіе. Въ послѣднее время онъ былъ директоромъ городскаго кредитнаго Общества, но отказался отъ этого званія, въ виду вопіющихъ злоупотребленій, допускаемыхъ правленіемъ Общества и повлекшихъ за собою совершенное преобразованіе устава.

† Въ Петербургѣ **Софья Михайловна Лобковская,** 36-ти лѣтъ, писательница для дѣтей, въ крайней бѣдности и, какъ кажется, вслѣдствіе самоубійства. Дѣтскіе разсказы ея помѣщались въ «Игрушечкѣ» и «Задушевномъ словѣ». Статьи серьезнаго содержанія въ «Русскомъ Богатствѣ» и «Всемірной Иллюстраціи». Это была несомнѣнно даровитая натура, которой не позволили развиться жизненныя обстоятельства и необходимость добывать кусокъ хлѣба тяжелымъ трудомъ.

† 24-го марта, въ Петербургѣ **Иванъ Николаевичъ Крамской,** одинъ изъ самыхъ сильныхъ и замѣчательныхъ нашихъ художниковъ. Подробная біографія его, написанная В. В. Стасовымъ, напечатана въ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

† 28-го марта, въ Петербургѣ, **Василій Васильевичъ Самойловъ,** знаменитый артистъ, имя котораго навсегда сохранится въ лѣтописи русскаго театра

Похороны его были торжественны. 31-го марта, съ девятаго часа утра къ квартирѣ покойнаго сталъ подходить народъ и на улицѣ тоже стояла толпа. Въ 9½ часовъ началась панихида. Пѣлъ въ полномъ составѣ хоръ русской оперы. Присутствовали всѣ члены театральнаго управленія, съ директоромъ г. Всеволожскимъ во главѣ, множество артистовъ императорскихъ

и провинціальныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые нарочно пріѣхали на похороны, писатели, художники и масса народа. Тутъ были А. Г. Рубинштейнъ, г-жа Лавровская, А. А. Потѣхинъ, П. И. Зиновьевъ, Погожевъ, Вейнбергъ и друг.

Бѣлый металлическій гробъ подняли на руки студенты, артисты и почитатели таланта покойнаго и понесли на Невскій проспектъ, мимо Александринскаго театра и по Театральной улицѣ. Дорогой предшествовалъ и пѣлъ Святый Боже хоръ русской оперы. Передъ факельщиками на двухъ бѣлыхъ подушкахъ несли золотую медаль покойнаго и орденъ св. Владиміра 4 степени.

Въ театральной улицѣ, передъ окнами домовой церкви театральнаго училища, процессія остановилась, вышелъ священникъ училищной церкви и здѣсь отслужена была литія, послѣ которой хористовъ смѣнили обыкновенные пѣвчіе, гробъ понесли на рукахъ дальше. За гробомъ ѣхала колесница, запряженная въ шесть лошадей. На колесницѣ висѣло множество вѣнковъ, громадный вѣнокъ изъ розъ съ лирой въ серединѣ—отъ петербургской драматической труппы, большой металлическій вѣнокъ съ художественно выдѣланными цвѣтами—отъ горнаго корпуса, гдѣ получилъ воспитаніе покойный, роскошные вѣнки: отъ с.-петербургскаго общественнаго управленія, съ гербомъ столицы на траурныхъ лентахъ, отъ с.-петербургской консерваторіи, отъ дирекціи императорскаго музыкальнаго Общества съ надписью на лентахъ: «почетному члену», отъ Общества драматическихъ писателей, отъ петербургской балетной труппы, отъ русской оперы, отъ нѣмецкой труппы (deutsche hofteater), отъ васильеостровскаго народнаго театра, отъ московской драматической труппы, отъ товарищества передвижныхъ выставокъ. Серебряный вѣнокъ на бархатной подушкѣ съ серебряной бахрамой и кистями былъ отъ императорской академіи художествъ положенъ на гробъ, гдѣ и оставался все время.

У Чернышева моста гробъ поставили на колесницу подъ балдахиномъ и накрыли бѣлымъ покровомъ. Бѣлый глазетовый балдахинъ, съ короной наверху, весь обвѣшанный вѣнками, казался какъ бы движущейся бесѣдкой.

Было около 11 часовъ, когда кортежъ приблизился къ воротамъ Воскресенскаго женскаго монастыря. Здѣсь уже множество народа ожидало прибытіе печальной процессіи. На кладбищѣ монастыря толпа стояла у могилы артиста, недалеко отъ главнаго собора въ мѣстности между двумя церквами, рядомъ съ могилой Софьи Ивановны Самойловой, первой жены покойнаго (скончавшейся въ ноябрѣ 1858 года).

Послѣ того, какъ гробъ внесли въ главный соборъ и поставили по срединѣ подъ катафалкомъ, началась преждеосвященная литургія. Ее совершалъ соборне съ монастырскимъ духовенствомъ духовный цензоръ архимандритъ Тихонъ, пѣли хоры монашенокъ на обоихъ клиросахъ. Во время причастнаго стиха, извѣстный проповѣдникъ, священникъ Казанскаго собора М. И. Соколовъ сказалъ слово, которое началъ такъ:

«У этого гроба полезно размыслить объ одномъ изъ многихъ Божіихъ даровъ человѣку—«о человѣческомъ словѣ», и затѣмъ охарактеризовалъ личность покойнаго В. В. приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Почившій нашъ собратъ служилъ слову. Его слово было и могуче, и воспитательно для другихъ. Онъ своимъ словомъ убѣждалъ, укорялъ, потрясалъ и поучалъ. Привыкшій уразумѣвать силу слова и выражать его соотвѣтственно содержанію, онъ этимъ привлекалъ къ себѣ своихъ друзей, привязывалъ родныхъ и воспитывалъ юныхъ на томъ поприщѣ, на которомъ самъ трудился».

Во второмъ часу по полудни, по окончаніи богослуженія, послѣ отпѣванія гробъ съ тѣломъ снятъ съ катафалка и предшествуемый депутаціями съ вѣнками, пѣвчими, духовенствомъ, сопровождаемый громадной толпой народа, отнесенъ на кладбище монастыря.

Со всѣхъ сторонъ надъ могилою возвышались роскошные вѣнки. Это было цѣлое море цвѣтовъ, возвышавшихся надъ головами толпы и привѣт-

живо освѣщенныхъ солнцемъ. Среди этой стѣны вѣнковъ, опустили гробъ, посыпали по обычаю землей.

Наступило нѣсколько минутъ тишины. Затѣмъ выступили ораторы. Первую небольшую рѣчь о дѣятельности Самойлова сказалъ г. Михневичъ, прочиталъ одинъ юноша стихи, и растроганнымъ голосомъ, въ которомъ слышалось сильное волненіе и слезы, сказалъ теплый товарищеской привѣтъ В. В. Самойлову артистъ-ветеранъ нашей оперы Л. Л. Леонидовъ.

«Прими товарищей привѣтъ,
Надъ хладною могилой,
Онъ чувствомъ горести согрѣтъ,
Торжественно унылый!
Ты кончилъ славою успѣхъ,
Никѣмъ не позабытый,
Прими жъ послѣдній долгъ отъ всѣхъ,
Художникъ знаменитый»!

Засыпали могилу, поставили на ней временно бѣлый крестъ съ надписью, и покрыли все это массой вѣнковъ, въ число которыхъ прибавился еще вѣнокъ отъ М. Г. Савиной и отъ императорской московской драматической труппы, высланный съ курьерскимъ поѣздомъ на имя А. А. Потѣхина.

† Въ Женевѣ польскій писатель-романистъ Іосифъ-Игнатій Крашевскій. Ему было 75 лѣтъ. Въ 1879 году, въ Краковѣ отпраздновано торжественно пятидесятилѣтіе его писательской дѣятельности. Родился онъ 26-го іюля 1812 года, въ Варшавѣ, первоначальное образованіе получилъ въ люблинскомъ училищѣ и затѣмъ высшее въ Виленскомъ университетѣ, пытался занять каѳедру въ Кіевскомъ университетѣ, но это ему не удалось и онъ, удалившись въ свое помѣстье, посвятилъ себя литературѣ. Извѣстна масса написанныхъ имъ романовъ и статей. Въ 1860 году, въ Варшавѣ, онъ редактировалъ «Gazeta Polska». Вспыхнувшій въ 1863 году мятежъ заставилъ его удалиться изъ Польши, онъ поселился въ Дрезденѣ и принялъ саксонское подданство. Трудно себѣ представить ту массу печатныхъ трудовъ, которую онъ оставилъ послѣ себя по всѣмъ отраслямъ литературы. Всего имъ издано болѣе 400 томовъ. Его романы съ изображеніемъ польскаго семейнаго быта и историческія повѣсти переведены во множествѣ на иностранные языки. Во время его юбилея Львовскій и Краковскій университеты признали его своимъ докторомъ философіи. Поляки поднесли ему въ даръ 120,000 марокъ. Въ іюнѣ 1883 года, онъ, возвращаясь изъ По, съ минеральныхъ водъ, былъ арестованъ въ Берлинѣ по дѣлу Адлера, какъ замѣшанный въ кражѣ изъ главнаго прусскаго штаба плановъ крѣпостей. Крашевскій былъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на три съ половиною года. Содержался онъ въ Магдебургской крѣпости. Условія заключенія, конечно, неблагопріятно дѣйствовали на здоровье стараго писателя. Уволенный изъ крѣпости до срока на время отдыха и лѣченія, съ внесеніемъ залога, онъ уже болѣе не возвратился туда,—однако и жизнью на свободѣ не пришлось ему долго пользоваться.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Храмъ въ память бомбардира Микитина.

Въ дополненіе къ замѣткѣ, помѣщенной въ апрѣльской книгѣ «Историческаго Вѣстника», по поводу памятника бомбардиру Микитину въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, нелишнимъ считаю сообщить нижеслѣдующія свѣдѣнія.

Бомбардиръ 21-й артиллерійской бригады, Агаѳонъ Никитинъ, взятый въ плѣнъ и замученный текинцами во время несчастнаго штурма русскими войсками Геокъ-Тепе, происходилъ изъ крестьянъ деревни Кибарты, Кальварійскаго уѣзда, Сувалкской губерніи (родился въ 1856, взятъ въ военную службу въ 1877 году). Слѣдуетъ замѣтить, что среди окружающаго населенія старообрядцевъ-безпоповцевъ, семья покойнаго Агаѳона православная. Пишущему эти строки приходилось не разъ быть въ Кибартахъ и видѣть родителей Агаѳона. (Это еще не старые люди). Съ умиленіемъ вспоминаютъ они о сынѣ, выражаясь, что онъ «сподобился» такой смерти. Кромѣ памятника, воздвигнутаго въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, увѣковѣчившаго имя русскаго героя, по ходатайству кружка русскихъ чиновниковъ, въ городѣ Кальваріи устроенъ православный храмъ, во имя Святителя Агаѳона, патрона покойнаго героя. Когда ходатайство доложено было государю императору, его императорскому величеству благоугодно было пожертвовать на открытіе церкви изъ собственныхъ суммъ 3,000 рублей серебромъ.

Немедленно приступили къ передѣлкѣ одного изъ подходящихъ городскихъ помѣщеній и 18-го декабря 1884 года произошло освященіе новаго храма, который по сегодняшній день находится въ томъ же домѣ. Церковь небольшая, но уютная и чисто содержимая; образа и утварь хорошей работы. Каждый годъ, 2-го марта, всѣ православные, находящіеся въ Кальваріи, не забываютъ собраться въ храмѣ, чтобы почтить память погибшаго бомбардира.

П. Ис—чъ.

II.

Холера въ Москвѣ въ 1831 году.

Въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», въ статьѣ И. А. Арсеньева «Слово живое о неживыхъ», вкралась хронологическая ошибка относительно времени появленія первой холеры въ Москвѣ будто въ 1832 году, тогда какъ она впервые налетѣла на Москву «какъ снѣгъ на голову», и свирѣпствовала въ ней «оффиціально» съ 15-го сентября по 6-е декабря 1830 года. Зима тогда была многоснѣжная, крѣпкая, морозы доходили до 18° Р. Окоченѣлые трупы на саняхъ, какъ было слышно тогда, вывозились «мортусами» на загородныя кладбища, какъ дрова...

Въ ту эпоху, я только-что поступилъ въ число казенныхъ воспитанниковъ «Московскаго отдѣленія императорской Медико-Хирургической академіи» (зданіе это, на углу Кузнецкаго моста и Рождественки, занято теперь университетскими клиниками). Всѣ студенты 4-го и 3-го курсовъ были немедленно командированы въ военный госпиталь и гражданскія больницы, въ помощь штатнымъ врачамъ; мы же, медицынскіе прозелиты, оставшіеся въ зданіяхъ академіи, буквально были заперты на замки всѣхъ воротъ, съ 15-го сентября по 6-е декабря, и продовольствіе наше ежедневно получалось чрезъ ограду по Неглинной и Сандуновъ пер., или сквозь желѣзную рѣшетку на Рождественкѣ.

Дѣйствительно, какъ говоритъ И. А. Арсеньевъ, курили пивнымъ уксусомъ съ мятой; а блюдечки съ хлоромъ (замѣнявшіяся у насъ глиняными плевальницами), поливаемымъ обильно сѣрной кислотой, злоупотреблялись

нами такъ усердно, что каждый воспитанникъ трусливый, ложась спать, приставлялъ къ своей кровати табуретъ съ такимъ сосудомъ, принаравливаясь, чтобъ и во снѣ дышать этими quasi—предохранительными парами, въ сущности, какъ оказалось, весьма вредными для легкихъ.

Оффиціальный благодарственный молебенъ, по случаю прекращенія въ Москвѣ холеры, былъ отслуженъ въ Кремлѣ 6-го декабря 1830 же года (а не 1832 г.), въ день тезоименитства императора Николая Павловича.

Документальной справкой къ этой «поправкѣ» можетъ служить напечатанный въ С.-Петербургѣ въ 1831 году «Трактатъ о холерѣ, бывшей въ Россіи, въ 1830 и 1831 годахъ», тогдашняго знаменитаго профессора, моего учителя, покойнаго, конечно, Іустина Евдокимовича Дядьковскаго.

П. С.

III.

Примѣчаніе для А. М. Скабичевскаго.

Въ № 95 «Новостей», въ «Литературной хроникѣ», А. М. Скабичевскій счелъ нужнымъ передать своимъ читателямъ одинъ якобы «курьезнѣйшій пассажъ, приключившійся на страницахъ послѣдней (апрѣльской) книжки «Историческаго Вѣстника», воочію показывающій, на сколько можно полагаться на свидѣтельство современниковъ и очевидцевъ различныхъ историческихъ фактовъ и какъ они порой другъ другу противорѣчатъ».

Въ доказательство этого, г. Скабичевскій приводитъ двѣ слѣдующія выдержки изъ апрѣльской книжки «Историческаго Вѣстника»:

К. А. Полевой въ своихъ «Запискахъ» (стр. 34) разсказываетъ, что одинъ молодой литераторъ написалъ для бенефиса актрисы Львовой-Синецкой очень плохую пьесу, передѣланную имъ изъ «Ромео и Юліи» Шекспира. Но у молодаго автора было много друзей, которые рѣшились во что бы то ни стало поддержать пьесу. Каждый изъ нихъ пригласилъ на бенефисъ Синецкой своихъ знакомыхъ и раздавалъ билеты съ тѣмъ, чтобы апплодировать. Пьеса шла ужасно; Мочаловъ, игравшій Ромео, свирѣпствовалъ на сценѣ, но при всякой несообразности раздавались рукоплесканія, а когда пьеса кончилась, непрерывныя крики «браво» и «автора» огласили залу театра. Нѣсколько голосовъ покушались шикать, но ревъ толпы заглушилъ ихъ. Наконецъ, авторъ появился въ передней, боковой ложѣ и долженъ былъ раскланиваться съ восторженной публикой. Находившійся въ театрѣ, извѣстный въ то время, водевилистъ и острякъ Писаревъ пришелъ отъ этого въ раздраженіе, тѣмъ болѣе, что въ тотъ же вечеръ шла его пьеса, которую публика встрѣтила равнодушно, и тотчасъ написалъ экспромптомъ эпиграмму:

«Изъ себя Мочаловъ вышелъ,
Изъ терпѣнья зритель вышелъ,
Сочинитель въ ложу вышелъ,
А изъ пьесы вышелъ вздоръ».

И. А. Арсеньевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (стр. 81) приписываетъ этотъ же самый экспромптъ Н. Ф. Павлову и объясняетъ его происхожденіе такимъ образомъ: «Въ бенефисъ Мочалова шла невозможная мелодрама, за которой слѣдовалъ балетъ. По окончаніи послѣдняго дѣйствія мелодрамы,

Н. Ф. Павловъ сказалъ экспромптъ, тутъ же записанный и передававшійся изъ рукъ въ руки:

«Изъ себя Мочаловъ вышелъ,
Изъ кулисы авторъ вышелъ,
Изъ терпѣнья зритель вышелъ,
А изъ пьесы вышелъ вздоръ».

Приведя эти двѣ выдержки, г. Скабичевскій говоритъ: «Вотъ и рѣши, читатель, кто изъ сихъ двухъ современниковъ достовѣрный свидѣтель, а кто достовѣрный же лжесвидѣтель? По одному свидѣтельству выходитъ бенефисъ Синецкой, по другому—Мочалова; одинъ утверждаетъ, что за главною пьесою шелъ балетъ, другой,—что была поставлена пьеса Писарева; одинъ приписываетъ экспромптъ Писареву, другой — Павлову, и самый экспромптъ передается въ двухъ совершенно различныхъ варіаціяхъ. А вѣдь очень возможно, что оба разсказчика по своему исказили событіе. Таковы и очень многіе историческіе памятники, которыми руководствуются наши историки въ своихъ изслѣдованіяхъ прошлаго».

Кажущееся г. Скабичевскому противорѣчіе въ показаніяхъ Полеваго и Арсеньева объясняется очень просто. И Полевой, и Арсеньевъ могутъ быть правы оба, приписывая экспромптъ одинъ Писареву, а другой — Павлову. Экспромптъ, какъ свидѣтельствуетъ Полевой, былъ сочиненъ Писаревымъ и сдѣлался извѣстнымъ въ литературномъ кружкѣ, къ которому принадлежалъ и Павловъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, при совершенно одинаковомъ случаѣ, Павловъ лишь повторилъ Писаревскій экспромптъ, видоизмѣнивъ его, сообразно обстоятельствамъ [1]. Тѣ лица, которыя, подобно Арсеньеву, не знали раньше этого экспромпта, разумѣется, приписали его Павлову.

Замѣтка А. М. Скабичевскаго заставляетъ меня сожалѣть, что я не оговорилъ, сказаннаго мною теперь, въ примѣчаніи къ «Воспоминаніямъ» Арсеньева. Я не сдѣлалъ такого примѣчанія, полагая, что каждый пойметъ это и безъ моихъ разъясненій.

С. Шубинскій.

[1]) Вмѣсто: «Сочинитель въ ложу вышелъ»—«Изъ кулисы авторъ вышелъ».

а затѣмъ почему-то прійдти къ убѣжденію, что я измѣнникъ, когда измѣна уже была совершена мною. Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей логики; и едва ли человѣкъ, поступающій такимъ образомъ, годится для какого нибудь дѣла. Меня особенно удивляетъ ваше превосходительство, что вы ожидали отъ меня разоблаченій, изъ которыхъ можно почерпнуть свѣдѣнія о тайныхъ сношеніяхъ, возмутительныхъ книгахъ и заговорщикахъ. Я и не думалъ писать объ этомъ! Очевидно, что я совсѣмъ не понялъ, въ чемъ должна заключаться моя работа, а отсюда прямой выводъ, что мнѣ слѣдуетъ отказаться отъ мысли продолжать ее. Вѣроятно, и вы сами раздѣляете это мнѣніе?

Берканьи насмѣшливо улыбнулся вмѣсто отвѣта.

Германъ, считая дѣло поконченнымъ, всталъ съ мѣста и, взявъ шляпу, удалился съ вѣжливымъ поклономъ.

Генералъ-директоръ былъ на столько пораженъ постигшей его неудачей, что, когда вслѣдъ затѣмъ Саванье и Вюрцъ вошли въ комнату, онъ воздержался отъ всякихъ вспышекъ гнѣва и, обращаясь къ полицейскому агенту, сказалъ съ нѣкоторою таинственностью:

— Поручаю вамъ, Вюрцъ, слѣдить за г. докторомъ. Хотя онъ сообщилъ мнѣ довольно важныя свѣдѣнія, но я не совсѣмъ довѣряю ему; узнайте, гдѣ онъ бываетъ и съ кѣмъ знакомъ. Только помните, что вы должны быть съ нимъ всегда безукоризненно вѣжливы. А теперь вы можете идти; Саванье ждетъ меня съ работой.

X.

Предостереженіе.

Германъ вернулся домой взволнованный и довольный собой. Объясненіе съ генералъ-директоромъ полиціи кончилось для него полнымъ торжествомъ: хотя онъ не пренебрегъ совѣтами друзей, но, всетаки, дѣйствовалъ по собственной иниціативѣ. Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминалъ онъ тотъ моментъ, когда Берканьи, надѣясь опять поймать его, далъ ему благовидный предлогъ порвать съ нимъ всякія сношенія.

Но ему недолго пришлось предаваться своимъ размышленіямъ, потому что его позвали внизъ. Послѣ отъѣзда Лины онъ обѣдалъ съ ея матерью; за столомъ они разговорились о Гомбергѣ; г-жа Виттихъ спросила его: встрѣчалъ онъ гдѣ либо въ обществѣ мироваго судью Мартина?

Германъ отвѣтилъ, что, къ сожалѣнію, ему не удалось лично познакомиться съ нимъ.

— Этотъ Мартинъ,—сказала она, понизивъ голосъ:—приверженецъ стараго курфирста и занималъ при немъ мѣсто аудитора; когда курфирстъ бѣжалъ изъ Касселя, онъ перевезъ вслѣдъ за нимъ полковую кассу въ Гольштейнъ.

— Разумѣется, курфирстъ былъ очень доволенъ имъ!

— Да, но онъ пожалѣлъ, что никто не послѣдовалъ примѣру Мартина... Только, ради Бога, никому не говорите объ этомъ!

Германъ отвѣтилъ съ улыбкой, что она можетъ положиться на его скромность.

— Я знаю, что вы честный чиловѣкъ, — продолжала словоохотливая старушка: — и поэтому смѣло говорю съ вами. Конечно, вы сами догадываетесь, что у курфирста здѣсь много приверженцевъ между старыми гессенцами и мѣстными землевладѣльцами, которые поддерживаютъ съ нимъ сношенія и желаютъ, чтобы онъ опять вернулся сюда. Дѣло это хранится въ величайшей тайнѣ: мой зять Гейстеръ знаетъ все до мельчайшихъ подробностей, но никогда не сообщалъ мнѣ о томъ, что дѣлается у нихъ. Я случайно узнала, что существуетъ тайная коммиссія, въ которой участвуютъ Шмерфельдъ, Кауцъ и Будерсъ, служащій въ военномъ министерствѣ. Они ведутъ переписку съ курфирстомъ...

— Неужели эта переписка идетъ черезъ почту?

— Разумѣется, нѣтъ! Еще прежде, чѣмъ король пріѣхалъ сюда, почтамтъ отказался принимать письма на имя курфирста. Его приверженцы также рѣдко собираются на свои тайныя совѣщанія, изъ боязни навлечь на себя вниманіе полицейскихъ шпіоновъ...

Между тѣмъ, незатѣйливый обѣдъ подходилъ къ концу. Германъ, вставъ изъ-за стола, рѣшилъ немедленно отправиться къ Рейхардтамъ, чтобы сообщить Луизѣ о результатѣ своего свиданія съ Берканьи, такъ какъ она должна была находиться относительно его въ полномъ недоумѣніи. Во время иллюминаціи, она настойчиво убѣждала его на другой же день отправиться къ генералъ-директору полиціи и объясниться съ нимъ, изъ боязни, что лишнее раздумье возбудитъ въ немъ новыя сомнѣнія и усилитъ его робость. Но онъ, вмѣсто того, чтобы послушаться ея совѣта, отправился въ деревню къ Гейстерамъ, даже не извѣстивъ ее объ этомъ.

Онъ засталъ все семейство Рейхардта за обѣденнымъ столомъ и съ удивленіемъ увидѣлъ барона Рефельда, который былъ, какъ всегда, въ наилучшемъ расположеніи духа.

— А, вотъ и нашъ таинственный бѣглецъ!—воскликнулъ капельмейстеръ, лицо котораго раскраснѣлось отъ выпитаго вина. — Когда я узналъ, что вы знакомы съ барономъ, то я хотѣлъ свести васъ съ нимъ сегодня за обѣдомъ и послалъ пригласить васъ, но оказалось, что вы бѣжали изъ города!

— Не бѣжалъ, а уѣхалъ верхомъ! — возразилъ съ улыбкой Германъ.—Я вернулся въ Кассель сегодня утромъ и пришелъ из-

виниться, что не извѣстилъ васъ о моемъ отъѣздѣ, но это случилось неожиданно. Послѣ иллюминаціи мнѣ не спалось, такъ какъ предстояло одно непріятное дѣло; и я рѣшился уѣхать отсюда, чтобы собраться съ мыслями и успокоиться. Путешествіе принесло мнѣ большую пользу...

При этихъ словахъ, онъ взглянулъ на Луизу, которая, видя его такимъ веселымъ, подумала, что, вѣроятно, его свиданіе съ Берканьи кончилось благополучно. Затѣмъ все вниманіе Германа сосредоточилось на баронѣ, который былъ одѣтъ со вкусомъ и показался ему значительно помолодѣвшимъ. Въ манерахъ его также какъ будто произошла какая-то перемѣна.

Рейхардтъ, замѣтивъ удивленіе Германа, сказалъ со смѣхомъ:

— Васъ поражаетъ, какъ преобразился баронъ! Вы видите, онъ сбрилъ бороду, этотъ отличительный признакъ членовъ Тугендбунда, и, такимъ образомъ, отрекся отъ всякой добродѣтели. Теперь Іеронимъ имѣетъ въ немъ опаснаго соперника!

Баронъ Рефельдъ передалъ Герману въ короткихъ словахъ свое объясненіе съ королемъ и шефомъ жандармовъ, во время пріема, и добавилъ, что можетъ теперь спокойно проживать въ Касселѣ, такъ какъ его наружность не представляетъ ничего особеннаго.

— Да, если бы вы баронъ были сдержаннѣе на языкъ,—замѣтила Луиза:—но, кажется, ничто не заставитъ васъ быть осторожнѣе. Простите, если я осмѣливаюсь говорить объ этомъ.

Баронъ Рефельдъ дружески пожалъ ей руку, вмѣсто отвѣта.

— А теперь, — сказалъ Рейхардтъ, наливая Герману стаканъ стараго рейнвейна:—мы можемъ продолжать нашъ разговоръ, прерванный его приходомъ. Хотя Германъ не политикъ, а философъ, но во всякомъ случаѣ онъ честный малый, и намъ нечего стѣсняться въ его присутствіи.

Вопросъ былъ поднятъ объ Испаніи и успѣхахъ инсургентовъ. Рейхардтъ съ негодованіемъ говорилъ, о такъ называемомъ князѣ мира, Годоѣ, недостойномъ любимцѣ бывшаго испанскаго короля Карла IV, который былъ главнымъ виновникомъ бѣдствій, постигшихъ Испанію. — Въ настоящее время, — продолжалъ онъ, —вся страна обратилась въ Вандею, народная война—въ крестовый походъ противъ французовъ, а они воображаютъ, что можно водворить спокойствіе и утишить разгорѣвшіяся страсти какимъ нибудь нелѣпымъ приказомъ. Дайте сюда газету!

Луиза подала отцу послѣдній номеръ вестфальскаго Moniteur'a, гдѣ былъ напечатанъ на двухъ языкахъ: французскомъ и нѣмецкомъ, циркуляръ инквизиціоннаго совѣта, въ которомъ говорилось, между прочимъ, «что одно правительство можетъ регулировать патріотизмъ народа и направлять его, и что возмущенія ведутъ только къ гибели отечества, такъ какъ при этомъ ослабѣваетъ до-

вѣріе къ правительству и покорность власти, на которой зиждется благоденствіе народовъ»...

Рейхардтъ, не дочитавъ до конца, бросилъ газету.

— Какъ вамъ это нравится?—воскликнулъ онъ.—Какова наивность! Можно ли проповѣдовать такія мысли въ виду насильственнаго чужеземнаго ига? Это все равно, что говорить нѣмцамъ, что ихъ патріотическими стремленіями должны руководить люди, которые видятъ все спасеніе въ тѣсномъ союзѣ съ французами. Не угодно ли, напримѣръ, обратиться за инструкціями къ такому субъекту, какъ Шуленбургъ-Кенертъ, который теперь засѣдаетъ у насъ въ Касселѣ, въ государственномъ совѣтѣ! Года полтора тому назадъ, этотъ господинъ занималъ въ Пруссіи постъ перваго министра и, когда французы послѣ Іенской битвы двинулись къ Берлину, онъ опубликовалъ свое извѣстное воззваніе къ пруссакамъ, что «соблюденіе спокойствія первая обязанность гражданъ»...

Рейхардтъ находился въ такомъ возбужденномъ состояніи, что все болѣе и болѣе возвышалъ голосъ, такъ что Луиза, чтобы перемѣнить тему разговора, подняла вопросъ о предстоящемъ рейхстагѣ, который тогда занималъ все кассельское общество.

— Вѣроятно, дворъ не упуститъ такого удобнаго случая для устройства пышныхъ празднествъ, — замѣтилъ баронъ Рефельдъ: — говорятъ, что открытіе рейхстага будетъ сопровождаться особенными церемоніями. Король Іеронимъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобы являться торжественно въ публикѣ, хотя для этого ему не достаетъ надлежащей представительности, но онъ долженъ подражать своему брату императору и исполнять тѣ предписанія, которыя присылаются изъ Парижа.

— Говорятъ, что уже выбрано нѣсколько извѣстныхъ людей и даже ученыхъ, какъ, напримѣръ, профессоръ Вахлеръ, Нимейеръ въ Галле, Генке въ Геймштедтѣ. Мнѣ любопытно будетъ послушать политическихъ ораторовъ Германіи.

— Не ожидайте ничего особеннаго, мой дорогой другъ,—возразилъ Рейхардтъ.—Нѣмцы плохіе ораторы, они не умѣютъ ни начать, ни остановиться во время.

— Вообще все это не болѣе, какъ комедія,—добавилъ баронъ:— потому что вестфальская конституція, которая должна служить образцомъ для государствъ Рейнскаго союза, самъ по себѣ никуда не годится, потому что въ ней нѣтъ никакихъ задатковъ для самобытнаго народнаго представительства...

Разговоръ опять перешелъ на политическую почву; Луиза воспользовалась этимъ, чтобы отозвать Германа къ окну и спросить его о результатахъ объясненія съ Берканьи. Онъ поспѣшилъ удовлетворить ея любопытство, но не могъ удержаться, чтобы не прихвастнуть, что въ данномъ случаѣ болѣе руководствовался собственными соображеніями, чѣмъ совѣтами своихъ друзей.

Луиза улыбнулась. Ей не совсѣмъ понравилось его самодовольство.

— Васъ выручила счастливая случайность, — замѣтила она: — если на этотъ разъ вамъ удалось выпутаться изъ разставленныхъ вамъ сѣтей, то не приписывайте этого своей ловкости. Не думайте также, что вы гарантированы въ будущемъ отъ подобныхъ исторій, если вы не возьмете себя въ руки и не будете слѣдить за собой. Я увѣрена, что Берканьи не проститъ вамъ, что вы одурачили его, и отомститъ вамъ при первомъ удобномъ случаѣ...

Въ это время къ нимъ подошла г-жа Рейхардтъ и спросила Германа:—Правда ли, что королевскій паркъ будетъ открытъ по воскресеньямъ для публики?

— Да,—отвѣтилъ Германъ,—король уже велѣлъ объявить объ этомъ, вѣроятно, съ цѣлью высказать свое благоволеніе кассельцамъ за иллюминацію. Въ три часа будутъ даже бить фонтаны.

Баронъ Рефельдъ обернулся при послѣднихъ словахъ:

— Не хотите ли вы отправиться туда со мной, г. докторъ? — спросилъ онъ: — зайдите ко мнѣ въ слѣдующее воскресенье; вамъ будетъ по дорогѣ.

XI.

Неожиданная встрѣча.

Въ слѣдующее воскресенье, Германъ тотчасъ послѣ обѣда отправился къ барону, чтобы идти съ нимъ въ паркъ, но, къ своему немалому удивленію, засталъ у него молодую женщину, которая, увидавъ его, быстро отвернулась, какъ будто изъ боязни, что онъ узнаетъ ее. Присмотрѣвшись ближе, онъ убѣдился, что это та самая Леньхенъ, которая вызвалась проводить его до гостинницы въ день его прибытія въ Кассель, и съ которой такъ безцеремонно обошелся полицейскій коммисаръ. Баронъ отрекомендовалъ ее подъ именемъ Елены Виллигъ, но теперь Германъ отнесся къ ней далеко не такъ благосклонно, какъ первый разъ, и отвѣтилъ на ея поклонъ, какъ незнакомый человѣкъ, чѣмъ она была, видимо, довольна.

Баронъ попросилъ своего гостя вооружиться терпѣніемъ на нѣсколько минутъ и продолжалъ бесѣдовать съ Еленой Виллигъ, которая въ качествѣ коммиссіонерши обѣщала снабдить его бѣльемъ и нѣкоторыми вещами для туалета. Онъ просилъ ее купить ему жабо изъ индійской кисеи съ тонкимъ, изящно вышитымъ рубчикомъ.

— Я куплю жабо у мадамъ Шопинé, «marchande lingère», которая только-что пріѣхала изъ Парижа и открыла здѣсь магазинъ,— возразила красавица, и голосъ ея также пріятно поразилъ Германа, какъ при ихъ первой встрѣчѣ.

— Затѣмъ, сокровище мое,—продолжалъ баронъ:—вы купите мнѣ два шелковыхъ клѣтчатыхъ галстука...

— Ихъ можно будетъ купить у мадамъ Нивьеръ въ ея «Magazin d'ettoffes de soie»; она получаетъ товаръ прямо изъ Парижа!

— Изъ Парижа!—повторилъ съ улыбкой баронъ.—Все, разумѣется, должно быть прямо изъ Парижа!.. Но мнѣ, право, совѣстно, мой ангелъ, что я причиняю вамъ столько хлопотъ!

Германъ былъ совсѣмъ пораженъ поведеніемъ барона; онъ обращался довольно прилично съ красивой коммиссіонершей, но ухаживалъ за ней, какъ влюбленный, по временамъ украдкой прикасался рукой къ ея плечу или щекѣ, расточалъ ей самые нѣжные эпитеты.

Хотя она держала себя крайне сдержанно, но Германъ сердился на барона за его довѣріе къ такой подозрительной личности и рѣшилъ предостеречь его, изъ дружбы.

— А скоро ли доставите вы мнѣ заказанныя мною вещи, мадемуазель?—спросилъ баронъ, когда она встала и собралась уходить.—Я съ нетерпѣніемъ буду ожидать васъ, моя дорогая Элиза, какъ это ни опасно моему сердцу!

— Меня зовутъ Еленой,—замѣтила она съ усмѣшкой.

— Да, правда,—возразилъ онъ.—Но васъ слѣдовало бы называть Элизой, потому что это имя поэтичнѣе и болѣе подходитъ къ вамъ. Какъ жаль, что вамъ приходится заниматься такой прозой, какъ бѣлье! Еще одна просьба, дитя моя, не купите ли вы мнѣ одну вещь, только не сердитесь на меня, я даже не знаю, какъ приличнѣе назвать это при дамахъ?

Съ этими словами баронъ досталъ изъ шкафа полотняные калесоны и подалъ ихъ коммиссіонершѣ.

— Вы можете назвать ихъ «модести»,—отвѣтила она съ сдержаннымъ смѣхомъ.

— Прекрасно,—ну, такъ купите мнѣ двѣ пары «модести», только изъ тонкаго полотна и непремѣнно изъ Парижа.

— Я куплю ихъ также у мадамъ Шопенъ,—возразила Елена Виллигъ.

— Вы находите, что я чудакъ, не правда ли?—спросилъ баронъ съ подавленнымъ вздохомъ.—Ахъ, чортъ возьми, если бы я былъ помоложе, а вы не такъ скромны, но я даже не смѣю думать объ этомъ! Однако, до свиданія, я и то задержалъ васъ слишкомъ долго...

Едва вышла она въ прихожую, какъ баронъ поспѣшилъ за нею.

— Могу ли я просить васъ, мадемуазель, зайдти на почту?—спросилъ онъ.

— О, разумѣется, баронъ!—отвѣтила она съ живостью.

— Въ такомъ случаѣ, возьмите это письмо, оно очень нужное, только не сердитесь, а мы съ пріятелемъ идемъ въ паркъ и намъ не по дорогѣ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ исполню ваше порученіе,— сказала она и, взявъ письмо, торопливо удалилась.

— Ну, а что вы скажете на это, г. докторъ? — спросилъ съ громкимъ хохотомъ баронъ, когда внизу послышался шумъ запираемой двери.

Германъ, стоявшій въ это время у окна, обернулся и отвѣтилъ довольно торжественно:

— Сознаюсь, баронъ, меня крайне удивляетъ, какъ вы, при вашемъ умѣ и опытности, могли довѣрить важное письмо такой особѣ! Я, какъ другъ, считаю долгомъ предостеречь васъ; знаете ли вы, за кого я считаю ее?

— Вѣроятно, наши взгляды сходятся!—возразилъ баронъ:—эта красавица весьма сомнительной нравственности и, вдобавокъ, подослана ко мнѣ полиціей.

— Полиціей!—воскликнулъ Германъ съ такимъ удивленнымъ видомъ, что баронъ снова расхохотался и сказалъ:

— Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Еще вчера она такъ настойчиво предлагала мнѣ свои услуги, что я сразу догался, въ чемъ дѣло, и просилъ ее зайдти сегодня, чтобы сообразить все, какъ слѣдуетъ. Если бы я увернулся отъ этой ловушки, то они подставили бы мнѣ новую, которую я могъ бы не сразу замѣтить. Они не довѣряютъ мнѣ и не безъ основанія, а я радъ случаю обмануть ихъ въ свою очередь и съ этой цѣлью написалъ письмо, которое передалъ при васъ этой скромной дѣвицѣ. А замѣтили вы, съ какой радостью она взялась исполнить порученіе; но письмо, конечно, попадетъ прямо въ руки полицейскихъ агентовъ, которые такимъ образомъ узнаютъ нѣчто обо мнѣ и моихъ отношеніяхъ, но именно то, что я считаю полезнымъ довести до ихъ свѣдѣнія. Нѣкоторыя вещи будутъ для нихъ загадкой, но я нарочно писалъ такъ, чтобы не показать виду, что я понялъ ихъ игру... Но что съ вами, г. докторъ, у васъ мрачный озабоченный видъ?

— Все, что я услышалъ отъ васъ, приводитъ меня въ ужасъ. Какъ существовать при этихъ условіяхъ? Откуда набраться осторожности, когда на каждомъ шагу вамъ разставлены западни и вы всегда можете попасть, если не въ одну, то въ другую.

— Не представляйте себѣ все это въ такихъ черныхъ краскахъ, г. докторъ! Вамъ лично нечего опасаться: вы идете открытой дорогой, не задаетесь никакими особенными цѣлями и добродушно относитесь къ людямъ. Осторожнесть и недовѣріе необходимы для тѣхъ, которые сворачиваютъ съ прямаго пути и идутъ окольными тропинками... Но довольно объ этомъ; смотрите, всѣ спѣшатъ на гулянье, пойдемъ и мы!

Они вышли изъ дому. Липовая аллея, ведущая отъ городскихъ воротъ къ королевскому парку, была переполнена народомъ; ка-

ждый спѣшилъ воспользоваться милостью короля. Ночью была гроза и легкій вѣтерокъ, поднявшійся съ утра, умѣрялъ дневной жаръ. Направо и налѣво виднѣлись горы, съ раскинутымъ на нихъ паркомъ; все отчетливѣе выступалъ среди зелени деревъ загородный королевскій дворецъ Шёнфельдъ съ окружавшими его зданіями.

Германъ спросилъ спутника: давно ли онъ знакомъ съ капельмейстеромъ?

— Да, мы уже знакомы много лѣтъ, но онъ гораздо старше меня, теперь ему подъ шестьдесятъ, хотя до сихъ поръ онъ способенъ увлекаться, какъ юноша. Онъ изъ Кенигсберга и уже десятилѣтнимъ мальчикомъ прославился какъ виртуозъ на скрипкѣ и на фортепіано. Но ему не хотѣлось ограничиться музыкой; онъ отправился въ Лейпцигскій университетъ, гдѣ слушалъ Канта. Затѣмъ онъ выступилъ какъ публицистъ, то занимался музыкой, то государственной службой и много путешествовалъ. Своей служебной карьерѣ онъ особенно повредилъ изданіемъ «Писемъ изъ Парижа», которыми навлекъ на себя подозрѣніе въ симпатіи къ революціоннымъ идеямъ. Его многочисленныя музыкальныя произведенія, конечно, вамъ лучше извѣстны, нежели мнѣ.

— Они имѣютъ безспорное значеніе,—возразилъ Германъ:—такъ какъ въ нихъ онъ стремится соединить красоту и богатство итальянской музыки съ искренностью Глюка... Но какимъ образомъ Рейхардтъ попалъ въ Кассель?

— Очень просто. Когда французы послѣ Іенскаго пораженія вступили въ Галле, Рейхардтъ, не считая себя въ безопасности, удалился въ Данцигъ. А затѣмъ создалось неожиданно это Вестфальское государство и король Іеронимъ вздумалъ приглашать къ себѣ всѣхъ своихъ подданныхъ, живущихъ въ разныхъ мѣстахъ. Рейхардтъ тоже явился и король поручилъ ему дирекцію французскаго и нѣмецкаго театра въ Касселѣ съ жалованьемъ въ 9,000 франковъ...

Въ это время они вслѣдъ за толпой вступили въ паркъ и, минуя гауптвахту, поднялись по крутой дорогѣ къ гостинницѣ, построенной на склонѣ горы. Залы и комнаты нижняго этажа только-что опустѣли, потому что всѣ устремились къ фонтанамъ. Баронъ предположилъ своему спутнику дойдти до верхней площадки, откуда открывался прекрасный видъ на городъ, обширную долину и цѣпи горъ. Передъ нами возвышался главный корпусъ дворца съ боковыми флигелями, широкой красивой лѣстницей и колоннами у главнаго входа. Два конныхъ кирассира, поставленные на часахъ, какъ будто окаменѣли на своихъ мѣстахъ и придавали дворцу видъ заколдованнаго замка.

Германъ остановился въ нѣмомъ удивленіи.

— Вы видите,—сказалъ баронъ Рефельдъ:—природа и искусство дополняютъ здѣсь другъ друга; строгій стиль этого дворца

вполнѣ гармонируетъ съ окружающей его грандіозной природой. А теперь взгляните сюда!

Германъ обернулся, и съ этой стороны видъ показался ему еще величественнѣе. На далекомъ пространствѣ тянулась безконечная вереница лѣсистыхъ горъ, застилая одна другую, и тонула въ туманной дали; на верхушкѣ одной изъ нихъ возвышалась ярко освѣщенная солнцемъ статуя Геркулеса такихъ громадныхъ размѣровъ, что сосѣднія горы едва доходили до половины ея пьедестала.

Германъ былъ въ такомъ восторгѣ, что барону Рефельду стоило немало труда заставить его сойдти съ мѣста. Онъ повелъ его къ фонтанамъ, гдѣ толпилась наибольшая масса публики, увѣренный заранѣе, что и тутъ Германъ будетъ въ полномъ восхищеніи. Баронъ при всей своей скрытности и странностяхъ характера принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, доставляя наслажденіе другимъ, способны находить въ этомъ искреннее удовольствіе. На лицѣ его появилась добродушная улыбка, когда онъ услышалъ восторженныя восклицанія Германа:—Какое великолѣпіе! Посмотрите, какъ хороши брызги этихъ высокихъ фонтановъ среди зелени! Я не ожидалъ ничего подобнаго!..

Баронъ Рефельдъ въ угоду своему пріятелю простоялъ довольно долго передъ фонтантами, наконецъ имъ овладѣло нетерпѣніе:

— Ну, кажется, довольно!—сказалъ онъ:—теперь пойдемъ въ гостинницу закусить, тамъ мы увидимъ много любопытнаго!

Германъ не рѣшился отвѣтить отказомъ и молча послѣдовалъ за барономъ въ гостинницу, гдѣ за отдѣльными столами сидѣло самое пестрое и разнохарактерное общество. Здѣсь были чиновники изъ разныхъ государствъ Германіи, которые толковали о дѣлахъ на своихъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Тамъ знакомились между собою писаря, молодые приказчики, бухгалтеры торговыхъ домовъ и всевозможные ремесленники; слышался одновременно французскій и нѣмецкій говоръ и немилосердно искажались оба языка. Въ дальнемъ углу залы виднѣлась группа людей съ типичными физіономіями и въ бѣдной поношенной одеждѣ, которая свидѣтельствовала, что они не принадлежатъ къ избранникамъ судьбы: это были эльзасскіе евреи, большей частью, адвокаты безъ дѣла, проворовавшіеся военные поставщики, обѣднѣвшіе купцы, прибывшіе въ Кассель съ цѣлью наживы. Они говорили между собой шопотомъ съ выразительными жестами, свойственными ихъ націи; изъ отрывочныхъ, долетавшихъ время отъ времени восклицаній можно было понять, что они бранили министра финансовъ Бюлова.

Въ смежной комнатѣ за столомъ, уставленнымъ изысканными кушаньями и бутылками вина, сидѣло человѣкъ шесть франтовато одѣтыхъ французовъ. Ихъ громкій веселый смѣхъ и хвастливая болтовня видимо раздражали чопорныхъ кассельцевъ, которые съ неудовольствіемъ посматривали на чужеземцевъ. Но и они до из-

вѣстной степени поддались соблазну господствовавшей роскоши, потому что въ простое воскресенье на нихъ было надѣто лучшее платье, которое въ былыя времена вынималось изъ сундуковъ только въ большіе церковные и семейные праздники. Среди этого разнообразнаго общества было много женщинъ; онѣ явились сюда въ сопровожденіи своихъ мужей или возлюбленныхъ: это были большей частью модистки, бонны, приказчицы, горничныя и проч.; нѣкоторыя изъ нихъ расхаживали парами по комнатамъ или на площадкѣ передъ гостинницей, хихикали и кокетливо посматривали по сторонамъ. Тутъ были и легкомысленныя, податливыя существа, которыя обмѣнивались многозначительными взглядами съ мужчинами, сидѣвшими за столами. Разговоръ шелъ самый разнообразный; одни толковали о дѣлахъ и послѣднихъ газетныхъ новостяхъ, другіе о лошадяхъ, модахъ, послѣднемъ спектаклѣ и т. п.

— Кстати, не пойдти ли намъ въ театръ?—спросилъ баронъ:— Теперь, какъ разъ время, мы поспѣемъ къ началу представленія.

Германъ безпрекословно изъявилъ свое согласіе, и они отправились въ городъ по прежней дорогѣ.

Когда они отошли отъ толпы, баронъ Рефельдъ обратился къ своему спутнику:

— Я желалъ бы знать, г. докторъ,—сказалъ онъ:—какое впечатлѣніе произвело на васъ все это общество? Для васъ, какъ человѣка, только-что вступающаго въ свѣтъ, можно найдти тутъ много любопытнаго и поучительнаго. Да и вообще Кассель хорошая школа! Такой помѣси людей, интересовъ и стремленій едва ли можно встрѣтить въ какомъ либо другомъ мѣстѣ. Это искусственное сплоченіе клочковъ разныхъ нѣмецкихъ провинцій для образованія французскаго королевства представляетъ весьма интересный процессъ для посторонняго наблюдателя. Вы должны непремѣнно познакомиться съ разными кружками здѣшняго общества... Однако, пойдемте скорѣе, иначе мы запоздаемъ въ театръ...

XII.

Въ театрѣ.

Опасеніе барона Рефельда оказалось напраснымъ, потому что они поспѣли во-время, чтобы занять удобныя мѣста въ партерѣ, гдѣ, къ удивленію Германа, почти не видно было молодыхъ женщинъ.

— Что это значитъ?—спросилъ онъ:—всякій разъ, когда я бывалъ прежде въ театрѣ, было много хорошенькихъ женщинъ, а сегодня онѣ куда-то исчезли, хотя извѣстно, что король будетъ въ театрѣ!

— Вотъ именно поэтому вы и не видите ихъ,—возразилъ въ полголоса баронъ.—Я говорю о партерѣ. Ложи будутъ переполнены дамами. Вы посѣщали театръ въ отсутствіи короля, и тогда порядочныя женщины смѣло являлись сюда съ своими дочерьми.

— Развѣ король любитъ только такія піесы, которыя скандализируютъ публику?—спросилъ съ недоумѣніемъ Германъ.

— Совсѣмъ не то!—сказалъ шопотомъ баронъ:—тутъ другая причина... Неужели вы ничего не слыхали объ этомъ? Да будетъ вамъ извѣстно, что король Іеронимъ является въ театръ съ своей супругой только въ торжественныхъ случаяхъ, и тогда ихъ величества сидятъ въ средней ложѣ. Но, большей частью, Іеронимъ бываетъ въ театрѣ запросто; тогда онъ занимаетъ ложу у самой авансцены, тамъ направо, съ красными гардинами. Эти-то гардины и скандализируютъ публику, потому что иногда въ антрактахъ онѣ неожиданно задергиваются, особенно во время оперетокъ или балета...

— Ну, такъ что же?—спросилъ съ любопытствомъ Германъ.

— Въ этихъ случаяхъ,—продолжалъ баронъ:—антракты длятся долѣе обыкновеннаго, и капельмейстеръ такъ громко стучитъ своей палочкой, какъ будто сердится на опущенныя гардины. Вотъ та самая причина, которая волнуетъ Рейхардта, удерживаетъ порядочныхъ женщинъ отъ посѣщенія театра; вдобавокъ, эти продолжительные антракты возбуждаютъ любопытство молодыхъ дѣвушекъ и дѣйствуютъ на ихъ фантазію... Злые языки разсказываютъ, что въ это время король уходитъ изъ своей ложи черезъ потаенную дверь и отправляется за кулисы въ уборную той пѣвицы или танцовщицы, которая имѣла честь обратить на себя его вниманіе...

Между тѣмъ, театръ наполнился публикой; не оказалось ни одной пустой ложи. Немного погодя, послышался шумъ; всѣ встали, чтобы отвѣтить на поклонъ короля, который появился въ боковой ложѣ. Началась увертюра.

Давали оперетку «Quinault et Lully», затѣмъ слѣдовалъ балетъ «Zeli, ou la journée heureuse», въ которомъ выступила мадемуазель Кустовъ.

— Жеромъ видѣлъ ее на парижскомъ театрѣ и тамъ познакомился съ нею!—шепнулъ баронъ на ухо своему пріятелю.

Король внимательно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ красивой танцовщицы, и едва опущена была занавѣсь, какъ закрылись красныя гардины боковой ложи. Въ театрѣ послышался шопотъ. Капельмейстеръ, изучившій привычки Іеронима, на этотъ разъ приготовилъ заранѣе соотвѣтствующую музыку изъ Донъ-Жуана, потому что раздражительный старикъ, подъ извѣстнымъ впечатлѣніемъ, могъ быть также легкомысленъ, какъ студентъ. Въ нѣкоторыхъ углахъ залы послышались аплодисменты, хотя довольно тихіе, и въ тотъ же моментъ явилось нѣсколько полицейскихъ, а

какой-то господинъ въ статскомъ платьѣ подошелъ къ барону Рефельду и, назвавъ себя полицейскимъ коммиссаромъ, пригласилъ его съ вѣжливымъ поклономъ слѣдовать за собою. Онъ сообщилъ въ короткихъ словахъ, что арестовали подозрительнаго человѣка, у котораго нашли письмо на имя барона, и что поэтому его просятъ пожаловать въ полицію для объясненій.

Баронъ Рефельдъ видимо смутился и всталъ съ мѣста, чтобы идти за коммиссаромъ, который, не оборачиваясь, пошелъ впередъ; но въ это время прилично одѣтый молодой человѣкъ, проходя мимо, шепнулъ ему на ухо:

— Успокойтесь, г. баронъ, письмо не запечатанное и, понятно, только для того, кто имѣетъ къ нему ключъ!

Затѣмъ онъ любезно поклонился Герману, который сразу вспомнилъ, что его зовутъ Вильке, и что это тотъ самый юноша, который такъ развязно бесѣдовалъ съ нимъ о политикѣ въ Шомбургскомъ саду.

Германъ хотѣлъ послѣдовать за барономъ, но Вильке остановилъ его: — Не совѣтую идти за пріятелемъ, когда его тащатъ въ полицію, — сказалъ онъ: — лучше зайдите ко мнѣ, когда выберете удобную минуту...

Съ этими словами услужливый юноша поспѣшно удалился, а Германъ вернулся на свое мѣсто въ сильномъ безпокойствѣ. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія оперы, чтобы подойдти къ капельмейстеру и сообщить ему о случившемся. Рейхардтъ растерялся болѣе, нежели можно было ожидать при его обычной смѣлости; онъ тотчасъ же собрался идти вмѣстѣ съ Германомъ на квартиру барона Рефельда. Они не застали его и рѣшили отправиться въ полицейское бюро, чтобы узнать объ его участи; но, выйдя на улицу, вскорѣ встрѣтили барона, который молча взялъ ихъ подъ руки и повелъ къ себѣ.

Когда они вошли въ кабинетъ и слуга зажегъ свѣчи, баронъ, поблагодаривъ обоихъ пріятелей за участіе, сказалъ имъ:

— На этотъ разъ, повидимому, все сошло благополучно! Проклятые шпіоны дѣйствительно выслѣдили нашего агента Эйзенгарта и арестовали его. Но, къ счастью, догадливый малый явился сюда подъ именемъ Зибрата и сбрилъ себѣ бакенбарды, такъ что примѣты оказались невѣрными и его выпустили. Задержанное письмо написано моимъ управляющимъ, и они были такъ любезны, что вручили его мнѣ. Но, во всякомъ случаѣ, неизвѣстный молодой человѣкъ оказалъ мнѣ большую услугу, предупредивъ меня, въ чемъ дѣло. Любопытно было бы знать его фамилію!

— Его зовутъ Вильке; онъ служитъ у генерала Бонгара, — сказалъ Германъ: — я случайно познакомился съ нимъ въ Шомбургскомъ саду...

Для всѣхъ осталось загадкой, что могло побудить молодаго чиновника изъ жандармскаго бюро оказать такую важную услугу барону Рефельду.

— Поговоримъ объ этомъ въ другой разъ! Теперь нужно прочесть письмо, — сказалъ баронъ. Съ этими словами онъ открылъ свой письменный столъ и досталъ изъ потаеннаго ящика картонную сѣтку съ неправильными короткими и длинными вырѣзками, которую наложилъ на первую страницу письма. Въ отверстія сѣтки видны были отдѣльныя слова, составлявшія цѣлыя фразы; баронъ торопливо записалъ ихъ карандашемъ; то же сдѣлалъ онъ и съ остальными страницами. Лицо его казалось озабоченнымъ.

— Вотъ времена!—сказалъ онъ, обращаясь къ Герману:—близкіе пріятели, чтобы переписываться другъ съ другомъ, должны прибѣгать къ разнымъ уловкамъ. Разумѣется, передаваемыя этимъ способомъ извѣстія крайне лаконичны, иногда сообщается только, черезъ кого будутъ посланы бумаги. Однако, довольно о дѣлахъ, я сильно проголодался! Не хотите ли отправиться со мной ужинать въ «Hôtel de France»?—тамъ отлично кормятъ и даютъ настоящее французское вино.

Германъ отказался отъ приглашенія, такъ какъ чувствовалъ сильное утомленіе и рѣшилъ отправиться домой. Здѣсь хозяйка встрѣтила его съ сіяющимъ лицомъ и сообщила, что молодые вернулись изъ Нейгофа. Лина долго поджидала его, а Людвигъ ушелъ раньше съ какимъ-то пожилымъ господиномъ.

XIII.

Подполковникъ Эммерихъ.

Герману плохо спалось эту ночь, онъ безпрестанно просыпался и всталъ съ восходомъ солнца, такъ что еще не успѣлъ разсѣяться утренній туманъ въ долинахъ. Къ желанію видѣть друзей у Германа примѣшивалось нетерпѣніе сообщить имъ скорѣе о результатѣ своего свиданія съ Берканьи, такъ что онъ едва могъ дождаться часа, когда ему показалось возможнымъ отправиться къ нимъ безъ нарушенія приличій.

Когда онъ вошелъ въ прихожую, то услышалъ запахъ кофе, изъ чего вывелъ заключеніе, что Гейстеры, вѣроятно, сидятъ за завтракомъ. Въ одной изъ ближайшихъ комнатъ шелъ оживленный разговоръ; при этомъ его непріятно поразилъ незнакомый мужской голосъ, тѣмъ болѣе, что присутствіе посторонняго человѣка могло помѣшать ему говорить съ друзьями о своемъ дѣлѣ. Лина, услыхавъ его шаги, выбѣжала къ нему навстрѣчу и повела въ столовую, гдѣ онъ засталъ подполковника Эммериха и сразу узналъ его, хотя ви-

дѣлъ его только издали въ Нейгофѣ. Людвигъ поспѣшилъ представить его, затѣмъ Германа усадили за завтракъ.

— Какъ жаль,—сказала Лина:—что вчера тебя не было дома. Мы долго просидѣли у матери, поджидая твоего прихода; нашъ дорогой гость разсказывалъ много любопытнаго изъ своей походной жизни въ Германіи и Америкѣ.

— А теперь пусть г. докторъ сообщитъ намъ, чѣмъ кончилось его свиданіе съ Берканьи!—сказалъ неожиданно Эммерихъ, и этимъ привелъ въ сильное смущеніе обоихъ супруговъ, особенно, когда Германъ спросилъ его съ нѣкоторой досадой: откуда онъ могъ получить такія свѣдѣнія?

— Я разсказалъ подполковнику Эммериху всю эту исторію,—возразилъ Гейстеръ:—онъ принадлежитъ къ числу нашихъ друзей и интересуется положеніемъ края. Заговорили о генералъ-директорѣ полиціи, и я для характеристики этого господина указалъ на его поступокъ съ тобой; мы всѣ искренно желаемъ, чтобы ты благополучно выпутался изъ его когтей!

— Ваше желаніе исполнилось, вы можете поздравить меня!—отвѣтилъ Германъ съ самодовольной улыбкой.

— Мать говорила мнѣ, что ты вернулся изъ полиціи въ веселомъ расположеніи духа,—сказала Лина.—Значитъ, ты умно повелъ дѣло!

— Меня, главнымъ образомъ, выручило счастье,—отвѣтилъ Германъ.—Я пришелъ сюда, чтобы подробно сообщить вамъ обо всемъ, но мнѣ не хотѣлось бы наскучить своимъ разсказомъ вашему гостю...

— Не бойтесь этого,—прервалъ его съ живостью Эммерихъ:—мнѣ извѣстно, что совѣтовалъ г. Гейстеръ, и поэтому я съ особеннымъ интересомъ буду слушать васъ.

Германъ началъ свой разсказъ и, едва успѣлъ кончить его, какъ старикъ вскочилъ съ мѣста, чтобы пожать ему руку.

— Вотъ это по-моему!—воскликнулъ онъ.—Гдѣ везетъ счастье, тамъ не нужно осторожности! До сихъ поръ во всѣхъ моихъ предпріятіяхъ я дѣйствовалъ, какъ вздумается, и меня всегда спасала счастливая случайность. Обыкновенно судьба даетъ однимъ людямъ счастье, другихъ надѣляетъ благоразуміемъ; но чтобы сочетать то и другое, нужно поставить во главѣ нашего предпріятія васъ, Гейстеръ, и г. доктора,—тогда можно ручаться за успѣхъ...

Съ этими словами Эммерихъ вопросительно взглянулъ на Гейстера, который слегка покачалъ головой.

Лина поняла значеніе этой мимики: несомнѣнно, вопросъ шелъ о томъ, чтобы затянуть Германа въ таинственное предпріятіе; у нея явилось боязливое опасеніе за будущность неопытнаго юноши. Она знала, что Эммерихъ, не задумываясь, пожертвуетъ имъ, если это окажется нужнымъ для его цѣлей; и безъ того считала она

немалымъ несчастіемъ, что Людвигъ такъ подружился съ нимъ. Но теперь онъ былъ ихъ гостемъ, и она старалась по возможности быть внимательной къ нему.

Гейстеръ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ и сталъ пересчитывать предстоящіе имъ визиты, которые хотѣлъ начать съ слѣдующаго дня. Лина при своемъ веселомъ и беззаботномъ характерѣ не чувствовала особенной боязни, но такъ какъ это было ея первое вступленіе въ большой свѣтъ, то она не могла относиться равнодушно къ такому важному событію. Въ числѣ лицъ, съ которыми Гейстеръ хотѣлъ познакомить свою жену, были Рейхардты, и Линѣ хотѣлось, чтобы Германъ отправился вмѣстѣ съ ними, такъ какъ надѣялась, что, благодаря его дружбѣ съ семействомъ капельмейстера, она получитъ приглашеніе на ихъ музыкальные вечера. Съ своей стороны она обѣщала Герману познакомить его съ г-жей Энгельгардтъ.

— Ты не пожалѣешь объ этомъ, — добавила она. — Да будетъ тебѣ извѣстно, что она пишетъ стихи, какъ и Филиппина Каленбергъ, которую ты видѣлъ въ Гомбургѣ, хотя вовсе не похожа на нее и вообще очень милая женщина. Кромѣ того, у нея семь взрослыхъ дочерей, что̀ также не часто можно встрѣтить: за одной изъ нихъ, Терезой, ты ухаживалъ на моемъ дѣвичникѣ и нѣсколько разъ вальсировалъ съ ней.

— Значитъ, Германъ, твоему сердцу грозитъ серьезная опасность,—замѣтилъ съ улыбкой Гейстеръ, вставая съ мѣста; затѣмъ онъ обратился къ Эммериху и пригласилъ его въ свой кабинетъ.

Германъ, поговоривъ немного съ Линой, также ушелъ, потому что теперь избѣгалъ случаевъ оставаться долго наединѣ съ женой своего друга.

Хозяйство Гейстеровъ еще не было устроено, и они продолжали обѣдать у матери Лины, что̀ доставило ей большое удовольствіе. Людвигъ возвращался послѣ визитовъ усталый и раздраженный, но молодая женщина не чувствовала ни малѣйшаго утомленія и съ оживленіемъ разсказывала Герману и матери о томъ впечатлѣніи, какое произвели на нее знатные дома, гдѣ имъ приходилось бывать. Особенно поразила ее роскошная обстановка нѣкоторыхъ изъ нихъ, такъ что, по ея словамъ, она и во снѣ не видала ничего подобнаго.

— Если бы ты знала, что кроется подъ этой блестящей обстановкой, то врядъ ли стала бы восхищаться ею!—замѣтилъ Гейстеръ.— Въ большинствѣ случаевъ жалованье мужа оказывается недостаточнымъ, и многія видѣнныя тобою вещи пріобрѣтены въ долгъ или жена получила ихъ въ подарокъ отъ своего возлюбленнаго...

— Ну, Людвигъ, ты все видишь въ мрачномъ свѣтѣ,—сказала съ неудовольствіемъ молодая женщина, прерывая его.

— Мнѣ кажется,—возразилъ Германъ:—что жалованье служащихъ на столько велико, что долги и легкомысліе женъ въ данномъ случаѣ не составляютъ необходимости. Жизнь также неособенно дорога въ Касселѣ, за исключеніемъ квартиръ...

— О жалованьѣ не можетъ быть и рѣчи,—сказалъ Гейстеръ:— но вѣдь роскошь перешла всѣ предѣлы. Подданные Іеронима, какъ будто, предчувствуютъ, что у нихъ нѣтъ будущности и спѣшатъ пользоваться настоящимъ. Дворъ подаетъ примѣръ расточительности, которая неизбѣжно ведетъ къ долгамъ и безнравственности.

— Какъ будто нѣтъ исключеній!—воскликнула Лина:—чтобы убѣдиться въ этомъ, я предлагаю немедленно отправиться къ Энгельгардтамъ; ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя упрекнуть въ мотовствѣ и безнравственности. Надѣюсь, что ты, Германъ, ничего не имѣешь противъ того, чтобы познакомиться съ ними!

— Разумѣется,—отвѣтилъ этотъ съ улыбкой:—только позволь мнѣ переодѣться: ты сама объявила мнѣ, что у г-жи Энгельгардтъ семь взрослыхъ дочерей!

Когда Германъ вышелъ изъ комнаты, Лина краснѣя сказала мужу:—Ты, вѣроятно, будешь смѣяться надо мной, Людвигъ, но я очень желала бы, чтобы Германъ женился на одной изъ дочерей г-жи Энгельгардтъ.

— Почему это пришло тебѣ въ голову, моя дорогая?—спросилъ Гейстеръ.—Можетъ быть, Германъ уже влюбился въ кого нибудь, такъ какъ, по словамъ твоей матери, онъ часто уходитъ изъ дому по вечерамъ и возвращается ночью; къ тому же подчасъ онъ бываетъ въ какомъ-то ненормальномъ состояніи духа и часто задумывается. Повѣрь, что тутъ замѣшалась любовь или опять-таки полиція. Германъ красивъ собой, умѣетъ прилично вести себя въ обществѣ, а наши знатныя дамы чувствуютъ слабость къ такимъ юношамъ; кромѣ того, при случаѣ, любая изъ нихъ не прочь взять на себя роль сводни.

— Сегодня ты невыносимъ, Людвигъ, съ твоими разсужденіями,— сказала съ досадой Лина.—Ты и твои сообщники готовы прибѣгнуть къ клеветѣ, чтобы возстановить публику противъ Іеронима и его двора. Вы унижаете женщинъ, чтобы...

Приходъ Германа прервалъ разговоръ супруговъ; и всѣ трое отправились къ Энгельгардтамъ. Хозяйка дома привѣтливо встрѣтила ихъ и, выразивъ сожалѣніе, что они не застали ея мужа, представила Герману своихъ дочерей. Она была въ простомъ домашнемъ платьѣ и въ ея наружности не было ничего особеннаго; только открытый, прекрасно очерченный лобъ придавалъ своеобразный характеръ ея лицу. Дочери держали себя также скромно и непринужденно, какъ ихъ мать; всѣ были недурны собой и болѣе или менѣе похожи другъ на друга.

Но визитъ не далъ тѣхъ результатовъ, какихъ ожидала Лина, тѣмъ болѣе, что они явились не во время. Оказалось, что въ домѣ, по случаю предстоящаго рейхстага, шли дѣятельныя приготовленія къ пріему депутатовъ, которыхъ рѣшено было размѣстить на частныхъ квартирахъ. Наканунѣ мэръ лично обратился съ просьбой къ г. Энгельгарду, чтобы онъ помѣстилъ у себя нѣсколько человѣкъ, по крайней мѣрѣ, на первое время; и, такъ какъ отказъ былъ неудобенъ при этихъ условіяхъ, то приходилось покориться обстоятельствамъ. Лина постаралась сократить по возможности визитъ; къ тому же она сердилась на Германа, который былъ такъ молчаливъ и разсѣянъ, что на этотъ разъ задуманное ею дѣло не подвинулось ни на шагъ.

XIV.

Таинственный посѣтитель.

Графиня Антонія, послѣ своей размолвки съ королемъ, переѣхала въ городъ подъ предлогомъ болѣзни, между тѣмъ, какъ ея мужъ, занимавшій должность камергера, находился почти неотлучно въ лѣтней резиденціи короля. Дождливые дни и пасмурное небо еще болѣе увеличивали ея дурное расположеніе духа. Она не знала, чѣмъ развлечься; вечера въ особенности приводили ее въ отчаяніе, вслѣдствіе чего синяя ваза чаще прежняго стала появляться на окнѣ, что̀ служило для Германа сигналомъ, что онъ можетъ прійдти на нѣмецкій урокъ.

Графиня была умная и энергичная женщина, богато одаренная отъ природы, но въ ея характерѣ совмѣщались всевозможныя противорѣчія. Обладая пылкой фантазіей, она чувствовала постоянное неудовлетвореніе жизнью; и въ то же время ея незанятый умъ часто побуждалъ ее къ поступкамъ, въ которыхъ она не отдавала себѣ отчета, и поэтому удивлялась, когда другіе находили въ нихъ что либо предосудительное. Даже тѣ сомнѣнія, какія являлись у ней прежде по поводу уроковъ Адели, оставили ее; теперь ей и въ голову не приходило, что она слишкомъ поспѣшила дать согласіе, не сообразуясь съ своимъ общественнымъ положеніемъ, хотя ея мужъ, который вообще снисходительно относился къ придворнымъ интригамъ, на этотъ разъ прямо высказалъ, что не одобряетъ ея поведенія.

Привязанность графини къ своенравной и необразованной креолкѣ была скорѣе дѣломъ фантазіи, нежели сердечной привязаности. Главная причина ея уступчивости въ данномъ случаѣ заключалась въ томъ, что Адель обратилась къ ней съ просьбой устроить нѣмецкіе уроки въ ея домѣ въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда скука томила ее и она была недовольна собой и другими. Къ тому же

романическая привязанность молодой дѣвушки представляла для нея интересъ новизны и казалась ей скорѣе забавной, нежели опасной. Уроки должны были неизбѣжно происходить въ тайнѣ, во избѣжаніе скандала, что̀ поставило гофмейстерину въ крайне ложное положеніе, но пока въ отношеніяхъ учителя и учительницы не было ничего такого, что̀, по ея мнѣнію, могло служить поводомъ для безпокойства.

Избалованная, несдержанная креолка, не смотря на свой живой характеръ, имѣла на столько природнаго ума и такта, чтобы по внѣшности встать въ уровень съ тѣмъ высокимъ положеніемъ, какое она занимала въ обществѣ, благодаря своему брату. Въ ней инстинктивно проснулось чувство собственнаго достоинства, и если въ извѣстные моменты она поддавалась порывамъ своего южнаго темперамента, то вслѣдъ затѣмъ хладнокровно обдумывала свое положеніе и внимательнѣе прежняго слѣдила за собою. Уроки нѣмецкаго языка мучили ее, но въ то же время ничто не могло бы заставить ее добровольно отказаться отъ нихъ. Такая же борьба противоположныхъ ощущеній происходила въ душѣ Германа. Онъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ пламеннымъ взглядамъ очаровательнаго существа, хотя эта любовь противорѣчила всѣмъ его нравственнымъ принципамъ и тому идеальному поклоненію, съ которымъ онъ до сихъ поръ относился къ женщинамъ.

Вначалѣ все это забавляло графиню, но когда она увидѣла, что влюбленные сближаются все болѣе и болѣе, у ней явились нѣкоторыя опасенія. Но такъ какъ уроки постоянно происходили въ ея присутствіи, и Адель, кромѣ этого, нигдѣ не видѣлась съ своимъ учителемъ, то пока не было причинъ бояться, что дѣло зайдетъ слишкомъ далеко подъ вліяніемъ страсти. Однако, разъ ночью гофмейстеринѣ пришло въ голову, что изученіе нѣмецкаго языка можетъ кончиться серьезной привязанностью и разстроить всю будущность сестры графа Фюрстенштейна. Какая тяжелая отвѣтственность ляжетъ на нее въ этомъ случаѣ, при томъ высокомъ положеніи, какое она занимаетъ въ свѣтѣ! Ее мучила безсонница и, все обдумавъ, она дала себѣ слово на этой же недѣлѣ прекратить уроки. Германъ особенно заинтересовалъ ее, когда она услышала его пѣніе, которое, по ея мнѣнію, вполнѣ гармонировало съ его красивой наружностью и приличными манерами. Она рѣшила не терять изъ виду молодаго человѣка и пристроить его куда нибудь на службу, съ помощью Бюлова или кого нибудь изъ своихъ вліятельныхъ знакомыхъ. Поэтому на слѣдующій вечеръ, когда Германъ, по окончаніи урока, собирался уходить, она сообщила ему о своемъ намѣреніи хлопотать за него и спросила: куда, собственно, онъ желалъ бы поступить на службу? Этотъ вопросъ смутилъ Германа, такъ какъ въ немъ заключался косвенный намекъ на его ничтожное общественное положеніе, что̀ было особенно непріятно

для него въ присутствіи Адели. Онъ поблагодарилъ графиню за ея заботливость и отвѣтилъ уклончиво, что пока еще ничего не рѣшилъ относительно своей будущности.

Затѣмъ онъ торопливо простился съ обѣими дамами и вышелъ изъ гостинной, на столько занятый своими мыслями, что не замѣтилъ высокой мужской фигуры, стоявшей въ коридорѣ, которая при видѣ его моментально скрылась куда-то. Вмѣсто этого, появилась нарумяненная горничная графини и, остановивъ его у дверей своей комнаты, громко спросила его:—Скажите, пожалуйста, monsieur le docteur, долго ли намѣрена пробыть мадемуазель ле-Камю у графини? Если она собирается домой, то нужно послать кого нибудь проводить ее...

— Какъ вы разрядились сегодня, мадемуазель Анжелика!—сказалъ Германъ, не отвѣчая на вопросъ француженки.—Какое благоуханіе распространяется изъ вашего будуара! Вы, кажется, чувствуете особенное пристрастіе къ «eau de bouquet»!..

При этихъ словахъ за дверью послышался шорохъ, и Германъ поспѣшно удалился. На лицѣ Анжелики выразился испугъ; она вошла въ свою комнату съ тревожнымъ восклицаніемъ:—О Боже! онъ вѣрно узналъ васъ, мосье Вюрцъ!

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, моя милочка, — сказалъ полицейскій агентъ:—но этотъ господинъ почуялъ, что ему не сдобровать здѣсь, и обратился въ бѣгство. Однако, мнѣ пора идти.

Съ этими словами Вюрцъ наклонился и нѣжно обнялъ туго затянутую талью маленькой француженки:—Вы злодѣйка, мадемуазель Анжелика! — сказалъ онъ съ улыбкой, отъ которой лицо его приняло еще болѣе непріятное выраженіе.

— Oh mon cher Würtz, какой вы несносный!—воскликнула она, кокетливо отталкивая его.—Ну, сегодня вы сами убѣдились, что къ намъ ходитъ этотъ учитель нѣмецкаго языка...

Германъ вернулся домой печальный и разстроенный. Теперь, послѣ нѣмецкихъ уроковъ, ему, чаще прежняго, приходилось переживать горькія минуты внутренняго недовольства; онъ осуждалъ себя за безумную страсть къ хорошенькой креолкѣ, отъ которой не могъ отдѣлаться въ ея присутствіи. Нѣсколько разъ у него являлась твердая рѣшимость отказаться отъ уроковъ, но въ то же время онъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ назначеннаго часа, и точно какая-то непреодолимая сила тянула его къ дому графини. Онъ шелъ съ намѣреніемъ держать себя холодно и сдержанно съ своей ученицей, но въ ея присутствіи ему казалось неловкимъ обращаться сурово съ нею и играть роль педанта, тѣмъ болѣе, что она могла поднять его на смѣхъ.

Уроки нѣмецкаго языка бывали почти ежедневно, потому что нездоровье графини служило для Адели благовиднымъ предлогомъ

навѣщать чаще прежняго свою пріятельницу. Съ другой стороны, она уже цѣлую недѣлю была избавлена отъ визитовъ генерала Моріо, который не могъ отлучиться изъ дворца, гдѣ шли подготовительныя работы, по случаю предстоящаго рейхстага и организаціи войска. Вдобавокъ, императоръ Наполеонъ нетерпѣливо ожидалъ уплаты военной контрибуціи и требовалъ дополнительнаго комплекта вестфальской арміи для посылки въ Испанію. Король, для сокращенія времени, обыкновенно назначалъ засѣданія передъ обѣдомъ или послѣ обѣда, такъ что военный министръ Моріо и министръ финансовъ Бюловъ теперь бывали ежедневно во дворцѣ, равно и члены государственнаго совѣта и представители разныхъ министерствъ. Засѣданіе должно было происходить и въ эту субботу, но Бюловъ предполагалъ, что король постарается, по возможности, сократить его, такъ какъ былъ назначенъ вечеръ у графа Гарденберга. Обѣдъ также запоздалъ, вслѣдствіе того, что Берканьи дѣлалъ какой-то докладъ королю. На этотъ разъ генералъ-директоръ полиціи вышелъ изъ кабинета его величества веселѣе обыкновеннаго; на лицѣ его выражалось самодовольство, а въ такомъ настроеніи онъ легко впадалъ въ злобный, заносчивый тонъ. Онъ подошелъ къ Моріо, который былъ видимо въ дурномъ расположеніи духа и, стоя у окна, задумчиво смотрѣлъ, какъ собираются тучи надъ горами.

— Добрый вечеръ, ваше превосходительство, — сказалъ онъ вкрадчивымъ голосомъ. — Если не ошибаюсь, то вы заняты сладкими мечтами, и, вѣроятно, васъ можно поздравить...

— Съ чѣмъ?—спросилъ Моріо.

— Разумѣется, съ вашей помолвкой; всѣмъ извѣстно, что очаровательная мадемуазель ле-Камю плѣнила ваше сердце!

— Пока еще не было разговора о помолвкѣ,—возразилъ Моріо немного привѣтливѣе.

— Неужели? Я готовъ былъ держать пари, что это дѣло рѣшенное, хотя, говоря откровенно, нѣкоторыя обстоятельства должны были убѣдить меня въ противномъ.

— Какія обстоятельства? Я не понимаю, что вы хотите сказать этимъ, г. Берканьи?

— Видите ли, ваше превосходительство, мнѣ всегда казалось, что вы принадлежите къ нашей партіи и не сочувствуете нѣмцамъ. Но, такъ какъ вы требуете, чтобы ваша будущая жена брала уроки нѣмецкаго языка...

— Что такое? Кто вамъ нагородилъ это?—прервалъ съ нетерпѣніемъ Моріо.

— Мнѣ это достовѣрно извѣстно!—продолжалъ Берканьи.—Мадемуазель ле-Камю беретъ уроки у красиваго доктора... какъ его... Детлевъ... Все забываю его фамилію!

— Ну, это старая исторія, которая ничѣмъ не кончилась,—ска-

залъ Моріо презрительнымъ тономъ.—Дѣйствительно, было такое предположеніе, но я самъ прогналъ нѣмецкаго учителя, когда онъ явился къ графу Фюрстенштейну, съ предложеніемъ своихъ услугъ. Странно только, что вы, начальникъ тайной полиціи, интересуетесь городскими сплетнями! Неужели у васъ нѣтъ болѣе серьёзныхъ занятій?

Берканьи ничего не отвѣтилъ и только многозначительно покачалъ головой, такъ что Моріо не вытерпѣлъ и съ возростающимъ безпокойствомъ спросилъ:

— Объясните мнѣ, въ чемъ дѣло, г. Берканьи? Какъ вамъ передали эту исторію?.. Я хочу знать все до малѣйшихъ подробностей. Говорите скорѣе, насъ позовутъ сейчасъ къ столу...

— Простите, генералъ, мнѣ и въ голову не пришло, что вамъ хотятъ сдѣлать сюрпризъ, и я испортилъ дѣло своей болтливостью. Чортъ возьми! даже въ такихъ дѣлахъ нужно быть осмотрительнымъ.

— Сюрпризъ! Кому хотятъ сдѣлать сюрпризъ? Оставьте загадки и выражайтесь яснѣе.

— Видите ли, ваше превосходительство, тутъ нѣтъ ничего предосудительнаго! Но, чтобы васъ успокоить, я скажу въ короткихъ словахъ, въ чемъ дѣло: мадемуазель ле-Камю беретъ уроки нѣмецкаго языка у молодаго доктора, въ домѣ оберъ-гофмейстерины и подъ ея покровительствомъ...

— Вамъ это достовѣрно извѣстно?—спросилъ Моріо, дрожащимъ голосомъ, едва сдерживая свой гнѣвъ.

— Разумѣется, и я могу добавить, что уроки происходятъ по вечерамъ въ тѣ часы, когда мадемуазель ле-Камю бываетъ у графини.

— Вы сказали, что это уроки нѣмецкаго языка?—спросилъ задумчиво Моріо.

— Я передаю то, что слышалъ,—возразилъ генералъ-директоръ полиціи.

Въ это время всѣхъ позвали къ столу.

— Мы еще поговоримъ объ этомъ, г. Берканьи,—проборматалъ Моріо сквозь зубы, бросивъ злобный взглядъ на своего собесѣдника.

— Въ этомъ нѣтъ никакой надобности, ваше превосходительство,—возразилъ Берканьи.—Поѣзжайте тотчасъ послѣ обѣда къ оберъ-гофмейстеринѣ, и я ручаюсь, что вы попадете на спряженіе какого нибудь нѣмецкаго глагола...

Моріо былъ внѣ себя отъ гнѣва и безпокойства и, сидя за королевскимъ столомъ, машинально глоталъ куски. Графиня, Адель, красивый учитель, котораго онъ возненавидѣлъ съ перваго взгляда, не выходили у него изъ головы; онъ не зналъ, на кого изъ нихъ излить свое бѣшенство, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія обѣда. Онъ не могъ придумать, какъ отомстить обѣимъ дамамъ, но, относительно учителя, дѣло казалось ему проще, и фантазія грубаго

человѣка живо рисовала ему удары хлыста, пощечины и т. п. Берканьи, сидѣвшій наискось отъ него, съ наслажденіемъ видѣлъ тяжелую внутреннюю борьбу, которая отражалась на лицѣ его врага, между тѣмъ какъ членъ государственнаго совѣта Мальхъ, занимая мѣсто рядомъ съ генераломъ Моріо, еще болѣе увеличивалъ его мученія длинными разсужденіями о качествѣ подаваемыхъ блюдъ и вопросами:

— Почему онъ такъ мало ѣстъ? здоровъ ли онъ? и пр.

XV.

Тайна будуара.

Уклончивый отвѣтъ Германа относительно устройства его будущности показался графинѣ вполнѣ естественнымъ, и она приписала его излишней скромности молодаго человѣка, который съ каждымъ днемъ все больше нравился ей. Но въ этомъ чувствѣ не было и тѣни какой либо сердечной привязанности, такъ какъ графиня Антонія была способна увлекаться однимъ честолюбіемъ, и на это были направлены всѣ ея помыслы. Любовь, сама по себѣ, не могла удовлетворить ее; она стремилась къ власти и къ болѣе широкой дѣятельности, нежели та, какой обыкновенно удовлетворяются женщины. Если, при ея впечатлительности, красивая и представительная наружность мужчинъ имѣла для нея извѣстное значеніе, то это не вызывало въ ней ни сентиментальныхъ мечтаній, ни чувственныхъ порывовъ, которые были чужды ей, какъ по ея холодной натурѣ, такъ и потому, что ея умъ былъ всегда занятъ болѣе высокими цѣлями. Она дорожила дружбой вліятельныхъ людей, занимавшихъ видное положеніе въ свѣтѣ, когда могла дѣйствовать съ ними заодно, какъ это было съ Бюловымъ. Но, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ ей приходилось играть второстепенную роль, то она предпочитала устроивать судьбу того или другаго юноши, которымъ она могла руководить по своему усмотрѣнію.

Она перебирала въ умѣ тѣ предложенія, какія можетъ сдѣлать Герману, относительно его будущности, и хотѣла въ этотъ же вечеръ подъ какимъ нибудь предлогомъ выпроводить пораньше Адель, чтобы побесѣдовать наединѣ съ молодымъ человѣкомъ. Урокъ происходилъ въ пріемной, и, такъ какъ дверь въ ея будуаръ была открыта, то она ходила по обѣимъ комнатамъ, не упуская изъ виду влюбленныхъ. Но при всей ея наблюдательности, многое ускользнуло отъ ея вниманія: она не подозрѣвала, что даже, разговаривая съ нею, учитель и ученица пожимали другъ другу руки подъ столомъ, и что когда она отвернулась отъ нихъ, чтобы выдвинуть ящикъ комода, креолка воспользовалась этой минутой, чтобы броситься въ объятія Германа.

Тѣмъ не менѣе, взволнованныя лица и разсѣянность обоихъ на столько встревожили графиню, что она окончательно убѣдилась, что пора разлучить ихъ, и начала съ того, что позвала Германа къ роялю и попросила его спѣть нѣкоторыя изъ пѣсенъ Гёте, переложенныя на музыку Рейхардтомъ. Германъ повиновался, и она, взявъ подъ руку Адель, сѣла съ нею у окна, подъ предлогомъ, что издали онѣ будутъ лучше наслаждаться пѣніемъ. Но въ это время вниманіе графини было обращено экипажемъ, который неожиданно подъѣхалъ къ дому.

— О, Боже, это король!—воскликнула она въ испугѣ. Первая ея мысль была о себѣ; она отскочила отъ окна и, указывая Герману и Адели на дверь своего будуара, сказала торопливо:—Уходите скорѣе! Тамъ изъ спальни вы можете пройдти въ корридоръ, г. докторъ, только дождитесь, пока войдетъ король. Тогда вы, Адель...

Съ этими словами она поспѣшно закрыла дверь будуара, потому что въ корридорѣ послышались шаги, а вслѣдъ затѣмъ лакей отворилъ настежъ противоположную дверь съ громкимъ возгласомъ:

— Его величество король!

Іеронимъ, противъ своего обыкновенія, явился въ штатскомъ платьѣ: онъ былъ въ зеленомъ фракѣ и съ круглой шляпой. Графиня встрѣтила его среди комнаты въ почтительной позѣ и съ выраженіемъ радостнаго изумленія на лицѣ, вызваннаго неожиданданнымъ пріѣздомъ короля. Въ этомъ не было ничего необдуманнаго или искусственнаго съ ея стороны, а скорѣе составляло дѣло привычки и умѣнья владѣть собой, которое было особенно необходимо ей въ данную минуту, при той душевной борьбѣ, какая происходила въ ней. Она живо вспомнила ту сцену, которая еще такъ недавно произошла между ею и королемъ и, безъ сомнѣнія, была поводомъ его визита. Во всякомъ случаѣ, она должна была спровадить Германа, но почему сестра графа Фюрстенштейна не могла остаться въ комнатѣ? Этотъ вопросъ только теперь пришелъ ей въ голову, но слишкомъ поздно; ее безпокоило и то обстоятельство, что, принимая съ такой таинственностью короля, она поставила себя въ крайне неловкое положеніе. Къ тому же Іеронимъ, по своей природной живости, могъ сказать что нибудь лишнее, чего не должны были слышать Германъ и Адель, если они еще не ушли изъ будуара, а она, въ поспѣшности, даже забыла опустить портьеру! Но графиня была слишкомъ свѣтская женщина, чтобы высказать чѣмъ либо свое волненіе, и ея лицо сохраняло все то же спокойное и привѣтливое выраженіе.

Слова, съ которыми король обратился къ гофмейстеринѣ, равно и тонъ голоса показывали, что между ними существовали довольно интимныя отношенія, и что, тѣмъ не менѣе, при ихъ послѣднемъ свиданіи произошло нѣчто оскорбительное для графини.

Дѣйствительно, сначала вниманіе и ухаживаніе короля нравились оберъ-гофмейстеринѣ, пока имъ были строго соблюдены всѣ требованія свѣтскихъ приличій. Она собственно не чувствовала къ нему никакого влеченія, не считала его милость особенной честью для себя, какъ нѣкоторыя придворныя дамы, и не разсчитывала пользоваться ею для корыстныхъ видовъ. Ея единственною цѣлью было пріобрѣсти вліяніе на короля въ высокомъ значеніи слова, какъ это понималъ ея другъ Бюловъ, и заставить его заботиться о благѣ ввѣреннаго ему государства. Но при этомъ она упустила изъ виду, что Іеронимъ, удостоивая ее своей милостью, можетъ заявить извѣстныя требованія, которыя поставятъ ее въ затруднительное положеніе. Она была совсѣмъ не подготовлена къ необузданнымъ порывамъ человѣка, который въ своихъ чувственныхъ проявленіяхъ бывалъ подчасъ крайне наивенъ, даже относительно женщинъ знатнаго происхожденія.

Іеронимъ, не предполагая, чтобы кто нибудь могъ слышать его, говорилъ громко и съ воодушевленіемъ, но, видя, что графиня почти шопотомъ отвѣчаетъ ему, невольно понизилъ голосъ:

— Я пріѣхалъ, чтобы помириться съ вами, моя дорогая графиня,—сказалъ онъ.—Вы перестали являться ко двору, и королева скучаетъ безъ васъ, — зачѣмъ вы наказываете другихъ за то, что я имѣлъ несчастіе оскорбить васъ? Не ожидалъ я такой жестокости съ вашей стороны!..

— Ваше величество, вы несправедливы ко мнѣ! Я не думаю сердиться на васъ, но огорчена, что вы объяснили извѣстнымъ образомъ мое искреннее участіе и дружбу къ вамъ и заявили требованія, на столько же унизительныя для меня лично, какъ и несовмѣстимыя съ тѣмъ положеніемъ, которое я занимаю при вашемъ дворѣ. Вы говорили, что ваше сердце жаждетъ любви, но мнѣ кажется, что вамъ не приходилось испытывать недостатка въ ней, а скорѣе наоборотъ. Но есть другая любовь, ваше величество; она чужда чувственныхъ увлеченій и только одна можетъ дать намъ полное нравственное удовлетвореніе. Такую любовь чувствую я къ молодому королю, которому дана власть надъ чуждой ему націей, и я увѣрена, что онъ осуществитъ не разъ высказанное имъ намѣреніе осчастливить своихъ подданныхъ. Моя единственная мечта, чтобы король видѣлъ во мнѣ преданнаго ему друга, всегда готоваго поддержать его на трудномъ пути; и только съ этой стороны радовала меня благосклонность его величества ко мнѣ. Но, когда я увидѣла, что мои чувства остались непонятыми и король, вслѣдствіе печальнаго недоразумѣнія, позволилъ себѣ оскорбить меня самымъ недостойнымъ образомъ, мною овладѣло отчаяніе...

Графиня говорила искренно въ эту минуту, потому что все это выяснилось для нея, во время ея уединенія; и она заранѣе приготовилась къ предстоящему объясненію.

Но Іеронимъ увидѣлъ въ этомъ обычную уловку женщины, которая не хочетъ сдаться сразу. Онъ мысленно рѣшилъ, что поступилъ слишкомъ поспѣшно и тѣмъ болѣе чувствовалъ себя возбужденнымъ: каждая приличная женщина, думалъ онъ, идетъ на капитуляцію извѣстнымъ способомъ, а графиня держитъ себя умнѣе другихъ!..

При этомъ онъ невольно улыбнулся, но, сдѣлавъ надъ собой усиліе, придалъ своему лицу серьезное выраженіе:—Въ этомъ высокомъ полетѣ мысли я узнаю васъ, графиня!—воскликнулъ онъ съ восторгомъ.—Вы достойная представительница благородной нѣмецкой націи, только въ васъ встрѣтилъ я ту душевную силу и достоинства, которыя напрасно искалъ въ другихъ женщинахъ. Вы однѣ можете дать мнѣ нравственную поддержку, которая необходима мнѣ въ такомъ трудномъ и сложномъ дѣлѣ, какъ управленіе этимъ французско-нѣмецкимъ государствомъ. Я люблю моихъ подданныхъ, и во время моего путешествія могъ убѣдиться, что успѣлъ также заслужить ихъ расположеніе. Я писалъ объ этомъ моему брату императору, но, къ несчастью, онъ лишаетъ меня возможности приступить къ необходимымъ реформамъ, по крайней мѣрѣ, такъ скоро, какъ бы я желалъ этого для блага моего народа. Требованія его относительно Вестфальскаго королевства невыполнимы, и онъ, преслѣдуя свои широкія идеи всемірнаго господства, постоянно парализуетъ всѣ мои дѣйствія.

— Но мнѣ кажется, ваше величество, что вы можете совершенно независимо править своимъ государствомъ. Самъ императоръ возвелъ васъ на вестфальскій престолъ; докажите ему, что вы не только номинальный, но и дѣйствительный король!

Іеронимъ усмѣхнулся.

— Вы не имѣете никакого понятія о Наполеонѣ, моя дорогая графиня!—сказалъ онъ.—Если бы я задумалъ что либо подобное, то это было бы прямо во вредъ дѣлу, и вопросъ былъ бы рѣшенъ оружіемъ. У меня нѣтъ недостатка въ мужествѣ, но борьба была бы слишкомъ неравная; къ тому же и другія причины заставляютъ меня быть осмотрительнѣе. Хотите, я вамъ открою тайну, но съ условіемъ, что вы простите меня.

Король протянулъ руку, и графиня положила на нее свою маленькую ручку, которую онъ почтительно поцѣловалъ.

— Я избѣгаю теперь ссоры съ императоромъ,—сказалъ онъ:— потому что поднятъ вопросъ объ увеличеніи Вестфальскаго королевства, а затѣмъ, когда моя власть будетъ усилена, я могу дѣйствовать самостоятельнѣе и принести бо́льшую пользу моему народу, нежели въ настоящее время. Но пока объ этомъ нужно молчать. И такъ, графиня, вы простили меня, а теперь примите это въ знакъ нашего примиренія.

Съ этими словами Іеронимъ подалъ графинѣ пакетъ съ бумагами.

— Вы хлопотали о Геннебергѣ,—сказалъ онъ:—вотъ приказъ о назначеніи его префектомъ въ Оккерскій департаментъ. Затѣмъ, вы рекомендовали мнѣ Вангенгейма; въ этомъ же пакетѣ заключается патентъ, по которому онъ получитъ должность командира баталіона третьяго линейнаго полка. Другія назначенія, о которыхъ вы говорили, также послѣдуютъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

— Я тронута вашимъ вниманіемъ и глубоко цѣню его, — сказала графиня: — но не желала бы, чтобы знали о моемъ ходатайствѣ передъ вашимъ величествомъ, тѣмъ болѣе, что это поставило бы всѣхъ этихъ господъ въ неловкое положеніе. Если вы позволите, то я передамъ обѣ бумаги Бюлову, и онъ пошлетъ ихъ офиціальнымъ путемъ.

— Ваша деликатность сказывается во всемъ, графиня! — воскликнулъ Іеронимъ:—руководите мной, я готовъ во всемъ слѣдовать вашимъ совѣтамъ. Немногіе такъ справедливы и безкорыстны, какъ вы, но, среди заботъ объ общественномъ благѣ, удѣлите и мнѣ лично немного любви. Я готовъ, не задумываясь, промѣнять всѣхъ женщинъ, которыя когда либо выказывали расположеніе ко мнѣ, на васъ, Антонія; ни въ одной изъ нихъ не встрѣтилъ я столько очарованія, ума, душевныхъ качествъ! Вы совмѣщаете въ себѣ все, чтобы составить счастіе короля. Если вы хотите, чтобы я заботился о благополучіи другихъ, то необходимо, чтобы я самъ чувствовалъ себя счастливымъ, чтобы мнѣ дозволили любить ту женщину, передъ которой я преклоняюсь...

Съ этими словами король всталъ съ мѣста и, поцѣловавъ руку графини, сказалъ съ улыбкой:

— Я обѣщалъ быть сегодня у графа Гарденберга; вѣроятно, всѣ удивляются, гдѣ я могъ пробыть такъ долго, но я скажу, что маленькій sans-culotte Амуръ не носитъ при себѣ часовъ!

— Не говорите этого, ваше величество; бѣдняжка Амуръ и безъ того пользуется плохой репутаціей!—возразила графиня.

Затѣмъ, проводивъ своего почетнаго гостя, она хотѣла пройдти въ будуаръ, но въ дверяхъ встрѣтилась съ Аделью, которая поразила ее своею блѣдностью и разстроеннымъ видомъ.

— Боже мой, что съ вами! — воскликнула графиня съ испугомъ.—На что вы похожи, Адель! Говорите скорѣе, что случилось?...

Молодая дѣвушка, вмѣсто отвѣта, со слезами бросилась къ ней на шею.

Графиня совсѣмъ растерялась, не зная, что подумать, чего опасаться. Горькое чувство недовольства собою поднялось въ ея груди, но вмѣсто того, чтобы сознаться въ собственной винѣ, она съ негодованіемъ стала упрекать дѣвушку, что она не уѣхала домой.

— Зачѣмъ вы такъ долго оставались въ будуарѣ? — сказала она раздраженнымъ голосомъ.—Кажется, вы у меня не въ первый разъ и знаете, что моя карета всегда къ вашимъ услугамъ!

Адель, видя гнѣвъ своей пріятельницы, сперва съ удивленіемъ взглянула на нее, затѣмъ вспылила, въ свою очередь.

— Вы, графиня, рѣшаетесь дѣлать мнѣ упреки? — возразила она.—Не вы ли приказали мнѣ удалиться, когда пріѣхалъ король? Пока вы шептались съ его величествомъ, говорили другъ другу любезности, мы были поставлены въ...

— Вы говорите «мы»?—прервала графиня съ нетерпѣніемъ.— Развѣ докторъ оставался съ вами?

— Не напоминайте мнѣ о немъ, я ненавижу и проклинаю его... я... — отвѣтила Адель и поспѣшно направилась къ двери, но графиня догнала ее и, взявъ за руку, проговорила съ усиліемъ:

— Во всякомъ случаѣ, что бы ни произошло съ вами, несчастное дитя, помните, что это должно остаться тайной будуара! А теперь постарайтесь успокоиться, потому что въ такомъ видѣ вы не можете никому показаться на глаза. Прежде всего подойдите къ зеркалу, поправьте свой воротникъ и причешите волосы!

Но по мѣрѣ того, какъ молодая дѣвушка становилась покойнѣе, смущеніе графини на столько увеличилось, что она едва владѣла собой. Она съ ужасомъ думала о томъ, что случилось, и какъ избѣгнуть послѣдствій; единственный возможный исходъ на столько противорѣчилъ всѣмъ ея принципамъ, что ей стоило большаго труда заговорить о немъ. Наконецъ, когда Адель надѣла шляпу и взяла со стола перчатки, она сказала торопливо:

— Еще не все потеряно, Адель, смотрите на это дѣло, какъ на ребячество и безуміе!.. Если вы даже увлеклись... то можете выйдти изъ этого непріятнаго положенія. Вамъ остается одинъ исходъ: объявите немедленно генералу Моріо, что вы согласны выйдти за него замужъ... Въ случаѣ, если спросятъ дома, почему у васъ такой встревоженный видъ, то скажите, что у насъ съ вами было объясненіе по этому поводу, и я довела васъ до слезъ своими наставленіями... Но, можетъ быть, никто не увидитъ васъ сегодня, и вы успѣете прійдти въ себя...

Графиня спѣшила окончить непріятное объясненіе, тѣмъ болѣе, что ея собственныя слова ложились жгучими упреками на ея сердце. Она порывисто позвонила и, не оборачиваясь, велѣла подать карету мадемуазель ле-Камю, такъ что не могла видѣть лукавой улыбки, съ какой нарумяненная горничная выслушала ея приказаніе. Затѣмъ, не прощаясь съ Аделью, она ушла въ свою спальню и бросилась на кушетку съ горькимъ чувствомъ стыда, недовольства собой и печали.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Partie fine.

Вечеръ у графа Гарденберга принадлежалъ къ числу тѣхъ празднествъ, которыми высшее кассельское общество чествовало возвращеніе Іеронима въ столицу. Королева отказалась отъ приглашенія, подъ предлогомъ нездоровья, и даже король, вслѣдствіе своего визита къ оберъ-гофмейстеринѣ, пріѣхалъ почти къ концу вечера. Онъ имѣлъ озабоченный видъ и былъ на столько разсѣянъ, что, противъ своего обыкновенія, едва отвѣтилъ на поклонъ графа Бохльса, который увидѣлъ въ этомъ знакъ немилости и сильно огорчился.

Въ это время, графъ добивался вакантнаго мѣста оберъ-церемоніймейстера при королевскомъ дворѣ и былъ озабоченъ продолжительнымъ отсутствіемъ жены, которая гостила въ Мюнстерѣ, у своихъ родственниковъ. Она выѣхала изъ Касселя въ тотъ самый день, когда Іеронимъ отправился въ свое путешествіе, и хотѣла вернуться въ одно время съ нимъ. А теперь, когда всѣ придворные другъ передъ другомъ стараются чѣмъ либо выказать свою преданность ихъ величествамъ, онъ одинъ лишенъ возможности принять ихъ у себя, благодаря капризу графини Франциски. Но Бохльсъ мысленно рѣшилъ, не дожидаясь возвращенія своей супруги, устроить что либо для увеселенія короля, который, по его

наблюденіямъ, сталъ гораздо холоднѣе относиться къ нему, чѣмъ прежде. Его мучила боязнь, что въ обществѣ изъ этого выведутъ заключеніе, что въ расположеніи Іеронима къ нему, которому всѣ завидовали, скорѣе играютъ роль роскошныя плечи его жены, нежели его личныя заслуги въ государственномъ совѣтѣ.

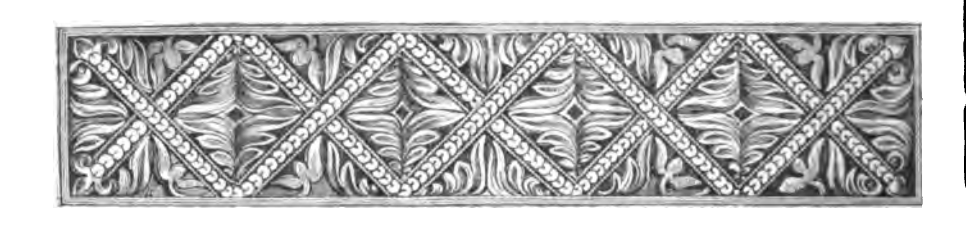
Графъ Бохльсъ былъ средняго роста, хорошо сложенъ, хотя избытокъ тучности придавалъ нѣкоторую неподвижность его фигурѣ; онъ держалъ себя съ достоинствомъ и даже немного чопорно. Но выраженіе гордой рѣшимости, которую можно было подмѣтить на лицѣ графа, совершенно не соотвѣтствовало его характеру: онъ легко подчинялся всякому вліянію и нерѣдко, въ угоду другимъ, дѣйствовалъ противъ собственныхъ убѣжденій. Между тѣмъ, по природѣ, это былъ честный и добродушный человѣкъ, и онъ всегда являлся такимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда былъ предоставленъ самому себѣ. При этомъ, время отъ времени, въ немъ пробуждалось благочестіе, особенно въ тѣ минуты, когда онъ имѣлъ поводъ быть недовольнымъ собой.

Вечеръ у графа Гарденберга навелъ его на мысль устроить нѣчто въ другомъ родѣ, а именно одну изъ такъ называемыхъ «parties fines», которыя были далеко не въ его вкусѣ, но нравились королю и съ нѣкотораго времени вошли въ моду въ Касселѣ. Это были музыкальные вечера въ тѣсномъ кругу избраннаго общества, гдѣ музыка служила предлогомъ и прикрытіемъ далеко не утонченныхъ увеселеній. Графъ Бохльсъ хотѣлъ, чтобы на этотъ разъ были исполнены одни «nocturno» на двухъ рожкахъ, въ соединеніи съ арфой, такъ какъ это была любимая музыка короля. Онъ обратился къ Блангини, учителю музыки королевы, который съ величайшею готовностью взялся сочинить двѣ новыя пьесы къ назначенному дню, такъ какъ ловкій итальянецъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы выдвинуться черезъ вліятельныхъ лицъ.

Король не разъ потѣшался надъ графомъ Бохльсъ, когда этотъ приходилъ въ смущеніе отъ свободнаго обращенія съ дамами, которое господствовало въ интимныхъ придворныхъ кружкахъ, особенно при «parties fines». Поэтому Іеронимъ былъ очень удивленъ, когда графъ, пригласивъ его на музыкальный вечеръ, спросилъ съ улыбкой:

— Не угодно ли будетъ его величеству, послѣ двухъ «nocturno», видѣть балетъ?

— Понимаю, въ чемъ дѣло, мой милый графъ! — воскликнулъ со смѣхомъ король.—Прекрасная мысль! Когда жена долго не возвращается, то нужно искать какого нибудь утѣшенія... Впрочемъ, очаровательная графиня Францска своимъ долгимъ отсутствіемъ вполнѣ заслужила это! Съ удовольствіемъ принимаю ваше приглашеніе, только переговорите относительно вашего вечера съ Маренвиллемъ. Мнѣ любопытно будетъ видѣть, какъ вы будете играть

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Partie fine.

Вечеръ у графа Гарденберга принадлежалъ къ числу тѣхъ празднествъ, которыми высшее кассельское общество чествовало возвращеніе Іеронима въ столицу. Королева отказалась отъ приглашенія, подъ предлогомъ нездоровья, и даже король, вслѣдствіе своего визита къ оберъ-гофмейстеринѣ, пріѣхалъ почти къ концу вечера. Онъ имѣлъ озабоченный видъ и былъ на столько разсѣянъ, что, противъ своего обыкновенія, едва отвѣтилъ на поклонъ графа Бохльса, который увидѣлъ въ этомъ знакъ немилости и сильно огорчился.

Въ это время, графъ добивался вакантнаго мѣста оберъ-церемонійместера при королевскомъ дворѣ и былъ озабоченъ продолжительнымъ отсутствіемъ жены, которая гостила въ Мюнстерѣ, у своихъ родственниковъ. Она выѣхала изъ Касселя въ тотъ самый день, когда Іеронимъ отправился въ свое путешествіе, и хотѣла вернуться въ одно время съ нимъ. А теперь, когда всѣ придворные другъ передъ другомъ стараются чѣмъ либо выказать свою преданность ихъ величествамъ, онъ одинъ лишенъ возможности принять ихъ у себя, благодаря капризу графини Францискы. Но Бохльсъ мысленно рѣшилъ, не дожидаясь возвращенія своей супруги, устроить что либо для увеселенія короля, который, по его

наблюденіямъ, сталъ гораздо холоднѣе относиться къ нему, чѣмъ прежде. Его мучила боязнь, что въ обществѣ изъ этого выведутъ заключеніе, что въ расположеніи Іеронима къ нему, которому всѣ завидовали, скорѣе играютъ роль роскошныя плечи его жены, нежели его личныя заслуги въ государственномъ совѣтѣ.

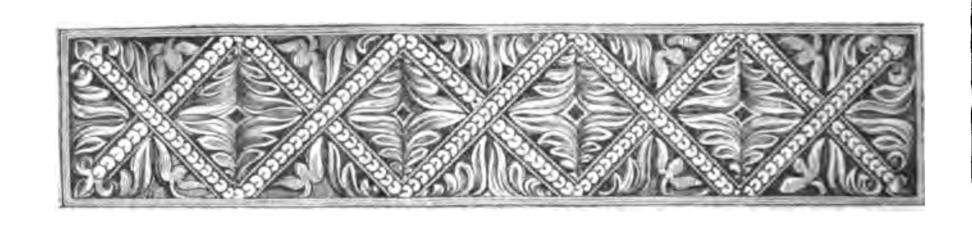
Графъ Бохльсъ былъ средняго роста, хорошо сложенъ, хотя избытокъ тучности придавалъ нѣкоторую неподвижность его фигурѣ; онъ держалъ себя съ достоинствомъ и даже немного чопорно. Но выраженіе гордой рѣшимости, которую можно было подмѣтить на лицѣ графа, совершенно не соотвѣтствовало его характеру: онъ легко подчинялся всякому вліянію и нерѣдко, въ угоду другимъ, дѣйствовалъ противъ собственныхъ убѣжденій. Между тѣмъ, по природѣ, это былъ честный и добродушный человѣкъ, и онъ всегда являлся такимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда былъ предоставленъ самому себѣ. При этомъ, время отъ времени, въ немъ пробуждалось благочестіе, особенно въ тѣ минуты, когда онъ имѣлъ поводъ быть недовольнымъ собой.

Вечеръ у графа Гарденберга навелъ его на мысль устроить нѣчто въ другомъ родѣ, а именно одну изъ такъ называемыхъ «parties fines», которыя были далеко не въ его вкусѣ, но нравились королю и съ нѣкотораго времени вошли въ моду въ Касселѣ. Это были музыкальные вечера въ тѣсномъ кругу избраннаго общества, гдѣ музыка служила предлогомъ и прикрытіемъ далеко не утонченныхъ увеселеній. Графъ Бохльсъ хотѣлъ, чтобы на этотъ разъ были исполнены одни «nocturno» на двухъ рожкахъ, въ соединеніи съ арфой, такъ какъ это была любимая музыка короля. Онъ обратился къ Блангини, учителю музыки королевы, который съ величайшею готовностью взялся сочинить двѣ новыя пьесы къ назначенному дню, такъ какъ ловкій итальянецъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы выдвинуться черезъ вліятельныхъ лицъ.

Король не разъ потѣшался надъ графомъ Бохльсъ, когда этотъ приходилъ въ смущеніе отъ свободнаго обращенія съ дамами, которое господствовало въ интимныхъ придворныхъ кружкахъ, особенно при «parties fines». Поэтому Іеронимъ былъ очень удивленъ, когда графъ, пригласивъ его на музыкальный вечеръ, спросилъ съ улыбкой:

— Не угодно ли будетъ его величеству, послѣ двухъ «nocturno», видѣть балетъ?

— Понимаю, въ чемъ дѣло, мой милый графъ! — воскликнулъ со смѣхомъ король.—Прекрасная мысль! Когда жена долго не возвращается, то нужно искать какого нибудь утѣшенія... Впрочемъ, очаровательная графиня Франциска своимъ долгимъ отсутствіемъ вполнѣ заслужила это! Съ удовольствіемъ принимаю ваше приглашеніе, только переговорите относительно вашего вечера съ Маренвиллемъ. Мнѣ любопытно будетъ видѣть, какъ вы будете играть

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Partie fine.

Вечеръ у графа Гарденберга принадлежалъ къ числу тѣхъ празднествъ, которыми высшее кассельское общество чествовало возвращеніе Іеронима въ столицу. Королева отказалась отъ приглашенія, подъ предлогомъ нездоровья, и даже король, вслѣдствіе своего визита къ оберъ-гофмейстеринѣ, пріѣхалъ почти къ концу вечера. Онъ имѣлъ озабоченный видъ и былъ на столько разсѣянъ, что, противъ своего обыкновенія, едва отвѣтилъ на поклонъ графа Бохльса, который увидѣлъ въ этомъ знакъ немилости и сильно огорчился.

Въ это время, графъ добивался вакантнаго мѣста оберъ-церемоніймейстера при королевскомъ дворѣ и былъ озабоченъ продолжительнымъ отсутствіемъ жены, которая гостила въ Мюнстерѣ, у своихъ родственниковъ. Она выѣхала изъ Касселя въ тотъ самый день, когда Іеронимъ отправился въ свое путешествіе, и хотѣла вернуться въ одно время съ нимъ. А теперь, когда всѣ придворные другъ передъ другомъ стараются чѣмъ либо выказать свою преданность ихъ величествамъ, онъ одинъ лишенъ возможности принять ихъ у себя, благодаря капризу графини Францiски. Но Бохльсъ мысленно рѣшилъ, не дожидаясь возвращенія своей супруги, устроить что либо для увеселенія короля, который, по его

наблюденіямъ, сталъ гораздо холоднѣе относиться къ нему, чѣмъ прежде. Его мучила боязнь, что въ обществѣ изъ этого выведутъ заключеніе, что въ расположеніи Іеронима къ нему, которому всѣ завидовали, скорѣе играютъ роль роскошныя плечи его жены, нежели его личныя заслуги въ государственномъ совѣтѣ.

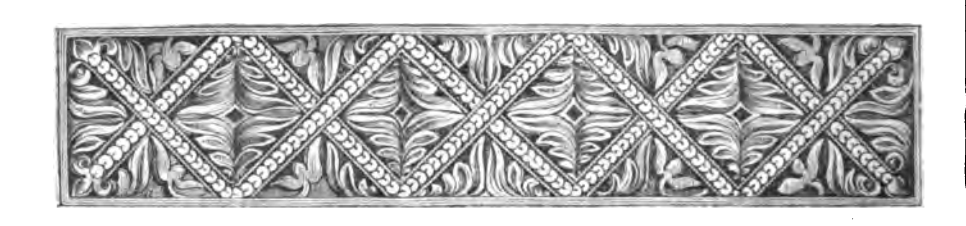
Графъ Бохльсъ былъ средняго роста, хорошо сложенъ, хотя избытокъ тучности придавалъ нѣкоторую неподвижность его фигурѣ; онъ держалъ себя съ достоинствомъ и даже немного чопорно. Но выраженіе гордой рѣшимости, которую можно было подмѣтить на лицѣ графа, совершенно не соотвѣтствовало его характеру: онъ легко подчинялся всякому вліянію и нерѣдко, въ угоду другимъ, дѣйствовалъ противъ собственныхъ убѣжденій. Между тѣмъ, по природѣ, это былъ честный и добродушный человѣкъ, и онъ всегда являлся такимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда былъ предоставленъ самому себѣ. При этомъ, время отъ времени, въ немъ пробуждалось благочестіе, особенно въ тѣ минуты, когда онъ имѣлъ поводъ быть недовольнымъ собой.

Вечеръ у графа Гарденберга навелъ его на мысль устроить нѣчто въ другомъ родѣ, а именно одну изъ такъ называемыхъ «parties fines», которыя были далеко не въ его вкусѣ, но нравились королю и съ нѣкотораго времени вошли въ моду въ Касселѣ. Это были музыкальные вечера въ тѣсномъ кругу избраннаго общества, гдѣ музыка служила предлогомъ и прикрытіемъ далеко не утонченныхъ увеселеній. Графъ Бохльсъ хотѣлъ, чтобы на этотъ разъ были исполнены одни «nocturno» на двухъ рожкахъ, въ соединеніи съ арфой, такъ какъ это была любимая музыка короля. Онъ обратился къ Блангини, учителю музыки королевы, который съ величайшею готовностью взялся сочинить двѣ новыя пьесы къ назначенному дню, такъ какъ ловкій итальянецъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы выдвинуться черезъ вліятельныхъ лицъ.

Король не разъ потѣшался надъ графомъ Бохльсъ, когда этотъ приходилъ въ смущеніе отъ свободнаго обращенія съ дамами, которое господствовало въ интимныхъ придворныхъ кружкахъ, особенно при «parties fines». Поэтому Іеронимъ былъ очень удивленъ, когда графъ, пригласивъ его на музыкальный вечеръ, спросилъ съ улыбкой:

— Не угодно ли будетъ его величеству, послѣ двухъ «nocturno», видѣть балетъ?

— Понимаю, въ чемъ дѣло, мой милый графъ! — воскликнулъ со смѣхомъ король.— Прекрасная мысль! Когда жена долго не возвращается, то нужно искать какого нибудь утѣшенія... Впрочемъ, очаровательная графиня Франциска своимъ долгимъ отсутствіемъ вполнѣ заслужила это! Съ удовольствіемъ принимаю ваше приглашеніе, только переговорите относительно вашего вечера съ Маренвиллемъ. Мнѣ любопытно будетъ видѣть, какъ вы будете играть

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Partie fine.

Вечеръ у графа Гарденберга принадлежалъ къ числу тѣхъ празднествъ, которыми высшее кассельское общество чествовало возвращеніе Іеронима въ столицу. Королева отказалась отъ приглашенія, подъ предлогомъ нездоровья, и даже король, вслѣдствіе своего визита къ оберъ-гофмейстеринѣ, пріѣхалъ почти къ концу вечера. Онъ имѣлъ озабоченный видъ и былъ на столько разсѣянъ, что, противъ своего обыкновенія, едва отвѣтилъ на поклонъ графа Бохльса, который увидѣлъ въ этомъ знакъ немилости и сильно огорчился.

Въ это время, графъ добивался вакантнаго мѣста оберъ-церемонійместера при королевскомъ дворѣ и былъ озабоченъ продолжительнымъ отсутствіемъ жены, которая гостила въ Мюнстерѣ, у своихъ родственниковъ. Она выѣхала изъ Касселя въ тотъ самый день, когда Іеронимъ отправился въ свое путешествіе, и хотѣла вернуться въ одно время съ нимъ. А теперь, когда всѣ придворные другъ передъ другомъ стараются чѣмъ либо выказать свою преданность ихъ величествамъ, онъ одинъ лишенъ возможности принять ихъ у себя, благодаря капризу графини Франциски. Но Бохльсъ мысленно рѣшилъ, не дожидаясь возвращенія своей супруги, устроить что либо для увеселенія короля, который, по его

наблюденіямъ, сталъ гораздо холоднѣе относиться къ нему, чѣмъ прежде. Его мучила боязнь, что въ обществѣ изъ этого выведутъ заключеніе, что въ расположеніи Іеронима къ нему, которому всѣ завидовали, скорѣе играютъ роль роскошныя плечи его жены, нежели его личныя заслуги въ государственномъ совѣтѣ.

Графъ Бохльсъ былъ средняго роста, хорошо сложенъ, хотя избытокъ тучности придавалъ нѣкоторую неподвижность его фигурѣ; онъ держалъ себя съ достоинствомъ и даже немного чопорно. Но выраженіе гордой рѣшимости, которую можно было подмѣтить на лицѣ графа, совершенно не соотвѣтствовало его характеру: онъ легко подчинялся всякому вліянію и нерѣдко, въ угоду другимъ, дѣйствовалъ противъ собственныхъ убѣжденій. Между тѣмъ, по природѣ, это былъ честный и добродушный человѣкъ, и онъ всегда являлся такимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда былъ предоставленъ самому себѣ. При этомъ, время отъ времени, въ немъ пробуждалось благочестіе, особенно въ тѣ минуты, когда онъ имѣлъ поводъ быть недовольнымъ собой.

Вечеръ у графа Гарденберга навелъ его на мысль устроить нѣчто въ другомъ родѣ, а именно одну изъ такъ называемыхъ «parties fines», которыя были далеко не въ его вкусѣ, но нравились королю и съ нѣкотораго времени вошли въ моду въ Касселѣ. Это были музыкальные вечера въ тѣсномъ кругу избраннаго общества, гдѣ музыка служила предлогомъ и прикрытіемъ далеко не утонченныхъ увеселеній. Графъ Бохльсъ хотѣлъ, чтобы на этотъ разъ были исполнены одни «nocturno» на двухъ рожкахъ, въ соединеніи съ арфой, такъ какъ это была любимая музыка короля. Онъ обратился къ Блангини, учителю музыки королевы, который съ величайшею готовностью взялся сочинить двѣ новыя пьесы къ назначенному дню, такъ какъ ловкій итальянецъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы выдвинуться черезъ вліятельныхъ лицъ.

Король не разъ потѣшался надъ графомъ Бохльсъ, когда этотъ приходилъ въ смущеніе отъ свободнаго обращенія съ дамами, которое господствовало въ интимныхъ придворныхъ кружкахъ, особенно при «parties fines». Поэтому Іеронимъ былъ очень удивленъ, когда графъ, пригласивъ его на музыкальный вечеръ, спросилъ съ улыбкой:

— Не угодно ли будетъ его величеству, послѣ двухъ «nocturno», видѣть балетъ?

— Понимаю, въ чемъ дѣло, мой милый графъ! — воскликнулъ со смѣхомъ король.—Прекрасная мысль! Когда жена долго не возвращается, то нужно искать какого нибудь утѣшенія... Впрочемъ, очаровательная графиня Францискa своимъ долгимъ отсутствіемъ вполнѣ заслужила это! Съ удовольствіемъ принимаю ваше приглашеніе, только переговорите относительно вашего вечера съ Маренвиллемъ. Мнѣ любопытно будетъ видѣть, какъ вы будете играть

роль церемоніймейстера въ настоящемъ случаѣ, когда не должно быть никакихъ церемоній!..

Переговоры съ Маренвиллемъ, о которыхъ упомянулъ король, касались преимущественно выбора приглашаемыхъ гостей. Естественно, что на подобныхъ вечерахъ могли присутствовать только люди, пользующіеся особеннымъ довѣріемъ короля, и при которыхъ онъ не чувствовàлъ никакого стѣсненія, а для этого требовалось отъ нихъ не столько высокое положеніе въ свѣтѣ, сколько тактъ и умѣнье держать себя въ обществѣ. Выборъ лицъ мѣнялся, смотря по обстоятельствамъ, и былъ особенно строгъ въ тѣхъ случаяхъ, когда на «parties fines» допускались нѣмцы.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этого рода увеселеніяхъ являлся самъ Маренвилль, секретарь, гардеробмейстеръ короля и его неизмѣнный Муркурій по любовнымъ дѣламъ, который по мѣрѣ накопленія сомнительныхъ тайнъ пользовался все большимъ довѣріемъ его величества. Это былъ молодой, красивый человѣкъ, высокаго роста, съ умнымъ, выразительнымъ лицомъ, приличными манерами, обладавшій при этомъ достаточнымъ запасомъ легкомыслія, чтò было немалымъ достоинствомъ при веселомъ дворѣ. Когда онъ оставался наединѣ съ Іеронимомъ, то разговоръ ихъ принималъ самый интимный характеръ; всякій этикетъ былъ изгнанъ, но Маренвилль былъ на столько уменъ, что никогда не кичился этимъ, и вестфальскій король, съ своей стороны, относился къ нему дружелюбнѣе, нежели къ кому либо.

Послѣ Маренвилля наибольшей милостью короля пользовался его адъютантъ Ревбель, женатый на сестрѣ его первой жены, человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ предупредительными вкрадчивыми манерами, посвященный во всѣ закулисныя тайны театральнаго міра. Придворная капелла и дворцовая прислуга находились въ его вѣдѣніи. Затѣмъ къ числу приближенныхъ короля принадлежали: дворцовый префектъ Буппорнъ, сынъ бывшаго правителя Корсики, женатый на 17-ти-лѣтней дочери одного французскаго префекта, маіоръ Росси, дальній родственникъ короля, и капитанъ гвардіи Каррега, братъ красивой статсъ-дамы Біанки Лафлешъ, который, наравнѣ съ предъидущими, былъ неизмѣннымъ посѣтителемъ «parties fines». Изъ нѣмцевъ обыкновенно допускались немногіе, а именно: генералъ Лепель, молодой человѣкъ, изящной аристократической наружности, служившій прежде при виртембергскомъ дворѣ, гдѣ, по слухамъ, у него была какая-то романическая исторія съ принцессой Екатериной, нынѣшней вестфальской королевой, чтò, однако, не мѣшало ему пользоваться благосклонностью Іеронима. Въ такой же милости былъ и полковникъ Гаммерштейнъ, прозванный «balafré», вслѣдствіе глубокаго шрама на лицѣ, полученнаго во время битвы, у котораго подъ личиной беззаботной веселости скрывались

болѣе положительныя достоинства: неподкупная честность, мужество и любовь къ родинѣ.

Всѣ эти лица должны были фигурировать на вечерѣ графа Бохльса, который безпрекословно внесъ ихъ въ списокъ приглашенныхъ со словъ Маренвилля, но слегка поморщился, когда ему пришлось вписать имя графа Лёвенъ-Вейнштейна, такъ какъ этотъ неизбѣжный участникъ всѣхъ пирушекъ короля не всегда отличался умѣренностью въ употребленіи спиртныхъ напитковъ. Тѣмъ не менѣе, Бохльсъ рѣшилъ покориться обстоятельствамъ и дѣятельно занялся приготовленіями къ предстоящему вечеру. Но, по мѣрѣ приближенія роковаго дня, онъ чувствовалъ все бо́льшее безпокойство и наканунѣ не могъ заснуть всю ночь. Когда онъ услышалъ ударъ колокола къ ранней обѣднѣ, имъ овладѣла сильная тоска. Онъ размышлялъ о томъ, какъ трудно совмѣстить спасеніе души съ придворной жизнью, мысленно давалъ разные благочестивые обѣты и готовъ былъ проклинать милость короля, которой до этого добивался съ такимъ усердіемъ.

Онъ не предчувствовалъ, что его затѣя, стоившая ему столько нравственныхъ мученій, разстроится сама собой. Около полудня слуга подалъ ему записку Маренвилля, который извѣщалъ его, что король не можетъ быть у него сегодня вечеромъ. Графъ Бохльсъ никогда не чувствовалъ себя такимъ счастливымъ, какъ въ эту минуту, и тотчасъ же послалъ отказъ приглашеннымъ музыкантамъ и танцовщицамъ. Въ то же утро графъ получилъ письмо отъ своей супруги съ радостнымъ для него извѣстіемъ о ея немедленномъ возвращеніи въ Кассель.

II.

Женскій орденъ.

Іеронимъ на столько любилъ всякія увеселенія, что только одна болѣзнь могла помѣшать ему воспользоваться приглашеніемъ графа Бохльса.

Дѣйствительно, въ послѣднее время, ежедневныя совѣщанія, по случаю предстоящаго рейхстага, утомительныя празднества и ночные кутежи значительно разстроили его слабое здоровье. Въ надеждѣ возстановить свои силы, онъ велѣлъ влить въ свою утреннюю ванну нѣсколько лишнихъ стакановъ одеколона, вслѣдствіе чего съ нимъ сдѣлался обморокъ, и онъ долженъ былъ лечь въ постель. Но къ вечеру онъ уже почувствовалъ себя лучше и вскорѣ оправился.

Когда наступили теплые іюньскіе дни, король, отчасти пресыщенный шумными городскими увеселеніями, вздумалъ устроить

сельскій идиллическій праздникъ. Съ этою цѣлью онъ велѣлъ, въ тайнѣ отъ королевы, возобновить небольшой загородный замокъ Шёнфельдъ и расчистить прилегающій къ нему паркъ. Обѣдъ предполагался на открытомъ воздухѣ; при этомъ все время должна была играть музыка, скрытая за деревьями. На праздникъ приглашено было небольшое избранное общество.

Графиня Антонія также пріѣхала изъ города, хотя она охотно отказалась бы отъ почетнаго приглашенія. Время, проведенное ею въ уединеніи, и тяжелыя впечатлѣнія роковаго вечера привели ее въ меланхолическое настроеніе духа; ей было непріятно возвращаться къ веселой и легкомысленной придворной жизни. Между тѣмъ карета ея свернула съ большой дороги на боковую аллею и направилась къ замку, который былъ скрытъ за деревьями и цвѣтущимъ кустарникомъ. Она велѣла кучеру остановиться и, выйдя изъ кареты, пошла пѣшкомъ, по извилистой дорожкѣ, ведущей въ паркъ; лакей слѣдовалъ за ней на нѣкоторомъ разстояніи. Ей не хотѣлось разстаться съ своими грустными мыслями; упреки совѣсти продолжали мучить ее вмѣстѣ съ безпокойствомъ за Адель; хотя она и дала ей практическій совѣтъ изъявить скорѣе свое согласіе на бракъ съ Моріо, но не была увѣрена: кончится ли этимъ вся эта непріятная исторія. Въ первыя минуты, когда смущеніе молодой дѣвушки возбудило въ ней наихудшія опасенія, она была глубоко возмущена противъ Германа, но по зрѣломъ размышленіи ей пришлось во всемъ обвинить свое собственное непростительное легкомысліе. Когда она пришла къ этому выводу, то у нея явилось сомнѣніе: не ошиблась ли она? Тѣмъ болѣе, что Адель, по своему живому характеру, способна была все преувеличить. На Германа она также взглянула снисходительнѣе; у ней явилось опять желаніе помочь ему въ устройствѣ его карьеры, но нужно было придумать, какъ возобновить съ нимъ сношенія...

Среди этихъ размышленій, она незамѣтно подошла къ горѣ, на которой находился замокъ; тишина сельской природы живительно подѣйствовала на нее; въ паркѣ слышалось веселое щебетанье птицъ, заглушаемое звуками настроиваемыхъ инструментовъ. Графиня стала подниматься на гору, покрытую группами тѣнистыхъ деревьевъ и перерѣзанную въ разныхъ направленіяхъ тропинками; вскорѣ ея глазамъ представился замокъ Шёнфельдъ, который далеко не соотвѣтствовалъ своему громкому названію. Это были два небольшихъ сельскихъ дома, въ видѣ павильоновъ, соединенные двухэтажнымъ строеніемъ, съ придѣланной къ нему широкой лѣстницей. Зàмокъ Шёнфельдъ принадлежалъ прежде одной дворянской фамиліи, и былъ купленъ Іеронимомъ, который прельстился его красивымъ мѣстоположеніемъ.

На верхней площадкѣ, окруженной деревьями и цвѣточными клумбами собрались приглашенные гости въ ожиданіи прибытія

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БАТЮШКОВЪ.

Съ портрета, рисованнаго имъ самимъ для Е. Г. Пушкиной и приложеннаго къ 2-му тому его сочиненій изд. 1887 года.

довв. ценз. спб., 26 мая 1887 г

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ ВЪ ЕКАТЕРИНИНСКУЮ ЭПОХУ.

III.

НЕПОСРЕДСТВЕННО-НАРОДНОЕ [1]).

I.

Народность въ литературѣ.

Наша литература Екатерининскихъ временъ была несомнѣнно подъ сильнымъ воздѣйствіемъ западно-европейскихъ идей и литературныхъ явленій. Въ ней развивались и боролись два направленія, возникшія подъ иноземными вліяніями: скептическо-матеріалистическое и мистическо-нравоучительное. То и другое выразились въ цѣломъ рядѣ замѣчательныхъ произведеній, захватили въ свое теченіе нѣсколькихъ даровитыхъ писателей. Но отсюда еще никакъ нельзя заключать, что наша литература Екатерининскаго вѣка была подражательная. Наряду, параллельно съ направленіями иноземнаго характера въ ней жило и развивалось направленіе наше самобытное, русское, въ которомъ сказались духовныя начала, на-

[1]) Первые два очерка литературныхъ направленій въ Екатерининскую эпоху, именно: 1) Скептическо-матеріалистическаго и 2) Мистическо-нравоучительнаго, были напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1884 года, №№ 5, 6 и 7, и 1886 года, №№ 9 и 10.

слѣдованныя русскимъ обществомъ отъ предковъ, отъ Руси до-Петровской. Направленіе это было, какъ и все въ той литературной эпохѣ, безсознательнымъ. Но оно было очень сильно и выразилось въ дѣятельности замѣчательныхъ писателей. Писатели—представители его были, однако, людьми, дѣйствовавшими инстинктивно: вмѣстѣ съ народными началами мы видимъ въ ихъ сочиненіяхъ и идеи, заимствованныя съ Запада (точно такъ же, какъ въ дѣятельности представителей скептическо-матеріалистическаго или мистическо-нравоучительнаго направленія мы видѣли и безсознательное выраженіе народныхъ началъ, какъ, напримѣръ, у императрицы Екатерины, у Хераскова). Три направленія литературы шли параллельно, порой враждебно сталкиваясь между собою, порой какъ-то странно сливаясь; литературныя личности съ опредѣленнымъ кругозоромъ идей, съ опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ еще въ ту пору у насъ не обозначались, и бывало, что одинъ и тотъ же писатель выражалъ въ своихъ сочиненіяхъ прямо противоположные другъ другу идеалы и взгляды; таковъ, напримѣръ, былъ Василій Майковъ.

Народная стихія въ литературѣ Екатерининскихъ временъ была непосредственно-народная, со всѣмъ добромъ и зломъ, со всею правдой и ложью, которыя есть въ народномъ началѣ; эту стихію не озаряло сознаніе носившихъ ее писателей. Жизненная сила входила въ литературную жизнь какъ бы сама собою, безъ провѣряющаго ее свѣта высшаго идеала. Былъ тогда въ литературѣ и этотъ высшій идеалъ; но онъ сказывался въ дѣятельности не всѣхъ выдававшихся, даровитыхъ писателей, а лишь избранныхъ, о которыхъ рѣчь впереди; ихъ было лишь двое: безсознательный поэтъ Державинъ и сознательный носитель и проповѣдникъ высокихъ началъ, великій подвижникъ русскаго просвѣщенія—Новиковъ.

Народное направленіе... Здѣсь прежде всего является вопросъ: что̀ нужно разумѣть подъ народными началами въ литературныхъ произведеніяхъ? Народность въ литературѣ понимаютъ двояко: или какъ изображеніе народной, т. е. собственно простонародной, жизни, или какъ изображеніе жизни съ народной точки зрѣнія, когда писатель проникнутъ народнымъ духомъ, народнымъ міросозерцаніемъ. Второе опредѣленіе, разумѣется, и шире, и вѣрнѣе, ибо первое говоритъ лишь о внѣшней сторонѣ дѣла, и можно, изображая народную жизнь, быть душею далекимъ отъ нея и не понимать ее; такъ, напримѣръ, комическія оперы прошедшаго вѣка рисовали русскихъ крестьянъ въ сантиментально-идиллическомъ свѣтѣ. Второе опредѣленіе относится къ сущности вопроса; притомъ оно заключаетъ въ себѣ и первое: нельзя не замѣтить, что обыкновенно, если уже въ литературу проникли народные взгляды, то писатели съ особенной любовью берутъ и содержаніе изъ народной жизни, хотя и далеко не исключительно изъ нея.

Но въ чемъ же состоитъ народное міросозерцаніе? какъ его опредѣлить? и гдѣ можно найти народные идеалы, народные взгляды?

Ихъ нужно искать, разумѣется, въ народномъ творчествѣ, въ народной поэзіи, и прежде всего, конечно, въ томъ видѣ этой поэзіи, который попреимуществу выражаетъ особенности народнаго характера, ибо слагался у народовъ въ ту пору, когда они уже опредѣленно обособились другъ отъ друга, т. е. въ богатырскомъ, или героическомъ эпосѣ. Народное значеніе нашего русскаго богатырскаго эпоса разъяснено цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ изслѣдованій; быть можетъ, ни одинъ отдѣлъ нашей словесности такъ не разработанъ, какъ этотъ. Здѣсь замѣчательны труды: гг. Буслаева, Ор. Миллера, Л. Майкова, Квашнина-Самарина, Веселовскаго и друг. Первое по времени изслѣдованіе принадлежитъ Константину Аксакову, это—его превосходная статья «Богатыри временъ великаго князя Владиміра». По немногимъ еще тогда извѣстнымъ варіантамъ былинъ К. Аксаковъ опредѣлилъ особенности русскаго эпоса, и его сочиненіе можно назвать геніальнымъ прозрѣніемъ въ сущность дѣла. Позднѣйшія изученія пѣсенъ подтвердили его выводы.

Посмотримъ же, какія народныя воззрѣнія можно подмѣтить въ нашихъ былинахъ? Русскій богатырскій эпосъ высоко ставитъ семейное начало. Наши богатыри отличаются любовью и уваженіемъ къ родителямъ. Илья Муромецъ ѣдетъ на подвиги не иначе, какъ съ благословенія отца. Добрыня Никитичъ благоговѣйно уважаетъ мать; онъ простилъ Алешу Поповича за себя, когда тотъ хотѣлъ обманомъ жениться на его женѣ, Настасьѣ Микулишнѣ; но онъ не прощаетъ Алешу за то, что онъ заставилъ плакать его мать, привезя изъ поля ложное извѣстіе о Добрыниной смерти. Даже буйный новгородскій удалецъ Василій Буслаевичъ, не знающій удержа своей грубой силѣ и своимъ страстямъ, даже онъ уважаетъ мать: она одна только могла остановить устроенное имъ на Волховскомъ мосту смертное побоище, ея онъ послушался и укротилъ свое сердце; собираясь подъ-старость ѣхать въ Святую землю, онъ къ ней же пришелъ за благословеніемъ.—То же чувство уваженія и любви къ матери изображаетъ народъ и въ другомъ видѣ своей поэзіи, въ духовныхъ стихахъ; съ особенной симпатіей повѣствуется въ этихъ стихахъ о взаимной любви Сына—Христа и Матери Его—Пресвятой Дѣвы. Въ «Книгѣ Голубиной» есть такое высоко-поэтическое мѣсто о плакунъ-травѣ:

Почему плакунъ-трава всѣмъ травамъ мати?
Когда жидовья Христа роспяли,
Святую кровь Его пролили,
Мать Пречистая Богородица
По Іисусу Христу сильно плакала,
По своемъ сыну, по возлюбленномъ,

Ронила слезы пречистыя
На матушку, на сыру землю;
Отъ тѣхъ отъ слезъ, отъ пречистыихъ,
Зарождалася плакунъ-трава:
Потому плакунъ трава всѣмъ травамъ мати.

Въ Христѣ, въ идеалѣ всего добраго, народъ прежде всего видитъ горячо-любящаго сына. Въ стихѣ о Распятіи, страдая на крестѣ, Христосъ утѣшаетъ плачущую мать:

Не крути, мати, своей красы,
Не скорби свое лице бѣло,
Не слези свои очи ясны.
По мнѣ, мати, плачутъ солнце и луна,
По мнѣ, мати, плачутъ рѣки и моря...

Онъ утѣшаетъ Пресвятую Дѣву предсказаніемъ своего воскресенія.—Въ стихѣ «О страшномъ судѣ» есть чудесный поэтическій вымыселъ въ такомъ же духѣ. Грѣшники просятъ обозрѣвающую адскія муки Богородицу ходатайствовать за нихъ предъ Сыномъ-Христомъ о прощеніи. Матерь Божія, сжалившись надъ ними, обращается съ молитвою къ Сыну:

[illegible] ради меня грѣшниковъ [illegible] помилуешь.

[illegible] грѣшниковъ [illegible] не иначе, какъ [illegible] крестныхъ страданій, и, [illegible] Христосъ [illegible] на новыя муки на крестѣ. [illegible] тяжелы для нея, и, [illegible] Онъ спрашиваетъ ее: да [illegible] Пресвятая Дѣва [illegible] безконечно любящая мать, она [illegible] крестныхъ мученій сына и не [illegible] горькую чашу; она отказывается [illegible] грѣшниковъ.

[illegible] въ народной нашей поэзіи и не вымы[illegible] народомъ, а заимствовано отъ другихъ [illegible] источниковъ. Но это не измѣняетъ [illegible] общій характеръ поэзіи; важно то обстоя[illegible] разсказахъ о взаимной любви сына и родителей [illegible] сам ли онъ придумалъ эти раз[illegible] ихъ, останавливается съ особенной лю[illegible]

[illegible] сочувствіе къ семейному началу видимъ мы [illegible] нашихъ поэтовъ. Вспомнимъ Пушкина. Въ «Онѣ[illegible] изображеніи семьи Лариныхъ, сквозь ироническое, по[illegible] отношеніе къ этимъ простымъ людямъ слышится за[illegible] тія къ ихъ жизни, къ ихъ взаимной привязанности [illegible] другу. Уже въ первой главѣ романа поэтъ начинаетъ [illegible] томъ времени, когда примется за «поэму пѣсенъ въ двад-

цать пять», поэму съ мирнымъ семейнымъ характеромъ. А далѣе онъ положительно обѣщаетъ написать «романъ на старый ладъ»:

Тогда романъ на старый ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,
Но просто вамъ перескажу
Преданья русскаго семейства,
Любви плѣнительные сны
Да нравы нашей старины;
Перескажу простыя рѣчи
Отца иль дяди старика,
Дѣтей условленныя встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка,
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья;
Поссорю вновь и, наконецъ,
Я поведу ихъ подъ вѣнецъ...

Исполненіемъ этого обѣщанія, выполненіемъ этой программы и явилась потомъ великая повѣсть «Капитанская дочка», эта (по справедливому выраженію Апол. Григорьева) семейная хроника, гдѣ съ такой любовью и съ такимъ изумительнымъ искусствомъ нарисованы семейные нравы, безпредѣльная преданность другъ другу мужа и жены, безпредѣльная любовь ихъ къ дочери и дочери къ нимъ.

Чувство материнской любви и чувство любви сына къ матери— одинъ изъ главныхъ мотивовъ поэзіи Некрасова; это чувство вызвало изъ его души наиболѣе искреннія и сердечныя стихотворенія; такова, напримѣръ, элегія:

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя.
Увы! утѣшится жена
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будетъ!
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы—
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей».

Ронила слезы пречистыя
На матушку, на сыру землю;
Отъ тѣхъ отъ слезъ, отъ пречистыихъ,
Зарождалася плакунъ-трава:
Потому плакунъ-трава всѣмъ травамъ мати.

Въ Христѣ, въ идеалѣ всего добраго, народъ прежде всего видитъ горячо-любящаго сына. Въ стихѣ о Распятіи, страдая на крестѣ, Христосъ утѣшаетъ плачущую мать:

Не кроти, мати, своей красы,
Не скорби свое лице бѣло,
Не слези свои очи ясны.
По мнѣ, мати, плачутъ солнце и луна,
По мнѣ, мати, плачутъ рѣки и моря...

Онъ утѣшаетъ Пресвятую Дѣву предсказаніемъ своего воскресенія.—Въ стихѣ «О страшномъ судѣ» есть чудесный поэтическій эпизодъ въ такомъ же духѣ. Грѣшники просятъ обозрѣвающую адскія муки Богородицу ходатайствовать за нихъ предъ Сыномъ-Христомъ о прощеніи. Матерь Божія, сжалившись надъ ними, обращается съ молитвою къ Сыну:

Моги ради меня грѣшныхъ рабовъ помиловать.

Помиловать грѣшниковъ, оказывается, можно не иначе, какъ посредствомъ новаго искупленія, новыхъ крестныхъ страданій, и, любящій сынъ, Христосъ готовъ ради матери на новыя муки на крестѣ. Но Онъ знаетъ, что эти муки будутъ тяжелы для нея, и, изъявляя согласіе простить грѣшниковъ, Онъ спрашиваетъ ее: да можешь ли ты видѣть Меня вторично распятымъ? Пресвятая Дѣва отвѣчаетъ, что это свыше ея силъ; безконечно любящая мать, она еще до сихъ поръ не могла забыть крестныхъ мученій сына и не въ состояніи вновь выпить ту же горькую чашу; она отказывается отъ своего ходатайства за грѣшниковъ.

Иное изъ приведеннаго въ народной нашей поэзіи и не вымышлено самимъ русскимъ народомъ, а заимствовано отъ другихъ народовъ или изъ книжныхъ источниковъ. Но это не измѣняетъ существа дѣла; важенъ общій характеръ поэзіи; важно то обстоятельство, что на разсказахъ о взаимной любви сына и родителей народъ нашъ останавливается, самъ ли онъ придумалъ эти разсказы или заимствовалъ ихъ, останавливается съ особенной любовью.

И то же глубокое сочувствіе къ семейному началу видимъ мы и въ творчествѣ нашихъ поэтовъ. Вспомнимъ Пушкина. Въ «Онѣгинѣ», въ изображеніи семьи Лариныхъ, сквозь ироническое, повидимому, отношеніе къ этимъ простымъ людямъ слышится затаенная симпатія къ ихъ жизни, къ ихъ взаимной привязанности другъ къ другу. Уже въ первой главѣ романа поэтъ начинаетъ мечтать о томъ времени, когда примется за «поэму пѣсенъ въ двад-

цать пять», поэму съ мирнымъ семейнымъ характеромъ. А далѣе онъ положительно обѣщаетъ написать «романъ на старый ладъ»:

Тогда романъ на старый ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,
Но просто вамъ перескажу
Преданья русскаго семейства,
Любви плѣнительные сны
Да нравы нашей старины;
Перескажу простыя рѣчи
Отца иль дяди старика,
Дѣтей условленныя встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка,
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья;
Поссорю вновь и, наконецъ,
Я поведу ихъ подъ вѣнецъ...

Исполненіемъ этого обѣщанія, выполненіемъ этой программы и явилась потомъ великая повѣсть «Капитанская дочка», эта (по справедливому выраженію Апол. Григорьева) семейная хроника, гдѣ съ такой любовью и съ такимъ изумительнымъ искусствомъ нарисованы семейные нравы, безпредѣльная преданность другъ другу мужа и жены, безпредѣльная любовь ихъ къ дочери и дочери къ нимъ.

Чувство материнской любви и чувство любви сына къ матери— одинъ изъ главныхъ мотивовъ поэзіи Некрасова; это чувство вызвало изъ его души наиболѣе искреннія и сердечныя стихотворенія; такова, напримѣръ, элегія:

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя.
Увы! утѣшится жена
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будетъ!
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы—
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей».

Ронила слезы пречистыя
На матушку, на сыру землю;
Отъ тѣхъ отъ слезъ, отъ пречистыихъ,
Зарождалася плакунъ-трава:
Потому плакунъ-трава всѣмъ травамъ мати.

Въ Христѣ, въ идеалѣ всего добраго, народъ прежде всего видитъ горячо-любящаго сына. Въ стихѣ о Распятіи, страдая на крестѣ, Христосъ утѣшаетъ плачущую мать:

Не кроти, мати, своей красы,
Не скорби свое лице бѣло,
Не слези свои очи ясны.
По мнѣ, мати, плачутъ солнце и луна,
По мнѣ, мати, плачутъ рѣки и моря...

Онъ утѣшаетъ Пресвятую Дѣву предсказаніемъ своего воскресенія.—Въ стихѣ «О страшномъ судѣ» есть чудесный поэтическій эпизодъ въ такомъ же духѣ. Грѣшники просятъ обозрѣвающую адскія муки Богородицу ходатайствовать за нихъ предъ Сыномъ-Христомъ о прощеніи. Матерь Божія, сжалившись надъ ними, обращается съ молитвою къ Сыну:

Моги ради меня грѣшныхъ рабовъ помиловать.

Помиловать грѣшниковъ, оказывается, можно не иначе, какъ посредствомъ новаго искупленія, новыхъ крестныхъ страданій, и, любящій сынъ, Христосъ готовъ ради матери на новыя муки на крестѣ. Но Онъ знаетъ, что эти муки будутъ тяжелы для нея, и, изъявляя согласіе простить грѣшниковъ, Онъ спрашиваетъ ее: да можешь ли ты видѣть Меня вторично распятымъ? Пресвятая Дѣва отвѣчаетъ, что это свыше ея силъ; безконечно любящая мать, она еще до сихъ поръ не могла забыть крестныхъ мученій сына и не въ состояніи вновь выпить ту же горькую чашу; она отказывается отъ своего ходатайства за грѣшниковъ.

Иное изъ приведеннаго въ народной нашей поэзіи и не вымышлено самимъ русскимъ народомъ, а заимствовано отъ другихъ народовъ или изъ книжныхъ источниковъ. Но это не измѣняетъ существа дѣла; важенъ общій характеръ поэзіи; важно то обстоятельство, что на разсказахъ о взаимной любви сына и родителей народъ нашъ останавливается, самъ ли онъ придумалъ эти разсказы или заимствовалъ ихъ, останавливается съ особенной любовью.

И то же глубокое сочувствіе къ семейному началу видимъ мы и въ творчествѣ нашихъ поэтовъ. Вспомнимъ Пушкина. Въ «Онѣгинѣ», въ изображеніи семьи Лариныхъ, сквозь ироническое, повидимому, отношеніе къ этимъ простымъ людямъ слышится затаенная симпатія къ ихъ жизни, къ ихъ взаимной привязанности другъ къ другу. Уже въ первой главѣ романа поэтъ начинаетъ мечтать о томъ времени, когда примется за «поэму пѣсенъ въ двад-

цать пять», поэму съ мирнымъ семейнымъ характеромъ. А далѣе онъ положительно обѣщаетъ написать «романъ на старый ладъ»:

Тогда романъ на старый ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,
Но просто вамъ перескажу
Преданья русскаго семейства,
Любви плѣнительные сны
Да нравы нашей старины;
Перескажу простыя рѣчи
Отца иль дяди старика,
Дѣтей условленныя встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка,
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья;
Поссорю вновь и, наконецъ,
Я поведу ихъ подъ вѣнецъ...

Исполненіемъ этого обѣщанія, выполненіемъ этой программы и явилась потомъ великая повѣсть «Капитанская дочка», эта (по справедливому выраженію Апол. Григорьева) семейная хроника, гдѣ съ такой любовью и съ такимъ изумительнымъ искусствомъ нарисованы семейные нравы, безпредѣльная преданность другъ другу мужа и жены, безпредѣльная любовь ихъ къ дочери и дочери къ нимъ.

Чувство материнской любви и чувство любви сына къ матери—одинъ изъ главныхъ мотивовъ поэзіи Некрасова; это чувство вызвало изъ его души наиболѣе искреннія и сердечныя стихотворенія; такова, напримѣръ, элегія:

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя.
Увы! утѣшится жена
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будетъ!
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы—
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей».

Ронила слезы пречистыя
На матушку, на сыру землю;
Отъ тѣхъ отъ слезъ, отъ пречистыихъ,
Зарождалася плакунъ-трава:
Потому плакунъ-трава всѣмъ травамъ мати.

Въ Христѣ, въ идеалѣ всего добраго, народъ прежде всего видитъ горячо-любящаго сына. Въ стихѣ о Распятіи, страдая на крестѣ, Христосъ утѣшаетъ плачущую мать:

Не кроти, мати, своей красы,
Не скорби свое лице бѣло,
Не слези свои очи ясны.
По мнѣ, мати, плачутъ солнце и луна,
По мнѣ, мати, плачутъ рѣки и моря...

Онъ утѣшаетъ Пресвятую Дѣву предсказаніемъ своего воскресенія.—Въ стихѣ «О страшномъ судѣ» есть чудесный поэтическій эпизодъ въ такомъ же духѣ. Грѣшники просятъ обозрѣвающую адскія муки Богородицу ходатайствовать за нихъ предъ Сыномъ-Христомъ о прощеніи. Матерь Божія, сжалившись надъ ними, обращается съ молитвою къ Сыну:

Моги ради меня грѣшныхъ рабовъ помиловать.

Помиловать грѣшниковъ, оказывается, можно не иначе, какъ посредствомъ новаго искупленія, новыхъ крестныхъ страданій, и, любящій сынъ, Христосъ готовъ ради матери на новыя муки на крестѣ. Но Онъ знаетъ, что эти муки будутъ тяжелы для нея, и, изъявляя согласіе простить грѣшниковъ, Онъ спрашиваетъ ее: да можешь ли ты видѣть Меня вторично распятымъ? Пресвятая Дѣва отвѣчаетъ, что это свыше ея силъ; безконечно любящая мать, она еще до сихъ поръ не могла забыть крестныхъ мученій сына и не въ состояніи вновь выпить ту же горькую чашу; она отказывается отъ своего ходатайства за грѣшниковъ.

Иное изъ приведеннаго въ народной нашей поэзіи и не вымышлено самимъ русскимъ народомъ, а заимствовано отъ другихъ народовъ или изъ книжныхъ источниковъ. Но это не измѣняетъ существа дѣла; важенъ общій характеръ поэзіи; важно то обстоятельство, что на разсказахъ о взаимной любви сына и родителей народъ нашъ останавливается, самъ ли онъ придумалъ эти разсказы или заимствовалъ ихъ, останавливается съ особенной любовью.

И то же глубокое сочувствіе къ семейному началу видимъ мы и въ творчествѣ нашихъ поэтовъ. Вспомнимъ Пушкина. Въ «Онѣгинѣ», въ изображеніи семьи Лариныхъ, сквозь ироническое, повидимому, отношеніе къ этимъ простымъ людямъ слышится затаенная симпатія къ ихъ жизни, къ ихъ взаимной привязанности другъ къ другу. Уже въ первой главѣ романа поэтъ начинаетъ мечтать о томъ времени, когда примется за «поэму пѣсенъ въ двад-

цать пять», поэму съ мирнымъ семейнымъ характеромъ. А далѣе онъ положительно обѣщаетъ написать «романъ на старый ладъ»:

Тогда романъ на старый ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,
Но просто вамъ перескажу
Преданья русскаго семейства,
Любви плѣнительные сны
Да нравы нашей старины;
Перескажу простыя рѣчи
Отца иль дяди старика,
Дѣтей условленныя встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка,
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья;
Поссорю вновь и, наконецъ,
Я поведу ихъ подъ вѣнецъ...

Исполненіемъ этого обѣщанія, выполненіемъ этой программы и явилась потомъ великая повѣсть «Капитанская дочка», эта (по справедливому выраженію Апол. Григорьева) семейная хроника, гдѣ съ такой любовью и съ такимъ изумительнымъ искусствомъ нарисованы семейные нравы, безпредѣльная преданность другъ другу мужа и жены, безпредѣльная любовь ихъ къ дочери и дочери къ нимъ.

Чувство материнской любви и чувство любви сына къ матери— одинъ изъ главныхъ мотивовъ поэзіи Некрасова; это чувство вызвало изъ его души наиболѣе искреннія и сердечныя стихотворенія; такова, напримѣръ, элегія:

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя.
Увы! утѣшится жена
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будетъ!
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы—
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей».

Ронила слезы пречистыя
На матушку, на сыру землю;
Отъ тѣхъ отъ слезъ, отъ пречистыихъ,
Зарождалася плакунъ-трава:
Потому плакунъ-трава всѣмъ травамъ мати.

Въ Христѣ, въ идеалѣ всего добраго, народъ прежде всего видитъ горячо-любящаго сына. Въ стихѣ о Распятіи, страдая на крестѣ, Христосъ утѣшаетъ плачущую мать:

Не кроти, мати, своей красы,
Не скорби свое лице бѣло,
Не слези свои очи ясны.
По мнѣ, мати, плачутъ солнце и луна,
По мнѣ, мати, плачутъ рѣки и моря...

Онъ утѣшаетъ Пресвятую Дѣву предсказаніемъ своего воскресенія.—Въ стихѣ «О страшномъ судѣ» есть чудесный поэтическій эпизодъ въ такомъ же духѣ. Грѣшники просятъ обозрѣвающую адскія муки Богородицу ходатайствовать за нихъ предъ Сыномъ-Христомъ о прощеніи. Матерь Божія, сжалившись надъ ними, обращается съ молитвою къ Сыну:

Моги ради меня грѣшныхъ рабовъ помиловать.

Помиловать грѣшниковъ, оказывается, можно не иначе, какъ посредствомъ новаго искупленія, новыхъ крестныхъ страданій, и, любящій сынъ, Христосъ готовъ ради матери на новыя муки на крестѣ. Но Онъ знаетъ, что эти муки будутъ тяжелы для нея, и, изъявляя согласіе простить грѣшниковъ, Онъ спрашиваетъ ее: да можешь ли ты видѣть Меня вторично распятымъ? Пресвятая Дѣва отвѣчаетъ, что это свыше ея силъ; безконечно любящая мать, она еще до сихъ поръ не могла забыть крестныхъ мученій сына и не въ состояніи вновь выпить ту же горькую чашу; она отказывается отъ своего ходатайства за грѣшниковъ.

Иное изъ приведеннаго въ народной нашей поэзіи и не вымышлено самимъ русскимъ народомъ, а заимствовано отъ другихъ народовъ или изъ книжныхъ источниковъ. Но это не измѣняетъ существа дѣла; важенъ общій характеръ поэзіи; важно то обстоятельство, что на разсказахъ о взаимной любви сына и родителей народъ нашъ останавливается, самъ ли онъ придумалъ эти разсказы или заимствовалъ ихъ, останавливается съ особенной любовью.

И то же глубокое сочувствіе къ семейному началу видимъ мы и въ творчествѣ нашихъ поэтовъ. Вспомнимъ Пушкина. Въ «Онѣгинѣ», въ изображеніи семьи Лариныхъ, сквозь ироническое, повидимому, отношеніе къ этимъ простымъ людямъ слышится затаенная симпатія къ ихъ жизни, къ ихъ взаимной привязанности другъ къ другу. Уже въ первой главѣ романа поэтъ начинаетъ мечтать о томъ времени, когда примется за «поэму пѣсенъ въ двад-

цать пять», поэму съ мирнымъ семейнымъ характеромъ. А далѣе онъ положительно обѣщаетъ написать «романъ на старый ладъ»:

Тогда романъ на старый ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,
Но просто вамъ перескажу
Преданья русскаго семейства,
Любви плѣнительные сны
Да нравы нашей старины;
Перескажу простыя рѣчи
Отца иль дяди старика,
Дѣтей условленныя встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка,
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья;
Поссорю вновь и, наконецъ,
Я поведу ихъ подъ вѣнецъ...

Исполненіемъ этого обѣщанія, выполненіемъ этой программы и явилась потомъ великая повѣсть «Капитанская дочка», эта (по справедливому выраженію Апол. Григорьева) семейная хроника, гдѣ съ такой любовью и съ такимъ изумительнымъ искусствомъ нарисованы семейные нравы, безпредѣльная преданность другъ другу мужа и жены, безпредѣльная любовь ихъ къ дочери и дочери къ нимъ.

Чувство материнской любви и чувство любви сына къ матери— одинъ изъ главныхъ мотивовъ поэзіи Некрасова; это чувство вызвало изъ его души наиболѣе искреннія и сердечныя стихотворенія; такова, напримѣръ, элегія:

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя.
Увы! утѣшится жена
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будетъ!
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы—
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей».

Подобнаго рода стихотвореній у Некрасова немало, и они представляютъ собою лучшія явленія его лирики.—Извѣстно, какое великое значеніе семейному началу придаетъ въ своемъ творчествѣ гр. Л. Н. Толстой, напримѣръ, въ повѣсти «Семейное счастье», въ романѣ «Война и миръ». Идеалъ жизни находитъ онъ именно въ семьѣ.

Другая характерная черта нашихъ народныхъ воззрѣній, опредѣленно, рѣзко замѣтная въ героическомъ эпосѣ, есть отсутствіе аристократизма.

Въ Кіевъ, къ князю Владиміру, послужить Русской землѣ, съѣзжаются богатыри съ разныхъ концовъ Руси. Богатыри эти вышли изъ разныхъ сословій. Изъ Новгорода пріѣхалъ Добрыня Никитичъ, витязь княжескаго рода, племянникъ Владиміра; изъ села Карачарова, изъ-подъ города Мурома прибылъ Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ; изъ Ростова пріѣхалъ Алеша Поповичъ, сынъ «соборнаго попа Ростовскаго»; изъ-подъ Кіева изъ своего помѣстья переселился въ стольный городъ помѣщикъ Чурило Пленковичъ; сидитъ на пиру у «ласковаго князя» и богатырь купеческаго рода—Иванъ Гостиный сынъ... И всѣхъ ихъ Владиміръ князь встрѣчаетъ ласково, всѣмъ имъ, безъ различія происхожденія, одинаковый почетъ отъ князя. Обыкновенно Владиміръ предлагаетъ новопріѣхавшему богатырю занять за столомъ какое хочетъ мѣсто: или по роду, или по подвигамъ, или гдѣ придется; и обыкновенно богатырь избираетъ послѣднее. Наши витязи не тщеславятся своимъ родомъ, и почти всѣ между собою, не разбирая происхожденія, братья названные; такъ въ знакъ братства помѣнялись крестами Илья Муромецъ и Добрыня Никитичъ; побратался Илья Муромецъ и съ Алешей Поповичемъ. И замѣчательно при этомъ, что главнымъ богатыремъ въ нашихъ пѣсняхъ является крестьянскій сынъ—Илья, и это главенство спокойно и безспорно признаютъ всѣ другіе витязи. На отсутствіе аристократизма въ нашемъ эпосѣ указываетъ и то обстоятельство, что у лучшихъ, у главныхъ изъ нашихъ богатырей нѣтъ дружины и нѣтъ слугъ; и Илья Муромецъ, и Добрыня Никитичъ сами все дѣлаютъ, сами работаютъ, защищая вѣру христіанскую и землю Русскую. Если же у такихъ богатырей, какъ Василій Буслаевичъ, Чурило Пленковичъ, есть дружина, если Алёша Поповичъ поработилъ себѣ глуповатаго Якима Ивановича и обращается съ нимъ, какъ слугою, то эта черта властолюбія въ названныхъ богатыряхъ—вовсе не народная черта: и Василій, и Чурило, и Алеша Поповичъ не пользуются въ пѣсняхъ уваженіемъ народа и не стоятъ въ нашемъ эпосѣ нравственно высоко, они изображены эгоистами и пѣсни зачастую рисуютъ ихъ въ комическомъ освѣщеніи. Замѣчательно, что въ древней Руси народные идеалы были и идеалами лучшихъ изъ князей; такъ, Владиміръ Мономахъ въ «Поученіи» совѣтуетъ дѣтямъ своимъ во все входить самимъ, самимъ все дѣлать, не полагаясь на слугъ.

У нашихъ поэтовъ тоже нѣтъ аристократическихъ тенденцій, нѣтъ даже въ такой ихъ благородной формѣ, какъ, напримѣръ, у Байрона, возвеличивавшаго въ своей поэзіи эгоистическую и гордую личность. Наши поэты, напротивъ того, развѣнчиваютъ и изобличаютъ гордость и тщеславіе. Такъ, Пушкинъ развѣнчалъ своего Онѣгина, осудилъ его эгоизмъ судомъ поэтической правды. Изъ крупныхъ писателей нашихъ одинъ только Лермонтовъ не отличается этой нравственной ясностью взгляда; но и онъ, хотя увлекался Печоринымъ и идеализировалъ его гордость, безсознательно противоположилъ, однако, своему любимому герою добраго и простодушнаго Максима Максимыча. — Наши поэты отличаются любовью къ изображенію простыхъ и смиренныхъ людей; извѣстно, какъ такимъ людямъ сочувствуетъ, напримѣръ, графъ Л. Н. Толстой, только въ нихъ и видящій правду души человѣческой. Симпатіи къ такимъ людямъ начались въ нашей литературѣ давно, выразившись съ художественной яркостью еще въ «Капитанской дочкѣ» Пушкина.

Отсутствіе аристократизма, скептическое отношеніе къ человѣческой гордости тѣсно связаны въ нашемъ народномъ характерѣ съ одною изъ его главныхъ чертъ—добродушіемъ. И то же добродушіе сказывается въ предпочтеніи народомъ мирнаго земледѣльческаго труда военному дѣлу. Это мы видимъ въ богатырскомъ эпосѣ въ пѣсняхъ о старшихъ богатыряхъ. Пахарь Микула Селяниновичъ оказывается сильнѣе богатырей воиновъ-кочевниковъ Святогора и Вольги.—То же выражается и въ пѣсняхъ о богатыряхъ младшихъ. Главный изъ героевъ нашего эпоса Илья Муромецъ не любитъ войны; онъ, правда, всю жизнь проводитъ въ битвахъ, но онъ сражается не изъ любви къ бою, а лишь по необходимости, защищая родную землю отъ нападающихъ на нее враговъ; притомъ ему тяжело убивать людей: гдѣ можно, тамъ онъ щадитъ и врага, какъ, напримѣръ, пощадилъ Сокольника-охотника, показавъ только ему свою силу.—Добрыня Никитичъ тоже благодушенъ; есть прекрасная былина, гдѣ онъ горько плачется матери на свою судьбу, горько сѣтуетъ о томъ, что родился богатыремъ и долженъ «вдовить молодыхъ женъ, заставлять сиротать малыхъ дѣтушекъ»; лучше бы родиться ему «горючимъ бѣлымъ камешкомъ» и лежать на днѣ рѣки.—Главными чертами характера человѣка, по народному воззрѣнію, должны быть доброта, кротость, спокойствіе. Личности не слѣдуетъ выдаваться впередъ гордо и самолюбиво, не слѣдуетъ искать счастья въ проявленіи своей доблести, а надо служить землѣ, народу; и только въ этомъ самоотверженномъ служеніи человѣкъ и можетъ найдти успокоеніе.

Такое успокоеніе въ тишинѣ, въ мирномъ теченіи общинной и семейной жизни тѣсно связано въ характерѣ нашего народа съ спокойной трезвостью ума, съ наклонностью къ добродушному и

здоровому юмору. Смѣхъ въ нашемъ богатырскомъ эпосѣ слышится часто и звучитъ жизнью; припомнимъ, напримѣръ, пѣсню о встрѣчѣ Ильи Муромца съ Идолищемъ-поганымъ, или разсказъ былины о богатырской заставѣ, какъ хвастливый Алеша былъ побитъ заѣзжимъ богатыремъ.

Говорили мы тебѣ, Алеша, наказывали:
Не пей зелена вина, не ѣшь сладки кушанья...
«Напоилъ меня заѣзжій богатырь
Той ли шелепугой подорожною».

Изъ народной жизни смѣхъ перешелъ и въ нашу литературу; извѣстно, какое огромное значеніе имѣетъ въ ней юморъ, какую важную роль всегда играла въ ней сатира. Вспомнимъ Грибоѣдова съ его безсмертной комедіей, великаго поэта Гоголя, и еще раньше— князя Кантемира, Фонвизина, Новикова... Юморъ несомнѣнно долженъ быть признанъ одною изъ характеристическихъ особенностей русскаго народнаго характера.

Не смотря на такъ называемую оторванность русскаго общества отъ народа, начавшуюся со временъ Петра, не смотря на подражательность, изъ нашего общества, въ сущности, никогда не исчезали народныя воззрѣнія и идеалы; даже случалось, что иногда, въ моменты наибольшаго, повидимому, увлеченія чужимъ, мы были наиболѣе близки къ своему родному; подражаніе иной разъ было очень наивнымъ и чисто внѣшнимъ. Ѳ. М. Достоевскій въ своихъ «Зимнихъ замѣткахъ о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ» думаетъ, что у нашихъ дѣдовъ Екатерининской эпохи было больше связи съ народомъ, чѣмъ теперь у насъ. Знаменитый писатель прекрасно говоритъ про этихъ дѣдовъ и ихъ наряживанье въ иностранныя одежды: «Вся эта фантасмагорія, весь этотъ маскарадъ, всѣ эти французскіе кафтаны, манжеты, парики, шпажонки, всѣ эти дебелыя, неуклюжія ноги, влѣзавшія въ шелковые чулки; эти тогдашніе солдатики въ парикахъ и штиблетахъ,—все это, мнѣ кажется, были ужасныя плутни, подобострастно-лакейское надуванье снизу, такъ что самъ народъ это иной разъ замѣчалъ и понималъ». Въ сущности же, на самомъ дѣлѣ, тогдашніе баре, «всетаки, были народу какъ-то милѣе теперешнихъ, потому что были свои».

Народная жизнь въ Екатерининскую эпоху жила еще въ дворянствѣ, и даже во дворцѣ императрицы Екатерины, въ формѣ обычаевъ, игръ, пѣсенъ.—Г. Безсоновъ въ своей статьѣ «О вліяніи народнаго творчества на драмы императрицы Екатерины» [1]), говоря о происхожденіи тогдашнихъ сборниковъ пѣсенъ, или пѣсенниковъ, замѣчаетъ, что въ то время почти повсюду, во многихъ дворянскихъ и помѣщичьихъ домахъ, можно было слышать народныя пѣсни. Онѣ пѣлись и во дворцѣ. Императрица Екатерина, любив-

[1]) «Заря», 1869 г., № 3.

шая народную поэзію, знала многія бытовыя пѣсни и даже былины (по крайней мѣрѣ, въ формѣ сказочнаго пересказа); извѣстно, какъ она любила пословицы, поговорки, народныя игры и гаданья.

Дѣти многихъ помѣщиковъ воспитывались тогда по-старинѣ, въ сближеніи съ народомъ. Такъ, напримѣръ, былъ воспитанъ Фонвизинъ (по его собственному свидѣтельству въ «Чистосердечномъ признаніи въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ»); благодаря подобному воспитанію, онъ и сдѣлался народнымъ писателемъ.

Неудивительно поэтому, что въ литературѣ Екатерининской эпохи мы встрѣчаемъ обширный рядъ произведеній, въ которыхъ безсознательно, инстинктивно, но въ то же время ярко и сильно выражаются народныя начала.

Эти народныя начала сказываются особенно въ комедіяхъ, въ сатирическихъ журналахъ, въ сочиненіяхъ публицистическихъ, преимущественно трактующихъ о крѣпостномъ правѣ, и, наконецъ, въ историческихъ произведеніяхъ. Будущія изслѣдованія, быть можетъ, откроютъ и еще виды литературы, въ которыхъ выражается тотъ же духъ.

II.

Комедіи.

Комедіи Екатерининскихъ временъ отнюдь не должно смѣшивать съ такъ называемыми «комическими операми». Эти послѣднія, соотвѣтствующія по своему содержанію и духу современнымъ опереттамъ, принадлежатъ къ скептическо-матеріалистическому направленію литературы. Онѣ и были разсмотрѣны авторомъ настоящаго сочиненія въ статьяхъ объ этомъ направленіи. Мы видѣли, что комическія оперы отличаются циническимъ взглядомъ на жизнь, легкомысленнымъ практическимъ матеріализмомъ; героемъ ихъ является всегда плутъ и негодяй, къ которому авторъ пьесы относится съ сочувствіемъ, обыкновенно поручая ему устроивать счастье хорошихъ людей; на жизненное зло пьесы этого рода смотрятъ съ самой легкомысленной терпимостью, безпечно и весело, считая жизнь какою-то легкою шуткой. Совсѣмъ не то видимъ мы въ комедіяхъ; при несомнѣнномъ остроуміи изображенія общества, отношенія ихъ къ жизни серьезны и нравственны. Главный смыслъ ихъ — въ народности ихъ направленія; но такъ какъ народность взгляда ихъ авторовъ безсознательная, то въ нихъ мы видимъ и много подражательнаго; къ этимъ подражательнымъ, не самобытнымъ сторонамъ относятся: во-первыхъ, сантиментализмъ въ изображеніи любви, наивно-идиллическое представленіе крестьянскаго быта; во-вторыхъ, введеніе въ число дѣйствующихъ лицъ идеально-умныхъ и въ то же время плутоватыхъ слугъ. Эти слуги не за-

нимаютъ въ комедіяхъ важнаго мѣста и не играютъ значительной роли; но, тѣмъ не менѣе, они служатъ какъ бы соединительнымъ звеномъ между комедіями и комическими операми.

Народность въ комедіяхъ совершенно безсознательная и наивная. Выражается же она, съ одной стороны, отрицательно, въ осмѣяніи французоманіи русскаго общества, воспитанія на иностранный ладъ, щеголихъ и петиметровъ, съ другой стороны — положительно, въ инстинктивномъ сочувствіи авторовъ (сочувствіи, зачастую имъ самимъ неизвѣстномъ) простому народу, старинѣ, народнымъ взглядамъ и обычаямъ. Къ этой старинѣ и къ этимъ обычаямъ, къ традиціоннымъ воззрѣніямъ народа авторы комедій относятся совершенно непосредственно, безъ всякаго суда и поэтической оцѣнки; они одинаково сочувствуютъ всему народному—доброму и злому.

Нѣкоторыя изъ указанныхъ чертъ замѣтны уже въ сочиненіяхъ Сумарокова; но въ его пьесахъ есть какая-то неясность: то онъ осмѣиваетъ комическія явленія новизны, напримѣръ, петиметровъ, то смѣется надъ родной стариною; онъ самъ хорошенько не знаетъ, къ чему примкнуть. Та же неясность замѣчается и въ его отношеніяхъ къ народу.

Гораздо опредѣленнѣе и ярче все указанное выше сказалось у комиковъ собственно Екатерининской эпохи. (Сумароковъ — писатель еще предшествовавшаго, Ломоносовскаго періода).

Разсмотримъ нѣсколько комедій разныхъ авторовъ, въ поясненіе къ высказаннымъ выше общимъ положеніямъ.

Примѣрами пьесъ, сочувственно изображающихъ простыхъ людей, живущихъ по-старинѣ, по-народному, могутъ служить: «Такъ и должно», Веревкина, и «Мотъ, любовью исправленный», Лукина.—И Веревкинъ, и Лукинъ въ этихъ своихъ произведеніяхъ совершенно раздѣляютъ народныя воззрѣнія на бракъ, на семью.

Комедія «Такъ и должно», въ 5-ти актахъ, напечатанная въ 15-й части «Россійскаго Ѳеатра»[1], интересна, во-первыхъ, по живой и яркой картинѣ суда, изображеннаго въ первыхъ четырехъ дѣйствіяхъ; во-вторыхъ, по очерку одного дѣйствующаго лица, дворянки Афросиньи Сысоевны, очерку, свидѣтельствующему о наивно-непосредственной народности автора. Воевода, сдѣлавшійся судьею по выходѣ изъ военной службы, ничего не понимаетъ въ дѣлахъ и спокойно, не думая, подписываетъ рѣшенія, постановляемыя «съ приписью подьячимъ» Урываемъ Алтынниковымъ; онъ скучаетъ и спитъ, пока этотъ Алтынниковъ читаетъ дѣла. «Полно, братъ, барабанить-то,—говоритъ онъ,—подавай-ка сюда, я подмахну. Вѣдь ты подпишешь же, такъ что тебѣ, то и мнѣ; по нашей бы по дра-

---

[1]) «Россійскій Ѳеатръ или Полное собраніе всѣхъ Россійскихъ Ѳеатральныхъ сочиненій». Изданіе Россійской Академіи. Первая часть вышла въ 1786 году. Всѣхъ частей 43.

гунской совѣсти сѣчь, рубить, жечь, потрошить, — такъ-то наше дѣло; а грамотку-та мы посреднему знаемъ; ты, чай, и крещенъ въ чернилахъ-та, такъ тебя не объѣдутъ»[1]).—Урывай Алтынниковъ—взяточникъ, но человѣкъ благочестивый, и потому убѣжденъ, что нажилъ деньги, хотя и взятками, однако, по милости Божіей. Вынимая изъ кармана и цѣлуя кошелекъ съ благопріобрѣтенными червонцами, онъ говоритъ: «Кабы этакая рыбка да почаще на удку, такъ бы велико имя Господне!» — и при этомъ онъ благочестиво крестится.

Главное и наиболѣе для насъ интересное лицо въ комедіи — старуха помѣщица Афросинья Сысоевна. Человѣкъ старинныхъ нравовъ и воззрѣній, она не нравится автору комедіи, какъ просвѣщенному европейцу; сознаніемъ своимъ онъ стоитъ противъ нея, и потому изображаетъ ее въ каррикатурномъ видѣ; она смѣшитъ своимъ невѣжествомъ, своимъ франтовствомъ: она не терпитъ книгъ, она бѣлится и румянится. Въ 1-мъ явленіи V-го дѣйствія она говоритъ про внучку:

Насилу-то на великую заставила я еіо прихолиться, чуденъ мнѣ еіо обычай: не любитъ пестраго платья! Нарумянится развѣ тогда, когда ей выѣхать, а о бѣлилахъ такъ и не заводи, одно утямила — книги да музыка, да и всіо тутъ, ужъ и то слава Богу, что рукодѣлье-та любитъ, этимъ она по̀ мнѣ: съ молоду-та и я не сиживала безъ дѣла.

Затѣмъ Афросинья Сысоевна скупа, груба съ прислугой: она ругаетъ постоянно свою служанку Маланью, придирается къ ней и даже бьетъ ее.—Такъ не пожалѣлъ авторъ красокъ, чтобы представить свою героиню въ смѣшномъ видѣ. Но безсознательно сердце его лежитъ къ ней, къ этой женщинѣ на старый ладъ. Ея устами высказываетъ онъ порой свои задушевныя народныя убѣжденія; она въ комедіи прекрасно обличаетъ современное паденіе нравовъ, развратъ, паденіе семейнаго начала.

А всего несноснѣе (говоритъ Афросинья Сысоевна) эти проклятые развраты у людей, которымъ бы душа въ душу жить было надобно. Мужья женамъ невѣрны! Да за что имъ, окаяннымъ, и вѣрнымъ быть: наряды не по достатку, за домомъ смотрѣть подло, коверканье да ломанье... истерики, обмороки да лихія болѣсти... Жены не любятъ мужей! Да какъ же ихъ, страдниковъ, и любить: карты да собаки, сутолпица да пирушки, рысканье за чужбинкой, а къ благословенному-та кусу такъ и губа у злодѣевъ не льнетъ. То и знаютъ, что цѣдятъ нажитое предками мозолью и по̀томъ. Одинъ подъ конецъ, другая подъ другой, да и ставятъ домикъ-атъ верьхъ дномъ... У эдакихъ отцовъ да матерей путное перенмутъ дѣти. (I д., 5 явл.).

Афросинья Сысоевна по-старинѣ, наивно и непосредственно смотритъ на семейныя отношенія. Дѣти, по ея мнѣнію, обязаны безусловно и слѣпо повиноваться родителямъ, предоставя имъ даже

---

[1]) Россійскій Ѳеатръ, т. XV, стр. 210.

думать за себя. — Молодой Доблестинъ любитъ внучку Афросиньи Сысоевны, Софью, и хочетъ спросить у дѣвушки, согласна ли она отдать ему свою руку.

«Зачѣмъ тебѣ ее спрашивать? (останавливаетъ его старуха) И! свѣтъ мой! ея дѣло дѣвичье, такъ вить не сказать же ей: иду дескать за тебя! Да и смѣетъ ли она меня не послушаться?». (II д., 5 явл.)

Старуха не допускаетъ и мысли о какихъ либо сношеніяхъ Доблестина съ Софьей; увидя у внучки слугу Доблестина, Угара, она говоритъ ему сердито:

«Да ты бы таки шелъ прямо ко мнѣ, а не къ Софьюшкѣ. Ея дѣло дѣвичье, господинъ твой вить ей еще чужъ чуженинъ, такъ не пристало тебѣ говорить съ чужими барышнями. А тебѣ (обращается она къ внучкѣ) кстати ли пускать къ себѣ пословъ отъ холостыхъ ребятъ». (I д., 5 явл.).

Но, не смотря на такую суровость, у Афросиньи Сысоевны сердце доброе; да и суровость-то ея внѣшняя, такъ сказать, обрядная: сквозь нее такъ и пробивается сочувственное отношеніе старухи къ молодымъ людямъ и ихъ взаимной привязанности; она тронута любовью Софьи и Доблестина. Когда молодой человѣкъ проситъ у нея руки внучки и при этомъ становится на колѣни, она говоритъ, тревожась и волнуясь:

«Встань, сударь мой. Эдакая бѣда! да кто вамъ противится? Я ужъ вить молвила, такъ, кажется, бы и полно. Коли ты ей суженой, такъ за мною не станетъ. Дай, батька, хоть осмотрѣться: вить еще завтра день будетъ». (II д., 5 явл.).

Въ этихъ словахъ слышится борьба чувствъ въ душѣ старухи: ей и хочется устроить счастье Софьи и порадоваться на него, и жаль разстаться съ внучкой. Она горько плачетъ о предстоящей разлукѣ и, наконецъ, проситъ Доблестина жить послѣ брака вмѣстѣ съ нею, не увозить отъ нея Софью; при этомъ нѣжность къ горячо любимой внучкѣ переходитъ у нея и на будущаго мужа дѣвушки:

«Эта одна надежда меня и утѣшаетъ, свѣтъ мой! (говоритъ она Доблестину). Ну, прости же, батюшка; тебѣ надобенъ покой; прости, голубчикъ мой, до завтра». (II д., 5 явл.).

И не только въ отношеніи къ Софьѣ, но и вообще въ жизни Афросинья Сысоевна человѣкъ въ сущности добродушный и простой, умѣющій цѣнить людей и отдавать имъ должное. Когда Доблестинъ проситъ ее согласиться выдать за Угара ея служанку Маланью, она говоритъ въ отвѣтъ ему такія по внѣшности нѣсколько суровыя и какъ будто пренебрежительныя, но въ сущности сердечныя и даже нѣжныя слова:

«А мнѣ что въ этомъ? Пожалуй себѣ поди, много у меня эдакихъ; и держала-то ее вотъ для Софьюшки. Правда, что умѣетъ подать, принять и помочь въ одѣваньѣ; руки-та у ней, можно сказать, что золотыя. Съ Богомъ, свѣтъ

мой, съ Богомъ! Угаръ у тебя малой доброй, человѣкъ человѣка стоитъ». (V д., 4 явл.).

Обрисовкой личности Афросиньи Сысоевны авторъ комедіи высказываетъ свое инстинктивное сочувствіе къ стариннымъ русскимъ людямъ и къ семейному началу. Семейному началу онъ сочувствуетъ и сознательно, сочувствуетъ до такой степени, что даже въ основу своей пьесы положилъ идею, что счастье человѣкъ можетъ найдти только въ семейной жизни. Идеальное лицо комедіи, дядя молодаго Доблестина (т. е. его устами самъ авторъ), говоритъ въ заключеніи пьесы, обращаясь къ племяннику:

«Жена, одаренная красотою, разумомъ и благонравіемъ, есть единственное достойное отъ небесъ награжденіе честному человѣку; тебя находятъ они, любезный племянникъ, симъ рѣдкимъ своимъ даромъ; и такъ, остается только тебѣ простираться въ добродѣтеляхъ и послужить въ наши дни примѣромъ, что благополучный бракъ есть сущее на землѣ подобіе райской жизни».

Идею Доблестина подтверждаетъ Угаръ народными пословицами:

«Да и у насъ, простаковъ (говоритъ онъ), на Руси есть пословица: на што кладъ, коли у мужа съ женой ладъ; а коли вамъ мало одной, такъ вотъ вамъ и другая: тамъ и свѣтъ, гдѣ въ семьѣ совѣтъ».

Самая мысль народными пословицами подкрѣпить идею пьесы указываетъ на народное направленіе Веревкина. Это направленіе сказывается и въ довольно остроумныхъ выходкахъ противъ подражательности русскаго общества. Умный слуга Угаръ, которому симпатизируетъ авторъ, такъ разсуждаетъ въ началѣ комедіи объ иностранцахъ и модныхъ нарядахъ на иностранный ладъ:

«О, проклятые иностранцы! Вы да черти, знать, и созданы на пакости православнымъ христіанамъ: черти ставятъ душамъ, а вы кошелькамъ господъ нашихъ тенета, а бѣднымъ-та халуямъ, нашей братьѣ, такъ ужь матъ отъ вашихъ затѣй. Въ трескучіе морозы носи на головѣ исковерканный лоскутъ войлока; грѣшное тѣло одѣвай немного за колѣна, да и то, чтобы со всѣхъ сторонъ были дыры да прорѣхи. А объ ногахъ-та и рукахъ что уже и калякать... О! честные варяги, муфтамъ ли вы чета! О! блаженныя онучи, такой ли въ васъ слой, какъ въ чулкахъ! А лапотки голубчики, особливо въ дорогахъ-та, какъ васъ смѣнить съ басурманскою обувью! Да что и спрашивать; все стало не постарому: стой, какъ прикованной, гдѣ поставятъ; вожми брюхо, грудь выпять, протяни шею, какъ журавль; ходи — не стукни, не кашляй и не чихай громко, гляди весело, какъ бы у тебя по сердцу кошки не скребли». (I д., 1 явл.).

Комедія Лукина: «Мотъ, любовью исправленный», также съ народной точки зрѣнія изображаетъ семейное начало. Комедія эта, напечатанная въ 19-й части «Россійскаго Ѳеатра», представлена была въ первый разъ въ 1765 году. Въ художественномъ отношеніи она довольно слаба: лица ея — не живые люди, хотя, однако (за исключеніемъ Злорадова, представляющаго собою сочетаніе всѣхъ пороковъ), и не до такой степени каррикатурныя, какъ въ большинствѣ комедій XVIII столѣтія. Содержаніе пьесы состоитъ въ

томъ, что нѣкто Добросердовъ, въ сущности большой добрякъ, былъ мотомъ, но, полюбивши Клеопатру, молодую дѣвушку, возвышенно смотрящую на бракъ и семейныя отношенія, исправился. Идея пьесы — возвеличеніе крѣпости семейныхъ, родственныхъ связей. Параллельно съ этимъ, Лукинъ осмѣиваетъ въ своей комедіи французоманію и модные нравы.

Въ комедіи интересны три лица: княгиня, Клеопатра и слуга Добросердова Василій.—Княгиня—модная щеголиха, и авторъ рѣзко осмѣиваетъ ее. Напримѣръ, въ 8 явленіи I дѣйствія онъ заставляетъ ее говорить Добросердову: «Пойдемъ, мой свѣтъ, со мною! ты постоишь у моего туалета и скажешь, какой уборъ лучше ко мнѣ пристанетъ, я все надѣну, что тебѣ понравится; да мнѣ же при тебѣ и одѣваться пріятнѣе».—Интересно сдѣланное авторомъ при словѣ «туалетъ» наивное, но патріотическое примѣчаніе: «слово чужестранное говоритъ кокетка, что для нея и прилично; а ежели бы не она говорила, то, конечно бы, русское было написано».

Идеальное лицо комедіи молодая дѣвушка Клеопатра, любимая Добросердовымъ и сама его любящая, держится народныхъ воззрѣній на отношенія дѣтей къ родителямъ, младшаго поколѣнія къ старшему, одинаково сочувствуя и тому, что есть въ этихъ воззрѣніяхъ высокаго, нравственной устойчивости, крѣпости семейныхъ связей, и тому, что можно назвать въ нихъ грубымъ стѣсненіемъ молодой личности. Она (а слѣдовательно и самъ авторъ, скрывающійся за нею) смотритъ на жизнь съ непосредственно народной точки зрѣнія; замѣчательно, что Лукинъ указываетъ на тождество взгляда Клеопатры на бракъ со взглядомъ лица изъ народа — служанки Степаниды. Когда Добросердовъ хочетъ черезъ Степаниду предложить Клеопатрѣ бѣжать отъ тетки и тайно обвѣнчаться съ нимъ, Степанида говоритъ ему:

«Хорошо, сударь, я все это здѣлаю, только сумнѣваюсь, чтобы Клеопатра согласилась: она дѣвица разумная и добродѣтельная и потому не скоро въ эдакое дѣло опустится, и какъ много васъ не любитъ, однако не захочетъ здѣлать повода къ своему поношенію». (I д., 6 явл.)

Такъ, дѣйствительно, и вышло. Отдавая отчетъ Добросердову въ исполненіи его порученія, Степанида разсказываетъ, какъ въ Клеопатрѣ боролись чувства любви и того, что она считаетъ своимъ долгомъ, и какъ послѣднее чувство побѣдило:

«Поди (говорила дѣвушка Степанидѣ)... Останься... Утѣшай меня... Нѣтъ! бѣги и обнадежь его, что я по смерть любить его стану, но ѣхать съ нимъ не могу». (III д., 2 явл.).

Самъ Добросердовъ, хоть и предлагалъ любимой дѣвушкѣ романическій побѣгъ, въ сущности раздѣляетъ ея народныя чувства и воззрѣнія. Услыша отъ служанки объ отказѣ Клеопатры бѣжать, онъ говоритъ:

«О, судьба! я долженъ тебя благодарить и жаловаться на твою суровость. Ты награждаешь меня самою добродѣтельною любовницею, но ты же ее отъемлешь и ввергаешь меня въ безконечныя бѣдствія! Я не могу съ нею разстаться и мнѣ моя жизнь безъ нея несносна будетъ». (III д., 2 явл.).

Отказъ Клеопатры обвѣнчаться съ любимымъ человѣкомъ тайно отъ тетки, замѣнившей ей мать, есть главное дѣйствіе комедіи, по крайней мѣрѣ, главный характеристическій поступокъ того лица, которое можно назвать душою комедіи. Согласно съ этимъ, пьеса оканчивается нравоученіемъ, которое высказываетъ, обращаясь къ Добросердову, слуга его, Василій:

«Намъ еще того лишь пожелать должно (говоритъ онъ), чтобы всѣ дѣвицы вашей любовницѣ уподоблялись».

Этотъ Василій, честный старикъ-слуга, любящій своего барина и вполнѣ преданный ему, походитъ на Пушкинскаго Савельича. Авторъ ему, видимо, сочувствуетъ. Въ этомъ сочувствіи сказались, конечно, симпатіи Лукина къ народу; но замѣчательно, однако, что въ то же время, онъ, какъ человѣкъ европейскаго просвѣщенія, смотритъ на народъ и съ нѣкоторымъ скептицизмомъ и даже высокомѣріемъ. Идеальный Добросердовъ (высказывающій, въ качествѣ резонера, взгляды автора пьесы) долго не можетъ повѣрить безкорыстію Василія и думаетъ, что тотъ дѣйствуетъ изъ личныхъ, своекорыстныхъ побужденій; Добросердовъ полагаетъ, что простому народу свойственно имѣть безнравственныя чувства; онъ говоритъ про Василія:

«Хотя онъ мужикъ доброй, однако замерзѣлое въ ихъ родѣ мщеніе и злость остались». (II д., 6 явл.).

Даже когда онъ понялъ свою ошибку относительно Василія, онъ выражается, обращаясь къ этому послѣднему:

«А ты, въ комъ я необычайную твоему роду честь вижу, не щади меня. Выговаривай, обвиняй, пристыжай и угнетай мою гордость. Я всего достоинъ». (IV д., 11 явл.).

Василій въ концѣ пьесы отказывается отъ вольности, даруемой ему бариномъ, отказывается и отъ богатства. Добросердовъ по этому поводу опять восклицаетъ:

«О, рѣдкая въ человѣкѣ такова состоянія добродѣтель! Ты своею честностью меня удивляешь». (V д., 6 явл.).

Такое наивное удивленіе Добросердова, а слѣдовательно и автора комедіи, возможности добрыхъ и возвышенныхъ чувствъ въ простомъ народѣ — свидѣтельствуетъ, что сердечныя симпатіи Лукина къ народу и народнымъ началамъ—совершенно инстинктивны, непосредственны и безсознательны.

Какъ въ комедіи «Такъ и должно» Веревкина осмѣяно неправосудіе, такъ и Лукинъ въ своей пьесѣ затрогиваетъ эту язву современной ему жизни: онъ изображаетъ между прочими лицами подья-

чаго Пролазина. Пролазинъ — ханжа и въ то же время готовъ на всякое подлое плутовство. Онъ научаетъ обратившагося къ нему за совѣтомъ, какъ можно избавиться отъ уплаты по векселю:

«Можно отпереться отъ векселя (говоритъ онъ), сказать, что онъ не вашей руки, что развѣ васъ, пьянова напоивши, обманомъ подписать принудили, или что вы въ карты проиграли. А, наконецъ, ежели заимодавцы въ судъ съ вами пойдутъ, такъ тамъ не только что ничего не получатъ, коли я за васъ стану стряпать, но и сами тысячи по двѣ потеряютъ и вамъ еще безчестіе заплатятъ». (III д., 6 явл.).

Въ разобранныхъ комедіяхъ Веревкина и Лукина встрѣчается мимоходомъ, какъ мы видѣли, и осмѣяніе французоманіи русскаго общества. Это осмѣяніе нашей подражательности, одинъ изъ главныхъ признаковъ сочиненій съ народнымъ направленіемъ, въ нѣкоторыхъ комедіяхъ Екатерининской эпохи выступаетъ на первый планъ. Таковы, напримѣръ, пьесы: Николева «Самолюбивый стихотворецъ» и Хвостова «Русскій Парижанецъ».

«Самолюбивый стихотворецъ», напечатанный въ 15-й части «Россійскаго Ѳеатра», написанъ въ 1775 году. Въ художественномъ отношеніи комедія эта слаба, слаба отсутствіемъ въ ней живыхъ лицъ, каррикатурностью, утрировкой въ изображеніи характеровъ; но она не лишена остроумія, и довольно живаго. Весьма забавно и комично нарисованъ въ ней петиметръ Модстрихъ.

Модстрихъ былъ въ Парижѣ и очень тщеславится этимъ; онъ думаетъ, что Парижъ его возвысилъ и облагородилъ.

«Пусть прежде былъ я грубъ; но будучи въ Парижѣ»...

говоритъ онъ.

«Въ Парижѣ-то и сталъ еще къ скотамъ ты ближе»,

прерываетъ его Надмѣнъ (стихотворецъ, въ лицѣ котораго авторъ хотѣлъ, кажется, изобразить въ комическомъ видѣ Сумарокова).

«Въ тебѣ была душа: теперь лишь только паръ».

(I д., 6 явл.).

Модстрихъ, обидѣвшись на Надмѣна, хочетъ вызвать его на дуэль, но боится. Желая себя ободрить и пріучить свой духъ къ смѣлости, онъ устроиваетъ примѣрную дуэль со стуломъ.

«Стой тутъ, бездѣльникъ! стой! я стану визави»...

энергически обращается онъ къ деревяному сопернику.—Надмѣнъ такъ, нѣсколько грубо, но справедливо, характеризуетъ Модстриха:

«О, гнусный петиметръ! французской водовозъ!
Спесивъ, а нуженъ такъ, какъ въ улицахъ навозъ.
Парижемъ хвастаетъ... науки презираетъ...
А самъ... едва, едва часовникъ разбираетъ».

(I д., 7 явл.).

Въ такомъ же родѣ характеристику петиметра дѣлаетъ и служанка Марина, находящая, что онъ «у знатныхъ баръ въ передней бьетъ баклуши». Модстрихъ, дѣйствительно, живетъ праздно и безнравственно; у него нѣтъ чести, онъ клеветникъ, переносящій изъ дома въ домъ сплетни, усердно разсѣивающій ложные слухи, напримѣръ, про мартинистовъ; его можно назвать живою газетой новостей и модъ; онъ невѣжда, терпѣть не могущій книгъ и любящій только легкомысленное веселье.

Но, осмѣивая петиметра, слѣпо увлеченнаго Франціей, Николевъ къ самой Франціи относится не съ предубѣжденіемъ, и думаетъ, что Модстрихъ во многихъ своихъ недостаткахъ виноватъ самъ:

«Какъ можно, кажется, тому уродомъ быть,
Кто ѣздилъ за море?

спрашиваетъ слуга Памфилъ служанку Марину; а умная Марина отвѣчаетъ ему:

«Онъ ѣздилъ имъ прослыть:
Растресть послѣдній умъ, а вмѣсто просвѣщенья
Бездѣльническія присвоить ощущенья.
Не дѣлаетъ Парижъ слона изъ червяка,
Равно не здѣлаетъ разумнымъ дурака:
Дуракъ хоть цѣлый свѣтъ измѣряетъ шагами,
Онъ будетъ все дуракъ, да только съ сѣдинами».

(IV д., 1 явл.).

Впрочемъ, въ комедіи мы встрѣчаемъ и сатиру на французскіе нравы; авторъ вообще не симпатизируетъ Франціи и видимо полагаетъ, что посѣщеніе Парижа вредно русскимъ молодымъ людямъ. Онъ влагаетъ, напримѣръ, такія слова въ уста Модстриха, разсуждающаго о Надмѣнѣ:

«Ругаетъ Францію, за что жъ? за то, что тамъ
Приносятъ въ жертву все роскошнымъ красотамъ:
Благопристойность, честь, прескушные законы;
Что моды тамъ всему и слава, и короны;
И онъ же говоритъ... какіе пустяки!
Что и во Франціи есть также дураки;
Что тамъ, равно какъ здѣсь, въ семьѣ не безъ урода;
Что глупость есть своя у каждова народа;
Что будто дамы тамъ въ нещастной тѣмъ судьбѣ,
Что дружбу ихъ дѣлятъ собачка и абе;
Въ Россіи, говоритъ, родиться не поносно;
За русской такъ языкъ вступается несносно,
Что выйдетъ изъ себя, затопаетъ ногой,
Кто скажетъ монъ-ами на мѣсто другъ ты мой».

(IV д., 4 явл.).

Въ противоположность Надмѣну, Модстрихъ презрительно относится ко всему родному, къ предкамъ своимъ, къ русскимъ людямъ

вообще, которыхъ онъ считаетъ грубыми и глупыми. Про одно изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи, Крутона, петиметръ выражается:

«Онъ точно такъ смѣшонъ, какъ мой покойный дѣдъ,
Который цѣлый вѣкъ и весь ужь бывши сѣдъ,
Имѣлъ лишь въ головѣ свой приступъ подъ Полтаву».
(IV д., 4 явл.).

А въ слѣдующемъ явленіи онъ еще опредѣленнѣе продолжаетъ про того же Крутона:

«Чего жъ хотѣть? Русакъ... быть долженъ грубіянъ.
Въ немъ точно наши всѣ изображенны предки,
Но эти дураки становятся ужъ рѣдки.
Въ Россіи къ щастію довольно ныньче насъ.
Примѣромъ мы своимъ ее по всякой часъ
Отъ старыхъ грубостей, невѣжства очищаемъ,
Обычай, нравы, вкусъ — мы все преобращаемъ».

Будучи такого высокаго мнѣнія о себѣ и своихъ сотоварищахъ петиметрахъ и отличаясь честолюбіемъ и властолюбіемъ, Модстрихъ очень бы желалъ попасть ко двору и забрать въ свои руки власть: тогда бы онъ все въ Россіи передѣлалъ на модный ладъ, по иностранному. Вотъ какого рода разговоръ объ этомъ ведетъ онъ со служанкой Мариной:

Модстрихъ.

Признаться... дворъ мнѣ милъ,
И я инова бы... немножко... тамъ затмилъ.

Марина.

Всегда, сударь, отъ тьмы затмѣніе приходитъ.

Модстрихъ.

И есть ли дворъ въ талантахъ честь находитъ,
То я... безъ хвастовства... быть долженъ при дворѣ.

Марина.

А, кажется, кротамъ приличнѣй быть въ норѣ.

Модстрихъ.

Тотчасъ бы все пошло въ Россіи...

Марина.

Не порусски,
И были бъ тамъ узды, гдѣ нужны недоуздки.

Модстрихъ.

Конечно, душенька!.. и въ этомъ мнѣ повѣрь,
Что все бы шло не такъ, какъ въ ней идетъ теперь.

Увлеченный Франціей, Модстрихъ жениться хочетъ не иначе, какъ на француженкѣ. Но на бракъ онъ смотритъ совершенно помодному, какъ на связь самую непрочную и даже какъ на что-то комическое; только приданое невѣсты цѣнитъ онъ въ бракѣ, и по

этой лишь причинѣ готовъ жениться на Миленѣ. Разсуждая о женитьбѣ, онъ говоритъ:

«Однако... скоро я разстануся съ женой;
Женою не могу такъ глупо я плѣняться,
Чтобъ весь мнѣ сталъ Парижъ, какъ русскому, смѣяться».
(IV д., 4 явл.).

Еще опредѣленнѣе выражается онъ о томъ же предметѣ въ 5-мъ дѣйствіи:

«Она (т. е. Милена) мнѣ надоѣстъ, влюбяся безразсудно
И будучи женой... женой!.. какъ это дроль!
Жена и мужъ!.. смѣшна... смѣшна обоихъ роль!
И если бъ тутъ еще не вмѣшивалось слово...
То есть приданое, и было бъ не готово,
То мужу бѣдному пришлося бы тогда
Съ своей мадамою хоть въ петлю отъ стыда!
Безъ денегъ намъ жена вторая лихорадка,
И будь красавица, жить съ нею право гадко!»

Противникъ брака въ возвышенномъ смыслѣ, Модстрихъ отличается модной наклонностью къ волокитству, и его можно назвать утонченно-развратнымъ волокитой, потерявшимъ притомъ вкусъ ко всему естественному и простому.

«Имѣя мастерство еще пригожей быть,
На что терять? На что въ красавицахъ не слыть?»

разсуждаетъ онъ, —

«Однако, многія... искусство умножая,
Натуру портятъ, тѣмъ украсить воображая.
Иная хоть лицомъ... немножко и смугла,
Но въ ней такая тѣнь... что тотчасъ въ мигъ зажгла!
Признаться надобно... мнѣ милы всѣ турчанки».
(V д., 1 явл.).

Очень недурно нарисованъ петиметръ и въ комедіи Хвостова «Русскій Парижанецъ», написанный въ 1783 году [1]). Нелѣпая какъ драматическое произведеніе, пьеса эта имѣетъ для насъ интересъ по двумъ изображеннымъ въ ней лицамъ, самыя имена которыхъ указываютъ на ихъ характеры или направленіе — Франколюбъ и Русалей. Выразителемъ мнѣній автора является въ комедіи резонеръ Благоразумъ; этотъ резонеръ, чуждый грубаго суевѣрія старины и въ то же время далекій отъ пристрастія къ Франціи, сравниваетъ Франколюба и Русалея и отдаетъ послѣднему предпочтеніе. Благоразумъ, какъ вообще резонеры нашихъ комедій прошедшаго вѣка, лице не живое; но изображеніе Русалея и особенно Франколюба не лишено жизненности и нѣкотораго остроумія.

---

[1]) «Россійскій Ѳеатръ», ч. 15.

Франколюбъ бредитъ Франціей и, кромѣ нея, знать ничего не хочетъ. Онъ не желаетъ служить въ Россіи. На вопросъ Благоразума (которому онъ доводится племянникомъ)—какою службой онъ хотѣлъ бы заняться?—онъ отвѣчаетъ:

«Когда бъ французскіе здѣсь царствовали нравы,
И покупать чины имѣли бы мы правы,
Тогда бъ я полкъ купилъ, а безъ того нейду».

(I д., 1 явл.).

Онъ не желаетъ и жениться на русской дѣвушкѣ; онъ говоритъ слугѣ своему Прогляду:

«Нельзя мнѣ здѣсь жениться.
Какъ сильно бы ни могъ Миленой я плѣниться,
Хотя бъ меня всего любовь взяла во власть,
И тутъ препятства всѣ моя имѣла бъ страсть.
. . . .
. . . . . Чтобы не быть смѣшнымъ уродомъ
Предъ просвѣщеннѣйшимъ въ подсолнечной народомъ,
Чтобъ не гремѣлъ о мнѣ Парижъ молвою весь,
Чтобъ пальца на меня французъ не пялилъ здѣсь,
Чтобъ на дѣтей моихъ не пасть тому позору,
Что ихъ...

Проглядъ.

Какого вы боитеся укору?

Франколюбъ.

«Что не француженка ихъ мать. Нѣтъ, Франколюбъ
Не будетъ, никогда не будетъ столько глупъ.
Довольно имъ стыда, что и отецъ ихъ Русской.
Ты вѣдай, что женюсь на дамѣ я французской;
Она въ дорогѣ; ужь и домъ для ней готовъ.
Ты изъ моихъ поймешь намѣреніе словъ:
Не сильная любовь, не прелести виною,
Я не красой прельщенъ, француженкой одною».

(I д., 3 явл.).

Эту француженку онъ, оказывается, выписываетъ въ Россію, не видавъ ея и совсѣмъ ея не зная; но онъ совершенно увѣренъ въ ея высокихъ достоинствахъ:

«Узнаю, какъ женюся,—

(говоритъ онъ)

Я, взявъ француженку, никакъ не ошибуся».

(I д., 3 явл.).

Въ ожиданіи же этой «французской дамы», своей будущей жены, онъ, слѣдуя моднымъ нравамъ, помодному ухаживаетъ за кокеткой Жеманихой. Жеманиха—щеголиха, увлеченная Франціей, ея языкомъ и модами. Интересенъ и характеренъ происходящій между

ними любовный разговоръ. Жеманиха спрашиваетъ Франколюба о причинѣ его горя. Петиметръ отвѣчаетъ ей:

«Madame! ты смерть даешь: судьбина непреклонна.

Жеманиха.

Такъ знай же ты, что я сама амбиціонна.
Я разсержусь...

Франколюбъ (въ сторону).

Идетъ на уду рыба къ намъ.

(къ Жеманихѣ)

Увы! къ какимъ меня женируешь словамъ!

Жеманиха.

Не продолжай свою ты молчаливость люту,
Или передъ тобой je meurs въ сію минуту».

(I д., 8 явл.).

Франколюбъ, будучи невѣжественнымъ, не терпя образованія, никогда не читая книгъ, уважаетъ только моды. За нихъ онъ и благоговѣетъ передъ изобрѣтающей ихъ Франціей. Францію ставитъ онъ по этой причинѣ выше всѣхъ странъ міра. Узнавъ изъ газетъ, что англичане одержали побѣду надъ французскимъ флотомъ, онъ выходитъ изъ себя:

«Пускай (восклицаетъ онъ) другой народъ такъ много бъ возвышался,
Но Англія! купцы, гдѣ только школы, флотъ,
Въ которой нѣтъ никакъ французскихъ новыхъ модъ,
Гдѣ лишь отъ грубости вся происходитъ слава,
Какъ можетъ побѣдить французовъ та держава?
У насъ въ ушахъ жужжитъ всечастно ихъ Невтонъ,—
Великой человѣкъ, кабы французъ былъ онъ!»

(III д., 5 явл.).

Авторъ пьесы, рисуя своего Франколюба, пытался быть вѣрнымъ дѣйствительной жизни и избѣгнуть односторонности и утрировки; потому онъ оставилъ своему герою искру совѣсти.

«Нѣтъ, быть я не хочу безчестнымъ никогда»,—

(II д., 6 явл.).

говоритъ Франколюбъ. И согласно съ этимъ онъ испытываетъ тяжелое чувство, когда Проглядъ разсказываетъ ему, какъ онъ укралъ у Скрягина, отца его, шкатулку съ драгоцѣнными вещами.—Хвостовъ проводитъ въ своей комедіи ту мысль, что Франколюбъ испорченъ неправильнымъ воспитаніемъ; за это онъ и винитъ (устами резонера Благоразума) отца его Скрягина. Интересенъ оправдательный отвѣтъ этого послѣдняго:

«Иль хочешь ты, чтобъ я тогда попалъ въ уроды?

(говоритъ онъ),—

Всѣ ѣздили въ Парижъ,—такіе были годы».

(I д., 5 явл.).

Общее поклоненіе всему французскому увлекало всѣхъ; даже скупой отецъ Франколюба не пожалѣлъ денегъ на отправку сына въ столицу модъ. Замѣчательны въ пьесѣ дальнѣйшія оправдательныя слова Скрягина,—замѣчательно, что онъ нашелъ себѣ и утѣшеніе въ благопріобрѣтенныхъ его сыномъ воззрѣніяхъ, вслѣдствіе чего и не раскаивается, что далъ ему воспитаніе на иностранный ладъ:

«Во Франціи (говоритъ онъ) Франколюбъ занять довольно могъ
Вещей, которы намъ и въ мысль не попадаютъ.
. . . .
. . . . Онъ далъ большой урокъ для насъ:
Слугъ взрютилъ на воду и запретилъ имъ квасъ,
Ихъ держитъ не на щахъ, на луковомъ бульіонѣ;
Поставлю и своихъ я на французскомъ тонѣ.
Зимой шубъ не давай, съ весны корми травой.
Ну, какъ же не умно?»...

(I д., 5 явл.).

Франколюбъ научился за границей (камъ мы видимъ) презрительно смотрѣть на простой народъ и притѣснять его. Приведенныя слова, кромѣ указанія на эту черту характера петиметра, заключаютъ въ себѣ еще сатиру на самое Францію, выраженіе недовольства автора пьесы нравами и образомъ жизни французовъ.

Лицемъ совершенно противоположнымъ Франколюбу является въ комедіи — Русалей. Это — русскій человѣкъ стариннаго покроя, непосредственный, простодушный и вмѣстѣ грубый. Онъ воспитывался въ родной семьѣ по старинѣ и былъ матушкинымъ сынкомъ.

«Ты думаешь (говоритъ онъ Франколюбу), что я рѣшотными питался?
Ошибся ты, вить я подъ матушкою росъ;
Какъ птичка поутру прочистишь только носъ,
Анъ тутъ и ситникъ ужъ и молочко готово;
А тамъ пшеничнаго, такъ и пошелъ здорово
Хоть сучку погонять, или хоть въ городки,
Иль въ свайчку, а тамъ готовы ужъ блинки,
Ватрушки, соченьки, да и еще съ припіокой;
За то, смотри, каковъ я сталъ въ плечахъ широкой».

(III д., 8 явл.).

Кромѣ матери, за Русалеемъ ходила въ дѣтствѣ няня, дочь кучера Мартына. Эта няня знала всевозможныя примѣты, повѣрья и суевѣрья и была мастерица объяснять сны.

Русалей грубовато смотритъ на женщину; заставъ Франколюба на колѣняхъ передъ Жеманихой, онъ восклицаетъ въ наивномъ негодованіи:

«Какъ! на колѣнахъ! какъ, предъ бабой и вдовой!
Какъ не задавитъ васъ, проклятыхъ, домовой!
Какъ мать сыра-земля отъ васъ не провалится?»

(I д., 9 явл.).

Ненавидя все иностранное, онъ грубо называетъ иноземцевъ собаками:

«Что пса, что нѣмца вить не пустятъ въ церковь къ намъ,
Такъ какъ же нѣмцовъ, васъ, не примѣнять ко псамъ?»

(I д., 9 явл.).

говоритъ онъ Франколюбу.

Но онъ въ сущности человѣкъ добрый; онъ, напримѣръ, искренно и сердечно желаетъ помочь племянницѣ выйдти замужъ за любимаго ею человѣка (Честона); когда она хотѣла было встать за это передъ нимъ на колѣни, онъ ее останавливаетъ:

«Грѣхъ, грѣхъ, предъ Богомъ стань и не теряй ужъ словъ,
Я для тебя, мой другъ, исполнить все готовъ».

(I д., 10 явл.).

Авторъ пьесы относится къ Русалею сочувственно; онъ такъ характеризуетъ его словами Благоразума:

Онъ честенъ, справедливъ, незлобивъ, милосердъ,
Хорошій братъ, сынъ, другъ, во обѣщаньяхъ твердъ;
Всѣ качества суть сіи Русака прямаго.

(II д., 3 явл.).

Послѣдній стихъ свидѣтельствуетъ объ отношеніяхъ автора комедіи къ Россіи, объ его горячемъ и даже исключительномъ патріотизмѣ. — Хвостовъ понимаетъ возможную пользу путешествій, когда человѣкъ ѣдетъ за границу изучать нравы чужаго народа, его законы и вкусы, его умъ; онъ понимаетъ, что русскіе молодые люди иной разъ сами виноваты, что испортились во Франціи,—

На время свой народъ съ тѣмъ оставляемъ мы,

(говоритъ онъ),—

Чтобъ въ чужестранцахъ зрѣть ихъ нравы, ихъ умы,
Ихъ вкусъ, законы ихъ, ихъ знаньемъ просвѣтиться
И совершеннѣе домой бы возвратиться.
Въ Парижѣ кто сидѣлъ лишь у торговки модъ,
Извѣстенъ ли тому французскій сталъ народъ?

(I д., 5 явл.).

Но онъ въ сущности противъ путешествій молодыхъ людей въ Парижъ: онъ убѣжденъ, что Парижъ дѣлаетъ ихъ нравственными уродами и лишаетъ качествъ «русака прямаго». Благоразумъ говоритъ Скрягину:

Пусть міръ дурачится,—ты будь въ разсудкѣ строгъ.
Пусть учатся болтать, безпутствовать въ Парижѣ,
Ты бъ сына здѣсь училъ: рубашка къ тѣлу ближе.

(I д., 5 явл.).

Отношенія Благоразума къ Франціи вообще скептическія; сравнивая Францію съ древней Россіей, онъ говоритъ:

За суевѣріе какъ дѣлать намъ упреки,
Когда во Франціи лились кровавы рѣки?
Тамъ суевѣріе съ невѣжествомъ сліясь,
Дерзало самую разрушить царства связь;
И какъ ворожеи маршальши Анкръ сожженье
Не сильно ль доказать французовъ заблужденье?

(II д., 3 явл.).

Онъ очень радуется, что у насъ на Руси часъ-отъ-часу уменьшается, какъ онъ вѣритъ, увлеченіе всѣмъ французскимъ, что мы начинаемъ, наконецъ, думать безъ французовъ.

Таковы взгляды Благоразума. Но замѣчательно, что рядомъ съ этимъ резонеръ Хвостова выражаетъ иной разъ и такія мысли, которыя ужъ никакъ нельзя назвать народными. Чрезвычайно странны его отношенія къ народу въ слѣдующихъ, напримѣръ, стихахъ:

Вѣрь, какъ бы ни была страна просвѣщена,
Ума народнаго не важная цѣна.

Слова эти какъ будто произнесены слѣпымъ послѣдователемъ западническаго направленія... ...Но, впрочемъ, не трудно замѣтить по пьесѣ, что западничество Хвостова — внѣшнее и напускное: въ немъ зачастую виденъ непосредственный русскій человѣкъ, даже не затронутый рефлексіей; напримѣръ, въ его взглядѣ на отношенія дѣтей къ родителямъ. Идеальная Милена (выражающая своими разсужденіями, конечно, какъ лице резонерствующее, воззрѣнія самого автора), Милена такъ говоритъ служанкѣ Проводѣ, предложившей ей тайкомъ уйдти отъ матери, чтобы обвѣнчаться съ любимымъ человѣкомъ:

Чтобъ отъ тебя впередъ не слышать мнѣ о томъ!
Какъ мнѣ озлобить мать? я чту ее безмѣрно.

(I д., 10 явл.).

и нѣсколько далѣе такъ опредѣляетъ свои нравственныя правила въ отношеніяхъ къ матери:

Конечно, матушкѣ покорность всю явлю,
Но лишь неизмѣню тому, кого люблю.

(III д., 2 явл.).

Остановимся еще на двухъ, слабыхъ въ художественномъ отношеніи, но характерныхъ комедіяхъ неизвѣстнаго автора: «Лжецъ» и «Домашнія несогласія». Въ этихъ пьесахъ выражается наивный и грубый взглядъ на семейныя отношенія и родственныя связи; это—крайнія проявленія непосредственно-народнаго направленія.

Комедія «Лжецъ», въ 5-ти дѣйствіяхъ, напечатанная въ 12-ой части Россійскаго Ѳеатра, интересна идеализаціей купеческаго сословія. Такая идеализація,—замѣтимъ мимоходомъ,—не случайность, а имѣетъ двѣ причины: во-первыхъ, купеческое сословіе приравнивалось у насъ въ Екатерининскія времена къ такъ называемому

«третьему» сословію, о которомъ въ XVIII вѣкѣ такъ много говорили и писали; во-вторыхъ, наши писатели народнаго направленія думали, что въ купеческой средѣ наиболѣе сохранились народныя свойства и черты характера.

Нѣкто Пантелей является въ комедіи идеализированнымъ купцомъ. Онъ человѣкъ необычайной честности:

«Гдѣ ты слышалъ, чтобы купцы обманами разбогатѣли? Вѣрность торговли на одной честности основана (говоритъ онъ сыну). Бездѣльнику никто вѣрить

Василій Васильевичъ Капнистъ.

не можетъ. Беспутство наружу выходитъ рано или поздно. Ложью и обманомъ не разбогатѣетъ никто».

(V д.. 4 явл.).

Пантелей благородно вооружается противъ роскоши:

«Роскошь у всѣхъ умножилась (негодуетъ онъ). Иный съ доходомъ тысячи рублей старается жизнь свою распорядить противъ того, у котораго десять тысячъ; а сей тянется наравнѣ быть съ имѣющимъ въ-пятеро больше его дохода».

(III д., 1 явл.).

Онъ—врагъ и чиновническаго тщеславія, и взяточничества. Несочувственно относится онъ къ словамъ ассесора Баланцова:

«Разсуди самъ, господинъ Пантелей; какъ же мнѣ имѣть меньше кушанья за столомъ, людей на дворѣ и лошадей на конюшнѣ, когда ровные мнѣ имѣютъ въ-сравненіи моей братьи».

(III д., 1 явл.).

Въ отвѣтъ на удивленный вопросъ того же Баланцова—почему теперь все стало такъ дорого?—Пантелей съ негодованіемъ говоритъ, что причина этого—взятки: пока товаръ везется въ города, купцамъ приходится дѣлать излишніе расходы: «Тому подай, другому поднеси». Баланцовъ возражаетъ: «Не велѣно, сударь, давать; не велѣно подносить ни тому, ни другому». — «Знаю, сударь (говоритъ честный купецъ), да не велѣно и брать, ни принимать; а, всетаки, берутъ и принимаютъ» (III д., 1 явл.).

Идеальный Пантелей высказываетъ въ пьесѣ взгляды свои на семейное начало (и въ этомъ—главный интересъ для насъ комедіи). Взгляды Пантелея — непосредственно-народные, и съ ихъ свѣтлой стороною—требованіемъ неизмѣнности чувства, крѣпости брачныхъ узъ, и съ ихъ наивной грубостью—отнятіемъ всякой самобытности, всякой мысли и воли у молодаго поколѣнія:

«Въ нынѣшнемъ вѣкѣ (говоритъ Пантелей) молодые люди такъ плохо думаютъ, что до свадьбы своей дождаться не могутъ, а нѣсколько времени спустя многіе разводятся. Сіе происходитъ отъ того, что болѣе слѣдуютъ слѣпой страсти, нежели родительскимъ совѣтамъ. Отцы лучше знаютъ, что дѣтямъ надобно, нежели молодые люди сами».

(IV д., 11 явл.).

На заключеніе брака Пантелей смотритъ попросту, постаринѣ; на вопросъ сына своего Леона: «Какъ же мнѣ жениться, не видавъ невѣсты?»—онъ наивно-простодушно отвѣчаетъ: «Увидишь при сговорѣ. Въ старину-то и все бывало такъ, а живали не хуже нынѣшняго».

(IV д., 11 явл.).

Наивно грубы и воззрѣнія Пантелея на воспитаніе, на отношенія къ слугамъ: «По нашему,—говоритъ онъ,—какъ тумака дашь, такъ съ дѣтей и слугъ проказы всякія какъ рукой сниметъ».

(V д., 1 явл.).

Въ разсужденіяхъ и словахъ Пантелея, которому видимо сочувствуетъ авторъ пьесы, сказались взгляды самого этого писателя, взгляды на столько непосредственные и наивные, что онъ заставляетъ иной разъ своего героя горячо симпатизировать даже такимъ народнымъ обычаямъ, которые должны бы вызывать лишь смѣхъ, какъ, напримѣръ, обычай просить за все про все на водку. Леонъ мало, только денежку, далъ на водку извозчику, съ которымъ пріѣхалъ. Вслѣдствіе этого между имъ и недовольнымъ извозчикомъ происходитъ такого рода разговоръ:

Извозчикъ. Какъ-ста, баринъ, тебѣ не стыдно, что ты на вино далъ денежку.

Леонъ. На вино тебѣ дать зависитъ отъ моей воли; а ты тѣмъ будь доволенъ, что я тебѣ даю.

Извозчикъ. Въ передъ, окромѣ хромыхъ кляченокъ, тебѣ не впрягу, будь увѣренъ.

Пантелей, случайно слышавшій этотъ разговоръ, негодуетъ на молодаго человѣка (въ которомъ онъ еще не узналъ сына). «Если бъ это былъ мой сынъ,—говоритъ онъ,—то бъ я его умѣлъ унять».

Комедія «Домашнія несогласія», напечатанная въ той же 12-й части Россійскаго Өеатра, принадлежитъ, конечно, тому же автору что и предшествовавшая пьеса,—нѣкоторыя дѣйствующія лица носятъ тѣ же имена и фамиліи, какъ въ комедіи «Лжецъ»: Баланцовъ, Пантелей, Потапъ, Мавра и другіе[1]). Незамысловатое содержаніе комедіи состоитъ въ изображеніи ссоры между нѣкіимъ Осмининымъ и его невѣсткой,—ссоры, произшедшей вслѣдствіе ссоры слугъ. Главное лицо піесы Пантелей, являющійся примирителемъ родственниковъ, благоговѣйно уважаетъ семейныя и вообще родственныя связи и ставитъ ихъ выше всего. Осмининъ назвалъ ему своего племянника Романа дуракомъ. Пантелей говоритъ на это: «Что дѣлать? Вы, однако, въ свѣтѣ кромѣ сего племянника не имѣете». Когда Осмининъ не хочетъ оставить племяннику наслѣдство и утверждаетъ, что онъ вправѣ завѣщать свое имѣніе чужимъ, Пантелей съ неудовольствіемъ замѣчаетъ:

«Вы всегда грозите свое имѣніе оставить чужимъ... Вы съ своимъ имѣніемъ можете дѣлать, что заблагоразсудится, но разумные и разсудительные люди въ справедливости и законахъ своему хотѣнію находятъ границы. Для чего вамъ отнять у племянника и отдать чужимъ? Положимъ, что вы опасаетесь неблагодарности вашего племянника. Но кто вамъ порукою, что чужіе почтительнѣе къ вамъ будутъ, нежели родные?»

(I д., 5 явл.).

Для водворенія мира въ семьѣ Пантелей предлагаетъ Осминину даже оказать несправедливость слугѣ: «Невѣстка болѣе стоитъ уваженія,—говоритъ онъ,—нежели простый слуга».

Слабая въ литературномъ отношеніи, комедія «Домашнія несогласія» главнымъ образомъ интересна по яркому выраженію въ ней крайней грубости и наивности стариннаго взгляда на отношенія дѣтей и родителей. Въ 7-мъ явленіи II дѣйствія Осминина говоритъ своей дочери Дарьѣ:

«Что это за рѣчи у васъ нынѣ: взоръ мой плѣнился, перемѣнить милаго на немилаго? Умныя дѣвушки идутъ за кого отцу и матери угодно. Насъ выдавали такъ въ наше время, что и жениха до вѣнца въ лицо не увидишь; а тебя фатою закутаютъ такъ хорошо, что на другой день рада, рада, какъ тебѣ кто изъ знакомыхъ скажетъ, съ кѣмъ переночевала; а нынѣ какъ прихотли выдѣвицы стали, что уже и материной волѣ противятся».

[1]) Написана пьеса, по всей вѣроятности, въ 1772 или 1773 году. Это видно изъ того, что въ ней, между прочимъ, говорится о чтеніи «Живописца», а Новиковскій «Живописецъ» выходилъ въ эти годы.

Слова эти такъ наивно-непосредственны и грубы, что едва ли можно думать, что имъ сочувствуетъ авторъ пьесы; вѣрнѣй, кажется, предположить, что въ нихъ заключена иронія; на это намекаетъ самый ихъ гиперболизмъ.

Важное мѣсто среди нашихъ комедій прошлаго столѣнія занимаютъ пьесы Княжнина. Но считать этого писателя представителемъ народной комедіи, какъ это часто думаютъ, никакъ нельзя. Разбирая одинъ изъ литературныхъ видовъ скептическо-матеріалистическаго направленія—комическую оперу, авторъ настоящаго сочиненія имѣлъ случай разобрать двѣ пьесы Княжнина: «Сбитеньщикъ» и «Несчастье отъ кареты». Обѣ пьесы—несомнѣнныя оперы-буффъ. Мы видѣли въ нихъ и плута героя, устроивающаго счастье добродѣтельныхъ людей, и легкомысленно-примирительный взглядъ на житейскую пошлость, и цинизмъ нравственныхъ воззрѣній. Правда, въ пьесахъ этихъ есть и народное начало, напримѣръ, въ осмѣяніи французоманіи помѣщика, задумавшаго купить модную карету, въ сочувственномъ изображеніи народной жизни; но и то и другое стоитъ у Княжнина не на первомъ планѣ, а народная жизнь, кромѣ того, представлена невѣрно, въ идиллическомъ свѣтѣ.

Остановимся еще на комедіи того же писателя «Хвастунъ» (написанной въ 1786 году). Она интересна съ одной стороны по нѣкоторымъ, встрѣчающимся въ ней народнымъ чертамъ, съ другой стороны потому, что довольно опредѣленно выражаетъ общіе взгляды автора.—Нѣкто Верхолетъ выдаетъ себя за графа, чтобы жениться на богатой дѣвушкѣ Миленѣ; но онъ обманывается въ разсчетѣ, и въ концѣ пьесы порокъ наказанъ самимъ правительствомъ: въ 5-мъ дѣйствіи на сцену является «благочинный» и раскрываетъ всѣ продѣлки мнимаго графа, хвастуна. Смыслъ комедіи нравоучительный:

«Теперь-то вижу я,
Чтобъ глупо не упасть и чтобъ не осрамиться,
Такъ лучше не въ свои намъ сани не садиться».

Такими словами заканчиваетъ пьесу служанка Марина, которая до разъясненія обмана хвастуна питала надежду выйдти замужъ за слугу мнимаго графа и зажить съ нимъ припѣваючи.

Народными чертами въ комедіи можно признать осмѣяніе французскихъ модъ и сочувственное указаніе на деревенскую правдивость.—Дядя «Хвастуна», помѣщикъ Простодумъ, пріѣхавшій изъ деревни въ столицу, никакъ не можетъ узнать слугу племянника—Полиста, потому что тотъ одѣтъ и напудренъ по модѣ. Самъ Полистъ отрицательно относится къ модѣ и французамъ; онъ говоритъ:

Вотъ что, французы, вы надѣлали со мною!
Отъ желтой, сударь, ихъ причинныя муки
Такіе вышли мнѣ ужасные крюки.
Французамъ да чертямъ лишь можно такъ штукарить,

Чтобъ даже въ моду ввесть и пудру въ печкѣ жарить,
И ею волоса природны засыпать
На то, чтобъ не могли наслѣдника узнать.

(I д., 2 явл.).

Простодумъ—человѣкъ простой и прямой;

Въ деревнѣ живучи, мы вашихъ модъ не знаемъ,

(говоритъ онъ),—

Бездѣльниковъ всегда плутами называемъ.
Вотъ такъ у насъ въ глуши.

(I д., 2 явл.).

Но, впрочемъ, особеннаго сочувствія къ простодушію деревенскихъ помѣщиковъ Княжнинъ въ своей пьесѣ не выражаетъ; онъ скорѣй склоненъ указывать на темныя стороны ихъ нравовъ. Такъ, напримѣръ, онъ заставляетъ Простодума мечтать о сенаторствѣ въ надеждѣ, что можно будетъ, сдѣлавшись сильнымъ человѣкомъ, поприжать своихъ сосѣдей.

Я сердцемъ (говоритъ онъ) лишь на тѣхъ дворяней мѣчу,
Которы вкругъ меня по деревнямъ живутъ,
Которые меня, равно какъ скотъ мой, жмутъ.
Я также ихъ пожму во время сенаторства
И покажу мои имъ разныя проворства.
Покрѣпче буду ихъ держать въ моихъ рукахъ
И какъ на собственныхъ на ихъ косить лугахъ.

(III д., 8 явл.).

Свои собственныя воззрѣнія Княжнинъ высказалъ (по обыкновенію комиковъ XVIII вѣка) устами резонера—Честона. Это—воззрѣнія благороднаго и просвѣщеннаго человѣка: Честонъ—честно служитъ, не толкается въ передпихъ «знатныхъ особъ», «не ловитъ достоинствъ чрезъ подлости». Но опредѣленныхъ народныхъ чертъ въ его поступкахъ и разсужденіяхъ не замѣтно; народность сказывается развѣ лишь въ его протестѣ противъ родовой гордости; онъ говоритъ въ 3 явленіи III дѣйствія:

Въ родъ титла государь заслугамъ отдаетъ,
Чтобъ славну предку былъ потомковъ равенъ родъ;
И всякій человѣкъ, породой отличенный,
Быть долженъ гражданинъ заслугами отмѣнный;
А въ прочемъ родъ—ничто, и что дворянство есть?
Лишь обязательство любить прямую честь.

Личность и воззрѣнія Княжнина выразились также во взглядахъ молодой дѣвушки—Милены. Милена романически смотритъ на жизнь, вѣритъ въ родство душъ...

И спорить объ этомъ я стану до конца,
Что другъ для друга есть рожденныя сердца,

(говоритъ она),—

Они должны къ себѣ взаимно устремиться
И въ сердце, наконецъ, едино превратиться.
Тогда такой союзъ есть небо на земли,
Предъ счастьемъ ихъ ничто и сами короли.

(IV д., 3 явл.).

Верхолетъ, уже уличенный во лжи и обманѣ, но еще не теряя надежды жениться на Миленѣ, говоритъ ей:

Условье съ матушкой положено у насъ,
Исполнить матери вамъ надобно приказъ.

А Милена возражаетъ ему съ своей точки зрѣнія:

То правда, матушкѣ угодно это стало,
Но сердце мнѣ любить Замира приказало.

Въ этихъ словахъ мы видимъ несочувствіе автора пьесы старинному русскому обычаю — безпрекословнаго повиновенія дѣтей въ дѣлѣ любви и брака родительской волѣ.—Отмѣтимъ еще одну черту: совершенно западно-европейскій взглядъ Княжнина на честь, на point d'honneur. Резонеръ Замиръ говоритъ про Верхолета:

Клевещетъ только онъ и взводитъ на другихъ
Всѣ мерзки низости прегнусныхъ чувствъ своихъ,
И если шпагою его зовутъ къ отвѣту,
То смѣлъ онъ обижать, а драться сердца нѣту!

и нѣсколько далѣе:

Но знайте же вы то, что я, каковъ ни есть,
Но выше я всего одну считаю честь.

(IV д., 7 явл.).

Не меньшее, если не большее, чѣмъ Княжнинъ, значеніе имѣетъ въ исторіи нашей комедіи Капнистъ, авторъ знаменитой въ свое время «Ябеды».—Комедія эта можетъ быть названа пьесой въ народномъ духѣ, во-первыхъ, по ея мѣткому, здравому, чисто-народному юмору, во-вторыхъ,—по трезвому реализму изображенія въ ней жизни. Она написана въ 1796 году, а напечатана въ 1798, съ посвященіемъ императору Павлу [1]). — Въ художественномъ отношеніи «Ябеда» произведеніе довольно слабое; но она замѣчательна по своему общественному значенію, по своему содержанію и благородной идеѣ. Нѣкто Праволовъ хочетъ оттягать имѣніе у Прямикова; онъ заводитъ тяжбу, задариваетъ чиновниковъ, и дѣло рѣшается въ его пользу. Но сенатъ, возстановляя правосудіе, отдаетъ самихъ чиновниковъ подъ судъ. Этимъ оканчивается пьеса; но авторъ, однако, не такъ простодушенъ, чтобы повѣрить погибели взяточниковъ: онъ вмѣстѣ съ своимъ резонеромъ Добровымъ думаетъ, что

Съ уголовною гражданская палата,
Ей-ей, частехонько живетъ за-панибрата.

---

[1]) Сочиненія Капниста, изд. Смирдина, 1849 г. Есть и отдѣльное изданіе «Ябеды».

«Ябеда» имѣла большой успѣхъ, и успѣхъ вполнѣ заслуженный: она отразила въ себѣ дѣйствительную жизнь (въ ней даже прямо изъ дѣйствительности взяты нѣкоторые факты судебныхъ рѣшеній), она дала прекрасную картину нравовъ чиновничьяго міра, раскрыла одну изъ главныхъ язвъ русскаго общества. На сколько пьеса жизненна, это видно, между прочимъ, изъ того, что иныя ея выраженія обратились въ пословицы, какъ, напримѣръ: «законы святы, да исполнители лихіе супостаты». Такихъ мѣткихъ, несомнѣнно остроумныхъ выраженій въ ней много. Ѳекла, жена предсѣдателя гражданской палаты, говоритъ:

Да что противу насъ кто можетъ доказать?
Кого мы безъ суда имѣнія лишили?
Кого не по словамъ закона разорили?

(IV, д., 3 явл.).

Резонеръ Добровъ замѣчаетъ Аннѣ, служанкѣ, когда та начала прибирать комнату послѣ попойки членовъ гражданской палаты:

Напрасные труды! не токмо что простыя,
Но цѣлый хоть ушатъ разлей воды святыя,
То ябедничьихъ здѣсь не смоешь ты проказъ.
Послушай: окрещенъ кто ужъ въ чернилахъ разъ,
Тотъ черкъ останется, хоть мой во Іорданѣ.

(V д., 1 явл.).

Кромѣ общественнаго значенія, «Ябеда» имѣетъ еще и значеніе историческое: есть историческая связь между нею и великой общественной комедіей нашего времени — «Доходнымъ мѣстомъ» Островскаго, въ которомъ также нарисована яркая картина чиновничьяго быта, чиновничьей неправды. Сходство этой стороны пьесъ идетъ до подробностей: и Островскій, какъ Капнистъ, изображаетъ, напримѣръ, пирушку своихъ героевъ на наворованныя деньги. Великій современный поэтъ имѣлъ въ виду пьесу Капниста, когда сочинялъ свою комедію: онъ вложилъ въ уста пришедшаго въ отчаяніе Жадова пѣсню прокурора Хватайки, одного изъ героевъ «Ябеды», пѣсню тоже почти перешедшую въ поговорки.

Характеры дѣйствующихъ лицъ «Ябеды» очерчиваются въ разговорѣ Доброва съ Прямиковымъ. Добровъ поясняетъ:

«Гражданскій предсказатель
Есть сущій истины Іуда и предатель.
Онъ и ошибкою дѣлъ прямо не вершилъ,
Онъ съ кривды пошлиной карманы начинилъ,
Онъ и законами лишь беззаконье удитъ.

«А члены?» — спрашиваетъ Прямиковъ.

Одинъ членъ (отвѣчаетъ Добровъ) вѣчно пьянъ и протрезвленья нѣту,
Такъ тутъ какому быть ужъ путному совѣту?
Товарищъ же его до травли русаковъ
Охотникъ страшный.

А засѣдатели?—продолжаетъ спрашивать собесѣдникъ. Добровъ отвѣчаетъ:

Въ одномъ изъ нихъ души хотя немножко знать,—
Такъ что жъ? лихъ та бѣда, что не гораздъ читать.
Другой себя къ игрѣ такъ страстно пристрастилъ,
Что душу бы свою на карту просадилъ.

А прокуроръ?

О, прокуроръ!
Чтобъ въ риѳмѣ мнѣ сказать,—существеннѣйшій воръ.
Вотъ прямо въ точности всевидящее око:
Гдѣ плохо что лежитъ, тамъ зѣтитъ онъ далеко;
Не цапнетъ лишь того, чего не досягнетъ.

А что скажете о секретарѣ?—продолжаетъ Прямиковъ.

Хоть голъ будь, какъ ладонь, онъ что нибудь да схватитъ

(опредѣляетъ его Добровъ),—

Экстрактецъ сочинитъ безъ точекъ, запятыхъ,
Подчиститъ протоколъ, иль листъ прибавитъ смѣло,
Иль стибритъ документъ—его все это дѣло.

(I д., 1 явл.).

Въ комедіи особенно замѣчательны по реализму и яркости изображенія жизни двѣ сцены.—Въ одной авторъ показываетъ намъ пирушку приказныхъ. Чины гражданской палаты пьютъ, ведутъ цинически-откровенную бесѣду о своихъ «грѣшкахъ», острятъ. Предсѣдатель Кривосудъ проситъ прокурора Хватайко спѣть что нибудь. Хватайко сперва скромно отговаривается, но потомъ запѣваетъ пѣсню своего сочиненія:

Бери, большой тутъ нѣтъ науки!
Бери, что можно только взять!
На что жъ привѣшены намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать?

и всѣ подхватываютъ хоромъ: «брать, брать, брать!»

Кривосудъ.

Эй, браво! хорошо!

Хватайко.

Вѣдь самъ сложилъ словца.

Вульбулькинъ (одинъ изъ членовъ).

Да по работѣ какъ ужъ не узнать творца.

(III д., 6 явл.).

Другая сцена изображаетъ засѣданіе палаты по дѣлу Праволова съ Прямиковымъ. Секретарь читаетъ приговоръ чуть не по складамъ и безъ соблюденія знаковъ препинанія. Судьи слушаютъ небрежно, или лучше—совсѣмъ не слушаютъ чтенія: одинъ изъ членовъ говоритъ о винѣ, другой заявляетъ о пріѣздѣ какого-то гвардейскаго офицера и что было бы недурно обыграть этого офи-

цера въ карты... Потомъ всѣ, не прочитывая приговора и даже не глядя на него, подписываютъ его, и затѣмъ съ добродушно-цинической шуткой объявляютъ Прямикову.

Къ числу піесъ съ народнымъ характеромъ можно отнести и комедіи императрицы Екатерины: «О время!», «Имянины г-жи Ворчалкиной» (гдѣ такъ комически изображены петиметры и осмѣяны дурные помѣщики). Но объ этихъ піесахъ авторъ настоящаго сочиненія уже говорилъ при обзорѣ всей литературной дѣятельности императрицы Екатерины [1]).

Въ концѣ прошлаго вѣка, началъ писать комедіи и И. А. Крыловъ. Но такъ какъ лучшая пора его дѣятельности относится уже къ Александровской эпохѣ и онъ—одинъ изъ главныхъ дѣятелей слѣдующаго литературнаго періода, то и не будемъ останавливаться на его пьесахъ. Должно только упомянуть здѣсь о первой изъ нихъ. Это—«Кофейница», написанная въ 1783 или 1784 году [2]). Авторъ (бывшій тогда еще почти мальчикомъ) назвалъ ее—комическою оперой. И въ самомъ дѣлѣ, въ ней какъ будто есть черты этого вида литературы: героемъ ея является плутъ-приказчикъ. Но нравственныя воззрѣнія Крылова были выше, чѣмъ у его предшественниковъ—сочинителей комическихъ оперъ: плутъ герой не устроиваетъ въ «Кофейницѣ» счастья хорошихъ людей и не торжествуетъ, а напротивъ—наказывается. Уже въ этомъ еще дѣтскомъ произведеніи Крылова можно подмѣтить зачатки народнаго направленія будущаго знаменитаго писателя.

А. Незеленовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ», 1884 года, № 7: «Скептическо-матеріалистическое направленіе въ литературѣ Екатерининской эпохи».

[2]) Она напечатана въ 6 томѣ Сборника отдѣленія рус. яз. и словесн. академіи наукъ.

ЗАПИСКИ КСЕНОФОНТА АЛЕКСѢЕВИЧА ПОЛЕВАГО[1].

III.

В. В. Измайловъ и С. Н. Глинка, какъ новые цензоры.—Глинка-французоѣдъ.—Его чудачества и странности.—Его дѣятельность въ 1812 году.—Встрѣча Глинки съ Карамзинымъ.—Поразительное безкорыстіе Глинки.—Смѣлый отпоръ князю С. М. Голицыну.—Какъ Глинка цензуровалъ книги.—Тріумфъ Глинки во время ареста на Сенатской гауптвахтѣ.—Огорченіе Глинки и отъѣздъ въ Петербургъ.—Глинка-слѣпецъ.—Послѣднее свиданіе съ нимъ.—Продолженіе невзгодъ на «Московскій Телеграфъ»: жалоба на журналъ со стороны профессоровъ Московскаго университета.—Благопріятный исходъ этой жалобы.

КАКЪ РАЗЪ въ то время, когда «Московскій Телеграфъ» наиболѣе страдалъ отъ несправедливыхъ притѣсненій Аксакова, въ помощь къ нему (или уже послѣ него, не помню) выступили два достопамятные человѣка: Владиміръ Васильевичъ Измайловъ и Сергѣй Николаевичъ Глинка. Не могу написать этихъ именъ безъ характеристики, какой они заслуживаютъ.

В. В. Измайловъ былъ издавна извѣстенъ какъ самый страстный послѣдователь и подражатель Карамзина, удачно усвоившій себѣ его способъ выраженія, но доведшій до крайности сентиментальное одушевленіе, какимъ отличались первыя сочиненія незабвеннаго творца русской прозы. «Путешествіе въ полуденную Россію» Измайлова написано легкимъ слогомъ, напоминающимъ Карамзина,

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XXVIII, стр. 289.

и вмѣстѣ пропитано сантиментальностью, доведенною до смѣшнаго. Таковъ, хотя не въ равной степени, общій характеръ и другихъ сочиненій В. В. Измайлова, который въ жизнь свою много писалъ, переводилъ, издавалъ журналы («Патріотъ», и въ 1814 году «Вѣстникъ Европы»). Въ 1827 году, онъ былъ уже дряхлый старичекъ, съ отвисшей губою, говорилъ пришепетывая, но всегда свысока и напоминая сантиментальностью свои сочиненія. Какъ цензоръ, онъ дѣйствовалъ честно и благонамѣренно; мы отдохнули, когда онъ сталъ цензуровать «Московскій Телеграфъ» послѣ Аксакова.

Другой цензоръ былъ Сергѣй Николаевичъ Глинка, одно изъ оригинальнѣйшихъ лицъ, встрѣченныхъ мною въ жизни. Память о немъ жива и теперь для всѣхъ, кто зналъ его, и особенно зналъ близко; но для потомства надобно сохранить хоть нѣкоторыя черты его жизни. Онъ принадлежитъ къ даровитой фамиліи Глинокъ, родовыхъ смоленскихъ дворянъ, и самъ отличался необыкновенными качествами ума и еще болѣе—души. Въ малолѣтствѣ, по рѣдкому стеченію случайностей, самою Екатериною Великою онъ былъ записанъ въ 1-й кадетскій корпусъ, и получилъ тамъ воспитаніе и образованіе, въ блестящій періодъ, когда корпусомъ управлялъ принцъ Ангальтъ. Сергѣй Николаевичъ недолго оставался въ военной службѣ и вышелъ въ отставку маіоромъ, желая вести независимую жизнь и заниматься литературой, которую любилъ страстно. Онъ поселился въ Москвѣ и провелъ тамъ жизнь свою до старости. Лѣтъ тридцать, если не болѣе, вся Москва знала Глинку за его оригинальность, и только немногіе могли оцѣнить высокую его душу и блестящія дарованія, потому что все закрывала въ немъ странность его поступковъ, жизни и даже разговоровъ. Наружность его поражала съ перваго взгляда. Высокій, мощный, онъ, вѣроятно, былъ красивый мужчина въ молодости; но до такой степени пренебрегалъ всѣмъ наружнымъ, что это доходило, наконецъ, до цинизма. Можно было ручаться, что онъ никогда не брѣетъ бороды, хотя онъ увѣрялъ, что брѣется каждый день—«въ двѣ минуты и безъ зеркала, мой любезнѣйшій!»—какъ онъ говаривалъ обыкновенно. Правда, бритва оставляла нѣкоторые слѣды на лицѣ его: порѣзы, выбритыя полоски; но клочки и кусты волосъ торчали по всему его подбородку, осѣненному густыми бакенбардами. Видно, метода бриться «въ двѣ минуты и безъ зеркала» не много пособляла опрятности лица. Костюмъ его былъ неизмѣненъ, уже съ незапамятныхъ временъ: широкій синій фракъ съ стоячимъ двойнымъ воротникомъ и съ обтянутыми сукномъ пуговицами; синіе панталоны въ сапоги, какіе остаются нынѣ только у гвардейскихъ гусаръ (то есть сапоги съ высокими выпуклыми голенищами и съ кисточками); бѣлый пикейный жилетъ и черный галстухъ, въ родѣ веревочки,—таковъ былъ неизмѣнный костюмъ Сергѣя Николаевича, съ утра до ночи, въ праздники и въ будни. Въ непогоду и

зимою накидывалъ онъ на плечи свои, сверхъ фрака, сѣрую шинель, также съ двойнымъ стоячимъ воротникомъ, нѣчто въ родѣ чуйки, но безъ ватной подкладки и безъ мѣху, даже зимою. Въ сильнѣйшіе морозы надѣвалъ онъ, для переѣзда по улицамъ, нанковый сюртукъ сверхъ фрака, и уже на это накидывалъ свою шинель; но шубы не зналъ и не употреблялъ никогда. Едва ли бывалъ день въ году, въ который бы Сергѣй Николаевичъ оставался дома: онъ, кажется, съ утра до вечера былъ въ разъѣздахъ, и всегда находилъ спѣшныя дѣла, отчего вѣчно торопился, и любилъ засиживаться только на обѣдахъ и вечерахъ у пріятныхъ ему людей. Ѣзда его по улицамъ Москвы бывала своеобразна, какъ все, что дѣлалъ онъ. Обыкновенно, возницей себѣ избиралъ онъ сквернѣйшаго ваньку, и тотъ могъ тащить его какъ хотѣлъ, потому что Глинка вѣчно мечталъ и даже декламировалъ, самъ не подозрѣвая того. Весною, когда по улицамъ московскимъ трудно ѣздить, онъ иногда бралъ двухъ извозчиковъ: одного съ санями, другаго съ дрожками-калиберомъ; ѣздилъ въ саняхъ, гдѣ оставалась санная ѣзда, и пересаживался на дрожки, гдѣ нельзя было ѣхать иначе, какъ на колесахъ. Пѣшкомъ онъ не отправлялся странствовать по своимъ дѣламъ; но зато любилъ прогуливаться по Дѣвичьему полю, близь котораго жилъ: въ «приходѣ Неопалимыя Купины, въ домѣ аудитора Подчиненнаго», — я и теперь помню этотъ адресъ, который много лѣтъ печатали на всѣхъ изданіяхъ С. Н. Глинки. Тамъ онъ жилъ до самаго выѣзда своего изъ Москвы, и въ рѣдкіе свободные часы выходилъ прохаживаться по Дѣвичьему полю. Окрестные жители всѣ знали его, и когда ихъ спрашивали о немъ, то обыкновенно отвѣчали: «Какъ не знать Глинку! это тотъ-то, что по Дѣвичьему полю разгуливаетъ, да все бьетъ себя по спинѣ палкой». Въ объясненіе должно прибавить, что Сергѣй Николаевичъ, одинъ на прогулкѣ, или даже на переходѣ по улицѣ, впадалъ въ мечты, забывалъ все окружающее, напѣвалъ, мурлыкалъ что нибудь, декламировалъ и, закинувъ руки за спину, размахивалъ тростью и чаще всего ударялъ себя ею по спинѣ. Онъ шелъ, самъ не зная куда, поворачивалъ влѣво, вправо, иногда оборачивался и шелъ назадъ; вдругъ повертывался и шелъ опять впередъ, такъ что проходилъ очень немного пространства. Помню, что однажды, въ воскресенье, день, въ который онъ обѣдывалъ у насъ впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, Сергѣй Николаевичъ явился какъ-то раньше обыкновеннаго и, увидѣвши, что еще до обѣда остается больше часа, сказалъ, что онъ успѣетъ сходить къ сосѣду нашему, Селивановскому, котораго домъ былъ саженяхъ во ста отъ нашей квартиры (мы жили на Большой Дмитровкѣ, въ домѣ, принадлежащемъ нынѣ генералу Бартоломею). Увѣряя, что ему крайне нужно видѣться съ Селивановскимъ, онъ убѣжалъ, обѣщая вернуться къ назначенному времени. Прошло съ полчаса, когда кто-то, нечаянно взгля-

нувъ въ окно, увидѣлъ Глинку, идущаго зигзагами по улицѣ, и всѣ бросились къ окну наблюдать нашего гостя. Зрѣлище было достойно того!

Сергѣй Николаевичъ шагалъ раза два, три; останавливался, разсуждалъ самъ съ собою, иногда размахивалъ руками, шелъ въ сторону, даже назадъ; и такимъ образомъ почти не подвигался впередъ. Налюбовавшись имъ, мы послали просить его къ себѣ, потому что уже пора было садиться за столъ; и онъ воротился, не дошедши до дома Селивановскаго! Всегда, но за обѣдомъ особенно, онъ бывалъ любезенъ, неистощимъ въ разсказахъ, потому что находился въ сношеніяхъ почти со всѣми извѣстными современниками, а въ 1812 году игралъ видную, почти политическую роль. Сдѣлавшись извѣстенъ своимъ «Русскимъ Вѣстникомъ», журналомъ, который издавалъ онъ много лѣтъ, и съ ожесточеніемъ порицалъ въ немъ нашу неизлѣчимую подражательность всему французскому, Глинка, въ 1812 году, получилъ отъ главнокомандующаго въ Москвѣ графа Растопчина, также знаменитаго ненавистника французовъ Наполеонова времени, порученіе—всѣми средствами способствовать возбужденію ненависти къ непріятелямъ, опустошавшимъ тогда наше отечество. Ему асигновано было, кажется, 300,000 рублей на издержки по этому порученію. Глинка говаривалъ намъ много разъ, что не взялъ ни копейки денегъ; но онъ сдѣлался, можно сказать, народнымъ трибуномъ, и для встрѣчи императора Александра, при ожиданіи пріѣзда его въ Москву, за Глинкою шло нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ. Государь пожаловалъ ему въ это время орденъ Владиміра 4-й степени, при милостивомъ рескриптѣ, гдѣ было именно сказано, что онъ получаетъ награду «за любовь къ отечеству, доказанную его дѣяніями и сочиненіями». Тогдашняя ненависть его къ французамъ была глубокая, искренняя, и надобно сказать, что послѣ Тильзитскаго мира это чувство было во всѣхъ мыслящихъ русскихъ; но у Глинки все выражалось оригинальнымъ образомъ. Братъ его, вдохновенный нашъ поэтъ Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, разсказываетъ въ своихъ «Письмахъ русскаго офицера», что, проходя съ арміею черезъ Москву, не задолго передъ вступленіемъ въ нее французовъ, онъ засталъ Сергѣя Николаевича истребляющимъ свою французскую библіотеку: лучшія французскія книги, разорванныя, валялись по комнатѣ, и онъ топталъ и уничтожалъ ихъ съ озлобленіемъ. Вотъ еще черта тогдашняго его одушевленія. Наканунѣ, или въ самый день приближенія французовъ къ Москвѣ, Карамзинъ выѣзжалъ изъ нея, въ одну изъ городскихъ заставъ. Тамъ, неожиданно, онъ увидѣлъ С. Н. Глинку, который подлѣ заставы, на грудѣ бревенъ, сидѣлъ окруженный небольшою толпою, разрывалъ и ѣлъ арбузъ, бывшій у него въ рукахъ, и ораторствовалъ, обращаясь къ окружавшимъ его. Завидѣвъ Карамзина, онъ всталъ на бревнахъ и, держа въ

одной рукѣ арбузъ, въ другой ножъ, закричалъ ему:—«Куда же это вы удаляетесь? Вѣдь, вотъ, они приближаются, друзья-то ваши! Или наконецъ вы сознаетесь, что они людоѣды, и бѣжите отъ своихъ возлюбленныхъ! Ну, съ Богомъ! Добрый путь вамъ!» Карамзинъ прижался въ уголокъ своей коляски и, раскланиваясь съ Глинкою, спѣшилъ удалиться, боясь, что онъ сдѣлаетъ съ нимъ какую нибудь исторію. Этотъ анекдотъ слышалъ я отъ А. С. Пушкина, которому разсказывалъ его самъ Карамзинъ. Мы не разъ сердили добродушнаго Глинку, повторяя анекдотъ, шедшій отъ Карамзина, и спрашивали:—«Гдѣ вы, С. Н., достали арбузъ въ это суматошное время»?—Сначала онъ отрицалъ все; но наконецъ припомнилъ, что точно видѣлъ Карамзина у заставы и бранилъ его:—«Но ужъ ѣлъ ли арбузъ при этомъ, не помню! Ну, да что жъ, если и ѣлъ арбузъ?»

Необходимо дополнить, что въ то время, когда мы стали знать С. Н. Глинку, онъ былъ уже не ненавистникъ, а обожатель французовъ: читалъ наизусть цѣлыя страницы изъ славныхъ французскихъ сочиненій, самъ писалъ пофранцузски и любилъ выражаться на языкѣ французовъ. Еще за нѣсколько лѣтъ прежде, онъ напечаталъ свой французскій переводъ нѣкоторыхъ избранныхъ «Писемъ русскаго офицера», а въ это время даже отговаривался, когда мы называли его патріотомъ. «Я филантропъ, а не патріотъ»,—говаривалъ онъ и доказывалъ, что слово патріотъ означаетъ понятіе узкое, что патріотомъ можно быть временно, а филантропомъ должно быть всегда. У него все переходило въ крайности: наконецъ онъ даже закаивался писать порусски, и хотѣлъ писать не иначе, какъ на языкѣ всемірномъ (la langue universelle),—такъ онъ называлъ французскій языкъ. Надобно замѣтить, что онъ обладалъ имъ въ превосходной степени; говорилъ на немъ свободно, чисто, избранными фразами, зная, можно сказать, наизусть писателей цвѣтущаго вѣка французской литературы. Память у него была удивительная: онъ помнилъ всѣ славныя французскія пѣсни и распѣвалъ ихъ, аккомпанируя себѣ на фортепіано — «однимъ пальцемъ»,—какъ говаривалъ пріятель его Кашинъ, старинный музыкантъ. Истинно комическая сцена представлялась, когда Кашинъ розыгрывалъ свои русскія пѣсни, и Глинка, слушая ихъ, сердился; отчего — вы думаете? Оттого, что не понималъ будто бы, откуда берутся эти русскіе звуки и напѣвы, отъ которыхъ «плакать хочется»? Онъ утверждалъ, что въ Россіи ничего нѣтъ; что даже нѣтъ самой Россіи, «а русскіе звуки есть!» Скептицизмъ его доходилъ до того, что онъ почиталъ въ Россіи все призракомъ, не вѣрилъ подлинности русскихъ лѣтописей, и со смѣхомъ восклицалъ: «Да какія лѣтописи: все выдумано»! У Глинки не было ничего ложнаго, и убѣжденія его были искренни; только подвижная природа его духа была способна къ

измѣнчивости, и онъ являлся всего чаще въ противорѣчіи съ своимъ прошедшимъ, даже вчерашняго дня, поддаваясь каждому сильному впечатлѣнію. Одно было въ немъ неизмѣнно: благородство, возвышенность души, которая и заставляла его презирать наружнымъ и дорожить только тѣмъ, что почиталъ онъ истиннымъ и согласнымъ съ достоинствомъ человѣка. Онъ былъ христіанинъ, въ истинномъ значеніи слова. Никогда и никого не обидѣлъ онъ, а самъ всегда прощалъ и забывалъ обиды. Безкорыстіе его доходило до безразсудства, по обыкновенному понятію человѣческому: онъ тратилъ деньги, не соображая ничего, и раздавалъ много милостыни, такъ что часто оставался безъ гроша. «Русскій Вѣстникъ» приносилъ ему значительный доходъ, другія изданія его тоже почти всѣ расходились хорошо. Донцы, которыхъ онъ превозносилъ съ увлеченіемъ въ своемъ журналѣ, послѣ 1812 года, упросили его завести пансіонъ для воспитанія ихъ дѣтей; и это одно могло бы обезпечить его положеніе. Смоленскіе дворяне поднесли ему въ даръ около 10,000 рублей, въ изъявленіе своей признательности, какъ своему сословному, дѣлающему имъ честь. Но Глинка былъ вѣчно безъ денегъ, и куда онѣ шли у него—самъ не зналъ. Жилъ онъ всегда тѣсно, бѣдно, и постепенно уронилъ всѣ предметы своего дохода, потому что не умѣлъ ничего поддерживать. «Русскій Вѣстникъ» умеръ отъ неакуратности и небрежности его; пансіонъ закрылся отъ недостатка въ деньгахъ; и бѣдный Глинка бился какъ рыба объ ледъ. Онъ издавалъ старыя и новыя свои сочиненія, и они хоть немного поддерживали его. Каждый день заѣзжалъ онъ въ почтамтъ справляться, не прислано ли къ нему денегъ; а въ крайности забѣгалъ къ своему другу экспедитору газетной экспедиціи Жарову (тоже оригиналу немалаго размѣра) и занималъ у него нѣсколько рублей, даже рубль, до будущей присылки денегъ. Но тутъ бывали съ нимъ новыя исторіи. Онъ никогда не отказывалъ просящимъ милостыни, если была хоть копейка въ карманѣ; нищіе, разузнавъ, что онъ всегда получаетъ изъ почтамта деньги, обыкновенно ожидали его при выходѣ изъ газетной экспедиціи. Однажды, онъ получилъ тамъ 50 рублей, присланные къ нему. При выходѣ, нищіе окружили его. Глинка пошарилъ въ карманахъ и, не находя тамъ ничего, кромѣ только-что полученной 50-ти рублевой бумажки, бросилъ ее нищимъ, говоря: «Ну, больше ничего нѣтъ! Только раздѣлите между собой честно»! И отправился прямо къ книгопродавцу Ширяеву занять рубль, чтобы не воротиться домой съ пустымъ карманомъ. Клеветали на него, будто онъ велъ разгульную жизнь и былъ пьяница. Почитаю долгомъ опровергнуть эту клевету, основанную всего болѣе на извѣстныхъ стихахъ злаго Воейкова:

. . . . . . на лежанкѣ
Истый Глинка возсѣдитъ:
Передъ нимъ духъ русскій въ стклянкѣ,
Не откупоренъ стоитъ!

Я зналъ Глинку впродолженіе многихъ лѣтъ. Онъ любилъ выпить рюмку водки, выпивалъ за обѣдомъ бутылку вина, бывалъ, что называется, навеселѣ; но ни разу не видалъ я его пьянымъ и не слыхалъ отъ своихъ знакомыхъ, чтобы они видали его въ опьяненіи. Онъ дѣлался отъ лишней рюмки еще нелѣпѣе, если можно такъ выразить высшую степень того характера, какимъ всегда отличался Глинка въ обхожденіи. Онъ обыкновенно и всегда былъ въ какомъ-то подвижномъ состояніи, двигался, вертѣлся огромнымъ своимъ тѣломъ, подпрыгивалъ неуклюже, а за обѣдомъ разбрызгивалъ и разбрасывалъ кушанье, попадалъ рукавомъ въ супъ и безъ умолку продолжалъ рѣчь, переходя отъ одного предмета къ другому. Одинъ знакомый нашъ, глядя на него, сказалъ: «Что это, братъ, Глинка-то, что за бурда такая!» Но лучше всѣхъ характеризовалъ его Н. И. Гречъ, когда, пріѣхавши въ первый разъ въ Москву и поѣздивши по московскимъ улицамъ, онъ сказалъ, при посѣщеніи моего брата: «Знаете ли, Николай Алексѣевичъ: я думаю, Москву строилъ С. Н. Глинка!» Въ самомъ дѣлѣ, Глинка напоминалъ собою зигзаги и особенности московскихъ улицъ и кривыхъ переулковъ. Неудивительно, что незнавшіе его близко иногда принимали его за пьянаго, когда онъ бывалъ только въ обычномъ своемъ настроеніи: подпрыгивалъ, подплясывалъ, вертѣлся угловато и распѣвалъ романсы и пѣсни. Но душа въ немъ была всегда чистая, младенческая! Онъ не боялся насмѣшекъ и пересудовъ, потому что не боялся ничего въ мірѣ, и очень хорошо выразилъ это свойство свое, сказавши: «Я прихожу въ трепетъ только въ одномъ случаѣ: когда вижу ребенка на открытомъ окнѣ четвертаго этажа!» Сильные міра не устрашали его, и онъ никогда и ничего не искалъ у нихъ, а, напротивъ, при случаѣ высказывалъ свой независимый характеръ. Послѣдній изъ бояръ Екатерининскаго вѣка, enfant gâté de la Cour, какъ называли его, одинъ изъ первыхъ богачей и вельможъ русскихъ, князь Сергій Михаиловичъ Голицынъ былъ, между прочимъ, нѣсколько лѣтъ попечителемъ Московскаго университета въ то время, когда Глинка оставался еще цензоромъ; а цензурный комитетъ былъ подчиненъ попечителю университета. Князь Голицынъ вовсе не занимался своею должностью, не допускалъ къ себѣ просителей по университетскимъ дѣламъ и отклонялъ отъ себя дѣла университета, дорожа своимъ драгоцѣннымъ временемъ, Богъ знаетъ для чего. Говорили, что онъ принялъ должность попечителя университета единственно по желанію государя императора и хотѣлъ только поскорѣе освободиться отъ нея. Разумѣется, такой вельможа ни разу не бывалъ въ цен-

зурномъ комитетѣ, хотя по уставу былъ председателемъ его. Но когда ему надули въ уши, что цензоръ Глинка, по стачкѣ съ издателемъ «Московскаго Телеграфа», пропускаетъ въ этомъ журналѣ безбожныя и законопротивныя статьи, Голицынъ неожиданно явился въ засѣданіе комитета, и тотчасъ, въ присутствіи всѣхъ членовъ его, обратился къ Глинкѣ съ грознымъ выговоромъ, называя его статчикомъ съ неблагонамѣреннымъ журналистомъ, обвиняя въ неисполненіи обязанностей и присяги по службѣ. Глинка возражалъ, но, вскорѣ выведенный изъ терпѣнія, вскочилъ, обратился къ портрету императора Александра I, висѣвшему надъ предсѣдательскимъ мѣстомъ, и, уже не обращая вниманія на Голицына, началъ рѣчь, въ родѣ воззванія къ тѣни умершаго императора: «Государь, побѣдитель враговъ Россіи, названный отъ всей Россіи Благословеннымъ! Ты, въ благости своей, наградилъ меня выше заслугъ, признавъ во мнѣ любовь къ отечеству, доказанную моею жизнью и сочиненіями! Теперь, когда передъ твоимъ ликомъ называютъ меня невѣрнымъ своему долгу, своимъ обязанностямъ, и подозрѣваютъ въ неблагонамѣренности, я обращаюсь къ тебѣ, протестую противъ обвиненія и возвращаю тебѣ знакъ твоей милости, данный мнѣ какъ прямому сыну отечества!»... Съ этими словами онъ сорвалъ съ своей петлицы Владимірскій крестъ, положилъ его на столъ, за которымъ происходило засѣданіе, и выбѣжалъ изъ комнаты. «Голова моя горѣла,—разсказывалъ Глинка,—и когда я вышелъ въ переднюю комнату, кровь хлынула изъ моего горла!»

Не знаю, какое впечатлѣніе произвела эта сцена на князя Голицына, но послѣ нея Глинка недолго оставался цензоромъ, и вышелъ въ отставку. Голицынъ не мстилъ ему, потому что въ основаніи былъ человѣкъ добрый; можетъ быть, ему даже не хотѣлось продолжать начатой имъ исторіи, въ которой онъ не могъ оказаться правымъ, и онъ прекратилъ ее, когда увидѣлъ, что слова его не устрашили того, кого хотѣлъ онъ припугнуть, по обычаю многихъ начальниковъ.

Говоря откровенно, Глинка не годился въ цензора, когда отъ нихъ требовали мелочной внимательности, и они не имѣли никакихъ опредѣленныхъ правилъ, что̀ можно и чего нельзя было дозволить къ обнародованію. «Какъ можно судить мысль и намѣреніе человѣка?—говаривалъ Глинка.— Въ самыхъ невинныхъ словахъ можетъ быть злое намѣреніе; а какъ я угадаю это?» Онъ выражалъ этимъ мысль справедливую въ обширномъ смыслѣ; но былъ несносенъ тѣмъ, что вслѣдствіе своихъ убѣжденій и своего характера подписывалъ все, не читая!.. Онъ не только не скрывалъ этого, но говорилъ во всеуслышаніе, что дѣйствуетъ именно такъ. Я самъ слышалъ, какъ онъ повторялъ много разъ: «Дайте мнѣ стопу бѣлой бумаги, я подпишу ее всю по листамъ какъ цензоръ; а вы пишите на ней что хотите! Да! я не вѣрю, чтобы нашелся

такой человѣкъ, который употребилъ бы во зло довѣренность цензора, когда притомъ онъ и самъ отвѣчаетъ за то, что̀ пишетъ». Когда онъ былъ цензоромъ «Московскаго Телеграфа», мы тщетно уговаривали его оставить избранную имъ систему; просили читать внимательно все, присылаемое къ нему для разсмотрѣнія, исключать или, по крайней мѣрѣ, замѣчать, что несогласно съ инструкціею цензору. Писатель не можетъ знать множество отношеній, извѣстныхъ только цензурѣ. Но, повторяю, убѣжденія были тщетны: Глинка подписывалъ одобреніе цензорское на рукописяхъ и корректурахъ, не читая ихъ. Когда дозволено было представлять журнальныя статьи на разсмотрѣніе цензорамъ въ корректурныхъ листахъ, мы бывали иногда въ затрудненіи: Глинка оставлялъ или забывалъ ихъ у себя, и такъ какъ его большею частью не бывало дома, то случалось не разъ, что уже вся книжка кончена наборомъ, а цензоръ еще не подписалъ ни одного листа къ печатанію; приходилось отыскивать его по городу, и онъ, гдѣ нибудь отысканный, вдругъ подписывалъ всѣ листы. Опытъ доказалъ, однако жъ, что система Глинки была не совсѣмъ дурна: онъ нѣсколько лѣтъ оставался цензоромъ, и, кромѣ схватки съ княземъ Голицынымъ, не получалъ никакихъ замѣчаній отъ высшаго начальства, когда товарищи его, внимательные къ тому, что прочитывали, не разъ получали выговоры и замѣчанія. Если не ошибаюсь, онъ былъ смѣненъ и высидѣлъ двѣ недѣли на гауптвахтѣ за какую-то пустѣйшую статейку, гдѣ нашли личности противъ какихъ-то сановныхъ лицъ [1]); но, прочитывая эту статейку съ самымъ строгимъ вниманіемъ, нельзя было открыть въ ней ничего преступнаго, и всякій цензоръ подписалъ бы ее—и попалъ бы на гауптвахту!

Я упомянулъ о его арестѣ на гауптвахтѣ и не могу отказать себѣ въ удовольствіи посмѣшить читателя разсказомъ, какъ невинный арестантъ проводилъ свое время подъ стражею. Сначала его посадили на гауптвахту, бывшую во дворѣ сената (въ Кремлѣ). Когда знакомые Глинки—а кто не зналъ его въ Москвѣ?—услышали, что онъ сидитъ на гауптвахтѣ, многіе поѣхали навѣстить его. Число посѣтителей увеличивалось безпрестанно, такъ что черезъ нѣсколько дней сенатская гауптвахта представляла что-то въ родѣ гулянья: подлѣ нея было всегда нѣсколько экипажей, и гостей у Глинки собиралось иногда такъ много, что въ небольшой, занимаемой имъ комнатѣ бывало тѣсно. Онъ былъ очень радъ этому, встрѣчалъ всѣхъ съ веселымъ лицомъ, смѣялся, шутилъ и говорилъ безъ умолку, или пѣлъ французскіе романсы, акомпанируя себѣ на маленькомъ фортепіано, которое велѣлъ привезти себѣ изъ дому. Къ нему привозили всякихъ припасовъ, фруктовъ, вина, и

---

[1]) Статья была напечатана въ «Московскомъ Вѣстникѣ» или въ «Телескопѣ»,—не помню хорошенько, а справляться не стóитъ.

онъ пировалъ самъ и угощалъ посѣтителей. Разъ, въ веселомъ расположеніи, онъ вздумалъ угостить солдатъ, державшихъ караулъ на гауптвахтѣ, досталъ какъ-то полведра пѣннику и отдалъ его солдатамъ, приглашая ихъ выпить за здоровье всѣхъ добрыхъ людей. Офицеръ, видно, не досмотрѣлъ этого и встревожился, когда увидѣлъ своихъ солдатъ пьяными, и готовыми кричать ура Глинкѣ. Онъ тотчасъ донесъ объ этомъ по начальству; явился плацъ-маіоръ, добрый толстякъ, кажется, даже пріятель Глинки, и, вѣроятно, самъ смѣясь внутренно, сталъ объяснять ему, что арестантъ не имѣетъ права подчивать водкою своихъ стражей. Глинка возсталъ противъ него, засыпалъ его филантропическими возгласами, и тотъ, видя, что съ нимъ не сговоришь, почелъ необходимымъ доложить коменданту о необыкновенномъ происшествіи, случившемся на сенатской гауптвахтѣ. Комендантъ приказалъ перевести Глинку на главную гауптвахту (бывшую тогда подъ Ивановской колокольнею) и держать его тамъ построже. На другой день, плацъ-маіоръ явился для исполненія приказанія коменданта, но не рано, когда у Глинки была уже толпа гостей. Послѣ нѣсколькихъ обиняковъ онъ объявилъ ему, что комендантъ приказалъ перевести его на главную гауптвахту. Глинка запрыгалъ и, прищелкивая, запѣлъ какую-то французскую пѣсню. «Очень радъ, очень радъ!»—сказалъ онъ потомъ. «Пріятно прогуляться по чистому воздуху! А пріятели проводятъ меня!»—прибавилъ онъ, обращаясь къ своимъ гостямъ. «Фортепіано пойдутъ со мной подъ арестъ и туда: дайте же мнѣ людей перенести ихъ!»—сказалъ онъ плацъ-маіору. Вскорѣ всѣ вещи Глинки были расхватаны гостями, слугами ихъ и нѣсколькими инвалидами; началось шествіе отъ сената до Ивановской колокольни: впереди шелъ Глинка съ плацъ-маіоромъ; вокругъ нихъ и позади толпа гостей арестанта, которые несли кто кисетъ, кто трубку его, кто кружку и все остальное. Тутъ же несли фортепіано. Все это составляло невиданную процессію, не унылую, а веселую и смѣшную, импровизированную комедію.

Съ ликованіемъ Глинка водворился въ новой своей квартирѣ. Плацъ-маіоръ не могъ же гнать гостей его, видя въ нихъ по большей части людей порядочныхъ; такъ это и продолжалось до окончанія ареста Глинки, неожиданно сократившагося тѣмъ, что изъ Петербурга дано было знать о немедленномъ освобожденіи заключеннаго цензора, котораго назначено было продержать подъ арестомъ три дня, а по ошибкѣ или недоразумѣнію написано было: три недѣли. Плацъ-маіоръ былъ радъ освобожденію его чуть ли не больше всѣхъ и увѣрялъ, что никогда еще не бывало въ вѣдѣніи его такого безпокойнаго арестанта.

Мы видимъ, что Глинка шутя переносилъ подобныя непріятности, никогда и ни на что не жаловался, не скорбѣлъ ни отъ какихъ стѣсненій и неизбѣжныхъ въ жизни несчастій. Но когда кле-

вета вздумала запятнать его честь, благородная душа его взволновалась, и онъ уѣхалъ изъ Москвы навсегда. Вотъ какъ это случилось. Одинъ мерзавецъ, тогда еще не разгаданный, имѣющій формы порядочнаго и даже свѣтскаго человѣка, болтунъ и злоязычникъ, ни съ того ни съ сего сталъ повторять въ разныхъ обществахъ, что С. Н. Глинка—тайный шпіонъ, котораго надобно остерегаться; что онъ прикрываетъ простодушіемъ и громкимъ либеральствомъ злонамѣренность и доноситъ на тѣхъ, кто говоритъ съ нимъ неосторожно.

Глинка сначала не понималъ холодности, которую стали оказывать ему нѣкоторые знакомые; наконецъ, видя что-то недоброе противъ себя, сталъ внимательнѣе, и когда одинъ изъ близкихъ людей сказалъ ему, какіе слухи распространены въ обществѣ на его счетъ, Глинка, чистый въ душѣ, былъ уязвленъ и пораженъ этимъ такъ глубоко, что рѣшился оставить Москву навсегда, немедленно собрался и уѣхалъ сначала на свою родину, въ Смоленскъ, а оттуда въ Петербургъ, гдѣ и провелъ остальные годы своей жизни. Люди могли бы истолковать, можетъ быть, и истолковали это не въ его пользу, повторяя: «Бѣжалъ отъ стыда! совѣстно было ему глядѣть въ глаза честнымъ людямъ!» Но Глинка не совѣстился тѣхъ честныхъ людей, которые готовы вѣрить самой нелѣпой клеветѣ и приносить ей въ жертву честное имя, заслуженное цѣлою жизнію. Онъ самъ говорилъ мнѣ послѣ: «Если я, слишкомъ тридцать лѣтъ проживъ въ Москвѣ, не удостоенъ отъ нея увѣренностью, что я честный человѣкъ, то я уже не могу жить въ ней, съ людьми, которые глядятъ на меня, какъ на предателя. Я не могу оставаться тамъ, гдѣ отнимаютъ у меня одно, чѣмъ я дорожу». Почти то же выражалъ онъ въ письмѣ ко мнѣ изъ Смоленска.

Глинку поразило именно то зло, которымъ онъ гнушался всего болѣе, почиталъ его рѣдкимъ явленіемъ въ сердцѣ человѣческомъ, и на этомъ-то основаніи говорилъ всегда откровенно, не стѣсняясь, и, бывши цензоромъ, дозволялъ все печатать. «Les livres ne se dénoncent pas; on les dénonce! (книги не доносятъ сами на себя; на нихъ доносятъ»)—восклицалъ онъ, не предполагая, чтобы въ книгѣ могло быть что нибудь злоумышленное, и думая, что если человѣкъ и проговорится, такъ это не бѣда; а люди, даже злые, рѣдко рѣшаются представлять бѣлое чернымъ. Кардиналъ Ришельё радовался легкости клеветы, когда говорилъ: «Donnez-moi deux lignes du plus honnête homme, je le ferai pendre! (Дайте мнѣ двѣ строчки честнѣйшаго человѣка, и я сдѣлаю его достойнымъ висѣлицы)». А Глинка не вѣрилъ, чтобы клеветники и доносчики не были исключительнымъ явленіемъ. Кажется, я сказалъ уже, что самъ онъ ни о комъ не говорилъ дурнаго, и если при немъ разговоръ переходилъ въ обыкновенное человѣческое злословіе, онъ вставалъ съ сво-

его мѣста, начиналъ подпрыгивать (т. е. дѣлать какія-то угловатыя движенія, только ему свойственныя, для которыхъ надобно изобрѣсти новое слово) и запѣвалъ какой нибудь французскій романсъ, совершенно противоположный разговору.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Глинку не задолго передъ его смертію. Это было зимою 1846—1847 года, когда я жилъ временно въ Петербургѣ, и давно не слыхалъ ничего о старомъ, всегда уважаемомъ мною пріятелѣ. Изъ знакомыхъ никто не упоминалъ о немъ. Неожиданно я получилъ приглашеніе посѣтить его. Въ письмѣ, писанномъ не его рукою, онъ упоминалъ, что по болѣзни не можетъ посѣтить меня самъ. Я отправился по его адресу на Сергіевскую улицу, близъ Таврическаго сада, гдѣ занималъ онъ квартиру во флигелькѣ какого-то полуразвалившагося дома. Я изумился, когда увидѣлъ Глинку слѣпаго: онъ въ послѣдніе годы свои имѣлъ несчастіе лишиться зрѣнія. Можно было бы предполагать, что этотъ живой, огненный человѣкъ нетерпѣливо переносилъ свое ужасное несчастіе; напротивъ, онъ еще больше изумилъ меня своимъ смиреніемъ, своею преданностью Провидѣнію. Лишенный возможности ходить свободно, онъ совершенно отказался отъ свѣта, почитая слѣпоту свою указаніемъ Божіимъ для новой жизни, и почти не выходилъ изъ своей квартиры, а такъ какъ движеніе было ему необходимо, то онъ велѣлъ протянуть въ комнатѣ веревочку и, держась за нее, расхаживалъ, сколько ему хотѣлось. Я радовался, глядя на него, совершенно преобразившагося въ новомъ несчастіи. Черты лица его приняли какое-то глубокое, благородное выраженіе, все лицо, прежде всегда горѣвшее багровымъ румянцемъ, было блѣдно, и хотя онъ вообще былъ разстроенъ въ здоровьѣ, однако былъ совершенно спокоенъ и съ услажденіемъ говорилъ, что скоро надѣется перейдти въ другой, лучшій міръ. Въ рѣчахъ его не было прежнихъ, иногда пустыхъ, надутыхъ фразъ и сентенцій, которыя повторялъ онъ по привычкѣ. «Чѣмъ вы занимаете свое время?»—спросилъ я.—«Молюсь, размышляю, вспоминаю о прошедшемъ, слушаю библію и повторяю псалмы Давида»,—отвѣчалъ онъ и, указывая на молоденькую дочь свою, тутъ же бывшую, прибавилъ: «Et voici ma lectrice et ma consolatrice! Она всегда при мнѣ». Онъ съ благодарностію говорилъ о своей супругѣ и обо всѣхъ, кто любилъ его.—«Жалѣю, что теперь никто не навѣщаетъ меня»,—сказалъ онъ. Изъ всѣхъ старыхъ знакомыхъ, только князь Петръ Андреевичъ Вяземскій посѣтилъ слѣпаго Глинку. «Онъ истинно утѣшилъ меня своею бесѣдою, и я душевно благодаренъ ему». Онъ сказалъ мнѣ, что затѣмъ просилъ и меня къ себѣ, чтобы въ моемъ лицѣ выразить благодарность всему нашему семейству за многіе часы, проведенные съ нами, и за неизмѣнную дружбу нашу. Я разстался съ нимъ, сердечно растроганный, и надѣялся еще увидѣть его; но, живя на другомъ краю города, въ заботахъ и хлопотахъ жизни,

не успѣлъ побывать у него до начала весны, когда неожиданно прочиталъ въ газетахъ извѣстіе о его смерти и вмѣстѣ приглашеніе ко всѣмъ друзьямъ покойнаго на отпѣваніе тѣла его въ церковь Волковскаго кладбища. Я поѣхалъ туда и бросилъ горсть земли на его гробъ, который отнесли мы изъ церкви до могилы.

Надѣюсь, что читатели не посѣтуютъ на меня за длинное отступленіе отъ главнаго моего разсказа. Я не могъ не заговориться, начавъ рѣчь о Глинкѣ, достопамятномъ и своею оригинальностью, и необыкновенными качествами ума и души. Мы видѣли, что при началѣ изданія «Московскаго Телеграфа» Сергѣй Николаевичъ сердился за неблагосклонный отзывъ о его «Русской исторіи», напечатанный въ этомъ журналѣ. Но его младенческое сердце не знало злобы, и съ первой встрѣчи съ моимъ братомъ онъ полюбилъ его, сказалъ, что самъ знаетъ цѣну своей книги, и что сердился только за выраженіе о ней, которое перетолковывали не въ его пользу. Вскорѣ онъ сдѣлался искреннимъ, ближайшимъ нашимъ пріятелемъ, собесѣдникомъ, и въ такихъ отношеніяхъ оставались мы до выѣзда его изъ Москвы. Онъ какъ родной участвовалъ во всѣхъ нашихъ семейныхъ праздникахъ, и хотя по пылкости, странности и даже угловатости характера не былъ способенъ къ сближенію умственному, но по сердцу, по душѣ, по благородному направленію былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ намъ людей. Мы дорожили имъ какъ неподдѣльнымъ человѣкомъ, какіе встрѣчаются рѣдко. Излишняя пылкость, увлекательность была недостаткомъ его, но за то о немъ можно было повторить слова Спасителя: «Сей есть израильтянинъ, въ немъ же нѣсть льсти». Искренняя привязанность такого человѣка была почетна для моего брата.

Впродолженіе того времени, когда Глинка былъ цензоромъ «Московскаго Телеграфа», одинъ разъ угрожали ему большія непріятности, и братъ мой былъ невольною причиною ихъ, потому что это было не иное что, какъ новая попытка непріятелей стереть Полеваго съ лица земли, или, по крайней мѣрѣ, уничтожить его журналъ. Въ неумолкавшей полемикѣ съ «Вѣстникомъ Европы», онъ какъ-то рѣзко выразился объ издателѣ его, профессорѣ Каченовскомъ. Я показалъ уже, до какой пошлости, можно сказать, низости доходилъ Каченовскій въ бранныхъ своихъ выходкахъ противъ моего брата, который не могъ же всегда отмалчиваться. Но дряхлый профессоръ разжаловался на него своимъ сослуживцамъ и, вѣроятно, внушилъ имъ мысль, которую они привели въ исполненіе самымъ любезнымъ образомъ. Въ собраніи университетскаго совѣта была прочитана статья «Московскаго Телеграфа», будто бы оскорблявшая въ лицѣ Каченовскаго, почетнѣйшаго между сочленами, все ихъ сословіе. Ни одинъ голосъ не возсталъ противъ этого нелѣпаго обвиненія, и

всѣ присутствовавшіе подписали прошеніе къ министру народнаго просвѣщенія, гдѣ выставляли издателя «Московскаго Телеграфа» какъ оскорбителя ученаго сословія и просили расправы съ дерзкимъ своевольникомъ, а еще болѣе съ явнымъ его сообщникомъ, цензоромъ Глинкою, который дозволяетъ ему печатать все, что онъ хочетъ. Знаю, что въ числѣ подписавшихъ такую просьбу не было Ивана Ивановича Давыдова, который оказывалъ тогда большую пріязнь моему брату, часто посѣщалъ его и невольно чуждался университетскихъ сослуживцевъ своихъ, которые усердно заботились сдѣлать больше тягостною лежавшую на немъ опалу[1]).

Просьба цѣлаго сословія университета, оффиціальная жалоба,— или назовите еще другимъ, ближайшимъ къ смыслу такой жалобы словомъ,— могла имѣть серьезныя послѣдствія для цензора и для моего брата, особенно при министрѣ князѣ Ливенѣ, который, какъ я изложилъ выше, оказалъ строгость неумѣстную по дѣлу о переводѣ «Жизни Наполеона». Можно было предполагать, что онъ воспользуется жалобою цѣлаго университета, и въ видахъ общей пользы исходатайствуетъ запрещеніе «Московскаго Телеграфа». Это могло тревожить издателя его, особенно въ описываемое мною время; но я увѣряю, какъ ближайшій свидѣтель, что братъ мой не встревожился ни на минуту; да и увѣрять не нужно: доказательствомъ неустрашимости его служатъ рѣзкія и насмѣшливыя статьи, которыя напечаталъ онъ въ своемъ журналѣ тотчасъ, какъ только услышалъ онъ о грозѣ, воздвигнутой противъ него Каченовскимъ и его сослуживцами. Эти статьи писалъ онъ подъ вліяніемъ глубокаго негодованія и изобразилъ въ нихъ многолѣтнія литературныя продѣлки Каченовскаго. Любопытные могутъ отыскать ихъ въ послѣднихъ нумерахъ «Московскаго Телеграфа» за 1829 годъ, съ подписью Иванъ Бенигна. Тамъ Каченовскій былъ засыпанъ указаніями на его ошибки, промахи, озлобленіе, чаще всего выражавшееся противъ истинныхъ дарованій, начиная отъ Карамзина до Пушкина, противъ котораго въ это самое время писалъ въ «Вѣстникѣ Европы» тогдашній клевретъ Каченовскаго Надеждинъ, подписывавшій свои статьи псевдонимомъ Недоумко. Николай Алексѣевичъ нарочно избралъ разговорную форму его статей, ввелъ въ свои статьи даже одно изъ лицъ, изобрѣтенныхъ Надеждинымъ, и далъ полный разгулъ своему перу. Это была, можетъ быть, самая жестокая изъ всѣхъ его полемическихъ выходокъ. Зна-

---

[1]) И. И. Давыдовъ, долго бывшій инспекторомъ университетскаго благороднаго пансіона, былъ внезапно удаленъ отъ этой должности, но, оставаясь профессоромъ университета, вздумалъ преподавать философію, и за свою «вступительную лекцію» (которая тогда же была напечатана) подвергся удаленію и отъ профессорской каѳедры. Довольно долго онъ только носилъ званіе профессора, но не преподавалъ ничего. Въ это то время онъ сблизился съ моимъ братомъ.

комые наши дивились смѣлости моего брата, видя, что въ такой жаркой схваткѣ онъ поддалъ еще пару, какъ выразился одинъ изъ нихъ. «Смѣлость моя,—отвѣчалъ онъ,—должна быть такъ же велика, относительно, какъ безсовѣстность интриги, начатой противъ меня; жаль, что это невозможно». (Онъ употребилъ слово не то, которое здѣсь подчеркнуто). А что сдѣлалъ въ это время обвиняемый цензоръ, С. Н. Глинка? Онъ былъ истинно уморителенъ и утѣшителенъ: его возгласы, тирады противъ несправедливости людей, его комическая радость, что онъ пострадаетъ за свободное выраженіе мысли, наконецъ, мѣры къ защитѣ, какія придумывалъ онъ, были достойны безхитростнаго дитяти! Между прочимъ, онъ составилъ какую-то записку въ оправданіе свое, съ выписками и цитатами изъ Руссо, Вольтера, Фенелона, Бенжаменъ-Констана и подобныхъ старыхъ и новыхъ французскихъ писателей. Нельзя было не хохотать, слушая чтеніе этой записки! И мысли, и возгласы были достойны Глинки, который и читалъ ее достойнымъ образомъ, самъ не разбирая своей рукописи, состоявшей изъ множества листовъ бумаги, потому что Сергѣй Николаевичъ обыкновенно писалъ крупно, криво, такъ что послѣднія строчки на страницѣ иногда не находили себѣ мѣста: на иной страницѣ онъ не уписывалъ и десяти строкъ... Никакъ не могъ онъ понять, что его оправдательной записки съ цитатами изъ Руссо и Вольтера никто не сталъ бы и читать, а если бъ прочли, то она навѣяла бы на него новую вину въ глазахъ такихъ людей, какъ князь Ливенъ, министръ просвѣщенія. Происшествіе на обѣдѣ у профессора Цвѣтаева было для Глинки также поводомъ къ разсказу, который не разъ заставилъ насъ похохотать. Цвѣтаевъ былъ членомъ цензурнаго комитета и слѣдовательно сослуживцемъ Глинки, котораго какъ-то и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ, празднуя, не знаю что такое. Это случилось въ самый разгаръ обвиненія моего брата и Глинки въ мнимомъ оскорбленіи университета. Нѣкоторые господа уже напередъ торжествовали побѣду и нетерпѣливо ждали грознаго рѣшенія ихъ совокупной жалобы. И въ такое-то сборище явился простодушный Глинка! Его встрѣтили насмѣшками, стали обвинять за Каченовскаго, кричать, какъ разсказывалъ онъ, и, наконецъ, профессоръ П., сидѣвшій развалясь на диванѣ, громко возгласилъ: «Другъ вашъ Полевой справедливо бранилъ вашу русскую исторію: эта книга скверная, мерзкая, вредная, и... бухъ! Тутъ онъ вскочилъ, сжавши кулаки». Я повторяю здѣсь собственныя слова Сергѣя Николаевича, который, произнося: бухъ! показывалъ движеніе сердитаго профессора, и продолжаю разсказъ его же словами, слышанными мною изъ устъ его множество разъ: «Тутъ два сидѣвшіе возлѣ П.—одинъ профессоръ В., другой не знаю кто, схватили его подъ руки и усадили снова на диванъ. А я, по какому-то внушенію свыше, протянулъ руку впередъ къ П., а въ сторону, къ моей шляпѣ (знаме-

нитой мягкой шляпѣ Глинки, извѣстной тогда всей Москвѣ), и, раскланиваясь съ почтеннымъ собраніемъ, сказалъ: «Милостивые государи! я приглашенъ сюда обѣдать, а не браниться и драться; изъ уваженія къ хозяину, беру шляпу, и повторяю слова мудрости: удалися отъ зла и сотвори благо!» Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты. Я не сомнѣваюсь, что въ основаніи происшествіе было такъ, какъ разсказывалъ его Глинка, хотя, можетъ быть, что пылкое его воображеніе преувеличивало нѣкоторыя подробности. Г. П. здравствуетъ и теперь: онъ всегда представлялъ себя правдолюбомъ и отличался ловкимъ цинизмомъ въ обращеніи, чѣмъ особенно выигрывалъ у сильныхъ міра. Я могъ бы разсказать о немъ много анекдотовъ, подобныхъ тому, что когда Надеждинъ, этотъ даровитый пройдоха, уже служа въ Петербургѣ, увидѣлъ П. въ знакомомъ домѣ и хотѣлъ броситься къ нему съ лобызаніемъ, какъ къ старому сослуживцу по Московскому университету, П., не двигаясь съ дивана, на которомъ сидѣлъ, протянулъ къ нему вмѣсто руки ногу! Но если П. и закричалъ на Глинку, то едва ли хотѣлъ бить его. Да дѣло не въ самомъ происшествіи, а въ томъ, какъ разсказывалъ его Глинка: это была истинная умора! Онъ вмѣшивалъ съ нее само Провидѣніе! «Отчего же, — повторялъ онъ всякій разъ,—рука моя двинулась не прямо, а въ сторону? Я человѣкъ и кровь горѣла во мнѣ; отчего же рука моя не протянулась прямо?.. На это была уже не моя воля, а вотъ откуда шла она!» — торжественно прибавлялъ онъ, указывая рукою вверхъ.

Прошло съ мѣсяцъ: братъ мой продолжалъ трудиться какъ обыкновенно, хотя не очень надѣялся на безпристрастіе тѣхъ, кто долженъ былъ судить жалобу на него профессоровъ Московскаго университета. Скорѣе всего ожидалъ онъ неблагопріятнаго рѣшенія, и потому-то Глинка иногда надоѣдалъ ему своими преувеличиваніями. Забѣгая къ нему почти каждый день, онъ въ это время всякій разъ кричалъ, какъ только вваливался къ нему въ комнату: «Въ Сибирь, батюшка, въ Сибирь!» Мы ожидали извѣстій изъ Петербурга, не имѣя тамъ никакого заступника, а это, конечно, было неутѣшительно, и естественно, что іереміады Глинки были, наконецъ, скучны. Но часъ «Московскаго Телеграфа» еще не насталъ. По странной игрѣ случая, жалоба профессоровъ была получена въ Петербургѣ въ такой промежутокъ времени, когда князь Ливенъ почему-то не занимался дѣлами министерства просвѣщенія — былъ боленъ или въ отлучкѣ—и должность его исправлялъ, если не ошибаюсь, графъ Блудовъ. Мнѣ самому смѣшно теперь, какъ мало заботились мы тогда о столь важномъ дѣлѣ, какъ существованіе нашего журнала, зависѣвшее отъ рѣшенія министра; мы не только не хлопотали вокругъ него, но даже не знали, кто исправлялъ должность его! Я и теперь не могу сказать навѣрное, кто былъ тотъ благородный и безпристрастный человѣкъ, который, разсмо-

трѣвъ жалобу профессоровъ Московскаго университета, призналъ ее неосновательною, и какъ издателя «Московскаго Тетеграфа», такъ и цензора его—нисколько невиноватыми, находя въ преслѣдуемой статьѣ обыкновенное явленіе полемики между двумя журналистами, нимало не касавшееся уиверситета. Онъ здраво указалъ на совершенное различіе между профессоромъ и журналистомъ и предписалъ не смѣшивать впредь званія писателя съ тѣмъ, что онъ пишетъ.

Послѣ такого рѣшенія, можно представить себѣ, какъ были раздосадованы противники «Московскаго Телеграфа», и какъ возликовалъ добрый нашъ С. Н. Глинка. Онъ подпрыгивалъ и распѣвалъ, сочинилъ стихи и музыку на нихъ, и увѣрился, что правда еще не совсѣмъ умерла на землѣ.

Но замѣтьте, что всѣ такія происшествія неизбѣжно увеличивали число непріятелей моего брата. Разумѣется, что всѣ профессоры, участвовавшіе въ жалобѣ на него министру, почитали себя вдвойнѣ оскорбленными справедливымъ рѣшеніемъ, полученнымъ изъ Петербурга. Не только не достигли они предположенной цѣли, но и могли думать, что поступокъ ихъ не понравился начальству. А извѣстно, какъ у насъ страшатся этого! «И всему виной Полевой! Не будь его, не было бы и этой непріятности! Ужъ мы же ему»!.. Такой образъ мыслей, естественно раздѣляли родные и друзья ихъ, — все народъ, больше или меньше, прикосновенный къ литературѣ.

IV.

Новый и опасный врагъ—Надеждинъ.—Курьезное знакомство съ М. Н. Загоскинымъ.—Характеристика князя Шаликова и нѣкоторыя біографическія подробности о немъ.—Прекращеніе литературной войны между «Московскимъ Телеграфомъ» и петербургскими журналистами — Гречемъ и Булгаринымъ. — Поѣздка К. А. Полеваго въ Петербургъ для типографскихъ заказовъ.—Сближеніе его съ литературнымъ кружкомъ Булгарина и Греча.—В. А. Ушаковъ въ роли посредника.— Нѣсколько словъ о петербургской жизни Пушкина. —Характеристика поэта.—Частыя свиданія съ нимъ К. А. Полеваго.—Глумленіе Пушкина надъ П. И. Свиньинымъ.

Въ то самое время, когда отношенія къ Каченовскому привели Н. А—ча къ столкновенію съ Московскимъ университетомъ, сталъ извѣстенъ въ литературѣ Надеждинъ, о которомъ упомянулъ я уже не разъ. Онъ постепенно сдѣлался однимъ изъ непримиримыхъ враговъ моего брата, и былъ опасенъ и нестерпимъ особенно тѣмъ, что не дѣлалъ различія въ средствахъ, которыми старался достигать своихъ цѣлей. Я не зналъ его лично, встрѣтилъ только разъ въ

жизни, и гдѣ же? у С. Н. Глинки, когда тотъ сидѣлъ на гауптвахтѣ: Надеждинъ, видно, хотѣлъ показать ему свое участіе!.. Но я знаю его хорошо, бывши участникомъ въ литературной войнѣ противъ него нѣсколько лѣтъ. Говорили, что онъ съ необыкновеннымъ отличіемъ прошелъ полный курсъ наукъ въ духовныхъ училищахъ, и несомнѣнно имѣлъ обширныя познанія, особливо въ церковныхъ и духовныхъ предметахъ. Какъ человѣкъ съ умомъ, способнымъ на все, онъ могъ заниматься и литературой, могъ бы даже работать для нея съ пользою, имѣя свѣдѣнія въ древнихъ языкахъ; но у такого человѣка, какъ Надеждинъ, все служитъ только для корыстныхъ видовъ и не можетъ быть одушевлено любовью къ успѣху, къ добру, къ истинѣ. Онъ явился въ Москву съ цѣлью получить мѣсто профессора въ университетѣ, и скоро увидѣлъ, что для этого необходимо пріобрѣсти благосклонность хоть одного изъ старшихъ профессоровъ, имѣющихъ авторитетъ. Каченовскій обладалъ всѣми качествами для покровительствованія покорнаго ему кліента. Онъ былъ гордъ, самолюбивъ и твердъ, такъ что сочлены почти боялись его, знали его авторитетъ и готовы были сдѣлать для него многое потому даже, что не хотѣли съ нимъ ссориться. Распознавъ это, Надеждинъ уцѣпился за Каченовскаго и прикинулся жаркимъ его поборникомъ. Такой образъ дѣйствій обыкновенно называютъ ловкостью; но мнѣ, кажется, что къ этой ловкости способенъ каждый, не совсѣмъ глупый человѣкъ: стоитъ ему только продать душу чорту, то есть не гнушаться никакими средствами, когда они могутъ служить корыстнымъ его видамъ, и все пойдетъ какъ по маслу! Такіе примѣры встрѣчаются на всякомъ шагу. Каченовскій страшно злобствовалъ на Пушкина, сначала за его сочиненія, а окончательно за Курилку-журналиста, за Зоила, за Подколодный Вѣстникъ, и проч. Эти эпиграммы лишали его покоя, и онъ готовъ былъ язвить и бранить Пушкина всѣми способами; но всегдашняя лѣнь, хилое здоровье и отчасти боязнь проиграть еще больше въ новой войнѣ—заставляли его молчать. Въ это-то время предложилъ ему свои покорныя услуги Надеждинъ, представлявшій себя поклонникомъ его и поборникомъ всѣхъ его убѣжденій. Въ «Вѣстникѣ Европы» стали появляться длинныя и многоглаголивыя статьи, съ подписью Недоумко, гдѣ больше всѣхъ доставалось Пушкину. Сначала мы думали, что подъ завѣсой новаго псевдонима пишетъ самъ Каченовскій: такъ умѣлъ Надеждинъ перенять у него взгляды, мнѣнія и даже слогъ! Какая-то путаная теорія, какая-то іезуитская или тартюфская нравственность и тяжелый, фигурный, напоминавшій кутейника языкъ были отличительными свойствами этихъ статей. Каченовскій ожилъ въ нихъ, съ прибавкою еще чего-то тяжелаго, безжизненнаго. Особенно хороши тамъ мѣста, гдѣ авторъ хотѣлъ острить; надъ шуточками его (въ родѣ: «стихи-хи-хи!») послѣ забавлялся самъ Пушкинъ.

Достигнувъ цѣли, то есть сдѣлавшись профессоромъ университета, Надеждинъ отчуждился отъ Каченовскаго и потомъ смѣялся надъ нимъ. Но онъ возненавидѣлъ моего брата за то, что въ статьяхъ «Телеграфа» былъ обличенъ въ безвкусіи и разныхъ промахахъ, которыми изобиловали рабскія его подражанія Каченовскому, напечатанныя въ «Вѣстникѣ Европы». Вскорѣ онъ сталъ издавать журналъ «Телескопъ» съ отдѣльными листками, носившими заглавіе «Молвы». Тамъ-то, впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, онъ выражалъ всю злобу свою противъ моего брата и употреблялъ оружіе всякаго рода: иногда обвинялъ за то, чего не писалъ и не думалъ его противникъ, иногда приводилъ изъ его сочиненій невѣрныя цитаты и пересыпалъ свои навѣты всевозможными грубостями. Вокругъ Надеждина образовался особый кружокъ ненавистниковъ Н. А. Полеваго, которые дѣйствовали въ духѣ своего предводителя.

Всякій, кто только владѣетъ критическимъ перомъ, долженъ непремѣнно встрѣтить много противниковъ и непріятелей. Это было и прежде, это явно и теперь, при размноженіи журналовъ, которые почти всѣ воюютъ одинъ съ другимъ! Но противники бываютъ разныхъ свойствъ, или,—какъ бы сказать яснѣе?—разныхъ выраженій духа человѣческаго: съ однимъ поссоришься, даже готовъ идти съ нимъ подраться, хоть бы въ смертномъ бою, а какъ пройдетъ пылъ страсти, то готовъ подать ему руку; съ другимъ и мысль о примиреніи не приходитъ въ голову, конечно, потому, что осуществленіе ея невозможно. Могъ ли когда нибудь примириться братъ мой съ Каченовскимъ, съ Надеждинымъ и подобными имъ писателями, которые дѣйствовали противъ него не только полемикою, или хоть бы самою жаркою перебранкою, но и всѣми средствами: интригами, жалобами, клеветою, печатною и изустною, старались наносить ему вредъ какъ человѣку, какъ гражданину, и покушались отбить у него доходы не трудомъ, не искусствомъ, а такими махинаціями, какія указалъ я въ дѣйствіяхъ г. Погодина. Но онъ охотно сближался съ тѣми, съ кѣмъ былъ только въ литературной распрѣ. Примѣромъ можетъ послужить сближеніе его съ Михаиломъ Николаевичемъ Загоскинымъ,—сближеніе курьезное, но искреннее, оставшееся неразрывнымъ до конца жизни.

Загоскинъ, страстный театралъ, драматическій писатель, служилъ при театрѣ и принадлежалъ къ московской партіи Кокошкина и Писарева: это само собою удаляло его отъ моего брата, на котораго Писаревъ готовъ былъ возстановить небо и землю. Послѣ смерти Писарева, Кокошкинъ былъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ Николаемъ Алексѣевичемъ и со мною. Но до 1829 года вся эта партія глядѣла непріязненно на издателя «Московскаго Телеграфа»; вѣроятно, и Загоскинъ, подъ вліяніемъ Писарева, раздѣлялъ ея мнѣнія. Надобно сказать, что Загоскинъ былъ человѣкъ добрый, просто-

душный, но горячій, вспыльчивый, капризный, какъ избалованное дитя. Вспыльчивость его всего чаще бывала смѣшна, потому что въ ней не было и слѣда злобы. Разумѣется, что на такого человѣка электрически дѣйствовала критика его сочиненій, и онъ приходилъ въ бѣшенство отъ самаго легкаго замѣчанія о недостаткахъ милыхъ его чадъ. Успѣхъ «Юрія Милославскаго» придалъ ему еще больше авторскаго самолюбія. Когда изданъ былъ второй романъ его «Рославлевъ», издатель «Московскаго Телеграфа» напечаталъ о немъ въ своемъ журналѣ отзывъ не очень благосклонный и показалъ ничтожность самаго основанія этого сочиненія. Общее мнѣніе впослѣдствіи подтвердило такой приговоръ. Но въ тотъ самый день, когда раздавалась книжка «Московскаго Телеграфа», гдѣ былъ напечатанъ отзывъ о Рославлевѣ, Загоскинъ пришелъ зачѣмъ-то въ книжную лавку Ширяева, всемірнаго злослова, который самъ поносилъ всѣхъ и любилъ ссорить людей. Хотя онъ всегда ласкался около моего брата, потому что получалъ черезъ него разныя выгоды, а иногда и обиралъ его безсовѣстно (особенно, когда тотъ нуждался въ деньгахъ), однако, увидѣвъ Загоскина, онъ не могъ удержаться отъ своей милой привычки и насмѣшливо спросилъ у него: «А читали вы, что пишетъ Полевой о вашемъ новомъ романѣ?» — «Нѣтъ!» — отвѣчалъ Загоскинъ и уже вспыхнулъ.—«Да, это можетъ повредить сбыту вашей книги; не угодно ли взглянуть на его статейку?». И онъ подалъ ему книжку «Московскаго Телеграфа». Загоскинъ пробѣжалъ статью о своемъ романѣ, покраснѣлъ, задрожалъ и, бѣснуясь на всѣ манеры, сталъ бранить моего брата. Ширяевъ поджигалъ его гнѣвъ своими хладнокровными сарказмами, такъ что, наконецъ, Загоскинъ, стукнувъ тростью, бывшею у него въ рукахъ, вскричалъ: «Вы видите эту трость? Я сейчасъ иду къ Полевому и прибью его вотъ этою самою тростью». Квартира наша была въ трехъ шагахъ отъ университетской книжной лавки, и Загоскинъ дѣйствительно тотчасъ прибѣжалъ къ Николаю Алексѣевичу и сказалъ встрѣтившему его слугѣ, что Загоскинъ желаетъ видѣть издателя «Московскаго Телеграфа». Вѣроятно, покуда онъ шелъ отъ Ширяева до нашей квартиры, горячка его уже немного пріутихла; когда же онъ вступилъ въ комнаты того дома, гдѣ обѣщалъ себѣ драться, онъ одумался еще больше; наконецъ, Николай Алексѣевичъ, услыхавъ о Загоскинѣ, поспѣшилъ встрѣтить его съ такимъ обрадованнымъ, добрымъ лицомъ, что у сердитаго добряка руки опустились. — «Какъ я радъ видѣть васъ у себя, почтеннѣйшій Михаилъ Николаевичъ!—началъ братъ мой:— я давно желалъ имѣть удовольствіе познакомиться съ вами лично, зная васъ»...—«Позвольте, позвольте, Николай Алексѣевичъ,—прервалъ его Загоскинъ, смягчая сколько могъ голосъ свой: — я пришелъ объясниться съ вами!»—«Я къ вашимъ услугамъ, но прежде прошу васъ, сдѣлать мнѣ честь, садиться... Вы такой дорогой гость».

Разумѣется, я не могу передать здѣсь собственныхъ словъ моего брата, и передаю только тонъ, въ какомъ началъ онъ разговоръ съ Загоскинымъ, неподдѣльно обрадовавшись посѣщенію его, потому что давно любилъ его, какъ драматическаго автора, и вообще уважалъ въ немъ человѣка и честнаго писателя. Онъ и не подозрѣвалъ, съ какимъ обѣтомъ явился къ нему этотъ гость! Онъ точно принялъ за честь первый визитъ съ его стороны. Почти обезоруженный его встрѣчею, Загоскинъ сначала хотѣлъ поддерживать свой серьезный тонъ; но Николай Алексѣевичъ отвѣчалъ ему такъ прямодушно, просто, сказалъ нѣсколько комплиментовъ такъ искренно, что Загоскинъ протянулъ къ нему руку и сказалъ: «Я нахожу васъ совсѣмъ не такимъ, какимъ представлялъ себѣ по чужимъ разсказамъ, и жалѣю, что мы давно не сошлись. Въ знакъ искренности, позвольте же мнѣ попросить у васъ извиненія въ томъ зломъ намѣреніи, съ какимъ я пришелъ къ вамъ: я хотѣлъ съ вами ссориться, драться за отзывъ о Рославлевѣ; но теперь сознаюсь, что вы пользовались только своимъ правомъ, которое принадлежитъ всякому журналисту». Тутъ начался разговоръ о самомъ романѣ, и братъ мой умѣлъ такъ ясно представить ему свое искреннее мнѣніе, оправдалъ замѣчанія свои такъ искусно, что Загоскинъ согласился съ нимъ во многомъ, увѣрился, что отзывъ сдѣланъ не съ желаніемъ унизить его дарованіе, а только показать слабую сторону одного сочиненія, и въ концѣ своего визита онъ уже смѣялся, шутилъ и просилъ Николая Алексѣевича о продолженіи пріязни, начавшейся такъ внезапно и оригинально.

Я жилъ въ нижнемъ этажѣ того дома, гдѣ въ верхнемъ, который занималъ мой братъ, происходила описанная мною сцена. Проводивъ Загоскина, братъ сошелъ ко мнѣ и пересказалъ всѣ подробности своего съ нимъ свиданія. Съ одной стороны нельзя было не смѣяться надъ дѣтской вспыльчивостью Загоскина; съ другой стороны нельзя было не полюбить его за доброе сердце. Онъ своимъ добрымъ сердцемъ понялъ Николая Алексѣевича вѣрнѣе, нежели многіе, которые предполагали въ немъ глубокую хитрость, когда, напротивъ, во всѣхъ дѣлахъ и отношеніяхъ, выходившихъ изъ очарованнаго круга литературы, братъ мой былъ простофиля! Кто не обманывалъ, не обиралъ, не надувалъ его? Онъ искренно предавался чувству пріязни и всегда старался болѣе одолжать другихъ, нежели самъ искать одолженій. Не было человѣка болѣе готоваго на услугу, больше расположеннаго забыть и простить обиду. Въ этомъ у него было своего рода самолюбіе. Самый жестокій противникъ (только не подлецъ) могъ протянуть къ нему дружескую руку и послѣ этого требовать даже пожертвованій съ его стороны. Онъ не мирился только съ тѣми, въ комъ видѣлъ неистребимыя начала зла или шаткую, ненадежную нравственность.

Вотъ еще примѣръ. Князь Шаликовъ, издатель «Дамскаго

Журнала», самый смѣшной подражатель сантиментальности Карамзина, не меньше смѣшной своей чопорною наружностью, своими высокопарными фразами и всѣмъ существомъ своимъ,—этотъ единственный типъ своего рода,—открылъ въ «Дамскомъ Журнальчикѣ» войну противъ моего брата съ самаго начала изданія «Московскаго Телеграфа» и продолжалъ ее нѣсколько лѣтъ. Выраженія его, обыкновенно отзывавшіяся розовою водою, иногда пахли дегтемъ, когда онъ писалъ противъ издателя «Московскаго Телеграфа». Всего больше обижался онъ тѣмъ, что надъ нимъ смѣетъ подшучивать мужикъ, и онъ почиталъ себя въ правѣ обращаться къ нему иначе, нежели къ людямъ благороднымъ. Пріятель его, тоже плохой писатель, Волковъ (авторъ «Освобожденной Москвы») замѣтилъ ему однажды, что онъ выходитъ изъ границъ вѣжливости и грубо обращается въ своемъ журналѣ къ Полевому. Шаликовъ, чуть ли не больше всего дорожившій своимъ титуломъ грузинскаго князя, величественно возразилъ Волкову: «Вы, какъ человѣкъ блаодный, не можете переселиться въ чувства этого мюжжика! Онъ не пойметъ тонкихъ намековъ свѣтскаго челловвѣка, который считаетъ сорокъ поколѣній своихъ предковъ князей!» При другомъ случаѣ, когда ему замѣтили, что онъ слишкомъ горячится, онъ примѣнилъ къ себѣ стихъ, вложенный Пушкинымъ въ уста черкешенки, и воскликнулъ тоненькимъ, дрожащимъ своимъ голоскомъ:

Я близъ Кавказа рождена!

Но, не смотря на свои смѣшные недостатки, на свое чванство, тупоуміе и безчисленныя претензіи, князь Шаликовъ былъ человѣкъ не злой, не дурной! Испорченный своимъ вѣкомъ, онъ, по слабости разсудительной силы, не могъ освободиться отъ многихъ дурачествъ, обратившихся въ его природу; но никто не могъ упрекнуть его въ низости или какомъ нибудь злонамѣренномъ поступкѣ. Онъ сдѣлалъ глупость, нарочно оставшись въ Москвѣ въ 1812-мъ году и вообразивъ, что французы, образованные люди, не станутъ обижать благороднаго, свѣтскаго человѣка, который станетъ разговаривать съ ними на французскомъ діалектѣ. Онъ едва ли и видѣлъ французовъ, какъ разнонародная сволочь, нахлынувшая на Москву, ограбила его такъ, что онъ остался въ одномъ халатѣ, а домъ, гдѣ онъ жилъ, сгорѣлъ въ общемъ пожарѣ. Разочарованный князь Шаликовъ ждалъ утѣшеній и пособій на пожарищѣ, когда графъ Ростопчинъ, возвратившись въ Москву, грозно приказалъ ему явиться къ себѣ, полагая, что онъ былъ въ дружескихъ сношеніяхъ съ непріятелями. Но раздраженный грузинскій князь далъ ему такой отпоръ, что Ростопчинъ старался только усмирить его! Послѣ одного этого поступка не стыдно было вступать въ сношенія съ княземъ Шаликовымъ, который не испугался тогдашняго свирѣпаго главнокомандующаго Москвы, а прямо

въ лицо укорялъ его въ обманчивыхъ увѣреніяхъ о безопасности столицы, гдѣ многіе и оставались до тѣхъ поръ, что уже не было средствъ къ спасенію себя и своего имущества. Говорятъ даже, что Шаликова привезли къ Ростопчину, какъ онъ былъ въ халатѣ, и онъ, указывая на свое рубище, прежде всего потребовалъ у него себѣ одежды и пріюта, приписывая ему свое бѣдствіе. Такихъ чертъ князя Шаликова было извѣстно нѣсколько, и онѣ мирили съ нимъ. Не знаю какъ, братъ мой, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ журнальной перебранки, сошелся гдѣ-то съ нимъ и оставался уже всегда въ дружественныхъ сношеніяхъ. Князь бывалъ иногда и обѣдывалъ у него, и тутъ я имѣлъ случай познакомиться съ этимъ неподражаемымъ Ахалкинымъ. Потомъ мы пріятельски встрѣчались съ нимъ на Тверскомъ бульварѣ, гдѣ онъ бродилъ еще незадолго до своей смерти, едва передвигая ноги, но все попрежнему разсматривая въ лорнетъ встрѣчавшихся женщинъ и никогда не упуская случая воскликнуть: «Ахъ, какая хорошенькая!» Я засналъ его уже дряхлымъ старикомъ; но онъ всегда бывалъ одѣтъ, какъ куколка, подкрашенъ, накрашенъ, затянутъ, и терпѣть не могъ напоминанія о старости. Обыкновенная слабость всѣхъ щеголей и волокитъ!

Непріятели моего брата выставляли почти дурнымъ поступкомъ прекращеніе непріязненныхъ отношеній между нимъ и издателями «Сѣверной Пчелы», гг. Гречемъ и Булгаринымъ. Говорили даже, будто я нарочно ѣздилъ въ Петербургъ для примиренія съ ними. Здѣсь настоящее мѣсто опровергнуть эти лживые разсказы и толки, къ которымъ поводомъ была чистая выдумка нашихъ непріятелей. Я разскажу прямо и откровенно, какъ прекратилась наша литературная война съ упомянутыми писателями, и въ какихъ отношеніяхъ были мы съ ними въ слѣдующіе годы, потому что эти отношенія не разъ измѣнялись. По порядку времени, упомяну я объ этихъ измѣненіяхъ; теперь рѣчь только о первомъ сближеніи послѣ войны.

До половины 1827 года, война все еще продолжалась, хотя уже не запальчиво, потому что обѣ стороны были утомлены ею и она жестоко имъ надоѣла. Лѣтомъ 1827 года, братъ мой неожиданно получилъ, чрезъ книгопродавца Ширяева, первое изданіе «Сочиненій Булгарина», только-что отпечатанное, и при немъ письмо автора. Жалѣю, что не сохранилось это письмо, надобно сознаться, написанное очень ловко, съ военною искренностью, какую нѣкогда находилъ въ Булгаринѣ А. Бестужевъ. Я не помню выраженій письма, но первыя фразы его могу передать и теперь почти буквально:

«Не журналисту, врагу моему непримиримому, критику неумолимому, посылаю мои сочиненія,—писалъ Булгаринъ:—нѣтъ, посылаю ихъ Николаю Алексѣевичу Полевому, который, въ былое время,

посѣщалъ меня, какъ добрый пріятель, котораго полюбилъ я всѣмъ сердцемъ, и всегда съ удовольствіемъ вспоминаю о знакомствѣ съ нимъ и о многихъ часахъ проведенныхъ вмѣстѣ. Мы поссорились, какъ бѣшенные, и перебраниваемся на утѣшеніе нашимъ истиннымъ врагамъ и вмѣстѣ врагамъ литературы, которые этимъ пользуются и насъ же подругиваютъ. Будетъ ли этому конецъ? Не знаю; но, во всякомъ случаѣ, прошу васъ принять мои томики, какъ знакъ воспоминанія о старой дружбѣ. Браните, терзайте ихъ сколько угодно, только будьте увѣрены, что я не разлюбилъ васъ и храню въ душѣ прежнее къ вамъ уваженіе».

Таково было содержаніе этого письма, памятнаго мнѣ потому, что оно было страннымъ событіемъ въ тогдашней нашей войнѣ съ Булгаринымъ. Въ немъ было что-то похожее на благородную искренность, была и правда; сверхъ того, оно могло льстить самолюбію Николая Алексѣевича. Онъ, однако жъ, и не думалъ принять его за предложеніе мира, не хотѣлъ возобновлять пріязненныхъ сношеній съ Булгаринымъ, и, по совѣщанію съ княземъ Вяземскимъ, бывшимъ тогда обязательнымъ сотрудникомъ «Московскаго Телеграфа», даже не отвѣчалъ Булгарину на ловкое его письмо. Осенью 1827 года, братъ мой получилъ въ подарокъ отъ Н. И. Греча вышедшую тогда его «Практическую грамматику», также при коротенькомъ письмѣ, состоявшемъ изъ нѣсколькихъ обыкновенныхъ вѣжливостей, но безъ всякихъ предложеній о мирѣ, хотя еще прежде этого они встрѣтились на обѣдѣ у П. П. Свиньина и разговаривали пріятельски. Николай Алексѣевичъ никогда не питалъ непріязни къ Н. И. Гречу и, при свиданіи у Свиньина, они были, какъ старые знакомые, которымъ литературныя распри не мѣшаютъ уважать другъ друга. Война прекращалась сама собою, отъ усталости воевавшихъ, но мира не было. Булгаринъ началъ, однако жъ, иногда упоминать въ «Сѣверной Пчелѣ» объ Николаѣ Алексѣевичѣ безъ непріязни; но это по собственному побужденію, безъ всякихъ сношеній съ нимъ.

Такъ прошло время до весны 1828 года, когда я пріѣхалъ въ Петербургъ съ рукописью перевода Вальтеръ-Скоттовой «Жизни Наполеона», о чемъ я уже подробно разсказывалъ. Это была главная, если не единственная, причина моей поѣздки въ Петербургъ, гдѣ я не бывалъ до тѣхъ поръ. Очень естественно, что, какъ молодому человѣку, мнѣ любопытно было познакомиться съ самимъ этимъ знаменитымъ городомъ и съ разными его достопамятностями. Невольно остававшись тамъ до іюня мѣсяца, я пользовался всѣми случаями узнать не однѣ рѣдкости историческія и художественныя, которыми богатъ Петербургъ, но хотѣлъ видѣть вблизи и всѣхъ замѣчательныхъ людей. Кромѣ того, мы рѣшились съ братомъ устроить свою типографію, если только, бывши въ Петербургѣ, я удостовѣрюсь, что тамъ точно есть на Александровской мануфактурѣ ско-

ропечатный типографскій станъ, какъ увѣрялъ насъ одинъ свѣдущій человѣкъ.

Кстати сказать, я безъ всякаго хвастовства могу почитать себя первымъ вводителемъ или распространителемъ скоропечатныхъ становъ въ Россіи. Вотъ какъ это случилось. Я пріѣхалъ въ Александровскую мануфактуру, явился къ главному начальнику ея, ученому генералу Вильсону, и просилъ его не только позволить мнѣ осмотрѣть всѣ заведенія мануфактуры, но и объяснить нѣкоторыя подробности механическаго ея заведенія. Г. Вильсонъ былъ такъ благосклоненъ, что самъ повелъ меня туда, показывалъ и объяснялъ всѣ подробности превосходной, единственной тогда въ Россіи, мануфактуры, которую составляли нѣсколько образцовыхъ заведеній, какъ-то: бумагопрядильня, ткацкое заведеніе, парусная фабрика, карточная фабрика и обширная машинная фабрика, гдѣ приготовлялись почти всѣ машины, выписываемыя нынѣ изъ Англіи и Бельгіи. На карточной фабрикѣ, составлявшей малѣйшую часть Александровской мануфактуры, генералъ Вильсонъ ввелъ скоропечатаніе, посредствомъ двухъ англійскихъ станковъ, что̀ весьма улучшило и облегчило печатаніе крапа и рисунковъ картъ. Онъ объяснилъ мнѣ, что это-то и есть машина, которую желалъ я видѣть и о которой мы читали чудеса въ иностранныхъ журналахъ. Тогда она еще не была такъ усовершенствована, какъ нынѣ, однако, я пришелъ въ восторгъ, глядя на ея дѣйствія, и спросилъ у генерала Вильсона, можетъ ли онъ взяться сдѣлать мнѣ такой станокъ для типографіи. Онъ отвѣчалъ, что очень радъ, что цѣль механическаго заведенія — распространять полезныя машины. Мы тутъ же сговорились о времени, въ какое можетъ быть изготовлена машина, и приблизительно онъ назначилъ мнѣ цѣну ея — 10,000 рублей ассигнаціями. Я сказалъ ему, что не могу теперь рѣшиться окончательно, но, послѣ совѣщанія съ моимъ братомъ, увѣдомлю его изъ Москвы или пріѣду самъ, нарочно для этого заказа. Дѣйствительно, въ августѣ я пріѣхалъ въ Петербургъ, заказалъ скоропечатную машину и уговорился, что она будетъ готова къ лѣту будущаго года. Г. Вильсонъ сказалъ, что раньше онъ не можетъ сдѣлать ее, при множествѣ другихъ работъ, но когда будетъ она готова, онъ увѣдомитъ меня, и потомъ, по перевозкѣ въ Москву, пришлетъ механика — пустить въ ходъ машину. Свидѣтелемъ всего этого былъ Сергѣй Александровичъ Соболевскій, съ которымъ мы вмѣстѣ пріѣхали тогда изъ Москвы, жили на одной квартирѣ, и вмѣстѣ были у г. Вильсона; онъ же помогъ мнѣ тогда деньгами на задатокъ за машину и за типографскія матрицы и литеры, которыя заказалъ я у Юргенсона. Но, видно, судьба не хотѣла, чтобы Николай Алексѣевичъ и я были типографщиками. Г. Вильсонъ еще не увѣдомилъ насъ, какъ вдругъ Н. И. Гречъ пишетъ къ моему брату, что видѣлъ заказанный для него у г. Вильсона ско-

ропечатный станъ и проситъ уступить его за ту самую цѣну, какую надобно заплатить за него; что г. Вильсонъ сдѣлаетъ намъ другой, а ему (г. Гречу) скоропечатный станокъ нуженъ сейчасъ; что онъ почтетъ за одолженіе такую уступку. Братъ мой согласился на это, и г. Гречъ былъ первый, который въ Петербургѣ поставилъ въ своей типографіи скоропечатный станъ. Изготовленіе новаго стана для насъ замедлилось, и, когда онъ былъ доставленъ въ Москву, обстоятельства перемѣнились, такъ что мы отмѣнили намѣреніе заводить типографію, и продали всѣ заготовленныя для нея принадлежности, а скоропечатный станъ, за ту же цѣну, какую мы заплатили, купила у насъ московская синодальная типографія, гдѣ съ этихъ поръ и введено скоропечатаніе.

Оправдываю разсказанными здѣсь подробностями свою претензію на первоначальное введеніе въ Россіи скоропечатныхъ станковъ. Рѣчь объ этомъ мимоходомъ, такъ пришлось сказать кстати; но занятія мои въ Петербургѣ, за время перваго пріѣзда моего туда, показываютъ, что я былъ тамъ вовсе не для заключенія мира съ издателями «Сѣверной Пчелы». Сначала я даже раздумывалъ, знакомиться ли съ ними лично, хотя это было любопытно и желательно мнѣ по многимъ отношеніямъ. Любопытно разсмотрѣть поближе и звѣря, съ которымъ былъ въ жаркой схваткѣ. Многіе разсказы объ оригинальности Булгарина и простодушіи въ обращеніи также заставляли меня желать встрѣтиться съ нимъ. Къ этому былъ даже случай. Василій Аполлоновичъ Ушаковъ, ѣхавшій со мной изъ Москвы въ одномъ дилижансѣ и показавшій мнѣ себя прямодушнымъ и образованнымъ человѣкомъ (какъ описывалъ я въ первой части этихъ «Записокъ»), просилъ меня посѣтить его въ Петербургѣ и сказалъ, что онъ будетъ жить у своего друга, Булгарина, съ которымъ былъ онъ въ близкихъ сношеніяхъ, еще служивши въ гвардіи, слѣдовательно въ ранней молодости. Но я не спѣшилъ знакомиться ни съ г. Гречемъ, ни съ Булгаринымъ. Въ первое время по пріѣздѣ въ Петербургъ, я жилъ въ гостинницѣ «Демутъ», гдѣ обыкновенно квартировалъ А. С. Пушкинъ. Я каждое утро заходилъ къ нему, потому что онъ встрѣчалъ меня очень любезно и привлекалъ къ себѣ своими разговорами и разсказами. Какъ-то въ разговорѣ съ нимъ я спросилъ у него—знакомиться ли мнѣ съ издателями «Сѣверной Пчелы»?—«А почему же нѣтъ?—отвѣчалъ не задумываясь Пушкинъ. — Чѣмъ они хуже другихъ? Я нахожу въ нихъ людей умныхъ. Для васъ они будутъ особенно любопытны!» Тутъ онъ вошелъ въ нѣкоторыя подробности, которыя показали мнѣ, что онъ говоритъ искренно, и находилъ, что съ моей стороны было бы неумѣстной взыскательностью отказываться отъ этого знакомства. Мнѣніе Пушкина въ этомъ случаѣ было для меня такъ значительно, что всякое предубѣжденіе исчезло во мнѣ, и въ первое свободное утро я зашелъ въ квартиру Булгарина, спрашивая

В. А. Ушакова. Онъ жилъ въ кабинетѣ Булгарина, и я засталъ тутъ довольно многочисленное общество, между прочимъ, Мицкевича, Грибоѣдова и Греча. Безъ объясненій и рекомендацій я очутился какъ будто въ давно знакомомъ обществѣ. Булгаринъ обратился ко мнѣ такъ просто и радушно, какъ старый знакомый; онъ даже показался мнѣ смиреннымъ и кроткимъ простофилей, можетъ быть, оттого, что я ожидалъ увидѣть пылкаго говоруна, какимъ онъ никогда не былъ. Напротивъ, Гречъ съ перваго свиданія былъ таковъ, какимъ я знаю его и теперь: любезнымъ, остроумнымъ собесѣдникомъ. Для Мицкевича и какого-то бывшаго тутъ же француза разговоръ часто переходилъ изъ русскаго во французскій, и французское остроуміе г. Греча было не хуже русскаго. Гречъ просилъ меня посѣтить его. Грибоѣдова я не успѣлъ даже разсмотрѣть, потому что онъ вскорѣ ушелъ, въ сопровожденіи какого-то театральнаго артиста: съ нимъ часто бывалъ кто нибудь изъ театральныхъ чѣмъ-то въ родѣ адъютанта. Если не ошибаюсь, тутъ же былъ А. А. Жандръ, другъ Грибоѣдова. Для чего было мнѣ отказываться отъ такого общества, гдѣ, кромѣ самихъ хозяевъ, всегда радушныхъ, я встрѣчалъ множество людей умныхъ, отличенныхъ дарованіями, достойныхъ всякаго уваженія? Послѣ, черезъ много лѣтъ, Булгаринъ составилъ себѣ отдѣльный кругъ, который постепенно оставили всѣ прежніе его знакомые, и даже товарищъ его, Гречъ; но въ описываемое мною время его не чуждался никто, ни Гнѣдичъ, ни Пушкинъ, ни Грибоѣдовъ, ни благороднѣйшій адмиралъ Рикордъ, съ которымъ я познакомился также черезъ Булгарина. Чудакъ, но неподкупный правдорѣзъ, В. А. Ушаковъ, распинался за Булгарина и видѣлъ въ немъ друга! Могъ ли человѣкъ молодой, и не какой нибудь славный литераторъ, а случайно-брошенный на литературное поприще, не увлечься обаяніемъ истинно-литературнаго кружка, встрѣчавшаго его самымъ лестнымъ вниманіемъ? Тогда мнѣ было это просто пріятно, и я, безъ всякихъ разсчетовъ и цѣлей, часто посѣщалъ Греча и Булгарина. Я не могъ предвидѣть что̀ послѣ сдѣлаетъ изъ себя Булгаринъ; а тогда видѣлъ въ немъ умнаго, иногда смѣшнаго, капризнаго, но любезнаго человѣка, и если съ моей стороны было ошибкою сближеніе съ Булгаринымъ, то я раздѣлялъ эту ошибку съ благороднѣйшими людьми, которыхъ видѣлъ въ лучшихъ отношеніяхъ съ нимъ. Грибоѣдовъ до смерти оставался въ самыхъ искреннихъ связяхъ съ нимъ и поручилъ ему свои интересы, уѣзжая изъ Петербурга. Мицкевичъ находилъ его добрякомъ, и только смѣялся надъ комическими его сторонами. Всѣ другіе, общіе наши знакомые, глядѣли на него какъ на человѣка съ разными недостатками, которые, однако, выкупались добрыми качествами и дарованіемъ. Я и теперь думаю, что онъ дѣйствительно былъ таковъ въ описываемое мною время.

Покуда я оставался въ Петербургѣ, не было у меня никакихъ переговоровъ ни съ Гречемъ, ни съ Булгаринымъ о литературномъ примиреніи. Когда невольно иногда касалась рѣчь нашей литературной войны, оба они жалѣли, что она была, и надѣялись, что мирныя отношенія наши будутъ на пользу литературы. Объ этомъ убѣдительно говорилъ и новый знакомецъ мой В. А. Ушаковъ. «На что это похоже,—повторялъ онъ мнѣ много разъ,—лучшіе журналисты, люди съ умомъ, съ образованнымъ вкусомъ, съ познаніями, перебраниваются, тогда какъ они должны уважать другъ друга и общими силами заботиться объ успѣхѣ литературы и просвѣщенія! За что эта война? изъ-за чего началась и продолжается она? Изъ-за пустыхъ претензій человѣческаго самолюбія! Вѣдь вы не можете не согласиться, что журналы, издаваемые Гречемъ и Булгаринымъ (тогда это были: «Сѣверный Архивъ», «Сынъ Отечества» и «Сѣверная Пчела»), да «Московскій Телеграфъ» — лучшіе журналы въ Россіи? Отчего же не вооружаются они дружно противъ всякой литературной шушеры, которая кишитъ вокругъ нихъ, а перебраниваются, и тѣмъ только даютъ пищу разнымъ гадинамъ, которыя спокойно грѣются на солнышкѣ и надъ вами же подсмѣиваются».

Въ словахъ его была правда, и онъ говорилъ искренно, безъ всякихъ корыстныхъ видовъ — за это могу поручиться, узнавши его потомъ очень хорошо. Я увѣренъ, что онъ то же говорилъ Булгарину, и хотя по своему мизантропическому характеру не очень довѣрялъ прямотѣ людей вообще, однако видѣлъ въ своемъ другѣ самолюбіе на пользу литературы, и готовъ былъ ручаться за чистоту его побужденій. Въ доказательство искренности своей, Ушаковъ, бывшій также нашимъ литературнымъ противникомъ, вызвался работать для «Московскаго Телеграфа». «Я самъ заблуждался на счетъ васъ,—говорилъ онъ мнѣ,—теперь вижу это и хочу дать вамъ лучшее доказательство моей искренности. Честный писатель не боится пересудовъ, дѣйствуя всегда честно. Пусть говорятъ, что я переметчикъ: когда этого нѣтъ, то и бояться нечего!» Ушаковъ, по возвращеніи въ Москву, дѣйствительно сдѣлался усерднымъ сотрудникомъ «Московскаго Телеграфа» и не измѣнилъ словамъ своимъ никогда.

Изъ всего разсказаннаго здѣсь мною безпристрастный читатель можетъ составить себѣ понятіе, какимъ образомъ прекратилась литературная война, доходившая до крайняго ожесточенія. Это сдѣлалось само собою, безъ переговоровъ, безъ корыстныхъ стачекъ, придуманныхъ потомъ злостью непріятелей Николая Алексѣевича. Замѣчательно, что они упрекали въ этомъ естественномъ замиреніи всегда одного моего брата, находя какъ бы понятнымъ и не требующимъ объясненія тотъ же самый поступокъ со стороны Греча и Булгарина. Отчего же такъ? Развѣ братъ мой покорился

имъ и подчинился ихъ мнѣніямъ? Напротивъ, онъ остался навсегда независимымъ, и потомъ много разъ ссорился съ Булгаринымъ, который постепенно дѣлался нестерпимѣе, такъ что, наконецъ, братъ мой сказалъ: «Ужъ лучше быть съ нимъ въ ссорѣ, нежели въ мирѣ!» Когда я возвратился въ Москву и передавалъ Николаю Алексѣевичу разныя подробности о своихъ знакомствахъ въ Петербургѣ, онъ больше радовался сближенію моему съ Пушкинымъ и Грибоѣдовымъ, нежели пріязни съ журналистами. Проницательный взглядъ его, какъ бы предвидя будущее, заставлялъ его говорить мнѣ: «Сближеніе съ такими необыкновенными людьми, какъ Грибоѣдовъ и Пушкинъ, всегда пріятно, и для тебя остается какъ бы страницею исторіи; но пріязнь съ журналистами никогда не надежна, и миръ съ ними можетъ быть, какъ говорится порусски, только до первой ссоры. Я радуюсь, что Гречъ и Булгаринъ не питаютъ противъ меня непріязненныхъ чувствованій; но мы еще поссоримся не одинъ разъ, если долго останемся журналистами. Повѣрь мнѣ, что если и Пушкинъ вздумаетъ издавать журналъ, онъ покажетъ запальчивости не меньше Булгарина. Мы видѣли маленькій опытъ этого: чуть онъ прилѣпился къ этому дрянному «Московскому Вѣстнику», какъ уже и сталъ въ непріятельскую позицію противъ меня Что же будетъ, когда журналъ сдѣлается его плотью и кровью? Хорошо и то, что Булгаринъ хоть на время перестанетъ лаять на насъ и отвлекать этимъ отъ другихъ занятій. А не отвѣчать на придирки чьи бы то ни было нельзя: такова наша публика, что у нея правъ тотъ, за кѣмъ послѣднее слово. Или надобно, чтобы нападающій журналистъ былъ такъ ничтоженъ, какъ Воейковъ: отъ этого можно только отплевываться. Публика знаетъ цѣну ему, и онъ уже такъ заруганъ, что на него не стоитъ тратить силъ; да лежачаго и не бьютъ. Напротивъ, Каченовскій какъ ни гадокъ, а еще имѣетъ вѣсъ и свою партію, потому что онъ много разъ показалъ и умъ, и свѣдѣнія: нельзя не отбиваться отъ него иногда. Еще больше необходимо будетъ отвѣчать Булгарину, когда онъ вздумаетъ опять нападать на меня: ему вѣритъ публика».

Я передаю здѣсь сущность мнѣнія Николая Алексѣевича, высказаннаго имъ мнѣ въ разное время. Можно видѣть, что онъ не считалъ даже окончательнымъ событіемъ прекращенія литературной войны съ Булгаринымъ и не надѣялся на прочность мира, котораго и не искалъ. Но когда это сдѣлалось само собою, онъ былъ очень доволенъ, потому что пріятнѣе быть въ мирѣ, нежели въ ссорѣ съ человѣкомъ, въ которомъ невольно признаешь не безсиліе, а умъ и дарованіе. Никакихъ другихъ побужденій радоваться этому случаю у него не было и не могло быть. Читатели согласятся съ этимъ, уже довольно зная изъ моего разсказа независимый характеръ издателя «Московскаго Телеграфа»; дальнѣйшія событія въ его жизни еще больше убѣдятъ ихъ въ томъ. Я упомянулъ о сближе-

нія моемъ съ Грибоѣдовымъ и Пушкинымъ. Здѣсь можно было бы разсказать любопытныя подробности моего знакомства съ Грибоѣдовымъ; но я уже давно изложилъ ихъ въ біографіи его, написанной мною и напечатанной при одномъ изъ изданій «Горе отъ ума». Любопытные могутъ прочитать ихъ тамъ, тѣмъ удобнѣе, что біографія эта не разъ перепечатана, даже безъ моего согласія.

О Пушкинѣ любопытны всѣ подробности, и потому я посвящу ему здѣсь нѣсколько страницъ. Уже не одинъ разъ упоминалъ я, что онъ жилъ въ гостинницѣ Демута, гдѣ занималъ бѣдный нумеръ, состоявшій изъ двухъ комнатокъ, и велъ жизнь странную. Оставаясь дома все утро, начинавшееся у него поздно, онъ, когда былъ одинъ, читалъ лежа въ постели, а когда къ нему приходилъ гость, онъ вставалъ съ своей постели, усаживался за столикъ съ туалетными принадлежностями и, разговаривая, обыкновенно чистилъ, обтачивалъ и приглаживалъ свои ногти, такіе длинные, что ихъ можно назвать когтями. Иногда заставалъ я его за другимъ столикомъ—карточнымъ, обыкновенно съ какимъ нибудь невѣдомымъ мнѣ господиномъ, и тогда разговарить было нельзя; послѣ нѣсколькихъ словъ я уходилъ, оставляя его продолжать игру. Извѣстно, что онъ велъ довольно сильную игру, и чаще всего продувался въ пухъ! Жалко бывало смотрѣть на этого необыкновеннаго человѣка, распаленнаго грубою и глупою страстью! Зато, онъ былъ удивительно уменъ и пріятенъ въ разговорѣ, касавшемся всего, что можетъ занимать образованный умъ. Многія его замѣчанія и сужденія невольно врѣзывались въ памяти. Говоря о своемъ авторскомъ самолюбіи, онъ сказалъ мнѣ: «Когда читаю похвалы моимъ сочиненіямъ, я остаюсь равнодушенъ: я не дорожу ими; но злая критика, даже безтолковая, раздражетъ меня». Я замѣтилъ ему, что этимъ доказывается неравнодушіе его къ похваламъ.—«Нѣтъ, а можетъ быть, авторское самолюбіе?»—отвѣчалъ онъ смѣясь. Въ немъ пробудилась досада, когда онъ вспомнилъ о критикѣ одного изъ своихъ сочиненій, напечатанной въ «Атенеѣ», журналѣ, издававшемся въ Москвѣ профессоромъ Павловымъ. Онъ сказалъ мнѣ, что даже написалъ возраженіе на эту критику, но не рѣшился напечатать свое возраженіе и бросилъ его. Однако, онъ отыскалъ клочки синей бумаги, на которой оно было писано, и прочелъ мнѣ кое-что. Это было собственно не возраженіе, а насмѣшливое и очень остроумное согласіе съ глупыми замѣчаніями его рецензента, котораго обличалъ онъ въ противорѣчіи и невѣжествѣ, повидимому, соглашаясь съ нимъ. Я уговаривалъ Пушкина напечатать остроумную его отповѣдь «Атенею», но онъ не согласился, говоря: «Никогда и ни на одну критику моихъ сочиненій я не напечатаю возраженія; но не отказываюсь писать въ этомъ родѣ на утѣху себѣ». Послѣ, онъ пробовалъ быть критикомъ, но очень неудачно, а въ печатныхъ спорахъ выходилъ изъ границъ и прибѣгалъ къ пособію своихъ язвительныхъ эпиграммъ. Никто столько не досаждалъ

ему своими злыми замѣчаніями, какъ Булгаринъ и Каченовскій; за то онъ и написалъ на каждаго изъ нихъ по нѣскольку самыхъ задорныхъ и острыхъ своихъ эпиграммъ. Вообще, какъ критикъ, онъ былъ умнѣе на словахъ, нежели на бумагѣ. Иногда вырывались у него чрезвычайно мѣткія остроумныя замѣчанія, которыя были бы не кстати въ печатной критикѣ, но въ разговорѣ поражали своею истиною. Разсуждая о стихотворныхъ переводахъ Врончевки, производившихъ тогда впечатлѣніе своими неотъемлемыми достоинствами, онъ сказалъ: «Да, они хороши, потому что даютъ понятіе о подлинникѣ своемъ; но та бѣда, что къ каждому стиху Врончевки привѣшена гирька»!

Увидѣвши меня по пріѣздѣ моемъ изъ Москвы, когда были изданы двѣ новыя главы «Онѣгина», Пушкинъ желалъ знать, какъ встрѣтили ихъ въ Москвѣ. Я отвѣчалъ: «Говорятъ, что вы повторяете себя: нашли, что у васъ два раза упомянуто о битьѣ мухъ»! Онъ расхохотался; однако спросилъ: «Нѣтъ? въ самомъ дѣлѣ говорятъ это»?—«Я передаю вамъ не свое замѣчаніе; скажу больше: я слышалъ это изъ устъ дамы».—«А вѣдь это очень живое замѣчаніе: въ Москвѣ рѣдко услышишь подобное»,—прибавилъ онъ.

Самолюбіе его проглядывало во всемъ. Онъ хотѣлъ быть прежде всего свѣтскимъ человѣкомъ, принадлежащимъ къ аристократическому кругу; высокое дарованіе увлекало его въ другой міръ, и тогда онъ выражалъ свое презрѣніе къ черни, которая гнѣздится, конечно, не въ однихъ рядахъ мужиковъ. Эта борьба двухъ противоположныхъ стремленій заставляла его по временамъ покидать столичную жизнь, и въ деревнѣ свободно предаваться той дѣятельности, для которой онъ былъ рожденъ. Но дурное воспитаніе и привычка опять выманивали его въ омутъ бурной жизни, только отчасти свѣтской. Онъ ошибался, полагая, будто въ свѣтскомъ обществѣ принимали его какъ законнаго сочлена; напротивъ, тамъ глядѣли на него какъ на пріятнаго гостя изъ другой сферы жизни, какъ на артиста, своего рода Листа или Серве. Свѣтская молодежь любила съ нимъ покутить и поиграть въ азартныя игры, а это было для него источникомъ безчисленныхъ непріятностей, такъ что онъ вѣчно былъ въ раздраженіи, не находя или не умѣя занять настоящаго мѣста. Очень замѣтно было, что онъ хотѣлъ и въ качествѣ поэта играть роль Байрона, которому подражалъ не въ однихъ своихъ стихотвореніяхъ. Байронъ былъ не только урожденный аристократъ, но и мастеръ на разныя продѣлки бурной жизни, отличный пловецъ, ѣздокъ на лошади; подъ конецъ жизни готовился даже сражаться за свободу грековъ. Пушкинъ, кромѣ претензіи на аристократство и несомнѣнныхъ успѣховъ въ разгульной жизни, считалъ себя отличнымъ танцоромъ и наѣздникомъ, хотѣлъ даже воевать противъ турокъ и для этого поѣхалъ въ Азіатскую Турцію, гдѣ кипѣла тогда война (въ 1829 году) и гдѣ вздумалъ даже участвовать въ одномъ сраженіи, что̀ въ такомъ смѣш-

номъ видѣ изображено генераломъ Ушаковымъ, историкомъ похода, бывшаго подъ начальствомъ графа Эриванскаго.

Въ 1828 году, Пушкинъ былъ уже далеко не юноша, тѣмъ болѣе, что, послѣ бурныхъ годовъ первой молодости и тяжкихъ болѣзней, онъ казался по наружности истощеннымъ и увядшимъ; рѣзкія морщины виднѣлись на его лицѣ; но онъ все еще хотѣлъ казаться юношею. Разъ какъ-то, не помню по какому обороту разговора, я произнесъ стихъ его, говоря о немъ самомъ:

Ужель мнѣ точно тридцать лѣтъ?

Онъ тотчасъ возразилъ: «Нѣтъ, нѣтъ! у меня сказано: Ужель мнѣ скоро тридцать лѣтъ. Я жду этого роковаго термина, а теперь еще не прощаюсь съ юностью». Надобно замѣтить, что до роковаго термина оставалось нѣсколько мѣсяцевъ! Кажется, въ этотъ же разъ я сказалъ, что въ сочиненіяхъ его встрѣчается иногда такая искренняя веселость, какой нѣтъ ни въ одномъ изъ нашихъ поэтовъ. Онъ отвѣчалъ, что въ основаніи характеръ его— грустный, меланхолическій, и если онъ бываетъ иногда въ веселомъ расположеніи, то рѣдко и не надолго. Мнѣ кажется и теперь, что онъ ошибался, такъ опредѣляя свой характеръ. Ни одинъ глубокочувствующій человѣкъ не можетъ быть всегда веселымъ и гораздо чаще бываетъ грустенъ: только поверхностные люди способны быть весельчаками, то есть постоянно и отъ всего быть веселыми. Однако, человѣкъ, не умершій душою, приходитъ и въ свѣтлое, веселое расположеніе; разница можетъ быть только въ томъ, что одинъ предается ему искренно, отъ души, другой не способенъ къ такой искренней веселости. И Жуковскій иногда веселъ въ своихъ стихотвореніяхъ; но Пушкинъ, какъ пламенный лирическій поэтъ, былъ способенъ увлекаться всѣми сильными ощущеніями, и когда предавался веселости, то предавался ей, какъ неспособны къ тому другіе. Въ доказательство можно указать на многія стихотворенія Пушкина изъ всѣхъ эпохъ его жизни. Человѣкъ грустнаго, меланхолическаго характера не былъ бы способенъ къ тому.

Однажды я былъ у него вмѣстѣ съ Павломъ Петровичемъ Свиньинымъ. Пушкинъ, какъ увидѣлъ я изъ разговора, сердился на Свиньина за то, что очень неловко и некстати тотъ вздумалъ гдѣ-то на балѣ рекомендовать его славной тогда своей красотой и любезностью дѣвицѣ Л. Нельзя было оскорбить Пушкина болѣе, какъ рекомендуя его знаменитымъ поэтомъ; а Свиньинъ сдѣлалъ эту глупость. За то поэтъ и отплатилъ ему, какъ я былъ свидѣтелемъ, очень зло. Кромѣ того, что онъ горячо выговаривалъ ему и просилъ впередъ не принимать труда знакомить его съ кѣмъ бы то ни было, Пушкинъ, поуспокоившись, навелъ разговоръ на приключенія Свиньина въ Бессарабіи, гдѣ тотъ былъ съ важнымъ порученіемъ отъ правительства, но поступалъ такъ, что его удалили отъ всякихъ занятій по службѣ. Пушкинъ сталъ разспра-

шивать его объ этомъ очень ловко и смѣло, такъ что несчастный Свиньинъ вертѣлся, какъ береста на огнѣ. «Съ чего же взяли,—спрашивалъ онъ у него,—что будто вы въѣзжали въ Яссы съ торжественною процессіею, верхомъ, съ многочисленною свитой, и внушили такое почтеніе соломеннымъ молдавскимъ и валахскимъ боярамъ, что они поднесли вамъ сто тысячъ серебряныхъ рублей?»—«Сказки, мивый Александръ Сергѣевичъ! сказки! Ну, стóитъ ли повторять такой вздоръ!»—восклицалъ Свиньинъ, который прилагалъ слово мивый (милый) въ пріятельскомъ разговорѣ со всякимъ изъ знакомыхъ.—«Ну, а вѣдь вамъ подарили шубы?»—спрашивалъ опять Пушкинъ и такими вопросами преслѣдовалъ Свиньина довольно долго, представляя себя любопытствующимъ, тогда какъ зналъ, что рѣчь о бессарабскихъ приключеніяхъ была для Свиньина—ножъ острый! Разговоръ перешелъ къ петербургскому обществу, и Свиньинъ сталъ говорить о лучшемъ избранномъ кругѣ, называя многія вельможныя лица; Пушкинъ и тутъ косвенно кольнулъ его, доказывая, что не всегда чиновные и значительные по службѣ люди принадлежатъ къ хорошему обществу. Онъ почти прямо указывалъ на него, а для прикрытія своего намека разсказалъ, что какъ-то онъ былъ у Карамзина (исторіографа), но не могъ поговорить съ нимъ оттого, что къ нему безпрестанно пріѣзжали гости и, какъ нарочно, все это были сенаторы. Уѣзжалъ одинъ, и будто на смѣну его являлся другой. Проводивши послѣдняго изъ нихъ, Карамзинъ сказалъ Пушкину: «Avez-vous remarqué, mon cher ami, que parmi tous ces messieurs il n'y avait pas un seul qui soit un homme de bonne compagnie?» (Замѣтили вы, что изъ всѣхъ этихъ господъ ни одинъ не принадлежитъ къ хорошему обществу?). Свиньинъ совершенно согласился съ мнѣніемъ Карамзина и поспѣшно проговорилъ: «Да, да, мивый, это такъ, это такъ!» Пушкинъ вообще любилъ повторять изрѣченія или апофеегмы Карамзина, потому что питалъ къ нему уваженіе безграничное. Исторіографъ былъ для него не только великій писатель, но и мудрецъ,—человѣкъ высокій, какъ выражался онъ. Когда онъ писалъ своего Бориса Годунова, Карамзинъ, услышавъ о томъ, спрашивалъ поэта, не надобно ли ему, для новаго его созданія, какихъ нибудь свѣдѣній и подробностей изъ исторіи избранной имъ эпохи и вызывался доставить все, что можетъ. Пушкинъ отвѣчалъ, что онъ имѣетъ все въ «Исторіи Государства Россійскаго», великомъ созданіи великаго историка, которому обязанъ и идеею новаго своего творенія. Эту же мысль выразилъ Пушкинъ въ лапидарномъ посвященіи Бориса Годунова памяти исторіографа. Дѣло критики показать, на сколько повредило его драмѣ слишкомъ близкое воспроизведеніе Карамзинскаго Годунова и увѣренность, что исторіографъ не ошибался. За Карамзина же онъ окончально разошелся и съ моимъ братомъ.

К. Полевой.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НАША ПЕЧАТЬ ВЪ ЕЯ ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ[1].

(статья вторая).

Вольныя типографіи и издательская дѣятельность явныхъ и тайныхъ дружествъ.

I.

Въ ПОЛУМРАКѢ русской общественной жизни прошлаго столѣтія яркою путеводною звѣздою свѣтитъ масонство. Появленіе у насъ масонства относится къ довольно раннему времени[2]), но едва ли въ немъ принимали участіе русскіе люди. Въ лѣтописяхъ масонства сохранилось извѣстіе, что въ 1741 году, въ торжественномъ собраніи англійскихъ ложъ, «Джемсъ Кейтъ, превосходительство, русскій генералъ, назначенъ провинціальнымъ гроссмейстеромъ для всей Россіи»[3]), и съ этимъ извѣстіемъ согласуются русскіе источники, которые Якова Кейта признаютъ основателемъ у насъ брат-

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXVIII, стр. 249.

[2]) Въ «Freimauer Lexicon», изданномъ въ Берлинѣ, въ 1818 году, извѣстнымъ масономъ Gädicke, на стр. 420, подъ словомъ «Russland», помѣщено слѣдующее отрывочное извѣстіе: ««Bereits im Jahre 1731 ernannte der Grossmeister Lord Lovel, in London, den Capitan Joh. Philips zum Provincialgrossmeister in Russland».

[3]) Георгъ Клоссъ, «Geschichte der Freimaurerei in England, Irland und Schottland aus ächten Urkunden dargestellt (1685—1784) nebst einer Abhandlung über die Ancient Masons». Leipzig. Otto Klemmo, p. 145.

ства свободныхъ каменщиковъ[1]). Въ 1747 году, дознали, что возвращающійся изъ-за границы гр. Николай Головинъ «во фрамасонскій орденъ вступилъ». Проживавшихъ въ Петербургѣ иностранныхъ членовъ этого ордена не тревожили, но Головина, какъ русскаго, задержали на пути въ Москву и доставили въ тайную канцелярію, гдѣ ему предложено было «о тѣхъ всѣхъ показать, которые здѣся во ономъ (орденѣ) находятся, не выключая никого, да и то открыть, какіе уставы или законы въ ономъ наблюдаются». Головинъ отвѣчалъ: «Я признаюсь—жилъ въ этомъ орденѣ, и знаю, что графы Захаръ да Иванъ Чернышевы въ ономъ же орденѣ находятся, а болѣе тайностей иныхъ не знаю, какъ въ печатной книгѣ о фрамасонахъ показано». Задержаннаго юношу отпустили, родительски пожуривъ и по обыкновенію пригрозивъ «потеряніемъ живота», если станетъ разсказывать, что его задерживали и допрашивали[2]). Чрезъ нѣсколько лѣтъ по отъѣздѣ Кейта (въ 1747 г.) на прусскую службу, около половины пятидесятыхъ годовъ, во главѣ петербургскихъ свободныхъ каменщиковъ стоялъ уже русскій вельможа, Романъ Илларіоновичъ Воронцовъ (отецъ Екатерины Романовны Дашковой), окруженный военною молодежью, никогда не переводившеюся въ нашемъ масонствѣ и всегда составлявшею его большинство въ Петербургѣ. Государственная власть глядѣла съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ на это новое явленіе въ жизни избраннаго столичнаго общества. Когда Михайло Олсуфьевъ «открылъ» ни отъ кого въ дѣйствительности нескрываемую русскую ложу, то графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ затруднился объяснить императрицѣ, что это за «секта», вслѣдствіе чего Олсуфьеву сообщено высочайшее повелѣніе изложить обстоятельно, «на чемъ она основаніе свое имѣетъ и кто именно всякаго званія ей участники сообщества», какъ выражается на своемъ пу-

---

[1]) Въ сборникѣ масонскихъ пѣсенъ, напечатанномъ безъ означенія года и мѣста печати, въ первой четверти XIX вѣка, на стр. 66, подъ нумеромъ LIII, помѣщена слѣдующая пѣсня:

По немъ, свѣтомъ озаренный,
Кейтъ къ россіянамъ прибѣгъ;
И, усердьемъ воспаленный,
Огнь священный здѣсь вовжегъ.
Храмъ премудрости поставилъ,
Мысли и сердца исправилъ
И насъ въ братствѣ утвердилъ.
Кейтъ былъ образъ той денницы,
Свѣтлый коея восходъ
Свѣтозарныя царицы
Возвѣщаетъ въ міръ приходъ.

Подъ пѣснью сдѣлано примѣчаніе, что она пѣта въ Россіи, въ ложахъ, въ царствованіе Елисаветы.

[2]) «Лѣтописи русской литературы и древности», ч. 4, отд. III, стр. 52.

танномъ языкѣ самъ Олсуфьевъ въ донесеніи государынѣ[1]). Олсуфьевъ разсказалъ о таинственной обстановкѣ собраній, странномъ убранствѣ ложи и обрядѣ посвященія въ братья: мертвой головѣ, движущейся на пружинахъ по столу, покрытомъ чернымъ сукномъ, въ полумракѣ такимъ же сукномъ обитой комнаты, отбираніи у посвящаемаго металлическихъ вещей, разуваніи его правой ноги и обнаженіи лѣвой руки, завязываніи ему глазъ, угрозахъ шпагами, странствованіи по «тремъ мытарствамъ», сбрасываніи съ «горы», присягѣ передъ покрытымъ пунцовымъ бархатомъ «престоломъ гранметра», крови на груди новопринятаго отъ укола циркулемъ, приложеніи къ его обнаженному плечу «салимоновой» печати и троекратномъ цѣлованіи лѣвой гранметровой ноги. По наблюденію Олсуфьева, ложа «содержитъ въ себѣ три свѣтила»: «первое свѣтило—гранметръ, второе—небо, третіе свѣтило—звезды»[2]). Что же касается власти гранметра, «то не инако, какъ за совершеннаго законодателя и храма Соломонова защитника и святителя признаютъ». Самый храмъ «не инако есть какъ святое таинство, и защитникъ онаго силою своею есть гранметръ». По словамъ доносителя, масоны увѣряютъ, что ихъ сообщество, образуемое изъ «всякаго званія чина людей», набираемыхъ «чрезъ случаи, изыскивая своихъ товарищей», «ничто иное, какъ ключъ дружелюбія и братства, которое безсмертно вовѣки пребыть имѣетъ». Онъ узналъ, кто между ними «гранметры» и кто рядовые братья, «масоны», и представилъ поименный «реэстръ». Здѣсь первымъ названъ Ром. Илл. Воронцовъ, непосредственно за нимъ слѣдуютъ: бригадиръ Александръ Сумароковъ, кадетскаго корпуса капитанъ Милисино (Меллисино, братъ 2-го куратора[3]) Московскаго университета), Остервальдъ, Свистуновъ, Перфильевъ. Пониже перечислены по полкамъ: 2 офицера Преображенскаго полка, 9—Семеновскаго, 7—конной гвардіи, 2—Ингерманландскаго полка. Всѣ они, за исключеніемъ Ребиндера (у Олсуфьева—Иванъ Ребендеръ), но-

---

[1]) Донесеніе Олсуфьева напечатано въ 1862 году, въ «Лѣтописяхъ русск. литер. и древн.», ч. 4, отд. III, стр. 49—51, вмѣстѣ съ извлеченіемъ изъ допроса гр. Николая Головина, къ дѣлу котораго подшито означенное донесеніе. Тамъ же, на особомъ листкѣ, написано: «Гранметра орденъ голубая лента, у нея троякая красная, съ зелеными каймами, на оныхъ лентахъ полуцыркуль и тріугольникъ, а надѣваютъ чрезъ плечо, а Александровскую на камсолъ».

[2]) Олсуфьевъ напуталъ, но не очень. Въ объясненіи ритуаловъ первоначальнаго англійскаго масонства говорится: «Три свѣчи въ ложѣ представляютъ собою солнце, луну и мастера масона, потому что солнце управляетъ днемъ, луна управляетъ ночью, а мастеръ-масонъ управляетъ своей ложей». «Русское масонство до Новикова», ст. Пыпина, въ «Вѣстн. Европы», 1867 г., № 7, стр. 191.

[3]) Кураторовъ одновременно было три: И. И. Шуваловъ, Меллисино и Херасковъ. Первый и послѣдній принадлежали къ обществу свободныхъ каменщиковъ.

сятъ русскія имена, и между ними немало представителей знатнѣйшихъ родовъ (Голицыныхъ, Трубецкихъ, Щербатовыхъ, Дашковыхъ, Апраксиныхъ). Особо поименованы: генералъ-вагенъ-мейстеръ кн. Семенъ Мещерскій, Петръ Александровичъ Бутурлинъ, сержантъ Сергѣй Пушкинъ и камеръ-пажъ Петерсонъ. Фигурируютъ и будущіе наши историки, еще юные тогда, кн. М. М. Щербатовъ и И. Н. Болтинъ[1]). Люди попроще—всѣ иностраннаго происхожденія; такъ, «изъ музыкантовъ»: Мадонисъ, Вилда, Шнурфельдъ и Вакари, итальянецъ. Въ числѣ посвященныхъ встрѣчается и представитель хореграфическаго искусства, бывшаго въ большомъ почетѣ при Елисаветѣ Петровнѣ, — кадетскаго корпуса танцмейстеръ Пеле. Перечень извѣстныхъ Олсуфьеву масоновъ заканчивается купцомъ Миллеромъ. Вѣроятно, это былъ книгопродавецъ К. В. Миллеръ, издававшій въ 1777 году «Санктпетербургскія ученыя вѣдомости», когда ихъ составитель, Н. И. Новиковъ, былъ уже масономъ.

Чего искала первоначально стремившаяся въ масонство русская молодежь, откровенно высказано Иваномъ Перфильевичемъ Елагинымъ, въ оставленной имъ послѣ себя запискѣ[2]). Онъ говоритъ: «Я съ самыхъ юныхъ лѣтъ моихъ вступилъ въ такъ называемое масонское или свободныхъ каменщиковъ общество, — любопытство и тщеславіе, да узнаю таинство, находящееся, какъ сказывали, между ими, тщеславіе, да буду хотя на минуту въ равенствѣ съ такими людьми, кои въ общежитіи знамениты, и чинами, и достоинствами, и знаками отъ меня удалены суть, ибо нескромность братьевъ предварительно все сіе мнѣ благовѣстила. Вошедъ такимъ образомъ въ братство, посѣщалъ я съ удовольствіемъ ложи: понеже работы въ нихъ почиталъ совершенною игрушкою, для препровожденія празднаго времени вымышленною. Притомъ и мнимое равенство, честолюбію и гордости человѣка ласкающее, болѣ

---

[1]) Щербатовъ служилъ въ Семеновскомъ полку, Болтинъ—въ конной гвардіи. Первому изъ нихъ, въ 1756 году, было 26 лѣтъ, второму — 21 годъ.

[2]) Рукопись Елагина озаглавлена: «Ученіе древняго любомудрія и богомудрія, или наука свободныхъ каменщиковъ изъ разныхъ творцовъ свѣтскихъ, духовныхъ и мистическихъ собранная и въ пяти частяхъ предложенная И. Е., великимъ россійскія провинціальныя ложи мастеромъ. Начато въ MDCCLXXXVI году». Елагинъ родился въ 1725 году, умеръ 22-го сентября 1796 года, оберъ-гофмейстеромъ, проведя всю жизнь при дворѣ и пользуясь особымъ расположеніемъ императрицы Екатерины II, которой онъ успѣлъ оказать немало услугъ въ царствованіе Елисаветы Петровны, будучи женатъ на одной изъ камерфрау царствовавшей государыни. Ив. Перф. не окончилъ своей рукописи и просилъ своихъ «любезныхъ братій» и заклиналъ ихъ «страшнымъ именемъ и судомъ Бога живаго», «да содержатъ они преданіе (его) въ совершенномъ таинствѣ», «съ тѣмъ, чтобы списковъ никогда не было». Но судьба распорядилась иначе: отрывокъ изъ рукописи напечатанъ въ «Русскомъ Архивѣ», 1864 г., стр. 587 и слѣд., по 2-му изданію.

и болѣ въ собраніе меня привлекало: да хотя на самое краткое время буду равнымъ власти, иногда и судьбою нашею управляющей. Содѣйствовала къ тому и лестная надежда, не могу ли чрезъ братство достать въ вельможахъ покровителей и друзей, могущихъ споспѣшествовать счастію моему. Но сіе мечтаніе скоро изчезло, открывъ и тщету упованія, и ту истину, что вышедшій изъ собранія вельможа... что я говорю—вышедшій?.. въ самомъ собраніи есть токмо братъ въ воображеніи, а въ существѣ вельможа. Съ такимъ предубѣжденіемъ препроводилъ я многіе годы въ исканіи въ ложахъ и свѣта обѣтованнаго, и равенства мнимаго: но ни того, ни другаго, ниже какія пользы не нашелъ, колико ни старался... не пріобрѣлъ я изъ тогдашнихъ работъ нашихъ ни тѣни какого либо ученія, ниже преподаяній нравственныхъ, а видѣлъ токмо единые предметы неудобь постижимые, обряды странные, дѣйствія почти безразсудныя, и слышалъ символы неразсудительные, катехизы, уму не соотвѣтствующіе; повѣсти, общему о мірѣ повѣствованію прекословныя; объясненія темныя и здравому разсудку противныя, которыя или нехотѣвшими, или незнающими мастерами безъ всякаго вкуса или сладкорѣчія преподавались. Въ такомъ безплодномъ упражненіи открылась мнѣ токмо та истина, что ни я, ни начальники ложъ инаго таинства не знаютъ, какъ развѣ со степеннымъ видомъ въ открытой ложѣ шутить, и при торжественной вечери, за трапезою, несогласнымъ воплемъ непонятныя ревѣть пѣсни и на счетъ ближняго хорошимъ упиваться виномъ, да начатое Минервѣ служеніе окончится празднествомъ Бакху».

Въ Елисаветинское время масонскія ложи болѣе всего походили на клубы и посѣщались праздными сановниками и гвардейскими офицерами предпочтительнѣе передъ частными собраніями, быть можетъ, потому собственно, что присутствовавшіе здѣсь чувствовали себя до нѣкоторой степени застрахованными отъ шпіонства. Всякая ложа имѣла характеръ «столовой ложи», гдѣ за обильными трапезами упивались дорогими винами и «несогласнымъ воплемъ ревѣли пѣсни», но на всѣхъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ лежала печать тайны, одинаково обязательной и для вельможи, и для танцмейстера. Ни о какихъ таинственныхъ знаніяхъ, ни о какомъ нравственномъ ученіи не было и рѣчи, значенія же символовъ и странныхъ обрядовъ никто не понималъ даже изъ мастеровъ, путавшихся въ своихъ объясненіяхъ и такъ противорѣчившихъ здравому смыслу и общеизвѣстнымъ фактамъ, что такъ называемыя «работы» въ ложахъ Елагинъ долгое время «почиталъ совершенною игрушкою, для препровожденія времени вымышленною». Только встрѣча съ пріѣзжимъ англичаниномъ-масономъ вывела его изъ заблужденія. Этотъ человѣкъ объяснилъ ему, что пренебрегать обрядами не слѣдуетъ, что въ нихъ и, въ казавшихся ему «неразсудительными», символахъ кроется глубокій нравственный смыслъ, что условные

знаки служатъ лишь для большей наглядности преподаванія и запоминанія правилъ, которымъ неуклонно долженъ слѣдовать всякій истинный свободный каменьщикъ. Елагинъ прозрѣлъ и впослѣдствіи былъ признанъ «первымъ возстановителемъ на твердую степень въ Россіи масонства», когда сталъ великимъ мастеромъ имъ же основанной, въ 1772 году, въ Петербургѣ, «великой провинціальной ложи», болѣе извѣстной подъ именемъ «общества елагинской системы» [1]). Едва ли основательно считать простою случайностью то, что русское масонство почувствовало подъ ногами почву и стало сознательнымъ лишь 10 лѣтъ спустя по кончинѣ Елисаветы Петровны, что бо́льшая часть масонскихъ ложъ въ Россіи была основана именно въ семидесятыхъ годахъ [2]), когда лучшіе люди времени уже начинали сомнѣваться въ искренности заявленныхъ въ манифестѣ 14-го декабря 1766 года намѣреній императрицы, когда начавшееся (въ февралѣ 1774 г.) возвышеніе Потемкина смутило людей, не ожидавшихъ отъ «величія и премудрости» Екатерины нарушенія такта, и сатирическая литература оборвалась какъ бы по приказу.

Въ нашемъ масонствѣ прошлаго столѣтія группировались люди не враждебные правительству, не затѣвавшіе государственнаго переворота и смуты. Происходившее на западѣ континентальной Европы коренное преобразованіе масонскихъ ложъ, именно превращеніе ихъ въ орудіе политической интриги, остановилось у русской границы. Когда Великій Востокъ (управленіе орденомъ) Франціи поступилъ подъ начальство герцога Шартрскаго и во французскихъ ложахъ начались тѣ перемѣны, которыя дали имъ впослѣдствіи важное политическое значеніе, какъ органамъ заговоровъ на широкую ногу, то въ число трехъ членовъ коммиссіи, назначенной собраніемъ 27-го декабря 1773 года для пересмотра и новой редакціи постановленій о высшихъ степеняхъ (политическихъ), попалъ и русскій графъ Строгановъ [3]); но это былъ случай единичный и безъ всякой связи съ ходомъ дѣлъ въ средѣ русскаго масонства. Строгановъ руководствовался исключительно своими личными убѣжденіями и дѣйствовалъ въ качествѣ члена французскихъ ложъ, работавшихъ по клермонтской многостепенной системѣ, со-

---

[1]) У Клосса, стр. 197, отмѣчено, что 28-го февраля 1772 года, въ собраніи 84 англійскихъ ложъ, великій секретарь извѣстилъ, что гроссмейстеру угодно было утвердить въ званіи оберъ-мейстера (порусски — намѣстнаго мастера или мастера стула) его превосходительство Ивана Елагина, сенатора, тайнаго совѣтника и члена кабинета ея величества императрицы россійской. Всѣ должностныя лица матери-ложи, какъ это видно изъ учредительнаго акта рязанской ложи Орфея, назывались «великими чиновниками». Ешевскій, «Моск. масоны», 1780—1789, ст. II, «Русск. Вѣстн.», 1865, № 3, стр. 35—36.

[2]) Ешевскій, ст. I, «Русск. Вѣстн.» 1864, № 8, стр. 362.

[3]) Histoire de la fondation du Grand Orient en France. Paris. 1812.

всѣмъ отличной отъ системы елагинской. Послѣдняя, какъ и староанглійская, допускала только три іоанновскія степени: ученика, товарища и мастера, и рѣшительно исключала изъ работъ въ ложахъ занятія политикою. Тѣмъ не менѣе, въ масонство шло немало людей, поколебленныхъ въ своей прежней вѣрѣ въ Екатерину и ясно видѣвшихъ, что правительственная опека надъ обществомъ, подъ ея руководствомъ, далеко не доставляетъ подданнымъ обѣщаннаго «блаженства», что заявленное ею въ упомянутомъ манифестѣ 14-го декабря желаніе «видѣть свой народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастье и довольство можетъ на сей землѣ простираться», — фраза, не переходившая въ дѣло. Видѣли, напротивъ, что государственныя имущества раздаются фаворитамъ, никакими заслугами передъ отечествомъ не отличеннымъ [1]), что роскошь при дворѣ возросла непомѣрно и расходы по управленію учетверились, благодаря чему у насъ завелись, съ первыхъ же годовъ новаго царствованія, никогда не бывшіе прежде внѣшніе долги и бумажныя деньги (ассигнаціи) [2]), породившія дороговизну на всѣ предметы [3]), дефицитъ же въ бюджетѣ сдѣлался хроническимъ [4]). Въ судахъ не было правды; въ администраціи ца-

---

[1]) Выбывшій изъ придворнаго «случая» сербъ Зоричъ, раньше пожалованный въ генералъ-маіоры, получилъ въ подарокъ 13,000 душъ въ мѣстечкѣ Шкловѣ. Слѣдовавшему за нимъ (1778—1779 гг.) 24-хъ-лѣтнему Ив. Корсакову, тоже генералъ-маіору, пожаловано въ Могилевской губ. 6,000 душъ, да на путешествіе въ чужіе края 200,000 р. Брилліантовъ и жемчуга было у него болѣе чѣмъ на 400,000 р., всѣхъ же денегъ и вещей на 2.400.000 рублей. **Записки Льва Николаевича Энгельгардта**, «Русск. Вѣстн.», 1859 г., янв., стр. 127.

[2]) Въ 1762 году, было представлено императору Петру III, что «государственныхъ доходовъ состоитъ 15.350,636 руб. 93¼ коп.» и «противъ приходовъ въ расходъ не достаетъ 1.152,023 руб. 97¾ коп.»—«Полн. Собр. Зак.», № 11,489 и «Сбор. р. ист. Общ.», т. XXVIII.—Ко дню смерти Екатерины II, было ассигнацій къ обращеніи на 156.683,335 руб., да долговъ по внѣшнимъ займамъ на 55.047,973 руб. («Арх. гос. сов.», т. III, зап. 7 янв. 1797 г.).

[3]) Во многихъ указахъ, начиная съ 1788 года, постоянно упоминается о «дороговизнѣ и возвышеніи цѣнъ на всѣ припасы». Что причиною тому было именно паденіе вексельнаго курса, доказываютъ слѣдующія данныя, приводимыя Бржескимъ въ сочиненіи «Госуд. долги Россіи», Спб., 1884, стр. 71:

За 1 рубль ассигнаціями давали серебромъ:

въ 1786	году	98	коп.	въ 1790	году	87	коп.
» 1787	»	97	»	» 1791	»	81³/₁₀	»
» 1788	»	92⁵/₉	»	» 1793	»	74	»
» 1789	»	91³/₄	»	» 1795	»	68½	»

А. Т. Болотовъ («Любоп. и достоп. дѣянія» и проч., гл. LV, «Русск. Арх.», 1864) говоритъ, «что лажъ на серебряные рубли, возвышаясь съ часу на часъ, достигъ уже до 45 коп. и на томъ остановился».

[4]) Дефициты были слѣдующіе:

Въ 1787	году	12.101,957	рубл.	въ 1791	году	27.086,450	рубл.
» 1788	»	20.593,330	»	» 1792	»	20.514,905	»
» 1789	»	22.194,273	»	» 1793	»	12.232,357	»
» 1790	»	29.080,191	»	» 1794	»	8.699,351	»

«Сборн. русск. историч. Общ.», т. XXVIII, стр. 33.

рилъ произволъ[1]), отъ котораго подчасъ жутко приходилось и и тѣмъ немногимъ изъ двадцати-милліоннаго населенія[2]) Екатерининской Россіи, которые принадлежали къ помѣстному дворянству и, освобожденные отъ обязательной службы[3]), жили на волѣ, пользуясь досугомъ въ свое удовольствіе. Взяточничество и казнокрадство были отличительною чертою и низшихъ, и высшихъ. Обо всемъ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ записки современниковъ: Державина, Болотова, Энгельгардта, и обличенія Щербатова, Радищева, сатирическихъ журналовъ.

Дворянскій досугъ, разводя мотовство и «прожиганіе жизни» далеко не въ привлекательныхъ, съ нравственной точки зрѣнія, формахъ, имѣлъ, однако, и свою хорошую сторону. Онъ пріучалъ жить въ обществѣ, вдали отъ средоточія государственнаго управленія, заводить связи внѣ оффиціальнаго міра, вступать въ отношенія съ посторонними людьми, сближаться съ ними безъ задней мысли, единственно по сходству идей, по сродству стремленій. Изъ такихъ сближеній, гдѣ обмѣнъ мыслей стоитъ на первомъ планѣ, всегда возникаетъ критика. Критика же ищетъ общаго руководящаго начала, критеріума, безъ котораго невозможно опредѣленное сужденіе. Лучшіе умы изъ среды, расшатанной въ своихъ историческихъ устояхъ преобразованіями сверху, не искали, а метались въ поискахъ за этимъ руководящимъ началомъ, рѣшительно не зная, куда идти и къ кому обратиться. Многіе изъ досужаго дворянскаго общества, о которомъ только и могла быть рѣчь во второй половинѣ прошлаго столѣтія, по инерціи направились на Западъ. Но на Западѣ жили разные народы, ходили разныя ученія. Екатерина Романовна Дашкова беззавѣтно поклонялась всему англійскому; большинство находилось подъ неотразимымъ обаяніемъ французскихъ нравовъ, французскихъ писателей, французскихъ парикмахеровъ.

---

[1]) До какой степени смутно понимали свои обязанности и права гражданъ даже высшіе мѣстные администраторы, показываетъ случай съ избраннымъ въ коммиссію для составленія новаго уложенія депутатомъ Мищенко. Избранный депутатомъ отъ Лубенскаго полка, казакъ Мищенко уѣхалъ прямо въ Москву, не явившись къ малороссійскому генералъ-губернатору, что̀ и не требовалось по обряду выборовъ. Графъ Румянцовъ остался крайне недоволенъ такимъ поступкомъ депутата и обратился въ сенатъ съ просьбой «прислать къ нему Мищенко за карауломъ», мотивируя свою просьбу еще и тѣмъ, что Мищенко не дождался изготовленія наказа отъ избирателей, — будто наказъ не могъ быть высланъ по почтѣ!

[2]) Въ интимномъ письмѣ къ Д'Аламберу Екатерина писала о своемъ знаменитомъ наказѣ: «Вы увидите, какъ тамъ, на пользу моей имперіи, я обобрала президента Монтескье, не называя его. Надѣюсь, что если бы онъ съ того свѣта увидѣлъ меня работающею, то простилъ бы эту литературную кражу во благо двадцати милліоновъ людей, которое изъ того должно послѣдовать». «Сборн. русск. ист. Общ.», т. X.

[3]) Манифестомъ Петра III, отъ 28-го февр. 1762 г., «О дарованіи вольности и свободы всему россійскому дворянству». «П. С. З.,», т. XV, № 11,444.

«Люди, разумы свои знаніемъ французскаго языка просвѣтившіе,— подсмѣивается Новиковъ,—полагая книги въ число головныхъ украшеній, довольствуются всѣми головными уборами, привозимыми изъ Франціи: какъ-то пудрою, помадою, книгами и проч.»[1]). Но кто искалъ въ книгахъ не головнаго убора, а разрѣшенія возникшихъ сомнѣній и поставленныхъ жизнью вопросовъ, для того выборъ представлялся затруднительнымъ даже и между одними французскими авторами. Для забавы можно было переводить «маркиза Глаголя»[2]), въ чемъ упражнялся Елагинъ въ юности, посѣщая масонскія ложи «для препровожденія празднаго времени» и чтобы «достать въ вельможахъ покровителей и друзей». Для увеселенія двора, можно было, по примѣру Сумарокова, «переводить въ свои трагедіи изъ французскихъ стихотворцевъ, что ни есть хорошево, съ великимъ множествомъ несносныхъ погрѣшностей въ россійскомъ языкѣ; и оныя сшивать еще гаже своими мыслями и словами»[3]); наконецъ, чтобы прослыть образованнымъ человѣкомъ, можно было безъ разбору читать и энциклопедистовъ, и Монтескье, и Руссо; гораздо легче было «обобрать» любаго изъ нихъ, какъ сдѣлала Екатерина, принимаясь за составленіе своего наказа, чѣмъ вывести опредѣленное твердое правило изъ всей массы разнообразныхъ отвлеченій и противорѣчивыхъ взглядовъ европейскихъ философовъ-публицистовъ. Императрица писала Вольтеру: «Мой девизъ—пчела, которая, летая съ растенія на растеніе, собираетъ медъ для своего улья»[4]). Въ дѣйствительности же пчела собираетъ не медъ, а цвѣточную пыль, которую переработываетъ въ медъ. Знаменитый «Наказъ» потому и вышелъ наборомъ общихъ мѣстъ, что въ немъ не было ни единства направленія, ни необходимой переработки, претворяющей принципъ въ правило, не было и не могло быть согласованія дѣйствительности съ отвлеченіемъ, возможнаго и необходимаго — съ должнымъ и произвольно измышленнымъ[5]). Ека-

---

[1]) «Живописецъ», стр. XI, по 7-му изданію (Ефремова).

[2]) Это былъ романъ аббата Прево «Mémoires d'un homme de qualité». Онъ вышелъ въ 1730 году и имѣлъ повсемѣстный успѣхъ въ Европѣ. Русскій его переводъ озаглавленъ: «Приключенія маркиза Г., или жизнь благороднаго человѣка, оставившаго свѣтъ», 6 ч.; изданы въ Петербургѣ въ 1756—1764 годахъ. Первыя части переведены И. П. Елагинымъ, а послѣднія В. И. Лукинымъ, тоже извѣстнымъ масономъ; см. Опытъ росс. библіогр., Василія Сопикова, ч. IV, № 8,981.

[3]) Примѣчаніе Ломоносова, на сказанную о Сумароковѣ фразу: Quand un tel parallèle désigne deux genies créateurs. Лѣтопись р. лит. и древн., ч. 2, отд. III, стр. 105.

[4]) Письмо отъ 11-го августа 1765 года. «Сборн. русск. ист. Общ.», т. X, стр. 38.

[5]) Наказъ (большой) является плодомъ раціоналистической философіи XVIII вѣка, склонной осуждать, какъ результатъ грубости и невѣжества, все, выработанное исторіей. Екатерина сочинила въ руководство дирекціонной коммиссіи особый наказъ, который долженъ былъ служить ей «за правило». Вотъ какъ члены коммиссіи поняли это выраженіе: «Нынѣ все по премудрымъ и никогда неопровергаемымъ правиламъ большаго наказа расположено быть должно.

терининское правительство было такимъ же безпринципнымъ и оторваннымъ отъ исторической почвы, какъ и современное ему русское общество, чѣмъ и объясняется безплодность ихъ совмѣстнаго труда по составленію проекта новаго уложенія. Не было ни энергіи, ни ладу. Дворяне уѣздовъ Масальскаго, Кологривскаго, Цивильскаго, Звенигородскаго, Лебедянскаго, Сокольскаго и Землянскаго даже вовсе депутатовъ не выслали. Муромскіе дворяне хотя и выслали депутата, но въ наказѣ, ему данномъ, прямо заявили, что «по довольномъ общемъ разсужденіи всего муромскаго дворянства не нашли никакихъ нуждъ и отягощеній», которыя требовали бы исправленія[1]). Не смотря на признаніе дирекціонной коммиссіей общихъ мѣстъ большаго наказа никогда неопровергаемыми правилами, дворяне верейскіе, суздальскіе, бѣлозерскіе и нѣкоторыхъ другихъ уѣздовъ рѣшительно возстали противъ X главы наказа, въ которой осуждается пытка. Они писали: «Подлый народъ поощряется отмѣной пытокъ къ убійствамъ помѣщиковъ, зная, что не будетъ истязуемъ въ случаѣ сознанія. Ссылку же и рекрутство мужики предпочитаютъ холопству»[2]). Неудавшаяся «уложенная коммиссія» оказала, однако, государственнымъ людямъ услугу, признанную самою императрицею: «стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ»[3]).

Правленію Екатерины за чертою придворнаго міра не воздавали похвалъ, подобныхъ выходившимъ изъ-подъ услужливаго пера пѣвца «Фелицы» и благосклонно принимавшимся за чистую монету. Въ средоточіи тогдашней общественной жизни, въ помѣщичьей Москвѣ, питали искреннюю признательность къ сведенному въ могилу императору, даровавшему дворянству вольность и свободу. Въ Москвѣ не радовались дворцовому перевороту 28-го іюня и не считали императрицу въ правѣ царствовать при совершеннолѣтнемъ сынѣ, прямомъ наслѣдникѣ отцовскаго престола. Екатерина знала объ этомъ и всегда подозрительно относилась къ древней столицѣ, особенно послѣ оказанной Павлу Петровичу восторженной встрѣчи. Въ Малороссіи ея имя далеко не вызывало восторга[4]), о чемъ не-

---

Почему и нѣтъ другаго зерцала, какъ, во-первыхъ, наказъ, а потомъ—здравый разсудокъ, любовь къ отечеству и должная благодарность къ строительницѣ блаженства нашего». В. Сергѣевичъ, Лекц. и изслѣд., Спб., 1883 года, стр. 768 и 769.

[1]) Сергѣевичъ, стр. 784. Мы ссылаемся на почтенный трудъ профессора Сергѣевича по исторіи нашего законодательства, какъ на источникъ, потому что г. Сергѣевичъ знакомъ съ ходомъ дѣлъ «уложенной коммиссіи» не только по изданіямъ русск. ист. Общества, но и по неизданнымъ матеріаламъ архива бывш. II отд. собственной его императорскаго величества канцеляріи.

[2]) Тамъ же, стр. 996.

[3]) Тамъ же, стр. 818.

[4]) Замѣчательно, что въ коммиссіи 1767 года отсутствовали депутаты крестьянскаго населенія губерній Малороссійской, Лифляндской и Эстляндской, потому что императрица считала всѣхъ тамошнихъ крестьянъ крѣпостными. «Сборн. русск. ист. Общ.», т. X, стр. 286.

двусмысленно свидѣтельствують дошедшія до насъ народныя пѣсни. Появленіе самозванца черезъ 12 лѣтъ по ея воцареніи и его успѣхи въ великорусскомъ народѣ, очень хорошо знавшемъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, потрясающимъ образомъ удостовѣряютъ о народной ненависти къ порядкамъ, окончательно созрѣвшимъ подъ ея скипетромъ. Наконецъ, перелистывая Полное Собраніе Законовъ, нельзя не обратить вниманія на частые указы о пасквиляхъ на правительство въ ея царствованіе. Неблагонамѣренные люди придавали имъ форму указовъ и въ массѣ развѣшивали по стѣнамъ, вслѣдствіе чего объявленіе законовъ возложено было на обязанность полиціи городской и земской, причемъ велѣно читать народу указы, а не вывѣшивать ихъ.

Недальновидные изъ числа недовольныхъ или потерпѣвшихъ обыкновенно злобствують по поводу происходящей въ государствѣ неурядицы и переносятъ свою злобу на лицъ, облеченныхъ властью, упадокъ же общественной нравственности относятъ къ вліянію занесенныхъ извнѣ и расплождаемыхъ у себя дома пагубныхъ ученій; но кто не смѣшиваетъ явленій съ причинами, тому ясно, что и возможность успѣха вредныхъ для общежитія дѣйствій правительственныхъ лицъ, и воспріимчивость къ пагубнымъ ученіямъ обусловливаются прежде всего дряблостію общественнаго организма, не обладающаго внутреннею энергіей противодѣйствія разрушительнымъ и темнымъ силамъ. Гдѣ каждый человѣкъ отстаиваетъ достоинство своей личности, тамъ не возможно ни рабство, ни насиліе; человѣка, убѣжденнаго въ чистотѣ своего нравственнаго идеала и выработавшаго въ себѣ моральную дисциплину, т. е. строго подчиняющаго свои дѣйствія голосу совѣсти, невозможно ни сбить съ толку, ни соблазнить ложными ученіями. Поэтому для успѣховъ гражданской жизни необходимы прежде всего нравственные государственные и общественные дѣятели, уважающіе права личности правители, сознающіе и отстаивающіе свое человѣческое достоинство управляемые. Остальное приложится совокупнымъ, дружнымъ трудомъ, которому при такихъ условіяхъ открывается широкій просторъ и плодотворная дѣятельность. Нравственное начало служитъ краеугольнымъ камнемъ гражданственности. На немъ зиждется зданіе общественнаго блага и рушится съ его разрушеніемъ. Внѣ этого начала нѣтъ руководящаго принципа ни въ личной, ни въ народной жизни. Матеріалистическія ученія прошлаго столѣтія, огульно названныя «вольтеріанствомъ», совсѣмъ отрицали не подлежащее тремъ математическимъ измѣреніямъ и сужденію разсудка нравственное начало, а потому и были революціонными попреимуществу. Критика, имѣющая точкою отправленія матеріализмъ, какъ не создающая никакихъ идеаловъ, прямо ведетъ къ разрушенію. Но для того, чтобы разрушать не создавая, еще недостаточно убѣжденія въ негодности или безполезности разрушаемаго; необходимо

питать къ нему ненависть или страхъ. Въ слояхъ же нашего общества, заражаемыхъ вольтеріанствомъ, не было ненависти къ существующему порядку, и страхъ овладѣвалъ лишь при мысли о возможности перемѣнъ, напримѣръ, о возможности освобожденія крестьянъ, которымъ, для того, чтобы они сами себя освобождать не вздумали, въ царствованіе Екатерины, начиная съ 1767 года, т. е. со времени открытія занятій «уложенной коммиссіи», велѣно было прочитывать указъ о повиновеніи помѣщикамъ [1]), въ первый мѣсяцъ по воскресеньямъ и праздникамъ, и затѣмъ ежегодно въ храмовой праздникъ. Поэтому вольтеріанство и не преслѣдовалось. Неспособное поколебать основы того строя, въ которомъ его последователи чувствовали себя какъ нельзя лучше, оно было «любезно» своею уживчивостью, т. е. снисходительностью къ порокамъ, или «слабостямъ», какъ называли тогда въ свѣтѣ и при дворѣ развратъ, лихоимство и казнокрадство [2]). Ставить въ средѣ этихъ дѣятелей «зерцаломъ» нравственный долгъ было бы все равно, что вносить покойника на свадьбу. Сторонниковъ нравственнаго начала, правда, не преслѣдовали, но на нихъ косились и не безъ нѣкотораго основанія считали людьми безпокойными: во-первыхъ, они раздражали своею угловатою искренностію; во-вторыхъ, это были люди недовольные существующимъ порядкомъ вещей и душевно расположенные къ тѣмъ именно перемѣнамъ, которыхъ опасались наши вольтеріанцы [3]). Они были терпимы, но подъ условіемъ не-

---

[1]) Этимъ же указомъ запрещено крестьянамъ подавать жалобы на помѣщиковъ.

[2]) По этому поводу возникла даже полемика между первымъ сатирическимъ журналомъ Новикова «Трутень» и первымъ въ Россіи сатирическимъ журналомъ «Всякая всячина, съ барышкомъ». Послѣдняя, какъ доказано Пекарскимъ («Матер. для исторіи журн. и лит. дѣятельности Екатерины II», Прилож. къ III т. Зап. акад. наукъ, Спб., 1863 г.), издавалась подъ главнымъ редакторствомъ Екатерины, которая помѣщала здѣсь и свои собственныя статьи. Номинальнымъ издателемъ былъ Г. В. Козицкій, статсъ-секретарь. «Всякая всячина», отправляясь отъ взгляда, что порядочный человѣкъ долженъ быть всегда веселъ и снисходителенъ къ слабостямъ другихъ, считала неприличнымъ рѣзко нападать на порядочныхъ людей, обличать же взятки, по ея мнѣнію, значило «не имѣть довѣренности и почтенія къ установленнымъ правительствамъ»; она заявляла: «Нашъ полетъ по землѣ, а не на воздухѣ, еще же менѣе до небеси» (1769 г., стр. 139—140). Новиковъ же находилъ, напротивъ, что снисходительность къ порокамъ только укрѣпляетъ зло, свидѣтельствуетъ о недостаткѣ любви къ ближнему, что писать сатиры въ «улыбательномъ родѣ», какъ совѣтовала «Всякая всячина», не годится и что обличать, писать сатиру «на лицо» благодѣтельно, такъ какъ такая сатира способствуетъ раскаянію порочнаго («Трутень», 1769 года, ч. 1, стр. 29—31 и 195). Сторону «Трутня» приняли: издатель «И то и сьо» М. Д. Чулковъ (сенатскій секретарь, спеціалистъ по экономическимъ вопросамъ) и неизвѣстный издатель «Адской Почты».

[3]) Въ нашей литературѣ впервые и рѣшительно возвысилъ голосъ противъ крѣпостнаго права ревностный сторонникъ нравственнаго начала, уже тогда бывшій масономъ, И. П. Тургеневъ. Въ смутившей тогдашнее дворянское об-

вмѣшательства въ чужія, будто бы, дѣла и могли свободно высказывать свои взгляды только въ тѣсномъ, замкнутомъ кругѣ избранныхъ. Если бы масонства у насъ не существовало, то въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, въ средѣ нашего общества, образовались бы другія тайныя братства или дружества, не для того, чтобы замышлять какіе либо ковы противъ правительства или общества, но единственно для того, чтобы дать убѣжище нравственному началу, которому не было мѣста въ гласной жизни.

Въ ритуалахъ ложъ такъ называемой елагинской системы объясняется, что, при принятіи въ ученики, мастеръ даетъ новопринятому: запонъ (передникъ), который своею крѣпостью и бѣлизною долженъ напоминать «искренность, постоянство и чистосердечіе»; необточенную лопатку для работъ, «когда потщится сердце человѣческое отъ нашествія пороковъ оградить яко стѣною, помазанною ею, и погрѣшности ближняго снисходительно прикрывати ею». Въ катехизисѣ для учениковъ, на вопросъ великаго мастера: «что есть свободный каменьщикъ?» Намѣстный мастеръ отвѣчаетъ: «Онъ есть свободный человѣкъ, разумѣющій умѣрять свои желанія и умѣющій покорять волю свою законамъ разума». Подлежалъ изгнанію изъ «храма» тотъ, «кто тѣснилъ ближняго, не хранилъ правду»[1]). Символомъ ученика былъ грубый булыжный камень, а ученическое упражненіе должно было состоять «въ отвердѣніи, чтобъ быть годнымъ въ зданіе храма, посвященнаго вѣчному, духовному Существу». Требовалась такая выработка характера, такая непоколебимость нравственнаго устоя, чтобы было «твердо и неизмѣнно честное слово, хотя бы и жизни то стоило»[2]). Правилами орден-

---

щество статьѣ «Живописца» (1772 г., л. 5): «Отрывокъ путешествія въ ***, И. Т., гл. XIV», серьезнымъ тономъ нарисована безотрадная картина крестьянскаго труда и безъисходной нищеты подъ властью жестокаго помѣщика. Въ послѣсловіи къ «Отрывку» говорится: «Блюдо приготовлено очень солоно, и для нѣжныхъ вкусовъ благородныхъ невѣждъ горьковато». Оно дѣйствительно пришлось не по вкусу разнымъ вліятельнымъ лицамъ, какъ можно заключить изъ напечатанной черезъ мѣсяцъ (л. 13) иронической статьи «Англиская прогулка».

[1]) Дополненіе къ исторіи масонства въ Россіи, Пекарскаго. Спб. 1869 г., стр. 41, 42 и 66.

[2]) Записка, составленная декабристомъ (и масономъ) Гавр. Степ. Батенковымъ для покойнаго Степ. Вас. Ешевскаго. Рум. муз., № 118.

Послѣ гоненія у насъ на масоновъ и, наконецъ, совершеннаго запрещенія масонства, въ 1822 году, довѣріе къ честному слову брата усилилось въ тайныхъ ложахъ. Такъ, въ собраніи 10-го сентября 1827 года, между прочимъ, постановлено: «3) При принятіи или присоединеніи въ четырехъ первыхъ степеняхъ клятвеннаго обѣщанія не брать, а вмѣсто онаго довольствоваться честнымъ словомъ принимаемаго или присоединяемаго, что будетъ умалчивать все то, что̀ увидитъ и услышитъ. Въ теоретической степени вводимый долженъ дать присягу». (Пыпинъ: Матер. для ист. мас. ложъ, въ «Вѣстн. Евр.» за 1872 г., № 7, стр. 285). Но теоретическая степень была уже спеціальнымъ масонствомъ, о которомъ ложи іоанновскихъ степеней могли, а первоначально и должны были (Лонгиновъ: Новик. и моск. март., стр. 178), не вѣдать.

скаго ученія предписывается посвященнымъ взаимно питать братскую любовь, которая должна быть дѣятельною. Но каждый обязанъ оказывать услуги другимъ лишь такого рода или въ такой мѣрѣ, чтобы онѣ не вредили ему самому или его семейству, не разстроивали его собственнаго благополучія[1]). Разумѣется, не возбраняюсь идти и дальше въ проявленіи практической любви къ ближнему, и ревностнѣйшіе изъ представителей нашего высшаго масонства не останавливались на границѣ англійской умѣренности въ благотвореніи и устройствѣ общеполезныхъ дѣлъ, иначе они не устояли бы въ принятой ими на себя благородной роли двигателей общественной жизни, тогда какъ въ Англіи общественная самодѣятельность не нуждалась въ пробужденіи и поощреніи со стороны тайныхъ обществъ или въ примѣрѣ выдѣляемыхъ изъ ихъ среды ученыхъ дружествъ и промышленныхъ товариществъ[2]). Въ первомъ масонскомъ журналѣ, «Утренній Свѣтъ»[3]), выходившемъ въ Петербургѣ съ сентября 1777 года подъ редакторствомъ Н. И. Новикова и при дѣятельномъ сотрудничествѣ Ив. П. Тургенева, вполнѣ оттѣнено масонское ученіе о внутреннемъ, нравственномъ достоинствѣ личности. Не случай, а мужество, разумъ, цѣломудріе управляютъ человѣческими дѣлами[4]). Человѣкъ свободенъ и самъ создаетъ свое величество[5]). Онъ счастливъ и въ оковахъ, если «добродѣтеленъ» и «искусенъ въ знаніяхъ»,—душу заковать нельзя[6]). Въ доставшемся Ешевскому тайномъ масонскомъ архивѣ есть документъ, изъ котораго видно, что свобода совѣсти въ средѣ вольныхъ каменьщиковъ ограничивалась лишь условіемъ христіанской нравственности. Здѣсь говорится: «Каждый теорети-

---

[1]) А. Незеленовъ: Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ, Спб., 1875, стр. 123.

[2]) Ив. Егор. Шварцъ завѣщалъ все свое, трудомъ пріобрѣтенное, скромное имѣніе (въ 28,000 р.) не женѣ и дѣтямъ, а «Дружескому ученому Обществу», на попеченіи котораго оставались питомцы созданныхъ имъ при Московскомъ университетѣ «семинарій», и въ полномъ смыслѣ слова душу свою положилъ за этихъ питомцевъ. Князь Николай Никитичъ Трубецкой съ женою (Варварою Александровною, сестрою князя А. А. Черкасскаго, тоже масона) остались нищими и никогда не роптали, подвергаясь тяжелымъ лишеніямъ вслѣдствіе неумѣренности въ служеніи добрымъ дѣламъ. Григ. Максим. Походяшинъ въ одну зиму пожертвовалъ 300,000 р. на прокормленіе голодающихъ, чѣмъ сильно разстроилъ свое значительное состояніе. Ив. Владим. Лопухинъ вошелъ въ тяжелые по своему состоянію долги займами на содержаніе учащейся молодежи, устройство вольной типографіи и свой вкладъ въ предпріятіе «Типографической Компаніи». Во всемъ этомъ сказывается не англійская умѣренность, а беззавѣтная природа и широко открытое для добра сердце неиспорченнаго кулаческою алчностью русскаго человѣка.

[3]) Въ объявленіи сказано, что онъ издается «Обществомъ ученыхъ людей», очевидно, предшественникомъ «Дружескаго ученаго Общества». Одинакова была и цѣль обоихъ, какъ увидимъ ниже.

[4]) О случаѣ, Плутарха, «Утр. Св.», ч. I.

[5]) Юнговы нощи, «Утр. Св.», ч. VII.

[6]) Разсужденіе на Новый годъ, «Утр. Св.», ч. II.

ческій братъ долженствуетъ придержаться одной извѣстной христіанской религіи и по оной тщательно и ревностно жить, какъ то съ должностію честнаго человѣка сходствуетъ. Впрочемъ, всякому свободно соглашаться на тѣ мнѣнія, которыя дѣлаютъ человѣка праведнымъ, добронравнымъ, благотворнымъ, добросердечнымъ и готовымъ къ услугамъ ближнему своему, какого бы онъ ни былъ народа и вѣры христіанъ»[1]). Всѣ эти правила и нормы не оставались праздными умствованіями безъ всякаго примѣненія. Масоны дѣйствительно выработывали въ себѣ твердость воли, самостоятельность убѣжденій, вѣрность данному слову, уваженіе къ свободѣ совѣсти, любовь къ ближнему. Извѣстенъ исполненный достоинства отвѣтъ Ив. Вл. Лопухина московскому главнокомандующему графу Брюсу (бывшему масону) на предложеніе отстать отъ масонства въ угоду императрицѣ; тотъ же Лопухинъ энергично отстоялъ слободскихъ духоборцевъ; памятно достойное поведеніе Ив. Егоровича Шварца передъ лицомъ несправедливо тѣснившаго его университетскаго начальства; Н. И. Новиковъ и въ Шлиссельбургѣ отказался отречься отъ ордена, зная, что жестоко поплатится за такую стойкость; Гамалѣя поражалъ своимъ безсребренничествомъ и человѣколюбіемъ; вслѣдъ за арестомъ Новикова, когда въ обществѣ боялись и говорить вслухъ о мартинистахъ, уже вышедшій изъ ордена масонъ Карамзинъ, нашъ знаменитый историкъ, написалъ и выпустилъ въ свѣтъ[2]) стихотвореніе «Къ милости», въ которомъ читаемъ слѣдующее предостереженіе Екатеринѣ:

Доколѣ всѣмъ даешь свободу
И свѣта не темнишь въ умахъ,
Доколь довѣренность къ народу
Видна во всѣхъ твоихъ дѣлахъ:
Дотолѣ будешь свято чтима,
Отъ подданныхъ боготворима
И славима изъ рода въ родъ.

Смыслъ этой почтительной и глубокой ироніи разъясняется самимъ же Карамзинымъ въ запискѣ «О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ». Онъ говоритъ:

---

[1]) Выписка изъ «Законовъ для высокаго собранія теоретическихъ философовъ». Она напечатана въ «Русск. Вѣстникѣ» за 1865 г., въ март. кн., на стр. 18. Въ русскомъ масонствѣ были 3 іоанновскія степени англійской (древней) системы, 4-я степень шотландскаго мастера или благотворительнаго рыцаря, заимствованная изъ тампліерства (она вошла къ намъ двоякимъ путемъ: изъ Пруссіи и Швеціи), и 5-я степень «теоретическаго философа», или брата теоретическаго градуса злато-розоваго креста (розенкрейцерства), составлявшаго самостоятельное звено въ такъ называемой «орденской цѣпи», т. е. въ группѣ или союзѣ ложъ одной и той же системы.

[2]) Новиковъ арестованъ 22-го апрѣля 1792 года, а стихотвореніе «Къ милости» появилось въ 5-й книжкѣ (стр. 117) ежемѣсячнаго «Московскаго Журнала» Карамзина.

о Екатеринѣ: «Слѣдствія кончины ея заградили уста строгимъ судьямъ сей великой монархини, ибо, особенно въ послѣдніе годы ея жизни, дѣйствительно слабѣйшіе въ правилахъ и въ исполненіи, мы болѣе осуждали, чѣмъ хвалили Екатерину... доброе казалось намъ естественнымъ, необходимымъ слѣдствіемъ порядка вещей, а не личной Екатерининской мудрости; худое же — ея собственною виною». Въ то время, когда масоны, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, подавали примѣръ гражданскаго мужества и личнаго достоинства, не прошедшій чрезъ ихъ школу Державинъ искалъ чести быть принятымъ у фаворита Зубова, удостоился этой чести послѣ своей «Фелицы» [1]) и усердно вторилъ недальновидному глумленію Екатерины надъ московскими мартинистами [2]), которыхъ императрица съ умысломъ или по недоразумѣнію смѣшивала съ шарлатанами семитическаго происхожденія: Калліостро и Сенъ-Жерменомъ, принимавшимъ, какъ выяснилось впослѣдствіи, дѣятельное участіе въ переворотѣ 28 іюня 1762 года.

По мѣрѣ развитія масонства росла и его нравственная сила, которая развернулась во внѣшней дѣятельности тотчасъ же по признаніи Россіи на вильгельмсбадскомъ масонскомъ конвентѣ (1782 г.) самостоятельною провинціей (восьмою), по устраненіи іерархической зависимости отъ герцога Брауншвейгскаго и короля Шведскаго [3]), и объединеніи русскихъ масоновъ въ 1783 году [4]). Средоточіемъ масонства сдѣлалась Москва, гдѣ было четыре матери-ложи и между ними главная, провинціальная ложа «Трехъ Знаменъ», которая «учреждала сама собою», какъ выразился Лопухинъ въ своихъ

---

[1]) Здѣсь, между прочимъ, говорится въ похвалу: «Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь» (строфа 4, стихъ 6). Женщина и не могла «въѣхать» въ масонское собраніе. Прекрасный полъ, и притомъ для цѣлей самыхъ безнравственныхъ, имѣлъ входъ въ собранія иллюминатовъ, стремившихся подъ личиною масонства произвести всемірную анархію, упразднивъ собственность и низвергнувъ троны и алтари; но противъ нихъ энергично возставали именно московскіе мартинисты.

[2]) Въ одѣ «На счастье», написанной въ 1789 году, когда надъ русскими масонами уже висѣла гроза и повелѣно было университету не возобновлять съ Новиковымъ контракта по арендѣ типографіи. Извѣстны комедіи Екатерины: «Обманщикъ», «Обольщенный» и «Шаманъ сибирскій».

[3]) Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, московскія ложи (шотландской системы) признавали верховенство герцога Брауншвейгскаго, гроссмейстера всего союза шотландскихъ ложъ, петербургскія же находились подъ сильнымъ вліяніемъ Швеціи. Въ Петербургѣ капитулъ «Фениксъ» былъ основанъ Карломъ XIII. Князь Александръ Куракинъ привезъ ему патентъ, подъ заглавіемъ: «Инструкція для директоріи», за подписью короля и графа Bielke, данный въ Стокгольмѣ 6-го мая 1780 года. Князь Гавріилъ Петровичъ Гагаринъ былъ назначенъ префектомъ и національнымъ великимъ мастеромъ. (Отвѣтъ на вопросъ Вибеля, кѣмъ и когда былъ основанъ капитулъ «zum Phenix». Ешевскій, l. c., I, 370).

[4]) Гагаринъ не безъ нѣкоторыхъ затрудненій присоединился къ 8-й провинціи и сдѣлался управляющимъ мастеромъ матери-ложи «Фениксъ» въ Москвѣ. (См. тамъ же).

отвѣтныхъ пунктахъ, т. е. дѣйствовала (на языкѣ масоновъ: работала), не справляясь съ намѣреніями иноземныхъ главарей масонства. Директорія «теоретическаго градуса» хотя и находилась въ зависимости отъ высшихъ масонскихъ властей въ Берлинѣ и впослѣдствіи даже подверглась отъ нихъ запрещенію (суспенсіи), которое считается неснятымъ и по настоящее время, но такъ какъ теоретическій градусъ былъ чѣмъ-то въ родѣ академіи масонскихъ наукъ, а не органомъ масонскаго управленія, то, за исключеніемъ денежныхъ подачекъ, эта зависимость не имѣла никакихъ практическихъ послѣдствій[1]). Русское масонство отличалось весьма слабымъ космополитическимъ характеромъ и было гораздо болѣе общественнымъ учрежденіемъ, чѣмъ «сектою» или «новымъ расколомъ», какъ назвала его Екатерина въ указѣ по дѣлу Новикова и московскихъ мартинистовъ, т. е. существующимъ въ себѣ и только для себя, замкнутымъ кругомъ избранныхъ. Потому и основало оно свою главную квартиру въ Москвѣ, средоточіи національной общественной жизни, а не въ Петербургѣ, средоточіи государственнаго управленія, наводненномъ иностранцами и людьми служилыми, что̀ имѣло задачею или своимъ историческимъ призваніемъ собирать общественныя силы, поднимать духъ общества, развивать въ немъ энергію самодѣятельности и утверждать самостоятельность. Втягивая въ себя лучшихъ изъ меньшинства, оно выступало живымъ укоромъ большинству, которое погрязло въ черствомъ эгоизмѣ, чувственности, пренебреженіи къ правамъ личности, недобросовѣстности всякаго рода, искательствѣ у сильныхъ міра сего, угнетеніи слабыхъ, отрицаніи нравственныхъ основъ общежитія и того внутренняго достоинства, которое возвышаетъ человѣка надъ міромъ животныхъ; но, порицая пороки, свободные каменьщики никогда не глумились надъ общественнымъ слабосиліемъ. Они чуждались пріема приводить въ сознаніе затрещинами, и ихъ извѣстная мягкость, такъ называемая воспитанность, въ соединеніи съ искренностью и прямотою, немало привлекала къ нимъ расположеніе общества, которое, само того не замѣчая, перерождалось и на мѣсто прежней розни мало-по-малу утверждало въ своей средѣ масонскій девизъ:

Б. Д. Н. С. М. и Е.
(Боже, даждь намъ согласіе, миръ и единство).

Масоны обтесывали «дикій камень» и строили «по правильному чертежу», т. е. боролись съ грубостью и невѣжествомъ и работали

[1]) Въ силу акта, даннаго Шварцу 1-го октября 1781 года, русскіе теоретическіе братья обязаны были только ежегодно вносить въ пользу берлинской кассы для бѣдныхъ по одному червонцу; верховному предстоятелю Шварцу вмѣнялось въ обязанность переводить собранныя такимъ образомъ суммы хорошими векселями (тамъ же, стр. 91—92). Этотъ «орденскій золотой» сдѣлался обычнымъ масонскимъ взносомъ въ Россіи.

на пользу просвѣщенія умственнаго и нравственнаго, не полагаясь на собственныя свои силы, а привлекая къ своей созидательной работѣ всякаго годнаго труженика, отъ доброй воли котораго зависѣло вступить въ орденъ или остаться свободнымъ отъ всякихъ по отношенію къ нему обязательствъ. Дѣло не въ томъ, что̀ они принимали за тьму и къ какому свѣту стремились. Каковы бы ни были заблужденія масонской науки, именуемой свободными каменьщиками «царственною», науки, заведшей однихъ въ дебри мистицизма, а другихъ вернувшей къ средневѣковой алхиміи и морочившей магіею или искусствомъ вызыванія духовъ[1]), за нашими масонами всегда останется та безспорная ихъ заслуга передъ обществомъ, что для работъ, которыя они считали необходимымъ проявленіемъ своей **практической** любви къ ближнему, ими призывались къ труду и ассоціировались общественныя силы. Само масонство было организованное тѣло, зерно, носящее въ себѣ самомъ будущее древо общественности. «Между мартинистами, — говоритъ лондонскій издатель записокъ Лопухина,—была человѣческая связь, опора, круговая порука, обмѣнъ силъ, и какъ бы они мистически ни понимали и какими бы іероглифами ни замѣняли ее, они стояли гораздо выше шаткой и безцѣльной толпы **образованныхъ** русскихъ. Они жили задней мыслью, у нихъ было сознаніе совокупнаго труда. Членъ союза, членъ тайнаго общества, чувствуетъ себя не одинокимъ сиротой, а живою частью живаго организма»[2]). Обладая организаціонною силою и энергіей духа, поднятаго на значительную высоту признаніемъ нравственнаго начала за основу и смыслъ человѣческаго бытія, они вызвали общественную самодѣятельность въ такой области труда, которая прежде находилась въ исключительномъ вѣдѣніи правительства. Мы говоримъ о народномъ образованіи и печатной гласности.

---

[1]) Къ счастью, масонская **наука** остановилась на «теоретическомъ градусѣ». Ея пропаганда ограничилась у насъ переводомъ съ нѣмецкаго «Хризомандера», гдѣ, въ видѣ повѣсти, преподается аллегорическое наставленіе для производства «великаго дѣла», т. е. алхимическаго процесса, для добыванія золота и философскаго камня, съ присовокупленіемъ всѣхъ темныхъ правилъ такъ называемой герметической науки. Наши «теософическіе философы» лишь пытались статъ на «степень практическую», для отысканія «разрушеннаго и разсѣяннаго камня», безъ котораго три элемента: меркурій, сѣра и соль, не годились для составленія чудесъ природы. За этимъ золотымъ руномъ розенкрейцеровъ отправился изъ Москвы въ Берлинъ очень почтенный человѣкъ, Алексѣй Михайловичъ Кутузовъ, но оттуда не вернулся: онъ умеръ въ столицѣ Пруссіи, сдѣлавшись жертвою какихъ-то невыясненныхъ несчастныхъ обстоятельствъ. Во главѣ розенкрейцерства стоялъ тогда Велльнеръ (Woellner), Königlicher geheimer Finans, Kriegs- und- Domainen-Rath beym General-Directorio auch Canonicus des Ober-Collegial-Stifts zu Halberst» (не беремся перевести порусски этотъ пышный бюрократическій титулъ). Подъ обаяніемъ кудесничества магіи и духовызыванія, Фридрихъ-Вильгельмъ II сдѣлалъ Велльнера государственнымъ министромъ.

[2]) Предисловіе, стр. VIII, изд. 1860 г.

II.

Въ нашемъ народномъ хозяйствѣ, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, трудъ и капиталъ не жили въ мирѣ и добромъ согласіи. Описывая печальное состояніе имперіи при своемъ вступленіи на престолъ, Екатерина II говоритъ: «Заводскіе крестьяне почти всѣ были въ явномъ непослушаніи властей. Сіе непослушаніе унимали посланные генералъ-маіоры: Александръ Алексѣевичъ Вяземскій и Александръ Ильичъ Бибиковъ, разсмотря на мѣстѣ жалобы на заводосодержателей, но не однажды принуждены были употребить противъ нихъ оружіе и даже до пушекъ»[1]). Въ другомъ мѣстѣ она свидѣтельствуетъ, что заводскихъ крестьянъ въ явномъ возмущеніи было 49,000 человѣкъ[2]),—число громадное, если принять въ соображеніе, что всѣхъ вообще фабрикъ и заводовъ въ Россіи 1762 года было 335[3]), и еще въ 1779 году общее ихъ число не превышало цифры 501[4]). Доходило до пушекъ и при усмиреніи крестьянъ-земледѣльцевъ во время Пугачевскаго бунта. О постоянныхъ же домашнихъ расправахъ уже нечего и говорить, хотя жестокость этихъ расправъ, безпощадное грабительство управителей и всякаго рода притѣсненія, которымъ подвергалось рабочее сельское и фабрично-заводское населеніе, и были главною причиною тому, что «унимать непослушныхъ» приходилось пушками[5]). Не было ладу и между самими капиталистами. Система дозволеній и привиллегій превратила нашу добывающую и обработывающую фабрично-заводскую промышленность въ моно-

---

[1]) Соловьевъ, «Ист. Рос.», т. XXV, стр. 144—145.

[2]) Тамъ же, стр. 171.

[3]) Докладъ мануфактуръ-коллегіи императрицѣ Екатеринѣ II въ 1767 году.

[4]) Докладъ министра внутреннихъ дѣлъ, см. именной указъ 18-го іюля 1803 года въ «Полн. собр. зак.», т. XXVII, № 20,852.

[5]) Напримѣръ, крестьяне, приписные къ заводамъ гр. Ив. Григ. Чернышева и Демидовыхъ, Николая и Евдокима, жаловались, что управители и приказчики притѣсняютъ ихъ, бьютъ, «нѣкоторыхъ и до смерти убили» (Соловьевъ, l. c., стр. 23). Какъ видно изъ журналовъ сената, 13-го декабря 1766 года (привед. у Соловьева, т. XXVII, стр. 24—26), въ областяхъ пріуральскихъ, заводскіе управители, облеченные въ «чинъ сибирскаго дворянина» и происходившіе отъ рядовыхъ казаковъ, о которыхъ отзывался губернаторъ Денисъ Чичеринъ, что это «подлѣйшій въ Сибири народъ», въ конецъ разоряли ясачныхъ и до того довели ихъ своими мучительствами и грабительствами, что иные, напримѣръ, ташскіе и кузнецкіе ясачные разбѣжались въ дикіе, отдаленные лѣса. Когда же Чичеринъ велѣлъ забрать виновныхъ въ томъ управителей, Кругликова и Мельникова, въ коммиссію, учрежденную для разбора ясачныхъ дѣлъ, то Кругликовъ, собравъ до 200 мужиковъ своего вѣдомства, перебилъ посланныхъ изъ коммиссіи, причемъ самъ командовалъ, сидя на лошади съ обнаженною шпагою; то же сдѣлалъ Мельниковъ, и затѣмъ оба ушли въ Барнаулъ.

полію немногихъ крупныхъ капиталистовъ [1]), которые, каждый въ своемъ округѣ и въ своей отрасли производства, напрягали всѣ усилія къ тому, чтобы устранить «безуказныхъ фабрикантовъ». Депутатъ отъ коммерцъ-коллегіи говорилъ въ уложенной коммиссіи: «По мнѣнію моему, пускай бы всѣ искали своей пользы, только бы одинъ другому не дѣлали помѣшательства... но нашъ русскій народъ въ семъ случаѣ подобенъ птицамъ, которыя, найдя кусокъ хлѣба, до тѣхъ поръ одна у другой его отнимаютъ, пока, раскроша въ самыя мелкія крупинки, смѣшаютъ ихъ съ пескомъ или землею, и совсѣмъ растеряютъ» [2]). Это была промышленная междоусобица, а не жизнь, и о промышленныхъ союзахъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи. Впервые противъ производства крѣпостнымъ трудомъ фабрично-заводскихъ работъ и зла концессіонной системы высказался указъ императора Петра III, отъ 29-го марта 1762 года. Имъ совершенно запрещена покупка къ фабрикамъ и заводамъ крестьянъ съ землями и безъ земель, и повелѣно «въ заведеніи вновь фабрикъ и заводовъ никому запрещенія не чинить» [3]). Но, за преждевременною смертью императора, указъ этотъ остался безъ исполненія [4]). Мы знаемъ, что первая, изложенная въ немъ, ограничительная мѣра состоялась вслѣдствіе жалобъ заводскихъ крестьянъ на притѣсненія со стороны хозяевъ и ихъ жестокость, доходившую иногда до смертоубійства. Подобныя жалобы проходили чрезъ сенатъ и, стало быть, доклады послѣдняго могли вліять на предохранительныя отъ зла мѣры, принимаемыя верховною властью. Въ сенатѣ же шестидесятыхъ годовъ и при дворѣ, въ приближеніи къ царствующимъ лицамъ, уже стояли люди, для которыхъ общее благо, справедливость и проведеніе ея въ практику государственнаго управленія были обязательны въ силу ихъ принадлежности къ тайному

---

[1]) То же было и въ торговлѣ. Такъ, оберъ-инспектору Шемякину, «ему одному», предоставлено было исключительное право привозить и продавать потребный для фабрикъ шелкъ всякихъ сортовъ какъ сырецъ, такъ и крашеный, безъ платежа пошлинъ. Эта привиллегія отмѣнена указомъ 31-го іюня 1762 г., и тѣмъ же актомъ уничтожена монополія петербургской ситцевой фабрики на исключительное производство ситцевъ («Полн. собр. зак.», т. XVI, № 11,630, §§ 11 и 14). Здѣсь кстати замѣтить, что этотъ пространный указъ, изданный на третій день по воцареніи Екатерины II, очевидно, изготовленъ еще при императорѣ Петрѣ III.

[2]) Д. Полѣновъ: «Ист. свѣд. о Екатерининской коммиссіи», ч. II, стр. 134.

[3]) «Полн. собр. зак.», т. XV, № 11,490.

[4]) Для оставленія указа въ силѣ, Екатериною потребованъ особый докладъ сената, отъ 8-го августа 1762 г. Тамъ же, № 11,638. Но указомъ Павла Петровича, отъ 16-го марта 1798 года, вновь дозволена покупка къ заводамъ и фабрикамъ крестьянъ, съ землею и безъ земли. «Полн. собр. зак.», т. XXV, № 18,211. Замѣчательно, что это распоряженіе послѣдовало въ тотъ самый годъ, когда императоръ-масонъ, сдѣлавшись гроссмейстеромъ ордена мальтійскихъ рыцарей, запретилъ масонамъ открывать ложи безъ особаго каждый разъ дозволенія.

обществу, стремившемуся, главнымъ образомъ, къ нравственному возрожденію и къ утвержденію нравственнаго начала правиломъ всякой дѣятельности. Далѣе мы видимъ, что, 22-го марта 1764 года, Екатерина утверждаетъ докладъ о дозволеніи всѣмъ безъ исключенія заводить фабрики и заводы, «особливо такіе, съ которыхъ вещи на содержаніе полковъ потребны»[1],—докладъ двухъ сенаторовъ, Никиты и Петра Паниныхъ, ревностныхъ масоновъ. Наконецъ, въ «уложенной коммиссіи», депутатъ ярославскаго дворянства, князь Мих. Мих. Щербатовъ, тоже масонъ, заявляетъ: «Самый опытъ показываетъ намъ, что лучшія фабрики въ Россіи тѣ, у которыхъ нѣтъ приписанныхъ деревень», и, разсматривая, чтò такое фабрики и какимъ образомъ онѣ ведутся дворянами и купцами, приходитъ къ заключенію, что необходимо установить равенство въ правахъ на фабрики всѣхъ сословій[2]). Такимъ образомъ, сильно умаляется историческое значеніе § 590 «Наказа», гдѣ преподается: «Чтобы елико возможно сдѣлать накладки подданнымъ не столь чувствительными, надлежитъ при томъ хранить всегдашнимъ правиломъ, чтобы во всѣхъ случаяхъ избѣгать монополій, т. е. не давать, исключая всѣхъ прочихъ, одному промышлять тѣмъ или другимъ»[3]). Гораздо опредѣленнѣе и рѣшительнѣе, къ тому же и раньше, чѣмъ императрица написала дополненіе къ своему «Наказу», или чѣмъ написалъ его для нея гр. А. П. Шуваловъ[4]), высказалась за свободу промышленности мануфактуръ-коллегія въ инструкціи, данной ею своему депутату въ коммиссіи, президенту Сукину. Здѣсь прямо заявляется, что все пойдетъ хорошо, если промышленность предоставить самой себѣ, если всякому разрѣшено будетъ работать, сколько обстоятельства его позволяютъ[5]). И въ высшемъ государственномъ учрежденіи (въ сенатѣ), и въ спеціально-промышленномъ органѣ правительства (мануфактуръ-коллегіи), и въ тайномъ общественномъ кружкѣ передовыхъ людей времени, въ шестидесятыхъ годахъ, уже созрѣла мысль о необхо-

---

[1]) «Полн. собр. зак.», т. XVI, № 12,099, гл. VI.

[2]) Д. Полѣновъ: «Истор. свѣдѣнія о Екатерининской коммиссіи для сочиненія новаго уложенія», ч. II, стр. 137, 50—52.

[3]) Дополненіе къ большому «Наказу», 8-го апрѣля 1768 года. «Полн. собр. зак.», т. XVIII, № 13,090.

[4]) Названное дополненіе носитъ названіе: «Начертанія о приведеніи къ окончанію коммиссіи проекта новаго уложенія», представленный же Шуваловымъ императрицѣ трудъ озаглавленъ: «Опытъ плана всему, о чемъ въ коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія господамъ депутатамъ трудиться должно». Этотъ «опытъ» цѣликомъ перешелъ въ «начертаніе» и хранится съ бумагами императрицы въ залѣ общаго собранія петербургскихъ департаментовъ сената (Сергѣевичъ, l. c., стр. 808). Шувалову поручено было императрицею наблюдать за веденіемъ «дневныхъ записокъ» коммиссіи; депутатомъ онъ не былъ.

[5]) П. И. Ивановъ: «Ист. управл. мануфакт. промышленностью въ Россіи», стр. 257. См. «Журн. мин. внутр. дѣлъ», за 1844 г., №№ 1—3.

димости уравненія сословій въ правахъ на промышленный трудъ и упраздненія стѣснительной правительственной опеки, также какъ и монополій казенныхъ и частныхъ. Верховной власти оставалось только узаконить порядокъ, признанный наилучшимъ съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ и прямо предложенный депутатами «уложенной коммиссіи», для того и созванными со всей Россіи, «чтобы отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста» и затѣмъ сдѣлать «свой народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастье и довольство можетъ на сей землѣ простираться». Рядъ отдѣльныхъ распоряженій въ освободительномъ для предпринимательской дѣятельности смыслѣ закончился манифестомъ 17-го марта 1775 года, которымъ дозволено «всѣмъ и каждому добровольно заводить всякаго рода станы и производить на нихъ всевозможныя рукодѣлія, не требуя на то уже инаго дозволенія отъ вышняго или нижняго мѣста»[1]. Этимъ законодательнымъ актомъ утверждены три существенной важности начала: свобода соперничества, независимость предпринимательской дѣятельности отъ правительственнаго усмотрѣнія и податное равенство промышленныхъ производствъ, такъ какъ спеціальные сборы съ фабрикъ и заводовъ были отмѣнены. Но оставалась еще цѣлая область производства нематеріальныхъ цѣнностей, гдѣ уже 200 лѣтъ царила казенная монополія и куда не проникала еще частная предпріимчивость. Это—область производства печатнаго слова.

До 1769 года, т. е. до появленія въ нашей литературѣ сатирическихъ журналовъ, рядъ которыхъ начатъ «Всякою Всячиною» императрицы Екатерины II, въ Россіи не было ни одной частной типографіи. Въ означенномъ году заведена въ Петербургѣ, «по сенатской привиллегіи», первая частная типографія нѣмцемъ Гартунгомъ; затѣмъ, по той же привиллегіи, съ 1772 года, стала работать типографія другаго нѣмца, Вейтбрехта, къ которому съ 1776 года присоединился третій—Шноръ[2]. Казна, такимъ образомъ, сама отступилась отъ своей монополіи, какъ скоро стали открываться частныя періодическія изданія и въ обществѣ увеличился спросъ на повременную литературу, уже неудовлетворяемый предложеніемъ казенныхъ «Вѣдомостей»[3]. Время 1769—1772 годовъ было

[1]) «Полн. собр. закон.», т. XX, № 14,275.

[2]) Сопиковъ, стр. CXVII. Впослѣдствіи типографія Шнора выдѣлилась въ самостоятельное предпріятіе и во все время своего существованія была лучшею въ Россіи. Тамъ же.

[3]) Сатирическіе журналы выходили въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ:

1) «Всякая Всячина, съ барышкомъ», Г. В. Козицкаго.
2) «И то и сьо», М. Д. Чулкова.
3) «Ни то ни сьо», В. Г. Рубана.
4) «Смѣсь», неизвѣстнаго.

временемъ поклоненія Екатеринѣ, «великой, премудрой матери отечества», особенно въ Петербургѣ, гдѣ она блистала покровительствомъ литературнымъ трудамъ не безъ задней мысли, какъ полагали, а именно съ намѣреніемъ отвлечь вниманіе общества отъ неудачъ, которыми началась ея первая турецкая кампанія. Государыня, умѣвшая располагать къ себѣ сердца приближенныхъ и всегда находчивая въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ разсчитывала на сатирическіе журналы, какъ на средство ослабить первое неблагопріятное впечатлѣніе, оставляемое въ умахъ дѣлами ея царствованія; но вѣроятнѣе всего, что сатирическая литература наиболѣе удовлетворяла ея личнымъ вкусамъ. Ей нравилось природное остроуміе, доставляло удовольствіе слегка подсмѣяться надъ людскими слабостями и недостатками, именно слегка: она находила, что сатиру должно писать «въ улыбательномъ родѣ». Кто негодовалъ на пороки, выступалъ съ рѣзкими обличеніями, того она считала злымъ человѣкомъ, непріятнымъ и опаснымъ. «Такое несчастное сложеніе, какъ она выражалась, наполненное злостію и злословіемъ, при свободности языка и съ острыми выраженіями вредъ великій нанести можетъ молодымъ людямъ» [1]). Она повелительно сдерживала Новикова не только въ его нападкахъ на крѣпостное право и взяточничество, но и въ его выходкахъ противъ французовъ, въ лицѣ разныхъ проходимцевъ, съ фальшивыми дворянскими паспортами втиравшихся въ русское общество и, становясь воспитателями въ частныхъ домахъ,

---

5) «Трутень», Н. И. Новикова.
6) «Адская Почта», Ѳ. А. Эмина.
7) «Поденьщина», В. Тузова.
8) «Полезное съ пріятнымъ», неизвѣстнаго.

Всѣ эти восемь журналовъ начали издаваться въ 1769 году; изъ нихъ на 1770 годъ перешли только два: журналъ Екатерины «Всякая Всячина», издаваемый отъ имени Г. В. Козицкаго, и журналъ Н. И. Новикова «Трутень»; но въ томъ же 1770 году открылось еще два новыхъ:

9) «Парнасскій Щепетильникъ», М. Д. Чулкова.
10) «Пустомеля», неизвѣстнаго.

Они просуществовали всего одинъ годъ. Затѣмъ, въ 1771 году выходилъ всего одинъ журналъ:

11) «Трудолибивый Муравей», В. Г. Рубана.

Втеченіе двухъ лѣтъ, 1772—1773, выходили:

12) «Вечера», неизвѣстнаго.
13) «Живописецъ», Н. И. Новикова.
14) «Старина и Новизна», В. Г. Рубана.

Втеченіе одного 1773 года:

15) «Мешенина Катоноскарроническая», неизвѣстнаго.

Наконецъ, въ 1774 году:

16) «Кошелекъ», Н. И. Новикова.

[1]) «Всякая Всячина», статья 148-я, стр. 402.

развращавшихъ мысли и нравы молодежи [1]). Не смотря на то, что «Живописецъ» Новикова былъ посвященъ автору комедіи «О время», т. е. Екатеринѣ, и что Екатерина помѣщала въ немъ свои статьи [2]), этотъ журналъ, какъ и «Трутень», не ужился съ господствовавшимъ при дворѣ направленіемъ и долженъ былъ прекратить свое существованіе. Послѣдній свой и послѣдній въ Россіи, въ царствованіе Екатерины II, сатирическій журналъ «Кошелекъ» Новиковъ посвятилъ «Отечеству», но первый листъ поднесъ императрицѣ черезъ статсъ-секретаря Козицкаго. Здѣсь прямо указывается на галломанію, какъ на одну изъ ближайшихъ причинъ многихъ пороковъ русскаго общества и проведена мысль о томъ, что для исправленія ихъ необходимо возстановить уваженіе къ «древнимъ россійскимъ добродѣтелямъ», не мѣнять свои драгоцѣнные жемчуги на «простые бусы» и не заимствовать у иностранцевъ ихъ характеръ, потому что у всякаго народа — свой собственный, и русскіе люди не лишены же его и не имѣютъ нужды «скитаться по всѣмъ областямъ и занимать клочками у разныхъ народовъ разные обычаи» [3]). Французскій повѣренный, Дюранъ, открыто выразилъ свое неудовольствіе по поводу отзывовъ журнала (не щадившаго иностранцевъ вообще) о французахъ, которые были выставляемы въ самомъ гнусномъ видѣ; но едва ли не сильнѣе Дюрана возмутилась русская придворная знать: ей ужъ никакъ не могъ нравиться призывъ къ водворенію «древнихъ россійскихъ добродѣтелей». «Кошелекъ» сталъ выходить въ іюлѣ, а закрылся въ сентябрѣ, и ни разу потомъ не перепечатывался, тогда какъ «Живописецъ» былъ перепечатанъ пять разъ: въ 1772, 1773, 1775, 1781 и 1795 годахъ; въ послѣдній разъ—когда Новиковъ сидѣлъ уже три года въ Шлиссельбургской крѣпости. Изъ другихъ сатирическихъ журналовъ вышли вторымъ изданіемъ: «Смѣсь» — въ 1771 году, «Адская Почта» и «Вечера» — въ 1788 году.

Мы сказали, что кратковременный періодъ изданія періодическихъ журналовъ былъ временемъ поклоненія Екатеринѣ. Поклоненіе это въ литературѣ было вполнѣ искренне. У всѣхъ еще было свѣжо въ памяти, что Тредьяковскій даже свои хвалебныя оды не смѣлъ читать во дворцѣ иначе, какъ стоя на колѣняхъ. Теперь же, при дворѣ императрицы-писательницы, отъ литератора не только

---

[1]) Французскій посланникъ въ Петербургѣ, графъ Сегюръ, не отрицаетъ въ своихъ «Запискахъ» безнравственности приставляемыхъ къ русскимъ дѣтямъ французскихъ воспитателей и наставниковъ, но винитъ въ томъ самихъ же русскихъ, которые довѣряли своихъ дѣтей людямъ, вовсе имъ неизвѣстнымъ и никѣмъ не рекомендованнымъ.

[2]) Между прочими, помѣстила и предвѣстницу своего позднѣйшаго отношенія къ масонамъ, сатирическую статью «Неудобо-разумо-и-духодѣятеленъ». «Живописецъ» 2-го года, лл. 8 и 9.

[3]) Вмѣсто предисловія, л. 1, стр. 2.

не требовали униженія, но обходились съ нимъ со вниманіемъ, дорожили его мнѣніемъ и не гнушались вступать съ нимъ въ гласную полемику. Новиковъ не притворялся, не льстилъ, преклоняясь передъ монархинею за «дарованную умамъ россійскимъ вольность»[1]). Уже давно на Руси «умы» не испытывали вольности. Когда же въ порывѣ признательности за свободу мыслить, не таясь, Новиковъ увлекся и предположилъ посвятить, или «приписать», какъ тогда выражались, свою «Вивліоѳику» Екатеринѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Истинной матери отечества, законодательницѣ премудрой, побѣдительницѣ враговъ имперіи Россійской на землѣ и морѣ, распространительницѣ славы Россійскія, воскресительницѣ Музъ, покровительницѣ Наукъ и Художествъ, защитницѣ правосудія и истины и содѣтельницѣ блаженства Россійскаго», то императрица, любившая лесть, но лесть тонкую, сама отмѣтила похвалы слишкомъ неумѣренныя и написала на поднесенномъ ей проектѣ посвященія совѣтъ автору выбросить изъ него «все то, что̀ свѣту показаться можетъ ласкательствомъ»[2]). Державная писательница оберегала авторское достоинство подданнаго. Впослѣдствіи наступила пора разочарованія и для Новикова, но въ семидесятыхъ годахъ еще не было къ тому повода. Виньетка «Трутня» изображала осла, придавленнаго сатиромъ, на дѣлѣ же оказался придавленнымъ сатиръ. За это Новиковъ не могъ быть благодаренъ, но вскорѣ, сдѣлавшись масономъ (въ 1774 году), онъ самъ понялъ, что, налагая руку на сатирическую рѣзкость въ угоду приближеннымъ, Екатерина была до нѣкоторой степени права въ принципѣ: для подъема общественной нравственности нужно положительное воспитаніе, систематическій и многолѣтній трудъ, а не одно только щелканье по носу; для искорененія взяточничества недостаточно обличеній, необходимъ болѣе совершенный строй государственнаго управленія, и т. д. Нельзя было не цѣнить, что въ эпоху пробужденія русской общественной мысли отсутствовала трусливая и угодливая цензура чиновника, всегда plus royaliste que le roi. Ни у кого не испра-

---

[1]) «Живописецъ», ч. 1, стр. V.

[2]) Собственною рукою императрицы написано:

«Мой совѣтъ есть, естьли авторъ мнѣ приписатъ хочетъ свое изданье, то вымарать изъ тителя все то, что свѣту показаться можетъ ласкательство, я подчеркнула на титуля все излишество». «Лѣтоп. русск. лит. и древн.», ч. 4, отд. III, стр. 41.

Во избѣжаніе всякихъ излишествъ, Новиковъ отпечаталъ свое посвященіе просто:

«Ея Величеству Екатеринѣ II, Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской, сіе изданіе со всеглубочайшимъ почтеніемъ въ новый 1773 годъ посвящаетъ всеподданнѣйшій рабъ Николай Новиковъ». См. 1-е изд. «Вивліоѳики», часть 1, мѣсяцъ январь, въ Санктпетербургѣ, 1773 года. Унизительная подпись «рабъ», замѣнившая до-петровскаго «холопа», въ обращеніяхъ къ верховной власти, еще не была отмѣнена.

шивалось разрѣшеніе на издательство; авторская мысль и рѣчь не обязаны были проходить чрезъ канцелярское чистилище. По смыслу сенатомъ данныхъ привиллегій на учрежденіе типографій Гартунгу и Вейтбрехту, выпускъ книгъ не подлежалъ никакимъ ограниченіямъ, издательской предпріимчивости не поставлялось никакихъ условій. Этими привиллегіями только утверждались права частнаго типографскаго промысла и впервые на Руси признавалось право издательской собственности. Изъ одного позднѣйшаго документа видно, что воспрещалось перепечатывать сочиненія безъ согласія первыхъ издателей [1]).

«Дарованная умамъ россійскимъ вольность» естественно ставила вопросъ о годности орудій распространенія просвѣщенія и обмѣна мыслей путемъ печатной гласности.

Карамзинъ писалъ въ своемъ «Вѣстникѣ Европы», въ 1802 году: «За 25 лѣтъ передъ симъ были въ Москвѣ двѣ книжныя лавки [2]), которыя не продавали въ годъ ни на 10 тысячъ рублей» [3]).

Въ провинціи же книжная торговля находилась еще въ болѣе плачевномъ состояніи. Туда, по словамъ Новикова, «книги проникали случайно и, пройдя чрезъ нѣсколько рукъ, продавались втридорога» [4]).

Въ № 1-мъ «Санктпетербургскихъ Ученыхъ Вѣдомостей на 1777 годъ», печатанныхъ «иждивеніемъ книгопродавца К. В. Миллера, въ типографіи Вейтбрехта и Шнора», помѣщено «извѣстіе» отъ названнаго книгопродавца, гдѣ заявляется, между прочимъ: «Для угожденія почтенной публикѣ, буду я стараться и о томъ, чтобы можно

---

[1]) Новиковъ перепечаталъ въ Москвѣ, изданныя петербургскимъ типографщикомъ Врейткопфомъ, по договору съ «коммиссіей народныхъ училищъ», двѣ учебныя книги: «Сокращенный катихизисъ» и «Руководство къ чистописанію», и продавалъ эти книги копѣйкою дешевле. Узнавъ объ этомъ, коммиссія, въ августѣ 1784 года, отнеслась къ московскому главнокомандующему графу Чернышеву съ жалобою, гдѣ объясняетъ, что съ высочайшаго утвержденія она обязана на шесть лѣтъ, по контракту съ типографщикомъ Врейткопфомъ, печатать свои изданія не иначе, какъ у него; что новиковская перепечатка нарушаетъ право Врейткопфа и вредитъ интересамъ казны; что такое дѣйствіе запрещено въ привиллегіяхъ, данныхъ сенатомъ на учрежденіе вольныхъ типографій, если только перепечатка не сдѣлана съ согласія первыхъ издателей. Спрошенный по этому поводу Новиковъ отвѣчалъ, что для пользы народнаго просвѣщенія считаетъ себя въ правѣ перепечатывать учебники и продавать ихъ дешевле казенной цѣны, и что такъ же намѣренъ поступить съ двумя другими изданіями коммиссіи: «Букваремъ» и «Руководствомъ учителямъ». «Москвитянинъ», 1842 г., № 2, стр. 521—523.

[2]) Академическая и университетская, у Воскресенскихъ воротъ, т. е. лавки казенныя. Лонгиновъ: «Н. И. Новиковъ и московскіе мартинисты», стр. 158.

[3]) Статья: «О книжной торговлѣ и любви къ чтенію въ Россіи». См. въ «Сочиненіяхъ Карамзина», изд. Александра Смирдина, Спб., 1848 г., т. III, стр. 545.

[4]) «Живописецъ», изд. 1-е, ч. 2, стр. 70, въ примѣчаніяхъ къ письму Любомудрова изъ Ярославля.

было получать сіи Вѣдомости въ разныхъ городахъ» [1]). Подписка въ провинціи на выходившій въ 1778—1780 годахъ журналъ «Утренній Свѣтъ» производилась у 12 архіереевъ, 1 генерала, 2 купцовъ, 5 благородій и высокоблагородій [2]). Очевидно, что книжная торговля еще не была организована, и каждому издателю приходилось самому заботиться о распространеніи своихъ изданій. Трудностью первыхъ шаговъ объясняется тотъ фактъ, что журналы, вѣдомости и даже книги изготовлялись не на рынокъ, а по заказу, на опредѣленное число подписчиковъ; когда же подписчиковъ не оказывалось, или собранныхъ отъ нихъ суммъ было недостаточно для покрытія издержекъ, то прибѣгали къ испрашиванію пособій. Изъ сохранившейся переписки Новикова съ статсъ-секретаремъ Козицкимъ видно, что изданіе «Древней Россійской Вивліоѳики» (1773—1775) нуждалось въ денежной поддержкѣ со стороны императрицы [3]), а, между тѣмъ, «Вивліоѳика» нравилась публикѣ, на чтò указываетъ потребность во 2-мъ изданіи (1788—1791). Но если судить по расходу подписныхъ экземпляровъ, то «Вивліоѳика» оказалась бы вполнѣ неудавшимся изданіемъ: въ первый годъ такихъ экземпляровъ вышло 246, во второй—167, въ третій 77 [4]). При подписной цѣнѣ въ 7 руб. 50 коп. за годовое изданіе въ 6 книгъ, выходившихъ сначала ежемѣсячными выпусками (въ каждомъ менѣе 80 страницъ въ 12-ю долю листа), валовой сборъ перваго года составлялъ 1,845 руб., втораго — 1,252 руб. 50 коп. и третьяго — 577 руб. 50 коп. На однѣ эти суммы, даже вмѣстѣ съ пожертвованными императрицею 2,000 рублями, невозможно было вести такое изданіе и при безплатномъ авторскомъ или редакторскомъ трудѣ [5]), какимъ былъ дѣйствительно трудъ Новикова и доста-

---

[1]) Мы пользовались экземпляромъ «Спб. Уч. Вѣд.», хранящимся въ публичной библіотекѣ, зала 19, шк. 1, полка 4, № 7.

[2]) Невеленовъ, l. c., стр. 271.

[3]) На изданіе «Вивліоѳики» пожаловано императрицей: 3-го ноября 1773 года 1,000 рублей и 1-го января 1774 года «двесте червоицовъ голандскихъ»= 1,000 рублей. Въ полученіи этихъ денегъ Новиковъ выдавалъ росписки. «Лѣтописи русской литер. и древности», ч. 4, отд. III, стр. 44.

[4]) Невеленовъ, l. c., стр. 202. Какъ видно изъ перечней подписчиковъ, по обычаю того времени заносившихся на страницы изданія поименно, съ обозначеніемъ чина, званія или занятій каждаго, нѣкоторыя лица, очевидно, съ цѣлью оказать издателю матеріальную поддержку, подписывались иногда на нѣсколько экземпляровъ. Такъ, императрица и его свѣтлость кн. Григ. Григ. Орловъ подписались на 10 экз. «Вивліоѳики», домъ графа Кир. Григ. Разумовскаго—на 6, графиня Анна Карловна Воронцова—на 3, и т. д.

[5]) За печатаніе «Всемірнаго Путешествователя» де-ла-Порта (1778—1794) типографщикъ Шноръ бралъ по 9 руб. съ листа, да «за смотрѣніе корректуры» особо по 25 руб. съ книги (см. письмо Новикова къ Я. И. Булгакову, отъ 21-го апрѣля 1779 года, въ «Русскомъ Архивѣ», за 1864 г.), стало быть, одна печать, т. е. наборъ и тисненіе годоваго изданія «Вивліоѳики», стоила около 700 руб., да корректура не менѣе 150 рублей. Во что же обходились еще бумага трехъ сортовъ (александрійская, «любская» и простая), брошюрованіе книгъ и переплетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, да расходы по доставкѣ и пересылкѣ?

влявшаго ему матеріалы по высочайшему повелѣнію академика Г. Ф. Миллера. Когда изъ Петербурга уѣзжалъ дворъ, а за нимъ и читающая сановная публика, то въ книжной торговлѣ наступалъ кризисъ. Новиковъ писалъ Козицкому 26-го марта 1775 года: «Отъѣздъ двора произвелъ въ дѣлахъ моихъ такое замѣшательство, что я не знаю, какъ могу окончить вивліоѳику на нынѣшній годъ, ибо не только что не прибавляются подпищики, но и другихъ книгъ почти совсемъ не покупаютъ» [1]). Розничной продажи, уличной или въ разносъ по домамъ, не было. Отдѣльный листъ «Санктпетербургскихъ Ученыхъ Вѣдомостей» можно было купить за 5 копѣекъ но не иначе, какъ въ помѣщеніи книгопродавца Миллера, въ домѣ его отца, на Луговой Милліонной улицѣ, а въ Москвѣ, въ университетской лавкѣ, у книгопродавца Ридигера. Переведенный Булгаковымъ, въ 1779 году, «Влюбленный Роландъ» Баярда (Спб., 3 части, ц. 15 р.) шелъ туго. Тогда договорились съ книгопродавцемъ Миллеромъ и другими, чтобы каждой книги брали «извѣстное число» экземпляровъ, за что сдѣлана имъ «уступка немалая» и дано «12 мѣсяцевъ сроку» для разсчета [2]). Мѣра эта не имѣла успѣха, но она показываетъ, что частная предпріимчивость старалась выбиться на дорогу и прибѣгала къ разнымъ ухищреніямъ, чтобы привлечь торговые капиталы къ книжному товару, пріучить купцовъ дѣлать обороты этимъ товаромъ, какъ и всякимъ другимъ.

Частная издательская дѣятельность нуждалась тоже въ постановкѣ на твердую хозяйственную почву. Сочиняли и переводили любители, рѣдко по призванію, а чаще изъ моды. Сатирическіе журналы смѣются надъ «стихоманіей». Авторъ обыкновенно являлся и издателемъ своихъ произведеній, такъ что «сочинять» и «издавать»—были выраженія однозначащія. Раздѣленіе авторскаго труда и издательской предпріимчивости началось съ выхода въ свѣтъ «Спб. Учен. Вѣдом.», которыя «сочинялись» Новиковымъ, а «печатались иждивеніемъ» книгопродавца Миллера; но это раздѣленіе еще долго не устанавливалось. Дорогое изданіе (ц. 100 р.) «Путешествователя» де-ла-Порта было предпринято двумя компаньонами, Булгаковымъ и Новиковымъ, на такихъ условіяхъ, что Булгаковъ долженъ былъ переводить, а Новиковъ—распространять изданіе; типографскіе расходы они договорились нести пополамъ и пополамъ же дѣлить вырученную чистую прибыль, а когда Булгаковъ не устоялъ въ платежѣ своей доли расходовъ, то Новиковъ предложилъ ему плату за трудъ по 200 рублей за томъ деньгами и товаромъ 25 экземпляровъ, но это предложеніе не было принято [3]).

---

[1]) «Лѣтоп. русск. лит. и древн.», ч. 4, отд. III, стр. 45 и 46.

[2]) Письмо Новикова къ Булгакову, отъ 15 іюля 1779 года.

[3]) Тамъ же.

Въ семидесятыхъ годахъ, стали образовываться издательскія товарищества. Переведенная съ нѣмецкаго драма «Филемонъ и Бавкида» напечатана въ 1773 году, въ Петербургѣ, «обществомъ, старающимся о печатаніи книгъ» [1]). Уже не разъ упомянутыя нами «Спб. Учен. Вѣдом.» издавались при содѣйствіи «общества, состоящаго изъ нѣсколькихъ человѣкъ». «Извѣстіе отъ книгопродавца К. В. Миллера, печатающаго сіи вѣдомости» (т. е. платившаго за ихъ печатаніе типографіи Вейтбрехта и Шнора), изложено отъ лица многихъ. Въ немъ прямо говорится: «Г(оспода) издатели (а не издатель), желая наградить (т. е. наверстать) упущенное текущаго года время, начнутъ (а не начнетъ) оныя съ начала генваря мѣсяца, почему весь мартъ и апрѣль мѣсяцы будетъ выходить по два № въ каждую недѣлю». Эта еженедѣльная, по пятницамъ выходившая, газета исторической и литературной критики крайне слабой, просуществовала недолго,—съ марта по 2-е іюня, а въ сентябрѣ того же года «общество ученыхъ людей» стало издавать ежемѣсячникъ «Утренній Свѣтъ», содержавшій въ себѣ оригинальныя и переводныя съ разныхъ языковъ сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Мы уже видѣли, что по духу своему это былъ журналъ масонскій. Позволительно предположить, что и первыя два загадочныя «общества» выросли изъ того же корня—масонства, которое все глубже и шире проникало въ русскую почву, развѣтвляясь въ различныхъ слояхъ общества и всасывая въ себя его лучшія силы.

Еще раньше, въ самый годъ открытія «уложенной коммиссіи», когда увлеченіе французскими философами было у насъ въ самомъ разгарѣ, образовалось въ Москвѣ общество для перевода статей изъ энциклопедіи. Оно состояло изъ заслуженныхъ, знатныхъ людей, изъ профессоровъ и молодежи лучшихъ дворянскихъ фамилій [2]). Затѣмъ, въ 1773 году, учреждено Екатериною въ Петербургѣ «собраніе, старающееся о переводѣ иностранныхъ книгъ на россійскій языкъ» [3]). Но эти литературные союзы были носителями западническаго направленія, имѣли тѣсный кругъ дѣятельности и вовсе не стремились привлекать къ своимъ работамъ общественныя силы и средства. Сколько можно судить по ихъ составу, они принадлежали къ числу тѣхъ воздѣлывателей литературной русской рѣчи, надъ которыми подсмѣивался «Кошелекъ»,

---

[1]) Драматическій словарь 1787 г., стр. 150.

[2]) См. статью Лонгинова въ «Современникѣ» за 1857 годъ, № 7, смѣсь, стр. 73.

[3]) Новиковъ въ 18-мъ листѣ «Живописца» 1773 года прославляетъ Екатерину за учрежденіе этого собранія и за пожалованіе ему на труды ежегодно по пяти тысячъ рублей. По его мнѣнію, это лучше опредѣленнаго жалованья переводчикамъ: «гдѣ должность, тутъ принужденіе; а науки любятъ свободу, и тамъ болѣе распространяются, гдѣ свободнѣе мыслятъ».

говоря, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, исправленіе языка — не дѣло частныхъ лицъ, а дѣло «особо учрежденныхъ мѣстъ, которыя достаточно о томъ пекутся, или по малой мѣрѣ печися долженствовали бы» [1]). Не имѣло общественнаго значенія и учрежденное въ 1771 году при Московскомъ университетѣ вторымъ его кураторомъ И. И. Меллисино «Вольное Россійское Собраніе», никогда не процвѣтавшее и завянувшее немедленно съ появленіемъ «Дружескаго Ученаго Общества». Не этимъ союзамъ, покровительствуемымъ и такъ или иначе управляемымъ начальствующими лицами, обязана наша общественная самодѣятельность своимъ пробужденіемъ. Они не носили въ себѣ никакого объединяющаго и животворящаго начала, никакой идеи, никакой общеполезной и безспорной практической задачи. Только одно масонство, въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, было у насъ организованною средою, вполнѣ самостоятельною, свободною отъ правительственныхъ вліяній, одушевленною высоконравственнымъ началомъ любви къ ближнему и стремленіемъ къ проявленію этой любви въ добрыхъ дѣлахъ братской помощи и просвѣщенія умственнаго и нравственнаго. Для него одного вопросъ о собственномъ существованіи связывался съ вопросомъ о свободѣ совѣсти, свободѣ мысли и слова и подъемѣ духа общественности. Наконецъ, въ силу своей организованности, оно одно располагало средствами прямыхъ сношеній съ различными общественными группами, и притомъ не только въ столичныхъ городахъ, но и въ провинціи. Эти особенности его внутренняго содержанія и его сложенія, его цѣлей и средствъ сдѣлали частные масонскіе союзы организаторами нашей общественной печати. Весьма вѣроятно, что масоны безъ Новикова, Тургенева, Карамзина и университетской семьи, съ Херасковымъ и Шварцомъ во главѣ, не достигли бы такихъ блестящихъ результатовъ въ дѣлѣ постановки печати на твердую почву; но вполнѣ несомнѣнно, что безъ вызова со стороны общества свободныхъ каменщиковъ, безъ ихъ братской помощи, нравственной и матеріальной, безъ того одушевленія и преданности высокимъ и возвышающимъ человѣческую личность идеямъ этого тайнаго союза, того одушевленія и преданности, которыя отличали Гамалѣю, Ив. Лопухина, Поздѣева [2]), Алексѣева, Невзорова и многихъ другихъ, Новиковъ

---

[1]) «Кошелекъ», стр. 16.

[2]) Благородная личность Осипа Алексѣевича Поздѣева выведена творческою фантазіею графа Толстаго въ «Войнѣ и Мирѣ» подъ нѣсколько насмѣшливой фамиліей Баздѣева. Къ сожалѣнію, высоко-талантливый авторъ названнаго романа имѣлъ невѣрныя біографическія свѣдѣнія объ этомъ выдающемся дѣятелѣ въ средѣ русскаго масонства прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Онъ хоронитъ своего Баздѣева раньше вступленія французовъ въ Москву («Война и Миръ», т. III, ч. 3, гл. XVIII), тогда какъ Поздѣевъ умеръ 24-го апрѣля 1820 года, «какъ видно изъ домашнихъ записокъ одного близкаго къ

никогда не развилъ бы своихъ организаторскихъ способностей, запутавшись въ тенетахъ жалуемыхъ отъ двора пособій; Тургеневъ не писалъ бы противъ крѣпостнаго права; Карамзинъ залежался бы въ деревнѣ, откуда его вытащилъ Тургеневъ, и не выработалъ бы въ себѣ таланта литератора и историка, не создалъ бы ни «Московскаго Журнала», ни «Вѣстника Европы», ни своей «Исторіи Государства Россійскаго», ни литературнаго карамзинскаго языка; наконецъ, университетская семья, не выведенная изъ-подъ гнета интригъ Меллисино и Барсовыхъ, не была бы школою русскихъ писателей, воспитанныхъ въ благороднѣйшихъ намѣреніяхъ, не породила бы ни выдающагося публициста Лабзина, ни А. А. Прокоповича-Антонскаго и П. И. Страхова, питомцевъ «Дружескаго Общества», сотрудниковъ Новикова и основателей «Общества любителей россійской словесности».

Созданный масонскимъ союзомъ въ видахъ привлеченія общественныхъ силъ и средствъ къ дѣлу народнаго образованія и отчасти призрѣнія убогихъ, «Утренній Свѣтъ, посвященный отечеству, имѣлъ успѣхъ сразу. На его призывъ первымъ откликнулось сословіе, совсѣмъ было забытое въ царствованіе Екатерины и казавшееся на верхахъ государственнаго управленія и умамъ, просвѣщеннымъ энциклопедистами, до того отторгнутымъ отъ «разумной» народной жизни, что ему не положено было имѣть своего депутата въ «уложенной коммиссіи». Это сословіе—наше православное духовенство, въ которомъ видѣли одну только его внѣшнюю, іерархическую сторону, и эта только сторона и была представлена въ лицѣ депутата отъ государственнаго учрежденія—святѣйшаго синода; для выработки же проекта духовно-гражданскаго законодательства были назначены (въ маѣ 1768 года) слѣдующія лица: прокуроръ адмиралтейской коллегіи Иванъ Фурсовъ, статскій совѣтникъ Василій Баскаковъ, генералъ-маіоръ кн. Волконскій, генералъ-маіоръ Опочининъ и поручикъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка Потемкинъ [1]). Государыня, дорожившая добрымъ мнѣніемъ Воль-

нему семейства» (Ешевскій, l. c., ст. II, стр. 47). Съ 4-го іюля 1812 года по 27-е апрѣля 1818 года онъ велъ переписку съ графомъ С. С. А. и еще въ 1817 году писалъ къ нему Невзоровъ свое замѣчательное письмо, напечатанное съ пропусками въ I т. «Библіографическихъ Записокъ».

[1]) По поводу этихъ лицъ и предстоявшей имъ задачи проф. Сергѣевичъ говоритъ:

«Надо думать, что они были въ большомъ затрудненіи. Этимъ, можетъ быть, и слѣдуетъ объяснять скоро послѣдовавшее затѣмъ измѣненіе состава коммиссіи: оба генерала и поручикъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка вышли, а на мѣсто ихъ были избраны: Петръ Кривскій, депутатъ бахмутскаго дворянства, Иванъ Бантышъ-Каменскій, депутатъ отъ нижнихъ чиновъ чернаго и желтаго гусарскихъ полковъ, и канцеляристъ духовнаго правленія Иванъ Сухопрудскій, депутатъ отъ города Углича... Углицкій наказъ начинается съ пунктовъ отъ бѣлаго духовенства; подписанъ онъ 22 (если не болѣе) священниками... затѣмъ

тера, и придворные вольтеріанцы терпѣли духовенство, какъ учрежденіе для «подлаго» народа, pour la canaille, но чуждались общенія съ нимъ; масоны же, напротивъ, имѣя съ служителями алтаря общіе нравственные идеалы, сближались съ тѣми изъ нихъ, которые вели жизнь сообразную съ ихъ святительскимъ или священническимъ саномъ. Новиковъ объяснялъ Шешковскому (человѣку, кстати замѣтить, религіозному и подписчику «Утренняго Свѣта»), что теозофическіе философы упражнялись «въ познаніи Бога чрезъ познаніе натуры и себя самого по стопамъ христіанскаго нравоученія» (отвѣтъ на 2-й допросный пунктъ) и что только въ высшихъ, несуществовавшихъ въ Россіи, степеняхъ розенкрейцерства изучаются кабала, магія и алхимія [1]). Правиломъ Новикова, Шварца, Лопухина, Хераскова и вообще «дружескаго ученаго общества», какъ и издателя «Утренняго Свѣта», было исправить недостатокъ школьнаго ученія, которое твердитъ «люби Бога и ближняго», но не воспитываетъ природу человѣка такъ, чтобы она была способна исполнять эту священную заповѣдь [2]). Союзъ тайнаго общества масоновъ съ духовенствомъ, игнорируемымъ на верхахъ государственнаго управленія въ его истинномъ общественномъ смыслѣ, былъ неизбѣженъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія: силы, родственныя по своему внутреннему содержанію и существующія ради утвержденія въ жизни одного и того же руководящаго начала, непремѣнно сойдутся и начнутъ работать вмѣстѣ. Нѣкоторые изъ священнослужителей прямо-таки принадлежали къ ордену [3]); но въ этомъ не настояло надобности. Какъ сами масоны несли службу государственную и общественную, такъ и для работъ въ создаваемыхъ ими учрежденіяхъ для общества охотно пользовались трудомъ постороннихъ. Заложенное въ Петербургѣ и лишь развившееся въ Москвѣ, тогдашнемъ средоточіи нашей общественной жизни, «дружеское ученое общество» никогда не переставало пользоваться сочувствіемъ, поддержкою и содѣйствіемъ лицъ православнаго духовенства, къ ордену не принадлежавшихъ, и не нравилось лишь іезуитамъ, которыхъ Екатерина пріютила въ Россіи. Мы уже видѣли, что подписка на «Утренній Свѣтъ» принималась

идутъ въ значительномъ числѣ подписи дьяконовъ и дьячковъ по церквамъ; а за ними уже подписались члены магистрата, купцы, копіисты и пр.» Лекціи и изслѣдов., стр. 775—776.

[1]) Въ «Histoire de la philosophie hermétique» (Paris, 1742) находится слѣдующее объясненіе надписи, встрѣчаемой на нѣкоторыхъ мистическихъ книгахъ: V. I. T. R. I. O. L. Это значитъ: visita interiora terrae, rectificando invenies occultum lapidem, т. е. проникни вовнутрь земли, перегонкою найдешь сокрытый камень.

[2]) Лонгиновъ, l. c., стр. 178.

[3]) Къ числу такихъ лицъ несомнѣнно принадлежалъ упоминаемый въ запискахъ Лопухина священникъ церкви Іоанна Воина въ Москвѣ, Матв. Мих. Десницкій, впослѣдствіи архіепископъ черниговскій.

въ провинціи у 15 архіереевъ. Въ общемъ числѣ подписчиковъ духовныя лица и учрежденія стоятъ на первомъ планѣ. Впослѣдствіи, въ основанныя «дружескимъ обществомъ» при Московскомъ университетѣ семинаріи, педагогическую и переводческую [1]), поступали и принимались воспитанники духовныхъ училищъ по совѣту и выбору епархіальныхъ архіереевъ, особенно же архіепископа (потомъ митрополита) московскаго Платона. Прежде лишь изрѣдка являвшіеся читателями новиковскихъ изданій купцы, фабриканты и приказчики подписались на «Утренній Свѣтъ» въ числѣ 52 на первый годъ и 49 на второй годъ изданія [2]), чего нельзя не приписать старанію духовенства, всегда пользовавшагося почетомъ и вліяніемъ въ средѣ нашихъ торговыхъ и промышленныхъ классовъ. Общее число подписчиковъ для перваго года опредѣляется въ 800, а для втораго въ 620 [3]). Новые пути, расчищенные для сбыта литературныхъ произведеній, исходившихъ изъ среды масонства, вызвали спросъ и на прекратившійся уже сатирическій журналъ «Живописецъ». Въ предисловіи къ 3-му его изданію (1775 г.) Новиковъ говоритъ, что «попалъ на вкусъ мѣщанъ нашихъ», не знающихъ «чужестранныхъ языковъ». Позднѣе бойко раскупалась и «Вивліоѳика», когда вышла за черту придворнаго міра, на общественный рынокъ [4]).

---

[1]) Дружеское общество начало дѣйствовать въ 1779 году и тогда же учреждена имъ педагогическая семинарія; въ 1781 году, оно основало «собраніе университетскихъ питомцевъ», а въ іюнѣ 1782 года—переводческую семинарію («Моск. Вѣд.», 1782 г., № 48, стр. 383).

[2]) Въ числѣ подписчиковъ на «Древнюю Россійскую Вивліоѳику» (1-го изданія) было только три купца: московскій — Шехъурдинъ (sic), ростовскій — Ананьевъ и «армянскій купецъ» Григорій Гафаровичъ Кампановъ.

[3]) Г. Неведеновъ (l. c., стр. 271) получаетъ эти цифры, раздѣливъ общую сумму сбора на подписную цѣну; но самъ же онъ указываетъ на неточность своего исчисленія, потому что, при подписной цѣнѣ въ 3 руб. 50 коп. и 4 руб. 50 коп., нѣкоторые платили по 5 и 10 рублей, а генералъ-аудиторъ-лейтенантъ Петръ Кирил. Хлѣбниковъ, какъ видно изъ сентябрской (первой) книжки 1777 года, стр. XXIV, пожертвовалъ бумагу на цѣлое годичное изданіе.

[4]) «Древняя Россійская Идрографія» (1773 г.) имѣла всего 50 подписчиковъ (на 75 экземпл.), не смотря на то, что въ ихъ числѣ были императрица и многія знатныя особы. Книга эта, заключающая въ себѣ описаніе Россіи при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, напечатана съ рукописи, принадлежавшей извѣстному библіографу генералъ-аудитору-лейтенанту П. К. Хлѣбникову, библіотека котораго перешла къ внуку его С. Д. Полторацкому. Лонгиновъ (Новик. и моск. мартин., стр. 36, примѣч. 15) говоритъ, что Полевой помѣстилъ біографію П. К. Хлѣбникова, котораго Лонгиновъ называетъ купцомъ, въ «Сынѣ Отеч.» 1838 года, т. 4, отд. VI, стр. 1. Въ означенномъ мѣстѣ, только не въ VI, а въ V-мъ отд., дѣйствительно помѣщенъ написанный Полевымъ некрологъ Хлѣбникова, но не Петра Кирилловича, близкаго знакомаго Новикова, а правителя главной конторы американскихъ колоній Кирилла Тимоѳеевича Хлѣбникова, родившагося въ 1776 году (три года спустя по выходѣ въ свѣтъ «Идрографіи») и умершаго 15-го апрѣля 1838 года. Вообще, ссылками на источники въ книгѣ Лонгинова: «Новиковъ и московскіе мартинисты», слѣдуетъ пользоваться съ большою осторожностію.

Едва переѣхавъ въ Москву и успѣвъ принять снятую имъ, по предложенію Хераскова, въ аренду на 10 лѣтъ университетскую типографію, Новиковъ послалъ Булгакову счетъ, изъ котораго видно, что по дѣламъ книжной торговли онъ уже въ 1779 году былъ въ сношеніяхъ съ провинціальными коммиссіонерами въ Коломнѣ, Смоленскѣ, Тамбовѣ, Псковѣ, Вологдѣ, Глуховѣ и Полтавѣ [1]). Въ послѣднихъ трехъ городахъ были масоны, которые изъ Полтавы распространились и далѣе на югъ [2]); въ первыхъ четырехъ могли быть связи съ духовенствомъ, если въ нихъ опять же не было масоновъ, по крайней мѣрѣ, въ то время. Извѣстно, что въ Орлѣ, гдѣ вице-губернаторомъ былъ масонъ Зах. Яковл. Карнѣевъ [3]), Лопухинъ, по просьбѣ тамошняго священника, отца Іоанна (масона ?), ревностно подвизавшагося на поприщѣ благотвореній, помогалъ въ книжной торговлѣ одному купцу, уступая ему на книжномъ товарѣ по полтинѣ и по шести гривенъ съ рубля (Зап., III, 67).

Толчекъ, данный книжной торговлѣ Новиковымъ, или, вѣрнѣе, частнымъ союзомъ масоновъ, поставившимъ себѣ задачею распространеніе въ обществѣ полезныхъ книгъ, содѣйствовалъ быстрому развитію торговли произведеніями печати вообще. Въ Москвѣ ея средоточіемъ стали устроенныя на Никольской, въ помѣщеніяхъ новой каменной стѣны Заиконоспасскаго монастыря, лавки Семена Никифоровича Кольчугина, Тимоѳея Полежаева, Тараканова, Матушкина, Сверчкова, Романчикова, Телепнева, Акохова и Козырева, какъ повѣствуетъ Снегиревъ въ своей статьѣ: «Никольская улица» [4]). Самъ Новиковъ продавалъ книги изъ университетской лавки, помѣщавшейся въ его собственномъ домѣ [5]), при которой онъ основалъ первую въ Москвѣ библіотеку для чтенія [6]). По достовѣрному преданію, у Новикова было нѣсколько книжныхъ магазиновъ [7]), изъ которыхъ нѣкоторые переходили съ теченіемъ времени въ руки его приказчиковъ, становившихся самостоятельными торговцами; такъ было съ упомянутымъ выше старообрядцемъ С. Н. Кольчугинымъ, у котораго въ должности сидѣльца служилъ извѣстный нашъ библіографъ Василій Сопиковъ. Масонскія торговыя заведенія за барышами не гнались, охотно давали дорогу другимъ и если вступали въ соперничество съ книгопро-

---

[1]) Русскій Архивъ, 1864, стр. 605, выноска 3.

[2]) Въ 1789 году, въ Кременчугѣ открыта была даже ложа ассессоромъ Бѣлоусовичемъ. Лѣт. р. лит. и др., ч. 5, отд. II, стр. 68.

[3]) Этотъ Карнѣевъ и ближайшій сотрудникъ Новикова по типографскому дѣлу Ив. Ал. Алексѣевъ назначены членами государственнаго совѣта при самомъ его учрежденіи въ 1810 году.

[4]) Вѣдом. Моск. Гор. Пол., 1853 г., №№ 3, 4, 8 и 9.

[5]) «Русск. достопам.» Снегирева, 1862 г., вып. 3, стр. 10.

[6]) Истор. слов. проф. и преподават. Моск. универс., ч. 2, стр. 584.

[7]) Лонгиновъ, l. c., стр. 209.

давцами и издателями, то единственно въ видахъ облегченія обществу доступа къ полезнымъ книгамъ, какъ сдѣлалъ Новиковъ, перепечатавъ учебники, заподряженные типографщикомъ Брейткопфомъ. Тѣмъ не менѣе, обороты «Типографической Компаніи», какъ видно изъ показанія, даннаго Новиковымъ Прозоровскому 25-го апрѣля 1792 года [1]), были изъ числа крупныхъ: ея доходы простирались ежегодно на сумму свыше 40,000 рублей, а иногда доходили и до 80,000 руб. Не смотря на погромъ московской книжной торговли въ декабрѣ 1785 года и затѣмъ въ апрѣлѣ 1792 года, не смотря на то, что уже въ 1789 году мартинисты были крайне стѣснены въ своихъ денежныхъ дѣлахъ вслѣдствіе препятствій въ ходѣ типографскихъ работъ [2]), она не переставала развиваться въ средоточіи русской общественной жизни и затѣмъ во всей Россіи. По свидѣтельству Карамзина, въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія 20 московскихъ книжныхъ лавокъ производили ежегодно оборотовъ на сумму около 200,000 руб., а до Новикова онѣ «не продавали въ годъ ни на 10,000». Далѣе Карамзинъ пишетъ:

«Господинъ Новиковъ былъ въ Москвѣ главнымъ распространителемъ книжной торговли. Взявъ на откупъ университетскую типографію, онъ умножилъ механическіе способы книгопечатанія, отдавалъ переводить книги, завелъ лавки въ другихъ городахъ, всячески старался пріохотить публику ко чтенію, угадывалъ общій вкусъ и не забывалъ частнаго. Онъ торговалъ книгами, какъ богатый голландскій или англійскій купецъ торгуетъ произведеніями

---

[1]) Лѣтоп. русск. лит. древн., ч. 5, отд. II, стр. 14—21. Типографическую компанію, учрежденную въ 1784 году по формальному договору, явленному у маклера, составляли слѣдующія лица:

Генер.-поручикъ кн. Юрій Никитичъ Трубецкой Дѣйств. ст. сов., кн. Николай Никитичъ Трубецкой	оба вмѣстѣ внесли деньгами.	10,000 р.
Полковн. кн. Алексѣй Александровичъ Черкасскій	внесъ деньгами.	6,000 »
Бригадиръ Иванъ Петровичъ Тургеневъ	»	5,000 »
Алексѣй Михайловичъ Кутузовъ	»	3,000 »
Поручикъ баронъ Шредеръ.	»	3,500 »
Бригадиръ Василій Васильевичъ Чулковъ. . . .	»	5,000 »
Полковникъ Алексѣй Өедоровичъ Ладыженскій.	»	5,000 »
Статскій сов. Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ . . Его братъ, Петръ Владиміровичъ Лопухинъ . . .	оба вмѣстѣ внесли деньгами.	20,000 »
Поручикъ Николай Ивановичъ Новиковъ. . . . Братъ его, надв. сов. Алексѣй Ивановичъ Новиковъ	внесли книгами со скидкою съ продажной цѣны 25%.	80,000 »
Бывш. управл. канц. главноком. Сем. Ив. Гамалѣя. Князь Енгалычевъ	безъ капитала.	
	Итого. . .	137,500 р.

Эта компанія «разрушена» формальнымъ же актомъ, явленнымъ въ ноябрѣ 1791 года. Все ея имущество и лежавшіе на ней долги переведены на Н. И. Новикова.

[2]) Лонгиновъ, l. c., стр., 292.

всѣхъ земель: то есть, съ умомъ, съ догадкою, съ дальновиднымъ соображеніемъ» [1]).

По другимъ свѣдѣніямъ, Новиковъ иногда покупалъ два или три перевода одной и той же книги, чтобы труды переводчиковъ не пропали даромъ, и чрезъ это они не отвращались отъ дальнѣйшихъ занятій. Послѣ этого онъ печаталъ лучшій переводъ, а остальные уничтожалъ. «За переводы платилъ онъ небывалыя цѣны, а за оригинальныя произведенія еще болѣе (!)»; иногда же случалось, что онъ покупалъ рукопись вредной или безнравственной книги и сжигалъ ее, чтобы другой издатель не распространилъ соблазна [2]). Тамъ же разсказывается, что когда какой-то покупатель, зайдя въ университетскую книжную лавку, не нашелъ въ ней другихъ сочиненій, кромѣ религіознаго и нравственнаго содержанія, и спросилъ, почему теперь не печатаютъ книгъ въ родѣ Маркиза Глаголя и Клевеланда [3]), то Новиковъ отвѣтилъ, что переводчики теперь этимъ не занимаются, а онъ печатаетъ то, что̀ ему приносятъ, и даромъ надѣлилъ посѣтителя связкою духовныхъ книгъ, которыхъ тотъ не хотѣлъ пріобрѣсти за деньги. Между тѣмъ Новиковъ печаталъ и продавалъ «Фигарову Свадьбу», переведенную питомцемъ «дружескаго общества», впослѣдствіи знаменитымъ мистикомъ Лабзинымъ, и вообще не отказывался отъ изданія не только отдѣльныхъ сочиненій, но и періодическихъ журналовъ забавнаго содержанія; напримѣръ, «въ университетской типографіи у Н. Новикова» печатался еженедѣльникъ Аблесимова, озаглавленный такъ:

«Разскащикъ забавныхъ басенъ, служащихъ къ чтенію въ скучное время, и когда кому дѣлать нечево. Стихами и прозою» [4]). Аблесимовъ умеръ въ нищетѣ (все его имущество состояло изъ стараго изломаннаго стола о трехъ ножкахъ) и не могъ затрачивать денегъ на изданія своихъ сочиненій; кромѣ того, есть прямое свидѣтельство одного нѣмецкаго журнала, что еженедѣльникъ ему ничего не стоилъ, благодаря «истинному другу русской литературы Новикову» [5]).

---

[1]) «О книжной торговлѣ», стр. 545—546.

[2]) Называя эти свѣдѣнія «достовѣрными свидѣтельствами», Лонгиновъ (l. c., стр. 221) ссылается на «Русск. Вѣстн.», 1858 года, № 15, стр. 451 и 452, но на этихъ страницахъ помѣщены стихотворенія гр. А. Толстаго, во всемъ же 15-мъ нумерѣ (т. е. томѣ) «Русск. Вѣстника», нѣтъ статьи, гдѣ бы шла рѣчь о Новиковѣ.

[3]) «Философъ Англійскій или житіе Клевеланда», романъ абб. Прево. Русскій переводъ напечатанъ въ 1760—1771 годахъ и состоитъ изъ 9 частей. Сопиковъ, ч. 5, № 12,382.

[4]) Статья Н. Тихонравова въ Лѣтоп. русск. лит. и древн., ч. 1, отд. III, стр. 202.

[5]) Это говоритъ «Russische Theatralien», журналъ актера петербургскаго нѣмецкаго театра Зауервейда. Единственная книжка этого журнала вышла въ октябрѣ 1784 года. Лѣт. р. лит. и др., тамъ же.

Новиковъ обладалъ рѣдкимъ издательскимъ талантомъ приспособленія къ требованіямъ читающей публики, не подчиняясь ей рабски и не теряя изъ виду особыхъ цѣлей «дружескаго общества» и «типографической компаніи»; онъ «угадывалъ общій вкусъ и не забывалъ частнаго». Благодаря этимъ особымъ цѣлямъ и средствамъ участниковъ въ дѣлѣ, не гонявшихся за матеріальными выгодами, вслѣдствіе чего ихъ дѣло и приняло характеръ вполнѣ общественнаго, а не частнаго промышленно-торговаго предпріятія, получилась возможность не только заручиться общественнымъ расположеніемъ, но и воспитать годныя литературныя силы, сдѣлать печать и фабрикою, и школою общественной мысли, и передать производство послѣдней въ руки новыхъ поколѣній. Карамзинъ, очевидецъ всего хода образованія и развитія въ концѣ прошлаго столѣтія нашей общественной печати, производства и сбыта литературныхъ произведеній, разсказываетъ: «Прежде расходилось московскихъ газетъ не болѣе 600 экземпляровъ: г. Новиковъ сдѣлалъ ихъ гораздо богатѣе содержаніемъ, прибавилъ къ политическимъ разныя другія статьи и, наконецъ, выдавалъ при «Вѣдомостяхъ» безденежно «Дѣтское Чтеніе», которое новостію своего предмета и разнообразіемъ матеріи, не смотря на ученическій переводъ многихъ пьесъ, нравилось публикѣ. Число пренумерантовъ (подписчиковъ) ежегодно умножалось, и лѣтъ черезъ 10 дошло до 4,000 [1])».

Указъ 15-го января 1783 года, о позволеніи во всѣхъ городахъ и столицахъ заводить типографіи и печатать книги на россійскомъ и иностранныхъ языкахъ, съ освидѣтельствованіемъ оныхъ отъ Управы Благочинія, которому придавали значеніе чуть ли ни конституціоннаго акта свободы слова, въ сущности былъ ограниченіемъ той свободы, которою печать фактически пользовалась. Этотъ указъ гласитъ:

«Всемилостивѣйше повелѣваемъ типографіи для печатанія книгъ не различать отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій, и вслѣдствіе того позволяемъ, какъ въ обѣихъ столицахъ нашихъ, такъ и во всѣхъ городахъ имперіи нашей каждому по своей собственной волѣ заводить оныя типографіи, не требуя ни отъ кого дозволенія, а только давать знать о заведеніи таковыхъ Управѣ Благочинія того города, гдѣ онъ ту типографію имѣть хочетъ. Въ сихъ типографіяхъ печатать книги на россійскомъ и на иностранныхъ языкахъ, не исключая и восточныхъ, съ наблюденіемъ, однако жъ, чтобъ ничего въ нихъ противнаго законамъ Божіимъ и гражданскимъ, или же къ явнымъ соблазнамъ клонящагося издаваемо не было; чего ради отъ Управы Благочинія отдаваемыя въ печать книги свидѣтельствовать, и ежели что въ нихъ противное сему нашему предписанію явится, запрещать; а въ случаѣ самовольнаго напечатыванія

---

[1]) «О книжной торговлѣ», l. c.

таковыхъ соблазнительныхъ книгъ, не только книги конфисковать, но и виновныхъ въ подобномъ самовольномъ изданіи недозволенныхъ книгъ сообщать, куда надлежитъ, дабы оные за преступленіе законно наказаны были [1])».

До 1783 года, арендаторъ казенной типографіи, или лицо, получившее сенатскую привиллегію, никакого дѣла съ управою благочинія не имѣли; указъ же 15-го января устанавливаетъ цензуру этого полицейскаго учрежденія и дѣлаетъ отвѣтственнымъ злоупотребляющаго печатнымъ словомъ не прямо за нарушеніе государственныхъ законовъ, оскорбленіе религіи или общественной нравственности, а за самовольный обходъ запрещенія, наложеннаго полицейскою властью, которой одной предоставляется рѣшать вопросъ о соблазнительности каждаго даннаго сочиненія. Въ указѣ не упоминается о духовной цензурѣ книгъ религіознаго содержанія, во-первыхъ, потому, что на этотъ предметъ существовалъ еще старый петровскій законъ, во-вторыхъ, всего вѣроятнѣе потому, что правительство Екатерины въ то время еще желало игнорировать спеціальную духовную цензуру; такъ поняло, по крайней мѣрѣ, духовенство: Новиковъ показывалъ на допросѣ князю Прозоровскому, что духовныя книги «цензуровались съ отмѣткой о дозволеніи печатать ихъ духовными лицами, а затѣмъ, послѣ отказовъ сихъ послѣднихъ отъ цензуры» (очевидно, вслѣдствіе указа 15-го января), «полицейскими или университетскими чиновниками [2])». Указъ 15-го января былъ шагомъ впередъ лишь въ хозяйственномъ отношеніи, такъ какъ имъ уничтожена казенная монополія и объявлена свобода типографскаго промысла, чего, разумѣется, не слѣдуетъ смѣшивать съ свободою печати.

Послѣ блестящихъ опытовъ издательской дѣятельности тайныхъ и явныхъ дружествъ въ Петербургѣ и особенно въ Москвѣ, частная предпріимчивость уже не колебалась болѣе; стали заводить вольныя типографіи не только нѣмцы, но и русскіе люди. Въ Петербургѣ немедленно же открылись вольныя типографіи: Брейткопфа, Вильковскаго, Гека, П. Богдановича, Крылова (впослѣдствіи театральная), Мейера и другихъ; а въ Москвѣ: Гиппіуса, Пономарева, Анненкова, Зеленникова, Рѣшетникова, Селивановскаго и Типографической Компаніи,—собственно компанейская и открытыя на имя Лопухина и Новикова; въ Москвѣ возникли еще и другія типографіи, которыхъ Сопиковъ не называетъ. Типографскимъ промысломъ овладѣла горячка; къ услугамъ спекуляціи явился легкій и широкій кредитъ. Типографическая компанія совсѣмъ долговъ не платила, а только переписывала свои обязательства, чѣмъ, разумѣется, и разстроила свое

---

[1]) «Полное собраніе законовъ», т. XXI, № 15,634.

[2]) Первое показаніе Новикова въ день 25-го апрѣля 1792 года, § 6.

хозяйство, но за то имѣла возможность широко развить свою издательскую дѣятельность и свои учрежденія для помощи ближнему (Спасская аптека) и образованія юношества. Домъ, типографія, аптека стоили компаніи около 150,000 руб., не считая имущества въ книгахъ; но за то и долгу на ней ко дню ея «разрушенія» состояло «разнымъ людямъ, которымъ и долговыя обязательства нѣсколько лѣтъ переписываются», болѣе 300,000 рублей [1]).

Страсть обзаводиться типографіями дошла до того, что помѣщики открывали типографіи въ селахъ для собственной надобности, что̀ было вполнѣ противозаконно, такъ какъ указъ 15-го января дозволялъ заводить вольные книгопечатные станки только въ городахъ. Изъ открытыхъ въ селахъ вольныхъ типографій [2]) извѣстны:

1) Бригадира Ивана Герасимовича Рахманинова, Тамбовской губ., Лебедянскаго уѣзда, въ селѣ Казинкѣ.

2) Гвардіи прапорщика Николая Еремѣевича Струйскаго, Пензенской губ., Инсарскаго уѣзда, въ селѣ Рузаевкѣ.

3) Рязанской губ., Ряжскаго уѣзда, въ селѣ Пехлецѣ.

Ходила молва, что въ селѣ Пехлецѣ заведена тайная типографія мартинистовъ. У этихъ послѣднихъ дѣйствительно была тайная типографія. 10-го сентября князь Николай Никитичъ Трубецкой писалъ Алексѣю Андреевичу Ржевскому: «Увѣдомляю тебя, мой другъ, что, благодаря Спасителю нашему, мы открыли тайную орденскую типографію» [3]). Но эта типографія находилась не въ Пехлецѣ, а въ Москвѣ, и помѣщалась въ домѣ Шварца, близь Меньшиковой башни, гдѣ жили и рабочіе, не имѣвшіе никакого сообщенія съ прочими; всѣ они были нѣмцы и получали особое содержаніе. Тамъ печатались въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ книги, особенно важныя для мартинистовъ. Лопухинъ держалъ самъ ихъ корректуру. Тѣмъ не менѣе, нѣтъ никакого основанія считать эти изданія тайными, потому что корректурные листы Лопухинъ представлялъ въ цензуру. Такія драгоцѣнныя для мартинистовъ книги были переводимы съ нѣмецкаго языка Тургеневымъ, Гамалѣей, княземъ Н. Н. Трубецкимъ, Кутузовымъ, а съ французскаго—Багрянскимъ и другими; онѣ раздавались избраннымъ даромъ [4]).

Изданія этой типографіи, какъ и бывшей на имя Лопухина, изъ которой собственно она образована, болѣе всего повредили мартинистамъ, такъ какъ ихъ мистическое направленіе крайне не нравилось при дворѣ. На мартинистовъ нагрянула бѣда. Новикова

---

[1]) Второе его показаніе въ тотъ же день.

[2]) «Библіогр. Зап.», 1858, № 9, стр. 280.

[3]) Ешевскій, l. c., ст. II, стр. 40.

[4]) Отвѣты Новикова Шешковскому, §§ 15 и 23.

подвергли «испытанію въ вѣрѣ», въ декабрѣ 1785 года описали всѣ его книжныя лавки и запретили различныя изданія «Типографической Компаніи», между прочимъ, и «Естественное Богословіе» Дергама, признанное особо назначенными архіепископомъ Платономъ духовными цензорами вредною книгою, хотя она была напечатана въ 1784 году съ разрѣшенія самого Платона. Въ слѣдующемъ году, императрица выступаетъ съ своими желчными комедіями противъ мартинистовъ, велитъ ихъ играть на публичномъ театрѣ, продавать (раскупаютъ, разумѣется, безъ остатка), разсылаетъ служащимъ масонамъ какъ бы въ видѣ предостереженія и щедро вознаграждаетъ кабинетскаго переводчика Арндта за переводъ этихъ пьесъ на нѣмецкій языкъ, наконецъ 25 іюля приказываетъ Храповицкому изготовить указъ, имѣющій обратную силу дѣйствія [1]).

Указъ этотъ появился черезъ 2 дня. Имъ запрещена продажа «всѣхъ книгъ, до святости касающихся, кои не въ синодальной типографіи напечатаны» [2]). На этомъ основаніи духовные цензора Серапіонъ и Моисей конфисковали въ Москвѣ 313 сочиненій и представили ихъ митрополиту Платону, которому, такимъ образомъ, пришлось видѣть конфискованными свои собственныя творенія; между остальными оказались изданными: 1 сенатскою типографіей, 19 академическою, 10 типографіей кадетскаго корпуса; 41 неизвѣстно гдѣ и когда напечатаны [3]).

Два года спустя, вспыхнула французская революція, въ развитіи которой стали принимать дѣятельное участіе преобразованныя герцогомъ Шартрскимъ масонскія ложи, а въ 1792 году герцогомъ Брауншвейгскимъ изданъ манифестъ, въ которомъ указаны гибельныя слѣдствія посторонних влияній на масонство [4]). Все это, при постоянно возростающемъ вліяніи на общество тайныхъ и явныхъ издательскихъ дружествъ и товариществъ, при опасеніи рѣшительнаго шага къ власти со стороны наслѣдника престола, окруженнаго масонами, и наушничествѣ любимцевъ (Мамонова и Зубова) развили подозрительность императрицы до крайнихъ предѣловъ. Мартинизму рѣшено было снять голову, а головою признавался Новиковъ.

---

[1]) Записки Храповицкаго, 4, 11, 13 и 24 янв., 2, 4, 8 и 22 февр., 16 и 20 іюня, 24 и 25 сент. 1786 г., 25 іюля 1787 г., и «Русск. Вѣстн.», 1860 г., № 3, стр. 637.

[2]) П. С. З., т. XXII, № 16,556.

[3]) Лонгиновъ, l. c., стр. 285—286.

[4]) Манифестъ герцога Брауншвейгскаго напечатанъ, по словамъ Ешевскаго (l. c., ст. II, стр. 28—29), въ «Freimauer Denkschrift über bie Politische Wirksamkeit des Freimauer Bundes als der... Propaganda zum Sturz der legitimen Trone und des positiven Christenthums. Berlin. 1864» (начало). Этого рѣдкаго изданія нѣтъ въ нашей публичной библіотекѣ.

Вотъ приговоръ современника надъ поступкомъ Екатерины съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ:

«Его заключили въ Шлиссельбургской крѣпости, не уличеннаго дѣйствительно ни въ какомъ государственномъ преступленіи, но сильно подозрѣваемаго въ намѣреніяхъ вредныхъ для благоустройства гражданскихъ обществъ... Новиковъ, какъ теозофическій мечтатель, по крайней мѣрѣ, не заслуживалъ темницы: онъ былъ жертвою подозрѣнія извинительнаго, но несправедливаго» [1]).

Государыня, начавшая свое царствованіе дарованіемъ «умамъ россійскимъ вольности», подъ конецъ даетъ сенату именной указъ слѣдующаго содержанія:

«Въ прекращеніе разныхъ неудобствъ, которыя встрѣчаются отъ свободнаго и неограниченнаго печатанія книгъ, признали Мы за нужное слѣдующія распоряженія: 1. Въ обоихъ престольныхъ городахъ нашихъ, С.-Петербургѣ и Москвѣ, подъ вѣдѣніемъ сената, въ губернскомъ же и приморскомъ городѣ Ригѣ и намѣстничествъ Вознесенскаго въ приморскомъ городѣ Одессѣ и Подольскаго при таможнѣ Радзивиловской, къ которымъ единственно привозъ иностранныхъ книгъ по изданному вновь тарифу дозволенъ, подъ наблюденіемъ губернскихъ начальствъ учредить цензуру, изъ одной духовной и двухъ свѣтскихъ особъ составляемую. 2) Частными людьми заведенныя типографіи, въ разсужденіи злоупотребленій, отъ того происходящихъ, исключая тѣ только, кои по особому дозволенію нашему, вслѣдствіе учиненныхъ съ главнѣйшими въ государствѣ нашемъ мѣстами соглашеній или договоровъ устроены, упразднить... 3) Никакія книги, сочиняемыя или переводимыя въ государствѣ нашемъ, не могутъ быть издаваемы, въ какой бы то ни было типографіи, безъ осмотра отъ одной изъ цензуръ... и одобренія, что въ таковыхъ сочиненіяхъ или переводахъ ничего Закону Божію, правиламъ государственнымъ и благонравію противнаго не находится» [2]).

Однимъ почеркомъ пера уничтожена показавшаяся было на мгновеніе свобода типографскаго промысла и свобода мнѣнія. Съ этой поры начинается борьба слова съ тисками административныхъ усмотрѣній. Цензоръ становится на стражѣ движенія русской общественной мысли, и то опускаетъ, то приподнимаетъ казенный шлагбаумъ при ея появленіи, стараясь угадать, отнесутся ли къ ней свыше съ привѣтливою улыбкою, или съ наморщеннымъ челомъ.

А. Мальшинскій.

---

[1]) Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина, ч. 1, стр. 225.

[2]) Именной указъ сенату отъ 16 сентября 1796 года. П. С. З., т. XXIII, № 17,508.

ТРОИЦКІЙ МАКАРЬЕВСКІЙ ЖЕЛТОВОДСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Троицкій Желтоводскій монастырь, находящійся близь уѣзднаго города Макарьева, Нижегородской губерніи, въ 100 верстахъ отъ Нижняго Новгорода, основанъ преподобнымъ Макаріемъ въ первой половинѣ XV вѣка. Преподобный Макарій, сынъ посадскаго, родился въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1349 году и почти ребенкомъ ушелъ отъ своихъ родителей въ Нижегородскій Печерскій монастырь, гдѣ и былъ принятъ въ число чёрноризцевъ архимандритомъ Діонисіемъ. Только черезъ три года узнали родители, гдѣ онъ находится, но, не смотря на всѣ ихъ просьбы, онъ не согласился возвратиться изъ монастыря. Ища уединенія, преподобный Макарій удалился изъ Печерскаго монастыря въ пустыню на берегъ рѣки Луха, находящейся въ нынѣшней Костромской губерніи, потомъ перешелъ на другое мѣсто, на берегъ рѣки Волги, близь озера «Желтыя воды», гдѣ и поставилъ себѣ келью.

Великій князь Василій Темный, укрываясь въ Нижнемъ отъ преслѣдованія князя Шемяки, посѣщалъ Макарія и помогъ ему основать монастырь во имя св. Троицы. Преподобный Макарій прославился тутъ апостольскими подвигами: онъ проповѣдовалъ слово Божіе—мордвѣ, черемисамъ и чувашамъ, которыхъ крестилъ въ озерѣ, называвшемся Святымъ [1]).

---

[1]) Нынѣ это озеро слилось съ водами Волги, но еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія оно находилось противъ самыхъ святыхъ вратъ монастыря.

...го собора съ Сѣверной стороны.

Во все время своего существованія въ XVII вѣкѣ, монастырь пользовался вкладами на поминъ души, и монастырскіе синодики до настоящаго времени сохранили имена этихъ благотворителей. Въ 1641 году, по указу царя Михаила Θеодоровича, при монастырѣ была учреждена ярмарка, и имъ же пожалована грамота о сборѣ съ торговыхъ людей, пріѣзжающихъ на праздникъ чудотворца Макарія, пошлинныхъ денегъ и о владѣніи волжскимъ перевозомъ безоброчно на церковное строеніе.

Цари подтверждали почти ежегодно эту грамоту новыми указами: «Чтобы святѣй обители и монастырскому пошлинному сбору впредь въ достатокъ разоренною не быть и купецкимъ людемъ отъ той обители не отбыть и голодною смертію не умереть и новозаводнаго каменнаго зданія и всякаго монастырскаго строенія не оставить». При этомъ монастырскія записи сохранили намъ и списки пожертвованій на украшеніе этой исторической обители.

Въ 1646 году, бояринъ Никита Романовъ и княгиня Анастасія Лыкова, по завѣщанію мужа своего, пожертвовали вотчину—село Керженецъ, со всѣми деревнями, по рѣкѣ Керженцѣ.

Въ 1656 году, лысковецъ Кипріанъ Борисовъ пожертвовалъ соли на 2,300 рублей. Въ 1659 и 1673 годахъ, Иларіонъ, архіепископъ рязанскій и муромскій, пожертвовалъ на церковное строеніе 3,000 рублей, ризницу, утварь и иконы, построилъ архіерейскія келіи и каменную церковь во имя Михаила Архангела. «Сего ради,—говорится въ кормовой монастырской книгѣ,—занеже онъ, великій господинъ, въ 1648 году, ноября въ 8 день, постриженъ въ сей обители въ монашество». Въ 1666 году, боярыня Анна Ильинична Морозова пожертвовала на строеніе ограды 3,000 рублей. Въ 1668 году, именитый человѣкъ Григорій Строгановъ далъ 1,200 рублей и два струга соли.

Жертвователями, кромѣ купцовъ, посѣщавшихъ ярмарку, были также бояре и князья: Гагарины, Апраксины, Новосильцевы, Толстые и Одоевскіе. Княземъ Пожарскимъ было пожертвовано въ Москвѣ на Лубянкѣ подворье, числящееся и понынѣ за монастыремъ. Кромѣ пожертвованій, монастырь получалъ немалые доходы и отъ ярмарки. Изъ дошедшихъ до насъ записей видно, что въ 1697 году ему приходило отъ ярмарочной кружки—213 рублей, отъ гостиннаго двора—2,220 рублей, отъ харчевенъ—460 рублей, отъ береговой таможни—418 рублей, отъ извоза на монастырскихъ лошадяхъ купеческихъ товаровъ въ гостинный дворъ—209 рублей, съ перевозовъ—425 рублей.

До 1700 года монастырь былъ главнымъ ярмарочнымъ управленіемъ, но съ этого времени, по указу Петра I, ярмарка поступила въ вѣдѣніе Казанскаго Дворца и Приказа Большой Казны, а съ 1718 года—коммерцъ-коллегіи, которая въ 1719, 1720 годахъ отправляла ассесора Мошкина для подробнаго описанія ярмарки.

Макарьевскій монастырь въ Нижегородской губерніи.

соборомъ, построеннымъ въ 1658 году, на мѣстѣ Авраамiевской деревянной церкви. Храмъ этотъ есть образецъ развитія русскаго водчества XVII вѣка; онъ былъ сооруженъ на средства монастырской казны и освященъ рязанскимъ митрополитомъ Иларіономъ. Будучи огромныхъ размѣровъ, онъ весь построенъ изъ тяжеловѣснаго кирпича, въ формѣ квадрата, съ тремя полукружіями на востокъ, вдоль всей алтарной стѣны.

Онъ имѣлъ пять главъ и былъ прежде украшенъ кокошниками и закамарами, которыя въ началѣ XVIII вѣка, во время покрытія крыши желѣзомъ, были сбиты, что̀ отчасти измѣнило наружную красоту храма.

При входѣ въ соборъ пристроена въ позднѣйшее время, очевидно, въ концѣ XVIII вѣка, паперть, теперь полуразваленная и безъ крыши; полъ изъ нея также выломанъ. Въ этой паперти погребены нижегородскіе архіепископы Антоній († 1797) и Мееодій († 1827). Въ самомъ храмѣ уцѣлѣли еще деревянныя и желѣзныя двери работы XVII вѣка, но полъ также, какъ и въ паперти, выломанъ и проданъ.

Внутри храмъ поддерживается четырьмя круглыми столбами. Алтарная стѣна, сдѣланная при началѣ постройки сплошною, въ XVIII вѣкѣ потерпѣла передѣлки: она была растесана, и отъ нея осталось подобіе двухъ столбовъ, отчего средняя массивная глава, лишившись части опоры, провалилась.

Растеска стѣнъ произошла, вѣроятно, вслѣдствіе постановки рѣзнаго иконостаса, такъ какъ уцѣлѣвшія очертанія стѣны и самый характеръ архитектуры ясно доказываютъ, что деревяннаго иконостаса при первоначальной постройкѣ не было, а онъ замѣнялся каменной алтарной стѣной, въ углубленіяхъ которой въ первомъ ярусѣ и были поставлены: мѣстные образа, царскія, сѣверныя и южныя врата, причемъ, быть можетъ, передъ царскими вратами былъ каменный портикъ (какъ это дѣлалось въ XVII вѣкѣ); остальные же ярусы каменнаго иконостаса, или просто алтарной стѣны, иконъ не имѣли, а были лишь расписаны живописью альфреско, уцѣлѣвшей почти вездѣ на стѣнахъ храма, хотя въ разное время и поправленной. Альфресковая живопись во многихъ частяхъ храма, преимущественно же въ куполахъ, прекрасно сохранилась, но особенно свѣжи краски на изображеніи Скорбящей Божіей Матери, находящемся въ алтарѣ надъ престоломъ; свѣжесть красокъ, не смотря на болѣе чѣмъ двухвѣковую древность, по истинѣ поразительна, а рисунокъ чрезвычайно хорошъ и принадлежитъ къ лучшей школѣ знаменитыхъ иконографовъ XVII вѣка. Направо уцѣлѣла ризница съ желѣзною дверью, сохранявшая въ себѣ прежде монастырскія драгоцѣнности, нынѣ заваленная разнымъ мусоромъ и остатками соборнаго иконостаса. Вокругъ храма въ стѣнахъ были сдѣланы ходы, интересные во многихъ отношеніяхъ, но, къ сожалѣ-

ницу, колокола и остальную церковную утварь раздать по церквамъ, по усмотрѣнію епархіальнаго начальства, а отпускаемые изъ казны 1,410 рублей штатной суммы обратить въ пользу викарія Нижегородской епархіи.

Это заключеніе святѣйшаго синода, сдѣланное по ходатайству приснопамятнаго для обители преосвященнаго Нектарія, было приведено въ исполненіе и даже самыя стѣны древней обители предназначались къ сломкѣ. Еще немного времени — и отъ древнихъ стѣнъ осталась бы одна церковь преподобнаго Макарія, весьма обыкновенной архитектуры, начала XIX вѣка, мало напоминающая величественныя постройки временъ царя Алексѣя Тишайшаго.

Сказанія современниковъ весьма характерно обрисовываютъ дѣятельность двухъ членовъ тогдашняго епархіальнаго попечительства, отцовъ С—ва и М—ва. Самые разсказы объ этихъ лицахъ носятъ на себѣ легендарный отпечатокъ, а внезапная ихъ кончина понимается въ смыслѣ заслуженной ими небесной кары. Говорятъ, что, когда снимали колокола съ колокольни упраздненнаго монастыря, языкъ большаго колокола самъ собою звонилъ нѣсколько разъ, а толстые канаты, на которыхъ они спускались, постоянно лопались. Священникъ С—въ, посланный сдѣлать опись монастыря и монастырскихъ имуществъ, пріѣхалъ туда ночью, чтобы избѣжать ярости народа; впослѣдствіи онъ былъ заподозрѣнъ въ утаеніи монастырскихъ богатствъ и вскорѣ умеръ въ дорогѣ отъ удара. Присовокупляютъ также, что послѣ этой описи, сколько онъ ни пилъ рому, не могъ захмѣлѣть, — словомъ съ нимъ случилось то же самое, что̀ въ сказкѣ Гофмана съ человѣкомъ, продавшимъ свою тѣнь.

Но, благодаря теплой вѣрѣ къ преподобному, многіе жители города Макарьева и села Лыскова, нижегородскіе и московскіе купцы, въ особенности же московскій купецъ А. Н. Дьячковъ, выстроившій для поддержки обители въ Нижегородской ярмаркѣ у флаговъ особую часовню, въ которой помѣщается чудотворный образъ преподобнаго, стали энергично хлопотать о спасеніи обители. Оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ и В. К. Саблеръ сочувственно отнеслись къ этому ходатайству и, какъ истинно русскіе люди, сдѣлали все, что могло поддержать эти историческіе памятники. 8-го іюля 1884 года, была торжественно освящена въ монастырѣ келейная церковь во имя Антонія Великаго и открыта Макарьевская женская община. Нельзя также умолчать о слѣдующемъ многознаменательномъ фактѣ: съ той поры, какъ поднялся вопросъ о возстановленіи монастыря, сама Волга измѣнила около монастырскихъ стѣнъ свое направленіе: берегъ пересталъ подмываться, и тамъ, у угловой башни, гдѣ была глубь $13^1/_2$ саженъ, теперь—пески, по которымъ ходятъ. Это направленіе Волги стало замѣтно послѣ 1879 года, и еще въ 1883 году вода подходила довольно близко, но теперь ледъ идетъ совершенно

безвредно для строенія, и нанесенный въ означенное время песокъ защищаетъ полуразрушенныя отъ времени и нерадивыхъ людей историческія стѣны.

Болѣе всѣхъ сохранившаяся отъ разрушенія церковь преподобнаго Макарія, которая должна была остаться несломанной, согласно съ указомъ святѣйшаго синода, на память о существованіи древней обители, была построена въ 1808 году при архимандритѣ Іоаннѣ и освящена Веніаминомъ, архіепископомъ нижегородскимъ. Въ эту церковь, съ сѣверной и западной стороны, ведутъ чугунныя квадратныя крыльца, съ раскинутыми надъ ними фронтонами, поддерживаемыми колоннами; освѣщается она въ два свѣта съ трибуна и изъ оконъ, и вообще носитъ на себѣ отпечатокъ Александровской эпохи архитектурнаго водчества. При самомъ входѣ въ этотъ храмъ, мысль невольно устремляется къ цвѣтущему времени этой славной обители; по всему замѣтно, что храмъ этотъ выстроенъ при избыткѣ монастырскихъ средствъ и по тогдашнему времени составлялъ собою немалое украшеніе мѣстности. Прежній столярный иконостасъ теперь значительно обветшалъ, иконы замѣнены очевидно другими, такъ какъ образъ Неопалимой Купины, на лѣвой сторонѣ, вставленъ въ иконостасъ несоразмѣрной величины, а излишняя часть иконостаса забита неокрашенной планкой. Нѣтъ и тѣхъ образовъ, о которыхъ упоминалъ еще Пискаревъ въ 1846 году, а именно: иконы преподобнаго Макарія въ серебряной ризѣ съ золотымъ вѣнцомъ, украшеннымъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, присланной изъ Рязани въ 1661 году преосвященнымъ Иларіономъ, и иконы Нерукотвореннаго Спаса въ серебряной ризѣ, пожертвованной въ 1808 году ярославскими купцами. Также нѣтъ и особо чтимаго образа Пресвятой Богородицы Толгской, осыпанной жемчугомъ, изумрудами, яхонтами, лалами, стразами, въ 19,599 зеренъ. Всѣ эти драгоцѣнности были взяты при упраздненіи обители въ 1868 году для пополненія средствъ епархіальнаго попечительства. Живопись въ этомъ храмѣ возобновлена въ 1886 году, на средства московскаго гражданина А. Н. Дьячкова.

Въ алтарѣ храма, также лишенномъ своихъ драгоцѣнностей, сохранился отъ прежняго времени въ рамкѣ фасадъ и планъ этой церкви, съ собственноручной надписью преосвященнаго Веніамина, архіепископа нижегородскаго, утвердившаго постройку, 22-го іюля 1808 года. У жертвенника прибита запись для вѣчнаго поминовенія возобновителей обители, такъ много для нея постаравшихся: К. П. Побѣдоносцева, В. К. Саблера, Ѳ. Я. Ермакова, А. Н. Дьячкова и другихъ.

У наружной стѣны этого храма—надгробная плита, подъ которой покоится тѣло иркутскаго купца Николая Дмитріевича Мичурина.

Вблизи погребенъ архимандритъ Іоаннъ, умершій въ 1813 году. Храмъ преподобнаго Макарія соединенъ колоннадой съ Троицкимъ

Успенскій и Троицкій соборы въ Макарьевскомъ монастырѣ.

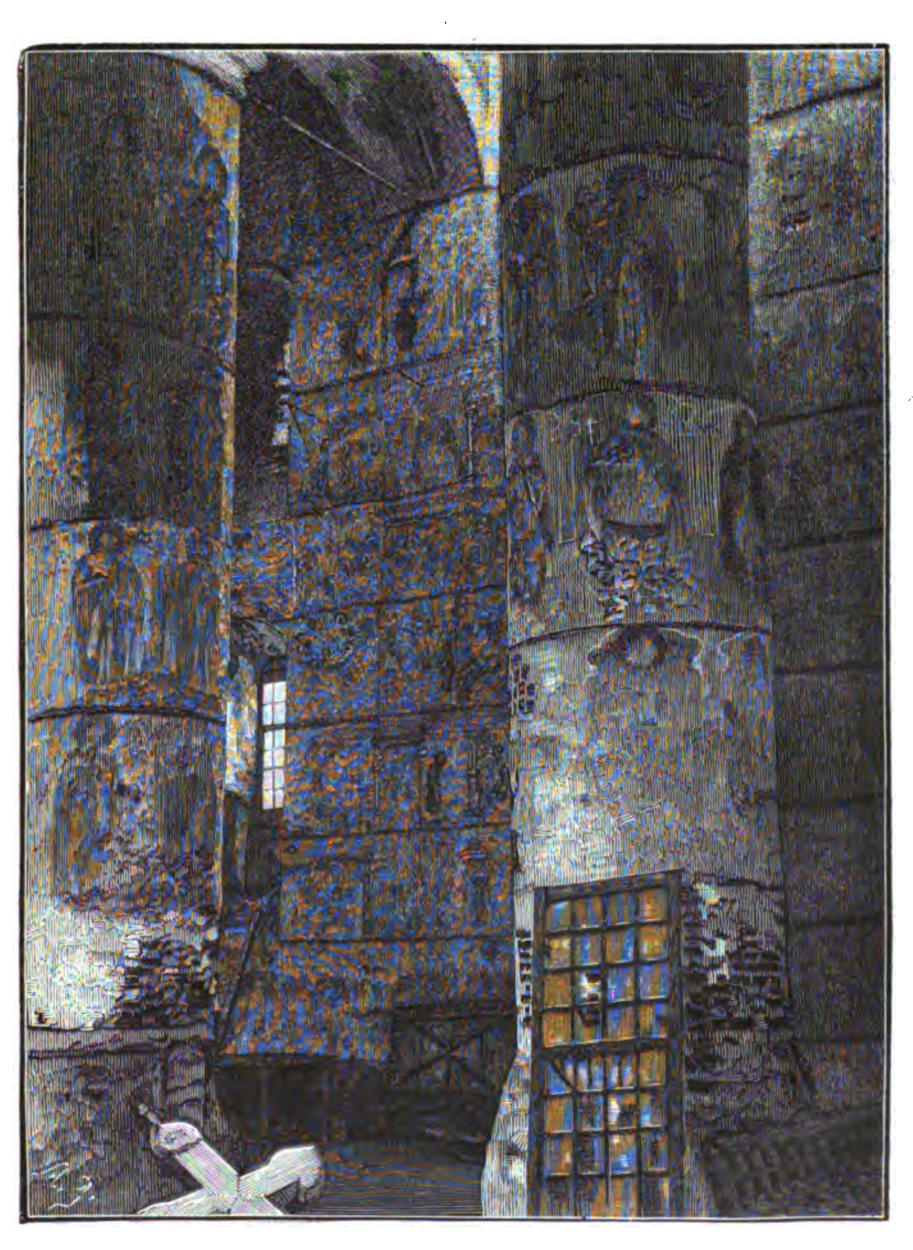
соборомъ, построеннымъ въ 1658 году, на мѣстѣ Авраамiевской деревянной церкви. Храмъ этотъ есть образецъ развитiя русскаго зодчества XVII вѣка; онъ былъ сооруженъ на средства монастырской казны и освященъ разанскимъ митрополитомъ Иларiономъ. Будучи огромныхъ размѣровъ, онъ весь построенъ изъ тяжеловѣснаго кирпича, въ формѣ квадрата, съ тремя полукружiями на востокъ, вдоль всей алтарной стѣны.

Онъ имѣлъ пять главъ и былъ прежде украшенъ кокошниками и закамарами, которыя въ началѣ XVIII вѣка, во время покрытiя крыши желѣзомъ, были сбиты, что̀ отчасти измѣнило наружную красоту храма.

При входѣ въ соборъ пристроена въ позднѣйшее время, очевидно, въ концѣ XVIII вѣка, паперть, теперь полуразваленная и безъ крыши; полъ изъ нея также выломанъ. Въ этой паперти погребены нижегородскiе архiепископы Антонiй († 1797) и Меѳодiй († 1827). Въ самомъ храмѣ уцѣлѣли еще деревянныя и желѣзныя двери работы XVII вѣка, но полъ также, какъ и въ паперти, выломанъ и проданъ.

Внутри храмъ поддерживается четырьмя круглыми столбами. Алтарная стѣна, сдѣланная при началѣ постройки сплошною, въ XVIII вѣкѣ потерпѣла передѣлки: она была растесана, и отъ нея осталось подобiе двухъ столбовъ, отчего средняя массивная глава, лишившись части опоры, провалилась.

Растеска стѣнъ произошла, вѣроятно, вслѣдствiе постановки рѣзнаго иконостаса, такъ какъ уцѣлѣвшiя очертанiя стѣны и самый характеръ архитектуры ясно доказываютъ, что деревяннаго иконостаса при первоначальной постройкѣ не было, а онъ замѣнялся каменной алтарной стѣной, въ углубленiяхъ которой въ первомъ ярусѣ и были поставлены: мѣстные образа, царскiя, сѣверныя и южныя врата, причемъ, быть можетъ, передъ царскими вратами былъ каменный портикъ (какъ это дѣлалось въ XVII вѣкѣ); остальные же ярусы каменнаго иконостаса, или просто алтарной стѣны, иконъ не имѣли, а были лишь расписаны живописью альфреско, уцѣлѣвшей почти вездѣ на стѣнахъ храма, хотя въ разное время и поправленной. Альфресковая живопись во многихъ частяхъ храма, преимущественно же въ куполахъ, прекрасно сохранилась, но особенно свѣжи краски на изображенiи Скорбящей Божiей Матери, находящемся въ алтарѣ надъ престоломъ; свѣжесть красокъ, не смотря на болѣе чѣмъ двухвѣковую древность, по истинѣ поразительна, а рисунокъ чрезвычайно хорошъ и принадлежитъ къ лучшей школѣ знаменитыхъ иконографовъ XVII вѣка. Направо уцѣлѣла ризница съ желѣзною дверью, сохранявшая въ себѣ прежде монастырскiя драгоцѣнности, нынѣ заваленная разнымъ мусоромъ и остатками соборнаго иконостаса. Вокругъ храма въ стѣнахъ были сдѣланы ходы, интересные во многихъ отношенiяхъ, но, къ сожалѣ-

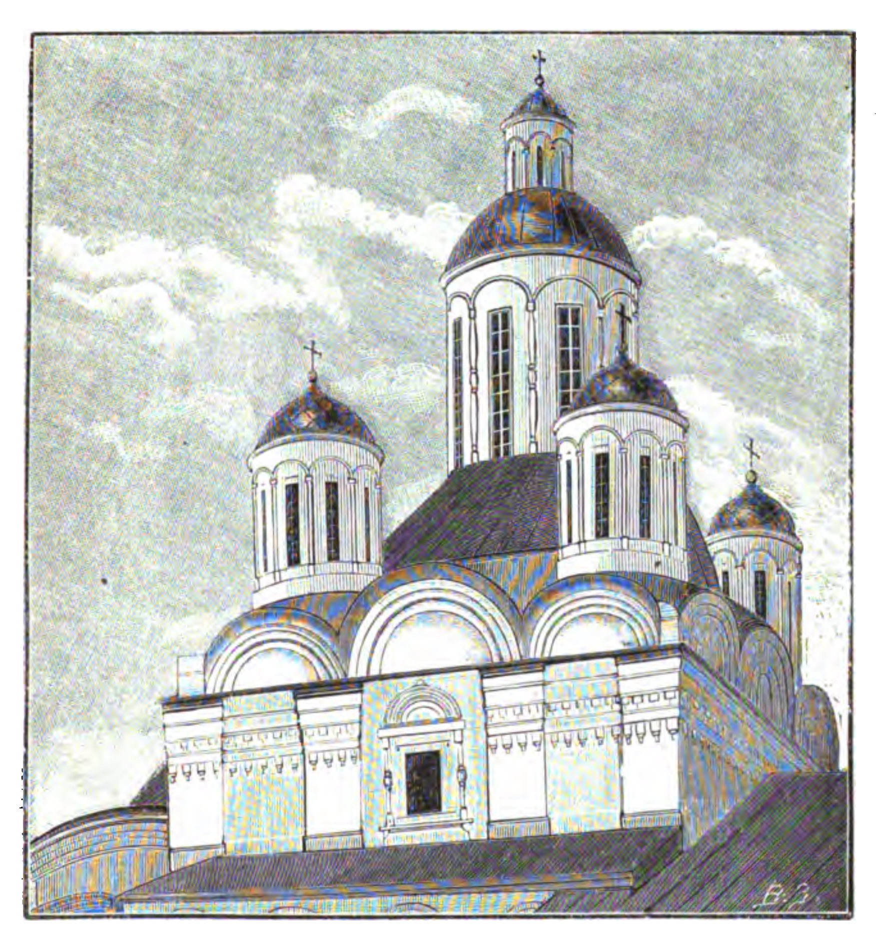
Внутренность Троицкаго собора съ Сѣверной стороны.

нію, заваленные теперь щебнемъ. Внутри храма все уничтожено: повсюду виденъ мусоръ и слѣды расхищенія, но не таковъ онъ былъ еще въ 1846 году. «Старинный великолѣпный столярно-рѣзной иконостасъ собора,—писалъ Пискаревъ,—блистательно вызолоченный червоннымъ золотомъ, занималъ все пространство отъ верху до низу; въ верхнихъ ставахъ были изображены праотцы, пророки, апостолы и господскіе праздники греческаго стиля, конца XVII вѣка, раздѣленные широкими рѣзными столбиками».

Царскія ворота были колоссальныя, съ рѣзными вызолоченными изображеніями евангелистовъ и Благовѣщеніемъ Пресвятой Богородицы, прорѣзныя, вызолоченныя; надъ ними находилась рѣзная сѣнь съ ангелами и херувимами; въ верху сѣни находились шесть древнихъ образовъ. Старинный мѣстный образъ Господа Вседержителя былъ въ себрокованной позлащенной ризѣ изящной работы, по сторонамъ два ангела, одинъ держитъ въ рукѣ крестъ съ терновымъ вѣнцомъ, другой—копье и трость; у подножія Вседержителя Макарій Желтоводскій и Григорій Пельшемскій. Вѣсу въ ризѣ было 2 пуда 32 фунта, ее пожертвовали московскіе купцы въ 1804 году. Другой образъ святой Троицы былъ тоже въ богатой серебряной ризѣ. По лѣвую сторону иконостаса находились иконы: Пресвятыя Богородицы Одигитріи, на ней вѣнецъ, корона и риза, среброкованные убрусъ и ожерелье, на подобіе покрывала, низаны по малиновому бархату жемчугомъ и разноцвѣтными каменьями; одного жемчугу было 19,492 зерна. Образъ святителя Николая былъ также въ серебряной ризѣ; затѣмъ тутъ находились образа Сошествія св. Духа, священно-мученика Антипы, преподобнаго Макарія съ житіями и св. Іоанна Воина. Всѣ эти иконы, кромѣ цѣнныхъ ризъ, были замѣчательны по своей древности, художественной работѣ и служили предметомъ особаго почитанія богомольцевъ. Надъ всѣми мѣстными образами въ тумбахъ, обложенныхъ рѣзными въ позолотахъ клеймами, были изображены разныя притчи, а передъ всѣми мѣстными образами висѣли большія среброкованныя лампады для восковыхъ свѣчъ и серебряныя малыя для возженія елея. Посреди церкви висѣло огромное, прекрасной работы паникадило, въ 6 ярусовъ, со стекляннымъ, обложеннымъ серебромъ, яблокомъ. Оно было пожертвовано въ 1660 году братьями Поршиными, жителями села Павлова.

Четыре круглые столба были обставлены образами въ золоченныхъ кіотахъ; надъ каждымъ образомъ была раскинута вызолоченная сѣнь, поддерживаемая рѣзными колонками; въ верху каждой сѣни находился рѣзной вызолоченный ангелъ. На столбѣ съ полуденной стороны въ вызолоченной кіотѣ былъ образъ преподобнаго Макарія,—тотъ самый чудотворный образъ, который строителемъ Авраамiемъ былъ принесенъ въ началѣ XVII вѣка изъ обители Унженской. Передъ нимъ висѣла лампада съ надписью, что она

сдѣлана въ монастырь усердіемъ войска Донскаго черкасскихъ казаковъ при архимандритѣ Іоаннѣ въ 1805 году. Въ алтарѣ надъ престоломъ находилась деревянная сѣнь на четырехъ столбахъ съ рѣзными украшеніями и между полуциркульными вызолоченными поперечниками помѣщался вверху образъ Сошествія Святаго Духа, писанный на холстѣ.

Видъ церкви Михаила Архангела съ сѣверной стороны, въ настоящее время, послѣ передѣлки.

На престолѣ былъ большой серебряный ковчегъ, а за престоломъ живописный высокій крестъ съ изображеніемъ Распятаго, въ серебряномъ вызолоченномъ вѣнцѣ; на горнемъ мѣстѣ двѣ рипиды, а за жертвенникомъ въ вызолоченной кіотѣ древній образъ Владимірской Божіей Матери.

На углу собора вдѣлана въ стѣну плита съ слѣдующей надписью: «Лѣта 7108 декабря въ 21 день, преставися преосвященный Аѳанасии, митрополит иконискии и кападокискиі і погребен бысть в сей Желтоводцкои обители».

За самымъ алтаремъ Троицкаго собора находится и могила иноковъ, убитыхъ татарами въ 1439 году и погребенныхъ преподобнымъ Макаріемъ. Стараго надгробія не сохранилось, но надъ могильнымъ камнемъ сдѣланъ кирпичный портикъ съ колоннами.

Къ западу отъ Троицкаго собора находится пятиглавая теплая церковь во имя Успенія Божіей Матери. Она построена въ одно время съ находящейся при ней колокольней въ 1651 году, при игуменѣ Иларіонѣ. Подъ всею церковью устроены обширныя кладовыя съ каменными сводами, служившія помѣщеніемъ для привезенныхъ, но не проданныхъ втеченіе бывшей ярмарки товаровъ и сохранявшихся тамъ до слѣдующаго года.

Наружный видъ храма довольно красивъ. Часть кокошниковъ, уничтоженныхъ, такъ же какъ и на Троицкомъ соборѣ, при перекрытіи крыши желѣзомъ, уцѣлѣла; у главъ многія окна растесаны, а прекрасные характерные наличники сбиты, впрочемъ часть ихъ осталась въ верхнемъ ярусѣ.

Бывшая реставрація этого храма при возобновленіи въ 1882 году уничтожила отчасти первоначальную его архитектуру. Церковь эта, очевидно, при постройкѣ предназначалась быть трапезной, что̀ вполнѣ достигало своего назначенія, и она была для святой обители необходима особенно во время ярмарки, когда, кромѣ значительнаго числа братіи, съѣзжалось и сходилось за подаяніемъ и на поклоненіе преподобному Макарію немалое число иноковъ и изъ другихъ обителей нашего обширнаго отечества, а въ то время монастырей было много. Изъ уцѣлѣвшихъ замѣчательныхъ церковныхъ предметовъ, составлявшихъ украшеніе этого храма, находится знаменитая, шитая по золотому глазету золотомъ, серебромъ и разными шелками, плащаница XVII вѣка. Здѣсь изображено: положеніе во гробъ Спасителя, лики: Богоматери, Іоанна Богослова и многихъ святыхъ; она обложена по краямъ малиновымъ бархатомъ и въ два ряда широкимъ серебрянымъ газомъ. На одной сторонѣ ея вышита серебромъ слѣдующая надпись: «Сіи воздухъ строение Дімітрия Андриевича і Грігория Дімітриевича Строгановыхъ». Кромѣ этого, сохранилось также и монашеское сидѣнье въ родѣ дивана тоже работы XVII вѣка; оно весьма любопытно, не смотря на простую плотничью работу, потому что обнаруживаетъ характерную черту художественнаго вкуса того времени. Въ этомъ же храмѣ была устроена и монастырская ризница, наполненная въ былое время монастырскими сокровищами, которыхъ, къ сожалѣнію, теперь не осталось и слѣда.

Видъ церкви Михаила Архангела съ сѣверной стороны, въ XVII столѣтіи, до передѣлки.

Еще въ 1846 году, по словамъ Пискарева, здѣсь сохранялись богатѣйшія ризы и стихари изъ аксамита, парчи, ферязи, дородора, киндяка, кашки, воздухи, пелены и шесть «сударей» древняго шитья, съ образами Макарія-чудотворца. Нѣтъ также двухъ въ богатѣйшихъ окладахъ евангелій печати 1682 и 1689 годовъ съ записями, что евангелія эти построены въ обитель преподобнаго Макарія «тщаніемъ обѣщавшихся строителей душеспасительства ради своего». Нѣтъ напрестольныхъ крестовъ съ мощами, жертвованныхъ преосвященнымъ Иларіономъ въ 1673 году и Симеономъ, архіепископомъ тобольскимъ, въ 1658 году. Въ одномъ крестѣ вмѣщались безцѣнныя частицы многихъ св. мощей, часть плащаницы, которою обвилъ Іосифъ тѣло Господне, животворящее древо Креста Господня, плащаница чудотворнаго Спаса образа, риза Пресвятой Богородицы и мощи св. Іоанна Предтечи. Серебряные потиры, сосуды, ковчеги, блюда, чаши, рипиды и жемчужныя митры—все это взято на нужды попечительства, а серебряное кадило, художественной работы XVII вѣка, по словамъ очевидцевъ, вмѣстѣ съ другими вещами было продано въ ломъ.

Между разными драгоцѣнностями былъ особенно интересенъ по оригинальности рисунка серебряный, вызолоченный посохъ съ греческой и русской надписями: «Arseniou archiereôs ek Peloponisou Androuses. AXOS Dekem. K. E.» «Лѣта 7176, ноября въ 1 день, повелѣніемъ и благословеніемъ Павла, преосвященнаго, митрополита нижегородскаго и алатырскаго, строенъ сей архіерейскій жезлъ его келейною казною».

Колокольня съ разнообразными архитектурными украшеніями тоже потерпѣла въ разное время нѣкоторыя передѣлки, но, всетаки, въ общихъ чертахъ сохранила еще свою форму. Въ ней до разоренія монастыря было 12 колоколовъ, имѣвшихъ прекрасный звонъ, такъ какъ колокола были подобраны по тонамъ, и звонари, какъ передаютъ, имѣли для своего руководства ноты. Самый большой колоколъ вѣсилъ 314 пудовъ. Теперь всѣ эти колокола сняты и проданы попечительствомъ въ новый ярмарочный соборъ.

Три или четыре небольшихъ колокольчика чуть слышнымъ звономъ призываютъ богомольцевъ принести мольбы къ преподобному о возобновленіи обители, сокрушенной не стихіей и временемъ, а людской алчностью и непониманіемъ красоты архитектурныхъ памятниковъ до-Петровской Руси, составляющихъ нашу гордость. Надъ монастырскими вратами находится пятиглавая каменная церковь во имя Михаила Архангела; кокошники у нея на крышѣ уцѣлѣли, но главы перекладены или измѣнены при покрытіи, очевидно, въ XVIII вѣкѣ, такъ что онѣ представляютъ собой неопредѣленную форму, а надъ кокошниками сдѣлано нѣчто въ формѣ купола, что̀ совершенно не гармонируетъ съ общимъ характеромъ архитектуры этого храма.

Впрочемъ, переправки эти не коснулись главнаго основанія, и реставрація въ прежнемъ видѣ могла бы быть произведена безъ особыхъ затратъ весьма легко, что можно видѣть изъ прилагаемыхъ при семъ рисунковъ до и послѣ передѣлокъ. Наружный фасадъ съ монастырскаго двора прекрасенъ и, не смотря на многія искаженія, сохранилъ свои прежнія очертанія. Церковь эту окружаетъ галлерея, причемъ входный портикъ съ характерными ко-

Мѣсто бывшей Макарьевской ярмарки.

лонками служитъ немалымъ украшеніемъ для нея; жаль, что у него отбита гирька и покрытіе сдѣлано слишкомъ безцеремонно.

При входѣ въ храмъ съ лѣвой стороны въ галлереѣ высѣчена на каменной плитѣ, вдѣланной въ церковную стѣну, (вязью) надпись: «Лѣта 7178 году іуния въ . . . день святыя врата, и на нихъ церков собор Архистратига Михаила со всякою церковною утварью, да к той церкве присовокуплена трапеза 1 брацкие, 4 кѣльи, іcподних , а построено пообѣщанію преосвященнымъ Іларіономъ, митрополитомъ рязанскимъ и муромскимъ».

Церковь въ настоящее время представляетъ однѣ голыя стѣны, но въ 1846 году въ ней былъ столярный рѣзной иконостасъ, мѣстами позолоченный, сооруженный преосвященнымъ Иларіономъ, вмѣстѣ съ стѣнами храма. Уничтоженіе этого памятника древнерусскаго искусства особенно прискорбно потому, что непередѣланныхъ иконостасовъ XVII вѣка сохранилось у насъ очень мало, или, можно сказать, не сохранилось цѣльнымъ ни одного. Всѣ нынѣ существующіе иконостасы носятъ на себѣ слѣды позднѣйшихъ поправокъ и передѣлокъ, на которыя такъ щедры современные зиждители и благоукрасители древнихъ храмовъ. Въ этомъ уничтоженномъ иконостасѣ были рѣзныя царскія врата, надъ ними сѣнь и образъ «Тайныя вечери», стариннаго греческаго письма; въ верху—образа: Господа Савваоѳа, Знаменія Божіей Матери и Господа Вседержителя, сѣдящаго на престолѣ. Въ прочихъ ставахъ были изображены лики пророковъ и апостоловъ. Мѣстные образа: Спасителя, архистратига Михаила, Владимірской Божіей Матери и преподобнаго чудотворца Макарія, были всѣ драгоцѣннаго Строгановскаго письма. Самыя святыя врата, надъ которыми устроена эта церковь, сохранились довольно хорошо, хотя также нѣсколько потерпѣли отъ передѣлокъ XVIII вѣка. Фрески XVII вѣка—прекрасны и многія изъ нихъ продолжаютъ еще обращать на себя вниманіе свѣжестію своихъ красокъ. Полъ подъ вратами изъ бѣлаго камня. Такъ какъ съ этой церковью соединяются монастырскія келіи и каменная стѣна, то сдѣлана еще у стѣны деревянная галлерея, и изъ келій есть выходъ на наружную стѣну этихъ вратъ, на берегъ Волги. Здѣсь предъ святой иконой, находящейся на вратахъ, зажигается по вечерамъ лампада, свѣтъ отъ которой далеко видѣнъ изъ окрестностей. Самый видъ съ этого мѣста очарователенъ. Особенно хорошъ онъ на знаменитое село Лысково. Надъ вратами нѣсколько ниже находится рѣзной деревянный двуглавый орелъ, въ формѣ герба, пожалованный монастырю императрицей Екатериной, которая, послѣ посѣщенія обители во время своего путешествія по Волгѣ, велѣла прибить его къ вратамъ на память о пребываніи ея въ монастырѣ. Внутри двора, противъ этой церкви, подъ такимъ же каменнымъ шатромъ, какъ и могила убіенныхъ иноковъ, находится могила старца Авраамія.

Въ одной изъ башенъ была устроена, въ 1686 году, Петромъ Прокудинымъ церковь во имя Григорія Пельшемскаго, постриженника Григорьевскаго монастыря-Затвора, что̀ въ Ростовѣ, знаменитости духовной академіи XIV вѣка. Въ этой церкви отъ прежнихъ церковныхъ украшеній и иконостаса также точно ничего не осталось. Другая церковь была устроена при настоятельскихъ келіяхъ, во имя Антонія Великаго. Она была сооружена и освящена преосвященнымъ Антоніемъ, архіепископомъ казанскимъ, но въ ней холщевый иконостасъ съ священными изображеніями остался цѣлъ.

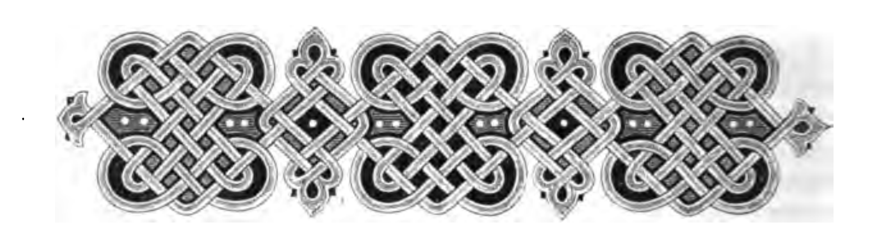
Изъ всѣхъ оставшихся предметовъ достойно вниманія находящееся въ алтарѣ изображеніе Спасителя, работы XVIII вѣка. Въ эту церковь изъ настоятельскихъ келій продѣлано въ стѣнѣ какъ бы потайное окно, чрезъ которое отцы архимандриты могли слышать и видѣть божественную службу, совершаемую въ храмѣ, не выходя изъ келіи. Кромѣ упомянутыхъ церквей, была еще церковь надъ больницей во имя всѣхъ святыхъ и армянская для пріѣзжающихъ на ярмарку армянъ, но та и другая уже сломаны архимандритомъ Варлаамомъ, въ 1845 году. Настоятельскія и братскія келіи довольно обветшали и теперь частію поправляются. Вокругъ всего монастыря идетъ каменная высокая ограда съ перекатомъ верхними и нижними бойницами длиною въ 525 саженъ, съ тремя воротами и шестью большими башнями.

Монастырскія лѣтописи говорятъ, что постройка стѣны начата въ 1662 году, при игуменѣ Исаіи, а окончена въ 1667 г. при архимандритѣ Пахоміи. Ограда эта, черезъ 10 лѣтъ, послѣ сооруженія была вновь поправлена, потому что въ 7179 (1671 г.) «приступили къ тому Макарьевскому монастырю воры и измѣнники казачишки съ Лысковцы и Лысковской и иныхъ многихъ волостей со многими людьми нощію къ деревянной рубленой стѣнѣ огненными великими привалы и пушечнымъ боемъ, а съ иныхъ странъ и отъ каменныхъ стѣнъ, и врата монастырскія зажигали и изъ оружія по нихъ стрѣляли». Впрочемъ, стѣна была не вконецъ разорена. Монахи, видя «лютое свирѣпство осаждающихъ, рѣшились малолюдства ради» обороняться камнями и стрѣлять изъ пушекъ и мушкетовъ; тогда многіе изъ осаждающихъ легли на мѣстѣ, остальные бѣжали.

Теперь стѣна во многихъ мѣстахъ обвалилась и башни полуразрушились, особенно одна съ юговосточной стороны: отъ нея осталось менѣе половины. Прекрасный монастырскій садъ совершенно запущенъ; внутри монастыря осталось немало полуразрушенныхъ каменныхъ лавокъ, хорошо сохранился въ общихъ чертахъ корпусъ лавокъ, гдѣ торговали армяне, занимавшіе мѣста въ монастырской оградѣ, гдѣ была ихъ армянская церковь.

Мѣсто вблизи монастыря, бывшее подъ ярмарочнымъ строеніемъ и еще недавно сохранявшее на себѣ слѣды каменныхъ ярмарочныхъ сооруженій, теперь представляетъ поле, обильно посыпанное щебнемъ и поросшее тальникомъ. Тутъ же находится, между прочимъ, и небольшая часовня, у которой и до сихъ поръ, во время крестнаго хода съ чудотворною иконой Оранской Божіей матери, останавливаются и служатъ молебны. Вблизи бывшаго гостиннаго двора очень ясно сохранились очертанія фундаментовъ и ямы нѣкогда существовавшихъ здѣсь ярмарочныхъ трактировъ.

А. Титовъ.

ПЕРВЫЙ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЙ ГУБЕРНАТОРЪ.

Настоящая статья составлена со словъ сына И. М. Синельникова, Василія Ивановича, Алексѣемъ Васильевичемъ Васильевымъ, живущимъ въ селѣ Ивановскомъ-Синельниковомъ, Таврической губерніи, Мелитопольскаго уѣзда. Статья имѣетъ особенный интересъ въ виду того, что въ настоящемъ году, 6-го мая, исполнилось 100 лѣтъ со времени основанія города Екатеринослава. Обработка статьи, по просьбѣ составителя, принадлежитъ нижеподписавшемуся подъ ней.

Генералъ-маіоръ и кавалеръ орденовъ св. Анны 1-й степени и св. Владиміра 2-й степени, Иванъ Максимовичъ Синельниковъ былъ однимъ изъ выдающихся дѣятелей, близкихъ къ свѣтлѣйшему князю Потемкину, при учрежденіи Екатеринославскаго намѣстничества, и при основаніи города Екатеринослава, долженствовавшаго быть столицею Новороссіи.

Иванъ Максимовичъ Синельниковъ, потомственный дворянинъ, родился въ собственномъ имѣніи, Воронежской губерніи, которое было пожаловано еще царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ прадѣду Ивана Максимовича за особыя заслуги [1]). Гербъ Синельниковыхъ— по голубому полю скрещенная сабля со шпагою и между ними копье, остріемъ вверхъ.

Въ 1766 году, когда составлялась по высочайшему повелѣнію коммиссія Новаго Уложенія, Иванъ Максимовичъ Синельниковъ былъ

---

[1]) Въ сочиненіи г. Скальковкаго «Хронологическое обозрѣніе Новороссійскаго края», въ II томѣ, на стр. 119, въ примѣчаніи, И. М. Синельниковъ почему-то названъ «бывшимъ старшиною запорожскихъ казаковъ».

избранъ воронежскимъ дворянствомъ въ депутаты, и въ Москвѣ получилъ депутатскую золотую медаль на золотой цѣпочкѣ для ношенія въ петлицѣ. Во время турецкой 6-ти-лѣтней кампаніи, начавшейся съ 1769 года и прекратившейся на время въ 1774 году, Иванъ Максимовичъ служилъ въ Кинбурнскомъ драгунскомъ полку и уже тогда на столько сдѣлался извѣстнымъ по службѣ, что ему, въ чинѣ маіора, порученъ былъ Донецкій пикинерный полкъ, взбунтовавшійся и положившій оружіе. Иванъ Максимовичъ усмирилъ полкъ, участвовалъ съ нимъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ съ турками, отличился, пожалованъ въ подполковники и награжденъ разными орденами, послѣ чего, въ 1774 году, отправленъ былъ съ тѣмъ же полкомъ для преслѣдованія Пугачева. Во время погони за Пугачевымъ и его шайкой, Синельниковъ въ Казанской губерніи женился на дочери помѣщика Страхова, Авдотьѣ Васильевнѣ. Семейство помѣщика Страхова, испуганное звѣрскими казнями Пугачева, скрывалось въ какомъ-то лѣсу, было случайна найдено отрядомъ полка и спасено имъ, послѣ чего вскорѣ послѣдовалъ бракъ командира полка, Синельникова, съ дѣвицей Страховой.

По возвращеніи изъ Казани, И. М. Синельниковъ былъ воеводою въ Полтавѣ; затѣмъ въ чинѣ полковника командовалъ Херсонскимъ пикинернымъ полкомъ и стоялъ въ селеніи Новыхъ Койдакахъ. Въ 1778 году, когда знаменитый Суворовъ занимался переселеніемъ христіанъ изъ Крыма къ Азовскому морю, полковнику И. М. Синельникову были поручены перевозка и продовольствіе переселенцевъ, за что̀ онъ былъ потомъ рекомендованъ Суворовымъ Потемкину. Сдѣлавшись лично извѣстнымъ свѣтлѣйшему, онъ былъ въ 1783 году произведенъ въ бригадиры и, какъ честный дѣятель, получилъ должность начальника коммиссіи по продовольствію переселенцевъ, прибывавшихъ во вновь пріобрѣтенныя Россіей провинціи, съ порученіемъ также надзора за соляными и питейными сборами. Въ томъ же 1783 году, государынѣ Екатеринѣ II угодно было соединить двѣ обширныя губерніи: Новороссійскую и Азовскую въ одно громадное Екатеринославское намѣстничество, съ городомъ Екатеринославомъ во главѣ; но городъ Екатеринославъ, основанный въ 1778 году на рѣчкѣ Кильченѣ и носившій только названіе губернскаго города Азовской губерніи, по причинѣ весеннихъ наводненій оказался крайне неудобнымъ и былъ перенесенъ съ Кильчени на правый берегъ Днѣпра.

Екатеринославское намѣстничество открыто въ 1784 году; для города Екатеринослава генералъ-губернаторомъ, княземъ Потемкинымъ, избранъ былъ бывшій поселокъ запорожскихъ казаковъ, Половица; но временно губернскимъ городомъ Екатеринославскаго намѣстничества, со всѣми присутственными мѣстами и пребываніемъ правителя намѣстничества, назначенъ былъ городъ Кременчугъ, въ который правителемъ назначенъ былъ бригадиръ И. М. Си-

нельниковъ, произведенный въ 1785 году въ генералъ-маіоры. Ему же поручено было свѣтлѣйшимъ построеніе города Екатеринослава, съ предписаніемъ приступить къ тому «гигантскими шагами». Вотъ одинъ изъ ордеровъ князя Потемкина:

«Правителю Екатеринославскаго намѣстничества господину генералъ-маіору и кавалеру И. М. Синельникову. Предложа екатеринославской казенной палатѣ объ отпускѣ вашему превосходительству 200,000 рублей на построеніе губернскаго города Екатеринослава, предписываю вамъ, по принятіи означенной суммы, приступить немедленно къ заготовленію матеріаловъ и припасовъ, сколь можно въ большемъ числѣ, по близости къ означенному отъ меня подъ тотъ городъ мѣсту, гдѣ теперь находится деревня Половица. Ваше превосходительство, примите также мѣры къ пріисканію мастеровыхъ и рабочихъ людей, дабы такимъ образомъ ничто уже не препятствовало открытію и произведенію работъ въ семъ новомъ городѣ, посвященномъ славѣ имени великія нашея самодержицы. Князь Потемкинъ, 11-го октября 1786 года».

Чтобы оцѣнить, какимъ довѣріемъ пользовался И. М. Синельниковъ у князя Потомкина, необходимо припомнить всю важность и громадность возложенныхъ свѣтлѣйшимъ на него порученій.

Подъ Екатеринославъ отведено было пространство земли отъ села Новыхъ-Кодакъ до села Старыхъ-Кодакъ, приблизительно 20 верстъ, и отъ рѣки Днѣпра до рѣчки Суры—15 верстъ, слѣдовательно, площадь въ 300 квадратныхъ верстъ; сюда, конечно, входили предмѣстья и заведенія города; кромѣ того, выгонъ для пастбища скота до 80 тысячъ десятинъ. Въ городѣ предполагалось устроить университетъ, академію художествъ, консерваторію, ботаническій садъ (на Монастырскомъ острову, среди Днѣпра), 12 различныхъ казенныхъ фабрикъ. На чулочной фабрикѣ были приготовлены шелковые чулки до того тонкіе, что они вложены были въ скорлупу грецкаго орѣха и поднесены императрицѣ во время посѣщенія ею возникавшаго города Екатеринослава. Для кисейной фабрики вызывались отовсюду мастеровые люди.

На работы города предполагалось вызвать въ Екатеринославское намѣстничество, на 3 года, 12 полковъ. Всѣ денежныя суммы отъ упраздненныхъ Новороссійской и Азовской губерній назначены были на постройку города, кромѣ суммъ, спеціально ассигнованныхъ императрицею, и суммъ, поступавшихъ въ уѣздныя казначейства Екатеринославскаго намѣстничества. Съ какой лихорадкой относился Потемкинъ къ построенію Екатеринослава, видно изъ предписанія свѣтлѣйшаго князя изъ Кіева, отъ 14-го марта 1787 года Синельникову:

«Губернатору Екатеринославскаго намѣстничества Синельникову. Директоръ екатеринославской музыкальной академіи г. Сарти отправленъ отъ меня въ Кременчугъ, которому извольте приказать

отвесть выгодную квартиру и надлежащее, по требованію его, чинить удовлетвореніе, для чего и предлагается здѣсь переводъ съ заключеннаго съ нимъ контракта. Распоряженія его касательно музыки долженствуютъ быть исполнены. Потемкинъ».

Вскорѣ послѣ основанія Екатеринослава, князь Потемкинъ писалъ императрицѣ Екатеринѣ II: «Прошу, матушка, воззрѣть на

Иванъ Максимовичъ Синельниковъ.
Съ фамильнаго портрета, писаннаго масляными красками.

здѣшнее мѣсто, какъ на такое, гдѣ слава твоя — оригинальная и гдѣ ты не дѣлишься ею съ твоими предшественниками; тутъ ты не слѣдуешь по стопамъ другаго».

И «матушка»-государыня пожелала воззрѣть на вновь пріобрѣтенный и устроенный Южный край, чтобы убѣдиться самолично и воочію, на сколько были справедливы толки придворныхъ за-

вистниковъ и противниковъ Потемкина, представлявшихъ Новороссію какою-то безводной и безполезной пустыней, а дѣйствія князя по устройству ея химерой и фантазіей.

Но, прежде чѣмъ императрица Екатерина II отправилась въ путешествіе по Южному краю, князь Потемкинъ, въ концѣ 1786 года, вытребовалъ въ Петербургъ генералъ-маіора И. М. Синельникова. Здѣсь Синельникову, въ виду предпринимаемаго путешествія императрицы по Новороссіи, было поручено назначить дороги, поставить каменныя мили, воздвигнуть дворцы и соорудить тріумфальныя ворота; однимъ словомъ, преобразить пустынный, дикій, но богатый, прелестный край Новороссіи въ край населенный, со всякими удобствами, съ возможною роскошью и торжественностью, достойной встрѣчи великой гостьи и мудрой монархини.

Въ 1787 году, государыня, съ 30 января прогостивъ въ Кіевѣ, въ апрѣлѣ, 22 числа, отправилась внизъ по Днѣпру со всей свитой своей, съ послами, на галерахъ, нарочно для того устроенныхъ, раззолоченныхъ и разукрашенныхъ амурами и флагами, снабженныхъ музыкантами и пѣвцами. На пути, между Кременчугомъ и вновь зарождавшимся Екатеринославомъ, близъ села Новыхъ-Кодакъ, къ царской флотиліи присоединился высокій гость Россіи, австрійскій императоръ Іосифъ II, пріѣхавшій въ Россію подъ именемъ графа Фалькенштейна. Въ началѣ плаваніе было благопріятно, но подъ конецъ, верстъ за 20-ть предъ Екатеринославомъ, на Днѣпрѣ поднялась внезапно буря; тогда государыня вышла на берегъ и сѣла въ раззолоченную карету, и все остальное время сопровождала свою царскую флотилію по правому берегу Днѣпра. Въ тотъ же день, 8 мая, государыня съ императоромъ Іосифомъ прибыла сухимъ путемъ въ самое село Новые-Кодаки, гдѣ, у тріумфальныхъ воротъ, разукрашенныхъ гирляндами цвѣтовъ и золотыхъ колосьевъ, съ надписью большими золотыми буквами: «Твоя отъ твоихъ тебѣ приносящихъ», была встрѣчена свѣтлѣйшимъ княземъ Потемкинымъ и губернаторомъ Екатеринославскаго намѣстничества Синельниковымъ: они стояли на колѣняхъ и держали въ рукахъ хлѣбъ-соль. Такъ какъ село Новые-Кодаки по положенію служило началомъ города Екатеринослава, то въ немъ былъ устроенъ для царственныхъ гостей временный дворецъ. И только на другой день, 9 мая, въ 9 часовъ утра, государыня съ вѣнценоснымъ гостемъ, послами и со всею блестѣвшею золотомъ свитою, въ торжественномъ величіи, отправилась въ деревню Половицу, гдѣ воздвигался городъ, долженствовавшій прославить ея имя.

Во время посѣщенія императрицы вся Половица представляла изъ себя громаднѣйшій складъ разнороднаго строительнаго матеріала; даже предмѣстья ея были загромождены множествомъ камней, извести, алебастра и кирпича съ его заводами, а берега Днѣпра покрылись плотами сплавнаго, строеваго лѣса.

Тутъ, на возвышенности, съ правой стороны Днѣпра, гдѣ онъ, поворотивъ съ востока на югъ, образуетъ довольно широкій и возвышенный полуостровъ, среди зелени майскихъ цвѣтовъ; была устроена царская палатка съ походной полковой церковью, у которой встрѣтилъ великую государыню архіепископъ екатеринославскій, херсонскій и таврическій Амвросій съ крестомъ и святою водою. Выслушавъ литургію въ походной церкви, императрица приложилась ко кресту и, поклонившись на всѣ четыре стороны народу, положила первый камень въ основаніе соборнаго храма Преображенія Господня въ городѣ Екатеринославѣ, второй камень положилъ свѣтлѣйшій Потемкинъ, третій — высокопреосвященнѣйшій Амвросій и четвертый — губернаторъ Синельниковъ, какъ представитель народа въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ.

Такъ совершилась закладка екатеринославскаго собора, по величинѣ своей единственнаго въ то время въ мірѣ: длиною 71 сажень и шириною 21 сажень и 1 аршинъ [1]). Теперешняя ограда екатеринославскаго собора служитъ указателемъ минувшихъ великихъ предначертаній императрицы Екатерины II, померкнувшихъ вмѣстѣ со смертью Потемкина и перваго губернатора Екатеринослава, «правой руки и лучшаго друга свѣтлѣйшаго».

При громѣ пушекъ, грохотѣ ружей и восторженныхъ восклицаніяхъ радостнаго народа, императрица съ послами и свитой въ раззолоченныхъ каретахъ изъ Екатеринослава отправилась сухимъ путемъ въ городъ Херсонъ. Въ это путешествіе императрицѣ угодно было взглянуть и на главный порогъ Днѣпра—Ненасытецкій, что̀ пониже Екатеринослава на тридцать верстъ, и на переходъ черезъ него царскихъ галеръ. Галерамъ, съ передѣланными въ нихъ рулями на стерна, велѣно было подъ управленіемъ каменскихъ лоцмановъ плыть отъ Новаго-Кодака внизъ по теченію черезъ пороги и передъ Ненасытецомъ, у острова Козлова, ожидать высочайшаго пріѣзда.

Еще съ 1780 года, Ненасытецкій порогъ съ прилегающими къ нему землями съ обѣихъ сторонъ Днѣпра, на довольно значительное пространство, отданъ былъ въ собственность генералъ-маіору И. М. Синельникову, гдѣ онъ основалъ села: съ лѣвой стороны Днѣпра — Васильевку, съ правой — Николаевку и Войсковое, съ экономическими усадьбами.

На всемъ пространствѣ своего имѣнія, по обѣ стороны дороги, Синельниковъ насадилъ цвѣтущія розы въ окопанныхъ треугольникахъ; эти треугольники долго потомъ оставались въ цѣлости и, къ глубокому сожалѣнію, только лѣтъ около двадцати назадъ безслѣдно были перепаханы. Противъ самаго Ненасытецкаго порога,

---

[1]) Одинъ фундаментъ, выведенный для церкви, стоитъ казнѣ 71,102 руб. 45¼ коп.

на возвышенныхъ вершинахъ гранитныхъ вѣковыхъ скалъ, сглаженныхъ наносной землей и покато вдавшихся неправильными уступами въ порогъ, Синельниковъ соорудилъ деревянный дворецъ, съ балкономъ [1]), съ котораго открывался чарующій видъ на Ненасытецъ, «Старый Дидъ», дикій, грозный, величественный и бурный порогъ...

И въ этомъ мѣстѣ, полномъ завѣтныхъ историческихъ думъ, былъ сооруженъ временный деревянный, небольшой, но полный роскоши дворецъ, гдѣ русская императрица съ вѣнценоснымъ гостемъ изволила обѣдать. Обѣдъ этотъ происходилъ именно во дворцѣ, устроенномъ Синельниковымъ, а не на камнѣ, съ тремя углубленіями въ видѣ мисокъ, скалы Монастырькà, и былъ предложенъ государынѣ губернаторомъ Синельниковымъ, а не запорожцами, какъ разсказываетъ объ этомъ г. Скальковскій въ своемъ сочиненіи «Хронологическое обозрѣніе Новороссійскаго края». (Одесса, 1836, ч. II, стр. 119, примѣчаніе). Самое положеніе этого камня внизу, у берега рѣки, подъ отвѣсной громадной скалой, которая еще отъ запорожцевъ и до настоящаго времени называется «Монастырькомъ», съ опасной противъ него пучиной «Пекломъ», не позволяетъ думать, чтобы на него спускалась императрица Екатерина II. Камень этотъ, получившій громкое названіе «Екатерининской скалы», лежитъ въ такомъ мѣстѣ, куда и въ теперешнее время съ трудомъ можно пройдти, тѣмъ менѣе онъ могъ служить царскимъ столомъ въ то время, когда до постройки Фалѣевскаго канала въ Ненасытецѣ тамъ былъ непроходимый пустырь.

Надобно также принять во вниманіе и то обстоятельство, что императрица Екатерина II въ то время страдала отекомъ ногъ, и на чулочной фабрикѣ въ Екатеринославѣ изготовлялись для нея шелковые чулки вдвое шире обыкновенныхъ. Могла ли она, больная ногами, спускаться съ такой скалы, какъ Монастырекъ? Кромѣ того, Запорожская Сѣчь была уже уничтожена въ 1775 году, за 11 лѣтъ до посѣщенія пороговъ императрицею; недовольные казаки скоро послѣ этого покинули Днѣпръ. Какіе же запорожцы могли угощать Екатерину II и Іосифа II во время ихъ путешествія по Новороссіи?

Предварительно, предъ проходомъ царскихъ галеръ черезъ Ненасытецъ, былъ отправленъ дубъ (большая лодка), для лучшаго ознакомленія и указанія хода черезъ пороги, съ пятью человѣками рыбаковъ изъ мѣстныхъ крестьянъ имѣнія Синельникова; изъ нихъ одинъ, по фамиліи Бѣляй, былъ кормчимъ. Въ порогахъ, на послѣдней «лавѣ» (уступѣ), дубъ съ людьми нырнулъ въ каскадахъ волнъ и исчезъ безслѣдно. Императрица, сидѣвшая въ это время на балконѣ

---

[1]) Въ томъ мѣстѣ, гдѣ у настоящей владѣлицы калитка и выходъ изъ сада на порогъ.

дворца и слѣдившая за плывшимъ по Днѣпру дубомъ, съ испугомъ отворотилась и съ укоризной взглянула на Потемкина, сказавъ: «Они погибли!» Князь самъ былъ встревоженъ этимъ, но И. М. Синельниковъ, привыкшій часто видѣть подобныя явленія на порогѣ и знавшій ловкость и находчивость своихъ рыбаковъ, спокойно указалъ князю на отважныхъ пловцовъ, очутившихся уже далеко ниже порога. Государыня тогда только успокоилась, когда сама увидѣла ихъ. Она тотчасъ призвала къ себѣ кормчаго Бѣляя и лично пожаловала ему 50 рублей. Послѣ этого галеры императрицы благополучно прошли черезъ Ненасытецкій порогъ, какъ и пущенный черезъ пороги дубъ. Главный лоцманъ, Полторацкій, управлявшій царскими судами, произведенъ въ дворяне и пожалованъ чиномъ подпоручика; его помощникъ сдѣланъ прапорщикомъ, а остальные лоцмана получили денежныя награды.

Затѣмъ государыня, налюбовавшись Ненасытецемъ и очаровательными окрестностями и переночевавъ во вновь устроенномъ дворцѣ, на другой день, 10-го мая, отправилась дальше по направленію къ Херсону.

Во все время путешествія императрицы Екатерины II, И. М. Синельниковъ, какъ губернаторъ края, безотлучно находился около особы государыни. Императрица съ любопытствомъ и большою любознательностью разспрашивала его обо всемъ, осталась очень довольна его отвѣтами, какъ и всѣми его распоряженіями, за что̀ и пожаловала ему староство Оршанское съ 500 крестьянъ, да двѣ табакерки, украшенныя брилліантами. 13-го мая, государыня была уже въ Херсонѣ, откуда писала въ Москву: «Теперь я могу сказать, что мои намѣренія въ семъ краѣ приведены до такой степени, что нельзя оныхъ оставить безъ должной похвалы. Усердіе вездѣ видно, и лица къ тому избраны способныя».

Съ тѣхъ поръ довѣріе Потемкина къ И. М. Синельникову возросло еще больше. Свѣтлѣйшій давалъ ему порученія по устройству черноморскаго флота и по продовольствію арміи, осаждавшей въ ту пору Очаковъ. А потомъ, во время построенія Екатеринослава, когда всѣ матеріалы были заготовлены въ громадныхъ размѣрахъ и когда учреждена была для надзора за ходомъ дѣлъ особая строительная экспедиція, 5-го іюля 1787 года, главноуправляющимъ всего построенія города и самой коммиссіи былъ назначенъ тотъ же Синельниковъ: ему опредѣлено было столовыхъ денегъ по 250 рублей въ мѣсяцъ. Чтобы привлечь жителей въ Екатеринославъ, велѣно было строить въ немъ дома на казенный счетъ и затѣмъ отдавать ихъ желающимъ по стоимости казнѣ съ десятилѣтней безпроцентной выплаткой; а тѣхъ, которые желали сами строиться, снабжали строительнымъ матеріаломъ съ разными льготами, что̀ возвѣщено было повсемѣстно.

Въ томъ же 1787 году, 7-го сентября, была объявлена война

Турціи. Эта война была очень печальна по своимъ послѣдствіямъ для Екатеринослава, такъ какъ помѣшала, пріостановила и, наконецъ, совершенно прекратила всю дѣятельность по постройкѣ города, да и самого правителя Екатеринославскаго намѣстничес г а И. М. Синельникова, на котораго въ особенности было возложено построеніе города, при блокадѣ города Очакова, постигла роковая судьба.

Синельниковъ, отправленный въ очаковскую армію съ отчетами къ фельдмаршалу, находился наканунѣ взятія Очакова при свѣтлѣйшемъ. Во время рекогносцировки, когда князь Потемкинъ, со всею своею свитой, въ числѣ коей былъ и Синельниковъ, осматривалъ подъ выстрѣлами непріятельскихъ пушекъ турецкія позиціи, И. М. Синельниковъ былъ раненъ ядромъ въ правую ногу выше колѣна. Это было 23-го іюля 1788 года. При невыносимыхъ страданіяхъ отъ раздробленной ноги, Иванъ Максимовичъ, къ удивленію всѣхъ окружавшихъ, отдалъ князю Потемкину отчетъ на бумагѣ на большія суммы денегъ, израсходованныхъ имъ на постройку города Екатеринослава и на продовольствіе переселенцевъ и арміи. Во время операціи, отнятія ноги, онъ выказалъ необыкновенное терпѣніе и мужество, не выронивъ ни одной слезы, не издавъ стона, и, только обратившись къ своему камердинеру, сказалъ, указывая на медиковъ: «Долго ли эти жиды будутъ меня мучить? Дай-ка мнѣ понюхать табачку!» Однако, вскорѣ послѣ операціи, Ивана Максимовича не стало. Князь Потемкинъ, находившійся у постели страдальца, прослезился и сказалъ: «Я теряю лучшаго друга, а отечество героя-воина и честнаго слугу!»...

И. М. Синельниковъ скончался 27-го іюля 1788 года и похороненъ въ бывшей тогда церкви Кинбурна; впослѣдствіи сынъ покойнаго, Василій Ивановичъ Синельниковъ, поставилъ ему памятникъ въ городѣ Херсонѣ, въ крѣпости, въ церковной оградѣ собора св. Екатерины, гдѣ также находятся памятники всѣхъ героевъ, павшихъ при взятіи Очакова и другихъ городовъ, во время той же войны, а въ самомъ соборѣ, воздвигнутомъ императрицею Екатериною II, погребено и тѣло свѣтлѣйшаго князя Потемкина.

Д. И. Эварницкій.

БЛИЖАЙШІЙ ПРЕДШЕСТВЕННИКЪ ПУШКИНА.

> «Я не люблю преклонять головы моей подъ ярмо общественныхъ мнѣній. Все прекрасное мое — мое собственное. Я могу ошибаться, ошибаюсь; но не лгу ни себѣ, ни людямъ. Ни за кѣмъ не брожу: иду своимъ путемъ».
>
> К. Батюшковъ.

> «Жертвовать собою позволено; жертвовать другими могутъ одни злыя сердца».
>
> К. Батюшковъ.

РУССКАЯ литература, увы, не богата хорошими, классическими изданіями авторовъ. Даже такой столпъ русской литературы, какъ Ломоносовъ, обезсмертившій имя свое неоцѣненными заслугами и неусыпными трудами на пользу нашего роднаго языка и словесности, до сихъ поръ еще не удостоенъ изданія, которое бы доставляло намъ возможность полнаго и всесторонняго знакомства съ его литературною и научною дѣятельностью и выясняло бы его значеніе въ исторіи нашего просвѣщенія. Недавняя попытка изданія полнаго собранія сочиненій Пушкина, затѣяннаго такимъ почтеннымъ учрежденіемъ, какъ литературный фондъ, доказала, что даже и въ профессорской средѣ могутъ встрѣтиться люди, способные отнестись довольно легкомысленно къ изданію классическаго автора, имѣющіе весьма ограниченное понятіе о выработкѣ текста автора или о составленіи къ нему необходимаго комментарія.

Единственнымъ, до сихъ поръ, классическимъ изданіемъ классическаго русскаго автора было академическое изданіе сочиненій Державина, достойное славы этого «пѣвца Екатерины». Академикъ Гротъ, принявшій на себя труды по этому изданію, сдѣлалъ для выработки текста и для снабженія его самыми разнообразными объясненіями все, что было возможно сдѣлать, и доставилъ всѣмъ занимающимся русскою литературою полнѣйшую возможность изучать Державина въ связи съ его вѣкомъ.

Добросовѣстный трудъ академика Грота, представившаго намъ образецъ научно-обработаннаго изданія сочиненій классическаго автора, не пропалъ напрасно. У трудолюбиваго академика нашлись послѣдователи, упорные и ревностные въ трудѣ: результатомъ ихъ трудовъ явились «Сочиненія К. Н. Батюшкова», изданные иждивеніемъ П. Н. Батюшкова (роднаго брата поэта), въ трехъ громадныхъ томахъ, «со статьею о жизни, и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, написанною Л. Н. Майковымъ, и примѣчаніями, составленными имъ же и В. И. Саитовымъ».

Почтенный П. Н. Батюшковъ, въ «предисловіи издателя» поясняетъ намъ, что «изданіе сочиненій Константина Николаевича Батюшкова давно лежало у него на сердцѣ, какъ дань признательности къ дорогой памяти брата, которому онъ обязанъ попеченіемъ о его осиротѣломъ дѣтствѣ и первоначальномъ воспитаніи», но «личныя обстоятельства» издателя дозволили ему заняться этимъ дѣломъ только въ послѣднее время и только въ 1883 году представилась возможность приступить къ исполненію этого намѣренія. Исполненіе этого добраго намѣренія попало въ хорошія руки, и въ концѣ трехъ лѣтъ получился громадный трудъ: еще одинъ русскій классическій поэтъ оказался прекрасно изданнымъ и вполнѣ выясненнымъ какъ со стороны своего личнаго характера, такъ и со стороны своихъ отношеній къ вѣку и къ людямъ своего времени.

Роскошное изданіе сочиненій К. Н. Батюшкова дѣлаетъ вполнѣ честь и почтенному издателю, не пожалѣвшему никакихъ издержекъ для выполненія своего предпріятія, и редактору, и комментаторамъ, не пожалѣвшимъ труда и усиленной работы для оправданія оказаннаго имъ довѣрія. Ко всѣмъ тремъ томамъ приложены прекрасно награвированные портреты К. Н. Батюшкова, снимки съ его почерка и рисунковъ, и даже фотолитографическіе снимки съ двухъ титульныхъ листовъ къ его изданію «Опытовъ въ стихахъ и прозѣ» (первому изданію сочиненій К. Н. Батюшкова). Эти титульные листы были украшены виньетками, скомпанованными Оленинымъ и гравированными на мѣди Ческимъ[1]).

[1]) Остается пожалѣть, что, при такой роскоши изданія, кстати ужъ, не были къ нему приложены снимки съ фронтисписовъ, гравированныхъ С. Галактіоновымъ (по рисункамъ А. П. Брюлова) для 2-го изданія сочиненій Батюшкова, вышедшаго въ 1834 году.

Пользуемся этимъ прекраснымъ изданіемъ, чтобы дать возможно-полную характеристику Батюшкова какъ человѣка и какъ поэта, котораго Пушкинъ не даромъ называлъ своимъ учителемъ.

Въ 17-ти верстахъ отъ Устюжны, нынѣ уѣзднаго городка Новгородской губерніи, на холмистой возвышенности, съ которой открывается видъ верстъ на 30 кругомъ, лежитъ село Даниловское, изстари (съ начала XVII в.) принадлежавшее старинному дворянскому роду Батюшковыхъ. Мѣстность, окружающая усадьбу, очень живописна, въ своемъ родѣ: это—настоящій русскій видъ, привольный, съ широко-раскинувшимся просторомъ во всѣ стороны, съ десятками барскихъ усадебъ, деревень и поселковъ, разбросанныхъ по холмамъ, съ сверкающими вдали крестами храмовъ въ ближайшихъ селахъ, съ рощами и густыми старинными садами, еще уцѣлѣвшими при усадьбахъ. Въ самомъ Даниловскомъ барскій домъ окруженъ прекраснымъ тѣнистымъ садомъ, о которомъ сохранилось въ народѣ преданіе, будто его разбивали и разсаживали плѣнные французы 1812 года.

Въ этой-то живописной усадьбѣ и провелъ все свое дѣтство нашъ поэтъ, родившійся въ Вологдѣ, 18-го мая 1787 года. Мать поэта, урожденная Бердяева, вскорѣ послѣ родовъ заболѣла тяжкимъ душевнымъ недугомъ, была увезена въ Петербургъ для излѣченія и тамъ скончалась. Константинъ Николаевичъ Батюшковъ, ребенокъ слабый и хилый, выросталъ безъ матери, и уже очень рано отданъ былъ для обученія въ одинъ изъ лучшихъ петербургскихъ пансіоновъ. Замѣтимъ кстати, что въ ту пору дворяне, желавшіе дать дѣтямъ своимъ хорошее (по потребностямъ времени) образованіе, вынуждены были прибѣгать къ частнымъ пансіонамъ, потому что среднихъ учебныхъ заведеній еще не было, а въ московскій благородный пансіонъ юноши поступали уже на возростѣ и съ извѣстнаго рода подготовкою. Главнымъ пріобрѣтеніемъ Батюшкова, во время его 6-тилѣтняго пребыванія въ петербургскихъ пансіонахъ, было довольно основательное знаніе двухъ новѣйшихъ языковъ (французскаго и итальянскаго), хотя учили его «всему понемногу», начиная отъ геометріи и реторики до рисованія и музыки.

Въ 1803 году, т. е. на 16-мъ году отъ рода, Батюшковъ окончилъ свои «годы ученья» и, къ величайшему счастью, попалъ въ этомъ нѣжномъ возростѣ въ руки одного изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени — Михаила Никитича Муравьева, родственника и пріятеля его отца. М. Н. Муравьевъ, соединявшій обширную ученость съ утонченнымъ свѣтскимъ образованіемъ, богато-одаренный отъ природы и умомъ, и превосходнымъ сердцемъ, принадлежалъ къ небольшему кружку дѣятелей общественныхъ и

литературныхъ, которые составили истинное украшеніе первыхъ лѣтъ Александрова царствованія. Подъ руководствомъ и ближайшимъ надзоромъ этого «образцоваго попечителя и товарища министра народнаго просвѣщенія», Батюшковъ (проживавшій въ домѣ Муравьева) принялся за пополненіе своего образованія, за изученіе латинскаго языка и за серьёзное чтеніе классическихъ авторовъ. Но гораздо важнѣе всего этого была та нравственная основа, которую М. Н. Муравьевъ, моралистъ и философъ, съумѣлъ положить въ сердцѣ юноши, еще не испорченномъ никакими впечатлѣніями житейскими. Эту нравственную основу Батюшковъ втеченіе всей своей жизни оберегалъ, какъ святыню, вмѣстѣ съ безпредѣльнымъ уваженіемъ къ своему высокому наставнику.

Развиваясь умственно и нравственно подъ наблюденіемъ М. Н. Муравьева, Батюшковъ въ его же домѣ завязалъ и первыя связи съ литературой, маститые представители которой: Державинъ, Капнистъ, Львовъ, Оленинъ, И. М. Муравьевъ-Апостолъ, были постоянными гостями и пріятелями М. Н. Муравьева. Едва вступивъ въ жизнь, Батюшковъ уже умѣлъ отличать въ литературѣ хорошее отъ дурнаго, выказывалъ тонкій, изящный вкусъ и рѣдкое умѣнье судить о произведеніяхъ искусства здраво и вѣрно. Окруженный избраннымъ обществомъ умныхъ женщинъ, онъ неспособенъ былъ увлекаться никакими грубыми удовольствіями и уже говорилъ другу-стихотворцу: «Не забудь, что стихи твои будутъ читать женщины,... а съ ними худо говорить непонятнымъ языкомъ». И въ то же время, задумываясь надъ значеніемъ поэта въ обществѣ, слагая въ головѣ своей нравственный идеалъ его, Батюшковъ уже говорилъ себѣ: «Живи, какъ пишешь, и пиши, какъ живешь: иначе всѣ отголоски лиры твоей будутъ фальшивы». И этому идеалу онъ остался вѣренъ втеченіе всей своей жизни, потому что мы не знаемъ другаго русскаго поэта, который бы могъ равняться съ Батюшковымъ въ искренности.

Чтобы уяснить себѣ типъ Батюшкова, какъ поэта, чтобы понять и оцѣнить его заслуги по отношенію къ выработкѣ и очищенію нашего поэтическаго языка и способа выраженія мысли, мы должны совершенно отрѣшиться отъ нашихъ нынѣшнихъ понятій о литературѣ и поэзіи, о значеніи писателя въ частности и о литературной дѣятельности вообще. Мы должны перенестись мысленно къ началу нынѣшняго столѣтія, припомнить, какъ небогата была истинными талантами наша литература, въ какомъ младенческомъ состояніи находилась наша журналистика, какъ туго и медленно выработывался нашъ языкъ, еще не подчинившійся вполнѣ всѣмъ требованіямъ литературнаго употребленія. Да, мы должны перенестись къ тѣмъ первымъ годамъ нынѣшняго вѣка, когда «Письма

русскаго путешественника» и «Бѣдная Лиза» Карамзина считались первоклассными литературными образцами, когда грубыя вирши Измайлова признавались легкою поэзіей, когда судьями и законодателями литературнаго стиха и слога являлись люди, способные серьёзно помышлять объ обязательной замѣнѣ иностранныхъ словъ такими диковинными терминами, какъ «мокроступы» и «топтальники», и серьёзно производившими слово «далеко» отъ «даль» и «око». Мы должны воскресить передъ собою такую эпоху русской литературы, когда въ ней не было еще не только Пушкина и Жуковскаго, но даже и такого краеугольнаго камня, какъ «Исторія государства Россійскаго»,—однимъ словомъ, эпоху, въ которую, собственно говоря, еще не было русской литературы въ томъ видѣ и смыслѣ, въ которомъ каждый изъ насъ привыкъ себѣ русскую литературу представлять. Екатерининскій періодъ литературы, съ Державинымъ и Фонвизинымъ во главѣ, воспиталъ Карамзина и его школу; но Карамзинъ-стихотворецъ не подвинулъ впередъ русской поэтической формы выраженія, не развилъ русскаго стиха, не внесъ въ него ни разнообразія, ни свободы, не исключилъ необходимости нелѣпаго сокращенія словъ, внесенія несуществующихъ глагольныхъ формъ или дикихъ славянизмовъ. Русская проза, правда, была уже въ надежныхъ рукахъ: Карамзинъ, не взирая на ожесточенныя сопротивленія сторонниковъ Шишкова, велъ ее вѣрнымъ путемъ къ совершенствованію и перерожденію. Но русская поэзія еще ожидала Жуковскаго и Батюшкова, которымъ предстояла трудная задача: «уготовать пути» Пушкину.

Представляя себѣ эту далекую эпоху русской литературы, отдѣленную отъ насъ цѣлымъ 80-ти-лѣтіемъ, мы, однако же, должны признать, что литература, въ ту пору, занимала такое положеніе, которое не имѣло ничего общаго съ ея нынѣшнимъ положеніемъ. Занятія литературныя могли быть достояніемъ только образованныхъ классовъ, т. е. лучшихъ людей изъ дворянскаго сословія, всецѣло посвятившихъ себя ученой службѣ или отдавшихъ только свои досуги «служенію музамъ». Въ этомъ «служенія музамъ» было, конечно, много смѣшнаго, много вычурнаго и забавнаго, но за то «служители музъ» относились вообще къ литературѣ, а въ особенности къ поэзіи, съ такимъ уваженіемъ, которое давно уже обратилось у насъ въ «преданье старины глубокой». Не смѣя и помышлять о томъ, чтобы сдѣлать себѣ изъ литературы болѣе или менѣе выгодный способъ для заработка хлѣба или орудіе для достиженія извѣстныхъ идейныхъ или матеріальныхъ цѣлей, наши литераторы начала нынѣшняго столѣтія предполагали, что литература можетъ вращаться только въ области интересовъ духа и чувства, что предметомъ литературныхъ споровъ и обсужденій могутъ быть только интересы чисто-литературные—языкъ, слогъ, размѣръ стиха, введеніе новаго литературнаго рода. Каждый вопросъ, поднятый въ

этой области однимъ изъ немногихъ литераторовъ (а они всѣ были на счету!), являлся вопросомъ первѣйшей важности, горячо обсуждался всѣми, раздѣлялъ всѣхъ литераторовъ на партіи. Такъ, простыя перемѣны въ слогѣ вызывали цѣлую бурю въ литературѣ и образовали два враждебныхъ лагеря шишковистовъ и карамзинистовъ, которые не упускали ни одного случая къ тому, чтобы ломать копья, и вели отчаянную борьбу въ печати, въ обществѣ и даже на сценѣ. Только при такомъ положеніи литературы, даже и передовые дѣятели ея могли совершенно безкорыстно посвящать свой (правда, очень обширный) досугъ на такія упражненія въ поэзіи, которымъ иногда вовсе не суждено было явиться въ свѣтъ, и пересылаться обширными посланіями въ нѣсколько сотъ стиховъ, воспѣвая «своихъ пенатовъ», «пермесскій жаръ» или «поэтическую лѣнь». Нисколько не идеализируя себѣ этотъ юношескій періодъ русской литературы и поэзіи, мы все же должны признать, что мы ему многимъ обязаны... Да, многимъ обязаны этому платоническому, безкорыстному періоду «служенія музамъ», которому такая обильная дань была принесена и княземъ Вяземскимъ, и Гнѣдичемъ, и всѣми Арзамасцами, и въ особенности Жуковскимъ и Батюшковымъ. Безплодные, повидимому, споры о слогѣ выработали русскій литературный языкъ; а невинныя упражненія въ стихотворствѣ облегчили возможность поэтической мысли выливаться въ сжатой формѣ стиха.

Какъ трудно, туго и постепенно выработывался стихъ Батюшкова и поэтическій языкъ, соотвѣтствовавшій поэтическимъ образамъ его фантазіи,—это можно замѣтить, перебирая его первыя стихотворенія (до 1807—1808 г.), въ которыхъ, впрочемъ, и вдохновеніе его дѣйствовало слабо, избирало себѣ слишкомъ опредѣленныя, тѣсныя рамки и мало руководилось внутренними порывами чувства. Но, когда Батюшковъ, увлеченный общимъ потокомъ въ борьбу Александра съ Наполеономъ, успѣлъ окунуться въ жизнь, испытать военныя тревоги и вынести на своихъ хилыхъ плечахъ всѣ бѣдствія, всѣ тягости и ужасы войны, то въ Германіи, то въ Финляндіи, когда, среди этихъ тревогъ, онъ успѣлъ горячо полюбить и долженъ былъ отказаться отъ счастья этой любви [1]),—тогда вдохновеніе забило сильнымъ ключемъ въ поэзіи Батюшкова и вылилось въ прекрасныхъ, гармоническихъ звукахъ. Его мечты о сельскомъ уединеніи [2]), его воспоминанія о счастливыхъ дняхъ первой

---

[1]) Опускаемъ всѣмъ извѣстныя біографическія подробности, на которыя мы здѣсь намекаемъ. Приведемъ только грустныя размышленія, на которыя натолкнула Батюшкова его первая, сильная любовь: «Гдѣ истинная любовь?—писалъ онъ въ ту пору Гнѣдичу.—Нѣтъ ея! Я вѣрю одной вздыхательной,—петраркизму, т. е., живущей въ душѣ поэтовъ, и болѣе никакой».

[2]) Въ стихотвореніи «Сонъ Могольца», весь конецъ, начиная отъ стиховъ:

Уединенія, источникъ благъ и счастья,
Мѣста любимыя, ужели никогда
Не скроюсь въ вашу сѣнь отъ бури и ненастья?
и т. д.

любви, посѣтившей его въ ту пору, когда онъ только-что оправился отъ тяжкой раны, полученной подъ Гейльсбергомъ, свидѣтельствуютъ уже о несомнѣнномъ и сильномъ поэтическомъ дарованіи:

Ужъ очи покрывалъ Эреба мракъ густой,
Ужъ сердце медленнѣе билось...
Я вянулъ, исчезалъ, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.
Но ты приближилась, о жизнь души моей,
И алыхъ устъ твоихъ дыханье,
И слезы пламенемъ сверкающихъ очей,
И поцѣлуевъ сочетанье,
И вздохи страстныя, и сила милыхъ словъ
Меня изъ области печали
Отъ Орковыхъ полей, отъ Леты береговъ
Для сладострастія призвали [1]).

Чрезвычайно любопытна, между прочимъ, та подробность поэтической дѣятельности Батюшкова, что онъ, первый изъ русскихъ поэтовъ, овладѣвшій вполнѣ гармоніей стиха и уразумѣвшій всю ея прелесть, учился этой гармоніи, главнымъ образомъ, у итальянскихъ поэтовъ, которые были до Батюшкова недоступны ни одному изъ корифеевъ русской поэзіи. Батюшковъ же, отъ самой юности, страстно изучалъ итальянскую поэзію, высоко цѣнилъ ее и умѣлъ тонко понимать, въ то время, когда произведенія нѣмецкой и англійской поэзіи оставались ему совершенно неизвѣстными. Постоянными образцами для переводовъ являлись у Батюшкова — Касти, Петрарка и позднѣе Тибуллъ и Парни; но идеаломъ его поэтической дѣятельности для него все же представлялась возможность звучными и хорошими русскими стихами передать вдохновенныя пѣсни Тасса и въ особенности Аріоста, — «того Аріоста, котораго еще никто не переводилъ стихами, который умѣетъ соединить эпическій тонъ съ шутливымъ, забавное съ важнымъ, легкое съ глубокомысленнымъ... который умѣетъ васъ растрогать до слезъ, самъ съ вами плачетъ и сѣтуетъ... и надъ вами, и надъ собою смѣется» [2]). И можно себѣ представить, какъ торжествовалъ Батюшковъ, когда послѣ долгихъ трудовъ и тщетныхъ попытокъ, ему удалось, наконецъ, отправить Гнѣдичу слѣдующій прелестный отрывокъ 34-ой пѣсни «Орланда»:

---

[1]) Изъ стихотворенія: Выздоровленіе. Кстати замѣтимъ, что въ послѣднемъ стихѣ слово сладострастіе вовсе не имѣло того ограниченнаго матеріальнаго значенія, какое имѣетъ теперь; оно употреблено поэтомъ въ болѣе широкомъ значеніи наслажденія жизнью вообще.

[2]) Въ томъ же письмѣ, изъ котораго мы выписываемъ эти строки, Батюшковъ даетъ слѣдующую оригинальную характеристику Аріоста: «Возьмите душу Виргилія, воображеніе Тасса, умъ Гомера, остроуміе Вольтера, добродушіе Лафонтена, гибкость Овидія—вотъ Аріостъ!»

«Увы, мы носимъ всѣ дурачества оковы,
И всѣ терять готовы
Разсудокъ, бренный даръ Небеснаго Отца!
Тотъ губитъ умъ въ любви, средь нѣги и забавы,
Тотъ рыская въ поляхъ за дымомъ ратной славы,
Тотъ ползая въ пыли предъ сильнымъ богачемъ,
Тотъ по морю летя за тирскимъ багрецомъ,
Тотъ золота искавъ въ алхиміи чудесной,
Тотъ плавая умомъ во области небесной,
Тотъ съ кистію въ рукахъ, тотъ съ млатомъ иль съ рѣзцомъ,
Астрòномы въ звѣздахъ, софисты за словами,
А жалкіе пѣвцы за жалкими стихами:
Дурачься смертныхъ родъ, въ лунѣ разсудокъ твой»!

Но эти звуки дались Батюшкову не даромъ, кàкъ мы можемъ видѣть изъ его обширной переписки съ друзьями, втеченіе 1810 и 1811 годовъ. «Отгадайте, на что я начинаю сердиться?»—писалъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ Гнѣдичу въ 1811 году... «На что? На русскій языкъ и на нашихъ писателей, которые съ нимъ немилосердно поступаютъ. И языкъ-то по себѣ плоховатъ, грубѐнекъ, пахнетъ татарщиной. Что за *ы?* Что за *щ, ш, щій, при, тры?* О варвары! О писатели? Но Богъ съ ними! Извини, что я сержусь на русскій народъ и на его нарѣчіе. Я сію минуту читалъ Аріоста, дышалъ чистымъ воздухомъ Флоренціи, наслаждался музыкальными звуками авзонійскаго языка и говорилъ съ тѣнями Данта, Тасса и сладостнаго Петрарка, изъ устъ котораго чтò слово, то блаженство».

Въ этихъ словахъ слышится намъ не легкомысленное порицаніе, а искренній голосъ человѣка, который много трудился и работалъ надъ языкомъ, и потому именно, подъ часъ, приходилъ въ отчаянье отъ несоразмѣрности работы со своими единичными силами и, еще болѣе, отъ того равнодушія къ этой работѣ, которое онъ видѣлъ въ большинствѣ современныхъ русскихъ писателей, мало заботившихся о выработкѣ своего слога и объ отысканіи истинныхъ красотъ роднаго языка. Что Батюшковъ много работалъ надъ языкомъ, мы видимъ изъ того тонкаго замѣчанія, которое онъ сообщаетъ по тому же самому предмету въ другомъ своемъ письмѣ: «Чѣмъ болѣе вникаю въ языкъ, чѣмъ болѣе пишу и размышляю, тѣмъ болѣе удостовѣряюсь, что языкъ нашъ не терпитъ славянизмовъ, что верхъ искусства — похищать древнія слова и давать имъ мѣсто въ нашемъ языкѣ [1])». Мы называемъ это замѣчаніе (направлен-

---

[1]) Въ отношеніи къ литературному языку цѣлая пропасть отдѣляетъ писателей начала нынѣшняго столѣтія отъ писателей 40-хъ годовъ, когда Гоголь могъ совѣтовать Языкову, «набравшись духу библейскаго, опуститься въ глубину русской старины»... «Старина дастъ тебѣ краски... Они такъ живьемъ и шевелятся въ нашихъ лѣтописяхъ. Надняхъ попалась мнѣ книга: «Царскіе Выходы». Тутъ ужъ одни слова и названія царскихъ убранствъ, дорогихъ тка-

ное, очевидно, противъ приверженцевъ Шишкова) тонкимъ именно въ томъ смыслѣ, что Батюшковъ, очевидно, на опытѣ, и при томъ на опытѣ стихотворномъ, убѣдился въ невозможности механическаго внесенія «славянизмовъ» въ поэзію, въ качествѣ украшеній или аттрибутовъ «высокаго слога».

Какъ человѣкъ горячій и замѣчательно-искренній, по природѣ своей, Батюшковъ очень хорошо понималъ, что подъ невинными, повидимому, спорами «о старомъ и новомъ слогѣ», въ русскомъ обществѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ сущности, заканчивалась столѣтняя борьба двухъ партій, преобладавшихъ въ Россіи со временъ Петра, и что подъ простыми вопросами о слогѣ, о славянизмѣ, объ уваженіи къ старинѣ и преданіямъ не трудно было, во многихъ случаяхъ, угадать закоренѣлую ненависть къ европеизму и просвѣщенію вообще. Вотъ почему онъ такъ горячо и возстаетъ въ нѣкоторыхъ своихъ статьяхъ противъ литературнаго старовѣрства и изувѣрства, и восклицаетъ: «Любить отечество должно. Кто не любитъ его, тотъ извергъ. Но можно ли любить невѣжество [1])? Можно ли любить нравы, обычаи, отъ которыхъ мы отдалены вѣками, и, что еще болѣе — цѣлымъ вѣкомъ просвѣщенія? Зачѣмъ же эти усердные маратели выхваляютъ все старое! Я умѣю разрѣшить эту задачу, знаю, что ты умѣешь,—и такъ, ни слова. Но повѣрь мнѣ, что эти патріоты — жалкіе декламаторы, не любятъ и не умѣютъ любить Русской земли. Имѣю право сказать это, и всякій пусть скажетъ, кто добровольно хотѣлъ принести жизнь на жертву отечеству».

Тѣ же самые мотивы побуждаютъ Батюшкова утверждать, что русскую исторію до-петровскаго времени «не возможно читать хладнокровно, то есть, съ разсужденіемъ. Я сто разъ принимался: все напрасно. Она дѣлается интересною только со времени Петра Великаго. Подивись, подивимся мелкимъ людямъ, которые роются въ этой пыли. Читай римскую, читай греческую исторію, и сердце чувствуетъ, и разумъ находитъ пищу. Читай исторіи среднихъ вѣковъ, читай басни, ложь, невѣжество нашихъ праотцевъ, читай набѣги половцевъ, татаръ, литвы и проч., и если книга не выпадетъ изъ рукъ твоихъ, то я скажу: или ты великій,—или мелкій человѣкъ! Нѣтъ средины! Великій, ибо видишь, чувствуешь то, чего я не вижу; мелкій — ибо занимаешься пустяками».

Въ видѣ комментарія къ этимъ словамъ Батюшкова, не совсѣмъ

ней и каменьевъ—сущія сокровища для поэта; всякое слово такъ и ложится въ стихъ. Дивишься драгоцѣнности нашего языка: что ни звукъ, то и подарокъ; все зернисто, крупно какъ жемчугъ, и, право, иное названіе еще драгоцѣннѣе самой вещи». (Переписка съ друзьями).

[1]) Это восклицаніе Батюшкова невольно напоминаетъ намъ того крайняго западника, который, въ сильнѣйшемъ раздраженіи противъ славянофиловъ, восклицалъ: «Квасъ да грязь — вѣдь это же еще не Россія!»

понятнымъ для насъ въ настоящее время, слѣдуетъ, конечно, припомнить, что въ то время, когда Батюшковъ писалъ ихъ, знакомство съ нашею отечественною исторіей было крайне затруднительно и доступно только для людей спеціально-предназначавшихъ себя на изученіе этой научной области. Но эти искреннія строки противъ лже-патріотизма и лже-пристрастія къ старинѣ нимало не должны свидѣтельствовать о томъ, чтобы сочувствіе къ лучшимъ сторонамъ минувшей русской жизни и къ ея памятникамъ было чуждо душѣ нашего поэта. Впервые увидавъ Москву, въ началѣ 1810 года, онъ пришелъ въ неописанный восторгъ отъ вида изъ Кремля на Замоскворѣчье, и въ одномъ изъ своихъ писемъ выражаетъ этотъ восторгъ очень оригинально: «Въ Кремлѣ представляется взорамъ картина, достойная величайшей въ мірѣ столицы, построенной величайшимъ народомъ, на пріятнѣйшемъ мѣстѣ!» Но этотъ восторгъ не мѣшаетъ Батюшкову очень вѣрно характеризовать Москву:

«Москва являетъ рѣдкія противоположности въ строеніяхъ и нравахъ жителей. Здѣсь роскошь и нищета, изобиліе и крайняя бѣдность, набожность и невѣріе, постоянство дѣдовскихъ временъ и вѣтренность неимовѣрная, какъ враждебныя стихіи, въ вѣчномъ несогласіи, и составляетъ сіе чудное, безобразное, исполинское цѣлое, которое мы знаемъ подъ общимъ именемъ: Москва»... И, нѣсколько далѣе, Батюшковъ, обобщая свою мысль, приходитъ къ любопытному выводу: ...«Москва есть вывѣска, или живая картина нашего отечества... Вспоминаю прошедшее, сравниваю оное съ настоящимъ, и тихонько говорю себѣ: Петръ Великій много сдѣлалъ — и ничего не кончилъ».

Замѣтимъ кстати, что этотъ пріѣздъ въ Москву былъ однимъ изъ счастливѣйшихъ моментовъ въ жизни Батюшкова, котораго судьба свела здѣсь съ Карамзинымъ, Вяземскимъ и Жуковскимъ, самыми дорогими и близкими его сердцу людьми, а черезъ нихъ и со всѣмъ остальнымъ кругомъ московскихъ литераторовъ. Молодой и нѣсколько-окрѣпшій въ это время здоровьемъ, Батюшковъ сознавалъ въ себѣ творческія силы, видѣлъ себя въ кругу людей, составлявшихъ цвѣтъ тогдашней русской интеллигенціи, и, не увлекаясь пустотою московской свѣтской жизни, невольно увлекся прелестью тѣхъ анакреонтическихъ вечеровъ, которые съ такимъ изяществомъ и вкусомъ умѣлъ устроивать у себя князь Вяземскій. На этихъ вечерахъ, по общему отзыву современниковъ, уже зарождался будущій «Арзамасъ», и отголоски впечатлѣній ихъ мы видимъ въ поэзіи Батюшкова, не чуждой около этого времени нѣкотораго эпикуреизма:

Пока бѣжитъ за нами
Богъ времени сѣдой

И губитъ лугъ съ цвѣтами
Безжалостной косой,—
Мой другъ, скорѣй за счастьемъ
Въ путь жизни полетимъ,
Упьемся сладострастьемъ
И смерть опередимъ;
Сорвемъ цвѣты украдкой
Подъ лезвіемъ косы,
И лѣнью жизни краткой
Продлимъ, продлимъ часы!

Но проза жизни призывала молодаго эпикурейца въ Петербургъ, гдѣ Оленинъ предлагалъ ему мѣсто въ Публичной Библіотекѣ, и онъ съ трудомъ оторвался отъ кружка московскихъ друзей, чтобы, наконецъ, приняться за неизбѣжныя заботы о будущемъ, которое было далеко не обезпечено. Однако же, едва только Батюшковъ успѣлъ осѣсть на мѣстѣ и осмотрѣться, какъ тучи, давно собиравшіяся на политическомъ горизонтѣ Европы, обрушились на него жестокою грозою, въ видѣ «нашествія два-надесяти языкъ», и Батюшковъ, горячо любившій Россію, одинъ изъ первыхъ откликнулся на призывъ къ оружію, къ защитѣ родной земли! Но прежде, чѣмъ вторично вступить въ военную службу, Батюшковъ долженъ былъ исполнить долгъ родственной пріязни по отношенію къ Е. Ѳ. Муравьевой, вдовѣ покойнаго своего воспитателя, которую необходимо было перевезти изъ Москвы, угрожаемой непріятелемъ, въ Нижній. Во время пребыванія въ Нижнемъ, Батюшковъ съ горечью видѣлъ всю пустоту тѣхъ представителей московскаго высшаго общества, которые, кое-какъ пріютившись въ Нижнемъ, «устроивали шумныя сборища, балы и маскарады, гдѣ наши красавицы, осыпая себя брилліантами и жемчугами, прыгали до перваго обморока въ кадриляхъ французскихъ, во французскихъ платьяхъ, болтая пофранцузски Богъ знаетъ какъ и проклиная враговъ нашихъ». Полное отсутствіе народной гордости и самосознанія поражало Батюшкова. Онъ посѣщалъ большія сборища, на которыхъ собирались разоренные московскимъ пожаромъ москвичи, и писалъ: «Хожу къ нимъ учиться физіономіямъ и терпѣнію. Вездѣ слышу вздохи, вижу слезы и вездѣ—глупость. Всѣ жалуются и бранятъ французовъ пофранцузски, а патріотизмъ заключается въ словахъ: «point de paix!».

Его личное патріотическое настроеніе возбуждено было въ высшей степени, когда по разнымъ обстоятельствамъ ему въ короткое время трижды пришлось посѣтить разоренную и ограбленную французами Москву, и это настроеніе вылилось въ прекрасныхъ стихахъ, полныхъ силы, энергіи и глубокаго чувства:

«Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной
Среди развалинъ и могилъ;

Трикраты прахъ ея священный
Слезами скорби омочилъ.
И тамъ, гдѣ зданья величавы
И башни древнія царей,
Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней,
И тамъ, гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ,
И тамъ, гдѣ роскоши рукою —
Дней мира и трудовъ плоды—
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады...
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры».

Вскорѣ послѣ того, Батюшковъ поѣхалъ въ дѣйствующую армію, принималъ дѣятельное участіе въ Лейпцигской битвѣ и во всей дальнѣйшей кампаніи русскихъ войскъ, до самаго взятія и занятія Парижа союзниками. Тамъ, исполнивъ свой долгъ передъ отечествомъ и сознавая всю великость жертвъ, понесенныхъ Россіей для избавленія и спасенія Европы отъ Наполеона, Батюшковъ, вмѣстѣ со многими лучшими и образованнѣйшими изъ своихъ соотечественниковъ и участниковъ великой борьбы, обратилъ взоры «на край родной долготерпѣнья»[1]). По свидѣтельству князя Вяземскаго, Батюшковъ написалъ тогда «прекрасное четверостишіе, въ которомъ, обращаясь къ императору Александру, говорилъ, что послѣ окончанія славной войны, освободившей Европу, призванъ онъ Провидѣніемъ довершить славу свою и обезсмертить свое царствованіе освобожденіемъ русскаго народа». Къ сожалѣнію, это четверостишіе не сохранилось...

Возвратившись изъ-за границы въ Россію, послѣ долгаго отсутствія и пребыванія въ чужихъ краяхъ, Батюшковъ испыталъ много тяжелыхъ ощущеній, сравнивая современную русскую жизнь и русскіе порядки съ обычнымъ теченіемъ жизни въ той Европѣ, за освобожденіе которой мы проливали кровь. Недовольство собою и другими закралось въ его чистую, прекрасную душу... Къ этому недовольству прибавилось справедливое негодованіе на то, что всѣ его усилія, всѣ заслуги и дѣйствительныя жертвы на пользу отечества были пренебрежены, оставлены безъ вниманія, положительно забыты. Въ то время, когда награды сыпались на другихъ, Батюшковъ не могъ добиться даже того, чтобы его перевели въ гвардію!.. Ко всему этому примѣшалась страстная, безумная любовь къ прекрасной и

[1]) Извѣстный стихъ Ѳ. Тютчева.

достойной дѣвушкѣ, которая не прочь была выйдти замужъ за Батюшкова, но, какъ онъ замѣтилъ, не раздѣляла его чувствъ. Слишкомъ гордый для того, чтобы насиловать чужимъ чувствомъ, слишкомъ далекій отъ эгоизма, который способенъ «жертвовать другими для собственныхъ выгодъ», Батюшковъ сдѣлалъ надъ собою жестокое усиліе,—и уѣхалъ на службу на югъ Россіи въ Каменецъ-Подольскъ, такъ какъ отставка его еще не выходила.

Отсюда-то онъ писалъ Гнѣдичу тѣ грустныя строки, которыя такъ живо передаютъ намъ его душевное настроеніе: «На счастіе я права не имѣю, конечно, но горестно тратить прелестные дни жизни на большой дорогѣ, безъ пользы для себя и для другихъ. Всего же горестнѣе быть оторваннымъ отъ словесности, отъ занятій ума, отъ милыхъ привычекъ жизни и друзей своихъ. Такая жизнь—бремя!»

Тѣ же грустныя мысли, то же тяжелое настроеніе нашли себѣ отголосокъ и въ его поэзіи:

Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ бремя жизнь! Что̀ въ ней безъ упованья
Украсить жребій твой
Любви и дружества прочнѣйшими цвѣтами.
Всѣмъ жертвовать тебѣ, гордиться лишь тобой,
Блаженствомъ дней твоихъ и милыми очами,
Признательность твою и счастье находить
Въ рѣчахъ, въ улыбкѣ, въ каждомъ взорѣ,
Міръ, славу, суеты протекшія и горе,
Все, все у ногъ твоихъ, какъ тяжкій сонъ, забыть!
Что въ жизни безъ тебя! Что въ ней безъ упованья,
Безъ дружбы, безъ любви—безъ идоловъ моихъ!..
И муза, сѣтуя, безъ нихъ,
Свѣтильникъ гаситъ дарованья.

Но тутъ поэтъ былъ несправедливъ въ своихъ сѣтованіяхъ на судьбу и на свое дарованіе. Тяжелое душевное настроеніе заставило его неоднократно обращаться за утѣшеніемъ къ музамъ и и вызывало изъ его души такіе образы и звуки, которые останутся лучшими украшеніями его поэзіи:

Напрасно я спѣшилъ отъ сѣверныхъ степей,
Холоднымъ солнцемъ освѣщенныхъ,
Въ страну, гдѣ Ти́расъ быстъ излучистой струей,
Сверкая между горъ, Церерей позлащенныхъ,
И древнія поитъ народовъ племена!
Напрасно! Всюду мысль преслѣдуетъ одна
О милой сердцу, незабвенной,
Которой имя мнѣ священно,
Которой взоръ одинъ лазоревыхъ очей
Всѣ неба на землѣ блаженства отверзаетъ,
И слово, звукъ одинъ, прелестный звукъ рѣчей,
Меня мертвитъ и оживляетъ.

Но по мѣрѣ того, какъ настроеніе души поэта становилось болѣе и болѣе мрачнымъ, а здоровье его, разстроенное непосильными трудами въ военной жизни, начинало ему измѣнять и становиться день ото дня хуже и хуже,—творческія силы крѣпли и свѣжѣли, и побуждали къ дѣятельности. Въ мартѣ 1816 года, Батюшковъ писалъ Жуковскому: «Здоровье мое часъ-отъ-часу ниже, ниже, и я къ смерти ближе, ближе, а писать—охота смертная!» И Батюшковъ въ это время писалъ очень много—и стихами, и (по его его выраженію) «низкой» прозой. Много и серьёзно трудясь надъ выработкой своего стиха и поэтическаго языка, нашъ поэтъ все же иногда отчаявался въ борьбѣ съ преодолѣваемыми имъ трудностями, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ строкъ письма къ Гнѣдичу, написаннаго тотчасъ по окончаніи одного изъ лучшихъ произведеній—элегіи «Умирающій Тассъ»:

«Не похожъ ли я на слѣпаго нищаго, который, услышавъ прекраснаго виртуоза на арфѣ, вдругъ вздумалъ воспѣвать ему хвалу на волынкѣ или балалайкѣ? Виртуозъ—Тассъ, арфа—языкъ Италіи его, нищій — я, а балалайка — языкъ, жестокій языкъ, что ни говори».

Но, въ эту пору полной зрѣлости своего таланта, Батюшковъ, самъ того не замѣчая, пришелъ и къ той полной зрѣлости душевной, которая внесла много свѣта въ его прекрасный внутренній міръ. Религіозное направленіе въ немъ окрѣпло, и самоотреченіе явилось въ его глазахъ высшимъ идеаломъ добродѣтели [1]). Всѣ эпикурейскія мечтанія, всѣ теоретическія умствованія и философскія сомнѣнія уступили мѣсто болѣе спокойному міросозерцанію, о которомъ поэтъ говорилъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

Я съ страхомъ вопросилъ гласъ совѣсти моей...
И мракъ исчезъ, прозрѣли вѣжды,
И вѣра пролила спасительный елей
Въ лампаду чистую надежды.
Ко гробу путь мой весь, какъ солнцемъ озаренъ,
Ногой надежною ступаю
И, съ ризы странника свергая прахъ и тлѣнъ,
Въ міръ лучшій духомъ возлетаю.

Вспоминая о своихъ юношескихъ увлеченіяхъ, въ эту пору полнаго самосознанія, Батюшковъ говорилъ: «Съ рожденія я имѣлъ на душѣ черное пятно, которое росло, росло съ лѣтами и чуть было не зачернило всю душу... Богъ и разсудокъ спасли».

---

[1]) «Я не могу постигнуть добродѣтели, основанной на исключительной любви къ себѣ самому. Напротивъ того, добродѣтель есть пожертвованіе добровольное какой нибудь выгоды: оно есть отреченіе отъ самого себя».

Тѣмъ же серьёзнымъ и высокимъ душевнымъ настроеніемъ отзываются написанныя около этого времени разсужденія Батюшкова о значеніи писателя: «Вѣра и нравственность, на ней основанная, всего нужнѣе писателю,—говоритъ онъ.—Закаленныя въ ея свѣтильникѣ, мысли его становятся постояннѣе, важнѣе, сильнѣе, красноречіе убѣдительнѣе; любовь и нѣжное благоволеніе къ человѣчеству дадутъ прелесть его малѣйшему выраженію, и писатель поддержитъ достоинство человѣка на высочайшей степени».

Чрезвычайно любопытно, что именно въ этотъ періодъ полной зрѣлости таланта Батюшковъ, созидая планы новыхъ произведеній, нерѣдко нападалъ на такія тэмы, которыя позднѣе были разработаны его ближайшимъ преемникомъ—Пушкинымъ. Біографъ Батюшкова сообщаетъ намъ, что онъ «то собирался написать сказку «Бальядера», то желалъ изобразить Овидія въ Скифіи—«предметъ для элегіи счастливѣе самого Тасса», то составлялъ планы для поэмъ: «Рюрикъ», «Русалка». Въ бумагахъ князя Вяземскаго сохранился набросокъ плана для «Русалки», и въ одномъ изъ тогдашнихъ писемъ Батюшкова къ Гнѣдичу встрѣчается просьба прислать сборники русскихъ сказокъ и былинъ, которые потребовались нашему поэту, безъ сомнѣнія, какъ матеріалъ для задуманнаго произведенія. Судя по этимъ указаніямъ, можно догадываться, что Константинъ Николаевичъ имѣлъ въ виду написать поэму изъ русскаго сказочнаго міра въ родѣ той, какую вскорѣ далъ русской литературѣ великій преемникъ нашего поэта въ своемъ «Русланѣ» [1]).

Но всѣмъ этимъ начинаніямъ—увы!—не суждено было свершиться. Въ цвѣтѣ лѣтъ и въ расцвѣтѣ таланта, Батюшковъ вдругъ изнемогъ отъ тяжкаго душевнаго недуга, который, повидимому, былъ наслѣдственнымъ въ его родѣ [2]). И долго, нескончаемо долго терзалъ несчастнаго поэта этотъ ужасный, неизлѣчимый недугъ! Батюшковъ пережилъ всѣхъ своихъ друзей и сверстниковъ, пережилъ народившееся вмѣстѣ съ Пушкинымъ новое поколѣніе писателей и, не приходя въ сознаніе, скончался 7-го іюля 1855 года въ Вологдѣ, которая избрана была для него постояннымъ мѣстопребываніемъ втеченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ его жизни. Несчастный поэтъ погребенъ въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ, въ 5 верстахъ отъ Вологды. На его надгробномъ памятникѣ смѣло можно было бы начертать: «блаженни чистіи сердцемъ»...

Въ заключеніе того, что было нами сказано о Батюшковѣ, приведемъ изъ его біографіи отзывъ о немъ, какъ о человѣкѣ, написанный одною изъ умнѣйшихъ женщинъ его времени, Е. Г. Пуш-

---

[1]) Майковъ. Жизнь и сочиненія К. Н. Батюшкова, стр. 240.

[2]) Его дядя по отцу и его мать страдали въ концѣ жизни тою же болѣзнью.

киной[1]), которая любила поэта, и которую поэтъ любилъ и уважалъ:

«Оттѣнокъ меланхоліи во всѣхъ чертахъ его лица соотвѣтствовалъ его блѣдности и мягкости его голоса, и это придавало всей его физіономіи какое-то неуловимое выраженіе. Онъ обладалъ поэтическимъ воображеніемъ; еще болѣе поэзіи было въ его душѣ. Онъ былъ энтузіастъ всего прекраснаго. Всѣ добродѣтели казались ему достижимыми. Дружба была его кумиромъ, безкорыстіе и честность — отличительными чертами его характера. Когда онъ говорилъ, черты лица его и движенія оживлялись; вдохновеніе свѣтилось въ его глазахъ. Свободная, изящная и чистая рѣчь придавала большую прелесть его бесѣдѣ. Увлекаясь своимъ воображеніемъ, онъ часто развивалъ софизмы, и если не всегда успѣвалъ убѣдить, то все же не возбуждалъ раздраженія въ собесѣдникѣ, потому что глубоко-прочувствованное увлеченіе всегда извинительно само по себѣ и располагаетъ къ снисхожденію. Я любила его бесѣду и еще болѣе любила его молчаніе».

И, въ параллель съ этимъ прекраснымъ очеркомъ глубоко-симпатичной личности поэта, такъ легко набросаннымъ рукою тонкой наблюдательницы-женщины, невольно приходитъ намъ на память другой отрывокъ, написанный юнымъ энтузіастомъ-писателемъ, видѣвшимъ Батюшкова незадолго до смерти и также набросавшимъ свои впечатлѣнія на страницахъ путевыхъ записокъ:

«Какъ ни вглядывался я, никакого слѣда безумія не находилъ на его смирномъ, благородномъ лицѣ. Напротивъ, оно было въ ту минуту очень умно... Все лицо худощаво, нѣсколько морщиновато; особенно замѣчательно своею необыкновенною подвижностью; это совершенная молнія. Переходы отъ спокойствія къ безпокойству, отъ улыбки къ суровому выраженію чрезвычайно быстры... Глядя на него, я вспомнилъ извѣстный его портретъ; но онъ теперь почти не похожъ, и тотъ полный лицомъ, кудрявый юноша ничуть не напоминаетъ гладенькаго, худенькаго старичка»... [2]).

Біографъ Батюшкова, почтенный Л. Н. Майковъ, въ заключеніе своего труда, старается опровергнуть нѣкоторые ложные взгляды, говоритъ о заслугахъ Батюшкова, какъ поэта и писателя, и пытается опредѣлить его мѣсто и значеніе въ ряду нашихъ литературныхъ дѣятелей начала нынѣшняго столѣтія. При этомъ г. Майковъ вспоминаетъ о томъ, что Бѣлинскій находилъ поэзію Батюшкова «почти лишенною содержанія», а И. С. Аксаковъ «безличною въ смыслѣ народности». Не останавливаясь на первомъ упрекѣ, на

---

[1]) Супруга Алексѣя Михайловича Пушкина.

[2]) Этотъ отрывокъ написанъ покойнымъ Николаемъ Васильевичемъ Бергомъ, сопровождавшимъ Шевырева въ его извѣстной поѣздкѣ въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь.

столько легкомысленномъ, что его можно, при желаніи, примѣнить къ любому изъ русскихъ поэтовъ [1]), едва ли можно пройдти молчаніемъ упрекъ Аксакова, представляющійся намъ какимъ-то страннымъ заблужденіемъ. Это заблужденіе преимущественно основано на исключительномъ и слишкомъ узкомъ пониманіи слова «народность», которое такъ было свойственно нашимъ славянофиламъ. Не слѣдуетъ забывать, что Батюшковъ жилъ и дѣйствовалъ въ ту эпоху, когда самое слово «народность» (въ его нынѣшнемъ смыслѣ)[2]) не существовало вовсе, а понятіе о народности поэіи должно было представляться чѣмъ-то очень страннымъ и туманнымъ, чѣмъ-то даже чуждымъ поэтическаго вдохновенія. Народнымъ поэтомъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, могъ явиться уже только Пушкинъ и то въ послѣднемъ періодѣ своей дѣятельности, когда онъ глубоко уразумѣлъ свою духовную связь и сродство съ народомъ.

Говоря о соотношеніи между поэтическою дѣятельностью Батюшкова и Пушкина, г. Майковъ замѣчаетъ, между прочимъ, что «великій преемникъ заслонилъ собою даровитаго предшественника; но Батюшковъ не можетъ быть забытъ въ исторіи русской художественной словесности»,—и не даетъ положительнаго отвѣта на весьма естественно рождающійся вопросъ: «почему же не можетъ быть забытъ?» Мы позволимъ себѣ дополнить и закончить мысль почтеннаго біографа: Батюшковъ, дѣйствительно, не можетъ быть забытъ, потому что онъ составляетъ необходимое звѣно въ развитіи нашего поэтическаго языка и поэтической формы; онъ въ такой же степени можетъ быть названъ отцомъ нашего новѣйшаго, преимущественно лирическаго стиха, въ какой Карамзинъ долженъ быть названъ отцомъ нашей легкой, повѣствовательной прозы. Если бы мы забыли о Батюшковѣ—цѣпь была бы порвана: переходъ отъ Державина къ Пушкину былъ бы необъяснимъ, даже и при существованіи Жуковскаго и всѣхъ окружавшихъ его стихотворцевъ. Значеніе Батюшкова лучше всего выясняется намъ изъ того, что чуткій къ поэзіи юноша-Пушкинъ уже умѣлъ находить неблагозвучія въ стихахъ Жуковскаго и, добиваясь совершенства, подражалъ Батюшкову.

П. Полевой.

---

[1]) Съ легкой руки Бѣлинскаго, этотъ упрекъ много разъ примѣнялся въ русской критикѣ къ поэтамъ самыхъ противоположныхъ направленій.

[2]) Не только въ началѣ нынѣшняго столѣтія, но даже и въ 20-хъ годахъ слово «народный» по значенію не отдѣлялось существенно отъ слова «простонародный».

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРУДЫ П. В. АННЕНКОВА.

(Библіографическій очеркъ).

Среди видныхъ литературныхъ дѣятелей уже давно числился Павелъ Васильевичъ Анненковъ, умершій 8-го марта въ Дрезденѣ. Онъ связалъ свое имя съ образцовымъ изданіемъ «Сочиненій Пушкина», со многими изслѣдованіями о жизни и трудахъ великаго поэта, наконецъ—съ длинной вереницей критическихъ и историко-литературныхъ статей. Но всѣ замѣчательныя работы этого писателя, за исключеніемъ изданія Пушкина, втеченіе сорока шести лѣтъ, появились на страницахъ русскихъ журналовъ, и только нѣкоторые труды удостоились перепечатки въ извѣстномъ трехтомномъ изданіи, подъ такимъ заглавіемъ: «Воспоминанія и критическіе очерки» (Спб., 1877—1881 гг.). Поэтому въ настоящее время, когда смерть прервала долгую журнальную дѣятельность Анненкова, считаемъ необходимымъ представить возможно полный библіографическій обзоръ его трудовъ.

Сколько намъ извѣстно, первыми печатными работами покойнаго Анненкова явились «Письма изъ-за границы», помѣщенныя въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1841 г., кн. 3, 5, 7, 9, 10—12; 1842 г., кн. 1, 3, 6, 8, 10), но не включенныя въ названное «Собраніе статей». Эти двѣнадцать корреспонденцій изъ Гамбурга, Берлина, Вѣны, Италіи и Парижа, написанныя авторомъ во время перваго заграничнаго путешествія (съ октября 1840 года до конца 1842 года), касались общественной жизни, науки, литературы, художествъ и театра Западной Европы. Онѣ чрезвычайно понравились Бѣлинскому, а по оцѣнкѣ А. Н. Пыпина, написан-

ныя легко и занимательно, прямо подъ свѣжими впечатлѣніями, съ живыми и мѣткими характеристиками, были дѣйствительною новостью въ литературѣ» [1]).

Но за указанными «Письмами» послѣдовалъ четырехлѣтній перерывъ (1843—1846 годовъ), когда П. В. вернулся въ Россію и, какъ можно думать, не принималъ участія въ періодической печати: по крайней мѣрѣ, намъ неизвѣстна ни одна статья, напечатанная имъ въ этотъ періодъ. Только съ 1847 года, когда Анненковъ вторично уѣхалъ за границу, снова стали показываться его труды и уже, втеченіе сорока лѣтъ, съ небольшими промежутками, печатались, почти до самой смерти автора, въ такомъ хронологическомъ порядкѣ:

1847. «Письма изъ Парижа» (Современникъ, кн. 1—6, 11—12).—Послѣднее изъ этихъ писемъ (девятое) напечатано уже въ 1848 году (кн. 1).

— «Кирюша», повѣсть (Современн., кн. 5).

1848. «Она погибнетъ», повѣсть (Современн., кн. 8).

1849. «Замѣтки о русской литературѣ 1848 года» (Современн., кн. 1).

— «Провинціальныя письма» (Современн., кн. 8, 10 и 12).—Эти «Письма» продолжались въ 1850 году (кн. 1, 3, 5, 9) и въ 1851 году (кн. 1 и 10).

1850. «Отрывокъ изъ письма въ редакцію» (Современн., кн. 11).

1851. «Странный человѣкъ», повѣсть (Современн., кн. 5).

1854. «По поводу романовъ и разсказовъ изъ простонароднаго быта» (Современн., кн. 2 и 3).—Въ этой статьѣ разобраны: «Рыбаки» Григоровича, «Крестьянка» Потѣхина, «Питерщикъ» и «Лѣшій» Писемскаго, «Саввушка» Кокорева, «Огненный Змѣй» Авдѣева и «Рыбакъ» Мартынова.

1855. «О мысли въ произведеніяхъ изящной словесности» (Современн., кн. 1).—Эта статья касается произведеній И. С. Тургенева и гр. Л. Н. Толстаго.

— Въ этомъ же году появились «Сочиненія Пушкина», изданныя Анненковымъ (Спб., шесть томовъ).

1856. «Семейная хроника и воспоминанія С. Т. Аксакова», критическая статья (Современн., кн. 3).

— «О значеніи художественныхъ произведеній для общества» (Русск. Вѣстникъ, кн. 4).—Здѣсь указано различіе между «старой» (сороковыхъ) и «новой» критикой (пятидесятыхъ годовъ).

1857. «Николай Владиміровичъ Станкевичъ», біографическій очеркъ (Русск. Вѣстн., кн. 2 и 4).—Отдѣльное изданіе: М., 1857 г., 237 стр.

— «Воспоминанія о Гоголѣ»: Римъ лѣтомъ 1841 года» (Библіот. для Чтенія, кн. 2 и 11).

— Въ этомъ же году Анненковымъ изданъ седьмой дополнительный томъ «Сочиненій Пушкина».

1858. «Новая комедія: Свѣтъ не безъ добрыхъ людей, сочиненіе Н. Львова», критическая статья (Атеней, кн. 1).

— «О литературномъ типѣ слабаго человѣка»: по поводу разсказа Тургенева: «Ася» (Атеней, кн. 32).

---

[1]) Жизнь и переписка В. Г. Бѣлинскаго, Спб., 1876 года, т. II, стр. 111.

1859. «О дѣловомъ романѣ въ нашей литературѣ: Тысяча душъ, сочиненіе Писемскаго». (Атеней, кн. 2).
— «Воспоминанія о Пушкинѣ» (Библіот. для Чтенія, кн. 4).
— «Парижъ въ концѣ февраля 1848 года» (Библіот. для Чтенія, кн. 12).
— «Русская литература: Дворянское гнѣздо, романъ И. С. Тургенева» (Русскій Вѣстникъ, кн. 16).

1860. «О бурной рецензіи на «Грозу» Островскаго, о народности, образованности и о прочемъ» (Библіот. для Чтенія, кн. 4). Это отвѣтъ критику, помѣстившему свой разборъ «Грозы» въ журналѣ «Наше Время» (1860 г., №№ 1 и 4).

1861. «О двухъ національныхъ школахъ живописи въ XV столѣтіи» (Библіот. для Чтенія, кн. 2). Это—замѣтки по поводу послѣднихъ художественныхъ выставокъ въ Петербургѣ.

1862. «Записка», читанная въ годовомъ собраніи Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (С.-Петербургскія Вѣдомости, № 43).
— «Событія марта 1848 года въ Парижѣ» (Русскій Вѣстникъ, кн. 3).
— «О Мининѣ Островскаго и его критикахъ» (Русскій Вѣстникъ, кн. 9).

1863. «Современная беллетристика»: «Н. Г. Помяловскій» (С.-Петерб. Вѣдом., № 5), «Н. В. Успенскій» (№ 11), «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ», драма Островскаго (№ 43), «Сатиры въ прозѣ», Н. Щедрина (№ 85), «Казаки», повѣсть графа Л. Н. Толстаго (№ 144—145), «Повѣсти» Н. Кохановской (№ 172—173) и «Взбаламученное море», романъ А. Писемскаго (№ 250).
— «Разборъ драмы Островскаго: Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ» (брошюра: «Шестое присужденіе Уваровскихъ наградъ», Спб., стр. 32—39).

1865. «О драмѣ Островскаго: Воевода или Сонъ на Волгѣ» (С.-Петербургскія Вѣдомости, № 107 и 109).

1866. «Новѣйшая историческая сцена»: по поводу сочиненія Чаева «Димитрій Самозванецъ» и драмы графа А. К. Толстаго: «Смерть Іоанна Грознаго» (Вѣстникъ Европы, т. I).

1867. «Русская современная исторія и романъ И. С. Тургенева: «Дымъ» (Вѣстникъ Европы, т. II).

1868. «Русская беллетристика: историческіе и эстетическіе вопросы въ романѣ графа Л. Н. Толстаго «Война и миръ» (Вѣстникъ Европы, кн. 2).
— Послѣднее слово русской исторической драмы: по поводу произведенія графа А. К. Толстаго: «Царь Ѳедоръ Ивановичъ» (Русск. Вѣстникъ, кн. 7).
— «Егоръ Петровичъ Ковалевскій», біографическій очеркъ (С.-Петербургскія Вѣдомости, № 259 и 296).

1873. «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ»: матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній (Спб., 475 стр. и пять приложеній). Это — второе изданіе перваго тома «Сочиненій Пушкина», напечатанныхъ Анненковымъ въ 1855 году.
— «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ Александровскую эпоху», по новымъ документамъ (Вѣстникъ Европы, кн. 11—12). Этотъ трудъ законченъ въ 1874 году (кн. 1—2) и отпечатанъ отдѣльно (Спб., 1874 г., 332 стр.).

1877. «Воспоминанія и критическіе очерки», собраніе статей и замѣтокъ, отдѣлъ первый (Спб., 348 стр.). Второй отдѣлъ изданъ въ 1879 году (Спб., 404 стр.).

1880. «Замѣчательное десятилѣтіе» (1838—1848 г.г.), изъ литературныхъ воспоминаній (Вѣстникъ Европы, кн. 1—5).

— «Общественные идеалы А. С. Пушкина», изъ послѣднихъ лѣтъ жизни поэта (Вѣстникъ Европы, кн. 6).

1881. «Любопытная тяжба», по поводу изданія сочиненій Пушкина въ 1855 году (Вѣстникъ Европы, кн. 1).

— «Черновые наброски А. С. Пушкина»: 1) Пѣсня о сынѣ Стеньки Разина; 2) Изъ быта поволжскихъ разбойниковъ; 3) Двѣ народныя присказки (Порядокъ, № 11).

— «Литературные проекты А. С. Пушкина»: планы соціальнаго романа и фантастической драмы (Вѣстникъ Европы, кн. 6).

— Въ этомъ же году вышелъ третій выпускъ «Воспоминаній и критическихъ очерковъ» (Спб., 383 стр.).

1882. «Художникъ и простой человѣкъ», изъ воспоминаній объ А. Ѳ. Писемскомъ (Вѣстникъ Европы, кн. 4).

1883. «Идеалисты тридцатыхъ годовъ»: Герценъ и Огаревъ (Вѣстникъ Европы, кн. 3—4).

1884. «Молодость И. С. Тургенева» (Вѣстникъ Европы, кн. 2).

1885. «Шесть лѣтъ переписки съ И. С. Тургеневымъ»: 1856—1862 гг. (Вѣстникъ Европы, кн. 3—4).

1887. «Изъ переписки съ И. С. Тургеневымъ въ шестидесятыхъ годахъ» (Вѣстникъ Европы, кн. 1—2).

Въ заключеніе нашего библіографическаго очерка позволяемъ выразить надежду, что близкіе друзья П. В. Анненкова позаботятся издать четвертый выпускъ «Воспоминаній и критическихъ статей», куда должны войдти какъ раннія, такъ и послѣднія работы покойнаго автора, не перепечатанныя имъ самимъ изъ разныхъ журналовъ.

Дим. Языковъ.

ПРИВОРОТНЫЙ КОРЕШОКЪ.

(Изъ дѣлъ Сыскнаго приказа).

Не прошло двадцати пяти лѣтъ послѣ того, какъ Петръ Великій, къ величайшему соблазну и негодованію православной Россіи, надѣлъ на себя парикъ, и уже на Москвѣ явились и брадобрѣи, и парикмахеры, изготовлявшіе не одни парики, но даже и локоны для свѣтскихъ дамъ. Парикмахерство очень скоро получило свои права гражданства, и въ Нѣмецкой московской слободѣ завелись мастера парикмахерскаго дѣла, принимавшіе мальчиковъ на обученіе. Такъ, въ 1742 году, въ Нѣмецкой слободѣ особенно славился французъ monsieur Пріёръ, собиравшій обильную жатву за свои издѣлія. Monsieur Пріёръ пользовался особеннымъ расположеніемъ семействъ князей Владиміра и Ивана Петровичей Долгоруковыхъ, Еропкиныхъ, Ладыженскихъ и др., предававшихся съ особеннымъ рвеніемъ всѣмъ удовольствіямъ новой европейской общественной жизни, въ театрахъ, на балахъ. Туалетъ, а особенно женскій, требовалъ для удобства и экономіи, чтобы подъ рукой всегда находился доморощенный парикмахеръ, и заставилъ многихъ отдавать мальчиковъ въ ученье monsieur Пріёру и другимъ парикмахерамъ.

Въ это время, жилъ въ Москвѣ отставной гвардіи поручикъ Сергѣй Александровичъ Пестуновъ, помѣщикъ, еще не старикъ, не богачъ, но и не изъ бѣдныхъ; состояніе его и жены его, Пелагеи Ивановны, дозволяло имъ проводить зиму въ Москвѣ и имѣть довольно большой кругъ знакомыхъ. Пелагея Ивановна, страстная

охотница до баловъ и спектаклей, вполнѣ наслаждалась, болтая кое-какъ пофранцузски, выпрыгивая разные нововведенные танцы, потряхивая фальшивыми локонами.

Какъ-то, утромъ, разговорился Сергѣй Александровичъ съ женою о расходахъ по житью въ Москвѣ.

— Больно уже много держимъ мы дворни, Пелагея Ивановна! сколько муки, соли, мяса, въ застольную выходитъ — просто ужасъ! И всѣ эти дворовые—какіе плодовитые, Богъ съ ними: робятъ и мальчишекъ безъ счету!

— Всегда одна и та же пѣсня у тебя, Сергѣй Александровичъ, къ концу зимы: дорого! людей много! расхода много! Да куда же ихъ дѣвать—не на улицу же выбросить мальчишекъ? Отцы всѣ при дѣлѣ,—какъ ни подумаешь, а сократить изъ дворни никого нельзя!

— Ну, хоть мальчишекъ бы поуменьшить.

— А какъ уменьшишь?

— Ну, на фабрику, что ли, на заводъ какой...

— Нѣтъ, Сергѣй Александровичъ! нѣтъ! это погубить мальчишку: изъ фабричнаго толку не бываетъ, а больше все разбойники...

— Такъ въ ученье, въ мастерство...

— Вотъ это дѣло. У насъ хоть и есть и сапожникъ и башмачникъ, а все мало, не успѣваютъ.

— А вотъ, Пелагея Ивановна, мнѣ пришло въ голову—и ты похвалишь. Мастеровые всякіе у насъ и здѣсь, и въ деревнѣ есть—можно своимъ отдать, а вотъ чего у насъ нѣтъ, а у многихъ уже заведено...

— Что еще такое?—спросила съ какимъ-то недовѣріемъ Пелагея Ивановна.

— А вотъ что: заведемъ домашняго парикмахера—и мнѣ будетъ парики дѣлать, а тебѣ локоны...

У Пелагеи Ивановны лицо засіяло...

— Голубчикъ, Сергѣй Александровичъ, какъ ты умно придумалъ! Сегодня же, не откладывая, пошли съ дворецкимъ сынишку ѣздоваго Рязанова, Ваську—славный, бойкій мальчишка, все вертится около дѣвчонокъ, будетъ дамскій парикмахеръ...

Сказано, — сдѣлано: на другой же день мальчикъ водворенъ былъ въ Нѣмецкой слободѣ у парикмахера monsieur Пріёра.

Въ парикмахерской moonsieur Пріёра, въ рабочей комнатѣ, мальчишки, взятые въ ученье, были разнаго возроста: дюжіе ребята лѣтъ 17-ти и мальчуги лѣтъ 10-ти; къ этимъ послѣднимъ присоединенъ былъ новоприбывшій ученикъ Васька Рязановъ, очень скоро познакомившійся съ своими сотоварищами. Въ рабочей комнатѣ мальчишкамъ не было скучно; говоръ учениковъ, какъ въ

пчелиномъ ульѣ, не умолкалъ весь день: они разсказывали другъ другу, или на услышеніе всей компаніи, разныя сплетни дворни, повторяли разсказы родителей и матерей, новости прямо изъ застольной.

Мальчикъ изъ дома князей Долгоруковыхъ разсказывалъ, какъ дворецкій побранился съ буфетчикомъ за то, что этотъ назвалъ его воромъ, какъ барыня защищала дворецкаго, а князь-баринъ—буфетчика. «А у насъ дворецкій (разсказывалъ Васька Рязановъ), старый сычъ Сидоровичъ, просто разбойникъ; моего отца больно не любитъ,—кабы можно съ свѣта бы сжилъ, за то, что отецъ барину сказалъ, что въ покупномъ овсѣ обманываетъ. И какъ придетъ Сидорычъ въ конюшню, ко всему придирается: и то грязно, и то не чищено»... «Нѣтъ, вотъ какъ у насъ,—перерываетъ разсказъ Васьки мальчикъ изъ дома Еропкиныхъ,—у насъ кучеровъ дѣвки бьютъ: вотъ вчера дочь ключницы, дѣвка Окулька, ударила прямо въ рожу кучера за то, что онъ хотѣлъ обнять ее, а кучеръ же въ возвратъ плюнулъ ей въ глаза, да еще погрозилъ: А ты хоть бей и дерись, а полюбишь меня—корешокъ приворотный достану; ей, полюбишь!»...

— Какой приворотный корешокъ?—спросили въ одинъ голосъ мальчишки.

— Что вы разгорланились?—закричалъ дѣтина лѣтъ 18, находившійся тоже въ ученьѣ парикмахерскаго дѣла.—Не доросли еще до корешка—ну, корешокъ приворотный: вотъ и все вамъ! когда нибудь послѣ узнаете.

Мальчишки обидѣлись.

— Да ты самъ что горланишь? Такой же въ ученьѣ! а? а?

Въ эту минуту въ комнату вошелъ хозяинъ, и все стихло.

Дня черезъ три, когда старшіе ученики парикмахерской куда-то ушли и въ рабочей остались только четыре мальчика: Петрушка Голтяевъ 13 лѣтъ, Ваня Леонтьевъ 12 лѣтъ—изъ дома Долгоруковыхъ, Васька Өедоровъ 12 лѣтъ—изъ дома Еропкиныхъ, и Васька Рязановъ, 10 лѣтъ, поручика Пестунова,—одинъ изъ нихъ, именно Петрушка, таинственно вынулъ изъ кармана свертокъ бумаги и показалъ его товарищамъ.

— Что такое? Что это? Покажи, Петрушка!—заговорили они въ одинъ голосъ.

— Смотрите—корешокъ! Купилъ на Красной площади у бабы,—купилъ отъ зубовъ: она говоритъ—положь на зубъ, пройдетъ болѣзнь... только нѣтъ, все больно.

— А, можетъ, это какой корень приворотный?—замѣтилъ мальчикъ Ваня:—тотъ вонъ, что̀ кучеръ стращалъ Окульку...

— А кто знаетъ? можетъ, и приворотный.

Вася Рязановъ молчалъ и, когда мальчики разсѣлись по мѣстамъ,

онъ подсѣлъ къ Петрушкѣ и ловко вытащилъ у него изъ кармана штановъ бумажку съ корешкомъ, затѣмъ мигнулъ Ванѣ Леонтьеву и Василью Ѳедорову, и оба выбѣжали въ чуланъ.

— Давай, Ваня, подѣлимъ корешокъ—я понесу домой, разскажу диковинку, что приворотный, что полюбитъ меня любая дѣвушка, коли захочу...

Подѣлили корешокъ, а къ вечеру Вася принесъ свой кусочекъ въ застольную...

Сергѣй Александровичъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, въ халатѣ, и медленно прихлебывалъ холодный, домашній квасъ. Передъ нимъ стоялъ дворецкій.

— Неужели ты правду говоришь? Оно только смѣшно—да и грѣшно! Мальчикъ десяти лѣтъ съ приворотнымъ корешкомъ!

— Уже больше грѣшно, чѣмъ смѣшно; посѣкли мальчика, ничего не говоритъ, плачетъ, да и твердитъ, что не знаетъ, называется ли приворотнымъ.

— Да правда ли это? Ты не съ сердца ли на отца Васюткина? Говорятъ, вы недружно живете,—вѣдь грѣхъ на сынѣ мстить...

— Ну, вотъ, Сергѣй Александровичъ, статочное ли дѣло такой грѣхъ на душу брать? Нѣтъ, зачѣмъ злорадствовать, а для защиты отъ сатаны, отъ колдовства, отъ грѣха, ну, а коли корень-то заговорной... вѣдь была же въ семействѣ вашемъ бѣда отъ этой пакости...

— Не напоминай, Сидорычъ, страшное было дѣло! Помню, на матушку дѣвка накликала со злости.

— То-то, Сергѣй Александровичъ! лучше дѣйствуйте по закону Божію и государеву, прикажите отправить мальчика въ Сыскной приказъ, тамъ разберутъ дѣло...

— Жаль, Сидорычъ, вѣдь мальчику 10 лѣтъ.

— Да больно вертлявъ, а бѣды ему вѣдь не будетъ по малолѣтству...

Въ тотъ же день, малолѣтній крѣпостной мальчикъ поручика Сергѣя Александровича Пестунова, Василій Рязановъ, былъ представленъ въ Сыскной приказъ съ объявленіемъ, что мальчикъ принесъ въ домъ какіе-то медикаменты-коренья и говорилъ дворовымъ людямъ, что это корень приворотный, чтобы дѣвки любили его...

Любопытное тогда было время: десятилѣтній мальчикъ на допросѣ предъ страшнымъ судомъ Сыскнаго приказа, и о какомъ преступленіи?—о приворотномъ корешкѣ!

8-го февраля 1742 года, въ Сыскномъ приказѣ разсматривали дѣло малолѣтняго Василія Рязанова. По обыкновенію, прежде всего допросили обвиняемаго. Онъ показалъ, что ему 10-й годъ,

значится крѣпостнымъ дворовымъ отставнаго поручика Сергѣя Александровича Пестунова, отданъ въ ученье къ французскому парикмахеру Пріёру, въ Нѣмецкой слободѣ. Въ бытность его, Василья, тамъ, другой ученикъ, изъ дома Владиміра Петровича Долгорукова, Петръ, по прозванію Голтяевъ, показывалъ корень, говоря, что тѣмъ корнемъ привораачиваютъ дѣвушекъ. Корень этотъ они раздѣлили между собою, и 7-го февраля онъ, Василій Рязановъ, пришелъ въ домъ своего помѣщика для свиданья съ матерью и отдалъ корень слугамъ, но не знаетъ, имѣетъ ли тотъ корень дѣйство.

Остальные ученики, соучастники въ этомъ преступленіи, были вытребованы также въ Сыскной приказъ и при допросѣ показали слѣдующее.

Ученикъ изъ дома князя Владиміра Петровича Долгорукова, Петръ Яковлевъ Голтяевъ объяснилъ: ему 13 лѣтъ, крѣпостной князя Долгорукова. Наднях, послалъ его хозяинъ-парикмахеръ для покупки парукныхъ сѣтокъ, и въ это время у него, Голтяева, болѣли зубы. Когда онъ шолъ по Красной площади, ему встрѣтилась баба, которая несла разныя травы и коренья. Голтяевъ спросилъ: нѣтъ ли унея корешка отъ зубовъ? Она дала ему за двѣ копѣйки какой-то корень въ четверть вершка и велѣла класть на зубы. Онъ показалъ корень своимъ товарищамъ, и они начали говорить, не приворотный ли къ дѣвушкамъ? Потомъ онъ клалъ корень на зубы, но пользы не было, и спряталъ тотъ корень въ карманъ штановъ. На другой день онъ не нашелъ корня въ штанахъ и думалъ, что потерялъ его. А купилъ онъ тотъ корень для зубовъ, а не для привороту.

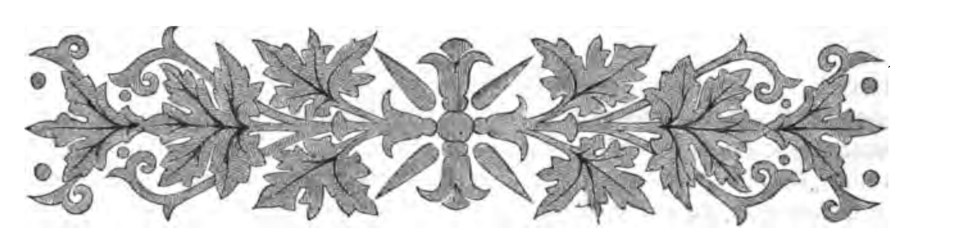
Второй ученикъ, Иванъ Леонтьевъ, 12 лѣтъ, тоже дворовый крѣпостной мальчикъ князя Долгорукова, подтвердилъ, что Петръ Голтяевъ имъ объявлялъ, что корень отъ зубовъ, а они смѣялись, не приворожитъ ли?

Третій ученикъ, Василій Өедоровъ, прозваніемъ Злосчастный, 13 лѣтъ, крѣпостной дворовый мальчикъ ассессора Алексѣя Михайловича Еропкина, показалъ то же, что̀ и предыдущіе.

Сверхъ того, послѣдніе двое показали, что мальчикъ Василій Рязановъ укралъ у Голтяева изъ кармана штановъ корень, который они и дѣлили между собою.

Сыскной приказъ рѣшилъ: ученикамъ: Василью Рязанову за кражу корня изъ кармана у Голтяева, Василью Злосчастному и Ивану Леонтьеву за раздѣлъ того корня и за сказываніе того корня приворотнымъ учинить наказаніе: за малолѣтствомъ ихъ бить батоги и отдать помѣщикамъ, понеже до нихъ другихъ дѣлъ не касается!..

Г. Есиповъ.

МЕМУАРЫ БЕЙСТА.

РУССКІЕ читатели, конечно, хорошо помнятъ имя этого саксонца, превратившагося послѣ 1866 года въ канцлера Австрійской имперіи, создавшаго въ ней ея нынѣшнею дуалистическую систему государственнаго управленія и павшаго съ высокаго пьедестала въ качествѣ человѣка, не умѣвшаго нравиться всесильному Бисмарку. Наполеонъ III изъ собственнаго опыта послѣ Седана вывелъ остроумное заключеніе, что государственный дѣятель подобенъ колоннѣ: пока она стоитъ, никто не сможетъ измѣрить высоту ея, а упадетъ, и мѣряй, кто хочетъ. То же, разумѣется, случилось и съ Бейстомъ. Удушливая консервативно-полицейская система стараго австрійскаго режима отторгнула отъ Австріи сердца нѣмцевъ и привела къ пораженіямъ 1866 года. Потребность въ освѣженіи стала очевидна даже для близорукихъ. Но отказаться отъ старой свободы власти туземнымъ чиновникамъ было не подъ силу—они толковали лишь о необходимости «просвѣщеннаго деспотизма». Императоръ Францъ-Іосифъ вѣрнѣе своихъ совѣтниковъ понялъ положеніе вещей и пригласилъ чуждаго Австріи саксонскаго министра Бейста, много разъ раньше выдвигавшагося энергіей и краснорѣчіемъ среди отчаяннаго хаоса въ Германскомъ союзѣ, предшествовавшаго распаденію его. Такимъ образомъ Бейстъ былъ призванъ, по выраженію Вольтера, «стирать чужое грязное бѣлье». Воспитанный въ традиціяхъ либерализма и свободы торговли, давно находясь подъ вліяніемъ красоты и твердости британскаго парламентскаго режима, не связанный въ Австріи какими либо узами, мѣшающими простору работы, Бейстъ смѣло отказался именемъ престола и отъ полицейскаго режима, и отъ «просвѣщеннаго деспо-

тизма», призвавъ на помощь воскресенію страны конституцію и передавъ власть впервые въ исторіи Австріи въ руки буржуазнаго министерства, а затѣмъ примирилъ съ короной и двухъ опаснѣйшихъ опонентовъ ея—Венгрію и Галицію. Первой была дарована самостоятельная государственная жизнь, второй—обширная автономія. Народъ имперіи оцѣнилъ эту смѣлую реорганизаторскую и освободительную дѣятельность чужеземца-министра: 140 городовъ и мѣстечекъ Австріи избрали тотчасъ Бейста своимъ почетнымъ гражданиномъ, Вѣна поднесла ему дипломъ, до сихъ поръ считающійся драгоцѣннымъ образчикомъ артистическаго искусства; на улицахъ столицы и Пешта толпа встрѣчала реформатора съ великимъ энтузіазмомъ, обнимала съ слезами благодарности его ноги и цѣловала его платье. Казалось, конца не будетъ раю, но конецъ пришелъ скоро—черезъ пять лѣтъ колонна упала, и всѣ незванные пришли мѣрить ее. Вдругъ оказалось, что восторги были напрасны, а оваціи ошибочны; критика, враги и наслѣдники по власти съ каждымъ днемъ стали съуживать вчерашняго великана, грозя превратить его въ смѣшнаго и безполезнаго карлика. Бейстъ изъ канцлера имперіи перешелъ въ званіе посла, а потомъ лишился и этого послѣдняго убѣжища оффиціальнаго почета. Тогда онъ взялся за оружіе и сталъ писать мемуары. Торопился самъ, торопилъ типографію—чувствовалась близость заката дней, старость сторожила, а сердце горѣло страстью самооправданія и опроверженія клеветъ враговъ.

«Въ былые дни,—писалъ Бейстъ въ предисловіи,—воспоминанія государственныхъ дѣятелей предназначались къ изданію послѣ ихъ смерти; цензура берегла честь и правду прошлой службы отставныхъ министровъ, и они могли спокойно доживать свой вѣкъ. Теперь цензуры нѣтъ, печать свободна, и прошлая дѣятельность лишилась гарантіи спокойствія. Каждый вправѣ критиковать, комментировать, клеветать и впадать въ ошибку bonafide, разбирая дѣятельность отставнаго государственнаго человѣка, а потому у послѣдняго есть право, если не обязанность, написать исторію своей работы и издать ее въ свѣтъ при первомъ удобномъ случаѣ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше». Руководствуясь этими соображеніями, Бейстъ отдалъ въ печать свои мемуары раньше, чѣмъ кончилъ ихъ — въ началѣ 1886 года, надѣясь дописать послѣднюю страничку къ январю нынѣшняго. Богъ разсудилъ иначе—Бейстъ умеръ въ концѣ прошлаго года; мемуары остались неоконченными, но получилось, всетаки, два обширныхъ тома со многими интересными страницами.

Большая часть государственной дѣятельности покойнаго прошла въ Дрезденѣ въ смутную эпоху существованія Германскаго союза, начавшуюся революціей 1848 года и закончившуюся подъ Садовой въ 1866 году. Естественно поэтому, что и мемуары его попреимуществу посвящены этому времени, интересному для насъ лишь

косвенно, какъ образчикъ доказательства, что старая разрозненная Германія была для насъ прекраснымъ сосѣдомъ, не только не умѣвшимъ руководительствомъ, напротивъ, умѣвшимъ покорно слушаться голоса русскаго царя и видѣть въ царѣ чуть-чуть не опору и главу своего существованія. Но связь между событіями отъ Крымской войны до настоящаго дня такъ свѣжа, ясна и велика, что даже съ чисто русской точки зрѣнія нельзя не поблагодарить Бейста за нѣкоторыя разъясненія и въ эпохѣ смутъ Германскаго союза.

Одной изъ главныхъ причинъ возникновенія Крымской войны Бейстъ считалъ ошибочное настроеніе русскаго посла въ Лондонѣ Брунова. Послѣдній слишкомъ ограничивалъ себя дворцовымъ кружкомъ, гдѣ дѣйствительно не желали войны, и, руководствуясь только свѣдѣніями изъ этого кружка, твердо обнадеживалъ русское правительство въ миролюбивомъ настроеніи Англіи, обманувъ такимъ образомъ разсчеты покойнаго императора Николая I. Пристрастіе Брунова къ дворцовымъ сферамъ Бейстъ характеризуетъ такимъ фактомъ: когда принцесса Эдинбургская прибыла впервые въ Англію, у Брунова умерла жена, и, чтобъ избѣгнуть траура во время придворныхъ праздниковъ, нашъ посолъ нѣсколько дней скрывалъ отъ всѣхъ кончину своей супруги, держа тѣло ея секретно во льду... Удалясь послѣ отставки на жительство въ Дармштадтъ, Бруновъ перестали выказывать желаніе чѣмъ либо служить Россіи. Такъ, слѣдующій за нимъ русскій посолъ въ Англіи, графъ Шуваловъ, разсказывалъ Бейсту, что, будучи назначенъ въ Лондонъ, онъ отправился въ Дармшадтъ къ Брунову за совѣтомъ, и между ними произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Вы имѣете много старыхъ друзей въ Лондонѣ, и я обращаюсь къ вашей опытности,—сказалъ графъ:—вы знаете все, что дѣлается въ Англіи. Теперь во главѣ британской политики лордъ Дерби,—скажите, что это за человѣкъ?

— Лордъ Дерби,—отвѣтилъ Бруновъ:—имѣетъ двѣсти тысячъ годоваго дохода.

— Очень радъ за него. Но посовѣтуйте мнѣ, какъ надо обращаться съ нимъ?

— Вы съ вашей проницательностью, — снова отвѣтилъ Бруновъ,—сами, конечно, знаете, какъ надо обращаться съ человѣкомъ, имѣющимъ двѣсти тысячъ годоваго дохода...

Другаго отвѣта или совѣта графъ Шуваловъ не добился отъ своего предмѣстника...

Второй причиной Крымской войны Бейстъ рѣшительно признаетъ близорукую политику Австріи. Ей нужно было, по мнѣнію его, вслѣдъ за русской окупаціей Молдавіи, занять Валахію, и споръ кончился бы миромъ. Идея объ этой окупаціи, даже всей Румыніи, была въ свое время на очереди многихъ государственныхъ разговоровъ. Въ 1869 году, напримѣръ, въ дни путешествія

австрійскаго императора на Востокъ, Али-паша въ Константинополѣ серьёзно предлагалъ Австріи занять Румынію. Присутствовавшій при разговорѣ графъ Андраши энергически возсталъ противъ этой идеи. «Для Венгріи,—замѣчаетъ Бейстъ,—такая окупація дѣйствительно вредна — у нея и безъ того много румынъ; но для Австріи тутъ могла быть значительная польза: австрійская окупація княжества преградила бы возможность будущихъ русско-турецкихъ войнъ, и въ виду этого Франція и Англія навѣрно приняли бы проектъ благопріятно». Бисмаркъ, оказывается, тоже несобенно благоволилъ къ румынамъ. При свиданіи съ Бейстомъ въ Гаштейнѣ въ 1871 году, «желѣзный канцлеръ» бранилъ румынъ «націей воровъ» за манифестацію ихъ симпатій къ французамъ и настаивалъ на активномъ вмѣшательствѣ Турціи какъ сюзерена въ споръ румынскаго правительства съ желѣзнодорожнымъ концессіонеромъ Струсбергомъ, котораго поддерживали многіе прусскіе финансовые тузы, а съ ними и самъ Бисмаркъ.

Заправляющій судьбами австрійской политики въ эпоху Крымской кампаніи, графъ Шварценбергъ, любилъ по дипломатическому обычаю отпускать бо-мо, но политикой своей разстроилъ добрыя отношенія отечества къ Россіи, связалъ чувствомъ нравственной признательности послѣдняго съ Пруссіей и, такимъ образомъ, подготовилъ всѣ послѣдующія великія событія Европы, приведшія Австрію къ огромнымъ убыткамъ. Шварценбергъ говорилъ о Пруссіи: «Avilir la Prusse d'abord et la demolir ensuite» (сначала Пруссію унизить, а потомъ уничтожить), а по адресу Россіи: «Nous étonnerons le monde par notre ingratitude». Исторія дала прекрасный урокъ за это глупое и чванное фразерство. Удивленіе міра австрійской неблагодарностью къ Россіи, спасшей Австрію не въ одномъ 1848 году кровавой кампаніей, произошло по разсказу Бейста такъ. Наполеонъ III и Англія открыто заявляли иностранной дипломатіи, что послѣ паденія Севастополя они готовы заключить миръ съ единственнымъ условіемъ нейтрализаціи Чернаго моря. Бейстъ, въ качествѣ саксонскаго министра, принималъ участіе въ этихъ переговорахъ, ибо Франція обращалась къ Германскому союзу съ предложеніемъ принять свою долю въ войнѣ. Будучи, притомъ, въ добрыхъ отношеніяхъ съ Нессельроде, часто навѣщавшимъ Дрезденъ, гдѣ за барономъ Зебахомъ была замужемъ его дочь, Бейстъ, получивъ отъ Наполеона непосредственно извѣщеніе, что требуется одна нейтрализація моря для мира, а отъ Брунова при свиданіи въ Франкфуртѣ увѣреніе, что Россія также склонна къ миру, но несогласна платить какую либо контрибуцію или терять часть территоріи, Бейстъ тотчасъ обратился въ Петербургъ съ пространнымъ письмомъ, доказывая, что миръ, предлагаемый Франціей и Англіей, чрезвычайно выгоденъ, ибо нейтрализація Чернаго моря, лишающая выхода 80.000,000 народу, на столько нелѣпая и неестествен-

ная идея, что черезъ 10—12 лѣтъ она сама собой превратится въ нуль и non-sens. «Пагубная же мысль» о требованіи уступки части Бессарабіи, какъ завѣряетъ своимъ личнымъ свидѣтельствомъ Бейстъ, родилась и оформилась именно въ Вѣнѣ, а для склоненія Россіи на это требованіе былъ избранъ не кто другой, какъ зять Нессельроде, названный выше саксонецъ баронъ Зебахъ, который и успѣлъ въ своей деликатной миссіи.

Явился на сцену Парижскій трактатъ, по мнѣнію Бейста, въ аналахъ дипломатіи представляющій собой рельефнѣйшій примѣръ, что миръ приводитъ порой къ результатамъ совершенно противоположнымъ тѣмъ, ради которыхъ велась война. Державы дали гарантію существованія Турціи, но не гарантировали себѣ исполненія турецкихъ реформъ, а отсюда логически вытекла война 1877 года и возникновеніе Болгаріи. Французскій посолъ въ Вѣнѣ баронъ Бурклей, прочитавъ трактатъ, справедливо отозвался о немъ: «Нельзя тутъ и догадаться, кто побѣдитель, кто побѣжденный!» Но Австрія не ограничила своей «удивительной неблагодарности» вышесказаннымъ. 14-го января 1855 года, она конфиденціально предлагала центрально-германскимъ государствамъ вступить съ ней въ союзъ противъ Россіи, обѣщая вознагражденіе насчетъ другихъ германскихъ земель, что̀ прямо вооружило противъ нея Пруссію. Германскіе же корольки справедливо разочли, что Австріи легко поживиться, но имъ нечего разсчитывать на награду въ Польшѣ или Бессарабіи, а потому благоразумно отклонили предложеніе. Однако, даже Бисмаркъ,—говоритъ Бейстъ,—въ то время вѣрилъ въ неизбѣжность русско-австрійскаго разрыва и мечталъ о русско-прусскомъ союзѣ. Все висѣло на волоскѣ, и благопріятный для Австріи отвѣтъ какого нибудь маленькаго величества Іоанна Саксонскаго могъ вызвать событія, которыя исключили бы возможность и необходимость войнъ 1866 и 1870 годовъ, ибо самъ Францъ-Іосифъ, еще не испытавшій тогда превратностей судебъ полководца, горѣлъ желаніемъ увѣнчать себя лаврами побѣдъ. Англія также съ обычной британской безцеремонностью настаивала на вмѣшательствѣ въ войну Германскаго союза. Бейстъ отъ имени Саксоніи отвѣтилъ ей пространной нотой, указывая, что Англія не вправѣ касаться дѣлъ союза; эта нота такъ понравилась Николаю I, что онъ выражался про нее:

— Вотъ единственный документъ за время Крымской войны, доставившій мнѣ удовольствіе!

Горчаковъ поздравилъ Бейста, находя, что нота его—«образецъ тонкой ироніи», но Бисмаркъ посмотрѣлъ на дѣло съ практической стороны и замѣтилъ не безъ язвительнаго сарказма:

— Нота прекрасно написана, но была бы еще лучше, если бъ Саксонія была посильнѣе.

Нессельроде потомъ разсказывалъ Бейсту, будто Николай Пав-

ловичъ соглашался принять извѣстную вѣнскую ноту, но отговорилъ его самъ Нессельроде, убѣждая, что подобное согласіе уронитъ императорское достоинство. Про покойнаго царя Бейстъ говоритъ, что въ Европѣ послѣ Наполеона I не было суверена, котораго бы такъ много любили и ненавидѣли, какъ Николая I; его принимали въ Вѣнѣ, Берлинѣ, даже въ Лондонѣ, какъ «высшее существо». Бейстъ видѣлся съ покойнымъ государемъ въ Дрезденѣ. Царь принялъ его чрезвычайно любезно, пожалъ руку, посадилъ и бесѣдовалъ добрыхъ полчаса. Про австрійскаго императора онъ выражался не иначе какъ «ce cher empereur» (этотъ дорогой императоръ), но былъ недоволенъ прусскимъ королемъ, говоря:

— Видите ли, съ моимъ шуриномъ прусскимъ я болѣе не разсуждаю о политикѣ; его идеи на столько выше моихъ, что я кажусь самъ себѣ въ бесѣдѣ съ нимъ неразумнымъ.

О Наполеонѣ царь выразился такъ:

— Онъ сдѣлалъ себя президентомъ, сдѣлаетъ и императоромъ; хорошо, мы признаемъ его, но какъ династію—никогда.

Бейстъ напрасно убѣждалъ императора перемѣнить это рѣшеніе и жалуется въ мемуарахъ на неудачу, основательно полагая, что успѣхъ спора устранилъ бы главный поводъ къ Крымской войнѣ. Упомянемъ кстати и характерный разсказъ Бейста о великомъ французскомъ авантюристѣ, съ которымъ Бейстъ былъ хорошо и давно знакомъ. Въ 1847 году, бѣжавъ въ Англію, когда Бейстъ жилъ въ Лондонѣ, Наполеонъ хотѣлъ записаться членомъ Coventry клуба и былъ забаллотированъ тремя голосами, а черезъ годъ во Франціи получилъ шесть милліоновъ голосовъ. Будучи императоромъ, онъ говорилъ Бейсту:

— Моя политика состоитъ въ томъ, чтобы имѣть какъ можно менѣе враговъ,—на̀ что авторъ мемуаровъ, умудренный опытомъ, справедливо замѣчаетъ, что въ политикѣ враги гораздо полезнѣе друзей: они не лгутъ, меньше обманываютъ и не усыпляютъ. Наконецъ, послѣ Седана, Бейстъ снова встрѣтилъ Наполеона въ Англіи и передаетъ, что бонапартисты были серьёзно готовы сдѣлать высадку на берега Франціи въ надеждѣ на реставрацію; для нея и день былъ назначенъ—20-го марта 1873 года; именно ради этой экспедиціи развѣнчанный императоръ рѣшился сдѣлать опасную операцію, исходъ которой былъ, какъ извѣстно, смертельный, что̀ и избавило настрадавшуюся Францію отъ новыхъ кровавыхъ испытаній.

Политика интригъ Австріи въ дни Крымской кампаніи стоила ей дорого. Реальный убытокъ выразился въ военныхъ экстренныхъ расходахъ на 500 милліоновъ флориновъ и около 50 тысячъ солдатъ мобилизированной арміи погибли отъ болѣзней въ госпиталяхъ. Моральный вредъ яснѣе всего отпечатлѣлся на развитіи итальянской національной идеи послѣ участія сардинцевъ въ средѣ

союзной арміи,—идеи, доведшей потомъ до отпаденія Ломбардіи, Піемонта и Венеціи, и въ укрѣпленіи Пруссіи русскимъ благоволеніемъ, закончившимся разгромомъ Австріи подъ Садовой и развѣнчаніемъ ея въ качествѣ Германской имперіи. Какъ безсильны люди и на самыхъ высокихъ постахъ, когда Господь не одарилъ ихъ высокимъ талантомъ, приводитъ къ удивленію даже Бейста: «Графъ Менсдорфъ,—говоритъ онъ,—не хотѣлъ войны 1866 года и объявилъ ее; а въ 1854 году австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ страстно желалъ воевать, но не объявилъ войны».

Итакъ, Крымская кампанія сослужила добрую службу лишь Италіи и Пруссіи. Первую пробу своей новой силы Пруссія сдѣлала на Даніи по шлезвигъ-голштинскому вопросу. Дѣло поведено было ловко, и еще раньше того Бисмарку уже рисовалась перспектива боя за первенство съ Австріей. Почти тотчасъ вслѣдъ за Крымской войной Бисмаркъ говорилъ въ Петербургѣ, что война между Пруссіей и Австріей неизбѣжна. Весь союзъ былъ приглашенъ усмирять Данію, но Бейстъ, въ качествѣ саксонскаго министра, возсталъ противъ участія союза, и это послужило основой враждебнымъ отношеніямъ Бисмарка къ Бейсту, не прекратившимся и за смертію послѣдняго. На этотъ счетъ нѣмцы черствы: когда умеръ ганноверскій король, въ Парижѣ говорили, что его преждевременная кончина, пожалуй, причинитъ неудовольствіе виновнику ея, императору Вильгельму. «О, нѣтъ,—отвѣтилъ германскій дипломатъ,—нашъ императоръ, я думаю, уже давно простилъ его!» Знакомство Бейста съ Бисмаркомъ началось въ 1848 году въ Берлинѣ у тогдашней политической извѣстности Савиньи. Бисмаркъ вышелъ къ гостю съ традиціонной длинной трубкой; разговоръ зашелъ о напрасно разстрѣленномъ революціонерѣ Блумѣ. Бейстъ считалъ эту казнь излишней и напрасной.

— Неправда,—рѣзко и характерно возразилъ ему будущій германскій канцлеръ:—если врагъ попалъ въ мои руки, то я обязанъ уничтожить его!

Второе ихъ свиданіе произошло въ 1859 году у графа Туна, въ Франкфуртѣ; говорили о крѣпкой религіозности этой фамиліи, и Бисмаркъ заключилъ бесѣду словами: «Такіе стойкіе католики самые лучшіе подданные короля!» Въ 1862 году, будучи посломъ въ Парижѣ, Бисмаркъ при встрѣчѣ съ Бейстомъ выражалъ удовольствіе, что выѣхалъ изъ Франкфурта, гдѣ усталъ отъ компаніи Прокеша, и попалъ въ Парижъ въ компанію «добродушнаго» Горчакова. Въ 1863 году, когда по настоянію Бейста созывались властители союза на совѣщаніе, что̀ грозило прусскимъ эгоистическимъ интересамъ, Бисмаркъ, встрѣтивъ на франкфуртскомъ сеймѣ Бейста, обратился къ нему безъ церемоніи:

— Вы хотите завлечь насъ въ пропасть, но вамъ это не удастся!

Бейстъ отвѣтилъ непониманіемъ этой фразы и сталъ уго-

варивать, чтобы прусскій король пріѣхалъ лишь показаться на съѣздъ.

— Прежде я вѣрилъ вамъ,—возразилъ Бисмаркъ напрямикъ:— но послѣ вашей рѣчи въ Лейпцигѣ (въ защиту правъ союза) потерялъ всякое къ вамъ довѣріе. Теперь вы обманываете только вашихъ друзей. Въ Пруссіи, напримѣръ, у васъ нѣтъ болѣе вѣрнаго друга, чѣмъ генералъ Мантейфель; но онъ, прочитавъ вашу рѣчь, заболѣлъ и теперь постоянно повторяетъ: «какъ я ошибался въ этомъ человѣкѣ!»

Когда же совершилось «нападеніе двадцати на одного», т. е. отточка прусскаго оружія на Даніи, и Бисмаркъ въ 1865 году во время пребыванія въ Гаштейнѣ снова заговорилъ съ Бейстомъ, помѣшавшимъ участію союза, то его слова были еще менѣе церемонны. Онъ началъ бесѣду стихами изъ Шиллера:

Таково проклятіе злыхъ дѣлъ,
Что они рождаютъ лишь злыя дѣла.

И тутъ же попенялъ Бейсту:

— Если бъ вы и ваши друзья не помѣшали, то союзныя войска первыми вошли бы въ Данію и взяли бы лавры сраженія при Дюппелѣ!

— Хорошо,—отвѣтилъ Бейстъ:—но вы забываете, что датчане могли отказаться отъ боя?

— О,—весело возразилъ Бисмаркъ:—я принялъ своевременно всѣ должныя предосторожности противъ такой случайности. Я заставилъ дворъ Копенгагена повѣрить, будто Англія стращала насъ активнымъ вмѣшательствомъ, если въ Даніи откроются непріязненныя дѣйствія, хотя, конечно, Англія и не думала стращать насъ!

Извѣстно, что вслѣдъ затѣмъ Бисмаркъ надулъ и свою союзницу по датской бойнѣ—Австрію, заставивъ голштинскую аристократію просить въ Берлинѣ объ анексаціи ихъ родины. Въ Лондонѣ, однако, сердились за Данію не на шутку, и когда Бейстъ былъ посланъ туда въ качествѣ делегата отъ союза, съ нимъ произошелъ такой непріятный случай. Пальмерстонъ давалъ оффиціальный министерскій вечеръ и по обычаю этихъ вечеровъ встрѣчалъ гостей у входа въ салоны; вошелъ Бейстъ; Пальмерстонъ былъ давно знакомъ съ нимъ, подалъ руку, но тотчасъ же отворотился и заговорилъ съ другимъ гостемъ. Бейстъ не простилъ обиды и впослѣдствіи тщательно избѣгалъ встрѣчъ съ знаменитымъ премьеромъ. За то королева Викторія была на сторонѣ союза, искренно повѣривъ заявленію Бейста, что Германія встанетъ какъ одинъ человѣкъ, если Англія или Франція вздумаетъ вмѣшаться въ это домашнее дѣло. Королева оказала тогда сильное давленіе на министерство, которое англичане вспоминаютъ и до сей поры, боясь, чтобъ подобная же энергія правительницы не довела современную политику Англіи до апогея баттенберговщины.

Такъ благополучно кончилась первая проба бисмарковскихъ зубовъ. Далѣе Бейстъ передаетъ еще много разсказовъ о цинизмѣ желѣзнаго канцлера и о его безцеремонномъ обращеніи съ довѣріемъ и правдой. Читая эти разсказы, невольно просится на умъ вопросъ, отчего міръ такъ умственно бѣденъ, что не нашлось въ самыхъ высшихъ сферахъ людей, которые бы умѣли и смѣли пояснить берлинскому мужу неприличіе его дѣлъ и словъ? Въ мемуарахъ Бейста и въ воспоминаніяхъ о немъ самомъ барона Уормса (Personal Reminiscences of Count Beust's. Career. 1887) мы находимъ долю отвѣта на эту загадку.

Бейстъ для своего времени считался выдающимся дѣятелемъ, но и онъ былъ «баринъ», наигрывавшій на рояли среди государственныхъ занятій польки и вальсы для введенія, какъ онъ говорилъ, «въ политическую дисгармонію немножко музыкальной гармоніи», писалъ стишки въ альбомы друзей, увлекался вѣнскими маскарадами и, будучи уже канцлеромъ Австрійской имперіи, любуясь своей миніатюрной ногой, держалъ съ придворной дамой пари, что надѣнетъ ея башмачекъ, за что̀ обиженная дама отпустила ему хорошую остроту: «Удивляюсь, какъ это столь большой человѣкъ стоитъ на такихъ маленькихъ ножкахъ!» Даже въ мемуарахъ, на одрѣ смерти, разочарованный и убитый людской неблагодарностью, Бейстъ сохранилъ себя «бариномъ», любовно записывая свои бо-мо. Даже тутъ не забыто, что персидскій шахъ, встрѣтивъ его на придворномъ балу въ Лондонѣ одѣтымъ въ модные чулки тѣлеснаго цвѣта, спросилъ леди: «Этотъ господинъ безъ штановъ, должно быть, шотландецъ?»; какъ по поводу этого же шаха, написавшаго свое имя каракулями, Бейстъ съострилъ: «Qu'est ce qu'on peut attendre d'un Shah (chat) qu'un griffonage»; какъ при посѣщеніи Абдулъ-Азисомъ Вѣны, пожалованная ему лента св. Стефана оказалась короткой для широкоплечаго султана, и онъ, Бейстъ, пояснилъ: «Теперь вы почувствуете ваше величество, какъ тѣсны наши узы!» и пр., и пр. Поставьте же рядомъ съ этимъ выдающимся «бариномъ» фигуру Бисмарка по слѣдующему его собственному разсказу. Въ 1871 году, Бейстъ провелъ съ нимъ три недѣли, живя въ одной и той же гостинницѣ Straubinger Hotel. Любимая фраза Бисмарка, рѣзкая простонародная: «Er ist ein recht dummer Kerl!» (онъ совсѣмъ глупый малый).

— Я думаю, вы не такъ часто сердитесь, какъ я?—спрашиваетъ Бисмаркъ однажды Бейста:—скажите, не находите вы утѣшенія въ уничтоженіи какой нибудь вещи, когда вы разгнѣваны?

— О, благодарите Бога,—отвѣчаетъ Бейстъ:—что вы не на моемъ мѣстѣ, иначе вамъ пришлось бы перебить весь домъ.

— Вотъ тутъ,—продолжаетъ Бисмаркъ, указывая въ окно на дворецъ vis-a-vis:—я былъ однажды страшно разсерженъ и пришелъ въ настоящій ражъ. Уходя, я такъ стукнулъ дверью, что

ключъ остался у меня въ рукахъ. Я схватилъ его, побѣжалъ въ сосѣднюю комнату Лендорфа и съ размаху бросилъ этотъ ключъ въ умывальникъ, такъ что послѣдній разлетѣлся на тысячу мелкихъ кусочковъ.—Вы больны?—со страхомъ бросился ко мнѣ Лендорфъ.—Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—былъ боленъ, а теперь вылѣчился!

Такой человѣкъ не могъ не чувствовать презрѣнія къ государственному «барству», не могъ чувствовать и потребности церемоніи въ обращеніи съ этимъ барствомъ. Тутъ же въ Гаштейнѣ онъ ясно высказалъ Бейсту, какъ дешево и какой отрицательной цѣной онъ цѣнитъ и обычаи этого барства. Оба государственныхъ мужа собрались въ загородный ресторанчикъ пообѣдать. Вдругъ видятъ, что по дорогѣ ѣдетъ графъ Арнимъ, прусскій посолъ въ Римѣ. Пригласили и его. Смотрятъ, коляска остановилась, а графъ скрылся; удивляются и, наконецъ, разглядываютъ, что посолъ спрятался за коляску и тамъ мѣняетъ свой дорожный костюмъ на обѣденный фракъ.

— Ну, скажите, — злостно обратился Бисмаркъ къ Бейсту: — вотъ съ этакими-то людьми я долженъ проводить серьезнѣйшіе вопросы политики!

Въ перипетіяхъ польскаго возстанія Бейстъ также принималъ нѣкоторое участіе. Савинье писалъ ему изъ Парижа, что тамъ сильно подозрѣваютъ Англію въ поддержкѣ этого бунта. Наполеонъ предлагалъ черезъ дипломатію и личнымъ письмомъ саксонскому королю присоединиться къ европейскому антирусскому протесту; то и другое было отклонено ссылкой на невозможность самостоятельнаго рѣшенія столь большой важности безъ прямаго содѣйствія двухъ главныхъ державъ Германскаго союза. Между тѣмъ, русскій представитель въ Дрезденѣ открыто говорилъ: «Vous allez voir que nous perdrons la Pologne!» (Вы увидите, что мы потеряемъ Польшу). Это русское невѣжество и дало мысль Бейсту посовѣтовать Австріи войдти въ прямое согласіе съ Россіей и потушить возстаніе сообща, поставивъ условіемъ исключеніе «варварскихъ дѣйствій» Муравьева, или смѣло присоединиться къ ропоту Западной Европы и возстановить Польское королевство. Бейстъ, основываясь на вышеприведенной трусости русской дипломатіи, думаетъ, что оба проекта могли бы удаться, что въ самой Россіи честь и слава твердаго отношенія къ польскому вопросу принадлежала лишь одному Горчакову. Австрія, однако, избрала другой путь—полной нерѣшительности, въ то время, какъ Пруссія энергически тушила огонь на своей границѣ, чѣмъ еще разъ пріобрѣла благодарность Россіи, а у Австріи остались въ итогѣ русскій упрекъ и необходимость продленія осаднаго положенія Галиціи. Польское возстаніе было и первой причиной охлажденія чувствъ русскаго двора къ Бейсту. Къ бунту 1863 года нѣмцы относились совсѣмъ безъ тѣхъ горячихъ симпатій, какъ къ возстанію 1831 года, когда въ Германіи

строились чуть не тріумфальныя арки имени Костюшки, но и послѣ погрома 1863 года много русскихъ поляковъ укрылись въ германскихъ городахъ, попреимуществу въ Саксоніи. Тогда Горчаковъ черезъ русскаго посла въ Дрезденѣ Кокошкина потребовалъ во имя солидарности монархическихъ интересовъ высылки бѣглецовъ. Бейстъ отвѣтилъ: «Я припоминаю время, когда сардинскій король во дни мира захватилъ часть австрійской территоріи. Хотя этотъ король ничего не сдѣлалъ противъ Россіи, но императоръ Николай тотчасъ отозвалъ отъ него своего посла и приказалъ выдать паспорты сардинскому посланнику въ Петербургѣ для немедленнаго выѣзда изъ Россіи. Это былъ дѣйствительно образчикъ солидарности монархическихъ интересовъ. Но позднѣе случилось, что слѣдующій сардинскій король, который обидѣлъ Россію, пославъ противъ же свои войска въ Крымъ, лишилъ престола другаго итальянскаго короля, и Россія поспѣшила признать эту узурпацію законной. Ясно, значитъ, что о монархической солидарности не должно быть болѣе и рѣчи, и маленькимъ государствамъ, подобно Саксоніи, нужно лишь заботиться о мирѣ и благоденствіи у себя дома». Такимъ образомъ, въ требованіи Россіи было категорически отказано.

Началась прусско-австрійская борьба 1866 года. Предъ Кенигсгрецемъ Бейстъ вмѣстѣ съ саксонскимъ королемъ Іоанномъ былъ въ Прагѣ и по слову короля: «Насъ могутъ забрать тутъ въ плѣнъ», уѣхалъ въ Вѣну. Послѣ разгрома Садовой жители Вѣны характеризовали свой патріотизмъ петиціей къ императору о заключеніи скорѣйшаго мира. Передъ войной Бисмаркъ предлагалъ Австріи добровольный раздѣлъ союза на сѣверный и южный; послѣ войны была созвана конференція союза, и Пруссія отказала въ пріемѣ на нее Бейста въ качествѣ саксонскаго делегата, почему король Іоаннъ, какъ побѣжденный, долженъ былъ покориться волѣ Бисмарка и разстаться съ своимъ министромъ, вѣрно служившимъ родинѣ втеченіе бурныхъ семнадцати лѣтъ. Это обстоятельство, вѣроятно, и замѣнило самыя лучшія рекомендаціи Бейсту предъ Францомъ-Іосифомъ, почти немедленно пригласившимъ Бейста управлять Австріей. Въ первые дни печали императоръ долженъ былъ ненавидѣть прусскихъ заправителей и любить неправящихся имъ людей. Самъ Бейстъ, производя тщательное изслѣдованіе причинъ призыва его на австрійскую службу, пришелъ къ убѣжденію, что единственной причиной была воля императора. Да и пробылъ Бейстъ управителемъ Австріи ровно до той минуты, когда наступила новая эра политики этого государства, т. е. полнаго подчиненія указаніямъ изъ Берлина.

Мы не будемъ слѣдовать за мемуарами въ разсказѣ о реформаторской дѣятельности ихъ автора послѣ 1866 года. По скольку эта дѣятельность можетъ быть интересна русскому читателю, на

ціей, то восхваляя за вѣрность нѣмецкому знамени, за сознаніе всѣхъ выгодъ прусско-австрійскаго союза и пр. Первое предназначалось для устрашенія венгровъ и нѣмцевъ Австріи, второе для порчи австро-французскихъ отношеній. Въ горячее время печать даже продажная имѣетъ огромную силу, и Бисмаркъ выигралъ чернильную кампанію: въ Австріи поднялись голоса, громко говорящіе за возможность оскорбленіи 10 милліоновъ нѣмцевъ имперіи союзомъ съ Франціей, а венгерцы признали выгоду для нихъ дружбы съ Пруссіей. Словомъ, началось желанное въ Берлинѣ волненіе умовъ, которое ясно указало Бейсту, что вмѣшательство въ будущую борьбу, любезное двору, будетъ непопулярно и даже опасно для домашняго спокойствія. Притомъ, Наполеонъ III попалъ уже въ густой туманъ лести и воображалъ себя непобѣдимымъ. Переговоры о французско-австрійско-итальянскомъ союзѣ тянулись цѣлый годъ и не привели ни къ чему. Наполеонъ былъ убѣжденъ, что южныя германскія государства не пойдутъ за Пруссію и вѣрилъ даже, говоритъ Бейстъ, благодаря хитрой механикѣ Бисмарка, на помощь Россіи, а о будущемъ врагѣ-побѣдителѣ отзывался съ презрѣніемъ: «Avec le systeme du landwehr c'etait faire un marché de dupe». (Система ландвера оставитъ въ дуракахъ). Наконецъ, герцогъ Грамонъ началъ дѣйствовать: на балу въ Вѣнѣ онъ обратился къ барону де Уормсу (см. Reminiscences и пр.) съ вопросомъ—можетъ ли Франція разсчитывать на союзъ съ Баваріей? Уормсъ тотчасъ передалъ объ этомъ Бейсту и получилъ отъ него категорическій отвѣтъ для Грамона, что вопросъ идетъ о борьбѣ не съ Пруссіей, а съ Германіей, а потому было бы величайшей ошибкой со стороны Франціи разсчитывать на помощь Баваріи. Грамонъ, по описанію Бейста, большой оптимистъ, чтò нынѣ подтвердила исторія; въ 1870 году, онъ обратился къ Австріи съ оффиціальнымъ предложеніемъ союза, но и тутъ отвѣтъ получился такой же—Бейстъ пояснилъ, что Австрія имѣетъ десять милліоновъ подданныхъ нѣмецкой крови, оскорблять чувства которыхъ правительство не въ правѣ; притомъ на границѣ есть сосѣдъ—Россія, гдѣ панславистическое движеніе ростетъ въ явно-враждебномъ настроеніи къ Австріи, а между тѣмъ Австрія и Россія уже стали соперниками въ восточной политикѣ, слѣдовательно Австрія должна оставаться нейтральной, миръ ей необходимъ и для внутренняго обновленія. Такимъ образомъ, Бейстъ абсолютно отвергаетъ слухи, будто Австрія толкала Францію на злосчастный бой. Бейстъ, напротивъ, искалъ способовъ къ устраненію борьбы и предлагалъ Франціи ограничиться противъ гогенцолернской кандидатуры на испанскій престолъ одной морской манифестаціей, на чтò получилъ отъ Грамона отвѣтъ: «Вы намъ совѣтуете разыграть сцену изъ оперетки!» Исторія о будто бы заключенномъ между Франціей и Австріей союзѣ и объ измѣнѣ Австріи была, по словамъ мемуаровъ, выдумана впослѣдствіи, когда

этому поводу сцену, весьма хорошо рисующую вѣнскіе газетные нравы. Бейстъ призываетъ къ себѣ издателя журнала, говоритъ ему о вредѣ карикатуръ на его святѣйшество и проситъ не мѣшать дурными рисунками доброму дѣлу уничтоженія ненавистнаго конкордата. Редакторъ отвѣчаетъ: «Мы, ваше—ство, собственно говоря, ровно ничего не имѣемъ въ душѣ противъ Рима, но каррикатуры приносятъ намъ огромный барышъ; гарантируйте его, и мы перестанемъ печатать рисунки»... Новые министры тоже оказались не совсѣмъ годными для парламентской работы. Графъ Потоцкій открывалъ всѣ засѣданія кабинета словами: «Слѣдуетъ признать, что положеніе дѣлъ весьма серьезно», чѣмъ сердилъ Бейста и пугалъ императора; военный же министръ отличился немедленно особеннымъ краснорѣчіемъ: «Кавалерійскій солдатъ,—сказалъ онъ съ паѳосомъ, обращаясь къ парламенту,—ходитъ въ однихъ штанахъ! А почему? Потому что вы отпускаете деньги только на одни штаны», и т. п.

Но все это были, разумѣется, мелочи, не ставившія корабля на мель. Болѣе сложнымъ дѣломъ являлся вопросъ о національностяхъ имперіи. Пруссія провозгласила идею германскаго обновленія, полицейскій режимъ прошлаго въ Австріи оттолкнулъ отъ нея нѣмецкія симпатіи и послѣ Садовой вѣнскому двору нельзя и рискованно было опираться на германскій элементъ имперіи. Бейстъ говоритъ, что императоръ Николай былъ рѣшительный врагъ панславизма, но покойный государь Александръ II давалъ нѣкоторую волю развитію опасныхъ для Австріи идей. Такимъ образомъ не только по безсилію разрозненности славянъ монархіи, но и по внѣшне-политическимъ соображеніямъ эти славяне не могли сдѣлаться опорой трона. Притомъ, реформаторъ Бейстъ самъ былъ чистокровнымъ нѣмцемъ; ему представлялось, что уже теперь «всѣ» славяне Австріи пишутъ и говорятъ понѣмецки; нѣмцы втерлись во всѣ славянскія провинціи, они составляютъ значительную часть населенія Чехіи; нѣмцы, какъ нѣмцы, для нѣмца, конечно, представляютъ собой высшую культуру, нельзя же бы было подчинять ее низшей, т. е. славянской,—разсуждалъ реформаторъ. «Пражская корона лишь пріятный аксессуаръ къ титулу императора, но не реальная величина». Естественно такимъ образомъ, что лавры за пораженія 1866 года должны были всецѣло достаться на долю одной Венгріи; именно мадьярамъ, а никому другому, предоставлялась почетная роль поддержки расшатаннаго трона. Они приняли, конечно, этотъ почетъ съ восторгомъ, и вѣнчаніе императора венгерской короной было однимъ изъ самыхъ блестящихъ и торжественныхъ праздниковъ Пешта. Но поляки уже давно побратались съ венгерцами, и въ дни празднованія венгерской государственной самостоятельности Бейстъ не даромъ увидѣлъ Голуховскаго, Чарторійскаго и другихъ вожаковъ «Рѣчи Посполитой» разгуливающими

въ мадьярскихъ національныхъ костюмахъ. Этотъ маскарадъ скоро принесъ свои плоды: не далѣе какъ въ 1868 году, при отсутствіи Бейста изъ Вѣны, Потоцкій вдругъ уговорилъ императора ѣхать въ Галицію. Бейстъ, однако, успѣлъ разстроить планъ, но оказалось, что планъ былъ чрезвычайно широкій и опасный: въ Галиціи все было подготовлено къ тому, чтобъ провозгласить Франца-Іосифа польскимъ королемъ. Россія, очевидно, знала объ этихъ намѣреніяхъ; покойный государь былъ въ то время въ Варшавѣ и, обращаясь къ принцу Турнъ-Таксисъ, посланному съ привѣтствіемъ отъ австрійскаго двора, Александръ II выразилъ свое удовольствіе по поводу отмѣны поѣздки Франца-Іосифа въ Галицію, замѣтивъ, что Россія не могла бы смотрѣть на эту поѣздку индифферентно. Какъ увидимъ дальше, польско-венгерская справа на этой первой пробѣ не остановилась...

Не меньшую работу давала Бейсту и внѣшняя политика. Первымъ долгомъ обманулъ Бисмаркъ: онъ заключилъ секретный союзъ съ южно-германскими государствами, а черезъ нѣсколько дней послѣ того сладко уговорилъ Австрію признать политическую независимость этихъ государствъ. Затѣмъ, послѣдовало зальцбургское свиданіе съ Наполеономъ, гдѣ, между прочимъ, Австрія и Франція договорились, что если Россія снова перейдетъ Прутъ, то первая держава получитъ право занять Валахію, а Франція поддержитъ ее. Позаботился Бейстъ о Россіи и въ другомъ отношеніи, ибо уже тогда чувствовалось, что вознагражденіе Австріи за пораженіе 1866 года должно получиться на счетъ русскій. Бейстъ справился въ Лондонѣ и Парижѣ, пойдутъ ли тамъ на вторую крымскую войну, если Россія вздумаетъ построить флотъ въ Николаевѣ и, получивъ категорическій отвѣтъ: «ни въ какомъ случаю», Бейстъ обратился съ циркулярнымъ предложеніемъ о ревизіи Парижскаго трактата, надѣясь, подаривъ Россіи дешевую отмѣну нейтрализаціи Чернаго моря, взять отъ нея «монополію славянскаго вопроса», перенеся фактическое покровительство христіанъ Турціи въ сферу правъ цѣлой Европы. Предложеніе не удалось, но Бейсту досталось за него горячо. Разсердился Бисмаркъ, ибо онъ берегъ про себя эту дешевую плату Россіи на будущую войну съ Франціей; обидѣлся и Горчаковъ за покушеніе на его лавры. Нашъ покойный канцлеръ и государь Александръ II прежде любили Бейста; государь при встрѣчѣ съ нимъ въ Дрезденѣ въ 1859 году говорилъ одни комплименты. При назначеніи Бейста реформировать Австрію, Горчаковъ сказалъ громогласно: «L'Autriche est dans nos eaux!» (Австрія въ нашихъ водахъ). Но впослѣдствіи русское мнѣніе измѣнилось, чему, вѣроятно, Бисмаркъ помогъ немало. Александръ II, увидавъ Бейста въ 1874 году въ Лондонѣ, былъ съ нимъ сухъ и высказалъ свое неудовольствіе особенно любезнымъ обращеніемъ къ другимъ присутствовавшимъ посламъ. Бейстъ разсказываетъ, что по-

койный государь съ исключительной милостью относился тогда къ турецкому послу Музурусу-пашѣ и повторилъ ему: «Desormais il ne peut plus avoir entre nous le moindre malentendu»! (Отнынѣ между нами не можетъ случиться ни малѣйшаго недоразумѣнія). И это случилось какъ разъ за три года до огромной русско-турецкой войны! Сухость обращенія царя Бейстъ приписывалъ придворному вліянію, ибо, встрѣтивъ однажды государя одинъ на одинъ въ курительной комнатѣ, онъ удостоился самаго любезнаго разговора. Что же касается до Горчакова, то Бейстъ, сравнивая его вражду съ таковой же Бисмарка, находитъ, что первый стоялъ всегда на почвѣ личнаго самолюбія, тогда какъ послѣдній враждовалъ исключительно по государственнымъ соображеніямъ; Бейстъ приводитъ въ доказательство и примѣръ на Бюловѣ. Этотъ видный государственный дѣятель былъ вначалѣ злѣйшимъ врагомъ Бисмарка и Пруссіи, но за его характеръ и талантъ Бисмаркъ приблизилъ его къ себѣ и сдѣлалъ Бюлова на долгое время своей правой рукой. Бейстъ говорилъ, что Бисмаркъ счастливый человѣкъ— вездѣ ему везетъ, и въ 1866 году будь въ Россіи Николай I, война была бы прекращена, и Пруссія лишь проиграла бы...

Австрія должна была ликвидировать свои враждебныя отношенія къ Италіи и Пруссіи, и Бейстъ принялся за это дѣло. Онъ узналъ изъ архивовъ министерства, что уступка Венеціанской области Франціи была обѣщана Австріи, какой бы ни былъ исходъ кампаніи 1866 года; а въ 1869 году поѣхалъ во Флоренцію на свиданіе съ королемъ Викторомъ-Эммануиломъ. Произошла очень интересная сцена: король «народа» принялъ австрійскаго канцлера въ старомъ пиджакѣ и цивильной шляпой подъ мышкой, а говорилъ съ той неподражаемой хвастливой итальянской помпой, которой французы столь усердно апплодируютъ въ веселыхъ водевиляхъ.—«Когда я открываю ротъ, вся нація прислушивается,—разсказывалъ король,—послѣ всего, что императоръ Францъ-Іосифъ сдѣлалъ два меня, онъ можетъ располагать мной и моей жизнью. Я ему дамъ пятьсотъ тысячъ войска въ любой моментъ, когда ему угодно», и т. п. Бейстъ поблагодарилъ, но въ душѣ повѣрилъ больше добрымъ чувствамъ короля, чѣмъ существованію пятисотъ тысячъ солдатъ у Италіи...

Труднѣе было дѣло съ Пруссіей. Франція играла значительную роль при заключеніи австро-прусскаго мира. Императоръ Вильгельмъ лично сказалъ Бейсту: «Я былъ великодушенъ къ Австріи, потому что не хотѣлъ имѣть одновременно войну и съ Франціей». Вскорѣ Бисмаркъ открылъ свою обычную и излюбленную кампанію печатнымъ словомъ. Подозрѣвая въ Австріи недобрые умыслы и готовясь на бой съ Франціей, онъ напустилъ всю свору своихъ подкупныхъ газетъ на Бейста и Австрію, то обвиняя ихъ въ измѣнѣ германскому дѣлу, союзомъ съ врагомъ нѣмцевъ — Фран-

ціей, то восхваляя за вѣрность нѣмецкому знамени, за сознаніе всѣхъ выгодъ прусско-австрійскаго союза и пр. Первое предназначалось для устрашенія венгровъ и нѣмцевъ Австріи, второе для порчи австро-французскихъ отношеній. Въ горячее время печать даже продажная имѣетъ огромную силу, и Бисмаркъ выигралъ чернильную кампанію: въ Австріи поднялись голоса, громко говорящіе за возможность оскорбленіи 10 милліоновъ нѣмцевъ имперіи союзомъ съ Франціей, а венгерцы признали выгоду для нихъ дружбы съ Пруссіей. Словомъ, началось желанное въ Берлинѣ волненіе умовъ, которое ясно указало Бейсту, что вмѣшательство въ будущую борьбу, любезное двору, будетъ непопулярно и даже опасно для домашняго спокойствія. Притомъ, Наполеонъ III попалъ уже въ густой туманъ лести и воображалъ себя непобѣдимымъ. Переговоры о французско-австрійско-итальянскомъ союзѣ тянулись цѣлый годъ и не привели ни къ чему. Наполеонъ былъ убѣжденъ, что южныя германскія государства не пойдутъ за Пруссію и вѣрилъ даже, говоритъ Бейстъ, благодаря хитрой механикѣ Бисмарка, на помощь Россіи, а о будущемъ врагѣ-побѣдителѣ отзывался съ презрѣніемъ: «Avec le systeme du landwehr c'etait faire un marché de dupe». (Система ландвера оставитъ въ дуракахъ). Наконецъ, герцогъ Грамонъ началъ дѣйствовать: на балу въ Вѣнѣ онъ обратился къ барону де Уормсу (см. Reminiscences и пр.) съ вопросомъ — можетъ ли Франція разсчитывать на союзъ съ Баваріей? Уормсъ тотчасъ передалъ объ этомъ Бейсту и получилъ отъ него категорическій отвѣтъ для Грамона, что вопросъ идетъ о борьбѣ не съ Пруссіей, а съ Германіей, а потому было бы величайшей ошибкой со стороны Франціи разсчитывать на помощь Баваріи. Грамонъ, по описанію Бейста, большой оптимистъ, что̀ нынѣ подтвердила исторія; въ 1870 году, онъ обратился къ Австріи съ оффиціальнымъ предложеніемъ союза, но и тутъ отвѣтъ получился такой же — Бейстъ пояснилъ, что Австрія имѣетъ десять милліоновъ подданныхъ нѣмецкой крови, оскорблять чувства которыхъ правительство не въ правѣ; притомъ на границѣ есть сосѣдъ—Россія, гдѣ панславистическое движеніе ростетъ въ явно-враждебномъ настроеніи къ Австріи, а между тѣмъ Австрія и Россія уже стали соперниками въ восточной политикѣ, слѣдовательно Австрія должна оставаться нейтральной, миръ ей необходимъ и для внутренняго обновленія. Такимъ образомъ, Бейстъ абсолютно отвергаетъ слухи, будто Австрія толкала Францію на злосчастный бой. Бейстъ, напротивъ, искалъ способовъ къ устраненію борьбы и предлагалъ Франціи ограничиться противъ гогенцолернской кандидатуры на испанскій престолъ одной морской манифестаціей, на что̀ получилъ отъ Грамона отвѣтъ: «Вы намъ совѣтуете разыграть сцену изъ оперетки!» Исторія о будто бы заключенномъ между Франціей и Австріей союзѣ и объ измѣнѣ Австріи была, по словамъ мемуаровъ, выдумана впослѣдствіи, когда

Наполеонъ мечталъ о реставраціи и готовился обѣлить себя отъ глупо предпринятой войны клеветой на измѣну Австріи. За это Бейстъ, будучи уже въ Лондонѣ посломъ, поссорился и раззнакомился съ Наполеономъ.

Еще болѣе интересный свѣтъ бросаютъ мемуары на самый предлогъ къ франко-прусской войнѣ, ярко рисуя, къ какимъ отчаяннымъ средствамъ можетъ прибѣгать Бисмаркъ въ рѣшительную минуту. Многими принимается за аксіому, что императоръ Вильгельмъ грубо не принялъ французскаго посла Бенедетти въ Эмсѣ, а за это Наполеонъ обидѣлся и объявилъ войну. Германскія газеты—я помню—рисовали даже Бенедетти летящимъ по лѣстницѣ внизъ головой отъ пинка, даннаго разсерженнымъ королемъ. Бейстъ же узналъ изъ устъ самого императора Вильгельма и отъ многихъ очевидцевъ, что между послѣднимъ и Бенедетти не было даже малѣйшей размолвки. Напротивъ, при отъѣздѣ короля изъ Эмса французскій посолъ пришелъ на станцію провожать его, и они дружески пожали другъ другу руки, причемъ король Вильгельмъ сказалъ Бенедетти: «Вы уѣзжаете въ Берлинъ, черезъ нѣсколько дней и я буду тамъ, и мы будемъ продолжать наши переговоры!» Кто знаетъ Вильгельма или достаточно читалъ о немъ, тотъ, конечно, больше повѣритъ послѣднему разсказу: нѣтъ возможности представить хотя бы съ маленькой вѣроятностью этого монарха-джентльмена оказывающимъ не только явную грубость, но хотя бы простое невѣжество представителю при его дворѣ великой сосѣдней державы. Между тѣмъ, какъ узналъ Бейстъ, даже не изъ Эмса, а изъ Штутгарта и Мюнхена, ловкія руки Бисмарка послали въ Парижъ донесенія о важномъ оскорбленіи французскаго посла. Бенедетти и не подозрѣвалъ объ этомъ донесеніи, а въ Парижѣ съ полнымъ легкомысліемъ повѣрили депешѣ и, не проконтролировавъ ея достовѣрность сношеніемъ съ посломъ, въ увлеченіи ражемъ шовинизма, объявили войну.

Прямое воздѣйствіе Россіи на нейтралитетъ Австріи Бейстъ называетъ «fable convenue» и передаетъ крайне интересное и новое поясненіе вооруженіямъ Австріи въ 1870 году. Оказывается, что тамъ мечтали вовсе не о союзѣ съ Франціей, а имѣли въ виду одного врага—Россію. Такъ устроилось подъ вліяніемъ Потоцкаго, который въ качествѣ владѣльца обширныхъ помѣстій въ Привислянскомъ краѣ, считался въ австрійскихъ офиціальныхъ сферахъ авторитетомъ по части знанія о настроеніи русской Польши. Онъ же предсказывалъ, что въ случаѣ побѣды французовъ и вступленія ихъ арміи на германскую территорію въ царствѣ Польскомъ немедленно вспыхнетъ новый бунтъ, и въ виду этой случайности мадьяро-польское министерство мобилизировало австрійскія военныя силы, готовя ихъ на помощь повстанцамъ. Россія лишь любезно протестовала противъ такой мобилизаціи, и князь Горчаковъ убѣждалъ графа Хотека, австрійскаго посла: «Погодите, придетъ

моментъ, когда la Grande Europe вмѣшается и безъ кокарды!» Бейстъ на это отвѣчалъ, что онъ совершенно не видитъ и не знаетъ, «гдѣ Европа». Будучи впослѣдствіи въ Англіи и разсуждая по вопросу о Дульциньо, онъ услышалъ и отъ англичанъ: «Вы правы. Европа не существуетъ!» Такимъ образомъ, по словамъ мемуаровъ, Россія сдерживала Австрію лишь естественнымъ антагонизмомъ политики обоихъ государствъ, но со стороны Россіи не было и малѣйшаго активнаго воздѣйствія на Вѣну въ пользу Пруссіи, такъ что громъ послѣдующей благодарности Берлина по адресу Россіи Бейстъ считаетъ не выраженіемъ искреннихъ чувствъ, а просто политическимъ маневромъ Бисмарка, имѣвшимъ въ разсчетѣ повліять на русскую доброту и подкрѣпить свою популярность дома, среди нѣмцевъ.

Польско-венгерскіе происки въ Вѣнѣ противъ Россіи приняли особенно угрожающій размѣръ въ дни отказа Петербурга отъ унизительныхъ обязательствъ Парижскаго трактата относительно безоружности Чернаго моря. Лордъ Гренвиль разразился рѣзкимъ протестомъ, но тотчасъ написалъ подъ диктовку Гладстона другую мягкую ноту. Разсердился и Бейстъ, потративъ много чернилъ. По его словамъ, Горчаковъ и Бисмаркъ еще передъ войной 1870 года, будучи въ Эмсѣ, уговорились въ поддержкѣ Пруссіи русскому черноморскому заявленію. Но предполагалось сдѣлать его по заключеніи кампаніи, между тѣмъ князь Горчаковъ основательно разсудилъ, что гораздо выгоднѣе для Россіи поторопиться, чтобъ при заключеніи мира имѣть свободныя руки для вліянія. Это страшно разсердило Бисмарка, и Бейстъ думаетъ, что не будь Гладстонъ премьеромъ во время лондонской конференціи, Бисмаркъ даже присоединился бы къ протестующей сторонѣ. Интересно, что въ эту пору чехи энергично возстали противъ угрожающей политики Австріи и доказывали, что Австріи нѣтъ никакого дѣла до Чернаго моря.

Тьеръ, объѣзжая Европу предъ миромъ, былъ и въ Вѣнѣ. Онъ ѣхалъ въ Петербургъ съ самыми розовыми надеждами, а вернувшись, въ отвѣтъ на сомнѣнія Бейста объ успѣхѣ его миссіи во Флоренціи, отвѣтилъ со вздохомъ: «Oh, je ne suis pas gaté!» (О, я не избалованъ). Кстати про этого маленькаго старичка. Бейстъ пишетъ, что онъ засталъ Тьера въ Парижѣ въ 1873 году за три мѣсяца до его паденія полнымъ вѣры въ свой несокрушимый авторитетъ и слышалъ отъ него такую фразу: «Палата депутатовъ иногда пѣтушится у насъ, но мнѣ стоитъ сдѣлать вотъ такъ (подымая палецъ), и все будетъ смирно!»

При отрѣзаніи французскихъ провинцій существовалъ, по словамъ Бейста, проектъ, не получившій гласности, о назначеніи великаго герцога Тосканскаго, предки котораго нѣкогда владѣли Лотарингіей, княземъ Эльзаса и названной провинціи. О мирныхъ же

переговорахъ самъ Бисмаркъ разсказывалъ Бейсту слѣдующее: «Перемиріе приближалось къ концу, я и говорю Тьеру: послушайте, вотъ уже цѣлый часъ какъ я любуюсь вашимъ краснорѣчіемъ. Пора кончить, и я предупреждаю васъ, что перестаю говорить пофранцузски и буду теперь объясняться съ вами только понѣмецки.— Но, monsieur le ministre,—воскликнулъ Тьеръ,—мы оба (какъ и Жюль Фавръ) ни слова не понимаемъ понѣмецки!—Все равно,—возразилъ я,—теперь я больше не говорю иначе какъ понѣмецки... Тьеръ опять сказалъ прекрасную рѣчь, я выслушалъ терпѣливо и серьезно отвѣтилъ ему понѣмецки. Оба пришли въ отчаяніе, ходятъ по комнатѣ и машутъ руками и въ концѣ концовъ согласились сдѣлать такъ, какъ я хотѣлъ; тогда я снова заговорилъ пофранцузски!» Бейстъ дѣлаетъ къ этому разсказу замѣчаніе, что тутъ рисуется весь недостатокъ развитія сердечности у Бисмарка... Къ тому же времени относится и другой разсказъ желѣзнаго канцлера Бейсту: «Въ Парижѣ одинъ рабочій, говорилъ онъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ въ лицо: «tu es une fameuse canaille!» (ты отчаянная каналья); я могъ арестовать этого смѣльчака, но оставилъ его въ покоѣ, почувствовавъ къ нему уваженіе за его храбрость».— «Мецъ,—пояснялъ Бисмаркъ Бейсту,—я не желалъ присоединять къ Германіи, имѣя въ виду его французское населеніе, но меня заставили его взять генералы, объявившіе, что владѣніе Мецомъ замѣнитъ намъ содержаніе стотысячнаго корпуса, если бъ Мецъ не сдался во время, то германскимъ войскамъ пришлось бы снять осаду Парижа», и т. п.

Послѣ франкфуртскаго мира побѣдоносный Берлинъ рѣшилъ немедленно взять на буксиръ сосѣдку Австрію. Оба императора примирились отчасти уже давно — при поѣздкѣ въ 1867 году въ Парижъ. Теперь предстояло совсѣмъ ликвидировать прошлую ссору и найдти въ Австріи опору для новой австро-прусской политики. Австрійскіе нѣмцы для этого дѣла не годились — тѣсная дружба съ ними Пруссіи могла лишь усилить неудовольствіе Франца-Іосифа. Требовалась услуга венгерцовъ, и Бисмаркъ въ 1871 году выпросилъ у Австріи назначить первымъ ея посломъ въ Берлинъ мадьярскаго магната и національ графа Кароли, что̀ предсказывало въ самомъ недалекомъ будущемъ и замѣну Бейста графомъ Андраши. Для послѣдней требовалось лишь открыть путь прямаго вліянія Пруссіи на императора Австріи. Ради этой цѣли былъ устроенъ рядъ свиданій коронованныхъ особъ и ихъ министровъ. Завѣренія взаимной дружбы были совершены въ концѣ 1871 года и ратификованы въ началѣ слѣдующаго года. Тутъ было не разъ упомянуто и имя Россіи. Бисмаркъ увѣрялъ, что Пруссія вовсе не намѣрена вталкивать Австрію въ борьбу съ Россіей и, напротивъ, ищетъ въ союзѣ съ Австріей свободы своихъ дѣйствій относительно Россіи; Бейстъ совершенно соглашался съ этимъ и писалъ импе-

ратору, что антипрусская политика отниметъ у трона симпатіи нѣмецкаго населенія, возобновитъ прусско-итальянскій союзъ и усилитъ амбицію Россіи. При первомъ свиданіи императоръ Вильгельмъ обратился къ Бейсту съ длинной рѣчью, пространно доказывая аргументами покойнаго историка Ранке о необходимости единенія Германіи, а о нѣмцахъ Австріи сказалъ слѣдующее, весьма интересное и для насъ русскихъ: «Относительно нѣмцевъ Австріи повторю лишь то, что я сказалъ русскому императору— я желаю, чтобъ нѣмцамъ жилось вездѣ хорошо, чтобъ они не жаловались и не взирали на Пруссію какъ на ихъ естественную защитницу, что̀ можетъ причинить Германіи огромныя непріятности». Бисмаркъ три недѣли благодушествовалъ въ Гаштейнѣ, побѣждая Бейста интересными разговорами и ежедневными обѣдами. Онъ говорилъ, что ни подъ какимъ видомъ не желаетъ отнятія отъ Австріи ея нѣмецкихъ провинцій, католическое и славянское населеніе которыхъ причинило бы лишь ущербъ внутреннему порядку союза Германской имперіи. «Я скорѣе предпочелъ бы взять Голандію,»—присовокуплялъ онъ, но Бейстъ узналъ впослѣдствіи, что Бисмаркъ, увѣряя голандскаго посланника въ отсутствіи намѣреній завладѣть его родиной, говорилъ: «Ужъ скорѣе я предпочелъ бы нѣмецкія провинціи Австріи»! Былъ тутъ и другой неловкій случай съ желѣзнымъ канцлеромъ. Его и Бейста пригласилъ къ себѣ хлѣбосолъ и богачъ герръ Кристъ, старый знакомый перваго. «Ну, объясните мнѣ, пожалуйста,—вдругъ пристаетъ хозяинъ не-политикъ къ знаменитому гостю,—отчего вы въ 1866 году не взяли Вѣну?»— Бисмаркъ молчитъ. — «А вѣдь сами, — пристаетъ герръ Кристъ, — помните, утверждали, что побѣдоносное вступленіе въ Вѣну будетъ наисчастливѣйшимъ днемъ въ жизни». Отъ такой неожиданной откровенности вышелъ общій конфузъ и Бисмаркъ, очевидно, не нашелъ отвѣта. За то императоръ Вильгельмъ пояснилъ Бейсту, что долго не могъ рѣшиться на войну съ Австріею и только послѣ многихъ безсонныхъ ночей уступилъ вліянію министровъ и штаба. На этихъ свиданіяхъ Бисмаркъ, конечно, былъ постояннымъ предметомъ народнаго восторга и овацій.—«Когда мнѣ на улицахъ свистали,—пояснилъ онъ по этому поводу автору мемуаровъ,—то я носилъ штатское платье, и меня не узнавали; а теперь, когда мнѣ вездѣ кричатъ ура, я надѣваю военный мундиръ—шапку не нужно снимать—дотронусь до козырька и довольно».

Какъ только австрійскій дворъ достаточно примирился съ Берлиномъ и открылъ прусскому вліянію доступъ къ своему сердцу, Бейстъ въ 1871 году безъ объясненія причинъ былъ уволенъ отъ должности канцлера. Поѣхалъ онъ сначала австрійскимъ посломъ въ Лондонъ, убѣждая Вѣну въ необходимости въ 1877—1878 годахъ активно воспротивиться русскимъ побѣдамъ, доказывая, что Англія готова вступить въ борьбу. Вѣна отвѣчала недовѣріемъ къ

британской готовности. Затѣмъ, Бейстъ переѣхалъ также посломъ Австріи въ Парижъ и тутъ навлекъ на себя окончательное подозрѣніе Берлина за тѣсную дружбу съ madame Adam и другими французскими патріотами, лелѣющими надежду на реваншъ. Послѣдовала полная отставка и развѣнчаніе. Читая суровую критику и брань на себя даже той Венгріи, которой онъ далъ политическое воскресеніе, старичекъ Бейстъ часто съ печальной улыбкой повторялъ германскую простонародную пословицу: «Der Ochs vergist, dass es ein Kalb gewesen ist»! (Забылъ бычекъ, что теленкомъ былъ).

А. Молчановъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Императоръ Александръ I и идея Священнаго союза. Профессора В. К. Надлера. Томы I и II. Рига. 1886.

ИСТОРИЧЕСКАЯ литература насчитываетъ немало обстоятельныхъ сочиненій, посвященныхъ достопамятному двѣнадцатому году. Самъ Наполеонъ непосредственно послѣ войны занимался на островѣ Св. Елены фальсификаціей своей исторіи, удачно прозванной Бернгарди—St. Helene-Literatur; въ лживости повѣствованія съ нимъ удачно соперничалъ русскій писатель — Михайловскій-Данилевскій. Во Франціи Шамбре старается установить правдивый разсказъ; Гурго и Фенъ продолжаютъ вѣрить Наполеоновской легендѣ. Въ 1856 году, появился капитальный превосходный трудъ Бернгарди: «Denkwürdigkeiten des Grafen von Toll». Эта работа основана на солидномъ документальномъ изученіи и отличается проницательностью военныхъ и политическихъ взглядовъ, художественностью изложенія, выпуклостью, яркостью и мѣткостью характеристики. За ней слѣдуетъ добросовѣстный трудъ Богдановича и сравнительно недавнія работы А. Н. Попова въ «Русскомъ Архивѣ» и въ «Русской Старинѣ».

Работа г. Надлера, печатавшаяся въ журналѣ «Вѣра и Разумъ» и продолжающая печататься тамъ же подъ заглавіемъ «Религіозно-нравственное развитіе императора Александра I» является вовсе не самостоятельнымъ трудомъ.

Авторъ основалъ свой разсказъ на трудахъ своихъ предшественниковъ, добавилъ его кой-гдѣ свѣдѣніями, почерпнутыми изъ двухъ сравнительно неважныхъ новыхъ рукописей. Первая — рукопись одного приказчика. графовъ Шереметевыхъ, разсказывающаго о разграбленіи французами Кускова; другая—заключаетъ въ себѣ переписку «о политикѣ» одного южно-

русскаго учителя съ однимъ южно-русскимъ помѣщикомъ. Въ остальномъ авторъ повторяетъ сказанное другими, или, вѣрнѣе, пересказываетъ своими словами особенно капитальное сочиненіе Бернгарди и статьи Попова. Къ такому заключенію приводитъ сличеніе книги г. Надлера съ ея источниками. Поэтому новое сочиненіе новаго историка двѣнадцатаго года есть въ сущности ловкая, красиво и хлестко написанная компиляція, не смотря на старанія автора замаскировать свои заимствованія: онъ совсѣмъ не употребляетъ кавычекъ, цитируя сочиненія предшественниковъ, и оттого разсказъ получаетъ фальшивую самостоятельность.

Заглавіе, данное двумъ томамъ вышедшаго сочиненія, совершенно не соотвѣтствуетъ темѣ, которая какъ-то механически прицѣплена къ матеріалу. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ г. Надлеру понадобился подробный пересказъ событій двѣнадцатаго года, если онъ собирался писать о Священномъ союзѣ? Характеристика Александра I не требовала вовсе этого, а для выясненія идеи Священнаго союза не нужно было и подавно. Вѣроятно, такъ хотѣлось автору,—хотѣлось, перечитавъ все написанное о 12-мъ годѣ, написать популярную и живую компиляцію въ 700 страницъ слишкомъ. Конечно, и за это можно его поблагодарить: публикѣ, интересующейся отечественной исторіей, можно смѣло рекомендовать его повѣствованіе о 12-мъ годѣ, которое по живости подчасъ походитъ на романъ. Другое совсѣмъ дѣло общія идеи, которыя замѣчаются въ трудѣ, — только замѣчаются, а не проникаютъ его, не обнимаютъ матеріала. Авторъ все время стоитъ на провиденціальной точкѣ зрѣнія, которая, однако, проведена вовсе непослѣдовательно для того, чтобы представить опредѣленную философію исторіи. Роль Провидѣнія въ его разсказѣ болѣе публицистическая, чѣмъ философская. Онъ своимъ трудомъ хочетъ дать урокъ и нашимъ современнымъ либераламъ: весь смыслъ борьбы съ Наполеономъ имѣетъ характеръ борьбы двухъ началъ — религіознаго и революціоннаго и въ побѣдѣ перваго надъ вторымъ, при помощи Провидѣнія, заключается самый урокъ либераламъ, «усматривающимъ въ революціи величайшее откровеніе человѣческаго разума». По г. Надлеру выходитъ, что революція отвѣчаетъ за Наполеона, Вольтеръ — за революцію и русскихъ галломановъ, русскіе галломаны за современныхъ либераловъ и обратно. Словомъ, получается какой-то историческій винегретъ.

Центральная фигура сочиненія — Александръ I; въ немъ сосредоточиваются всѣ элементы, борьбу которыхъ г. Надлеръ усматриваетъ въ событіяхъ 12-го года. До войны онъ галломанъ, благодаря воспитанію, чуждому религіознаго элемента, онъ порабощенъ прихотями своего непостояннаго характера. Въ началѣ войны онъ хитритъ, полагаясь на кабинетную стратегію, строитъ неудачные планы и только послѣ взятія Москвы обращается къ религіи, находя въ ней силу и рѣшимость бороться съ Наполеономъ. Намъ кажется, что нельзя изображать Александра какъ рядъ контрастовъ, до и послѣ отечественной войны, и объяснять нравственный переворотъ, происшедшій въ Александрѣ, вмѣшательствомъ «высшей силы», обусловливающей всю послѣдующую «судьбу народовъ». Г. Надлеръ въ своей характеристикѣ, за исключеніемъ «высшей силы», слѣдуетъ Бернгарди, который преувеличиваетъ положеніе дѣла, стараясь объяснить его библіей и Голицынымъ, не упуская, впрочемъ, изъ виду и чуткости Александра I къ общественному мнѣнію, которое сильно негодовало на колеблющагося и уступающаго императора. По г. Надлеру выходитъ, что если бы Александръ не сдѣлался піэти-

стомъ—погибла бы Россія и Европа, и что піэтизмъ былъ необходимъ Провидѣнію для цѣлей спасенія Россіи и Европы. Намъ кажется, что вовсе не нужно было ждать предсказаній ветхозавѣтныхъ пророковъ для того, чтобы найдти рѣшимость продолжать войну: къ этому побуждало и общественное мнѣніе, чуткость къ которому Александръ I засвидѣтельствовалъ примѣрами Барклая и Сперанскаго, и еще болѣе оскорбленное самолюбіе, ибо Александръ I зналъ, что Россія и Европа считаютъ его обманутымъ Наполеономъ и неспособнымъ противиться. Особенно ярко это самолюбіе сказалось въ словахъ Александра I (Соловьевъ: Императоръ Александръ I, стр. 268), произнесенныхъ при въ въѣздѣ въ Парижъ въ 1814 году и обращенныхъ къ Ермолову: «Ну, что, Алексѣй Петровичъ, теперь скажутъ въ Петербургѣ? Вѣдь, было время, когда у насъ, величая Наполеона, меня считали простячкомъ». Александръ умѣлъ быть въ иныхъ случаяхъ настойчивымъ, и вмѣшательство Провидѣнія совершенно тутъ не причемъ: иначе Александръ I и не могъ поступить въ силу самыхъ обстоятельствъ, въ силу своей отвѣтственности передъ цѣлой страной, въ силу, наконецъ, причинъ личныхъ, какъ мы сказали выше.

Авторъ постоянно пересыпаетъ свой разсказъ различными таинственными предчувствіями. Предчувствуетъ Штейнъ твердость Александра I, предчувствуетъ народъ гибель войскъ Наполеона, предчувствуетъ Шишковъ паденіе Наполеона, смотря, какъ сходились два облака, похожія на рака и на дракона, и какъ первое побѣдило второе; предчувствуетъ Александръ I то же самое на основаніи текстовъ изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, подобранныхъ Шишковымъ, предчувствуетъ свою гибель и самъ Наполеонъ; ничего не предчувствуютъ лишь вольнодумцы, всѣ планы которыхъ поэтому терпятъ неудачи. Такъ что, если бы мы вздумали искать послѣдовательно развитой провиденціальной точки зрѣнія,—мы бы жестоко ошиблись, ибо Провидѣніе является на помощь автору только въ исключительныхъ случаяхъ, въ видѣ deus ex machina, и выходитъ, такимъ образомъ, совсѣмъ по Кукольнику, что «рука Всевышняго отечество спасла». Нужно замѣтить г. Надлеру, что онъ утрируетъ въ своемъ разсказѣ о поведеніи французовъ въ Москвѣ, искажая подлинникъ, съ котораго онъ списывалъ—правдивый разсказъ Попова. Г. Надлеръ опускаетъ всѣ симпатичныя черты въ поведеніи французовъ, останавливаясь очень внимательно на звѣрствахъ и приводя ихъ въ связь съ характеромъ цѣлой націи и съ французской революціей (sic)! Точно также авторъ преслѣдуетъ и звѣрства поляковъ, бичуя ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ за то, что они не были русскими патріотами.

Стараясь пояснить читателю тему своего сочиненія, г. Надлеръ горько сѣтуетъ на то, что во взаимныхъ отношеніяхъ правительствъ и народовъ замѣчается «полнѣйшее отреченіе отъ всѣхъ основныхъ идей христіанской нравственности, тутъ уже настоящее царство грубаго насилія и лжи», и нѣсколько строкъ ниже (стр. 3, т. I) восклицаетъ: «Неужели втеченіе долгаго ряда вѣковъ не было предпринимаемо ни одной серьезной и искренней попытки организовать международныя отношенія на чистыхъ началахъ христіанской нравственности?» И отвѣчаетъ на это, что такая попытка была, которая извѣстна подъ именемъ Священнаго союза. Авторъ говоритъ, что «всякій современный газетчикъ (?!) и кропатель передовыхъ статей считаетъ долгомъ глумиться и надъ идеею Священнаго союза, и надъ попыткою ея осуществленія». Г-нъ же Надлеръ хочетъ попытаться разсмотрѣть, какимъ

образомъ могла зародиться въ умѣ Александра I идея Священнаго союза, на сколько она соотвѣтствала настроенію и духу времени, при посредствѣ какихъ личностей вступила въ жизнь, какія причины задержали и извратили ея естественное развитіе. Читая такія благія желанія, можно только радоваться. Но радость васъ вскорѣ покидаетъ, ибо отъ темы авторъ уклоняется, и начинается чередованіе главъ, посвященныхъ то характеристикѣ Александра I и русскаго общества—петербургскаго и московскаго, то разсказъ о событіяхъ отечественной войны, разсказъ, механически прицѣпленный къ темѣ, и наконецъ вы исключительно присутствуете при пересказѣ уже читанныхъ и извѣстныхъ вамъ книжекъ. Такимъ образомъ дѣло идетъ на разстояніи 18-ти главъ, а вы, всетаки, въ темномъ невѣдѣніи относительно умысла автора, и съ такимъ вопросомъ недоумѣнія вы оставляете книгу: зачѣмъ это автору понадобилось переписывать сочиненія старыхъ историковъ 12-го года. Относительно оцѣнки самой «идеи», которая автора интересуетъ, повидимому, болѣе, чѣмъ осуществленіе ея, мы пока воздержимся и подождемъ выхода въ свѣтъ остальныхъ томовъ. Тогда можно будетъ судить, на сколько безпристрастное изслѣдованіе г. Надлера опровергаетъ неблагопріятныя мнѣнія о Священномъ союзѣ тѣхъ историковъ и публицистовъ, которые считаютъ его «порожденіемъ фантастической мечтательной головы отдѣльнаго человѣка», не имѣвшимъ никакого практическаго смысла, тѣхъ либеральныхъ представителей исторической традиціи, которые смотрѣли на Священный союзъ, какъ на орудіе реакціи, какъ на преступную попытку осудить европейское человѣчество на неподвижность, застой и рабство,—тѣхъ историковъ, которые старались бросить тѣнь на основателя самого союза, утверждая, что онъ руководился эгоистическими и нечистыми побужденіями, лицемѣрно прикрывался маскою религіи, что Александръ I просто хотѣлъ владычествовать надъ Европою, что онъ, пожалуй, дѣйствовалъ даже не самостоятельно, будучи только орудіемъ въ рукахъ темныхъ фанатиковъ, надутыхъ ханжей и ловкихъ лицемѣровъ. Теперь же предъ нами два чисто компилятивныхъ тома объ отечественной войнѣ—и только.

С. Т.

Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II. Графа Д. А. Толстаго. Спб. 1887.

Президентъ академіи наукъ, графъ Д. А. Толстой, въ послѣднее время спеціально занимался исторіей русскаго просвѣщенія въ XVIII вѣкѣ; результатомъ его изслѣдованій являются статьи объ академической гимназіи и академическомъ университетѣ, о которыхъ былъ данъ отчетъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» прошлаго года, и настоящее сочиненіе о городскихъ училищахъ въ царствованіе императрицы Екатерины II, составленное преимущественно на основаніи матеріаловъ, заимствованныхъ изъ дѣлъ коммиссіи объ учрежденіи училищъ, хранящихся въ архивѣ департамента народнаго просвѣщенія. За образецъ для устройства нашихъ школъ была взята австрійская учебная система, главное основаніе которой было положено настоятелемъ августинскаго Саганскаго монастыря Фельбигеромъ въ положеніи о начальномъ образованіи, утвержденномъ Маріей-Терезіей въ 1774 году. Эту систему рекомендовалъ императрицѣ Екатеринѣ Гриммъ, и она окончательно рѣшилась ее принять въ 1780 году, послѣ свиданія съ императоромъ Іоси-

фомъ II. Разработка вопроса о народномъ образованіи была ею поручена академику Эпинусу. Въ своей запискѣ онъ указываетъ, что школы согласно австрійскому образцу должно раздѣлить на 3 разряда: 1) начальныя школы, въ которыхъ обучали бы закону Божію, чтенію, письму и первымъ правиламъ ариѳметики, 2) главныя школы, коихъ курсъ расширенъ былъ включеніемъ въ него геометріи, механики, архитектуры, естествознанія, географіи, исторіи, сельскаго хозяйства и началъ латинскаго языка, и 3) нормальныя школы, или учительскія семинаріи, для приготовленія будущихъ учителей. Эпинусъ настаивалъ, чтобы австрійская система была принята безъ всякихъ измѣненій, сперва были бы открыты учительскія семинаріи, для которыхъ можно выписать наставниковъ изъ славянскихъ земель Австріи, и черезъ два-три года послѣ нихъ «можно будетъ открыть значительное количество городскихъ и сельскихъ училищъ». Для введенія въ Россію австрійской системы былъ рекомендованъ Іосифомъ II сербъ Янковичъ де Миріево, и въ сентябрѣ 1782 года была открыта коммиссія объ учрежденіи училищъ, подъ предсѣдательствомъ сенатора Завадовскаго. Эта коммисія должна была озаботиться переводомъ и составленіемъ учебниковъ и приготовленіемъ учителей для новыхъ школъ. Графъ Д. А. Толстой подробно останавливается на исторіи главнаго народнаго училища въ Петербургѣ, основаннаго въ 1783 году, учительской семинаріи 1786 года, обстоятельно разбираетъ руководства, изданныя въ то время (всего 28 учебниковъ). Не можемъ слѣдить за всѣми подробностями его изложенія, укажемъ только результатъ, къ которому онъ пришелъ въ своемъ изслѣдованіи. Осуществленіе учебной реформы нельзя назвать удачнымъ. «Существенные недостатки въ новомъ устройствѣ учебной части заключались: 1) въ несоотвѣтственности мѣстнаго учебнаго управленія, ввѣреннаго администраціи, настоятельнымъ потребностямъ учебнаго дѣла, 2) въ необезпеченности содержанія училищъ и учителей, 3) въ совершенномъ устраненіи духовенства отъ религіозно-нравственнаго образованія народа, 4) въ недостаточности одной учительской семинаріи, къ тому же постепенно ухудшавшейся, на всѣ главныя народныя училища, которыя, въ противность кореннымъ педагогическимъ правиламъ, должны были приготовлять сами себѣ учителей изъ своихъ же учениковъ». Въ Австріи этого не было, но у насъ австрійская система была введена не цѣликомъ, да и почва у насъ была другая. «Къ этому слѣдуетъ прибавить, что курсъ главныхъ народныхъ училищъ, какъ справедливо указывалъ ревизовавшій ихъ Козодавлевъ, превышалъ образовательныя потребности тогдашняго городскаго общества, для котораго весьма достаточно было однихъ такъ называемыхъ малыхъ училищъ; это вполнѣ подтвердилось впослѣдствіи, и въ началѣ нынѣшняго столѣтія только малыя училища оставлены были, какъ начальныя училища для народа съ переименованіемъ ихъ въ приходскія и уѣздныя, а главныя народныя училища, для коихъ народъ еще не доросъ, обращены были въ среднія учебныя заведенія; ошибка была въ степени училищъ: въ томъ, что они поставлены не въ ту категорію, въ которой слѣдовало бы имъ находиться, по потребностямъ и образованности страны». Но все же дѣло было великое. Съ теченіемъ времени учительская семинарія возвысилась до Педагогическаго института, а главныя народныя училища возросли до степени гимназій, что̀ дало учебному вѣдомству наполнить учащими и учащимися учрежденные въ началѣ этого столѣтія, при существованіи тогда только трехъ гимназій, два университета, Харьковскій и Казанскій, а впослѣдствіи

и Петербургскій. «Екатерининская учебная реформа,—говоритъ графъ Д. А. Толстой,—была не только однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣяній ея царствованія, но, можно сказать, началомъ народнаго просвѣщенія въ Россіи, въ обширномъ значеніи этого слова».

А. В—инъ.

„Нижегородскій лѣтописецъ", работа А. С. Гацискаго. Нижній Новгородъ. 1886.

А. С. Гацискій продолжаетъ неутомимо работать на пользу исторіи, статистики и т. д., своего роднаго края. Только искренняя любовь къ нему и убѣжденіе въ необходимости наиболѣе полнаго, основательнаго разъясненія всѣхъ подробностей, до него относящихся, могутъ побудить писателя къ подобному кропотливому, добросовѣстному труду, какимъ является нынѣ въ свѣтъ «Нижегородскій лѣтописецъ». Примѣчанія, которыя А. С. Гацискій присоединилъ къ этому «лѣтописцу», изобилуютъ богатствомъ самыхъ разнородныхъ свѣдѣній, имѣющихъ отношеніе къ Нижнему Новгороду и къ его исторіи.

Необходимо согласиться вполнѣ съ почтеннымъ авторомъ, что важнѣйшими источниками къ изученію нижегородской старины, по ихъ крупному значенію, должны быть признаны два: именно Нижегородскій лѣтописецъ и Сотная грамота. Послѣдняя ни разу не была издана. Нижегородскій лѣтописецъ впервые былъ напечатанъ Новиковымъ въ своей «Вивліоѳикѣ», а затѣмъ другой его варіантъ появился въ «Ученыхъ запискахъ Казанскаго университета» 1836 года. Списковъ Нижегородскаго лѣтописца имѣется нѣсколько. Наилучшимъ считается принадлежащій нынѣ археографической коммиссіи, которой онъ былъ подаренъ нашимъ извѣстнымъ историкомъ, К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ. Въ своемъ трудѣ А. С. Гацискій принялъ этотъ списокъ за основной и сравнительно съ нимъ рядомъ помѣстилъ обнародованный Новиковымъ, принадлежащій А. С. Гацискому (подаренный ему нижегородскимъ епископомъ Макаріемъ) и появившійся въ «Запискахъ» Казанскаго университета. Къ нимъ присоединенъ переводъ лѣтописца, дѣлающій его доступнымъ для большинства читателей. Сверхъ этихъ четырехъ списковъ, у автора были въ распоряженіи еще три варіанта Нижегородскаго лѣтописца, которыми онъ воспользовался для своихъ подстрочныхъ примѣчаній, а именно: списокъ, пріобрѣтенный А. С. Гацискимъ въ 1878 году у нижегородскаго антикварнаго торговца Брывгалова, и два списка, доставленные ему археографическою коммиссіею.

Вслѣдъ за списками Нижегородскаго лѣтописца, доведшаго свое повѣствованіе до 1688 года, А. С. Гацискій помѣстилъ въ своемъ трудѣ: вмѣстѣ съ переводомъ, списокъ новаго Нижегородскаго лѣтописца, начинающагося съ 1697 года; начало Нижегородской губерніи; сказаніе о разрушеніи Печерскаго монастыря (также съ переводомъ); повѣсть о цѣлебной милости преподобнаго Іосифа и о явленія иконы Филиппа, митрополита московскаго, находящейся въ Нижнемъ Новгородѣ въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ. Сверхъ того, авторъ присоединилъ къ своему труду азбучные указатели, личный, географическій, церковный, топографическій, предметный и литературный. Эти указатели облегчаютъ каждому трудъ пользованія «Нижегородскимъ лѣтописцемъ» для необходимыхъ справокъ. Къ книгѣ приложенъ фото-

графическій снимокъ съ первой страницы «Нижегородскаго лѣтописца» по списку, принадлежащему археографической коммиссіи.

Нельзя не пожелать, чтобы А. С. Гацискій издалъ также и Сотную грамоту съ подобными же примѣчаніями, какими онъ обогатилъ «Нижегородскій лѣтописецъ», и тѣмъ пополнилъ бы источники для изученія нижегородской старины.

П. У.

Св. Григорій Богословъ, какъ христіанскій поэтъ. Сочиненіе А. Говорова. Казань. 1886.

Новое изслѣдованіе г. Говорова отличается чисто спеціальнымъ характеромъ и притомъ худшаго качества. Есть спеціальныя сочиненія, которыя съ удовольствіемъ прочитываются и неспеціалистами: въ нихъ авторы, обнявъ извѣстный матеріалъ, изучили его, и проанализировавъ, чувствуютъ себя въ извѣстной области какъ дома; эти авторы умѣютъ находить идеи въ сыромъ матеріалѣ, освѣщать его свѣтомъ общихъ выводовъ и подчиненнаго этимъ выводамъ спеціальнаго анализа. Для этого, конечно, нуженъ самостоятельный критическій талантъ. Къ сожалѣнію, у г. Говорова нужно разсматривать его въ микроскопъ — такъ этотъ талантъ малъ и ничтоженъ. Своимъ изслѣдованіемъ (конечно, по манерѣ, а не по темѣ) г. Говоровъ увеличилъ то несмѣтное количество посредственныхъ отмѣнно-ученыхъ и отмѣнно-скучныхъ, тяжеловѣсныхъ и труднопереваримыхъ книгъ, которыя читать можно только по обязанности и печальной необходимости. Авторъ исключительно занимается сортировкою матеріала, подведеніемъ подъ разныя піитическія рубрики и схемы различныхъ произведеній, то пересказывая содержаніе, то дѣлая огромныя, утомляющія выписки и не давая нигдѣ самостоятельной характеристики св. Григорія Богослова, какъ поэта. Въ трудѣ г. Говорова много кропотливой учености, терпѣливой усидчивости и педантичной методичности. Но онъ, повидимому, совершенно не способенъ обнять своего матеріала. Взгляды автора не самостоятельны, а заимствованы у тѣхъ или другихъ историко-литературныхъ авторитетовъ; методъ изслѣдованія самый не плодотворный, но зато самый спасительный для бездарныхъ ученыхъ: это можетъ быть легче роли сортировщика и пѣвца съ чужаго голоса?

Всѣ стихотворенія авторъ дѣлитъ на лиро-эпическія и лирическія. Первыя въ свою очередь подраздѣляются имъ на гномы, историческія поэмы, дидактическія поэмы и стихотворенія обличительныя; вторыя подраздѣляются на элегіи, гимны, эпитафіи и эпиграммы. Труду предпослано авторомъ введеніе, обзоръ изданій стихотвореній св. Григорія Богослова, классификація ихъ и для заключенія трактуется о метрической сторонѣ стихотвореній и дѣлаются общія замѣчанія о дѣятельности св. Григорія, хотя и въ видѣ ссылокъ на чужія мнѣнія.

Лучшую часть поэтическихъ созданій св. Григорія Богослова составляютъ его чисто лирическія стихотворенія. Они являютъ собой превосходные образцы христіанской лирики, въ нихъ ярко воплотился поэтическій геній великаго, духовнаго писателя. Они запечатлѣны силой глубокаго и искренняго одушевленія, и оплодотвореннаго, какъ говоритъ нѣсколько семинарски-кудряво г. Говоровъ, «чувствомъ христіанскаго сознанія»; они

дышатъ теплой задушевностью и полны самыхъ разнообразныхъ настроеній. Чаще всего лирика св. Григорія превращается въ молитвенный вопль страждущей души, чрезъ всю лирику очень замѣтно проходитъ одинъ элегическій мотивъ, варьируясь въ цѣлой гаммѣ оттѣнковъ чувствъ и настроеній. «Молитвенный вопль принимаетъ,—какъ говоритъ г. Говоровъ,—выраженіе то сильной скорби, томленія души, алчущей лучшей жизни, но изнемогающей въ борьбѣ съ внѣшними препятствіями и съ самимъ собою, то благоговѣйнаго трепета предъ безконечностью ума, воли и силы творческой, то пламенной любви, жаждущей созерцать небесную, неизмѣняемую, нетлѣнную, неувядающую красоту, то трогательнаго умиленія предъ всеобъемлющей благостью—источникомъ жизни и наслажденія всѣхъ тварей, то порывистаго негодованія на ничтожество предметовъ, обольщающихъ человѣческое сердце, то безусловной покорности небу въ несчастіи, то искренняго, полнаго раскаянія въ грѣховныхъ дѣлахъ и нечистыхъ желаніяхъ». Чисто лирическія произведенія отводятъ св. Григорію Назіанзину первое мѣсто въ области духовно-христіанской лирики, между тѣмъ какъ лиро-эпическія находятся въ преемственной, внутренней связи съ античными греческими классиками. Въ области лирики св. Григорій создалъ образцы, ничуть не уступающіе въ художественномъ отношеніи совершеннѣйшимъ произведеніямъ классической лирики. При этомъ лирика св. отца церкви превосходитъ, по словамъ г. Говорова, тѣмъ античную, что содержаніе ея глубже и шире: античная вращалась исключительно въ сферѣ «душевно-чувственной», а лирика св. Григорія въ высшей «духовно-чувствовательной». Классики не идутъ за предѣлы «психо-физическихъ и всегда болѣе или менѣе чувственно-эгоистическихъ эмоцій», св. Григорію матеріаломъ творчества служитъ «и самая душа, и данныя внутренняго чувства самосознанія и саморазмышленія ея о себѣ, жизнь сокровенная, безпредѣльная область идей, область представленій и чувствованій, которыя выходятъ за предѣлы всего земнаго,—словомъ его поэзія обнимаетъ совокупность религіозно-психическихъ процессовъ, въ которыхъ душа, сосредоточенная въ себѣ самой, разсматриваетъ самое себя и изображаетъ свои аффекты». Поэзія св. Григорія опирается на сверхъестественномъ міросозерцаніи, — сверхчувственномъ и чудесномъ. Въ элегіяхъ особенно ярко сказалось пренебреженіе ко всему земному, тлѣнному и скоропреходящему, которое выразилось въ изреченіи «суета суетъ всяческая суета»; поэтому-то всѣ элегіи проникнуты меланхоліей, отличной отъ меланхоліи грековъ: въ основѣ греческой лежитъ страстная матеріалистическая любовь—отсюда печаль при мысли лишиться земныхъ благъ и наслажденій. Меланхолія же св. Григорія начинается тамъ, гдѣ прекращаются вопли отчаянія языческихъ элегиковъ. Онъ убѣжденъ въ непрочности земнаго счастья, убѣжденъ въ томъ, что нѣтъ радости безъ примѣси горя, что послѣднее часто пересиливаетъ радость въ нашей юдоли слезъ и несчастій—и это горькое сознаніе заставляетъ его патетически воскликнуть: «Что такое богатство?—былецъ. Власть?—сонъ. Подчиненность?—мученье. Бѣдность?—оковы. Красота?—мгновенный блескъ молніи. Юность?—лѣтній зной. Старость?—печальный западъ жизни. Извѣстность?—быстролетная пташка. Слава?—вѣтеръ. Благородство?—застарѣлая кровь. Сила?—преимущество дикаго кабана. Роскошь?—пружина безпорядковъ. Бракъ?—рабство. Дѣти?—тяжелая забота. Бездѣтство?—болѣзнь. Судилище?—арена пороковъ. Уединеніе?—бездѣятельность. Искусства?—удѣлъ народа, прилѣплен-

наго къ землѣ. Земледѣліе?—тяжелые труды. Мореплаваніе?—дорога къ могилѣ. Родная сторона?—темница. Чужбина?—позоръ. Все, все здѣсь скорбь для смертныхъ!..» И св. отецъ совѣтуетъ отрѣшиться отъ бренной плоти, отъ этой жизни, и съ радостію взирать изъ этого міра въ міръ небесный, перенося все равнодушно и храня въ ненарушимой чистотѣ образъ Божій.

С. Т.

Народная поэзія. Историческіе очерки ординарнаго академика Ѳ. И. Буслаева. Спб. 1887.

Имя Ѳ. И. Буслаева пользуется у насъ, особенно между поколѣніемъ, воспитавшимся въ 60-хъ годахъ, такою громкою извѣстностью, что говорить о достоинствахъ изданной имъ книги было бы дѣломъ излишнимъ. Все, написанное почтеннымъ профессоромъ и академикомъ, начиная съ его извѣстной диссертаціи «О вліяніи христіанства на церковно-славянскій языкъ» и до послѣднихъ статей въ книгахъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», составляло и до сихъ поръ составляетъ цѣнный вкладъ въ общую сокровищницу русской науки — въ области исторіи русскаго языка, словесности и древне-русскаго искусства. Какъ всякій ученый живой и при томъ посвятившій всю свою долгую жизнь научнымъ трудамъ, академикъ Буслаевъ, конечно, платилъ должную дань различнымъ увлеченіямъ и теоретическимъ взглядамъ, которые на время становились модными въ наукѣ; это отражалось на его изслѣдованіяхъ и приводило его иногда къ заблужденіямъ. Но кто же не знаетъ, что «не заблуждаются только люди, ничего не дѣлающіе?» Если бы на тѣ шесть статей, которыя напечатаны въ настоящей книги, мы стали смотрѣть только со стороны той перемѣны во взглядахъ и научныхъ воззрѣніяхъ, которыя не трудно замѣтить въ нѣкоторыхъ статьяхъ г. Буслаева, написанныхъ втеченіе послѣдняго двадцатилѣтія, то, конечно, статьи, нынѣ напечатанныя, могли бы дать матеріалъ для научной критики. Однако же, авторъ ихъ, предвидя возможность подобной критики, чрезвычайно умно и просто пошелъ ей навстрѣчу, замѣтивъ въ своемъ предисловіи: «Чтобы издать вновь сочиненія, написанныя мною четверть столѣтія тому назадъ, надобно было не только восполнить ихъ новыми матеріалами и пособіями, но и постановить на другія основы, данныя новою теоріею. Такая капитальная перестройка требовала многолѣтнихъ трудовъ, на которые у меня не хватало времени за другими спеціальными работами, да и вообще она была мнѣ уже не по силамъ, и я твердо рѣшилъ не издавать вновь такъ давно составленныхъ мною монографій по народной поэзіи» (стр. V—VI).

По счастію, такое рѣшеніе почтеннаго ученаго «было поколеблено лестнымъ вниманіемъ» II-го Отдѣленія императорской академіи наукъ, которое признало полезнымъ переиздать изслѣдованія Ѳ. И. Буслаева и безъ всякихъ исправленій, «въ видѣ матеріаловъ для исторіи науки по изученію старины и народности». Такого рѣшенія академіи наукъ нельзя не признать совершенно правильнымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя и не видѣть въ немъ лучшей рекомендаціи для трудовъ, которымъ самъ авторъ отводитъ такое скромное мѣсто въ далеко небогатой русской научной литературѣ. Можно смѣло сказать, что такія статьи, какъ «Русскій богатырскій эпосъ» (1862) и какъ «Русскіе духовные стихи» (1861), еще очень долго будутъ имѣть классическое значеніе для всѣхъ, занимающихся исторіей нашей древней и народной словесности.

П. П.

Ученые и литературные труды В. Н. Татищева (1686—1750). Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи императорской академіи наукъ, 19-го апрѣля 1886 года, членомъ-корреспондентомъ Н. Поповымъ. (Съ портретомъ).

Академія наукъ, какъ извѣстно, давно уже готовилась къ 200-лѣтнему юбилею В. Н. Татищева и озаботилась, вмѣстѣ съ наслѣдниками и потомками этого знаменитаго дѣятеля русской науки, объ изданіи въ свѣтъ полнаго собранія его трудовъ и неизданныхъ еще сочиненій. Чтеніе рѣчи на Татищевскомъ юбилеѣ было вполнѣ справедливо предоставлено профессору Московскаго университета Н. А. Попову, который еще въ молодости своей посвятилъ нѣсколько лѣтъ на изученіе многосторонней дѣятельности Татищева и написалъ о немъ весьма извѣстную, объемистую монографію. Рѣчь, произнесенная г. Поповымъ на юбилеѣ Татищева, представляла собою сжатый, но чрезвычайно полно и толково составленный очеркъ характера и жизни, ученыхъ и литературныхъ трудовъ В. Н. Татищева. Г. Поповъ совершенно справедливо опредѣляетъ намъ Татищева, какъ «одного изъ выразителей тѣхъ стремленій, какими жила Россія въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII вѣковъ, и одного изъ участниковъ въ разъясненіи и обсужденіи тѣхъ задачъ, около которыхъ вращалась политическая и правительственная дѣятельность современнаго ему общества»... «Татищевъ и современники его ушли далеко отъ предшествовавшаго поколѣнія тѣмъ, что въ основу всей своей дѣятельности полагали знаніе, стремленіе дать себѣ отчетъ въ происходившемъ передъ ихъ глазами, привычку — самимъ промышлять о себѣ. Школа, черезъ которую провелъ это поколѣніе Петръ, не прошла безслѣдно»,— какъ замѣчаетъ г. Поповъ. «Сфера умственнаго развитія, благодаря ей, расширилась; много новыхъ пріемовъ, свѣдѣній и понятій вошло въ жизнь русскаго человѣка. Но та же школа оставила и громадный матеріалъ по себѣ, который не позволилъ русскимъ людямъ успокоиться на пріобрѣтеніяхъ, добытыхъ въ царствованіе Петра. Особенно усилилось изученіе страны и изученіе прошлой исторіи ея, которыя должны были привести русскій народъ къ самопознанію, имѣвшему освободить его отъ многихъ недостатковъ во внутреннемъ бытѣ и отъ многихъ ошибокъ во внѣшнихъ отношеніяхъ». Въ виду такого значенія эпохи, г. Поповъ болѣе всего обращаетъ въ своей рѣчи вниманія на ученые труды Татищева и даетъ имъ очень вѣрныя и мѣткія характеристики. Типъ этого неутомимаго научнаго, литературнаго и общественнаго дѣятеля, ближайшаго ученика Петрова, выступаетъ какъ живой изъ той критико-біографической рамки, въ которую съумѣлъ его поставить г. Поповъ. Особенно поражаетъ онъ насъ своею жаждою къ пріобрѣтенію и распространенію знаній, и въ особенности тѣмъ, что онъ, при этой жаждѣ, былъ, по выраженію академика Миллера, «человѣкъ независтливый, но весьма откровенный въ дѣлахъ, до простиранія наукъ касающихся». Рѣчь г. Попова богата многими новыми біографическими подробностями о Татищевѣ и, весьма легко изложенная, прочтется съ удовольствіемъ каждымъ образованнымъ русскимъ человѣкомъ, хотя бы онъ даже и не былъ спеціалистомъ по русской исторіи и словесности.

П. Л. В.

Владиміръ Качановскій. Объ историческомъ изученіи русскаго языка. Казань. 1887.

Передъ нами вступительная лекція приватъ-доцента Казанскаго университета, избравшаго предметомъ своихъ чтеній «исторію русскаго языка». Авторъ уже не новичекъ въ области языкознанія и въ началѣ 80-хъ годовъ уже напечаталъ нѣсколько трудовъ по славянскимъ литературамъ [1]). Тѣмъ болѣе удивляетъ насъ многое въ разбираемой нами его «вступительной лекціи»,—многое, свидѣтельствующее о довольно оригинальномъ, хотя и не совсѣмъ правильномъ пониманіи задачъ «историческаго изученія» языка. Такъ, обращаясь къ своимъ слушателямъ, онъ говоритъ: «Долгъ мой указать вамъ прежде всего, какъ слѣдуетъ изучать исторію русскаго языка, послѣ чего станетъ понятною и важность изученія этого предмета». Что это такое? Кто же изъ образованныхъ русскихъ людей не понимаетъ важности значенія такого предмета, какъ исторія русскаго языка? И почему же «важность изученія этого предмета» можетъ уясниться для слушателей только послѣ «указаній» г. Качановскаго? Важность изученія такого предмета, какъ «исторія любаго языка», установлена первѣйшими филологическими авторитетами Европы, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, и уже по крайней мѣрѣ лѣтъ сорокъ сряду по исторіи русскаго языка появляются труды Павскаго, Буслаева, Срезневскаго, Лавровскаго, Потебни и другихъ корнееевъ нашей отечественной науки; при чемъ же тутъ «указанія» г. Качановскаго? Въ особенности, если эти указанія являются, напримѣръ, въ видѣ слѣдующаго положенія:

«А priori можно и слѣдуетъ сказать, что все чуждое церковно-славянскому языку въ древне-русскихъ памятникахъ должно быть причислено къ особенностямъ древне-русскаго языка»; или въ родѣ того, что «ни И. И. Срезневскій, ни г. Потебня не въ силахъ были представить намъ всѣ особенности русскаго языка и ихъ посильное объясненіе». Какъ будто можетъ найдтись во всемъ ученомъ мірѣ такой геніальный ученый, который бы способенъ былъ «представить всѣ особенности русскаго языка»!

Вообще говоря, вся вступительная лекція г. Качановскаго представляетъ намъ нагроможденіе подготовительнаго кабинетнаго матеріала, кропотливую и ничѣмъ не связанную работу филолога-гробокопателя, недостаточно переваренную преподавателемъ, а потому и не приводящую ни къ какимъ общимъ выводамъ. Слѣдя внимательно за этимъ нагроможденіемъ матеріала, приходишь даже къ тому убѣжденію, что этихъ выводовъ отъ г. Качановскаго и ожидать нельзя, потому что ему самому они не ясны, и для него самого исторія языка очень часто сводится просто только къ исторіи отдѣльныхъ словъ и реченій (чтò, конечно, не одно то же!). И не смотря на это, г. Качановскій спѣшитъ къ выводамъ, набрасываетъ обширную программу изученія современнаго литературнаго языка, которое кажется ему «возможно только при уясненіи», напр., того, «на сколько каждое русское нарѣчіе принимало участіе въ его образованіи» [2]), и точно также

---

[1]) «Памятники болгарскаго народнаго творчества», Спб., 1882 года; «Неизданный дубровницкій поэтъ Антонъ Глегевичъ», и т. д.

[2]) Нужно ли говорить, что, на нашъ взглядъ, подобный вопросъ является совершенно празднымъ, потому что въ образованіи нашего литературнаго языка наименьшую роль играли «нарѣчія» нашего языка.

смѣло предлагаетъ, на стр. 42-й, программу изслѣдованій и работъ, въ результатѣ которыхъ долженъ «получиться точный выводъ о русскомъ народномъ языкѣ».

Каждому, кто хоть сколько нибудь, стороною, касался изслѣдованія отдѣльныхъ вопросовъ по «исторіи русскаго языка», слишкомъ хорошо извѣстно, какъ мало у насъ по этому предмету до сихъ поръ сдѣлано. Важнѣйшія эпохи развитія языка не изслѣдованы вовсе; языкъ отдѣльныхъ памятниковъ ждетъ изслѣдователей и словарей; весьма важный по своему научному значенію Словарь древне-русскаго языка, составленный И. И. Срезневскимъ, лежитъ въ рукописи (трудъ цѣлой жизни); Словарь Даля, живая энциклопедія русскаго языка и народности, еще никѣмъ основательно не разработанъ...[1]). О какихъ же выводахъ и результатахъ можетъ быть рѣчь, г. Качановскій? Можно работать по «исторіи русскаго языка»; десятки ученыхъ могутъ всю жизнь посвящать накопленію и сравнительному изученію матеріала для будущихъ изслѣдователей «исторіи русскаго языка», но теперь приходить въ ней къ извѣстнымъ выводамъ, теперь рѣшаться читать ее съ каѳедры, какъ положительную науку, болѣе чѣмъ преждевременно.

Въ заключеніе высказаннаго нами, замѣтимъ г. Качановскому, что онъ совершенно напрасно считаетъ С. П. Микуцкаго «знатокомъ русской народной рѣчи». Всѣ лично знающіе г. Микуцкаго могутъ засвидѣтельствовать, что онъ имъ извѣстенъ какъ ученый знатокъ литовскаго языка, но о русской народной рѣчи онъ, какъ уроженецъ западныхъ губерній, имѣетъ, несомнѣнно, весьма слабое понятіе.

П. П.

А. И. Денисовъ. Генералъ-адъютантъ, адмиралъ Николай Андреевичъ Аркасъ. Севастополь. 1887.

Книга г. Денисова, заключающая въ себѣ біографическій очеркъ дѣятельности адмирала Аркаса, не назначается въ продажу, такъ какъ ея напечатано всего 200 экземпляровъ, и потому на нее нельзя смотрѣть какъ на законченное литературное произведеніе, вылившееся въ совершенной формѣ. Это скорѣе сырой біографическій матеріалъ, годный для работъ будущаго историка жизни и развитія нашего черноморскаго флота.

Дѣятельность адмирала Н. А. Аркаса была главнымъ образомъ административно-организаторская. Личные военные подвиги онъ совершалъ только будучи въ молодыхъ чинахъ гардемариномъ и мичманомъ при занятіи Геленджика и мыса Адлера, гдѣ на его глазахъ былъ убитъ поэтъ Марлинскій (А. Бестужевъ). Затѣмъ въ послѣднюю русско-турецкую войну адмиралъ Аркасъ завѣдовалъ слабою черноморскою флотиліей, которая, подъ его руководствомъ, успѣла показать себя достойной старой славы черноморскаго флота времени Лазарева, Корнилова, Нахимова. Пятидесятые годы Аркасъ провелъ въ балтійскомъ флотѣ, куда былъ переведенъ, по приказанію государя Николая Павловича, за отличное командованіе пароходо-фрегатомъ «Владиміръ», на которомъ плавали почти всѣ члены императорской фамиліи, а также иностранные государи. Назначенный эскадръ-маіоромъ балтійскаго

---

[1]) Кому не извѣстно, что этотъ, по истинѣ, безсмертный трудъ не вызвалъ даже ни одного разбора, имѣющаго хотя сколько нибудь научное значеніе?

флота Н. А. Аркасъ имѣлъ случай часто видѣть государя въ бѣдственныя дни крымской кампаніи, и потому оставилъ послѣ себя записки (полное опубликованіе которыхъ г. Денисовъ признаетъ преждевременнымъ), въ которыхъ даетъ совершенно новую характеристику императора Николая Павловича. Остальное время своей долгой службы генералъ-адъютантъ Аркасъ провелъ въ самыхъ разнообразныхъ порученіяхъ, касавшихся столько же организаціи русскаго флота, какъ и постройки необходимыхъ для него судовъ. Изъ научныхъ работъ Аркаса важное значеніе имѣютъ его гидрографическія изслѣдованія Ладожскаго бассейна. Онъ же много способствовалъ возникновенію Севастополя изъ развалинъ и работалъ особенно усердно по всѣмъ вопросамъ возрожденія черноморскаго флота. Родился Н. А. Аркасъ въ многодѣтной семьѣ дворянина Херсонской губерніи 8-го мая 1818 года и по очереди былъ въ семьѣ двѣнадцатымъ ребенкомъ. Гардемаринскій экзаменъ выдержалъ на 15 году жизни первымъ изъ 17 гардемариновъ. Умеръ 8-го іюня 1881 года въ Николаевѣ, гдѣ и родился,—63 лѣтъ отъ роду.

Въ гербѣ Аркаса сохранился прелестный девизъ «Жизнь царю, честь никому», которому покойный адмиралъ, по словамъ своего біографа, слѣдовалъ строго во всю почти пятидесятилѣтнюю свою государственную службу. Издана книга г. Денисова роскошно и снабжена фотографическимъ портретомъ Н. А. Аркаса.

В. П.

Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія, издаваемые братствомъ св. Петра-митрополита, подъ редакціей Н. Субботина. Томъ восьмой. М. 1887.

«Матеріалы для исторіи раскола» выходятъ подъ редакціей профессора Московской духовной академіи Н. И. Субботина уже болѣе 10 лѣтъ; въ нихъ собрано весьма много важныхъ источниковъ для первоначальной исторіи раскола, оффиціальныхъ записокъ, актовъ, соборныхъ дѣяній, сочиненій первыхъ расколоучителей, Неронова, Аввакума, Ѳедора, Лазаря, Никиты Пустосвята, Авраамія и др. Особенно важенъ въ этомъ изданіи отдѣлъ сочиненій расколоучителей, такъ какъ многія изъ нихъ, можно сказать, впервые въ немъ стали извѣстны ученому міру. Понятно, какъ велика заслуга редактора «Матеріаловъ», и несомнѣнно, всякій историкъ раскола будетъ весьма многимъ обязанъ трудамъ Н. И. Субботина. По первоначальному плану въ изданіи должны были быть три отдѣла: 1) оффиціальныхъ источниковъ, 2) сочиненій первыхъ расколоучителей, и 3) полемическихъ сочиненій православныхъ противъ раскола. Настоящимъ томомъ заканчивается второй отдѣлъ; мы не знаемъ причинъ этого, но не можемъ не высказать сожалѣнія, что не удѣлено еще хотя одного тома для нѣкоторыхъ другихъ раскольничьихъ писателей, напримѣръ, для Спиридона Потемкина, Саввы Романова и др. Въ слѣдующемъ третьемъ отдѣлѣ г. Субботинъ предполагаетъ издать только такія сочиненія, которыя не были напечатаны ни въ позднѣйшее время, ни вскорѣ послѣ появленія ихъ въ свѣтъ, такъ что мы не дождемся втораго изданія «Жезла Правленія», а имѣть его было бы интересно даже не для однихъ расколовѣдовъ. Но какъ бы то ни было, будемъ благодарны г. Субботину и за то, что онъ уже намъ далъ и еще хочетъ дать; и это, какъ мы указали, составляетъ очень много, дополнять могутъ другіе...

Въ настоящемъ томѣ помѣщены нѣкоторыя новооткрытыя сочиненія протопопа Аввакума и инока Авраамія, «Житіе» боярыни Морозовой, княгини Урусовой и Марьи Даниловой, челобитная бывшаго муромскаго архимандрита Антонія царю Алексѣю Михайловичу, сличеніе филаретовскаго служебника съ никоновскимъ, сдѣланное для Александра, епископа вятскаго, и большая историческая статья: «Сказаніе о распряхъ, происходившихъ на Керженцѣ изъ-за Аввакумовыхъ догматическихъ писемъ». Житіемъ Морозовой пользовались уже И. Е. Забѣлинъ и Н. С. Тихонравовъ при составленіи ея біографіи, «Сказаніе о распряхъ на Керженцѣ» послужило источникомъ для статей Г. В. Есипова и самого г. Субботина, и такимъ образомъ наиболѣе новымъ и интереснымъ матеріаломъ являются вновь открытыя сочиненія Аввакума и Авраамія, особенно же перваго. Передъ нами въ толкованіяхъ священнаго писанія и въ посланіяхъ къ паствѣ снова рельефно выступаетъ крупная и своеобразная фигура этого народнаго проповѣдника, виднаго литтературнаго и общественнаго дѣятеля второй половины XVII столѣтія. Натура живая, отзывчивая, личность высоко-талантливая, огненная, отпечатлѣнная какою-то особою самостью, Аввакумъ преисполненъ самыхъ подчасъ рѣзкихъ противоположностей. Смиреніе уживается въ немъ съ крайнимъ самовозвеличеніемъ: въ одномъ и томъ же посланіи онъ называетъ себя «шелудивымъ», «оглашеннымъ», и черезъ нѣсколько строкъ объявляетъ: «не имать власти таковыя надъ вами и патріархъ, якоже азъ о Христѣ,—кровію своею помазую душа ваша и слезами помываю». Много онъ толкуетъ о любви и терпимости, иногда высказываетъ мысли гуманныя и высоко-христіанскія, которыхъ не найдти даже у православныхъ его противниковъ, а то вдругъ мы натыкаемся у него на такія тирады: «Перестань-ко ты насъ мучитьтово!»—обращается онъ къ царю Алексѣю Михайловичу. «Возьми еретиковъ-тѣхъ, погубившихъ душу твою, и пережги ихъ, скверныхъ собакъ, латынниковъ и жидовъ, а насъ распусти, природныхъ своихъ». Или въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ никоніанамъ: «Дайте только срокъ, собаки, не уйдете у меня. Надѣюся на Христа, яко будете у меня въ рукахъ! выдавлю я изъ васъ сокъ-отъ!» Рядомъ съ реализмомъ, съ ясностью толкованія писанія мы видимъ въ Аввакумѣ страшную путаницу, страшный буквализмъ. Вообще это—личность крайне интересная и въ психологическомъ, и въ историческомъ отношеніи; выяснить противоположности въ его воззрѣніяхъ, прослѣдить ихъ генезисъ, возсоздать живой образъ этого дѣятеля, яркаго представителя своей эпохи—работа очень благодарная, хотя, конечно, не легкая... Вновь открытыя сочиненія Авраамія касаются любимой темы этого тоже очень важнаго и своеобразнаго писателя, вопроса объ антихристѣ и кончинѣ міра. Сличеніе филаретовскаго служебника съ никоновскимъ интересно развѣ, какъ лишній образчикъ крайняго буквализма раскольниковъ, но ни историческаго, ни литературнаго значенія не имѣетъ, и напечатано профессоромъ Субботинымъ только потому, что служило источникомъ для противоцерковнаго «Писанія» Александра, епископа вятскаго.

А. Бороздинъ.

Трехвѣковая годовщина города Самары (1586—1886). П. Алабина. Самара. 1887.

Авторъ этого труда, П. В. Алабинъ, еще въ 1877 году, составилъ историко-статистическій очеркъ города Самары, въ 47 печатныхъ листовъ, подъ заглавіемъ «Двадцатипятилѣтіе Самары, какъ губернскаго города», издан-

ный тогда мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ. Поэтому нынѣшній его трудъ является какъ бы дополненіемъ прежняго. П. В. Алабинъ задался цѣлію представить по возможности вѣрную картину настоящаго положенія города Самары, равно и пережитаго имъ послѣдняго десятилѣтія, съ 1877 года. Для достиженія этой цѣли авторъ «Трехъ вѣковой годовщины» изложилъ въ ней за послѣднее десятилѣтіе: результаты движенія населенія въ Самарѣ; успѣхи религіознаго образованія въ Самарѣ и настоящее положеніе ея церквей, развитіе умственнаго образованія въ самарскомъ населеніи; настоящее положеніе въ Самарѣ промышленности, заводской, фабричной, ремесленной, ея торговли; положеніе въ ней банковаго и страховаго дѣла, путей сообщенія, пароходства и желѣзныхъ дорогъ и ихъ вліяніе на жизнь и развитіе мѣстнаго населенія; дѣятельность административныхъ, правительственныхъ, судебныхъ и земскихъ учрежденій въ городѣ; положеніе городскаго хозяйства Самары; обликъ настоящаго наружнаго вида города; очеркъ медицинскаго и санитарнаго въ немъ устройства, общественной благотворительности, уровня народной нравственности; очеркъ общественной и домашней жизни городскаго населенія; наконецъ, перечень замѣчательныхъ событій, совершившихся въ Самарѣ въ послѣднее десятилѣтіе.

Всѣ эти историческія и статистическія данныя, собранныя изъ вѣрныхъ источниковъ, указываютъ на постоянный ростъ Самары къ преуспѣянію. На этомъ городѣ сбываются слова святителя Алексѣя. Проѣзжая въ Золотую орду (первый разъ въ 1357 году), митрополитъ Алексѣй у устья рѣки Самары посѣтилъ жившаго тамъ благочестиваго пустынника и, видя счастливое положеніе окрестностей, предрекъ существованіе въ этой мѣстности большаго города и блистательную ему будущность. Олеарій, проѣзжавшій мимо Самары въ 1634 году, представилъ въ своемъ трудѣ не только описаніе этого города, но и его изображеніе [1]). Рисунокъ представляетъ группу домовъ, изъ среды которыхъ выставляются двѣ-три церкви. Съ тѣхъ поръ Самара, вслѣдствіе своего благопріятнаго положенія на Волгѣ, въ центрѣ торговаго и промышленнаго движенія, сдѣлалась однимъ изъ цвѣтущихъ городовъ Поволжья. Съ Самары начинается на Волгѣ царство пшеницы, ежегодно оборачивающее милліоны рублей. Милліонная торговля зерновымъ товаромъ, саломъ, лѣсомъ и проч., соединеніе рельсовыми путями съ Оренбургомъ и остальною Россіею, предстоящее окончаніе желѣзной дороги чрезъ Уфу и горнозаводскую область Урала къ Екатеринбургу и Тюмени — даютъ виды на еще большее процвѣтаніе Самары въ будущемъ. Хотя въ настоящее время населеніе Самары еще вдвое менѣе Саратова и Казани, ближайшихъ съ нею сосѣдей по Волгѣ, однако образованіе изъ Самары центральной пристани для товаровъ изъ Азіи по двумъ рельсовымъ путямъ изъ Оренбурга и Екатеринбурга даетъ основательную надежду на то, что Самара современемъ превзойдетъ Саратовъ и Казань. Поэтому для историка и статистика будущей столицы средняго Поволжья оба труда г. Алабина окажутся цѣннымъ пособіемъ.

Къ «Трехвѣковой годовщинѣ города Самары» приложены портреты императора Александра Александровича и царя Ѳедора Іоанновича, основавшаго Самару въ 1586 году, и отчетливо исполненный планъ этого города въ нынѣшнемъ его видѣ.

П. У.

[1]) Оно помѣщено въ «Двадцатипятилѣтіи Самары», г. Алабина.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Евгеній Цабель о графѣ Л. Н. Толстомъ. — Письма Тургенева въ нѣмецкомъ переводѣ. — Стихотворенія К. Р. и «Власть тьмы» въ оцѣнкѣ нѣмецкой критики. — Англійское сочиненіе о русскомъ расколѣ. — Итальянская книга о Болгаріи. — Походъ болгарской оффиціальной журналистики противъ книги о князѣ Батенбергскомъ его духовника. — Новый журналъ по исторіи дипломатіи. — Манифестъ Вольтера. — Новая біографія Кромвеля. — Критическая и политическая статья Гладстона. — Россія, спасенная Франціей. — Плагіаторъ Брандесъ, россійское добродушіе и жидовская беззастѣнчивость.

ИЗВѢСТНЫЙ нѣмецкій критикъ и знатокъ русской литературы Евгеній Цабель, о трудахъ котораго съ уваженіемъ отзывался Тургеневъ, — имъ же хорошо переведенный и вѣрно оцѣненный, — помѣстилъ въ майской книгѣ «Deutsche Rundschau» обширную оцѣнку трудовъ Л. Н. Толстого (Graf L. N. Tolstoi). Для насъ въ статьѣ мало новаго, но для нѣмцевъ сужденіе ихъ соотечественника о русскомъ писателѣ, и притомъ вполнѣ компетентнаго въ рѣшеніи эстетическихъ и литературныхъ вопросовъ, имѣетъ несомнѣнное значеніе. Цабель начинаетъ съ замѣчанія, что въ настоящее время нѣмецкая критика усердно занимается и отдѣльными русскими произведеніями, и группировкою ихъ авторовъ по направленіямъ, и общими выводами о значеніи русской литературы. До смерти Тургенева, этого представителя современнаго русскаго реализма, Германія знала только представителей русскаго романтизма—Пушкина и Лермонтова. Теперь она убѣдилась, что «на берегахъ Невы и Москвы существуетъ цѣлый рядъ талантливыхъ писателей, идеи которыхъ заслуживаютъ международнаго изученія». И это литература не заимствованная, не подражательная, а самобытная, оригинальная, чтó достаточно доказала вышедшая недавно въ Лейпцигѣ «Исторія русской литературы» Рейнгольдта. Ея современнымъ представителемъ является гр. Л. Н. Толстой. Цабель ставитъ его не только выше всѣхъ

русскихъ писателей, но и выше французскихъ натуралистовъ. Разсказавъ его жизнь, онъ разбираетъ всѣ главнѣйшія его произведенія, начиная съ «Дѣтства» и «Отрочества», затѣмъ переходя къ «Казакамъ», «Севастопольскимъ разсказамъ», мелкимъ повѣстямъ, «Войнѣ и миру», «Аннѣ Карениной», рисуетъ характеристику его какъ педагога, народнаго писателя, моралиста и теософа. Четыре богословскихъ сочиненія его, не дозволенныя къ печати, разошлись въ тысячахъ литографическихъ и гектографированныхъ списковъ. Цабель говоритъ, что въ нихъ авторъ находитъ никуда негоднымъ весь строй современнаго общества, но критикъ отрицаетъ, чтобы писатель находился въ состояніи такого же психическаго разстройства, какъ Гоголь, уморившій себя голодомъ. Статья оканчивается нѣсколькими словами о разсказахъ для народа, приводится просьба умирающаго Тургенева, чтобы Л. Н. Толстой обратился къ своей прежней литературной дѣятельности, цитируется разсказъ Я. П. Полонскаго о его послѣднемъ свиданіи съ графомъ. «Но когда его мистическая, моральная теорія будетъ давно забыта, онъ будетъ, всетаки, принадлежать къ числу лучшихъ художниковъ-писателей, и его имя будетъ произноситься съ почтеніемъ и удивленіемъ при изученіи современной русской поэзіи».

— «Письма Тургенева» (Briefe von I. S. Turgenjew) переведены докторомъ г. Руге въ полномъ составѣ, всѣ 488 счетомъ. Въ нихъ видно, какъ онъ жилъ и чувствовалъ и что думалъ о религіозныхъ, политическихъ и художественныхъ вопросахъ. Въ нихъ нѣмецкая критика видитъ какое-то дѣтское добродушіе, но слогъ ихъ называетъ классическимъ. Даже съ тѣми, къ кому онъ имѣлъ право относиться рѣзко, онъ говоритъ мягко и вѣжливо. Въ письмахъ разсѣяно множество блестящихъ мыслей и мѣткихъ наблюденій. Нѣмцы обращаютъ вниманіе на то, что русскій писатель холодно относится къ родоначальнику французскаго реализма Бальзаку и нынѣшнему представителю натурализма—Зола. Но, что Тургеневъ не любилъ и нѣмцевъ, хотя въ молодости былъ ихъ ярымъ поклонникомъ,—объ этомъ вовсе не упоминаетъ нѣмецкая критика.

— Два послѣднія письма изъ Россіи, печатающіяся въ журналѣ «Magazin für die Litteratur des In — und Auslandes» (см. майскую книжку «Историческаго Вѣстника»), посвящены разбору тома «стихотвореній» К. Р. (Gedichte von K. R.) и послѣдней драмы Л. Н. Толстого. Стихи, не появившіеся въ продажѣ, «произвели впечатлѣніе въ извѣстныхъ кружкахъ своею простотой и отсутствіемъ всякихъ претензій». Они принадлежатъ, по словамъ нѣмецкой критики, одному изъ членовъ русскаго августѣйшаго семейства (русская журналистика уже разоблачила иниціалы К. Р.), въ которомъ были представители всѣхъ родовъ занятій и дарованій, но не было поэтовъ. Критика очень хвалитъ высокопоставленнаго писателя, и хотя содержаніе его стихотвореній не выходитъ изъ рамокъ обыкновенныхъ поэтическихъ впечатлѣній и поэтъ воспѣваетъ весну, цвѣты, любовь, Венецію, Мадонну Рафаэля и т. п., но стихи его не составляютъ перепѣвовъ съ чужого голоса и отличаются, напротивъ, свѣжестью и молодостью вдохновенія. Къ лучшимъ пьесамъ сборника критикъ причисляетъ посланіе къ товарищамъ Измайловскаго полка, съ которыми К. Р. участвовалъ въ послѣдней войнѣ съ Турціею; «Псалмопѣвецъ Давидъ (1881), «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ» (1882), «Христосъ съ тобой» (1886) и друг., обнаруживающія теплое, религіозное чувство. Поэтъ близко знакомъ также и съ нѣмецкой поэзіей, и любовь къ

ней передана ему матерью, рожденной въ Германіи. Авторъ критической статьи въ названномъ выше журналѣ очень недурно перевелъ двѣ піесы К. Р. на нѣмецкій языкъ.

«Власть тьмы» критикъ переводитъ Die Macht des Bösen, что̀ не совсѣмъ точно. Зло—не то же, что тьма. Успѣхъ драмы, разошедшейся въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, причисляется къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ литературнымъ, но не эстетическимъ, а къ области психіатріи. Критикъ напоминаетъ уже давно высказанное мнѣніе Л. Н. Толстого, что наука и искусство—забавы праздныхъ людей и что будущія поколѣнія станутъ смѣяться надъ этими пустыми занятіями. Право на существованіе имѣютъ только люди, занимающіеся ручнымъ трудомъ. Надъ искусствомъ и наукою смѣялся и гетевскій Мефистофель, ихъ топчутъ въ грязь и нигилисты. Въ чемъ же разница между воззрѣніями ихъ и гр. Толстого?—спрашиваетъ критикъ, удивляясь похваламъ, какія расточаютъ драмѣ два—три органа русской печати. Разсказавъ содержаніе драмы, критикъ прибавляетъ: «Боже сохрани, чтобы эта исторія двухъ убійствъ и трехъ прелюбодѣяній была зеркаломъ чувствъ, мыслей, поступковъ русскаго народа. Если бы онъ дѣйствительно былъ похожъ на лицъ, выведенныхъ авторомъ, пришлось бы только сожалѣть о немъ». Критикъ не вѣритъ, чтобы драма могла когда нибудь явиться на Александринскомъ театрѣ, и оканчиваетъ статью нѣсколькими словами о настоящемъ положеніи русской сцены, далеко не блестящемъ.

— Въ Лондонѣ вышла книга «О русской церкви и русскомъ расколѣ» (The russian church and russian dissent, by Albert Heard). Авторъ подробно и довольно вѣрно описываетъ всѣ наши секты, начиная съ православныхъ старовѣровъ до фанатиковъ, переходящихъ всѣ границы религіознаго экстаза и поклоняющихся троицѣ въ лицѣ Петра III, Наполеона и скопца Селиванова. Авторъ приводитъ длинный списокъ книгъ, по которымъ онъ составлялъ свое изслѣдованіе, но болѣе всего онъ пользовался трудами Леруа-Болье, изучившаго нашъ расколъ лучше и обстоятельнѣе не только всѣхъ иностранцевъ, но и многихъ русскихъ писателей. Книга Гирда во всякомъ случаѣ заслуживаетъ полнаго вниманія русскихъ людей.

— Вышли двѣ книги о Болгаріи—одна на нѣмецкомъ, другая на итальянскомъ языкѣ. Послѣдняя — чистый панегирикъ нынѣшнимъ правителямъ страны, но въ которомъ мѣстами встрѣчаются любопытныя и невольныя разоблаченія. Книга носитъ названіе «Два мѣсяца въ Болгаріи. Замѣтки очевидца» (Vico Mantegazza: due mensi in Bolgaria. Note d'un testimonio oculare). Но этотъ очевидецъ видѣлъ только то, за что ему хорошо заплатили. Въ послѣднее время регенты, испуганные тѣмъ, что вся серьезная и здравомыслящая печать въ Европѣ отзывается о нихъ сурово и непріязненно, какъ они этого заслуживаютъ, — хлопочутъ всѣми мѣрами имѣть сторонниковъ въ журналистикѣ. Не говоря уже о консервативныхъ англійскихъ органахъ, какъ «Standard» и друг., регенты, съ помощью англійскихъ субсидій, пріобрѣли союзниковъ въ константинопольской печати. Газеты Levant-Herald, Stamboul, Revue de l'Orient приняли ихъ сторону. Даже когда явилась въ Бухарестѣ довольно безпристрастная газета «Express-Orient», разоблачившая подвиги регентовъ, издатель Levant-Herald'a поспѣшилъ и въ столицѣ Румыніи создать листокъ въ защиту своихъ друзей, балгарскихъ правителей, къ которымъ нѣмецкіе органы печати относятся не достаточно дружелюбно и то хвалятъ, то порицаютъ палочное правительство, смотря по

тому, какъ прикажетъ германскій канцлеръ, которому выгодно поддерживать смуту въ Болгаріи. Итальянская журналистика—также на сторонѣ регентовъ, съумѣвшихъ заручиться расположеніемъ даже одной французской газеты «Le Temps». Авторъ итальянской книги по крайней мѣрѣ откровененъ. Онъ прямо говоритъ, что Батенбергъ хотѣлъ сдѣлать изъ Болгаріи маленькое нѣмецкое государство (un piccolo stato tedesco), но въ этомъ ему помѣшали русскіе, настоящіе хищники и узурпаторы, вносящіе только деморализацію въ среду болгарской интеллигенціи, отличающейся всѣми нравственными качествами, которыя дѣлаютъ ее способною для роли мудрыхъ правителей, какими заявили себя высокоталантливые регенты.

Гораздо интереснѣе этого итальянскаго прислужничества не только нѣмцамъ, но даже болгарамъ, откровенности нѣмецкой книги «Болгарскій князь Александръ» (Fürst Alexander von Bulgarien), написанной духовникомъ Батенберга Кохомъ и вышедшей въ Дармштадтѣ. Съ этой книгой случилась комическая исторія въ Болгаріи. Не успѣла она появиться въ свѣтъ, какъ правительственная газета «Свобода», отзываясь о ней въ восторженныхъ выраженіяхъ, начала переводить ее на болгарскій языкъ въ своихъ фельетонахъ; потомъ вдругъ органъ Начевича объявилъ, что дальнѣйшій переводъ прекращается, потому что это сочиненіе—подлое. Очевидно, правители даже не прочли книги, надѣясь на то, что духовникъ князя не станетъ же печатать ничего для него непріятнаго. По отношенію къ нему они не ошиблись: пасторъ Кохъ написалъ чистую Батенбергіаду, прославляющую до небесъ нѣмецкаго проходимца, но по отношенію къ его друзьямъ и соправителямъ, авторъ книги такого же нелестнаго мнѣнія о нихъ, какъ и самъ Батенбергъ вообще обо всѣхъ своихъ бывшихъ подданныхъ, которыхъ онъ называлъ не стѣсняясь: «ces sales individues, ces cochons prétentieux de bulgares». Пасторъ Кохъ былъ положительно злымъ геніемъ Батенберга. Приставленный къ нему, чтобы руководить мало образованнаго, неопытнаго и заносчиваго офицерика въ его новомъ званіи и доносить въ Берлинъ о его поступкахъ, этотъ служитель алтаря впутался во всѣ грязныя интриги зазнавшагося выскочки и сдѣлалъ его маріонеткой въ рукахъ нѣмецкой политики, которой Батенбергъ сильно держался съ перваго дня своего княженія, враждуя съ Россіей сначала тайно, потомъ явно, не разсчитавъ только, что Германія броситъ его тотчасъ же, какъ онъ сдѣлается не нуженъ болѣе для ея цѣлей. Не смотря на теперешнее отреченіе Берлина (дѣйствительное или только притворное,—узнаемъ скоро) отъ своего ставленника, Кохъ настаиваетъ въ своей книгѣ на томъ, что Болгарія должна подчиниться нѣмецкому вліянію и принять нѣмецкую культуру. Все зло въ странѣ происходитъ отъ того, что на нее заявляютъ претензію славянофилы, которыхъ Кохъ приравниваетъ къ нигилистамъ. Самъ князь, по словамъ автора, человѣкъ прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ, но «вся болгарская интеллигенція безъ исключенія безчестна; всѣ окружавшіе князя—воры, злоупотреблявшіе его довѣріемъ и деньгами; истинныхъ патріотовъ въ Болгаріи нѣтъ; народное собраніе — толпа разнокалиберныхъ невѣждъ и недоучекъ». Можно представить себѣ, какъ пріятно было регентамъ и ихъ клевретамъ читать такую правду! Ихъ газеты выходятъ изъ себя и кричатъ, что Коха мало повѣсить за такую клевету и оскорбленіе ихъ превосходительствъ. «Независимая Болгарія» возмущается больше всего тѣмъ, что Кохъ разоблачаетъ дѣйствія Батенберга. «Мы старались до сихъ поръ,—говоритъ наивно газета,—доказать, что именно русское правитель-

ство вызвало переворотъ 1881 года, что оно хотѣло отнять у насъ конституцію и свободу, а въ книгѣ доказывается, что самъ князь рѣшился сдѣлать такой смѣлый шагъ, въ виду непригодности конституціи и парламентаризма для болгарской націи. Мы и сами готовы согласиться, что во всемъ этомъ есть доля правды, но зачѣмъ же позволено Коху говорить это въ то время, когда мы ведемъ отчаянную борьбу противъ Россіи, чтобы опять вернуть къ намъ князя? Если есть за что осуждать интеллигенцію, то есть за что осуждать и князя съ его совѣтниками въ родѣ Коха. Не мы, а самъ князь приглашалъ въ министры русскихъ генераловъ, и если онъ будетъ опять на сторонѣ Россіи, то не зачѣмъ и хлопотать о его возвращеніи». Это заключеніе газета развиваетъ очень подробно, настаивая на томъ, что больше ждать нельзя и пора вывести Болгарію изъ ея невыносимаго положенія: «Торговля, ремесла — все остановилось, всѣ матеріально истощены и разорены; денегъ нѣтъ и взять ихъ не откуда». Все это правда, но кто же въ этомъ виноватъ? Книга Коха, помимо подобныхъ невольныхъ разоблаченій, не болѣе какъ пустой, мелкій памфлетъ. Въ ней разсказывается наивно, какъ авторъ ея шпіонилъ за русскими агентами, генераломъ Соболевымъ, Іонинымъ, Каульбарсомъ и др., какъ онъ ѣздилъ въ Берлинъ, Варцинъ, Дарміштадтъ съ тайными дипломатическими порученіями и проч. Въ разсказахъ Коха трудно отличить ложь отъ правды.

— Въ Парижѣ началъ выходить новый журналъ «Обозрѣніе дипломатической исторіи» (Revue d'histoire diplomatique), основанный Обществомъ ученыхъ государственныхъ дѣятелей и дипломатовъ, посвятившихъ себя преимущественно изученію исторіи дипломатіи. Членами Общества состоятъ лица, извѣстныя въ мірѣ науки и даже коронованныя: король бельгійцевъ, король Виртембергскій, симпатизирующій больше Франціи, чѣмъ Пруссіи, императоръ бразильскій, королева Италіи, наслѣдники греческаго и датскаго престола, министры иностранныхъ дѣлъ, почти всѣхъ европейскихъ державъ, писатели по международному праву: графы Ротанъ и Бараль, профессоръ Франкъ, баронъ д'Авриль, Функъ-Брентано и друг.; изъ русскихъ — предсѣдатель историческаго Общества, А. А. Половцевъ, управляющій московскимъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, баронъ Бюлеръ, баронъ Жомини, княгиня Е. Е. Трубецкая и друг. Въ каждомъ европейскомъ государствѣ Общество имѣетъ своего делегата-корреспондента. У насъ делегатомъ И. П. Хрущевъ, членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Журналъ Общества выходитъ четыре раза въ годъ. Въ настоящее время появились двѣ книжки, въ которыхъ много замѣчательныхъ статей. «Дипломатическій манифестъ Вольтера», статья основателя Общества и редактора журнала, академика герцога Брольи, сообщаетъ любопытное произведеніе Вольтера, остававшееся неизвѣстнымъ. Когда другъ и почитатель писателя маркизъ д'Аржансонъ былъ сдѣланъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, онъ поручилъ Вольтеру написать манифестъ, съ которымъ Людовикъ XV хотѣлъ обратиться къ князьямъ Германской имперіи, съ приглашеніемъ принять сторону курфюрста Баварскаго противъ австрійской императрицы Маріи-Терезіи, враждебно относившейся къ Франціи. Но блестящій философъ, остроумный писатель оказался плохимъ дипломатомъ, что̀ доказала и его неудавшаяся миссія ко двору его друга и ученика Фридриха II. Какой-то директоръ дипломатической канцеляріи отозвался такъ неблагосклонно объ этомъ манифестѣ, назвавъ его une capucinade politique, что министръ не рѣ-

шился представить королю сочиненіе своего друга, и манифестъ не былъ обнародованъ. Вролье отыскалъ его въ архивахъ канцеляріи и напечаталъ съ помѣтками стараго чиновника, рѣшившагося подвергнуть великаго писателя рѣзкой, но совершенно справедливой критикѣ. Баронъ д'Авриль, бывшій долгое время французскимъ резидентомъ въ разныхъ земляхъ Балканскаго полуострова, помѣстилъ въ журналѣ интересную статью о роли Австріи въ Германскомъ союзѣ, въ 1850—1851 гг. Но еще интереснѣе статья дипломата Ротана: «Союзъ Германіи съ Австріей въ 1879 году», въ которой разоблачаются всѣ махинаціи германскаго канцлера, съумѣвшаго сдѣлать имперію Габсбурговъ орудіемъ своей явной вражды къ Франціи, и тайной — къ Россіи. Нельзя не отмѣтить статей: Франка—«О роли войны въ сформированіи общества», греческаго дипломата Викеля, «О Греческомъ королевствѣ съ эпохи Лайбахскаго конгресса», о письмахъ Шарлоты Роганъ по поводу казни герцога Энгіенскаго и пр. Библіографическій отдѣлъ журнала также очень полонъ и замѣчателенъ.

— Въ Берлинѣ вышло новое, весьма замѣчательное сочиненіе о «Кромвелѣ» (Oliver Cromwell von Fritz Hönig). Эта выдающаяся историческая личность служила предметомъ изслѣдованія многихъ извѣстныхъ писателей. Байронъ отзывался о немъ съ глубокимъ уваженіемъ въ своемъ Чайльдъ-Гарольдѣ. Маколей въ своихъ «Опытахъ» сопоставляетъ энергичную фигуру диктатора, не позволявшаго никому расточать достояніе Англіи, съ Карломъ II, раздававшимъ своимъ фавориткамъ все, что добылъ Кромвель своею экономіей и кровью своего войска. Карлейль говоритъ, что протекторъ не обращался къ суду людей и люди не умѣли оцѣнить его какъ слѣдуетъ, но онъ всегда останется героемъ. Мерль д'Обинье сравниваетъ его съ Нумою Помпиліемъ, такъ какъ онъ былъ представителемъ религіознаго духа Англіи, и называетъ его великимъ устроителемъ великаго народа. Гизо видитъ огромное значеніе въ его власти надъ самимъ собою и надъ обстоятельствами его времени. XVII вѣкъ олицетворяется въ представителяхъ двухъ различныхъ системъ правленія—Людовикѣ XIV и Кромвелѣ. Карлъ I былъ своего рода Людовикомъ XIV въ миніатюрѣ. Онъ любилъ искусство, читалъ Шекспира и покровительствовалъ Вандику, оставившему намъ удивительный портретъ короля съ страдальческимъ выраженіемъ лица, но холодными, злыми глазами. Но и Кромвель интересовался художествами и литературой. Это доказываетъ покупка рафаэлевскихъ рисунковъ и покровительство Мильтону и Уоллеру. Письма протектора дышатъ энергическимъ краснорѣчіемъ. Гёнигъ видитъ въ немъ и Мильтонѣ настоящихъ германскихъ героевъ, хотя пуританизмъ ихъ далеко не похожъ на грубо-эгоистическую, холодную натуру нѣмцевъ. Пуритане временъ Кромвеля, преслѣдуемые Стюартами, до тѣхъ поръ, пока Англія не прогнала окончательно эту позорную династію, принесшую столько вреда странѣ, переселились въ англійскія колоніи новаго свѣта, гдѣ въ основу свободныхъ учрежденій легли кромвелевскія учрежденія. Авторъ новой книги о Кромвелѣ разбираетъ, впрочемъ, больше его военную, нежели гражданскую дѣятельность. Капитанъ прусской арміи, тяжело раненный при Марс-ла-Турѣ, Гёнигъ говоритъ, что сначала вздумалъ написать изслѣдованіе только о походахъ Кромвеля, въ ровень къ сочиненію Іорка «Наполеонъ какъ полководецъ», но вскорѣ убѣдился, что образъ протектора будетъ неясенъ безъ оцѣнки его гражданскихъ подвиговъ. Какъ полководца авторъ ставитъ Кромвеля наравнѣ съ Наполеономъ, хотя и въ меньшей сферѣ дѣйствій, и

видитъ въ нихъ одинаковую стратегическую проницательность въ соединеніи съ творческимъ талантомъ организатора. А между тѣмъ до 42-хъ лѣтъ Кромвель былъ мирнымъ гражданиномъ, никогда не занимался военнымъ искусствомъ, не готовился къ военному званію и, сѣвъ въ это время первый разъ на лошадь, втеченіе семи лѣтъ сдѣлался выдающимся полководцемъ, какъ Фридрихъ II, чувствовавшій въ молодые годы величайшее отвращеніе къ военной службѣ. Въ книгѣ Гёнига Кромвель является, впрочемъ, не только какъ полководецъ, но какъ агитаторъ, парламентскій ораторъ, государственный человѣкъ и диктаторъ. Трудъ нѣмецкаго писателя выше англійскихъ и французскихъ историковъ Кромвеля.

— Маститый глава либеральной партіи въ Англіи, находясь не у дѣлъ и оставляя управленіе министерствомъ, не остается, однако, никогда безъ дѣла и посвящаетъ обыкновенно свой досугъ занятіямъ по изученію Гомера и его эпохи. На этотъ разъ, однако же, бывшій премьеръ обратилъ свое вниманіе на современную историческую литературу и помѣстилъ въ журналѣ «The english historical Review», о которомъ намъ приходилось уже говорить, обширную статью подъ названіемъ «Исторія 1852—1860 годовъ и послѣдніе томы записокъ Гревилля» (The history of 1852—1860 and Greville's latest journals, by Rt. Hon. W. E. Gladstone, M. P.). Статья написана по поводу выхода въ свѣтъ трехъ послѣднихъ томовъ «Записокъ Гревилля о царствованіи королевы Викторіи». (Мы разбирали также первые томы этихъ записокъ). Гревилль, перечисляя подробно въ своихъ обширныхъ восьмитомныхъ мемуарахъ всѣ событія послѣдняго времени, натурально долженъ былъ не разъ касаться дѣятельности Гладстона, и знаменитый государственный дѣятель исправляетъ въ своей статьѣ многія ошибки и недомолвки Гревилля. Много любопытнаго сообщаетъ Гладстонъ о вопросахъ, затронутыхъ автторомъ въ исторіи этихъ восьми лѣтъ: о паденіи системы протекціонизма, о Крымской войнѣ, Парижскомъ мирѣ, китайской войнѣ, индійскомъ возстаніи, возрожденіи Италіи. Критикъ недоволенъ «аристократическимъ либерализмомъ» автора, но и мы, въ свою очередь, не можемъ остаться довольны поправками Гладстона, относящимися въ особенности къ его оцѣнкѣ дѣйствій Россіи въ Крымскую войну. Прежде онъ сознавался, что война эта была величайшей ошибкой (о чемъ свидѣтельствуетъ и Бейстъ въ своихъ только-что вышедшихъ запискахъ). Теперь онъ смотритъ на нее другими глазами и не раздѣляетъ мнѣнія своихъ соотечественниковъ Брайта и Кобдена, что англійская кровь лилась въ 1854 году только для поддержанія династическихъ видовъ Наполеона III. Гладстонъ не сознается въ этомъ и, называя виды эти «непроницаемыми», тогда какъ они очевидны, говоритъ, что Россія была несправедлива по отношенію къ Турціи, настаивая на исключительномъ покровительствѣ православія. Приведя слова лорда Росселя, называвшаго Николая I «своевольнымъ нарушителемъ европейскаго мира», Гладстонъ говоритъ, что Англія не могла допустить обращенія съ Турціей какъ съ державой, стоящей внѣ закона. «Лордъ Стратфордъ произвелъ въ Константинополѣ благодѣтельныя перемѣны». (Гдѣ онѣ и въ чемъ заключаются?) «Политика 1853 года была европейскимъ протестомъ противъ одного государства, неправильно поступающаго (wrong-doing), и она была лучше современной политики, когда одни великія государства спорятъ съ другими, а язва милитаризма, одно изъ величайшихъ бѣдствій человѣчества, не достигала такого страшнаго и подавляющаго развитія, исходъ изъ котораго одинъ: война или банкротство кон-

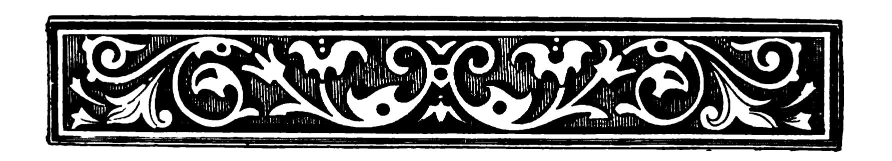
тинентальныхъ державъ». Гладстонъ увѣряетъ, что Стратфордъ убѣдилъ уже султана согласиться на вторую ноту четырехъ европейскихъ державъ,—первая была имъ отвергнута,—когда Николай I прекратилъ всякіе переговоры, и война сдѣлалась неизбѣжной. Это утвержденіе явно противорѣчитъ тому, что свидѣтельствуетъ исторія. Гладстонъ сознается, однако, что защита Севастополя гораздо славнѣе, чѣмъ нападеніе на него и взятіе крѣпости. Въ концѣ статьи Гладстонъ приписываетъ себѣ заслугу, что въ 1860 году онъ отвратилъ войну Англіи съ Франціей и, можетъ быть, съ Италіей. Все это можетъ быть, но надо ждать, что̀ скажетъ объ этомъ исторія, а не самъ бывшій тогда министръ.

— Франція чрезвычайно сочувственно относится къ Россіи. Это внѣ всякаго сомнѣнія и подтверждается ежедневными фактами. Союзъ между этими державами, въ виду притязаній Германіи, или, точнѣе, Пруссіи на гегемонію въ Европѣ, былъ бы весьма естественъ и желателенъ, если бы только во Франціи установилось сколько нибудь прочное правительство и министры ея не мѣнялись также часто, какъ русскіе губернаторы. Въ благополучномъ исходѣ только-что закончившагося «шнебелевскаго инцидента», едва не послужившаго поводомъ къ войнѣ между Франціей и Германіей, многіе видятъ вліяніе Россіи, давшей почувствовать германскому канцлеру всю неосновательность поступка нѣмецкой полиціи, захватившей французскаго чиновника по обвиненію въ измѣнѣ Германіи. Можно не соглашаться съ тѣмъ, что именно Россія спасла Францію въ этомъ случаѣ, но кому же, кромѣ французскихъ благеровъ, можетъ прійдти въ голову, что въ дѣлѣ Шнебеля Франція спасла Россію? А между тѣмъ этотъ невозможный парадоксъ высказанъ въ серьезномъ журналѣ «Revue politique et littéraire», въ передовой статьѣ: «Инцидентъ въ Паньи-на-Мозелѣ: (Incident de Pagny-sur-Moselle). Авторъ статьи говоритъ, что причина захвата Шнебеля въ этомъ городкѣ — та же самая, которая возбудила и слухи о войнѣ передъ выборами въ германскій рейхстагъ: надо было напугать общественное мнѣніе близостью столкновенія, чтобы въ палату послали приверженцевъ, а не противниковъ законопроекта Бисмарка о септенатѣ. Теперь канцлеру надо было увѣрить рейхстагъ, что Франція собирается воевать, и тогда онъ скорѣе утвердилъ бы экономическіе и духовные законы Бисмарка. Случаи, въ родѣ шенебелевскаго,—говоритъ статья,—происходятъ ежедневно на прусско-русской границѣ. Кровавыя сцены ненависти двухъ національностей (не изъ-за стычекъ ли съ контрабандистами?) описываются нѣмецкими газетами, но Бисмаркъ не возбуждаетъ по этому никакихъ претензій. Россія знаетъ теперь его планъ: постепенно «разбить Австрію безъ участія въ ея защитѣ Франціи и Россіи, разбить Францію—безъ участія Россіи и Австріи и, наконецъ, разбить Россію—безъ участія Франціи и Австріи. Если бы Франція не организовала въ короткое время огромную военную силу, нѣмецкіе полки были бы уже давно на пути въ Петербургъ и Москву. Неожиданное возрожденіе Франціи спасло Россію (!!!). Она знаетъ это и потому не останется спокойной зрительницей нападенія на Францію, такъ какъ паденіе Франціи повлечетъ за собою и паденіе Россіи. Вотъ почему она избѣгала западни болгарскаго вопроса и сохранила за собою свободу дѣйствій. Австрія ей нисколько не страшна, хотя и держитъ сторону Германіи... Во всякомъ случаѣ русскіе могутъ скорѣе прійдти въ Берлинъ, чѣмъ пруссаки въ Парижъ». Статья оканчивается замѣчаніемъ, что вѣчное безпокойство, поддерживаемое Германіей, становится

невыносимо. Противъ нея—общественное мнѣніе, но въ силахъ ли оно будетъ остановить войну? Вызовъ на войну, какъ и на поединокъ между частными лицами—дѣло чести и рѣшается на полѣ сраженія. Но въ случаяхъ грубаго и безпричиннаго нападенія можно, не обнажая меча, прибѣгнуть къ суду европейскихъ державъ и подчиниться рѣшенію этого высшаго третейскаго трибунала. Но захочетъ ли ему подчиниться нападающая держава?—въ этомъ весь вопросъ.

— Странный, уже не политическій, а литературный инцидентъ передаетъ нѣмецкій журналъ «Magazin für die Litteratur des In-und Auslandes». Случай этотъ относится къ исторіи всемірной литературы, и къ нашему россійскому добродушію. Давно ли общественное мнѣніе у насъ возставало противъ излишняго увлеченія русскихъ европейцевъ разными иностранными знаменитостями. Происходило это во время пріѣзда къ намъ Шпильгагена, дѣйствительно когда-то знаменитаго, но давно уже окончательно исписавшагося и потерявшаго всякое значеніе даже въ Германіи, а у насъ встрѣченнаго небывалыми оваціями. Подобное же и далеко не заслуженное поклоненіе встрѣтилъ и другой нашъ гость, датскій критикъ Брандесъ. Литературный фондъ нашъ, оставившій безъ вниманія чествованіе памяти такихъ писателей, какъ Костомарова, Кавелина, Калачева, Карновича, и устроившій литературное чтеніе только по смерти поэта Надсона, собиралъ публику на четыре чтенія критическихъ воззрѣній этого критика жидовскаго происхожденія, пишущаго понѣмецки и читающаго пофранцузски. Если на одномъ изъ этихъ чтеній критикъ распространялся о томъ, чего вовсе не знаетъ, то есть о русской литературѣ, то въ другомъ вздумалъ просто прочесть по своей старой книжкѣ устарѣлыя сплетни о Жоржъ-Зандѣ и Альфредѣ Мюссе, давно уже знакомыя русской публикѣ. Нецеремонность такого поступка замѣтило Брандесу «Новое Время», но теперь нѣмецкій журналъ уличаетъ развязнаго критика въ еще болѣе нецеремонномъ поступкѣ. Сочиненіе его «Главныя теченія литературы XIX столѣтія», существующее и на русскомъ языкѣ, было переведено въ свое время понѣмецки Штрадманомъ, теперь уже умершимъ. Вѣроятно, разсчитывая на то, что покойники не возражаютъ, Брандесъ выпустилъ въ свѣтъ одну часть своего сочиненія: «Романтическая школа въ Германіи», въ новомъ переводѣ, на томъ основаніи, что Штрадмановскій переводъ не хорошъ и не полонъ. Но что же оказалось? Брандесъ сдѣлалъ только незначительныя поправки въ переводѣ Штрадмана, а 4/5 книги перепечаталъ дословно въ своемъ переводѣ, что̀ и было подтверждено литературно-судебною коммиссіей, составленною изъ такихъ компетентныхъ лицъ, какъ издатель Таухницъ, докторъ Липсіусъ, профессоры Видерманъ, Цанке и Кунтце. Эта перепечатка чужого труда, за которую Брандесъ взялъ, по удостовѣренію коммиссіи, по 80-ти марокъ за печатный листъ, будетъ почище пересказа старыхъ анекдотовъ о Жоржъ-Зандѣ, которымъ хлопала неразборчивая россійская публика на лекціяхъ жидовствующаго критика.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Первая въ Россіи женщина-врачъ.

ВО ВТОРОМЪ томѣ «Исторіи медицины въ Россіи», Рихтера, на стр. 330, читаемъ: «Іоганъ Дрешеръ. О врачѣ семъ очень мало находится извѣстій рукописныхъ. По списку Мюллерову, онъ вступилъ въ царскую службу (1688). Мы знаемъ только то, что онъ скончался (1690), поелику 3 января того жъ года оставшаяся послѣ него вдова входила съ формальною просьбою къ государю овыдачѣ ей жалованья, заслуженнаго покойнымъ ея мужемъ».

Теперь взглянемъ, что̀ въ самомъ дѣлѣ говоритъ исторія: «Дѣло № 46, О свидѣтельствѣ, въ 193 (1685) году, Іог. Дрешера, который лживо себя дохтуромъ называлъ».

«Въ 1685 году, февраля 27-го, къ великимъ государямъ (титулъ) пріѣхалъ въ службу, къ Москвѣ, изъ-за литовскаго рубежа, иноземецъ Иванъ Ивановъ Дрешеръ, съ отпискою смоленскаго воеводы боярина Б. В. Бутурлина и въ Посольскомъ приказѣ, въ разспросѣ, сказался дохтуромъ, родомъ изъ Амбурга; 25 лѣтъ назадъ, отецъ, докторъ же, отпустилъ его, для науки аптекарской, въ Шлёнскую землю, въ г. Бряславль, которой подъ владѣніемъ цесаря римскаго. И онъ, Иванъ, въ Бряславлѣ былъ у брата роднаго, большаго, у дохтура Готфрида Дрешера, въ аптекарской всякой наукѣ двѣнадцать лѣтъ, и, научась аптекарской наукѣ и лѣкарствамъ, послѣ того былъ въ Саксонской землѣ, въ г. Энѣ, гдѣ князь Саксонской-Вельмерской живетъ, и тамъ былъ въ школѣ дохтурской, въ академіи, полтора года. По свидѣтельству дохтуровъ, которые въ той школѣ начальствуютъ, Андрея Ѳербера, Гагедорна, Рейера, Шеѳера съ товарыщи и иныхъ, учиненъ онъ дохтуромъ, и дали ему тѣ дохтуры о той его дохтурской наукѣ свидѣтельствованный листъ за руками и за печатьми своими. Побывъ два года, изъ того города поѣхалъ въ г. Витембергъ и тамъ въ дохтурской школѣ далъ себя свидѣтельствовать дохтурамъ Мейснеру, Шперлингу, Шнейдеру стоварыщи. Та де Витемберская дохтурская школа славная надъ всѣми дохтурскими школами, также де и надъ итальянской Павы города. И той де Витемберской школы дохтуры дали ему также свидѣтельствованной, въ дохтурской его наукѣ, листъ за руками жъ и за печатьми своими. Былъ онъ

въ Витемберху два же года и пріѣхалъ назадъ въ Шлёнскую землю, въ г. Бряславль, гдѣ женился, а взялъ за себя, дохтура Карла Павлуса жену, вдову, Елизабетъ Вакартъ, дохтура жъ амбурскаго Николая Вакара дочь, а женясь приѣхалъ въ городъ Амбурокъ, гдѣ отецъ его и мать безъ него какъ онъ былъ въ отъѣздѣ въ наукахъ, померли, а сродниковъ никого не осталось. Въ Амбурхѣ побывъ немного, поѣхалъ онъ, съ женою своею, въ Лубокъ, а изъ Лубка на передъ послалъ жену свою со всею своею рухлядью, на кораблѣ во Гданскъ, къ дочери ея, что во Гданску за мужемъ, для того, что во Гданску хотѣлъ жить, а самъ де остался въ Лубкѣ для лѣчбы больнаго человѣка. И ему де, Ивану, вѣдомо учинилось въ Лубкѣ, что корабль, на которомъ онъ жену свою отпустилъ во Гданскъ, на море подъ г. Гистровомъ разбило, нынѣ тому третій годъ. То онъ де, не долѣча того человѣка, изъ Лубка поѣхалъ жену свою искать и нашелъ ее въ г. Гистровѣ, а животы де его и письма дохтурскія свидѣтельствованныя на морѣ все потонуло. Взявъ жену свою, поѣхалъ во Гданскъ, а во Гданску де жены его зять, дочери мужъ, дохтуръ, умре. Во Гданску де онъ, Иванъ, съ женою своею жилъ четыре недѣли. Въ то де время писалъ изъ Могилева Янъ Храповицкій, воевода витебской, во Гданскъ къ бурмистромъ, чтобъ они, бурмистры, для лѣчбы его, Яна, прислали въ Могилевъ дохтура какова ученаго, и бурмистры де, видя его, Ивана, разореннаго, говорили ему, чтобъ онъ для лѣчбы къ тому воеводѣ поѣхалъ, и онъ де изо Гданска поѣхалъ съ женою своею на Кролевецъ, на Ковну, на Вильну, на Слуцкъ, на Полоцкъ въ Могилевъ. Ѣдучи тѣми городами, вездѣ больныхъ людей лѣчилъ, а въ Могилевѣ лѣчилъ воеводу витебскаго Храповицкаго и иныхъ знатныхъ людей, которые къ нему въ Могилевъ, изъ разныхъ мѣстъ, нарочно для лѣчбы, пріѣзжали, а у того де воеводы витебскаго лѣчилъ онъ нутрянную болѣзнь, по польски называемая колтунъ, на всемъ опухъ былъ, а сына его, воеводича, лѣчилъ ноги, а въ ногахъ у него была болѣзнь подагра, ломотная болѣзнь въ костяхъ. Также и иныхъ многихъ людей отъ разныхъ болѣзней вылѣчилъ же, а они дали ему свидѣтельствованные листы за руками и за печатьми ихъ. Былъ онъ въ Могилевѣ 24 недѣли, и въ то де время услышалъ про него, Ивана, и писалъ объ немъ изъ Смоленска полковникъ Павелъ Менезіусъ къ могилевскому аеендарю съ лѣкаремъ жидомъ Ледою, чтобъ онъ, Иванъ, съ лѣкарствы, пріѣхалъ въ Смоленскъ къ нему, Павлу, для лѣчбы на время, и онъ де, Иванъ, въ Смоленскъ пріѣхалъ съ женою жъ своею. Будучи въ Смоленску, вылѣчилъ у боярина и воеводы у Б. В. Бутурлина нутрянныя разныя болѣзни, да въ ногѣ рожу, а жена де его, Иванова, вылѣчила жъ боярина Б. В., у жены его боярыни нутряную же лихорадку. Да и Павла де Менезіуса и иныхъ отъ разныхъ болѣзней вылѣчилъ же. Бояринъ де и воевода и Павелъ Менезіусъ говорили ему, Ивану, чтобъ онъ ѣхалъ къ Москвѣ, въ ихъ государскую службу, и онъ де, Иванъ, имъ, великимъ государемъ, въ ихъ государскую службу билъ челомъ, а бояринъ де и воевода, по тому его челобитью, къ нимъ, великимъ государемъ, писалъ, а какъ де великихъ государей указъ къ боярину объ немъ, Иванѣ, присланъ, и бояринъ, давъ ему подводы и провожатого, изъ Смоленска отпустилъ его съ женою къ Москвѣ. Да онъ же, Иванъ, сказалъ, что и жена де его, Иванова, за Божью помощью, можетъ тако жъ всякую болѣзнь лѣчить и дохтурской де наукѣ она совершенна научена отъ отца и отъ перваго мужа своего; а при немъ де, Иванѣ, челядница, вдова, жидовка, съ сыномъ своимъ небольшимъ лѣтъ въ десять

жидовской вѣры; а взяла де жена его ту жидовку изъ Могилева, проводить себя, для толмачества по русски. А на Москвѣ де, пріѣхавъ, сталъ онъ въ нѣмецкой слободѣ, на дворѣ Павла Менезіуса.

«Великіе государи цари (титулъ) указали того дохтура и разспросныя его рѣчи изъ Посольскаго приказа отослать и свой, великихъ государей, указъ объ немъ учинить въ Аптекарскомъ приказѣ вамъ, боярину, князю Никитѣ Ивановичу, да боярину жъ и дворецкому, князю Василью Ѳедоровичу Одоевскимъ и дьяку Андр. Виніусу, и 10 марта 1685 отосланы».

Въ тотъ же день бояре приказали: «Въ дополнку допросныхъ его рѣчей его допросить—для того, что онъ никакого свидѣтельства дохтурскаго чина не сказалъ: сколько ему отъ роду лѣтъ и коей онъ вѣры? По латыни онъ совершенно ли умѣетъ говорить и подобающій отвѣтъ, противъ вопросовъ отъ философскихъ и физическихъ дѣлъ, принадлежащихъ наукѣ дохтурской, безъ которой промоціи и свидѣтельства изъ академіи не даются, на латинскомъ языкѣ и совершенную о нутреныхъ болѣзняхъ и внѣшнихъ вину и состояніе ихъ дать можетъ ли? Для чего онъ взялъ себѣ свидѣтельства чина дохтурскаго изъ дву академій въ Эне, да въ Витемберхѣ? На тѣ академіи онъ шлется ли? Также въ Амбурхѣ, Гданскѣ, въ Бреславлѣ, Лубкѣ кому про то вѣдомо, что онъ учиненъ дохтуромъ и свидѣтельствованные листы у него были и на морѣ потонули? Которые люди полатыни не совершенно умѣютъ, въ академіяхъ разныхъ, во всей Европѣ, какъ слушаютъ и такому въ дохтурскіе чины позволютъ ли? А послѣ той сказки бояре велѣли его свидѣтельствовать, тѣми его допросными рѣчми и разговоромъ на латинскомъ языкѣ, дохтуромъ Лаврентью Блюментросту да Захарью Ѳандергульсту и объ немъ у нихъ взять сказки, что онъ ученой ли человѣкъ и искуства дохтурской науки имѣетъ ли? и лѣченіе всякихъ болѣзней нутрянныхъ ему повѣрить мочно ль? или иное объ немъ что уразумѣютъ?

«И противъ сей помѣты въ Аптекарскомъ приказѣ бояромъ Одоевскимъ да дьяку Виніусу, марта 12-го, Иванъ Ивановъ сынъ Дрешеръ въ дополнку своихъ рѣчей сказалъ: свидѣтельства де дохтурскаго чина онъ, Иванъ, въ пріѣздѣ своемъ сказалъ въ Посольскомъ приказѣ; отъ роду ему сорокъ два года; вѣры люторскіе; по латыни де говорить онъ, Иванъ, умѣетъ отчасти, а подобающій де отвѣтъ, противъ вопросовъ философскихъ и физическихъ дѣлъ, по латине противъ самыхъ ученыхъ отвѣта дать не можетъ, а противъ де дохтуровъ, въ лѣченіи всякихъ чиновъ людей онъ, Иванъ, на дѣлѣ окажется; а свидѣтельство де онъ взялъ себѣ дохтурской чинъ изъ одной академіи въ городѣ Эне, и на ту академію шлется, а въ Витемберхе свидѣтельства ему не дано; вѣдомо де про то, что онъ, Иванъ, учиненъ дохтуромъ и свидѣтельствованные листы его на морѣ потонули, въ городѣ Бреславлѣ бурмистру Мюллеру, и въ Амбурхѣ, въ Гданскѣ, въ Лубкѣ про то многіе люди вѣдаютъ же, а иные не вѣдаютъ, для того; что онъ въ тѣхъ городѣхъ былъ мимоѣздомъ. Потонули де на морѣ тѣ свидѣтельствованные листы тому третій годъ; а которые де люди по латини не совершенно умѣютъ, во академіяхъ разныхъ, по всей Европѣ, слушаютъ на латинскомъ языкѣ и въ дохтурскіе-де чины же позволяютъ имъ, для того, когда въ лѣченьи нутренныхъ болѣзней они отвѣтъ, противъ ученыхъ, дать умѣютъ, въ дохтурахъ велятъ быть. Iohan Drescher.

«Марта 18-го, въ Аптекарскомъ приказѣ, предъ боярами кн. Н. И. да кн. В. Ѳ. Одоевскими и дьякомъ Виніусомъ, дохтуры Лаврентій Блюментростъ да Захарій фанъ-деръ-Гульстъ новопріѣзжаго иноземца, что назвался докторомъ, Ягана Дрешера свидѣтельствовали, для того что о своемъ дохтур-

скомъ чинѣ никакого свидѣтельства не положилъ. И вопрошали его: въ которомъ городѣ и академіи онъ слушалъ? и кто были тогда учители, предсѣдатели и деканъ? по которой болѣзни онъ вопрошенъ? и на которомъ языкѣ онъ отвѣтъ чинилъ? Яганъ сказалъ, что его слушали въ городѣ Іенѣ нѣкоторые дохтурской науки учители, которыхъ онъ именовалъ, а имя декана пропамятовалъ. А слушали его о всѣхъ болѣзняхъ отъ главы до ногъ понѣмецки. И дохтуры учали говорить, что въ томъ городѣ такихъ имянъ учителей науки дохтурской не бывало и нынѣ нѣтъ, и что де онъ вопрошенъ на нѣмецкомъ языкѣ и о многихъ болѣзнехъ во едино время, и то де безстыдно онъ солгалъ, потому что наука-де наша описана вся на латинскомъ языкѣ и никогда въ славныхъ академіяхъ учениковъ, хотящихъ воспріяти чинъ дохтурскій, на нѣмецкомъ, кромѣ латинскаго, на которомъ ты не искусенъ, не слушаютъ и въ дохтуры отнюдь неученыхъ людей не позволяютъ. И буде онъ вопрошенъ о всѣхъ болѣзняхъ на нѣмецкомъ языкѣ, сказалъ бы про одну болѣзнь, которая латинскимъ языкомъ плевриcъ, а словенски же колотье именуется, кая причина, знакъ, мѣсто и врачевство той болѣзни? и отъ той его отповѣди хотѣли, кромѣ ученія, вѣдать бы искусство его, какимъ способомъ хочетъ людей лѣчить. И онъ имъ отповѣди иной не далъ, кромѣ того, что де я о томъ съ вами много разговаривать не буду. Доктуры Лаврентій Блюментростъ да Захарій фанъ-деръ-Гульстъ сказали: по всему-де видимъ мы, что ты не токмо человѣкъ не ученой, но искуства болѣзней человѣческихъ не имѣешь, и назвался ты дохтуромъ ложно, и хочешь всякихъ людей токмо изъ-за денегъ обманывать, и ихъ гибелью принять себѣ вѣдомство. И по государствамъ де разнымъ проходя, знатно дѣтся не гдѣ, потому что такихъ гуляковъ въ нарочитыхъ городѣхъ не попущаютъ людей лѣчить, изъ мѣста въ мѣсто прогнанъ, на послѣдокъ пришелъ сюды. И били челомъ великимъ государемъ словесно, что они, дохтуры, объявляютъ, чистою совѣстью, кромѣ всякого пристрастія, чтобы великіе государи Ягана въ чинъ дохтурскій позволить не изволили, потому что онъ назвался въ томъ чинѣ ложно, и къ тому де онъ не годенъ, и чтобъ тѣмъ позволеніемъ многихъ людей, которые въ его лѣченіи будутъ въ опасность смерти не привѣсти, и впредь, какъ о принятіи такого неученаго человѣка въ окрестныхъ государствахъ свѣдаютъ, то къ выѣзду въ Московское государство ученѣйшихъ и искуснѣйшихъ дохтуровъ путь бы не былъ возбраненъ, а на то смотря такіе же бы гулящіе люди не дерзали въ Московское государство выѣзжать и всякихъ чиновъ людей обманывать; а что де онъ положилъ нѣсколько листовъ свидѣтельствованныхъ изъ Литвы, коихъ людей онъ лѣчилъ, и то де всегда обычай есть не ученымъ людямъ такія свидѣтельства имать, чѣмъ бы удобно было имъ иныхъ людей прельщать, а ученые и искусные дохтуры такихъ листовъ, какъ мы шлемся по всюду, отнюдь ни у кого не имутъ, а прославляются они токмо своимъ ученіемъ и искуствомъ».

Затѣмъ слѣдуетъ грозная филиппика Блюментроста и фанъ-деръ-Гульста, на латинскомъ языкѣ, противъ знаній и правдивости Дрешера, указывавшаго на професоровъ богословія, придворныхъ канониковъ, юристовъ, какъ на своихъ экзаменаторовъ изъ дохтурской науки, филиппика, заканчивающаяся такъ: «Истино увѣщеваемъ прехвальныхъ сего прецвѣтущаго царства вельможъ и бояръ, дабы человѣку обманчивому и отъ лжей сшитому и художества весьма не искусному, который явѣ есть, что подъ имянемъ шатуна не сомнительно польскіе городы сѣмо и тамо проходилъ, не вѣрили и его словамъ, прель-

ствся великорѣчными, ево въ аптеку не принимали впредъ о томъ имущи жалѣти. Данъ марта въ 18-й день 1685 года. (Подписи) Лаврентій Блюментростъ дохтуръ и архіаторъ рукою своею. Арнольдъ, Ѳандергульстъ дохтуръ рукою своею. (Помѣта) 193 года марта въ 25 день по указу великихъ государей и сестры ихъ государевы великія государыни царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны бояре князь Н. И. и князь В. Ѳ. Одоевскіе приказали: иноземцу Ягану Дрешеру въ Аптекарской палатѣ дохтуромъ не быть, а велѣли ему на Москвѣ жить, сколько самъ похочетъ, и кормится ему, лѣченіемъ всякихъ людей, собою; да ему жъ велѣли сказать, что бы онъ всякого чина и возраста людей лѣчилъ со всей опаской и выше своего умѣнія и искуства никого лѣчить не дерзалъ и тѣмъ бы ни кого въ опасность смерти николи не приводилъ, а лѣчилъ бы знаемыми и обычными лѣкарствы изъ Новой аптеки и давалъ больнымъ свои рецепты, а своими лѣкарствами и незнаемыми лѣчить не велѣли, противъ прежнихъ великихъ государей указовъ. Сей великихъ государей указъ иноземцу Ягану Дрешеру сказанъ апрѣля въ 3 числѣ».

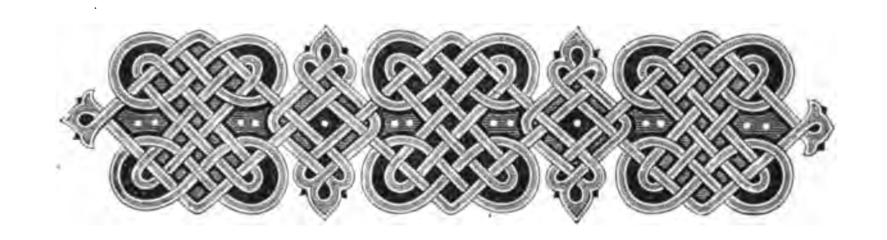
«Переводъ съ нѣмецкаго листа, какой писалъ дохтуръ Симонъ Зомеръ къ дьяку къ Андрею Виніусу съ капитаномъ съ Яковомъ съ Эглинымъ, во 193 году августа въ 23 день... ...(Зомеръ былъ посланъ для найма дохтуровъ и кстати въ отпускъ въ Бреславль)... Что нѣкоторый докторъ, именемъ Яганъ Дрешеръ, къ Москвѣ пріѣхалъ, но здѣсь ни о имяни его, ни о немъ самомъ вѣдомости получить не могу... Писано въ Бреславлѣ іюня въ 23 день по старому 1685 года.

Но тѣмъ не менѣе... «Лѣта 7194 декабря 1, по указу великихъ государей (титулъ) бояромъ кн. Н. И. Одоевскому съ прочими. Государи цари (титулъ) указали выѣзжаго иноземца и лѣкарственнымъ дохтурскимъ наукамъ навычнаго, Ягана Дрешера, въ Аптекарскомъ приказѣ привѣсти къ вѣрѣ, по обыкновенію, какъ приводятъ къ вѣрѣ иноземцевъ же дохтуровъ, а приведши къ вѣрѣ, изъ Аптекарскаго приказу прислать Ягана въ Посольскій приказъ, царственные большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ къ оберегателю, къ ближнему боярину и намѣстнику новгородскому, ко князю В. В. Голицину съ товарыщи. (Помѣта) Учинить по сему великихъ государей указу и сей великихъ государей указъ, какъ его привѣдутъ къ вѣрѣ и который пасторъ, записать въ книгу и велѣть тому пастору приложить и дохтуру руки, что къ вѣрѣ приведенъ, и потомъ отослать его съ памятью въ Посольскій приказъ.

«Декабря во 2 день въ Аптекарскомъ приказѣ вышеписанный иноземецъ Яганъ къ вѣрѣ приведенъ, по крестоприводнымъ обычнымъ статьямъ, по которымъ въ Аптекарскомъ приказѣ прежъ сего дохтуровъ къ вѣрѣ приваживали, а приводилъ люторскія вѣры пасторъ Александръ Юнгъ. И тотъ вышеписанный иноземецъ Яганъ Дрешеръ изъ Аптекарскаго въ государственный Посольскій приказъ къ тебѣ, царственной большой печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателю, ближнему боярину и намѣстнику новгородскому, ко князю В. В. Голицину съ товарыщи посланъ, съ симъ великихъ государей указомъ. Послана съ лѣкаремъ Иваномъ Веденихтовымъ».

Ходили слухи, что жена Дрешера, состоя при царевнѣ Софьѣ, имѣла большую придворную практику, не имѣя какъ и мужъ никакого по службѣ отношенія къ Аптекарскому приказу.

Л. Змѣевъ.

СМѢСЬ.

Славянское Общество. Какъ бы въ отвѣтъ на упреки въ бездѣйствіи нашего славянскаго Общества, въ послѣднемъ собраніи его говорилъ рѣчь профессоръ Кояловичъ, посвятившій ее историческому разъясненію вопроса: что дѣлать теперь нашему славянскому благотворительному Обществу? Эта рѣчь служила отвѣтомъ на сомнѣнія въ литературѣ и обществѣ о полезности нашего вмѣшательства въ славянскія дѣла; профессоръ говоритъ: «Идея славянства жестоко страдаетъ теперь и не у насъ однихъ, и не въ одной Болгаріи, у чеховъ, также и другихъ славянъ. Даже соколы Черной Горы ищутъ опоры у Рима и туда налетѣли уже черные вороны—латинскіе іезуиты. Въ Сербіи, Чехіи, Галичинѣ думаютъ уже, что средоточіе славянства—нѣмецкая австрійская Вѣна. Да и въ Россіи славянская идея повсюду ли представляется во всей своей полнотѣ и ясности? И среди насъ замѣтны сепаративныя стремленія въ славянскомъ вопросѣ. Содѣйствовать разъясненію этихъ грустныхъ явленій и недоразумѣній въ славянскомъ мірѣ, служить объединенію славянскаго міра—долгъ членовъ славянскаго благотворительнаго Общества, да и не одних его членовъ, это вообще долгъ каждаго русскаго человѣка. Отчего же славянская идея терпитъ какъ бы крушеніе? Не виноваты ли въ этомъ и мы, русскіе?» Ораторъ пробовалъ далѣе освѣтить свѣтомъ исторіи пройденный Россіей путь и наши отношенія къ другимъ братскимъ славянскимъ народностямъ. Рядомъ примѣровъ ораторъ пояснялъ, что историческимъ стремленіемъ, историческою задачей для насъ должно быть развитіе нашей жизни на Востокѣ и стремленіе къ Черному морю. На Востокѣ утвердились самыя широкія племенныя основы, утвердилась православная вѣра, развилась и окрѣпла русская литература, русское искусство. И каждый разъ, когда случайно происходило движеніе впередъ, въ другую сторону,—это было неудачное движеніе, навязывавшее новыя столкновенія съ новыми задачами и ослабленіе идеи славянскаго единства. Въ этомъ движеніи на сѣверо-востокъ русскій народъ волей-неволей удалялся отъ остальнаго славянства. Перенесеніе нашихъ столицъ изъ Суздаля въ Владиміръ, Москву—было удаленіе отъ славянства, отъ Чернаго

моря. Русь уходила, а татарское иго еще болѣе подвинуло ее въ противоположную сторону. Историческія ошибки повели къ обособленію восточной и западной Руси. Ораторъ представилъ, какъ западная Русь напрягала послѣднія силы для сохраненія своей жизни и единенія съ нами, и какъ послѣдствія восточно-русскаго уединенія были пагубны не только для славянъ, но и для Россіи. Стремленіе къ сѣверо-востоку, къ Бѣлому морю, завоеванія въ этомъ направленіи и устройство новыхъ областей и предпріятій, отрывая туда лучшія силы и таланты, лишали насъ Чернаго моря и возможной тогда централизаціи славянскихъ элементовъ. Всегда, какъ только приближались мы къ Черному морю, какъ только укрѣплялись на его берегахъ, все славянство было съ нами, все тяготѣло къ намъ и наше вліяніе и мощь усиливались. Съ горечью говорилъ ораторъ объ эгоизмѣ политики Ивана Грознаго, отказавшагося отъ Крыма, и указалъ цѣлый рядъ другихъ историческихъ промаховъ, приведшихъ насъ впослѣдствіи къ разъединенію славянъ, къ утратѣ даже идеи славянства между самими русскими. Но русская государственность и русская общественность несутъ свои силы единодушно на служеніе единому благу Россіи. Что́ же для этого дѣлать нашему славянскому Обществу? Важнѣе всего заняться выясненіемъ старыхъ и новыхъ путей, какъ нашего объединенія, такъ и нашего разъединенія. Поэтому для Общества нужна дѣятельность не благотворительная, а учено-литературная. Тогда вопросъ перейдетъ на болѣе практическую почву и можетъ обсуждаться не въ собраніяхъ Общества, а въ засѣданіяхъ его совѣта. Мы должны нести знамя славянства, какъ бы намъ это ни было трудно; даже при сознаніи немощи нашей, мы не можемъ отказаться отъ этого знамени. Рѣчь профессора была привѣтствована рукоплесканіями. Затѣмъ г. Петровъ разсказалъ о праздновaніи 19-го марта пятидесятилѣтняго юбилея славянскаго дѣятеля и ученаго, доктора І. М. Гурбана, причемъ юбиляра чествовали всѣ славянскіе патріоты, а мадьярскія низшія власти почтили доносомъ, не имѣвшимъ, впрочемъ, никакихъ послѣдствій для почтеннаго юбиляра. Товарищъ предсѣдателя Общества сдѣлалъ затѣмъ интересное сообщеніе объ иновѣрческой пропагандѣ въ славянскихъ земляхъ. Сообщеніе свое г. Васильчиковъ извлекалъ изъ обширнаго матеріала, лично имъ собраннаго во время его путешествій. Ораторъ указалъ, какой страшный натискъ испытываетъ православіе славянъ, какъ со стороны католицизма (поддерживаемаго усердно Австріей, Франціей и Бельгіей), такъ и еще болѣе со стороны протестантизма, распространяющагося болѣе въ интеллигентной средѣ. Получившіе образованіе въ превосходно устроенныхъ духовныхъ и свѣтскихъ заведеніяхъ методистовъ съ обязательнымъ англійскимъ языкомъ, юноши и дѣвушки, румыны и болгаре, уже не чувствуютъ связи съ славянскимъ міромъ и тяготѣютъ къ Западу. Идея славянства утрачивается. Со стороны Россіи православіе славянъ почти не встрѣчаетъ никакой поддержки. Ораторъ энергично указывалъ на необходимость приняться теперь же за это дѣло, главнымъ образомъ позаботиться объ устройствѣ въ Болгаріи семинарій и женскихъ учебныхъ заведеній. Школы русскія, православныя способны сохранить русское вліяніе, племенную связь, идею славянства. Профессоръ О. Ѳ. Миллеръ произнесъ рѣчь, посвященную памяти недавно скончавшагося старѣйшаго члена славянскаго Общества, поэта М. П. Розенгейма. Ораторъ обрисовалъ прекрасныя душевныя качества покойнаго и его литературную и служебную дѣятельность.

Археологическое Общество. Въ засѣданіи русскаго отдѣленія археологическаго Общества, профессоръ Н. П. Кондаковъ сообщилъ о памятникахъ византійской древности въ городѣ Ѳеодосіи. Указавъ главнѣйшіе архитектурные типы ѳеодосійскихъ церквей (купольныя и съ коробовыми сводами), референтъ обратилъ особенное вниманіе на древнюю церковь въ карантинѣ, сохранившую остатки стѣнной фресковой живописи: на западной стѣнѣ церкви сохранились отчасти изображенія рая и ада; въ составъ перваго входятъ:

райская дверь съ охраняющимъ ее херувимомъ, апостолъ Петръ, ведущій праведниковъ; за дверью одна Богоматерь, но нѣтъ столь распространеннаго въ памятникахъ этого рода лона Авраамова. Отсутствіе лона, явившагося, быть можетъ, въ связи съ извѣстными сказаніями и спорами о раѣ небесномъ и земномъ и составляющаго результатъ иконографическаго недоразумѣнія, показываетъ, что въ разсматриваемой живописи мы имѣемъ первичную форму изображенія рая. Въ алтарной апсидѣ сохранились медальонныя изображенія святителей, деисусъ; значеніе Богоматери, или Одигитрія, тайная вечеря по литургическому переводу, въ которой обращаетъ на себя вниманіе моложавый типъ Спасителя. Фрески эти любопытны также и со стороны художественнаго стиля, въ которомъ ясно обнаруживается преобладаніе глубокихъ тоновъ (красно-коричневый, темно-коричневый) и отсутствіе свѣтлыхъ, вошедшихъ въ обычное употребленіе въ Греціи въ XIII—XIV в. Отсюда опредѣляется эпоха, къ которой относится построеніе этой церкви и ея живопись. Археологическое Общество постановило: просить г. Айвазовскаго о снятіи этихъ фресокъ. Второй докладъ Н. П. Кондакова посвященъ былъ древнимъ русскимъ образкамъ. Существующія коллекціи образковъ довольно разнообразны и многочисленны, но доселѣ еще нѣтъ у насъ группировки памятниковъ этого рода ни по столѣтіямъ, ни по иконографическому содержанію; не рѣшенъ вопросъ и о томъ, откуда они ведутъ свое начало. Несомнѣнно, что прототипы ихъ находятся въ Греціи, но извѣстные доселѣ греческіе памятники не указываютъ ясно перехода къ русскимъ образкамъ. Для уясненія начала русскихъ образковъ и ихъ соотношенія съ греческими необходимо приведеніе въ извѣстность этихъ памятниковъ и ихъ классификація; однако, и въ настоящее время можно уже сказать, что иконографическое содержаніе русскихъ образковъ, не смотря на византійскую основу, представляетъ черты русской самобытности. Референтъ, въ доказательство своей мысли, представилъ анализъ нѣкоторыхъ иконографическихъ типовъ и сюжетовъ, которые проходятъ въ этихъ образкахъ и показываютъ самобытное русское отношеніе къ даннымъ религіи. Освѣщеніе этой все еще довольно темной области уяснитъ значеніе византійскихъ традицій въ исторіи русскаго искусства. Управляющій отдѣленіемъ русской и славянской археологіи, графъ А. А. Бобринскій, представилъ на разсмотрѣніе членовъ замѣчательную коллекцію первобытныхъ древностей, состоящую изъ золотыхъ, бронзовыхъ, костяныхъ и желѣзныхъ предметовъ украшенія и оружія до-историческаго человѣка. Коллекція эта составлена г. Долбежевымъ, который, по порученію археологической коммиссіи, производилъ раскопки на Кавказѣ: значительная часть ея принадлежитъ знаменитому могильнику въ Кобани. Въ настоящее время она передана въ распоряженіе императорской археологической коммиссіи. Т. В. Кибальчичъ обратилъ вниманіе членовъ собранія на одну старинную гравюру на шелку, исполненную воспитанникомъ кіевской академіи Каріономъ Завулонскимъ: она представляетъ, между прочимъ, изображенія царей Петра, Іоанна и Софіи и патріарха Адріана, въ символической обстановкѣ; тѣмъ же г. Кибальчичемъ показана коллекція рѣзныхъ камней, пріобрѣтенная имъ въ Константинополѣ.

Въ засѣданіи восточнаго отдѣленія археологическаго Общества профессоръ Хвольсонъ сообщилъ отчетъ о разсмотрѣнныхъ имъ несторіанскихъ надписяхъ, найденныхъ въ Семирѣченской области, и въ частности констатировалъ значеніе одной даты, обозначаемой въ надписяхъ словомъ атлія—«драконъ». В. С. Голенищевъ прочиталъ выдержки изъ своего дневника путешествія въ Вади-Хамаматъ въ Аравійской пустынѣ и сообщилъ о своихъ эпиграфическихъ изслѣдованіяхъ, сдѣланныхъ имъ во время этого путешествія, сопровождая рефератъ свой демонстраціею рисунковъ и нѣкоторыхъ старинныхъ пергаментныхъ и папирусныхъ фрагментовъ. Недавно возвратившійся изъ Персіи молодой ученый, В. А. Жуковскій, сдѣлалъ интересное со-

общеніе объ одной курдской религіозной сектѣ, представляющей весьма любопытное соединеніе магометанства съ пантеистическою философіею и нѣкоторыми христіанско-нравственными воззрѣніями.

Находки въ Херсонесѣ. Поручикъ Артамоновъ принесъ въ даръ педагогическому музею военно-учебныхъ заведеній очень интересную коллекцію, добытую изъ произведенныхъ имъ раскопокъ на мѣстѣ древняго Херсонеса. Наиболѣе цѣнные и рѣдкіе предметы изъ раскопокъ, между прочимъ, статуэтка Аѳины Паллады, помѣщены уже давно въ Эрмитажѣ. Г. Артамоновъ въ 1885 году находился на мѣстѣ древняго христіанскаго города Херсонеса, для работъ по возведенію новыхъ укрѣпленій, которыя какъ разъ приходятся около существующаго теперь близъ Севастополя монастыря. Для постройки батарей пришлось дѣлать выемки, спускаться въ глубь на 40 футъ— и тутъ-то натолкнулся онъ на слѣды древняго знаменитаго города. Принесенная г. Артамоновымъ въ даръ музею коллекція состоитъ изъ пяти череповъ, кирпичей, вѣроятно наружныхъ, такъ какъ на всѣхъ ихъ вытѣснены гербы и украшенія, водопроводныхъ глиняныхъ трубъ, древнихъ свѣтильниковъ, подвѣсокъ и нѣкоторыхъ украшеній, металлическихъ крестовъ первыхъ вѣковъ христіанства, мозаики изъ развалинъ христіанскаго храма. Но особенно полна и интересна коллекція монетъ, выдѣланныхъ изъ особаго металлическаго сплава. Коллекція эта, довольно многочисленная, содержитъ въ себѣ монеты, начиная отъ языческаго періода съ IV вѣка до Рождества Христова и кончая VIII вѣкомъ по Р. Х. Въ монетахъ языческаго періода замѣчается болѣе тщательный рисунокъ,—такъ, изображенія Діаны на иныхъ чрезвычайно правильны и рельефны, въ монетахъ христіанскаго періода идетъ уже все бо́льшая небрежность въ выдѣлкѣ языческихъ изображеній. Изъ монетъ христіанскихъ византійскихъ императоровъ тутъ есть монеты Романа II, Іоанна Цимисхія и др.

Этнографическія богатства Олонецкаго края. Сообщаемъ нѣкоторыя главнѣйшія свѣдѣнія о результатахъ недавно совершенной членомъ-сотрудникомъ русскаго географическаго Общества, Г. И. Куликовскимъ, экспедиціи съ этнографическими цѣлями—для собиранія памятниковъ народнаго творчества. Экспедиція дала путешественнику весьма обширные и интересные матеріалы, разработка которыхъ имъ уже окончена, а отчетъ о трудахъ и экскурсіяхъ представленъ географическому Обществу. Г. Куликовскій началъ свои работы по собиранію особенностей говора Олонецкаго края и прочія этнографическія наблюденія въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ, въ селѣ Вознесенская пристань. Онъ собралъ тутъ нѣкоторыя свѣдѣнія о народѣ и записалъ множество пѣсенъ. Направившись затѣмъ на Шимъ-озеро, онъ записалъ сказанія о панахъ, свадебный церемоніалъ и проч. Потомъ, черезъ Петрозаводскъ, Повѣнецъ, Даниловo, по рѣкѣ Выгу, путешественникъ прибылъ на Выгъ-озеро, гдѣ запасъ добытыхъ свѣдѣній значительно обогатился. На Кенъ-озерѣ г. Куликовскій слышалъ былины, записалъ всѣ свадебные плачи, въ дополненіе къ свадебному церемоніалу, рекрутскіе плачи и другой этнографическій матеріалъ. Далѣе путешественникъ побывалъ въ Ковже-озерѣ. Свои экскурсіи по Олонецкой губерніи онъ закончилъ въ Вытегрѣ. Параллельно съ собираніемъ общеэтнографическаго матеріала, онъ собиралъ матеріалъ и лексическій для «Областнаго Олонецкаго Словаря», который, послѣ поѣздки на Водлозеро, Кемское и Мошинское озера, можно было считать законченнымъ. Помимо этого, г. Куликовскому удалось собрать крестьянскіе рецепты. Онъ составилъ этнографическую карту Олонецкой губерніи. Всѣхъ пѣсенъ собрано путешественникомъ около 100 нумеровъ. Вообще имъ добытъ сколько интересный и обстоятельный, столько же и разнообразный матеріалъ.

Новооткрытая статуя. Въ юртѣ Владимірской, области войска Донскаго, въ курганѣ, близъ дороги, идущей отъ бывшей Клиновской станціи, на поселкѣ Тацынъ, на глубинѣ трехъ аршинъ, недавно найдена каменная статуя

изъ сѣраго песчаника, вышиною въ 2 аршина 3 четверти и 2 вершка, шириною въ плечахъ—15 вершковъ. На головѣ статуи находится остроконечная шапка, на лицѣ довольно отчетливо высѣчены глаза, носъ, уши и усы; сзади, по спинѣ идетъ заплетенная въ три ряда коса, длиною до 15-ти вершковъ, чрезъ плечи идетъ двѣ ленты, съ какими-то знаками на нихъ, начинающіяся съ половины спины и оканчивающіяся ниже груди, гдѣ онѣ соединены поперечною лентою, проведенною подъ мышки; ниже лентъ на обыкновенномъ мѣстѣ поясъ, одинаковой ширины съ лентами; отъ пояса идутъ ленты вдоль обѣихъ ногъ съ наружной стороны; руки соединены и держатъ что-то въ родѣ коробки или свернутаго платка; самая статуя помѣщается въ четыреугольномъ пьедесталѣ, въ сидячемъ положеніи.

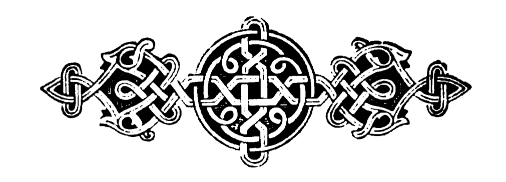
Забытый юбилей. Въ то время, когда въ Москвѣ справляютъ юбилеи даже пѣсенникамъ и скоморохамъ, въ Петербургѣ, по словамъ «Новаго Времени» и другихъ газетъ, не обращено вниманія на пятидесятилѣтіе журнальной дѣятельности старѣйшаго изъ современныхъ журналистовъ, Андрея Александровича Краевскаго. Пятидесятилѣтіе дѣятельности Андрея Александровича истекло въ январѣ настоящаго года. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, 4-го января 1837 года, впервые появилась подъ литературными прибавленіями къ «Русскому Инвалиду» подпись Андрея Александровича Краевскаго, какъ редактора. Еще прежде онъ былъ помощникомъ редактора «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», потомъ редакторомъ «Литературной Газеты», наконецъ втеченіе 47 лѣтъ редакторомъ лучшаго русскаго журнала «Отечественныя Записки», гдѣ появлялись всѣ лучшія силы, всѣ блестящія имена, которыми гордится русская литература. Наконецъ, втеченіе 22 лѣтъ Андрей Александровичъ Краевскій былъ редакторомъ вліятельной газеты «Голосъ». Такая плодотворная дѣятельность заслуживала бы, чтобы объ ней вспомнило наше общество.

† 5-го апрѣля, послѣ тяжкой болѣзни, ученый изслѣдователь и хранитель зоологическаго музея академіи наукъ, магистръ зоологіи **Иванъ Семеновичъ Поляковъ**. Онъ съ 23-го марта 1878 года состоялъ въ числѣ членовъ-сотрудниковъ русскаго географическаго Общества и нѣкоторые изъ его трудовъ появлялись въ изданіяхъ Общества. И. С. Поляковъ посильно способствовалъ обогащенію зоологическаго музея академіи наукъ, которому пожертвовалъ собранныя имъ коллекціи. Онъ умеръ сорока лѣтъ. Изъ предпріятій и ученыхъ трудовъ покойнаго отмѣтимъ изслѣдованія по каменному вѣку въ Олонецкой губерніи, въ долинѣ Оки и на верховьяхъ Волги, физико-географическое описаніе юго-восточной части Олонецкой губерніи, геологическія изслѣдованія въ Финляндіи и путешествіе на Сахалинъ. Вообще И. С. Поляковъ былъ дѣятельнымъ членомъ-сотрудникомъ географическаго Общества и трудами своими пріобрѣлъ почтенную извѣстность въ ученомъ мірѣ.

† 25-го марта въ Либавѣ, на 63 году, бывшій редакторъ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія», **Юлій Семеновичъ Рехневскій**. По выходѣ въ 1844 году изъ Московскаго университета, онъ поступилъ на службу въ гродненскую гимназію учителемъ русскаго законовѣдѣнія. Въ 1853 году, переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ учителемъ законовѣдѣнія, статистики и географіи въ строительное училище, гдѣ потомъ былъ наставникомъ-наблюдателемъ. Извѣстный педагогъ К. Д. Ушинскій, сдѣлавшись редакторомъ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія», пригласилъ въ 1860 году Рехневскаго къ себѣ въ помощники, а послѣ выхода въ 1862 году Ушинскаго въ отставку, Ю. С. былъ назначенъ редакторомъ. Выйдя въ 1866 году въ отставку, онъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ присяжнымъ стряпчимъ при коммерческомъ судѣ въ Петербургѣ и затѣмъ переселился на постоянное жительство въ Либаву, гдѣ принялъ участіе въ городскихъ дѣлахъ. Какъ членъ городской думы, предсѣдатель квартирной коммиссіи и замѣститель городскаго головы, онъ оказалъ городу большія услуги знаніемъ законовъ и

своими трудами. Въ 1857 году, онъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены русскаго географическаго Общества, и въ 1859 году получилъ серебряную медаль за труды, исполненные по порученію Общества.

† На югѣ Франціи, въ Ментонѣ, **Владиміръ Александровичъ Мирза-Туганъ-Барановскій**, молодой писатель, работавшій въ петербургскихъ газетахъ, служившій въ канцеляріи государственнаго совѣта. Барановскій былъ ребенкомъ, когда потерялъ отца, изрубленнаго въ 1863 году во время польскаго возстанія. По повелѣнію почившаго государя, онъ былъ помѣщенъ въ училище правовѣдѣнія, гдѣ окончилъ курсъ, а для отбыванія воинской повинности поступилъ въ Переяславскій драгунскій полкъ, съ которымъ отправился въ походъ въ Закаспійскій край, въ Геокъ-Тепе; тамъ онъ получилъ знакъ отличія военнаго ордена. Корреспонденціи его объ этомъ походѣ являлись въ петербургскихъ газетахъ, а по окончаніи его имъ было издано отдѣльной книгой описаніе похода. Поступивъ на гражданскую службу, покойный занялся газетной работой въ «Новомъ Времени», «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, въ «Свѣтѣ» и проч. Молодой человѣкъ, всего 27-ми лѣтъ, палъ жертвою чахотки, отправивъ въ «Наблюдатель» оконченный передъ смертью разсказъ.

королевской четы. Между ними шелъ оживленный разговоръ, который былъ прерванъ появленіемъ оберъ-гофмейстерины, а затѣмъ графа Бохльса съ женой. Графиню Францискy скорѣе можно было назвать видной, нежели красивой женщиной; она была среднихъ лѣтъ, но сохранила все очарованіе молодости—живые выразительные глаза, прекрасный цвѣтъ лица и роскошные каштановые волосы. Манеры ея были безукоризненныя; она была въ самомъ веселомъ настроеніи духа и привѣтливо поздоровалась со всѣми.

— Я только-что вчера пріѣхала въ Кассель,—сказала она, обращаясь къ оберъ-гофмейстеринѣ,—и едва успѣла явиться во дворецъ, какъ получила милостивое приглашеніе на сегодняшній вечеръ. Но что съ вами, графиня? Вы чѣмъ-то разстроены? Никогда не видала я у васъ такого озабоченнаго вида!

Оберъ-гофмейстерина ничего не отвѣтила, потому что въ эту минуту вдали показалась королевская карета, и всѣ поспѣшили выйдти на встрѣчу ихъ величествамъ.

На королевѣ былъ въ первый разъ надѣтъ женскій орденъ, недавно учрежденный Іеронимомъ, который былъ наканунѣ полученъ отъ парижскаго ювелира и имѣлъ для всѣхъ интересъ новизны. Орденъ состоялъ изъ двухъ скрещенныхъ шпагъ, осыпанныхъ бриллiантами. Королева просила своего супруга, чтобы онъ пожаловалъ орденъ ея оберъ-гофмейстеринѣ, прежде другихъ придворныхъ дамъ. Іеронимъ тѣмъ охотнѣе изъявилъ свое согласіе, что, оказывая любезность королевѣ, въ то же время исполнялъ свое затаенное желаніе.

Послѣ обмѣна обычныхъ привѣтствій, король подалъ футляръ своей супругѣ, и та собственноручно приколола орденъ къ плечу оберъ-гофмейстерины, которая, при этомъ, сдѣлала низкій реверансъ съ свойственной ей граціей. По лицу графини Бохльсъ пробѣжала тѣнь неудовольствія, которая не ускользнула отъ вниманія короля; и онъ воспользовался удобной минутой, чтобы подойдти къ ней. При этомъ всѣ стоявшіе около нихъ немедленно удалились на извѣстное разстояніе, какъ это дѣлалось всякій разъ, когда Іеронимъ говорилъ съ какой нибудь дамой. Хотя графиня Бохльсъ, повидимому, относилась къ королю очень почтительно, но это было не болѣе какъ внѣшнее соблюденіе формы и совершенно не подходило къ интимному тону ихъ разговора. Іеронимъ нѣжно упрекалъ ее за долгое отсутствіе. Она отвѣчала, что считаетъ для себя величайшимъ счастьемъ, если король замѣтилъ ея отсутствіе, потому что принимаетъ это за доказательство его дружбы и расположенія къ ней.

— Но, помимо желанія испытать чувства вашего величества ко мнѣ,—сказала графиня,—болѣе серьёзные мотивы заставили меня тогда уѣхать изъ Касселя. Вамъ извѣстно, въ какомъ я положеніи... Мнѣ необходимо было повидаться съ моими родными...

— Многіе уже подозрѣваютъ это, моя дорогая Франциска,—возразилъ съ улыбкой король.

— Теперь уже не можетъ быть никакихъ сомнѣній относительно самаго факта, — сказала графиня, кокетливо опуская свои длинныя рѣсницы.

— Ну, что же! появится на свѣтъ маленькій графъ!

— Не графъ, а принцъ,—замѣтила она съ легкимъ оттѣнкомъ упрека въ голосѣ.

— Боже мой, Франциска... Вы требуете отъ меня невозможнаго... Но завтра... Ecoutez! Завтра, послѣ обѣда, пріѣзжайте сюда въ обычное время нашихъ свиданій... Я хотѣлъ высказать вамъ, на сколько я чувствую себя счастливымъ. Къ тому же вы получите отъ меня небольшой подарокъ, который будете носить въ память радостнаго для насъ событія. Не забудьте, что я буду ожидать васъ, Франциска, разумѣется, вы застанете меня одного...

Графиня Бохльсъ почтительно поклонилась въ знакъ согласія. Іеронимъ поспѣшилъ къ своей супругѣ и, взявъ ее подъ руку, предложилъ ей показать новое убранство замка.

Оберъ-гофмейстерина воспользовалась удаленіемъ ихъ величествъ, чтобы сдѣлать небольшую прогулку. Бюловъ вызвался сопровождать ее.

— Какое прелестное мѣсто!—воскликнула графиня Антонія.— Неудивительно, что король пожелалъ пріобрѣсти этотъ замокъ; уединеніе среди такой красивой природы можетъ доставить истинное наслажденіе...

— Вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе!—возразилъ Бюловъ:—Шёнфельдъ, по своему мѣстоположенію и всѣмъ условіямъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ сельской жизни. Но внутреннее его убранство мнѣ не по вкусу; я нахожу, что здѣсь слишкомъ много роскоши. Замокъ, въ своемъ нынѣшнемъ видѣ, напоминаетъ жилище какого-то восточнаго эмира: вездѣ диваны, ковры, вазы для цвѣтовъ, зеркала и занавѣси. Разумѣется, вся эта обстановка имѣетъ извѣстное назначеніе, но она совершенно не гармонируетъ съ строгимъ характеромъ окружающей природы. Объ уединеніи здѣсь также не можетъ быть и рѣчи; при такой близости отъ столицы трудно избавиться отъ людей и всевозможныхъ дѣлъ.

— Вы упомянули о дѣлахъ, баронъ,—сказала графиня:—кстати позвольте обратиться къ вамъ съ маленькой просьбой: не можете ли вы пристроить куда нибудь на службу одного молодаго человѣка, разумѣется, нѣмца и даже пруссака. Исторія его довольно интересна, когда я буду въ сентиментальномъ настроеніи духа, то разскажу вамъ ее...

Бюловъ почтительно поклонился своей собесѣдницѣ и, указывая на вновь пожалованный ей орденъ, сказалъ съ улыбкой: — Я вижу, моя дорогая графиня, что эти двѣ скрещенныя шпаги не

въ силахъ удержать васъ отъ обнаруженія затаенныхъ желаній вашего сердца. Но что за странная эмблема для женскаго ордена!

Она задумалась и ничего не отвѣтила на это замѣчаніе.

— Если я не ошибаюсь,—продолжалъ Бюловъ:—то двѣ скрещенныя шпаги должны обозначать борьбу любви и въ то же время примиренія. Вамъ, моя дорогая графиня, орденъ этотъ пожалованъ королевой, въ знакъ отличія; для большинства придворныхъ дамъ онъ будетъ служить средствомъ приманки. Король начнетъ раздавать его дамамъ за особенныя заслуги... Вы, конечно, слыхали, что въ католическомъ мірѣ существуетъ монашескій орденъ іеронимитовъ, такъ называемыхъ отшельниковъ св. Іеронима. Не думаетъ ли король устроить въ этомъ замкѣ обитель для вновь учрежденнаго имъ женскаго монашескаго ордена іеронимитокъ! Мнѣ было бы любопытно знать, кто будетъ настоятельницей этой обители?

— Перестаньте злословить,—сказала со смѣхомъ графиня:—и вернемся въ замокъ,—вѣроятно, скоро позовутъ къ столу.

— Извѣстно ли вамъ, графиня, что король думаетъ еще учредить такъ называемый орденъ «вестфальской короны», который будутъ носить одни мужчины. Рисунокъ посланъ на разсмотрѣніе императора, а въ случаѣ его одобренія и этотъ орденъ будетъ заказанъ въ Парижѣ.

Бюловъ и гофмейстерина подошли къ замку въ тотъ моментъ, когда ихъ величества сходили съ крыльца. Іеронимъ подалъ знакъ гофмаршалу, чтобы онъ пригласилъ гостей къ обѣду. Назначенный на этотъ день chevalier d'honneur повелъ королеву къ столу, который былъ накрытъ въ тѣнистой аллеѣ; и, какъ только ихъ величества заняли свои мѣста, за деревьями заиграла музыка, подъ управленіемъ Блангини. Королева взглянула на своего супруга, съ ласковой улыбкой, въ которой выражалась благодарность за оказанное ей вниманіе.

III.

Бриллiантовое ожерелье.

На слѣдующій день графиня Бохльсъ отправилась въ Шёнфельдъ въ простомъ домашнемъ платьѣ, безъ сопровожденія лакея, и привезла оттуда богатое бриллiантовое ожерелье, которое мужъ ея оцѣнилъ въ двѣнадцать или пятнадцать тысячъ франковъ. При этомъ у графа вырвался невольно возгласъ неудовольствія, но, когда она произнесла повелительнымъ тономъ: — Это что за новость, графъ? — онъ тотчасъ же смирился и, видимо взвѣшивая каждое слово, сказалъ:

— Извини, Франциска, но этотъ роскошный подарокъ удивляетъ меня.. Сдѣлай одолженіе, не придавай дурнаго значенія

моимъ словамъ, но я долженъ замѣтить тебѣ, моя дорогая, что отношенія людей уравновѣшиваются нѣкоторыми взаимными обязательствами. У насъ, юристовъ, существуютъ извѣстныя аксіомы, какъ, напримѣръ, do, ut facias, или: facio, ut des, но такъ какъ ты не понимаешь латинскаго языка, то я переведу тебѣ эти изрѣченія, которыя имѣютъ такой смыслъ: «я даю, чтобы ты дѣлалъ» или: «я дѣлаю, чтобы ты давалъ», и т. д.

— Что изъ этого слѣдуетъ? Я, всетаки, не понимаю, графъ, въ чемъ дѣло!—сказала она, разглядывая ожерелье.

— Видишь ли, мнѣ кажется... пятнадцать тысячъ франковъ... такой подарокъ... По какому случаю? хотѣлъ я спросить...

— Этого еще не доставало!—воскликнула она съ негодованіемъ.— Пожалуйста, избавьте меня отъ вашихъ недостойныхъ подозрѣній.

— Разумѣется... ну, да... знаешь ли, моя дорогая Франциска, я нахожу, что иногда очень выгодно удалиться на время отъ двора.

— Вотъ ты и догадался, въ чемъ дѣло, мой дорогой Лео!—сказала она болѣе ласковымъ тономъ.—Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ отсутствіе бываетъ крайне полезно: если васъ не забудутъ, то вы получаете еще большую цѣну въ глазахъ извѣстныхъ людей. Но во всякомъ случаѣ это рискованная игра, хотя я и рѣшилась на нее!

— Въ смѣлости ты не уступишь Ульриху фонъ-Гуттенъ,— возразилъ графъ, дѣлая надъ собой усиліе, чтобы улыбнуться:— jacta est alea!

— Пожалуйста, избавь меня отъ своей латыни,—продолжала она.— Помимо всего, подарокъ этотъ служитъ залогомъ будущаго кумовства. Я тебѣ говорила, что король хотѣлъ побесѣдовать со мной о какомъ-то дѣлѣ: оказалось, что онъ такъ милостивъ... однимъ словомъ, его величество обѣщалъ быть крестнымъ отцомъ, если у насъ родится сынъ или дочь... Надѣюсь, что ты ничего не имѣешь противъ этого, мой милый Лео?

— Ну, это другое дѣло!—отвѣтилъ графъ съ ироніей, въ которой слышался едва скрываемый гнѣвъ.—Я вижу, Франциска, наше положеніе самое завидное: мы снисходимъ принять милость, которой такъ добиваются другіе люди, и даже заранѣе получаемъ за это щедрое вознагражденіе!

— Какое остроумное замѣчаніе!—воскликнула съ злобнымъ смѣхомъ графиня, поспѣшно укладывая въ футляръ разложенное на столѣ ожерелье.—Я положительно поражена твоимъ необыкновеннымъ остроуміемъ, Лео, хотя дала бы тебѣ дружескій совѣтъ рѣже высказывать его или, по крайней мѣрѣ, примѣнять къ чему либо другому... à propos мы должны непремѣнно дать une fête, въ самомъ непродолжительномъ времени; не хочешь ли заняться приготовленіями? Король желаетъ этого; заодно пригласимъ Моріо съ его невѣстой и графа Фюрстенштейна, который, вѣроятно, скоро же-

нится на мадемуазель Сала̀, хотя я рѣшительно недоумѣваю, какъ могъ онъ найдти въ ней что либо привлекательное.

— Мнѣ самому хотѣлось сдѣлать тебѣ сюрпризъ, Францискa, по поводу твоего возвращенія, въ видѣ музыкальнаго вечера, но это не удалось мнѣ. Когда же ты хочешь, чтобы я устроилъ празднество: завтра или послѣзавтра? Ты должна рѣшить этотъ вопросъ, чтобы я могъ сдѣлать необходимыя распоряженія.

— Мой добрый Лео!—воскликнула она съ такой обворожительной улыбкой, что онъ не только поцѣловалъ протянутую ему руку, но обнялъ роскошный станъ своей супруги.

— Я не могу требовать отъ тебя такой поспѣшности,—продолжала она.—Ты самъ выберешь наиболѣе удобный день и пошлешь приглашенія; относительно устройства также мнѣ нечего вмѣшиваться; такого церемоніймейстера, какъ ты, не найдешь въ цѣломъ свѣтѣ. А теперь до свиданія, мнѣ нужно одѣться, чтобы ѣхать съ королевой въ театръ... Кстати, я совсѣмъ забыла приказать кучеру, чтобы онъ заложилъ сегодня новую карету; будь такъ добръ, распорядись, мой добрый Лео!

Графъ Бохльсъ удалился съ легкимъ поклономъ:—Мой добрый Лео,—пробормоталъ онъ сквозь зубы, проходя по̀ корридору:—все было бы прекрасно, если бы моя милая супруга... однимъ словомъ...

Онъ не договорилъ начатой фразы, какъ бы изъ боязни, что кто нибудь можетъ услышать его, и махнулъ рукой въ отвѣтъ на собственныя мысли.

Уже, не въ первый разъ, услужливый мужъ устроивалъ при дворѣ и у себя дома различныя празднества, которыя доставляли королю удобный случай ухаживать за его женой, и графиня Франциска, до извѣстной степени, даже гордилась этимъ, не обращая вниманія на мнѣніе кассельскаго общества, хотя оно вообще неособенно дружелюбно относилось къ ней.

На этотъ разъ графъ Бохльсъ превзошелъ самого себя въ блестящемъ устройствѣ празднества и убранствѣ своего дома, гдѣ даже сѣни были увѣшаны коврами и вѣнками изъ цвѣтовъ. Вся лѣстница до самого верху была уставлена миртовыми и померанцовыми деревьями, въ видѣ сплошной аллеи; отсюда изъ открытыхъ дверей виднѣлись двѣ ярко освѣщенныя залы, украшенныя зеленью и цвѣтами. Въ каждой былъ особый оркестръ; одинъ назначался для танцевъ, другой долженъ былъ играть въ антрактахъ въ красивой бесѣдкѣ изъ зелени. За главной залой былъ устроенъ буфетъ со всевозможными десертами; затѣмъ слѣдовала амфилада другихъ комнатъ, искусственно увеличенная съ помощью зеркалъ и транспарантовъ. Въ верхнемъ этажѣ былъ накрытъ ужинъ на маленькихъ столикахъ.

Музыка привѣтствовала прибытіе ихъ величествъ; гости поочередно подходили къ нимъ съ почтительными поклонами. По окон-

чаніи этой церемоніи, балъ начался полонезомъ: король и хозяйка дома составили первую пару, за ними слѣдовала королева съ графомъ Бохльсъ, который былъ видимо польщенъ такой честью. Графиня Францискa была въ своемъ новомъ бриліантовомъ ожерельѣ и, какъ бы на зло двусмысленнымъ обращеннымъ на нее взглядамъ, имѣла гордый, самоувѣренный видъ, хотя король обходился съ нею крайне сдержанно. Вообще у Іеронима было достаточно такта, чтобы соблюдать внѣшнія приличія въ присутствіи королевы. Такъ и теперь онъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ, что̀, повидимому, неособенно нравилось графинѣ Бохльсъ, которая въ этомъ отношеніи считала себя вправѣ быть требовательнѣе прежняго.

Едва кончился полонезъ, какъ въ сосѣдней залѣ заигралъ оркестръ, которымъ дирижировалъ Блангини. Это были все піэсы итальянскихъ и французскихъ композиторовъ, хотя нѣмцы-музыканты крайне неохотно исполняли ихъ. Блангини, благодаря своей ловкости, имѣлъ сильную поддержку при дворѣ, и его покровители хлопотали, чтобы онъ замѣнилъ Рейхардта въ милости короля и занялъ его должность.

Оберъ-гофмейстерина воспользовалась перерывомъ между танцами, чтобы удалиться вмѣстѣ съ Бюловымъ въ небольшую изящно убранную гостиную, гдѣ пока никого не было, и они могли безъ свидѣтелей продолжать начатый разговоръ.

— Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, графиня,—сказалъ Бюловъ, садясь рядомъ съ нею на диванъ:—маленькая любовная неудача не можетъ отразиться на будущности вашего protégé. Когда пройдетъ первый пылъ страсти, въ немъ проснется чувство собственнаго достоинства, и онъ отнесется, какъ слѣдуетъ, къ измѣнчивой привязанности красивой креолки. Прежде всего, нужно подумать, какъ пристроить его. На меня онъ произвелъ впечатлѣніе крайняго идеалиста; и поэтому я нахожу, что ему было бы полезно заняться цифрами въ моемъ министерствѣ, да и вообще слѣдуетъ засадить его за систематическое занятіе. Но, къ сожалѣнію, мнѣ предстоитъ поѣздка въ Парижъ, а передъ этимъ я долженъ многое обдумать, составить докладъ императору и перечесть массу всякихъ бумагъ; поэтому юношѣ придется подождать моего возвращенія.

— Какъ! вы ѣдете въ Парижъ!—воскликнула графиня.—Должно быть, никто не знаетъ объ вашей поѣздкѣ, потому что я въ первый разъ слышу о ней.

— Это случилось совершенно неожиданно. Императоръ все настоятельнѣе требуетъ доплаты контрибуціи и преобразованія войска, численность котораго онъ опредѣлилъ въ 10,000 пѣхоты, 2,000 кавалеріи и 500 человѣкъ артиллеріи. А сколько, помимо этого, поглощаетъ денегъ здѣшній дворъ и вновь устроенное государство! Но объ этомъ распространяться нечего, такъ какъ вы имѣете на-

длежащее понятіе о здѣшнихъ порядкахъ. Мы должны, между прочимъ, содержать въ Магдебургѣ французское войско въ 12,500 человѣкъ и отправить въ Испанію 6,000 человѣкъ, снабдивъ ихъ боевыми и всякими другими запасами. При этомъ императоръ еще упрекаетъ насъ въ медленности; ему и въ голову не приходитъ, что онъ отнялъ у насъ наиболѣе доходныя земли для раздачи своимъ генераламъ, и что Вестфалія истощена до послѣдней степени, чему немало способствуетъ постоянное передвиженіе войскъ, съ военными постоями, поставкой фуража и пр. Всѣ письменные переговоры не привели ни къ какимъ результатамъ, поэтому я ѣду въ Парижъ для личной бесѣды съ Наполеономъ. Быть можетъ, мнѣ удастся убѣдить его, чтобы онъ смягчилъ свои требованія или, по крайней мѣрѣ, неособенно настаивалъ на выполненіи ихъ, пока не соберется рейхстагъ и назначитъ новые налоги или рѣшитъ сдѣлать внѣшній заемъ.

— Ваше положеніе довольно критическое, баронъ, потому что вы должны обладать магическимъ жезломъ, чтобы справиться съ нашими финансами! Но скажите, пожалуйста, долго ли вы пробудете въ Парижѣ?

— Постараюсь вернуться какъ можно скорѣе, и надѣюсь, что молодому человѣку придется недолго томиться ожиданіемъ. Но если, вмѣсто государственной службы, онъ хочетъ посвятить себя служенію науки, то мое мнѣніе... да вотъ, кстати, сюда идетъ г. Миллеръ; это хорошее предзнаменованіе, графиня!

Эти слова относились къ вошедшему въ комнату извѣстному историку Іогану фонъ-Миллеру, который въ это время занималъ въ Касселѣ почетную должность члена государственнаго совѣта. Бюловъ тотчасъ же уступилъ ему свое мѣсто около оберъ-гофмейстерины и пересѣлъ на ближайшее кресло.

— Вы какъ будто предчувствовали, г. фонъ-Миллеръ, что графиня желаетъ обратиться къ вамъ съ небольшой просьбой,—сказалъ Бюловъ.—Дѣло заключается въ томъ, что нѣтъ ли у васъ свободной профессорской каѳедры въ одномъ изъ пяти нѣмецкихъ университетовъ, которые находятся въ вашемъ вѣдѣніи,—я могъ бы рекомендовать молодаго, красиваго ученаго, который стремится служить наукѣ, а пока завоевываетъ сердца нашихъ дамъ...

— Вы говорите—пяти университетовъ! Еще неизвѣстно, долго ли они просуществуютъ? Я разсчитываю на вашу помощь, баронъ, чтобы отстоять ихъ. Въ вашихъ рукахъ финансы страны; неужели, въ надеждѣ наполнить Данаидину бочку государственной казны, вы лишите цѣлые города съ ихъ округами умственной пищи и въ то же время оставите столькихъ юношей безъ высшаго образованія!

— Во всякомъ случаѣ Гёттингенскій университетъ не будетъ закрытъ,—возразилъ уклончиво Бюловъ:—но, по моему убѣжденію, онъ безусловно требуетъ прилива новыхъ силъ...

— О, конечно!—отвѣтилъ Миллеръ.—Король былъ такъ милостивъ съ профессорами въ Гёттингенѣ, что въ этомъ отношеніи безпокоиться нечего!.. Да и вообще едва ли можемъ мы при настоящихъ условіяхъ желать лучшаго правителя, нежели Іеронимъ. Онъ чувствуетъ все бо̀льшее расположеніе къ нѣмецкой націи и могъ бы черезъ своихъ министровъ познакомиться съ внутреннимъ положеніемъ страны. Но, къ сожалѣнію, у насъ все идетъ черезъ префектовъ, подпрефектовъ и мэровъ... Однако, простите, я совсѣмъ забылъ о молодомъ ученомъ; не можете ли вы сообщить о немъ какія либо подробности, а также я желалъ бы знать его фамилію.

Бюловъ передалъ въ общихъ чертахъ то, что слышалъ отъ графини и сослался на ея рекомендацію.

— Вотъ все, что мнѣ извѣстно объ этомъ юношѣ, — добавилъ онъ:—а зовутъ его Германъ Тёйтлебенъ, не правда ли какая странная фамилія!

— Простите, не могу согласиться съ вами, баронъ. Имя одного изъ представителей этой фамиліи занимаетъ видное мѣсто въ старой нѣмецкой литературѣ. Затѣмъ Каспаръ фонъ-Тёйтлебенъ былъ въ числѣ главныхъ учредителей извѣстнаго веймарскаго общества «Пальмъ», въ 1617 году.

— Что вы скажете на это, графиня?—сказалъ Бюловъ.—Какова память у нашего извѣстнаго историка!

— Какъ видно, г. Миллеръ, вы совсѣмъ оправились послѣ вашей болѣзни, чему я душевно рада,—замѣтила графиня.—Вы даже посѣщаете балы, а этого, кажется, никогда не бывало съ вами прежде!

— Я сегодня на балу по исключительному случаю: король зачѣмъ-то вытребовалъ меня сюда, пожалуй, заставятъ еще меня протанцовать кадриль... добавилъ съ улыбкой Миллеръ.—Но, вообще, гдѣ же я бываю? Каждую недѣлю мнѣ приходится раза два засѣдать въ государственномъ совѣтѣ и столько же разъ бывать при дворѣ, затѣмъ изрѣдка играю въ шахматы у моего друга Simeon'a, а все остальное время я живу отшельникомъ. Но здоровье мое дѣйствительно поправилось; и мнѣ остается только благодарить васъ за участіе, графиня. Главный источникъ моихъ болѣзней—нравственныя огорченія, которыя неизбѣжны, когда дѣло идетъ не такъ какъ слѣдуетъ и страдаетъ правда...

Въ эту минуту вошелъ хозяинъ дома, который видимо искалъ кого-то и, замѣтивъ Миллера, заявилъ ему, что король желаетъ говорить съ нимъ.

Миллеръ извинился передъ оберъ-гофмейстериной и Бюловымъ, что долженъ оставить ихъ.—Во всякомъ случаѣ,—добавилъ онъ,—пришлите ко мнѣ вашего protégé; нужно рѣшить, на какой факультетъ онъ можетъ поступить? Къ тому же, я узнаю отъ него: не потомокъ ли онъ Каспара Тёйтлебена?.. Однако до свиданія!

Съ этими словами Миллеръ поспѣшно удалился. Оберъ-гофмейстерина также встала съ своего мѣста, чтобы присоединиться къ остальному обществу. Бюловъ проводилъ ее до дверей залы, гдѣ они встрѣтили французскаго посланника, который любезно поздоровался съ ними.

— Вы только-что пріѣхали, баронъ Рейнгардъ? — спросила оберъ-гофмейстерина съ удивленіемъ.

— Меня задержали дѣла,—возразилъ посланникъ. — Но, благодаря этому, я засталъ балъ въ полномъ разгарѣ и тотчасъ же замѣтилъ, что дамы о чемъ-то таинственно перешептываются между собою. Это такъ заинтересовало меня, что я попросилъ генеральшу Салà объяснить мнѣ, въ чемъ дѣло. Она саркастически улыбнулась и, бросивъ многозначительный взглядъ на графиню Бохльсъ, изрекла тономъ Пиѳіи:—«Высокопоставленный преступникъ выдалъ себя!» Тутъ я невольно обратилъ вниманіе на дорогое брилліантовое ожерелье графини Франциски, очевидно, подаренное ей королемъ, и, чтобы позлить генеральшу, замѣтилъ ей, что «я не вижу особеннаго преступленія въ томъ, что графиня Бохльсъ одѣла свое новое ожерелье, потому что оно чрезвычайно идетъ къ ней»...

Оберъ-гофмейстерина улыбнулась, но скорѣе изъ приличія, такъ какъ все ея вниманіе было обращено на Моріо, который шелъ подъ руку съ своей невѣстой и казался задумчивѣе обыкновеннаго.

Между тѣмъ оркестръ въ сосѣдней залѣ доигралъ Adaggio, и графъ Бохльсъ воспользовался этой минутой, чтобы представить Блангини его величеству. Іеронимъ сказалъ ему нѣсколько привѣтливыхъ словъ относительно выбора и исполненія услышанныхъ имъ піесъ. Французская партія старалась всѣми силами выдвинуть музыкальнаго учителя королевы; и онъ неизмѣнно дирижировалъ на всѣхъ придворныхъ концертахъ. Блангини не былъ лишенъ таланта и имѣлъ несомнѣнныя достоинства; но онъ самъ сознавалъ это едва ли не больше всѣхъ и, вообще, у него было довольно высокое понятіе о собственной особѣ. На видъ ему было около сорока лѣтъ; онъ былъ небольшаго роста, съ худощавымъ смуглымъ лицомъ; при этомъ отличался живостью движеній и необычайною любезностью. Недоброжелатели находили, что у него лакейская наружность, чему способствовалъ отчасти покрой коричневой форменной одежды съ золотымъ шитьемъ, въ которой его фигура казалась еще невзрачнѣе и хлыщеватѣе. Одобреніе короля на столько польстило самолюбію итальянца, что онъ хотѣлъ распространиться о своихъ музыкальныхъ сочиненіяхъ, но графъ Бохльсъ успѣлъ во время остановить его.

Въ это время составлялись пары для французской кадрили. Ревбель пригласилъ мадемуазель Ле-Камю и увелъ ее въ сосѣднюю залу. Моріо, не принимавшій участія въ танцахъ, подошелъ къ оберъ-гофмейстеринѣ и попросилъ дозволенія сказать ей нѣсколько

словъ. Видно было, что онъ не разъ посѣщалъ буфетъ, такъ какъ находился въ возбужденномъ состояніи, и лицо его было краснѣе обыкновеннаго.

— Я долженъ благодарить васъ, графиня,—сказалъ онъ, понизивъ голосъ.—Вы совершили чудо съ моей Аделью!..

Оберъ-гофмейстерина не знала, какъ понять эти слова, и сердце ея усиленно забилось отъ безпокойства.

— Покаюсь вамъ, какъ честный человѣкъ, — продолжалъ Моріо:—что за минуту передъ тѣмъ, какъ Адель осчастливила меня своимъ согласіемъ, я былъ въ такомъ бѣшенствѣ, что готовъ былъ рѣшиться на все. Король предупредилъ меня, иначе я ворвался бы къ вамъ во время нѣмецкаго урока и, разумѣется, досталось бы тогда отъ меня учителю и ученицѣ... однимъ словомъ, не знаю, что вышло бы изъ этого... Но дѣлать было нечего, я отправился къ графу Фюрстенштейну, который былъ такъ озадаченъ всѣмъ, что я сообщилъ ему, что въ первую минуту онѣмѣлъ отъ удивленія... Я остался у него, такъ какъ рѣшился ждать возвращенія Адели; ни одному изъ насъ не пришло въ голову отправиться на вечеръ къ графу Гарденбергу, куда мы были оба приглашены. Естественно, что наше нетерпѣніе возростало съ каждой минутой.. наконецъ, отворяется дверь... вбѣгаетъ Адель, увидя меня, начинаетъ рыдать и прежде, чѣмъ мы успѣли разразиться упреками, она очутилась въ моихъ объятіяхъ... Она едва могла выговорить: «Простите, я буду вашей женой»!.. Конечно, въ эту минуту все было забыто мною и даже ея прежнее рѣзкое обращеніе... Теперь я счастливѣйшій изъ смертныхъ! но, къ сожалѣнію, долженъ сознаться, что этимъ обязанъ вамъ, графиня, хотя до сихъ поръ для меня загадка: какую роль играла тутъ нѣмецкая грамматика?.. Вѣроятно, была какая нибудь сцена, потому что Адель произноситъ ваше имя съ особенной интонаціей. Весь вопросъ въ томъ, что собственно произошло!..

— Слѣдовательно, вы знаете о нѣмецкихъ урокахъ?—возразила разсѣянно оберъ-гофмейстерина, такъ какъ въ это время обдумывала свой отвѣтъ.

— Я узналъ о нѣмецкихъ урокахъ отъ Берканьи, который сообщилъ мнѣ о нихъ во дворцѣ и, очевидно, съ злымъ умысломъ!

— Отъ Берканьи?—воскликнула она съ удивленіемъ.

— Развѣ вамъ неизвѣстно, графиня, что этотъ ловкій плутъ вездѣ имѣетъ своихъ ищеекъ? Конечно, у васъ не совсѣмъ надежные слуги...

Оберъ-гофмейстерина встревожилась и перебирала въ умѣ, кто изъ ея слугъ могъ быть подкупленъ полиціей, но когда Моріо опять заговорилъ о нѣмецкихъ урокахъ, она отвѣтила шутливымъ тономъ:

— Вы должны учиться у меня, какъ справляться съ Аделью, генералъ Маріо. Въ ней столько дѣтскаго, что всякое противорѣчіе

заставляетъ ее дѣлать наперекоръ, между тѣмъ какъ, уступая ея желаніямъ, вы можете постепенно всего добиться отъ нея.

— Вы не повѣрите, графиня, какъ измѣнилась Адель: она серьезна и сдержанна въ обращеніи съ другими, но относительно меня выказываетъ необыкновенную уступчивость и предупредительность. Я никогда не допускалъ возможности такого быстраго превращенія!

— Очень рада слышать это! Я увѣрена, что Адель будетъ вѣрной и любящей женой, — замѣтила оберъ-гофмейстерина въ надеждѣ, что разговоръ кончился, и она будетъ избавлена отъ непріятнаго собесѣдника.

Но Моріо не думалъ прекращать разговора и сказалъ тихимъ голосомъ, старательно подбирая выраженія:

— Видите ли, графиня, меня безпокоитъ еще одно обстоятельство. Адель почему-то возненавидѣла этого господина... какъ его фамилія... ну, однимъ словомъ, нѣмецкаго учителя, хотя говорила прежде, что онъ нравится ей... Что это значитъ? Я не могъ добиться отъ Адели никакихъ объясненій.... Вдобавокъ, этотъ господинъ имѣлъ дерзость явиться къ ней, когда она была одна дома, чуть ли не черезъ три дня послѣ того вечера. Конечно, Адель не приняла его! Все это разсказалъ мнѣ камердинеръ графа Фюрстенштейна. Молодой человѣкъ хотѣлъ было оставить какое-то письмо, но передумалъ и поспѣшно удалился... Не можете ли вы, графиня, сказать мнѣ: въ чемъ дѣло? Вѣроятно, нужно заплатить за нѣмецкіе уроки, или чего добраго не вздумалъ ли онъ влюбиться и позволилъ себѣ... Чортъ возьми! въ такомъ случаѣ...

Графиня поблѣднѣла и не нашлась, что отвѣтить; но, опасаясь какой нибудь грубой выходки со стороны генерала Моріо, попросила его послѣдовать за нею въ одну изъ отдаленныхъ комнатъ, гдѣ никто не могъ подслушать ихъ разговора.

Моріо повиновался, но для свѣтской женщины достаточно было нѣсколько минутъ, чтобы овладѣть собой. Когда они очутились наединѣ, графиня сказала равнодушнымъ голосомъ:

— Вы говорите, генералъ, что она ненавидитъ его, хотя мнѣ кажется, что это не болѣе какъ личная антипатія. Такія своенравныя дѣвушки, какъ Адель, часто впадаютъ въ крайность и способны все преувеличивать. Когда ей пришла фантазія брать нѣмецкіе уроки, она точно также почувствовала къ вамъ ненависть за то, что вы не хотите уступить ея желанію. У меня тогда же мелькнула мысль устроить уроки подъ моимъ наблюденіемъ, чтобы заставить ее отказаться отъ своего каприза. Дѣйствительно мои ожиданія вполнѣ оправдались: Адель скоро почувствовала отвращеніе къ нѣмецкому языку, который былъ слишкомъ труденъ для нея, а затѣмъ не взлюбила и учителя. Вѣроятно, ей представилось, что онъ дурно учитъ, потому что при ея самолюбіи не хотѣла при-

писать плохіе успѣхи, сдѣланные ею въ языкѣ, собственному нерадѣнію. Не напоминайте объ этомъ Адели, и все уладится понемногу. Относительно платы также не безпокойтесь: молодой человѣкъ не будетъ въ убыткѣ!.. По моимъ соображеніямъ, онъ приходилъ поздравить Адель съ помолвкой и, быть можетъ, хотѣлъ поднести ей стихи собственнаго сочиненія; это въ нѣмецкомъ духѣ и нисколько не удивило бы меня...

Графиня Антонія остановилась и невольно покраснѣла, но тотчасъ же овладѣла собой и сказала непринужденнымъ тономъ:— Однако, наша бесѣда продолжается слишкомъ долго, генералъ Моріо, и можетъ привлечь общее вниманіе, поэтому я предлагаю вернуться въ залу.

Съ этими словами она направилась къ дверямъ, не дожидаясь отвѣта своего собесѣдника, на лицѣ котораго выражалось полное недоумѣніе. Въ залѣ было душно; передъ глазами графини Антоніи мелькали фигуры танцующихъ, но она не различала ихъ; говоръ и музыка непріятно дѣйствовали на нее, тѣмъ болѣе, что теперь у нея явились новыя причины къ безпокойству. Мысль, что не все кончено съ помолвкой Адели, неотступно преслѣдовала ее; къ тому же она узнала отъ Моріо, что у нея въ домѣ между слугами есть измѣнникъ, подкупленный тайной полиціей, который можетъ во всякое время сдѣлать на нее доносъ... Что пользы, если она даже откроетъ его, Берканьи не замедлитъ подкупить кого нибудь другаго изъ ея слугъ. Но во всякомъ случаѣ ей слѣдуетъ предостеречь Адель, чтобы она была осторожнѣе и не высказывала такъ явно своей ненависти къ Герману, такъ какъ у Моріо уже явились нѣкоторыя подозрѣнія...

Она рѣшилась подойдти къ Адели и переговорить съ нею по окончаніи танца, хотя неособенно разсчитывала на успѣхъ, при тѣхъ холодныхъ отношеніяхъ, какія установились между ними послѣ памятнаго для нея вечера.

IV.

Перемѣна.

Балъ у графа Бохльса продолжался далеко за полночь; ярко горѣли безчисленныя свѣчи въ люстрахъ, отражаясь въ стѣнныхъ зеркалахъ; много было всякихъ проявленій страсти, любви, зависти и ревности подъ личиной свѣтскихъ разговоровъ и любезныхъ улыбокъ. Одуряющій ароматъ тропическихъ цвѣтовъ еще болѣе увеличивалъ духоту въ обѣихъ залахъ и раздражительно дѣйствовалъ на нервы. Гулъ громкихъ и тихихъ разговоровъ сливался со зву-

ками музыки, звономъ стакановъ у буфета и возгласами игроковъ за карточными столами.

Передъ домомъ стояли ряды экипажей и толпился народъ, глазѣвшій въ открытыя окна, у которыхъ время отъ времени появлялись фигуры дамъ и кавалеровъ въ бальныхъ костюмахъ. Была тихая іюньская ночь; собиралась гроза, но никто не думалъ объ ея приближеніи. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ графскаго дома была гауптвахта; около нея расположились солдаты въ ожиданіи отъѣзда короля. Пивная, находившаяся по сосѣдству, была переполнена посѣтителями; слышались громкіе голоса пирующихъ, прерываемые веселымъ хохотомъ.

На улицахъ верхняго города, около древней крѣпости, также замѣтно было оживленіе. Подъ арками разгуливали влюбленныя пары; изъ французскаго ресторана доносилось монотонное пѣніе подгулявшаго посѣтителя; въ бесѣдкѣ одного изъ частныхъ садовъ собралось много гостей и игралъ оркестръ, по случаю какого-то семейнаго торжества.

Хотя уличный шумъ былъ явственно слышенъ въ комнатѣ Германа, благодаря открытому окну, но онъ не обращалъ на него никакого вниманія. Не болѣе, какъ полчаса тому назадъ, онъ вернулся съ музыкальнаго вечера у Рейхардта, гдѣ были и Гейстеры; ему пришлось пѣть дуэтъ съ Линой, чтò было для него нелегкой задачей, при его нравственномъ состояніи. Къ тому же онъ долженъ былъ постоянно слѣдить за собой, чтобы казаться веселымъ изъ опасенія какихъ либо шутокъ или вопросовъ со стороны друзей. Въ послѣдніе дни онъ пережилъ много тяжелаго; упреки совѣсти мучили его, и въ то же время у него являлись самыя дикія предположенія. Онъ переходилъ отъ чувства гордаго самодовольства къ малодушію и не могъ понять, какъ одно такъ быстро смѣнилось другимъ—счастье и утрата, любовь и ненависть. При его неопытности и идеализмѣ ему казалось чѣмъ-то чудовищнымъ, что Адель могла возненавидѣть его послѣ того, что произошло между ними, а тѣмъ болѣе сдѣлаться невѣстой нелюбимаго человѣка. Но здоровая, сильная натура Германа помогла ему перенести и это горе. У него явилось стремленіе къ болѣе чистой, высокой любви, чтò уже было своего рода примиреніемъ съ жизнью. Всѣ эти разнообразныя ощущенія придали особенную выразительность и законченность его пѣнію. Друзья тотчасъ же замѣтили это и поздравили Германа, не подозрѣвая, что причиной такой перемѣны было затаенное горе, которому онъ особенно предавался, когда былъ наединѣ съ собой.

Но тутъ его печальныя мысли были прерваны звуками музыки въ сосѣднемъ саду. Оркестръ игралъ «Полонезъ» Огинскаго; разсказывали, что композиторъ въ этой пьесѣ хотѣлъ выразить ощущенія человѣка, который, подъ вліяніемъ отчаянія, рѣшается на

самоубійство, а затѣмъ внезапно чувствуетъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы остаться жить. Германъ подошелъ къ окну и задумчиво слушалъ звуки музыки, которая такъ гармонировала съ его душевнымъ настроеніемъ; въ ней находилъ онъ отголоски пережитыхъ имъ ощущеній. Все спокойнѣе и радостнѣе становилось у него на сердцѣ; въ немъ проснулось смутное сознаніе, что не все кончено для него и счастье опять улыбнется ему...

Между тѣмъ за горами все болѣе и болѣе собирались тучи; съ двухъ сторонъ засверкала молнія; но грома еще не было слышно; мертвящая тишина царила въ воздухѣ, изрѣдка прерываемая легкими порывами вѣтра. Но вотъ раздался первый ударъ грома, началъ накрапывать дождь, который скоро перешелъ въ ливень. Разомъ опустѣли улицы и замолкла музыка.

Германъ закрылъ окно и зажегъ свѣчу, чтобы прочесть записку баронессы Бюловъ, переданную ему Луизой, о которой онъ случайно вспомнилъ въ эту минуту. Письмо было адресовано Луизѣ: баронесса просила свою пріятельницу сообщить Герману, что ея мужъ принимаетъ участіе въ его судьбѣ и совѣтуетъ ему сдѣлать визитъ историку Миллеру, который будетъ заранѣе предупрежденъ относительно этого и, вѣроятно, не откажетъ г. доктору въ своемъ покровительствѣ.

Хотя записка не заключала никакихъ опредѣленныхъ обѣщаній, тѣмъ не менѣе самолюбіе Германа было польщено участіемъ, какое оказывали ему высокопоставленныя лица. Но, съ другой стороны, его смущало то обстоятельство, что онъ самъ до сихъ поръ не сдѣлалъ ни одного шага для устройства собственной судьбы и предался безумной любви, которая поглотила всѣ его помыслы. Теперь онъ рѣшилъ немедленно приняться за дѣло и на слѣдующее утро сдѣлать визитъ Миллеру. Если баронъ Бюловъ успѣлъ переговорить съ нимъ, тѣмъ лучше, если нѣтъ, то, всетаки, это не можетъ помѣшать ему представиться извѣстному историку и лично переговорить съ нимъ. Адель своей помолвкой съ генераломъ Моріо разрѣшила всѣ его сомнѣнія и не только избавила отъ какихъ либо обязательствъ по отношенію къ ней, но даже отчасти сняла съ него отвѣтственность за преступное увлеченіе страстью. По своему легкомыслію, онъ ни минуты не задумывался надъ тѣмъ, какія могутъ быть послѣдствія этого увлеченія и на сколько они отразятся на будущности обоихъ.

Онъ вспомнилъ слова Эммериха, что «нѣкоторыхъ людей вывозитъ счастье», и невольно улыбнулся при мысли, какъ удачно выпутался онъ изъ послѣдней любовной исторіи. Развѣ не то же слѣпое счастье помогло ему порвать всякія сношенія съ Верканьи?.. Размышленія на эту тему окончательно успокоили Германа, и онъ заснулъ съ мыслью, что такъ проживетъ всю жизнь и что счастье будетъ неизмѣнно выручать его во всѣ трудныя минуты.

V.

У историка Миллера.

На слѣдующее утро, Германъ, окончивъ свой туалетъ, сѣлъ къ письменному столу въ ожиданіи времени, когда ему казалось приличнымъ отправиться съ визитомъ къ историку Миллеру. Занятія его были прерваны появленіемъ барона Рефельда, который, упрекнувъ его за долгое отсутствіе, разсказалъ множество городскихъ новостей, не представлявшихъ для него особеннаго интереса, но одно извѣстіе глубоко взволновало его. Дѣло касалось Адели. Баронъ сообщилъ ему, что, по случаю близкой свадьбы Моріо, король собирается устроить при дворѣ пышный праздникъ въ честь своего любимца, и добавилъ, что придворные не могутъ объяснить себѣ, почему красивая креолка такъ внезапно рѣшилась выйдти замужъ за человѣка, къ которому она всегда относилась съ видимой непріязнью.

— Разумѣется,—продолжалъ баронъ,—по этому поводу плетутъ всякій вздоръ, сочинили цѣлую исторію о несчастной любви мадемуазель Ле-Камю къ какому-то бѣдняку, вѣроятно, нѣмцу, потому что наша знать неособенно разборчива относительно всякаго французскаго сброда. Я убѣжденъ, что въ основѣ всѣхъ этихъ толковъ зависть и недоброжелательство къ генералу Моріо, который нажилъ себѣ много враговъ своимъ грубымъ обращеніемъ съ людьми. Говорятъ, онъ очень ревнивъ, а креолки, какъ извѣстно, отличаются легкомысліемъ и страстностью...

Германъ ничего не отвѣтилъ и поспѣшилъ перемѣнить тему разговора, но едва успокоилъ онъ себя мыслью, что дѣйствительная исторія его отношеній къ Адели останется тайной для всѣхъ, какъ баронъ Рефельдъ коснулся другаго, не менѣе щекотливаго вопроса.

— Кстати,—сказалъ онъ:—чуть было не забылъ сообщить вамъ, что вчера я получилъ письмо, въ которомъ меня извѣщаютъ, что, по распоряженію министра Штейна, арестованъ Кельнъ, членъ прусскаго военнаго совѣта, и будетъ преданъ суду за свою послѣднюю книгу «Интимныя письма». Мало того, что этотъ господинъ позволилъ себѣ осуждать распоряженія прусскаго правительства и возбуждать противъ него неудовольствіе, что̀ болѣе чѣмъ неумѣстно въ теперешнее бѣдственное время, но еще вздумалъ въ своемъ сочиненіи распространяться о доходахъ государства. Понятно, что сообщеніе какихъ либо свѣдѣній о нашихъ дѣлахъ, которыми могутъ воспользоваться французы, составляетъ своего рода доносъ и должно подлежать строгой отвѣтственности...

Германъ невольно покраснѣлъ, вспомнивъ о своемъ докладѣ генералъ-директору полиціи, и, чтобы скрыть свое смущеніе, прекратилъ непріятный для него разговоръ заявленіемъ, что долженъ немедленно отправиться къ историку Миллеру.

— Вотъ, вы увидите первостепеннаго труса!—воскликнулъ баронъ Рефельдъ.—Представьте себѣ, что этотъ выдающійся, богато одаренный человѣкъ, съ его обширнымъ умомъ, отличается полнымъ отсутствіемъ гражданской доблести. Хотя роковая судьба и его собственное честолюбіе вывели Миллера на политическое поприще, но онъ на столько малодушенъ, что не можетъ сохранить равновѣсія на бурномъ морѣ революціоннаго времени. О немъ можно смѣло сказать: придерживайтесь его словъ, но не берите примѣра съ его дѣйствій! Быть можетъ, вы слышали, что случилось съ нимъ въ Берлинѣ?

— Мнѣ передавали содержаніе разговора Миллера съ Наполеономъ, послѣ торжественнаго въѣзда французскаго императора въ Берлинъ; но въ тѣ времена все это мало интересовало меня и сознаюсь, что въ моей памяти не сохранилось никакихъ подробностей.

— Ну, я разскажу вамъ объ этой встрѣчѣ дорбгой, потому что вамъ пора идти, г. докторъ, если вы не желаете отложить вашего визита до слѣдующаго дня. Надѣюсь, что вы ничего не имѣете противъ того, чтобы я проводилъ васъ до квартиры Миллера?

Когда они вышли на улицу, баронъ Рефельдъ продолжалъ начатый разговоръ.

— Нужно замѣтить,—сказалъ онъ,—что едва ли въ которомъ либо изъ нынѣшнихъ выдающихся людей можно встрѣтить такое малодушіе въ соединеніи съ дѣтскимъ тщеславіемъ, какъ у Миллера, чѣмъ объясняется шаткость его политическихъ убѣжденій. Какъ извѣстно, онъ служилъ нѣкоторое время у майнцскаго курфирста и въ вѣнской государственной канцеляріи, послѣ чего поселился въ Берлинѣ, въ званіи академика и бранденбургскаго исторіографа. Здѣсь, съ цѣлью поднять патріотизмъ націи, издалъ онъ сочиненіе Гаммера «Трубный гласъ священной войны» съ своимъ предисловіемъ. Но послѣ сраженія подъ Іеной, когда Наполеонъ приблизился къ Берлину, на Миллера напалъ страхъ, что его привлекутъ къ отвѣтственности и, пожалуй, разстрѣляютъ, какъ Пальма, хотя, разумѣется, ничего подобнаго не могло случиться, такъ какъ Наполеонъ, въ видѣ особенной милости къ извѣстному нѣмецкому историку, потребовалъ его къ себѣ для личныхъ объясненій и принялъ самымъ дружелюбнымъ образомъ. Во время этого свиданія произошелъ знаменитый разговоръ, о которомъ было столько толковъ. Миллеръ высказалъ свой взглядъ на исторію и развитіе народовъ, и такъ понравился императору своимъ широкимъ всеобъемлющимъ умомъ, что этотъ назначилъ его членомъ государственнаго совѣта въ Кассель и генералъ-директоромъ народнаго просвѣщенія. По-

чтенный историкъ, не смотря на все свое честолюбіе, всячески старался отклонить отъ себя это почетное назначеніе, вѣроятно, предчувствуя, что ему придется плохо на такомъ высокомъ постѣ. Но ничто не помогло, и онъ долженъ былъ отправиться въ Кассель, гдѣ испыталъ столько непріятностей, что заболѣлъ отъ огорченія... Однако, до свиданія, мы дошли до его дома... Въ былыя времена я считалъ бы своимъ долгомъ сдѣлать небольшое предостереженіе, но теперь Миллеръ больной человѣкъ...

— Говорите яснѣе, баронъ, я не понимаю васъ,—сказалъ Германъ.—Какое предостереженіе?

— Какое?—повторилъ со смѣхомъ баронъ Рефельдъ и, пожавъ руку Герману, повернулъ въ сосѣднюю улицу.

Германъ вошелъ въ домъ, гдѣ жилъ Миллеръ, и велѣлъ доложить о своемъ приходѣ. Старый камердинеръ провелъ его въ кабинетъ историка, который привѣтливо встрѣтилъ его и, указавъ ему на стулъ, просилъ обождать нѣсколько минутъ.

Миллеръ былъ не одинъ; за его письменнымъ столомъ сидѣлъ докторъ Гарнишъ и прописывалъ рецептъ, давая разныя наставленія относительно лѣченія. Германъ невольно сравнилъ между собою этихъ двухъ людей, наружность которыхъ представляла полный контрастъ. Миллеру было болѣе пятидесяти лѣтъ; небольшаго роста, довольно тучный, съ блѣднымъ, какъ бы припухшимъ лицомъ, онъ отличался вялостью и медленностью движеній; большіе глаза на выкатѣ, лишенные выраженія, блестѣли лихорадочнымъ блескомъ, между тѣмъ, какъ мягкія очертанія полныхъ губъ придавали его лицу какое-то дѣтски-добродушное выраженіе. Доктору Гарнишу было подъ тридцать лѣтъ; онъ также былъ невысокаго роста, но отличался необыкновенной живостью и представлялъ собою олицетвореніе здоровья и физической силы: румяный, съ мужественными, немного рѣзкими чертами лица, выразительнымъ взглядомъ и густыми, темными волосами. Онъ одинаково владѣлъ французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ, имѣлъ безукоризненныя манеры и, при своемъ блестящемъ остроуміи, всегда находилъ подходящій отвѣтъ; знатныя дамы охотно избирали его въ повѣренные своихъ сердечныхъ тайнъ, что̀ не мѣшало ему лѣчить съ спокойной совѣстью ихъ мужей. При этомъ д-ръ Гарнишъ, не смотря на нѣкоторую самоувѣренность и гордое сознаніе своего медицинскаго авторитета, былъ неизмѣнно привѣтливъ со всѣми. Такъ и теперь, исполнивъ свою докторскую обязанность, онъ любезно обратился къ Герману и напомнилъ ему, что не разъ имѣлъ удовольствіе встрѣчать его у Рейхардтовъ.

— Сегодня я узналъ отъ моего почтеннаго Гиппократа, что онъ знакомъ съ вами, г. Тёйтлебенъ!—сказалъ Миллеръ.—Его лестный отзывъ о васъ служитъ для меня наилучшей рекомендаціей; кромѣ

того, министръ Бюловъ и оберъ-гофмейстерина принимаютъ самое живое участіе въ вашей судьбѣ...

Германа особенно поразило то обстоятельство, что оберъ-гофмейстерина продолжаетъ благосклонно относиться къ нему, хотя онъ съ своей стороны на столько чувствовалъ себя виноватымъ передъ нею, что даже избѣгалъ проходить мимо ея дома.

Докторъ Гарнишъ, замѣтивъ смущеніе молодаго человѣка, улыбнулся:

— Васъ можно поздравить, г. Тёйтлебенъ,—сказалъ онъ:— повидимому, вы пользуетесь такимъ же довѣріемъ государственныхъ людей, какъ и знатныхъ дамъ!

— Это служитъ лучшимъ доказательствомъ его дипломатическихъ способностей,—возразилъ Миллеръ:—но во всякомъ случаѣ я радъ за него, что онъ хочетъ посвятить себя наукѣ. Вотъ я, напримѣръ, нахожусь въ вѣчномъ колебаніи между ученой и государственной дѣятельностью и не разъ вспоминалъ изреченіе моего покровителя и друга, старика Тронхина, что только на поприщѣ науки я буду работать честно и съ успѣхомъ.

— Этотъ взглядъ кажется мнѣ слишкомъ одностороннимъ!— возразилъ Гарнишъ.—Если до сихъ поръ вы способствовали своимъ перомъ развитію патріотизма въ сердцахъ нашихъ соотечественниковъ, то теперь наступила пора дѣйствовать живымъ словомъ. Мы разсчитываемъ на то вліяніе, какое вы можете оказать на короля, министровъ, нѣмецкую націю; говорю это, не стѣсняясь присутствіемъ молодаго человѣка, такъ какъ онъ другъ Рейхардта и ему все извѣстно. Вы знаете, что готовится въ Пруссіи и на сѣверѣ Германіи и какое значеніе имѣетъ тамъ имя Іогана Миллера! У васъ обширныя знакомства между государственными людьми и учеными, и вы должны сдѣлаться центромъ союза друзей родины; теперь не время писать исторію, а нужно выступить въ ней дѣйствующимъ лицомъ...

Гарнишъ говорилъ вполголоса, но съ такимъ воодушевленіемъ, что лицо его разгорѣлось; Миллеръ былъ также взволнованъ, но еще болѣе недоволенъ, что нарушаютъ его душевный покой, и поэтому отвѣтилъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ:

— Вы напоминаете мнѣ древнихъ пророковъ, мой дорогой medicus; они говорили тѣмъ же торжественнымъ тономъ, но, призывая людей къ покаянію, не требовали отъ нихъ невозможнаго. Пророкъ Іеремія выплакалъ себѣ глаза, видя, что его родина перейдетъ къ вавилонскому царю, но совѣтовалъ израилю покориться необходимости, хотя, разумѣется, нельзя заподозрѣть его, что онъ забылъ свой народъ или недостаточно любилъ его. Я не сравниваю себя съ Іереміей, но въ душѣ чувствую такое же горе; надѣюсь, что вы оба понимаете меня...

Миллеръ остановился, затѣмъ продолжалъ болѣе спокойнымъ голосомъ:

— Благодаря событіямъ 1806 года, цѣлыя націи попались въ силки великаго птицелова, такъ что вся Европа вскорѣ обратится въ empire Français, но не на 70 лѣтъ, какъ было въ Вавилонѣ, а несравненно долѣе. Быть можетъ, Наполеонъ представляетъ собой орудіе судьбы и ему суждено совершить нѣчто новое и небывалое въ всемірной исторіи. Эта мысль пришла мнѣ въ голову, во время моей бесѣды съ этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ; я былъ такъ подавленъ ею, что долго не могъ успокоиться и, наконецъ, заболѣлъ. Теперь я опять чувствую себя здоровымъ, благодаря вашему искусству, мой почтенный Гарнишъ, но поймите, что я не болѣе какъ пришелецъ въ этомъ многогрѣшномъ Вавилонѣ и сознаніе моего полнаго безсилія томитъ меня болѣе, чѣмъ кого либо!

На глазахъ Миллера навернулись слезы, но Гарнишъ не обратилъ на это никакого вниманія и отвѣтилъ съ легкой усмѣшкой:

— Вы упустили изъ виду одно обстоятельство, мой почтенный другъ, что мы не въ плѣну и не уведены въ Вавилонъ, а продолжаемъ жить на собственной землѣ и имѣемъ полную возможность прогнать нашихъ враговъ. Разумѣется, намъ нечего разсчитывать на помощь нѣмецкихъ курфирстовъ и королей, которыхъ можно считать главными виновниками вторженія чужеземцевъ; я не теряю надежды, что нѣмцы рано или поздно прійдутъ къ сознанію, что вся сила въ народѣ, и что правители существуютъ для него, а не онъ для нихъ!

— Особа правителя должна быть священной для народа,—пробормоталъ Миллеръ:—но никто не станетъ доказывать, что какой бы то ни было гнетъ, а тѣмъ болѣе чужеземный былъ бы желателенъ или полезенъ для народа...

— Мы поговоримъ объ этомъ въ слѣдующій разъ,—сказалъ Гарнишъ и, взявъ со стола шляпу, удалился съ любезнымъ поклономъ.

Миллеръ былъ видимо радъ возможности прекратить разговоръ о политикѣ, онъ привѣтливо обратился къ Герману и пригласилъ сѣсть рядомъ съ собою у письменнаго стола. Добродушное выраженіе его глазъ и улыбка ясно показывали, что молодой претендентъ на каѳедру произвелъ на него пріятное впечатлѣніе.

— Теперь мы одни,—сказалъ Миллеръ:—и я просилъ бы васъ сообщить о себѣ нѣкоторыя подробности, къ чему вы стремитесь, что намѣрены дѣлать? и пр.

Германъ обыкновенно отличался живостью и простотой изложенія, но на этотъ разъ присутствіе извѣстнаго историка и его привѣтливое обращеніе такъ благотворно подѣйствовали на него, что онъ становился все краснорѣчивѣе.

— Вы несомнѣнно обладаете даромъ слова, г. Тёйтлебенъ,— сказалъ Миллеръ: — а это не послѣднее достоинство въ профессорѣ, такъ что вы можете смѣло разсчитывать на блестящій успѣхъ. Но прежде всего я долженъ объяснить вамъ положеніе дѣлъ: въ настоящее время мнѣ приходится, главнымъ образомъ, отстаивать существованіе нашихъ пяти университетовъ. Къ осени вопросъ будетъ рѣшенъ, но если даже нѣкоторые изъ нихъ будутъ закрыты, то, всетаки, намъ нуженъ будетъ приливъ новыхъ силъ, и я устрою васъ, быть можетъ, въ Гёттингенѣ. А пока не совѣтую искать службы при дворѣ, это будетъ совершенно лишнее для васъ и потребуетъ напрасной траты времени. Займитесь лучше какой нибудь научной работой, переведите, напримѣръ, «Пиръ» Платона съ надлежащими комментаріями, относительно тогдашнихъ и теперешнихъ воззрѣній на любовь. Ни въ одномъ изъ классическихъ сочиненій мы не встрѣчаемъ такого прекраснаго сочетанія поэзіи и философіи и такого возвышеннаго взгляда на любовь. Появленіе такой книжки было бы особенно желательно въ данный моментъ и подѣйствовало бы отрезвляющимъ образомъ на наше общество, среди безумнаго карнавала кассельской жизни.

— Какая прекрасная мысль!—воскликнулъ Германъ:—я считалъ бы себя счастливымъ, если бы могъ осуществить ее!

— Очень радъ слышать это!—сказалъ Миллеръ.—Въ моей библіотекѣ собрана цѣлая литература какъ относительно этого, такъ и другихъ «Діалоговъ» Платона. Вы получите отъ меня нужныя для васъ книги, и мы переговоримъ подробно относительно вашей работы, но, конечно, вы должны посѣщать меня, какъ можно чаще.

— Безконечно благодаренъ, — возразилъ Германъ: — но время такъ дорого для васъ... -

— Разумѣется, хотя отдыхъ для меня еще дороже. Шумные вечера, гдѣ мнѣ приходится бывать, время отъ времени, только усиливаютъ мое утомленіе; масса просителей, которые ежедневно осаждаютъ меня, также не могутъ доставить особеннаго удовольствія. Однимъ словомъ, не стѣсняясь, приходите ко мнѣ... но опятьтаки повторяю вамъ, не стремитесь къ придворной службѣ, лучше поищите частныхъ уроковъ въ знатныхъ домахъ или мѣста чтеца— вы сдѣлаете полезныя знакомства и у васъ явятся кое-какія связи. Я охотно дамъ вамъ рекомендательныя письма къ нѣкоторымъ лицамъ...

Миллеръ не окончилъ начатой фразы и задумался. Германъ воспользовался этой минутой, чтобы проститься съ нимъ и поблагодарить за участіе.

— До свиданія,—сказалъ Миллеръ, также поднимаясь съ мѣста.— Счастливецъ! Глядя на васъ, я невольно вспоминаю свою молодость. Было время, когда и я пользовался здоровьемъ и могъ надѣяться на будущее. Господь да благословитъ васъ!..

VI.

Друзья.

Германъ вернулся домой взволнованный. Онъ зашелъ къ хозяйкѣ дома, чтобы поздороваться съ нею, и засталъ Лину Гейстеръ, которая обратилась къ нему съ просьбой, не хочетъ ли онъ прочесть съ нею что нибудь:

— Это будетъ для меня большимъ одолженіемъ,—добавила она:— со времени нашего возвращенія въ Кассель, я прочла немало всякихъ книгъ, но, при моемъ невѣжествѣ, многое непонятно для меня, а Людвигъ такъ занятъ, что я не рѣшаюсь обращаться къ нему за какими либо объясненіями.

Германъ охотно согласился, такъ какъ радъ былъ случаю развлечься и избавиться хотя на короткое время отъ тяжелыхъ мыслей, которыя въ послѣднее время неотступно преслѣдовали его.

Молодая женщина не могла привыкнуть оставаться цѣлый день дома въ полномъ одиночествѣ. Гейстеръ обыкновенно проводилъ въ министерствѣ все утро отъ девяти до пяти часовъ, когда они садились за обѣдъ по французскому обычаю; если случалось, что онъ утромъ заходилъ домой, то не болѣе какъ на нѣсколько минутъ, и опять уходилъ на службу. Лина, дѣятельная по природѣ, не знала, какъ убить время; небольшое и далеко несложное хозяйство не требовало отъ нея особеннаго вниманія. Поэтому она много читала и почти ежедневно бывала у матери, которая также скучала безъ нея.

Когда они вышли на балконъ и сѣли за чтеніе, Лина замѣтила, что Германъ чѣмъ-то взволнованъ и одѣтъ тщательнѣе обыкновеннаго. Мысль, что, быть можетъ, онъ вернулся отъ своей возлюбленной, промелькнула въ ея головѣ; она съ смущеніемъ взглянула на него и видимо обрадовалась, когда Германъ сообщилъ ей, что былъ у генералъ-директора народнаго просвѣщенія, Миллера.

— Вѣроятно, онъ объявилъ, что тебѣ нечего надѣяться на полученіе мѣста?—спросила она.

— Напротивъ! Но не это смутило меня... Я не въ состояніи передать тебѣ, какое странное впечатлѣніе произвелъ на меня Миллеръ. Невольно преклоняешься передъ этимъ человѣкомъ, но въ то же время онъ возбуждаетъ въ васъ какое-то сожалѣніе. Фигура его невзрачная и, не смотря на поразительный умъ, онъ производитъ крайне непріятное впечатлѣніе своимъ робкимъ, заискивающимъ обращеніемъ, хотя вообще исполненъ добродушія и самыхъ благородныхъ стремленій. Онъ все сваливаетъ на болѣзнь, но мнѣ кажется, что у него просто тоска по родинѣ и онъ чувствуетъ себя здѣсь чужимъ человѣкомъ, какъ многіе въ Касселѣ.

— А ты, Германъ, развѣ ты чувствуешь себя чужимъ среди насъ?—спросила она взволнованнымъ голосомъ.

— Конечно, нѣтъ, но только до тѣхъ поръ, пока я съ вами или среди природы, но когда я думаю о своей будущности или о здѣшнемъ обществѣ, то чувствую себя одинокимъ и несчастнымъ. Послѣ того, что мнѣ пришлось испытать въ послѣднее время, я искренно желалъ бы ограничить всѣ мои сношенія съ людьми вами и Рейхардтами. Уединеніе поможетъ мнѣ сосредоточиться и приготовить себя къ той дѣятельности, на которую указалъ мнѣ Миллеръ.

— Какая дѣятельность Германъ и какъ ты будешь готовиться къ ней?

— Видишь ли, это ученая работа, которую я долженъ исполнить подъ руководствомъ Миллера; осенью онъ надѣется доставить мнѣ каѳедру, и даже, быть можетъ, въ Гёттингенѣ...

— Радуюсь за тебя,—сказала молодая женщина:—хотя изъ-за этого намъ придется разстаться съ тобой и даже теперь, если ты погрузишься въ работу, то, пожалуй, забудешь о нашемъ существованіи.

Это не можетъ случиться по многимъ причинамъ, а тѣмъ болѣе по характеру заказанной мнѣ работы, такъ какъ это трактатъ о любви. Ты, можетъ быть, имѣешь понятіе о Платонѣ и его сочиненіи «Пиръ»?

— Я слышала мелькомъ отъ Людвига, что Платонъ былъ греческій мудрецъ или философъ, но, конечно, это слишкомъ недостаточно, и я просила бы тебя разсказать мнѣ, какъ можно подробнѣе о Платонѣ и его сочиненіяхъ.

Германъ охотно исполнилъ желаніе своей молодой пріятельницы и, коснувшись въ общихъ чертахъ наиболѣе извѣстныхъ сочиненій Платона, подробно изложилъ содержаніе «Пира».

— Ну, а теперь не можешь ли ты сообщить мнѣ, какія именно рѣчи были произнесены на этомъ «Пирѣ» въ похвалу богу любви?—спросила Лина.

— Изученіе этихъ серьёзныхъ и юмористическихъ рѣчей, въ которыхъ проводится различный взглядъ на любовь, и составляетъ главную задачу моей работы. Здѣсь требуется не только точный переводъ Платона, но и послѣдовательное изложеніе современныхъ взглядовъ на любовь. Время, когда былъ описанъ пиръ въ Аѳинахъ, имѣетъ много общаго съ нынѣшними условіями жизни. Высшіе классы общества ничего не признавали, кромѣ наслажденія, какъ будто это была ихъ неизбѣжная обязанность, а для остальныхъ смертныхъ дни шли за днями безъ радости и какой либо надежды на лучшее существованіе...

Германъ замолчалъ, потому что въ эту минуту явилась г-жа Виттихъ съ приглашеніемъ къ обѣду. Лина не рѣшилась остаться, не смотря на настойчивыя просьбы матери, и отправилась домой.

Дорогой самыя разнообразныя мысли приходили въ голову молодой женщинѣ. Она сравнивала свою сегодняшнюю бесѣду съ Германомъ съ разсказами Людвига о разныхъ любовныхъ приключеніяхъ при дворѣ. Идеальныя воззрѣнія Германа были на столько же симпатичны ей, на сколько она вообще возмущалась взглядами Людвига на жизнь. Отсюда мысли ея невольно остановились на Германѣ и на той перемѣнѣ, какую она замѣчала въ немъ. Она не думала, чтобы причина заключалась въ сердечной привязанности, потому что въ этомъ случаѣ Германъ всецѣло предался бы своему чувству и не сталъ бы увлекаться наукой; еще менѣе казалось ей возможнымъ, чтобы ея другъ могъ потерпѣть неудачу въ любви. Сказанныя имъ слова, что «онъ чувствуетъ себя одинокимъ въ Касселѣ», не выходили изъ ея памяти, и она рѣшила сдѣлать все отъ нея зависящее, чтобы, по крайней мѣрѣ, у нихъ въ домѣ онъ не испытывалъ ничего подобнаго.

За обѣдомъ Лина сообщила мужу о печальномъ настроеніи ихъ друга, но Гейстеръ холодно замѣтилъ, что, по его мнѣнію, Герману прежде всего нужна практическая дѣятельность, которая бы поставила его въ необходимость трудиться изо дня въ день.—На сколько я могъ замѣтить,—добавилъ онъ:—избытокъ силъ чаще нарушаетъ наше душевное равновѣсіе, нежели недостатокъ ихъ. Повѣрь мнѣ, Линьхенъ, Германъ недоволенъ собой, а не Касселемъ, и въ этомъ главная причина его дурнаго расположенія духа.

VII.

Интрига.

Тѣсная дружба оберъ-гофмейстерины и барона Бюлова не ускользнула отъ вниманія его враговъ, равно и то обстоятельство, что, благодаря вліянію ихъ обоихъ, нѣмецкая партія замѣтно усилилась при дворѣ, а въ министерствѣ финансовъ наиболѣе видныя мѣста были замѣщены нѣмцами. Поэтому Берканьи, руководитель французской партіи, поставилъ себѣ цѣлью низвергнуть министра финансовъ и замѣстить его болѣе надежнымъ человѣкомъ. Послѣ отъѣзда Бюлова, онъ вступилъ въ переговоры съ членомъ государственнаго совѣта Мальхомъ, котораго склонилъ на свою сторону обѣщаніемъ содѣйствовать его назначенію на постъ министра финансовъ. Мальхъ не могъ ни въ какомъ случаѣ помѣшать его планамъ, потому что индифферентно относился ко всѣмъ партіямъ и готовъ былъ пристать къ той изъ нихъ, которая наиболѣе соотвѣтствовала его личнымъ интересамъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, еврей не только по фамиліи, но и по типу, который явно свидѣтельствовалъ объ его восточномъ происхожденіи. Изворотливость была отличи-

тельной чертой его характера и въ значительной мѣрѣ помогла ему пробить себѣ дорогу въ свѣтѣ, въ соединеніи съ рѣдкимъ трудолюбіемъ, знаніемъ дѣла и коварствомъ.

Надежда сдѣлаться министромъ финансовъ возвеличила Мальха въ собственныхъ глазахъ и отразилась на его обращеніи съ людьми, къ которымъ онъ сталъ относиться съ небрежной снисходительностью знатнаго человѣка. Теперь онъ не иначе принималъ посѣтителей, какъ развалясь на диванѣ, съ трубкой въ рукахъ, давалъ односложные отвѣты, или слегка кивалъ головой въ знакъ одобренія. Оставаясь наединѣ съ женой, онъ ни о чемъ другомъ не могъ говорить съ нею, какъ объ ожидаемомъ почетномъ назначеніи. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ, слуга доложилъ о прибытіи Берканьи; г-жа Мальхъ тотчасъ удалилась изъ кабинета, между тѣмъ какъ ея супругъ поспѣшно отложилъ трубку и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу посѣтителю.

Генералъ-директоръ полиціи вошелъ съ торжествующимъ видомъ, держа въ рукахъ какую-то бумагу.

— Какъ? неужели?—воскликнулъ Мальхъ, лицо котораго просіяло отъ удовольствія.—Могу ли я надѣяться!.. Развѣ нашъ планъ такъ близокъ къ осуществленію? Говорите скорѣе, не томите меня...

— Вы угадали, мой другъ,—сказалъ Берканьи развязнымъ тономъ:—теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь, я разсчитываю на успѣхъ. Кстати, я принесъ французскіе стихи, которые оставлю вамъ для прочтенія; они написаны въ насмѣшку надъ Бюловымъ и его финансовыми операціями; мы напечатаемъ ихъ съ нѣмецкимъ переводомъ. Повѣрьте, что они скорѣе подорвутъ кредитъ этого господина, нежели что либо другое, и въ обществѣ неизбѣжно будетъ поднятъ вопросъ: дѣйствительно ли его заслуги такъ велики, какъ намъ хотятъ представить ихъ...

Мальхъ, не ожидавшій услышать что либо подобное, былъ замѣтно смущенъ и пробормоталъ сквозь зубы, что такого рода стихи могутъ привлечь вниманіе...

— Чье вниманіе? Не сыскной ли полиціи?—спросилъ со смѣхомъ Берканьи.—Даю вамъ честное слово, что мои агенты не откроютъ имени автора этого пасквиля. Но, конечно, все это пустяки, а главное то, чтобы Бюловъ, по возвращеніи изъ Парижа, нашелъ здѣсь совсѣмъ другую атмосферу; кромѣ того, я не сомнѣваюсь, что его поѣздка не будетъ имѣть никакихъ результатовъ.

— Мнѣ кажется,—возразилъ Мальхъ:—что мы прежде всего должны вооружить противъ него короля и убѣдить его величество въ томъ, что Бюловъ намѣренно уменьшаетъ цифру доходовъ страны, чтобы придать себѣ больше цѣны!

— Я не раздѣляю вашего мнѣнія, мой милый другъ,—сказалъ Берканьи:—у короля хватитъ на столько пониманія, чтобы не повѣрить этому, хотя онъ и не любитъ заниматься дѣлами. До тѣхъ

поръ, пока доставляются деньги на удовольствія, Бюловъ останется «l'homme par excellence, le phénix de la Westfalie»... Но знаете ли, что̀ всего сильнѣе могло бы подѣйствовать на короля при его настоящемъ настроеніи духа?

— Что именно?—спросилъ Мальхъ.

— Если бы можно было убѣдить Іеронима, что Бюловъ имѣетъ тайныя сношенія съ Пруссіей и дѣйствуетъ заодно съ тамошними противниками Наполеона.

— Бюловъ пользуется слишкомъ большимъ довѣріемъ его величества,—возразилъ Мальхъ:—къ тому же это подозрѣніе ни на чемъ не основано...

— Напротивъ,—замѣтилъ Берканьи.—Я не сомнѣваюсь, что онъ принимаетъ извѣстное участіе въ политическомъ движеніи Пруссіи, судя по тому, что онъ посылаетъ и получаетъ письма черезъ особыхъ гонцевъ. Жаль, что нельзя пересмотрѣть его бумаги! Въ лѣвомъ шкапикѣ его письменнаго стола есть потайной ящикъ, гдѣ онъ хранитъ свою частную корреспонденцію. Мнѣ извѣстно, что ключъ сберегается неособенно тщательно, потому что, кромѣ секретаря Провансаля, никто изъ чиновниковъ не смѣетъ войдти въ кабинетъ министра безъ зова. Этотъ швейцарецъ такъ привязанъ къ своему начальнику, какъ магнитъ къ желѣзу. Бюловъ познакомился съ нимъ въ Магдебургѣ, гдѣ Провансаль занималъ мѣсто пастора и, при случаѣ, помогалъ ему составлять отчеты и писать донесенія на французскомъ языкѣ. Когда Бюловъ сдѣлался министромъ, то призвалъ сюда Провансаля, назначилъ его своимъ секретаремъ и даже предложилъ ему жить въ своемъ домѣ. Теперь такая тѣсная дружба связываетъ ихъ, что о подкупѣ секретаря не можетъ быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что онъ человѣкъ непрактическій, хотя довольно свѣдущій въ дѣлахъ. Вдобавокъ, по нѣкоторымъ даннымъ, Провансаль, вѣроятно, также принимаетъ участіе въ прусскомъ заговорѣ.

— Какъ вы полагаете, нельзя ли сдѣлать обыскъ у Бюлова, во время его отсутствія?—спросилъ Мальхъ.

— Въ его отсутствіе!—повторилъ задумчиво Берканьи.—Конечно, такая мѣра вѣрнѣе всего привела бы насъ къ цѣли, но, пожалуй, король найдетъ это неприличнымъ. Едва ли даже можно будетъ добиться отъ его величества разрѣшенія, чтобы мой агентъ пересмотрѣлъ втайнѣ корреспонденцію министра, хотя, конечно, придется подкупить камердинера, который бы впустилъ его въ кабинетъ.

— Развѣ вамъ такъ необходимо согласіе короля?—спросилъ Мальхъ.

— Разумѣется! Представьте себѣ, что найдется какой нибудь документъ, который нужно будетъ представить королю для достиженія нашихъ цѣлей,—не могу же я объявить, что обыскъ произведенъ мною самовольно!

— Вы правы,—сказалъ Мальхъ:—но, во всякомъ случаѣ, не мѣшаетъ сдѣлать попытку хотя до извѣстной степени уронить Бюлова въ мнѣніи короля.

Берканьи задумался, а затѣмъ сказалъ рѣшительнымъ тономъ:

— Я послѣдую вашему совѣту, только предварительно постараюсь подготовить почву.

— Черезъ кого?

— Черезъ Дюшамбона.

— Какъ!—воскликнулъ съ удивленіемъ Мальхъ.—Неужели вы думаете, что король обратитъ малѣйшее вниманіе на слова этого шута, отъ котораго никто не ждетъ ничего путнаго?

— Не въ этомъ дѣло! Король никогда не видѣлъ Дюшамбона въ томъ состояніи духа, въ какомъ онъ находится въ настоящее время! Я встрѣтилъ его у дверей вашего дома; онъ внѣ себя отъ ярости, что ему не выдали денегъ изъ главнаго казначейства, такъ какъ онъ намѣревался выплатить мѣсячное жалованье придворнымъ пѣвцамъ. Директоръ мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что нѣтъ денегъ въ кассѣ, и выразилъ надежду, что онѣ будутъ скоро получены изъ провинцій. Но, когда Дюшамбонъ, вѣроятно, подстрекаемый м-зель Галло, началъ настаивать на исполненіи своего требованія, то директоръ флегматически замѣтилъ ему, что прежде слѣдуетъ удовлетворить плачущихъ, а затѣмъ уже поющихъ, и этимъ замѣчаніемъ окончательно разсердилъ вспыльчиваго француза. Этотъ хотѣлъ тотчасъ же отправиться съ жалобой къ его величеству, но я объявилъ ему, что сегодня до обѣда нельзя видѣть короля и просилъ его предварительно зайдти ко мнѣ. Я хочу подъучить Дюшамбона, чтобы онъ, жалуясь на директора, сдѣлалъ бы доносъ и на самого министра, а именно, что Бюловъ, будучи въ Магдебургѣ, отправилъ въ Пруссію всю казну и цѣнныя вещи, не увѣдомивъ объ этомъ главнаго французскаго интенданта. Такимъ образомъ, король будетъ подготовленъ и, быть можетъ, самъ заговоритъ со мной объ этомъ, а тогда мнѣ будетъ нетрудно заручиться дозволеніемъ сдѣлать тайный обыскъ въ кабинетѣ министра.

— Прекрасно!—воскликнулъ Мальхъ, лицо котораго замѣтно повеселѣло.—Кстати, не вы ли сказали мнѣ вчера, что надняхъ долженъ прибыть сюда изъ Берлина нашъ посланникъ баронъ фонъ-Линденъ?

— Мнѣ извѣстно это изъ вѣрнаго источника, — сказалъ Берканьи:—и я могу добавить, что баронъ ѣдетъ сюда по приглашенію Іеронима, который съ нетерпѣніемъ ожидаетъ извѣстій о положеніи дѣлъ въ Пруссіи и тамошнемъ движеніи. Хотя трудно встрѣтить человѣка, который писалъ бы такія подробныя и точныя донесенія, какъ посланникъ, но король находитъ ихъ недостаточными и надѣется получить отъ него еще большія свѣдѣнія при личномъ свиданіи. Вы знакомы съ нимъ?

— Я встрѣчалъ его въ обществѣ еще въ то время, когда онъ былъ простымъ каноникомъ. Это высокій, худощавый господинъ... и, скажу вамъ по секрету, отчаянный игрокъ и круглый невѣжа, хотя получаетъ громадное жалованье...

— Ему выдаютъ ежегодно 40,000 франковъ на непредвидѣнные расходы,—замѣтилъ Берканьи.

— Кромѣ жалованья въ 170,000 франковъ!—воскликнулъ Мальхъ раздраженнымъ тономъ.

— Но, всетаки, намъ не приходится завидовать ему,—возразилъ съ улыбкой Берканьи.—Онъ не только въ полной зависимости отъ нашего короля, но долженъ исполнять приказанія Наполеона и даже маршала Даву...

— Не найдете ли вы нужнымъ сообщить посланнику ваши подозрѣнія относительно политической неблагонадежности Бюлова?—спросилъ Мальхъ.—Весьма возможно, что баронъ фонъ-Линденъ уже имѣетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о сношеніяхъ Бюлова съ Пруссіей и, конечно, не замедлитъ донести о нихъ королю. Если же онъ узнаетъ объ этомъ отъ насъ, то почувствуетъ себя сконфуженнымъ и передастъ наши слова въ преувеличенномъ видѣ, что̀ было бы всего желательнѣе.

— Ma foi, вы поражаете меня своимъ знаніемъ людей!—воскликнулъ генералъ-директоръ полиціи, дружески пожимая руку своему сообщнику.—Но такъ какъ вы знакомы съ посланникомъ и болѣе меня заинтересованы въ этомъ дѣлѣ, то возьмите на себя исполненіе придуманнаго вами манёвра. Я сведу васъ съ барономъ фонъ-Линденъ, вы переговорите съ нимъ, узнаете, какъ онъ относится къ Бюлову, а затѣмъ уже передадите ему наши подозрѣнія... Однако мнѣ пора идти. Au plaisir de vous revoir!

Съ этими словами Берканьи поспѣшно удалился. Мальхъ подошелъ къ окну и задумчиво смотрѣлъ вслѣдъ за отъѣхавшимъ экипажемъ. Его завѣтная мечта сдѣлаться министромъ финансовъ казалась ему теперь болѣе осуществимой, нежели когда либо: онъ перебиралъ въ умѣ различныя сложныя операціи, съ помощью которыхъ надѣялся поправить разстроенные финансы Вестфаліи. У него не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ этомъ отношеніи онъ далеко превзойдетъ Бюлова.

VIII.

Кабинетъ министра.

Германъ послѣ своего визита къ историку Миллеру цѣлую недѣлю просидѣлъ у себя дома за работой; но при тревожномъ состояніи духа онъ не могъ всецѣло сосредоточиться на ней. Печаль-

ная развязка отношеній къ Адели не переставала мучить его; въ то же время внимательное изученіе рѣчей друзей Платона навело его на мысль, что страсть и любовь имѣютъ между собой мало общаго, и что онъ ничего не чувствовалъ къ хорошенькой креолкѣ, кромѣ мимолетнаго увлеченія. Это сознаніе еще болѣе усиливало въ немъ желаніе испытать ту глубокую идеальную привязанность къ женщинѣ, о какой онъ мечталъ во времена своего студенчества. Научная работа, которая до этого доставляла ему только нравственное удовлетвореніе, теперь получила для него другаго рода интересъ; онъ увидѣлъ въ ней средство добиться прочнаго положенія въ свѣтѣ и законныхъ правъ на любовь.

При такомъ настроеніи духа, наука сама по себѣ стала казаться Герману слишкомъ сухой и безжизненной; въ немъ опять пробудилось стремленіе къ обществу; онъ сталъ чаще прежняго бывать у Гейстеровъ, не пропускалъ ни одного музыкальнаго вечера у Рейхардтовъ. Здѣсь онъ встрѣчалъ, большею частью, обычныхъ посѣтителей; и поэтому появленіе новаго гостя тотчасъ же привлекло его вниманіе.

— Васъ, кажется, интересуетъ: кто этотъ господинъ?—спросила его баронесса Бюловъ, съ которой онъ разговаривалъ въ это время.— Его фамилія Провансаль, это секретарь моего мужа и его другъ, хотите, я познакомлю васъ съ нимъ? Между вами много общаго, онъ, вѣроятно, понравится вамъ...

Затѣмъ баронесса, не дожидаясь отвѣта своего собесѣдника, подозвала Провансаля и, познакомивъ молодыхъ людей между собой, отошла отъ нихъ, чтобы не стѣснять ихъ своимъ присутствіемъ.

Провансаль былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, привлекательной наружности, средняго роста, съ блѣднымъ, смуглымъ лицомъ и задумчивыми карими глазами. Вѣжливый и деликатный въ обращеніи, онъ не отличался особенно блестящимъ умомъ, но былъ хорошо образованъ, начитанъ и по своей безукоризненной честности и знанію дѣла вполнѣ заслуживалъ то довѣріе, съ какимъ относился къ нему Бюловъ.

— Все, что я слышалъ о васъ, г. Тёйтлебенъ,—сказалъ Провансаль:—давно возбудило во мнѣ желаніе познакомиться съ вами. Министръ Бюловъ принимаетъ въ васъ самое живое участіе и пишетъ мнѣ, что если вы неособенно стремитесь къ научной дѣятельности, то онъ предлагаетъ вамъ службу въ нашемъ министерствѣ, гдѣ теперь идутъ преобразованія и будетъ увеличенъ штатъ.

Это неожиданное предложеніе озадачило Германа, такъ какъ шло въ разрѣзъ съ его мечтами о научной дѣятельности. Но лестное довѣріе министра и надежда скоро занять видное положеніе въ блестящемъ кассельскомъ обществѣ были на столько заманчивы, что онъ не рѣшился отвѣтить отказомъ и только выразилъ сомнѣніе

относительно своей пригодности къ государственной службѣ, при полномъ отсутствіи практическихъ свѣдѣній.

— Ваше недовѣріе къ себѣ можетъ служить мнѣ прямымъ упрекомъ, потому что я поступилъ въ министерство финансовъ еще съ меньшей подготовкой, нежели вы, — сказалъ Провансаль, — что же касается практическихъ свѣдѣній, то это дѣло навыка, а пока вы не освоитесь съ дѣлами, я всегда къ вашимъ услугамъ. Мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе, если вы навѣстите меня, или, вѣрнѣе сказать, сдѣлаете визитъ баронессѣ, потому что я живу у нихъ въ домѣ. Баронесса фонъ-Бюловъ не разъ выражала удивленіе, что вы никогда не зайдете къ ней.

Германъ былъ смущенъ этимъ лестнымъ для него приглашеніемъ и, пробормотавъ извиненіе, спросилъ, въ которомъ часу онъ можетъ явиться къ баронессѣ?

— Баронесса принимаетъ въ обычное время визитовъ, — сказалъ Провансаль: — а меня вы всегда застанете дома, между двѣнадцатью и часомъ утра...

Разговоръ молодыхъ людей прекратился, потому что къ нимъ подошла Луиза Рейхардтъ и пригласила Германа спѣть съ нею дуэтъ.

Предложеніе мѣста въ министерствѣ финансовъ застало Германа врасплохъ; теперь ему оставалось на выборъ: посвятить себя ученой дѣятельности или поступить на государственную службу. Отъ рѣшенія этого вопроса зависѣла вся его будущность и, хотя онъ не считалъ пока возможнымъ дать опредѣленный отвѣтъ секретарю Бюлова, но, тѣмъ не менѣе, черезъ день послѣ музыкальнаго вечера у Рейхардтовъ, собрался къ нему съ визитомъ.

Провансаль встрѣтилъ Германа съ изысканной вѣжливостью, но съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ чопорности, напоминавшей объ его бывшей пасторской профессіи. Онъ провелъ своего гостя въ кабинетъ министра. Это была большая, свѣтлая комната, комфортабельно устроенная, но которая съ перваго взгляда поражала строгой простотой убранства и всей обстановки. Боковая дверь вела въ канцелярію; налѣво отъ нея стоялъ большой письменный столъ краснаго дерева, направо—шкафъ съ книгами; у противоположной стѣны поставленъ былъ мягкій диванъ и нѣсколько креселъ. Надъ письменнымъ столомъ висѣлъ поясной портретъ Іеронима въ золотой рамѣ; стѣны были украшены различными пейзажами.

— Эта комната служитъ министру для работы и отдыха, — сказалъ Провансаль: — и онъ не любитъ, чтобы кто либо нарушалъ то или другое. Вы не найдете здѣсь ничего лишняго, каждая вещь имѣетъ опредѣленное назначеніе, начиная съ шкапиковъ на столѣ: въ правомъ хранятся наиболѣе важныя дѣловыя бумаги; въ лѣвомъ находится частная корреспонденція министра. Всѣ остальныя

бумаги распредѣлены у него по ящикамъ стола въ такомъ строгомъ порядкѣ, что ему никогда не приходится тратить время на поиски. Не смотря на близость канцеляріи, никто изъ служащихъ не смѣетъ явиться безъ зова, а вотъ эта потаенная дверь ведетъ въ комнаты баронессы; но она всегда умѣетъ выбрать время, когда войдти, не помѣшавъ занятіямъ своего супруга...

Провансаль, упомянувъ о баронессѣ, воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобы распространиться объ ея необыкновенныхъ достоинствахъ. Онъ, видимо, преклонялся передъ нею; легкій румянецъ, выступившій на его блѣдномъ лицѣ, показывалъ, что сердце его не осталось равнодушнымъ, и, что ему приходится выдерживать внутреннюю борьбу между чувствомъ и сознаніемъ долга. Затѣмъ, какъ бы опомнившись, онъ неожиданно прервалъ свою похвальную рѣчь и спросилъ Германа: не желаетъ ли онъ осмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ разныя отдѣленія министерства, чтобы наглядно познакомиться съ назначеніемъ каждаго изъ нихъ.

Германъ поспѣшилъ изъявить свое согласіе. Когда они проходили черезъ переднюю, Провансаль приказалъ слугѣ доложить о нихъ баронессѣ.

Нѣсколько минутъ спустя, потаенная дверь кабинета отворилась, и вошла баронесса Бюловъ, въ сопровожденіи доктора Гарниша, который казался сильно взволнованнымъ.

— Но гдѣ же эти господа?—воскликнула съ недоумѣніемъ баронесса.—На столѣ оставлена шляпа,—вѣроятно, они скоро вернутся: не подлежитъ сомнѣнію, что Провансаль не вытерпѣлъ и повелъ молодаго человѣка въ канцелярію, чтобы познакомить его съ дѣлами...

— Въ которыхъ онъ самъ ничего не смыслитъ,—замѣтилъ съ усмѣшкой Гарнишъ.

— Вы неисправимы, докторъ,—сказала баронесса строгимъ тономъ, который совершенно не гармонировалъ съ привѣтливымъ выраженіемъ ея добраго лица. Ласковая улыбка была на столько свойственна ея физіономіи, что не покидала ее даже въ тѣ минуты, когда баронесса дѣйствительно была недовольна, вслѣдствіе чего являлось невольное сомнѣніе: серьезно ли она сердится, или нѣтъ? Такъ было и теперь, хотя назойливое ухаживаніе Гарниша было крайне непріятно ей, и она не знала, какъ дать ему это почувствовать, не оскорбляя его.

Гарнишъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, у которыхъ любовь играла первую роль въ жизни; онъ готовъ былъ скорѣе лишиться паціентовъ, чѣмъ отказаться отъ нѣжныхъ отношеній. Онъ всего охотнѣе лѣчилъ дамъ и приписывалъ всѣ ихъ недуги сердечному неудовлетворенію, почему пользовался всякимъ случаемъ, чтобы явиться въ роли утѣшителя. Хотя въ этомъ отношеніи Гарнишъ нерѣдко терпѣлъ неудачи, но ничто не могло образумить его

или ослабить той самоувѣренности, съ какой онъ шелъ на приступъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

— Сдѣлайте одолженіе, садитесь, г. докторъ,—сказала баронесса.

— Но не иначе, какъ возлѣ васъ, если позволите,—сказалъ Гарнишъ, сдѣлавъ движеніе, чтобы подвести ее къ дивану.

— Не трудитесь,—возразила она съ улыбкой:—я найду себѣ мѣсто, а вы садитесь на диванъ, противъ портрета короля; быть можетъ, это заставитъ васъ держать себя нѣсколько приличнѣе.

Гарнишъ почтительно поклонился передъ портретомъ, затѣмъ сѣлъ на указанное мѣсто.

— Ваше желаніе исполнено, баронесса, я нахожусь теперь подъ присмотромъ выбраннаго вами монарха; но позвольте вамъ напомнить, что самъ Іоронимъ далеко не отличается строгостью нравовъ и своей смѣлой тактикой съ дамами можетъ ввести въ соблазнъ любаго изъ насъ...

— Это ни въ какомъ случаѣ не должно относиться къ намъ, докторъ! У насъ, конечно, найдутся болѣе серьезные интересы; на вашихъ рукахъ больные, меня заботитъ мужъ, который такъ заваленъ дѣлами, что я не знаю, надолго ли хватитъ у него силъ выносить подобную жизнь!

— Вотъ вы и проговорились, баронесса!—воскликнулъ Гарнишъ.—Ваша чрезмѣрная заботливость о мужѣ служитъ для меня вѣрнымъ симптомомъ душевнаго недуга... Какъ хотите, это ненормально, и вы должны лѣчиться у меня! Прежде всего, предписываю вамъ полное довѣріе ко мнѣ, а я, съ своей стороны, всецѣло преклоняюсь передъ тѣми совершенствами, какія нахожу въ васъ. Будьте самовластной повелительницей моего сердца, которое также требуетъ исцѣленія! Испробуйте его, постарайтесь быть благосклоннѣе ко мнѣ, и вы увидите, что всѣ заботы исчезнутъ сами собой!..

— Какъ вы добры, докторъ!—возразила она съ лукавой улыбкой.—Но мнѣ кажется, что предписанное вами лѣкарство, подѣйствуетъ только въ томъ случаѣ, если вы будете сообразоваться съ моими желаніями, или, говоря иначе, ваше поклоненіе можетъ быть пріятно мнѣ, на сколько оно соединено съ уваженіемъ.

— Прелестная женщина!—воскликнулъ съ восторгомъ Гарнишъ, дѣлая движеніе, чтобы обнять ее.

Она отстранила его рукой, и сказала серьёзнымъ тономъ:

— Вы забываетесь, г. докторъ!

— Простите,—возразилъ онъ и, взявъ ея руку, почтительно поцѣловалъ.

— Это также совершенно лишнее,—сказала она:—врачъ обязанъ щупать пульсъ больной, а не цѣловать ей руки... Но я слышу шаги, вѣроятно, эти господа идутъ сюда!

Гарнишъ былъ видимо смущенъ и торопливо пересѣлъ на другую сторону дивана.

— Боже мой, что съ вами, баронесса? Вы больны?—спросилъ Провансаль, пораженный блѣдностью ея лица, и при этомъ съ укоризной посмотрѣлъ на Гарниша.

— Нѣтъ, я здорова, благодарю васъ,—отвѣтила баронесса:—хотя уходъ за больнымъ ребенкомъ дѣйствительно утомилъ меня.

Затѣмъ она любезно поздоровалась съ Германомъ и выразила удовольствіе, что, наконецъ, видитъ его у себя.

— Мой мужъ принимаетъ въ васъ самое живое участіе, г. Тейтлебенъ,—добавила она.—Но, прошу васъ, садитесь, господа!

— Скоро ли вернется министръ?—спросилъ Гарнишъ.

— Мы ждемъ его со дня на день,—отвѣтила баронесса.—Время рейхстага приближается, онъ не можетъ долѣе откладывать своего пріѣзда... На его имя получена цѣлая масса писемъ...

— Какія вѣсти изъ Берлина?—спросилъ опять Гарнишъ.

— Неособенно утѣшительныя,—отвѣтила баронесса:—такъ какъ пока дѣла идутъ плохо. Но одно можетъ радовать насъ, какъ пишетъ мнѣ моя пріятельница, что люди, стоящіе во главѣ движенія, какъ Фихте и Шлейермахеръ, не падаютъ духомъ и поддерживаютъ надежду на лучшую будущность. По слухамъ, много военныхъ и даже государственные сановники вступили въ союзъ, такъ что можно надѣяться, что приступятъ къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

— Это несомнѣнно произведетъ больше впечатлѣнія, нежели все, что было сказано съ церковной и университетской кафедры,—сказалъ Гарнишъ.—Замѣчательно, что всѣ надежды патріотовъ связаны съ Пруссіей: отъ нея ждутъ возстановленія Германіи! Въ этомъ обломкѣ монархіи все еще сохранилась духовная сила, и народъ одаренъ военными способностями, чего мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ изъ государствъ Германіи..

— Но вездѣ господствуетъ одна идея,—возразилъ Провансаль,—и у всѣхъ одно желаніе посвятить себя дѣлу освобожденія родины!

При этихъ словахъ задумчивый взглядъ молодаго человѣка остановился на баронессѣ, какъ будто сказанное имъ относилось къ ней одной.

Она была сконфужена и возразила съ улыбкой:

— Я считаю своимъ долгомъ посовѣтовать вамъ, мсьё Провансаль, чтобы вы были осторожнѣе въ выраженіяхъ. Конечно, здѣсь, между друзьями, ничто не мѣшаетъ вамъ говорить безъ стѣсненія; но если такія мысли будутъ высказаны вами при незнакомыхъ людяхъ, то это можетъ имѣть дурныя послѣдствія! Вы служите у моего мужа, у него много враговъ, которые не замед-

